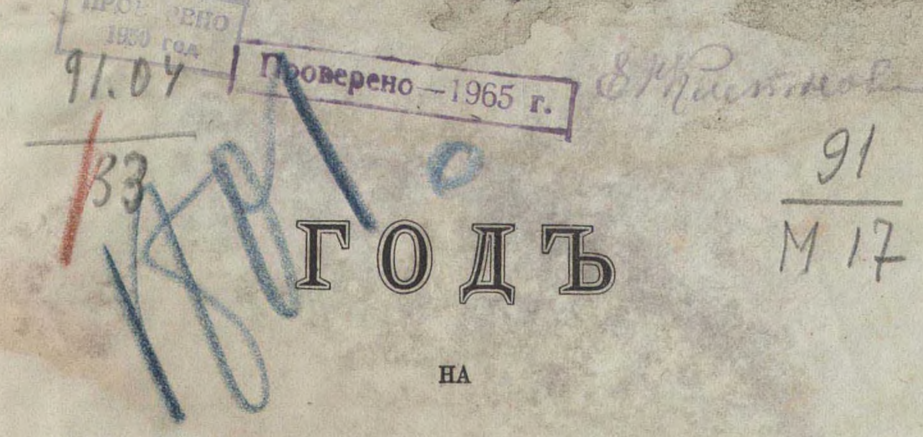
С. Максимовъ

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ



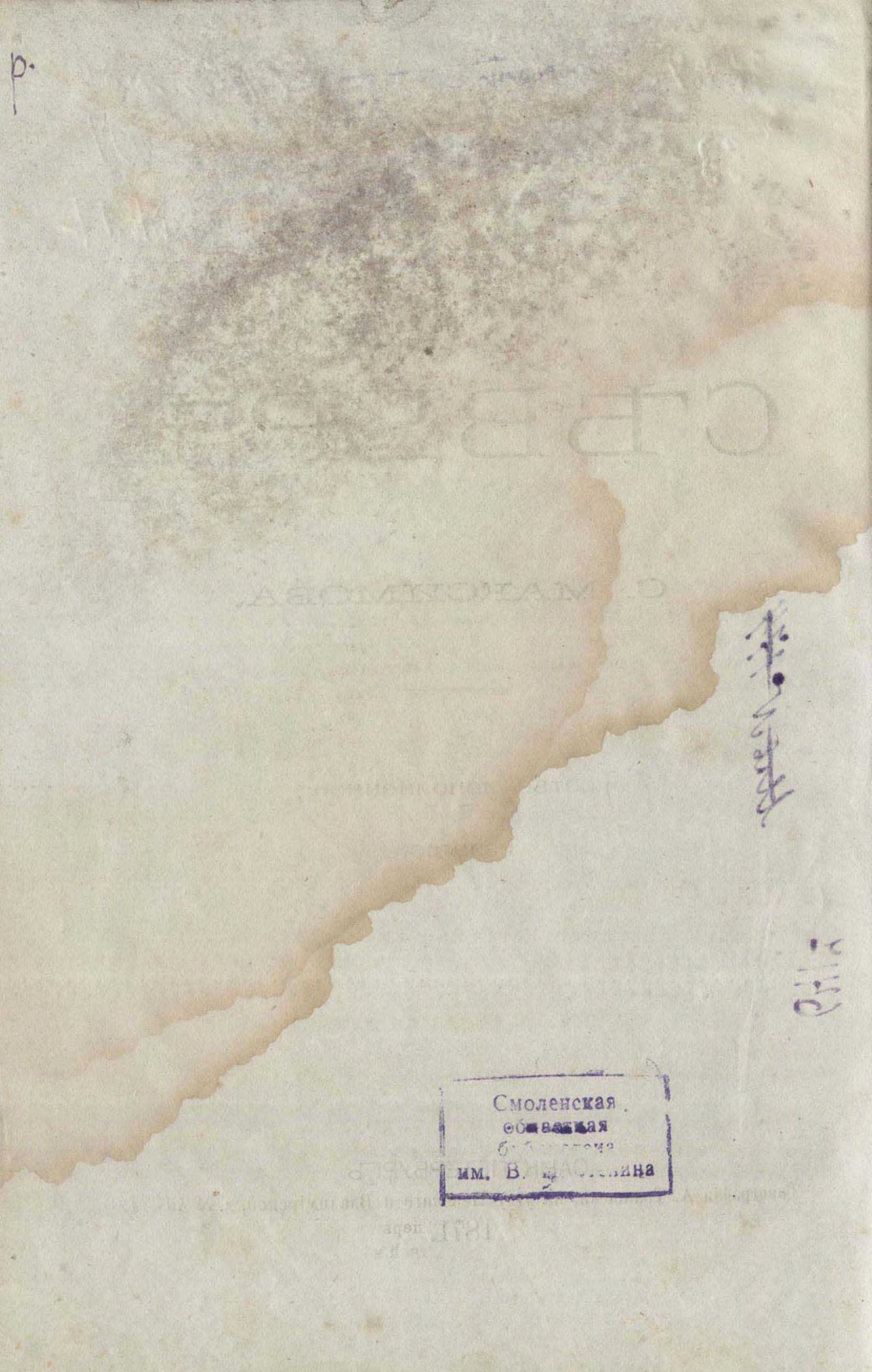
ГОДЪ
НА
СѢВЕРѢ

С. МАКСИМОВА.

Третье дополненное

изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Траншеля, на углу Невскаго и Владимірской, д. № 45 — 1.
1871.



Е. Н. Кастычева
26/1914 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНІЙ И МЕЗЕНСКОЙ.

II.

БЕРЕГЪ КАНИНСКОЙ.

III.

БЕРЕГА: ЛѢТНІЙ И ОНЕЖСКІЙ.

IV.

НА ШКУНѢ.

V.

ПОѢЗДКА ВЪ СОЛОВЕЦКОЙ МОНАСТЫРЬ.

VI.

КОРЕЛЬСКОЙ БЕРЕГЪ.

VII.

КОЛА.

VIII.

МУРМАНЪ.

IX.

ТЕРСКОЙ БЕРЕГЪ БѢЛАГО МОРЯ.

X.

ПОМОРЬЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I.

ПОѢЗДКА НА ПЕЧОРУ.

1. Тайбола.

2. Усть-Цыльма.

3. Пустозерскъ.

4. Новоземельскіе моржовые промыслы.

(*Разсказы стариковъ*).

5. Село Ижма.

6. Тундра.

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БѢЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

БѢЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНІЙ И МЕЗЕНСКОЙ.

Общій физическій видъ этихъ береговъ. — Городъ Мезень и его исторія. — Первыя впечатлѣнія города. — Бесѣды съ туземцами объ обычаяхъ домашной и общественной жизни. — Гаврило Васильичъ — Моя поѣздка въ село Долгощелье и въ деревушку Сёмжу. — Ѣздовые олени. — Подробности промысловъ за морскими звѣрями. — Крупная порода тюленей; способы ихъ ловли. — Промыселъ выволочной. — Примѣты. — Морская цынга. — Уродливость тюленьяго рода.

Сѣверо-восточный берегъ Двинскаго залива и юго-восточный берегъ Горла до устья Мезенскаго залива Бѣлаго моря издавна носитъ названіе Зимняго берега и по картамъ, и на языкѣ туземцовъ . Не имѣя ни одной значительной величины губы, «берегъ этотъ (по словамъ автора «Гидрографическаго описанія сѣвернаго берега Россіи», г. Рейнеке, песчано-землистый съ небольшими глинистыми прикрутостями, саженъ до десяти высотою, имѣющими низменную подошву: *заплескъ* или *забережье*; отлогой берегъ около краевъ покрытъ песчаными холмами. Примѣчательнѣйшая изъ прикрутостей находится при сѣверномъ краѣ Двинскаго залива, на заворотѣ Зимняго берега, и называется *Зимними горами* *) Этотъ утесъ, до 40 или 50 саженъ

---

*) Въ нихъ обыватели деревни Мудюги выламываютъ плиты (до 4 футовъ въ діаметрѣ и 1 ф. толщиною) точильнаго камня. Плиты эти продаются въ Архангельскѣ по 1½ руб. сер. за камень.

высотою, состоитъ изъ зеленоватой глины и мѣстами прорѣзанъ горизонтальными слоями песчаника. Надъ нимъ пологія горы, до 20 саженъ высотою, разрѣзаны нѣсколькими оврагами. Въ прочихъ мѣстахъ отъ устья Двины до Мезенскаго залива хребетъ прибрежныхъ горъ не выше 30 саженъ; онъ покрытъ разнаго рода лѣсомъ, который къ сѣверу постепенно рѣдѣетъ и около рѣки Майды переходитъ въ кустарникъ.

Несмотря на грозное прозваніе горъ растительность ихъ напоминаетъ о югѣ: природа какъ бы истощаетъ послѣднія силы для того, чтобы оживить страну и показать свое могущество. Если море здѣсь не такъ богато и даетъ напр. только двустворчатыя раковины, въ которыхъ продаются сухія краски, и только эти раковины,—за то на юго-западныхъ покатостяхъ горъ красуются роскошные піоны вышиною въ четыре фута, акониты (борцы) представляются на этихъ скатахъ въ густой зелени, съ листьями въ полтора фута въ діаметрѣ. Но это прощальный взглядъ природы, послѣдняя улыбка ея: передъ смертью она еще пестритъ голову свою на покатости горъ красивыми цвѣтами дикой розы и нѣжными голубыми гроздьями болдырьяна. Но еще шагъ на сѣверъ, — и все мертво и безцвѣтно. Къ берегу моря низкіе лѣса смѣняютъ эти полуюжныя растенія. Море выбросило на берегъ только то, что оно долго носило по волнамъ своимъ: истертое, измятое и видоизмѣненное совершенно. Даже можжевельникъ, который растетъ на сухой и безплодной почвѣ, имѣетъ здѣсь жолто-зеленой, болѣзненный видъ. Ширина березки втрое превосходитъ высоту.

Жители этого берега—потомки первыхъ поселенцовъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, новгородцовъ — издавна пріобрѣтаютъ средства къ своему существованію преимущественно въ промыслѣ морскаго звѣря. Средоточіемъ этихъ промысловъ можно считать прибрежья Мезенскаго залива, и именно городъ Мезень и сосѣднія съ нимъ селенія, въ особенности село Долгощелье и деревню Сёмжу. Такъ говорятъ факты; къ тому же приводятъ и результаты личныхъ внимательныхъ наблюденій. Обращаюсь къ послѣднимъ.

Городокъ Мезень нашолъ я, въ срединѣ ноября мѣсяца 1856 года, уже закиданнымъ глубокими снѣгами, давшими мнѣ возможность, при крѣпкихъ, постоянныхъ морозахъ, проѣхать по тундрѣ изъ Пинеги на Кулой прямо, не дѣлая огромнаго крюка

по такъ называемой Нижной Тайболѣ. Хуже плохаго села нашихъ великорусскихъ губерній глядѣлъ этотъ дальный городокъ, случайно превратившійся изъ бѣдной слободы Окладниковой въ уѣздный городъ Архангельской губерніи. До сихъ еще поръ, правда, городъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Слободы Большой (въ отличіе отъ Малой Слободы — печорской Усть-Цыльмы); до сихъ еще поръ великъ тотъ пустырь, незастроенный домами, который отдѣляетъ ближайшую къ Окладниковой слободу Кузнецову, долженствующую входить въ черту города Мезени, названнаго такъ по рѣкѣ, протекающей возлѣ; до сихъ еще поръ свѣжо въ народѣ историческое преданіе о первоначальномъ заселеніи мѣста, занимаемаго теперь городомъ. Два новгородца—Окладниковъ и Филатовъ—явились первыми къ устью рѣки Мезени и первыми положили здѣсь начало заселеніямъ: одинъ тамъ, гдѣ теперь городъ Мезень, другой выселился ближе къ морю, туда, гдѣ теперь раскинулась деревушка Сёмжа. Оба новгородца явились съ семьями и съ доброю волею противостоять негостепріимному климату и всевозможнымъ лишеніямъ и—оба устояли. И тотъ, и другой заручились грамотами Грознаго Царя и правами «копити на великаго государя слободы и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и съ сокольихъ и кречатьихъ садбищъ давати съ году на годъ великому князю оброки». Окладниковъ явился на новое мѣсто своего жительства съ пятью сыновьями и съ иконою Нерукотвореннаго Спаса. Икона эта долгое время переходила отъ одного лица къ другому, пока не сберeглась въ рукахъ какого-то безвѣстнаго отшельника, жившаго въ пустынькѣ на морскомъ берегу при устьѣ рѣки Хорговки, и пока не была перенесена отсюда (въ 1663 году) въ Спасскую церковь Кузнецовой слободки. Копились между тѣмъ годы и десятки лѣтъ на столѣтія, копились и обѣ слободки на государей, вблизи *Студенаго моря окіяна*. При царѣ Михаилѣ въ Окладникову слободу наѣзжалъ уже кевродьской воевода, для сбора подати съ туземцевъ и ясака съ самоѣдовъ. Самоѣды въ опредѣленное время приходили сюда и издавна уже имѣли по близости (въ 20 верстахъ, по дорогѣ въ Канинскую тундру, на мѣстѣ, носящемъ названіе Кузьмина перелѣска) главное свое мольбище. Въ немъ, въ 1825 году, сожжено было миссіонерами болѣе ста идоловъ и разрушено обширное требище. Въ 1703 году строилась въ слободѣ церковь

Богоявленія; въ 1718—другая церковь, Рождества Богородицы; вскорѣ затѣмъ поставлены были въ разныхъ мѣстахъ девять крестовъ (свято хранимыхъ въ настоящее время) въ память объ жестокой зимѣ, стоявшей до 24 мая, когда едва не вымерзло все живущее въ городѣ. Въ 1736 году привезена была въ Окладникову слободу, отдѣльная отъ кеврольской, воеводская канцелярія капитаномъ Степаномъ Нѣмецкимъ; въ 1780 году обѣ слободы (Кузнецова и Окладникова) по рѣкѣ названы городомъ Мезенью и получили въ гербъ красную лисицу въ серебряномъ полѣ; а въ 1808 году жители вновь-нарѣчоннаго города потерпѣли новое бѣдствіе отъ сильнаго разлитія рѣки и разбрелись бы по сосѣднимъ селеніямъ, если бы правительство не выдало имъ пособія въ 10,000 руб. асс. Бѣглыми изъ Сибири и остроговъ, преступниками и московскими и другими раскольниками населились ближайшіе къ Мезени лѣса и селенія, и стоитъ теперь уѣздной городъ Мезень, обложившись множествомъ большихъ и малыхъ деревень и неудобною къ обитанію тундрою, со своимъ уѣздомъ, больше котораго по пространству и меньше по населенности нѣтъ уже на всемъ громадномъ протяженіи Великой Россіи.

Вотъ, такимъ образомъ, все бѣдное событіями прошедшее города Мезени, который мрачно глядитъ теперь своими полуразрушенными домами, своими полусгнившими, непочиненными церквами. Ряды домовъ, брошенныхъ безъ всякой симметріи и порядка, наводятъ тоску; всѣ почти дома пошатнулись на сторону и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже надломились по серединѣ и покосились въ противоположныя стороны; съѣзды, выходящіе, по обыкновенію всѣхъ русскихъ деревень, на улицу, здѣсь обломились и погнили; ворота, которыя давно когда-то, можетъ быть, выпускали на эти съѣзды бойкую лошадку изъ (уничтожившейся уже въ настоящее время) породы мезенокъ, какъ-то глупо, безцѣльно торчатъ высоко подъ крышей и наглухо заколочены; навѣсы надъ длинными задворьями обломились, и самыя стѣны этихъ дворовъ рухнули, сгнили, а можетъ быть, и истреблены въ топливѣ. Мостки подлѣ домовъ также погнили и, не поправленные, провалились; мосты по улицамъ тоже не менѣе тоскливаго вида и безцѣльнаго существованія. Банями глядятъ домы бѣдняковъ, остатками мамаева разгрома—дома болѣе достаточныхъ; но—три кабака новенькихъ; но каз-

начейство, на этотъ разъ, выстроенное за городомъ, непремѣнно каменное, и два-три дома, вѣроятно, туземныхъ монополистовъ, съ расписанными ставнями, съ тесовой обшивкой, съ длиннымъ и крытымъ дворомъ позади. По улицамъ бродятъ съ саночками самоѣдки, съ дѣтьми въ рваныхъ малицахъ, вышедшія отъ крайной скудости *на ѣдому*; изъ туземцовъ не видать ни души: можетъ быть, холодъ, закрутившій 28 градусами, тому причиной; можетъ быть, нѣтъ никого дома и всѣ на промыслахъ...

Но говорунья старушка-хозяйка, явившаяся въ дырявомъ крашенинномъ сарафанѣ и доставшая мнѣ самоваръ у сосѣдей, говоритъ, что промысламъ теперь быть не время: еще-де Никола не пришолъ.

— Гдѣ же большаки ваши, мѣщане мезенскіе?

— Да вишь у насъ теперь ярмарка...

— Гдѣ же она? не видать ни народу, не слыхать ни шуму, ни крику. Это что-ли, бабушка, торговцы-то?

Въ окно видны бѣгущіе по улицѣ цѣлые аргиши: множество оленьихъ санокъ, однѣ за другими, нагруженныя обледенѣлыми бочками.

— Это пустозера, отвѣчаетъ хозяйка: — на Никольску на Волокъ (въ Пинегу) ладятся... съ рыбой и со всячиной. Эти у насъ и возовъ не развязываютъ.

— Гдѣ же ваша-то ярмарка?

— А нашей не видать: по домамъ торгуютъ; коё свои же, кто съ достаткомъ, коё съ Волока наѣзжаютъ. Человѣкъ съ пятокъ есть-ли полно всѣхъ-то торговыхъ?

— А народъ-отъ гдѣ, бабушка? никого не видать.

— Повремени: можетъ, кто и пройдетъ.

— Нѣтъ, бабушка, скученъ вашъ городъ, бѣденъ...

— Да ужъ и захотѣлъ ты отъ нашей слободы!

— Хуже, хозяюшка, я и городовъ не видывалъ, а проѣхалъ на вѣку своемъ больше сотни.

— Задвённая сторона наша, задвённая, желанной! Къ морю сѣли близко, хлѣбушко не родится; что въ морѣ упромыслимъ, то и наше: времена-то вишь нонѣ крѣпко-тугія. Эдакихъ, кажись, никогда не бывало.

— Отчего же такъ, бабушка?

— Да вишь аглечькой въ лѣтошной годъ приходилъ—баловалъ шибко; много онъ на насъ напустилъ напастей всякихъ...

— А вѣдь онъ къ Мезени вашей не подходилъ...

— Не подходить-то не подходилъ; это слово твое вѣрно. Въ губѣ вишь онъ стоялъ: рѣка знать его наша не подпустила. Мелководна вѣдь она у насъ, продти-то ему знать не подсилу было. А все же таки, родимой мой...

Старуха замолчала и подперлась локоткомъ.

— Чего, бабушка?—подстрекнулъ я.

— Не пускалъ онъ, родимой, въ море-то не пускалъ: промысла-то и затянулись, да года на два промысла-то наши затянулись! Стоитъ онъ—рожонъ ему вострой!—а прибыли намъ оттого никакой нѣту: ну и исхудали, измаялись временемъ тѣмъ.

— Чѣмъ же жили-то вы, бабушка, во все это время, питались чѣмъ?

— Да сёмушку въ рѣкѣ ловили, навагу опять, тѣмъ и питались. Рыбинка-то аглечькова тоже не слушалась; ее-то ему не пропустить нельзя было. Противъ божьяго соизволенія не пойдешь. Рыбинку-то *онъ* и пропустилъ къ намъ, *стрѣлье* бы ему въ бока его басурманскіе!—право, окаянному!..

— Не хочешь ли вотъ лучше чайку, бабушка? что браниться-то: прошлаго вѣдь—сказано—не воротишь.

— Правда твоя, батюшко, правда! А на чайку на твоемъ благодарствую.

— Что же такъ, хозяюшка?

— Да я вѣдь изъ мірскихъ-то чашекъ не пью. Велишь, по свою сбѣгаю внизъ?

— Сдѣлай милость. Посидимъ—потолкуемъ!

И эта хозяйка, какъ и много другихъ на лѣтнемъ пути моемъ, оказалась чашницой.

— Не пью я съ мірскими-то, говорила она мнѣ, вернувшись. Не пью по родительскому по завѣту, какъ вотъ себя ни помню. Такъ и малолѣткой учили. Я вѣдь и все остальное — правдой тебѣ говорить надо—по старинѣ правлю.

— Что же еще-то такое ты по старинѣ правишь?

— А вотъ старымъ крестомъ крещусь... экимъ.

И старуха сложила на перстахъ аввакумовскій, дониконовскій крестъ.

— Ну, а еще-то что же, бабушка?

— А еще-то?—да что тебѣ еще-то? Ну, по старымъ книгамъ молитвы творю, по утрамъ и по вечерамъ ста по три началъ кладу...

— Ну, а дальше?

— Чего тебѣ еще дальше-то? все тутъ! Дальше тебѣ и сказывать нечего — по старой вѣрѣ, на старомъ крестѣ живу — вотъ тебѣ и все тутъ! Только мы живемъ-то ужъ очень нужно: наготы да босоты изувѣшены шесты...

— Аглечькой-то насъ ужъ очень обидѣлъ: старуха тебѣ правду сказываетъ! — перебилъ ее явившійся къ нашему чаю хозяинъ, съ поразительно болѣзненнымъ лицомъ, худой и словно убитый тяжолымъ горемъ.

— Отчего ты такой блѣдный, хозяинъ?

— А все не могу: икота долитъ.

— И у васъ она водится, какъ и въ Пинегѣ?

— Въ какомъ мѣстѣ злаго человѣка нѣту? самъ разсуди! Нагонитъ онъ тебѣ по злости скорбь какую, и вѣдайся съ ней, и долитъ она тебя, мучаетъ. Вотъ подойдетъ и у меня къ сердечушку-то и начнетъ глодать его, что и свѣтъ-отъ въ очахъ помутится...

— Ругаешься на ту пору самыми такими неладными словами, что въ явѣ-то и на умъ не взойдетъ, перебила хозяйка. Начнешь ты: охъ-охъ! да ой-ой! и всякими такими звѣриными голосами заговоритъ въ тебѣ нечистой. Отъ него вѣдь это сердечушко-то больно-надрывно! За душу-то, одначе, не трогаетъ, не смѣетъ—стало...

— У меня такъ и за душу беретъ, беретъ окаянной!—перебилъ рѣчь старухи, въ свою очередь, хозяинъ.

— У тебя вѣдь съ вѣтру, сынокъ! это ты не сумлѣвайся: я ужъ тебѣ давно это сказывала.

— Да вотъ такъ и гляди по вѣтру! а по мнѣ, по слѣду, по слѣду оно и есть, отвѣтилъ хозяинъ на замѣчаніе матери.

Но эта не слушала его и продолжала свое:

— У иныхъ такъ, слышь, и на человѣка-то на того по молитвѣ указываетъ, который порчу-то напустилъ по наукѣ, али по злобѣ. По имени и человѣка того называетъ и деревню его сказываетъ. Рѣдко же, однако, эдакъ, больше все втай, потому какъ дѣло оно отъ лукаваго—нечисто и есть оно отнынѣ и до вѣка!

— Аминь! матушка, закончилъ хозяинъ. — Гостю вѣдь и отдохнуть надо послѣ дороги. Поизморился же чай, поизмялся: дороги-то вѣдь наши тотъ же нечистой прокладывалъ. Пойдемъ-ко!

Вотъ памятныя, самыя первыя впечатлѣнія мои по пріѣздѣ въ Мезень, тоскливѣе которой дѣйствительно я не встрѣчалъ во всѣхъ своихъ шестилѣтнихъ долгихъ и дальныхъ странствіяхъ по Великороссіи. Жалка своимъ видомъ давно покинутая Онега, но Мезень несравненно жалче и печальнѣе, хотя и имѣетъ много сходнаго въ частностяхъ съ другими уѣздными городами: согласное, живущее дружно и угощающее другъ-друга сытно и много общество чиновниковъ. Среди ихъ, по обыкновенію, принадлежитъ первое мѣсто разбитнымъ, усатымъ господамъ, съ размашистыми, лошадиными манерами, съ волосами, стрижеными въ кружокъ, по-русски, которые всегда оказываются винными управляющими или ревизорами, и последнее мѣсто—жалкимъ, загнаннымъ, робкимъ учителямъ уѣзднаго училища, находящимъ все свое развлеченіе и наслажденіе въ танцахъ, если гдѣ таковыя затѣваются. Въ Мезени танцовъ нѣтъ; карты, и еще карты поглотили тамъ все свободное отъ службы время. Женское населеніе изъ чиновнаго класса, по обыкновенію, также застѣнчиво, также дико смотритъ и боязливо и неохотно говоритъ со всякимъ новымъ лицомъ, и также имѣетъ (всѣ поголовно) полное и неотъемлемое право на званіе хорошихъ, добросовѣстно-знающихъ свое дѣло хозяекъ... Впрочемъ, не до нихъ наше дѣло.

А между тѣмъ, дальнѣйшее знакомство мое съ Мезенью приноситъ съ собою немного утѣшительныхъ фактовъ. Говорятъ, что давно уже начались изъ здѣшнаго города частыя и довольно значительныя переселенія мѣщанъ на берега моря, особенно въ сторону Канина, что такимъ образомъ образовались уже тамъ многія селенія, какъ напр. Мгла, Несь и другія. Говорятъ, что городъ отсюда переводится въ Усть-Важку или въ Печорскую Ижму. Разсказываютъ, что недальше, какъ сегодняшною ночью, у пустозера, проѣзжавшаго за городомъ подъ хмѣлькомъ, въ аргишѣ, отвязали отъ санокъ трехъ оленей; что здѣсь, если хочешь жить домовито, запирайся покрѣпче и замки держи непорченные, не ржавые и не наружные, что на такое нечистое дѣло и здѣсь найдутся топоры и долота. Гово-

рятъ, что свадьбы здѣсь справлялись когда-то, въ давнія времена, широко и гульливо, что прежде обдаривали всѣхъ гостей, а теперь и изъ родныхъ-то не всякаго.

— Да и свадебъ-то вонъ что-то не слыхать совсѣмъ (разсказывала мнѣ хозяйка). Допрежь, въ досельные годы, все правили по отцовскимъ завѣтамъ: и заручене правили съ подарками: кто платкомъ, а кто деньгами. И деньги-то эти женихъ невѣстѣ клалъ въ долитую рюмку вина — большія. За рученьемъ, дня черезъ три, *почестной* столъ бывалъ у жениха въ дому: за почестнымъ столомъ невѣстина мать *хлѣбинами*—обѣдомъ своимъ—подчивала и хорошими подарками всякаго гостя одаривала. Нонѣ и сватанье-то не такое стало: нонѣ съ вечера *заручились* сами молодые промежъ себя, а на утро и подъ вѣнецъ пошли. Съѣдятъ въ этотъ день обѣдъ—да и дѣло въ конецъ. Прежде лучше было, не въ примѣръ лучше.

— А чѣмъ же, бабушка, лучше было?

— Да въ старые годы вотъ какъ было: идетъ сваха въ невѣстинъ домъ со своимъ сказомъ, придетъ—не садится и дальше матицы полатей пе заходитъ; сгребется руками за матицу, изъ рукъ ее не выпускаетъ: сказывай ей либо да, либо нѣтъ. И отказы бывали. А нонѣ рады-рады, коли женишокъ на дѣвку наклевался: бери ее вовсе, да поскорѣе, намъ-де съ ней по своей скудости нечего дѣлать...

— Что же дальше-то хозяюшка?

— Ну, вотъ сговорили. Дѣвку къ вѣнцу обряжать станутъ: придутъ дѣвушки — отпѣвать начнутъ. Сидитъ невѣста платкомъ накрыта, и плачь она не плачь, а слезы на глазахъ оказывай. Попоютъ дѣвушки—кончатъ, невѣста встанетъ съ мѣста, низкимъ поклономъ свою благодарность отдастъ. А пѣсни поютъ такія печальныя, что и со стороны жалость беретъ, слеза пробивается, вчужѣ сплачешь — такія *жалости* попадаются. Вѣрь ты мнѣ!

— Нонѣ, батюшка, продолжала старуха съ преглубокимъ вздохомъ:—нонѣ, родитель ты мой, у насъ и посѣдокъ не сбирается, и на масляницѣ съ горокъ не катаются. Все кинули, все бросили. И-и-хи-хи тошнехонько!

— Все вѣдь это, кормилецъ ты мой, отъ нужды отъ великія. Вонъ, сказываютъ, внизъ-то туды по Мезенѣ по рѣкѣ, кое-гдѣ, слышь, правятъ же все это. А у насъ ты и пѣсни ни-

какой не услышишь, какая она такая есть... Тяжолыя времена пали на нашу сторонушку задвённую; это передъ твоей милостью, какъ передъ Богомъ!

И все-таки послѣднія слова старухи были справедливы въ одномъ, хотя и подлежали еще большому сомнѣнію приводимыя ею причины. Въ этомъ случаѣ выручилъ меня, какъ и во всѣхъ другихъ, толковый старожилъ, человѣкъ грамотный, бывалый, зажиточной, прочитавшій на своемъ вѣку много книгъ и недуховнаго содержанія. Такихъ посылала мнѣ, впрочемъ, судьба почти въ каждомъ большомъ селеніи.

На этотъ разъ случай выпалъ такого рода. Былъ какой-то праздникъ; кажется, воскресенье. На углу церковной площадки, подлѣ кабака, стояла куча празднаго и праздничнаго народа. Лица у всѣхъ были такія плотныя, здоровыя; попадались рѣшительные красавцы съ правильно-обрисованными профилями, съ крѣпкимъ румянцомъ, съ густыми, пушистыми бородами. Всѣ одѣтые чучелами въ свои некрасивые, неуклюжіе совики и малицы; послѣднія покрыты были, по обыкновенію, прихотливо-пестрыми ситцевыми рубашками. Толпѣ этой было, видимо, очень весело: проѣдетъ ли самоѣдъ на оленяхъ — они осмѣютъ его, обругаютъ; пробѣжитъ ли собака, по обыкновенію большая, жолтая, хохлатая—они и на ея счотъ пустятъ свой смѣхъ и замѣчанія; никого и ничто не пропускали эти мезенцы безъ того, чтобы не поглумиться своими доморощенными остротами, не посмѣяться своимъ веселымъ, простосердечнымъ смѣхомъ.

— Весело же вамъ живется, Гаврило Васильичъ, замѣтилъ я моему гостю, явившемуся ко мнѣ по приглашенію.

— Это вы на счотъ чего же изволите говорить?

Гаврило Васильичъ долго живалъ въ Архангельскѣ на купеческихъ конторахъ и самъ хвалился умѣньемъ говорить со всякимъ: кого хочешь присылай.

— Да вотъ, видишь, какъ распоясались земляки-то твои, что стоятъ у питейнаго дома. Выпили, что ли?

— На что имъ выпить-то? на выпивку въ нашемъ городу найдешь ли и пять человѣкъ имущихъ. Эти не выпили: они такъ смѣются.

— Такъ, стало быть, живется вамъ весело?

— И этимъ не похвастаемся; спросите хоть ихъ же самихъ:

многаго хорошаго не скажутъ. Гляди, другой и щи-то лаптями хлебаетъ. А смѣются они оттого, что глупой народъ, дураки.

Гаврило Васильичъ какъ будто сердится.

— Нашему народу (продолжалъ онъ)—плеть надо, да хорошую, чтобы горохомъ вскакивалъ. Нашъ народъ (я буду говорить вамъ сущую правду) — лѣнтяй, такой лѣнтяй, что вотъ если заработалъ на годъ однимъ промысломъ, за другимъ не потянетъ руки и съ мѣста не подымется. А вотъ встанетъ на перепутьи-то, да и начнетъ гоготать: вѣдь это дѣло легче, споркое это дѣло, особенно съ голодухи! И добро бы ребята малые, али молодые, а то вѣдь у инаго борода въ лопату и вся сѣдая — и онъ туда же. Вотъ и вспомнишь пословицу: «борода-то молъ выросла, а ума съ накопыльникъ не вынесла». Къ нашому народу пословица эта, какъ лучше нельзя, подходитъ, и вотъ почему: приходили къ намъ англійскіе корабли, пугали, на промысла не выпускали изъ дому; ушли — мы два года прожили, съ голоду не померли, на то время и къ печито своей поприглядѣлись, полюбили ее, что мать родную. Стало замиренье, думаемъ: коли въ два года чортъ не съѣлъ—и этотъ третій какъ нибудь проваландаемъ, не лыкомъ же шиты. Сдумали мы это дѣло великое, да и на Мурманъ не пошли, и совѣтомъ положили во вѣки не ходить туда: далеко будто бы, да ужь очень много рыбы туда приходитъ, всю не выловишь; пущай тамъ кемскіе поморы свое дѣло правятъ, пущай ихъ. Когда-когда мы и на промысла-то ближніе за звѣремъ морскимъ соберемся—намъ вѣдь и это въ трудъ большой, хоть добрымъ уловомъ сутки въ трои заручаемся на цѣлый годъ. Объ этомъ мы не разсуждаемъ. Позови ты нашего мезенца въ покрутъ—ни за что не пойдетъ, оттого и крутимъ больше снизу, рѣчныхъ. А отчего нашъ нейдетъ? Оттого нейдетъ, что у него не столько наготы, сколько гордости всякой да чванства: я-де и самъ съ усамъ. А того не знаетъ словно, что держи, по пословицѣ, голову уклонну, а сердце покорно. Вотъ потому у другихъ нужда такая, что собаки ложки моютъ, спятъ на кулакѣ, а ихныя ты щи хоть кнутомъ хлещи: пузыря не вскочитъ. Вотъ что! И не съ сердцовъ все это говорю вамъ, или злобою какою пылаю. Я вѣдь и самъ здѣшной, и самъ въ нуждѣ живалъ, и самъ достатокъ свой не съ неба получилъ! А жаль народъ, жаль брата своего, ближняго. Нашъ народъ—здоровый народъ,

работной, изъ него можно выдѣлать такое дѣло, что весь край нашъ ухнетъ да диву дастся.

— Какое же, Гаврило Васильичъ?

— Да всякое, какое хочешь: отъ насъ первое судно и на Новую Землю шло; мы и пол-Мурмана обчищали; у насъ и суда сами строили, въ кемское поморье не кланялись; у насъ и лошади хорошія выростали и на весь край славу пустили; у насъ все свое—и хорошое свое—было. А теперь ничѣмъ-ничего; все пропало, все погибло отъ лѣности да отъ гордости:—Матерь Божья!..

Гаврило Васильичъ перекрестился три раза.

— Вы вотъ о морскихъ промыслахъ слышать желаете, поѣзжайте отсюда въ Сёмжу, да въ Долгую-Щель — здѣсь вамъ ничего не скажутъ. Поѣзжайте, поѣзжайте! Тамъ дѣло ведутъ по старому; тамъ народъ честной, народъ тамъ Богу работаетъ. За одного тамошнаго я вамъ всю нашу Мезень, со всѣми мозгами, отдамъ.

Я послушался Гаврила Васильича, нанялъ четверку оленей, завернулся въ теплые, хотя и тяжолые, совикъ и малицу и по пустыннымъ, снѣжнымъ полянамъ, черезъ пни и кочки прямикомъ, по рыхлому глубокому снѣгу, съѣздилъ на легонькихъ, но валкихъ саночкахъ сначала въ Сёмжу, а потомъ за рѣку Мезень и за сосновые лѣса въ село Долгощелье. Въ два съ половиной часа промчали меня легонькіе на ходу олени черезъ первое сорокаверстное пространство до Сёмжи, давши возможность увидѣть, что это—деревушка дворовъ въ пятнадцать, сбитыхъ въ кучу безъ особеннаго порядка, но ближе къ широкому устью рѣки Мезени, уже съ соленой водой и не замерзающему во всю зиму. На этотъ разъ морская вода сполнялась (начался приливъ) и вѣтеръ дулъ съ моря, NO, а потому все устье наполнено было льдомъ синимъ, весеннимъ; черезъ 6 часовъ убылая вода унесла этотъ ледъ назадъ и снова оголила чорную воду широкаго устья. Въ деревушкѣ деревянная церковь, но выкрытая тесомъ и покрашенная въ зеленую краску. Она, по обыкновенію всѣхъ поморскихъ церквей, освящена также во имя Святителя Николы, какъ бы въ бо́льшее подкрѣпленіе народной поговорки, которая давно уже и справедливо гласитъ, что «отъ Холмогоръ до Колы—тридцать-три Николы». Здѣсь же, между прочимъ, слышалъ я, что, при крѣпкихъ сѣ-

верныхъ вѣтрахъ, море нерѣдко выгоняетъ воду изъ рѣки на берега, топитъ и уноситъ стога, подступая къ деревушкѣ подъ самыя избныя стѣны. Это обстоятельство оправдывается тѣмъ, что теченіе прилива и отлива здѣсь продолжается дольше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ Бѣлаго моря (исключая только Св. Носа), а потому и возвышеніе прилива здѣсь наибольшее (отъ 20—22 футовъ). Причину этого явленія легко объясняютъ сильнымъ напоромъ приливной волны отъ сѣвера и стѣсненіемъ ея въ Горлѣ моря.

Село Долгая-Щель, расположенное на берегу рѣки Кулоя, въ 51 верстѣ отъ Мезени (прямикомъ черезъ болота и труднопроѣзжіе перелѣски на 4½ часа не слишкомъ быстрой ѣзды на оленяхъ), оказалось селеніемъ болѣе люднымъ (83 дома), чаще и красивѣе застроеннымъ двухъ-этажными избами, не разрушившимися, какъ въ г. Мезени, къ уѣзду котораго принадлежитъ село это. Въ старину оно приписано было къ Сійскому монастырю; теперь населено государственными крестьянами, которые, какъ видно на первыхъ же порахъ, живутъ достаточно: для наѣзжаго гостя нашлась у нихъ и рыба всякая, и чай, и сахаръ, и купленныя въ Архангельскѣ лакомства, въ родѣ кедровыхъ орѣшковъ, пшеничныхъ баранокъ и окаменѣлыхъ пшеничныхъ же пряниковъ. Щеляне сѣютъ ячмень (хотя и весьма незначительное число), ловятъ рыбу и въ Кулоѣ, и въ р. Сойнѣ, которая издавна дарована здѣшнымъ *крестьянамъ и сóенскимъ бобылямъ*. Послѣдніе, выселившись изъ Долгощелья, образовали новое селеніе — Сóену. Рыба, вылавливаемая въ этихъ рѣкахъ, и общая всему Мезенскому и дальному Канинскому берегу *нельма* (salmo nelma) не попадается уже нигдѣ на другихъ бѣломорскихъ прибрежьяхъ. Въ Печорскомъ краю она тоже не рѣдкость и вездѣ составляетъ лакомую, вкусную и здоровую пищу; мясо ея нѣжное и, посоленое, также пріятно, какъ и свѣжее. Заходя съ моря въ рѣки, она вылавливается здѣсь въ семожьи невода и вѣситъ иногда до пуда. Эта рыба лучшая изъ всѣхъ такъ называемыхъ бѣлорыбицъ и достоинствомъ своимъ далеко превосходитъ, напримѣръ, волжскую или уральскую бѣлорыбицу, хотя и у ней, какъ и у тѣхъ, такое же бѣлое мясо.

Какъ въ Сёмжѣ, такъ и въ Долгощельѣ нашлось нѣсколько словоохотливыхъ, бывалыхъ и знающихъ дѣло хозяевъ, которые

радушно разсказали мнѣ о многихъ подробностяхъ ловли морскаго звѣря. Разсказы ихъ пополнилъ мнѣ и во многомъ объяснилъ мой мезенскій собесѣдникъ Гаврила Васильичъ. Результатами этихъ разсказовъ, въ общей ихъ сводкѣ, спѣшу подѣлиться съ читателями.

Вотъ что сообщили мнѣ:

Съ первыми крутыми осенними вѣтрами: по востоку (O), полуношнику (NO) и сѣверу (N), у береговъ Бѣлаго моря, покрытаго уже большими ледяными припаями, начинаютъ показываться стада, *юрова лысей*, морскаго звѣря изъ породы тюленей, каковы: *нерьпа* или тюлень обыкновенный (Phoca vitulina), *лысунъ* или тюлень гренландскій (Phoca groenlandica), *морской заяцъ* (Phoca leporina) и, рѣже другихъ, *тевякъ* — тюлень съ конской головой (Phoca monachus). Плотно сбившимися въ кучи, въ отдѣльныя семьи, состоящія иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ звѣрей, гребутъ эти *кожи*, эти *юрова* изъ странъ приполюсныхъ или къ Мурманскому берегу, или въ Чешскую и Обскую губы океана. Значительное количество семей этихъ угребаетъ, черезъ Горло, и въ Бѣлое море въ прямомъ направленіи къ островамъ Соловецкимъ. Частію исканіе пищи (рыба по осеннимъ вѣтрамъ также спѣшитъ выплыть изъ океана въ море и его рѣки), частію наступающій періодъ соитія и дѣторожденія (чему способствуютъ огромные тороса верстъ по десяти протяженія, отрываемые отъ береговыхъ припаевъ и носимые по морю), частію, наконецъ, жажда покоя на безлюдьи и вдали отъ океанскаго шума и трѣска — влекутъ сюда всѣ эти стада дальнаго, сальнаго, барышнаго звѣря. Изрѣдка только высовывая свои чорныя головы на поверхность моря, и то для одного дыханія легкими, звѣри эти бо̀льшую часть времени проводятъ въ водѣ, гдѣ, какъ говорятъ, и совершаютъ они свой актъ соитія, *парятся* — говоря поморскимъ выраженіемъ втеченіе октября, ноября и первыхъ недѣль декабря. Тощіе съ виду, они въ это время на бѣломорской рыбѣ успѣваютъ откормиться и разжирѣть до того, что каждый звѣрь даетъ иногда до 10 пудовъ сала. Отъ Соловецкихъ островов, по окончаніи случки, всѣ звѣри, на сувоѣ, идущемъ по направленію Воронова мыса отъ Сосновца, и выждавши попутные, благопріятные вѣтры, гребутъ въ январѣ къ зимнему берегу на Кеды (имя деревни), гдѣ издавна мѣста тихія, мало населенныя, ста-

ло быть, удобныя къ дѣторожденію. Звѣри выбираютъ здѣсь самую большую и самую дальную отъ берега льдину, или самый дальный конецъ припая; и, при помощи переднихъ ластъ, выползаютъ на нихъ изъ воды. Тутъ самки, называемыя *утельгами*, мечутъ по одному, рѣдко по два дѣтеныша, называемыхъ *бѣлькáми*, по причинѣ бѣлой шерсти, которою они въ то время бываютъ покрыты *). «На Стрѣтеньевъ день — говорятъ поморы — льды *опятнаетъ* и звѣря на нихъ — что *пня въ лѣсу*». Послѣ дѣторожденія все юрово ложится обыкновенно на продолжительный отдыхъ, на залежку, и употребляетъ при этомъ весь инстинктъ, всѣ помыслы свои на то, чтобы защитить новое поколѣніе своей породы отъ нападеній врага. Для этого юрово обыкновенно размѣщается по льдинѣ такимъ образомъ, что въ серединѣ держатся бѣльки и утельги, а по сторонамъ, кругомъ ихъ, какъ бы стѣна или стража, ложатся самцы—лысуны. Съ другой стороны, звѣри, расположившись на залежкѣ и уткнувшись мордой въ льдину, начинаютъ оттаивать ее дыханіемъ своимъ и теплотой тѣла до того, что продуваютъ ее четверти на полторы, вплоть до воды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдушины эти звѣри оттаиваютъ и снизу, и потомъ уже черезъ нихъ выползаютъ на льдины. Процессъ этого продуванья многіе промышленники слышали сами (какъ увѣряли). Такимъ образомъ звѣри имѣютъ готовую, и всегда подъ бокомъ, прорубь, чрезъ которую легко и удобно могутъ спасаться въ водѣ при первомъ приближеніи злаго и безпощаднаго врага — человѣка. Въ это время бѣльки **) еще неспособны ходить въ воду: искусству этому учатъ матери, таская ихъ туда подъ своими ластами, во всѣ тѣ шесть недѣль, когда бѣлекъ превращается въ хохлушу. Бѣлая шерсть ихъ начинаетъ въ эту пору вываливаться хохлами; бѣльки тогда окончательно неспособны плавать, и потому матери сами стараются таскать дѣтенышей своихъ по льду, или чешутъ шерсть ихъ своими когтями, чтобы такимъ

---

*) Черезъ мѣсяцъ бѣлая шерсть выпадаетъ, мѣстами показывается чорными пятнами тѣло; бѣлекъ превращается въ *плѣханка*, и въ *келка*, когда шерсть его начнетъ дѣлаться сѣрою.

**) Они успѣваютъ, въ эти два мѣсяца, *нажить* пуда два сала, и это сало чистое, лучшее, въ сравненіи съ саломъ стариковъ; у тѣхъ оно *бардовато*, т. е. мутно.

образомъ ускорить появленіе естественнаго цвѣта шкуры, слегка серебристаго, изъ жолто-сѣраго. Это — *сѣрка.* Превращается она ко дню Благовѣщенья. Сѣрки уже могутъ плавать, природа уже наградила ихъ инстинктомъ постояннаго стремленія къ сѣверу, и потому небольшіе (въ нихъ отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ сала) звѣрки эти, тотчасъ послѣ преобразованія, спѣшатъ оставить родныя юрова и тоже стадами гребутъ въ Горло, и если ошибкою не попадутъ на гибель къ Терскому берегу, то угребаютъ въ океанъ. Оттуда, на будущій годъ, сѣрки эти приплываютъ уже *сѣрунáми*, которые, еще черезъ годъ, дѣлаются уже *лысунáми*, т. е. съ чорными полосами — *крыльями* — вдоль всего тѣла (утельги отличаются отъ самцовъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ этихъ *пластинъ*, полосъ или крыльевъ). Оставшіеся на Кедахъ сѣруны и лысуны съ значительно исхудавшими утельгами угребаютъ на отдыхъ, по первому попутному вѣтру, на льдины и торосà Мезенскаго залива, ближе къ устью рѣки Мезени. Здѣсь они уже ложатся *на дохъ*, какъ говорятъ промышленники; рѣдко уходятъ въ воду, и въ апрѣлѣ спѣшатъ также выбираться въ полярныя страны на все лѣто, если только не погибнутъ отъ руки промышленниковъ.

Соображаясь со всѣми обстоятельствами, мезенцы, т. е. койдяне, щеляне, сёмецкіе (изъ Сёмжи) и нѣкоторые слобожане (изъ города Мезени) три раза въ годъ выходятъ артелями на эти промыслы, которые у нихъ, смотря по времени и по способу ловли, носятъ слѣдующія названія: 1) *выволочной,* или *устинской*, или *загребной*, и 2) на *Кедахъ*.

Отправляясь на Кеды, въ мѣсто недальное (тамъ, гдѣ мысъ Вороновъ и гдѣ начинается заворотъ Мезенскаго залива), промышленники обыкновенно берутъ запасу на мѣсяцъ. Обязанность эта главнымъ образомъ лежитъ на хозяинѣ покрута или, по здѣшному, *ужны*, который и самъ всегда отправляется на мѣсто промысла вмѣстѣ съ работниками. Запасаются обыкновенно провизіею на 7 человѣкъ *), котломъ, ружьями, печкой (желѣзнымъ листомъ), баграми, лямками и дровами. Все это

---

*) На каждаго человѣка полагается: по три пуда печонаго хлѣба, по пуду *харчи*, т. е. масла, рыбы соленой, муки, кромѣ *буйна* (полотна и рогожъ), которымъ закрываются отъ погоды. Всего на лодку-осинку приходится пудовъ до 50.

складывается въ лодку *), которую обыкновенно тащатъ на лямкахъ работники или уженники **). Уженники, идущіе на своемъ содержаніи, т. е. безъ бахилъ (высокихъ кожаныхъ сапоговъ), совика и ружья хозяйскаго, получаютъ полную часть, т. е. восьмую изъ всего промысла, и напротивъ, покрученники, называемые обыкновенно половинщиками — 16-ю; треть шестнадцатой достается на долю мальчишекъ — недоростковъ. Хозяинъ беретъ себѣ за снарядъ все остальное: меньше, если всѣ пошли съ нимъ уженниками, и — гораздо больше, если пошли всѣ половинщиками; но онъ, во всякомъ случаѣ, съ большимъ залишкомъ окупаетъ весь снарядъ свой, обыкновенно стоющій рублей 30 сер., если не считать лодки, ружей, одежды и котла ***).

— Вотъ сказывали наши флюгарки долго полуношникомъ (NO вѣтромъ) отъ Сосновца (островъ въ горлѣ Бѣлаго моря), подходило дѣло это къ Стрѣтьеву дню, прошолъ этотъ праздникъ, мы долго не думаемъ на ту пору, сейчасъ на Кеды съ ружьями! — разсказывали мнѣ промышленники мезенскіе. Тысячи до полуторы народу на это время сбирается. Знаемъ ужъ мы это доточно, что наметали утельги бѣльковъ своихъ бѣленькихъ, словно серебряныхъ, чорноглазенькихъ такихъ, чистень-

---

*) Для этого промысла употребляются особаго рода небольшія лодки, называемыя *осинками*. Дѣлаютъ ихъ вчернѣ, т. е. выдалбливаютъ въ деревнѣ Берсзникѣ, вверхъ по рѣкѣ Мезени, но приспособляютъ къ дѣлу уже на мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно обшиваютъ ихъ еловыми досками; дѣлаютъ два набоя, внутрь кладутъ *опруги* (строганыя палки, пальца въ два толщиной) и прошиваютъ стяжками для того, чтобы не попортилась осина. Снизу пришиваютъ три креня (планки), для удобства перетаскиванья по льду. Кренья эти бываютъ еловые и сосновые. На устинскомъ промыслѣ идутъ въ дѣло осинки длиною до $3^1/_2$ саженъ и около 1 сажени ширины; на Кеды идутъ осинки поменьше ($2^3/_4$ саж. длиною и около 2 ар. шириною), потому что туда берутъ и самой провизіи поменьше. На устинскихъ промыслахъ, самыхъ богатыхъ, собирается такихъ осинокъ штукъ до полутораста.

**) Называются они такъ оттого, что вся провизія, взятая для нихъ,носитъ обыкновенно названіе *ужны*.

***) Часто на промыслы выѣзжаютъ на оленяхъ; тогда хозяинъ, крутившій ужну, беретъ себѣ $^1/_4$ часть съ каждаго человѣка, $^3/_4$ кладетъ за оленей. На этихъ оленяхъ обыкновенно провѣдываютъ, т. е. узнаютъ мѣста залежки юрова.

кихъ, гладенькихъ. Съ берега мы прямо на льдины идемъ и все свое брантовское богатство тащимъ: и лодку, и ружья, и котелки, и пищу — все до послѣдней крохи, потому что ужъ намъ на то время нѣтъ нужды въ промысловыхъ избахъ. На льдинахъ мы и огонекъ раскладываемъ, и кашицу тутъ себѣ варимъ, и спать тутъ ложимся; развѣ который ужъ боярской кости, такъ тотъ подъ лодку прячется. И ничего, благодаря Богу! — живы бываемъ: въ морѣ-то вѣдь потеплѣй на ту пору живетъ; на горѣ (т. е. на берегу) забористѣй. Такъ вотъ ладно же: постой! Выйдемъ на льдину, смѣкаемъ: коли звѣрь этотъ на глазъ чутокъ и на носъ свой тоже, что коли—молъ онъ духу человѣчьяго не терпитъ и видъ ему человѣка противенъ, мы его облукавимъ: на что и царь въ головѣ сидитъ; ладно!

— Надѣвай молъ, ребята, бѣлые совики, а у кого нѣтъ, такъ на малицы бѣлыя рубахи напяливай. Съ тѣмъ молъ подобіемъ снѣгу и дѣло дѣлать будемъ.

— Что же молъ, лукавой хозяинъ, ползти къ нимъ на колѣнкахъ придется?

— Да ужъ это молъ такъ, какъ и быть тому слѣдно.

— Ладно, сказываютъ, пополземъ. Дай-де только крестомъ осѣниться!

— Валяй молъ!

— И пополземъ подъ звѣря, по душу его по морскую. Кто ледяную доску противъ рожи-то своей на ту пору держитъ, кто чорную свою шапку за спиной прячетъ, кто за ропаками да стамухами (намерзшими стойкомъ льдинами) прячется. У всѣхъ въ рукахъ палки, у всѣхъ по ружью, у всѣхъ и колѣнки болятъ, и спину ломитъ. На это не гнѣваемся. Полземъ, значитъ, и ни единымъ словомъ не щолкнемъ, не перекинемся промежду себя, полземъ—знай все дальше, да ближе: и звѣря видимъ, на носу виситъ... подлѣ ногъ лежитъ и отдушинку подъ собой продуваетъ... И духъ они отъ себя даютъ такой нехорошой: — подъ себя, значитъ... Тутъ его по шаболѣ-то рѣзнешь, да къ другому идешь; первой готовъ и этотъ тоже. Большая залежка—другихъ рѣшаешь; ребята твои тамъ тоже смертоубивства творятъ. Хорошо это и сердцу весело! Одно не ладно, что большаго тутъ звѣря мало живетъ; весь, почитай, онъ на то время въ воду уходитъ, а лежитъ больше мелкота, *бѣлечки*. Этого звѣря мы

и не облукавливаемъ, и *хохлушъ* не обманываемъ, потому этотъ звѣрь отъ тебя никуда не уйдетъ. Плавать малой не умѣетъ; другая матка и спихнетъ котораго въ воду, а онъ все опять на льдину лѣзетъ; старики въ прорубь мечутся, а бѣлекъ отъ нее дальше; ему на ледъ бы да на матерое мѣсто! И лежитъ онъ передъ тобой въ полномъ ликѣ, не трогается, и словно бы что-то глупое, неподходящее думаетъ! То ли онъ матку выжидаетъ тутъ, чтобы пришла да покормила, то ли онъ человѣчей-то образъ любитъ, не спозналъ еще нашего брата за барышнаго человѣка. Господь его вѣдаетъ. Только мы этихъ бѣльковъ на Кедахъ много наколачиваемъ. А вотъ, какъ устанетъ рука, а звѣря много, мы изъ ружей ихъ бьемъ; а коли дошли до того, что звѣрь лежитъ весь полѣньями, а которой на утекъ пошолъ—мы и баста! Сейчасъ ножи изъ за поясовъ—свѣжуемъ. Строгаемъ сало въ лодку, шкурки почесть и не беремъ съ собой. Этотъ вѣдь промыселъ сальной, сказывать надо, не харавинной *). Такой-то промыселъ у насъ на устьи бываетъ до Конюшина мыса, *устинскимъ* зовемъ. Этотъ промыселъ большой, трудной; на этомъ промыслѣ не одинъ человѣкъ и головушкой своей рѣшалъ; тутъ не зѣвай; тутъ ты будь на вѣки умной человѣкъ, коли вернулся домой живымъ, непомятымъ. На этомъ промыслу хорошо, когда сильные вѣтры сопрутъ льдины къ берегу. Звѣрю тутъ выходу не бываетъ: бѣжать ему некуда, воды кругомъ нѣту **). Тутъ ужъ мы за ружья и не беремся, *хвóстяги* въ дѣло пускаемъ. А хвóстяга—это палка черемховая, длиной сажень съ локтемъ, и одинъ конецъ у ней толстой съ шишкой, а на другомъ багоръ съ крючкомъ да шиломъ. Когда набѣжимъ мы на юрово, да увидимъ перваго звѣря на глазахъ—хвостягой этой въ морду уснораваляемъ, а то, не попадешь—руки береги: зубы у нихъ превострые, да и

---

*) Т. е. не ради кожи: кожа не составляетъ цѣли промысла. Харавина—шкура убитыхъ звѣрей, идетъ въ продажу за границу и въ Россію для ранцевъ, для обивки дорожныхъ погребчиковъ. Здѣсь ее стелютъ нерѣдко на оленьихъ санкахъ.

**) Изъ болѣе замѣчательныхъ случаевъ этого рода памятенъ архангельскому народу особенно тотъ, который случился въ 1839 году, на Терскомъ берегу. Тогда убиты были варзужанами (жителями селъ Варзуги и Кузомени) цѣлыя тысячи звѣрей, принесшія имъ въ три дни барыша на 30,000 руб. асс.

щетинятся шибко, пугаютъ, хоть и рѣдки случаи такіе, чтобы укусили кого. А попадешь ты палкой звѣрю въ морду, то ладно—смерти онъ подъ твоей же рукой не минуетъ; хлипокъ же звѣрь этотъ, до того, слышь, хлипокъ, что одинъ выстанетъ и полѣзетъ къ тебѣ, такъ только по щекѣ ладонью дай раза пошибче—припляжетъ и морду воткнетъ въ снѣгъ—приколи его только. Другой, пожалуй, и тутъ лукавитъ, притворяется мертвымъ, а потомъ и побѣжитъ, да не шибко; этого мы въ задъ прикалываемъ. Съ тѣмъ и конецъ.

— Дѣла, на этомъ устинскомъ промыслу, хитрыя дѣла бываютъ, такія хитрыя, что только вотъ слушай:

— Звѣря-то мы этакъ окружимъ со всѣхъ сторонъ, льды морскіе пособятъ намъ, сопретъ ихъ вѣтрами—юрово видитъ дѣло пропащее, сейчасъ на хитрость. Одинъ взреветъ чисто, тонко, звонко; другой пристанетъ, третій, всѣ заголосятъ; этимъ ревомъ они словно вотъ что сказываютъ: «собирайся-де, други милые, въ одну кучу, съобща поведемъ защиту; полѣзай ты на меня, ты на меня; навалимъ большую кучу, да и понатужимся — можетъ, и проломимъ ледъ-отъ». Ну и лѣзутъ другъ на дружку, большія груды дѣлаютъ и пыхтятъ на ту пору, крѣпко пыхтятъ; слышимъ, силу-то свою останную собираютъ. Тутъ не зѣвай: коли, руби ихъ: въ кучѣ сподручнѣе! Не уснаровишься—проломятъ ледъ: бывало этакъ-то! И бей ты ихъ тутъ прямо въ голову, а сдѣлалъ которому *шавуй* (шавуйный ударъ — въ шею значитъ), замечется звѣрь и всѣхъ прочь разгонитъ. И тутъ ты ихъ никоими силами не остановишь: начнутъ забирать передомъ, да подхватывать задними ластами, что угорѣлые, и прямо къ морю, въ воду. А ластами они своими круто забираютъ: человѣку, хоть скороходъ онъ будь, не догнать. На этихъ, на устинскихъ промыслахъ, когда много народу, совсѣмъ война идетъ: кричимъ, ругаемся, деремся и всѣ наровятъ какъ бы впередъ попасть поскорѣй да подальше. Большое тутъ дѣло бываетъ, самое спѣшное: однажды въ сутки ѣдимъ, да и полуфунта хлѣба не съѣдаемъ: не хочется; ѣдимъ слегка, значитъ, по немногу. Тяжелѣе этого загребнаго нѣтъ; недѣли по три, по четыре земли не видишь. какая такая есть она! Боевой промыселъ, смертельный, трудной промыселъ—вѣрь ты Богу!..

— Набьемъ мы этакъ-то ихъ, наколотимъ: на мѣстѣ же тутъ

и свѣжуемъ. Шкуры свертываемъ трубкой (края закидываемъ и прижимаемъ ремнемъ) къ одному концу юрки (длинные ремни саженъ въ 20) привязываемъ, а другой конецъ юрки въ лодкѣ прицѣпляемъ, да такъ и спускаемъ въ воду. Конченое, значитъ, это дѣло. Счастливъ человѣкъ, коли живъ на берегъ вышелъ, и много денегъ тому архангельскіе купцы и за харавину и за сало дадутъ; только ты имъ сало на дому вытопи: безъ того не берутъ.

— При промыслѣ при этомъ есть вѣдь у насъ и примѣты разныя: сказывать—что ли?

— Какія же примѣты?

— Да вотъ: прибылая вода юрова эти къ берегу приноситъ, убылая отъ берегу несетъ въ голомя. Опять же западъ (W) и глубникъ (NW) наноситъ ихъ; шалоникъ (SW), лѣтній (S) и обѣдникъ (SO) относятъ въ океанъ.

— А еще-то что?

— А потянулъ вѣтеръ на Моржовецъ, не выходи въ море: отнесетъ и кожи пропадутъ на дальныхъ сувояхъ, да и ты самъ погибнешь: либо въ океанъ тебя вынесетъ, либо съ голоду на льдинѣ пропадешь.

Дѣйствительно опасенъ этотъ устинской или выволочной промыселъ (выволочной потому, что ледъ въ это время по большей части *выволакивается* вѣтрами изъ Бѣлаго моря въ океанъ); не проходитъ года, чтобы не погибало два—три человѣка изъ смѣлыхъ, дѣйствующихъ сломя-голову и на свое русское авось мезенскихъ промышленниковъ: то льдины рушатся отъ столкновенія съ другими, то окажется, что нѣтъ пищи ни на льдинѣ, ни за пазухой; ламбы (водяныя лыжи) на полой (открытой ото льду) водѣ не помогаютъ; присутствіе духа не сберешь втеченіе двухъ-трехъ дней безцѣльнаго плаванія; смерть, во всякомъ случаѣ, неизбѣжная, хотя и горькая посѣтительница. И счастливъ (какъ никогда въ жизни въ другой разъ!) тотъ охотникъ, котораго судьба примкнетъ съ роковой его льдиной на берегъ, особенно же вблизи жилья, хотя даже и близъ лопарскихъ погостовъ. Этихъ спасенныхъ отъ смерти ловцовъ (нѣкоторыхъ) можно видѣть, нѣсколько лѣтъ послѣ того (смотря по личному ихъ обѣту), въ Соловецкомъ монастырѣ исполняющими самыя трудныя, ломовыя монастырскія работы. У мезенцовъ есть обычай, и даже, можно сказать, страсть, ходить въ одиночку на

тотъ же опасный промыселъ выволочной; страсть эта тѣмъ опаснѣе, что тутъ уже помочь некому, и притомъ некому въ трудную минуту выплакать свое горе.

Ко всѣмъ этимъ разсказамъ промышлениковъ можно еще прибавить то, что первые звѣри, явившіеся въ море изъ океана, считаются нечистыми и бываютъ съ запахомъ. Промышленики, свѣжуя этого *поганаго* звѣря, обыкновенно остерегаются всѣми мѣрами порѣзать руку, потому что, какъ говорятъ они, *прикидывается* болѣзнь, называемая ими *морская цынга*, которая-де выламываетъ персты. Пролежавшіе на льдинахъ дольше Николина дня, т. е. первыхъ чиселъ мая, или опоздавшіе выплыть въ океанъ, дѣлаются до того тощими, что, застрѣленные промышлениками, тонутъ на водѣ и уже не выплываютъ. Сала въ нихъ почти не остается, и потому стрѣляютъ ихъ исключительно затѣмъ только, чтобы уничтожить лишняго врага для рыбы, который съ будущей осенью можетъ поправиться и натворить много бѣдъ и напастей. Бывали нерѣдко такіе случаи въ Мезенской губѣ, что противные вѣтры, не выволочные, разбивали стада звѣрей, звѣрь *осыпался* (говоря туземнымъ словомъ), т. е. раздѣлялся на мелкія юрова и въ нихъ угребалъ въ дальную Кандалажскую губу. Губа эта, какъ извѣстно, до половины своей замерзаетъ плотно, имѣя припай поперечный, *поперечьку* тамъ, гдѣ начинается широкое Горло моря и гдѣ ледъ уже бродячій. Тогда въ ущербъ Мезенской губы усыплется звѣремъ вся эта поперечька, и добыча переходитъ въ руки счастливыхъ жителей Терскаго и Корельскаго береговъ. Эти случаи, впрочемъ, также рѣдки, какъ и случай, бывшій на Терскомъ берегу. Промышленники прибавляютъ при томъ, что, во время охоты ихъ на тюленей, звѣрь, застигнутый въ расплохъ, жалобно воетъ, а у бѣльковъ проступаютъ слезы: они будто бы плачутъ, какъ люди.

Раненые, но ускользнувшіе отъ свѣженья звѣри недолго плаваютъ въ морѣ: въ концѣ мая или въ началѣ іюня ихъ непремѣнно выброситъ гдѣ нибудь на кошкѣ (надводной мели) или на берегу, и тогда туша эта достается на долю счастливца. Законность пріобрѣтенія этого *вымета* нашедшимъ его обусловлена старымъ обычаемъ. Сало вымета, неиспорченное, годно въ продажу, хотя хуже и мутнѣе послѣ выварки, чѣмъ нѣжное, чистое сало бѣльковъ.

Не лишнимъ считаю также упомянуть и то, что всѣ промышленики не выходятъ на морскихъ звѣрей въ день Благовѣщенья, когда, по русской пословицѣ, и птица гнѣзда не вьетъ. Обычай этотъ охотники оправдываютъ тѣмъ наблюденіемъ своимъ, что если поработать въ этотъ день, то цѣлый годъ затѣмъ вплоть до этого дня придется терпѣть неудачи въ ловлѣ и разнаго рода домашнія несчастія, особенно въ тѣ дни, въ которые пришолся праздникъ; напримѣръ, если онъ былъ въ пятницу, то всѣ пятницы въ томъ году будутъ несчастными днями для промысловъ.

Въ заключеніе, спѣшимъ сдѣлать еще одну важную замѣтку (подкрѣпленную и бывалыми промышлениками), которую привелъ г. Озерецковскій въ дополнительномъ описаніи сѣверныхъ береговъ Россіи, начатомъ академикомъ Лепехинымъ въ 1772 году. Вотъ собственныя слова академика Озерецковскаго: «Въ походахъ своихъ звѣри наблюдаютъ еще примѣчательное и странное правило, отнюдь не разрушаемое. Ни одинъ звѣрь не можетъ, ни для самоважнѣйшихъ причинъ, отстать отъ стада. Чреватыя утельги, если приспѣетъ имъ въ семъ путешествіи время къ рожденію, забываютъ живѣйшую побудительность естества къ чадолюбію, которое въ другихъ обстоятельствахъ, несмотря даже на смертельные страхи, наблюдаютъ. Въ семъ случаѣ рождающая, выскоча на плавающую или къ берегу примерзшую льдину, выкидываетъ рождаемое и оставляетъ его тамъ немилосердо безъ всякаго о немъ попеченія, боясь лишиться общественнаго похода. Оставленное такимъ варварскимъ образомъ несчастное изчадіе, не имѣя согрѣянія, пищи, ежели до просушки чревныхъ мокротъ не захватитъ жестокій морозъ, жизни его лишающій, получаетъ отличный, уродливый, больше-головый образъ, для коего называется *голованъ*. Сколько бы не казалось сіе обстоятельство невѣроятнымъ, но оно очевидно и вообще извѣстно. Голованъ, не имѣя пищи, лежитъ на льду или ползаетъ на берегъ и въ лѣсъ, пока природная бѣлошершавая шерсть, препятствующая пуститься въ водоплаваніе, вовсе не вычистится, что продолжается, безъ пособія отца и матери, болѣе двухъ мѣсяцевъ. Свободясь отъ сей шерсти и сдѣлавшись сѣркою, пущается въ море, гдѣ пребывая во всю жизнь, не получаетъ обыкновенной роду его величины, но всегда отличается видомъ и назва-

ніемъ малорослаго голована. Между тѣмъ по большей части остервененнымъ промышленикамъ жертвою бываетъ малокорыстной добычи. Чудно строеніе естества, сокрывающее отъ нашихъ понятій пружины, побуждающія толь напрягательно ежегодную сихъ звѣрей изъ Ледовитаго моря къ намъ стремительность».

II.

БЕРЕГЪ КАНИНСКІЙ.

Физическій видъ его.—Морской звѣрь этого берега: заяцъ, тевякъ, нерпа. — Способы ихъ ловли: стрѣльня. — Подробности этого рода промысла по разсказамъ туземцовъ. — Островъ Моржовецъ.

Если по Зимнему берегу разбросано только шесть селеній и по Мезенскому пять, то Канинскій окончательно уже пустъ и безлюденъ. Составляя какъ бы продолженіе Мезенскаго берега (отъ Мезенскаго залива до мыса Канина на полуостровѣ того же имени), который весь покрытъ лѣсомъ, переходящимъ въ кустарникъ, Канинскій берегъ безлѣсенъ. На немъ рѣдка даже приземистая сланка, не доходящая высотою отъ земли свыше аршина. Онъ—по описанію г. Рейнеке—«отъ мыса Канина къ югу на 30 миль до рѣки Бугреницы состоитъ изъ шиферныхъ горъ, покрытыхъ тундрою и около воды оканчивающихся голыми *щельями*, большою частію темносѣраго цвѣта. Хребетъ этихъ горъ *(Тіунскій камень)*, высотою до 60 саженъ, идетъ къ юго-востоку отъ мыса Канина, чрезъ Канинскую землю, до Чешскаго залива и, на другомъ берегу его, опять появляется въ томъ же направленіи по самоѣдской тундрѣ. Отъ Бугреницы къ югу теряется шиферъ подъ толстымъ слоемъ песку и тундры. Однако, мѣстами, въ обрывахъ горъ, видны каменные зубья; хребетъ этихъ горъ до рѣки Торны — высотою около 50 саженъ. Прибрежье большою частію песчано-глинистое. Отъ Торны берегъ становится несравненно ниже и непрерывная цѣпь горъ исчезаетъ. Южнѣе этой рѣки стоятъ онѣ отдѣльно одна отъ другой

и кажутся стогами сѣна на ровной поверхности берега; цвѣтъ ихъ нѣсколько темнѣе цвѣта берега, состоящаго здѣсь изъ невысокихъ, песчаныхъ осыпей, покрытыхъ тундрою и прорѣзанныхъ руслами рѣкъ: Месны, Камбольницы, Шойны и Кіи. Отъ рѣки Кіи берегъ опять возвышается и до мыса Конушина составляетъ глинистой утесъ до 10 саженъ высотою. Внутреннія горы сливаются въ общій хребетъ, съ отличительными вершинами, до 40 саженъ высотою. Прежде (около ста лѣтъ назадъ тому) черезъ Канинскій полуостровъ существовало водяное сообщеніе посредствомъ рѣкъ: Чижи, впадающей въ Бѣлое море и Чеши, вливающейся въ Чешскую губу. Но теперь, то озеро, изъ котораго вытекали обѣ эти рѣки, поросло мохомъ и превратилось въ болото. Отъ этого болота къ сѣверу тянется Канинская земля на 150 верстъ сплошнымъ камнемъ, въ которомъ видны по нѣкоторымъ мѣстамъ шиферные слои; въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ текутъ нефтяныя копи, а по берегамъ попадается нерѣдко сѣрный колчеданъ, и даже когда-то производилась здѣсь разработка мѣдныхъ рудъ».

При мнѣ весь берегъ Канинскій, какъ и Мезенскій, засыпанный снѣгами, окончательно запустѣлъ и брошенъ былъ на всю зиму и самоѣдами, которые по лѣтамъ подходятъ къ нему со своими олеными стадами (и то, впрочемъ, рѣдко), и самыми предпріимчивыми, самыми смѣлыми изъ мезенскихъ промышлениковъ, которые иногда бродятъ сюда на такъ называемую *стрѣльну* (стрѣлецкій промыселъ) за нерьпой, морскими зайцами и тевяками. Звѣри эти, говоря словами туземцовъ, *не загребные, не юровые, не кожные*, т. е. такіе, которые не ходятъ въ стадахъ или юровахъ семьями, не загребаютъ одновременно, но плаваютъ въ одиночку, безъ соблюденія условныхъ періодовъ времени, хотя также гребутъ изъ океана и съ тою же цѣлію — исканія пищи. Всѣ три породы звѣрей этихъ иногда проводятъ въ водахъ Бѣлаго моря цѣлые года, если не попадутся подъ пулю самоѣда или мезенца.

Морской заяцъ (Phoca leporina), названный такъ по сходству съ сухопутнымъ зайцомъ, у котораго величина соразмѣрна толстотѣ, а у морскаго — голова круглая, шея короткая. Морской заяцъ имѣетъ въ длину тѣже $3^1/_2$ и $3^3/_4$ аршина, какъ и въ толщину, хотя въ тоже время цвѣтъ его шерсти не бѣлый или сѣрый, а темно-желтоватый; волосы его пушистѣе и длин-

нѣе, кожа значительно толще, чѣмъ у лысуновъ и у всѣхъ других тюленьихъ породъ. Изъ кожи этой поморы выдѣлываютъ прочныя подошвы для своихъ охотничьихъ сапоговъ — бахилъ, а вымятую употребляютъ на санныя возжи. Звѣрь этотъ мечетъ обыкновенно по одному зайчонку, которые въ первой періодъ по рожденіи, имѣютъ на себѣ волосы мягкіе, почти сѣро-голубаго цвѣта. Для жизни своей морскіе зайцы предпочитаютъ болѣе сѣверныя части морей и, заходя въ Бѣлое море, они дѣлаются замѣтно мельче, чѣмъ напр. на Мурманскомъ берегу, около Ко̀лгуева и Вайга̀ча. Впрочемъ, и изъ бѣломорскихъ зайцовъ успѣваютъ вытапливать сала отъ 6½ до 8 пудовъ (весной отъ 4 до 5), хотя мурманскіе и колгуевскіе вѣсятъ иногда свыше 15 пудовъ. Подстрѣленные охотниками, особенно въ глухую лѣтнюю пору, зайцы скоро тонутъ на водѣ. Любятъ нѣжиться на льдахъ и *гладухахъ* (подводныхъ, осыхающихъ при отливѣ, камняхъ среди моря); любятъ жить въ одиночку; любятъ, наконецъ, нерѣдко заходить въ прѣсныя воды рѣкъ и рѣчекъ; водятся даже въ нѣкоторыхъ большихъ озерахъ, каково напримѣръ Ладожское.

Тевякъ (Phoca cristata, s. monachus) — уродливое подобіе льва, съ длинной шеей, къ которой прикрѣплена голова формы лошадиной; около рта — густые щетинистые усы; величиною больше морскаго зайца (4 — 5 аршинъ); шкура пятноватаго, какъ у нерьпы, цвѣта съ густыми, длинными торчащими щетиной волосами. Предпочитая для мѣстопребыванія своего также болѣе отдаленныя, сѣверныя страны, они любятъ (хотя и весьма не часто) селиться на Канинскомъ берегу Бѣлаго моря и на Тиманскомъ берегу океана, гдѣ, выползая только середи моря на луды, гладухи и поливные пески (и никогда на льды и берега), лежатъ, нѣжатся и засыпаютъ. Чаще встрѣчается звѣрь этого тюленьяго рода около Трехъ-Островов Мурманскаго берега и острова Моржовца (середи Горла). Сала даетъ пудовъ по девяти. Бьютъ его больше соннымъ, на лудахъ: спать онъ охотникъ.

Нерьпа (Phoca vitulina) значительно чаще изо всѣхъ тюленьихъ породъ попадается въ водахъ Бѣлаго моря. Длина ея равна длинѣ сѣрки (т. е. не достигаетъ двухъ аршинъ); но чѣмъ сѣвернѣе вылавливается, тѣмъ величина эта возрастаетъ. Голова у нихъ замѣчательно круглая и столько же круглы боль-

шіе, зоркіе глаза ихъ. Шерсть, покрывающая нетолстую шкурку, отливаетъ серебристымъ блескомъ, хотя въ тоже время цвѣтомъ свѣтло-жолтая и значительно испещрена пятнами. Сала нерьпа даетъ до 2 пудовъ *). Въ іюлѣ видятъ ее на берегахъ и прибрежныхъ пескахъ, всегда попарно, когда звѣрь этотъ *парится*, и въ августѣ рожаетъ дѣтенышей по одному; двойни— замѣчательное исключеніе. На льды выходятъ онѣ полежать; прѣсную воду любятъ; заходятъ въ рѣки и живутъ постоянно въ сладкихъ озерахъ: Ладожскомъ, Онежскомъ и Байкалѣ. Въ Каспійскомъ морѣ эти нерьпы (тюлени обыкновенные)—аборигены. Въ Бѣломъ морѣ по зимамъ и веснамъ ихъ больше, лѣтомъ и осенью—значительно меньше; вѣроятно, онѣ также уходятъ въ океанъ. Попадаются въ бѣлужьи невода и сёмежьи сѣти **); въ послѣднія заходятъ для отысканія пищи. Питаются также толокнянкой (arbutus uva ursi). Во всякомъ случаѣ, нерьпа самый меньшой изъ всѣхъ звѣрей, населяющихъ моря.

Такъ какъ всѣ эти три породы морскихъ звѣрей ходятъ, какъ уже сказано, въ одиночку, а не стадами, то и самая охота за ними, во всякомъ случаѣ не можетъ быть артельною, какова напр. охота за лысунами и моржами. Такъ какъ эти звѣри, хотя и постоянные гости Бѣлаго моря, выходятъ на любимыя ими мѣста только по личному произволу (когда имъ захочется отдохнуть, полежать, погрѣться на солнышкѣ, или когда влечетъ ихъ къ этому лежанью инстинктивныя побужденія къ соитію), то и самый промыселъ принимаетъ иной характеръ, носящій названіе *стрѣльны*. На эту стрѣльну и самые промышленики отправляются въ одиночку: каждый самъ по себѣ. Это

*) За нерпичью кожу даютъ въ Архангельскѣ 25 и 30 коп. сер. Въ самой большой нерьпѣ не больше трехъ пудовъ; самая обыкновенная даетъ 1½, 1¾ и даже пол-пуда. Нерпичью шкуру такъ часто приводится всѣмъ видѣть на солдатскихъ ранцахъ.

**) На Лѣтнемъ берегу и у Соловецкаго монастыря нерьпа попадаетъ въ нарочно для нея разставляемыя сѣти. Сѣти эти плетутся изъ толстыхъ нитокъ (въ три прядки); ячеи величиною четверти двѣ; ихъ осмаливаютъ. Сѣти опускаются въ воду на деревянныхъ, ромбической формы поплавкахъ, которые, для легкаго держанія на водѣ, коптятъ въ огнѣ. Попавшуюся въ сѣть нерьпу обыкновенно, при посредствѣ деревянной, фунтовъ десяти вѣсу, колотушки, *простятъ*, т. е. бьютъ въ голову. Нерьпа, какъ извѣстно слаба головой.

или тундряные самоѣды, или самые ретивые, незнающіе устали русскіе промышленики изъ приморскихъ деревень Мезенскаго уѣзда.

Промыселъ этого рода безгранично утомителенъ: только освоившіеся со своею скудною родиною самоѣды способны и привычны переносить всѣ его невзгоды и сопряжонныя съ ними житейскія лишенія. Самоѣды, прикочевывающіе со своими оленьими стадами въ лѣтнюю пору на Канинскій полуостровъ, иногда по цѣлымъ суткамъ флегматически-сосредоточенно лежатъ въ своихъ карбасахъ, спущенныхъ на якорь дальше отъ берега и терпѣливо выжидаютъ, когда-когда покажется на поверхности воды чорная головка нерьпы, тевякъ или морской заяцъ.

Покажется одинъ изъ этихъ звѣрей, самоѣдъ не замедлитъ выстрѣлить въ него изъ заряжоннаго уже ружья, прямо въ морду, и не промахнется ни въ какомъ случаѣ, если только звѣрь не успѣетъ, высмотрѣвъ своего врага прежде его самого, нырнуть отъ всегда мѣткаго выстрѣла въ воду (Самоѣды, какъ и русскіе поморы, мѣткіе стрѣлки). Но такое терпѣніе—выжидать цѣлыми сутками звѣря на поверхности воды—можетъ доставаться только на долю полуидіотовъ изъ самоѣдскаго племени. Русскіе къ тому положительно не привычны; да и въ такихъ случаяхъ они пріучились лучше предпочитать вѣрный отдыхъ въ семейномъ кругу, чѣмъ на утломъ, поталкиваемомъ съ боку на бокъ карбасѣ, и притомъ въ такой дали, каковъ тотъ же Канинскій берегъ. Въ этомъ случаѣ они поступаютъ иначе.

Мезенцы, съ незапамятныхъ временъ пребыванія своего на берегахъ Бѣлаго моря, знаютъ (и никогда не ошибаются въ подобныхъ случаяхъ), что когда на Канинскомъ и Тиманскомъ берегу много *корму*, т.-е. когда у береговъ этихъ появляется въ значительномъ количествѣ мелкая рыба *сайка*—родъ наваги съ синимъ и жидкимъ тѣломъ, и потому негодная къ употребленію въ пищу — навѣрно въ тѣхъ мѣстахъ должны быть всѣ три породы этого тюленьяго рода, которыя любятъ гоняться за рыбой сайкой и употреблять ее въ пищу. Только этими обстоятельствами и положительными видимостями соблазняются мезенцы на дальный стрѣлецкій канинскій промыселъ, и то самые бѣднѣйшіе изъ нихъ, въ которыхъ нужда породила и храбрость, и страсть дѣйствовать на авось, буквально—очертя голову.

Зная, что рыбка сайка преимущественно является въ тѣхъ

мѣстахъ въ концѣ ноября и живетъ тамъ весь декабрь, что особенно любятъ жрать эту рыбку барышныя нерьпы и что, потому, онѣ являются туда въ огромномъ количествѣ (продувая льдину, назначенную себѣ для залежки, нерьпы выползаютъ черезъ эту прорубь на поверхность льдины и лежатъ тутъ съ осторожностью, имѣя всегда эту прорубь какъ прибѣжище, какъ ближайшее и легчайшее средство къ спасенію въ случаѣ опасности). Зная все это бѣднякъ изъ мезенцовъ долго не задумывается. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, а умираютъ люди одинъ только разъ на вѣку—думаетъ какой нибудь бобыль-одиночка или крутой смѣльчакъ, и дѣла не кладетъ въ долгій ящикъ. Не обидѣла его судьба и самопроизвольная лѣнь возможностью запастись крутоиспечоннымъ съ солью хлѣбомъ, горстями десятью соли и крупы (въ малицѣ, бахилахъ, шапкѣ, камусахъ или рукавицахъ и подъ одѣяломъ онъ всю зиму бѣдуетъ: безъ этого только самые плохіе и пьющіе хозяева живутъ на свѣтѣ), смѣльчакъ не думаетъ долго и собирается. Ходячая, размѣнная монета у него передъ глазами—живѣе, чѣмъ давно приглядѣвшійся Канинскій берегъ и нерьпа, и тевякъ, и заяцъ морской; а между-тѣмъ нужда бьетъ по боку назойливо и ежедневно. Осѣнится онъ аввакумовскимъ крестомъ (если старой вѣры держится) и никоновскимъ (если не соблазненъ въ расколъ), чмокнетъ въ уста того да другую (если найдутся у него въ семьѣ таковые) и, вскинувъ котомку со съѣстными припасами за плечи, взявъ въ руки ружье да дубину (пѣшню или носокъ съ желѣзнымъ оконечникомъ), ламбы *) подъ мышку, лыжи на ноги, вскинетъ крестное знаменіе на лобъ, обовьется длиннымъ ремнемъ и по-

---

*) Все нехитрое устройство ламбъ основывается на томъ, что рѣдкіе изъ торосовъ не сопровождаются измельченнымъ льдомъ, называемымъ *шугою*. Если отъ давленія ноги мелкія льдинки, плавающія по водѣ, тонутъ, то достаточно — размѣренная быстрота передвиженія ламбъ широкихъ и плоскихъ задерживаетъ скорость погруженія. Конечно, при этомъ необходимы крайная опытность, главное — смѣлость, а еще болѣе огромное присутствіе духа. Часто слегка нарушенный балансъ, при самомъ первомъ скачкѣ на шугу, часто ламбы задѣваютъ за льдину, и тогда смерть неизбѣжна: несчастный смѣльчакъ прямо падаетъ въ воду и затирается ближайшимъ льдомъ на вѣка вѣчные.

бѣжитъ искать счастья и удачи вдали, верстъ за 300 отъ роднаго крова.

— Да тяжоло вѣдь это для васъ, скучно, думаю, такъ, какъ нигдѣ и никогда, замѣчалъ я тѣмъ поморамъ, которые ежегодно бѣгали на Канинъ.

— Скучно, говорятъ, ваша милость, у чертей въ котлѣ сидѣть на томъ свѣтѣ, да вотъ твоему благородью въ сторонѣ нашей задвённой. А намъ ничего, ничѣмъ-ничего, хоть лопни глаза мои!—отвѣчали мнѣ почти всѣ они въ одно слово.

— Вѣдь чай все въ карбасѣ качаетесь, да на воду смотрите, звѣря выслѣживая?

— И въ карбасѣ покачаемся, и въ сухомятку поѣдимъ, и вмѣсто ручья изъ снѣгу воды добудемъ—намъ это все, что табашнику трубку табаку выкурить. Да нѣтъ: мы вѣдь въ карбасѣ на нашей на завѣтной стрѣльнѣ не качаемся. Тогда выстаетъ звѣря много—не зачѣмъ въ карбасѣ лежать: съ берега очень въ примѣту. Твою милость, кажись, охота-то наша крѣпко, вижу забираетъ?

— Любопытна, должно-быть, если не прямо стрѣляете.

— Нѣтъ, не прямо стрѣляемъ, а лукавимъ; и вотъ слушай теперь:

— Надо тебѣ прежде сказать, что нерьпа лукавой звѣрь, особо та, которая около жила шатается. Съ этой по христіански-то, по православному не сладишь. Не чутка она на носъ, за то далеко беретъ глазомъ; это не моржъ. Заприметитъ человѣчье тѣло версты за двѣ — сейчасъ въ воду; а тамъ лови ты ее, когда семи пядей во лбу. Бродитъ эта нерьпа около припаевъ ледяныхъ, и мѣста-то мы эти знаемъ ужъ по своей по старой вѣрѣ, по старымъ примѣтамъ. И то мы знаемъ, что человѣка она къ себѣ близко не подпускаетъ. Вотъ тутъ и хитритъ человѣкъ—божье рожденье, и хитритъ то онъ вотъ какъ... Да постой!...

— Лежитъ звѣрь на гладухѣ (по зимамъ), на коргахъ, лудахъ (по лѣтамъ)... больше всего на гладухахъ — тороса такіе ледяные по зимамъ живутъ—лежатъ эти нерьпы. Тутъ мы ихъ больше и беремъ... Вотъ нерьпа лежитъ—вижу, окомъ своимъ вижу и себѣ вѣрю, что Богу—и лежитъ она не одна, а много, (а изъ одной и рукъ марать нечего!). Я сейчасъ на раздумье и сейчасъ къ дѣлу. На плечи напялю чорный совикъ, на го-

лову — бѣлую шапку безпремѣнно, за спину вскину ружье противъ себя доску держу, и водой я эту доску оболью и заморожу, и по доскѣ по этой *петничекъ* (деревянныхъ гвоздочковъ) насажаю пропасть, чтобы снѣгъ держался, и поползу на колѣнкахъ на льдину. Нерьпа видитъ доску мою, ропакомъ, льдиной—стамухой почитаетъ; лежитъ и глядитъ на доску на эту зорко, во всѣ глаза. Надулъ, думаю; стой теперь: я еще тебѣ штуку подпущу, знай ты меня! И сейчасъ кричать, сейчасъ стучать, какъ смогу и съумѣю, и опять однимъ глазкомъ своимъ накинусь на звѣря. Вижу мечется онъ, по сторонамъ бросается, въ прорубь сунется, опять выскочитъ, ухо прилаживаетъ, прислушивается къ проруби-то: не тамъ ли, молъ, шумитъ кто; опять у проруби мечется, долго, круто мечется. Думаю: забрало! пошла битка въ конъ!... гуляй молодецъ—твоя недѣля. Онъ-то мечется! а я ему: «ого-го»! свое; онъ-то пляшетъ да скачетъ, а я свое дѣло правлю: ружье налаживаю, да пулей-то ему прямо въ морду!—такъ и уткнется, такъ и продернетъ его всего крѣпкой судоргой. Ей Богу! это дѣло—ладное дѣло. На берегъ выйдешь, не прохохочешься. Эко, молъ, ты человѣкъ — дикой да глупой, хуже, молъ ты самоѣда нашего, право!... Эдакъ-то мы по веснамъ больше... Тогда же и заячей ловимъ...

— А есть у насъ, твое благородье, и такіе смѣльчаки (про себя только боюсь тебѣ сказывать), что облукавливаютъ звѣря всякого: и нерьпу, и тевяка, и заячей. И облукавливаютъ они его вотъ какъ, и это труднѣе того, что разсказано. Доски на этотъ разъ не берутъ; тутъ человѣкъ самъ за себя отвѣчай, за свой умъ, за все свое. Человѣкъ этотъ выходитъ на льдину весь бѣлой, ворочается: нерьпу раздразнитъ, разшевелитъ. Она свое дѣлаетъ и онъ по ее: она въ одну сторону дернетъ и головушкой тряхнетъ—и онъ также: она ухомъ къ проруби своей приложится—и онъ свое ухо на ледъ. Такъ и надуетъ! Такъ и облукавитъ! Звѣрь помечется, побѣсится; видитъ — человѣкъ, что нерьпа, свой братъ; возьметъ, да и ляжетъ, успокоится и отворотится. Тутъ ей и пуля горячая!...

— Мы вѣдь, ваша милость, изъ своихъ изъ плохихъ винтовокъ на 50 саженъ хватаемъ, и прямо въ морду. И до того глупа на тотъ часъ нерьпа бываетъ, что щолкаешь ты выстрѣлами однѣхъ—другія не шелохнутся! Выстрѣлы то эти, на-

до-быть, за трескъ торосьевъ почитаютъ. Облукавленный звѣрь—пропащій звѣрь, какъ передъ Богомъ!...

— По берегу-то по Канинскому теперь избы настроили, хоть и не больно часто; у иной и часовня есть, и образъ есть—да вѣдь въ наледномъ-то промыслу, что въ этихъ избахъ? Тутъ вонъ со звѣремъ ломаешься, хитришь, бьешь его: умъ теряешь и сметку всякую, а на ту пору, глядишь, вѣтеръ оторвалъ твою льдину отъ припая, да и понесъ въ голомя. Съ горяча-то, это тебѣ не въ примѣту, а очнешься—руками махнешь, крестное знаменіе на лобъ положишь, родителей, коли есть, вспомянешь, знакомые какіе на умъ взбредутъ; сердцемъ опять надорвешься, глаза зажмуришь и поплывешь на удачу, куда вѣтеръ несетъ. На этотъ случай намъ островъ Моржовецъ *) подспорье хорошее: все больше на него попадаемъ. Такъ вотъ и со мной разъ было дѣло. А то уноситъ въ океанъ, такъ тамъ и погибаютъ.

— Вотъ оттого-то безразсуднѣе, безчеловѣчнѣе нашихъ тюленьихъ промысловъ другихъ больше и на свѣтѣ нѣтъ...

— Это ты тамъ какъ хочешь... а и на дому-то потомъ не больно же много напастей послѣ смерти своей бываетъ.

— Да правда ли полно все то, что ты сказалъ теперь?

— Истинная, сущая. Бобыль ты человѣкъ—по тебѣ за то и собака не взвоетъ; семья у тебя есть—ну, извѣстно, заревутъ

---

*) Скажемъ нѣсколько словъ о Моржовцѣ—самомъ ближномъ къ Мезенскому берегу островѣ. Весь онъ гранитнаго строенія съ толстымъ пластомъ тундры, (покрытымъ ягелемъ (оленьимъ мохомъ). Островъ этотъ лежитъ къ сѣверу отъ Воронова носа, при выходѣ изъ Бѣлаго моря въ Ледовитой океанъ, въ 28 верстахъ отъ берега. Форма его овальная, окружность около 40 верстъ. На немъ текутъ двѣ рѣчки съ прѣсной водой. Золотуха и Рыбная, и стоятъ два озера также съ прѣсной водой: Лѣсъ не растетъ здѣсь; жилья нѣтъ, кромѣ смотрителя и прислуги при маякѣ, выстроенномъ между 1838 и 1841 годами. Въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда Мезень вела заграничный торгъ лѣсомъ, жили на южномъ краю острова лоцмана по найму лѣсной компаніи. Ледъ показывается у береговъ Моржовца обыкновенно въ началѣ октября, бродячіе же торосы въ началѣ ноября, и тогда прекращается всякое сообщеніе острова съ материкомъ. Въ маѣ сообщеніе это опять начинается и производится обыкновенно чрезъ посредство казенныхъ судовъ, имѣющихся при маякѣ. Не принося никакой прямо-положительной пользы, за безплодьемъ, и безлюдьемъ, островъ Моржовецъ весною служитъ спасительнымъ пристанищемъ для *весновальщиковъ*, которыхъ ежегодно, и не одинъ разъ, приноситъ сюда на льдинахъ.

бабы, шибко заревутъ. Опять-таки и онѣ: поревутъ, поревутъ— перестанутъ.—Это ужъ дѣло такое! Нѣтъ того на свѣтѣ горя, въ которомъ бы человѣкъ утѣшенія себѣ получить не могъ....

— Нѣтъ! какъ, братъ, ты хочешь, какъ ты тутъ ни вертись, а ужъ если народъ о человѣкѣ плачетъ, стало-быть человѣкъ дорогъ, стало-быть въ человѣкѣ этомъ міръ лишился товарища, а семья кормильца. Какъ ты себѣ ни ворочай дальше, а промыслы ваши глупо ведутся: попусту народъ теряется изъ за лишняго пуда сала; у васъ семга есть, навага, звѣрь на Кедахъ, на припаяхъ лежитъ, добывать его въ это время безопасно....

— Да вѣдь звѣрь-отъ лежитъ мелкота больше. А что ты больно смерть-то охаялъ? Гдѣ она тебѣ, сказано въ писаніи, написана, то мѣсто ты и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь: вѣрно такъ!

Почти также разсуждаютъ и всѣ другіе поморы, которые, какъ и всѣ простые русскіе люди, соберутся міромъ на улицѣ, въ кабакѣ услышатъ нерадостную вѣсть о погибели товарища, покачаютъ головами, покрутятъ плечами, перекрестятся, потолкуютъ:

— Вишь-ты, братцы, грѣхъ какой, божеское наказаніе!

— Жаль парня-то, крѣпко жаль. Ну-ко поди! Хорошой парень-отъ былъ, хорошой!

— Хорошой былъ, хорошой—это что говорить. Жаль парня жаль!

— И что его, братцы, угодило такъ-то?

— Да вотъ поди ты—угодило!

— Пошли-жъ ему, Господи, царство небесное! И опять весь міръ деревенскій перекреститcя, опять всѣ закачаютъ головами, опять начнутъ толковать о бездольи погибшаго парня, о тяжоломъ житьѣ у моря и на морскихъ промыслахъ и обо всемъ другомъ многомъ, да тутъ же и опросятъ другъ друга:

— А кто изъ васъ, братцы, на стрѣльню-то нонѣ собирается?

— Да вотъ: я, да дядя Никифоръ, дядя Михѣй, Кузька, Селифантей!...

— А когда, братцы, налаживаться станете?

— Да завтра-чай, что волочить дѣло попустому!—отвѣтятъ въ одно слово и дядя Никифоръ, и дядя Михѣй, и Кузька, и Селифантей.

III.

БЕРЕГА ЛѢТНІЙ И ОНЕЖСКІЙ.

Прощанье съ Архангельскомъ и выѣздъ оттуда. — Первыя впечатлѣнія моря. — осадъ Нёнокса: соляныя варницы, бѣломорская соль и способы ея добыванія. — Уна и Унскіе рога съ Пертоминскимъ монастыремъ. — Селенія по Лѣтнему и Онежскому берегамъ. — Ловъ мелкой морской рыбы. — Островъ Жожгинъ. — Бѣлуга и промыселъ этого звѣря, по наблюденіямъ и разсказамъ. — Салотопенные заводы и способы вываркн звѣринаго сала. — Городъ Онега: его исторія и первыя мои впечатлѣнія, по пріѣздѣ туда. — Суда-романовки. — Крестной монастырь и Кій-Островъ.

Архангельскій май 1856 года, противъ ожиданія, оказался совершенно весеннимъ мѣсяцомъ, хотя, конечно, въ своемъ родѣ: быстро зеленѣла трава, промытая вешной водой, быстро пробирались ручьи съ горъ въ овраги и низменности; скоро затѣмъ посинѣлъ рѣчной ледъ, образовались полыньи, жолтыя окраины; расплылась всюду мягкая, глубокая грязь; вѣтеръ наносилъ весеннюю свѣжесть, чаще хмурилось небо дождевыми тучами; утренники приходили къ концу, постепенно утрачивая силу своего холода; все, однимъ словомъ, обѣщало скорой ледоплавъ и возможность пуститься въ море. И вотъ два дня безпрерывно лилъ дождь мелкій и частой, столько же времени крѣпились сильные, порывистые вѣтра и широкая, глубокая Сѣверная Двина, надтреснувшись во многихъ мѣстахъ и густо почернѣвшая на всемъ своемъ видимомъ Архангельску пространствѣ, наполнилась почти до краевъ — и начала вскрываться. Огромными кусками, иногда захватывающими больше половины рѣки,

понеслась масса льду по направленію къ морю; разъ остановилась она, спертая своимъ множествомъ въ узкомъ Березовскомъ рукавѣ рѣки, и залила водою Соломбальское портовое селеніе до нижнихъ этажей его лачужекъ. Сутки стояла вода въ селеніи, потѣшая добродушныхъ обитателей карнавальскими играми въ карбасахъ и лодкахъ; сутки же держался спершійся въ устьѣ ледъ, противясь напору новыхъ кусковъ, наносимыхъ горными вѣтрами. Наконецъ, ледъ прорвало и вся его масса прошла въ Бѣлое море, гдѣ придется ему или быть растертымъ въ мелкіе куски (шугу) морскими торосами, или растаять въ массѣ морской воды и не дойти такимъ образомъ даже до Горла моря. Для города наступило время *мутницы* — той грязной, жолтой, густой воды, которая, по крайней негодности къ употребленію, запасливыми хозяевами замѣняется водою, заготовленною раньше ледоплава.

Кончилась и мутница; выжидалось появленіе грязно-чорнаго льда изъ рѣки Пинеги; провалилъ и этотъ ледъ, сопровождаемый густою грязною пѣной, успѣвши, по несчастію, разломать нѣсколько барокъ съ зерновымъ хлѣбомъ (по туземному—*съ сыпью*). Наступилъ іюнь: городскія деревья усыпались свѣжимъ, мягкимъ листомъ; повсюдная зелень била въ глаза; солнце свѣтило весело, грѣло своей благодѣтельной теплотою и замѣтно обсушало весеннюю грязь. Двина успѣла уже войти въ свои берега и коегдѣ просвѣчивала даже пескомъ у береговъ. Стали ходить положительные слухи, что и море очистилось. Мѣстное населеніе высыпало въ городской садъ, пріучаясь отдыхать подъ обаяніемъ обновленной и просвѣтлѣвшей природы... И городъ Архангельскъ красовался уже позади меня, весь сбившійся ближе къ рѣкѣ, по которой колыхался почтовый карбасъ, обязанный доставить меня на первую станцію по онежскому тракту, откуда, какъ говорили, повезутъ уже въ телегѣ и на лошадяхъ.

Вправо передо мною, изъ за зелени побережной ветлы, красиво серебрился шпицъ и отливалъ золотомъ крестъ, вѣнчавшій деревянную церковь Кегъ-острова; прямо тянулась рѣка съ своей непроглядной далью, въ которой хранилось для меня, на тотъ разъ, все неизвѣстное, все — что такъ сильно волнуетъ и неудержимо влечотъ къ себѣ. Влѣво тянулся обрывистой чорной берегъ тундры и за ней выглядывалъ лѣсъ, а изъ за него еще какое-то село, еще какая-то деревушка, и опять таже Двина,

ушедшая также въ непроглядную даль. Вѣтерокъ вѣялъ прохладой; гребцы мои наладили парусъ, убрали весла, запѣли пѣсню и разводили ее беззаботно-весело, разносисто-громко. Я обернулся на Архангельскъ не съ тѣмъ, чтобы, глубоко вздохнувъ, пожалѣть о разлукѣ съ нимъ на четыре мѣсяца, но чтобы просто посмотрѣть, такъ ли же хорошъ и онъ на своей рѣкѣ, какъ, напримѣръ, всѣ города приволжскіе. При повѣркѣ и дальнѣйшихъ соображеніяхъ, оказалось тоже, что и ландшафтъ Архангельска можетъ увлечь художника своей оригинальностію и картиннымъ мѣстоположеніемъ. Правда, что и здѣсь нашлось много чертъ общихъ со всѣми другими городами: также церкви занимали переднюю и большую часть плана: также церкви эти разнообразны были по своей архитектурѣ; также бѣлый цвѣтъ, смѣняясь жолтымъ, рѣзче оттѣнялъ зелень садовъ и полисадниковъ; также, наконецъ, низенькій, новенькій деревянный домикъ стоялъ рядомъ съ большимъ двухъ-этажнымъ каменнымъ. На этотъ разъ, разница состоитъ въ томъ, что вся эта группа городскихъ строеній тянется на трехверстномъ пространствѣ, замкнутомъ съ правой стороны монастыремъ Архангельскимъ, слѣва — соборомъ Соломболы; въ серединѣ красиво разнообразятъ весь ландшафтъ развалины такъ-называемаго нѣмецкаго двора, строеннаго будто бы еще во времена Мароы Посадницы и не разломаннаго до сихъ поръ за невозможностью пробить скипѣвшуюся известь, связующую крѣпкіе, окаменѣлые до гранитнаго свойства кирпичи новгородскаго дѣла. Но все это уходитъ постепенно вдаль и заволакивается туманомъ; Архангельскъ скрылся за Кегъ-островскимъ мысомъ съ одной стороны и тундристымъ, печальнаго вида берегомъ съ другой; потянулись берега справа и слѣва, кое-гдѣ лѣсистые, кое-гдѣ пустынные; повсюдное безлюдье; ни человѣка, ни лошади не видать нигдѣ. Выглянетъ изъ-за противоположнаго мыса еще село, раскинется деревня, но и тамъ почти тоже безлюдье и таже тишина, которая для насъ нарушается только шумомъ воды на носу карбаса, да разъ только людскимъ говоромъ и крикомъ съ попутной соловецкой ладьи, обронившей паруса. Вѣтеръ стихъ; плыли греблей: шумѣла вода подъ веслами... Вотъ и все. Немного и дальше: въ станціонной избѣ, называемой Рикосихой, слѣпили глаза и не давали покоя миріады комаровъ, которые обсыпаютъ въ теченіе всего лѣта всѣ прибрежья рѣкъ, озеръ и архангельскаго моря.

Тоже самое ожидало (и дѣйствительно встрѣтило) и на слѣдующей станціи въ Тоборахъ. Невыносимо била въ грудь и спину избитая колеями и выломанная временемъ и употребленіемъ гать, служащая дорогой: постукивали по ней колеса, привскакивали на своихъ мѣстахъ и сѣдокъ, и ямщикъ, съ трудомъ собирая дыханіе; заматывались, по обыкновенію, лошади хохлатыя, разбитыя ногами, сытно ненакормленныя, порядочно невыѣзжанныя. Тѣже удовольствія предстояли и на слѣдующей станціи и такъ далѣе—можетъ быть, вплоть до самаго города Онеги. Къ тому же ничто не развлекало вниманія; пустынность и непривѣтливость видовъ поразительно сильно развивали тоску и апатію; казалось, и конца нѣтъ этимъ мученіямъ; казалось, и не выдержать всѣхъ ихъ...

— Ну вотъ, твоя милость, все ты пыталъ спрашивать: гдѣ море, гдѣ море? на, вонъ тебѣ и море!

И ямщикъ показалъ кнутовищемъ въ дальную сторону разстилавшагося впереди насъ небосклона. Первой разъ въ жизни приводилось мнѣ видѣть море, быть подлѣ него; я спѣшилъ посмотрѣть по направленію руки ямщика, но на первой разъ увидѣлъ немногое: тускло и непривѣтливо глядѣло, по обыкновенію, сѣренькое архангельское небо и хотя на немъ, на этотъ разъ, во всей своей яркости сіяло лѣтнее солнце, то солнце, которое въ описываемую пору скрывалось подъ горизонтомъ на какіе-нибудь два-три часа, тѣмъ не менѣе близость моря почти была несомнѣнна. Въ воздухѣ чувствовалась та свѣжая, замѣтно крѣпкая, но пріятная прохлада, которая нѣсколько (но довольно слабо) можетъ напоминать ощущенія человѣка, вдругъ вышедшаго изъ густаго смолистаго лѣса, въ жаркую лѣтнюю пору, на берегъ большаго болотистаго озера.

Рѣзкій, довольно свѣжій вѣтерокъ, *морянка*, время отъ времени (*духами*—какъ говорятъ здѣсь) начиналъ вѣять въ лицо и даже замѣтно разгонялъ миріады комаровъ, охотно кучившихся въ лѣсной духотѣ. Но моря я еще не видалъ. Бѣлесоватая, широкая полоса, плотно слившаяся съ небосклономъ, могла, впрочемъ, казаться дальнимъ краемъ морской воды, и это не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію съ той поры, какъ на этой бѣлесоватой полосѣ далеко впереди показался бѣленькій парусокъ, словно вонзенный въ небо. Но ближняя часть моря еще закрыта была отъ насъ сосѣднимъ перелѣскомъ: видѣлся только

парусокъ, полоса на горизонтѣ и—только. Ближе къ намъ все-таки продолжали еще тянуться длинные, густые ряды невысокихъ, плотно стоявшихъ одна отъ другой сосенъ и елей, въ перемежку съ необъятно-густыми, приземистыми и широкими кустами можжевельника. Ниже, по землѣ, у самой окраины дороги начиналось и тянулось въ лѣсную даль, черезъ кочки и мшины, безчисленное множество красныхъ кустовъ жолтой морошки, находившейся, на этотъ разъ, въ полномъ цвѣту, и зеленѣли кусты цѣпкой вороницы, всегда разбрасывающей свои длинныя вѣтви по голымъ и сухимъ мѣстамъ, каковы здѣшніе камни и надводныя луды. Влѣво отъ насъ, неоглядно вдаль, краснѣло топкое болото, вплотную почти усыпанное той же морошкой и той же вороницей, кое-гдѣ со сверкающими на солнцѣ лужами (радами—по здѣшнему) и—только...

Между тѣмъ мы спускались подъ гору; лѣсъ прекратился и море, во всей своей неоглядной ширинѣ, лежало передъ нами, сверкающее отъ солнца, пустынное, безбрежное, на этотъ разъ, гладкое, какъ стекло. Сливаясь вдали съ горизонтомъ, оно обозначилось въ этомъ мѣстѣ густо-чорной, но узкой полосой, какъ бы свидѣтельствовавшей о томъ, что дальше ея глазъ человѣческій проникнуть уже не можетъ. Невозмутимая тишина по всей этой свѣтлой поверхности, не осмысленная ни единымъ знакомымъ признакомъ жизни, производила какое-то неисходное, тяжолое впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся крикомъ чаекъ. Онѣ то поднимались, то опускались на огромной камень, краснѣвшій далеко отъ берега. Страшилъ на ту пору и этотъ лѣсъ, который мрачно потянулся впередъ и назадъ по берегу, и эта пустынность и одиночество вдали отъ селеній, вдали отъ людей, о-бокъ съ громадною массою воды и дикою, дѣвственною природою. Сосредоточенное молчаніе ямщика еще болѣе усиливало безвыходность положенія; визгъ чаекъ начиналъ становиться едва выносимымъ...

Спустившись подъ гору, мы подъѣхали почти къ самой водѣ; направляясь по гладко-обмытому, какъ бы укатанному и еще мокрому песку, чуть не на колеса телеги начали плескаться волны, которыя съ шумомъ отпрядывали назадъ, подсѣкаясь на возвратномъ пути другими, новыми. Я заговорилъ съ ямщикомъ:

— Что же у васъ дорога-то тутъ и идетъ подлѣ самой воды?

— Дорога *горой* пошла; да вишь, теперь *куйпога*, а по ней ѣхать завсегда выгоднѣй: и кони не заматываются, и твоей милости не обидно; *горой*-то, мотри, всего бы обломало.

Своеобразная рѣчь ямщика не казалась мнѣ уже непонятною. Видимо, ѣхали мы подлѣ морской воды въ тотъ періодъ ея состоянія, когда отливъ унесъ ее вдаль отъ берега (въ голомя), и продолжалось еще то время, когда полая (прибылая) вода не неслась еще приливомъ къ берегу. Черезъ 6, можетъ быть, даже черезъ 5, 4 часа, то мѣсто, по которому мы ѣдемъ, на аршинъ покроется водой *). Давно также извѣстно мнѣ было, что для приморскаго жителя всѣ виды мѣстностей дѣлятся только на два рода: *море* и *гору*, и горой называетъ онъ высокій морской берегъ, и все, что дальше отъ моря, хотя бы тутъ не было не только горы, но даже и какого-либо признака холма, пригорка и проч.

Вѣроятно, поощренный моимъ вопросомъ, ямщикъ обратился ко мнѣ со своимъ замѣчаніемъ. Растопыривши свою пятерню противъ вѣтра, къ сторонѣ моря, онъ говорилъ:

— Вѣдь оно у насъ такъ-то никогда не живетъ, чтобы покойно стояло, какъ въ ведрѣ бы, примѣрно, али въ кадкѣ: все зыбитъ, все шевелится, все этотъ *колышень* въ немъ ходитъ, какъ вотъ и теперь бы взять. И нѣтъ ему такъ-то ни днемъ, ни ночью покою: изъ-вѣковъ ужъ знать такое, съ той самой поры, какъ Господь его Богъ въ нашей сторонушкѣ проліялъ...

— А вотъ по осени у насъ падутъ вѣтра, аи! — какъ оно разгуляется! взводнишшо (волненіе) такой распуститъ, что безъ нужды-то большой и не суются.

— И вотъ гляди, твоя милость!—продолжалъ онъ, все тѣмъ же поучительнымъ тономъ, какимъ началъ, указывая своей пятерней на разстилавшееся подъ нашими ногами море: — никакую дрянь эту наше море въ себѣ не держитъ, все выкидываетъ вонъ изъ себя: всѣ эти бревна, щепы тамъ что ли — все на берегъ мечетъ: чистоту блюдетъ!

И онъ показалъ при этомъ на ряды сухихъ сучьевъ, до-

---

*) По наблюденіямъ г. Рейнеке, песокъ во время отлива обыхаетъ въ этихъ мѣстахъ на 30 саженъ, а возвышеніе прилива доходитъ до 3½ футовъ.

сокъ и тому подобнаго, рядами сбитыхъ на прибрежной песокъ, по которому мы продолжали ѣхать все дальше влѣво.

Въ морѣ бѣлѣлъ новый парусъ; солнце освѣтило большое судно.

— Ладья идетъ, замѣтилъ я: — должно-быть, изъ Архангельска?

Ямщикъ быстро оглянулся, удивленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ:

— А ты почемъ это смѣкаешь?

— Да вѣтеръ дуетъ оттуда, а ладья бѣжитъ парусомъ...

— Такъ, воистину такъ: знаешь, стало-быть; а то возимъ и такихъ, что и не смѣкаютъ. Не спуста же ты съ Волги-то сказывался (Архангельскіе поморы до того любопытны и подозрительны, что во всякой деревнѣ являются толпами и въ одиночку опрашивать всякаго: куда, зачѣмъ и откуда ѣдетъ, и всякою подробностью жизни новаго лица интересуются едва не больше собственной; въ этомъ поморскіе мужики похожи на великорусскихъ бабъ и нисколько на мужиковъ, почти всегда сосредоточенныхъ на личныхъ интересахъ и болѣе молчаливыхъ, чѣмъ любознательныхъ).

— А коли смѣкнулъ ты умомъ своимъ дѣло это, продолжалъ мой ямщикъ:—такъ я тебѣ и больше скажу. Лодья-то эта, надобыть, первосолку рыбу-тресочку съ Мурмана привозила; опять, знать, туды побѣжала за новой! Ѣдалъ-ли, твоя милость, свѣжую-то?

Получивши утвердительный отвѣтъ, ямщикъ продолжалъ:

— Больно вѣдь, хороша она, свѣжая-то; сахарина, братецъ ты мой, словомъ сказать! Намъ такъ и мяса твоего не надо, коли тресочка есть—вѣрно слово! У васъ тамъ, въ Расеѣ-то, какая больше рыба живетъ, на Волгѣ-то на твоей?

— Стерлядь, осетрина, бѣлужина, судаки...

— Нѣтъ, мы про этихъ и слыхомъ не слыхали, не ведутся у насъ. Стерлядь-то вонъ, сказываютъ, годовъ съ пять показалась на Двинѣ *), такъ ѣдятъ господа, да не хвалятъ же.

---

*) Появленіе въ Двинѣ стерляди весьма вѣроподобно объясняютъ тѣмъ, что она зашла сюда черезъ Екатерининской каналъ и осталась въ рѣкѣ по закрытіи его. Простой народъ (разсказываютъ при этомъ) считалъ ее

Треска, слышь, да сёмга наша лучше! Нѣтъ, у насъ вашей рыбы, нѣтъ: у насъ своя, вонъ видишь колышки?

Ямщикъ при этомъ указалъ въ море. Тамъ торчали въ несмѣтномъ множествѣ надъ водою колья, подлѣ которыхъ качался карбасъ, стоящій на якорѣ; изъ-за бортовъ суденка торчала человѣческая голова, накрытая теплой шапкой. Ямщикъ продолжалъ:

— Къ колышкамъ къ этимъ мы сѣти такія привязываемъ: такъ камбала заходитъ туда, навага опять, кумжа; кое-кое въ рѣдкую и сельдь попадаетъ, сёмушка—мать родная, барышная рыба! Да вонъ гляди: карбасокъ качается и голова торчитъ— это сторожъ. И какъ вотъ онъ запримѣтитъ, что заплыла рыба, толкнула сѣть, закачала *кибасы* (верхнія берестяныя трубочки, поплавки сѣти), онъ и взвопитъ. Въ избушкѣ-то вонъ въ этой, что у горы, бабы спятъ; услышатъ крикъ, придутъ, пособятъ вытащить сѣть, какая тамъ рыбина попадетъ — вынутъ.

— А мѣста-то вотъ эти, гдѣ мы камбалу ловимъ, *ка́легой* зовутъ, продолжалъ мой ямщикъ, видимо разговорившійся и желавшій высказать все по этому дѣлу. У насъ вѣдь, надо тебѣ говорить, на всякое слово свой отвѣтъ есть. Вотъ какъ бы это по твоему?

Онъ показалъ на прибрежье.

— Грязь, по моему, илъ...

— По нашему—*няша*; по нашему, коли няша эта ноги человѣчьей не подниметъ—*зыбунъ* будетъ. По чему давѣ ѣхали— *кечкаръ*: песокъ-отъ. Коли камней много навороченo по кечкару, что и не вдогадь проѣхать по нему — это *костли́вой* берегъ. Такъ вотъ и у насъ, а въ Онегѣ будешь — тамъ это увидишь вчастую. Тамъ больно море не ладно, костливо!

— Вотъ это, продолжалъ онъ опять: — что вода осталась отъ полой воды, лужи — *залёщины*. Такъ и знай! Ну да ладно же, постой!

поганою рыбою и потому за безцѣнокъ продавалъ любителямъ изъ чиновничьяго и купеческаго люда въ Архангельскѣ. Теперь, впрочемъ, и простонародье нашло въ ней вкусъ и цѣна на рыбу поднялась до 2 рублей серебромъ, за самую, впрочемъ, крупную.

Онъ замолчалъ, пристально всматриваясь въ море. Долго смотрѣлъ онъ туда, потомъ обернулся ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— А вѣдь про лодью-то про эту я тебѣ давѣ совралъ: лодья-то вѣдь соловецкая! Не треску, а, знать, богомольцевъ повезла.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Да гляди: на передней мачтѣ у ней словно звѣздочка горитъ. У нихъ навсегда на передней мачтѣ крестъ живетъ мѣдной; поближе бы стала, и надпись на кормѣ распозналъ. Онѣ, вѣдь, у нихъ..... лодьи-то росписныя такія бываютъ. Поэтому и вызнаемъ ихъ. И лодьѣ ихней всякой имя живетъ, какъ бы человѣку примѣрно. Зосима бы тебѣ, Саватей, Александръ Невской...

Между-тѣмъ волны начали плескать на песокъ замѣтно чаще и шумливѣе; въ лицо понесъ значительно свѣжій вѣтеръ (NO), называемый здѣсь полуношникомъ. Ладья обронила паруса. Небо, впрочемъ, по прежнему оставалось чисто и ясно. Поверхность моря уже замѣтно рябило волнами. Ямщикъ мой не выдержалъ:

— Вотъ, вѣдь, правду я тебѣ давѣ сказалъ: нѣтъ въ нашомъ морѣ спокою: всегда падетъ какой-нибудь вѣтеръ, вонъ и теперь на голомянной (морской) смѣнился.

При этихъ словахъ онъ повернулъ лицо на сторону вѣтра и, не медля ни минуты, опять замѣтилъ:

— Межникъ отъ полуношника ко встоку (ONO); ко встоку-то ближе: вотъ какой теперь вѣтеръ заводится. Пойдетъ теперь взводень гулять отъ этого отъ вѣтра, всегда ужъ такой, изъ вѣковъ!

Едва понятная, по множеству провинціализмовъ, рѣчь моего собесѣдника была для меня еще не такъ темна и запутанна, какъ темна, напримѣръ, рѣчь дальныхъ поморовъ. На нарѣчіе ямщика видимо вліяли еще близость губернскаго города и нѣкоторое общеніе съ проѣзжающими; въ дальномъ же Поморьѣ, особенно въ мѣстахъ удаленныхъ отъ городовъ, мнѣ не разъ приходилось становиться въ тупикъ, слыша на родномъ языкѣ, отъ русскаго же человѣка, непонятныя рѣчи. Прислушиваясь впослѣдствіи къ языку поморовъ, на ряду съ корельскими и древними славянскими я попадалъ и на такія слова, которыя изумительны были по своему мѣтко-вѣрному сочиненію; таково,

напримѣръ, слово *нѣжить*, заключающее собирательное понятіе о всякомъ духѣ народнаго суевѣрія: водяномъ, домовомъ, лѣшемъ, русалкѣ, обо всемъ, какъ бы *неживущемъ* человѣческою жизнію. Много находилъ я словъ, которыя, кажется, удобно могли бы замѣнить вкоренившіяся у насъ иноземныя; напримѣръ: *махавка*—флюгеръ, *перешва*—бимсъ, брусъ для палубной настилки, *возка*—транспортъ, *голомя* — морская даль, *дрогъ* — фалъ для подъема реи, *красная бетъ*—полный бейдевиндъ, *бетать* — лавировать, *приказенье*—люкъ, *упруга* — шпангоутъ и проч., и проч. Правда, что въ тоже время попадаются и такія слова, каковы, напримѣръ: *лемеха*—подводная отмель, *падера*—бурная погода съ дождемъ, *алажъ*—мѣсто на суднѣ, усыпанное пескомъ и замѣняющее печь, *гуйна* — бутка на холмогорскомъ карбасѣ... но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

— Что это тебя охмарило, твоя милость?—снова заговорилъ мой ямщикъ.

— Что ты говоришь?—спросилъ я.

— Да, вишь, тебя словно схитилъ кто, осерчалъ, что-ли?

— Задумался.

— То-то. А я думалъ, не отъ меня ли молъ?

— А что, землякъ?—началъ я, чтобы поддержать снова завязавшійся разговоръ между нами.

— Чего твоей милости надо: спрашивай!

— Неужели у васъ только на морѣ и промыселъ?

— У насъ-то?

— Да.

— Не всѣ у моря; въ городъ ходятъ; на конторахъ тамъ живутъ; суда опять чинятъ...

— Да, вѣдь, вы и хлѣбъ, кажется, сѣете?

— Какъ же! треть ржи высѣваемъ, двѣ трети жита (ячменю). Да что ты захотѣлъ отъ нашего хлѣба? Только, вѣдь, слава-то, что сѣемъ, себя надуваемъ, а гляди, все казенной ѣдимъ: своего не хватаетъ. Вонъ лѣта-то наши, видишь, какія у насъ: все холода стоятъ; гдѣ ему тутъ хлѣбушку уродиться? Не уродиться ему, коли и хорошее лѣто задастся. Вотъ и посѣемъ, и надежду на это большую положимъ, и ждемъ, и въ радость приходимъ: взойдетъ наше жито, и сѣмя нальется, а тамъ, гляди, изъ кажной мшины и пошолъ словно паръ туманомъ: все и прохватитъ и позябнетъ твой хлѣбъ — твои

труды. Изъ чего тутъ биться, къ какому концу приведешь себя?—ни къ какому; вѣрь ты слову!

— Вонъ, коли хочешь, поле-то наше, все оно тутъ налицо! — продолжалъ ямщикъ, опять указывая на море. Это поле и пахать не надо: само, безъ тебя, рожаетъ. Вонъ откуда мы хлѣбушко-то свое добываемъ, и не обижаетъ, ей Богу! Поведешь съ нимъ дѣло, безъ лихвы не выйдешь изъ него, ей Богу!...

Мы повернули въ гору. Вода значительно прибывала, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Волны морскія становились круче и отдавали глухимъ шумомъ, который такъ увлекателенъ былъ во всемъ этомъ безлюдьи. Есть гдѣ было разгуляться и этому морю, и этому шуму, изъ за котораго не слыхать уже было ни чаекъ, не видать уже было ладьи, ни сторожевыхъ карбасовъ. Мы ѣхали недолго и, стало быть, немного, когда подъ нашими ногами, подъ горой, раскинулась неширокая рѣка Сӧлза, а по другую сторону — небольшое селеніе того же имени, съ деревянною церковью. Надо было переѣзжать на карбасѣ и тащить свои вещи пѣшкомъ съ полверсты, для того, чтобы взять новыхъ лошадей и повѣрить личными разспросами ту поговорку, которая ходитъ про сӧлзянъ, и по смыслу которой, будто они, выходя на морской берегъ, къ устью рѣки своей, и видя идущую моремъ ладью, говорятъ на вѣтеръ: «Разбей Богъ лӧдью—накорми Богъ Сӧлзу». Настоящій же смыслъ этой поговорки оказался таковъ, что Сӧлза, находясь въ довольно значительномъ удаленіи отъ моря, на рѣкѣ, въ которую только осенью (и то въ небольшомъ количествѣ) заходитъ сёмга, живетъ бѣдно, живетъ почти исключительно, можно сказать, случайностями: или тою же починкою разбившейся о ближайшій, богатый частыми и значительными по величинѣ песчаными мелями, морской берегъ, или ловлею морскаго звѣря — *бѣлуги*, которая годами только заходитъ сюда. Хлѣбопашество въ Сӧлзѣ также незначительно, по безплодію почвы и суровости полярнаго климата, и вообще деревушка эта, и при наглазномъ осмотрѣ, бѣднѣе многихъ другихъ.

Также незначительно хлѣбопашество и въ слѣдующемъ поморскомъ селеніи Нёноксѣ; но посадъ этотъ несравненно богаче и многолюднѣе Сӧлзы. Не говоря уже о томъ, что Нёнокской посадъ, вслѣдствіе какой-то случайности, разбитъ на правиль-

ные участки, съ широкими прямыми улицами, самые дома его глядятъ какъ-то весело своими двумя этажами. Въ немъ двѣ церкви, изъ-за которыхъ синѣетъ узкая полоса моря, удаленнаго отъ посада, прямымъ путемъ, на шесть верстъ. По улицамъ бродитъ пропасть коровъ, овецъ, лошадей; попадается, противъ ожиданія, много мужиковъ и не въ рваныхъ лохмотьяхъ, какъ въ Солзѣ; видимо, живутъ они зажиточно и живутъ большею частію дома, не имѣя нужды отходить отъ него. Множество какихъ-то длинныхъ, мрачныхъ съ виду избъ, попадавшихся мнѣ на дальнѣйшемъ пути по берегу изъ Неноксы въ Сюзьму и оказавшихся соляными варницами, принадлежитъ посадскимъ. Въ этомъ исключительномъ занятіи вываркою изъ морской воды соли *) Ненокшане находятъ средства къ замѣчательно безбѣдному существованію; а въ осенней ловлѣ сём-

---

*) Всѣхъ соловаренныхъ заводовъ по прибрежьямъ Бѣлаго моря насчитываютъ до 10-ти. Кромѣ того, 12 соляныхъ колодцовъ принадлежатъ къ варницамъ посада Неноксы. Соль, вывариваемая здѣсь, называется *ключевкой*, тогда какъ соль, добываемая на дальнихъ варницахъ Лѣтняго берега, напримѣръ въ Красномъ селѣ, называется *морянкой*. Дѣло выварки соли производится такимъ образомъ: къ *црену*—огромному желѣзному ящику, утвержденному на желѣзныхъ же полосахъ снизу и на четырехъ столбахъ по сторонамъ—прокапываютъ отъ моря канаву или проводятъ трубы. Канавой этой или трубами протекаетъ морская вода (разсолъ) и наполняетъ чанъ до верху. Снизу подкладываютъ огонь и нагрѣваютъ разсолъ этотъ до состоянія кипѣнія и испаренія; затѣмъ накипѣвшую грязь снимаютъ сверху лопаткой, а оставшуюся на днѣ црена массу (по прекращеніи водяныхъ испареній) выгребаютъ и сушатъ уже на воздухѣ. При этомъ на каждой пудъ соли идетъ 1 сажень дровъ. Касательно крѣпости морскаго разсола замѣчаютъ туземцы слѣдующее: разсолъ у Красной горы на 3 процента сильнѣе разсола сосѣднихъ варницъ, въ срединѣ моря на 4 процента, у Св. Носа уже на 5 процентовъ. Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ, крѣпость разсола зависитъ также отъ временъ года. Такъ, напримѣръ, весною разсолъ у Красной горы двинскою водою такъ бываетъ разжиженъ, что выварку соли должны бываютъ пріостанавливать на апрѣль и май мѣсяцы. При этомъ замѣчаютъ также то естественное явленіе, что въ тихую погоду вывариваемая соль чище, при вѣтрахъ выдѣляется окончательно грязная, а при продолжительно тихихъ погодахъ и солнечномъ сіяніи она кристаллизуется сама собою на прибрежныхъ камняхъ и лудахъ. Вода бѣломорская содержитъ въ себѣ слѣдующія составныя части: сѣрнокислую магнезію и известь, соленокислую соду и магнезію, и углекислую известь и магнезію.

ги и другой мелкой морской рыбы ищутъ только простаго средства прокормить самихъ себя и семьи своей, некупленной пищей. Правда, что дѣло выварки соли ведется—во имя русскаго авось, небось, да какъ нибудь — небрежно; разсолъ, проходя черезъ грязныя, никогда невычищаемыя трубы, даетъ соль какого-то грязнаго, чорнаго вида съ известковымъ отложенiемъ и другими негодными къ употребленiю примѣсями. Правда, что эта соль даже и вкусомъ своимъ, отдающимъ какою-то горечью, не выполняетъ главнаго своего назначенiя и не заключаетъ необходимаго характеристическаго свойства своего — солености, и, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо отошла достоинствомъ своимъ отъ норвежской и французской соли, вывозимой поморами изъ-за границы (черезъ Норвегiю) безпошлинно. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить себѣ то, что по берегу Бѣлаго моря много уже соловаренъ прекратили свои работы и что поморы рѣшительно не пускаютъ въ дѣло, при соленiи рыбы свою соль, ограничивая ея употребленiе только за домашнею трапезою въ приваркѣ и въ другихъ прѣсныхъ блюдахъ. А между тѣмъ разсолъ морской воды по всему Лѣтнему берегу до того крѣпокъ, что даетъ возможность къ существованiю, до настоящаго времени, въ слѣдующемъ за Неноксой небольшомъ селенiи — Сюзьмѣ, морскихъ купаленъ, которыя давно и положительно облегчаютъ страданiя многимъ архангелогородцамъ, выѣзжающимъ сюда, по лѣтамъ, на дачи. Точно также мелькнули и мимо меня городскiя шляпки, зонтики, пастушескiя шляпы съ широкими полями и трости, въ мой проѣздъ черезъ это селенiе, какъ мелькали они и въ 1831 году, когда начались сюда изъ Архангельска первые выѣзды больныхъ для морскихъ купанiй.

Тѣже задымленные, старые саловаренные сараи, пропитанные копотью, смрадомъ и сыростью, попадаются за Сюзьмой: въ Красной горѣ и въ Унскомъ посадѣ; тѣже слышатся разсказы о томъ, что и здѣсь ловятъ, по осенямъ, въ переметы сёмгу; что въ невода охотно попадаетъ и навага и кумжа; что также у берега выстаютъ бѣлуги, но что не ловятъ ихъ за неимѣнiемъ неводовъ, которые дорого стоятъ; невода эти архангельскiе барышники и готовы уступать на прокатъ, но только за невѣроятно дорогую процентную сумму, отъ которой-де легче въ петлю лѣзть, чѣмъ класть обузой на свои доморощенныя, не-

купленныя плечи; что во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по осенямъ, идетъ и сельдь, но въ весьма незначительномъ количествѣ, сравнительно съ кемскимъ поморьемъ. Тѣже двухъ-этажные дома, тѣже деревянныя церкви, или вмѣсто ихъ такія же часовни, мелькаютъ въ каждомъ селеніи; тѣмъ же безлюдьемъ поражаютъ прибрежья моря; тѣже, наконецъ, кóлушки торчатъ въ водѣ у берега и качается на волнѣ карбасъ со сторожемъ. Разницы въ способахъ веденія промысловъ между всѣми этими селеніями нѣтъ никакой; кромѣ, можетъ быть, того только, что въ Унѣ (посадѣ) обыватели ходятъ также и въ лѣсъ за лѣсной птицей, по примѣру слѣдующихъ деревень, къ городу Онегѣ, на значительное уже разстояніе удаленныхъ отъ моря, каковы: Нижм-озеро, Кянда, Тáмица, Покровское и другія. На 20, на 30 верстъ удалены селенія одно отъ другаго, и только по двѣ, много по три, часто пустыхъ промысловыхъ избушекъ напоминаютъ, на всѣхъ этихъ перегонахъ между приморскими деревнями, о близости жизни, труда и разумныхъ существъ. Чѣмъ то необычайно-пріятнымъ, какъ будто какою то наградою за долгія мученія, кажется, послѣ каждаго переѣзда, любое изъ селеній, въ которое ввезутъ наконецъ съ великимъ трудомъ передвигающія ноги почтовыя лошаденки. Тоже точно испытывается и въ слѣдующихъ за Сюзьмой селеніяхъ: въ деревнѣ Красной горѣ и въ посадѣ Унскомъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Уны, съ крайней и послѣдней къ морю горы, можно (съ трудомъ впрочемъ) усмотрѣть небольшой край дальной губы, носящей имя сосѣдняго посада. Губа эта памятна русской исторіи тѣмъ, что судьба указала ей завидную долю принять на свои тихія воды, защищонныя узкимъ проходомъ *(рогами)* отъ морскаго вѣтра, ту ладью, которая въ 1683 году едва не разбилась, въ страшную бурю 2-го іюня, о подводныя мели и едва не потопила вмѣстѣ съ собою надежду Россіи — Великаго Петра. Западный мысъ или рогъ, называемый *яренгскимъ* (ниже сосѣдняго красногорскаго), покрытъ березнякомъ и держитъ передъ собою песчаную осыпь, которая въ ковшѣ губы, на низменномъ прибрежьи, покрыта лугами, а дальше по горѣ—лѣсомъ и пашнями. Красногорскій рогъ, покрытый сосникомъ и возвышающійся надъ водою на 11 слишкомъ саженъ, закрываетъ со стороны моря небольшой, бѣдный иноками и сред-

ствами къ жизни заштатный монастырь *Пертоминскій* и двѣ деревушки съ саловарнями.

Въ Пертоминскомъ монастырѣ разскажутъ, что основаніе ему положено при царѣ Грозномъ (1599 года), сергіевскимъ старцемъ Мамантомъ, въ часовнѣ, выстроенной надъ тѣлами утонувшихъ въ морѣ соловецкихъ монаховъ Вассіана и Іоны и выкинутыхъ здѣсь на берегъ; что въ 1604 году іеромонахъ Ефремъ выстроилъ церковь Преображенія, ходилъ въ Вологду за антиминсомъ, на пути былъ ограбленъ и убитъ литовскими людьми; и что, наконецъ, только въ 1637 году удалось кончить дѣло строенія монастыря понойскому іеромонаху Іакову, построившему вторую церковь Успенія и собравшему людное братство. Покажутъ также, что время основанія церкви каменной относится къ 1685 году, и прибавятъ ко всему этому то, что немногочисленность братіи въ настоящее время зависитъ отъ крайняго удаленія монастыря въ сторону отъ большой дороги; что питаются они промысломъ рыбы и подаяніемъ отъ богомольцовъ, изрѣдко заходящихъ сюда по пути въ монастырь Соловецкій; что имѣютъ нѣсколько головъ рогатаго скота — и только.

Слѣдующія по Лѣтнему берегу селенія — Яренга и Лапшенга — выстроены на песчаномъ берегу и оба имѣютъ по одной церкви, около 50 домовъ и по сту обывателей. Яренгская церковь выстроена надъ тѣлами св. Іоанна и Логина, также утонувшихъ въ морѣ, вблизи Яренги, во времена царствованія Іоанна Васильевича Грознаго, около 7102 (1594 года). Съ сѣвера отъ Лапшенги берегъ къ деревнѣ Дураковой значительно возвышается, выступаютъ изъ за прибрежьевъ лѣсистые холмы, извѣстные подъ названіемъ *Лѣтнихъ горъ* (поднявшіеся надъ моремъ отъ 30 до 50 саженъ). Однако, общій видъ берега безотраденъ: тускло горятъ, во всегдашней мрачности воздуха бѣломорскихъ прибрежьевъ, сельскіе кресты и главы, хотя солнце и благопріятствуетъ лучшему явленію; сѣренькими кучками кажутся изъ морской дали дома деревень этихъ; за ними мрачно чернѣетъ лѣсъ, раскинутый по горамъ, и страшно глядятъ зубья и щели прибрежнаго гранита, за которой цѣпляется весь этотъ соснякъ и ельникъ. За маленькой, бѣдной деревней Дураковой къ Ухтъ-Наволоку берегъ становится до того *костливъ*, или каменистъ, что кажется цѣлой стѣной, огромной полѣнницей набросанныхъ одинъ на другой кругляковъ. Къ тѣмъ изъ

нихъ, которые понимаются водой, прицѣпилось несмѣтное множество маленькихъ, бѣлаго цвѣта раковинокъ, въ которыхъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и приливовъ воды, развиваются морскія улитки, и видится тура, или морская капуста. Обхвативши листьями своими, блѣдно-зеленаго цвѣта, прибрежный камень, тура плаваетъ на поверхности воды, не отходя дальше отъ мѣста своего прикрѣпленія и, вѣроятно, поддерживается въ этомъ пловучемъ положеніи тѣми шариками, которые замѣняли здѣсь, вѣроятно, и цвѣтъ и плодъ, и которые сильно щолкали и подъ ногами и въ рукахъ, отъ нажиманья.

Ловъ мелкой рыбы по всему Лѣтнему берегу производится въ слѣдующихъ родахъ этихъ рыбъ и по слѣдующимъ способамъ. Первое мѣсто здѣсь, по болѣе значительному улову, принадлежитъ *навагѣ*, величиною не превосходящей двухъ четвертей. Наружнымъ видомъ, по отсутствію чешуи или клёска, навага похожа на налима и треску; съ послѣднею она имѣетъ еще то поразительное сходство, что также кровожадна, если не больше, и также питается рыбою, меньшею ея по величинѣ. Въ концѣ октября или въ началѣ ноября навага бываетъ самая крупная по той причинѣ, что она въ это время въ устьяхъ приморскихъ рѣкъ мечетъ свою мелкозернистую икру, годную въ употребленіе только въ свѣже-просольномъ видѣ. Привозимая въ Архангельскъ мороженою, она доставляетъ дешовую и вкусную пищу для тамошняго бѣднаго простаго народа. Способъ ловли рыбы прямо основывается на исключительномъ свойствѣ ея— кровожадности. Онъ состоитъ въ томъ, что къ лѣскѣ уды привязывается кусочекъ свинцу, длиною въ четверть, а къ нему, на ниточкахъ, уже и самая наживка. Это иногда куски той же наваги. Алчная рыба, не замѣчая того, хватается за наживку тотчасъ, какъ только замѣтитъ ее въ водѣ и такъ плотно присасывается своимъ круглымъ, огромнымъ ртомъ все дальше и больше, что потомъ приходится отбивать ее объ ледъ, или отдирать руками съ значительно сильнымъ напряженіемъ. Нерѣдко вытаскивали на наживкѣ нѣсколькихъ навагъ, ухватившихся зубами одна за хвостъ другой. Такъ ловятъ навагу по осенямъ въ Мезени въ прорубяхъ, и замѣчаютъ притомъ, что рыба не хватаетъ наживки въ то время, когда мечетъ икру, и потомъ съ весны присасывается также алчно, какъ и осенью. За достовѣрное также разсказываютъ тамъ, что навага у одного

клюетъ необыкновенно охотно, у другаго лѣниво и даже совсѣмъ не беретъ наживки, хотя рыбакамъ приходится сидѣть рядомъ у одной и той же проруби, и хотя не разъ приводилось имъ мѣняться удами. Можетъ быть, во взаимномъ сродствѣ животнаго электричества заключается причина этому явленію. Извѣстно также, что употребленная въ пищу рыба эта надолго оставляетъ во рту свой непріятный характеристическій запахъ, какого не замѣчается при употребленіи другихъ бѣломорскихъ рыбъ.

Ко́рюха, также въ значительномъ количествѣ идущая къ Лѣтнему берегу Бѣлаго моря, доставляетъ туземцамъ значительный продуктъ для сбыта на архангельскомъ рынкѣ. Рыба эта одной и той же породы съ корюшкою, которая ловится въ Невѣ и Ладожскомъ озерѣ, съ тою только разницею, что изъ моря заходитъ въ рѣки не на значительныя пространства и что вкусомъ своимъ она мягче, хотя и меньше тѣломъ и не обладаетъ тѣмъ непріятнымъ запахомъ, который поразителенъ въ петербургской корюшкѣ. Продается она простому народу въ «Городѣ» по зимамъ мороженою, а по лѣтамъ или сушоною въ печахъ, или вяленою на солнцѣ.

Ка̀мбала— менѣе жирная, чѣмъ рижская, но той же палтусинной породы, только гораздо меньшая ростомъ (палтусъ бываетъ вѣсомъ отъ 7 фунт. до 10 пудовъ; камбала самая крупная ½ аршина длины и самая мелкая 3 и 4 вершка). Крутое и бѣлое мясо ея бываетъ лучше вкусомъ весною и лѣтомъ, когда рыба эта любитъ зарываться въ тинистыя, иловатыя мѣста при устьяхъ приморскихъ рѣкъ. Отливъ несетъ ее всегда въ море, приливъ приноситъ ее за собою иногда въ несмѣтномъ количествѣ. Плаваетъ она необыкновенно быстро, причомъ единственный глазъ ея обращонъ кверху и самая рыба бѣжитъ обыкновенно такъ, что чорная спина ея обращена къ поверхности воды плашмя. Особенно много этой рыбы въ рѣкѣ Онегѣ и въ болѣе значительныхъ рѣкахъ Лѣтняго берега и въ рр. Тамицѣ и Ухтѣ— Онежскаго. Идетъ она, большею частію, на мѣстное потребленіе, но въ незначительномъ числѣ и въ вяленомъ видѣ отпускается на продажу. Камбалъ ловятъ на такъ называемые *продо́льники*—тоненькія веревки (саженъ 15—20 дл.), къ которымъ на каждомъ почти полуаршинѣ привязаны наниткахъ крючочки. Нитки эти носятъ названіе *подлѣски*; крючки ихъ желѣзные. Продольники укрѣпляются на днѣ двумя якорями

(камнями); крючки наживляются мелкими морскими червями, которыхъ выкапываютъ изъ морскаго песку.

Менѣе прочихъ распространенная въ бѣломорскихъ водахъ рыба *кумжа* (тоже, что *форель*—salmo trutta), болѣе всѣхъ предыдущихъ рыбныхъ породъ, любитъ ходить изъ моря далеко въ рѣки и даже озера (каковы, напримѣръ, дальнѣйшія отъ моря: лопарское Имандра и корельское-Тѡпозеро). Клёскъ этой рыбы, какъ и у невской форели, украшенъ красными и чорными пятнами, тѣло такого же нѣжно-розоваго цвѣта, а величина доходитъ у самой большой до $2^1/_2$ футовъ. Въ продажу рыба эта не идетъ, по неудобству солить ея мягкое, нѣжное мясо, которое скоро горкнетъ и даже въ мороженомъ видѣ сохраняется недолго. Въ Архангельскъ обыкновенно привозятъ ее сонною, хотя еще и достаточно свѣжею, годною для употребленія.

Всѣ эти три послѣднія породы рыбъ бѣломорскихъ (кумжа, корюха и камбала) попадаютъ часто уже въ готовыя сѣти, хотя бы даже и сёможьи; но чаще всего ловятъ ихъ въ такъ называемыя *юнды* (сѣти), которыя употребляютъ безъ поплавковъ и, прикрѣпленными на кольяхъ, ставятъ поперекъ рѣки. Въ мелкихъ мѣстахъ моря, около устій, бабы-поморки бродятъ тѣже сорты рыбъ сѣтями, называемыми перемётами и которыя бываютъ уже съ верхними поплавками. Въ ячеяхъ этихъ перемётовъ (тѣхъ же волжскихъ неводовъ) вязнетъ рыба, и такимъ образомъ легко дѣлается достояніемъ промышленниковъ.

Въ Унской губѣ часто попадается на уды такъ называемая *рявца* или *ревякъ*, испускающая изо рта родъ слабаго рева, послѣ того, какъ бываетъ вынута изъ воды. Рыба эта величиною съ окуня, чрезвычайно прожорлива и обладаетъ способностью плавать необыкновенно быстро; для того у ней широкія и длинныя перья. Шероховатая кожа испещрена чорными и изъ-жолта красноватыми пятнами. Почитая эту рыбу ядовитою, поморы не употребляютъ ее въ пищу; къ тому же она *чрезвычайно костлива*. На этой послѣдней особенности рявца поморы предположили въ ней способность излечивать отъ колотья, и потому сушатъ ее и кладутъ подъ постель страждущаго.

Въ рѣкѣ Онегѣ, около каменистыхъ ея береговъ и верстахъ въ 25 отъ ея устья, вылавливаются *миноги*, принадлежащія къ породѣ амфибій и долгое время у тамошняго простаго народа

извѣстныя подъ именемъ водяныхъ змѣекъ. Рыба эта (если только можно называть ее рыбой) заходитъ сюда также изъ моря. Выловленная, слегка поджаренная на большихъ сковородахъ, или просто на желѣзныхъ листахъ, и потомъ маринованная въ уксусѣ съ горошчатымъ перцомъ и лавровымъ листомъ, пускается въ продажу. Мѣстное употребленіе ея, до сихъ еще поръ, весьма незначительно. Ловятъ ее въ деревянныя мережи, сдѣланныя на подобіе лукошокъ.

Изъ остальныхъ породъ рыбъ вылавливаются по Лѣтнему берегу только уже *рѣчныя* рыбы: щуки, окуни, лещи, и притомъ исключительно въ озерахъ, и такъ рѣдко, и въ такомъ, сравнительно, незначительномъ количествѣ, что не идутъ въ продажу, но даже рѣдко составляютъ предметъ мѣстнаго потребленія. Мурманскія треска и палтусина и собственныя морскія рыбы совершенно удовлетворяютъ неприхотливому вкусу трудолюбивыхъ, честныхъ, добродушныхъ поморовъ прибрежьевъ Лѣтняго и Онежскаго.

Вотъ почти все, что удалось мнѣ вызнать изъ наглазнаго знакомства съ Лѣтнимъ берегомъ, который кончается въ Ухтъ-Наволокѣ и заворачивается здѣсь, по прямому направленію къ SW, уже подъ именемъ Онежскаго берега. Съ каменистаго мыса Ухтъ-Наволока виднѣлся, вдали моря, по направленію къ сѣверо-востоку, островъ *Жожгинъ* или *Жегжизня* *), какъ будто весь затянутый въ туманъ, островъ, обитаемый только служителями при маякѣ, освѣщаемомъ съ 1842 года. Когда-то жили на немъ вольные лоцмана для провода судовъ къ городу Онегѣ и Соловецкому монастырю, переселившіеся потомъ на мысъ Лѣтній-Орловъ. Въ серединѣ Жожгина, какъ говорили, возвышается гора, крутая къ дальному морю, отлогая по направленію къ Лѣтнему берегу и въ этомъ мѣстѣ и по низменностямъ покрытая кустарникомъ. Въ низменностяхъ по озерамъ держится прѣсная вода; весь островъ почти неприступно осыпанъ крупными каменьями; величина его въ длину около 5-ти верстъ и около 2-хъ въ ширину, и на немъ, также какъ и на всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ по величинѣ лудахъ, прицѣ-

---

*) О происхожденіи названія этого острова, по народнымъ преданіямъ, я имѣю случай говорить въ IV-й главѣ этого тома: «На шкунѣ».

пилась не одна промысловая избушка, временно посѣщаемая береговыми промышленниками.

На томъ же карбасѣ, замѣняющемъ здѣсь тряскую телѣгу и пару обывательскихъ лошадей, объѣхалъ я и Онежскій берегъ, до села Нижмозера, откуда, черезъ Кянду, Тамицу и Покровское, шла уже почтовая дорога и везли на той же парѣ почтовыхъ лошадей. Помнятся на всемъ берегу гранитныя ущелья, кое-гдѣ высокія горы (до 30 и 40 саж. высотою), крупный сосиякъ по нимъ; изрѣдка низенькій, тоненькій, какой-то убогій березнякъ; по низменностямъ — луга, по нѣкоторымъ горнымъ отклонамъ — пашни съ ячменемъ; помнится ласковость и привѣтливость всѣхъ жителей въ деревняхъ Лѣтней Золотицѣ и Пушлахтѣ, еще не выстроившейся послѣ недавняго англійскаго разгрома, и въ селѣ Лямицѣ. Помнится, привезли меня въ слѣдующее село Пурьему, съ двумя церквами, болѣе другихъ людное и приглядное. И, какъ теперь, вижу передъ собой хозяина моей отводной квартиры, явившагося съ слѣдующимъ интереснымъ извѣстіемъ и запросомъ:

— Бѣлуга подошла—рыбку обижаетъ; неводъ наладили, къ утру ѣдемъ; не желаешь-ли?

— Боюсь, не покусалъ бы звѣрь?

Хозяинъ на эти слова чуть не расхохотался.

— Нашолъ ты звѣря злого! На-ко поди: да смирнѣе звѣря этого и въ поднебесной нѣту; даромъ, что съ корову ростомъ, а разумомъ-то да смирнотой своей и теленка не осилитъ. Поѣдемъ — знай! Посмотри-ка, ково тебѣ смѣшно и любопытно будетъ! Я, вѣдь, къ тебѣ не врать пришолъ, а дѣло сказывать. Собирайся!

Черезъ часъ онъ опять явился ко мнѣ и принесъ орудія, съ такимъ оговоромъ:

— Я вотъ принесъ къ тебѣ, чѣмъ ты и заняться можешь, чтобы и тебѣ пай былъ. Ѣдемъ мы двумя деревнями: наши съ лямицкими одинъ неводъ держатъ, поровну и дѣлежъ дѣлаютъ.

Орудія, принесенныя имъ, оказались *пѣшней* и *кутиломъ*. Пѣшня было не иное что, какъ ломъ, которымъ раскалываютъ по зимамъ ледъ на всемъ пространствѣ Россіи: тотъ же желѣзный, съ краю заостренный наконечникъ, деревянная рукоять, длиною около сажени, плотно прикрѣпленная гвоздями къ самой пѣшнѣ (наконечнику). Кутило отличалось отъ пѣшни

только тѣмъ, что желѣзный наконечникъ (собственно *кутило*) на концѣ имѣлъ загибъ, на подобіе крюка, и палка не прикрѣплялась къ нему гвоздями, а свертывалась и въ дѣлѣ служила только рычагомъ для усиленія удара. Къ кутилу, въ замѣнъ рукоятки, прикрѣплена была длинная (саженъ 8-ми) веревка.

— Теперь, вишь, у насъ время такое стоитъ, что трава не дошла: *страду* затѣвать еще рано, о жнивѣ и думать немоги; только вотъ и можно бѣлугу ловить. Она, на тотъ разъ словно угорѣлая, только, кажись, на наши берега и лѣзетъ: удержу нѣтъ. Извѣстно, тутъ только подавай Боже, а мы четыреста рублезъ на серебро за свой неводъ потратили, да вотъ рублей по пятидесяти (тоже на серебро) ежегодъ на починку изводимъ. Потому этотъ неводъ нашъ собственной.

— На какихъ же условіяхъ берутъ на прокатъ отъ архангельскихъ?

Хозяинъ на слова эти рукой махнулъ и потомъ примолвилъ:

— Тамъ вѣдь это—неволя, по Лѣтнему взять или по Зимнему берегу. Тамъ, слышь, возьмутъ этотъ неводъ-отъ, да и думаютъ: «Пошли-ко молъ, Господи, звѣря-то, что ни на есть больше; было бы что за неводъ заплатить, да изъ остатковъ и себя бы не обдѣлить, не обидѣть». И много ли, мало ли звѣря придетъ, а половину выручки отдай неводному хозяину, хоть лопни: а другой разъ закинешь неводъ — опять половину отдай; да хоть все лѣто мечи его—все половину отдавай. Такъ ужъ тотъ злодѣй-отъ и стоитъ надъ тобой, блюдетъ за каждымъ за твоимъ выѣздомъ. Тамъ и выметываютъ, стало быть, чаще; тамъ ужъ и избушекъ сторожевыхъ по берегу-то насыпано больше нашего; тамъ и сторожей сидитъ много; оттуда и на Мурманъ мало хотятъ. Тамъ ужъ, коли начала выставать бѣлуга, много не зѣваютъ; какъ запримѣтятъ, сейчасъ кричатъ на берегъ: «Богъ-де въ помощь!» и выѣзжаютъ.

— А какъ у насъ-вотъ неводокъ-отъ свой завелся, мы и благодаримъ Бога; разъ въ годъ починишь его, да ужъ и не горюешь: знаешь, что неводъ этотъ тебѣ лѣтъ восемь, а не то и всѣ десять прослужитъ; только имѣй ты за нимъ глазъ да блюденье. Мы ужъ и упромыслимъ что на этихъ бѣлугахъ: на сорокъ человѣкъ своихъ раздѣлимъ, да другаго ужъ и не знаемъ никого. И части мы эти дѣлимъ поровну, потому какъ

всѣ равныя деньги на неводъ клали, всякой на промыселъ идетъ на своихъ харчахъ, со своимъ достаткомъ. Вотъ этакъ-то мы и ловимъ бѣлугъ по лѣтамъ: три недѣли въ Петровомъ посту (съ Прокофья косить начинаемъ), за три недѣли передъ Ильинымъ днемъ. Дѣло то и идетъ у насъ ровно, и плечъ-то нашихъ не давитъ, не тяготитъ.

— А видалъ-ли ты неводъ бѣлужій?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ еще не случалось...

— Сами плетемъ, а которые и соловецкимъ монахамъ заказываютъ (да берутъ они дорого). Сѣти мы эти плетемъ изъ бичовокъ голанскихъ, сколько можно толстыхъ; ячеи въ этой сѣти по шести *верховъ* (вершковъ) въ поперечникѣ затѣмъ, что на рыбу тутъ не надѣешься; рыба тутъ самая большая проскочитъ; а бѣлуга звѣрь такой, что хоть ты въ сажень ячею-то дѣлай, не проскочитъ. Неводъ этотъ на саду сидитъ саженъ съ тысячу, да веревокъ однѣхъ у него цѣлую версту. Такъ — вотъ, смотри, какой большой неводъ этотъ. А затѣмъ и бѣлуга—сальной звѣрь, а не кожной, какъ бы лысунъ али нерьпа, заячъ. И тѣхъ къ намъ много проходитъ; да ладно! съ тѣмъ и прощай!.. ложись отдыхать и я тоже, потому карбасъ-отъ ужъ налаженъ и про твою милость...

Рано утромъ разбудилъ онъ меня еще въ сумерки, или въ тотъ полусвѣтъ, который держался въ это время съ часъ между вечерней зарей и утренней, такъ что ночи, въ собственномъ смыслѣ, рѣшительно не было. На карбасъ свой онъ поставилъ кадушку съ просоленой треской, бросилъ мѣшочекъ со ржанымъ хлѣбомъ и житникомъ—небольшимъ караваемъ ячменнаго хлѣба, который можно употреблять въ пищу только въ тотъ день, когда онъ испечонъ, и который, за ночь, для слѣдующаго дня такъ черствѣетъ и портится, что положительно становится негоднымъ къ ѣдѣ, окаменѣлымъ. Три пѣшни и три кутила лежали тутъ же, подлѣ насъ, въ карбасѣ. Мы отправились.

Дорогой хозяинъ успѣлъ сообщить мнѣ, что бѣлуга любитъ чаще приходить къ ихъ берегу, чѣмъ въ другія мѣста, и какъ главная цѣль ея появленія въ Бѣломъ морѣ—отыскивать пищи въ видѣ сёмги, сельдей и другой рыбы, то поэтому и рыбы этой на Онежскомъ берегу меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Сказывалъ также и то, что и самый берегъ этотъ удобнѣе для ловли бѣлуги, по значительному количеству мелей, на которыя

удобно загонять звѣря, и что по этому случаю на Онежскомъ берегу бѣлугъ вылавливается больше, чѣмъ гдѣ-либо.

— Главная причина, говорилъ онъ: — не стоялъ бы шалоникъ (NW) долго; шалоникъ отдираетъ звѣря. А на этого звѣря пуще, чѣмъ на другого какого, вѣтеръ свою силу имѣетъ. Вотъ, разсказывали, выставала было налысъ бѣлуга-то у Лѣтняго берега, да зазнала: къ устьямъ (двинскимъ) пошла; а тамъ пали вѣтра — угребла, знать, въ Кандалуху (Кандалажскую губу). Можетъ, которая половина и на нашу долю достанется.

— Ишь времячко-то теперь какое красивое стоитъ — любо да два! — говорилъ потомъ хозяинъ мой, не одинъ разъ любуясь погодой. Дѣйствительно во всей своей необъятной красѣ, какъ огненной шаръ безъ лучей, выплывало изъ-за дальняго края моря лѣтнее солнце. Пронизавши воду своимъ пурпуровымъ отцвѣтомъ, солнце выглянуло изъ-за воды сначала краемъ, который постепенно и замѣтно увеличивался и золотилъ воду. Вотъ, наконецъ и все солнце, весь этотъ огненной шаръ на нашихъ глазахъ; кругомъ его заклубился словно паръ, отливавшій потомъ какъ будто дальными, свивавшимися клубомъ облаками. Ближніе къ солнцу края облаковъ этихъ желтѣли, дальные еще отливали пепельнымъ цвѣтомъ; но солнечныхъ лучей не видать было часъ, не видать другой. Солнце замѣтно, почти на нашихъ глазахъ, отмѣряло пространство и скоро взбиралось по небу. Кажется, если бы не обманывающій ходъ лодки все впередъ и впередъ, можно было бы рѣшительно замѣтить этотъ скорый подъемъ, почти бѣгъ солнца къ зениту. Свѣтъ значительно усиливался; на морѣ было тихо; слегка поталкивала борты нашего карбаса легкая, сдержанная волна; тумана не видать было ни на дальнихъ лудахъ, ни на ближномъ берегу; но лучи солнца еще часъ времени боролись съ эфиромъ, не могли пронизать его и освѣтить наше море, которое какъ будто только того и выжидало, какъ будто затѣмъ только и присмирѣло теперь, чтобы мгновенно освѣтиться яркимъ, животворнымъ солнечнымъ блескомъ.

Долго мы ѣхали греблей; долго впивалъ я дыханіемъ своимъ безконечно чистый, нѣсколько свѣжій морской воздухъ; долго любовался и на безграничный, глубокій—глубокій сводъ неба, нависшій надъ нами съ его солнцемъ, съ его свѣтлой, нѣжной

лазурью. Наслажденіемъ подобнаго рода можно упиваться, но трудно передавать послѣ всего того, что уже давно было не одинъ разъ сказано и поэтами, и живописцами. Солнце успѣло уже озолотить берегъ и тотчасъ-же, скорѣе чѣмъ въ мгновеніе ока, освѣтить и насъ, и наше море на всю его безконечную даль отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу.

Мы были уже почти подлѣ цѣли.

Съ десятокъ карбасовъ плыли въ дальныхъ отъ насъ мѣстахъ Онежской губы; нѣкоторые изъ нихъ, передъ нашими же глазами, повернули отъ сосѣдней къ нимъ луды и, какъ видно, гребли усиленно въ нашу сторону. Быстро отдѣлялись эти карбасы отъ туманной луды; быстро перебирали лодочники руками; въ свѣжомъ воздухѣ моря доносились до насъ рѣзкіе, дальніе крики. На крики эти хозяинъ мой замѣтилъ только одно:

— Чуть не запоздали: обметываютъ ужъ!

И тотчасъ же повернулъ руль влѣво: и нашъ карбасъ направился прямо къ берегу, въ сторону отъ тѣхъ карбасовъ, съ которыхъ повидимому, раздавались крики. У берега чернѣлось еще нѣсколько карбасовъ, и, какъ видно, безъ всякаго дѣла. Вѣроятно, и наше мѣсто было тамъ же. Впереди прямо противъ берега, къ сторонѣ, затянутой въ туманную хмару луды, бѣлѣлись, словно большія клочья морской пѣны, спины бѣлугъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ мѣстъ повторялось это явленіе: лёщились себѣ бѣлуги, выставляя изжолта-серебристыя спины на морской поверхности, и потомъ быстро опрокидывались головами въ морскую глубь, хватая въ ней спопутную рыбу. Одна зашипѣла почти подлѣ самаго нашего карбаса и успѣла обнаружить и горбатую спину, и какую-то диру на ней, откуда вылетѣли фонтаномъ не высокія, но быстро вымеченныя брызги воды, серебрившіяся на лучахъ солнца.

— Пошла оттыкать пробку, свинья морская! — постой: будетъ тебѣ ужо на орѣхи; чуть не спѣхнула, проклятая! — быстро замѣтилъ хозяинъ.

— А развѣ бываетъ этакъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ не бываетъ, никогда не бываетъ! Развѣ сами спѣхнемъ ее, а ей, проклятой, насъ не опружить, отвѣчалъ онъ мнѣ неохотно и какимъ-то сердитымъ голосомъ. И сильно прикрикнулъ мой хозяинъ на работниковъ, чтобы тѣ гребли сильнѣе и круче бы налегали на весла.

Послышались съ его стороны ругательства и во всемъ составѣ его начались судорожныя, нетерпѣливыя движенія. Видно было, что теперь-то наступала для него самая горячая, самая важная пора; къ тому же (какъ я замѣтилъ) всѣ карбасы, ближніе къ берегу, отвалили и плыли по направленію къ тѣмъ карбасамъ, которые отъ луды ладились къ берегу, и по прежнему продолжали выбрасывать сѣть, безпрестанно путаясь въ веревкахъ, и по прежнему неслись оттуда сильныя, громкія ругательства. Ихъ даже можно уже было разслышать цѣликомъ, когда мы вдругъ круто повернули къ тому же мѣсту, дальше отъ берега. Мгновенно схвачена была съ ближняго карбаса и на нашъ длинная веревка, которую мы спѣшили выбирать въ то время, когда другіе передали ее на слѣдующій карбасъ. Долго, до обильнаго пота, тащили мы конецъ толстой веревки и перебрасывали ее сосѣдямъ, до той поры, пока не выбросали всю, пока не почувствовали въ рукахъ ячеи невода, круто и сильно опускавшагося тяжестью своею ко дну, пока, наконецъ, и мы не очутились, въ свою очередь, крайними. Видно, поспѣли во время! Быстро гребли мы веслами и бѣжали за веревкой; быстро закручивалась эта веревка уже прямо противъ насъ. Думаю, часъ цѣлый выжидали мы, когда, наконецъ, попадетъ эта веревка въ наши руки, послѣ того, какъ обойдетъ сѣть меньшій кругъ. Бѣлуги между тѣмъ продолжали лещиться и кувыркаться, разгребая ластами воду на двѣ струи, но уже не въ разброску одна отъ другой, а почти всѣ около одного мѣста, ближе къ серединѣ того круга, который описывалъ вымеченный неводъ. Звѣрь выстаетъ замѣтно чаще и какъ будто сердится, у него захватываетъ съ натуги и отъ гнѣва дыханіе и онъ спѣшитъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и, если уже возможно это, такъ въ послѣдній разъ передъ смертію, которая виситъ на носу.

Между-тѣмъ крики со всѣхъ карбасовъ, съѣхавшихся теперь на близкое другъ отъ друга разстояніе, превратились въ громкій, базарный гулъ: всѣ невѣроятно спѣшили, всѣ какъ будто обижены были тѣмъ, что не по ихъ желанію начали, не по ихъ волѣ продолжаютъ и, стало быть, неудачно окончатъ. Вдругъ раздался сильный плескъ по водѣ веревки, сопровождаемый сильнымъ, громовымъ эхомъ въ горахъ. Раздалась опять крутая, громкая брань и, въ мгновеніе ока, нѣсколько

карбасовъ, въ томъ числѣ и нашъ, юркнули черезъ эту веревку въ середину того завѣтнаго круга, который описалъ неводъ и гдѣ, на этотъ разъ, уже рѣже выставали бѣлуги, вѣроятно утомленныя. Быстро хваталъ хозяинъ мой кутило и бросалъ его выстававшему звѣрю, и, сколько можно было замѣтить это при скорости удара, прямо въ *дыхало* (въ диру, пускавшую фонтанъ); съ быстротой молніи выхватывалъ онъ изъ кутила палку, бросая ее прочь, въ лодку, и въ тоже время, съ поразительной ловкостью, выбрасывалъ въ воду и всю веревку, привязанную къ кутилу. Другой конецъ этой веревки онъ задёживалъ за карбасъ, и опять-таки, ни минуты не медля, хватался за новое кутило; нѣкоторое время спѣшливо, внимательно высматривалъ онъ на водѣ выстававшаго звѣря, держа настороженнымъ орудіе смерти. Веревку, сколько я могъ замѣтить, крѣпко держалъ онъ у ра̀товища (палки), съ тою цѣлію, чтобы не спрыгнуло съ него кутило, и быстро выхватывалъ палку — ратовище, и ослаблялъ и кидалъ всю веревку до дальняго конца въ то время, когда замѣчалъ сначала спину, а потомъ и дыхало звѣря, какъ чорное пятно, зіявшее мгновенно, тотчасъ же.

Такимъ-образомъ выметалъ онъ всѣ свои три кутила (въ карбасѣ лежали только пѣшни) въ то время, когда опомнившись, онъ — отъ тяжолыхъ трудовъ, я отъ внимательнаго выслѣживанья за его движеніями и движеніями людей сосѣдныхъ карбасовъ — мы замѣтили себя у самаго берега, на который первые, выскочившіе изъ лодокъ съ уханьемъ и той же бранью, тащили сѣть. Тоже сдѣлали и мы. Впрочемъ, нѣсколько карбасовъ еще ѣздили кругомъ сѣти, болтавшейся въ водѣ, и съ нихъ, время отъ времени, еще выметывали кутила, но, вѣроятно. уже послѣднія. Нѣкоторое время слышалась эта бурботня, но и она вскорѣ смолкла. Чайки, все время кружившіяся надъ бѣлужьимъ юровомъ и спѣшно выхватывавшія изо рта звѣря рыбу, въ несмѣтномъ количествѣ кружились теперь надъ нами и густой темной тучей надъ неводомъ. Визгливый, разноголосный крикъ ихъ возмущалъ душу; но всѣмъ было не до нихъ. Начиналась самая трудная, самая спѣшная пора работы, хотя и со всѣхъ насъ потъ лилъ градомъ, хотя весьма многіе съ трудомъ переводили дыханіе. Крики и брань прекратились. Стадо поймалыхъ, застигнутыхъ въ расплохъ, бѣлугъ на при-

брежныхъ кошкахъ обмелѣло; нѣкоторыя изъ нихъ выставили на показъ всю свою огромную тушу, богатую саломъ. Видны были гладкая, безъ шерсти кожа, изжолта бѣлая, у нѣкоторыхъ съ мертвою просинью на одномъ концѣ туловища виднѣлась голова, въ зашейкѣ которой чернѣло *дыхало* величиною около полувершка въ діаметрѣ, на другомъ концѣ хвостъ длиною съ пол-аршина, толщиною пальца въ три, обтянутый бѣлою кожицею, отливавшею по краямъ пепельнымъ цвѣтомъ. На плечахъ виднѣлись ласты — *крылья* (какъ называли промышленники), имѣющія нѣкоторое сходство съ небольшими свиными окороками, четверо-угольной, продолговатой фигуры. Задніе ласты, лафтаки, не были больше сажени, и весь звѣрь, длиною аршинъ семь, растянувшійся по землѣ, со своею горбатою спиною, головой небольшою сравнительно съ остальнымъ туловищемъ, глядѣлъ рѣшительнымъ подобіемъ небольшого кита, къ породѣ которыхъ, вѣроятно, и принадлежитъ бѣлуга эта (Phiseter Kotodon) *).

Пока я занимался разсматриваньемъ фигуры невиданнаго мною безобразнаго звѣря, промышленники *кротили*, т. е. пришибали пѣшней въ дыхало тѣхъ звѣрей, которые шевелились еще и грозили, при малѣйшихъ невниманіи и оплошности, опрокинуться въ воду и уйти отъ насъ въ руки другихъ счастливцовъ, на берегъ къ которымъ ихъ можетъ выкинуть морская волна. Промышленники наши, перекротивши всѣхъ звѣрей по очередно и немного отдохнувши и заправившись пищей, начали свѣжить добычу. Для этого они сначала отрубали голову, хвостъ и четыре ласта; затѣмъ, сдирали шкуру вмѣстѣ съ саломъ и не буксировали его на карбасы затѣмъ только, что были на берегу, но мясо бросали тутъ же, предоставляя его на съѣденіе собакамъ, которыя стадами бѣгутъ сюда не только изъ ближной, но и изъ дальныхъ деревень.

— Куда же пойдетъ кожа звѣриная, если сало въ продажу? спросилъ я хозяина, неотстававшаго отъ другихъ и молчаливаго во все время работы.

Въ отвѣтъ на это онъ только приподнялъ ногу, показалъ подошву и пощолкалъ по ней пальцомъ.

---

*) Соименная звѣрю волжская *рыба* называется Huso.

— На это идетъ, да на другую кою мелочь — отвѣчалъ мнѣ за него уже другой сосѣдній мужикъ. Кожа бѣлужья — не кой кладъ, эта не нерпичья кожа: та лучше, та барышнѣе.

Затѣмъ опять слѣдовало молчаніе; видимо, всѣ сосредоточеннымъ вниманіемъ занялись работой своей. Съ трудомъ, послѣ долгаго ожиданія съ моей стороны, нашолся еще одинъ словоохотный. Онъ говорилъ мнѣ:

— Вотъ все, что ты теперь видѣлъ, баринъ, дѣло хорошое. Промыселъ нашъ на твой счастливый пріѣздъ задался ловкой.

— А какъ приблизительно?

— Да коли ста два звѣрей попало: рублевъ на большую тысячу будетъ; ста по два рублевъ на ассигнаціи придется на брата. На это и сѣти поправимъ; порвала же, чай, звѣрина, не безъ того: бѣсится и она — какъ вишь ни смирна теперь; мечется, животъ-отъ свой горемышной жалѣючи.

— Этакой промыселъ мы на рѣдкость дѣлаемъ! — подхватилъ разскащика уже третій, вѣроятно, желавшій тоже отдохнуть и тоже доказать мнѣ свою бывалость и знаніе. Больше всего мечемъ сѣти на меляхъ у Ягрóвъ, у Кумбышá, у Омфáлы, у Гольцá (острова это такіе живутъ). Тамъ то вотъ мы эти сѣти и спущаемъ на кибасáхъ (поплавкахъ деревянныхъ). Звѣрь-отъ въ нихъ самъ заходитъ и путается; мы его только на мель тащимъ да кротимъ пѣшней. А тамъ свѣжуемъ, спустимъ въ воду, привяжемъ на веревку къ карбасу, да и веземъ въ деревню. Звѣря по-три, по-четыре и здѣсь попадаетъ. Дѣлежъ на каждую ромшу послѣ бываетъ...

— Что же это такое рóмша ваша?

— А ромша: вотъ всѣ мы, все обчество наше — артель бы, къ примѣру. Вотъ насъ теперь 12 карбасовъ; на каждомъ карбасѣ по четыре человѣка и малолѣтки ребята тутъ же: ихъ дѣло промысловую избу чистить, ложки мыть, звѣря караулить, когда мы спимъ. Это *рóмша*. А жиръ-отъ, что съ кожи рѣжемъ, *шéлегой* зовемъ; а согрѣется онъ да закиснетъ — *сыротóкомъ* слыветъ. Вотъ тебѣ и все!

— Нѣтъ не все, коли сказывать началъ, перебилъ его третій голосъ. Ты ему разскажи про петровское-то дѣло; слушай-ко, твоя милость!

— Поѣхали наши ребята за бѣлугой на вздогадь, авось-

молъ встрѣнется. А звѣрь дуракъ извѣстной, про то не знаетъ, чего человѣкъ-отъ хочетъ: не встрѣнулся. Искали они этакъ-то, долго искали — не нашли. Ухватили, слышь, рожу-то въ горсть, чтобы не больно стыдно было добрыхъ людей, поѣхали въ деревню ни съ чѣмъ. Тамъ-де (думаютъ) грязью закидаютъ; года съ три и опосляхъ вспоминать да корить будутъ соседи. Ѣдутъ они, ѣдутъ; извѣстно, надрываются сердцемъ, боятся мірскаго суда, а было ихъ человѣкъ съ десять на трехъ карбасахъ и неводъ былъ при нихъ, и неводъ-отъ они этотъ такъ и не замочили: какъ былъ засмоленой, такъ и остался—ничѣмъ-ничего. Ѣдутъ они это въ деревню свою, ѣдутъ, «да и видимъ, говорятъ, впереди-то, молъ, насъ словно пѣна морская! Да какая, молъ, тутъ пѣна будетъ: коргъ нѣтъ, водѣ мырить не изъ чего, не изъ чего и пѣны пускать. Надо-де быть, братцы, бѣлуги!» Стали присматриваться: бѣлуги и есть! «Молись-де, ребята, да заѣзжай, которой удалѣе!» Такъ и сдѣлали. Выметали сѣть — заѣхали. Вытащили сѣть на мель: сто штукъ бѣлугъ предстали предъ ними какъ на блюдечкѣ. Ну, — опростили. Извѣстно, барышу много: плохая бѣлуга меньше 12 пудовъ сала носитъ въ себѣ...

— А то разсказывали сорочáна (изъ деревни Сороки на Кемскомъ берегу), что къ нимъ въ сельдяную сѣть бѣлуга-то зашла. Стали, слышь, осматривать ее, потащили: да-что, молъ, туго подается, али, молъ, рыбы полѣнницу навалило! Думаемъ-де, говорятъ, мы этакъ то тащимъ — знай, вытащили, глядимъ: дураково поле — бѣлуга звѣрь. Разрѣзали: двадцать пудовъ сала выняли. Рыбу-то она въ сѣти всю, слышь, пожрала, а себя самое въ руки врага таки-выдала. Худо вотъ, баринъ, когда на заметкѣ замотаетъ тебѣ звѣрь одинъ рядъ сѣти, особо при самомъ началѣ: тогда всѣхъ товарищевъ до единаго выпуститъ. Оттого вотъ мы при поворотахъ-то давеча и орали крѣпко, себя не помня; потому знаемъ, что выпустилъ ты звѣрей въ море — въ догонку за ними ни на какомъ ты карбасѣ не поспѣешь, хоть будь тебѣ самая красивая бетъ (полный бейдевиндъ). Это ужъ мы знаемъ доподлинно: лютъ звѣрь на водѣ, круто беретъ!..

— Такъ вотъ, твоя милость, какія дѣла бываютъ, говорилъ онъ какъ бы въ заключеніе, и снова принялся за работу.

Дальнѣйшій уходъ за звѣремъ состоитъ въ томъ, что сало

его вытапливается немедленно по уловѣ на салотопенныхъ заводахъ. Это не иное что, какъ простыя ямы, вырытыя за селеніями на берегу рѣки или того же моря. Яма салотопенная по обыкновенію обкладывается простыми камнями и кое-какъ наскоро обмазывается глиной; тутъ же подлѣ, по сторонамъ ямы, вкапываютъ два столба съ шестомъ или *стягомъ*, на который и вѣшаютъ котелъ съ саломъ; снизу разводятъ огонь. Перетопленное сало сливаютъ въ обрѣзы (кадки, сдѣланныя изъ бочекъ, перерубленныхъ пополамъ, на два обрѣза). Въ этихъ обрѣзахъ сало стоитъ и отстаивается двое сутокъ; верхній отстой переливаютъ въ бочки черезъ рѣшето и пускаютъ въ продажу подъ именемъ сала 1-го сорта. Нижній отстой или гущу, называемую *бардой*, перетапливаютъ еще разъ, и такимъ образомъ получаютъ 2-й сортъ сала цвѣтомъ нѣсколько темнѣе перваго. Слитое въ обрѣзы съ двумя днами сало этого сорта иногда даетъ новый отстой — третій сортъ, называемый просто *мазью* и идущій для домашняго употребленія, напримѣръ, для смазки сапоговъ — бахилъ и проч. Сало звѣриное обыкновенно (передъ тѣмъ какъ топить его на огнѣ) стружатъ, т. е. рѣжутъ на мелкіе куски особымъ орудіемъ, имѣющимъ форму серпа, для того, чтобы сало легче таяло. Сложенное въ обрѣзы и умятое тутъ деревяннымъ пестомъ для устою, сало бѣлужье, нерпичье, лысуновое и моржовое иногда таетъ отъ дѣйствія лѣтняго солнца и тогда получается лучшій сортъ, болѣе цѣнный въ продажѣ и извѣстный подъ именемъ *сыротока*. Хара́вины, т. е. шкуры, обыкновенно сушатъ на землѣ, распяливая на палочкахъ, въ которыхъ, для скорости дѣла, намѣчаютъ скважины. Чтобы очистить шкуры эти отъ шерсти, ихъ обыкновенно распяливаютъ на деревянныхъ рамкахъ и въ этомъ видѣ опускаютъ въ воду недѣли на двѣ и больше. Для этой цѣли предпочитаютъ опускать рамки на самое быстрое мѣсто рѣки или моря. Всѣ припасы и орудія складываются въ сараи, которые такимъ образомъ дополняютъ общій видъ всѣхъ салотопенныхъ поморскихъ заводовъ. Въ этихъ же сараяхъ хранится и звѣриное сало: и въ бочкахъ, и въ обрѣзахъ. Моржъ даетъ этого сала среднимъ числомъ отъ 10 до 15 пудовъ, заяцъ морской — отъ 5 до 9, лысуны и утельги отъ 5—10, бѣльки отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ, нерпа (самая боль-

шая) 3 пуда; бѣлуга, какъ выше сказано, даетъ отъ 15 до 20 пудовъ *).

Въ тотъ же день вечеромъ я оставилъ своихъ промышленниковъ за счастливой добычей, а самъ отправился дальше, по направленію къ городу Онегѣ. Помню, что цѣлые сутки ѣхалъ я до той поры, когда мнѣ опять удалось ступить на твердую землю и сѣсть, хоть и въ тряскую, но въ привычную, съиздѣтства знакомую телѣгу. Помню, что заснулъ я въ ней крѣпко и сладко; помню, что проснулся разбужонной ямщикомъ, который, слышу, рапортуетъ, что пріѣхали-де:

— Куда?

— Въ село Тамицу; 35 верстъ до Онеги осталось. А у меня, ваше благородье, дорогой-то лошадки было побѣсились. Ты не слыхалъ—чай?

— Отчего же?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ: коровъ, можетъ, повидали; вишь, съ моря-то туману навалило: темно стало, ничего не видать. А и море-то верстъ, надо быть, двѣнадцать отсѣдова....

Ямщикъ замолчалъ; слышался взрывистый звонъ моего почтоваго колокольчика, который, вѣроятно, раскачала отряхнувшаяся лошадь, и шумъ пороговъ, несущійся прямо съ рѣки. Ямщикъ опять подошолъ къ телѣгѣ съ писаремъ, явившимся за подорожной.

— Чай, въ рѣку-то семга заходитъ; хорошо ей тутъ: она любитъ пороги?

— Гдѣ семгѣ!....

И ямщикъ расхохотался; даже писарь не могъ удержаться отъ улыбки.

— Думаешь ты, рѣка-то нивѣсть какая? вопросительно объяснилъ ямщикъ:—мелкая вѣдь рѣка-то, курицѣ по холку, и все тутъ; кумжа вотъ развѣ зайдетъ.

Ямщикъ обратился къ писарю:

---

*) Сала ворваннаго, со всѣхъ морскихъ промысловъ по Бѣлому морю и Новой Землѣ, привозилось въ послѣдніе годы до 60,000 пудовъ; отправлялось оно болѣе въ Германію и Голландію (отъ 30,000 до 40,000 пудовъ). Во время монополіи графа Шувалова отпускъ этотъ былъ несравненно значительнѣе. Во всякомъ случаѣ, это дѣло ждетъ толковой, честно и разумно организованной компаніи.

— Заходитъ! отвѣчалъ онъ грубо—заспаннымъ голосомъ и взялъ подорожную для прописки въ избу.

Ямщикъ не отвѣчалъ;

— Здѣшной народъ все больше въ Питеръ ходитъ, на лѣсные дворы. Такъ вотъ и пойдетъ тебѣ со всей Онеги, знай это!.

Слышу, опять раздается пріятный на этотъ разъ, звонъ новаго колокольчика; выѣзжаетъ новая телѣга, набитая до верху сѣномъ, съ новымъ ямщикомъ на козлахь и въ шапкѣ съ мѣднымъ гербомъ на лбу; валюсь я и въ это сѣно и на нёмъ также пріятно и сладко засыпаю и просыпаюсь на другой день, въ виду Онеги, освѣщенной яркимъ солнцомъ, пробившимъ и испарившимъ весь ночной тумаиъ прибрежьевъ.

Но едва ли особенно лучшее было въ томъ, что солнце освѣтило Онегу: плачевно глядѣла она изъ за яроваго поля чорными, гнилыми домами своими. Правда, что бѣлѣлась на горѣ каменная церковь, но церковь эта оказалась недостроенною; правда, что бѣлѣлось еще каменное зданіе, но и оно оказалось неизмѣннымъ казеннымъ казначействомъ, съ неизбѣжными, сильно захватанными дверями, съ грубыми, заспанными, полупьяными сторожами-солдатами. Единственная улица города, по которой можно еще ѣздить на лошадяхъ, (всѣ другія три или четыре, заросли травой и затянулись кочками, представляя видъ недавно высушеннаго болота) была когда-то выстлана досками, но теперь представляла ужасный видъ гнили, съ трудомъ преодолимый путь къ цѣли, которою, на этотъ разъ, служила отводная квартира. Но и къ ней можно, не обинуясь, отнести слова поговорки: «на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ». Бѣдна Онега и печально глядитъ въ глаза всякому проѣзжему. Бѣдностью своей (какъ оказалось послѣ) она можетъ соперничать только съ одною Мезенью. Правда, что есть въ ней опрятныхъ домиковъ—два, три, но это дома богачей и лѣсной конторы, которая нашла себѣ пріютъ въ этомъ городѣ.

Сколько безпривѣтенъ видъ города, столько же печально смотритъ и протекающая подлѣ, хотя и значительно широкая, богатая семгой и миногами, рѣка Онега. Всю ее, словно нарочно, какіе-то богатыри закидали безчисленнымъ множествомъ крупныхъ камней, переборъ которыхъ иногда сплошнымъ рядомъ чуть не доходитъ отъ одного берега до другаго противо-

положнаго. Четыре раза въ сутки всѣ эти уродливо-каменные переборы, производящіе на глазъ непріятное, тяжолое впечатлѣніе, высоко покрываются прибылою съ моря водою и потомъ опять, почти тѣже двѣнадцать часовъ, мечутся на глаза обывателямъ обнажонные, сѣрые камни, въ иныхъ мѣстахъ сопровождаемые длинными, жолтыми запесками. Видъ на городъ съ рѣки, и притомъ издали, недуренъ; но мрачно глядятъ изъ города берега рѣки, поросшіе густымъ чорнымъ лѣсомъ, изъ котораго, въ одномъ только мѣстѣ прямо противъ города, бѣлѣютъ доски и строенія пòньгамскаго лѣсопильнаго завода. На меня глядитъ оттуда дальная дорога въ Поморье, со всѣми ужасами неизвѣстности, которой, кажется, на этотъ разъ, и конца нѣтъ, за всѣми болотами, рѣками, моремъ и океаномъ, озерами и гранитными берегами и лудами...

Вотъ вся нехитрая, несложная и небогатая замѣчательными происшествіями исторія этого города. Не дальше, какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, городъ этотъ былъ просто Усть-Янскою волостью, состоящею изъ нѣсколькихъ слободъ, до сихъ еще поръ сохранившихъ древнія свои имена: *Верхи* (верхній конецъ города), *Низы* (средній) и *Погостъ* (остальная часть ко взморью, самая лучшая, и самая главная часть города). Всѣ эти слободы, по указу императрицы Екатерины II, въ 1780 году, вошли въ черту новаго уѣзднаго города Архангельской губерніи. Первоначальное заселеніе его относится къ первымъ временамъ появленія новгородцовъ на берегахъ Бѣлаго моря для рыбныхъ и морскихъ промысловъ, еще во время княженія на Руси Василія Темнаго. При набѣгѣ литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ на сѣверныя страны Россіи, около 1613 года, Усть-Янская волость была почти совершенно выжжена и истреблена; однако, въ 1621 году, была уже въ ней церковь и до 20 домовъ. Съ 1657 до 1764 г., волость, по указу царя Алексѣя Михайловича, принадлежала, со всѣми рыбными тонями, сѣнокосами, пажитями, вѣдѣнію сосѣдняго съ нею монастыря Крестнаго, тогда еще новаго и неимѣвшаго никакихъ угодій. Принадлежа затѣмъ, къ Бѣломорской провинціи Новгородскаго намѣстничества, Усть-Янская волость въ 1774 г. отчислена къ архангельской воеводской канцеляріи и ввѣрена управленію экономическаго казначея и его помощниковъ. Съ 1761 года въ Онегѣ существовала лѣсная контора ан-

гличанина Гома, оживившая торговлю тамошняго края, значительно усилившая населеніе Усть-Янской волости, и вѣроятно, не мало способствовавшая къ тому, что волость эта, предпочтительно передъ другими сосѣдними, названа была городомъ. Девятнадцать лѣтъ производилъ здѣсь Гомъ свою лѣсную торговлю, по контракту, заключонному имъ съ графомъ Шуваловымъ—тогдашнимъ сѣвернымъ монополистомъ. Въ это время Гомъ успѣлъ отпустить за море болѣе 18 коммерческихъ судовъ, больше 9 гальясовъ и 20 рѣчныхъ судовъ, выстроенныхъ на двухъ тамошнихъ верфяхъ и нагружонныхъ петрозаводскимъ желѣзомъ, волжскимъ хлѣбомъ и онежскими досками и канатами. Въ тоже время начали приходить сюда иностранные корабли (ежегодно отъ 20 до 70) за тѣми же досками и канатами. Но около того времени, когда Усть-Янская волость названа была городомъ, дѣла Гома начали упадать, закрылся канатный заводъ; а вскорѣ прекращено и судостроеніе. Съ 1769 года по случаю худаго состоянія и слабаго кредита купца Гома, за неплатежъ, по обязательству, казенныхъ денегъ, лѣсной торгъ ввѣренъ былъ завѣдыванію Гаумана; въ 1781 году онъ переданъ былъ вологодской казенной палатѣ; въ 1783 году лѣсной торгъ окончательно взятъ былъ въ казну и отдается теперь торговымъ компаніямъ только на арендное содержаніе. Въ 1783 году за рѣкою Онегою выстроена была, вмѣсто обветшалой, новая верфь о 4 эллингахъ, на которой и былъ построенъ, въ томъ же году, корабль. Двумя годами раньше этого времени (1781 г.) при новомъ городѣ учрежденъ открытый портъ, по слѣдующему указу Екатерины II: «Учредивъ при самомъ устроеніи Вологодскаго намѣстничества городъ Онегъ для доставленія жителямъ его пропитанія и въ распространеніе торговли, всемилостивѣйше позволяемъ отъ пристани сего новаго города выпускать россійскіе продукты и товары, коихъ вывозъ не запрещонъ особыми указами, съ пошлиною, до будущаго нашего соизволенія, каковая собирается въ городѣ Архангельскомъ; равнымъ образомъ ввозить туда всѣ незаповѣдные товары съ таковою же пошлиною, которая при архангельскомъ портѣ установлена для оныхъ; чего ради для досмотра и сбора настоящую опредѣлить таможню, съ потребнымъ числомъ служителей, подъ вѣдѣніемъ казенной палаты Вологодской губерніи.» Таможня въ настоящее время находится на

островѣ Кiѣ, около котораго, за крайнимъ мелководiемъ рѣки Онеги, и останавливаются иностранные корабли, являющiеся сюда ежегодно (числомъ до 100) за досками и брусьями, распиливаемыми на двухъ заводахъ компанiи, пóньгамскомъ (на другомъ берегу рѣки Онеги, прямо противъ города) и андскомъ (по направленiю вверхъ по рѣкѣ Онегѣ, въ 8 верстахъ отъ города).

Всѣ обыватели города Онеги заняты работами на этихъ заводахъ, живя тамъ пять сутокъ въ недѣлю: на шестые приходятъ они въ контору, получаютъ разсчотъ и въ воскресенье, почти съ самаго утра, на улицахъ слышатся пѣсни, бродятъ подгулявшiе горожане. Пѣсни эти не смолкаютъ на ночь, тянутся потомъ и во весь слѣдующiй день—понедѣльникъ, которой извѣстенъ и тамъ подъ именемъ *маленькаго воскресенья.* По общимъ слухамъ и по наглядным примѣтамъ, трудно найти въ другомъ какомъ-либо городѣ такого долгаго, безтолковаго загула, какъ въ Онегѣ, и вотъ почему дома его безобразно покривились на бокъ, деревянные мостки погнили и обвалились, улицы заросли травой, три городскихъ кабака новенькiе, каменная церковь недостроена, деревянная, кладбищенская, полуразрушилась. Весь заработокъ (и довольно значительный) онежане успѣваютъ пропить въ эти два загульныхъ дня (иные, болѣе ретивые, начинаютъ еще съ вечера субботы), если толковая, храбрая и сильная жена не успѣетъ отобрать у расходившагося мужа небольшiе остатки, которые пойдутъ потомъ на недѣльное пропитанiе голодной, полунагой семьи. И можно положительно сказать, что только въ женскомъ населенiи, отличающемся крѣпкимъ, здоровымъ, красивымъ тѣлосложенiемъ, сохранился новгородскiй типъ. Ему, даже до сихъ поръ, не измѣняетъ и внѣшнiй нарядъ женщинъ, особенно праздничный. До сихъ еще поръ одѣваются онѣ, если не нарядно, то пестро и пышно, хотя по большей части и въ платье, переходящее изъ поколѣнiя въ поколѣнiе по наслѣдству. Штофные сарафаны изъ алой, голубой или зеленой матерiи, а часто изъ золотной (или золотой парчи), топырятся и шуршатъ; на головахъ у дѣвушекъ надѣты шолковые платки, у женщинъ — низенькiя шапочки съ золотымъ начельникомъ или широкимъ позументомъ. У богатыхъ дѣвушекъ, по праздникамъ, кокошники, называемые *повязками* и имѣющiе форму усѣчоннаго конуса, или

павловскаго кивера, украшены огромнымъ начельникомъ, широкимъ позументомъ, пронизаннымъ жемчугомъ ряда въ три—четыре. Сзади, по косѣ, пущена алая лента, ниже пояса. У всѣхъ блюдется старый обычай: при всякой встрѣчѣ кланяться и привѣтствовать другъ-друга добрымъ пожеланіемъ и привѣтомъ въ родѣ слѣдующаго:

— Почти праздникъ-отъ!

— Твои гости!

Каждую субботу и наканунѣ всѣхъ большихъ праздниковъ моютъ полы, подоконицы, лѣстницы и даже самыя стѣны избъ. Изба, по старинному еще, дѣлится на три части: *шолнушъ*, или кухню, замѣняющую также спальню, собственно избу — столовую комнату, и *горенку*, которая ставится за *повѣтью* или сараемъ, пристраиваемымъ прямо къ избѣ, и которая, по обыкновенію, строится безъ печи и украшается картинками, зеркалами, чашками, самоваромъ, завозимыми сюда *торгова́нами*, временно пріѣзжающими изъ Каргополя и *офенями*—бродячими вязниковцами. Точно также, до-сихъ еще поръ, чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, слышится здѣсь старина, древнее сказаніе и новгородская пѣсня, которыя можно услышать и у тѣхъ же дѣвушекъ—по зимамъ на посѣдкахъ, которыя также изстари свято блюдутся здѣсь, хотя, въ тоже время, и значительно ослабѣли или совершенно прекратились во всѣхъ другихъ мѣстахъ архангельскаго края.

Если съ одной стороны, лѣсопильные заводы отвлекли все вниманіе горожанъ отъ роднаго крова, устремивъ дѣятельность ихъ на выгодныя, хотя и трудныя ломовыя работы, то, съ другой стороны, городъ Онега замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни кузнецовъ, ни столяровъ, ни слесарей; есть только плотники (да и то въ чужихъ рукахъ). По той же самой причинѣ, здѣсь и рыбная ловля незначительна и вся легко справляется женскимъ населеніемъ города. Дѣвушки и женщины осматриваютъ и обираютъ и миноговыя мерёжи, и камбальи уды, и запускаютъ сёможьи неводы и пóплавни. Потому же, и собственно городской торговли рѣшительно не существуетъ: вся она находится въ рукахъ онежской лѣсной компаніи.

Доски и брусья съ заводовъ этой компаніи доставляются къ кораблямъ, стоящимъ на Кійскомъ рейдѣ, при помощи особаго рода плоскодонныхъ судовъ, называемыхъ *романовками*. Рома-

новки эти не иное что, какъ тѣ же лодьи, только съ нѣкоторыми, незначительными впрочемъ особенностями. Такъ, напримѣръ, при противномъ вѣтрѣ, онѣ, по крайней плоскодонности своей, ходить не могутъ, и потому, въ этомъ случаѣ, буксируются компанейскимъ пароходомъ. На нихъ ставятся двѣ мачты (по 9 саженъ 5 вершковъ), къ нимъ прикрѣпляются косые паруса; палубы не настилаются по той причинѣ, что суда эти грузятся трехдюймовыми досками (до 1,000—1,200 штукъ). Суда эти строятся вверхъ по Онегѣ, въ деревняхъ волости Подпорожья *).

Въ этихъ же деревняхъ построенъ огромный заборъ для семги, пользующейся во всей Россіи заслуженною славою одной изъ лучшихъ и извѣстной подъ именемъ *порога*. Описаніе этого дѣла откладываю до другаго мѣста.

2-го іюля поморская шкуна «Николай Старковъ», нагрузившись досками и брусьями, ладилась пуститься въ море, черезъ Кемь, въ Норвегію, гдѣ хозяинъ этой шкуны предполагалъ продать лѣсной товаръ свой. Онъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, обѣщая доставить въ Кемь, прямо моремъ и не дальше какъ чрезъ двое, много черезъ трое сутокъ. Надъ предложеніемъ этимъ я долго не задумывался: близкая неизвѣстность, неизвѣданный еще мною морской путь, надежное судно, способное лавировать (по здѣшнему *бетаться*), ласковый хозяинъ, говорунъ и острякъ, прямо изъ корня всего поморскаго края—каково Кемское поморье и деревня Сорока—все это, взятое вмѣстѣ, соблазнило меня.

Я предпочолъ шкуну и дальное морское раздолье ѣздѣ вер-

*) У романовокъ дно плоское, какъ полъ; борты отвѣсны, какъ стѣна; ширина ихъ (*ложная* сторона) 28 ф., длина—75, высота—8 ф. 3 дюйма; 6 ф. вышины въ каютѣ, 7 ф. по форштевню; корма, какъ стѣна; ахтерштевень уклоняется на 4 ф., форштевень на 5 ф., на ту и на другую сторону 9 ф. Обшивается досками съ обѣихъ сторонъ такъ, что всего желѣза въ это судно идетъ, приблизительно, пудовъ до 100. Суда эти дальше Кійскаго рейда не ходятъ, хотя и былъ одинъ разъ такой случай, что одна изъ этихъ романовокъ сходила и, къ счастію, благополучно вернулась изъ Архангельска, на диво и крайнее удивленіе самихъ же строителей и хозяевъ. Прежде въ Подпорожьи строили лодьи, но теперь, какъ говорятъ, и не думаютъ. Рѣдкій изъ порожскихъ не умѣетъ строить романовокъ по аляповатымъ, безтолковымъ чертежамъ.

хомъ на девяносто слишкомъ верстъ, и потомъ скучному прибрежнему плаванію около всего Кемскаго берега слишкомъ на двѣсти верстъ, еще и потому важному обстоятельству, что на возвратномъ пути съ Мурмана и Терскаго берега мнѣ не пришлось бы уже миновать этихъ интересныхъ мѣстъ.

На другой же день, со всѣми своими пожитками, я былъ уже на шкунѣ: и городъ Онега потянулся взадъ, выказывая крайнія ко взморью строенія свои, между которыми рисовались высокіе дома лѣсной компаніи. Изъ-за нихъ бѣлѣла соборная церковь; мрачно и непривѣтливо чернѣлъ темный лѣсъ, разсыпанный по крутой загородной горѣ. Тотъ же лѣсъ сопровождалъ и оба берега рѣки; вдали бѣлѣлъ уже маякъ, и все-таки не пропадалъ изъ глазъ, не закрывался ни берегомъ, ни лѣсомъ, бѣдный, хотя и длинный городокъ Онега. Ровно сутки лавировали мы между отмелями и подводными коргами и копками каменистой рѣки Онеги на полномъ, докучливомъ безвѣтріи. Два раза, на всемъ этомъ десяти-верстномъ пути, бросали мы якорь, выжидая вѣтра, и одинъ разъ такъ неудачно, что шкуну нашу убылая вода едва совсѣмъ не положила на бокъ. Изловчившись кое-какъ, съ криками и ругательствами хозяина и его двухъ работниковъ, мы на прибылой водѣ, поднявшей наше судно, медленно выбрались впередъ на Онежскій рейдъ, пристали къ острову Кію и вышли на берегъ его, съ тѣмъ, чтобы записаться въ таможнѣ и дождаться потомъ на берегу новаго прилива, обѣщавшаго намъ надежду ѣхать дальше въ глубь моря, помимо несчотнаго множества шхеръ и лудъ Онежскаго залива, съ большимъ удобствомъ и легкостью. Ровно полторы сутки потомъ, на полномъ, всегда обидномъ и докучливомъ безвѣтріи, видѣлся намъ островъ Кій, со своимъ обгорѣлымъ Крестнымъ монастыремъ, со своею казенною таможнею, рѣденькою сосновою рощею и красновато-грязнымъ гранитнымъ берегомъ. Тотъ же гранитъ билъ въ глаза и на всѣхъ остальныхъ спопутныхъ лудахъ: Пурлудѣ, Шаглонѣ, Кондъ-островѣ и другихъ мелкихъ, неимѣющихъ часто никакого названія лудахъ.

Островъ Кій—сплошная гранитная скала, возвышающаяся на 40 футовъ надъ уровнемъ малой воды, прикрутая къ юго-востоку и западу, нѣсколько отлогая во всѣ другія стороны. Гранитъ этотъ покрытъ тонкимъ, разрывнымъ слоемъ земли, на которой, особенно въ щельяхъ и ложбинахъ, прицѣпились

высокія сосновыя деревья, образующія рѣденькія, сильно просвѣчивающія рощи. Вотъ весь наружный видъ острова, дополняющійся на юго-восточной сторонѣ сараями лѣсной компаніи, домами таможни, выстроенной вновь послѣ недавняго англійскаго разгрома. Только они и составляютъ единственныя жилыя мѣста острова. На зиму эти зданія пустѣютъ, при нихъ остаются только сторожа; но лѣтомъ они населены значительнѣе и гуще. Жизнь и дѣятельность кипятъ въ это время на всемъ островѣ и около него, на рейдѣ, въ значительныхъ размѣрахъ. Исключительная цѣль этой жизни и дѣятельности — доставка досокъ на романовкахъ изъ складныхъ сараевъ острова на иностранные корабли, стоящіе верстахъ нъ полуторахъ, на рейдѣ. Остальное жилье острова — Крестный монастырь, возвышающійся на сѣверо-восточной сторонѣ, состоитъ менѣе, чѣмъ изъ десяти человѣкъ монаховъ. Въ мой проѣздъ монастырь представлялъ обгорѣлую, далеко еще не поправленную массу зданій. За нѣсколько дней до прихода англичанъ на Онежскій рейдъ, Крестный монастырь сгорѣлъ отъ неосторожности монаховъ.

Бѣдный въ настоящее время, по незначительности рыбныхъ ловлей, безплодности островнаго гранита, существующій весьма незначительными и рѣдкими вкладами соловецкихъ богомольцовъ, Крестный монастырь, какъ извѣстно, основанъ въ 1657 году, патріархомъ Никономъ. Никонъ, бывшій еще соловецкимъ іеромонахомъ и отправлявшійся съ церковными требами, потерпѣлъ крушеніе въ устьѣ рѣки Онеги, спасся на этомъ островѣ и, по исконному обычаю того края, поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вступилъ на берегъ, деревянный крестъ. Это было въ 1635 году. Въ 1652 году Никонъ, будучи уже новгородскимъ митрополитомъ, ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, вмѣстѣ съ княземъ Хованскимъ, за мощами митрополита Филиппа, видѣлъ на Кій—островѣ крестъ свой, видѣлъ вѣру къ нему въ ближнихъ жителяхъ и тогда же положилъ основать здѣсь монастырь. Обѣтъ свой онъ привелъ въ исполненіе тогда уже, когда сдѣлался московскимъ патріархомъ. Въ 1656 г. онъ, по жалованной грамотѣ отъ царя Алексѣя Михайловича, началъ строить монастырь на счотъ своей келейной казны и на тѣ шесть тысячъ рублей, которые пожалованы были ему царемъ Алексѣемъ. Въ 1692 г. царь Петръ Алексѣевичъ указалъ производить монастырю государскаго жалованья на церковныя потребы и на

монашескія одежды каждогодно по 292 руб. 90 коп., что и производилось по 1707 годъ. Кромѣ ризъ и книгъ, жалованныхъ монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, царевною Татьяною Михайловною и самимъ патріархомъ, въ монастырѣ хранится животворящій крестъ съ 300 частицами мощей, сооруженный, по заказу Никона, въ Іерусалимѣ, въ настоящую мѣру креста Христова (длиною 4 аршина, поперечное дерево два аршина тринадцать вершковъ, титла — 15 вершковъ, подножіе въ аршинъ, ширина 5 вершковъ, толщина два вершка). Крестъ этотъ привезенъ былъ въ монастырь въ 1657 году, а въ 1661 году явился сюда изъ Москвы и самъ строитель для освященія готоваго уже соборнаго храма во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Въ 1657 г. монастырь былъ утвержденъ государевыми жалованными грамотами, съ дачею волостей съ 4,537-ю душами. Тогда же приписаны были къ нему и Усть-Янская волость (теперь городъ Онега), и Опоченскій кольскій монастырь, со всею округою, и Сырьинская и Благовѣщенская пустыни.

IV.

НА ШКУНѢ.

Переѣздъ изъ Онеги въ Кемь.—Впечатлѣнія морскаго пути.—Преданіе о попутныхъ островахъ: Никодимскомъ, Полтамъ-Коргѣ, Нѣмецкой Баракѣ, Осинкѣ (голодная смерть).—Преданіе объ островахъ Колгуевѣ и Жогжинѣ и богатыряхъ Колгѣ и Жогжѣ.—На берегу.

Съ востока потянуло крѣпкой, проницающей сыростью, показались густо-плотные клочки облаковъ, превратившихся вскорѣ въ сплошную массу, затянувшую ту часть горизонта, откуда появилось впервые густое дымчатое облачко — первый предвозвѣстникъ тумана. Солнце, до этой поры яркое и жгучее, со всѣми характеристическими признаками лѣтняго іюльскаго солнца, стало какимъ-то матово-фольговымъ кругомъ, на который даже смотрѣть было можно безнаказанно, а тамъ и совсѣмъ его затянуло туманомъ: ни одинъ лучъ, ни одна искра свѣта не могли пронизать тумана для того, чтобы освѣтить и нашу сѣрую шкуну, и нахмурившееся море, начинавшее усиленно плескать въ борты ея. *Заводился* вѣтеръ, но *противнякъ*; вся надежда полагалась на *полую воду*, которая, слѣдуя законамъ отлива пошла съ береговъ и понесла вслѣдъ за нами клочья изжолта-зеленой *туры* (морскаго горошка), мелкія щепки, гдѣ-то выхваченное бревно, еловыя вѣтки, лѣниво-колыхавшіяся въ густой пѣнѣ, смытой съ береговъ сосѣдняго гранитнаго островка, а отчасти пущенной и нашимъ утлымъ судномъ. Шли медленно, сколько это можно было понять изъ того, что у бортовъ не визжала, не шумѣла вода, разрѣзываемая носомъ, а мед-

ленно, монотонно плескалась на судно, и слѣдъ шкуны былъ такъ коротокъ, что конецъ его легко можно было услѣдить глазомъ. Но вотъ пробѣжалъ легонькой вѣтерокъ и прорябилъ стихавшую поверхность хмураго моря: слѣдъ судна сталъ замѣтно удлиняться и совсѣмъ пропадать изъ глазъ, подхватываемый набѣгавшими волнами.

— Перекинь кливеръ!... тяни шкотъ! — раздались громкія, урывистыя слова, въ которыхъ было такъ много успокоительно-пріятнаго, тѣмъ болѣе, что преслѣдовавшее насъ безвѣтріе отъ самаго города Онеги и его мелкой и порожистой рѣки бѣсило даже привычныхъ мореходовъ-работниковъ судна. Не одинъ уже разъ замѣчалъ хозяинъ:

— Надо-быть, старая баба помирала на ту пору, какъ заводилось намъ вечоръ повѣтерье ..

— А то что же? спрашивалъ я.

— Дѣло-то вотъ какое несхожее: у насъ вѣра (примѣта) такая, что какимъ вѣтромъ пошолъ ты изъ становища, такимъ и на мѣсто придешь. Обидитъ тебя вотъ этакъ-то противнякомъ на выходѣ, такъ на противнякахъ тебѣ и весь путь идти. Больно ужъ горько ладиться этакъ-то словно тебя кто за корму-то сгребъ и не пущаетъ.

И обиженный безвѣтріемъ хозяинъ уходилъ съ палубы и крѣпко засыпалъ, уложивши свое богатырски-развитое тѣло во всю длину узенькой, душной каюты. У руля оставлялъ онъ работника съ приказаньемъ ладиться на востокъ къ Онежскому берегу и на Орловъ-Наволокъ, откуда, по его мнѣнію, теченіе моря идетъ прямо на Кузовскіе острова, отъ которыхъ уже рукой подать и до вождѣленной Кеми. Старикъ дремалъ у руля, не считая нужнымъ слишкомъ налегать на него или поворачивать по требованіямъ прихотливаго вѣтра; другой работникъ (на шкунѣ ихъ было всего трое), хотя и не ладно кроенный богатырь, пользуясь тѣмъ завиднымъ преимуществомъ, что онъ былъ братомъ хозяину, тоже бо̀льшею частію спалъ, и только когда уже не было никакой возможности смѣжить очей, отъ излишнаго пресыщенія въ этомъ невинномъ удовольствіи расходовать скучное время, щипалъ паклю или выливалъ помпой воду прямо на палубу. Все глядѣло до той поры какъ-то мрачно: и крѣпко заплатанные паруса, валявшіеся на палубѣ безъ дѣла и безъ призрѣнія, и самая помпа, въ которой сейчасъ

только прошипѣлъ и опустился внизъ поршень отъ напора ворвавшагося воздуха, и это сѣренькое небо съ яркимъ лѣтнимъ солнцемъ и безъ всякаго вѣтра, враждебнаго или благопріятнаго, — и это безбрежное море, слившееся съ дальнымъ горизонтомъ и обозначившееся въ мѣстѣ сліянія густо-синей полоской, и, наконецъ, эти голые гранитные острова (луды), которые цѣлой вереницей тянулись справа и слѣва во всю длину Онежской губы, дальше въ *голóмя* — безконечную даль моря. Кое-гдѣ на докучныхъ островахъ пробился какъ-будто густой лѣсъ издали, на самомъ же дѣлѣ рѣденькій, скудный кустарникъ, кое-какъ уцѣпившійся на клочкѣ земли, приросшей къ холодному и голому граниту луды. *) На одномъ выглядывала чорная, догнивающая свой вѣкъ избенка промысловая, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая отъ англичанъ, только-что въ прошломъ году оставившихъ холодное и безпривѣтное Бѣлое море. Избенка эта пуста теперь и только будущей осенью населится артелью промышленниковъ, вышедшихъ въ море за морской свинкой — бѣлухой. Вскрикнутъ, бывало, пронзительно-больно и для ушей, и для поражоннаго безлюдьемъ и скукой сердца, пары двѣ-три чаекъ, и поднимутся онѣ надъ самой низенькой лудой, которая далеко за половину, заливается прибылой водой, и опустятся опять внизъ, и еще тяжеле, и еще безпривѣтнѣе послышатся ихъ дикіе, глухіе крики, и замѣтитъ, бывало, кто нибудь изъ товарищей-спутниковъ:

— Надъ гнѣздомъ воютъ: пѣть ребятишекъ своихъ учатъ, какъ лѣшіе по зарямъ; летать тоже учатъ: мы-де ужъ во-какъ умѣемъ, и вы потому же, молъ, смѣкайте... Въ Соловецкомъ — вонъ отъ ихнаго крика дѣться некуда. Непутная птица, совсѣмъ дикая: разкудахталась вотъ это-то *порато* — ну и чуй непогодь; знай — падетъ вѣтеръ какой ни на есть, да, вишь, намъ-то все противнякъ... все противнякъ!...

— И разскащикъ замашетъ, бывало, рукой, покрутитъ головой и уйдетъ либо въ каюту спать, либо на корму платить продирявленный парусъ: и смотришь, бывало, въ воду, какъ прорябитъ ее легонькой вѣтерокъ и опять докучная тишь сгла-

---

*) *Луда* — голые, гранитные острова Бѣлаго моря; часто также слово это употребляется въ значеніи продолговатой прибрежной мели.

дитъ всѣ рябинки. По прежнему безотрадно и тихо море, по прежнему та чарующая чистота воздуха, отъ которой какъ-то и въ груди широко и привольно, и дышется такъ легко, и ничто, кажется, не увлечетъ съ палубы въ каюту, гдѣ уже окончательно сонное царство и ведутъ безсвязные, безтолковые разговоры въ бреду оба брата. Одинъ проснулся, вышолъ тоже на палубу и также замѣтно поражонъ увлекающей прелестью теплой погоды.

— Эка благодать! Эка благодать—матушка! Эко привольное раздолье, жисть благодатная!.. мірозданіе божеское!.. А все бы, гляди, лучше, кабы повѣтерье-то пало; ну, да ладно!.. Море—это горе! а безъ него—кажись, вдвое. Что у васъ тамъ... въ Расеѣ-то, есть экое-то? — прихвастнулъ хозяинъ и, получивши отрицательный отвѣтъ, еще больше пріударилъ на свое:

— То-то, вѣдь нѣтъ!.. ину пору, правда, и тоска беретъ этакъ въ непогодь али-бо на берегу сидя, а попалъ вотъ въ этакую благодать, такъ слезными рыданіями не прочь удовольствіе себѣ получить: не сошолъ бы съ палубы!..

— А что, паря, готовъ ли обѣдъ-отъ?—Наставляй скорѣича!.. завершитъ, бывало, свою рѣчь хозяинъ и знаешь, что уйдетъ онъ съ братомъ въ каюту и станетъ ѣсть тамъ сначала жидкость, на треть съ морской водой, называемой ими разсоломъ, и на двѣ трети съ прѣсной, сильно потеплѣвшей и значительно выстоявшейся въ нечистомъ боченкѣ. Горячую жидкость эту зовутъ они ухой, хотя оттуда вынута и потребляется особо обожаемая всѣмъ архангельскимъ краемъ треска, со своимъ вѣчнымъ одуряющимъ, амміакальнымъ запахомъ, который не пропадаетъ въ ней и по вываркѣ. Навѣрно знаешь, бывало, что съѣдятъ товарищи всю уху—одинъ непремѣнно примолвитъ, постукивая ложкой въ пустую чашку: «дождя не будетъ!» Твердо знаешь и то, что за треской послѣдуетъ пшонная каша, причемъ непремѣнно потужитъ хозяинъ, что забылъ прихватить съ собой съ берега масла, и замѣнитъ его той же соленой ухой. Твердо знаешь, что при первомъ появленіи въ каюту къ обѣду, обзоветъ онъ тебя приглашеніемъ:

— Поѣшь трещочки-то: хорошо, вѣдь!

— Не хочу; спасибо!

— Не привышное, вишь, дѣло-то тебѣ, не привышное! мы такъ вотъ и о пасхѣ ей разговляемся: на сковородкѣ яицами

обливаемъ, да со скоромнымъ масломъ и ѣдимъ въ сласть: знатно кушанье!.. Что же своей-то не поѣшь?

— Ветчины-то? не хочешь-ли попробовать?

— На оба конца не соблаговолила бы!.. а съ молитвою и все въ сласть: давай за твое здоровье! Вареную-то вотъ, чай, благонадежно можно ѣсть.

Попробовалъ — не нравится: нашолъ, что она въ пирогѣ лучше, а такъ-де боязно ѣсть.

— Женщины-то ѣдятъ ли ее?

— Ѣдятъ.

— А любятъ ли?

— Да ужь ѣдятъ, такъ, стало быть, любятъ...

— То-то!

Надоѣли въ безвѣтріе и эти докучные, невяжущіеся разговоры. И рады, и истинный на улицѣ праздникъ для всѣхъ насъ, когда, бывало, повстрѣчаемся на морскомъ безлюдьи съ другимъ судномъ, которое везетъ также живыхъ существъ, и все въ этомъ суднѣ интересуетъ насъ: и какой оно краской покрашено, — и потому сумское ли оно, или кемское—и что везутъ: треску или мелкую рыбу морскую, и сколько рабочихъ. Спитъ кто—разбудятъ бывало: «ступай, лодья идетъ, полно дрыхать-то;» и привѣтствуемъ, бывало, встрѣчныхъ завѣтнымъ прадѣдовскимъ привѣтомъ, и намъ отвѣчаютъ тѣмъ же:

— Путемъ-дорогой здравствуйте, молодцы!

— Здорово ваше здоровье на всѣ четыре вѣтра!

— Откуда Богъ несетъ?

— Съ Мурмана—*въ Городъ*.

— Чьихъ вы?

— Кемскіе.

— Что это у васъ лодья-то безъ мачты?

— На голомяни сломало: несхожіе вѣтры пали.

— У насъ такъ вольненькая морянка все тянетъ, такъ... легонькая; третьи вотъ сутки отъ Онеги шляндаемъ...

— Тамъ, на Терскомъ—аи-какія бури стояли! со дна воротило и все межонные вѣтра были!..

Съ тѣмъ мы и разошлись. И не удивили и не озадачили, уже прислушавшееся къ мѣстному говору ухо, новыя слова, вставленныя въ короткія рѣчи привѣтствія. Зналъ я уже давно, что Мурманомъ зовется тотъ берегъ океана, который потянулся

отъ Бѣлаго моря на западъ мимо Колы къ норвежской границѣ и на который съѣзжаются всѣ поморы для ловли трески—спасительнаго продукта для пищи, замѣняющаго легко и благодѣтельно всякаго рода хлѣбъ, который въ сѣверныхъ краяхъ не родится. Зналъ я, что городомъ зовется исключительно одинъ только Архангельскъ, куда свозится и гдѣ продается вся выловленная на океанѣ треска, что морянка—легонькій благодатный, по выраженію поморовъ, вѣтерокъ съ моря, голомянь—даль морская, все, что пошло отъ берега, который въ свою очередь, носитъ общее названіе горы, и что, наконецъ, съ понятіемъ о меженныхъ вѣтрахъ соединяется понятіе о непостоянствѣ вѣтровъ, дующихъ лѣтомъ, когда случается, что вѣтры обойдутъ кругомъ по всѣмъ румбамъ компаса, тогда какъ осенью морскіе вѣтры N, NO и O часто дуютъ безпрестанно не только по цѣлымъ днямъ, но даже и по цѣлымъ недѣлямъ.

На морѣ по прежнему тишь и гладь; но на дальномъ краю, тамъ, гдѣ начинается синева горизонта, промелькнуло что-то бѣлое, какъ будто волны; вотъ ближе и въ какой замѣчательной непослѣдовательности одна за другой, то въ одномъ мѣстѣ, то замѣтно далеко въ другомъ!

— Что это такое, старикъ?

— А бѣлухи лёщатся: знать, вѣтеръ чуютъ! — спину показываютъ, цѣлымъ юровомъ (стадомъ) выплыли.

Юрово это такъ близко, что можно различать всѣ ихъ продѣлки. Старикъ—работникъ не выдержалъ:

— Бѣлухъ-то какъ есть спѣхнемъ: на дорогѣ стали! любятъ духъ человѣчей— идутъ...

Бѣлухи, высовывая голову, замѣтно вдыхаютъ въ себя воздухъ, издавая при этомъ непріятные для уха звуки, наподобіе свинаго хрюканья, и прячутъ голову въ воду, выгибая при этомъ свою горбатую, серебристую, какъ вешній снѣгъ, спину.

— Совсѣмъ свинья-бы, присказалъ снова старикъ: —только ногъ нѣту... и хрюкаетъ.

Надъ бѣлужьимъ стадомъ мгновенно закружились — откуда взялись—огромныя стаи чаекъ, подхватывая изо-рту звѣря пойманныхъ имъ маленькихъ рыбокъ. Старикъ и здѣсь не выдержалъ:

— Чайки эти завсегда живутъ мірскимъ подаяніемъ, что богомолки соловецкія!.. ишь норовитъ!.. ишь сторожитъ, проклятая!

Дѣйствительно зоркая чайка, замѣтивъ звѣря у поверхности

воды, тотчасъ опускалась ниже и распускала свои крылья насторожѣ. Звѣрь, разгребая воду ластами на двѣ струи, высовывалъ свою небольшую голову и терялъ часть добычи: чайки уже тутъ-какъ-тутъ.

И старикъ раскачивалъ головой, и хлопалъ себя по бедрамъ, и какъ будто горевалъ бѣлужьему горю:

— Эка, гляжу, ненасыть; эки проклятыя; всего мало обжорамъ!..

Бѣлухи, по прежнему, продолжали шумѣть водой, и, по прежнему, судорожно вскрикивали и немедленно отлетали прочь тяжолыя чайки съ рыбой во рту...

Таковъ видъ на море; на палубѣ же виднѣлись прежнія, давно знакомыя картины: хозяинъ для разнообразія сѣлъ къ рулю, отпустилъ горемычнаго старика-работника отдохнуть, соснуть и самъ замурлыкалъ себѣ подъ носъ ту заунывную пѣсню, отъ которой еще тяжелѣе, еще безъисходнѣе становится на душѣ. Старикъ, воспользовавшись свободой, бросилъ на веревочкѣ *плицу* (деревянное корытцо, которымъ на мелкихъ судахъ бѣломорскихъ вычерпываютъ воду), досталъ морской воды и вымылъ ею руки—занятіе, къ которому онъ ежедневно прибѣгалъ разъ по пяти—по шести на день—и завалился спать на палубѣ, сильно пропекаемой жгучимъ солнцомъ. Братъ хозяина лѣниво щиплетъ, по прежнему, паклю, какъ будто серьозное дѣло дѣлаетъ: ни пѣсенъ не поетъ, ни съ кѣмъ не заговариваетъ; разъ только подошолъ къ борту и безсознательно-тупо поглядѣлъ въ темнозеленую чернять воды и засвисталъ тѣмъ дребезжащимъ свистомъ, какимъ пріохочиваетъ ямщикъ на питье свою уходившуюся, взмыленную тройку.

— Чего, чортъ, разсвистался-то?—обозвалъ его братъ, все еще навалившійся на руль и мурлыкавшій свою горемычную русскую пѣсню.

— Да вишь—нерьпа!..

— Выстаетъ, что ли?

— Знамо.

На гладкой поверхности моря, время отъ времени, показывалась между тѣмъ чорненькая, маленькая живая головка, съ плоскимъ утинымъ носомъ, судорожно вертѣвшаяся изъ стороны въ сторону, какъ бы прислушиваясь къ дикимъ звукамъ человѣческаго свиста; вотъ показалась серебристая, лоснящаяся,

сизая шейка звѣрька, и вотъ часть бѣленькаго брюшка: и звѣрокъ бойко поматывалъ головкой, нырялъ въ воду и опять выставалъ, чтобы снова подхватывать долетавшіе до него звуки свиста, и опять крутилъ головкой, подплывая почти къ самому судну, и опять прятался, и опять выставалъ, но уже въ другомъ мѣстѣ, далеко въ голомѣ.

— Надо быть, осенній выводокъ, замѣтилъ хозяинъ; — да, вишь, заблудился, отсталъ отъ стада; лѣтомъ не слѣдно имъ жить здѣсь: ѣсть нечего, уходятъ за сельдями за Грумантъ (Шпицбергенъ). И любопытной звѣрокъ: охочь на свистъ-отъ; тѣмъ вотъ и донимаемъ, беремъ на стрѣльну; больше за ними и уходу нѣтъ: нѣтъ этихъ тамъ сѣтей, крючьевъ что-ли; а саломъ лакомъ, мягкое сало даетъ и кожу даетъ хорошую; вонъ соловецкіе монахи сапоги — бахилы дѣлаютъ, поясами чресла перепоясываютъ; сходной звѣрокъ, что говорить, одно—малъ!..

Моремъ опять понесло туру и щепки, и опять все это затянуло пѣной, оторванной отъ берега и голышей-камней, коегдѣ торчащихъ безъ всякой системы и порядка на всемъ протяженіи безтолковой, опасной для судовъ Онежской губы.

— Полая пошла, теперь ходчѣе станетъ, все, гляди, хоть на куриной шагъ, да ближе къ Кеми.

— Скучно ужъ очень; не глядѣлъ бы ни на что!

— Кто говоритъ?! знамо, скучно; въ-первые на морѣ: какъ тебѣ не быть скучно, дѣло не свычное; мы вотъ и родились почесть что на морѣ, да и тутъ все нутро воротитъ. Вишь, вѣдь совсѣмъ упалъ вѣтеръ! экая тишь, словно на смѣхъ и горе!..

— Посвищи на тюленя-то, веселѣй станетъ!—счолъ за нужное прибавить отъ себя забавлявшійся созерцаніемъ любопытнаго звѣрька парень.

— Поѣлъ бы нѣшто; вишь, вѣдь ты не спишь, не ѣшь, утѣшалъ въ свою очередь хозяинъ.

— Не хочется: призору нѣтъ.

— Знамо, какой тутъ призоръ? несвычное дѣло, знамо... На берегу-то тебѣ, поди, лучше?

— Разумѣется лучше.

— А насъ такъ вотъ тамъ и калачомъ не удержишь. Нечего намъ на берегу дѣлать. Давно идетъ у насъ пословка:—море наше поле дастъ Богъ рыбу—дастъ Богъ и хлѣбъ; моремъ

только и живешь, а сторона выходитъ самая украйна, у край моря сидимъ. На него вся надежда!

— Да, вѣдь, ужъ скучно очень!

— Какъ не скучно; знамо, скучно!

Нѣтъ, рѣшительно не клеится разговоръ; хозяинъ видимо и самъ утомленъ и озадаченъ безъисходностью положенія: вяло какъ-то и по палубѣ онъ ходитъ, и спитъ ужъ черезъ-чуръ часто и долго, и пѣсни все поетъ заунывныя, да и ѣстъ лѣниво и много; не таковъ былъ онъ въ первой день знакомства съ нимъ, когда пробирались мелководной и порожистой рѣкой Онегой, ежеминутно почти мѣряясь шестомъ, чтобы, не ровенъ часъ, не сѣсть на мель и не положить судна совсѣмъ на бокъ... Разъ я поймалъ его на такой штукѣ: долго, долго смотрѣлъ онъ противъ вѣтра и крутилъ головой, какъ-будто сердился; вотъ снялъ шапку, похлопалъ себя по лбу и сталъ зачесывать вихоръ на правой високъ, и опять похлопалъ себя по лбу и засвисталъ.

— Что это ты дѣлаешь?

— Вѣтеръ хочу раздразнить: вишь, вѣдь, чтобъ его!..

— Какъ-будто онъ тебя послушается?

Хозяинъ задумался было, но вскорѣ схватился:

— Бывало и слушивался; а коли и не такъ, такъ все какъто на сердцѣ легче, какъ-будто и сдѣлалъ свое дѣло-то... Ишь, вѣдь, совсѣмъ напротивѣлъ; свищи, старикъ!

И старикъ, также охотно и сохраняя ту же важность выраженія въ лицѣ, хлопалъ себя по лбу, присвистывалъ и дразнилъ вѣтеръ.

— Что старикъ, и тебѣ легче? спросилъ я его.

— Знамо, легче!..

Однимъ словомъ, всѣмъ надоѣло постоянное безвѣтріе втеченіи цѣлыхъ двухъ сутокъ. Даже и старикъ-работникъ, который хвастался тѣмъ, что «вотъ-де пятой десятокъ живу, а почесть не сходилъ съ судна», не доволенъ своимъ положеніемъ и все время охаетъ и отрывисто поддакиваетъ сѣтованіямъ на безвѣтріе или постоянной противнякъ. По цѣлымъ часамъ приходилось, бывало, просиживать у борта, безсознательно созерцая гладкую, безбрежную поверхность моря и синюю массу дальнаго берега, на которомъ нельзя уже различить ни чорныхъ кучекъ — избенокъ селенія, ни яркой золотой точки, го-

рѣвшей въ крестѣ надъ церковью, ни оврага со сверкающей змѣйкой-рѣчонкой: все ушло вдаль и отливало туманной синевой. Теперь и того не видно: все заволокло туманомъ, до того густымъ, что въ немъ нельзя уже различить съ кормы даже старика, рочившаго кливеръ, и брата хозяина, вскарабкавшагося на бизань по оборванной, грозящей ежеминутно смертью, веревочной лѣстницѣ (ва́нтамъ), гдѣ и самые приступки (выбленки) чрезъ два въ третій, измочалены, висятъ клочьями.

Наступила минута всеобщаго, торжественнаго молчанія: всѣ стояли насторожѣ въ ожиданіи того, въ какую сторону приметъ направленіе вѣтеръ, до того времени игравшій кливеромъ то съ одной стороны его, то съ другой. И вотъ этотъ моментъ, сопровождаемой невыносимымъ скрипомъ бизани и всѣми рѣзкими, бранными словами, на какія только можетъ хватить умѣнье и привычка русскаго человѣка, въ сердцахъ и безмѣрно-обиженнаго; у брата хозяина сильнымъ порывомъ вѣтра вырвало изъ рукъ кливеръ, шкотъ; шкотъ поймали багромъ, но виноватой получилъ пять-шесть ударовъ въ спину — и отдохнуть бы, но хозяинъ, весь уже превратившійся въ суетливаго, почувствовавшаго и сознавшаго трудную минуту въ своемъ положеніи посреди враждебныхъ стихій, требовалъ его къ бизани, крѣпко бранилъ и за то, что спуталъ всѣ веревки на мачтѣ, хотя скорѣе спуталъ ихъ вѣтеръ, чѣмъ тотъ, и за то, что медленно рочилъ бичеву, и за то, что медленно отходилъ къ другому борту для закрѣпы шкота. Не ушолъ и смирной старикъ отъ зоркаго глаза и замѣтокъ хозяина: и ему послано съ бизани приказаніе, съ сильной закрѣпкой и памяткой, налечь на руль крѣпче и держать круче, на перерѣзъ волны. Любо было видѣть его въ эту минуту полнаго разгара хлопотливости: онъ то взберется на лѣстницу вверхъ, то опять, почти въ мгновеніе ока, очутится внизу у кливера, и вотъ, наконецъ, торжествующій, посреди прежняго всеобщаго молчанія, сѣлъ къ рулю самъ, прогнавши старика слѣдить за кливеромъ.

— Что, хозяинъ, теперь весело?

— Ну, да какъ не весело? благодать! и на сердцѣ складно. Этакъ-то вотъ иную пору тамъ, въ океанѣ, сутки у руля-то просидишь легко и передать жаль. Таково-то любо!...

Всѣ три паруса надуло вѣтромъ до состоянія полноты и насы-

щенія; накренившееся судно бойко разрѣзало въ мелкія брызги набѣгавшія густыя волны и бѣжало смѣло впередъ, оставляя позади себя бѣлую, гладкую полосу, окаймленную густой бѣлой пѣной. Пѣну эту подхватывали набѣгавшія волны, съ шумомъ отпрядывавшія отъ бортовъ въ мелкихъ брызгахъ. Туманъ замѣтно пропадалъ, позволяя видѣть мрачно клокотавшую бездну воды, взбитую густыми волнами, невысокими, но частыми и бойкими, во всемъ ихъ поэтическомъ обаяніи и прелести. Но вотъ волны, гонимыя боковымъ вѣтромъ, стали чаще и смѣлѣе набѣгать на накренившійся бортъ шкуны, прядали черезъ него, обсыпали своими противно-соленаго вкуса каплями и лицо, и платье; одна волна цѣлую массу воды кинула черезъ судно и опечалила всѣхъ.

— Порато же много выпало вѣтра! — наконецъ-то выговорилъ хозяинъ, до того времени хранившій гробовое молчаніе.

— Отдай кливеръ, да держись крѣпче за бичеву: повернемъ!

На палубѣ сдѣлалось такъ холодно, какъ холодно бываетъ въ крещенской морозъ; холодъ леденитъ руки и бьетъ въ виски; только постояннымъ движеніемъ можно противодѣйствовать его вліянію; ходить по палубѣ непривычному человѣку уже невозможно и смѣшно видѣть, какъ прыгнувшій работникъ ухватился было за боченокъ, но, при новомъ поворотѣ судна на противоположной конецъ, брошенъ былъ къ печкѣ. Въ каютѣ свалило со стола бумаги, книги, чернильницу; въ шкапу хлопали дверцы и звенѣли двѣ—три чашки. Хозяинъ плавалъ съ нѣкоторымъ комфортомъ: у него имѣлся и мѣдной чайничекъ для чаю; чай прислащалъ онъ сдобными колобками, хотя и значительно высохшими и одеревенѣвшими; послѣ обѣда услаждалъ себя часто, сверхъ сыта, щолканьемъ кедровыхъ орѣшковъ — меледы, называя ихъ *гнидами*. Вина не держалъ вовсе, считая вино на суднѣ совершенно лишнимъ продуктомъ:

— Вино на суднѣ — гибель, и безъ него тошно! На берегу еще отчего не побаловаться въ доброй часъ? Тамъ съ виномъ весело: здѣсь маета; а отъ холодовъ и подъ полушубкомъ согрѣемся. Иные, пожалуй, и любятъ брать съ собой, да тоже въ морѣ, почитай, не пьютъ. Аглечкіе, что въ городъ на корабляхъ ходятъ, тѣ, пожалуй, вонъ съ утра до вечера пьяны, за

нихъ, вѣдь, другіе дѣло-то правятъ, имъ съ пола-горя пить-то. А у насъ вся надежда въ тебѣ: работать за тебя некому, самъ все...

И вотъ еще нѣсколько ругательствъ и плюхъ со стороны хозяина, и еще нѣсколько сдавленныхъ криковъ изъ устъ его брата въ отвѣтъ за науку, и насъ погнало всторону отъ прямаго, принятаго нами пути, и еще нѣсколько криковъ и бранныхъ словъ, да визгъ каната и всплескъ свалившагося якоря въ воду — и мы на безопасномъ мѣстѣ, подъ островомъ Шижмуемъ, на половину лѣсистымъ, на половину голымъ, какъ вообще голъ бѣломорской гранитъ.

— И экой взводнишшо разворотило: сюды-нали досягнулъ!

— Поди-ко тамъ теперь какой адъ дѣвствуетъ! больно пылко...

— Пыль, пыль, братецъ ты мой! прибавилъ отъ себя старикъ, стараясь поддержать разговоръ, завязавшійся тотчасъ послѣ того, какъ *обронены* были паруса и повернулось судно. Одинъ только хозяйской братъ видимо былъ недоволенъ, стоя насупившись и сохраняя прежнее упорное молчаніе. Но и онъ былъ замѣченъ хозяиномъ:

— Слышь чортъ, Петруха! сердишься что ли, аль нѣту?

Петруха молчитъ.

— Ишь вѣдь, словно Грумантъ, и разгнѣвался? Пошто старикъ—отъ не сердится?

Петруха все еще стоитъ на своемъ: лицо его мрачнѣе неба и воды окольной.

— Больно что ли, коли молчишь?

— Знамо, больно, противъ сердца бьешь: съ разу-то, вѣдь и духу тяжоло!...

— Любя вѣдь, лѣшой!

Петруха на замѣчаніе это издалъ какой-то глухой грудной звукъ, который братомъ его былъ принятъ по своему.

— Съ горяча-то вѣдь, дуракъ, не разберешь; по шеѣ бы, вишь, надо.

— Ну какъ тѣ не по шеѣ?.... себя бы билъ по шеѣ-то.

— Ладно, ну ладно, поцалуемся!..... Да вари-ко паужинъ; дѣлать-то, видно, некого: спать ляжемъ.

— А недаромъ же, ваше благородье, бѣлухи-то играли.

— А то что же?

— Да ужъ какъ стали выставать цѣлымъ стадомъ, знай—крутой будетъ вѣтеръ, такая скотинка необрядная! Надышаться, вишь, наровитъ: на волнахъ-то ей не повадно: не всякую вѣдь волну и одолишь. Теперь вся на днѣ въ лежку лежитъ, да рыбку проходящую удитъ: тѣмъ живетъ, самъ знаешь.

Между тѣмъ набѣгавшія волны отъ огромнаго *взводня* (волненія), распущоннаго крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, продолжали сильно раскачивать наше судно и хотя не накренивали его по прежнему, но за то этой качкой сильно содѣйствовали тому, что всѣ мои спутники снова заснули богатырскимъ сномъ. Изъ голомени доносился до насъ глухой гулъ отголосками послѣднихъ раскатовъ грома; яснѣе и чище выдѣлялись изъ этого густого гула всплески набѣгавшихъ волнъ на ближайшіе къ намъ голыши. Оттуда снова слышались громкіе, раздирающіе душу вскрики чаекъ. Изъ каюты вышолъ старикъ, поболтался по палубѣ, погрѣлъ руки надъ дотлѣвавшими угольками въ печи, вымылъ ихъ морской водой, покрякалъ и опять спустился въ каюту. Прямо противъ судна потянулся длинной Шижмуй, слѣва лѣсистый и зеленый, справа каменистый и чорный; далеко у края торчитъ что-то густо-чорное: кажется, изба, а, можетъ быть, и просто огромной камень. Тамъ—и—сямъ прорѣзаются въ ночномъ полумракѣ деревянные кресты, которыми уставлены чуть не вплотную всѣ берега и острова Бѣлаго моря, всѣ перекрестки и выгоны городовъ и селеній Архангельской губерніи. Кресты эти ставятся по обѣту или мѣстными жителями, или богомольцами, идущими въ Соловецкой. Кресты на Шижмуѣ могли имѣть иное начало: можетъ-быть тѣмъ же крутымъ вѣтромъ, какимъ загнало сюда и насъ, загнало въ это становище утлыя суденки промышленниковъ и надолго затянулъ одинъ и тотъ же вѣтеръ, запирая всѣ пути къ выходу не на одинъ день мрачно скучнаго гореванья. Ловцы сошли на островъ и долго поджидали вождѣленной поры, когда уляжется вѣтеръ или перемѣнится въ попутной. Проходитъ не одинъ день скучнаго житья на голой лудѣ, а между тѣмъ флюгарка на мачтѣ попрежнему рѣетъ въ ту же враждебную имъ сторону, попрежнему несется страшной гулъ отъ дальнаго взводня со стороны моря и попрежнему чорно и сумрачно это море, до половины покрытое густой, серебристо-бѣлой пѣной. Ту же тоску и безвыходность положенія испытываютъ промышленники, какія впо-

ру только тѣмъ несчастнымъ, которые брошены на голой, безлюдной камень, окружонной громадною массою воды и сверху накрытой широко-безпредѣльнымъ голубымъ небомъ. Тамъ съ крикомъ пролетитъ орелъ, тяжоло размахивая своими сильными крыльями, и находитъ себѣ мѣсто, пріютъ и довольство на первой же спопутной лудѣ. Далеко не таково безъизвѣстное положеніе покорившихся прихотливымъ капризамъ моря, когда, наконецъ, самый запасъ провизіи замѣтно приходитъ къ концу, а налѣпившіяся по лудѣ ягоды: сочная морошка и кислая, водянистая вороница набили оскомину; даже забившаяся въ овражкѣ между камнями лужа дождевой воды, пощажонная палящими лѣтними лучами солнца, грозитъ скоро истощиться окончательно и обѣщаетъ рано или поздно возможность горькой смерти столько же отъ жажды, сколько и отъ голоду. Промышленникамъ остается одно: быть вѣрными завѣту своихъ праотцовъ и въ сооруженіи деревяннаго креста полагать всю надежду на лучшую долю, чѣмъ бездѣйственное положеніе на голомъ и безлюдномъ островѣ. За матеріалами ходить недалеко: лѣсъ подъ руками, и плохой тотъ мореходъ, который, не только въ дальное морское плаваніе, но даже и въ ближайшее на сосѣднюю луду за грибами или ягодами, не прихватитъ съ собой топора и пилы. Цѣлой артелью, меньше, чѣмъ въ сутки, сооружается крестъ и вырѣзывается на немъ приличная надпись съ именемъ Страдавшаго и годомъ сооруженія.

— И всегда послѣ того, какъ вкапывали крестъ въ землю, всегда переставалъ вѣтеръ и если не становился попутнымъ, то зато до конца плаванія противнякъ не мѣшалъ плыть ровно и спорко, и бѣтаться (т. е. реить, лавировать) — говорили мнѣ въ одинъ голосъ и прежде и послѣ бо́льшая часть ходоковъ по бѣломорскимъ пучинамъ.

Между подобнаго рода крестами много, и едва ли, впрочемъ, не бо́льшая часть, такихъ, которые сооружались спасшимися; изъ нихъ два креста сдѣлались историческими: одинъ Петра Великаго, сооружонный собственными его руками на берегу Унской губы въ 1684 г. и хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ, и другой Никона, послужившій началомъ основанія на Кій-островѣ Крестнаго монастыря, особенно передъ прочими чтимаго патріархомъ.

Если утомительны эти колыханья между голыми островами

при полномъ безвѣтріи, то едва ли не втрое мучительнѣе гнететъ наболѣвшее сердце пяти — шестичасовая стоянка на якорѣ: приглядятся окольные однообразные виды, съ каждой мелочной подробностью которыхъ дѣлаешься какъ-будто знакомымъ съ-издѣтства; глазъ болитъ отъ безпредѣльной поверхности моря, взволнованной, возмущонной на всемъ своемъ пространствѣ непокойными, спорящими волнами: одна подсѣкаетъ другую, разбиваясь въ мелкія дребезги объ острые корги, голыши и луды; мельничнымъ воплемъ отдаетъ шумъ волнъ, набѣгающихъ на каменистой переборъ между сосѣдними голышами, оголенными убылой водой, и стихаетъ этотъ вопль по мѣрѣ того, какъ сполняется вода, исполняя неизмѣнный природный законъ прилива, несмотря на противодѣйствующую силу крѣпко разгулявшагося взводня. На небѣ, замѣтно прочистившемся, съ сѣвера прошли облака и скрылись за хребтомъ вспѣнившихся волнъ голомѐни; съ сѣверо-востока показались другія, чорныя; вѣтеръ опять пошолъ духами: то стихнетъ какъ-будто, то опять заклубитъ и запѣнитъ дальнія волны, и опять завоютъ онѣ на переборѣ и острыхъ окраинахъ Шижмуя, и опять закачаетъ насъ словно въ люлькѣ. Но крѣпкимъ, невозмутимымъ сномъ продолжаютъ спать мои спутники; опять походишь по палубѣ, хватаясь на пути за устои, чтобы не упасть при этой постоянной качкѣ судна съ боку на бокъ; посмотришь въ даль моря: тамъ опять заиграли бѣлухи, вырисовывая въ чернѣти волнъ и на дальной окраинѣ горизонта свои серебристыя спины: — какой-то предвѣщаютъ вѣтеръ? Поглядишь на якорь, не повело ли канатъ прибылой водой налѣво, не подтянетъ ли его совсѣмъ подъ судно, и такимъ-образомъ не повернетъ ли послѣднее кормой, чтобы бѣжать повѣстить своихъ спутниковъ, что вода запала и нечего терять дорогаго времени. Работники лѣниво просыпаются и почти навѣрно могу догадаться, что бранятъ нарушившаго покой ихъ и за его нетерпѣливость, и за его безсонныя ночи, и бранятъ даже за то, что получасомъ разбудилъ ихъ раньше, чѣмъ бы имъ самимъ хотѣлось.

Сначала вылѣзъ изъ каюты самъ хозяинъ въ слегка накинутомъ на плечи полушубкѣ; но холодъ беретъ свое: хозяинъ крутитъ плечами и зѣваетъ.

— Что, братъ, холодно?

— Отвѣта не было; хозяинъ опять спустился внизъ и слышно

оттуда, какъ бранитъ онъ другихъ товарищей и, вѣрно, толкаетъ ихъ въ бокъ ногой; тѣ огрызаются на него, обзываютъ лѣшимъ и охаютъ. И вотъ онъ снова на палубѣ, плотно укутанный въ шубу, моетъ руки и молится на востокъ. Удостовѣрившись, что якорь дѣйствительно находится подъ днищемъ шкуны, съ помощью работниковъ выбираетъ его рычагомъ на палубу. Кое-какъ медленно и молча, налаживаются паруса и шкуну нашу легонько потащило на западъ полой водой, вырисовывая передъ глазами новые острова, но со старыми, давно-знакомыми видами.

— Вотъ смѣкай, ваше благородье! — началъ, наконецъ, хозяинъ послѣ упорнаго, продолжительнаго молчанія, которое нарушалъ только требованіями «опустить немного шкотъ, зарочить покрѣпче кливеръ, держать вѣтръ въ парусахъ, не налегать на руль и держать его на вѣтрѣ, поддать бизани, подвести руль» и проч.

— Палъ голомянной, вѣтеръ морской бы тебѣ назвать: сѣверъ ли тамъ, полуношникъ (NO), вотъ какъ бы теперь, встокъ ли: завсегда взводень рыдатъ, по осенямъ недѣлями тянутъ, ну да и лѣтомъ развѣ сутками удовольствуются; это не то, что вѣтра горные: вотъ хоть бы лѣтній (S) взять, западъ, обѣдникъ (SO: отъ тѣхъ только визгъ пойдетъ, пыль... мачты крѣпи, паруса убавляй, а нѣтъ тебѣ, чтобы эти волны: шипитъ вода, что уха въ котлѣ; одинъ только шалоникъ (SW) побойчѣе всѣхъ, да и тотъ развѣ ужъ крѣпко наляжетъ, такъ распустить взводень-отъ...

— Гдѣ же опаснѣе взводень: здѣсь ли въ морѣ, или тамъ на Мурманѣ — въ океанѣ?

— Взводень нигдѣ не страшенъ: умѣй только паруса обладить, да не зѣвай по времени — не опружитъ; опять же мѣста знай: гдѣ мель, гдѣ корга; и становища, якорныя мѣста, опять знай, умѣй во время спрятаться. А который взводень сильнѣе?

— Да.

— Океанской матерущой взводень живетъ; этотъ и званія передъ тѣмъ не стоитъ, такъ.. дрябь, зыбь и ничего... тьфу!..

Разскащикъ присвистнулъ.

— На Мурманѣ во — какія волны!

Разскащикъ засучилъ рукава и приподнялся.

— Палъ тамъ вотъ этакой-то чортовикъ полуношникъ, да

сдуру и начнетъ пылить по океяну-то. Ну... большія волны живутъ...

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто.

— А какъ же велики?

— Да чуть тебѣ съ колокольну не посулилъ...

Прислушивавшіеся работники захохотали; самъ разскащикъ скрылъ улыбку и продолжалъ самоувѣреннымъ тономъ и еще круче засучивая рукава. Онъ опять приподнялся.

— Идетъ тебѣ устрѣчу волна, что домъ городской; подойдетъ это тебѣ подъ низъ, взберетъ на себя все выше, да выше на самой хребетъ, вздынетъ, покачнетъ этакъ разъ-другой-третій, потѣшитъ это душеньку то, значитъ, свою: да и пуститъ легонько внизъ, что по маслу, любо!...

Разскащикъ покрутилъ головой.

— Спустила это она внизъ; ничего не видно и духу сразу не соберешь. Глянь, анъ другая тебѣ лѣзетъ, еще больше той, и та съ тобой поиграетъ, да этакъ-то вонъ съ-однова по цѣлымъ суткамъ и тѣшатся: и любо и имъ, и тебѣ. На попутной идетъ — шагаешь это, все впередъ, да впередъ и порато бойко; а на устрѣтной—знамо бѣги въ становище — осилитъ, не справишься...

Онъ помолчалъ.

— И сколь велики эти волны—такъ вотъ теперь съ лодьей бы идешь рядомъ, да поползъ на волну къ хребту-то и сталъ на мель, верхушки мачты не видать, не то что лодьи самой; во какъ!... А, вѣдь, это морскія волны! Это, такъ... тьфу!

И разскащикъ опять презрительно свиснулъ.

— Волна эта мелкая, бойкая, съ ней опасливо: того гляди, подсѣчотъ и опружитъ; волна эта немного отъ рѣчной отстала. Та такъ вотъ совсѣмъ обижаетъ, особѣ на сувояхъ: тамъ это, гдѣ вотъ палая бы вода съ прибылой встрѣтится, тутъ ужъ рулевой не зѣвай.

— Ну, а какъ же это, дядя Егоръ, на Мурманѣ-то лонись десятковъ семь ребятъ погибло; такія бури стояли, что отродясь не запомнятъ?

— Что же? на то власть Божья; знамо, все отъ Его произволенія; тутъ намъ съ тобой, дядя Степанъ, дѣлать нечего! вѣрно ли я говорю?

Дядя Степанъ глубокомысленно кивнулъ головой.

— Въ океанѣ взводень укладывается не больно же скоро: и вѣтеръ перестанетъ, и другой завяжется, а взводень все рыдаетъ, все гуляетъ... Въ морѣ не такъ, въ морѣ взводень въ полчаса угомонится, а и раньше, коли на морской вѣтеръ набѣжитъ какой ни есть горній.

Поощряемый этими разспросами и общимъ вниманіемъ, хозяинъ, привыкшій, приглядѣвшійся къ морю и капризамъ вѣтровъ, продолжалъ разсказывать слѣдующее:

— Про вѣтры нѣшто сказать тебѣ заразъ, чтобы зналъ ты и напредки, коли въ Колу и на Мурманъ ѣдешь, всѣ ихъ обыки, всякой норовъ, значитъ. Взять бы востокъ — морской, голомянной вѣтеръ — боекъ и разгуливается скоро, глазомъ почесть мигнуть не успѣешь, и крутитъ иной разъ по морю завсегда цѣлой день: а пошло этакъ солнце на вѣтеръ...

— Что же это значитъ?

— Стало этакъ солнце, значитъ, на встокѣ, въ сторонѣ этой на небѣ-то... отишетъ вѣтеръ и отстанетъ, и взводня не пущаетъ больше, и знай: пересталъ вѣтеръ, такъ либо ничего, либо другой падетъ, а ужь тотъ старой... никогда почесть не ворочается, не играетъ ужъ... По ночамъ послѣ встока больше шалоникъ (SW) ходитъ...

— Ну, а этотъ каковъ?

— Совсѣмъ негодяй; пылитъ, словно угорѣлой, рветъ все у тебя, ровно благуетъ и почесть не даетъ никакого взводня. Совсѣмъ взбалмошной вѣтеръ: задулъ, закрутилъ, оборвалъ бичеву, пѣну пустилъ—думаешь, и несосвѣтимую погоду завяжетъ, и невѣсть куда унесетъ тебя, коли попутной. Глядишь, поигралъ часъ-другой-третій, попылилъ и опѣшилъ—и приругаешь дурака и наплюешь въ глаза. Такой!... Вонъ полуношникъ (NO), сѣверъ, западъ—теплой вѣтеръ, тѣ молодцы, съ тѣми можно дѣло имѣть, потому благородно и необидно... Сѣверъ однако некруто взводень пущаетъ; разъ ужъ крѣпко расходится и тянетъ долго...

— Лѣтній каковъ? спросилъ я, стараясь воспользоваться словоохотливостью Егора, не всегда разговаривающаго, по большей части замкнутаго и сосредоточеннаго въ себѣ.

— То есть горніе?

— Да.

— Про какой спросилъ-то: про лѣтній?

— Про лѣтній.

— Это вѣдь бѣлоручка, дворянской сынъ. Подъ него спать на палубѣ ловко, щокотитъ это по рожѣ-то теплынью, умирать не надо. Таково любо!... Такъ ли я, старина, говорю?

Старикъ опять молча кивнулъ головой и опять усмѣхнулся; даже на всегда мрачномъ лицѣ хозяйскаго брата проскользнулъ родъ какой-то усмѣшки и онъ переступилъ съ ноги на ногу. Это замѣчено было Егоромъ.

— Вонъ Петрухѣ-то какой не завязывайся вѣтеръ, все ладно; полуношникъ хоть всѣ трубы открой — не пройметъ: моржовистъ...

Хозяинъ замолчалъ, но вскорѣ счолъ за нужное прибавить еще слѣдующее:

— Гагара кричитъ — на море безпремѣнно падетъ сильной вѣтеръ. По старымъ временамъ на пятницу вѣтеръ смѣняется, какъ бы ни игралъ круто...

— Да вѣрно ли это, хозяинъ?

— Съ тѣмъ возьми!..

Полая вода продолжаетъ подвигать насъ, хотя и медленно, впередъ; потаились Шижмуи, вмѣсто ихъ выплыли новыя луды, изъ которыхъ однѣмъ знатоки дали названіе Медвѣжьихъ Головъ, другія обозвали именемъ Сеннухи; далеко впереди выяснились высокіе Кузова̀, цѣль настоящихъ нашихъ помысловъ и желаній. Какимъ-то матовымъ отблескомъ покрыты эти острова отъ вершинъ до мѣстъ прибоя волнъ и рисуются тускло: нельзя еще отдѣлить гранита отъ того мелкаго кустарника, которымъ, говорятъ, онъ вплотную усыпанъ.

— Гляди правѣе Сѣдловатой луды, видишь?

— Ничего не вижу; но Сѣдловатую луду узнаю и дивлюсь ея мѣткому прозвищу: лучше назвать ее едва ли можно...

— То-то! совсѣмъ, вѣдь, сѣдло... А направо-то видишь еще кое-что? продолжалъ добиваться своего хозяинъ, когда вопросъ возбудилъ всеобщее любопытство. Двое работниковъ смотрѣли туда же и тоже не понимали: отчего мнѣ не видно того, на что указываетъ хозяинъ. Одинъ изъ нихъ даже не выдержалъ и дополнилъ:

— Вишь, бѣлѣть-нали стало! совсѣмъ видно...

Но я, по прежнему, ничего не видалъ; за поморами, хотя бы даже и въ очкахъ, не угоняешься; они очень зорки и далекое

видятъ ясно, благодаря безграничному горизонту моря, на которомъ съ малыхъ лѣтъ развивается ихъ зрѣніе. Только тогда, какъ насъ значительно подвело еще дальше впередъ, на NO выплыло какъ бы облачко, сначала незначительной величины, потомъ постепенно округлявшееся, рѣзко обозначая свою подошву на мѣстѣ прибоя волнъ, и на этомъ облакѣ дѣйствительно забѣлѣла небольшая, но круглая точка; надъ точкой прорѣзалась и загорѣлась золотая звѣздочка, одна, вотъ другая... третья... и еще... и еще...

И невольно дрогнуло сердце и не надо было сомнѣній и разспросовъ: само собой разумѣется, что золотыя звѣздочки эти принадлежали дальной изо всѣхъ русскихъ обителей, монастырю Соловецкому, съ которымъ связано столько живыхъ впечатлѣній, обильной наплывъ которыхъ мѣшалъ найти въ нихъ единое цѣлое. Нѣкоторое время видѣлась только сѣрая масса съ серебристо-снѣжнымъ пробѣломъ, который начиналъ постепенно увеличиваться и выдѣлилъ изъ себя двѣ церкви, еще что-то похожее на длинную стѣну и вдругъ все снова пропало...

— Темень подняло; дождя, знать, будетъ; а не надо бы нама-ка!—послышался голосъ хозяина.

— Зорокъ же, братъ, ты и догадливъ!

— Намъ нельзя безъ того, слѣпымъ-то у насъ и на печи мѣста много. Близорукъ въ морѣ будешь, такъ и носъ расшибешь; наше море не такое, чтобы коргъ этихъ, кошокъ, голышей не было, не такое!..

Предсказаніе хозяина сбылось; изъ теменцы — дальнаго облачка—сдѣлалась вскорѣ надъ нашими головами цѣлая и густая туча, обсыпавшая насъ бойкимъ, но скоро переставшимъ дождемъ, вызвавшимъ новое замѣчаніе Егора:

— Въ морѣ встанетъ темень — жди дождя; въ горахъ (въ береговой сторонѣ) завязалась она и кажетъ словно молочная, да зачернѣло оттуда море синей полосой, быть вѣтру, и крѣпкому вѣтру; такъ и завсегда вотъ, какъ и теперь!

И это предсказаніе сбылось какъ нельзя вѣрнѣе и лучше; дождь загналъ меня въ каюту, куда послышались вскорѣ съ палубы новые крики и опять начались возня и брань. Слышится задыхающійся голосъ Егора:

— Къ снастямъ, ребятушки, къ снастямъ, други милые, человѣки земнородные! постарайся, други, золотомъ озолочу и по

всему свѣту пущу славу—вотъ такъ, уприсъ, вотъ этакъ, серебряные, золотые!.. А чтобъ тебѣ, старому чорту, ежа противъ шерсти родить, что кливеръ-то опустилъ? анаѳема... не задорься, крѣпись на рулѣ-то, лупоглазой! рочи живѣй, одеръ необычной!.. начну вотъ кроить шестомъ-то, скажешь, которое мѣсто чешется!.. окаянные!.. держи вѣтеръ-отъ такъ, желанные мои, такъ... вѣрно, такъ! спасибо на доброй подмогѣ! Ишь какъ знатно пошло прописывать; молодцы ребята, тысячи рублей за васъ не деньги!.. рочи-ко скоренько, рочи, бѣтайся, други, бѣтайся!.. вотъ лихо!.. вотъ лихо!.. знатно... шевелись, старикъ, шевелись, перекидывайся, шевелись покрѣпче — погуще поѣшь; ладно! Вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ разъ!..

И за послѣдними словами въ каюту донеслись новые звуки хозяйскаго свиста; я вышолъ на палубу: стоитъ онъ, разставивъ ноги и разводя руками лицомъ къ вѣтру, и опять снялъ шапку, опять машетъ ею противъ вѣтра.

— Что, Егоръ?

— Да, вишь, окаянной какой!...

— Что же, обидѣлъ?

— Попугалъ только, проклятой: на то и шалонникъ—разбойникъ, чтобъ ему пусто было!.., Рони, паруса, братцы, да крути якорь: надо опять *полой* *) дожидаться!... Вотъ и горюй тутъ!...

---

*) Считаю нелишнимъ объяснить здѣсь значенiе поморскихъ словъ, употребляемыхъ для выраженiя извѣстнаго состоянiя воды въ приливахъ и отливахъ. Вотъ весь порядокъ этихъ замѣчательныхъ проявленiй жизни Бѣлаго моря на поморскомъ нарѣчiи, всегда мѣткомъ и оригинальномъ. Начало прилива, и именно тотъ короткiй моментъ, когда вода какъ будто *задумается* и стоитъ неподвижно, не подаваясь ни впередъ, ни назадъ, поморы зовутъ *куйпогой* (значенiе этого слова въ нѣкоторыхъ случаяхъ переносится и на осыхающiй послѣ отлива берегъ морской); за куйпогой вода *заживетъ*, т. е. начнетъ прибывать, *сполняться*, и все остальное время прилива носитъ уже названiе *полой, прибылой воды*. Приливъ кончается: вода *кротѣетъ*, теченiе ея дѣлается тише, она вскорѣ сполнится и черезъ шесть часовъ отъ начала прилива будетъ *полная вода*: затѣмъ она *дрогнетъ* и начнетъ *западать* (убывать) — и все слѣдующее послѣ того время отлива имѣетъ одно общее названiе *сухая, малая вода*. Такимъ-образомъ опять черезъ шесть часовъ будетъ куйпога и немедленно слѣдующее за нею начало полой воды, и т. д. Неправильностями въ одновременномъ появленiи приливовъ и отливовъ объясняютъ несчастiя, случающiяся съ бѣломорскими судами во время ихъ плаванiя.

— И тебѣ-то, гляжу, Егоръ обидно!

— Зареву, вотъ по-коровьи зареву, и знай! совсѣмъ обида: вино бы подъ рукой было, кажись, облопался бы, чтобы не видать экаго посрамленія на головушкѣ. Сказано: какъ, знать, пошли, такъ и придемъ непутно! А Кузова́-то далеко ушли; къ Килькака́мъ, знать, ладиться надо!...

— Что же такъ?

— Теченье-то, вишь, тяга-то тебѣ къ берегу: безъ вѣтра однимъ бѣтаньемъ не одолишь...

— А вѣдь это, братъ, совсѣмъ ужъ не по морскому; это ужъ, выходитъ, на авось идти.

— Егоръ ничего не отвѣтилъ; видимо совсѣмъ ошеломленный отъ постоянныхъ неудачъ, швырнулъ безъ видимой нужды шестъ съ одного борта на другой, двѣ огромныя, тяжолыя щепки бросилъ въ море, легъ было на доскахъ, на палубѣ, и не улежалъ, пошолъ въ каюту; на пути сильно толкнулъ попавшагося брата, безъ видимой причины, и только въ каютѣ смогъ улечься окончательно и ровно восемь часовъ проспалъ непробуднымъ, богатырскимъ сномъ.

Кончались уже пятые сутки нашего морскаго плаванія и немного же принесло оно съ собою радостей; на все глядѣлось какъ-то смутно, во всемъ составѣ чуялась какая-то истома и на всѣхъ видѣлось тоже самое: хозяинъ пересталъ шутить и пѣть пѣсни; братъ его глядитъ еще сумрачнѣе и молчитъ еще упорнѣе; старикъ работникъ, словно развинченный, еще чаще сталъ доставать морской воды и умывать ею руки. Всѣ истомились и не охотно заговариваютъ другъ съ другомъ; а дальный поморской берегъ синѣетъ по прежнему безтолково, неясно, какимъ-то длиннымъ, безконечно-длиннымъ облакомъ, обрамленнымъ снизу яркой синевой неба, что водой морской дальній островъ. Таковы и Кильяки, замѣнившіе для насъ значеніе вождѣленныхъ Кузововъ, такова и Бѣлогузиха, таковы и Медвѣжьи-Головы, бьющія теперь въ глаза своимъ красновато-грязнымъ гранитомъ и вѣчною зеленью сосенъ и елокъ. Разъ только потѣшилъ насъ бойкій вѣтеръ, но и тотъ выпалъ на столько боекъ, на сколько и безполезно-опасенъ, да другой *попугалъ*, говоря мѣткимъ выраженіемъ Егора, сумрачно созерцающаго теперь давно знакомые и сильно напротивѣвшіе ему виды.

— Вотъ, разсказывалъ онъ: — выглядываетъ круглой шап-

кой, что повыше всѣхъ изъ Кузововъ, Никодимской островъ, и жилъ на немъ старецъ въ постѣ и молитвѣ, и померъ, уложивши головушку на псалтырь старопечатную. Такъ и нашли ягодницы — дѣвки кемскія — лѣтъ тому десять, а не то и пятнадцать. Съ тѣхъ поръ и зовутъ по Никодиму-то старцу и островъ Никодимскимъ. Стали было ходить съ молитвой туда, да исправникъ не велѣлъ...

Но трудно было отличить этотъ островъ въ цѣлой массѣ другихъ, болѣе или менѣе высокихъ острововъ, цѣлой стѣной заступившихъ весь горизонтъ впереди. Самое море чрезъ то потеряло всю свою прелесть безбрежнаго, почти безслѣдно-сливающагося съ дальнимъ горизонтомъ. Виднѣлись только острова и съ боковъ, и прямо, и сзади шкуны.

Еще на одинъ изъ нихъ указываетъ хозяинъ и, называя его Полтамъ-Коргой, ведетъ новую повѣсть:

— Дѣвушка — этакъ въ порѣ: полной дѣвкой заводилась, плыла по ягоды съ прялкой, да божественныя старины пѣла: Сонъ Богородицы, Мученіе Христово, Плачъ Іосифа-Прекраснаго, егда продаша братія его во Египетъ, и прочее такое изъ стиховъ, что калики-перехожіе по ярмаркамъ поютъ. А какъ допѣла она до стиха въ плачѣ-то Іосифа, что

Внуши-де, мати, плачъ горкіи
И жалостныи гласъ тонкіи,
Вижль плачевный образъ мой
Пріими, мати, скоро во гробъ твой.
Не могу азъ больше плакати,
Хотятъ врази мя заклати,
Отверзи гробъ, моя мати!
Пріими къ себѣ свое чадо...

и палъ, слышь, шалоникъ бойкой и окружилъ дѣвушку-то: потопилъ, значитъ!.. А сирота была и ни одного мужика не знала, и всѣ горемъ горевали по ней... Погоревали, сказываютъ, немного-немало, да такъ и забыли, и забыли бы совсѣмъ — да выходитъ: въ сонныхъ видѣніяхъ являться стала то къ одному, то къ другому, и все съ прялкой своей, и все, слышь, просила, чтобы часовню на ея косточкахъ ставили. Взялись мужики, отыскали тѣло, зарыли, и часовню сдѣлали на берегу, гдѣ тѣло-то ея волной выбросило. Исцѣленія и чудеса были, молебны пѣли, да пріѣхалъ разъ исправникъ съ понятыми и

сжогъ часовню, и крѣпко-на-крѣпко наказалъ не ходить къ тому мѣсту; да народъ-отъ не будь глупъ: откопалъ дѣвушку и перенесъ ея тѣло на другое мѣсто. Утонула дѣвушка лѣтъ 15-ть, а судили ее всего года четыре назадъ...

— Тамъ вонъ за Кильяками-то, въ Кузовахъ, есть луда такая, вa̓рака, а зовутъ ту вараку *Нѣмецкой*: такъ тутъ, вишь, нѣмчи кашу варили и, стало-быть, шли они на Соловки, чтобы монастырь ограбить. Варятъ это, значить, нѣмчи кашу, да и похваляются: кто, выходитъ, больше ограбилъ, у кого денегъ больше; одинъ этакъ влѣзъ на вараку-то, увидалъ монастырь вдали, что картину писанную, да и пригрозилъ; завидно, вишь, стало, что хорошъ больно монастырь-отъ, да и казны его счесть нельзя; пригрозилъ нѣмецъ: «завтра, молъ, красоты твоей не видать станетъ, всю по камушку разнесемъ». Да видно вражьимъ было это попущеніемъ—Божьимъ то изволеніемъ: нѣмецъ, какъ сказалъ слова тѣ свои, такъ и сталъ камнемъ, и товарищи-то всѣ до единаго такими же. И знать ихъ теперь всѣхъ по той варакѣ: въ сумерекъ проѣдешь — такъ ровно бы люди, вся почесть гора уставлена по низу. Такъ, выходитъ, всѣ нѣмчи и стали камнями!..

— А слыхалъ ли, твоя милость, про Анику? завершилъ свой разсказъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Разбойникъ, вишь, былъ: по пятницамъ молоко хлѣбалъ, сырое мясо ѣлъ въ Великъ-день; и жилъ онъ около промысловъ на Мурманѣ и позорилъ всякаго, такъ-что кто что выловилъ— и неси къ нему его часть; безъ того проходу не дастъ: либо все отниметъ, а не то и шею накостыляетъ, пожалуй и на тотъ свѣтъ отправитъ. Не было тому Аникѣ ни суда, ни расправы; и позорилъ онъ этакъ то православной людъ, почитай, что лѣтъ много. Да стрясся же надъ нимъ такой грѣхъ, что увязался съ народомъ на промыселъ паренекъ молодой изъ Корелы пришолъ и никто его до той поры не знавалъ. Пришолъ, да и поканался коршику: «возьми да возьми»! и крестъ на себя наложилъ: православной — молъ я. Пріѣхали. Паренекъ то вачеги—рукавицы, значитъ, суконныя — просилъ вымыть. Вымыли ему рукавицы, да выжали плохо; осердился: «Дай-ко, самъ!» говоритъ. Взялъ это онъ въ руки рукавицы-то, да какъ хлопнетъ, что аглечкой изъ пушки: разорвалъ! Народъ-отъ

диву дался: паренекъ-то коли, молъ, не богатырь, такъ полбогатыря навѣрнякъ будетъ. А тутъ и Аника пришолъ свое дѣло править; попроголодался знать по зимѣ-то. «Давайте, говоритъ, братцы, мое; за тѣмъ-де пришолъ и давно-де я васъ поджидаю». А парень-то, что пріѣхалъ впервые, и идетъ къ нему на устрѣчу: «ну ужъ это, говоритъ, нонѣча оставь ты думать; не видать-де тебѣ промысловъ нашихъ, какъ своихъ ушей; не бывать плѣшивому кудрявымъ, курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ». Да какъ свиснетъ, сказываютъ, онъ его, Анику-то, въ ухо: у народа и духъ захватило! смотрятъ, какъ опомнились: богатыри-то бороться снялись и пошли козырять по берегу: то на головы станутъ, то опять угодятъ на ноги, и все колесомъ, и все колесомъ... У народа и въ глазахъ зарябило. Ни крику, ни голосу, только отдуваются, да суставы хрустятъ, и кувыркаютъ они этакъ-то, все дальше да дальше, и изъ глазъ пропали, словно бы-де въ океанъ ушли. Стоитъ это народъ-отъ, да Богу молится, а паренекъ какъ тутъ и былъ: пришолъ, словно ни въ чемъ не бывалъ, да и вымолвилъ: «молись-де, молъ, братцы, крѣпче; ворога-то вашего совсѣмъ не стало: убилъ», говоритъ. Да и пропалъ паренекъ-отъ. Съ тѣмъ только его и видѣли. И Аника-то тоже пропалъ...

— А ты этому вѣришь, Егоръ?

— Въ становащѣ Корабельна-Губа, подлѣ Колы, островокъ экой махонькой есть: зовутъ его аникинымъ и кучу камней на немъ показываютъ...

— Что же это такое?

— А, стало-быть, Аники-то, молъ, этого могила; такъ и въ народѣ слыветъ.

— Вотъ что, твоя милость! примолвилъ мой разскащикъ послѣ нѣкотораго раздумья. Въ стихахъ старинныхъ поется вотъ какое: «что, молъ, старина, то и дѣянье». Да коли ужъ не вѣришь этому, что разсказалъ тебѣ про старинное, такъ вонъ тебѣ островъ Осинка; на нашей памяти было и дѣло это.

Разскащикъ, при послѣднихъ словахъ, тяжоло вздохнулъ и былъ справедливъ, какъ нельзя больше.

Островокъ этотъ, Осинка, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ сосѣднихъ (такой же сѣренькій, гранитный, только нѣсколько пошире и пониже) замѣчателенъ по грустному, тяжолому воспоминанію, какое сопряжено съ его именемъ у помо-

ровъ. Здѣсь, не такъ давно, умерли съ голоду два мужика, Осипъ Каншіевъ и Яковъ Елисеевъ. Послѣдній торговалъ хлѣбомъ и, вернувшись домой къ осени на лодьѣ, съ значительнымъ барышомъ, прихвастнулъ въ семьѣ, сказываютъ, разъ какъ-то: «что теперь-де, слава Богу, не умремъ съ голоду». Сталось иначе. Когда завязалась уже глухая осень, такъ схожая въ томъ краю съ зимой, когда на морѣ у береговъ образовались уже ледяные припаи—торосья (огромныя льдины) бродили по голомяни. Съ однимъ изъ этихъ торосовъ оторвало крутыми морскими вѣтрами рыболовныя сѣти, привязанныя къ этимъ припаямъ. Сѣти были мірскія; все мужское населеніе этой деревни отправилось на карбасахъ для поимки сѣтей, составлявшихъ надежду не одной семьи и, можетъ-быть, даже не одного дня. Рыба, какъ извѣстно, подъ шумокъ осенью идетъ охотно и подъ часъ въ огромномъ количествѣ. Сѣти были, однако, пойманы, хотя и значительно потертыми; но искатели не досчитались двухъ товарищей, отправившихся вмѣстѣ на одномъ карбасѣ. Бѣда, при нѣкоторомъ соображеніи, оказалась избывною: «мало ли—думали мужички — пропадало народу, не только около дому, но и на Грумантѣ, и на Новой Землѣ, и на Колгуевѣ, а миловалъ Богъ — ворочались, бывало, черезъ полгода; черезъ годъ: авось и эти... Пришолъ между-тѣмъ мартъ — весенній мѣсяцъ; море попрочистило, льды отнесло дальше въ голомянь. Поѣхали искать пропавшихъ—не нашли; попытались другой разъ и вышли на Осинку. Здѣсь изба промысловая: чорная, закоптѣлая, догнивающая свой вѣкъ подъ бойкими осенними дождями и раскачиваемая въ своемъ дряблομъ составѣ крѣпкими морскими вѣтрами. Все по старому. Вошли въ избу: лежатъ на полу два почернѣлыхъ уже человѣка, обхватившись руками и плотно прижавшись другъ къ другу. Сверху рогожка лежитъ: рогожкой накрылись; въ одномъ узнали Якова Елисеева, а въ другомъ Осипа Каншіева; у одного полонъ ротъ набитъ собственнымъ же каломъ, у другаго — мохомъ. Совсѣмъ голодной, не русской смертью умерли несчастные и всего только въ десяти верстахъ отъ родной деревни! Тутъ же въ избѣ нашли три дощечки и съ надписаніемъ (Яковъ Елисеевъ былъ грамотной). И вотъ какія горькія строки выстрадалъ онъ и написалъ женѣ своей Прасковьѣ Евдокимовой: (1 дощечка) «Пашенька! какъ унесло насъ—четвертое воскре-

сенье и понедѣльникъ; ты не пришла; тепло было. Ходили по Осинкѣ, дожидали васъ, вы не пріѣхали; Богъ съ вами! Панюшка! тѡщи стали! карбасъ отлучился (оторвало вѣтромъ) 15 верстъ ниже льды, по тонколедицѣ пришли». — (2 дощечка) «Панюшка! я воскресенье ходилъ по Осинкѣ; впередъ не знаемъ: долго ли живемъ, или коротко. У Канбалина якорь возьми и долгъ Рынину заплати. Ты, Пашенька, не забудь моей души грѣшной. Мы здѣсь другъ другу клялись и скажи отцу: всѣми грѣхами грѣшны и согрѣшили, и ты поставъ псалтырь (закажи читать). Панюшка! вели Андріевной, чтобъ Бога-ради принялась и пусть проститъ. Мы одинъ бѣлой мохъ ѣдимъ и силы не стало. Простите, други и недруги, меня грѣшнаго Якова Елисеева». (3 дощечка) «20 числа ходилъ по Осинкѣ и домой смотрѣлъ; ледъ тонкой: если бы можно, еще бы ушолъ домой. Пашенька, прости! и всѣмъ скажи и всѣ меня простите. Братецъ Андрей, не обидь Парасковьи и другимъ не давай; если станутъ брать, прокляты будьте. Прости, Пашенька, и меня, и меня грѣшника простите, Іакова. И еще проходили осьмаго числа, да не могли. Яковъ Елисеевъ». Стало быть, страдальцы жили на острову болѣе *пяти недѣль*.

— Такъ вотъ, вишь ты жизнь-то наша приморская (перебилъ хозяинъ):—гдѣ потеряешь—не чаешь, а гдѣ и найдешь—не знаешь. Вонъ и теперь подъ нами-то, надо-быть, саженъ 50 печатныхъ глуби есть; ладно еще, что вольненькая-то морянка тянетъ, да Богъ милуетъ!... Ну, слушай же, твоя милость, разскажу я тебѣ еще старину. Знаешь про Кѡлгу да Жѡжгу!

— Слыхалъ, что есть острова въ морѣ — Кѡлгуевъ да Жѡгжинъ...

— Супротивъ послѣдняго острова есть мысокъ экой небольшой—Кончаковымъ-Наволокомъ зовется—неподаль отъ деревни Дуракова. Вотъ на всѣхъ мѣстахъ этихъ жили три брата; меньшаго-то Кончакомъ звали, такъ по именамъ-то ихъ и острова теперь слывутъ. Вотъ, стало быть, и живутъ эти три брата родные, одного, выходитъ, отца-матери дѣти; живутъ въ дружбѣ-согласіи; у всѣхъ топоръ одинъ: одному надо—швырнулъ чрезъ море къ брату; тотъ подхватилъ, справилъ свое дѣло, топоръ ему передалъ. Такъ и швырялись они—это вѣрно! Съ котломъ опять, чтобъ уху варить—самое тоже: и котелъ у всѣхъ одинъ

былъ. И живутъ-то они этакъ годъ-другой, третій, да живутъ недобрымъ дѣломъ: что сорвутъ съ кого, тѣмъ и сыты. Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ, ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ (какъ въ старинахъ-то поется). Шалятъ ребята кажинной день, словно по сту головъ въ плечи-то каждому ввинчено. Стало проходящее христіанство поопасиваться. Въ Соловецкой которые богомольцы идутъ, такъ и тѣхъ ужъ стали грабить, чтобы, кажись, баловства пуще. А вотъ пришолъ разъ старичокъ съ клюкой: сѣденькой экой, дрябленькой, да и поѣхалъ въ Соловки съ богомольцами-то и пристали они къ Жогжину острову, гдѣ середній братанъ жилъ и вышолъ Жожга, и подавай ему всѣ деньги, что было, и все, что везли съ собой. Старичокъ то клюкой и ударь его, и убилъ, наповалъ убилъ. А по веснѣ пригоборился на сальной промыселъ, да и Колгу убилъ, и въ землю его зарыли. Да сказывали бабы — изъ земли-то выходить-де сталъ и мертвый бы—а лежитъ, молъ, что живой, только что навзничь. И пугаетъ... Долго ли, много ли думали, да гадали и стали на томъ, что вбить—молъ колдуну, по заплечью-то, промежъ двухъ лопатокъ, осиновой колъ...

— Ну! привздохнулъ откуда взявшійся старикъ работникъ, до той поры незамѣченный.

— Пересталъ вставать: ушолъ на самое дно, гдѣ три большущихъ кита на своихъ матерыхъ плечахъ землю держатъ.

— Ну, а Кончàкъ-отъ что, третей-отъ братъ? опять спросилъ разскащика старикъ-работникъ. Но хозяинъ отвѣтилъ не прямо, а обратился ко мнѣ, примолвивъ:

— Старика, гляди, рòзобрало! Не все тебѣ, старина, сказывать надо: по ночамъ вопить станешь. Слушай! Кончакъ-отъ такой силы былъ, что коли сухъ, да не бывалъ въ банѣ что ли, или не купывался — въ силѣ стоитъ, съ живаго вола сдеретъ однимъ ногтемъ кожу; а коли попарился этакъ или искупался, такъ знай—малой ребенокъ одолитъ. Вотъ и полюби онъ попову жену и укралъ ее у попа-то: та на первыхъ порахъ и смѣкни, что богатырь-отъ послѣ бани что лыко моченое; она и погонись за нимъ вдоль берега по морю до Кончакова-Наволока, тутъ онъ изошолъ духомъ, умаялся — померъ. Тамъ тебѣ и могилку его укажутъ, коли хочешь.

— Будетъ же, браты, видно, разводы-то разводить: вотъ и Кильяки!—берись за шестъ да налегай, старина, на руль-то по-

крѣпче! — завершилъ Егоръ свои разсказы въ самую опасную для насъ пору плаванія: шли мы узенькой салмой (проливомъ); саженяхъ въ десяти-двѣнадцати справа и слѣва тянулся рядъ неширокихъ, невысокихъ лудъ, извѣстныхъ въ группѣ своей подъ именемъ Кильяковъ. Въ широкихъ щельяхъ этихъ голыхъ лудъ забилась земля и уцѣпились на этой землѣ изкрасна-жолтые кусты морошки и вьющейся плющемъ, цѣпкой, чорной вороницы. На одномъ островку занимались было березки, да, прохваченныя въ вершинкахъ своихъ постоянной, полярной стужей, изогнулись въ горбыль и пошли опять къ землѣ колѣнами, цѣпляясь одна за другую плотнымъ, нераспутываемымъ плетнемъ. И далъ этого сорта березкамъ поморскій народъ прозваніе *ползушекъ* (сланки), а столяры дальнихъ городовъ Россіи—корельской березы. На одномъ острову порадовали, уже отвыкавшій и притупившійся на морской глади глазъ, кусты можжевельника, такого же косматаго, такого же цѣпкаго, какъ и на всѣхъ остальныхъ пространствахъ громаднаго отечества. Бо́льшаго отыскать уже ничего нельзя было: гранитъ и одинъ гранитъ кругомъ. До ушей доносятся какіе-то отрывистые, но покойно-высказываемые выкрики хозяина и отвѣты на нихъ:

— Ткни шестомъ справа-то!..

— Не хватаетъ.

— Ну-ко слѣва!

Раздается: «ухъ», какъ выраженіе испуга, и опять слышится: «не хватаетъ!» – Старикъ чуть не опрокинулся съ шестомъ черезъ бортъ.

— Впереди-то сувой *) стоитъ: эка-бы до насъ то его разбило. Ну да ладно: ткни-ко еще, старина!

— Не хватаетъ.

— Держи, старикъ, брасъ немножко; зарочи! потуже натяни, потуже!.. отвори брасъ!.. поддай бизани-то! — ладно! довольно. А ну-ко, теперь ткни шестомъ-то!.. ошшо!.. ладно!..

— Теменца идетъ: дождя, знать, хочетъ быть!.. Ишь парусокъ показался на тоню, знать, поѣхали!.. вонъ и другой, третій! куда это они?.. А дождя, знать, будетъ: сильна теменца-то!..

---

*) Сувоемъ называется то мѣсто въ водѣ, гдѣ она крутится и клубитъ отъ двухъ встрѣчныхъ теченій, когда полая вода пойдетъ на малую.

— Пущай будетъ, нама-ко что?

— Знамо!..

И мы попрежнему продолжаемъ пробовать шестомъ, чтобы не наткнуться на подводную кошку въ этомъ опасномъ проходѣ, про который самъ хозяинъ выразился такимъ образомъ:

— Костливо же здѣсь мѣсто, куды не поглянешь—все вода мыритъ, все словно на коргѣ бьется она; здѣсь-чай изъ кемскихъ-то и не ѣздитъ никто—право, не ѣздитъ. Вѣдь-вотъ не бывалъ, такъ-вѣдь и не знаешь и, того-гляди, голову свернешь. Костливо мѣсто, костливо!.. Ткни, старикъ, вотъ впереди-то, полѣвѣе! шестись, шестись-знай!..

Дѣйствительно, въ салмѣ этой можно было прослѣдить всѣ разнородные виды морскихъ голышей, такъ опасныхъ для судовъ, и прослушать всѣ мѣткія названія, которыми охарактеризовали ихъ поморы въ отличіе одинъ отъ другаго. Вотъ *баклышъ*—надводный огромный камень, покрываемый прибылою водой, и *бакланецъ* *) низенькая луда, тотъ же баклышъ, но вода прибылая не топитъ его: *коргà*—подводный камень, иногда въ цѣломъ переборѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ; *пахта*—цѣлый утесъ, одиноко выдавшійся въ море изъ груды сосѣднихъ островов; вотъ *поливуха*—камень, стоящій наравнѣ съ поверхностью воды, которая мыритъ на немъ все время буруномъ; вотъ и вѣчно-обманывающіе самый опытный глазъ *водолбймяны*—камни и мели, поднимаемыя водою во время прилива; *чуры*—хрящеватыя отмели или косы: наконецъ *клинъ*—подводная каменная банка или рифъ, *зàбережье*—та часть морскаго берега, которая во время прилива покрывается водой и осыхаетъ при отливѣ, и *лéщади*—ровныя, гладкія, подводныя мели съ *àрѣшникомъ*—цѣлыми грудами мелкихъ, округленныхъ волнами камней, и проч., и проч.

Но вотъ снова крики: «оброни марсель! и кливеръ оброни!.. старикъ, ступай-ко къ бизани; я пойду якорь брошу!» и затѣмъ опять нѣсколько глухихъ криковъ, ширканье каната, глухой стукъ и всплескъ—шкуна дрогнула и остановилась. Вѣтеръ ходитъ *духами:* то припадетъ, то опять зарябитъ волны, напу-

---

*) Бакланецъ потому, что любитъ на ней садиться и вить гнѣзда морская птица *бакланъ*.

щонныя сюда дальнымъ голомяннымъ взводнемъ; пѣну несетъ *дородно*, по замѣчанію работника, и вся салма наша представляла вообще тотъ видъ, который не позволилъ бы сунуться въ Неву ни одному петербургскому ялику. Егоръ препокойно спустилъ свой ботикъ со шкуны, досталъ изъ каюты два избитыхъ, обгрызанныхъ весла, служившихъ, можетъ быть, весьма недавно въ деревенскомъ дому его для мѣсива пойла коровамъ и принялся обряжать парусъ. Матеріяломъ для послѣдней цѣли послужилъ старый мѣшокъ старика-работника, навязанный на тоненькую палку. Мѣшокъ, въ добавокъ ко всему, въ одномъ мѣстѣ украшался изрядной величины дирой.

— Мыши прогрызли, въ клети лежала! — объяснилъ старикъ:—думали, надо-быть, съѣстное найти!..

Но нашли немногое: пестрядиную рубаху, кусочекъ суконца синяго, кусочекъ кожицы, нитки, козырекъ отъ шапки—и только. Старикъ, вѣчно нанимающійся на суда работникомъ, жилъ налегкѣ; да едва ли и могъ имѣть что больше, если представить себѣ его постоянно въ рукахъ прожорливыхъ чужеядныхъ поморскихъ монополистовъ.

Егоръ уже готовъ, одѣтый въ свой полотняный сюртукъ, пропитанный вохрой съ масломъ и представлявшій видъ самодѣльной клеенки—произведеніе личной смётки и досужества самого Егора; ни прежде, ни послѣ не случалось мнѣ видѣть такого наряда. Самъ Егоръ прихвастнулъ:

— Никакой дождь не беретъ: что съ гуся вода—отмѣнное дѣло.

Парусокъ налаженъ и, къ крайному удовольствію всѣхъ моихъ спутниковъ, надулся вѣтромъ.

— Садись, баринъ, карета готова.

— Егоръ, не опружило бы? видишь какой взводень, и вѣтеръ не тишетъ!

— Не изъ такихъ бѣдъ выхаживали сухи: Богъ миловалъ, а и эта волна, такъ... сонное видѣніе!

— Однако, въ рѣкѣ-то мелкія волны будутъ, подшибутъ, пожалуй!

— Не къ верху полетимъ и въ рѣкѣ, коли пронесетъ моремъ; а вѣтеръ-то къ той порѣ авось и потишетъ...

— Страшно, Егоръ, право страшно!

— Страшенъ чортъ, коли во снѣ приснится, а на яву-то пристанетъ — такъ и открестимся. Одно только сумлѣніе наво-

дитъ: не осмѣяли бы встрѣчные, что вотъ, молъ, палкой подпоясались, мѣшкомъ упираются...

Трудно было не согласиться на предложенiе Егора, видя все его хладнокровiе и зная его опытность и приглядку ко всякому шагу на морѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ, я уже, въ подобныхъ случаяхъ, не задумывался, видя даже въ поморскихъ бабахъ удивительную смѣлость, умѣнье управляться и съ рулемъ, и съ косыми, и съ прямыми парусами.

Егоръ продолжалъ быть вѣрнымъ себѣ и во все время, когда наша скорлупа-ботикъ болтался по далеко еще неуходившемуся взводню. У старика — гребца выскочило изъ уключинъ (называемыхъ здѣсь *кочетъями*) весло, почти вышибенное бойко набѣжавшей волной; Егоръ усмѣхнулся съ такимъ же хладнокровiемъ, съ какимъ посмѣялся бы онъ и въ каютѣ, во время стоянки на якорѣ, надъ стариковой дремотой или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

— Что старикъ, каши ложку потерялъ?

— Бури престаша, вѣтры улегоша, во своя устроися, примолвилъ онъ въ ту пору, когда скорлупа наша обогнула наволокъ и побѣжала въ небольшую, порожистую рѣчку Кемь. За дальнимъ колѣномъ рѣки выглянулъ и самый городъ, сначала своими двумя деревянными церквами, потомъ рядомъ домовъ, изъ которыхъ одинъ коричневый, другой зеленый, остальные всѣ цвѣта дикаго крашенаго, и дикаго крѣпко подержаннаго, вылинявшаго отъ дождей и снѣга. Городокъ глядитъ привѣтнѣе Онеги и далеко успокоительнѣе: у пристани ребятишки рыбу удятъ и ведутъ бойкiе, оживленные разговоры; подлѣ лаетъ и прыгаетъ собака: инвалидный солдатъ прошолъ съ ружьемъ и сильно просаленными масляной сажей усами, а позади — кемская жонка вся въ красномъ. Издалека несется визгъ пилы, ляскъ топора, попавшаго плашмя на сучокъ, всплёски веселъ и затѣмъ голосистая русская пѣсня, разводимая бойкими голосами пяти-семи дѣвокъ. Пѣтухъ поетъ «кукареку»; ребенокъ гдѣ-то плачетъ; пороги шумятъ и шумъ ихъ то относитъ вѣтромъ далеко и дѣлаетъ глуше, то опять шумятъ эти пороги, словно надъ самымъ ухомъ... Все кругомъ живетъ и дышетъ тою ласкающею, тою чарующею жизнiю, отъ которой на душѣ такъ тепло и привольно!...

V.

ПОѢЗДКА ВЪ СОЛОВЕЦКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Первыя впечатлѣнія пути по морю.—Воспоминанія туземцовъ о недавномъ посѣщеніи Бѣлаго моря англо-французскою эскадрою.—Мои спутники.—Соловецкой монастырь.—Гостинницы.—Часовни.—Воспоминанія о посѣщеніи монастыря Петромъ Великимъ.—Возмущеніе соловецкихъ старцовъ и подробности осады монастыря отъ московскаго войска.—Настоящее состояніе монастыря и его значеніе.—Поѣздка на Анзеры и въ скитъ Голгофу.—Возвращеніе и обратный путь мой въ Кемь.

Шумливо бѣжитъ въ недальное море порожистая, неширокая рѣка Кемь, извиваясь прихотливыми колѣнами, обставленная высокими гранитными берегами; бойко бѣжитъ по ней и нашъ карбасъ, подгоняемый крутымъ, не на шутку-расходившимся югозападнымъ вѣтромъ. Недавно оставленный нами городъ Кемь то закроется отъ насъ ближней *варакой*, высокой крутизной каменнаго, безплоднаго берега, то покажетъ, какъ бы для послѣдняго свиданія, часть деревянныхъ домовъ дальной набережной, то Лепъ-островъ съ его деревянной церковью древней постройки и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ изъ виду, когда уходятъ далеко вправо и влѣво берега рѣки, на этотъ разъ какіе-то низенькіе, какіе-то чорные, мрачные съ виду. Казалось, что вотъ сейчасъ же разольется передъ нами громадная ширина Бѣлаго моря и начнутъ метаться, одна на другую, крупныя, соленыя, для непривычнаго страшныя съ виду волны. Какъ будто нарочно для этого и правая крутизна ближняго мыса, затянувшись туманомъ, отошла далеко назадъ; самый вѣтеръ надувалъ наши два паруса полнѣе, и крѣпче;

чайки выкрикали чаще и тоскливѣе; море ширилось все больше и больше и бросало въ насъ уже крѣпко-солеными брызгами. Мы находились въ настоящемъ морѣ и почти открытомъ, если бы не выступали направо и налѣво высокіе, словно обточенные скалистые и щелистые острова изъ группы Кузововъ. Дальніе краснѣютъ тускло, какъ будто надрѣзанные, прохваченные снизу полосой воды, какъ дальное облако, неподвижно врѣзанное въ сѣрый горизонтъ; ближніе изъ нихъ ярко выясняются своимъ грязнымъ, сѣроватымъ гранитомъ съ празеленью тщедушнаго сосняка, съ прожолтью выжжоной солнцомъ, выцвѣтшей травы, ягиля (оленьяго моха), листьевъ ягоды вороницы и морошки; нѣкоторые изъ этихъ островов не кажутъ ничего, кромѣ камня, темнаго цвѣта выбоинъ-щельевъ и потомъ опять камня сѣровато-краснаго и сѣровато-жолтаго. На одномъ изъ нихъ прицѣпилась избушка — таможня.

— Это Поповъ-Островъ, объясняетъ кормщикъ. Въ избушкѣ солдаты живутъ; къ нимъ приставай всякій, кто съ моря ѣдетъ, и показывай имъ, не везешь ли чего изъ запретнаго: рому норвежскаго, чашекъ чайныхъ, сукна, а либо чего изъ прочаго. Да наши молодцы такіе, что и за Кильяками (островами) встанутъ, не что возьмешь: далеко вѣдь... Туда досмотрщику не сподручно ѣхать, хоть и карбаса есть у нихъ, и багры, чтобы за чужой карбасъ ухватиться. Спасаемся же!...

— А вонъ, гляди, этотъ островъ, продолжалъ мой кормщикъ тогда, какъ выровнялась новая гранитная скала, нѣсколько бо́льшая противъ другихъ сосѣднихъ. Ѣхали наши ребята на карбасѣ три человѣка: богомольцовъ везли къ угодникамъ. Съ ними жонокъ штукъ до пяти было — и все тутъ. А на ту пору у насъ этотъ *аглечькой*-то бродилъ, да обиды всякія дѣлалъ. Ѣдутъ вотъ наши ребята-то-ѣдутъ, ѣдутъ на угадъ, авось-де со врагомъ съ супостатомъ и не встрѣтимся, и проѣдемъ, и св. угодникамъ молитву воздадимъ. Ладно; съ тѣмъ, стало, и ѣдутъ; анъ глядь-поглядь изъ за одной луды въ Кильякахъ словно бы дымокъ показался. Стали всматриваться — дымокъ и есть. Наши ребята-то этакъ взяли въ сторонку рулемъ-то и стали заходить правѣе за луду: тамъ-де встанемъ, переждемъ на лютой часъ, пусть-де погуляютъ, проѣдутъ. Ружья у нихъ и были, пожалуй, такъ-вишь женскаго-то полу набралось—дери ихъ горой! Ну, вотъ—хорошо! Слушайте! Обогнули

наши молодцы луду ту: пристали. На гору подниматься стали, поднялись—посмотримъ-де, далеко ли супостаты. А они тутъ и есть подъ горкой: кто въ растяжку, кто стоя, трубочки покуриваютъ, кто какъ... Насчитали наши ихнова народу надо-быть, сказывали, человѣкъ до 30. Какъ, слышь, увидали нашихъ на горѣ, — взболоболькали по своему, да какъ кинутся подъ гору назадъ,—такъ слышь, только пятки засверкали. А нашимъ то и любо; стоятъ да глядятъ, что дальше будетъ; бѣгутъ аглечкіе къ шлюбкѣ... отчаливат тормошатся... весла хватаютъ... одинъ оступился, въ воду попалъ, что быкъ взревѣлъ! Такъ и удрали, такъ и удрали на свой пароходъ. Наши послѣ нихъ пистолетъ нашли, цыгаровъ, спичекъ хорошихъ такихъ, ни одна не пропала, а горѣла, что тебѣ восковая свѣчка... таково-то хорошо, ей Богу!...

Намъ завязалось повѣтерье. Карбасъ, нѣсколько накренившись на бокъ, бѣжалъ довольно спѣшно, бойко разсѣкая не сильныя, но частыя волны. Мы продолжали ѣхать между островами, оканчивая то тридцати верстное пространство, которое занято ими, начиная отъ устья рѣки Кеми. Остальныя тридцать верстъ (изо всѣхъ шестидесяти отъ города до монастыря) идутъ уже *пólымъ*, по здѣшному, т. е открытымъ, свободнымъ отъ всякихъ островов моремъ.

Хорошо было сидѣть мнѣ въ чистенькомъ, таможенномъ карбасѣ, предложенномъ мнѣ предупредительностью добраго кемскаго городничаго. Родъ каюты, навѣсъ надъ кормою, сдѣланный на подобіе кибитки, обитъ былъ зеленымъ сукномъ; тѣмъ же сукномъ обиты были и скамейки по сторонамъ. На полу подослана была шкура бѣлаго медвѣдя, мягкая, удобная для леванья и сидѣнья; навѣсъ не угрожалъ ударами по головѣ, какъ во всѣхъ другихъ поморскихъ карбасахъ, лаженныхъ кое-какъ, только бы сошло дѣло съ рукъ. Тамъ сквозной вѣтеръ дуетъ безнаказанно, тамъ отъ дождя навѣсы не спасаютъ и вѣчно и всегда одолѣваетъ одуряющій запахъ трески, которою запасаются дѣвки—гребцы. Здѣсь на этотъ разъ ничего изъ подобнаго не было; даже и женщинъ гребцовъ замѣнили на этотъ разъ 6 мужиковъ, сильныхъ на рукахъ, бойкихъ и острыхъ на языкъ. Они подобрали весла и, по обычаю всѣхъ архангельскихъ поморовъ, тотчасъ же принялись за ѣду. Несутся въ мою будку отрывки ихъ разговоровъ.

Одинъ сообщаетъ прочимъ, что онъ вотъ уже пятый разъ въ нынѣшной годъ ѣздитъ въ монастырь, и съѣздитъ, можетъ-быть, и еще четыре раза.

— Чего жъ больно такъ разохотился? спрашиваетъ его другой гребецъ. Али весело очень, въ привычку вошолъ?

— И въ привычку вошолъ, и усердіе имѣю: я и въ запрошедшій годъ два раза былъ тамъ, хоть и аглечкой бродилъ— небось, не побоялся. Я вѣдь болѣе по портному дѣлу, на монастырскихъ работниковъ жилетки шью: любятъ очень. Поживешь на острову три дни положенныхъ, жилетокъ до пяти и обработаешь; а деньги и за греблю, и за шитье получу: вдвое, стало быть, въ барышахъ и бываю...

— Стало, тебѣ тамъ и помолиться нѣкогда?

— Какая ужъ тутъ тебѣ молитва? извѣстно!

Слышатся новые толки. Тотъ же портной сообщаетъ товарищамъ, что монастырь выставляетъ бочку дегтю даровую для того, чтобы богомольцы могли смазывать имъ свои сапоги.

— А велятъ ли сапоги-то мазать? — опросила его кемская жонка, упросившая насъ взять ее съ собой.

Портной посмотрѣлъ ей на ноги: баба была въ сапогахъ.

— Да хоть голову мажьте, коли *усердіе* есть! — отвѣчалъ онъ ей и набилъ трубочку, коротенькую, прожжоную и окуренную до безобразія.

Послышался прогорклый, непріятный запахъ махорки; портной высосалъ трубку въ два пріема и очумѣлъ, вытаращивъ глаза, которые, на этотъ разъ, сдѣлались какими-то оловянными, безсмысленными. Вѣроятно, въ это время онъ испытывалъ неземное наслажденіе, потому-что улыбка, до того времени несходившая съ его лица, на этотъ разъ сіяла полнѣйшею, двойною радостію.

— Нечистый васъ, братцы, вѣдаетъ, какъ это вы въ экой дряни смакъ находите, будь вамъ пусто! — послышался голосъ кормщика.

— Да-вѣдь это кому какъ, Гервасей Стефеичъ. Иной, пожалуй, вонъ изъ одной-то чашки съ тобой и пить не станетъ, а все свою носитъ. Такъ-то!

— Да-вѣдь изъ головы блудницы зелье-то это поганое выросло, замѣтилъ было кормщикъ...

— Это, братъ Гервасей Стефеичъ, по книгамъ вѣдь. А по

мнѣ, коли водки въ кабакѣ выпить захочешь, въ артельной чаркѣ она навсегда слаще бываетъ. Я не брезгливъ: по мнѣ, коли водку пить, такъ и изъ ошметка хорошее дѣло. Вѣрь ты моему слову нелестному!...

Кормщикъ замолчалъ на убѣжденія соперника. Но не молчалъ этотъ:

— Ты это знай, Гервасей Стефеичъ, что табакъ бодрости придаетъ; въ немъ сила... Ты посмотри—вонъ, и его высокородіе сигарочку закурилъ. Стало, это хорошо; вотъ оно што!...

Кормщикъ хранилъ уже послѣ того упорное, сосредоточенное молчаніе.

Острякъ заглянулъ ко мнѣ въ будку:

— Ваше высокородіе!

— Что хочешь сказать?

— Вотъ вы тепереча изволите въ обитель преподобныхъ въ первый разъ ѣхать?

— Да.

— А знаете ли, какія тамъ дивныя дѣла случаются?

— Нѣтъ, не знаю.

— На зиму, изволите видѣть, мѣсяцовъ на восемь острова Соловецкіе совсѣмъ запираетъ; на нихъ тогда ни входу, ни выѣзду не бываетъ во все это время. Сначала мутятъ море бури такія, что и смѣлый и умѣлый не суется. Попробовалъ архимандритъ за почтой въ Кемь послать—всѣ потонули. Съ октября мѣсяца у береговъ припаи ледяные дѣлаются. Такъ ли, братцы?

— Припаи верстъ на пять бываютъ отъ берега — подтвердилъ кто-то.

— Бываютъ и больше. Вотъ на ту пору вѣтры морскіе, самые такіе крѣпкіе, зимніе отъ припаевъ этихъ ледяныхъ, льдины, торосья такіе, отрываютъ и носятъ, что шальныхъ, изъ стороны въ сторону. Промежь льдинъ этихъ не протолкаешься: изотрутъ утлой корбасенко въ щепу.

— А Михей-то Назаровъ въ четвертомъ году пробрался! — замѣтилъ кто-то.

— Ну, братъ, ты мнѣ про это не разсказывай! Про Михея Назарова законъ не писанъ: онъ, вѣдь, блажной. Головушку-то свою гдѣ-гдѣ онъ не совалъ; онъ, вѣдь, братъ, зачурованный.

Его и на томъ свѣтѣ черти-то голыми руками не ухватятъ: такой ужъ!

И всѣ засмѣялись.

— Такъ вотъ я къ тому рѣчь свою веду, ваше высокородіе, что монастырь на всю осень, на всю зиму, на всю весну запертъ бываетъ; никакихъ такихъ сношеній съ нимъ нѣтъ. На ту пору они арестантовъ изъ казематовъ выпускаютъ: которые гуляютъ по монастырю, которые въ церковь заходятъ. Въ маѣ вотъ (разсказываютъ монахи) какъ начнетъ отходить земля, побѣгутъ съ горъ потоки; прилетаетъ чайка, одна сначала, передовая. Сядетъ она на соборную колокольню и кричитъ долго-предолго, шибко-прешибко, покричитъ часокъ другой-третій — улетаетъ. Дня черезъ два, черезъ три, налетаетъ этихъ чаекъ несосвѣтимая сила, проходу отъ нихъ нѣту: сами увидите! Живутъ онѣ на острову все лѣто, дѣтей (чабарами зовутъ) тутъ же и выводятъ. Монахи и богомольцы ихъ хлѣбомъ кормятъ и чайки эти совсѣмъ ручными дѣлаются; а пугливая, дикая птица отъ рожденія. Вотъ вамъ и первое диво!

Всѣ гребцы при этихъ словахъ переглянулись. Портной продолжалъ:

— Осенью прилетаютъ вѣроны; съ чайками драку затѣваютъ и идетъ у нихъ тутъ кровопролитіе большое: чаекъ много бываетъ побито, чайки улетаютъ съ острова всѣ до одной: остаются хозяевами вороны во всю зиму, а по ранней веснѣ и они тоже улетаютъ, Тутъ драки не бываетъ. Такъ, вѣдь, вотъ диво-то какое!

Острова, между-тѣмъ, стали замѣтно рѣдѣть; быстро уходили они одинъ за другимъ назадъ; крѣпкій вѣтеръ гналъ насъ все впередъ скоро и сильно. Сильно накренившееся на бокъ судно отбивало боковыя волны и разрѣзало переднія смѣло и прямо. Выплыветъ островъ и начнетъ мгновенно сокращаться, словно его кто тянетъ назадъ; выясняется и отходитъ вздадъ другой — рѣшительная груда огромныхъ камней, набросанныхъ въ замѣчательномъ безпорядкѣ одинъ на другой; и сказывается глазамъ вслѣдъ за нимъ третій островъ, покрытый мохомъ и ельникомъ. На острову этомъ бродятъ олени, завезенные сюда съ кемскаго берега изъ города на все лѣто. Олени эти теряютъ здѣсь свою шерсть, спасаются отъ оводовъ, которые мучатъ ихъ въ другихъ мѣстахъ до крайняго истощенія силъ. И здѣсь

они, по словамъ гребцовъ, успѣваютъ одичать за все лѣто до такой степени, что трудно даются въ руки. Ловятъ ихъ тогда, загоняя въ загороди и набрасывая петли на рога, которые успѣваютъ уже тогда нарости вновь, сбитые животными лѣтомъ. Между оленями видны еще бараны, тоже кемскіе, и тоже свезенные сюда съ берега на лѣто.

Ѣдемъ мы уже два часа слишкомъ. Прямо противъ нашего карбаса, на ясномъ, безоблачномъ небѣ, изъ моря выплываетъ свѣтлое маленькое облачко, не ясно очерченное и представляющее довольно странный, оригинальный видъ. Облачко это, по мѣрѣ дальнѣйшаго выхода нашего изъ островов, превращалось уже въ простое бѣлое пятно и все таки попрежнему вонзенное, словно прибитое къ небу.

Гребцы перекрестились.

— Соловки видны! — былъ ихъ отвѣтъ на мой спросъ.

— Верстъ еще тридцать будетъ до нихъ, замѣтилъ одинъ.

— Будетъ, безпремѣнно будетъ, отвѣчалъ другой.

— Часамъ къ десяти вечера, надо-быть, будемъ! (Мы выѣхали изъ Кеми въ три часа по полудни.)

— А пожалуй, что и будемъ!...

— Какъ не быть, коли все такая погодка потяпетъ; берисько, братцы, за весла: скорѣй пойдетъ дѣло, скорѣе доѣдемъ.

Гребцы, видимо соскучившіеся бездѣльнымъ сидѣньемъ, охотно берутся за весла, хотя вѣтеръ, замѣтно стихая, все еще держится въ парусахъ. Вода стоитъ самая *кроткая*, т. е. находится въ томъ своемъ состояніи, когда она отливомъ своимъ умѣла подладиться подъ попутной вѣтеръ. Острова продолжаютъ сокращаться; судно продолжаетъ качать и замѣтно сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ двадцати-пяти-верстной салмѣ, отдѣляющей монастырь отъ послѣднихъ островов изъ группы Кузововъ. Наконецъ, мы въѣзжаемъ и въ эту салму; вѣтеръ ходитъ сильнѣе; качка становится крѣпче и мѣшаетъ писать, продолжать замѣтки. Несетъ насъ впередъ необыкновенно быстро; монастырь выясняется сплошной бѣлой массой. Гребцы бросаютъ весла, чтобы не *дразнить* вѣтеръ; по прежнему крутятся и отлетаютъ прочь съ пѣной волны, уже не такія частыя и мелкія, какъ тѣ, которыя сопровождали насъ между Кузовами. Налѣво, далеко взадъ, остались въ туманѣ Горѣлые Острова; на голомяни, вдали моря на право, бѣлѣютъ

два паруса, принадлежащіе, говорятъ, мурманскимъ шнякамъ, везущимъ въ Архангельскъ треску и палтусину первосолками... Набѣжало облако и спрыснуло насъ бойкимъ, крупнымъ дождемъ, заставившимъ меня спрятаться подъ будку. Дождь тотчасъ же пересталъ и побѣжалъ непрогляднымъ туманомъ направо, затянулъ отъ нашихъ глазъ острова Заяцкіе, принадлежащіе къ группѣ Соловецкихъ.

— Тамъ монастырскіе живутъ; церковь построена, при церкви монахъ живетъ, дряхлый, самый немощный: онъ и за скотомъ смотритъ, онъ и съ аглечкими споръ имѣлъ, не давалъ имъ скотины; тамъ-то и козелъ тотъ живетъ, что не давался супостатамъ въ руки...

Такъ объясняли мнѣ гребцы.

По морю продолжаетъ бродить взводень, который и раскачиваетъ наше судно гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Вѣтеръ стихъ; ѣдемъ на веслахъ; паруса болтаются то въ одну сторону, то въ другую: вѣтеръ какъ будто хочетъ установиться снова, но какой — неизвѣстно. Ждали его долго и не дождались никакого. Взводень мало-по-малу укладывается, начинаетъ меньше раскачивать карбасъ, рябитъ уже некрутыми и невысокими волнами. Волны эти, по временамъ, нѣтъ-нѣтъ, да и шибнутъ въ бортъ нашего карбаса, перевалятъ его съ одного боку на другой, и вдругъ въ правой бортъ какъ-будто начало бросать камнями, крупными камнями; стукъ затѣялся сильный. Гребцы крѣпче налегли на весла; волны прядали одна черезъ другую въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ безпорядкѣ. Море, на значительное пространство впередъ, зарябило широкой полосой, сталось словно рыбья чешуя, хотя впереди и кругомъ давно уже улеглась вода гладкимъ зеркаломъ.

— Сувоемъ ѣдемъ, на мѣсто такое угодили, гдѣ обѣ воды встрѣтились: полая (приливъ) съ убылой (отливомъ). Ингодь такъ и осилить его не съумѣешь: особо на крутыхъ; а то и тонутъ — объясняли мнѣ гребцы, когда, наконецъ, прекратились эти метанья волнъ въ килевыя части карбаса, и мы выѣхали на гладкое море, на которомъ уже успѣлъ на то время улечься недавній, сильный взводень.

Монастырь кажется все яснѣе и яснѣе: отдѣлилась колокольня отъ церквей, выдѣлились башни отъ стѣны; видно еще что-то многое. Заяцкіе-Острова, направо, яснѣются также замѣчательно

подробно. Мы продолжаемъ идти греблей. Монастырь всецѣло забѣлѣлъ между группою деревьевъ и представлялъ одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно любоваться и залюбоваться. Видъ его былъ хорошъ, на сколько можетъ быть хороша группа каменныхъ зданій, и особенно въ такомъ мѣстѣ, и послѣ того, когда прежде глазъ встрѣчалъ только голые, безплодные гранитные острова и повсюдное безлюдье и тишь. Въ общемъ монастырь былъ очень похожъ на всѣ другіе монастыри русскіе; разница была только въ томъ, что стѣна его пестрѣла огромными камнями, неотесанными, безпорядочно вбитыми въ стѣну словно нечеловѣческими руками и силою. Пестрота эта картинностью и—если такъ можно выразиться—дикостью своею увлекла меня. Прихвалили монастырскую ограду и гребцы мои.

Въ половинѣ десятаго часа монастырь былъ верстахъ въ двухъ, на которыя обѣщали всего полчаса ходу. Ровно въ десять часовъ мы уже идемъ Соловецкой губой, между рядомъ гранитныхъ коргъ съ несмѣтнымъ множествомъ деревянныхъ крестовъ. Тѣми же крестами уставлены и всѣ три берега, развернувшіеся по сторонамъ. Въ губѣ стоятъ лодьи и мелкія суда; могутъ, говорятъ, подходить къ самой монастырской пристани самыя крупныя суда: до того глубока губа!

У пристани толпится кучка народу, изъ нея выдѣляется фигура монаха въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ оказался гостинщикомъ. Онъ ввелъ насъ въ номеръ, который не могъ похвалиться ни особенною чистотою, ни особеннымъ просторомъ. Говорятъ, что привелось бы поселиться съ пятью-шестью сосѣдями въ этой узенькой, маленькой комнатѣ, и что теперь я одинъ здѣсь потому только, что *богомольцевъ поотвалило*, какъ объяснилъ мнѣ монахъ-гостинщикъ, побѣжавшій докладывать о новопріѣзжемъ отцу-архимандриту Александру.

Я остался одинъ и, Богъ вѣсть, сколько темныхъ, нерадостныхъ мыслей пришло мнѣ на ту пору въ голову. Вотъ куда, думалось мнѣ на тотъ разъ, забросила меня капризная, темная судьба, вопреки всѣхъ предположеній и мечтаній. Это, казалось мнѣ, грань крайная: дальше идти было можно, но уже не далеко...

«Сію минуту (писалось мною въ дневникѣ) ушолъ отъ меня какой то допотопный варваръ, инвалидный офицеръ въ пьяномъ видѣ, смѣнившій своего предмѣстника, который, по его словамъ,

завтра долженъ былъ сѣсть на карбасъ и ѣхать въ Архангельскъ. Много говорилъ онъ мнѣ всякаго вздору: говорилъ, что если онъ архангельскій, а я костромской, то мы земляки; что солдатъ солдату братъ, офицеръ офицеру тоже. Чудакъ принялъ меня за ревизора и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что я присланъ отъ морскаго министерства, а не отъ министерства государственныхъ имуществъ, и что пріѣхалъ я не землю межевать... Хорошъ бы этакой-то гусь явился къ настоящему ревизору; и пришла же блажь для перваго знакомства съ монахами нализаться до сплетенія языка и немощи... И вотъ — темная, дальная, скучная, безталанная сторона и безвыходная уѣздная жизнь: вся изъ однообразія, грязи, плѣсени и неизлечимыхъ наростовъ, получившихъ каменистое свойство и характеръ гнилаго чирья, переставшаго уже ныть и болѣть. Сердце мучится сомнѣніемъ, невѣденіемъ будущаго, и не смѣешь смѣяться, и больно и стыдно за виноватаго, пойманнаго съ поличнымъ, и не глядѣлъ бы ни на что!..»

— Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! послышался за дверью чей-то тихій припѣвъ, произнесенный тончайшимъ фальцетомъ, съ прибавленіемъ ударовъ въ дверь.

— Аминь! отвѣчалъ я.

Явился молодой, кудрявый, сытый послушникъ. Онъ говорилъ:

— Отецъ-архимандритъ прислали вамъ свое благословеніе: сливокъ, булку, чухонскаго масла и просили извинить, что не могутъ васъ видѣть сегодня: они уже въ постели...

Крѣпко заснулъ и я на новомъ мѣстѣ; но рано проснулся: монастырскіе часы монотонно отбиваютъ минуты; чайки разнокалиберно, разноголосно кричатъ во всѣхъ углахъ ограды, на нашей гостинницѣ, на берегу, на водѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ мимо оконъ: и длинноносыя, и съ утиными носами, и сѣрыя, и бѣлыя—бездна! Крикомъ своимъ надоѣдаютъ невыносимо!.. Прямо передъ моими глазами хмуро глядитъ своими выломанными окнами, съ выбитыми стеклами, другая гостинница архангельская, такая же деревянная, обшитая тесомъ, покрашенными жолтою же краской. Разница въ томъ, что та гостинница уже не обитаема, тесъ ея по мѣстамъ ободранъ, углы поломаны, крыша разбита; говорятъ, ее замѣнятъ новою, потому что она рѣшительно негодна для обитанія, и потому что на

нее-то преимущественно и устремлены были выстрѣлы англичанъ во время послѣдняго бомбардированія. Архимандритъ оставилъ ее въ томъ видѣ для того, чтобы богомольцы, приходившіе въ этотъ годъ въ огромномъ числѣ, могли видѣть слѣды недавняго непріятельскаго погрома.

По прибрежью бродятъ лошади съ колокольчиками на шеѣ; ходятъ инвалидные солдаты; на причалившей лодьѣ шевелится людъ православный; изъ - за ограды бѣлѣются монастырскія церкви и несется звонкій благовѣстъ, отдающійся долгимъ эхомъ. Правѣе архангельской гостинницы зеленѣетъ осиновый лѣсъ, лѣвѣе—березки, и видятся низенькіе, бѣлые столбики второй ограды; дальше сверкаетъ неоглядною, безконечною гладью море. Чайки продолжаютъ кричать по прежнему не выносимо тоскливо; у пристани бѣлѣетъ парусокъ—монахи ловятъ сельдей на сегодняшнюю трапезу. Солнышко весело свѣтитъ и разливаетъ пріятную, увлекающую теплоту.

Я вышолъ изъ номера и пошолъ бродить подлѣ ограды.

Тутъ, на прибрежьѣ губы, выстроены двѣ часовни: одна петровская, на память двукратнаго посѣщенія монастыря Петромъ Великимъ, другая Константиновская, на память посѣщенія монастыря великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Вблизи ихъ стоитъ гранитный обелискъ на память и съ подробнымъ описаніемъ бомбардированія монастыря англичанами.

Въ первой разъ былъ здѣсь Великій Петръ въ 1694 г. 7-го іюня. Прибылъ онъ сюда въ нарочно построенной для него въ Англіи яхтѣ съ немногими приближонными особами, съ холмогорскимъ архіепископомъ Аѳанасіемъ, недавно только спасшійся въ Унскихъ рогахъ отъ кораблекрушенія. Выйдя на берегъ, государь тогда же приказалъ водрузить крестъ деревянной, которой и находится теперь въ Петровской часовни. Три дня пробылъ онъ здѣсь: «въ семъ удаленномъ отъ міра пустынномъ мѣстѣ младый самодержецъ Россіи упражнялся въ молитвѣ и богомысліи, а потомъ, по отправленіи молебнаго пѣнія и по одареніи настоятеля со всѣмъ братствомъ денежною милостынею, того же іюня 10-го дня изволилъ отбыть обратно къ городу Архангельскому, съ милостивымъ обѣщаніемъ всегда покровительствовать святой обители»—говоритъ архимандритъ Досиѳей въ своемъ описаніи Соловецкаго монастыря. Второе посѣщеніе монастыря Петромъ I, по свидѣтельству соловецкаго лѣтописца,

послѣдовало въ 1702 г. августа 20 дня. «Онъ прибылъ, говоритъ лѣтописецъ, на 13 корабляхъ и сталъ на якоряхъ близъ Заяцкаго-Острова, и была пальба изъ пушекъ, а прежде себя его царское величество изволилъ прислать напередъ, чтобы великаго государя пришествіе архимандритъ съ братіею ожидалъ въ монастырѣ, а въ судахъ встрѣчать не ѣздилъ. И великій государь съ корабля съ ближними своими людьми, не со многими изволилъ прибыть въ ботѣ въ монастырь за полчаса до вечера, и, вышедъ его царское величество на берегъ, помолился противъ монастыря и принялъ отъ архимандрита благословеніе; келарь же не со многою братіею подошли съ подносомъ съ образомъ, хлѣбомъ и рыбою, и великій государь благодарилъ и изволилъ сказать: «*будемъ у васъ*», а прочая братія всѣ стояли по чину, вышедъ мало изъ святыхъ воротъ. Благочестивый же государь, не подошедъ ко вратамъ, изволилъ идти кругомъ ограды монастырскія на правую сторону и, обшедши, вшелъ святыми воротами въ монастырь и изволилъ идти въ соборную церковь—благовѣсту и звону не было—и въ соборной церкви помолился и изволилъ идти въ церковь къ преподобнымъ чудотворцамъ и тамо у гробовъ преподобнымъ прикладывался, потомъ изволилъ идти въ ризницу, въ оружейную, въ трапезу и говорилъ архимандриту, что «завтра кушать буду со всѣми своими пришедшими начальными людьми въ трапезѣ». «Литургію слушалъ у преподобныхъ чудотворцевъ, еже есть во вторникъ, потомъ пожаловалъ онъ, великій государь, къ архимандриту въ келію и благоволилъ въ тотъ вечеръ, еже есть августа въ десятый день, въ понедѣльникъ, у архимандрита кушать. И откушавши, великій государь изволилъ отъѣхать, часу въ шестомъ ночи, на корабль, а вышеписанные бояре и ближніе люди ночевали въ гостиной келіи. Августа 11-го дня благоволилъ великій государь придти слушать литургію безъ благовѣсту и звону. Послѣ соборныя службы, братія отъѣли въ трапезѣ, а онъ, великій государь, изволилъ войти въ монастырь безъ встрѣчи и съ благороднымъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, и весь его царскій синклитъ; служилъ іеромонахъ съ іеродіакономъ; пѣли великаго государя пѣвчіе по скору, по литургіи слушалъ молебенъ, отпущалъ одинъ священникъ со діакономъ и благоволилъ на молебенъ ачу пожаловать, и отслушавъ молебенъ ради благороднаго ца-

ревича, опять изволилъ ходить въ ризницу, и въ оружейную, и въ прочія службы, и благоволилъ великій государь въ трапезѣ кушать, и благородный царевичь, и при немъ ближніе люди и начальные, а кушанье приспѣвало все монастырское и питіе, а подчивалъ архимандритъ, келарь и казначей и отъ братіи первые. Онъ, великій государь, и благородный царевичь сидѣли купно съ бояры и съ ближними людьми, и откушавъ, благоволилъ по монастырю ходить, по тюрьмамъ и благоволилъ быть у архимандрита въ кельи до отдачи часовъ и отбылъ его царское величество и съ благороднымъ царевичемъ на корабль ночевать.» 12-го августа Петръ Великій былъ въ монастырѣ уже безъ царевича, осматривалъ съ ближними Вараку (гору) и поздно уѣхалъ на корабль. 13-го съ корабля не съѣзжалъ. 14-го августа онъ опять пріѣхалъ въ монастырь, слушалъ всенощную и самъ стоялъ съ пѣвчими на правомъ клиросѣ и пѣлъ басомъ. Послѣ разсматривалъ онъ грамоты, жалованныя монастырю; архимандриту Ѳирсу повелѣлъ носить мантію со скрижалями, посохъ съ яблоками и совершать все по чину Чудова монастыря. За литургіей архимандритъ служилъ уже такъ, какъ указалъ государь. Тамъ же Петръ снова стоялъ и пѣлъ на клиросѣ; «и по святой литургіи (прибавляетъ лѣтописецъ) изволилъ идти въ гостиную келью, тамъ кушалъ съ благовѣрнымъ царевичемъ. Приспѣшники были дворцовые. Откушавъ, изволилъ быть въ монастырѣ и посѣтить старца Лаврентія Александровца: понеже онъ изъ кельи не выходилъ никуда, ниже въ церковь, развѣ причащенія ради.» 15-го августа государь, на малыхъ судахъ, отбылъ на корабли, а 16-го наутрѣ отправился въ походъ. Вечеромъ онъ былъ уже въ селеніи Нюхчѣ кемскаго берега, откуда шла недавно сдѣланная по его повелѣнію деревянная дорóга на Повѣнецъ. Архимандритъ съ келаремъ и нѣкоторыми монахами ѣздилъ на корабли благодарить государя за посѣщеніе. Петръ Великій «довольно ихъ подчивалъ» и велѣлъ отпустить въ монастырь изъ Архангельска двѣсти пудовъ пороху. «Архимандритъ, прибавляетъ лѣтописецъ, возвратясь въ монастырь, прямо пошелъ въ церковь, пѣлъ молебенъ съ благовѣстомъ и звономъ за здравіе государя и его спутниковъ; отъ радости былъ архимандритъ на погребѣ со всею братіею и довольно *трахтовались*, благодаря Господа Бога за таковое благополучіе.»

Прямо противъ монастырскихъ воротъ находился третья часовня, называемая *Просфоро-Чудовою*.

— На этомъ мѣстѣ (объясняли мнѣ монахи) новгородскіе купцы обронили просфору, которую далъ имъ праведный отецъ нашъ Зосима. Пробѣгала мимо собака, хотѣла ѣсть, но огонь, изшедши изъ просфоры, попалилъ ее.

Въ верстѣ отъ монастыря четвертая часовня, *Таборская*, построена на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены умершіе и убитые изъ московскаго войска, осаждавшаго монастырь съ 1667 года по 1677 годъ.

Поводомъ къ возстанію соловецкихъ старцевъ, какъ извѣстно, послужило исправленіе патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ. Въ 1656 году вновь исправленныя книги присланы были въ монастырь Соловецкій. Старцы, зная уже о московскихъ бунтахъ и распряхъ, а равно и о томъ, что самъ исправитель (нѣкогда монахъ соловецкій) находится подъ царскимъ гнѣвомъ, присланныхъ изъ Москвы книгъ не смотрѣли, а, запечатавъ ихъ, поставили въ оружейной палатѣ. Церковныя службы отправлялись по старымъ книгамъ. Въ 1661 г. изъ Москвы прислано было множество священниковъ для обращенія старцевъ къ раскаянію. Московское правительство думало дѣлать благо, но сдѣлало ошибку. Все грозило близкою опасностью и возстаніемъ: дѣла монастырскія принимали воинственный характеръ. Къ старцамъ присоединились бѣглые донскіе казаки изъ шайки Стеньки Разина. Двое изъ нихъ, Кожевниковъ и Сарафановъ, назначены были, на случай опасности, начальниками. На Никона сочинялись разные навѣты; возрастала всеобщая ненависть. Разсказывали за вѣрное, что когда Никонъ, бывши еще инокомъ, однажды читалъ евангеліе во время литургіи въ Анзерскомъ монастырскомъ скитѣ, то змѣй пестрый обвился около шеи его и лежалъ по плечамъ. Видѣлъ это своими очами святой старецъ Елеазарій. Старцы перестали повиноваться архимандриту Варѳоломею, и въ концѣ седьмаго года, по присылкѣ книгъ изъ Москвы, разсмотрѣли ихъ и написали, въ опроверженіе *новинъ*, большую челобитную къ царю Алексѣю Михайловичу. Келарь Савватій Абрютинъ (изъ московскихъ дворянъ) съ казначеемъ Геронтіемъ сочинили эту челобитную; старецъ Кириллъ, съ двумя послушниками, вручилъ ее царю на Москвѣ. Алексѣй Михайловичъ потребовалъ къ себѣ

архимандрита и еще другаго, жившаго тамъ на покоѣ, архимандрита Никанора, бывшаго царскаго духовника. Изъ Москвы съ ними отпущенъ былъ новопоставленный архимандритъ соловецкій Іосифъ, затѣмъ, чтобы кротостію увѣщать непокорныхъ. Соловецкіе старцы не впустили архимандритовъ, кромѣ Никанора, который присоединился потомъ къ расколу. Вмѣсто первыхъ двухъ, въ 1667 году, явились новые увѣщатели, но старцевъ и эти не убѣдили; въ слѣдующемъ году пришла царская грамота, повелѣвавшая старцамъ «отъ противности недоумѣнія и отъ непослушанія отстать» и быть у архимандрита въ послушаніи; но соловецкіе монахи и этой грамоты не приняли. Явился въ монастырь стольникъ Хитрово съ обращоннымъ къ православію келаремъ Савватіемъ Абрютинымъ: монастырскіе и тогда не послушались. Свѣдавъ о томъ, что изъ Москвы идетъ въ Суму съ ратными людьми стряпчій Волоховъ, къ которому должна была еще присоединиться на Двинѣ стрѣлецкая сотня, старцы собрали соборъ. Совѣтомъ этимъ положено было отослать на поморскій берегъ всѣхъ немощныхъ и малодушныхъ, а всѣмъ остальнымъ (1670 человѣкъ) обороняться до послѣдней капли крови. Къ этому представлялась полная надежда, потому особенно, что монастырь издавна дѣлалъ огромные запасы съѣстной провизіи и была возможность имѣть сношенія съ ближними монастырскими вотчинами. Въ монастырѣ, сверхъ-того, находилось, кромѣ мелкаго ружья, 24 мѣдныя пушки, 22 пушки желѣзныя, 12 пищалей и, сверхъ-того, свыше 30,000 руб. серебромъ и мѣдью. Стѣна была неприступна, твердыня ея неодолима. Все предвѣщало успѣхъ и надежду до такой степени сильную, что и вторая царская грамота была отвергнута. Мирное предложеніе Волохова сдаться безъ боя было осмѣяно; боевыя нападенія не имѣли успѣха, и не могли имѣть его потому особенно, что Волоховъ три лѣтнихъ мѣсяца стоялъ или, лучше, смотрѣлъ на монастырскія стѣны, а всю зиму жилъ подъ монастыремъ въ бездѣйствіи и только въ 1670 году удалось ему захватить главнаго начальника осажденныхъ, чернеца-будильника Азарія, съ 37 человѣками, выѣхавшихъ изъ гавани въ море ловить рыбу. Въ томъ же году, 30 человѣкъ вышли изъ монастыря добровольно, но дѣло нисколько не подвинулось впередъ.

Стряпчій Волоховъ вызванъ въ Москву. Его мѣсто занялъ

голова московскихъ стрѣльцовъ Климъ Іевлевъ, явившійся сюда съ тысячью человѣкъ свѣжаго войска. Этотъ повелъ дѣла, если не успѣшнѣе, то умнѣе Волохова: онъ перевелъ свои войска на самый островъ, отогналъ весь рабочій скотъ, захватилъ всѣ рыболовныя снасти, сжогъ всѣ строенія, находившіяся внѣ монастырскихъ стѣнъ, прекратилъ всяческія сношенія монастыря съ его вотчинами, особенно съ селомъ Керетью. Въ 1674 году царь отозвалъ и его въ Москву за притѣсненія и насилія, которыми онъ отягощалъ монастырскихъ крестьянъ; къ тому же, какъ пишутъ, его постигла цынга. Мѣсто Іевлева заступилъ стольникъ и воевода Иванъ Мещериновъ. Онъ, подступивъ подъ монастырь, окопался шанцами, построилъ 13 городковъ (батарей), началъ дѣлать подкопы. Осажденные принуждены были производить частыя вылазки и всегда успѣшно: подкопы уничтожались при самомъ началѣ. Мещериновъ дѣлалъ приступъ, но приступъ (23 декабря 1676 г.) не былъ счастливъ. Воевода рѣшился блокировать монастырь черезъ всю зиму, какъ вдругъ представился легкій, неожиданный случай сдѣлать дѣло скорѣе и легче. Къ воеводѣ представленъ былъ перебѣжчикъ монахъ Ѳеоктистъ, объявившій, что подъ одною изъ башенъ (Бѣлою) находится подземный проходъ, ведущій изъ монастыря къ кладбищенской церкви, что этотъ проходъ закрытъ ветхою калиткою и что передъ утреннею зарею ночная стража смѣняется и идетъ по кельямъ, а въ башняхъ, для караула, остается только по одному человѣку. Ненастная, бурная погода, случившаяся на 22 января, указала на время приступа. Майоръ Келенъ, съ отрядомъ и проводникомъ Ѳеоктистомъ, прошолъ въ отверстіе, указанное перебѣжчикомъ, отворилъ святыя ворота и впустилъ черезъ нихъ воеводу съ остальнымъ войскомъ. Осажденнымъ, застигнутымъ въ расплохъ, уже не было никакого спасенія и не дано никакой пощады — по свидѣтельству Семена Денисова, который (въ своемъ Выгорѣцкомъ скитѣ) написалъ «Исторію о запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря». Онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «мужи же мужественніи, изъ нихъ Стефанъ и Антоній, съ прочими тридесяти, изшедши ко вратомъ на срѣтеніе и мужественно за отеческіе законы во вратѣхъ святыхъ бравшеся, вси смертную чашу испиша, отъ воиновъ посѣчени быша. Отцы Киновіи и прочіи слуги и труд-

ницы, услышавше, паче же узрѣвше нечаянную, новосодѣявшуюся плачевную вещь, разбѣгошася во своя келіи и затворишася. Еже услыша воевода не смѣ долго во обитель внити и посылаша начальники воиновъ молити и увѣщавати иноки, да ничтоже бояшеся, изыдутъ изъ келій, никоего же имъ озлобленія сотворити обѣщаяся и клятвою крѣпкою свое завѣщаніе печатствова. Отцы же, вѣру емше, изыдоша на срѣтеніе съ честными кресты и со святыми иконами. Сей же, забывъ обѣщаніе, преступи и клятву, повелѣ воинамъ иконы и кресты отъяти, иноки же и бѣльцы за караулъ по келіямъ развести».

Далѣе Семенъ Денисовъ пишетъ, что воевода, возвратившись въ станъ свой, приказалъ привести къ себѣ сотника Самуила и бить его передъ собственными глазами (Самуилъ ударовъ *пястицами* не выдержалъ и тотчасъ же умеръ). Потомъ приказалъ позвать архимандрита Никанора. Этотъ привезенъ былъ на небольшихъ саночкахъ по той причинѣ, что былъ уже старъ и въ тоже время сильно болѣлъ ногами. Воевода говорилъ ему:

— Рцы ми, Никаноре: чесо ради противился еси государю?

— Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противлятися помышляхомъ когда, отвѣчалъ Никаноръ:—зане научихомся отъ отецъ къ царемъ чествованіе паче всего являти. Научихомся отъ самаго Христа воздавати кесареви кесарево, и Божія Богови.

— Чесо ради, обѣщався увѣщати прочія къ покоренію, не токмо преступилъ обѣщаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе цареви совѣщался еси? — снова спрашивалъ Никанора воевода.

— Понеже, отвѣчалъ старецъ:—Божіихъ неизмѣнныхъ законовъ апостольскихъ и отеческихъ преданій, посредѣ вселенныя живущимъ соблюдати не попущаютъ нововнесенные уставы и новинства патріарха Никона: сихъ ради удалихомся міра, избѣгохомъ вселенныя и въ морскій отокъ, въ стяжаніе преподобныхъ чудотворцевъ, вселихомся преподобными ихъ чины и уставы и обычаи тѣмъ же благочестіемъ по стопамъ ихъ руководитися желающе.

— Чесо ради воинства во обитель не пускаете и хотящіе внити оружіемъ отбиваете?

— Васъ, иже растлити древлецерковные уставы, обругати

священныхъ отецъ труды, сокрушити богоспасительные обычаи пришедшихъ—во обитель праведно не пущахомъ.

На всякій спросъ старецъ давалъ отвѣтъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ. Разгнѣванный воевода началъ его бранить, но старецъ не потерялся и тутъ.

— Что величаешися? говорилъ онъ: — и что высишися? яко не боюся тебѣ, ибо и самодержца душу въ руцѣ своей имѣю...

При этихъ словахъ воевода вскочилъ съ мѣста и билъ старца тростью по головѣ, плечамъ, и по спинѣ, выбилъ ему зубы, приказалъ связать по ногамъ и бросить за оградой въ ровъ. Въ одной рубашкѣ пролежалъ Никаноръ всю ночь, а на утрѣ умеръ.

По словамъ Денисова казнены были потомъ: старецъ Макарій, рѣзчикъ Хрисанфъ, живописецъ Ѳедоръ съ ученикомъ его, Андреемъ.

«Тако, продолжаетъ онъ далѣе, повелѣ прочія изъ караула привести иноки и бѣльцы, числомъ яко до шестидесяти, и различно испытавъ и обрѣте ихъ тверды и непревратны, зѣльною яростію воскипѣвъ, смерти и казни различны уготовавъ, повѣсити сія завѣщавъ: овыя за выи, овыя за нозѣ, овыя и множайшія междоребрія острымъ, желѣзомъ прорѣзавше и, крюкомъ продѣвше, на немъ обѣсити каждаго на своемъ крюкѣ; иные же отъ отецъ звѣросердечный мучитель на нозѣ вервію оцѣпивши, къ коннымъ хвостамъ привязывати повелѣ и безмилостивно влачили по отоку, дондеже души испустятъ».

Выкинутыя тѣла лежали на морскомъ берегу до времени таянія льдовъ, когда они были погребены на сосѣдней лудѣ, называемой *Женской*. Изъ оставшихся въ живыхъ, большая часть разослана была по дальнымъ мѣстамъ бѣломорскихъ прибрежьевъ; нѣкоторые, болѣе озлобленные, отправлены въ дальніе города государства на заточеніе. Вѣсть о покореніи монастыря уже не нашла царя Алексѣя въ живыхъ. Мещериновъ царемъ Ѳеодоромъ вытребованъ былъ въ Москву и здѣсь судимъ за расхищеніе монастырской казны и сокровищъ.

Монастырь вновь населялся приходившими и присланными монахами изъ дальныхъ монастырей; но порядку въ немъ еще долго не было. «Отсюду, говоритъ Семенъ Денисовъ далѣе, въ Киновіи умножишася мятежи и безчинія: умножишася по келіямъ особъяденія варенія и пирогощенія; умножишася винопи-

тія и піянства и раждающія піянство питій содержаніе: оставляютъ яже на пѣніихъ молитвословія — исполняютъ кликовъ безчинія, яже учащеніе празднословія, срамословія и лаяній неподобныхъ изношенія, яже табаки держанія и табакопитія и прочіе неблаголѣпные обычаи и дѣянія».

Показанія эти подтверждаютъ и царскія граматы: Θеодоръ Іоанновичъ (въ 1591 г.) воспретилъ медовый квасъ; Михаилъ Θеодоровичъ запрещалъ (въ 1621 г.) употребленіе пьянственнаго питія и обыкновеніе жить по кельямъ особенно, *заговоромъ*, какъ сказано въ граматѣ. Алексѣй Михайловичъ, въ 1637 г., давалъ указъ о томъ же, и уже вслѣдствіе прошенія игумна Ильи, онъ же вновь подтвердилъ указъ Михаила Θеодоровича о томъ, чтобы младые, безбрадые трудники, въ лѣтнее время, жили отдѣльно внѣ монастыря, а на зимнее время отправляемы были на берегъ въ Сумской острогъ или въ Кемь, «или гдѣ пригоже, а въ монастырѣ бъ имъ зимовать не велѣли».

Осматривая настоящее состояніе монастыря и вникая во всѣ подробности его внутренняго и внѣшняго устройства, почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ имя св. митрополита Филиппа, бывшаго здѣсь съ 1548 года по 1566 годъ игуменомъ. Въ эти осьмнадцать лѣтъ онъ успѣлъ сдѣлать многое, что до-сихъ еще поръ имѣетъ всю силу матеріальнаго своего значенія. Поставленный въ исключительное положеніе, любимецъ грознаго царя, щедраго на подарки и милостыню, самъ сынъ богатаго отца изъ стариннаго боярскаго рода Колычевыхъ, св. Филиппъ не стѣснялъ себя въ матеріальныхъ средствахъ для того, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ стремленіямъ и помысламъ. Онъ исключительно посвятилъ дѣятельность на то, чтобы островъ Соловецкой, до того времени сильно запущенной, сдѣлать возможно удобнымъ для обитанія: прорылъ канавы, вычистилъ сѣнокосные луга и увеличилъ ихъ въ числѣ; провелъ чрезъ лѣса, горы и болота дороги; устроилъ для больной братіи больницу; учредилъ по возможности лучшую и здоровую пищу; внутри монастыря, подлѣ сушила, устроилъ каменную водяную мельницу и для нея провелъ воду изъ 52 дальнихъ озеръ главнаго Соловецкаго острова; въ братской и общей кухнѣ устроилъ колодезь, въ который проведена изъ Святаго озера вода, черезъ подземную трубу, подъ крѣпостною стѣною. Помпа колодезя этого

зимою подогрѣвается нарочно устроенною печью. Другая печь приготовляетъ теперь въ одинъ разъ до 200 хлѣбовъ *).

Сверхъ-всего этого, онъ умножилъ домашній рогатый скотъ и, на островахъ Муксалмахъ, выстроилъ для него особый коровій дворъ, онъ же развелъ на островѣ лапландскихъ оленей, которые живутъ тамъ и до настоящаго времени; выстроилъ просторныя соборныя церкви и огромную трапезу, вмѣщающую сверхъ тысячи человѣкъ гостей и братій; близъ монастыря сдѣлалъ насыпи и разныя машины къ облегченію трудовъ работниковъ; построилъ кирпичные заводы, замѣнилъ старинныя чугунныя плиты—*клепала*, *била*—колоколами; правителямъ поморскихъ волостей, тіунамъ, слугамъ и доводчикамъ назначилъ жалованье, и пр., и пр.

Монастырь и въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, что не нуждается во многомъ: только пшеница, вино, рожь и нѣкоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное онъ имѣетъ свое. При легкомъ взглядѣ, монастырь поражаетъ необъятнымъ богатствомъ; не заглядывая въ сундуки его, которые, говорятъ, ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчуговъ и другихъ драгоцѣнностей, легко видишь, что, сверхъ годичнаго расхода на братію, у него остается еще огромной залишекъ, который пускается въ ростъ на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружекъ богомольческихъ подаяній, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25,000 р. асс.; но что нынѣшной годъ, говорили, одинъ изъ *неурожайныхъ*, затѣмъ, что первый мирный; въ *урожайные* годы вынимаютъ до 95,000. Эту цыфру монахи считаютъ среднею величиною. Сверхъ всего того, каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за чернила, которыми пишутся имена родныхъ на исподкѣ просфоры, платитъ за писанье, если только онъ не умѣетъ. Годовые богомольцы платятъ деньги. Лубочные виды монастыря стоятъ 25 к. сер., вмѣсто 5 коп. назначенныхъ; маленькій кипарисный

---

*) При многолюдствѣ богомольцовъ, въ печь эту ставятъ двѣ квашни въ день; хлѣбъ день отлеживается, на другой день поѣдается весь. Остатки ѣдятъ рабочіе, остатки же этихъ остатковъ превращаются въ сухари. Прежде было обыкновеніе давать каждому богомольцу по широкому ломтю на дорогу; теперь это, говорятъ, вывелось изъ употребленія. Въ квасной запасается 50 бочекъ по 200 ведръ каждая.

образъ стоитъ 75 к.; за стихи, описывающіе бомбардированіе англичанъ убійственными виршами и переписанные довольно чотко на листѣ, просили съ меня 1 р. 50 к. сер. Товары въ лавочкѣ для богомольцовъ, съ скуднымъ количествомъ предметовъ, дороги неприступно: палочка плохаго сургуча стоитъ 20 к. (въ монастырѣ почтовое отдѣленіе). Спутникъ мой на Анзеры (въ скитъ) желалъ записать въ сѵнодикъ на поминовенье своихъ родныхъ. Монахъ, сидѣвшій съ перомъ, объявилъ, что они берутъ 30 к. сер. за годичное поминовеніе и 1 р. 50 к. на вѣчныя времена. Спутникъ мой рѣшился на первое; писалъ долго и много; при разсчотѣ долженъ заплатить 6 р. сер.; оказалось, что 30 к. сер. берется съ каждаго вписаннаго имени.

— Хорошо еще, что я призабылъ многихъ, а то нахваталъ бы сотню: жутко бы тогда пришлось!—замѣтилъ мой спутникъ.

Торговля производится всюду, чуть ли не во всѣхъ монастырскихъ углахъ: на паперти Анзерскаго скита продаютъ лубочный видъ этого скита, на Анзерской горѣ Голгофѣ (въ скиту же) продаютъ видъ Голгофскаго скита, и вездѣ кое-какія книги, и вездѣ стихи монаха. Можно купить сапоги изъ нерпичьей кожи; можно купить и широкій монашескій поясъ изъ той же кожи, довольно хорошо выдѣланной въ самомъ монастырѣ. Въ самомъ же монастырѣ пишутся и иконы, шьется платье не только на монаховъ, но и на штатныхъ служителей, обязанныхъ чорными и болѣе трудными работами *). Въ монастырѣ вылавливается морской звѣрь, вытапливается его сало, выдѣлывается его шкура; есть невода для бѣлугъ, есть сѣти для нерьпы и бѣльковъ; въ монастырскую губу приходитъ въ несмѣтномъ числѣ лучшій сортъ бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ, жирныхъ. Только крайне-плохой засолъ, какая-то запущонность

---

*) Большая половина рабочихъ живетъ по обѣту; обѣты даютъ они при случаѣ опасностей, которыми такъ богато негостепріимное Бѣлое море. Тюленій промыселъ, называемый *выволочнымъ*, соблазнительный по богатству добычи, опасный по отправленію, губитъ много людей. Звѣря бьютъ на дальнихъ льдинахъ; льдины эти часто отрываются вѣтрами и *выволакиваются* въ море вмѣстѣ съ промышленниками. Счастливые изъ нихъ прибиваются къ острову Сосновцу или къ Терскому берегу, и они-то даютъ, въ благодарность за спасеніе, обѣтъ безплатно работать на монастырь три—пять лѣтъ. Большая часть уносится въ океанъ на неизбѣжную гибель.

этого дѣла мѣшаютъ пускать ихъ въ продажу; выловленныя сельди лѣтомъ уходятъ на братскую уху, выловленныя осенью частію потребляются, частію идутъ въ прокъ на зиму. Полотно для нижняго монашескаго бѣлья не покупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и масла въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на Заяцкомъ острову, даютъ шерсть для зимнихъ монашескихъ тулуповъ и мясо для трапезы штатныхъ монастырскихъ служителей въ скоромные дни. Лошадей монастырь имѣетъ также своихъ. Между монахами и штатными служителями есть представители всякаго рода мастерствъ: серебряники, слесари, мѣдники, оловянишники, портные, сапожники, рѣзчики. Всѣ другія мастерства, не требующія особенныхъ познаній, раздѣлены на послушанія; таковы: рыбаки, продавцы, пекари, мельники, маляры.

Въ этомъ отношеніи, монастырь представляетъ цѣлое отдѣльное общество, независимое, сильное средствами и, притомъ, значительно многолюдное. Ежегодные обильные вклады и правильное хозяйство обѣщаютъ монастырю впереди несчотные годы.

На третій день моего пріѣзда въ монастырь, я былъ разбуженъ по утру громкими криками, раздавшимися подъ окнами нашей гостинницы и по корридорамъ ея.

— Что тамъ такое? спрашиваю я гостинщика.

— Гонятъ жонокъ — богомолокъ сельдей чистить. Сейчасъ приплылъ карбасъ съ свѣжей рыбой; ужо̀ на уху она пойдетъ— объяснялъ онъ.

— А уготовляли-ли вы себѣ цѣльбоносное купаніе во Святомъ озерѣ вчера? спросилъ онъ меня потомъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Всѣ богомольцы, немедля, по прибытіи, совершаютъ сей обрядъ во душевное спасеніе и тѣлесное здравіе. Отъ многихъ недуговъ полезна вода, и сколь она холодна и благотворна, то такой уже, говорятъ, и не обрѣтается въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ честныя обители сея.

— Что же это, батюшка, обязательно для всѣхъ?

— Неволи не полагается; но всякъ творитъ по мѣрѣ силъ. Немотствующіе не купаются. У насъ по монастырскимъ обычаямъ, всѣ богомольцы, искупавшись во Святомъ озерѣ, идутъ ко гробу преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и ходатай-

ствуютъ у нихъ объ умилостивленіи Творца Всевышняго. Затѣмъ всякій полагаетъ отправиться воздать молитву при гробѣ преподобнаго Елеазара во скиту, сооруженномъ имъ на острову Анзерскомъ, и оттуда идутъ на гору Голгофу, гдѣ поминаютъ молитвою прешедшихъ отцевъ и братію въ панихидѣ при гробѣ преподобнаго отца Іисуса Голгофскаго. За симъ, на третій день, посѣщаются всѣ часовни, мѣста коихъ освятили своими стопами угодники Божіи: одну въ 3-хъ верстахъ отъ обители, близъ Исакіевой горы, гдѣ первоначально поселились преподобные Зосима и Германъ, и всѣ семь пустынь...

При послѣднихъ словахъ его раздался звонъ въ малый колоколъ.

— Это что такое?

— Кончилась литургія: къ трапезѣ звонятъ; пожалуйте! Въ сей день полагаются скоромныя кушанья.

Я отправился. Огромная трапеза была полна народу; монахи пѣли. Между богомольцами не видать было женщинъ: всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ-называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона череднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаньевъ, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Трапезующіе должны были отвѣчать «аминь»; всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки; у всѣхъ были деревянныя ложки съ вырѣзною благословящею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписаніемъ:

На трапезѣ благословенной
Кушать братіи почтенной.

У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто «во здравіе братіи». Вся посуда была оловянная. Кушанье солить или обливать уксусомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдъ: холодное—соленыя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксусомъ; треска со сметаной и квасомъ; уха, удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей; и каша гречневая съ коровьимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи и тогда же, Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпускъ и—затѣмъ всѣ расхо-

дились. Несмѣтное множество чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: кажется, на это время слетѣлись они со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ; многія клевали проходящихъ за ноги, за полы платья; крикъ былъ невыносимой, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и своеобразную картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе—смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать; чабаръ старается дѣлать тоже, что и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, прискакиваетъ, но въ воздухѣ держится недолго: собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать, и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунывается, хлопая по водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки-работники, *безбрадые трудники*, по словамъ гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣтые въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки шалятъ; взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ; кто-то запѣлъ: «Воскресеніе Христово видѣвше...»

Вернувшись въ свой номеръ, я попросилъ лошадей, чтобы ѣхать на Анзерскій островъ. Потребовали три рубли сер.—и мы отправились. Дорога пошла по Соловецкому острову гладкимъ, исправленнымъ полотномъ, по сторонамъ ея потянулся лѣсъ со всею обычною обстановкою, невычищенный, со множествомъ валежника неприбраннаго. Во многихъ мѣстахъ лѣсъ этотъ отдавалъ рѣшительною дичью; все въ немъ напоминало лѣса нашихъ приволжскихъ губерній: тѣже высокія деревья словно и не полярныя, не архангельскія, та же спутанность сортовъ и видовъ ихъ: тутъ и березовая полоса, перепутанная съ ивнякомъ, тутъ и соснякъ съ кустами густаго цѣпкаго волжскаго можжевельника, соснякъ перепутанъ съ ельникомъ; даже кое-гдѣ между ними проглянула лиственица. Между деревьями, по кочкамъ, иногда мшистымъ, иногда обтянутымъ травою, разсы-

пались кусты ягодъ вороницы и можжевельника; кое-гдѣ красовался цвѣтами шиповникъ; во многихъ мѣстахъ зацвѣтала малина и даже краснѣла уже ягодами. Въ воздухѣ разлита была чарующая свѣжесть, которою дышешь — не надышешься; то вдругъ прольется струя цѣлебной смолки, то здоровой запахъ травы, то вдругъ опять пролетитъ нѣжная, эфирная струйка, пущенная зажившими цвѣтами шиповника. Луга, выглянувшіе между деревьями, усыпаны были цвѣтами и рисовались такимъ же пестрымъ ковромъ, который такъ обыкновененъ вездѣ, кромѣ архангельскаго края. Мѣстность Соловецкаго острова рѣшительной контрастъ со всѣми сосѣдними ей: природа словно огорчилась, истощонная въ береговыхъ тундрахъ и болотахъ, и, собравши послѣднія оставшіяся силы, произвела на острову новой, особенной міръ, въ которомъ такъ всѣмъ привольно и такъ все сродни и знакомо дальному, заѣзжому человѣку! Вотъ пошла дорога подъ гору, на мостикъ, перекинутой черезъ бойкой ручеекъ; вотъ побѣжала она въ гору, взрытую по мѣстамъ колеями; вотъ канавы, прорытыя по сторонамъ полотна ея и опять таже лѣсная чаща и между нею болото такое же ржавое, такое же зыбкое, какъ вездѣ и всюду въ Россіи, богатой и горами, и болотами, и роскошными лугами. Вотъ прекратился лѣсъ, открылась поляна, на полянѣ посѣяна рожь. Рожь уже наливается, наливъ идетъ къ концу; васильки въ полной силѣ; вправо отъ дороги, между рѣдко разставленными деревьями, черезъ поляну, засыпанную хвоемъ, выглянуло озеро большое, рыбное, на этотъ разъ свѣтлое, зеркальное. Лѣсная чаща продолжаетъ по прежнему окружать насъ со всѣхъ сторонъ и дышетъ на насъ своимъ здоровымъ, цѣлебнымъ дыханіемъ; въ ней запѣла даже гдѣ-то птичка, другая... третья... и четвертая. Весело на душѣ, летятъ всѣ чорныя мысли прочь, забываешь обо всемъ прежнемъ и живешь только настоящимъ. Пусть бы дальше и больше тянулась эта дорога съ вѣчно-увлекающими видами, съ своею свѣжестью; пусть никакое тревожное воспоминаніе не безпокоитъ теперь воображенія. А воспоминаній этихъ накопилось такъ много, ими такъ сильно утомлена и пресыщена душа, что прежній путь по прибрежьямъ кажется какъ-будто сномъ, какой-то сказкой, выслушанной еще въ дѣтствѣ и теперь съ трудомъ припоминаемой.

Ѣхали мы лѣсомъ часа два. За лѣсомъ началось поле, на

концѣ котораго стоитъ избушка, и въ ней живутъ два монаха-перевозчика. У избушки этой надо было оставить лошадей и садиться въ карбасъ, на которомъ предстоялъ путь чрезъ салму (проливъ) въ 4 версты 300 саженъ. Вѣтру никакого не заводилось; привелось ѣхать на греблѣ, между тѣмъ, какъ быстрина теченія здѣсь поразительна. Къ тому же, на то время, *вода* на томъ берегу *распалась*, какъ выразился нашъ перевозчикъ, т.-е. пошла на прибыль, начался приливъ и обѣщалъ намъ на встрѣчу сувои; но сувой былъ не силенъ, и мы хотя и медленно, но прошли его при помощи только двухъ веселъ. По пути намъ моремъ играла бѣлуга у самаго карбаса и такъ близко, что можно было разсмотрѣть, какъ опрокидывала она свое огромное сальное тѣло въ воду, выгибая надъ водой спину и выкидывая на шеѣ фонтаномъ воду. Провожающіе насъ монахи говорятъ, что она удивительно быстро ходитъ, и если ужъ одной удалось прорвать неводъ, такъ всѣ другія уйдутъ за ней мгновенно.

— Молоко-то у ней тоже бѣлое! замѣтилъ монахъ.

— А гдѣ же его видѣли? спросилъ мой спутникъ.

— У *пропавшей* (околѣвшей и выброшенной на берегъ) видѣли.

— А не пробовали?

— Сохрани Богъ, у пропавшей...

Черезъ полтора часа ѣзды мы были уже на берегу Анзерскаго острова, подлѣ часовни, на мѣстѣ которой, говорятъ, основатель скита Елеазарій работалъ въ избушкѣ деревянную посуду и потомъ продавалъ ее приходившимъ на Мурманъ поморамъ. Приготовленную посуду онъ, по преданію, выставлялъ на пристани, а самъ удалялся въ лѣса отъ людей. Приплывавшіе поморы брали ее, а въ отплату оставляли хлѣбъ и другіе съѣстные припасы.

Отъ часовни этой мы шли $2^1/_2$ версты пѣшкомъ до Анзерскаго скита, раскинутаго въ ложбинѣ со своими каменными кельями (въ нихъ живетъ 14 монаховъ) и таковою же небольшою церковью. Вблизи скита этого ловятся лучшія соловецкія сельди и семга и производятся по осенямъ промыслы тюленей и морскихъ зайцовъ.

На острову Анзерскомъ жилъ нѣсколько лѣтъ Никонъ.

Пустынножительство въ этомъ скитѣ существуетъ на томъ же положеніи, какъ и въ монастырѣ Соловецкомъ.

Въ Анзерскомъ скиту насъ посадили опять въ линейку, чтобы везти на Голгофу, въ Іисусо-Голгофскій скитъ, до котораго считаютъ 6½ верстъ; на второй верстѣ началась эта высокая, словно сахарная голова, гора Голгофа чрезвычайно крутая, вулканическаго вида. Дорога побѣжала винтомъ между высокими деревьями, въ виду озеръ, разлившихся у подошвы горы. Словно поставленная на облакахъ, бѣлѣлась надъ нашими головами скитская церковь далеко-далеко на верху. Здѣсь первоначально жилъ Елеазаръ, а послѣ него іеросхимонахъ Іисусъ, водрузившій здѣсь крестъ и положившій такимъ образомъ первое основаніе скита въ 1712 году. По завѣщанію его, въ скиту воспрещено употребленіе рыбы и молочной пищи, кромѣ субботы и воскресенья, и установлено неусыпное чтеніе псалтыря. Братіи здѣсь жило въ то время 8 человѣкъ.

Видъ съ горы и со скитской колокольни поразителенъ: море протянулось во всей своей пустынности и ушло въ безграничную даль океана. Неоглядная даль эта сливается въ ближайшой сторонѣ съ бойкою, богатою лѣсною и луговою растительностію острова, съ другой, дальной, ограничивается группою острововъ Муксалмовскихъ. На нихъ пасется монастырскій скотъ. Между Большими и Малыми Муксалмами разливалась салма съ необыкновенною быстротою теченія, усиленною еще сверхъ того присутствіемъ пороговъ. Пороги эти носятъ названіе Желѣзныхъ Воротъ, трудно одолимыхъ гребнымъ карбасомъ въ сухую воду и едва доступныхъ, по быстротѣ теченія, при приливѣ, или полой водѣ, по туземному. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ воротъ, съ одного берега на другой, перекинутъ мостъ для перехода скота и оленей. За Муксалмами выясняется группа острововъ Заяцкихъ съ бѣлою церковью, и вотъ правѣе ихъ и ближе весь зеленой и огромной Соловецкой, и опять громадная, неоглядная масса воды, сверкающей на полномъ свѣтѣ полуденнаго, лѣтняго солнца. Вотъ на морѣ этомъ чернѣетъ корга, едва не заливаемая прибылой водой, та корга, на которой ловятъ монахи морскихъ звѣрей по осенямъ и зимамъ. Съ колокольни, на которой вѣчно ходитъ круговой вѣтеръ, хотя бы подъ горою и на морѣ была полная тишь и гладь, глазъ бы не оторвалъ отъ всего, что рисуется и красуется внизу. Гора Голгофа до того высока, что видна съ моря верстъ за 50, по словамъ туземцовъ, и до того своеобразна, что чаекъ, одолѣвающихъ крикомъ внизу, въ Ан-

зерскомъ скиту—въ здѣшномъ Голгофскомъ не могли прикормить. Не водятся также здѣсь и голуби: и только вороны да орлы способны прилетать сюда вить гнѣзда и кормиться отъ сытной и обильной братской трапезы.

Въ Голгофскомъ скиту не служатъ молебновъ; служатъ однѣ панихиды.

На обратномъ пути, въ Анзерскомъ скитѣ, намъ предложили варенцу и сливокъ, которыхъ здѣсь, по словамъ монаховъ, въ изобиліи.

— Тяжелы были времена для обители въ запрошедшіе годы, разсказывалъ мнѣ Анзерской монахъ. Въ скиту нашомъ стекла дрожали отъ пальбы непріятельскихъ пушекъ. Страшной дымъ стоялъ все время надъ монастыремъ; думали уже мы, что случился пожаръ и загорѣлась какая-либо изъ башенъ. Дымъ, стоявшій надъ монастыремъ, минутъ чрезъ пятнадцать, разносило вѣтромъ и сердца наши испытывали веліе веселіе, радовались надеждою. Пришедшіе монахи сказывали на другой день, что гроза миновала и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ, Елеазара Анзерскаго и Іисуса Голгофскаго обитель спаслась и только испытала нѣкоторыя поврежденія.

Поврежденія эти, сохраненныя еще на мой проѣздъ, состояли, какъ сказано, въ неисправимыхъ поврежденіяхъ архангельской гостинницы. Одно ядро прошибло крышу и опалило образъ у дверей холоднаго собора, другое пробило въ одномъ мѣстѣ стѣну; многія разшибли церковныя и келейныя окна. Всѣ эти ядра, собранныя въ значительномъ числѣ, показывали богомольцамъ выставленными по прилавку на соборной паперти. Пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ монастырь, отецъ-архимандритъ Александръ предполагалъ позолотить и выставить при входѣ въ св. ворота. Также позолочены были и тѣ ядра, изъ которыхъ одно упало въ соборной церкви и не разорвалось, и другое, засѣвшее въ соборной главѣ и чуть не брошенное внизъ, по неосторожности, кровельщикомъ, впослѣдствіи, когда поправлялись главы и кровля.

Вотъ что можно услышать отъ соловецкихъ монаховъ, съ присоединеніемъ того, что осталось въ воспоминаніяхъ самаго отца-архимандрита Александра объ недавномъ бомбардированіи монастыря англичанами.

Эскадра англійская, какъ извѣстно, останавливалась около Заяцкихъ острововъ. Отсюда отправлены были въ монастырь парламентёры, съ просьбою снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ отказалъ. Англичане высадились на одинъ изъ Заяцкихъ острововъ, и именно на тотъ, гдѣ паслись въ то время бараны; часть ихъ была поймана, не давался долго одинъ козелъ, но когда былъ схваченъ, лизалъ руки у враговъ, своихъ владѣтелей. За такую ласковость англичане отпустили козла, не взявши его съ собою. Монастырю, во всякомъ случаѣ, угрожала опасность. Англичане, державшіеся той системы, чтобы не стрѣлять и не начинать ссоры съ беззащитными селеніями, сожгли въ тоже время Пушлахту и Кандалакшу, только послѣ того, когда видѣли, что жители выбѣжали съ ружьями и стрѣляли по нимъ. Англичане знали, что монастырь—сильная крѣпость, что въ крѣпости этой есть нѣкоторое количество инвалидной команды, есть пушки и боевые снаряды и есть, сверхъ всего, огромной запасъ провизіи. Къ тому же изъ монастыря получонъ былъ отказъ въ снабженіи мясомъ. Архимандритъ зналъ, что бомбардированіе неизбѣжно. Не задолго до него, командиръ эскадры поручилъ заяцкому монаху, отправившемуся въ монастырь, передать настоятелю подарокъ. Подарокъ этотъ была штуцерная пуля со всѣмъ припасомъ.

— Попѣнялъ я имъ, что посылаютъ пулю, разсказывалъ этотъ монахъ. «Послали бы вы, я говорю, отцу-архимандриту ружье англійское, хорошее». А пусть (говорятъ) пріѣдетъ самъ— подаримъ! «А мнѣ подарите ружье?» спрашивалъ я. Тебѣ, говорятъ, не надо ружья. Подавая мнѣ пульку, командиръ, переглянувшись съ другимъ, стоявшимъ рядомъ, усмѣхнулся *).

Собралъ отецъ-архимандритъ совѣтъ изъ монашествующей братіи и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелями. Одни отсовѣтывали, другіе утверждали въ этомъ намѣреніи. Отецъ Александръ рѣшился на послѣднее и, благословивши и распростившись со слезами съ

---

*) Пульку эту показывалъ мнѣ отецъ-архимандритъ: она была свинцовая, конусообразная, съ мѣдною крышечкою, въ которую былъ насыпанъ порохъ и закрытъ бумажкой; подъ крышечкой — огнестрѣльная бумага. Пулю эту архимандритъ предполагалъ завѣщать монастырю на память.

братіею, сѣлъ въ монастырской баркасъ, управленіе которымъ довѣрилъ онъ самому опытному кормщику, а въ помощь ему выбралъ самыхъ сильныхъ изъ всего количества штатныхъ монастырскихъ служителей.

При холодномъ, противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ (отправившись послѣ вечеренъ) онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинутъ былъ парламентерскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ *).

— Оттого, что вы враги наши! отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не надо, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентерскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, и зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?...

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволитъ братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу, и не дамъ, и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало-быть, такъ я и знать буду и также точно скажу и братіи. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

---

*) Переводчикъ этотъ чисто говорилъ по-русски; сказывалъ, что воспитывался и жилъ въ Архангельскѣ, гдѣ и привыкъ такъ бойко говорить по-русски; сказывался простымъ солдатомъ, хотя, по словамъ отца-архимандрита, и имѣлъ на фуражкѣ кокарду.

Оставивъ англичанъ съ положительнымъ отказомъ, отецъ-архимандритъ собралъ всю братію и приказалъ ей, исповѣдью и причащеніемъ св. Таинъ, приготовиться къ завтрашному дню. На другой день, въ самый день бомбардированія, причастился и самъ и, не дожидаясь начала пальбы, началъ литію съ тѣмъ, чтобы при пѣніи ея обойти вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Лишь только потянулось шествіе по стѣнамъ и не совершило еще половины крестнаго хода, раздался оглушительной громъ отъ пальбы, завизжали пули, нѣкоторыя изъ нихъ носились надъ головами богомольцовъ, незначительная часть которыхъ успѣла пробраться на то время въ монастырь. И вдругъ—въ одно мгновеніе (которое, по словамъ очевидцовъ, неизгладимо останется въ ихъ памяти) —раздался сзади шествія страшной крикъ и почти всѣ задніе ряды повалились ничкомъ на землю. Оказалось, что ядро прошибло стѣну и пролетѣло надъ головами богомольцовъ, не сдѣлавъ имъ особеннаго вреда. Въ тоже время другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, другое пробило кровлю и попалило образъ. Гулъ и пальба не прекращались долго, даже и въ то время, когда крестной ходъ вернулся въ соборъ. Наконецъ все стихло: архимандритъ совершалъ благодарственное молебное пѣніе. Англійская эскадра отправилась въ Кемь... При этомъ присовокупляютъ, что во время пальбы, на монастырскомъ дворѣ не видали убитою ни одной чайки.

Хотя теперь уже, можетъ-быть, уничтожонъ и послѣдній слѣдъ поврежденій, произведенныхъ въ монастырѣ непріятелемъ, но, думаю, воспоминанія и разсказы о немъ слышатся богомольцами и до сихъ еще поръ также обильно, какъ слышалъ и я. Тогда для монаховъ было это свѣжо, но мнѣ измѣняетъ память; все, что осталось въ ней, я передаю какъ могу и помню. Sapienti sat.

15 іюля 1856 года былъ послѣдній день моего пребыванія въ монастырѣ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я привѣтливаго, гостепріимнаго, словоохотливаго отца-архимандрита, и простился съ нимъ; въ послѣдній разъ видѣлъ я двухъ схимниковъ съ пожолтѣвшими, словно воскъ лицами, въ ризахъ, обшитыхъ спереди и сзади крестами, съ сѣдыми какъ серебро, волосами. Схимники выходили за трапезу.

Карбасъ мой былъ уже готовъ—и мы отправились. Понесло

насъ сначала легонькимъ повѣтерьемъ: лѣтній вѣтеръ надулъ паруса и вѣялъ пріятной, клонящей ко сну прохладой. Монастырь еще видѣлся долго намъ назади, сѣрѣя своими стѣнами изъ неотесанныхъ камней, плотно лежащихъ одинъ на другомъ, но вотъ и стѣну затянуло туманомъ.

— На Сеннухѣ мáра! кричитъ кормщикъ.

— Что такое? спросилъ я.

— Сеннуха — острова, а мара — гляди вонъ!

Я видѣлъ впереди спустившійся туманъ, который казался дальнымъ, едва примѣтнымъ берегомъ. Ѣхать было невыносимо скучно, къ тому же вѣтеръ палъ, и гребцы сѣли въ весла. Затѣмъ пошли обычныя, давно наскучившія подробности.

— Батюшко, припади! говорилъ одинъ гребецъ, обращаясь къ вѣтру.

— Припадетъ—побѣжимъ! подхватилъ его сосѣдъ и товарищъ.

— Товарищи, други! не посрамимся! просилъ третій, крѣпко налегая на свое весло.

— Сдѣлайте милость, товарищи, понатужьтесь: тамъ станетъ легче!—упрашивалъ кормщикъ...

И гребцы послушно налегали на весла, хотя и хорошо знали, что *тамъ* не могло быть легче.

Портной нашъ сидѣлъ какимъ-то сумрачнымъ, какъ будто обидѣлъ кто.

— Что ты такой не веселый? замѣтилъ я ему.

— Изъ монастыря ѣдучи, всегда такъ надо.

— Развѣ работы не было?

— Ни одной жилетки не удалось сшить.

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— А у монаховъ про житіе все слушалъ... всѣ три дни житія слушалъ.

И опять по сторонамъ старые виды, и опять на карбасѣ пустые, на половину понятные и неинтересные разговоры. Вѣтеръ—то припадетъ, то опять стихнетъ. Дальный островъ сначала выплываетъ словно облако, потомъ меледится—чуть выясняется въ туманѣ и, наконецъ, по мѣрѣ приближенія къ нему, совсѣмъ обозначается ясно и живо съ грудами камней, по которымъ прошли жолобки, словно приступки. Въ тѣхъ жолобкахъ, гдѣ болѣе тѣни и тѣнь эта долговременна, сверкаютъ

лужи дождевой воды сомнительныхъ качествъ, чорной какъ пиво, и все-таки дорогой, въ крайнихъ случаяхъ, при жарѣ лѣтней для заѣзжихъ. По лудамъ, и по самымъ счастливымъ изъ нихъ, цѣпляется кое-какая растительность и зеленѣетъ у самой воды какая-то скользкая, грязная слизь.

Влѣво отъ насъ выплывало изъ-за острововъ судно; на мачтѣ этого судна засверкала, отъ лучей солнца, золотая звѣздочка, вѣроятно, крестъ, безъ котораго не бываетъ ни одной монастырской лодьи, назначенной перевозить богомольцовъ изъ Архангельска, изъ Сумы и иногда изъ Кеми. И всѣ мы рады этому судну, и всѣхъ занимаетъ оно, и рисуются въ моемъ утомленномъ воображенiи слѣдующiя картины:

Видится мнѣ дряблая, разбитая ногами и голосомъ старушонка, въ крашенинномъ сарафанѣ, съ остроносой сорокой на головѣ, баба плаксивая, богомольная: вывела она сыновей, дождалась и баловливыхъ внуковъ. И вотъ, въ товариществѣ попова Гаранюшки баженника-дурачка, да Матвѣюшки, что по запрошлой годъ медвѣдь ломалъ да не изломалъ совсѣмъ, сама съ клюкой, Христовымъ именемъ пробирается въ невѣдомой ей край.

И дребезжитъ ея разбитой голосъ подъ волоковыми окнами спопутныхъ городовъ, селъ и деревушекъ. Въ деревушкахъ видятъ у старухи котомку за плечами, старенькiе лаптишки подъ котомкой—въ избу зовутъ:

— Богомолушка, кормилица?

— Нѣшто, родимые.

— Куда Богъ несетъ?

— А къ Соловецкимъ, родители, за грѣхи свои Богу помолиться.

— Далеко, кормилушка, далеко. Возьми-ко, сердобольная, гривенку: поставь и за насъ свѣчку тамъ—не погнушайся, богоданная! А вотъ тебѣ пятакъ за проходъ, пирогъ на дорогу; да присядь-ко, косатушка, пообѣдай.

Бредетъ эта старушоночка и цокаетъ, разсказываетъ про свою родину за густыми сосновыми лѣсами ветлужскими и кедровыми лѣсами вологодскими: молитъ она милостинки и у ваганашенкурца и у холмогора-заугольника; приходитъ, наконецъ, и въ длинной Архангельскъ, но уже не съ пустыми руками, хотя и съ разбитыми, сильно-отяжелѣвшими ногами. Поскупится она

заплатить, изъ бережливости и скопидомства, лишній грошъ, ее заставятъ щипать паклю или прясть канатное прядево — и безъ денегъ свезутъ...

И вотъ она на палубѣ огромнаго судна—монастырской лодьи плоскодонной, безобразной, съ старой оснасткой и покроемъ — посреди густой толпы богомольнаго люда. Ѣдетъ тутъ и бородатой раздобрѣвшій купецъ, которому удалось хватить горячую копѣйку на выгодномъ казенномъ подрядѣ; ѣдетъ тутъ и оставленной за штатомъ недальній чиновникъ изъ духовнаго званія, распѣвающій въ досужее время церковныя стихиры и не пропустившій на своемъ вѣку ни одной заутрени и обѣдни въ воскресной день; ѣдетъ тутъ и сухой монахъ дальняго монастыря изъ-подъ Кіева, отправленный со сборною памятью и игуменскимъ благословеніемъ... Ѣдутъ тутъ: и свѣтская архангельская дама-вдова съ томными глазами, со вкрадчивымъ разговоромъ и въ костюмѣ, имѣющемъ претензію на замѣтное кокетство, и бойкая щебетунья-баба солдатка изъ Соломбалы, и длинной семинаристъ богословскаго класса, и дальный сельскій попъ, низкопоклонный, угодливый, приниженный.

Паруса уже налажены, снасти подобраны, остается только вытащить рычагомъ якорь. Всѣ богомольцы стоятъ безъ шапокъ и чего-то ждутъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и при сдержанномъ молчаніи. Вотъ раздается сладенькій голосокъ кормщика:

— Молись, господа! Молись, благословёны—въ путь-дорогу пора. Читай, Кондратушко, молитву на путь шествующимъ!

Вслѣдъ затѣмъ раздается звонкій выровненный, развитой до поразительной чистоты голосъ монастырскаго служки. Богомольцы творятъ молитвы на городскія церкви и потомъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ на каждой непремѣнно блеститъ по одному—по два церковныхъ креста.

Судно трогается и бѣжитъ, если вѣтеръ крѣпко-попутный, и плыветъ лѣниво и вяло, плохо лавируя, если повѣтерье — говоря поморскимъ выраженіемъ—кормщику въ зубы. Бѣжитъ монастырское судно вблизи Лѣтняго берега Бѣлаго моря къ Ухтъ-Наволоку и далѣе открытымъ моремъ.

Трудными повѣнецкими дорогами съ Онежскаго озера идутъ другія партіи богомольцовъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній. То пробираются они по узкимъ тропинкамъ, черезъ

гранитныя скалы, выкрытыя тундрой съ оленьимъ мохомъ и лѣсами съ дряблыми деревьями; то плывутъ они по зеркальнымъ, глубокимъ озерамъ въ утлыхъ, неудобныхъ лодкахъ или на посадъ Суму, или на деревню Сорȯку — людныя и богатыя селенія поморскаго прибрежья Бѣлаго моря. Здѣсь ихъ также принимаютъ на лодьи или монастырскія, или обывательскія. Въ нерѣдкихъ случаяхъ ѣдутъ богомольцы и въ мелкихъ судахъ, карбасахъ.

VI.

КОРЕЛЬСКОЙ БЕРЕГЪ.

Первыя впечатлѣнія прибрежнаго плаванья и первыя деревни этого берега.—Село Кереть и воспоминанія объ англичанахъ.—Островъ Великій и раскольники.—Село Ковда.—Деревня Княжая.—Корелы, ихъ нравы, обычаи и характеръ.

— Прости, крещоная душа, гостенекъ дорогой! Пошли тебѣ Никола Угодникъ да Варлаамій Керетской счастливое плаванье! Ѣдешь ты въ сторону дальную—всякаго горя напринимаешься. Въ живѣ бы тебѣ, заѣзжому человѣку, вернуться назадъ и насъ бы порадовать; а мы тебя въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ не забудемъ. Смотри — неладное что выйдетъ тебѣ: повѣтерья что ли долго не будетъ, въ бурю ли страхъ обуяетъ тебя, въ великое ли сомнѣніе впадешь и соскучишься крѣпко — молитву свою Варлаамію Керетскому посылай. Затѣмъ онъ Батюшко въ нашихъ странахъ и обитель себѣ земную воспріялъ. Молись ты ему—пособляетъ.

Такими совѣтами и напутствіемъ провожалъ меня мой кемской хозяинъ, когда готовъ уже былъ карбасъ, чтобы вести меня въ глухую даль Архангельской губерніи, къ сѣверу отъ Кеми, вдоль Корельскаго берега Бѣлаго моря.

Чистыя, свѣтлыя комнаты отводной городской квартиры замѣнило на этотъ разъ утлое суденко—карбасъ—въ два аршина шириною, на восемь аршинъ въ длину, шитое деревянными гвоздями и вичью. Родъ кибитки — по здѣшному бóлокъ (изъ гнутыхъ деревянныхъ ободьевъ, обтянутыхъ заплатанной парусиной и накрытыхъ поверхъ всего рогожкой, которою затяги-

валась также задняя часть этого навѣса) — долженъ былъ защищать меня и отъ дождя, и отъ крѣпкихъ, порывистыхъ *духовъ* вѣтра морскаго. Четыре плотныя, коренастыя дѣвки, сильныя на рукахъ и *крѣпкія сердцемъ* — какъ выразился мой кормщикъ—сѣли на весла напротивъ, ближе къ носовой части карбаса. Сзади меня, на руль, помѣстился мужикъ кормщикъ—дорогое, самое главное и самое важное лицо, отъ умѣнья и смѣтливости котораго зависѣло все мое настоящее. Четверо гребцовъ прекраснаго пола, какъ объясняли мнѣ, служили на этотъ разъ замѣною пары лошадей (кормщикъ, стало-быть, правилъ должность ямщика) на томъ основаніи, что *горою* по здѣшному, или берегомъ по просту, лѣтомъ ѣздить никакой нѣтъ возможности. Огромныя гранитныя скалы, наваленныя грудами безъ всякаго порядка, глубокія щелья, выстланныя болотными, неподнимающими даже легкую ногу оленя, зыбунами, залегли на всемъ пространствѣ бѣломорскихъ прибрежій, и обусловливаютъ, такимъ образомъ, возможность ѣздить только моремъ, вблизи береговъ, на карбасахъ почтовыхъ или на *обязанныхъ*, такъ называемыхъ *обывательскихъ*. Такимъ путемъ ѣздитъ почта отъ селенія Унежмы (на поморскомъ берегу) до Колы; также точно ѣздятъ и чиновники земской полиціи по Терскому берегу.

Естественно, что особенныхъ удобствъ въ этомъ способѣ переѣздовъ не предвидится. Низенькая, наскоро гнутая и неладно приложенная кибитка не даетъ возможности принимать иное положеніе, кромѣ сидячаго (и то въ рѣдкихъ, счастливыхъ случаяхъ), или полулежачаго на подстилкѣ, замѣняемой въ нѣкоторыхъ случаяхъ шкурою бѣлаго медвѣдя или оленьей постелью; въ большей части другихъ—просто ворохомъ сѣна, накрытымъ рогожкой или старымъ, рванымъ и отслужившимъ свой вѣкъ парусомъ. Вылѣзти изъ этой берлоги на свѣжій воздухъ—помѣшать греблѣ: карбасъ коротокъ и узокъ; повѣтерье—не всегдашнее подспорье въ морскихъ плаваніяхъ; лежать подъ навѣсомъ—истощить весь послѣдній запасъ терпѣнья и имѣть непріятность слышать тяжолой запахъ одуряющей трески, которою (на два дня) запасаются гребцы на случай того несчастія, когда крѣпкій вѣтеръ и сильное волненіе посадитъ на голую, безплодную луду. Однимъ словомъ, скучнѣе, безпривѣтнѣе прибрежнаго плаванія въ карбасѣ трудно вообразить себѣ что либо другое. Однообразно покачиваются впередъ и назадъ, упи-

раясь на весла, гребцы — дѣвки и бабы, когда спокойно море и не заводится ни одинъ изъ вѣтровъ, или ходитъ одинъ и вѣчный, но настолько слабый, что не способенъ даже слегка надутъ парусъ. Завизжатъ гребцы отъ скуки пѣсню и разведутъ ее на многія версты, на долгое время, чтобы спорилась работа и уходило впередъ докучно-навязчивое время. Подпоетъ имъ козелкомъ—всегда молчаливый, всегда сосредоточенный на своемъ рулѣ кормщикъ—и почти только. Слушаешь эту пѣсню, привыкаешь къ едва-выносимому визгу, но удовлетворяешься немногимъ; пѣсня поморская не богата содержаніемъ: или занесена она съ гульливой святочной посёдки, или съ веселаго свадебнаго ликованья, и почти все таже, что и въ дальнихъ мѣстахъ Великой Россіи. Не услышишь этой пѣсни подъ воскресенье, не допросишься и ничѣмъ не умирволишь гребцовъ на праздничную пѣсню на середу и пятницу по вечерамъ, а тѣмъ болѣе ночью, на этотъ разъ коротенькою, свѣтлою, полярною. Пѣсня въ такихъ случаяхъ, и то только на настойчивый спросъ и просьбу, замѣняется плаксиво выпѣваемой стариной про Егорья— свѣта храбра, про Романа Митріевича млада, про царя Ивана Грознаго, про сонъ Богородицы и про другое прочее; на за то уже такихъ старинъ нигдѣ, кромѣ сѣвера не услышишь.

Начнется (*падетъ*, *завяжется*, по туземному говору) вѣтеръ — гребцы выберутъ весла на карбасъ, наладятъ два косыхъ паруса, недавно только въ народномъ употребленіи замѣнившихъ прямые, тяжолые, несподручные, зарочатъ (закрѣпятъ) шкотъ и дадутъ свободу по волѣ и прихоти вѣтра бѣжать утлому карбасу по широкому, неоглядному приволью моря. Весело сидится тогда въ суденкѣ, и ничто не увлечетъ подъ тотъ навѣсъ, который даже плохо защищаетъ отъ дождя; весело смотрится тогда и на море, по которому гуляютъ свѣжія, бойкія волны: одна плеснется на бортъ и брызнетъ крупными каплями, обольетъ грудь и заслѣпитъ глаза; другая, какъ будто обезсиливъ, разпластается раньше, не достигши карбаса, и зальется вся новой волной, болѣе сильной и болѣе бойкой. Со стономъ и визгомъ плещутся эти волны на каменныхъ переборахъ, какъ-будто тяготятся спопутьемъ ихъ, и какъ бы хотятъ и осилить эти груды камней, и стереть ихъ съ лица земли. Глухимъ гуломъ тѣхъ же плещущихся, неугомонныхъ волнъ отдаетъ и дальній берегъ, какъ чорная стѣна, навѣсившійся

надъ шумливымъ моремъ. По всей взрытой волнами поверхности его, по временамъ, но часто, вскипаетъ пѣна, бѣлѣющая какъ клочьи пушистаго снѣга, «бѣльки»—по туземному, разгоняемые новыми волнами и вновь вскипающіе на гребняхъ волнъ, какъ будто опять-таки для того, чтобы сильнымъ прибоемъ послѣднихъ быть прибитыми къ отмелымъ мѣстамъ ближайшой луды. Вѣтряной теменью съ разорванными облаками—чорными *свинками-вѣтрянами*, по туземному — глядитъ чорная даль небосклона, откуда тянетъ *попутникъ*, и все небо, по бо̀льшей части, въ этихъ случаяхъ, хмурое и непривѣтливое, какъ будто опустилось внизъ и хочетъ надавить и тѣмъ усилить и волненіе, и порывы вѣтра (*духи, зо̀ри* — по морскому говору). Вѣтеръ то̀ *подпадетъ*—прибудетъ, усилится, то *охлябнетъ, опристанетъ* —уменьшится, но въ тѣхъ и другихъ случаяхъ иногда и *подволяетъ*—держится въ парусахъ, крѣпко надутыхъ и значительно вытянутыхъ. Накренивъ на правой бокъ карбасъ, мимо мчитъ онъ все спопутное: гранитную луду—голой камень, гранитной островъ, нерѣдко съ утлой промысловой избенкой, съ медвѣдемъ, сидящимъ на корточкахъ и сосущимъ лакомую ягоду, и всегда съ цѣлыми гнѣздами крикливыхъ, докучливыхъ чаекъ, робкихъ утокъ, ныряющихъ въ воду и долго невыстающихъ при людскомъ приближеніи. Нагнувшійся на бокъ карбасъ смѣло рѣжетъ набѣгающія волны своею грудью—носовой частью—всегда острою и значительно приподнятою надъ всѣми остальными частями суденка. Хлопотливой кормщикъ сгонитъ гребцовъ на дно карбаса дальше отъ носа, и еще внимательнѣе слѣдитъ за рулемъ, и еще крѣпче налегаетъ мускулистыми руками своими на руль и его ручку — и бѣжитъ себѣ карбасъ бойко впередъ, все дальше и дальше и не на шутку сердишься, не на шутку негодуешь, когда вѣтеръ, мало по малу *спадая* (стихая, подпадая) начнетъ болтать парусами, кидаясь въ нихъ съ разныхъ сторонъ. Волей-неволей гребцы роняютъ паруса, свертывая ихъ на мачту, вынимаютъ и эту мачту и кладутъ къ боку на судно, и опять садятся въ весла, и опять завизжатъ отъ скуки пѣсню или начнутъ обмѣниваться остротами или замѣчаніями, въ родѣ такихъ, что вотъ-де:

— Дурилъ, дурилъ вѣтеръ, да и схлябалъ...

— Не грозно-же стало вѣтра-то!

— Ну, да гдѣ взять грозно-то?

— Не греби съ пдергой (неровно, урывочно) — весло сломаешь; а греби въ рóстягу—не часто, а покрѣпче, и не по мурмански—не далеко пускай весло въ воду, а греби имъ по верху—и легче груди бываетъ, и суденко шибче бѣжитъ, круче беретъ.

— Спасибо стужа — подживила ноги, приговариваетъ отъ себя и молчаливой кормщикъ, когда гребцы, снявши съ рукъ ситцевые нарукавники и обронивъ паруса, охотно берутся за весла. Скоро подается карбасъ на сильныхъ и привычныхъ рукахъ поморокъ, хотя успѣваютъ надоѣсть до крайности стороннiе, скудные однообразiемъ виды: чорные тундристые берега, всѣ лѣсистые, всѣ словно вымерзшiе, и безжизненныя каменныя луды, по другой сторонѣ. Съ терпѣнiемъ и кротостью примиряются гребцы съ своей скучной, утомительной обязанностью и не шутя негодуютъ на то горе, когда вѣтеръ вдругъ перебѣжитъ на противоположную сторону неба и подуетъ съ носа *повѣтерьемъ коршику въ зубы*, говоря словами шутливаго присловья. И обзываютъ дѣвки, и смѣются искренно тѣмъ встрѣчнымъ счастливцамъ, которымъ пало повѣтерье:

— Оброни парусъ-отъ, опружитъ.

Опружитъ—никто и потужитъ, отвѣчаютъ тѣ также хладнокровно, какъ хладнокровно успокоиваютъ себя и несчастные труженники, у которыхъ теперь вся надежда на свои силы и руки. Они умѣютъ успокоивать себя простымъ приговоромъ, «въ морѣ по тиши вѣтеръ и по вѣтрѣ тишь», т. е., что въ лѣтнее, *межонное* время непостоянство вѣтровъ изумительно, что часто въ одинъ день вѣтеръ успѣваетъ обойти кругомъ всѣ румбы компаса и не остановиться ни на одномъ изъ нихъ на долго. Также скромно радуются они всякому горному (дующему съ берега) вѣтру, будь хоть это—*шальной* шалоникъ (SW), который, по ихъ присловью, безъ дождя мочитъ, т. е. не пуская волненiя (взводня) пылитъ, бросаетъ на карбасъ брызги, особенно если придется ѣхать къ нему на встрѣчу, Также добродушно смѣются, въ свою очередь, осчастливленные повѣтерьемъ надъ тѣми, которымъ вѣтеръ не благопрiятствуетъ:

— Эхъ бы тебѣ съ носу поносу — далеко бы ушолъ!

Также простодушно - весело выбираютъ гребцы въ карбасъ эвой весла, когда падетъ опять повѣтерье, способное напол-

нить паруса, и также простодушно острятъ между собою, принявшись за ѣду отъ скуки и ради препровожденія докучнаго времени.

— Коршикъ! какое у тебя молоко-то?

— А бѣлое.

— Есть ли пареное-то (топленое)?

— Затѣмъ, вишь, нѣтъ, что солнцо-то закатилось.

— Мы рыбу-то, товарищъ, съѣли: тарелочку въ воду бросимъ.

— Брось, отвѣчаетъ кормщикъ:—да и руки-то брось.

— Да не выкинешь, не угораздишься...

— Приложу стараніе, любезна, для тебя: возьму черезъ лѣтико замужъ за себя!—отвѣчаетъ и на это замѣчаніе тотъ же кормщикъ словами пѣсни и, передавши руль которой нибудь изъ гребцовъ, самъ также принимается за ѣду, состоящую обыкновенно изъ пироговъ—згибней, вареной трески, а иногда и сырой (послѣдняя считается у нихъ не менѣе лакомой и вкусной пищей), изъ молока, изъ лепешокъ, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ шанежекъ и проч. Потрапезовавши и укутавшись въ полушубки, гребцы вслѣдъ затѣмъ лягутъ спать и съ большею притомъ охотою, если день пойдетъ на вечеръ или ночь застигнетъ карбасъ на пути. Кормщикъ отвѣчаетъ тогда за всѣхъ и за все, и не нарадуется за себя, тогда опять стихнетъ вѣтеръ и придется ему будить своихъ товарокъ. Общая и безграничная радость для всѣхъ наступаетъ въ то время, когда, наконецъ, зачернѣетъ въ береговой темени устье рѣки и расширится оно съ своими недальними берегами, обѣщая за слѣдующими наволоками, за дальними колѣнами рѣки, верстахъ въ 5, 6, 10 отъ моря, вожделенное селеніе, взятое рѣшительно съ бою и долгимъ, утомительнымъ трудомъ сколько для гребцовъ, столько, кажется, и для сѣдока, извѣстнаго обыкновенно подъ общимъ именемъ «начальника». Весело на тотъ разъ смотритъ деревушка, раскинувшаяся по обоимъ берегамъ всегда порожистой, всегда, слѣдовательно, шумливой рѣки, съ опрокинутыми карбасами, съ доживающими послѣдніе дни негодными лóдьями, шнякáми, рáншинами и проч. Привѣтливо машутъ флюгарки, во множествѣ укрѣпленныя на высокихъ, длинныхъ шестахъ, прислоненныхъ къ амбарушкамъ, построеннымъ у самой воды; евесло глядятъ и двухъ-этажныя, всегда внутри чистыя избы

и старинная, всегда деревянная церковь. Лаютъ собаки, кричатъ и плещутся въ рѣкѣ маленькіе ребятишки; все это, взятое вмѣстѣ, напоминаетъ иную жизнь, болѣе знакомую, родную, хоть на этотъ разъ и дальную, и потому еще болѣе пріятную, дорогую и неоцѣненную.

Тоже точно испытываешь и въ первой деревнѣ отъ Кеми— Лѣтней; тоже и во всѣхъ остальныхъ Корельскаго берега.

Лѣтняя деревня (на мой проѣздъ) значительно обезлюдѣла: всѣ обитатели ея ушли на Мурманъ за треской, по найму отъ богатыхъ поморовъ Кемскаго берега: кемлянъ и шуерѣчанъ. Въ сентябрѣ вернувшись домой, они до 1 марта живутъ въ деревнѣ; нѣкоторые, уходятъ впрочемъ, на Терской берегъ, на подрядъ за семгой, недѣль на 5, на 3—4. Тогда же, оставшіеся дома бьютъ на льдахъ нерьпу; но промыселъ этотъ не составляетъ для нихъ особенной важности и производится почти исключительно отъ нечего дѣлать, ради страсти попытать счастія и приключеній. Семгу ловятъ по взморью (въ рѣку она не заходитъ), а въ рѣкѣ добываютъ сельдей и сиговъ, но исключительно для домашняго потребленія. Рѣдкій сѣетъ жито (ячмень) и то по немногу. Дальше, сѣвернѣе Лѣтней, хлѣбъ уже не родится, и не дѣлается даже никакихъ попытокъ къ тому. Лѣтняя, какъ и всѣ остальныя деревни и села бѣломорскаго поморья, выстроилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, по той же причинѣ, чтобы и во время прилива морской воды имѣть подъ руками годную въ питье прѣсную воду, и опять-таки для того же, чтобы укрыться за прибрежными скалами отъ сильныхъ непогодей, всегда гибельныхъ по зимамъ и осенямъ.

Также точно, версты за двѣ отъ моря, расположилось и слѣдующее за Лѣтнею селеніе *Пóньгама*, раскинутое на трехъ рѣчонкахъ: Пóньгѣ, Кузёмѣ и Вóньгѣ, богатой семгой, для которой всегда строится заборъ. Отсюда на Мурманъ ходятъ рѣже; за звѣрями почти совсѣмъ не выходятъ. Деревня эта наполовину заселена корелами. Въ ней, между прочимъ, указываютъ на два деревянныхъ креста, которые будто бы поставлены еще св. митрополитомъ Филиппомъ, когда онъ былъ соловецкимъ игуменомъ.

Отъ Пóньгамы до слѣдующаго селенія на Корельскомъ берегу моря—Кáлгалакши, считаютъ моремъ 50 верстъ, но такихъ, впрочемъ, про которыя сами же поморы говорятъ, что

«мѣряла ихъ баба клюкой, да и махнула рукой: быть-де такъ». Намъ на зло, всю дорогу въ воздухѣ стояло такое затишье, которое лишало всякой возможности наладить паруса. Привелось идти греблей, привелось до утомительнаго притупленія зрѣнія созерцать дальной лѣсистой берегъ, который то поднимается горой и какъ будто сростется съ дальнымъ небосклономъ, то пологого опустится внизъ, выясняя чернѣющуюся ложбину: можетъ быть, устье рѣчонки, можетъ быть, горло губы съ соленой водой, съ морской рыбой. Дальше, за лѣсомъ этимъ, навѣрно, тянется болото, корельское болото, которое захватило три—четыре дальнихъ губерніи, которое безпривѣтно подошло къ самой Невѣ, усыпанное зыбунами, огромными и маленькими озерами, большими рѣками, рѣчками и ручейками, то болото, на которомъ вся растительность—мохъ да водоросли, на которомъ всѣ проявленія жизни—крикъ перелетной болотной птицы, кваканье лягушекъ, шатанье безпріютнаго космополита—медвѣдя, рысканье голодныхъ волковъ и мелкаго звѣря, тѣхъ же лисицъ, горностаевъ, пожалуй, даже соболей и бобровъ. Рыщетъ по мертвеннымъ и все мертвящимъ мѣстамъ этимъ заблудившійся, не попавшій еще подъ пулю охотника дикій олень, живетъ кое-какъ пріютившійся на сухихъ мѣстахъ этого же болота, подлѣ рыбныхъ озеръ и рѣкъ, корелъ, привлечонный сюда богатствомъ рыбы и звѣря и обязанный къ тому неимѣньемъ лучшаго мѣста и неумѣньемъ понимать лучшую жизнь, чѣмъ та, на которую осудили его историческія судьбы.

Ровно четырнадцать часовъ нужно было намъ для того, чтобы осилить греблей это пятидесяти-верстное пространство между Пòньгамой и Кàлгалакшой. Привелось испытать въ это время, Богъ вѣсть, какую тоску и какія страданія; привелось выходить на ближнія луды, чтобы дать возможность уставшимъ гребцамъ расправить руки и наболѣвшую спину; привелось наглазно видѣть всю справедливость поморской пословки: «тихо—не лихо, да гребля лихà». Вдоволь навизжались пѣсенъ дѣвки-гребцы; вдоволь успѣло наскучить и напротивѣть все непривѣтное, какое-то мрачное, тоскливое однообразіе прибрежныхъ видовъ: спугнули мы и орла съ одной луды, видѣли и опять медвѣдя, сосущаго ягоды на другомъ острову, слышали и усиленные крики утки, на которые поспѣшили всѣ ея робкіе выводки, при приближеніи нашего карбаса, спрятаться въ воду и

не показывались во все время, когда мы ѣхали подлѣ. Привелось прислушаться ко всѣмъ переливамъ, ко всѣмъ тонамъ голоса кормщика, которымъ онъ ободрялъ гребцовъ: чѣмъ-то безконечно-ласковымъ звучалъ этотъ голосъ въ крайнихъ случаяхъ, когда сильно *мырила* вода на встрѣчномъ сувоѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ встрѣчалась убылая вода съ прибылой, или когда сильно *садила* она и, словно камнями, звучно и сильно бросалась всплесками въ борта карбаса.

— Приналягъ, други; осчастливь, товарищи! бери, мои богоданные, посильнѣе да покруче. Золотомъ озолочу васъ и по всему свѣту славу пущу, что съ этакими товарищами и умирать не надо?—кричалъ кормщикъ, и гребцы, даже прискакивая на скамейкахъ, дружно и сильно, хотя и медленно, выгребали карбасъ въ то мгновеніе, когда онъ почти готовъ былъ повернуться носомъ назадъ, а можетъ быть, и опрокинуться днищемъ кверху. Также сосредоточенно-молчаливо гребли они дальше на всемъ пути, также визгливо пѣли свои небогатыя складомъ и ладомъ пѣсни, также принималися они за ѣду сырой трески и кислаго молока, пока, наконецъ, всѣмъ намъ не привелось увидѣть Ка̀лгалакшу, удаленную уже на значительное разстояніе отъ моря, разсыпанную кучками на какой-то морской, болотистой трясинѣ, по берегу мелкой, порожистой рѣчонки того же имени. Калга̀не, толпой наполнившіе всю избу, въ которой мнѣ привелось остановиться, поразили меня своимъ многолюдствомъ, тѣмъ болѣе въ такое время, когда по всѣмъ деревнямъ Поморья остается почти исключительно одинъ только женскій полъ. Посѣщеніе ихъ казалось мнѣ празднымъ и праздничнымъ. Словоохотливые посѣтители объясняли все это тѣмъ, что на Мурманъ, послѣ недавней войны, они не успѣли обрядиться, но что вотъ подождутъ осени — станутъ тюленей стрѣлять на льдинахъ или ловить ихъ сѣтями; что лѣтомъ въ озерахъ по близости попадаются сиги, по губамъ морскимъ — сельди, но что они въ продажу ихъ не пускаютъ; что семга въ мелкую рѣчонку ихъ не заходитъ; что держатъ они и скотъ, для котораго по морскимъ лудамъ и прибрежьямъ растетъ много и довольно сносной травы, лучшей, впрочемъ, только на одномъ Кочка̀мъ-Наволо̀кѣ, при которомъ хорошее, безопасное становище и проч.

Предполагая еще разъ встрѣтиться съ калга̀нами на обрат-

номъ пути, я спѣшилъ забраться въ дальнія мѣста интересныхъ кольскихъ и мурманскихъ предѣловъ. Пѣшкомъ, по болотнымъ кочкамъ и грязнымъ рытвинамъ, не просыхающимъ во все лѣто, провели меня версты двѣ до того мѣста, куда отведенъ былъ изъ рѣчонки карбасъ. Путь на двѣнадцать верстъ шолъ по озерамъ; перешейки — *переволоки*—между ними были прорыты канавами (версты на 3) для того, чтобы сократить дальній, почти сорокаверстной объѣздъ моремъ. Гигантскихъ трудовъ, терпѣнія многихъ лѣтъ и силы многихъ сильныхъ рукъ стоило выворотить огромные камни, чтобы сдѣлать между ними проѣздъ, глубокой, по крайной мѣрѣ, на столько, чтобы, можно было подняться *ѣздовому* карбасу, и узкой до того, что гребцы вылѣзли на берегъ и вели судно руками, ежеминутно спотыкаясь, ежеминутно торкая о каменья карбасъ, который, по словамъ ихъ, и году не живетъ на этихъ поѣздкахъ. Радостно, охотно хватались гребцы за весла, когда, наконецъ, кончались эти каналы и выплывало на встрѣчу намъ широкое озеро, обставленное гранитными скалами, съ которыхъ подчасъ опускалось картинно, надъ самою водою, вѣтвистое, густое дерево. Озеро это, своей невозмутимой гладью, своей зеркальной поверхностью, чѣмъ-то давно знакомымъ, хотя въ тоже время и нѣсколько своеобычнымъ, успокоивало на время, какъ будто вознаграждало за понесенные труды и терзанія всѣхъ насъ. Привѣтливо, наконецъ, глянуло и море, даль котораго на всѣ 12 верстъ закрыта была отъ насъ цѣлымъ архипелагомъ каменистыхъ лудъ, о которыя съ громомъ разбивались волны, пуская дальше густую бѣлую пѣну. Спопутный вѣтеръ довершилъ общее довольство и не больше, какъ на 8 часовъ, сократилъ намъ весь путь отъ Калгалакши до Гридина, весь этотъ 25-ти верстный переволокъ.

Также бѣдно глядитъ и эта деревушка, также полна изба набралась народу, жаловавшагося на свое бездолье, какъ и во всѣхъ прежнихъ селеньяхъ Поморья, и также всѣ единогласно причиною своего бездолья выставляли недавнее посѣщеніе непріятелей, непускавшихъ ихъ въ море, воровавшихъ ихъ скотъ, и проч. Жаловались также на медвѣдя, который давитъ скотъ, который здѣсь также вѣренъ своей привычкѣ—зарывать остатки, глубоко въ землю, про запасъ, до другаго раза. Разсказывали также, что ловятъ они и лѣснаго звѣря, преимущественно ли-

сицъ, продавая по три рубля шкуру. Сельдей (извѣстныхъ величиною своею) ловятъ неводами съ Успеньева дня до льду, «а живетъ море—такъ и до Рождества тянутъ». Весной выходятъ на морскаго звѣря, съ тѣми же снарядами, съ тѣмъ же рискомъ, почти на вѣрную смерть какъ и на Зимнемъ, Мезенскомъ, Канинскомъ и другихъ берегахъ Бѣлаго моря. Также точно и гридяне, какъ и мезенцы плаваютъ за звѣремъ туда, куда вѣтеръ потянетъ, и для этого запасаются печонымъ хлѣбомъ, калачами, крупой и рыбою на два и на три мѣсяца. Но появленіе звѣря въ Кандалажской губѣ обусловливается выволочными вѣтрами; не будетъ ихъ—юрова почти всѣ останутся въ рукахъ мезенскихъ поморовъ; падутъ эти вѣтры—поживятся и корельскіе, а съ ними, конечно, и терскіе поморы. Точно также отъ случайности зависитъ, и добыча бѣлухъ, которыхъ иногда рано закрутившіе холода *опеленуютъ* льдами на всю зиму и такимъ образомъ не дадутъ имъ выходу до поздней весны. Хаживали отсюда прежде и на Новую Землю; чаще, чѣмъ теперь, обряжали покруты и на Мурманъ; но теперь подошли тугія времена и тяжолыя невзгоды, и обѣднѣло Гридино, какъ бы въ подтвержденіе другой поморской пословицы, что «противъ руля вода не течетъ».

Семьдесятъ верстъ привелось мнѣ ѣхать за тѣмъ до слѣдующаго селенія Корельскаго берега Кѣрети. Рѣже попадались на всемъ пути этомъ острова, которыхъ такъ много на пути, ближномъ къ Кеми; но и эти острова, какъ и всѣ острова Кандалажской губы, *глубокіе*, т. е. такіе, около которыхъ, по общему сознанію, можно становиться о-берегъ на самыхъ большихъ судахъ.

Село Кѣреть едва ли не самое лучшее изъ всѣхъ селеній Корельскаго берега. Сбитое въ кучу и раскиданное на значительномъ пространствѣ по горѣ и подъ горою, селеніе это пестро глядитъ обшитыми тесомъ и выкрашенными двухъ-этажными избами; множество амбарушекъ, не развалившихся, запертыхъ неломанными замками, пріютились къ рѣкѣ и пристани. Самая рѣка Кереть, по обыкновенію, также порожистая и также, стало-быть, шумливая и богатая семгой какъ и другія бѣломорскія рѣки, глядитъ какъ-то празднично: у прибрежьевъ ея, ближе къ устью, качается не одна, но пять ладей, и не гніющихъ за давностью лѣтъ и невозможностью быть употреб-

ленными въ дѣло, но съ налаженными снастями, съ живыми людьми на палубѣ. Между этими крупными и безобразными судами видятся двѣ шкуны, красиво срубленныя по вѣрному, толковому чертежу, а не доморощеннымъ путемъ, и видимо — умнымъ хозяиномъ, который измѣнилъ (на общій примѣръ и благое поученіе) закоренѣлой обычай прадѣдовъ держаться лодей и шнякъ до потопной конструкціи и вида. Если прибавить ко всему этому казенные винные подвалы, соляной и хлѣбной амбары, то село Кереть можно рѣшительно назвать посадомъ, по крайной мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ понимается посадъ или безъуѣздный городъ дальной Россіи.

Случай привелъ меня въ двухъ-этажный, зеленый съ мезониномъ, домъ туземнаго богача и далъ мнѣ возможность видѣть, какою роскошью (относительно) обставляютъ себя эти богачи-монополисты. Нѣсколько чистыхъ, свѣтлыхъ комнатъ съ крашенными полами глядятъ празднично; шпалеры, оклеивающія стѣны, не дурнаго рисунка, хотя и поразительной пестроты и яркости. По внѣшному виду комнатъ, можно заключить, что хозяинъ—купецъ и придерживается старины, если принять во вниманіе, что всѣ иконы съ позолоченными ризами стариннаго письма, что подъ кіотою на тяблѣ стоитъ ручная курильница, святая вода въ бутылкѣ, псалтырь стариннаго изданія (во Львовѣ) и ни одной просфоры ни тутъ, ни въ кіотѣ; не видать и прошлогодней вербы, не видать и первокрестнаго яйца пасхальнаго. Комнатныя двери — росписныя; на столахъ клеенки; по стѣнамъ лучшаго изданія портреты царской фамиліи; четверо часовъ, изъ которыхъ одни, съ кукушкой, старинные, и другіе густаго звона и послѣдняго рисунка, выписанные изъ Петербурга; много шкафовъ со стеклами, завѣшанными ситцевыми занавѣсками, набитыхъ до верху фаянсовой и фарфоровой норвежской посудой; много зеркалъ, также вѣроятно, вывезенныхъ изъ Норвегіи; старинные диваны и стулья-жосткіе, съ высокими спинками. Между печью и ближной стѣной, за ситцевой занавѣской, чистый, свѣтлый, мѣдной рукомойникъ надъ тазомъ и бѣлое, какъ снѣгъ, полотенцо. Вотъ все, что бросилось мнѣ въ глаза и пріятно радовало всѣми своими подробностями, всею чистотою и своеобразіемъ. Видно было, что живетъ здѣсь купецъ и купецъ богатый. Наконецъ явился ко мнѣ и самъ онъ, съ лукавой, умной усмѣшкой, съ

ласковымъ словомъ и привѣтомъ, въ синей сибиркѣ и смазныхъ, ужасно скрипучихъ сапогахъ. На огромномъ, полновѣсномъ серебряномъ подносѣ принесла намъ изъ за притворенной хозяйской комнаты чай съ *лимономъ*, сливками, архангельскими баранками, при поясныхъ, низкихъ поклонахъ, сама хозяйка въ бѣломъ ситцевомъ съ цвѣточками платьѣ — безобразно-толстая баба, расплывшаяся какъ опара, какъ грибъ-дождевикъ. Началось питье чая до седьмаго пота; тотчасъ же за чаемъ явилось угощеніе пирогами, всѣми сортами соленой бѣломорской рыбы; тутъ же—откуда ни взялись — явились и кедровые орѣшки, и вяземскіе пряники, и изюмъ, и еще что-то. Все это надо было ѣсть, чтобы не обидѣть отказами хозяевъ и чтобы, наконецъ, себя самого избавить отъ поясныхъ поклоновъ и докучныхъ просьбъ: того отвѣдать, этого хоть — пригубить, къ этому *призорецъ* оказать; все это—говоря короче—напоминало мнѣ здѣсь нашу матушку Волгу и ея хлѣбосольныхъ жителей. Наконецъ, также по обыкновенію, послѣ обѣда, хозяинъ утопилъ меня въ высокихъ, мягкихъ пуховикахъ и вышолъ на цыпочкахъ внизъ, гдѣ на то время, какъ помнится, замолчалъ, вѣроятно, по его же приказу, и ткацкой станокъ, и какое-то строганье и пиленье. Утомленному долгимъ путемъ и мученіями морскихъ переѣздовъ, отдыхъ, естественно, кажется раемъ больше, чѣмъ когда либо въ другихъ случаяхъ жизни; тутъ едва ли какой, даже самый громкій стукъ и крикъ способенъ нарушить сонъ, всегда крѣпкій и пріятный. На карбасѣ успѣешь подремать часъ или два, много три; но либо плескъ волны, либо настойчивая тяга свѣжаго надводнаго воздуха, либо порывистый духъ вѣтра обольютъ мурашками все тѣло и, разбудивши, приведутъ тотчасъ въ тоже состояніе, въ какомъ находится крайне-бодрствующій человѣкъ.

По пробужденіи моемъ, явились кофе и чай, и опять хозяинъ съ словоохотливыми, подробными разсказами о посѣщеніи недавняго непріятеля.

— Приходили, приходили и къ намъ! говорилъ онъ мнѣ. Высадились на берегъ: мужичковъ встрѣтили — ничего не сдѣлали имъ: мы, говорятъ, пришли не по васъ и вашего-де намъ ничего не надо, быть-де и стрѣлять васъ не станемъ. Заходили въ церковь — ничего тамъ не взяли; гуляли по горамъ — ромъ свой пили; другихъ совсѣмъ пьяныхъ такъ и тащили на

баркасъ. Спрашивали затѣмъ: что-де у васъ казеннаго? А вотъ — говорятъ — соленой, винной да хлѣбной амбары. Жги, говорятъ, винной!—и огня подложили. Мужички наши въ слезы: пощади-де! Нѣтъ, говорятъ, поздно: горитъ ужъ! Хотѣли жечь и другіе амбары. Наши просили соли: вотъ-де рыбушка къ осени пойдетъ — солить будетъ нечѣмъ, съ голоду помремъ. Дали четверть часа сроку—носи-де, что успѣешь; просили хлѣба: хватай-де и его сколько можешь, а мы-дескать остальное сожжемъ; да упросилъ переводчикъ толковой человѣкъ, на нашу рѣчь такой бойкой, понятливой и словно бы знакомой, архангельской. Разспрашивали про шкуну, да спрятана была верстахъ въ 20-ти, въ губѣ, и мужички — спасибо имъ? — не сказали гдѣ. Ну ладно! говорятъ, теперь мы искать твою хорошую шкуну не станемъ: нужно-де поспѣшить получать на Сосновцѣ (островѣ) почту, а получимъ ее, да назадъ придемъ — смотрите! — худо будетъ. Съ тѣмъ и ушли, и опять-таки слово свое сдержали — вернулись; спустили баркасъ на наше селенье, да увидѣли, что наши керечана по горѣ съ ружьями побѣжали къ нимъ на устрѣту — драла дали и — не ворочались ужъ, а пошли на Кȯвду. Тамъ тоже высадили другаго переводчика съ матросами; бродили по деревнѣ много, подчивали кȯйдянъ ромомъ, возили на пароходъ—показывали. Наши-то распоясались — попросили пропустить ихъ на Мурманъ за треской, мимо Сосновца. Пожалуй, говорятъ, мы и дадимъ знать своимъ-то аглечкимъ, такъ вишь-де тамъ французъ еще есть, а этотъ негодяй, того и гляди, всѣхъ васъ перерѣжетъ, не токма-что все поотнимаетъ». Тѣмъ и рѣшили. Спрашивали опять казеннаго строенья — не сказали затѣмъ, что другой переводчикъ раньше надоумилъ, и доброй такой человѣкъ и на русскую рѣчь такой тоже легкой. Когда на берегъ вышолъ, сказывали, и шапочку снялъ, и кланялся, и дружкомъ—пріятелемъ назывался. Наши православные хотѣли было и переловить ихъ и перестрѣлять, коли Господь поможетъ, да надумались такимъ дѣломъ, что бѣлый-де царь никогда самъ не начинаетъ, а и они не палили, и ничего не сожгли. Взяли только колоколъ и тамъ что и у насъ же, промѣръ въ рѣкѣ сдѣлали—съ тѣмъ и уѣхали. Послѣ приходили на трехъ барказахъ, да увидѣли, что и тамъ мужики съ пищалями побѣжали, перетрусились, поплыли назадъ. Одно суденко у нихъ сѣло въ сумотохѣ-то этой на

мель, такъ, сказывали, всѣ они такъ и присѣли на днище, словно передъ страшнымъ судомъ грѣшники. Говорятъ, все были старой да малой, кто кривой, кто храмой — всякой сбродъ. А извѣстно ужъ, убогаго человѣка какая храбрость? Приходили они, сказывали,, затѣмъ — къ Ка́ндалакшѣ, да не успѣли слышь, и на берегъ выдти. Ка́лгане приняли ихъ съ перваго слова на пищаль: переводчика того, что въ Ковдѣ выходилъ, убили. Разсердился аглечкой: сталъ изъ пушекъ палить и выжегъ всю деревню, что и Пушлахту же на Онежскомъ берегу, али бо и городъ Колу. Стало, съ ними не заводи ссоры: они не обидчики и съ тобой они, что съ другомъ своимъ. Вотъ хоть бы взять кемскихъ молодцовъ. Тѣхъ взяли въ плѣнъ да выпустить захотѣли — такъ «нѣтъ вишь! (наши - то) такъ не сойдемъ, а дайте намъ на дорогу хлѣба, ружей, карбасъ—намъ -де далеко, съ голоду помереть можемъ, да пущай-де насъ на жилой берегъ, а не на луду, а то-де мы и съ судна вашего не сойдемъ». Такъ и рѣшилъ аглечкой дать имъ хлѣба (ружей не дали, однако). Нашли гдѣ-то карбасъ — посадили (шибко же, знать, надоѣли ребята). «Ступайте, говорятъ, дружки, ступайте ради Христа и Господа, вы-де у насъ только харчей много тратили, а пользы отъ васъ большой не видали; въ нашу-де землю мы другихъ вашихъ отправили, а васъ-де не надо намъ!» А трусливъ же супостат нашъ былъ, трусливъ шибко: спроси не меня, спроси ты объ этомъ у всѣхъ поморовъ, у котораго хочешь , всѣ тебѣ одно скажутъ. Народъ на вражьихъ корабляхъ—самой негодящій былъ, самой такой убогой, что и выглоданнаго яйца не стоитъ—вотъ тебѣ Господь Богъ въ томъ порука! а мнѣ на старости лѣтъ о спасеніи души, а не о лжи какой грѣховной думать. Слышь: кабы смётки у нашихъ мужиковъ больше было—всего бы непріятеля живьемъ половили —ей Богу!...

Обращаюсь опять къ селенію. Пустынное лѣтомъ, оно значительнѣе посѣщается зимой, когда изъ дальнихъ погостовъ лопари и корелы являются сюда во множествѣ, чтобы почтить память св. Варлаамія, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ керетской церкви. Онъ былъ, какъ извѣстно, кольскій священникъ; убилъ свою жену и съ трупомъ ея поплылъ изъ родины океаномъ. У Св. Носа заклялъ онъ какихъ-то вредныхъ морскихъ червей, которые протачивали суда, ходившія мимо,

и остановился выше Керети, въ лѣсу на озерѣ. Часто приходившія сюда ягодницы, съ мірскими пѣснями, заставили его уйти дальше въ глубь корельскихъ болотъ, верстъ за 20: тамъ онъ и умеръ. Тѣло его принесено въ Кереть неизвѣстнымъ человѣкомъ и то мѣсто, гдѣ оно было погребено, означено (и донынѣ сохранившимся) деревяннымъ крестомъ, близъ алтаря. Св. Варлаамію молится здѣшной и дальной поморской народъ о попутной погодѣ и объ удаленіи всѣхъ опасностей морскаго пути.

Новыхъ и столько же мучительныхъ семьдесятъ верстъ легло между Керетью и Ковдою; первыя версты какъ будто и порадовали; мѣста начались довольно красивыя: ѣдешь словно озеромъ тихимъ и чистымъ, кругомъ всю губу обступили высокія горы, съ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, съ зеленой травой; все это картинно опрокинулось въ водѣ и все это представляло тотъ превосходный видъ, который такъ любятъ всѣ богачи цѣлаго свѣта, имѣющіе загородные сады и замки. Одна скала, изъ цѣлаго десятка другихъ сосѣднихъ, отвѣсно, словно стѣна, смотритъ въ море со своимъ рѣденькимъ, какъ бы нарочно вырубленнымъ лѣсомъ, осѣняющимъ ея макушку. Невозмутимая тишина дополняла обаяніе и уносила куда-то далеко, заставляя забыть всю скудость видѣнныхъ уже прибрежьевъ; и забылись бы они, можетъ-быть, также легко, какъ легко натомили душу при постоянномъ, продолжительномъ преслѣдованіи на всемъ пути, еслибы въ тоже время карбасъ нашъ опять не выплылъ въ открытое море. А здѣсь — тѣже отчаянные виды, которые, на этотъ разъ показались еще бѣднѣе и однообразнѣе: море по прежнему ширилось, по прежнему выглядывалъ, далеко вдавшійся въ него, дальной наволокъ, можетъ-быть, съ промысловой избушкой на краю, можетъ-быть, безъ нея, по прежнему выплывали и уходили назадъ луды; на одной, можетъ быть, также поселился, ради морошки и вороницы, медвѣдь, который изъ лѣсной гущи также, вѣроятно, подчасъ выходитъ поглазѣть на воду и, при видѣ карбаса и людей, также лѣзетъ въ гору, въ лѣсины. Услышавши крикъ, поползетъ онъ въ гору шибче и, обшибая лапами спопутные, мѣшающіе бѣгству его сучья, пуститъ стонъ и трескъ, которые звонко отдадутся эхомъ по гладкой поверхности моря; также, можетъ быть, и этотъ медвѣдь переплываетъ черезъ салму на берегъ, гдѣ давитъ коровъ и

оленей, какъ заклятой, исконной ихъ врагъ, какъ ненасытная отъ вѣка лакомка. На половинѣ пути попалась на одной изъ лудъ, на южной сторонѣ, почтовая избенка—станцiонный домъ, или, лучше, баня, гдѣ кое какъ, словно летучiя мыши, гнѣздятся бабы-ямщики и староста-кормщикъ. Къ избушкѣ идетъ пристанишка, дощатая, съ погнившими приступками. Говорятъ, и людей этихъ медвѣдь не прочь обидѣть; говорятъ, что попавшiйся, медленно идущiй и опережонный нами карбасъ была почта, шедшая въ Колу, что человѣкъ, растянувшiйся на днѣ судна, былъ почтальонъ; говорятъ, что почта отъ Архангельска до Колы ходитъ лѣтомъ мѣсяцъ цѣлой въ одинъ конецъ и три-четыре мѣсяца весною и осенью во время распутицъ; говорятъ, что намъ осталось еще до Ковды тридцать верстъ, и что если завязывавшiйся попутникъ съумѣетъ надуть паруса, то мы часа черезъ четыре поспѣемъ на мѣсто; въ противномъ-де случаѣ проѣдемъ еще часовъ десять; говорили и еще многое въ этомъ родѣ... Но я уже не слыхалъ ничего больше: тихая погода, при полномъ солнечномъ свѣтѣ и тепломъ южномъ вѣтрѣ, склонила меня ко сну. Долго ли я спалъ — не помню; просыпаюсь въ то время, когда солнце уже закатилось; наступилъ мракъ столько же и ночной, сколько и происходившiй оттого, что все небо задернуто было чорной тучей. Паруса были обронены, шли греблей; по морю ходилъ взводень, бросавшiй въ нашъ карбасъ крупныя, сильныя волны. Всегда неугомонный и сильный полунощникъ (NO) замѣтно усиливался, страшно было въ этомъ полумракѣ, среди открытаго моря, правой берегъ котораго совсѣмъ пропадалъ отъ нашихъ глазъ вдалекѣ; на встрѣчу выплывала и стояла, словно тѣнь въ туманной картинѣ, встрѣчная луда, вся затянутая туманомъ. Многихъ трудовъ и усилiй стоило гребцамъ, чтобы подтянуть къ ней карбасъ и увидѣть передъ собою высокiй, лѣсистый островъ и за нимъ маленькую губу, по которой ходили мелкiя волны, слегка рябившiя поверхность воды. Губа эта оказалась удобнымъ становищемъ для насъ, тѣмъ болѣе, что и гребцы устали, и вѣтеръ крѣпчалъ ежеминутно съ новой силой, лишая насъ всякой возможности плыть дальше.

— Кажись, и о трехъ бы я головахъ былъ — не повезъ бы тебя, ваше благородье, дальше! — говорилъ мнѣ кормщикъ.

— Пылко стало въ морѣ, несосвѣтимо пылко! Хорошо еще,

что благополучно вынесъ насъ Господи да Варлаамій Керетской — поддакивали ему гребцы-дѣвки.

— Здѣсь намъ переждать придется, пока уляжется погодушка эта: безъ того нельзя; за тебя, вѣдь, мнѣ передъ начальствомъ отвѣчать придется; на то я и кормщикъ, а ты — казенной человѣкъ!

На доводы эти я поневолѣ долженъ былъ согласиться, и полѣзъ вслѣдъ за гребцами по щельямъ и крупнымъ, подчасъ скользкимъ, подчасъ словно обточеннымъ, гранитнымъ камнямъ, представлявшимъ на цѣлые десятки саженъ рѣшительное подобіе петербургской дворцовой набережной. Надъ нашими головами висѣлъ сосновой лѣсъ густой и пустынной; передъ глазами нашими вздувалось и отшибало крутыми волнами, словно море, взбороненное поле.

— Гляди же, пыль какая, словно береста вода то; горитъ, да и все тутъ! — не упустилъ и на этотъ разъ замѣтить кормщикъ, не отстававшій отъ меня во все время, когда я поднимался на гору.

— Мы, ваше благородье, соснемъ-пойдемъ, а тѣмъ часомъ погодушка-то, можетъ, и сдастъ и пуститъ. Право-такъ!—продолжалъ онъ вкрадчиво-льстивымъ голосомъ.

— Ну, вотъ и благодарствуемъ; вотъ съ этакимъ-то начальствомъ мы не прочь хоть все лѣто ѣздить; это по христіянски! — заключилъ онъ же, смѣнивъ просительный тонъ голоса на повелительный, когда получилъ мое согласіе и, махнувъ рукою и головой взбиравшимся на крутизну гребцамъ, весело полѣзъ влѣво. Я потащился за нимъ; шли долго; лѣсъ рѣдѣлъ, открылась площадка и опять море; на площадкѣ избушка разволочная, повидимому, недавно выстроенная, но уже недоступно грязная, какъ и всѣ другія. Въ ней тоже битыя стекла, блестящія радужными отливами, тоже одно заткнуто тряпкой и тоже груда камней, съ углубленіемъ въ серединѣ, замѣняющая печь: тоже — нары, солоница съ солью, буракъ (по здѣшному туезъ) съ соленой треской; рыболовная сѣть не рваная, ведерко съ водой, ломаный топоришко; однимъ словомъ, все то, что, по исконному обычаю, любятъ оставлять въ своихъ избахъ промышленники на случай посѣщенія ея спасшимися отъ бури и незапасливыми путниками. Отъ нечего дѣлать, и тѣмъ болѣе, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ, я пошолъ

бродить по острову, между деревьями котораго (противъ всякаго ожиданія) нашолъ кусты малины, чернику, бруснику, тоже несмѣтное множество морошки, но на этотъ разъ еще ни то, ни другое не поспѣло. Между деревьями, подчасъ высокими, подчасъ значительно толстыми, попадались ель, сосна, береза коренговатая, сучковатая, приземистая, однимъ словомъ — та, которая въ столярныхъ подѣлкахъ извѣстна подъ именемъ корельской. Далеко въ серединѣ лѣсной чащи и, можетъ быть, самаго острова нашолъ я площадку, которая видимо нарочно была очищена для какой-либо цѣли: гнилыя бревна, полузарытыя ямы говорили, что здѣсь было когда-то жилье, но чье? Островъ оказался *Великимъ*, на которомъ, какъ сказывали мнѣ впослѣдствіи, жили старушонки-раскольницы, скитомъ, еще недавно прогнанныя отсюда земской полиціей. Точно такая же пустынь, *Ивановка*, лежитъ въ десяти верстахъ отъ Керети, на пути къ Гридину, и третья — Мягрига близъ Кеми. Но объ нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Семенъ Денисовъ (одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ раскола въ сѣверномъ краю, начитанный, обладавшій удивительною стойкостію характера и неутомимостію) въ своемъ сочиненіи «О запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря», объ островѣ Великомъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Серапіонъ дьяконъ и Логинъ слуга многа лѣта безмолвнымъ житіемъ во отоцѣ морстѣмъ Господеви работавше. Сіи бяху житиліе Киновіи Соловетстѣй и, во время гонительнаго смятенія (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, 1676 года), отлучившеся обители, пріѣхавши на островъ, глаголемой *Великой*, иже близъ Ковденскія волости, и ту пребыша блаженніи время не мало, ангельскимъ живуще житіемъ, яко тридесять лѣтъ Господеви работавше, ни единаго же человѣка видѣвше и еже узнавше чуднѣйши, яко звѣробійцомъ и звѣроловцѣмъ и прочимъ человѣкомъ на островъ той, потребъ ради, присно пріѣзжающимъ. Блаженніи же боготрудницы ниже вѣдоми, ниже познавшеся кимъ бываху. Въ толикая убо лѣта откуда пищу, откуда одежду тѣлеси, отъ кіихъ житницъ, отъ кіихъ сокровищъ пріобрѣтаху: отъ человѣкъ сіе утаися, яко выше естества и постиженія. Егда благоволи Богъ въ послѣднія роды мужи совершенны явити, рыболовцы волости оныя, ловящіе во островѣ, изшедше въ пустыню, обрѣтоша келіи и въ келіи обрѣтоша живуща великаго

отца Павла, прочимъ же ко Господу отшедшимъ. Съ нимъ же бесѣдовавше довольно вся о немъ и спостника его увѣдавше и пищи у него вкусивше и благословеніе пріемше — отъидоша и пріѣхавше въ волость возвѣстиша боголюбцѣмъ, иже еликимъ желаніемъ раченія толико тщаніемъ потрудишася. Потребнымъ ладiицу наполнивше, на островѣ пріѣхавше и много время искавше хождаху, но ничто же обрѣтоша, ниже келію, ниже самаго отца и не токмо тогда, но и послѣжде многожды ходяще, ищуще. По лѣтѣ же единомъ видѣша нѣціи отъ жителей на островѣ ономъ столпъ огнемъ отъ земли и до небеси сіяющъ и разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отъиде, по видѣніи столпа онаго представленіе прознаменовавшу».

Сквозь хитросплетенныя слова этого сказанія можно видѣть причину появленія на этомъ острову впослѣдствіи особеннаго скита отшельницъ, послѣ которыхъ на моихъ глазахъ видѣлись только скудные, ничтожные остатки, которые, можетъ быть, уже и смыло теперь дождемъ, также точно, какъ говорятъ, не осталось уже и слѣда огромнаго скита на огромномъ Тѳпозерѣ (въ глуши корельскихъ болотъ). Скитъ этотъ, по числу старообрядцовъ и по огромному количеству приношеній, присыланныхъ изъ Москвы, съ Урала и изъ другихъ мѣстъ, грозилъ превратиться въ огромной и богатой монастырь, который, какъ говорили, могъ бы сдѣлаться даже соперникомъ Соловецкаго. Скитъ этотъ уничтоженъ въ концѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Между тѣмъ, далеко уже на утрѣ, когда провожатые мои выспались и я самъ досыта нагулялся по острову, вѣтеръ началъ спадать, взводень какъ будто осѣдался и не пугалъ уже своими прежними страшными волнами. Мы, не желая терять времени, поспѣшили направиться къ Ковдѣ, до которой оставалось не больше десяти верстъ. Хотя волны качали насъ какъ въ люлькѣ и часто обсыпали брызгами, хотя самыя весла гребцовъ часто срывались съ волны и не успѣвали захватывать ее круче и глубже, мы, однако, успѣли-таки наконецъ дождаться и той поры, когда смолкнулъ вѣтеръ и взводень постепенно укладывался и улегся уже вѣроятно весь, когда мы повернули въ устье рѣки Ковды. Здѣсь до восьми маленькихъ карбасовъ качались на волнахъ, держась противъ теченія на греблѣ.

— Что это такое?

— Да, вишь, погода какая повадная стояла...

— Ну такъ что же изъ этого?

— Такъ тресочку мелкую ловятъ на уду...

— На носу-то сидитъ удельщица, бросаетъ уду, уда безъ поплавка... на крючкѣ наживка насажена изъ сельдей; къ лесѣ (веревочкѣ)—свинцовой, али бо желѣзной кряжикъ привязанъ. Схватитъ треска наживку: леса зашершитъ о бортъ — рыба твоя, тащи въ карбасъ, снимай съ крючка. Этакъ-то только здѣсь: на Мурманѣ это дѣло большимъ обрядомъ идетъ.

Я обернулся назадъ; прямо вдали моря оттѣнялись синія, высокія горы въ сѣверную сторону отъ нашего карбаса.

— Это Киберинскія ва́раки, и все, что дальше чорной полосой пойдетъ — Терской берегъ; до него считаемъ верстъ 30 Кандалухой, да островами верстъ восемь.

На одной изъ этихъ ва́ракъ свѣтлѣетъ на солнцѣ что-то, какъ будто бѣлая церковь, монастырь.

— А это что такое, бѣлое?

— Снѣгъ. Тамъ онъ во все лѣто не таетъ. Горы эти—самыя высокія; выше ихъ есть слышь—только на Канинѣ. Снѣгъ у насъ вѣчной.

А между-тѣмъ, середина іюля, и такой день, когда тепла градусовъ 16, солнце свѣтитъ во всей его силѣ и небо необыкновенно чисто: свѣтлое такое, бирюзовое!...

Огибаемъ колѣно рѣки; село выглядываетъ однимъ краемъ избъ; рѣка, по обыкновенію всѣхъ поморскихъ рѣкъ, шумитъ порогами, которые расшатала недавняя непогодь и не угомонило еще наступившее затишье; но шумитъ она сильнѣе и едва ли не порожистѣе всѣхъ видѣнныхъ мною рѣкъ.

— Если бы была теперь куйпога (послѣдній часъ отлива)— намъ бы и не выстать, быстрина чтò съ горы, чтò водопадъ въ Ка́ндалакшѣ — объясняетъ кормщикъ.

И потомъ опять:

— Весной рѣка шумитъ такъ, что уши глохнутъ; съ привычки даже—и то крѣпко надоѣдно. Вѣрь Богу.!

По берегамъ рѣки, болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, видно карбасовъ и обмеленныхъ лодей и шнякъ, а еще того болѣе развѣшано по берегу рыболовныхъ снастей....

— Отчего?

— Въ эти губы много сельдей заходитъ. Вонъ теперь сѣно косятъ—страда идетъ, послѣ Покрова нерьпу бьютъ.... сѣрки въ пудъ попадаются; а со Спасова дня до Покрова только и дѣла, что сельдь упромышляютъ: вонъ посмотри—ужо̀ пойдешь по деревнѣ—что увидишь?

Увидѣлъ я почти у каждаго дома и чуть не цѣлыя полѣнницы небольшихъ бочонковъ, плохо сплоченныхъ изъ весьма тоненькихъ досокъ продолговатой формы. Это — сельдянки, которыя извѣстны едва ли не всей Россіи; здѣсь ихъ, говорятъ, почти исключительное мѣсто приготовленія и здѣшнія сельдянки все-таки плотнѣе и дольше живутъ, чѣмъ, напримѣръ соро̀цкія, гридинскія и другія. Всякій домохозяинъ приготовляетъ эти бочонки; приготовляетъ ихъ и мой хозяинъ, квартира котораго, какъ живая, теперь передъ моими глазами, съ ея шахматнымъ крашенымъ поломъ, съ голубкомъ, сдѣланнымъ изъ лучинокъ на Мурманѣ и привѣшеннымъ къ потолку, со множествомъ картинъ, содержаніе которыхъ бо̀льшею частію составляютъ эпизоды недавней войны и бо̀льшая часть которыхъ развѣшана даже въ сѣняхъ. Помнится между ними видъ города Ярославля, рисованный 1731 года и напечатанный иждивеніемъ тамошнихъ обитателей и изображеніе «птицы дивной, которой еще никто не видалъ». «Она—какъ гласитъ подпись внизу—влетѣла въ Парижъ къ градоначальнику и представлена къ королю; на головѣ корона, носъ корпусомъ индѣйскаго пѣтуха, голосъ павлиной, выговоръ турецкой, пѣніе ея весьма пріятно и всѣхъ плѣняетъ по примѣру инструмента; ѣстъ мясо и всякую снѣдь, что человѣкъ употребляетъ. На спинѣ имѣла гробницу и въ оной три человѣческія кости: когда запѣваетъ, то всѣхъ къ страженію пріуготовляетъ. Думаютъ такъ, что послана по Божію повелѣнію». И эти картины завезены сюда, всюду шатающимися вязниковцами, офенями—ходебщиками. Также точно, какъ и въ Керети, и здѣсь встрѣчаютъ меня тѣ же угощенія густымъ какъ пиво, дешовымъ кантонскимъ чаемъ, съ тѣми же глубокими поклонами и тѣмъ же ласковымъ привѣтомъ. Помнится, подали къ чаю сливокъ; помнится, какимъ-то непріятно-соленымъ вкусомъ отдавали эти сливки, потомъ и молоко, и у моего хозяина, также какъ у священника и сельскаго головы—корела. Помнится, что на спросъ мой о причинѣ подобнаго явленія отвѣчали мнѣ всѣ положи-

тельно, въ одинъ голосъ, что, по незначительному количеству наскабливаемаго горбушами сѣна между гранитными камнями лудъ и прибрежьевъ, они принуждены были пріучить скотъ къ рыбѣ. Для этой цѣли они обыкновенно берутъ рыбьи головы, которыя лѣтомъ сушатъ на солнцѣ, разбрасывая ихъ по крышамъ домовъ своихъ. Вяленыя такимъ путемъ головки эти и кое-какъ разбитыя въ порошокъ, не только ко̀йдяне, но и всѣ поморы Корельскаго и Терскаго береговъ, зимою, передъ пойломъ скота, парятъ въ горшкахъ. Образовавшеюся оттого гущею они обливаютъ скудные клочки сѣна, нацарапаннаго лѣтомъ по сюзёмкамъ и островамъ. Пріучоный скотъ ѣстъ—говорятъ—эту дрянь охотно, хотя по зимамъ и даетъ молоко; отдающее запахомъ сельдей, едва выносимымъ даже для привычныхъ людей. Лѣтомъ свѣжая трава даетъ еще нѣкоторую возможность пользоваться молокомъ лучшаго вида и вкуса, хотя въ тоже время и соленымъ. Обиліе приходящихъ сельдей даетъ для того легчайшій способъ.

Также много приходитъ этихъ сельдей и въ губу Княжую, на берегу которой раскинута послѣдняя деревушка Корельскаго берега—Княжа́я; также много попадается ихъ въ селѣ Ка̀ндалакшѣ, расположонномъ при вершинѣ Кандалажскаго залива (Ка̀ндалухи—по туземному выговору). Ка̀ндалакша, какъ извѣстно, выжжена англичанами; къ сѣверу отъ нея, по направленію къ озеру Имандрѣ, идетъ пѣшеходный трактъ на Колу, мимо лопарскихъ вѣжъ и погостовъ. Къ Ю. В. потянулся отъ Кандалакши, къ селенію По̀рьегубѣ, высокой Терской берегъ, которой изъ деревни Княжо́й видѣнъ уже значительно яснѣе и со многими подробностями: высокими вараками, обсыпанными на южныхъ отклонахъ мелкимъ лѣсомъ, мрачно - чернѣющими щельями и опять-таки сверкающимъ на вершинахъ вѣчно - нетающимъ снѣгомъ.

Деревня Княжа̀я или Княжегубская выстроилась также при устьѣ рѣчонки, берега которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты лугами и болотами, а по горнымъ склонамъ — сосновымъ, березовымъ и еловымъ лѣсомъ. Жители ея замѣтно бѣднѣе обитателей Керети и Ковды; рѣдко ходятъ за треской на Мурманъ, ограничиваясь ловлею сельдей въ своей губѣ и незначительнаго количества мелкой трески для домашняго потребленія, и даже не имѣютъ собственныхъ лодей. Впрочемъ, богат-

ство жителей могло бы быть и значительнѣе, какъ въ Княжой, такъ и во всѣхъ другихъ селеньяхъ бѣломорскаго прибрежья, если бы всѣ промыслы не находились въ рукахъ богачей-монополистовъ, съ которыми судьба знакомила меня почему-то прежде всѣхъ остальныхъ жителей селеній. Работая изъ-за хлѣба на квасъ и не столько для себя, сколько на своего патрона-хозяина, поморскій работникъ ограничивается только насущнымъ, хотя и не печалится, не плачется вслухъ на свое бездолье. Онъ даже примирился съ своею участью до подобострастія, до глубочайшаго, безпрекословнаго повиновенія къ лицу покровительствующему, дающему ему тяжолыя, невыгодныя работы. Сколько можно замѣтить, при первомъ же легкомъ и даже поверхностномъ взглядѣ, и здѣсь, какъ и вездѣ на свѣтѣ, по непреложному закону людской натуры, богачамъ-монополистамъ отъ бѣдняковъ—страдальцовъ почотъ и первой низкой поклонъ. Мнѣ случалось, останавливаясь у мѣстнаго богача, призывать изъ властей сельскихъ кого нибудь для спросовъ о томъ напримѣръ, нѣтъ ли въ правленіи старинныхъ (по ихному—*досельныхъ*) бумагъ, или для порученія снарядить гребцовъ и обрядить карбасъ для дальнѣйшаго пути. Приходившая власть кланялась богачу и спрашивала не меня, а богача: «что угодно?» —хотя хорошо знала, что требованіе шло отъ меня, отъ пріѣзжаго человѣка въ очкахъ.

Я предлагалъ вопросъ или высказывалъ свое желаніе.

Собираясь отвѣчать прямо, пришедшая сельская власть смотрѣла, послѣ вопроса моего, пристально на богача, смотрѣла тѣмъ раболѣпно-покорнымъ и робкимъ взглядомъ, который какъ будто спрашивалъ:

— Что повелишь отвѣчать? не прорваться бы, не прогнѣвить твою милость: съ тобой намъ вѣкъ жить, вѣкъ дѣло вести, вѣкъ отъ тебя заказы и работы получать; а налетовъ-то экихъ много ѣздитъ, на всякаго угодить не поспѣешь. Да и для чего?

Отвѣты на мои вопросы составлялись уже потомъ обоюдными силами, послѣ многихъ переминаній, заиканій. Богачъ приказывалъ дѣлать по моему, исполнить мое желаніе, вѣроятно, въ то же время заставляя себя, и непремѣнно противъ собственной воли, уважать мою особу, по-крайной-мѣрѣ, на это время. Получившій приказъ богача бѣжалъ затѣмъ, обыкно-

венно сломя голову, и немедленно приводилъ въ исполненіе, какъ умѣлъ, все, что мнѣ хотѣлось получить и безъ такихъ докучныхъ, досадныхъ приготовленій, оговорокъ, замедленій. Богачъ все-таки поступалъ въ этомъ случаѣ какъ начальникъ, хотя въ тоже время не былъ ни головой, ни старшиной, а на бездѣйствіи и подножномъ корму, приготовленномъ и взрощенномъ пótомъ того же бѣдняка, отпаивалъ и отпускалъ ниже колѣнъ свое чужеядное брюхо.

Крайное селеніе Кандалажской губы — самое сѣверное село на берегу Бѣлаго моря—Кàндалакша, имѣло до прихода англо-французской эскадры двѣ деревянныхъ церкви, изъ которыхъ одна стояла на возвышенномъ западномъ плечѣ рѣки Нивы, другая, бывшій Коковъ монастырь, на восточной ея сторонѣ, при устьѣ; до 60 домовъ и до 140 жителей. Англичане превратили село это въ груду пепла; но, можетъ быть, теперь уже оно выстроилось вновь и попрежному, тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ плохой космополитъ и трудно разстается съ роднымъ пепелищемъ, и потому еще, что въ рѣку Ниву, богатую большими порогами, изъ которыхъ одинъ даже глядитъ рѣшительнымъ и притомъ чрезвычайно картиннымъ водопадомъ—въ рѣку Ниву любитъ заходить семга. Для нея прежде и существовалъ заборъ, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Бѣломорьѣ, который, по всему вѣроятію, построенъ и на нынѣшное лѣто. Но.... спѣшимъ обратиться снова къ Корельскому берегу, или лучше, къ тому инородческому племени, которое дало свое имя этому безпривѣтному, скучному, длинному и бѣдному берегу Бѣлаго моря.

Еще въ деревнѣ Пóньгамѣ можно встрѣтить въ говорѣ нѣкоторыхъ мужиковъ ломаныя русскія слова, произносимыя съ оригинальными, неправильными удареніями, въ родѣ цыганскаго, и съ перестановкою буквъ: отнако, у городи, Кристосъ, свой лошадь и проч. Моя болтливая хозяйка въ этой деревушкѣ, обзаведшаяся собственнымъ домомъ, созналась (почему-то, впрочемъ, не охотно), что она корелка, жила на Тóпозерѣ, въ скитахъ, гдѣ родила сына на мху (когда мохъ *вздымала*— щипала); что она этого сына учила грамотѣ; что учитель нанялся къ ней съ тѣмъ, чтобы она за науку кормила бы его втеченіи всѣхъ лѣтъ ученья, и что за это выучилъ онъ ея сы-

на старопечатной псалтыри и часовнику. Прицокивая уже по поморски, она въ тоже время въ слѣдующемъ разсказѣ также безтолково коверкала на свой корельскій ладъ всѣ русскія слова, но говорила бойко и рѣчисто о томъ, что она умѣетъ руду (кровь) заговаривать божественными и мірскими заговорами, но что не употребляетъ божественныхъ оттого, что это грѣхъ, и что эти заговоры пускаютъ только старовѣры аввакумовскаго, а не даниловскаго толка, и проч. Другой корелякъ, попавшійся мнѣ гдѣ-то между гребцами и поразившій меня сосредоточенною молчаливостію, бѣлыми волосами, поразительнымъ сходствомъ съ петербургскими чухонцами, и про котораго другой гребецъ, русской, выразился такъ, что-де «у него наша рѣчь круто же живетъ», съ трудомъ и отрывочными фразами могъ объяснить, что онъ родомъ съ Елетъ-озера, что промышляютъ они тамъ рыбу и тѣмъ питаются, но что про Тóпозеро и Пявозеро онъ ничего не слыхалъ. Въ Керети помнятся мнѣ еще пять кореловъ съ рыжими, почти красными, бородами. Эти корелы, обвязавши голову, шею и часть лица тряпицой отъ комаровъ, несли грузные мѣшки (пудовъ до шести) съ хлѣбомъ, выданнымъ имъ изъ запасныхъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Сильно изогнувшись подъ тяжестью ноши, корелы эти, уполномоченные отъ цѣлаго своего селенія, сносили эти мѣшки изъ села Керети верстъ за 15 къ лодкѣ, которая дожидалась ихъ на дальномъ озерѣ. Сваливши мѣшки, они немедленно являлись за новыми и поразили меня своей безустанностью.

— Когда же вы отдыхаете? спросилъ я одного изъ нихъ; къ счастію, онъ зналъ по русски (семеро другихъ не говорили ни слова).

— А вотъ идемъ назадъ безъ груза: на ходьбѣ и отдыхаемъ! наивно отвѣчалъ мнѣ умѣвшій говорить по русски.

— Нужной народъ, самой бѣдной: одолѣла ихъ бѣдность пуще всѣхъ; подошли хуже нашего!—добавилъ за него проходившій мимо копечанинъ и слышавшій мой вопросъ.

— Вотъ — продолжалъ онъ: — хлѣбъ они этотъ не станутъ ѣсть по нашому, потому имъ не выгодно: не хватитъ, съ голоду помрешь. На это у нихъ свой законъ, на это они свой хлѣбъ выдумали. На это у нихъ, вмѣсто нашихъ пироговъ да сгибней, *рѣшка* есть. Слушай, что они дѣлаютъ: весной съ молоденькой сосны обдираютъ они кожурину, подъ кожуриной обрѣ-

зываютъ заболонь—мягкая она такая, жирная на этотъ разъ. Заболонь эту они на солнышкѣ сушатъ, затѣмъ въ печи, затѣмъ въ иготи толкутъ, али бо между жерновами растираютъ, и выходитъ изъ нея словно бы мука—пыль такая. Этой пыли берутъ они три части, да одну часть муки оржаной, мѣшаютъ вмѣстѣ—тѣсто дѣлаютъ, изъ тѣста лепешки крутятъ—вотъ и рѣшка, горькая—прегорькая, разсыпчатая, что песокъ; городской собакѣ дай—рыло отворотитъ; съ голоду, кажись, брюхо лопни: ѣсть не станешь ее. Мы и не ѣдимъ. Сѣютъ они тамъ у себя, въ землѣ своей, ячмень и рожь—слышь когда, да больно плохо родится (у насъ такъ вонъ и совсѣмъ, вишь, нѣтъ этого заведенія). Бѣднота народъ, а плутъ, потому отъ нихъ все колдовство идетъ, всякую они тяготу съ Корелы своей на наше Поморье пущаютъ: вотъ зачѣмъ они плохой народъ и зачѣмъ надъ нимъ трясутся всѣ эти напасти. Спроси не меня!

Дѣйствительно, повѣрье о напускѣ скорбей *съ Корелы* во всемъ Поморьѣ общеизвѣстно и имѣетъ даже давнишное историческое значеніе. Давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, чудское племя, къ которому безспорно принадлежатъ и корелы, славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были и въ Новгородѣ, призываемы были и къ умиравшему Грозному царю, и живали при дворѣ царя Бориса. Даже и въ настоящее время корелы наивно, простосердечно, съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ истину передачи, завѣщаютъ при смерти вѣдомые имъ наговоры, заговоры и чарованья довѣреннымъ лицамъ, бо́льшею частью, конечно, роднымъ своимъ. Съ другой стороны, существованію въ настоящее время подобнаго страннаго повѣрья много способствуетъ вѣра и самихъ поморовъ, которые всѣ свои болѣзни морскія приписываютъ исключительно порчѣ не столько злаго духа, сколько злобѣ какого-нибудь лихаго человѣка изъ Корелы. *Съ вѣтру* (говоря выраженіемъ поморовъ) приключается имъ и ко́лотье во всемъ тѣлѣ, особенно въ составахъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ *стрѣлья* и *стрѣлъ*; тому же напуску *съ вѣтру* приписываютъ они и всѣ разнородныя проявленія скорбута и другія болѣзни, и простосердечно увѣрены, что только корелъ, сдѣлавшій это или просто изъ личнаго удовольствія, отъ нечего дѣлать, или даже изъ мести, можетъ выгнать эту болѣзнь, при посредствѣ

заклинаній на вѣтра и на четыре стороны, въ видѣ ли сажи, песку, мелко изрѣзанныхъ волосъ, щетины морскаго звѣря и проч., смотря по произволу колдуна. Также точно охотно зоветъ поморъ колдуна — корела (или, лучше, самаго плутоватаго изъ этого вообще неразвитаго, добраго племени) на свадьбу для отпуска, на погребенье покойника, скоропостижно умершаго, или иногда и просто погибшаго на промыслѣ. Корелы, въ этомъ случаѣ, по грустному факту въ жизни русскаго человѣка, замѣняютъ для поморовъ ту роль, которую поддерживаютъ еще до сихъ поръ плуты—цыгане въ дальнихъ отъ Архангельской губерніяхъ Россіи.

Вотъ все недоброе корельскаго племени, или, лучше, небольшаго числа ихъ (только однихъ *избранныхъ*, *умѣлыхъ*); остальные кореляки, особенно дальніе, живущіе въ глуши болотъ, дальше отъ морскаго берега, по общему мнѣнію поморовъ, отличаются замѣчательнымъ простосердечіемъ, гостепріимствомъ, хлѣбосольствомъ. Воображеніе поморовъ, напуганное далью и безвѣстностью корельскихъ болотъ, или, лучше всего, злые языки придумали повѣрье такого рода, что будто бы для кореляковъ ничего нѣтъ проще и обыкновеннѣе выраженія: «положить въ озеро», несмотря на то, что выраженіе это отзывается самымъ нечеловѣчнымъ, самымъ варварскимъ смысломъ. Выраженіе «положить въ озеро», по смыслу своему, равносильно для кореляка съ самымъ исполненіемъ, съ самымъ дѣйствіемъ, которое состоитъ въ томъ, что всякій корелъ долженъ зарѣзать и бросить въ озеро всякаго помора, довѣрившаго свою жизнь гостепріимству и знакомству этого своего ближняго сосѣда. Что было первою побудительною причиною къ сочиненію такой нелѣпости — рѣшить не беремся, зная изъ положительныхъ фактовъ и наблюденій, что торгующіе поморы живыми и необворованными возвращались изъ дальнихъ корельскихъ деревень, что кореляки, выселившіеся на берега моря въ русскія деревни и немедленно (года въ три) обрусѣвшіе, являются такими же честными, трудолюбивыми, предпріимчивыми работниками, какими являются на глаза всякаго наблюдателя тѣже поморы. Хозяева покрутовъ, у которыхъ почасту живутъ кореляки по найму, не нахвалятся ихъ трудолюбіемъ, безпрекословнымъ, почти безсловеснымъ повиновеніемъ, издавна заведеннымъ обычаямъ и порядкамъ въ морскомъ дѣлѣ.

Рѣдки, правда, переселенія кореловъ въ русскія приморскія деревни, не особенно часты также и наймы ихъ въ покруты на Мурманъ или за морскимъ звѣремъ; корелы большею частію любятъ жить въ своихъ деревняхъ и этою жизнію домашнею съумѣли обусловить для поморовъ необходимость въ ихъ работахъ, особенно въ приготовленіи ружей, пищалей, винтовокъ. Это — давнишное, привилегированное, можно сказать, занятіе кореловъ: всѣ винтовки, которыми бьютъ поморы крупнаго морскаго звѣря, всѣ пищали, изъ которыхъ стрѣляютъ они мелкаго морскаго звѣря, всѣ ружья, которыми добываютъ они же лѣснаго звѣря и птицу, выходятъ изъ корельскихъ кузницъ и отсюда расходятся по всей Архангельской губерніи, въ самыя отдаленныя мѣста ея, каковы напримѣръ Мезенской и Печорской края. Столько же и прадѣдовской, вѣковой обычай, сколько и богатство корельскихъ болотъ желѣзными рудами и другими металлами *), указали кореламъ на это ремесло, какъ на выгодной способъ добыванія средствъ къ существованію. Не имѣя правильно организованныхъ заводовъ, кореляки на домашнихъ кузницахъ обработываютъ добытую руду и тутъ же приготовляютъ: и пищали, и винтовки, и ножи, и горбуши (родъ серпа, замѣняющаго въ здѣшнихъ мѣстахъ косы), и топоры; однимъ словомъ, всѣ желѣзныя вещи, необходимыя для домашняго обихода поморовъ. Естественно, что все это выходитъ изъ рукъ кореловъ грубой, доморощенной работы; винтовки, напримѣръ, непремѣнно требуютъ отъ покупщика домашной выправки, очистки; онѣ вывѣряются уже самими поморами дома и притомъ требуютъ принаровки при прицѣлахъ: иное беретъ влѣво, рѣдкое прямо и большая часть отдаетъ иногда шибко въ грудь, валитъ съ ногъ. Со всѣми этими неизбѣжными неудобствами, въ свою очередь, умѣли мастерски примириться поморы и, по свойству русской натуры и по дав-

*) Около села Надвоицы добывалось когда-то золото; на каждые сто пудовъ получалось пять золотниковъ чистаго металла. Рудники эти теперь оставлены, какъ говорятъ, за недостаткомъ рукъ, за отдаленностью края, сопряжонною со многими житейскими лишеніями; а главнѣе, какъ думаютъ, за недостаткомъ капиталовъ. Во многихъ мѣстахъ Кореліи выламывалась также слюда, которая и была въ свое время употребляема для военныхъ судовъ, строившихся въ Архангельскѣ.

ному навыку въ дѣлѣ, все таки и изъ корельскихъ ружей бьютъ лисицу и бѣлку въ мордочку; отъ пули ихъ улетаетъ рѣдкая птица. Поморскіе стрѣлки и съ корельскими ружьями—едва ли не лучшіе въ цѣлой Россіи. Испортится винтовка, дробовка, сдѣлаются онѣ окончательно негодными къ употребленію, начнутъ бить въ рóзсыпь, поморы не задумаются поѣхать за новыми снарядами и опять-таки къ тѣмъ же кореламъ, въ деревни Мáсельгу и Юшкозеро, гдѣ живутъ, по крайному убѣжденію покупщиковъ-охотниковъ, лучшіе ружейные мастера.

Большое и едва ли не главное подспорье для поморскаго народа доставляетъ корельское племя въ другомъ промыслѣ своемъ, тоже давнишномъ, унаслѣдованномъ отъ финовъ; именно, въ умѣньи прочно и красиво строить морскія суда: лóдьи, рáньшины, боты, и понимать чертежи быстро и безошибочно. Въ этомъ отношеніи замѣчательна деревня Подужемье, расположенная въ 15 верстахъ отъ города Кеми.

Но объ этомъ подробно предполагаю говорить въ другомъ мѣстѣ. Теперь же — для того, чтобы покончить съ корелами, которые, во всякомъ случаѣ, не такой народъ, который пользуется отъ моря и живетъ для моря—спѣшу прибавить еще то немаловажное обстоятельство, что между кореляками (также, какъ между другимъ инородческимъ племенемъ губерніи — зырянами) начала развиваться въ послѣднее время страсть къ коммерціи въ разныхъ ея видахъ, но пока еще въ незначительномъ объемѣ. Ижемцы ведутъ уже огромную торговлю пушными товарами и замшей, кореляки все еще ходятъ съ коробками, набитыми всякаго рода мелочью, по лопарскимъ вѣжамъ и гейматамъ Финляндіи, ограничиваясь незначительнымъ сбытомъ и незначительнымъ барышомъ, на который попрежному они закупаютъ новый товаръ на шунгской ярмаркѣ (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи) и опять носятся съ нимъ, Богъ-вѣсть, какъ далеко отъ своей деревни, Богъ-вѣсть—въ какую погоду и при какихъ лишеніяхъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ нѣкоторый поводъ заключить, что корельское племя ждетъ лучшая судьба, чѣмъ та, которую несетъ уже самоѣдское племя и понесло, напримѣръ, вогульское, оставшееся, послѣ населенія при Грозномъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, теперь только въ 15—20 семьяхъ, бродящихъ по разнымъ угламъ восточныхъ губерній Россіи. Къ

тому же корелы скоро и легко выучиваются по русски, удобно, не насилованно свыкаются съ русскими обычаями, любятъ даже русскую пѣсню; но, главное, любятъ жить осѣдло, не въ лопарскихъ вѣжахъ или самоѣдскихъ чумахъ, а въ просторныхъ, теплыхъ и, по возможности, чистыхъ избахъ. Къ тому же почти всѣ корелы давно уже христіане.

VII.

КОЛА.

Путь въ этотъ городъ отъ Кандалакши. — Исторія города. — Двукратное бомбардированіе его англичанами. — Подробности послѣдняго дѣла англичанъ въ прошлую компанію. — Кольскій Воскресенскій соборъ и преданіе объ его строителѣ. — Разсказы колянъ объ ихъ жизни и занятіяхъ. — Разсказы объ лопаряхъ съ точки зрѣнія на этотъ народъ сосѣднихъ русскихъ.

Кола, уѣздный городъ Архангельской губерніи, имѣетъ 811 душъ мужескаго пола, 1,053 ж. п.; домовъ каменныхъ 1, деревянныхъ 312; ярмарки не бываетъ; при училищѣ учащихъ 2, учащихся 39 человѣкъ.

(*Описаніе Архангельской губерніи Пушкарева*).

Двѣ тысячи сто тридцать семь верстъ отдѣлили Колу отъ Петербурга; тысяча сто верстъ легли между Петербургомъ и Архангельскомъ. Такъ говорятъ почтовыя карты и календари, и также добросовѣстно, честно 1,000 разъ торчатъ до Архангельска на каждой верстѣ пестрые казенные верстовые столбы, также на каждыхъ двадцати пяти верстахъ предлагаются къ услугамъ каждаго странника (по казенной ли онъ, по частной ли надобности ѣдетъ) утлые, наскоро-шитые станціонные домики съ жалобной книгой, съ смотрителемъ изъ почтальоновъ, съ ямщиками, оказавшимися въ крестьянскомъ быту ни къ чему неспособными. Тянутся по сторонамъ березовыя аллеи тамъ, гдѣ дорога бѣжитъ по пахатнымъ полямъ, и пропадаютъ эти аллеи тамъ, гдѣ сама природа потрудилась обильно разставить

ихъ въ лѣсной кущѣ. Выбѣжитъ на усладу и утѣшеніе скучающаго путника и разбросается передъ его утомленными, набоколѣвшими однообразіемъ видовъ глазами какая-нибудь сѣренькая, гніющая, выкрытая соломою и закоптѣвшая деревенька, или бѣдный уѣздный городокъ съ люднымъ, крикливымъ базаромъ, съ тихою, безмятежною, созерцательною семейною жизнію. Говорливой или безгранично-молчаливой ямщикъ споетъ длинную, тоскливую, *развалистую* пѣсню, разскажетъ веселую сказку и повезетъ пошибче обыкновеннаго, если обезпечится возможностью получить лишную семитку на водку. Однимъ словомъ, и на этомъ пути точно тоже, что и вездѣ, на всѣхъ другихъ путяхъ великой Россіи. Разница небольшая: меньше разнообразія видовъ, больше лѣсовъ и болотъ, меньше селеній, больше пустырей — да и только. Промелькнутъ безпривѣтно шесть уѣздныхъ городковъ: ближній Шлиссельбургъ, съ своими шлюзами, съ своею крѣпостью, какая-то жолтая и потому скучная Новая-Ладога, съ каналомъ петровскаго прорытія; тоскливое Лодейное-Поле; значительно-каменная, богатая купеческими капиталами Вытегра; заставленный множествомъ церквей большой Ка́ргополь, пустившій по себѣ славу своими рыжиками, груздями и прочею соленою снѣдью; наконецъ дальше Хо̀лмогоры, со сгнившими, развалившимися домами, съ крупными, рослыми коровами — одинъ изъ древнихъ городовъ Россіи, одинъ изъ самыхъ скучныхъ и бѣдныхъ между ними, родина геніальнаго рыбака. И вотъ (въ награду за недѣльное мученіе) Архангельскъ, безконечно длинный, чистенькій, нѣмецкій, съ треской и шанежками, съ обрусѣвшими нѣмцами и онѣмечившимися русскими, со всѣмъ своимъ своеобычнымъ характеромъ, городъ портовой и торговый.

Почти тысяча же верстъ остается отсюда до Колы — говоритъ календарь — и вдесятеро больше нужно времени для того, чтобы настойчиво-храбро одолѣть это пространство; во сто разъ требуется большее терпѣнье, чтобы перенести всѣ трудности и сопряжонныя съ ними невзгоды пути — говоритъ личный опытъ теперь, когда такъ весело наслаждаться плодами одержанной побѣды.

Слишкомъ двѣсти верстъ безплодной тундры, мѣстами покрытой мохомъ и взбитой кочками, мѣстами болотистой и прорѣзанной или чистой, бойкой рѣчонкой, или свѣтлымъ, какъ

хрусталь, озеромъ — залегли между послѣднимъ сѣвернымъ селеніемъ на берегу Бѣлаго моря — Ка́ндалакшею и самымъ дальнымъ, которое лежитъ уже на берегу Сѣвернаго океана — Колой.

И счастливъ путникъ, перенесшій мученія скучнаго, безконечно однообразнаго прибрежнаго плаванія по морю, когда крѣпко расходившійся вѣтеръ нерѣдко на нѣсколько сутокъ можетъ заставить сѣсть на голой лудѣ, гдѣ нѣтъ не только жилья, но даже воды прѣсной, гдѣ кругомъ море, кипящее бурей, какъ вода въ котлѣ. Счастливъ путникъ, когда, наконецъ, увидитъ онъ обгорѣлые (послѣ недавняго англійскаго разгрома) пни и кочки люднаго, *строптиваго* селенія Кандалакши, и вдвое несчастливъ тѣмъ, что путь ему лежитъ не назадъ, а впередъ. Узенькой тропинкой съ погнившими мостовинами потянулся почтовой трактъ въ Колу, поперекъ такъ называемаго Лапландскаго полуострова — этой исключительно земли мховъ и лишаевъ, этой холодной Сахары. Мхи и лишаи ведутъ здѣсь борьбу съ древесною растительностію и, распространяясь все далѣе и далѣе, истребляютъ мало по малу рощи, кустарники и даже небольшіе лѣса. На горизонтѣ какъ будто лѣсъ: онъ кажется густымъ, но приближайтесь еще, — деревья рѣдѣютъ на сухой лишайной почвѣ. Передніе ряды деревьевъ давно уже вымерли, и ихъ бѣлые суковатые стволы стоятъ какъ мертвецы. За этими рядами поднимаются деревья, болѣе выпрямленныя съ нѣсколькими клочками зелени на вѣтвяхъ; а наконецъ являются и совершенно прямыя: тамъ уже почти нѣтъ лишаевъ. Это чисто лѣсная полоса. Въ самой серединѣ Лапландіи говорятъ есть такіе лѣса сплошными насажденіями, откуда береговые жители берутъ матеріалъ для построекъ. Такъ это у Бѣлаго моря: въ началѣ пути, за тѣмъ уже вездѣ, за этимъ скуднымъ лѣсомъ почва снова стелется мягкою постелью мховъ и лишаевъ. По нимъ вьется почтовая дорога — узенькая тропинка съ мостками. Ѣхать по тропинкѣ этой даже верхомъ нѣтъ никакой возможности; *образъ пѣшаго хожденія на своихъ-на двоихъ* — единственное средство добраться до вожделѣнной цѣли. Подчасъ съ шестомъ для сохраненія равновѣсія между двумя крайностями: болотною топью съ одной стороны и ямой съ водою съ другой, подчасъ на плечахъ привѣсившихся, присмотрѣвшихся къ дѣлу проводниковъ — плетется путникъ, обрек-

шій себя на путешествіе въ Колу лѣтней порой. И болятъ колѣни, и ломитъ грудь и спину, и давитъ плечи, и проступаетъ невольная, всегда стыдливая слеза, и вылетаетъ изъ устъ справедливой ропотъ и на судьбу и на себя самого. Тоскливо глядитъ все кругомъ и все окрестное заявляетъ себя заклятымъ на вѣки врагомъ утомленному страннику и физически и даже нравственно. Бредешь безсознательно, машинально ступая съ кочки на кочку, съ сучка на сучокъ, тяжоло прыгаешь съ камня на камень, скользишь и пластомъ, съ непритворными слезами, валишься на придорожную, прохваченную насквозь водой и сыростью мшину. И радъ, какъ лучшому благу въ жизни, какъ лучшой наградѣ за трудной подвигъ и страданія, когда судьба приведетъ къ длинному, десяти-тридцати-пятидесяти-сто-верстному озеру, на которомъ колышется спасительной, дорогой, неоцѣненной карбасъ. Какъ въ люлькѣ баюкаетъ онъ и возстановляетъ силы, но опять-таки для того, чтобы истощить ихъ на слѣдующихъ пняхъ, кочкахъ, болотинахъ, погнившихъ, обсучившихся, выбитыхъ мостовинахъ. Въ станціонныхъ избушкахъ не насидишь долго: дымъ, наполняющій ихъ отъ потолка до пола, ѣстъ глаза и захватываетъ дыханіе, сквозной вѣтеръ, свободно входящій въ щели сильно прогнившей и разшатанной буйными вѣтрами избенки, гонитъ вонъ на свѣжій, крѣпко свѣжій воздухъ полярныхъ странъ, гдѣ затишье—рѣдкой и всегда дорогой гость. Пройдетъ недѣля и слишкомъ въ этой борьбѣ съ препятствіями, когда, наконецъ, глянетъ въ наболѣвшіе глаза рядъ шести-семи уцѣлѣвшихъ домовъ и чорные пни пресловутой Колы, выжжонной англичанами 11 и 12-го іюля 1854 года, и въ настоящее время, въ комплектѣ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, оставшейся за штатомъ.

Около шестисотъ лѣтъ (со времени перваго лѣтописнаго свидѣтельства о существованіи имени Колы) жило безмятежно это бѣдное и самое дальное изъ селеній Великой Россіи. Населенная вначалѣ новгородскими выходцами и бѣглецами, увлечонными привольемъ моря и богатствомъ промысловъ, Кола только съ 1533 года заявлена въ лѣтописяхъ, какъ большое селеніе, имѣющее уже двѣ церкви — Благовѣщенья и Николы. Нелюдное въ началѣ, селеніе это съ 1550 года начало заселяться тѣми несчастными, которыхъ посылалъ сюда царскій

гнѣвъ и навѣты крамольныхъ бояръ. Алексѣй Михайловичъ (въ 1664 году) прислалъ сюда сто человѣкъ стрѣльцовъ для защиты слабаго населенія отъ частыхъ нападеній шведовъ, которые давно уже враждебно смотрѣли на Колу, и разъ (въ 1590 году) дѣлали, хотя и не удачно, нападеніе. Петръ Великій, въ 1704 году, выстроилъ въ Колѣ крѣпость, прислалъ 53 пушки и офицера, и считалъ Колу уѣздомъ Архангельской губерніи, управляемымъ воеводами, комисарами и управителями. Екатерина II, въ 1780 году, назвала Колу городомъ, вывезла уцѣлѣвшія орудія, разрушила крѣпость и, въ 1792 году, прислала сюда коменданта, который черезъ пять лѣтъ переименованъ въ городничіе.

Вотъ вся исторія города, которому только два раза на вѣку его привелось испытать невзгоды и бѣдствія въ истинномъ смыслѣ словъ этихъ, и оба раза отъ англичанъ. Первой разъ въ 1809 году, когда Россія объявила Англіи разрывъ, запретивъ ея кораблямъ приходить въ наши гавани. Въ Колѣ гавань эта существовала уже издавна; при Елизаветѣ ежегодно приходило уже сюда до семи иностранныхъ судовъ, за ворванью или оленьими шкурами; сѣверная компанія графа Шувалова усилила населеніе Колы почти вдвое. Городъ былъ значительно люденъ (хотя столѣтняя деревянная крѣпость и пришла въ ветхость) когда, наканунѣ Николина дня, съ ужасомъ услышали мирные коляне, что въ морской губѣ показались непріятельскіе корабли. До сихъ поръ ходятъ разсказы о томъ страхѣ, который обуялъ горожанъ, изъ которыхъ большая и лучшая часть ушла на вёшну (для морскихъ промысловъ на Мурманскомъ берегу). До сихъ еще поръ разсказываютъ объ несчастномъ случаѣ, какъ одна мать, спѣша убѣжать вмѣстѣ съ сосѣдями за утесы ближайшой къ городу горы Салавараки, вмѣстѣ съ пожитками своими сунула въ мѣшокъ груднаго ребенка и такимъ образомъ задушила его. 9-го мая подошли къ городу два баркаса съ 35 матросами (страхъ былъ напрасенъ); люди сошли на берегъ, городничій встрѣтилъ ихъ въ воротахъ деревянной крѣпостцы и торжественно, церемоніально отдалъ имъ шпагу. Побѣдители разбили дверь хлѣбнаго магазина и вытаскали оттуда весь запасъ хлѣба, потомъ выкатили изъ винныхъ подваловъ бочки вина, нѣкоторыя взяли съ собой на баркасы, другія выпили или разлили по землѣ; наконецъ, обшарили пустые

дома и, зарубивши саблями двухъ коровъ, съ торжествомъ и народными пѣснями на другое утро уплыли въ океанъ. Если считать извѣстный всей Россіи подвигъ смѣлаго кольскаго мѣщанина Герасимова за подвигъ геройскій, то онъ отмстилъ англичанамъ впослѣдствіи за нападеніе на свой родной городъ тѣмъ, что захваченный въ плѣнъ, онъ непріятельскаго кормщика столкнулъ въ воду, а остальныхъ враговъ своихъ, спящихъ, накрылъ люкомъ и представилъ плѣнниками и живыми къ коменданту норвежской крѣпости Вардегуза (по мѣстному выговору Варгаева) *).

Естественно, не меньшимъ ужасомъ поражена была Кола при недавномъ, памятномъ намъ по реляціямъ, нападеніи на этотъ городъ англійскаго винтоваго корвета *Миранды*, съ двумя бомбическими двухпудоваго калибра пушками и четырнадцатью орудіями тридцати-шести-фунтоваго калибра. Собраны были чиновники и граждане Колы на совѣщаніе; еще далеко до появленія непріятеля, составленъ былъ актъ въ томъ, «что въ случаѣ нападенія на городъ Колу непріятельскаго войска (говоря словами подлинника), по малому количеству у насъ боевыхъ снарядовъ (2 пуда пороху, 6 пудовъ свинца), при незначительномъ числѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ, усердствуемъ съ радушіемъ въ помощь инвалидной команды собрать изъ всякаго сословія милицію подъ командою г. городничаго Шишелова, какъ уже бывшаго въ 1812 и 1814 годахъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ противъ непріятеля, на каковой предметъ необходимо нужно собрать оружіе, и дабы милиціонеры не отлучались изъ города Колы, то выдавать имъ въ родѣ провіанта съѣстные припасы, и на покупку оныхъ, по согласію и силѣ возможности каждаго изъ насъ, нынѣ же сдѣлать пожертвованіе и въ случаѣ нападенія непріятеля на городъ Колу, то защищать и твердо стоять за православную вѣру, церковь святую, за всемилостивѣйшаго государя и отечество до послѣдней капли крови, не щадя живота своего, боясь крайне нарушить данную присягу и не помышлять о смерти, какъ доброму и неустрашимому воину надлежитъ». Слѣдуютъ подписи: одинъ жерт-

*) Императоръ Александръ I наградилъ Герасимова георгіевскимъ крестомъ, установленнымъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ за храбрость.

вовалъ 15 руб. сер., два охотницкихъ ружья, два пистолета и 20 фунтовъ просольной трески; другой — 10 руб. съ оговоркою: «на службу отечества я готовъ посвятить личныя мои услуги, не щадя живота до послѣдней капли крови и если нужно на защиту города Колы денежной сборъ, то по мѣрѣ возможности приношу на сей предметъ 10 руб. сер. и почту себя счастливѣйшимъ, если жертва моя будетъ благосклонно принята начальствомъ; третій жертвуетъ 2 р.; четвертый столько же; пятый 25 коп.; шестой 1 руб. 50 коп.; седьмой пишетъ такъ: «жизни своей жалѣть не буду для защиты отечества, но жертвы денежной, по бѣдному состоянію, принесть не могу» Далѣе слѣдуютъ такія слова: «какъ сей послѣдній ложно именуется мѣщаниномъ, ибо онъ только причисленъ и не можетъ быть, по закону, даже допускаемъ на мірскія сходки, какъ человѣкъ лишонный добраго имени, то за симъ никто не осмѣлится продолжать подписи по сему акту въ добровольномъ своемъ пожертвованіи, и засимъ, возобновивъ таковой для подписи желающихъ, покорнѣйше прошу не предлагать онаго тѣмъ лицамъ, кои не имѣютъ на то права». — Мнѣ извѣстно, писалъ начальникъ губерніи: — кольскіе жители народъ отважной и смышленой, а потому я надѣюсь, что и въ случаѣ недоставки по какимъ либо причинамъ орудій въ г. Колу, они не допустятъ въ свой городъ непріятеля, котораго съ крутыхъ береговъ и изъ-за кустовъ легко могутъ уничтожить мѣткими выстрѣлами; пусть сами жители подумаютъ хорошенько, какія къ нимъ могутъ придти суда, и какъ можно, чтобы они не справились съ пришедшими! Одна только трусость жителей и нераспорядительность городничаго можетъ понудить сдать городъ, чего никакъ не ожидаю отъ кольскихъ удальцовъ и ихъ градоначальника. Да поможетъ вамъ Богъ нанести стыдъ тому, кто покусится на васъ напасть! Предписываю вамъ объявить о семъ жителямъ г. Колы».

Но — сила солому ломитъ, говоритъ пословица: непріятель съ $2^1/_2$ часовъ утра 11-го до 7 часовъ утра 12-го громилъ городъ бомбами, гранатами, калеными ядрами и пулями съ зажигательнымъ составомъ. Городъ не былъ взятъ и пытавшійся выдти на берегъ десантъ, при одномъ только видѣ спѣшившихъ къ нему на встрѣчу нашихъ солдатъ, удалился отъ берега и возвратился на фрегатъ. «Ожесточонный непріятель, въ

яростной злобѣ своей, долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что сжогъ бóльшую часть города, а именно: двѣ церкви, колокольню, часовню, 92 обывательскихъ дома, деревянной острогъ и казенные магазины: хлѣбный, соляный и винный». При этомъ неизлишне замѣтить, что г. Кола, построенный безъ всякаго порядка, съ тѣсными, вымощенными деревомъ улицами, всегда, въ случаѣ пожара, подвергался большой опасности; при настоящемъ же случаѣ пожаръ былъ неизбѣженъ. Между погорѣвшими церквами былъ и Воскресенскій соборъ, видъ котораго предложенъ былъ нами въ «Иллюстраціи» 1858 г., № 12-й.

Соборъ этотъ построенъ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, въ 1684 году. Увѣнчанный восьмнадцатью главами съ восьмиконечными крестами, соборъ этотъ имѣлъ три храма: главный средній храмъ освящонъ былъ во имя Воскресенія Христова, правой придѣлъ св. Николая чудотворца, лѣвой св. великомученика Георгія. На восточной сторонѣ церкви, подъ кровлею, прибита была доска, на которой славянскими буквами написана исторія основанія этого храма. Служба совершалась въ немъ со дня великой субботы по день Успенія Пресвятой Богородицы; онъ не былъ согрѣваемъ печами и сохранялъ необыкновенную прочность, изумлявшую всѣхъ, втеченіе ста-семидесяти лѣтъ. 11-го августа 1854 года загорѣлся онъ вечеромъ, въ половинѣ осьмаго, и горѣлъ ярко и скоро, какъ построенный изъ сосноваго лѣса.

— Вотъ *его* жаль, да еще стараго пепелища жаль, а то, что̀ городъ? городу этому только званіе было. Кому надо, тотъ выселится, за это мы не боимся. Пущай на то и губа-то наша— привольная губа! — толкуютъ старики коляне (временно разселившіеся по ближнимъ поморскимъ селеніямъ береговъ Корельскаго и Терскаго).

— А все же вы охотнѣе бы вернулись въ Колу, чѣмъ теперь свыкаетесь съ чужими мѣстами и чужими обычаями?

— Да вѣдь это опять таки привычка, не иное что. Привѣсился ты къ своей печкѣ, посвыкся съ ней, извѣстно, на чужой-то печи тебѣ какъ будто и зябко. А обычаи наши кольскіе — тѣже обычаи, что и терскіе, не далеко ушли. У промысловаго и поморскаго народа одна забота, и конецъ одинъ. Гляди ты на море да полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной — хорошо будетъ! Море наше, гдѣ ни возьми,

вездѣ съ рыбой, вездѣ, стало быть, съ добычей. Разноты тутъ большой не видать: у насъ вонъ перемётами рыбку-то ловятъ, а здѣсь вишь, харвами. А присмотришься ко всему этому, такъ тоже самое и выйдетъ. Нѣтъ, вѣдь, нашъ народъ кольской издавна за толкомъ-то къ сосѣду не ходитъ. Не спуста и пословка такая идетъ, что «городъ-де нашъ Кола — крюкъ, народъ — уда, что слово, то и зазубра». И это такъ, и на это обижаться — грѣхъ! Нашего брата закинутаго, поморскаго человѣка домъ-отъ не держитъ: такъ и не привыкаешь къ нему. Мы домой-то ходимъ только отогрѣться, да праздники большіе, по завѣту отцовскому, христіанскимъ образомъ, честно править. Попьешь, пображничаешь съ ромомъ норвежскимъ недѣлю — другую, да и опять потеплѣй одѣваешься, опять въ море лѣзешь. Лѣтомъ кого ты въ Колѣ увидѣлъ? грудныхъ ребятенковъ, да нянекъ-старухъ, и коровы не увидѣлъ бы (на весь городъ двѣ); лошадей опять тоже не держимъ, свинью городничій прикормилъ (такъ и та, вишь, не наша), собакъ увидѣлъ бы, потому собака у насъ замѣсто лошади, на нихъ мы все возимъ; собака наша по этому самому дѣлу — совсѣмъ другъ. Лѣтомъ, стало-быть, мы всѣ на Мурманѣ треску, семгу, па́лтасину ловимъ до поздней осени, когда и къ берегамъ леданые припаи пристынутъ, и губы всѣ въ сплошной ледъ закуетъ и въ морѣ заплаваетъ сало снѣгъ, такой мокрой, что̀ масло коровье. А показалась шуга́ — сало-то это въ мелкой ледъ застывать стало, мы къ дому бѣжимъ на зимній отдыхъ, и сидимъ мы дома святки, сидимъ масляницу, сидимъ святую недѣлю. Вотъ и все тутъ, все наше ликованье, вся радость и земная и небесная! На тѣ поры у насъ и пѣсня, и сказка, и ребята со звѣздой ходятъ и стихъ поютъ, и хухольники (ряжонные) бродятъ, и все такое. Тутъ мы живемъ во буракѣ: солнышко на то время, не тока́ себя, и сумерекъ-то не показываетъ. И, кажись, колибъ на ту пору не мѣсяцъ да не споло́хи (сѣверныя сіянія), да снѣгъ нашъ бѣлой пре-бѣлой не пускалъ отъ себя сіяніе, яко подобаетъ ему—тьма бы кромѣшная стояла и глаза бы полопались. Болятъ же они, правда, шибко ноютъ отъ ночниковъ отъ нашихъ со звѣринымъ саломъ, да за одну вёсну опять свѣтлѣютъ; морскіе, надо-быть, вѣтры продуваютъ, очищаютъ ихъ. И живемъ мы въ этой кромѣшной ночи до Евдокей до самыхъ (до первыхъ чиселъ мѣсяца марта). Тогда до-

рогой гостенекъ-солнышко сначала крайкомъ выглянетъ, тамъ запаздывать станетъ все дольше и больше, а тамъ онъ, батюшко, и совсѣмъ перестанетъ прятаться: такъ и стоитъ недѣль двѣнадцать съ лихвой надъ нашими надъ украйными палестинами и надъ Колой нашой сердечной. Выйдетъ оно на полдень красивое такое, какъ и быть лѣтнее солнышко, а пойдетъ на полуночь, такъ и смотри на него смѣло: не жжотъ глазъ, не гонитъ слезы. Стоитъ оно себѣ красное такое, что уголь печной, и большимъ такимъ кажетъ словно ихъ десять тутъ въ одно сошлись, и свѣтъ отъ себя бросаетъ оно на ту пору такой приглядной, что и сказать не можно. Словно бы Господь-то Богъ на ту пору всю землю красивою такою фольгою одѣялъ. Иной разъ вотъ этакъ-то вспомнишь, догадаешься, да и задумаешься: таково-то, молъ, хорошо все это, и-и — Господи! Всякое-то тебѣ въ ту ночь древо видно, и всякой-то листъ на немъ тебѣ въ красотѣ своей показуется, и вдали-то что, все видишь и понимаешь, словно, молъ, не ночь эта, а таже-де благодать, что по крещоному днемъ нарицается. Право, сказывать надо, духъ-отъ твой воскрыляется и сердцемъ твоимъ елей бы, что ли... проходитъ! Божье, братецъ ты мой, все дѣло это!...

— Рѣдко, правда же, зрѣлищемъ-то любуешься, потому заниматься этимъ времени не хватаетъ — мы въ ту пору всѣ на промыслахъ: кипитъ у насъ на ту пору дѣло съ пылу горячее. Рыбы лѣзетъ много, успѣвай только снасти обирать. А знаешь ли какъ мы это дѣло правимъ?

— Знаю.

— А постой-ко я вотъ тебѣ стишокъ покажу; у насъ одинъ молодецъ изъ учоных такихъ писалъ, тоже вашъ столичной. Больно хорошо въ немъ все наше дѣло описано, кажись, самъ-отъ такъ и не разскажешь складно. Очень похоже написано. Почитай-ко!

Вотъ эти курьозные стихи:

ВЕШНЫЙ И ПЕРВЫЙ МОЙ ВЫѢЗДЪ ВЪ МОРЕ.

Пустившись въ море отъ нужды
За рыбнымъ промысломъ скитаться,
Съ пріятной грезою мечты

Въ шнякѣ [1]) подъ парусомъ качаться,
Или ударомъ дружнымъ веслъ
Бороздить пѣнистую волну,
Или на ярусѣ [2]) изъ козлъ,
На мачту вскинувъ парусъ бѣлый, сдаться сну.
Но вышло что же наконецъ?
Мечта пріятная исчезла
И, Боже милостей, Творецъ!
Вся каторга трудовъ приспѣла.
Одинъ гласитъ: греби сильнѣе!
Другой кричитъ: греби непорко!
Иной трещитъ, что будь живѣе,
Другой, оря, бранитъ позорно!...
То то подай, то то возьми,
То поскорѣй тряску тряси,
То живо фартукъ привяжи,
То пить скорѣе принеси.
И не лишонному-то чести
Сносить все это каково! [3])
Тутъ нѣтъ приличья свѣтской лести,
Ослушался — такъ и въ скуло...
А въ становищѣ [4]), Боже мой!
Тюки носи, дрова коли,
Воды неси и рыбу рой [5]),
Потомъ, какъ конь, ее свези
За полверсты въ колѣно снѣгу,
Потомъ развѣсь на палтухъ [6]) въ сушку
И, наконецъ, бросая нѣгу,
Вари обѣдъ, уху голушку,
И чѣмъ немного бъ отдохнуть,
Само-собой, по христіански,
Кричатъ: ступай еще тряхнуть [7])
Хотя одну или двѣ тряски...
Опять въ шняку всѣ потащились,
Опять все тоже началось,

---

[1]) Поморское судно.

[2]) Ярусъ—рыболовная снасть для ловли трески и палтасины.

[3]) Авторъ былъ изъ ссыльныхъ.

[4]) Удобныя, закрытыя отъ вѣтровъ океанскія губы, по берегамъ которыхъ промышленники становятся станами въ избушкахъ.

[5]) Роить, свѣжить рыбу—чистить и приготовлять къ посолу.

[6]) Жерди на ёлуяхъ—козлахъ.

[7]) Тряску трясти—осмотрѣть ярусъ и снять съ него зацѣпившуюся на крючьяхъ рыбу.

Опять приказы разразились
И эхо брани разнеслось.
Ну вотъ! — и кончилась разъѣздка!
Другое дѣло принялось:
Пришла продажная разческа
И мѣна рыбы началась.
Вездѣ вкругъ раньшинъ и лодей
Шняки съ трескою прицѣпились;
Вездѣ премножество людей
На бортахъ, палубахъ расѣлись.
Иной беретъ для чая — чашку,
Другой холстины, сѣтку, чаю;
Иному нужно рыбну латку,
Другому что-нибудь къ случаю.
И сторговались наконецъ.
Пошли ребята чередомъ
Потомъ, о Боже, мой Творецъ!
Въ шнякахъ пошло все къ верху дномъ:
Упившись рому, всѣ кричатъ,
Тотъ пляшетъ, тотъ дерется,
Какъ пчелы въ уліяхъ жужжатъ,
Кто горько плачетъ, кто смѣется —
И каждый день все тожь и тоже,
И этакъ мѣсяца ужъ три,
А, можетъ, даже и побольше,
Текли страданія мои...
И изнуренный, изнемогшій,
Съ мозолями на всѣхъ перстахъ,
Брадой огромною обросшій,
И съ болью сильною въ плечахъ,
Опять пріѣхалъ въ Колу я,
Опять въ бездѣйственной дремотѣ
Жизнь сирая пошла моя —
Или во снѣ, иль въ тягостной зѣвотѣ.

Къ стихамъ этимъ, допотопнаго строенія, надо прибавить, въ объясненіе ихъ, то весьма важное обстоятельство, что дѣйствительно въ срединѣ лѣта являются изъ Норвегіи хозяева-поморы съ товарами, но главное—съ коньякомъ и ромомъ. Въ это время достаточно поломавшіеся въ началѣ лѣта промышленники творятъ безпросыпной, двухъ-трехъ-недѣльной загулъ, и тогда же запродаютъ себя въ пьяномъ видѣ смѣтливымъ богачамъ своимъ монополистамъ и на будущее лѣто.

— Въ Колѣ намъ по лѣтамъ дѣлать нечего (разсказывали

потомъ всегда словоохотливые коляне)—солнышко тамъ хоть и глядитъ во всѣ глаза, да не грѣетъ. Ничего у насъ не растетъ, ничего и не сѣемъ. Капусту вонъ бабы и садятъ, да и капустка у насъ не православная: вытянетъ ее всю въ листъ да вдоль, а кочнемъ не вьетъ, не загибаетъ — рубимъ ее, солимъ, да съ молитвой во щахъ и хлебаемъ: ничего, въ перемежку съ рыбушкой-то—живетъ! Вотъ вся тутъ и овощь наша. И потому у насъ нѣтъ этихъ растенiй самыхъ, что вдругъ тебѣ ни съ того, ни съ сего падаетъ вѣтеръ сѣверной и надѣвай теплую шубу, хоть по утру и въ рубахѣ по городу ходилъ. За то нарожается у насъ морошка знатная, ей и въ Питерѣ не брезгаютъ, крупная такая, что грецкой орѣхъ. Заливаемъ мы ее въ анкерахъ спиртомъ, али бо то ромомъ; она такъ и идетъ въ Шунгу на ярмарку, и не киснетъ и хвалятъ всѣ морошку кольскую. Ягодой этой, въ иной годъ, вся тундра усыпана, что снѣгомъ; другая такъ и погниваетъ. Да это опять таки что?—все это бабье дѣло! По лопарскимъ-то вонъ угодьямъ горностай бѣгаетъ, выдра въ морѣ идетъ, россомаха роетъ норы, такъ опять-таки и то не наше угодье и не слѣдъ намъ лопаря обижать. Лопарь, извѣстно, неумной человѣкъ; ему Господь такого разума не далъ, хоть бы вотъ нашему брату. Лопаря обидѣть легко, потому онъ добръ; придешь къ нему въ вѣжу—всѣмъ подчуетъ: вчерашной рыбы не подаетъ, а живую тащитъ, сегоднишную. А и выпьетъ — драться не лѣзетъ: не то, что нашъ поморъ; а ты его поцалуй, ты его самъ зазови въ гости, ты съ нимъ крестомъ помѣняйся, крестовымъ братомъ назови. Такъ онъ за тебя тогда душу свою заложитъ и выкупать не станетъ. Вотъ они каковы человѣки есть—добрый народъ. Теперь вонъ сказываютъ, что озорничать стали, убиваютъ-де котораго безсильнаго, да я не вѣрю же этому: безъ вѣсти, въ морѣ человѣкъ погибаетъ — на лопаря валятъ, кровью-то его человѣчью пятнаютъ, а онъ доброй, хлѣбосольной народъ. Это передъ тобой, какъ передъ Богомъ! Старики вонъ наши разсказываютъ, что за то, что они въ Бога нашего вѣрютъ, разъ (давно ужъ это, годовъ съ 80 назадъ) принесло морскимъ вѣтромъ въ губу нашу пять китовъ, да въ подосёнокъ. Океанъ-отъ нахлесталъ къ губѣ торосьевъ (льдинъ) бродячихъ, да и заморозилъ губу-то самую—такъ, слышь, сердечные-то и остались. Льду-то и не смогли проломать. Сбѣжались

лопари, да и изрубили топорами сало то ихъ, чуть ли, сказываютъ, не на три тысячи рублей деньгами. Словно горы, слышь, ледяные-то бугры стояли надъ звѣрями: намъ-де страшно было, а храбрые лопари, небось, не испужались. На моей памяти зашолъ этакъ китъ-отъ по прибылой водѣ (за рыбой, знать, за мелкой погнался) да и замѣшкался. Вода-то его не подождала—пошла на убыль: онъ и сѣлъ на мели. Насъ, что было — всѣ высыпали, да на него съ топорами, съ ножами, со скребками, кто съ чѣмъ успѣлъ, и малые, и старые, и бабій полъ. Рубили мы его часовъ пять и много вырубили. И сколь силенъ звѣрь этотъ! такъ вонъ, сказываю тебѣ: какъ почуялъ прибылую-то воду—покачнулъ насъ, чуть не свалилъ, пошевелился значитъ; да не смогъ, знать, уйти, такъ и дорубили до смерти. Изъ одного языка 80 пудовъ чистаго сала вытопили, вынули нутро, такъ мужикъ самой большой вставалъ, топоромъ не досягалъ до ребръ; а ребра, что бревна, позвонки, что наковальни, али стулъ высокой. Вотъ какой лютой звѣрь этотъ! Рѣдко же, надо тебѣ сказывать, бываетъ это, потому и лѣземъ дальше отъ дому, хоть и мило тамъ, и очень больно пріятно съ хозяйками. И теперь родины-то нашей, Колы-то, жаль: надо говорить правду. Очень жаль! Пуще того жаль собора нашего; такой онъ былъ приглядной, хорошой, такимъ благолѣпіемъ сіялъ, особенно вонъ съ горы Саловараки—все отдай да мало. Очень его жаль!

— Ну, да ладно, стану я сказывать теперь тебѣ про мастера, что строилъ соборъ-отъ нашъ: мастеръ этотъ былъ не изъ нашихъ, построилъ онъ много церквей по поморью; затѣмъ и нашу. И вотъ въ Нюхчѣ увидишь похожую, въ Колежмѣ; только разъ въ пять поменьше тѣ будутъ. Церкви онъ строилъ почесть-что задаромъ; говорилъ: меня-де только безъ денегъ домой не пущайте, а я-де Богу работаю, мзды большой не пріемлю. Такъ построилъ онъ въ Шунгѣ церковь; позвали къ намъ въ Колу; согласился, пришолъ и къ намъ, и у насъ работалъ, и у насъ соорудилъ церковь: вывелъ ее, значитъ, до главъ. Довелъ до главъ и идетъ къ старостѣ:

— Я, говоритъ,—главы буду выводить два мѣсяца, когда весь вашъ народъ, говоритъ, съ промысловъ домой придетъ, тогда-де и кресты поставимъ.

— Да не долго-ли, святой человѣкъ, говоритъ староста-то:— чай и скорѣй можно?

— Нѣтъ, говоритъ, — скорѣй нельзя.

— Ну-де, какъ знаешь!

— Я, говоритъ,—не съ тѣмъ сказалъ и пришолъ къ тебѣ. Ты, говоритъ, надо мной не ломайся, потому какъ я мастеръ и для Бога работаю, а не для вашихъ бородъ. У меня-де и своя таковая-то есть.

Подивился тутъ староста, подивился, ни съ чего-де человѣкъ въ сердце вошолъ, а онъ и сказываетъ:

— Ты, говоритъ, — на всю ту пору мнѣ по кубку вина утромъ, въ полдень и вечеромъ клади: безъ того-де и работать не стану.

Староста сталъ торговаться съ нимъ: на двухъ кубкахъ порѣшили, да чтобы поутру не пить. Такъ онъ тяпалъ, да тяпалъ и главы стяпалъ, и народъ съ промысловъ сталъ собираться. Опять пришолъ мастеръ къ старостѣ, опять сказываетъ:

— Не надо, говоритъ:—мнѣ вина твоего, а черезъ недѣлю повѣсти народъ, чтобы собрался—середній крестъ ставить стану, такъ чтобы при всѣхъ это дѣло было. Я, говоритъ, такъ и батюшекъ-поповъ повѣстилъ.

— Ладно, сказываютъ,—будетъ по твоему.

Осталось три дня, церковь готова и крестъ у церкви прислоненъ стоитъ: бери, значитъ, поднимай, его да и ставь.

— Не пора ли-де? опрашиваютъ.

— Нѣтъ (говоритъ) — сказалъ въ воскресенье — такъ и будетъ.

Глядятъ: сидитъ мастеръ на горѣ противъ собора, плачетъ, утромъ сидитъ, въ полдень сидитъ, вечеромъ сидитъ: и все плачетъ... Обѣдать зовутъ—ругается, спать зовутъ—пинается, а самъ все на соборъ-отъ на свой смотритъ и все плачетъ. Сидитъ онъ этакъ-то и на другой день и другую ночь, и плачетъ ужъ—всхлипываетъ. Ребятенки собрались, смѣются надъ нимъ— не трогаетъ, не гоняетъ. Въ субботу только къ вечернѣ сходилъ и опять сѣлъ на гору и просидѣлъ всю ночь. Въ воскресенье послѣ обѣдни только вина попросилъ, да хлѣба съ солью на закуску. Народъ собрался весь, и старъ и малъ; лопари-слышь наѣхали изъ самыхъ дальныхъ погостовъ. Всѣ его ждутъ. Приходитъ хмурой такой, нерадостной и хоть бы-тѣ, слышь,

капля слезинки. Ждутъ, что будетъ. Молебенъ отпѣли, староста съ шапкой мастера обошолъ народъ: накидали денегъ много въ его, мастерову значитъ, пользу, по обычаямъ. Полѣзъ онъ съ крестомъ на веревкѣ, уладилъ его, повозился тамъ, сталъ у подножія-то — кланяется. Народъ ухнулъ, закричалъ ему: «Богъ тебѣ въ помощь, Божья—молъ надъ тобой милость святая!» Все, какъ быть надо. Сталъ слѣзать—народъ замолчалъ, слѣзъ—ждетъ народъ, что будетъ, не расходится.

— Къ вамъ, говоритъ, — православные! слово и дѣло. Пойдемъ говоритъ, вмѣстѣ на рѣку на Тулому вашу. Тамъ, говоритъ, я съ вами толковать буду.

Народъ испугался на первыхъ-то на порахъ, да видятъ лицо его кроткое такое, свѣтлое: повѣрили, пошли — смотрятъ. Подошолъ онъ къ крутому берегу, вытащилъ изъ-за пояса изъ за своего топоръ: размахнулся, бросилъ его въ воду и выкрикнулъ:

— Не было такого мастера на свѣтѣ, нѣтъ и не будетъ!..

Сказалъ слова эти, бросился въ толпу; побѣжали за нимъ, кто догадался; на квартиру пришолъ. Цѣлой день не ѣлъ, все ревѣлъ, благимъ матомъ ревѣлъ, да потомъ оправился и денежки взялъ и въ свое мѣсто ушолъ.

И съ той поры (сказываютъ старики) сколько ни было ему зазывовъ, поклоновъ низкихъ, просьбъ почестныхъ, никуда не пошолъ, и топора не бралъ въ руки. Лѣтъ съ десятокъ жилъ послѣ того и пилъ, мертвую пилъ—тѣмъ, слышь, и померъ.

VIII.

МУРМАНЪ.

Время, вызывающее поморовъ на тресковой промыселъ; путь ихъ къ океану; подробности способовъ ловли трески и палтасины.—Мурманскіе судохозяева и ихъ покрутчики во взаимномъ отношеніи другъ къ другу и къ артели—покруту.—Возвращеніе мурманскихъ промышленниковъ домой и обряды до и послѣ этого.

Въ концѣ февраля полярная архангельская зима начинаетъ замѣтно умѣрять свои холода, которые въ концѣ января и въ началѣ февраля едва выносимы. Въ февралѣ зима *сдаетъ*, *кротњетъ*, говоря мѣткими поморскими выраженіями. Перестаютъ *играть* въ сѣверномъ краю неба *сполóхи* (полярныя сіянія); С. В. вѣтеръ, смѣняющій горные, чаще нагоняетъ густые туманы, покрывающіе сплошымъ, непроницаемымъ пластомъ все прибрежье, и хотя оно все еще засыпано глубокими, въ ростъ человѣка, снѣгами, тѣмъ не менѣе привычному уху помора слышатся подчасъ учащонные, вдвое зловѣщіе крики вòроновъ, чующихъ свой скорой отлетъ въ глубь окрестныхъ корельскихъ и дальныхъ финляндскихъ болотъ. Снѣгъ на берегахъ и на лудахъ еще сверкаетъ своимъ поразительно-яркимъ, едва выносимымъ для непривычнаго глаза блескомъ; пороги въ рѣкахъ, незамерзающіе во всю зиму, продолжаютъ шумѣть по прежному, но глухо и далеко не такъ бойко, какъ въ началѣ весны. Окраины моря подернуты еще широкимъ ледянымъ припаемъ и, при сильныхъ вѣтрахъ, все еще разгуливаютъ по немъ огромныя ледяныя поля съ потрясающимъ шумомъ и трескомъ. Подобно раскатамъ грома, ломаются тамъ самыя боль-

шія изъ льдинъ — *тóросы*, отъ сильно набѣжавшей и бойко разрѣзавшей ихъ мéньшей льдины. Но за то чаще перепадающія оттепели стали держаться дольше, а за ними и неразлучные насты на снѣжныхъ поляхъ — тотъ промерзающій и обледѣняющійся верхній слой снѣга, по которому такъ легко бѣгать на лыжахъ. Ночи хотя и становятся замѣтно короче, превращаясь при блескѣ луны, освѣщающей не менѣе блестящіе снѣга, почти въ такой же свѣтлой и ясной день, какимъ въ пору быть зимнему дню и при солнцѣ. Но по избамъ идутъ еще своимъ чередомъ *вечерины*, хотя и безъ пѣсенъ и плясокъ, по причинѣ великаго поста. Между тѣмъ незамѣтно наступаютъ и первые мартовскіе дни — *Евдокеи* — завѣтное время для поморовъ; и соображаетъ каждый на нихъ, про себя, пока еще лежа дома въ теплой избѣ и въ домашней холѣ:

— Въ Крещенье, на водосвятье, и потомъ цѣлой день крѣпкой *сѣверъ* тянулъ; надо-быть, по старымъ памятямъ, морскому промыслу хорошимъ; тоже опять и звѣзды — низко, у самаго моря шибко горятъ и играютъ. Чистый понедѣльникъ весну хорошую посулилъ: выпала на тотъ день такая свѣтлая, да благодатная погодка, что и бояться, стало быть, нечего. Все таково хорошо показуетъ, что вотъ и самого заставь сдѣлать-то этакъ — не сдѣлаетъ!...

И вотъ что бываетъ дальше на всемъ протяженьи поморья, начиная отъ городка Онеги и оканчивая послѣдними деревнями дальной Кáндалажской губы (по мѣстному Кандалухи) — Княжóй и Кандалакшей, во всякомъ почти селеніи найдется по одному, нерѣдко по три и даже болѣе богачей, у которыхъ ведется туго набитая киса съ деньгами, неразлучная съ ними страсть къ пріобрѣтенію еще бóльшихъ суммъ и, наконецъ, исконной (у иныхъ еще прадѣдовской) обычай *обряжать пó-крутъ*, т. е. нанимать работниковъ для промысла трески и пáлтасины на дальномъ Мурманскомъ берегу океана. За работниками дѣло не стоитъ: всегда тутъ же, подлѣ, домъ-о-домъ въ той же деревнѣ, живутъ цѣлыя семьи недостаточныхъ мужиковъ, у которыхъ нужда отняла возможность дѣйствовать самостоятельно, по себѣ; а, съ другой стороны, природа наградила крѣпкимъ здоровьемъ и силами, не отказавши, въ тоже время, ни въ терпѣніи, ни въ смѣлости. Привычка приспособила небогатыхъ поморовъ къ тому, чтобы цѣлые полгода не

видать семьи и часто даже не получать отъ нея никакихъ вѣстей, а короткое и близкое знакомство съ моремъ отучило ихъ и отъ жаркой печи и отъ теплыхъ палатей. Помору въ избѣ и тѣсно и душно, если только онъ въ силахъ и если еще не изломали его въ конецъ житейскія нужды и трудныя ломовыя работы. Богачъ припасай только деньги и свою добрую волю, а бѣднякъ-наемщикъ не заставитъ просить и кланяться. Онъ только придетъ около Евдокей въ избу *богатѣля*, встанетъ у дверей, помолится на тябло, да самъ же и отдастъ поясной поклонъ хозяину:

— Что, батюшко, Естегнѣй Парамонычъ, ладишь нонѣча туды-то? и проситель махнетъ головой и рукой въ уголъ.

— Знамое дѣло. Ну, да какъ и не ладить? ни одной почесть весны, какъ живъ, не запомню, чтобы не обряжалъ покрутовъ. Самъ вотъ подряжаю на двадцатую, да и батюшка-покойничокъ тѣмъ же пробавлялся...

— Знаемъ доподлинно и эту причину. Такъ и нонѣча, выходитъ, надумалъ?

— Отъ другихъ не отстану!

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ! какъ же, коли не такъ?

И проситель, оглядывая шапку свою съ разныхъ сторонъ, перекладываетъ ее изъ руки въ руку и, того и гляди, запуститъ правую руку за затылокъ.

— Беру ребятъ нонѣшную весну на два стана, — продолжаетъ хозяинъ.

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ: и это хорошое дѣло! Стало быть, тебѣ покручениковъ-то много же надо?

— По глаголу твоему. Вѣстимо больше, чѣмъ по запрошлой годъ.

— Я то — не лишной буду?

— Имѣлъ, имѣлъ, Степанушко, и тебя въ предметѣ: милости просимъ! обряжайся съ Богомъ!

Степанушко опять кланяется въ поясъ и опять оглядываетъ свою хохлатую шапку со всѣхъ сторонъ:

— Ты это какъ, Естегнѣй Парамонычъ, меня-то... въ какіе?

— Да постарому, думаю, Степанушко, по сёгодушному.

— Не обидно ли будетъ опять-то въ наживочники?

— Это ужъ твое дѣло, святой человѣкъ: на твой кладу разумъ, самъ смѣкай!

Проситель учащоннѣе завертѣлъ шапкой и весь зардѣлся: озадачили его послѣднія слова богатѣля.

— Ишь, вѣдь, ты прорва какая! не ладно вышло-то больно, на умѣ-то не такъ сложилось: ребятамъ нахвасталъ, что въ кóршики возьметъ меня Естегнѣй-то Парамонычъ — разсуждалъ проситель, по временамъ искоса взглядывая на хозяина.

— Въ кóршики-то кого берешь? говорилъ онъ уже вслухъ.

— Аль ты надумалъ?

— Больно бы ладно, отчего нѣтъ?

— Да не управишься, вѣдь тяжоло, свыку надо много.

Въ отвѣтъ на это проситель только улыбнулся и насмѣшливо посмотрѣлъ на хозяина.

— Обряды-то всѣ мурманскіе знать надо: гдѣ тебѣ сѣть опустить, гдѣ стоитъ тебѣ корга, въ кое-время рыба шибче идетъ, все надо... продолжаетъ хозяинъ.

Но и этимъ словамъ проситель улыбнулся и только боязнь разсердить хозяина и такимъ путемъ испортить все дѣло помѣшала ему прихвастнуть о себѣ: «что и мы-де съ твое-то знаемъ, тоже не первой годъ идемъ на Мурманъ-отъ, а богатъ вонъ ты — такъ и ежóвистъ, ни съ какой-де тебя стороны не ухватишь».

— Не обидь, говорилъ онъ уже вслухъ: — вѣчные за тебя Богу молельщики: возьми въ коршики-то!..

— Въ коршики — сказалъ не возьму: есть ужъ. До коршиковъ-то тебѣ надо еще разъ пятокъ съѣздить туда, да тогда ужъ развѣ. А то какъ тебѣ довѣриться! и ребята, пожалуй, съ тобой не пойдутъ: имъ надо по-знати, а ты еще и весельщикомъ не стаивалъ.

— Вели: состоимъ! намъ это дѣло въ примѣту; у тебя, вишь, на пятую вёшну иду!

— Нѣтъ, Степанъ, отстань ты—отстань: и не обижай ты меня попустому.

— Да хоть парнишку мово вели взять съ соб[illegible]?

— Парнишку бери, парнишко не тягост[illegible]щай привыкаетъ, хорошо-вѣдь это.

— Хорошо-то хорошо, Естегнѣй Парамонычъ, что говорить!

— Вѣдь въ *зуйки* берешь: чтобы кашу варилъ, да потроха прибиралъ?

— Да ужъ, извѣстно, не въ коршики. Ты... Естегнѣй... Парамонычъ! не дашь ли теперча мнѣ хоть маленечко?...

— Чего же это?

— Денегъ бы маленечко далъ—вѣчные бы Богу молельщики, а то, вишь, дома-то оставить нѣчего: измаются!

— Денегъ отчего не дать: мы за этимъ добромъ не стоимъ — много его у насъ. Для-ча не дать денегъ. Сколько же тебѣ надо?

— Да, вишь, бабамъ на лѣто, сколько положишь: твоя влась во всемъ, а мы тутъ, выходитъ, ни въ чомъ непричинны...

— Бабамъ скажи, чтобъ зашли, когда имъ тамо надо будетъ; а тебѣ вотъ на перву пору полтинничекъ.

Полтинникъ этотъ—такъ называемый *запивной*, заручной; онъ не пойдетъ въ общій счотъ при осеннемъ раскладѣ заработковъ промысловыхъ, и вотъ почему проситель не настаивалъ больше и тотчасъ же ушолъ, заручившись главнымъ, т. е. хозяиномъ. Просьба въ кормщики сказалась такъ, спроста, съ кончика языка соскочила безъ умыслу, какъ выражаются они же сами и какъ бываетъ часто со всякимъ поваженнымъ человѣкомъ, когда ему придетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего просить и еще и еще, хотя и такъ уже сытъ и удовлетворенъ, что называется по горло. Въ кормщики поступаютъ всегда испытанные, искусившіеся въ своемъ дѣлѣ ходоки: новичкамъ—тутъ не мѣсто; хорошіе кормщики всѣ на перечотъ въ поморьѣ; ихъ знаютъ всѣ хозяева и не заставляютъ приходить къ себѣ и кланяться; скорѣе хозяинъ ходитъ за ними, проситъ и поблажаетъ.

— Скоро, Еремушка, Евдокеи, говоритъ хозяинъ вкрадчиво-льстивымъ голосомъ.

— То-то, кажись, скоро, Естегнѣй Парамонычъ; ворόны ужъ больно шибко кричатъ. Вечоръ, слышь, выпить захотѣлъ, сунулся, анъ карманъ-отъ хоть вывороти, словно тутъ Мамай войной ходилъ: ничего не осталось...

Хозяинъ улыбается и милостиво и ласково, столько же и пріучившійся слышать почти во всякомъ отвѣтѣ весельчака-кормщика шутку, столько же и поблажающій ему, какъ человѣку дорогому и нужному:

— Собираешься-ли?

— Куда это?

— А на Мурманъ-отъ?

— Чего мнѣ собираться-то? на то хозяева, сказано, на свѣтѣ живутъ, чтобы покруты собирать, а наше дѣло извѣстное; дѣло боярское! Чего собираться-то мнѣ? Брюхо вонъ только съ собой-то прихвачу, да зубы еще нѣшто, ну... языкъ тоже, и будетъ съ меня на лѣто-то!...

— Къ кому же идти надумалъ, Еремушко?

— Да кто дастъ больше. Намъ, извѣстно, у того хорошо, гдѣ съ тебя работы меньше спрашиваютъ, да рому даютъ больше!

— А ко мнѣ пойдешь?

— И къ тебѣ пойду, коли вотъ *свершёны* *) больше 25 рублевъ положишь... на серебро выходитъ, да теперь дашь на выпивку полтора цѣлковыхъ — не въ счотъ.

Хозяинъ не стоитъ за этимъ, зная, что опытной кормщикъ не у него, такъ у другого найдетъ себѣ мѣсто. Еремушка только спроситъ, получивши деньги:

— Когда обѣдомъ-то на разстаньи кормить станешь, на Прокофья, что ли? такъ и знать будемъ: придемъ!...

---

*) При нарядѣ покрута соблюдаются обыкновенно слѣдующія правила, вездѣ общія для каждаго поморскаго селенія. Крутятся въ пай обыкновенно четверо: *кормщикъ*, *тяглёцъ*, *вѐсельщикъ* и *наживочникъ*. Послѣдніе трое называются *рядовыми* и отдаются въ полное распоряженіе кормщика. Отъ кормщика требуется вѣрное знаніе мѣстностей всего спопутнаго Бѣлаго моря, а тѣмъ болѣе океана и всѣхъ его становищъ, умѣнье метать снасти (яруса) и способы стряски, осола рыбы, знаніе *воды*, т. е. времени морскихъ приливовъ и отливовъ и, наконецъ, лучшія мѣста для лова. Добытой промыселъ дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго народъ, за его снасти и суда; остальная треть добычи дѣлится поровну между четырмя работниками. Кормщикъ, сверхъ того, получаетъ на свой пай *половóй* отъ хозяина, то есть еще ровно половину того, что ему досталось изъ третьей части по раздѣлу, и, сверхъ того, награду, такъ называемой *свершóнокъ*, отъ 50 и до 5 рублей сер., смотря по способностямъ своимъ и потому, какъ богатъ былъ промыселъ. И это послѣднее обстоятельство зависитъ естественно отъ расторопности самого кормщика и добросовѣстности въ работѣ остальныхъ троихъ его товарищей. Зуйки—мальчики не получаютъ на свою долю ничего, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ подарковъ и возможности съ малолѣтства пріурочивать себя къ труднымъ и дальнымъ работамъ на тресковыхъ промыслахъ.

И придетъ исполнить обѣщаніе, вѣрный старому обычаю *заручиться хозяиномъ*. Заручка эта, по давнему, всегда завершается, передъ походомъ покрутчиковъ, обѣдомъ, на который сзываютъ промышленниковъ мальчишки-зуйки, являющіеся въ назначенныя хозяиномъ покрута избы съ поклономъ и приговоромъ: «звали пообѣдать — пожалуй-ко!» Повторивши еще разъ послѣднее слово, зуйки стремглавъ убѣгаютъ въ другіе домы, къ другимъ званнымъ-желаннымъ. Обѣдъ прощальный, по обыкновенію, бываетъ сытный и жирный, гдѣ первымъ блюдомъ—треска, облитая яицами и плавающая въ маслѣ, послѣднимъ—жареная семга или навага—все это подправляемое обильнымъ количествомъ національной водки, а у тароватаго хозяина и ромомъ и хересомъ, которые такъ *дешево* достаются въ Норвегіи. Естественно, къ концу обѣда, когда гости, что называется, распояшутся и войдутъ во вкусъ, начинаются крупные разговоры, затѣмъ споры; гости, пожалуй, побранятся и поцѣлуются; потомъ наговорятъ про себя и для себя всякаго пьянаго, безтолковаго вздору, споютъ нѣсколько безалаберныхъ, безсмысленныхъ пѣсенъ безъ конца и начала и, разбредясь кое-какъ по своимъ угламъ, покончатъ такимъ-образомъ дѣло съ хозяиномъ до будущей осени, когда вернутся домой уже съ промысловъ.

На другой день послѣ хозяйскаго пира, если не похмѣлье, со всею неприглядною обстановкою вчерашняго пьянства, то уже непремѣнно сборы въ дальный путь-дорогу и прощанья со всѣми родными и сосѣдями. Наконецъ наступаетъ и самый день проводъ, съ вѣчнымъ бабьимъ воемъ на цѣлую деревню. Мужья, братья и сыновья, обрядившись по дорожному и помолившись на свою сельскую церковь, цѣлой ватагой идутъ на дальной Мурманъ за треской, а стало-быть, и за деньгами. Теперь пока они всѣ еще въ кучѣ и не разстались съ остающимися дома родными.

Вообще нещедрый на слезы русскій человѣкъ, искушонный въ трудахъ и сопряжонныхъ съ ними частыхъ разлукахъ, плачетъ рѣдко, и если уже подступитъ ему горе подъ сердце и нѣтъ ему исхода, слезы эти бываютъ и горьки и едва выносимы. Чѣмъ-то зловѣщимъ, раздирающимъ душу несутся съ сельскихъ погостовъ всякому свѣжому проѣзжому человѣку вопли и причитыванья надъ свѣжой могилой, вырытой для кормильца—

радѣльника и едва терпимы, едва выносятся еще неозлобленной, вѣрующей во все святое, душой тѣ простыя, повидимому, сцены, которыя разыгрываются подчасъ на площадкахъ и улицахъ какой либо дальной деревушки или бѣднаго уѣзднаго городка, въ которомъ производился рекрутскій наборъ. Огромная толпа народа, запрудившая всю главную улицу отъ одной стороны ея до другой, едва колеблясь, медленно, какъ только возможно медленно, подвигается впередъ. Разноцвѣтно-пестрая по бокамъ, однообразно-сѣрая въ серединѣ, толпа эта молчитъ, какъ бы выслушивая всю до конца длинную, печально-погребальную пѣсню, которую тянетъ середина народной массы. Изрѣдка прорываются между однообразными звуками напѣва болѣзненные вздохи и выкрики, готовые превратиться въ одинъ сплошной плачъ и ревъ, когда выяснятся и примутъ плачевное цѣлое послѣднія слова длинной, безотрадной пѣсни:

Ужъ и гдѣ жъ, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротати?
Будемъ день дневать въ чистомъ полѣ,
Ночь коротати во сыромъ бору.
Во темномъ лѣсу все подъ сосною
Подъ кудрявою, подъ жараво .
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьицо — зло кореньецо,
Одѣялышко — вѣтры буйные,
Покрывалышко — снѣги бѣлые,
Обмываньице — частый дождичекъ,
Утираньице — шолкова̀ трава,
Родной батюшко нашъ — свѣтёлъ мѣсяцъ,
Красно солнышко — родна матушка,
Заря бѣлая — молода жена.

И пусть оттуда, изъ середины толпы этой, тотчасъ же раздается на смѣну иная, веселая, плясовая пѣсня, сопровождаемая и стукомъ въ бубенъ, и взвизгами задыхающейся гармоники и трынканьемъ сподручной, но не гармоничной балалайки; пусть эта толпа пьетъ крѣпко и много на всѣхъ дневкахъ и подымаетъ пыль трепакомъ и камаринскимъ вездѣ, гдѣ позволятъ ей перевести духъ и полежать свободно — день проводъ изъ родныхъ мѣстъ на всю жизнь, до гробовой доски, ляжетъ тяжолымъ гнетомъ на сердцѣ и въ воспоминаніяхъ всѣхъ, кто хоть разъ увидитъ подобную картину и бу-

детъ въ ней не участникомъ, а даже простымъ, спокойнымъ, непричастнымъ дѣлу свидѣтелемъ.

Въ проводинныхъ слезахъ поморскихъ бабъ чуется иной смыслъ, далеко не такъ знаменательной и горькой. Русская баба вездѣ не прочь поплакать, было бы только къ чему привязаться, а тутъ вотъ какое горе: вчера былъ мужъ подлѣ, тутъ же подъ бокомъ, а теперь, гляди и нѣтъ его, да и завтра нѣтъ, и все лѣто не будетъ; а тамъ надо за дровами въ лѣсъ съѣздить, лошадь впречь, дерево свалить; смотришь изъ начальства кто пріѣхалъ и пошолъ крутить все, да браниться направо и налѣво, надо ему подводу сбивать, гребцовъ собирать, *карбасъ* обрядить, да и такой, чтобы и съ боковъ не просачивалъ, да сверху бы навѣсъ былъ, чтобы не мочилось его благородье дождемъ; во всемъ правь десятскаго должность; съ женскимъ-то умомъ-толкомъ не вездѣ тутъ угодишь. Парнишку гдѣ бы тутъ въ иную пору сунула вмѣсто себя — пущай-де отвѣчаетъ передъ начальствомъ — такъ и тутъ несходное: и парнишекъ-то всѣхъ прихватили большаки съ собой на Мурманъ. И воютъ бабы цѣлымъ селеніемъ въ перегонку одна передъ другой, мужики, съ ногъ до головы укутанные въ оленя, потянутся изъ деревни на задворья и дальше въ снѣжную степь; повоютъ потомъ и въ домахъ цѣлыми артелями и въ одиночку; на завтра поохаютъ, повздыхаютъ тяжоло и глубоко, но уже не дальше, на томъ простомъ основаніи, что нудой поля не изъѣздишь, тугой моря не переплывешь; не на вѣкъ же и не первой же годъ такъ-то...

Съ тѣмъ же стоическимъ хладнокровіемъ переносятъ и мужья ихъ болѣе тягостную и болѣе безутѣшную разлуку съ родными семьями и деревней, тѣмъ болѣе, что безпріютная, голая дѣйствительность обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не даетъ покою своимъ холодомъ, крѣпко на крѣпко заправляемымъ постоянными, упорными вѣтрами съ моря и своими глубокими въ маховую сажень снѣгами. Рады путники, какъ находкѣ, какъ особой наградѣ за свою рѣшимость и трудный дальной путь, когда морозъ прокуетъ рыхлый подвесенній снѣгъ крѣпкимъ настомъ, давая имъ возможность легче и удобнѣе бѣжать по немъ на лыжахъ. Картина странствія значительно оживляется, и хотя не слышно разговоровъ, уступившихъ мѣсто серьозной работѣ, для того, чтобы по возможности скорѣе сократить раз-

стояніе до мѣста привала, за то учащоннѣе слышатся и взвизги и лай большихъ жолтыхъ собакъ, запряжонныхъ въ салазки съ необходимой поклажой и управляемыхъ ребятенками, съ малолѣтства обрѣчонными привыкать къ будущимъ трудовымъ работамъ на океанѣ. Впереди несутся на лыжахъ въ перегонку и только отдуваются, быстро перемѣняя одну ногу другой и подкатывая себя все дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятишками, а между тѣмъ вдали уже чернѣетъ одинокая промысловая изба, до половины зарытая снѣгомъ — мѣсто привала, если только бьетъ уже кровь въ ноги и подгибаются колѣни, и если далеко еще путникамъ до селенія, которыя не бываютъ ближе 40 — 50 верстъ одно отъ другаго на всемъ пути по прибрежьямъ. Въ промысловой избенкѣ промышленники находятъ немного: четыре закоптѣлыхъ стѣны, замшонныя коекакъ, съ щелями; въ одной стѣнѣ какимъ то чудомъ уцѣлѣла еще рамка со стекломъ, играющимъ всѣми цвѣтами радуги; другое отверстіе просто уже заткнуто кускомъ армячины; сверху потолокъ изогнувшійся, покривившійся во многихъ мѣстахъ и глянцовитой отъ налетѣвшей сажи и выкипѣвшей сѣры. Въ углу печка кое-какъ смятая изъ глины съ пескомъ, потрескавшаяся и закоптѣлая; подлѣ нея полусгнившія нары; кругомъ— покривившіяся лавки, обезноженная скамеечка, двѣ доски, изъ которыхъ сооружается столъ. Въ другомъ углу тябло съ почернѣвшимъ и полопавшимся образомъ, и тутъ же двѣ самодѣлки-ложки деревянныя, берестяная коробочка съ отсырѣвшею грязнаго вида солью, ведерко для воды... ножикъ... мѣшочекъ съ мукой и сухарями... сачокъ для рыбы. Все, по обыкновенію, издавна укоренившемуся въ безлюдномъ и безпріютномъ архангельскомъ краѣ, запасенное для всякаго прохожаго, имѣющаго ежечасную возможность спутаться съ дороги, просидѣть въ пустой избѣ и умереть съ голоду, если на долго завяжется бойкая, порывистая погода съ сильными вѣтрами и истощится весь запасъ взятой съ собою провизіи. Горькое горе, только привычнымъ человѣкомъ выносимое—это тѣ мятели, по мѣстному *хивуса́*, когда снѣгъ носится цѣлыми тучами съ одного мѣста на другое, подрывая бѣгущихъ на лыжахъ и сбивая съ ногъ собачонокъ, ежеминутно грозя засыпать все это высокимъ снѣжнымъ курганомъ; тутъ одинъ исходъ, если нѣтъ подлѣ спа-

сительной избушки и высокаго подвѣтреннаго бугра, обернувши сани вверхъ копыльями, ложиться подъ нихъ, предаваясь волѣ Божьей и пережидать, пока вѣтеръ перестанетъ раскачивать чунку и нагребать на нее новые сугробы. Но и это не въ диво испытаннымъ въ путевыхъ лишеніяхъ поморамъ: лежатъ они и толкуютъ:

— А тепло, братцы, что въ банѣ! хоть бы и вѣкъ такъ.

— Мокро ужъ больно, Ервасей Петровичъ; ишь, словно капель какая! всего такъ и обливаетъ тебя...

— Бери-ко шесты да порастолкайте—легше будетъ.

— А ты бы, Матвѣюшко, налегалъ бокомъ-то, уминалъ бы снѣгъ-отъ; все, гляди, и дышать-бы просторнѣе стало. А что, крутитъ, братцы, вѣтеръ-отъ? разгрябись-ко да выстань!...

— Крѣпче серчаетъ, Ервасей Петровичъ, такъ и заслѣпило всю рожу, какъ выглянулъ.

— Ну, лежи, братцы, плотнѣй да дружнѣй; твори молитву: помилуй мя Боже!...

— А что, Ервасій Петровичъ, на умъ мнѣ пришло: котораго у тебя хозяйка-то парнишку родила—анъ пятаго?

— Ишь тебѣ, чорту, дѣла-то мало? лежи знай! да поплотнѣй ложись, другое думай что смѣшное, не засыпай, бодрись... тыкай шестомъ-то кверху; шапку бы кто просунулъ: поваднѣй бы дышать-то. Ну-кось, ребята!...

— Водки бы теперь выпить, Ервасей Петровичъ!...

— Рому бы аглечкаго!...

— Плетью бы васъ, дураковъ, поперегъ живота, чтобы знали, что къ чему и какую молитву творить надо передъ смертью... Лежи-ко дружнѣй, да разговаривай меньше; попусту только духъ-отъ глотаете!...

— Ну, братцы, знать еще неписана про насъ смерть эта! говорилъ тотъ же Ервасей Петровичъ уже въ лучшихъ обстоятельствахъ: въ теплой, знакомой избѣ ближайшаго селенія.— Знать еще въ книгѣ-то судебъ Божіихъ имена наши не похѣрены: быть намъ, стало-быть, и нонѣ на Мурманѣ.

— Наше дѣло еще что? полусутокъ-то, почитай не лежали; а вонъ лопари на тундрѣ—трое было—такъ заснули, надо быть, подъ чункой-то: по веснѣ ужъ нашли, что кисель-де, сказываютъ, совсѣмъ погнили: такъ де чорные, какъ уголь, молъ, чорные!...

— А бываетъ, что и по суткамъ лежатъ—и ничего; надо-де въ носу щекотать, чтобы сонъ-отъ не бралъ.

— Не надо бы выходить въ такую погоду.

— Ну да какъ ты узнаешь-то, Елистратушко, какъ? вонъ въ деревнѣ: такъ оно, по стариковски, не ходи въ море—бури падутъ, коли ребятенки на улицѣ въ колокола звонятъ, играютъ значитъ; а тутъ-то какъ? Пущай, коли крѣпко на встокѣ небесья чернѣтью затянетъ—вѣтеръ падетъ крутой и съ пылью; да какъ уснаровиться-то, какъ? По лѣтамъ, вишь, такъ чайки бы да гагары сказываютъ — и снаровился, подлаживался, а тутъ тебѣ снѣгу, что воды въ морѣ, а и ширь-то ширь по полю, что почесть не въ двои сутки изъ жилья въ жилье угодишь...

— Нѣтъ, да ужъ что, Ервасей Петровичъ, толковать попустому; не ты смерти ищешь, сказано: она сторожитъ. Вонъ Луканько-то по три года на Мурманъ ходилъ и въ городъ по всѣ разы плавалъ: а дома по грибы, вѣдь, поѣхалъ-то, и опрокинуло; отъ смерти не посторонишься: на роду пишется, гдѣ тебѣ умереть надо, то мѣсто и на кривой оглоблѣ не объѣдешь...

Лопоть (все что носится на себѣ, рухлядь) высохнетъ, ребятенки выспятся, хозяева отдохнутъ, собаки отлежатся и путники опять направляются дальше, крѣпко заправивши желудки, и съ прежною вѣрою въ лучшую долю и болѣе или менѣе отрадное будущее. Мелькнутъ мимо ихъ спопутныя деревни и села, по обыкновенію пріютившіяся верстъ на 5, на 6 отъ моря, при устьѣ болѣе или менѣе значительной рѣчки, всегда порожистой, нѣсколько широкой при устьѣ, но на второй же, третьей верстѣ значительно съузившейся и переходящей въ плохую, лѣсную рѣчонку. Селенія эти двумя рядами двухъ-этажныхъ, чистенькихъ, веселенькихъ избъ, раскрашенныхъ по ставнямъ, по крышамъ и даже воротамъ, всегда расположены по обѣимъ сторонамъ рѣчонки. Чуть живой мостикъ, почти пригодной только для пѣшеходовъ и вовсе неудобной для конной ѣзды (которая, впрочемъ и не въ ходу), соединяетъ обѣ половины селенія. Въ рѣдкомъ изъ нихъ дома эти идутъ не сбиваясь въ кучу, даже въ нѣкоторой симметріи. Въ рѣдкомъ нѣтъ кабака; въ рѣдкомъ изъ нихъ клѣтки, старенькія и низенькія, не составляютъ вторую сторону улицы — собственно набережную; рѣдко изъ селеній не въ двѣ, три версты длиною, и всегда и

во всѣхъ нѣсколько десятковъ пестрыхъ крашеныхъ шестовъ съ флюгарками, замѣняемыми часто простымъ клочкомъ ситца, ленточкою и даже веревкой, голикомъ и проч. Въ богатыхъ селеніяхъ, преимущественно селахъ, разница та, что побольше домовъ новенькихъ, обшитыхъ тесомъ и раскрашенныхъ всѣми ярко-прихотливыми цвѣтами: коричневымъ, зеленымъ и синимъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ внутри и зеркалъ много, и картины развѣшены, и полы штучные и крашеные, и всегда и во всѣхъ селахъ старинныя, обветшалыя церкви, только по угламъ обшиты тесомъ, съ рѣзкими, яркими заплатами кое-гдѣ по мѣстамъ на крышахъ, съ отдѣльно — стоящими колокольнями въ одинъ просвѣтъ, гдѣ три-четыре маленькихъ колокола, до половины разбитыхъ, съ глухимъ сиплымъ звономъ. Тутъ же, противъ церкви, общественный домъ для церковниковъ: верхній этажъ для попа, нижній для дьячка и пономаря—домъ съ вѣчными горшками герани на окнахъ, съ садикомъ или, лучше, клочкомъ огородца передъ окнами, гдѣ нерѣдко можно увидѣть и парничокъ, и пять-шесть грядокъ съ неизбѣжнымъ чучеломъ на одной изъ нихъ. Пропасть мелкихъ судовъ въ перебивку съ кое-какими изъ крупныхъ, зазимовавшихъ въ рѣкѣ, жолтыя большія собаки, бѣгающія по улицѣ, парочка бойкихъ и статныхъ оленей, да кучи сбитаго у дворовъ и по задворьямъ снѣга довершаютъ картину любаго поморскаго селенія, всегда однообразнаго, всегда способнаго навести на всякаго свѣжаго человѣка безъисходныя тоску и апатію.

Промышленники, отправляющіеся на Мурманъ *), идутъ изъ Кандалакши или почтовымъ путемъ на Колу, или черезъ Лапландію — прямо къ своимъ становищамъ, смотря потому, куда ближе лежатъ эти становища: къ Святому-ли Носу или къ городу Колѣ. Труднѣе и безпріютнѣе изъ обоихъ путей на Мурманъ тотъ, который идетъ черезъ Лапландію — эту огромную тундру, кое-гдѣ покрытую озерами и частыми порожистыми рѣками и прерываемую небольшими гранитнаго свойства горами. Горы эти, уже окончательно пустынныя, съ незначительными

*) Вся дорога имъ отъ дому до цѣли похода стоитъ обыкновенно не больше 5 цѣлковыхъ, даже, пожалуй, и со всѣми непредвидѣнными расходами.

проблесками жизни, обступили океанъ, образовавши такимъ образомъ сплошную стѣну на 300 верстъ протяженія (отъ Св. Носа до Кольской губы), называемую издревле норманскимъ берегомъ, превратившимся на языкѣ туземцовъ въ *Мурманскій*, *Мурманъ*. Тонкой слой тундры, этой сгустившейся болотной грязи, проросшей кореньями травъ въ смѣшеніи съ пескомъ и мелкими камешками, выстилаетъ всѣ вершины мурманскаго гранита, давая достаточно питательныхъ соковъ для ягеля — бѣлаго моха—любимой, единственной пищи оленей. Кое-гдѣ на покатостяхъ мохъ зеленѣетъ и надъ нимъ прорѣзается колѣнчатой приземистой березнякъ—*сла́нка*; на южныхъ отклонахъ березнякъ этотъ выростаетъ и больше аршина, а мохъ смѣняется зеленою травою; появляются кое-гдѣ цвѣты и даже порядочной соснякъ, особенно по рѣкамъ, бѣгущимъ изъ Лапландіи. За то собственно прибрежье—подошвы мурманскаго береговаго гранита — сплошной голой камень съ булыжникомъ по отлогостямъ, съ вѣчными снѣгами въ разсѣлинахъ, обращонныхъ къ сѣверу и песчанникомъ въ нѣкоторыхъ небольшихъ заливцахъ или, по туземному, *за́водяхъ*. Берегъ на всемъ своемъ протяженіи, представляя всевозможнаго рода неровности, то переходя въ высокія, обрывистыя горы, то спускаясь въ синюю массу воды океана невысокими отлогостями и мысами, называемыми обыкновенно *носомъ*, изрѣзанъ множествомъ губъ и заливовъ. Неопасныя по подводнымъ коргамъ и мелямъ и защищонныя отъ морскихъ вѣтровъ губы, удобныя для якорныхъ стоянокъ, носятъ названіе становищъ, которыми особенно богатъ приглубой, почти всюду чистой Мурманскій берегъ, сравнительно съ обмелѣвшими бѣломорскими берегами. Болѣе удобныя и болѣе безопасныя изъ становищъ (и именно тѣ, въ которыя не заходитъ прибой океанскихъ волнъ, въ которыхъ тихо гуляетъ всякій вѣтеръ, будетъ ли онъ морской или горной) служатъ временнымъ пристанищемъ бѣломорскихъ судовъ, назначенныхъ для тресковаго промысла. По большимъ ущельямъ, снабжоннымъ прѣсною водою отъ пробѣгающихъ въ нихъ рѣчонокъ, настроены рыбачьи *станы* — тѣ уродливыя избенки, догнивающія свой вѣкъ подъ морскими дождями и снѣгами и разшатываемыя крѣпкими, порывистыми и продолжительными морскими вѣтрами — избенки, которыхъ такъ много по всѣмъ островамъ и пустыннымъ берегамъ сѣверныхъ морей Россіи.

Кое-какъ сплоченныя изъ тонкаго, дряблаго, лапландскаго лѣса и обсыпанныя съ боковъ и сверху морскимъ пескомъ, съ щелями, заткнутыми мохомъ и служащими вмѣсто оконъ, избенки эти, въ числѣ пяти—шести, составляютъ родъ небольшаго временнаго селенія, оживленнаго только съ апрѣля до половины августа и пустыннаго во все остальное время года. Изрѣдка—раза два-три во всю осень и зиму—навѣщаютъ ихъ лопари ближайшихъ погостовъ, чтобы посмотрѣть все ли цѣло изъ сѣтей, веревокъ, суденковъ, кулей муки и соли, оставленныхъ поморскими промышленниками подъ ихъ личной надзоръ и смотрѣніе. Посмотритъ лопарь, покопошится въ избенкахъ, перехватитъ на отощавшой желудокъ того, что догадался прихватить съ собой изъ дому, и выйдетъ посмотрѣть на океанъ, пока олени его, пробивая копытомъ снѣгъ, достаютъ себѣ бѣлой мохъ и комочки самаго бѣлаго, мягкаго снѣга. Но какимъ-то зловѣщимъ и далеко не покоющимъ воображеніе зрѣлищемъ глядитъ въ то время океанъ; съ октября еще и во всю зиму почти безпрестанно носятся по немъ огромныя глыбы льду — *торосà,* оторванныя бойкими, порывистыми волнами отъ береговыхъ *припаевъ* и успѣвшія въ долгомъ плаваніи намерзнуть и смерзнуться въ длину и ширину на нѣсколько сотенъ и часто тысячъ саженъ. Съ поразительнымъ шумомъ носятся они по прихоти вѣтровъ, одинъ торосъ за другимъ, и съ визгомъ, раздражающимъ нервы, идутъ они бокъ-о-бокъ, пока новой штормъ не раздробитъ ихъ въ отдѣльныя груды—*стамухи.* Длинными *поясами* (полосами) и широкими *полянами* (плотными ледяными полями) ходятъ по всему океану отъ береговъ и къ полюсу всѣ эти тороса и стамухи. Кое-гдѣ и въ рѣдкую на сѣрѣющемъ пространствѣ до того вплотную темнаго моря просвѣчиваютъ *рынчаги*, какъ острова, какъ водяные оазисы посреди *заживщаго*, *ропачйстаго* океана. Но и эти рынчаги недолго остаются свободными, недолго просвѣчиваютъ въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, почти ежеминутно замѣщаясь или *саломъ* (комками снѣга, смытаго съ торосовъ волной, но еще не успѣвшаго обледенѣть и пристать къ ближайшой льдинѣ), или *шугóй*—мелкимъ, рыхлымъ льдомъ, превратившимся въ кашу отъ тренія одной льдины о другую. Тамъ, гдѣ по пути попадаются полянамъ и поясамъ *стамикй*—каменистые подводные острова, громоздятся одна на другую цѣлыя горы льду, которыя, при первомъ поры-

вистомъ вѣтрѣ, въ свою очередь, образуютъ новыя поляны и новые пояса. Послѣдніе тѣмъ чаще начинаютъ бродить по морю въ концѣ зимы, что вѣтры, вѣрные необъяснимымъ законамъ природы, начинаютъ переходить въ межонные, т. е. дуть уже не съ прежнимъ постоянствомъ и настойчивостію, смѣняясь, какъ бы по очереди, одни другими, переходя часто отъ одного румба компаса на другой, противоположной. Такъ бываетъ обыкновенно въ началѣ апрѣля. Въ маѣ прибрежной ледъ начинаетъ отодвигаться отъ береговъ и только въ концѣ этого мѣсяца (рѣдко въ серединѣ) оставляетъ океанъ свободнымъ и чистымъ. Въ апрѣлѣ, когда появляются на Мурманъ первыя артели промышленниковъ, глубокой снѣгъ лежитъ еще всюду, но замѣтно уже осѣдающій къ серединѣ этого мѣсяца, когда быстро сокращаются длинныя зимнія ночи и солнце начинаетъ запаздывать на горизонтѣ все дольше и дольше. Между тѣмъ, почасту на разныхъ сторонахъ горизонта появляются рѣзкія, сѣровато-холмистыя полосы, какъ бы дальный берегъ, при значительномъ вѣтрѣ, сопровождаемыя туманами, до того густыми, что въ двадцати шагахъ трудно бываетъ различать ближайшую избенку, сосѣднее судно; съ мачтъ и снастей послѣднихъ падаютъ даже почасту комки сгустившейся слизистой жидкости. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая туманы эти разрѣшаются дождемъ, при сѣверныхъ вѣтрахъ—мелкимъ и настойчивымъ, при южныхъ—крупнымъ и перемежающимся. Но пока еще не зазеленѣютъ мохъ и трава по южнымъ отклонамъ горъ, пока еще не слыхать по берегу ни чаекъ, ни гагаръ, и льды не всѣ еще унесло къ полюсу, воды океана оживаютъ, въ нихъ являются двѣ прожорливѣйшія породы изъ всѣхъ морскихъ рыбъ—треска и па̀лтусъ, вмѣстѣ съ невинными жертвами ихъ алчности — сельдями. Ловъ тѣхъ и другихъ составляетъ главную и единственную цѣль появленія на пустынномъ Мурманскомъ берегу океана почти всего мужскаго населенія Кемскаго, Онежскаго и отчасти Мезенскаго поморья. Возможность всегдашняго богатаго улова, способнаго вознаградить всѣ труды, издержки и лишенія, поддерживаетъ твердость духа и мужество полуторы-тысячи промышленниковъ, поставленныхъ во всегдашную, трудную борьбу со враждебными стихіями — океаномъ и климатомъ. До двадцати, болѣе значительныхъ, по количеству, становъ разбросано на всемъ протяженіи берега

отъ Семи-Острововъ до Териберихи (губы) и отъ Іоканскихъ острововъ до Кильдина. Въ каждой становой избѣ помѣщается обыкновенно отъ 12 и до 16 человѣкъ, и только въ крайнихъ случаяхъ больше 20-ти. Весь людъ, населяющій мѣста эти лѣтомъ, съ малолѣтства подготовленный къ труднымъ и однообразно-утомительнымъ работамъ, начинаетъ настоящую дѣятельность свою тогда только, когда прибрежья океана очистятся отъ льда и дадутъ возможность опускать *ярусá*. Яруса эти обыкновенно обряжаются слѣдующимъ образомъ: къ веревкѣ, свитой изъ тонкаго прядева и называемой *ȯростягой*, на одномъ концѣ прикрѣпляется уда—крючокъ, обложенной варомъ въ мѣстѣ прикрѣпленія, чтобы рыба не могла сорваться. Оростяги эти (длиною въ аршинъ и полтора) привязываются другимъ концомъ своимъ, на разстояніи одна отъ другой около 4 аршинъ, къ толстымъ веревкамъ, концами своими связаннымъ между собою. Веревки эти, взятыя въ совокупности съ удами и ȯростягами, и называются *ярусомъ*. Ярусъ этотъ обыкновенно спускается на самое дно океана и растягивается на немъ верстъ на 5 и на 6. Для того, чтобы ярусъ удерживался на днѣ океана, употребляются особаго устройства якоря, состоящіе изъ тяжолаго булыжнаго камня, защемленнаго въ сучковатое полѣно и укрѣпленнаго въ немъ *вичью*, древесными кореньями. Отъ якоря на поверхность воды выпускается *кубасная симка* или *стоянка*, такая же, какъ ярусъ, веревка, къ противоположному концу которой, надъ водою, прикрѣпляется деревянной поплавокъ, называемой обыкновенно *кубасомъ* (длиной почти въ 2 аршина, а шириной вершковъ 8)—родъ чурбана: такихъ бываетъ два на всемъ ярусѣ. Къ кубасу, на верхней поверхности его, плотно прибивается шестъ, длиною аршина въ 2 и 3, съ голикомъ или вѣникомъ на концѣ, называемый *махȧвкой*. Махȧвка это означаетъ мѣсто, гдѣ брошенъ ярусъ и должна быть примѣтна изъ становища. Крючки наживляются по веснамъ маленькой рыбкой *мойвой* и *пикшей*, лѣтомъ — червями, кусочками сельдей, семги и даже той же самой треской и кусочками того же самаго пȧлтаса, для которыхъ и сооружается весь этотъ длинной подводной ярусъ. Ярусъ бросаютъ отъ берега верстъ на 5 и на 10 и всегда четыре человѣка, отправляющіеся для этой цѣли на особаго рода суднѣ, называемомъ обыкновенно

шнякой *). Тѣже четверо *трясутъ тряску*, т. е. черезъ каждые шесть часовъ, по убылой водѣ, осматриваютъ и обираютъ ярусъ: коршикъ (кормщикъ) правитъ судномъ, *тяглéцъ* тянетъ ярусъ; *вéсельщикъ* улаживаетъ судно на одномъ мѣстѣ, чтобы ловче было тяглецу вытаскивать якорь. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе сокращается стоянка, вода начинаетъ бѣлѣть и серебриться, а когда покажутся оростяги, зацѣпившаяся рыба болѣзненно бьется почти на каждомъ крючкѣ; рѣдко попадаетъ туда какой нибудь полипъ, еще рѣже сельдь. Обязанность наживочника—снять съ уды рыбу (треску и палтасовъ) и, отвертывая имъ головы, бросать въ шняку и опять наживлять крючки новой наживкой до тѣхъ поръ, пока не осмотрятъ весь ярусъ и пока шняка ихъ способна нести на себѣ всю, нацѣпившуюся на крючья, рыбу. Случается такъ, что въ благополучной уловъ съ одного яруса увозятъ по двѣ и по три полныхъ шняки; случается и такъ, что вынимаютъ ярусъ совершенно пустымъ: не только безъ рыбы, но даже и безъ наживокъ и удъ. И ударятъ промышленники себя съ горя по бедрамъ, примолвивъ:

— И такъ-то мы, братцы, на хозяйское — чужое дѣло — не падки: а тутъ вотъ тебѣ этакой еще срамъ, да поношенье!

— А все, вѣдь, это, Ервасей Петровичъ, акула, надо-быть, прорва эта ненасытная!

— Кому, какъ не этой лѣшачихѣ, бѣды творить; вотъ подавиться бы ей, проклятой, добромъ нашимъ, и, гляди, брюхо-то у ней — пучина морская; чай, облизнулась только. Опять, смотри, придетъ пообѣдать. Надо бы, ребята, на другое мѣсто якорь-то положить!...

---

*) Это—открытая лодка изъ широкихъ досокъ въ наборѣ, шитая, какъ всѣ бѣломорскія мелкія суда, *вицой*, отчего и служитъ на промыслахъ не дольше трехъ лѣтъ. Она—съ плоскимъ дномъ, острыми и вздернутыми кормою и носомъ, съ одной мачтой по серединѣ и прямымъ парусомъ; шестивесельная; длиною отъ 4 до 5 саж., шириною до 8 футовъ; способна поднимать грузу до 500 пудъ (тогда сидитъ въ водѣ около 3 футовъ). На шнякѣ этой часто перевозятъ и грузы, именно мурманскіе промысла въ Архангельскъ и — здѣсь смѣлымъ Богъ владѣетъ!—судно чрезвычайно утлое, тяжолое подъ веслами, не выдерживаетъ сильнаго вѣтра и своей конструкціей и самымъ названіемъ напоминаетъ еще варяжскія Sneke.

— Надо, Ервасей Петровичъ, надо! больно бы надо!

— Опять придетъ, надо на другомъ мѣстѣ выметать—лучше будетъ, Ервасей Петровичъ!

— Али, братцы, и такъ ладно?—не придетъ, чай!

— А и то, Ервасей Петровичъ, и такъ ладно, не придетъ!

— Не придетъ, Ервасей Петровичъ, пошто ей придти? — не придетъ!

— Хозяйское, вѣдь, добро-то, братцы—намъ что? Извѣстное дѣло, мы тутъ ни въ чемъ не причинны; не намордникъ же надѣть на звѣря-то!

— Поди же ты, ребятушки; пришла обжора рыба и поѣла все. Что вотъ ты тутъ съ ней станешь дѣлать?

— Ничего, Ервасей Петровичъ, не подѣлаешь: ишь вѣдь она!...

— Чортъ, а не рыба—прости меня, Господи!

— Никакъ ты вразумить ее не угодишь; ушла вѣдь, проклятая, далеко ушла, чай въ самое, тоись, гòломя ушла.

— Въ самое гòломя ушла, далеко ушла, Ервасей Петровичъ!—продолжаютъ выплакивать свое горе и неудачу промышленники, и опять хлопаютъ себя по бедрамъ, и опять утѣшаютъ себя тѣмъ, что ничего нельзя подѣлать съ прорвой-рыбой, и опять еще долго качаютъ головами, пока не догадается кормщикъ прикрикнуть на весельщика, чтобы гребъ назадъ въ становище.

Здѣсь, за неимѣніемъ положительнаго дѣла, приходится обыкновенно плести ѳростяги, сѣти для семги и сельдей, точить уды, а то и просто спать въ растяжку со всею настойчивостію опытныхъ знатоковъ этого дѣла. Приготовленіемъ ухи, припасомъ дровъ, промываніемъ бочонковъ и другими мелкими, утомительными работами заняты ребятенки—подростки, очень мѣтко прозванные зуйками, на томъ простомъ основаніи, что они, не имѣя доли въ общемъ участкѣ, пользуются только остатками отъ трапезы большаковъ, какъ маленькая птичка зуекъ (изъ породы чаекъ) хватаетъ всѣ выкидыши, ненужные потроха изъ распластанныхъ рыбъ. Изъ за зуйковъ—ребятишекъ крѣпко и сладко спится подчасъ помору, послѣ неудачнаго осмотра яруса; за то по два—по три дня не приходится и очей смыкать, когда шибко пойдетъ на яруса рыба и когда приходится въ одни сутки дѣлать по четыре, по пяти добросовѣстныхъ стрясокъ. Не го-

воря уже о хлопотахъ на водѣ подлѣ ярусовъ, не менѣе хлопотливыя работы ожидаютъ рыбаковъ и на берегу, въ станахъ, особенно если время близится къ лѣту и ожидается скорой прiѣздъ хозяевъ съ новыми запасами хлѣба-соли, копчонаго мяса и, главное, крѣпкаго, дешоваго заграничнаго рому, покупаемаго обыкновенно въ норвежскихъ ближайшихъ портахъ: Гаммерфестѣ, Вадзэ и Вардегузѣ *). Работа кипитъ на берегу, чему не мало способствуютъ свѣтлыя, съ незаходящимъ солнцомъ полярныя ночи. Не всегда крѣпкiе и продолжительные межонные (лѣтнiе) вѣтра способствуютъ легкому и удачному обиранью ярусовъ, а постоянное лѣтнее солнце — береговымъ работамъ. Эти послѣднiя состоятъ въ томъ, что тяглецъ отвертываетъ головы, кормщикъ пластаетъ рыбу, надрѣзая ее по спинѣ впродоль, и вынимаетъ внутренности, вмѣстѣ съ хребетною костью, которыя зуйками выбрасываются вмѣстѣ съ головами рыбы въ море, какъ ненужныя; наживочникъ отбираетъ для сала максу. Рыба съ вынутою захребетною костью назначается въ продажу, подъ названiемъ — *штокфишъ*, и потому, полежавши нѣкоторое время въ кучахъ, раскладывается по жердинамъ, называемымъ *пáлтухами*, положеннымъ на *éлуяхъ* — толстыхъ бревнахъ, укрѣпленныхъ въ козлахъ. Около двѣнадцати недѣль рыба такимъ образомъ сохнетъ на этихъ пáлтухахъ и то только въ такомъ случаѣ, когда не ожидается скораго прiѣзда хозяевъ. Обыкновенно же треску и палтусину солятъ вмѣстѣ съ хребетною костью въ амбарахъ или, лучше, въ подвалахъ, врытыхъ въ землю и обложонныхъ дерномъ. Рыба укладывается плотно отъ полу до самаго потолка щáбелями — пластами, рядами. Каждой рядъ солится особо и такъ скупо и небрежно (на 100 пудовъ рыбы приблизительно 16 пудовъ соли, лучшаго, впрочемъ, сорта, голландской), что рыба даетъ впослѣдствiи противной, аммiакальной, одуряющiй запахъ. Когда придутъ хозяйскiя суда, односолка рыба опять укладывается щáбелями въ судахъ и снова просаливается, и хотя дѣлается нѣсколько лучшею на вкусъ, но все таки не теряетъ своего противнаго запаха. Изъ максы или печонки вытапливается сало или тотъ благодѣтельной

---

*) Эти норвежскiя мѣстечки на языкѣ поморовъ превратились въ *Омарфистъ*, *Васинъ* и *Варгаевъ*.

жиръ, который извѣстенъ едва ли не каждому подъ именемъ тресковаго; языки солятся особо въ отдѣльныхъ бочонкахъ — но очень, впрочемъ, рѣдко—также какъ и головы, часто сушатся на солнцѣ и идутъ потомъ, превращонныя въ порошокъ, въ пойло домашному скоту, особенно коровамъ. Па́лтусъ—также главный предметъ (послѣ трески) промысла на Мурманѣ—никогда не сушится, по причинѣ присутствія въ тѣлѣ значительнаго количества жиру (чего не достаетъ тѣлу трески), но солится тѣмъ же путемъ, какъ треска, и отдаетъ тѣмъ же, если еще не болѣе, непріятнымъ запахомъ. Рыба эта портится (горкнетъ) скорѣе трески потому особенно, что мѣста около костей снабжены маслянистымъ жиромъ; солится же всегда съ головой. На ярусахъ не часто, но попадаются еще небольшія акулы, дающія до 8 и 10 пудовъ ма́ксы (сала); нѣкоторое время солили ее и продавали простому народу въ Архангельскѣ, а кожу, хорошо просушонную, употребляли въ своихъ становыхъ избахъ вмѣсто стеколъ.

Въ началѣ весны и даже среди лѣта, когда вдругъ временно перестаетъ идти на яруса рыба, отнесенная ли сильными вѣтрами къ норвежскимъ и гренландскимъ берегамъ, или перехваченная въ окрестностяхъ Шпицбергена (называемаго поморами Грумантомъ) стадами морскихъ звѣрей: китовъ, касатокъ, акулъ, бѣлухъ и проч., архангельскіе поморы, отъ бездѣлья и скуки, ловятъ рыбу особымъ путемъ—на *лѣску*. Это—веревка, на половину тоньше тѣхъ, которыя употребляются на яруса; къ ней привязывается желѣзной кусочекъ — *грузево*, который тянетъ ко дну и самую лѣску и *перевѐсло* — желѣзный прутъ, привязанный поперекъ ея. Къ двумъ концамъ этого перевѐсла, къ особо придѣланнымъ ушкамъ, привязываются о́ростяги съ тѣми же крючками и наживкой, какъ и въ обыкновенномъ ярусѣ. Когда услышатъ, что грузево щолкнуло въ каменистое дно моря, лѣску нѣсколько приподнимаютъ и, какъ при обыкновенномъ уженьѣ, дальше уже по приглядкѣ замѣчаютъ хватила ли рыба наживку. Въ счастливую пору улововъ, грузево не успѣваетъ доходить до половины пути своего ко дну, какъ алчная, всегда прожорливая треска на лету хватаетъ приготовленную для нея наживку съ роковымъ крючкомъ. При сильныхъ вѣтрахъ, когда гуляетъ по океану громадной взводень, съ волнами, величиною въ порядочный петербургскій домъ, промы-

шленники сидятъ въ своихъ становыхъ избахъ, предоставляя яруса волѣ Божіей и грустно созерцая съ высокаго берега, какъ махàвка надъ кубасовъ, вздрагивая, покачивается на хребтѣ высокой волны и какъ захлеснется набѣгомъ новой и совсѣмъ скроется изъ глазъ, вся ушедшая въ волну или сшибенная на бокъ и не успѣвающая какъ должно изловчиться. Кубасъ вмѣстѣ съ махавкой то мигнетъ на поверхности серебристой воды, то опять спрячется подъ водой.

— Эка, братцы, пыль какая пошла несосвѣтимая!

— Этакъ ли еще бываетъ, Ервасей Петровичъ!

— Ну да сказывай ты малымъ ребятамъ это-то—не знаю, что ли?

— Въ избѣ-то теперь ничего; на ярусѣ такъ вотъ поди *порато* бы страшно и тебѣ показалось; а въ избѣ — ничего: вонъ ребята въ карты козыряютъ, а къ ночи, слышь, кто кого обломаетъ—и за виномъ къ лопарямъ бѣги: попойку, стало-быть, затѣваютъ.

— Вечо̀ръ, Ервасей Петровичъ, Гришутка такихъ намъ насказалъ бывальщинъ, что наши затылки-то всѣ въ кровь расчесали.

— Это что, парень?

— Да ужъ складно больно, Ервасей Петровичъ: не то тебѣ плакать надо, не то Гришуткину-то смѣху даваться. Такъ это тебѣ пѣлъ, да все по церковному, и ко всякому-то слову складъ прибиралъ, какъ это, вишь, князь Романъ Митріевичъ-младъ простился со своей княгиней — со сожительницей, выходитъ—и поѣхалъ, вишь, нѣмчовъ донимать: что-молъ вы теперича подать перестали платить? Мнѣ, говоритъ, и то, и сё — деньги надо, нѣмча̀ некрещоная. Поганой-молъ вы народъ, и разговоровъ терять не хочу съ вами! И какъ это нѣтъ его дома годъ, нѣтъ и другой. Схватили его, что ли? Гришутка-то, вишь, не знаетъ. Вотъ теперича сожительница его и выходитъ это на крылецъ и видитъ: «бѣжитъ изъ за моря изъ за синя три чорныехъ, три кàрабля». Она, вишь, и заплакала, да такъ складно и жалостливо. Гришутка-то, слышь, рожу этакъ на сторону, глаза-то, что котъ, зажмурилъ, и словно ему барыни-то, княгини-то, значитъ, больно стало — ужъ и взвылъ же онъ это, какъ бы вотъ она сама-то... этакъ... этакъ!... и рукой-то правой машетъ и грудь-то вздымаетъ... этакъ... этакъ! Да нѣтъ

ужъ, Ервасей Петровичъ, заставь самого его: прослезитъ?—а я-ко не смогу такъ!

— Что и говорить, братецъ, всякому, сказано, зерну своя борозда! А по стариковски, кто гораздъ пѣсню пѣть, сказку сказывать, кто ѣсть спорко да много, скорѣе всѣхъ — тотъ и въ работѣ золотой человѣкъ. У стариковъ нашихъ, Михѣюшко, водился вотъ какой обычай; теперь, вишь, оставили вы его и не знаете. Пришли этакъ-то покрученики къ которому хозяину на Мурманъ-отъ наниматься; онъ съ ними и слова не молвитъ, а велитъ идти внизъ въ избу, да и выставитъ имъ всякой снѣди многое число. Ребята-то разъѣдятся, вишь, а онъ, хозяинъ-отъ, на ту пору и сойдетъ къ нимъ, и сядетъ этакъ съ боку, чтобы видно ему было всѣхъ, и смотритъ, кто ѣстъ шибче, кто, свою-то съѣвши, съ чужой ложки рветъ—тѣхъ и опроситъ: какъ-де и звать тебя и годовъ тебѣ сколько? А ужъ кого не опросилъ, которой на него ѣсьвой-то этой, выходитъ, не угодилъ,—такъ лучше и не разговаривай: ступай прямо домой — не возьметъ: лѣниво-де ѣшь, лѣнивъ и въ работѣ — мнѣ-ко-де не надо такихъ; мнѣ, говоритъ, коли человѣкъ ѣстъ, да за ушами у него визжитъ — дорогой человѣкъ: у этого и въ работѣ руки зудятся. А, вѣдь, почесть, парень, на то и выходитъ: ѣстъ человѣкъ скоро и словно спѣшитъ, словно надо ему что-то сдѣлать; а пошолъ другой этакъ въ потяготку, да въ распояску, ротъ-то словно ворота съ просонковъ растворяетъ, чешется, ложку-то положитъ на столъ, да скоро ли еще достанетъ ее опять—ну, человѣкъ тотъ спать послѣ обѣда ляжетъ; ушатомъ холодной воды облей его послѣ—не разбудишь.

— Да, вѣдь, Гришутка-то, Ервасей Петровичъ, больно же боекъ и въ работѣ!

— Да то, вѣдь, я и говорю, дураково поле! Гораздъ Гришутка и на пѣсню, и на сказку гораздъ, а будущей весной ему и въ коршики не зазорно проситься. Лихой, что говорить!...

И дѣйствительно, трудно найти хоть одинъ станъ на всемъ Мурманѣ, въ которомъ бы не нашолся свой потѣшникъ—душа и любимецъ общества, то необходимое лицо, безъ котораго едва ли стоитъ хоть одна артель въ Россіи. Всегда непринужденная веселость, бойкая рѣчь, знаніе присловій и пословокъ, и умѣнье вклеить ихъ въ разговоръ кстати и у мѣста, простая, но мѣткая и безобидная шутка надъ всякимъ попавшимся подъ

руку своимъ братомъ, а пожалуй и чужимъ, прохожимъ человѣкомъ, лишь только было бы весело самому шутнику и всѣмъ его окружающимъ — вотъ особенности, характеризующія всякаго шутника, балясника подобнаго рода, будетъ ли онъ изъ ямщичьяго круга, извощикъ ли столичной, или тотъ же архангельскій покрученикъ на пустынномъ берегу пустыннаго океана. Это едва ли не одна изъ главныхъ характеристическихъ особенностей нашего народа, непринужденно и неудержимо веселаго на радостяхъ, не унывающаго въ горѣ и неспособнаго пасть глубоко передъ несчастіями, какого бы рода ни были они. Ломало народъ нашъ всякое горе, ломаетъ оно и теперь подчасъ крѣпко-больно, а все же въ немъ еще много силъ, и хватитъ ихъ на столько, чтобы быть по истинѣ великимъ народомъ.

— Что это, Григорьюшко, погода-то шибко разъигралась, пылитъ ужъ очённо!—затрогивалъ шутника Ервасей Петровичъ, разлакомившись похвальными отзывами про него.

— А тебѣ-то что? твое это дѣло?

— Ну, да какъ же не мое-то?

— Да ты что это: дразнить меня что ли пришолъ?

— Пошто дразнить? — такъ пришолъ: посмотрѣть, вонъ, какъ ты въ карты играешь.

— Съ тѣмъ и ладно! Не серди въ другой разъ, а не то, всю родню разскажу. Вишь, проигралъ всѣ свои, на хозяйской карманъ—чтобъ онъ лопнулъ!—счотъ пошолъ: до шутокъ ли тутъ? Ужо проиграюсь —разскажу тебѣ сказку про бѣлаго быка. — Шолъ бы дразнилъ лучше хозяевъ-то; кстати моряну на нихъ несетъ, авось и услышатъ. Встань, вотъ этакъ-то по вѣтру, да и шапку скинь: оголи лысину, тебѣ же ее не покупать стать, вишь, какая заправская выгорѣла, что Кандалакша по запрошлой годъ. А виски знай примазывай, присвистывай, да приговаривай: «дуй-молъ моряна, не на васъ, молъ, хозяевъ *надъя* (надежда); мать сыра земля народитъ—накормитъ, что посѣялъ, то и выростетъ»—да и накрой голову-то шапкой, чтобы знали хозяева, что у тебя и виски есть, и волоса не всѣ вылѣзли, да и брюхо наполовину противъ хозяйскаго будетъ. Имъ вѣдь что, хозяевамъ-то, было бы семги вдоволь да чаю много, да рому на досужой часъ, а ты хоть съ голоду лопни— и не почешутся: свое возьмутъ; вонъ что ни стряска — то и

ихъ, а тебѣ только по усамъ течотъ, да въ ротъ не капетъ. Сколько забрался-то ты у хозяина-то?

— Я, Григорьюшко, только половину взялъ впередъ-отъ, да и то за нынѣшное лѣто.

— Вотъ, постой, привезутъ они тебѣ рому — сдешевѣешь; придешь домой и гроша ломанаго на будущую-то весну не дадутъ за тебя, коли не надломаешь спины отъ поклоновъ имъ да почестей. Я, вѣдь, тоже было этакъ-то сначала, да вижу, всѣми очесами-то вижу, что какъ ни кинь — все клинъ, взялъ да и закабалилъ себя на четыре лѣта впередъ; хоть патоку гони теперь они изъ меня, хоть полѣнья щипли, больше себя не сдѣлаю, хоть лобъ ты взрѣжь. Вотъ Михайло-то, да и Степка, да и Елистратко косолапой, да и всѣ, гляди, напередъ за два лѣта забрались; а что еще будетъ, какъ сами-то прiѣдутъ? Имъ что, хозяевамъ-то: купилъ онъ тебя—такъ и пляши и ломайся, а ужъ онъ обсчитать тебя не преминетъ. Вонъ и меня по запрошлой годъ на десять рублевъ наказалъ, да и нонѣшной, гляди, также будетъ, коли не дрогнетъ рука, да не покачнется совѣсть въ груди!... Живодеры, вѣдь, всѣ хозяева-то наши, сатанино племя! богачи, такъ и... Хлюстъ! хлюстъ, братцы! хоть вы-то не обидьте, пустите душу въ рай! — завершилъ свою рѣчь Григорьюшко—баловникъ и утѣшитель своей артели.

Въ началѣ iюня въ мурманскiя становища прiѣзжаютъ сами хозяева на собственныхъ лодьяхъ, привозя съ собой муку, соль и другiе припасы на остатокъ лѣта, съ нѣкоторымъ залишкомъ для начала будущей весны. Явился въ свой станъ и хозяинъ шутника Григорьюшки, плотно раздобрѣвшiй мужикъ съ маслянымъ лицомъ и зажирѣвшими пальцами, круглой и гладкой, упрямой и своенравной, по обычаю всѣхъ тѣхъ мужиковъ, которые съ измалолѣтства помаленьку сколачивали рубли и въ сорокъ лѣтъ считаютъ уже не только сотни, но и тысячи. Въ неизмѣнной синей сибиркѣ, въ жилеткѣ, личныхъ сапогахъ и въ суконной шапкѣ съ глянцовитымъ козырькомъ, хозяинъ сановито, важно вылѣзаетъ на берегъ, привѣтствуемый собравшимися работниками:

— Добро пожаловать, Евстегнѣй Парамонычъ, на наши промысла съ молитвой, да со святымъ благословенiемъ!

— Благополучно ли пронесло твою милость?

— А бойкiе вѣтры были, бойкiе, Евстегнѣй Парамонычъ!

— Ну, какъ вы-то живете-можете? Все ли по Божьему благополучію?

— Твоими молитвами, Евстегнѣй Парамонычъ; живетъ!...

— Какъ ты, Григорьюшко, шутки шутишь?

— Какъ не шутить, Евстегнѣй Парамонычъ? кабы на животѣ-то плотнѣе лежало—спалъ бы!...

— Ну, а ты Ервасей Петровичъ?

— Да вотъ, видишь, трясочьку встряхнули: почесть не полная шняка вышла, да вечоръ три обрядили. Рыбинки далъ Богъ—благодать рыбинки нонѣшной годъ далъ Богъ: амбарушку полную посолили, да еще на пол-амбарушки станетъ; сушить ужъ начали, и той пудовъ съ сотню наберется. Посмотри, Евстегнѣй Парамонычъ!

— Ладно, други, ладно такъ-то! съ вами хоть бы вѣкъ промысла обряжать: вотъ ужъ, гляди, и съ залишкомъ снасть-то окунилась... поочистилась! Неси-ко, ребята, съ лодьи угощеніе: рому ямацкаго я изъ Норвеги прихватилъ, позабавьтесь!

— Благодаримъ на почестяхъ; много довольны!

— Продли Господь твою жизнь на кои вѣки!

— Съ внуками тебѣ радоваться да и съ правнуками! Не прикажешь ли — разведемъ веселенькую, Евстегнѣй Парамонычъ? спрашивалъ шутникъ-Григорьюшко, почувствовавши всю прыть и задоръ отъ прохватившаго его насквозь нефабрикованнаго, заграничнаго рому.

— Станемъ, братцы, хозяина нонѣ чествовать, а завтра что Богъ дастъ: можетъ, и поѣдемъ къ ярусу, а можетъ—и нѣтъ! Ну-ко разливанную-то пріударимъ!

И пьетъ, и поетъ, и пляшетъ весь промысловой людъ на Мурманѣ съ пріѣздомъ тароватыхъ хозяевъ; но какъ во всѣхъ подобныхъ пиршествахъ рѣдко простой человѣкъ обходится безъ загулу на трои, на четверы сутки, то мурманскіе промышленники куражатъ не одинъ день, тѣмъ болѣе, что за хмѣльное наличными платить не изъ чего, да и не откуда: хозяева послѣ разсчитываютъ и охотно выпаиваютъ весь ромъ, прихваченный въ Норвегіи. Болѣе догадливые и радѣющіе о себѣ хозяева, естественно, тутъ-то и руки грѣютъ и рыбу удятъ. Болѣе честные и предостерегутъ, пожалуй:

— Смотри, ребята, нонѣ по серебряному рублю платилъ за бутылку-то!

— Да хоть бы и по три четвертака пришлось тебѣ гуртомъ-то, давай, не бойсь—коли есть еще—не стоимъ! Ты намъ не указывай: сами хозяева! вотъ хотимъ на ярусъ ѣхать — ѣдемъ, а нѣтъ, такъ хоть лыки дери ты съ насъ; а ты намъ не указывай... сами хозяева!...

— Что мнѣ указывать? Зачѣмъ я стану, дружки мои, вамъ указывать?

— Вотъ это дѣло; это по нашему! Слышь вонъ гармонію? ну и давай, рому давай, коньяку давай!.. а водки мы вашей поморской и знать не хотимъ; водка эта—вода, званія не стоитъ, пьфу!...

Лучшимъ спасеніемъ въ этихъ попойкахъ — загулахъ болѣе или менѣе скорой отъѣздъ хозяевъ съ свѣжой первосолкой треской въ Архангельскъ. Еще дня два гуляетъ промысловой народъ и стоятъ яруса нетронутыми. Но время и обычай беретъ свое. Чаще стали выплывать шняки на голо̀мя, рѣже несутся изъ становищъ пѣсни и пьяные выкрики: или хозяева уѣхали, или, наконецъ, истощился запасъ привезеннаго ими вина. И снова обычной чередой идутъ стряски и посолъ выловленной рыбы, и снова смѣшки и подсмѣиванья надъ хозяевами, и снова тянется цѣлый рядъ волшебныхъ сказокъ про Бабу-Ягу костяную ногу, про царя Берендѣя, про Яшку красную рубашку и проч., и снова по субботамъ и передъ большими праздниками поются старины стародавнія про Романа Митріевича, про Егорья-свѣта-храбраго, про царя Ивана Грознаго, про Іосафа-царевича, про Іосифа прекраснаго и проч., и проч. Между дѣломъ, при затянувшейся неблагопріятной морянкѣ, досужіе мастера работаютъ разныя бездѣлушки. Отсюда тѣ модели карабликовъ, лодей, ра̀ньшинъ со всѣми снастями, которыми изукрашены полисадники, ворота и свѣтелочные балконы въ богатыхъ домахъ богатыхъ поморскихъ селеній; отсюда же и тѣ голубки, гнутые изъ лучинокъ и раскрашенные, которыми любятъ украшать потолки своихъ чистенькихъ залъ всѣ богачи прибрежьевъ Бѣлаго моря. Мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, къ августу мѣсяцу мурманскіе промышленники успѣваютъ наловить и насолить рыбы достаточно для того, чтобы часть оставить для будущей весны, а другою нагрузить ра̀ньшину *), если они

*) *Ра̀ньшины*—обыкновенныя шняки, но только съ накладными *на̀швами* (фальш-бортами), двумя неопускными мачтами, безъ палубы, съ выпуклою

поѣдутъ по хозяйскому наказу прямо домой, и лодью *), если велѣно имъ ѣхать въ Архангельскъ къ Оспожинской (8 сентября) ярмаркѣ.

И вотъ наступаетъ вождѣленный, давно ожидаемый августъ мѣсяцъ; рыба идетъ замѣтно не дружнѣе, чѣмъ въ межонное время; дни убываютъ и солнышко давно уже уходитъ въ море, и чѣмъ дальше за перваго Спаса идутъ лѣтніе дни, тѣмъ дольше ночуетъ солнышко въ морѣ; морскіе вѣтра отдаютъ крѣпкимъ осеннимъ холодомъ, а лѣтніе дуютъ и рѣже и далеко непостояннѣе; морошка, которой такое обильное количество на всей тундрѣ за гористымъ берегомъ, поблекла, заводянѣла: гнить ей скоро придется. Чаечьи выводки, чабры, стали большими птицами и покрикиваютъ сильнѣе и учащоннѣе, чуя свой скорой отлетъ въ теплыя дальнія страны; показались кое-гдѣ даже вороны со своимъ зловѣщимъ крикомъ, рѣдкіе лѣтніе гости Мурмана; листъ на березкахъ и ивнякѣ начинаетъ крѣпко желтѣть и къ концу августа слетитъ и прогніетъ на сырой влажной тундрѣ къ серединѣ сентября, когда выпадаетъ первой снѣгъ, которой почти всегда бываетъ зимнимъ нетающимъ снѣгомъ. Послѣ Успеньева дня завязываются частые холодные туманы и начинаютъ дуть сѣверные, попутные въ Архангельскъ, вѣтра.

— Попадешь на нихъ въ доброй часъ — сутки въ трои угодишь къ ярмаркѣ! думаютъ промышленники, которымъ уже далеко теперь не до пѣсенъ и загула, и нагрузивши лодью до верху самой свѣжой, самой лакомой для архангельскаго люда треской, оставляютъ Мурманъ подъ присмотромъ сосѣднихъ лопарей, всегда вѣрныхъ и честныхъ въ исполненіи разъ даннаго имъ обѣщанія. Поморъ, въ этомъ отношеніи, покоенъ: у него ничего не пропадаетъ, ни даже фунта изъ оставленной имъ про весенній запасъ трески. Звѣря бояться нечего: медвѣдь не охотникъ до рыбы, да онъ сюда и не ходитъ; не ходятъ на Мурманъ и другіе звѣри, предпочитающіе для своихъ прогу-

---

на серединѣ крышою, по той причинѣ, что суда эти отвозятъ съ Мурмана въ Архангельскъ первые, *ранніе* промыслы (отсюда и самое названіе судна).

*) *Лодья*—самое большое изъ всѣхъ бѣломорскихъ судовъ, палубное, съ двумя однодеревными мачтами и короткимъ бушпритомъ, подымающее грузу отъ 5—12,000 пудовъ.

локъ и обсемьяненья огромную лопарскую тундру, гдѣ имъ предстоитъ меньше опасности вдалекѣ отъ жилья и людей. Только неискусившіеся, неопытные изъ нихъ близко подходятъ къ селеніямъ на свою бѣду и конечную погибель въ силкахъ и разнаго рода и вида капканахъ *).

Такимъ образомъ, въ концѣ августа и въ началѣ сентября, вообще во все лѣто, пустынное Бѣлое море замѣтно оживаетъ: рѣдкій день не пробѣжитъ на его, волнующейся отъ частыхъ осеннихъ вѣтровъ, поверхности пять-шесть разнаго рода судовъ: и неуклюжія лòдьи, и красивенькія, ходкія шкуны, и ра̀ньшины, и большіе и малые карбасы. Все это направляется въ Двинскую губу, къ двинскимъ устьямъ и дальше въ Архангельскъ. Въ началѣ сентября вся Двина передъ городскою пристанью вплотную заставлена уже бѣломорскими судами; пристань длинная, покатая къ рѣкѣ площадь гостиныхъ рядовъ оживлена такъ, какъ никогда въ другое время года. Торговки, являющіяся туда изъ городскихъ слободокъ Кузнечихи и Архіерейской только по вторникамъ, теперь торгуютъ на площади цѣлой день передъ столиками, закладенными шерстяными чулками, всякой рухлядью, подержаной, и подновленной и заставленными самодѣльными компасами, имѣющими на поморскомъ нарѣчіи названіе *матокъ*. На плотахъ набережной цѣлыя артели поденщицъ-женщинъ, называемыхъ по архангельски *жонками*, обмываютъ треску отъ той грязи, которая напласталась на рыбѣ въ мурманскихъ грязныхъ амбарахъ. Отсюда-то, и

*) Впрочемъ, надо замѣтить кстати, что коляне, какъ ближайшіе сосѣди океана, являются на немъ за треской не одинъ разъ въ годъ. Въ мартѣ идутъ они на такъ называемую *вéшну* и къ Петрову дню пріѣзжаютъ назадъ съ сухой рыбой. Стараясь разсчитаться съ хозяевами въ долгахъ, они идутъ въ началѣ іюля на *лѣтню* и обряжаютъ ее всю отъ себя и на себя. Около Успенья возвращаются домой и съ Ивана-Постнаго отправляются третій разъ на *подосéнокъ*, и тогда промышляютъ до Воздвиженья. Выловленную въ это время рыбу солятъ для себя на зиму; затѣмъ, починивши сѣти и напекши хлѣба, идутъ около Покрова на *осеннюю*, возвращаясь съ ней домой къ Дмитріеву дню или къ Филиппову заговѣнью, около 13 ноября, съ свѣжой мороженой рыбой, которая и идетъ въ Петербургъ. Передъ Веденьевымъ днемъ уходятъ на *зимню*, и рыба съ этого промысла идетъ также въ Петербургъ, черезъ посредство села Шунги, въ которомъ бываетъ двѣ зимнія ярмарки: Никольская и Благовѣщенская.

со всей пристани, и со всѣхъ бѣломорскихъ судовъ, и отъ всѣхъ рослыхъ богатырей-поморовъ, расхаживающихъ по рынку и по всему городу, несется тотъ характеристически-непріятный запахъ трески, который не даетъ покоя нигдѣ на всемъ протяженіи безтолково-длиннаго Архангельска и даже въ адмиралтейскомъ Соломбальскомъ селеніи. По улицамъ то и дѣло снуетъ мѣстной людъ, прихватившій два-три звена любимой лакомой рыбы и въ плетушку, по здѣшному — туезъ, и въ лукошко, и такъ подъ мышку. Дорвались до дешоваго, вкуснаго, сытнаго и здороваго добра, навезеннаго въ такомъ огромномъ количествѣ поморами съ Мурмана: и приземистой, коренастой матросикъ рабочаго экипажа, и дряблой инвалидной солдатикъ, и цвѣтущій здоровьемъ и силами гарнизонной молодецъ, и соломбальская щебетунья-торговка, солдатская вдова, торгующая всякимъ добромъ на потребу неприхотливаго мѣстнаго населенія самаго сѣвернаго и самаго холоднаго изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Несутъ треску и на трапезу бѣднаго писца любой изъ палатъ, и для стола губернскихъ аристократовъ, будетъ ли онъ изъ чиновнаго люда или изъ нѣмцовъ, искони пустившихъ корни въ архангельской почвѣ и сроднившихся съ нею почти и нажившихъ тамъ большіе капиталы въ торговлѣ съ Европой. Всѣмъ въ Архангельскѣ угодили мурманскіе промышленники; угодятъ еще больше и дальнымъ городамъ, когда олонецкая шунгская ярмарка отправитъ сушоную треску цѣлыми вереницами возовъ по тремъ смежнымъ губерніямъ, пройдетъ эта треска и въ Петербургъ и на Сѣнной площади этого люднаго города накормитъ дешово и сердито цѣлыя сотни *толкученскихъ* бѣдняковъ изъ сѣраго, простаго, добраго народа русскаго.

Пока такимъ образомъ поморы, облегчившіе свои лодьи отъ мурманской клади, разгуливаютъ покойно по городскому рынку, покупая для себя, кто сапоги смазные, кто сибирки, кто новыя городскія шапки и перчатки, кто платки и ситцы на обновы домашнимъ, или весело пропиваютъ залишокъ въ спопутныхъ кабакахъ, которыхъ такъ много въ Архангельскѣ — до́ма, въ родныхъ семьяхъ ихъ, съ послѣдними числами сентября, начинаются всѣ припадки нетерпѣливыхъ ожиданій большаковъ. Всякое судно, издалека еще показавшее свой бѣлый парусъ, приводитъ въ волненіе цѣлое селеніе; по мачтѣ, по окраскѣ

судна, по мельчайшимъ, тончайшимъ, едва примѣтнымъ для непривычнаго глаза признакамъ узнаютъ мѣстное ли судно, или ближной деревни и какого хозяина. Живы ли всѣ, благополучно ли было плаванье въ городъ: писемъ получить не съ кѣмъ; послѣднія вѣсти шли еще съ Мурмана отъ хозяевъ и случайно отъ проѣзжавшаго разсыльнаго земскаго суда. А между тѣмъ море бурлитъ уже по осеннему, холода стоятъ сильные и бури вздымаютъ море съ самаго дна. Разъ начавшійся крутой морской вѣтеръ тянетъ трои, четверы сутки безъ перемёжекъ, безъ устали. Того и гляди, при упорномъ сѣверѣ и полуношникѣ (С.—В.), закуетъ рѣчонки и губы, а тамъ ужъ недалеки и береговые припаи въ самомъ морѣ; вѣтры все противняками смотрятъ, и вотъ почти не видать совсѣмъ никакого судна, не только своего вождѣленнаго. И ноютъ бабы, и плачутся другъ-другу на крутыя, тяжолыя времена:

— Чтой-то, жонки, словно и не бывало такого горя: такая-то дурь не глядѣла бы!...

— И не говори, желанная, словно на зло намъ и погоды-то такія дались. Не наговорилъ ли кто?

— А и то, дѣвонька, не пустилъ-ли кто съ Корелы на насъ этакое несхожее попущеніе? Дѣлаютъ, вѣдь...

— Дѣлаютъ, богоданная, ангельская душа твоя, дѣлаютъ! Есть тамъ такіе: вонъ стрѣлья пущаютъ же!

— Пущаютъ, кормилка, пущаютъ, желанная моя! Экой грѣхъ, экое горе!

— И не говори, дѣвонька; такой-то неизбывной грѣхъ, такое-то злоключеніе! Ой, Господи, ой, соловецкіе святые угодники!...

— Да помолиться нѣшто, жонки! Варлаамію-то Керетскому: даетъ, вѣдь, повѣтерье-то, посылаетъ!

— И то̀, разумницы, помолиться: легче станетъ, на душѣ рай разцвѣтетъ.

— Разцвѣтетъ, кормилицы, разцвѣтетъ и... полегшѣетъ.

И молятся бабы о спопутныхъ погодахъ, и цѣлымъ селеніемъ, и каждая порознь—въ одиночку, всякая о своемъ сердобольномъ, и цѣлымъ селеніемъ ходятъ къ морю дразнить вѣтеръ, чтобъ не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ *лѣтнякамъ*. Для этого онѣ предварительно молятся всѣмъ спопутнымъ крестамъ, которыми такъ богаты всѣ бѣломорскія прибрежья,

гдѣ на рѣдкомъ десяткѣ верстъ не встрѣтишь двухъ-трехъ деревянныхъ крестовъ. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгарку, чтобы тянула повѣтерье, и тутъ же стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости, и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго земляка, дѣлаютъ рубежокъ на лучинкѣ углемъ или ножомъ, произнеся имя послѣдняго, двадцать седьмаго, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваетъ сколь возможно громко слѣдующій припѣвокъ:

Встокъ да обѣдникъ
Пора потянуть!
Западъ да шалоникъ
Пора покидать!
Тридевять плѣшей
Всѣ сосчитаныя,
Пересчитаныя;
Встокова плѣшь
Напередъ пошла.

Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ слѣдующее:

Встоку да обѣднику
Каши наварю
И блиновъ напеку;
А западу, шалонику,
Спину оголю.
У встока да обѣдника
Жена хороша,
А у запада, шалоника,
Жена померла!

Съ окончаніемъ послѣдняго припѣвка обыкновенно спѣшатъ посмотрѣть на кинутую лучинку: въ которую сторону легла она крестомъ — съ той стороны и надо ожидать вѣтеръ. Но если опять провозвѣститъ она вѣтеръ неблагопріятной, прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣстному отъ старины средству: сажаютъ на щепку таракана и спускаютъ его въ воду, приговаривая: «поди таракантъ на воду, подними тараканъ сѣвера».

Но вотъ съ колокольни, откуда уже цѣлой день не сходятъ ребятишки, несутся ихъ радостные, веселые крики: «Чабъ, чабъ-чебанятъ, матушки-лодейки, наши деревенски!» Вся деревня цѣлымъ своимъ населеніемъ бѣжитъ на пристань, къ которой легонько подвигается то безобразное судно, которое и на ходу тяжоло и въ бурю опасно, но почему-то, до сихъ еще поръ, любимо поморскимъ народомъ и называется лодьею. Сходятъ, наконецъ, на берегъ и мурманщики, цвѣтущіе еще бо́льшимъ здоровьемъ и крѣпостью, чѣмъ были передъ походомъ въ дальную сторону. Полнота и завидная свѣжесть лицъ не мало свидѣтельствуютъ о томъ, что свѣжій, чистый морской воздухъ, которымъ довелось имъ питаться въ самую лучшую часть года, постоянныя, ломовыя работы, такъ благодѣтельно укрѣпляющія мышцы и весь составъ человѣка, чарка, употребленная во время и въ мѣру и, наконецъ, тресковое сало, топленое изъ максы (печонки) и служившее, вмѣсто чаю, по утрамъ и на ночь, возъимѣли на тѣлосложеніе хотя и не ладно кроенаго, но крѣпко-шитаго русскаго человѣка все свое спасительное, благодѣтельно-укрѣпляющее вліяніе.

— Красавцы вы наши, благодѣтели, радости вы наши небесныя! Разнесло-то васъ, разкрасавило? жилось безъ васъ-тужилось, а теперь вотъ и счастье наше прилучилось! Не ждали васъ, не гадали нонѣ, а сталось такъ, что по вашему, а не по нашему; свѣты вы наши красные, радѣльники! — причитываютъ обрадованныя до послѣдняго нельзя бабы и будутъ еще нѣсколько дней вычитывать всѣ ласкательные приговоры и прозвища, какіе только есть въ ихъ нарѣчіи, вообще богатомъ и, до сихъ еще поръ, сохранившемъ въ неприкосновенной цѣлости слѣды славянскаго (новгородскаго) элемента.

Между тѣмъ, на первыхъ же дняхъ пріѣзда, покрученики получаютъ отъ хозяевъ расчотъ: болѣе радѣющіе о себѣ успѣваютъ получить наличными; забравшіеся и неумѣющіе сводить концы съ концами, естественно, очищаютъ только нѣкоторое количество долгу и почти всегда тутъ же должаютъ и на будущія вёсны. И если ни одна заработанная копѣйка, получонная гуртомъ и всегда въ часъ доброй не обходится безъ *вспрысковъ* вездѣ, во всѣхъ концахъ громадной отчизны нашей, то и здѣсь точно также кабакъ и его содержатели получаютъ огромной процентъ въ общей складчинѣ трудовыхъ, кровныхъ денегъ, отъ

которыхъ тяжоло и весело, и легко и грустно, пожалуй, тому же самому помору. Въ глухую осень и холодную зиму успѣваетъ онъ отлежаться и отдышаться до того, что съ первыми признаками весны его опять тянетъ въ море, которое по морскому же присловью, хотя и горе, а безъ него ему вдвое. Море — говорятъ поморы, наше поле: дастъ Богъ рыбу — дастъ Богъ и хлѣбъ.

IX.

ТЕРСКОЙ БЕРЕГЪ БѢЛАГО МОРЯ.

Физическій видъ на всемъ дальномъ протяженіи его.—Лопари; ихъ бытъ и нравы съ исторической и этнографической сторонъ. — Лопари по сравненію съ самоѣдами. — Занятія лопарей.—Ловъ семги: село Кузомень, село Варгуза. — Заборы для рыбы и другія рыболовныя снасти, употребляемыя на Терскомъ берегу и въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго края.—Нравы и обычаи семги. — Дальнѣйшій путь по Терскому берегу, мимо Умбы и орьегубы.—Серебряная руда. — Впечатлѣнія при переѣздѣ черезъ Кандалажскую губу въ бурю.

Тѣми же высокими гранитными скалами, до 25 и 30 саженъ высотою, какъ Мурманской, какъ Корельской берега, начинается и Терской берегъ отъ Св. Носа; тѣмъ же гранитнымъ утесомъ кончается онъ въ вершинѣ Кандалажскаго залива. Выкрытыя тундрой, съ вѣчнымъ снѣгомъ въ оврагахъ, темно-красноватыя горы эти тянутся до рѣки Понóй, за изгибами которой разбросано первое селеніе Терскаго берега — село Понóй, съ деревянною церковью, съ 20 домами, съ такимъ же количествомъ обитателей (между которыми встрѣчаются уже осѣдлые лопари) и съ заборомъ для семги, выстроеннымъ поперекъ порожистой, глубокой рѣки. Тою же тундрою и бѣловатымъ ягилемъ—оленьимъ мохомъ—выкрыты горы и прибрежныя скалы берега на дальнѣйшемъ протяженіи полуострова до рѣки Пулонги; рѣдко горы эти и прибрежныя скалы поднимаются свыше 50 саженъ, но большая часть изъ нихъ, уже около острова Сосновца, покрываются мохомъ зеленоватаго цвѣта и мелкимъ кустарникомъ, который, по мѣрѣ приближенія берега

къ рѣкѣ Пулонгѣ, переходитъ постепенно въ рѣденькій, невысокій сосновой и березовой лѣсъ. Бѣднѣе и безпривѣтнѣе вида этого прибрежья можно представить себѣ одинъ только голой Мурманской берегъ океана, продолженіемъ котораго можно считать безошибочно всю сѣверную, начальную часть Терскаго берега. Около Пулонги начинаются уже песчаныя осыпи и кое-гдѣ глинистыя прикрутости, которыя, при устьѣ самой большой изъ рѣкъ Терскаго берега—Ва̀рзуги, являются сплошнымъ песчанымъ полемъ, кое-гдѣ испещреннымъ невысокими песчаными холмами въ срединѣ этого поля и болѣе высокимъ, менѣе рѣдкимъ лѣсомъ по окраинамъ его. Пять только селеній пріютились на всемъ этомъ безпривѣтномъ протяженіи Терскаго берега, до устья рѣки Ва̀рзуги, при устьяхъ маленькихъ рѣчекъ, на береговыхъ прикрутостяхъ; во всѣхъ этихъ селеніяхъ можно видѣть деревянныя часовни, въ рѣдкомъ церковь. Таковы Пялица (20 дворовъ), Ча̀пома (22), Стрѣльна (4), Тѐтрина (30) и Ча̀вонга (13). Изъ деревень этихъ только одна Тетрина, какъ бы въ исключеніе изъ общаго правила, не прячется за дальними колѣнами рѣки, дальше внутрь земли отъ устья, но видится съ моря всецѣло на мыскѣ, у подошвы голой, гранитной крутизны; оттого и самой видъ деревни картинно-своеобразенъ. Также приглубъ Терской берегъ и на этомъ половинномъ протяженіи своемъ (отъ Поно́я до Ва̀рзуги), какъ приглубъ онъ и вездѣ дальше до Ка̀ндалакши; также кое-гдѣ и около него есть песчаные отпрядыши и глубокіе острова, между которыми по величинѣ замѣчателенъ *Сосновецъ*, служившій въ недавнюю войну станціею судовъ соединеннаго англо-французскаго флота. Островъ этотъ голымъ камнемъ, прорѣзаннымъ кварцомъ, на десять саженъ возвышается надъ поверхностью моря, въ недальномъ (2 мили) разстояніи отъ берега, и идетъ на 600 саженъ въ длину и на 320 саж. въ ширину. Издали видится на немъ красная башня, а на западномъ берегу нѣсколько крестовъ. Тѣми же крестами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ установлено и все прибрежье. Кресты эти и становыя избы кое-гдѣ на южныхъ отклонахъ горъ, успѣваютъ еще поддерживать вѣру въ то, что ѣдешь не окончательно пустыми, безлюдными мѣстами, что если не видно жизни теперь, то во всякомъ случаѣ, была она прежде, будетъ потомъ. Только около рѣдкихъ, бѣдныхъ селеній успѣваешь встрѣчать живаго чело-

вѣка: это или рыбакъ, выѣхавшій съ товарищами осматривать сѣть, пущенную въ море, или иногда куча дѣвокъ съ пѣснями и смѣхомъ плывутъ въ такомъ же карбасѣ на ближной островъ докашивать траву, или добирать ягоду, успѣвшую уже созрѣть на то время (конецъ іюля). Забравшись въ селеніе, встрѣчаешь тѣ-же чистыя избы, тѣхъ же привѣтливыхъ и словоохотливыхъ русскихъ мужичковъ съ ихъ своеобразнымъ, въ высшей степени типичнымъ говоромъ, съ ихъ бытомъ, сложившимся подъ иными условіями, при иной обстановкѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ великой Россіи, и потому способнымъ интересовать до конца въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ и проявленіяхъ. Заселеніе Терскаго берега славянскимъ племенемъ одновременно съ заселеніемъ этимъ же племенемъ всего сѣвера Россіи; а умѣнье освоиться съ чужою мѣстностью, втеченіе этихъ шести-семи вѣковъ, какъ съ родною, даетъ почти прямое право считать русское племя за аборигеновъ прибрежьевъ Бѣлаго моря, а настоящихъ аборигеновъ — финское племя, лопарей—какъ пришлецовъ, какъ гостей на чужомъ пиру и притомъ гостей почти лишныхъ и ненужныхъ. Такъ скоро умѣло болѣе сильное и развитое племя подчинить своему вліянію слабое племя инородцовъ! Лопарь теперь не болѣе, какъ работникъ, батракъ, рабъ-невольникъ у русскихъ обитателей Терскаго берега. Нѣкоторою самостоятельностію (хотя, въ тоже время, незначительною) пользуются изъ лопарей только тѣ, которые поселились своими вѣжами въ глуши Лапландскаго полуострова, вблизи озеръ, или на почтовомъ трактѣ между Ка́ндалакшею и Колой, вблизи тѣхъ же большихъ и рыбныхъ озеръ. За то всѣ лопари Мурманскаго, а тѣмъ болѣе Терскаго берега, издавна уже существуютъ работами, задаваемыми имъ русскими промышленниками, и большею частію или уже обрусѣли, или находятся въ послѣднемъ, близкомъ къ этому великому дѣлу періодѣ.

Лопари, или собственно такъ называемая терская лопь, встрѣчаются по одиночкѣ не только на Мурманѣ, но и у рѣки Іоканки и на берегу Лумбовскаго залива (до 80 душъ), и въ каждомъ селеніи Терскаго берега работниками у богатыхъ хозяевъ. Семьями или цѣлыми погостами, встрѣчаются они только у рѣки Поно́я (свыше 50 душъ), около острова Сосновца (свыше 20 душъ) и верстахъ въ 20 отъ селенія Кузрѣки. Въ пер-

вомъ случаѣ они живутъ у моря и ради-моря, и потому посильно кладутъ и свою долю вліянія на отправленіе звѣриныхъ промысловъ и рыбной ловли больше, чѣмъ корелы.

Рѣзко бросается въ глаза низенькой лопарь, всѣмъ обликомъ своимъ замѣтно отмѣчонный отъ сосѣдняго русскаго люда. Глянцовито-чорные волосы щетинисто торчатъ на головѣ и, кажется, никогда не способны улечься, а висятъ какими-то неровными клочьями надъ лбомъ, изъ подъ котораго тупо и лѣниво глядятъ маленькіе глаза, большею частію каріе. Нѣсколько выдавшіяся скулы, значительной величины разрѣзъ рта дѣлаютъ изъ лопаря нѣкоторое подобіе самоѣда, еслибы только всѣ черты лопаря были менѣе округлы, еслибы разрѣзъ глазной былъ уже и самая смуглость лица была бы сильнѣе. Лопарь, напротивъ, въ этомъ отношеніи, составляетъ какъ бы переходъ отъ инородческаго племени къ русскому, хотя бы, напримѣръ, отъ того же самоѣда къ печорцу. Правда, что въ тоже время лопарь, сравнительно, выше ростомъ самоѣда, менѣе плечистъ и коренастъ, хотя и далеко не дошолъ до русскихъ, между которыми попадаются истинные богатыри и красавцы. Но за то, въ свою очередь, несравненно легче и понятнѣе говоритъ лопарь по русски, чѣмъ картавой самоѣдъ, и хотя лопарь любитъ вставлять (*уснащивать*, по мѣстному выраженію) въ свою рѣчь лишніе, неимѣющіе никакого смысла слоги, въ родѣ *ба*, *ото* и проч., и свои родныя, коренныя слова—все же его понять можно и даже, при случаѣ, разговориться съ нимъ. Продолжая далѣе сравненіе лопарей съ самоѣдами, находимъ не лишнимъ сказать, что самоѣды уходятъ далеко отъ своей родной тундры, сбираютъ милостыню въ Архангельскѣ; лопарь же, въ свою очередь, рѣдкой и случайной гость этого города и почти никогда не оставляетъ своей вѣжи на долго. Если самоѣдское племя многолюднѣе, а лопарское малочисленнѣе, и если самоѣдовъ только въ послѣднія десятилѣтія настоящаго вѣкъ начали обращать въ христіанство, то лопари давно уже христіане.

Лопари, какъ говорятъ лѣтописи, въ княженіе Василія III явились въ Москву съ данью и произвольною просьбою дать имъ проповѣдниковъ Евангелія. Тогда же (въ 1527 г.) отправленъ былъ съ ними архимандритъ Ѳеодоритъ, успѣвшій просвѣтить христовымъ ученіемъ лопарей, жившихъ около Колы, и даже будто бы перевести нѣкоторыя церковныя книги на ту-

земной языкъ. Но въ настоящее время не сохранилось ни книгъ, ни даже какихъ либо преданій и извѣстій о Θеодоритѣ. Болѣе памятнымъ и высокочтимымъ всѣмъ лопарскимъ населеніемъ остается св. Трифонъ, апостольствовавшій въ дальныхъ сѣверо-западныхъ предѣлахъ Лапландіи одновременно съ Θеодоритомъ (около половины XVI вѣка). Мѣрами кротости, личнымъ примѣромъ безупречной, добродѣтельной жизни преподобной Трифонъ успѣлъ въ короткое время обратить полудикихъ сосѣдей своихъ въ христіанство и построилъ на рѣкѣ Печенгѣ монастырь, упраздненной въ настоящее время *). Мѣсто его замѣнила деревянная церковь. Еще далеко прежде появленія Θеодорита въ Лапландіи, лопари — по свидѣтельству соло-

*) Вотъ краткая исторія этого Кольскопеченскаго монастыря, нѣкогда самаго сѣвернаго и самаго дальнаго изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи. Первой храмъ, построенной Трифономъ, посвящонъ былъ имени св. Троицы и освящонъ іеромонахомъ Иліею, котораго нашолъ преподобной въ Колѣ. Этотъ же іеромонахъ постригъ Трифона въ монашество. Трифонъ отправился въ Москву просить грамоты у царя Грознаго, встрѣтилъ царя на пути въ церковь, подалъ челобитную и тогда же получилъ въ даръ отъ царевича Θеодора верхнюю одежду и отъ самого царя (22 ноября 1556 г.) жалованную грамоту. Монастырь получилъ «на пропитаніе въ вотчину морскія губы: Мотовскую, Лицкую, Урскую, Лазренскую и Навденскую», и съ тѣмъ, чтобы «въ морѣ всякими рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита или моржа или какого иного звѣря, и морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками и малыми ручейками и съ верхотинами, и топями, и горовными мѣстами, и пожнями, и лѣсами, и лѣсными озерки и звѣриными логовищи, и лопарями, которые лопари наши данные въ той Мотовской и Печенгской губѣ нынѣ есть и впредь будутъ, и со всѣми луговыми угодьи и своими царя и великаго князя денежными оброки и со всѣми доходы и съ волостными кормы и тѣмъ имъ питаться, и монастырь строить». При царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ (въ 1590 году) шведскіе финляндцы, жившіе близъ Колы, сожгли церковь Успенія, стоявшую въ 26 верстахъ отъ монастыря. Стояли потомъ 7 дней подъ самымъ монастыремъ и въ день Рождества Христова, тотчасъ послѣ литургіи, умертвили всѣхъ бывшихъ въ оградѣ, ограбили церкви и сожгли и разрушили до основанія весь монастырь. Θеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ перевести обитель въ Колу, но она здѣсь вскорѣ сгорѣла и вновь выстроена была (въ 1619 году), уже при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, за рѣкой Колой. Монастырь управлялся игумнами; въ 1701 г., по указу Петра Великаго, приписанъ былъ къ архіерейскому дому, а потомъ къ кольскому собору. Церковь упраздненнаго монастыря сожжена вмѣстѣ съ городомъ соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ въ 1854 году.

вецкаго лѣтописца — вскорѣ по основаніи Соловецкаго монастыря, уже имѣли вѣру во Христа: «мнози отъ тѣхъ лопарей прихождаху во обитель преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и остризающе власы главъ своихъ бываху мниси». Въ другой соловецкой рукописной книгѣ, «Садъ Спасенія», говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Древле быша сіи вышереченіи родове, яко звѣріе дивіе живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни инаго потребнаго къ жительству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же — кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдь Бога истиннаго единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати, ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ — камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое — палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоядцѣхъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ, обаче *отчасти*». По крещеніи Триѳономъ, лопари, оставшіеся еще въ язычествѣ, стали называться лопью некрещоною, но уже не надолго. Другое свидѣтельство о лопаряхъ находимъ у Павла Іовія, жившаго въ Россіи при Василіѣ III. Онъ говоритъ: «На самомъ дальномъ берегу океана живутъ лапландцы, народъ чрезвычайно дикой, подозрительной и до того трусливой, что одинъ слѣдъ чужестранца, или даже одинъ видъ корабля, обращаетъ ихъ въ бѣгство; москвитяне не знаютъ свойствъ этого народа; торговля мѣхами производится безъ разговоровъ, потому-что лапландцы избѣгаютъ чужихъ взоровъ. Сличивъ покупаемые ими товары съ мѣхами, они оставляютъ мѣха на мѣстѣ, а купленное уносятъ, и такая заочная торговля производится съ чрезвычайною честностію».

Другія историческія свидѣтельства приводятъ насъ къ тому заключенію, что лопари въ переселеніи своемъ шли съ юга, и именно отъ Онежскаго озера, гдѣ нѣкто муромскій монахъ Лазарь видѣлъ ихъ еще около половины XII столѣтія и звалъ *лопянами*, *сыроядцами*, звѣрообразными людьми; но тогда же хвалилъ ихъ кроткіе нравы, разсказывая объ общей благодарности и желаніи стать христіанами послѣ того, какъ удалось ему исцѣлить слѣпаго сына одного изъ лопарскихъ старшинъ. Въ началѣ XI столѣтія лопари дѣлаются извѣстными исторіи,

и уже какъ данники Великаго Новгорода. Новгородъ раздѣлилъ ихъ на два разряда: *двоеданныхъ* и *троеданныхъ*, и къ послѣднимъ приписывалъ тѣхъ изъ нихъ, которые переходили за норвежскую границу добывать промысла. Дань эта состояла сначала изъ шкурокъ пушнаго звѣря и рыбы, а потомъ уже изъ денегъ; только при Іоаннѣ III лопари начали сами возить эту дань въ Москву, но до того времени отдавали ее нарочно присылаемымъ приставамъ, которые и обязаны были ѣздить и ходить по ближнимъ и дальнымъ погостамъ. Посильно правя государственныя повинности, лопари, въ тоже время, находились во враждебномъ отношеніи къ тѣмъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые подчинились норвежцамъ и въ страны которыхъ наши лопари ѣздили за промыслами. Происходили ссоры, драки, кровопролитія; требовалось положить между сосѣдями политическую, правительствами обусловленную, границу. Около пятисотъ лѣтъ тянулось это дѣло. Шведы неоднократно присылали уполномоченныхъ, являлись и московскіе (въ 1526, 1592, 1595, 1601); затѣвались споры, происходили разногласія, дѣло не подвигалось впередъ, требовалось рѣшенія спора оружіемъ. Шведы, въ 1591 г., овладѣли сумскимъ острогомъ, сожгли монастырь печенской; московскія войска, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ князей Волконскихъ, опустошили сѣверную Финляндію. Нѣкто Валитъ — «ратный человѣкъ и къ рати необычайный охотникъ, собою дородный», изъ знатныхъ новгородцовъ, ходилъ на Мурманъ, поставилъ огромной камень и, окруживъ его двѣнадцатью рядами каменныхъ стѣнъ, назвалъ Вавилономъ — говоритъ финское преданіе (не сохранившееся у лопарей). Тоже самое соорудилъ этотъ Валитъ и на мѣстѣ нынѣшной Колы; шведы отдали ему все Лопорье до рѣки Ивгея, такъ что лопари сдѣлались новгородскими данниками. Царь Борисъ начиналъ дѣло о границахъ, но не кончилъ; начавшаяся неурядица государственная затянула это дѣло на долго. Екатерина II, въ 1784 г., подняла вновь вопросъ этотъ, но также не кончила совершенно; въ 1809 году, когда Финляндія присоединена была къ Россіи, границы эти были приведены въ большую ясность. Такъ было до 1822 года, когда норвежскіе солдаты изъ крѣпости Вардегуза, пріѣхавши къ берегамъ, принадлежавшимъ къ Пазрѣцкому погосту, нарубили тамъ дровъ, во исполненіе уже давняго обычая похищать лопарскую соб-

ственность. Лопари принесли жалобу кольскому исправнику. Въ дѣло это вмѣшалось шведское правительство; присланы были уполномоченные и тогда же получена новая жалоба отъ *фильмановъ* *) (норвежскихъ лопарей, *финнмановъ*, *фирмановъ*) на русскихъ лапландцовъ. Все это, взятое вмѣстѣ, послужило къ тому, что въ 1825 году русской подполковникъ Галяминъ и шведскій полковникъ Сперкъ назначили окончательно границу эту по рѣкѣ Пазрѣкѣ (Пазвигу). По конвенціи между русскимъ и шведскимъ правительствами, подписанной въ 1826 году, положено, чтобы норвежскія семейства, а равно и семейства русскихъ подданныхъ, живущія на земляхъ, которыя навсегда достаются въ удѣлъ Россіи или Норвегіи, оставались на мѣстѣ ихъ жительства или переселились на землю другой державы втеченіе трехлѣтняго срока. Втеченіе шести лѣтъ тѣ и другіе имѣли право ходить на землю другой державы для производства тамъ по прежному рыбной и звѣриной ловли, соображаясь, однако, съ правилами внутренной полиціи и таможенными учрежденіями. Оленей позволялось пасти только на тѣхъ мѣстахъ, которыя названы общими (Fellesdistricter).

Въ правительственномъ отношеніи, лопари въ настоящее время стоятъ наравнѣ съ прочими государственными крестьянами: платятъ подати, исправляютъ земскія повинности; но, въ тоже время, освобождены отъ личнаго рекрутства, платя вмѣсто того, въ рекрутскій годъ, 150 р. сер. съ рекрута.

Закутанный въ оленьи мѣха, лопарь живетъ по зимамъ въ своихъ зимнихъ погостахъ внутри Лапландскаго полуострова и только на лѣто перекочовываетъ къ морю или океану. Тотъ же совикъ, что и у самоѣда (но, на этотъ разъ, называемый *печокъ*, нераспашной, съ колпакомъ для головы), тѣже оленьи высокіе сапоги—*яры*, съ длиннымъ и острымъ носкомъ, шапка съ

*) Финнманы—живутъ въ трехъ торговыхъ крѣпостцахъ: большомъ и маломъ Вадзэ, въ Несби и въ селеніяхъ при Варангскомъ заливѣ океана: Нявдемѣ, Пазѣ и Ровдиной. Образъ жизни, одежда, языкъ и нравы ничѣмъ почти не отличаются отъ русскихъ лопарей; но за то финнманы несравненно богаче послѣднихъ количествомъ головъ рогатаго скота и оленьихъ стадъ. Рыбная ловля и морскіе промыслы значительно пополняютъ это количество. Финнманы раздѣляются на *горныхъ* (Fieldfinner) и *морскихъ* (Seefinner).

длинными ушами, опушонная разсомашечьимъ мѣхомъ, спасаютъ лопаря отъ суровостей полярнаго холода. *Юпа* — тотъ же *печокъ*, но не мѣховой, а изъ сѣраго сукна, съ такимъ же куколемъ, или колпакомъ, въ родѣ шапки, служитъ лопарю на его лѣтнихъ морскихъ промыслахъ, спасая его и отъ крѣпкихъ вѣтровъ, и отъ миріадъ комаровъ, вьющихся надъ гнилою тундрой его отечества *). Тотъ же, наконецъ, конусообразной шатеръ, что чумъ у самоѣдовъ, называемой у лопарей *вѣжой*, составляетъ его жилище. Разница между чумомъ и вѣжой незначительна. Тѣ же обточонные шесты, сажени въ двѣ длиною, составляютъ ея основаніе, такое же отверстіе наверху для дыму, тотъ же, наконецъ, земляной полъ, устилаемой оленьими постелями, какъ и въ самоѣдскомъ чуму. Разница только въ томъ, что вѣжа устанавливается прочнѣе и не перевозится, какъ чумъ, съ мѣста на мѣсто (въ этомъ случаѣ, вѣжа составляетъ какъ бы нѣчто среднее, переходное отъ кочевой палатки къ избѣ или дому). Для этой цѣли внѣшная сторона вѣжи не обшивается оленьими мѣхами, а обкладывается сначала хворостомъ и вѣтвями хвойныхъ деревьевъ, а потомъ сверхъ всего широкими пластами дерна. Въ одномъ боку вѣжи, въ противоположной сторонѣ отъ сѣвера, оставляется отверстіе, которое, на этотъ разъ, закрывается опять таки не оленьимъ мѣхомъ, а дверью, сколоченною изъ трехъ-четырехъ дощечекъ; дверь эта приподнимается кверху и тяжестью своей готова придавить и способна ушибить больно всякаго неловкаго, неопытнаго гостя, какъ западня, какъ защолка, хотя бы и той же звѣриной ловушки. Такихъ вѣжъ у такъ называемыхъ кочующихъ лопарей для каждаго семейства по двѣ: одна, зимняя, остается при озерахъ *незапертою*, когда лопарь перекочовываетъ въ весеннее время къ морю, гдѣ уже ждетъ его готовая лѣтняя вѣжа, точь въ точь такого же строенія и вида, какъ и прежняя. Многіе погосты имѣютъ уже лопарскія избы, выстроенныя по образцу русскихъ. Ту же скудную пищу и тотъ

---

*) Лопарки носятъ сарафаны; на головѣ—сороки изъ кумача, холста и каразеи; на затылкѣ кладутъ вынизанный бисеромъ, краснаго сукна назатыльникъ. Дѣвушки носятъ шолковыя каразейныя повязки; а на шеяхъ бусы изъ краснаго бисера и дешоваго жемчуга, добываемаго, какъ извѣстно, во многихъ рѣкахъ поморья, особенно въ рѣкѣ Кеми.

же крѣпкой сонъ вкушаетъ и лопарь въ своихъ вѣжахъ, или избахъ, какими пользуются самоѣды въ своихъ чумахъ. Отъ тѣхъ же оленьихъ стадъ зависитъ участь и судьба большей части лопарскаго населенія, какъ и самоѣдскаго. Разница только въ томъ, что лопари давно уже перестали находить въ оленяхъ единственныхъ друзей и единственное, неизбѣжное подспорье въ жизни, а потому обращаютъ на нихъ меньшее вниманіе. Олени лопарскіе больше ростомъ, значительно крѣпче силой, не гоняются стадами при передвиженіи, а живутъ по большей части на назначенныхъ мѣстахъ, на издавна отведенныхъ пастбищахъ и часто оставляются безъ надзора на все лѣтнее время морскихъ промысловъ. Огромныя стада дикихъ оленей вознаграждаютъ утраты, въ случаѣ нападенія на стада домашнихъ оленей волковъ, россомахъ и медвѣдей, которыхъ, какъ говорятъ, на Лапландскомъ полуостровѣ несравненно больше, чѣмъ въ мезенской тундрѣ. Точно также, по большей части съ пятилѣтняго возраста, пускаютъ и лопари (какъ и самоѣды) оленей своихъ въ упряжъ; разница здѣсь только въ томъ, что лопарскія сани имѣютъ форму корыта и называются *кѣресомъ*, *кережкою*, но у нихъ также веревочная упряжъ, все тоже, даже и особыя названія для всякаго возраста животнаго: *теленокъ*—олень на второмъ году жизни называется *уракомъ*, самка—*вонделкою*; на третьемъ: самецъ — *убарсомъ*, самка *вонделваженкою*; на четвертомъ: самецъ *кундусомъ*, самка, какъ и у самоѣдовъ — *важенкою* и, также какъ у самоѣдовъ же, самецъ послѣ пяти лѣтъ и до смерти носитъ названіе *быка* *). Точно также и на Лапландскомъ полуостровѣ, какъ и по мезенской тундрѣ, врагами оленей, помимо волковъ, можно считать докучливыхъ слѣпней (coestrus tarandi). Оригиналенъ здѣсь только тотъ обычай, что пригнаннымъ къ морю оленямъ лопари позволяютъ пить соленую воду. Олени пьютъ ее съ жадностью, но только одинъ разъ въ лѣто; другіе разы они въ этой водѣ только спасаются отъ слѣпней, но, какъ замѣчаютъ, никогда уже не пьютъ ея больше. Терскіе лопари (предпочтительно передъ другими одноплеменниками) изъ оленьихъ шкуръ

---

*) Здѣшной олень также не живетъ болѣе 20 или 30 лѣтъ, и умерщвляется раньше, на случай насущной потребы, для одежды или пищи.

приготовляютъ хорошую лосину и замшу, называемыя въ поморской торговлѣ общимъ именемъ *ро́вдюги.*

Продолжая сравненіе лопарей съ самоѣдами, найдемъ, что точно также и лопари въ своей торговлѣ съ русскими промышленниками, забирающими у нихъ лѣтніе уловы рыбы въ становищахъ Мурманскаго и Терскаго береговъ, скорѣе остаются въ накладѣ, чѣмъ въ прибыли. Лишная чарка водки рѣшаетъ иногда дѣло къ немалому ущербу лопаря, всегда добраго, всегда сговорчиваго и всегда вѣрующаго въ честность промышленниковъ русскихъ, но почти всегда ошибающагося. Наконецъ, несравненно лучшимъ здоровьемъ пользуется лопарь передъ самоѣдами, по той причинѣ, что, къ счастію, нѣтъ у нихъ наслѣдственныхъ заразительныхъ болѣзней, нѣтъ и другихъ, исключая неизбѣжныхъ морскихъ. Можетъ быть, способствуютъ къ тому правильно обусловленныя перекочовки два раза въ годъ; а можетъ быть и не такъ грязная, не такъ животная жизнь, какъ жизнь самоѣдовъ. Если прибавить ко всему сказанному, что лопарки необыкновенно пугливы, и что громкій, неожиданный стукъ или крикъ способенъ произвести во всемъ ихъ организмѣ значительное нервное разстройство, подчасъ доводящее ихъ до состоянія бѣшенства: то, этимъ, кажется, придется сказать все о лопаркахъ.

Тою же кротостію, тѣмъ же миролюбивымъ характеромъ дышатъ всѣ сношенія лопарей съ русскими, какъ и сношенія самоѣдовъ съ зырянами*). Даже, какъ кажется, лопарь еще честнѣе, еще характернѣе самоѣда, а простодушіе его не ищетъ дальныхъ доказательствъ. Также патріархально-гостепріимный въ своей вѣжѣ лопарь, въ тоже время, въ сношеніяхъ своихъ съ русскими любитъ заводить тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *крестованья.* Угодитъ въ чемъ нибудь, понравится чѣмъ нибудь, угоститъ хорошо или дастъ выгодную плату за промыселъ давній лопарскій знакомецъ-поморъ — лопарь не замедлитъ предложить ему *покрестоваться*, т. е. обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями. Лопарь, по совершеніи обряда обмѣны крестовъ, даритъ «крестовому» все, что есть у него лучшаго:

---

*) См. т. II, статью: «Поѣздка на Печору»: *Самоѣды.*

лучшій оленій мѣхъ, лучшую звѣриную шкуру, бобровую или чорнобурой лисицы. Крестовой русской долженъ, въ свою очередь, отдарить, чѣмъ можетъ, своего крестоваго брата—лопаря. Г. Верещагинъ, авторъ «Очерковъ Архангельской губерніи», разсказываетъ одинъ подобной случай крестованья слѣдующимъ образомъ:

«Одинъ изъ нашихъ русскихъ промышленниковъ въ одно лѣто былъ на Мурманскомъ берегу около норвежской границы. Тамъ нашъ промышленникъ случайно встрѣтился съ однимъ дотолѣ ему неизвѣстнымъ лопаремъ, котораго все богатство состояло въ оленьихъ стадахъ. Разсудивъ, что не худо имѣть знакомаго человѣка, съ которымъ, можетъ быть, приведется на будущее время имѣть какое нибудь дѣло, промышленникъ пригласилъ этого лопаря къ себѣ на лодью. Лопарю понравился новой его знакомой, такъ что онъ предложилъ ему свою дружбу; друзья покрестовались. Лопарь, получивъ, по обычаю, подарокъ (весьма впрочемъ незначительный), пригласилъ своего крестоваго къ себѣ. Они съѣхали на берегъ и, пройдя нѣсколько верстъ, очутились на небольшой равнинѣ, окружонной скалами. Лопарь громко свистнулъ и на этотъ свистъ послышался лай собакъ. Въ ту же минуту лопарь повелъ своего знакомца на ближайшій холмъ. Лишь только они успѣли на него взобраться, какъ вдругъ откуда ни возьмись, со всѣхъ сторонъ набѣжали на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. Нашъ промышленникъ, стоя на холмѣ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на это безчисленное стадо оленей, которые покрыли всю равнину.

— Вотъ всѣ мои олени, сказалъ наконецъ лопарь, обращаясь къ своему крестовому: — выбирай себѣ любаго, какого хочешь.

Крестовой съ минуту оставался въ недоумѣніи: онъ зналъ, что, по обычаю, долженъ былъ въ замѣнъ своего подарка получить подарокъ и отъ лопаря; но, вспомнивъ о ничтожности своего подарка, въ сравненіи съ тѣмъ, который предлагалъ ему лопарь, онъ невольно смутился, тѣмъ болѣе, что лопарь нарочно для него раскинулъ передъ нимъ *все* свое богатство и великодушно предлагалъ выбрать самое лучшее.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ, наконецъ, промышленникъ: —.

куда ужъ мнѣ выбирать? Спасибо! Самъ ты дѣлай, какъ знаешь.

Лопарь тотчасъ сошолъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго изъ оленей, ловко набросилъ на рога его петлю. Тотчасъ же олень былъ убитъ, и нашъ промышленникъ разстался съ своимъ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя — залоги новаго знакомства и дружбы съ добродушнымъ лопаремъ».

«Эта черта (прибавляетъ дальше г. Верещагинъ) показываетъ высокое качество души людей, которыхъ мы привыкли считать грубыми; это качество сдѣлало бы честь всякому образованному человѣку».

По нашему мнѣнію, случай этотъ, какъ и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, служитъ не маловажною причиною къ опроверженію того мнѣнія, которое хранятъ еще нѣкоторые изъ поморовъ, что будто бы лопарь склоненъ къ убійству, что будто бы безъ товарищей и оружія нельзя довѣряться его гостепріимству, что такимъ образомъ недавно пропавшій безъ вѣсти кемской поморъ, имѣвшій при себѣ значительную сумму денегъ, убитъ лопарями, и будто бы за то только, что у него было много денегъ! Въ тоже время и тѣ же русскіе, уходя домой съ мурманскихъ промысловъ, оставляютъ лопаря сторожемъ всего запаса на будущую весну, всего, что было бы лишнымъ дома, но что можетъ пригодиться на будущій годъ. Семь мѣсяцовъ блюдетъ лопарь, за ничтожную сумму, становища промысловыя и все въ поразительной цѣлости передаетъ хозяевамъ, не утаивъ за собою малѣйшаго пустяка. А между тѣмъ надзору лопарей довѣряется весьма часто нѣсколько сотенъ пудовъ трески, палтасины, семги, на нѣсколько же сотенъ рублей снастей и проч. А между тѣмъ такъ рѣдки судебные случаи о смертоубійствѣ, въ которомъ бы замѣшался лопарь (извѣстны только два); а между тѣмъ лопари охотно и часто выселяются ближе къ русскимъ селеніямъ и не строятъ уже своихъ погостовъ далеко, въ глуби Лапландіи; охотно, особенно въ послѣднее время, они женятся на русскихъ дѣвушкахъ. О простотѣ и даже нѣкоторой тупости лопарей поморы, между прочимъ, разсказываютъ слѣдующее. Одному лопину удалось утащить изъ часовни цѣлой ящикъ церковнаго сбора. Желая спрятать его подальше, онъ вышолъ на тундру, высмотрѣлъ дерево, зако-

палъ подъ нимъ свою кражу и, отойдя, долго оглядывался потомъ назадъ, съ цѣлію хорошенько запомнить мѣсто. Къ несчастію лопаря, все это высмотрѣли ребята — зуйки, ходившіе изъ становища за морошкой. Зуйки разсказали обо всемъ этомъ кормщику; тотъ пришолъ, вырылъ деньги, ящикъ расколотилъ и бросилъ. Лопинъ всплакался, цѣлые дни ходилъ повѣся носъ и, наконецъ, не выдержалъ и разсказалъ русскимъ промышленникамъ свое горе.

— Отчего же ты по дурацки пряталъ? спрашивали тѣ.

— Льзя видѣть, льзя не видѣть, — оправдывался лопинъ и приписалъ все это злымъ духамъ.

Свадебные обряды лопарей, до сихъ еще поръ, сохранились въ первобытной цѣлости и оригинальности. Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватанье. Женихъ съ родными своими отправляется въ этотъ день къ избѣ или вѣжѣ невѣсты. Но жениха не пускаютъ туда; дверь заперта на задвижку; онъ со всѣми родными своими долженъ стоять въ сѣнцахъ, гдѣ такъ холодно и, въ тоже время, такъ непріятно — стыдно. Женихъ съ пришедшими начинаетъ стучать въ дверь, съ приговоромъ молитвы: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» —до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго удара и молитвы, изъ за дверей окликаютъ пришедшихъ сердито-заспаннымъ и хриплымъ голосомъ:

— Кто это тамъ по ночамъ бродитъ, безпокоитъ?—И, просунувши голову въ полуотворенную дверь, лопарь хмуритъ глаза и опять приговариваетъ:

— Не вижу, не вижу, что за люди пришли...

Ему даютъ полтинникъ; онъ третъ этой монетой одинъ глазъ и щуритъ другой. На этотъ глазъ тоже поступаетъ отъ жениха полтинникъ или другая монета, смотря по состоянію.

Получивши полтинникъ, сватъ не отстаетъ: говоритъ, что горло болитъ, лечить надо—даютъ платокъ. «Озябъ» – говоритъ сватъ—водки даютъ. Тоже самое повторяетъ и другой привратникъ, которыми бываютъ по большей части братья невѣсты. Этому послѣднему, обдаривши его, пришедшіе сказываютъ свой сказъ: что пришли-де отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла золотая птица и будто бы спряталась въ этой вѣжѣ. Ихъ тотчасъ же пускаютъ посмотрѣть, поискать. Гости, ухватившись руками за плечи и наклонивши голову, входятъ

въ избу гуськомъ, одинъ за другимъ; женихъ топаетъ ногами; его осаживаютъ, останавливаютъ криками :«тпрру»; но женихъ продолжаетъ топать до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ къ лавкамъ. На лавкахъ, въ это время, сидитъ вся невѣстина родня; невѣсты нѣтъ тутъ; отецъ ея сидитъ, опустивши голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ къ нему и будятъ, ударивши кокотками пальцевъ въ голову. Очнувшійся отецъ протираетъ глаза, проситъ на очки, на починку головы. Тоже самое дѣлаетъ и вся остальная невѣстина родня, которую тоже женихъ обязанъ одаривать. Когда, наконецъ, кончится вся эта тоскливая, скучная церемонія, выводятъ невѣсту, сажаютъ на постель, накрывши предварительно лицо ея покрываломъ. Родные указываютъ на нее пришедшимъ и спрашиваютъ:

— Не та ли эта птица, что ищите?

Но сваха даромъ не показываетъ птицы, проситъ подарка. Получивши его, она поднимаетъ покрывало.

— Она, говорятъ пришедшіе.

Старшій сватъ жениха беретъ его руку подъ правую свою мышку, придерживая локоть своей ладонью; тоже дѣлаетъ сватья съ невѣстой. Жениха и невѣсту водятъ вмѣстѣ, сближаютъ ихъ руки, чуть дотрогиваясь одной до другой, но мгновенно отдергивая, до трехъ разъ, и потомъ разводятъ. Женихъ одинъ уѣзжаетъ домой, а родные его, вмѣстѣ съ невѣстиными, начинаютъ пиръ и ведутъ его до поздней ночи. На другой день совершается и самая свадьба, сопровождаемая тѣмъ же пиромъ, но только уже въ домѣ новобрачныхъ.

Промышленники русскіе всѣ единогласно хвалятъ цѣломудренность лопарскихъ женщинъ, ихъ трудолюбіе и домовитость, которыя не мало способствуютъ къ тому, что и дѣти воспитываются въ нѣкоторой патріархальной чистотѣ нравовъ: мальчикъ — лопарь, до совершеннолѣтія, живетъ большею частію дома и не отпускается на трудные мурманскіе промыслы. Сама же лопарка всегда дома; на ея обязанности лежитъ приготовленіе пищи: тонкихъ лепешокъ—*рески*—приготовляемыхъ изъ тѣста (муки съ водой) и поджариваемыхъ на раскаленномъ камнѣ, и *линды*—ухи изъ рыбы (иногда мяса оленьяго)—родъ грязноватой невкусной похлебки, съ примѣсью незначительнаго количества муки. Чорной хлѣбъ, покупаемый или вымѣниваемый у русскихъ промышленниковъ на Мурманѣ, составляетъ

лакомство. Въ свободное время лопарка обшиваетъ дѣтей, мужа, самоё себя *); онѣ такія же мастерицы шить платья, какъ и самоѣдки, но также неопрятны, также неразборчивы въ пищѣ, подчасъ также упрямы, какъ и мужья ихъ, и всѣ до единой умѣютъ говорить по русски тѣмъ же говоромъ, въ которомъ слышатся крѣпкое удареніе на букву *о* и непріятно-пронзительные звуки.

Такимъ образомъ лопарь все лѣто живетъ морскимъ промысломъ; живетъ онъ имъ и осенью, и зимою, если только случайность судьбы поселила его на Терскомъ берегу, около Поноя; въ противномъ случаѣ, съ первыми признаками осеннихъ непогодей, они удаляются къ своимъ зимнимъ погостамъ. Здѣсь, на ту пору, ближнія (всегда большія) озера богаты разнаго рода рыбой: идутъ сиги, гарьюсы (мелкая, но вкусная рыба съ мелкимъ клескомъ или чешуей), попадаются въ невода, сѣти и сѣтки щуки, окуни, ерши, палья съ краснымъ мясомъ, перьями и хвостомъ и чорнымъ клескомъ, и идутъ на крючки съ сиговой наживкой жирные, вкусные налимы. Часть этой добычи служитъ для нихъ большимъ подспорьемъ на зимнее продовольствіе; часть скупается на мѣстѣ пріѣзжающими на оленяхъ терскими поморами или на деньги, или на соль и ржаную муку.

Зиму лопари въ своихъ дальныхъ вѣжахъ посвящаютъ ловлѣ птицъ и лѣснаго звѣря, и это едва ли не главные и не самые выгодные и прибыльные промыслы. Несмѣтное количество куропатокъ населяютъ весь Лапландскій полуостровъ, давая возможность лопарямъ не прибѣгать къ огнестрѣльному оружію, а пользоваться легчайшими и дешовѣйшими способами. Куропатки кучками и въ одиночку бѣгаютъ по чистому снѣгу, обыкновенно по направленію въ южную сторону. Зная это, лопари устраиваютъ ловушку, весь не хитрый составъ которой состоитъ въ томъ, что къ двумъ кόлушкамъ, наклонно воткнутымъ въ снѣгъ, привязываютъ небольшую петельку, плетеную изъ нитокъ и называемую *гангáсомъ*. Около гангаса этого дѣлаютъ коротенькій заборикъ съ двухъ сторонъ изъ сосновыхъ и еловыхъ лапокъ. Куропатка, вбѣгая въ этотъ переулочекъ, узень-

---

*) Многіе лопари пріучились, въ послѣднее время, къ русскимъ кафтанамъ, при которыхъ носятъ нынѣ и картузы съ козырькомъ, по лѣтамъ.

кій и коротенькій, принуждена стремиться впередъ и, стало быть, прямо въ петлю, гдѣ ей уже нѣтъ спасенія. Но часто подобную добычу, и притомъ въ значительномъ числѣ, похищаютъ лисицы; но и противъ ихъ лопари придумали много средствъ, большею частію общихъ съ мезенскими краями, каковы: отравы, капканы и другія ловушки, всегда вѣрный и мѣткій выстрѣлъ. Лопари такіе же замѣчательно-искусные стрѣлки, какъ вообще всѣ живущіе морскими и лѣсными промыслами и для которыхъ ружье, естественно, предметъ необходимой важности. Тѣми же снарядами и при тѣхъ же средствахъ добываютъ лопари горностаевъ, песцовъ, волковъ и зайцовъ, какъ производится это дѣло и въ мезенской тундрѣ. Медвѣдей лопари не бьютъ, по тому ли давному, суевѣрному понятію, что у медвѣдя 12 силъ человѣческихъ и 10 умовъ мужичьихъ, или по тому убѣжденію, что медвѣдь не приноситъ особаго вреда. Къ тому же лапландскій медвѣдь смиренъ и почти никогда не нападаетъ первымъ; при видѣ нѣсколькихъ, бѣжитъ даже прочь и больше лопарокъ боится неожиданнаго и сильнаго крика. Если иногда лопарь и надумаетъ стрѣлять въ звѣря, то прежде выстрѣла — тоже по давному обычаю — говоритъ ему краткую рѣчь, или родъ увѣщанія, чтобы медвѣдь не нападалъ первымъ, затѣмъ-де, что ружье можетъ осѣчься, рука можетъ дрогнуть и проч. — чего благородный (по убѣжденію лопарей) звѣрь никогда не рѣшится сдѣлать, и тому подобное.

Изъ другихъ, болѣе прибыльныхъ для лопарей, лѣсныхъ или тундряныхъ промысловъ замѣчательны два: промыслы выдры (бобры совсѣмъ перевелись) и дикихъ оленей. Выдры, какъ извѣстно, живутъ въ водѣ и преимущественно въ тѣхъ рѣкахъ и озерахъ, которыя имѣютъ прямое сообщеніе съ моремъ. Уходятъ выдры и въ море, но и тамъ попадаются на всегда мѣткій выстрѣлъ охотниковъ. Звѣря этого считаютъ три вида, изъ которыхъ самый распространенный тотъ, который характеризуется бѣлою грудью и чорною, блестящею шерстью на другихъ частяхъ тѣла; величина его доходитъ иногда до величины большой свиньи или дворовой собаки. Эта порода выдръ очень легко дѣлается ручною, и бывали даже случаи, что звѣрь этотъ помогалъ даже хозяину ловить рыбу, до которой самъ звѣрь, въ тоже время, страстной охотникъ.

Дикихъ оленей, которыхъ множество бѣгаетъ и по лапланд-

ской тундрѣ (не стадами, но въ одиночку), ловятъ лопари на хитрость: или подползая къ нимъ *за вѣтромъ*, съ петлей или ружьемъ, или подпуская къ нимъ домашнюю самку осенью, во время течки, когда обыкновенно нѣсколько сбѣжавшихся дикихъ самцовъ затѣваютъ изъ за самки драку. Въ дракѣ той они путаются рогами и такимъ образомъ становятся легкою добычею. Во время голеледицы бѣгаютъ за оленями на лыжахъ и, утомляя ихъ долгимъ и труднымъ бѣгствомъ, берутъ на ружье, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ подобной охоты. Иногда, впрочемъ, лопари прибѣгаютъ и къ болѣе мирному средству добычи дикихъ оленей. Для этого выбираютъ они въ лѣсу такое мѣсто, по которому, по всѣмъ примѣтамъ, долженъ пробѣжать дикій олень. Въ этомъ мѣстѣ, къ сучьямъ деревьевъ привязывается ганга́съ—такая петля, какъ и для куропатокъ (только, естественно, значительно бо́льшая и изъ довольно толстыхъ веревокъ или ремня). Бѣгающій всегда быстро и, въ большей части случаевъ, безъ оглядки, олень легко попадаетъ въ ловко-настороженную петлю и, при усиліяхъ выбраться, еще больше путается и затягивается на вѣчную смерть въ мучительнѣйшихъ предсмертныхъ судорогахъ. Мясо убитаго такимъ образомъ оленя не идетъ въ пищу. Въ дѣло идетъ одна только шкура: изъ снятой съ ногъ и выбѣленной на солнцѣ дѣлаютъ обувь, изъ остальной замшу, а нерѣдко и печо́къ, точно также, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ мезенцы и самоѣды.

На огромное множество полевыхъ мышей, безчисленными вереницами бѣгающихъ по тундрѣ, лопари не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, предоставляя ихъ въ пищу птицамъ и звѣрямъ, и въ тоже время простодушно убѣждены, что мыши эти падаютъ съ облаковъ, не зная того, что вообще животныя сѣвера многоплоднѣе животныхъ южныхъ странъ (овцы носятъ ягнятъ два раза въ годъ и часто двойни, козы даютъ по три козленка, и проч.), и что именно этимъ обстоятельствомъ можно объяснить всѣ эти миріады рыбъ (особенно сельдей и семги), миріады куропатокъ, комаровъ и тѣхъ же полевыхъ мышей. Число послѣднихъ такъ велико, что невольно рождается вопросъ, чѣмъ они питаются на этой скудной лишайной почвѣ. Ихъ двѣ породы: одни очень миролюбивы, никогда между собою не дерутся и скоро дѣлаются ручными. Другія желтобурыя

довольно злы и не скоро привыкаютъ къ человѣку. На Новой Землѣ ихъ говорятъ несравненно больше, чѣмъ въ Лапландской тундрѣ.

Коснувшись суевѣрій, не лишнее упомянуть и объ томъ понятіи (изъ множества предразсудковъ полудикихъ лопарей), которое имѣютъ они объ сѣверномъ сіяніи. По ихъ мнѣнію, это души умершихъ родныхъ, идущія на небо; нѣкоторыя лопарки узнаютъ даже въ столбахъ сполóховъ своихъ мужей, отцовъ, братьевъ и друг. Болѣе суевѣрные и обладающіе крайнею степенью воспламененнаго воображенія видятъ въ тѣхъ же столбахъ сіяній—злыхъ духовъ; но грамотные русскіе, хватившіе книжной премудрости, привыкли приписывать игру сполоховъ отраженію въ небѣ безчисленнаго множества сельдей, совершающихъ свои полярныя переселенія.

Вообще лопарь, за крайною ли удаленностію церквей, или по другимъ какимъ, болѣе важнымъ, причинамъ, при православіи — крайне суевѣренъ и мало религіозенъ. Терскіе, напримѣръ, не соблюдая постовъ, употребляютъ круглой годъ куропатокъ и наивно оправдываются тѣмъ, что куропатки — летучая рыба. Новорожденный ребенокъ иногда цѣлые годы остается у нихъ безъ крещенія; рѣдкій изъ взрослыхъ знаетъ какую-либо молитву; бóльшая часть ограничивается крестными осѣненіями и частыми поклонами передъ иконами въ часовняхъ, при своихъ погостахъ, при свѣтѣ свѣчей, которыя держатъ обыкновенно въ рукахъ; лопари носятъ крестъ, какъ украшеніе, поверхъ одежды, и проч. Но, въ тоже время, лопари вѣрны и честны въ данномъ словѣ, любятъ искренно своихъ земляковъ и стоятъ за нихъ горой. И, между-тѣмъ, нѣтъ между ними ни одного грамотнаго, хотя всѣ охотно учатся говорить по русски, всѣ безъ исключенія привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, которые сдѣлали имъ уже много положительнаго вреда, сдѣлаютъ еще больше, если не найдетъ ихъ рука спасающая, благодѣтельная, если не найдетъ ихъ грамотность, и честный привѣтъ, и доброе вниманіе. На сосѣднихъ русскихъ, въ этомъ случаѣ, надежда сомнительная и плохая, тѣмъ болѣе, что между русскимъ населеніемъ поморья развилась и пустила глубокіе корни страсть къ торговымъ предпріятіямъ, со всѣми дурными ихъ сторонами, неосмысленная человѣческимъ, христіанскимъ смысломъ...

Въ-заключеніе, считаемъ не лишнимъ привести слова нѣмецкаго этнографа Франца Легера, дѣлавшаго общій выводъ обо всѣхъ дикаряхъ земнаго шара. «Сегодня, говоритъ онъ, дикарь откровененъ, завтра вскипитъ въ немъ буйная страсть, какъ у истаго сына природы, страсть, возбужденная или гордостью, или корыстолюбіемъ; надъ нею онъ уже не имѣетъ власти и, однажды проливши кровь, онъ становится жестокъ и страшенъ: онъ тогда уже безсильный рабъ этой ярости. Нѣжнаго, стыдливаго чувства нѣтъ у дикарки: страсть нравиться и легкомысліе—вотъ дары природы; дѣвственности жены мужъ-дикарь не требуетъ, но за нарушеніе вѣрности мститъ, какъ за покражу собственности. Материнское чувство бываетъ живо, но существованіе дурныхъ, а часто и постыдныхъ привычекъ объясняетъ частую безплодность браковъ и раннюю смерть дѣтей». Только этого послѣдняго положенія нельзя примѣнить къ нашимъ сѣвернымъ дикарямъ. «Въ дикарѣ — говоритъ г. Легеръ — дальше — духовный человѣкъ находится въ постоянномъ плѣну и помраченіи. Игралище страстей и минутныхъ увлеченій, дикарь однообразно изживаетъ дни жизни и не имѣетъ предчувствія о возможности болѣе благороднаго существованія»... «Онъ можетъ благоденствовать лишь среди дикой и бѣдной природы. Гдѣ цивилизація приближается къ нему, тамъ онъ отступаетъ и изводится, какъ изводится дикая птица вблизи образованнаго человѣка».

ЛОВЪ СЕМГИ.

Село Кузомень, расположенное на рѣкѣ Ва́рзугѣ, въ шести верстахъ отъ устья и въ двухъ верстахъ отъ моря, выстроилось на песчаномъ грунтѣ и, въ этомъ отношеніи, составляетъ разительное исключеніе изо всѣхъ другихъ бѣломорскихъ селеній, которыя всѣ стоятъ на гранитѣ. Съ колокольни, недавно выстроенной вновь, можно видѣть всю эту огромную массу песку, обложившаго селеніе со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которая прилегаетъ къ широкой рѣкѣ Ва́рзугѣ—большей изъ всѣхъ рѣкъ Терскаго берега. Окрестное песчаное поле безпривѣтно тянется до моря; въ рѣдкихъ мѣстахъ на этой степи выставляются песчаные холмы, краснѣя издали своимъ глинистымъ основаніемъ. На рѣдкомъ изъ этихъ холмовъ съ трудомъ дер-

жится еще дряблое деревцо, и какъ будто что-то подлѣ него зеленѣетъ; мелькаетъ еще такая же зелень (но не ясно) вдали на дальномъ горизонтѣ, гдѣ можетъ быть, уже начинаются лѣса. Тѣ-же лѣса идутъ за селеніемъ по берегу рѣки, на которой качаются на якорѣ суда; нѣсколько другихъ бѣлѣютъ парусами; море, на этотъ разъ, отдаетъ взводнемъ и валитъ на берегъ одну за другой пѣнистыя, неугомонныя волны. Самое селеніе кажется довольно большимъ и выстроеннымъ какъ-будто недавно; дома его глядятъ чисто, привѣтливо; всѣ почти они выкрыты тесомъ; рѣдкіе, словно бани, врыты до половины въ землю. Также печально, какъ и дома эти, смотрятъ и тѣ амбарушки, которыя прицѣпились на крутомъ берегу Ва́рзуги и которымъ судьба судила хранить промысловыя снасти и во всѣхъ бѣломорскихъ селеніяхъ стоять впереди домовъ на берегу и привѣтствовать всякаго пріѣзжаго прежде всего другаго. Въ Кузомени глубокій, летучій песокъ кругомъ, и тотъ же песокъ между домами; кончаясь на этомъ берегу рѣки, онъ опять начинается на другомъ и идетъ безплодною степью все дальше и больше въ ближную лапландскую тундру. Какъ чорныя, непроглядныя точки видятся на этомъ пескѣ ближнія къ морю промысловыя избушки, салотопенные амбары, и проч., какъ и вообще во всѣхъ другихъ приморскихъ деревняхъ Терскаго берега. Кузомень отличается отъ нихъ только тою замѣтною особенностью, что въ ней не встрѣтишь ни единой собаки, тогда-какъ огромныя, жолтыя животныя эти стадами наполняютъ всѣ другія поморскія селенія.

— Отчего же?—спрашивалъ я у туземцовъ.

— Не ведутся—мѣста-то у насъ, видишь, не такія, не повадныя; да и звѣрь-отъ этотъ для нашего края почитай-что лишной!—отвѣчали одни.

— Мѣсто у насъ такое сталось (прибавляли другіе) — что вонъ и овецъ-то какъ еще Богъ держитъ, чѣмъ питаетъ; травы у насъ нѣтъ, листвы тоже. Скажемъ тебѣ—пожалуй не повѣришь — овца наша песокъ ѣстъ, пыль глотаетъ; сѣти ты на виду и не вѣшай—всѣ обгрызетъ, всѣ изсосетъ; рада — рада, коли тряпочка какая попадется. Даемъ имъ тоже мѣсиво изъ сельдяныхъ головокъ въ пойлѣ: да, вѣдь, ужъ скотъ, извѣстно, не человѣкъ—съ однова сытъ не бываетъ, цѣлый день ѣстъ — не наѣстся. Поѣдешь въ Ва́рзугу—тоже увидишь.

Людное, богатое село Ва́рзуга—одно изъ первыхъ, по времени, заселеній новгородцовъ по Терскому берегу—ушло на 18 верстъ внутрь земли отъ Кузомени. Везутъ туда обыкновенно рѣкою Ва́рзугою въ карбасѣ до того мѣста, которое зовется *ямой* и выше котораго начинаются уже пороги, до того высокіе и бойкіе, что по нимъ нельзя безъ опасности подниматься на лодкѣ. Отъ ямы дорога идетъ узенькой тропинкой по песчанымъ холмамъ, иногда довольно высокимъ, между дряблыми стволами деревьевъ и плотно-сцѣпившимися кустами можжевельника. Между деревьями тянутся огромныя пространства, покрытыя бѣлымъ мохомъ. Слѣва надъ горами разлеглось неоглядное, ржавое болото; въ ложбинахъ бѣгутъ много ручейковъ, которые надо переходить въ бродъ или перепрыгивать. Къ тому же, на этотъ разъ, все это пятиверстное пространство надо было проходить съ оглядкой: тутъ, какъ разсказывали, показывалась медвѣдица съ пѣстуномъ и медвѣжатами и успѣла даже задавить нѣсколько коровъ и овецъ. По счастію, на встрѣчу попадалось много мужиковъ, одѣтыхъ въ полотняные колпаки (по туземному, въ куколи) отъ комаровъ, шедшихъ со страды, со всею беззаботностію и полною безбоязнію, какъ бы по улицамъ своей деревни. За полторы версты, съ послѣдней песчаной горы, показалось, наконецъ и самое село, разбросанное двумя порядками по обѣимъ сторонамъ р. Ва́рзуги. Видѣлись двѣ высокія, почернѣвшія отъ времени церкви, одна на правомъ, другая на лѣвомъ берегу: одна посвящена имени св. Иліи, другая имени св. апостоловъ Петра и Павла.

Село это можно почитать, въ относительномъ смыслѣ, центромъ дѣятельности, главнымъ мѣстомъ, столицею всего Терскаго берега. Сюда бредутъ и лопари, плывутъ и торговцы кемскіе и архангельскіе (особенно въ августѣ мѣсяцѣ): первые (лопари) для продажи, всѣ послѣдніе для закупки семги—почти единственнаго продукта, отъ котораго живетъ все населеніе Терскаго берега.

Еще въ Понóѣ можно видѣть заборъ для семги *). Выстро-

---

*) Поной и Варзуга—двѣ самыя длинныя рѣчки Лапландскаго полуострова—вытекаютъ изъ высокаго болота, лежащаго во внутренней части Лапландіи. Внутренность эта мало обитаема.

ены такіе же заборы и въ Ва́рзугѣ, и въ Умбѣ, и въ Ка́ндалакшѣ; еще около Сосновца и далѣе по берегу видны десятки промысловыхъ избушекъ и вымеченныя на воду сѣти для той же рыбы. Семга для жителей Терскаго берега единственное и богатое средство для существованія и занятій. Отсюда, какъ говорится, во всѣхъ бѣломорскихъ мѣстахъ на мурманскіе промыслы *подъемовъ* нѣтъ, т. е. хозяева не обряжаютъ покрутовъ за треской и палтасиной; нѣкоторые изъ нихъ давно когда-то пробовали—не понравилось и они предпочли тамошніе, хотя и далеко небогатые промыслы домашнимъ, болѣе легкимъ и выгоднымъ. Семга идетъ на Терской берегъ въ громадномъ числѣ.

Слѣдуя изъ вѣковъ своимъ врожденнымъ инстинктивнымъ побужденіямъ, семга ежегодно совершаетъ свои переселенія изъ странъ приполюсныхъ къ берегамъ морей. Совершая эти путешествія въ несмѣтномъ множествѣ и становясь на пути богатою добычею для морскаго звѣря, рыба эта (все-таки въ несмѣтномъ еще числѣ) входитъ, между прочимъ, изъ океана и въ Бѣлое море. Здѣсь она выбираетъ рѣки самыя порожистыя и, по возможности, самыя покойныя, вѣроятно, вслѣдствіе того же инстинктивнаго побужденія. Обладая крѣпко развитыми мускулами, дающими ей возможность плавать быстрѣе всѣхъ извѣстныхъ породъ рыбъ, семга, пробираясь рѣками и встрѣчая на пути преграду въ порогахъ, прыгаетъ черезъ нихъ иногда $1\frac{1}{2}$ сажени высотою. Нѣкоторые поморы замѣчали при этомъ слѣдующее интересное обстоятельство: если рыба не успѣвала осилить высоты пороговъ, то дожидала обыкновенно росы, и по этой росѣ — сухопутьемъ — *переползала* выше пороговъ; къ этому, во всякомъ случаѣ, способствуютъ ей сильно развитыя, крѣпкія мышцы. Тогда же за этими порогами, вдали отъ селеній и въ самыхъ спокойныхъ заво́дяхъ, она совершаетъ тѣ природныя отправленія, для которыхъ, можетъ быть, и ведетъ ее инстинктъ изъ океана въ рѣки. Семга-самка выбираетъ тогда въ рѣкѣ такое мѣсто, гдѣ слабѣе теченіе и притомъ такое, которое закрыто съ южной стороны скалою, камнемъ и проч. Цѣлые сутки—какъ говорятъ наблюдатели—самка трется всѣмъ своимъ тѣломъ о песокъ подлѣ камня, плавая на этомъ мѣстѣ необыкновенно медленно взадъ и впередъ. Въ этихъ передвиженіяхъ она мечетъ икру свою и, кончивши дѣло, остается подлѣ (но въ сторонѣ) еще нѣкоторое время, уступая свое мѣ-

сто самцу, который тоже, въ свою очередь, плыветъ надъ наметанною икрою и оплодотворяетъ ее молоками. И самецъ, и самка, сдѣлавши свое дѣло, утомленные, ослабѣвшіе до послѣдней степени, спѣшатъ подниматься выше, вполнѣ увѣренные въ томъ, что придорожный камень не пуститъ икры по теченію и дастъ легкую возможность произойти изъ нея новому населенію въ значительномъ числѣ субъектовъ. Выбравши глубокую, тинистую яму, и самецъ, и самка, иногда, какъ говорятъ, по цѣлымъ недѣлямъ стоятъ въ ней неподвижно, уткнувшись рыломъ въ берегъ ямы, и опять-таки попрежнему въ прямомъ направленіи къ верхней сторонѣ рѣки. Во время этого-то стоянія и совершается съ рыбой та перемѣна, которая на поморскомъ языкѣ извѣстна подъ именемъ *облóховленья*, т. е. семга успѣваетъ тогда *облóховиться*, или, проще, превратиться въ *лоха*: красное мясо ея блѣднѣетъ и становится совершенно бѣлымъ; изъ головы подо ртомъ выростаетъ костяной крюкъ; внѣшняя сторона клёска серебрится, а уже не чернѣетъ; хвостъ становится тоненькимъ; сама рыба дѣлается тощею (отъ 7 фунтовъ первоначальнаго вѣсу спадаетъ до 3 и 2½), съ дряблымъ мясомъ. Семга уже мало тогда бываетъ похожа на свой первообразъ: она дѣлается лохомъ и въ этомъ видѣ идетъ обратно въ море. Попадаясь на пути въ промысловыя сѣти, она превращается уже и на языкѣ поморовъ въ *вальчáка*, *въ пана*, *въ лоховúну*, смотря по мѣстному говору. Но та изъ этой новой породы рыбъ, которая успѣетъ спастись отъ преслѣдованій человѣка и пройти въ море, *пролоншавъ* (пробывши) въ рѣкѣ всю зиму,— къ осени приходитъ опять въ ту же рѣку уже безъ крюка и съ краснымъ мясомъ, настоящею семгою, и опять-таки для той же прямой и положительной цѣли: метанья икры. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ всѣ естествоиспытатели и промышленники, изъ которыхъ иные дѣлали будто бы нѣкоторыя примѣты на лохѣ (намѣчая зарубки, отрывая какое либо перо и проч.) и пуская этого лоха въ море. Замѣченный лохъ приходилъ въ ту же рѣку и на слѣдующій годъ, и все-таки уже семгой, а не вальчакомъ. Этимъ же превращеніямъ подвергается, какъ извѣстно, и балтійская семга-лосось, прозимовавшая въ Невѣ, или озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ, или въ рѣкѣ Свири.

Бѣломорская семга, разсыпаясь послѣ полярнаго переселенія

и путешествій по прибрежьямъ Мурманскаго берега, Новой Земли, по берегамъ Норвегіи до крайнихъ южныхъ предѣловъ послѣдней, по всѣмъ порожистымъ, самымъ дальнымъ рѣкамъ Бѣлаго моря: Двинѣ, Мезени, Онегѣ, Кеми, преимущественно и несравненно въ большемъ числѣ расплывается по рѣкамъ ближайшаго къ океану Терскаго берега. Здѣсь ея самый главный и самый богатый уловъ. Лучшимъ способомъ для этой цѣли туземцы издавна, изъ темныхъ и дальныхъ историческихъ временъ, почитаютъ заборы.

Ранней весной, по возможности тотчасъ же послѣ половодья, когда уйдутъ всѣ льды и рѣчная вода пойдетъ въ свои берега, строятъ эти заборы въ рѣкѣ Онегѣ (около волости Подпорожья); на Корельскомъ берегу: въ Пòньгамѣ, въ Керети; на Терскомъ берегу: въ Кàндалакшѣ, въ Умбѣ, въ Вàрзугѣ, въ Пòноѣ. Въ Пòньгамѣ встрѣчается простой первообразъ этихъ заборовъ: тамъ неширокая рѣчка перерѣзана поперекъ заставой изъ хвороста и хвойныхъ лапокъ, плотно прикрѣпленныхъ къ двумъ слягамъ — длиннымъ бревнамъ, которыя сходятся между собою подъ угломъ. Вершина этого угла обращена въ верхнюю сторону рѣки и только въ одной вершинѣ этой остается отверстіе (обѣ другія стороны плотно законопачены хвойными лапками и хворостомъ). Въ отверстіе это, въ проходъ, въ воротца (что все равно), вставляется обыкновенно *вѐрша* широкимъ основаніемъ своимъ. Верша эта не иное что, какъ неправильной формы конусъ, составленный изъ планокъ, оплетенныхъ веровочными сѣтками. Внутри этой верши привязывается въ висячемъ положеніи такъ-называемый *языкъ* — вѣтка же (родъ колокола), обращенная основаніемъ своимъ къ основанію верши, а узкимъ отверстіемъ вершины своей, конечно, прямо противъ вершины верши. Здѣсь языкъ укрѣпляется въ висячемъ положеніи посредствомъ веревокъ и употребляется въ этомъ случаѣ для того, чтобы воспрепятствовать обратному выходу рыбы, успѣвшей зайти въ вершу чрезъ широкое основаніе ея, обращонное въ сторону прихода рыбы (внизъ рѣки). Для того, чтобы заборъ не могли снести и размыть вòда рѣчная и дожди, на верхнія бревна его кладутся обыкновенно тяжолые камни. Заборъ подобнаго устройства — самый несложный и самый маленькій изо всѣхъ существующихъ въ поморьѣ. Такой же точно заборъ съ одной вершой выстроенъ и въ рѣкѣ Кузѣ около

селенія Терскаго берега—Кузрѣки. Въ Умбѣ (на Терскомъ берегу) ставится заборъ въ огромныхъ размѣрахъ; здѣсь и рѣка гораздо шире, и самой рыбы идетъ несравненно больше. Умбовскій заборъ, при взглядѣ съ горы, кажется рѣшительнымъ мостомъ, съ верхнею стороною на столько широкою, что по ней можно свободно ходить въ рядъ четыремъ человѣкамъ. Верхняя сторона этого забора бревенчатая и называется *мосты*; по мостамъ этимъ къ сторонѣ моря накладывается для тяжести значительное число огромныхъ камней, и чѣмъ, говорятъ, больше этого грузу, тѣмъ плотнѣе сидятъ мостовыя бревна на *перекладахъ* (бревнахъ же), укрѣпленныхъ на козлахъ (*перебояхъ*). Эти перебои вбиты во дно рѣки на умбовскомъ заборѣ въ шести мѣстахъ. Свободныя пространства, имѣющія форму треугольниковъ, заслоняются такъ-называемою *тальѣю* —прутьями, сплетенными *вичьемъ* (древесными корнями). Талья эта, имѣющая видъ самаго плотнаго частокола, опускается на дно рѣки въ нѣсколько - наклонномъ положеніи къ сторонѣ моря и отвѣсно къ верхнимъ мостовинамъ. Все значеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы рыба не могла перейти въ нее и чтобы, въ то-же время, не унесла ея вода. Для этой послѣдней цѣли по серединѣ тальи, параллельно съ поверхностью воды, пришиваются тонкія хворостины, называемыя *сѣльгами*. Такихъ тальевыхъ треугольниковъ въ Умбовскомъ заборѣ четыре, для четырехъ вёршей (въ понойскомъ столько же, подпорожскомъ или онежскомъ десять), и въ этихъ треугольникахъ, какъ и въ пѣньгамскомъ, вершина оставляется свободною, съ отверстіемъ, къ которому приставляются основаніемъ своимъ тѣже верши. Разница только въ томъ, что умбовскія вёрши плетутся изъ самыхъ толстыхъ бичовокъ и при томъ такъ велики, что человѣкъ можетъ входить въ нихъ и свободно стоять на деревянной сторонѣ конуса (лежащей при запускѣ на днѣ), не касаясь даже головой до верху. Вёрша и здѣсь кладется также на бокъ и, чтобы держалась тяжестью своею на водѣ, упирается вершиною или *головою* своею въ колѣ — щипцѣ воткнутомъ въ рѣчное дно. По кольямъ этимъ идутъ кольца; по кольцамъ свободно поднимаются верши вверхъ при посредствѣ ворота. Верша сидитъ на водѣ четверти на три, а чтобы и этимъ свободнымъ пространствомъ не могла пробраться рыба вверхъ, опускаютъ туда родъ лѣсенки, называемой *наплеской*. Рыба, ища прохода, стукает-

ся головою объ талью и, не видя отверстія, идетъ въ первое попавшееся, которое приводитъ ее такимъ образомъ въ вершу. Здѣсь она продолжаетъ тоже стремленіе свое все впередъ и впередъ и, не находя пути, упирается головою въ сѣтку и стоитъ такимъ образомъ неподвижно, какъ будто отдыхаетъ. Инстинктъ не научилъ ее къ обратному повороту въ море, въ которомъ рыба и не можетъ находить особой нужды, привыкши метать икру въ вершинахъ рѣкъ, а не въ соленой водѣ. Когда осматриваютъ заборъ и готовятся вынимать воротомъ вершу, отверстіе ея, обращонное къ морю, обыкновенно стараются заставить тою же лѣсенкою—*заплескою*, чтобы, во время выниманья верши, рыба не выскользнула и не.пустилась вонъ. Вершина — голова верши—идетъ на воротъ къ кольцу, основаніе верши поднимается въ тоже время и на тотъ же рычагъ на канатѣ. Рыба, почувствовавши себя безъ воды, бьется необыкновенно сильно, прыгая одна черезъ другую. Въ это время рыбаки обыкновенно распутываютъ на верху входное отверстіе (попонку) и въ тоже время даютъ рыбѣ возможность нѣсколько уходиться и успокоиться. На моихъ глазахъ, въ Умбѣ, рыба такимъ образомъ такъ сильно взмахнула хвостомъ, что сшибла съ ногъ того рыбака, который влѣзъ въ вершу кротить добычу. Кротятъ семгу обыкновенно въ голову деревянною колотушкою и, если покажется изъ головы кровь, рыба уже не шолохнется больше. Тоже дѣлаютъ обыкновенно и съ остальными, и, во всякомъ случаѣ, при этомъ требуется большое проворство и нѣкоторая приглядка къ дѣлу. Иная рыба до того бойка, что по нѣсколько десятковъ разъ способна вырваться изъ рукъ и спасти свою голову отъ кротилки. Попадетъ рыбакъ этой деревяшкой въ бокъ—рыба мечется еще сильнѣе и только припертая въ переднемъ углу верши способна поддаться удару. Иногда, впрочемъ, быстрина воды успѣваетъ прижать нѣкоторыхъ изъ рыбъ къ куту языка верши такъ плотно, что *обневоливаетъ* семгу, т.-е. заморитъ ее. Тогда уже не нужно бываетъ пускать въ дѣло колотушку: рыба на тотъ разъ едва жива. Иногда (и это, конечно, самая бойкая рыба) вынимается семга совершенно синяя или покрытая множествомъ синихъ пятенъ, которыя успѣваетъ она надѣлать себѣ, въ порывахъ къ свободѣ, объ деревянныя скрѣпы той же верши или тѣхъ же тайниковъ.

Верши умбовскаго забора не одинаковой величины: тѣ, которыя запускаются въ серединѣ забора, замѣтно больше тѣхъ, которыя становятся ближе къ берегу. У самаго берега тальи или чащѣльнаго колья уже нѣтъ; здѣсь, по мелководью рѣки, натыканы просто хвойныя лапки и набросаны мелкія камни. Однако, при всѣхъ этихъ предосторожностяхъ, рыба все-таки успѣваетъ подниматься выше и, вѣроятно, въ то время, когда осматривается верша, приподнятая на мостовины забора и оставляемая обыкновенно при этомъ случаѣ въ висячемъ положеніи. Заборы эти такимъ образомъ служатъ обыкновенно на все лѣто, когда идетъ особой сортъ семги-*межѐнь* (отъ *меженное* —лѣтнее время) или *межо̀нка*, доходящая вѣсомъ отъ 1 до $3^1/_2$ фунтовъ, не такъ жирная и вкусная, какъ *осень*, которая начинаетъ идти (въ тотъ же заборъ) осенью съ первыхъ чиселъ августа мѣсяца. Семга осень имѣетъ уже значительно нѣжное и ярко-красное мясо, а вѣсомъ доходитъ отъ 6 до 10 и даже гораздо болѣе фунтовъ. Весной, когда *роспалятся* рѣки, попадается особой видъ семги, называмый *залёткой*, но въ чрезвычайно маломъ, незначительномъ числѣ, и при томъ эта рыба далеко отстаетъ вкусомъ, вѣсомъ и даже видомъ не только отъ осени, но даже и отъ межонки *). Рыба эта идетъ тогда всегда съ икрой, вкусъ которой (особенно въ осоленномъ видѣ) хвалятъ поморы. Икры этой добываютъ они изъ одной рыбы иногда до пяти фунтовъ. Вотъ почему ловъ залетки долженъ быть положительно запрощонъ закономъ, да и самые заборы, стоящіе въ рѣкѣ все лѣто, доставляя богатое средство къ существованію однимъ, отнимаютъ отъ другихъ, верховыхъ жителей, средства къ тому же (много уже тяжбъ заведено по этому предмету у сосѣдей). Но и та рыба, которая успѣетъ пройти вверхъ и при томъ въ незначительномъ числѣ, запасается на пути икрой и, стало быть, не можетъ идти на уловъ во имя будущихъ поколѣній, которыя съ годами замѣтно уменьшаются. Меньше рыбы, противъ прежнихъ годовъ, стало ходить теперь въ рѣки бѣломорскихъ береговъ — говорятъ въ одно слово сами поморы, и меньше ея, вѣроятно, вслѣдствіе того же неправильнаго производства про-

---

*) Молодая семга называется *тиндой*; она нарождается и выростаетъ выше пороговъ, мелка и безвкусна.

мысла, совершаемаго безъ всякихъ правилъ во всякое время года. Новая рыба, идущая обратно изъ рѣкъ, попадается въ тѣ же сѣти, на которыя не положено никакого разумнаго правила, кромѣ личнаго произвола рыбаковъ, всегда ошибочнаго, всегда поэтому вреднаго для цѣлаго поколѣнія вкусной, здоровой для человѣческаго организма рыбы. Богатый уловъ осенью самъ-по себѣ указываетъ на законное время для лова, когда у рыбы нѣтъ еще икры, которую обыкновенно мечетъ межонка. Но эта межонка, какъ сказано, преимущественно и задерживается въ заборахъ, обязанность которыхъ въ осеннее время исполняютъ сѣти, тайники, гарвы и проч., но и опять-таки какъ подспорье для большаго улова, а не какъ конечная замѣна забора. Заборы стоятъ всю зиму; ихъ ломаетъ только весенняя вода или руки догадливыхъ мужиковъ тамъ, гдѣ лѣсъ дорогъ и его мало. Промышленники, въ этихъ случаяхъ, оправдываются тѣмъ, что не попадетъ рыба въ заборъ — попадетъ въ пасть морскаго звѣря: акулъ, китовъ, бѣлугъ; что послѣдній сортъ звѣря за тѣмъ только и является въ Бѣломъ морѣ, чтобы поживиться семгой; но, въ тоже время, сами охотно вылавливаютъ этого звѣря въ огромномъ количествѣ, во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ и во всякое время. Они не замѣчаютъ въ дѣлѣ личной прибыли того, что уничтожая злѣйшаго врага рыбы для сала, въ тоже время незамѣтно усиливаютъ количество добываемой семги. Вотъ, кажется, почему скорѣе надо усилять звѣриные промыслы, всегда выгодные, прибыльные и безопасные, чѣмъ строить заборы, и особенно на лѣтнее время, или ловить семгу—залетку съ икрой въ весеннее время. Большаго застоя, большаго невниманія къ дѣлу трудно найти въ иномъ мѣстѣ и въ иныхъ дѣлахъ русскаго человѣка, какъ въ этомъ и вообще во всѣхъ другихъ бѣломорскихъ промыслахъ. Поморы, въ этомъ отношеніи, живутъ еще тою жизнію и по тѣмъ правиламъ, которыя случайно установились еще во времена до Маѳы Посадницы, во времена перваго заселенія этого богатаго края. Соловецкій монастырь, который могъ бы служить поучительнымъ, вѣрнымъ и рѣшительнымъ примѣромъ, идетъ тѣмъ же путемъ, ни на іоту не отставая отъ остальныхъ прибрежьевъ. Доказательствъ тому мы будемъ имѣть нѣсколько случаевъ привести впереди еще много-много..... Теперь же спѣшимъ опять обратиться къ производству операціи ловли семги въ поморьѣ.

Вредные, положительно сами отрицающіе свое существованіе, поморскіе заборы немногимъ отличаются одинъ отъ другаго во внѣшномъ строеніи, и въ дальнѣйшихъ отправленіяхъ дѣла. Построенный въ Кандалакшѣ, говорятъ, былъ (до прихода англичанъ) на столько широкъ, что служилъ даже мостомъ для прохода и проѣзда путешественниковъ. Осмотрѣнный мною заборъ въ Варзугѣ не на столько уже широкъ, чтобы по немъ можно даже ходить, не только ѣздить, и осматриваютъ его не на мостовинахъ, а съ лодки, на которой подъѣзжаютъ къ самымъ тайникамъ. Здѣсь уже нѣтъ вёрши, которую замѣняетъ самый тайникъ — такой же многоугольникъ изъ тальи, родъ садка со входными воротцами и съ пятью углами, изъ которыхъ три острыхъ и два тупыхъ. На углахъ этихъ прикрѣплены вичью каменные якоря, которые держатъ тайникъ въ укрѣпленно-стоячемъ положеніи, и для того, чтобы вода и теченіе ея не распирало частокольныхъ стѣнокъ этого пятиугольника, кладется въ самомъ широкомъ мѣстѣ ея толстое бревно, называемое *мостйной*. Тайникъ этотъ, сверхъ того, на двухъ углахъ подлѣ самаго мѣста забора, укрѣпляется еще на кольяхъ, имѣющихъ названіе—*кòлья стоячаго*. Семга, входя въ этотъ тайникъ, также нащупываетъ выходъ, бываетъ обманута угломъ и если не остановится въ первомъ, то пройдетъ во 2, 3, 4 или 5, и все-таки не выйдетъ обратно въ отверстіе, которое опять-таки остается свободнымъ, открытымъ. Передъ тѣмъ, какъ осматривать тайникъ, это свободное отверстіе заставляется обыкновенно рѣшоткой (въ мѣру самаго входа), плетенной изъ тростника и веревочекъ; рыба вынимается изъ тайника прямо большимъ сакомъ (въ пудъ вѣсомъ) и при томъ нащупывается такъ, что сакъ этотъ начинаютъ везти отъ головы тайника, для того, чтобы и рыба попала въ него головою же и, стало-быть, могла менѣе биться и не разорвала бы сака. Запасныхъ обыкновенно не держатъ и заборъ осматриваютъ только два человѣка: одинъ сачитъ, другой, вынимая рыбу, кротитъ ее тою же колотушкою и бросаетъ въ лодку. Заборы эти осматриваются лѣтомъ одинъ разъ въ сутки, рано по утру (часа въ три), а по осенямъ — еще другой разъ, поздно вечеромъ.

Устройство самаго большаго изъ бѣломорскихъ заборовъ, построеннаго на рѣкѣ Онегѣ въ 17 верстахъ выше города, у деревни Подпорожской волости Каменихи, почти точно такое

же, какъ и всѣхъ другихъ. Здѣсь вылавливается тотъ сортъ бѣломорской семги, который извѣстенъ въ Петербургѣ подъ именемъ *порогъ* и считается лучшимъ, хотя и ошибочно. Правда, что при опытныхъ рукахъ хозяина его, засолъ этой семги дѣлается добросовѣстно и съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла; но сама рыба въ долгомъ пути по Бѣлому морю замѣтно тощаетъ, хотя, въ тоже время, и любитъ эту рѣку, въ высшей степени порожистую, въ сухую воду кажущуюся съ берегу какъ бы вплотную забросанною огромными камнями, сплошнымъ каменнымъ мостомъ. Здѣсь меньшій приходъ рыбы (особенно замѣтный въ послѣднее время) объясняютъ тѣмъ, что пугаетъ ее шумомъ пароходъ компаніи, буксирующій романовки, нагружонныя лѣсомъ и досками *). Все же рыбы достаточно для десяти вершей, которыя здѣсь уже замѣняются особыми сѣтками — *мерёжками* **). Заборъ и здѣсь, въ Подпорожьѣ,

*) Вотъ вся разница сортовъ бѣломорской семги, пускаемой въ продажу и извѣстной подъ именемъ тѣхъ рѣкъ, гдѣ она вылавливается. Семга — *порогъ* съ лучшимъ засоломъ и такимъ же плотнымъ, твердымъ мясомъ, какъ *умба*; *варзуга*—мясомъ замѣтно нѣжнѣе, а осенняя почитается лучшею изъ всѣхъ сортовъ бѣломорскихъ; *кола* — вылавливаемая по Мурманскому берегу, могла бы быть лучшею, но солится такъ скупо и небрежно, что расходится только между простымъ народомъ, а въ Петербургъ доставляется почти окончательно негодною, въ рогожахъ, мороженою, потерявшею свой цвѣтъ, сокъ и нѣжный вкусъ. Поньгама и кандалакша — худшіе изъ сортовъ этой рыбы. Поной — сухая, безъ жиру. Мезень — также, и притомъ послѣдняя мало вывозится изъ губерніи. Нѣжную, мягкую, съ бѣлымъ жиромъ между каждымъ слоемъ мяса, печорскую семгу можно почитать самымъ лучшимъ сортомъ этой рыбьей породы. Столько же неумѣнье солить, сколько и необыкновенная нѣжность печорской семги лишаетъ обѣ столицы возможности употреблять въ пищу эту рыбу. Она, отливающая нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ, попадается иногда на архангельскомъ рынкѣ, но и здѣсь стоитъ въ низкой цѣнѣ, затѣмъ-что скоро покрывается ржавчиной и горкнетъ, тогда какъ умба, варзуга и порогъ способны долго хранить свой засолъ, не теряя вкуса, вида и даже краснаго цвѣта.

**) Вотъ все устройство этой мережки: она не иное что, какъ сѣтка, сплетенная изъ довольно толстыхъ нитокъ и натянутая полотномъ на 8 и болѣе обручьевъ, къ которымъ и бываетъ прикрѣплена, представляя видъ (въ растянутой фигурѣ) конуса. Часть сѣти между обручьями называется жиро (стало-быть, всѣхъ жиръ въ мережкѣ 7). Въ первомъ жирѣ, самомъ широкомъ, 20 ячей; отъ втораго идутъ жира по 18 ячей; въ послѣднемъ или въ вершинѣ конуса, называемомъ *кутковымъ жиромъ*, уже 60 ячей и ячеи

точно также тянется черезъ всю рѣку слишкомъ на трехсотъ-саженномъ пространствѣ. Въ заборѣ этомъ также отверстія, называемыя *ямегой*, которыя точно такимъ же образомъ заставляются широкимъ основаніемъ мережки — конусообразной сѣткой, распяленной на шести обручахъ, величина которыхъ постепенно уменьшается къ вершинѣ. Внутри мережки укрѣпляется на веревкахъ тотъ же языкъ, какъ и въ пòньгамской вершѣ, какъ и во всѣхъ другихъ мережкахъ, употребляемыхъ и на Ладожскомъ, и на Онежскомъ озерахъ, и на Волгѣ, и, кажется, во всѣхъ другихъ рѣкахъ Россіи. Для того, чтобы распялить мережку и держать ее въ наклонно-висячемъ положеніи въ водѣ, къ вершинѣ ея прикрѣпляется кольцо, свободно вращающееся на колу, называемомъ *кутовымъ*. Колъ этотъ вбивается въ дно рѣки въ томъ разстояніи отъ забора, на сколько вытягиваются сѣтки мережки (саженяхъ въ трехъ обыкновенно). Мережка обыкновенно вытаскивается вся вмѣстѣ съ рыбой на такъ-называемое смотровое судно, похожее на архангельскую завóзню или на волжскій дощаникъ: носъ его острый, корма усѣчонная отвѣсно, съ широкимъ бортомъ. Въ то время, когда вытащена мережка, отверстіе забора или ямега заставляется рамой съ сѣткой, или такъ называемымъ *зáпускомъ*. Вытащенную мережку обыкновенно обиваютъ сначала палками отъ пѣны и наносныхъ травъ и щепокъ, и потомъ уже рукою вытаскиваютъ рыбу, кротятъ и убираютъ ее на томъ же смотровомъ суднѣ. Для этой операціи необходимы четыре человѣка, изъ которыхъ трое въ лодкѣ вынимаютъ пяло мережки (т. е. ближнія къ забору части его), четвертый зацѣпляетъ багромъ и тянетъ голову, *кутъ* сѣти; бабы очищаютъ ее отъ наплывной

эти плетутся чаще. При основаніи мережки, у перваго жира привязывается другая сѣтка, называемая *нагожье*—родъ мѣшка, гдѣ и оставляется отверстіе для входа рыбы. Вершина конуса, или послѣдняго кутковаго жира, привязывается веревками къ кольямъ; отверстіе обращается стороною къ морю; вся мережка плаваетъ въ водѣ бокомъ. Для того, чтобы вошедшая рыба не могла выйти назадъ, внутри конуса привязывается меньшій конусъ, здѣсь называемый *языкомъ* или *горломъ* (*килесами* по Свири). Въ мережки эти на Соловецкихъ островахъ, вмѣстѣ съ рыбою, заходитъ также и нерпа, увлекаемая легкой добычей любимой пищи. Мережки бываютъ большія (съ 12 жирами) и маленькія (отъ 3 – 6 жиръ); въ послѣднихъ бываетъ по два горла, вмѣсто одного, какъ у большихъ мережекъ.

дряни. Въ мережки попадаются, вмѣстѣ съ семгою, сиги, камбалы, даже щуки и налимы. Заборъ утвержденъ на тѣхъ же слягахъ съ каменьями, которые также, въ свою очередь, лежатъ на козлахъ, запущенныхъ уже въ воду. Лѣтъ тому 20 назадъ по Онегѣ настроено было до пяти заборовъ; теперь всѣ они замѣнены однимъ.

Для починки забора, который успѣваетъ — таки не одинъ десятокъ разъ втеченіе лѣта промыть вода, употребляются тѣже работники, которые по этому случаю и называются *брóдчиками*. Они получаютъ особую плату и, кромѣ того, должны быть искусными. На подпорожскомъ заборѣ такихъ бродчиковъ (бродчиковъ оттого, что рѣка Онега въ томъ мѣстѣ довольно мелка) четыре и одинъ *заборщикъ*, на отвѣтственности котораго лежитъ постройка самаго забора; въ Умбѣ тѣже бродчики носятъ уже прямое названіе водолазовъ. Заборъ строятъ въ Умбѣ человѣкъ 18, которые иногда бьются около него недѣли три и болѣе. При строеніи забора обыкновенно сплачиваются вмѣстѣ два карбаса для удобства производства работъ. Между карбасами, аршина на полтора, оставляется промежутокъ, на который накладываютъ лѣсину, сплачивающую карбасы; бревна и доски кладутъ въ самый карбасъ. Но такъ какъ верхніе сляги остаются на всю зиму не тронутыми, то все дѣло, стало-быть, состоитъ въ томъ, чтобы загородить все свободное подъ ними пространство тальей; а чтобы вбивать эти колья въ дно—употребляютъ кіюру—тяжолой камень (въ полпуда вѣсомъ), оплетенный вичьемъ. Талья эта, простоявшая весну, лѣто и осень, на зиму (послѣ Покрова черезъ недѣлю) опять убирается вмѣстѣ съ вершами. Такихъ мастеровъ во всей деревнѣ Умбѣ нашлось только трое. На моихъ глазахъ, для примѣра, опускались они въ воду въ шерстяныхъ фуфайкахъ (изъ которыхъ они вбираютъ въ себя свѣжій воздухъ) и съ быстротою той же семги плыли по направленію забора, около тальи, хватаясь одной рукой за эту талью, а другой, правой, нащупывая дно рѣки. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ замѣчалось просоченное водою отверстіе, водолазы выставали изъ воды и, принявши съ мостинъ хворостъ и камень, снова бросались въ воду, починяли прорѣху и опять бѣжали впередъ искать новой. Одинъ изъ этихъ водолазовъ пробылъ въ водѣ 10 минутъ и, вѣроятно, не столько при помощи шерстяной фуфайки, сколько по давнишной при-

вычкѣ; этотъ, напримѣръ, уже двадцать пять лѣтъ правилъ должность починщика забора.

Осенью, когда начнутся сильныя бури въ морѣ, которыя такъ любитъ семга, какъ будто находя въ борьбѣ съ волнами все свое удовольствіе, всю жизнь и легкую возможность животнаго проявленія, семгу ловятъ поѣздомъ, одинаково днемъ и ночью и одинаковымъ путемъ, какъ и вездѣ: ѣдутъ противъ воды двѣ лодки и за длинныя веревки тянутъ сѣть (въ родѣ мѣшка, саженъ до 2 печатныхъ длиною и въ *околъ* (кругомъ) саженъ до трехъ съ половиной). Въ концѣ сѣти, на двухъ углахъ привязаны камни, называемые *пундами*, зашитые въ кожу для того, чтобы не шершили обо дно и не пугали бы такимъ образомъ рыбу. *Коршикъ* (всегда мужчина) держитъ поѣздъ, *носовщикъ* (всегда женщина) гребетъ веслами. Рыба, попадая въ сѣть, дергаетъ ее и веревки *) въ рукахъ кормщиковъ, или часто поднимается съ сѣтью вверхъ и серебрится у поверхности воды. Для этихъ поѣздовъ, напримѣръ, рѣка Варзуга уже раздѣлена на участки для каждаго семейства особенно, и поѣздовъ такихъ въ одинъ часъ осенняго рыбнаго времени ѣздитъ больше десятка, и притомъ на каждой изъ нихъ рыбы попадаетъ, какъ говорятъ, такъ много, что едва успѣваютъ кротить (въ одинъ запускъ иногда пудовъ до десяти).

Но, точно также, какъ и заборы — во все лѣто и осень стоятъ запущенными у прибрежьевъ Терскаго берега разные роды снастей, имѣющихъ различныя названія, смотря по расположенію сѣти на водѣ. Такъ, напримѣръ, около Кузомени (и только исключительно въ этихъ мѣстахъ) употребляются такъ называемыя *тайники*, т. е. сѣть точно съ такимъ же расположеніемъ въ водѣ, и въ такой же фигурѣ, какую имѣетъ тайникъ варзужскаго забора. Для того, чтобы сѣть не могло унести теченіе или волненіе моря, она прикрѣпляется ко дну моря на веревкахъ, къ концамъ которыхъ привязываются опять-таки каменные якори, оплетенные берестой, а для того, чтобы сѣть держалась въ отвѣсно-стоячемъ положеніи на водѣ, къ тѣмъ же якорнымъ веревкамъ (*симкамъ*) привязываются *кубаса*—

---

*) Веревокъ двѣ, верхняя, называется *ихома* - потоньше, нижняя — гораздо толще и зовется *пуденица*.

деревянныя дощечки овальной формы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ берестяные поплавки и такъ называемые *лóвдусы* — четыре дощечки, сплощенныя въ перпендикулярномъ положенiи другъ къ другу. Такихъ якорей итакихъ кубасовъ или ловдусовъ на всемъ *заводѣ* (на цѣломъ тайникѣ) бываетъ до десяти. Весь тайникъ держится вблизи берега на дрекѣ. Тайникъ дѣлится на двѣ части, отдѣленныя одна отъ другой стѣной сѣтки, которая идетъ къ берегу съ одной стороны и соединяется съ заднею морскою стороною самаго тайника. По обѣимъ сторонамъ этой стѣны оставляется небольшое отверстiе, свободное пространство для прохода рыбы, которая идетъ, послѣ захода въ сѣть, огибомъ вдоль стѣны завода и затѣмъ входитъ въ самый тайникъ, т. е. въ тѣ двѣ части завода, которыя выгорожены новыми двумя стѣнами сѣтки. Отсюда рыба не можетъ выйти назадъ, имѣя только одну возможность перейти изъ одного угла тайника въ другой (угловъ этихъ и здѣсь, также какъ и въ заборѣ, пять). Если такимъ образомъ много наберется въ тайникѣ рыбы, она не замедлитъ торгать сѣтку, качать веревки, кибаса и, наконецъ, сторожевую веревку, которая протянута отъ береговой стѣны на берегъ, на глаза очереднаго сторожеваго рыбака (большею частiю бабы или мальчика). Сторожъ кричитъ въ ближную избушку общимъ привѣтомъ: «Богъ въ помощь», или «Богъ послалъ». Рыбаки садятся въ карбасъ, вытягиваютъ на него весь заводъ до той поры, пока не покажется первый кутъ (дальной мѣшокъ сѣти), въ которой заберется вся зашедшая въ тайникъ рыба; затѣмъ приступаютъ къ высматриванью втораго тайника завода, въ которомъ находятъ тотъ же кутъ и также полный рыбы. Въ хорошiе, уловные годы вынимаютъ такимъ образомъ семги изъ одного тайника отъ 40 пудовъ до 50-ти. Тѣмъ же путемъ опускаютъ опять тайникъ въ море и на слѣдующiе полусутки, бросая сначала кутъ, затѣмъ стѣны праваго тайника (которыя сидятъ въ водѣ въ вышину на двѣ сажени), наконецъ лѣваго, и также тянутъ и укрѣпляютъ веревку на берегу по окончательномъ запускѣ завода, и также, оставляя чередоваго сторожа, идутъ въ избу. Здѣсь или спятъ, если хватаетъ еще силы на то, или на тюрикѣ плетутъ сѣти и потомъ коптятъ ихъ на самомъ легкомъ огнѣ въ красной

цвѣтъ для того, чтобы не разъѣдала потомъ соленая вода прядева и держалось бы оно на водѣ, а не тонуло.

По отмелымъ берегамъ Терскаго берега для подъема изъ воды семожьихъ сѣтей употребляются особаго устройства полати, называемыя *юриками*; они же замѣняютъ на этотъ разъ и сторожевыя избы. На этихъ полатяхъ, подъ рогоженнымъ навѣсомъ (отъ дождя и вѣтра), обращоннымъ открытою стороною къ морю, также сидятъ и сторожатъ рыбу трое рыбаковъ, способныхъ общими силами вытаскивать и обчищать семожью сѣть. Полати эти ни что иное, какъ дощатой помостъ, утвержденной надъ водою (иногда въ полуторахъ и двухъ верстахъ отъ берега) на четырехъ бревнахъ *ногами*. Надъ полатями этими дѣлаются перильцы, называемыя ведилками, и на нихъ вѣшается рогожка, предохраняющая сторожей отъ непогодей. Отъ этихъ же полатей идетъ наклонно въ море родъ лѣсенки съ частыми перекладинами, утвержденными также на двухъ бревнахъ (*юричинахъ*); по этой наклонной лѣсенкѣ, или собственно юрикамъ, и вытягиваютъ сѣть послѣ того, какъ въ ней сдѣлается примѣтною рыба (лѣтомъ) или когда взыграетъ она надъ поверхностью (выскочитъ и всплеснется въ ненастную, осеннюю погоду). Сѣть тянутъ по юрикамъ на полатяхъ двумя веревками, изъ которыхъ одна называется *клечью* (въ Кашкаранцахъ) и *ужищемъ* (въ сторонѣ къ Поною); другая веревка называется *бережникъ* и бываетъ всегда тоньше первой. Рыбу изъ матицы (послѣ того уже, когда всю остальную часть завода вытянутъ на полати) выбираютъ въ карбасъ уже у воды при основанiи юриковъ или юричной лѣстницы. Сѣть, при такомъ устройствѣ, укрѣпляется обыкновенно въ глуби моря на деревянномъ крюкѣ, который и вытягиваютъ потомъ вмѣстѣ съ нею.

Дальнѣйшее расположенiе въ водѣ семожьихъ сѣтей во всѣхъ другихъ мѣстахъ бѣломорскаго прибрежья многимъ уже не отличается отъ разсказанныхъ выше. Вся хитрость расположенiя *заводовъ* состоитъ въ томъ, чтобъ стѣны сѣти приходились гдѣнибудь подъ угломъ и чтобы въ этомъ углу непремѣнно былъ кутовой мѣшокъ, въ который могла бы войти рыба для окончательной гибели. Здѣсь она не можетъ повернуться и ни въ какомъ случаѣ не съумѣетъ выйти назадъ. По разнымъ мѣстностямъ и расположенiе сѣтей носитъ разное названiе, помимо тайниковъ, заборовъ. Такъ, напримѣръ, по всему Корельскому и Поморскому

берегу ловятъ семгу гарвами, именемъ которыхъ называютъ тоже расположенiе въ водѣ сѣти, какое употребляется и на Терскомъ берегу, съ ничтожными видоизмѣненiями, цѣль которыхъ та, чтобы семга, попавши въ заводъ, могла *объячеиться*, т. е. запутаться въ ячеяхъ сѣти. Хоботъ или высота запущонной въ море стѣны завода, на этотъ разъ называемаго *переметомъ*, бываетъ до трехъ саженъ. Въ Мезени этотъ же снарядъ употребляется на мѣстахъ, покрывающихся водою при приливѣ и осыхающихъ при отливѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, объячеившаяся, запутавшаяся головою и передними крыльями рыба виситъ на воздухѣ, давая такимъ образомъ легкiй способъ для уборки. Переметъ, находящiйся въ висячемъ положенiи, обыкновенно осматривается возможно чаще, на случай посѣщенiя сѣти этой чайками, которыя въ такомъ случаѣ успѣваютъ очистить всю, еще далеко до прибытiя рыбаковъ. Тоже самое можно встрѣтить и на Печорѣ, особенно при устьѣ ея. Вся разница при употребленiи этихъ сѣтей для ловли состоитъ въ немногомъ; такъ, напримѣръ, въ крайнихъ деревняхъ Терскаго берега — Ка́шкаранцахъ, По́рьегубѣ (на тонѣ Iогокондѣ), Са́льницѣ, около Умбы и въ Оленницѣ сѣть, вмѣсто поплавковъ, укрѣпляется надъ водою на такъ-называемыхъ *се́бьяхъ* — деревянныхъ крюкахъ и даже на дрекахъ, и въ такомъ случаѣ на верхней тетивѣ ея привязано болѣе значительное число поплавковъ, деревянныхъ для того, чтобы сѣть опять-таки отвѣсно держалась на водѣ. Замѣчаютъ одни, что сѣть при себьяхъ часто заливается водою, чего, какъ увѣряютъ, никогда не бываетъ въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣть держится на водѣ кибасами, какъ, напримѣръ, въ Кузомени и Пялицѣ, или *голованомъ*, какъ по Корельскому берегу. Голованъ этотъ ни иное что, какъ деревянный чурбанъ, который держитъ сѣть надъ водою въ прямомъ положенiи и самъ, въ то же время, держится на одномъ мѣстѣ каменнымъ якоремъ.

Зимою весь Терской берегъ, и въ то же время, Мезенской занимаются такъ-называемою *подлёдною* ловлею семги, хотя ловъ этотъ бываетъ не всегда удаченъ. Для этой цѣли прорубаютъ обыкновенно двѣ проруби въ дальномъ другъ отъ друга разстоянiи (на 10 саженъ); черезъ эти проруби, при помощи длинныхъ, десятисаженныхъ же шестовъ и деревяннаго крюка (норила), пропускаютъ сѣть, *пронариваютъ* ее подо льдомъ, во

всю длину ея, вмѣстѣ съ веревкой. Пронорившн сѣть, ее утверждають на толстой палкѣ—*паинъ*, связанной съ шестомъ сѣти *вѝлиной* въ трехъ круглыхъ прорубяхъ; четвертую — по бо́льшей части большую и четыреугольную, въ томъ мѣстѣ, гдѣ придется кутъ запущонной сѣти. Эта послѣдняя прорубь называется *приволо́ка*; черезъ нее нащупываютъ рыбу въ кутовомъ горлѣ сѣти палкой и черезъ нее же вынимаютъ ее на ледъ. На водѣ подо льдомъ сѣть держится опять-таки на тѣхъ же берестяныхъ поплавкахъ—*кебрикахъ*—имѣющихъ форму трубочекъ. Запущонная такимъ образомъ сѣть оставляется въ водѣ на нѣсколько сутокъ и иногда въ пять-шесть дней не даетъ ни одной рыбы, особенно если долго тянется морозная, все леденящая зимняя погода.

По Печорѣ ловятъ семгу тѣми же переметами, тѣми же неводами (не черезъ всю рѣку) и, наконецъ, тѣми же *поплавнями*, распускаемыми черезъ всю рѣку, во всю ея ширину, какъ уже и было говорено въ своемъ мѣстѣ. Предпочитаютъ ловить въ бурную погоду также и на Печорѣ, какъ и вездѣ. Замѣчено около Пустозерска, что въ лѣтнюю пору семга предпочитаетъ плавать по мелямъ затѣмъ, чтобы тереться о песокъ. Въ это время, замѣчено, разъѣдаетъ ея кожу особое насѣкомое, называемое *семожьимъ клопомъ*; если много попадается такой семги съ клопами, то примѣчаютъ, что осеннiй уловъ рыбы будетъ обильный. Семга съ клопомъ называется *походною*; она идетъ первою изъ моря еще въ первый разъ и вывелась изъ икры, которая была вымечена въ Печорѣ.

На рѣкѣ Мезени для семги въ большомъ ходу тѣже *по́плавни*, которыя и здѣсь бо́льшею частiю принадлежатъ цѣлому селенiю, какъ напримѣръ терскiе заборы. Каждая поплавь состоитъ изъ девяти сѣтей, каждая сѣть въ 20 саженъ длины; сѣти эти *свирываются*, т. е. сплетаются вмѣстѣ и образуютъ такимъ образомъ поплавь въ 180 саженъ длиною (сто́итъ она обыкновенно отъ 50 до 100 руб. серебромъ). Такихъ поплавней по всей рѣкѣ Мезени ходитъ штукъ 50 и иногда 70; каждая изъ нихъ сидитъ въ водѣ на три сажени и держится въ отвѣсномъ положенiи при помощи кибасовъ, пришитыхъ внизу, и плавковъ, придѣланнымъ вверху къ надводной тетивѣ или веревкѣ. Съ каждою поплавнею ѣздитъ одинъ карбасъ съ тремя работниками, изъ которыхъ одинъ мечетъ сѣть, привязавши ее къ трехъ-

ведерному бочонку—буйку (на Мезени) и къ палкамъ, имѣющихъ форму креста (по Печорѣ), двое другихъ работниковъ правятъ лодкою, одинъ въ веслахъ, другой на рулѣ. Выметавши всю сѣть, съ другимъ концомъ ея, противоположномъ буйку, ѣдутъ всѣ три работника въ томъ же карбасѣ противъ теченія и всегда въ сильную погоду и преимущественно при мутной водѣ. Семга, идущая въ эту пору въ рѣки изъ моря (въ которомъ въ солнечную погоду она любитъ *играть*), попадаетъ въ ячеи поплавни, путается въ нихъ и иногда вспрыгиваетъ надъ водою. Рыбаки, не обращая на это никакого вниманія, продолжаютъ ѣхать дальше до тѣхъ поръ, пока не притянутъ сѣти къ оставленному другому концу ихъ съ буемъ. Ѣхали бы они и дальше, если-бы не могли приплыть въ чужой участокъ (какъ это дѣлается на Печорѣ), или если не боялись того, что быстрина воды можетъ спутать сѣть, сильно перекосивши ее (какъ это и бываетъ при сильныхъ морскихъ приливахъ въ рѣкѣ Мезени). Съ поплавнями этими выѣзжаютъ въ осеннее время нѣсколько разъ въ день и такъ втеченіе 8 и 9 недѣль сряду.

Въ рѣкѣ Двинѣ рѣдко употребляются поплавни, за то въ большомъ ходу перемёты, которые ставятся также и по Мезени, и по Печорѣ въ довольно значительномъ числѣ. Переметы эти утверждаются на кольяхъ, которые находятся на разстояніи двухъ саженъ отъ другаго, и преимущественно тамъ, гдѣ круты берега. Въ переметахъ нѣтъ уже ни кибасовъ, ни поплавковъ, однѣ тетивы; длина всего этого снаряда достигаетъ до 15 саженъ. Одинъ переметъ отъ другаго ставится на 50 саженъ разстоянія и преимущественно на камняхъ, около которыхъ, какъ извѣстно, семга любитъ тереться. При приливахъ, когда чаще идетъ въ рѣки рыба, переметы эти покрываются водой; семга, подходя къ нимъ, путается въ ячеяхъ, а при отливѣ остается въ нихъ и снимается сторожемъ, который обязанъ при этомъ обивать палкою всѣ наплывныя изъ моря нечистоты. Случается, что при большихъ и сильныхъ приливахъ вода ломаетъ колья и рветъ самые переметы, и точно также во множествѣ прилетаютъ чайки похищать рыбу.

Также точно переметами, поплавнями и неводами (послѣдними по извѣстнымъ всей Россіи пріемамъ) вылавливается семга и на всѣхъ другихъ берегахъ Бѣлаго моря: Зимнемъ, Лѣтнемъ, Онежскомъ, Поморскомъ, Корельскомъ, иногда на Терскомъ и

рѣдко, впрочемъ, на Мурманскомъ. На Канинскомъ берегѣ, на островахъ Кѣлгуевѣ и Новой Землѣ, попадается особый родъ семги, меньше ростомъ съ болѣе нѣжнымъ мясомъ и со всѣми тѣми же привычками и свойствами, какими обладаетъ сама семга. Это—*гольцы*. Они также любятъ подниматься вверхъ по рѣкамъ для метанья икры, также любятъ борьбу съ порогами и крутымъ, сильнымъ теченіемъ, также *лоншаютъ*, т. е. возвращаются изъ рѣки въ море съ носовымъ наростомъ. На этомъ основаніи и ловятъ ихъ тѣми же способами, т. е. строятъ небольшіе заборы съ деревянными вѣршами, и точно также гольцовъ этихъ набивается въ каждую вѣршу такъ много, что всѣ остальные, задніе, стоятъ неподвижно большими табунами, уткнувшись головами въ тальи забора. Отсюда ихъ большею частію и добываютъ просто сакомъ. Кромѣ заборовъ, гольцовъ ловятъ еще въ невода при устьяхъ рѣкъ. Лучшіе вкусомъ гольцы — новоземельскіе, вылавливаемые въ незначительномъ числѣ и исключительно, притомъ, для домашняго употребленія. Вообще голецъ мелокъ; шкурка его синеватая съ мелкой чешуей; рыба эта очень вкусна, даже осоленная скупо и дурною солью. *)

Также скупо и, въ то же время, также дурно осаливается на всѣхъ пунктахъ улова и семга, вопреки огромнаго требованія на эту рыбу во всѣхъ столичныхъ и другихъ рынкахъ Россіи. Несмотря на то, что поморамъ дозволено пріобрѣтеніе лучшей французской соли въ Норвегіи и провозъ ея оттуда безпошлинно, соленіе до сихъ поръ производится небрежно: рыба солится, плохо вычищенная, плохо промытая, не тотчасъ по уловѣ, а значительно уже вылежавшаяся, стало быть, потерявшая половину изо всего ея лучшаго. Купорится она въ нечистыхъ, промозглыхъ, прогорклыхъ бочонкахъ, нечистыми руками, количествомъ соли, брошеннымъ на-угадъ, безъ системы, безъ положительнаго знанія, по какимъ-то вѣковымъ убѣжденіямъ и примѣтамъ. Поразительное исключеніе составляетъ, можетъ быть, одна только семга-порогъ, приготовляемая умнымъ, опытнымъ, знающимъ дѣло теоретически и начитаннымъ хозяиномъ; но и та солится вмѣстѣ съ костями, нерѣдко въ старомъ разсолѣ и

*) Нѣкоторое сходство съ гольцами имѣетъ рыба *палья*, вылавливаемая въ Онежскомъ озерѣ.

безъ помощи селитры, которая принята за благо во всѣхъ другихъ мѣстахъ Европы. Несмотря однакожъ на то, порогская семга солится не заграничною солью, а русскою, тою же бѣломорскою (съ варницъ Красной горы) солью. Приготовляемая въ Петербургѣ семга обыкновенно выбирается изъ множества другихъ; для этого употребляютъ ту, у которой бѣлое брюхо и фіолетовая спина *); красная и синяя избившаяся объ мережку, остается въ губерніи. На заборѣ этомъ принято еще обыкновеніе прорѣзать рыбѣ ножомъ крайнее мѣсто у хвоста, и это, говорятъ, особенно важно при соленіи, хотя все дѣло состоитъ въ томъ, что черезъ зтотъ разрѣзъ рыба скорѣе осаливается, но и то, можетъ, однимъ днемъ раньше, чѣмъ та, у которой хвостъ забудутъ или полѣнятся прорѣзать. Во всякомъ случаѣ и въ этомъ дѣлѣ приводится пожелать того же, что приведется говорить и при описаніи другихъ осоловъ, чтобы честная, толковая, руководимая научными данными и неувлекаемая скорымъ, спѣшнымъ пріобрѣтеніемъ барышей компанія взяла это важное, прибыльное дѣло въ свои руки, отняла бы его у несвѣдущихъ торговцовъ, у которыхъ это дѣло гніетъ, хотя и не такъ скоро, какъ ихъ продажная семга **).

Быстро несъ меня карбасъ на легкомъ благопріятномъ повѣтерьи отъ деревни Кузомени по направленію къ Кашкаранцамъ, скоро пронесъ онъ это сорокаверстное пространство и къ вечеру позволилъ увидѣть эту деревню прямо съ моря, на далеко-выдавшемся изъ земли песчано-каменистомъ мысу, со

---

*) Семга бываетъ величиною отъ 2 до 6 четвертей, вѣсомъ отъ 4 до 80 фунтовъ; ротъ у ней небольшой; языкъ бѣлый, костеватый; перьевъ плечныхъ и подбрюшныхъ по два и на спинѣ и близъ прохода по одному. На спинѣ къ хвосту замѣчается маленькое перышко, обросшее жиромъ и находящееся какъ бы въ зачаточномъ состояніи. Хвостъ рыбы широкій съ выемкой; цвѣтъ чешуи темно-синеватый, съ серебрянымъ отливомъ на спинѣ; по бокамъ свѣтлѣе, и потому серебристѣе, съ чорными пятнами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; на брюхѣ цвѣтъ по большей части совершенно бѣлый, серебряной. Обыкновенная цѣна за пудъ 3 и 4 рубли; зимой доходитъ до 5 и свыше руб. сер. Порогъ — самая дорогая, кола и поной — самая дешовая.

**) Впрочемъ, какъ извѣстно, уже образовались компаніи именно для этой цѣли: Богъ въ помощь! — отъ души скажемъ и мы ей словами поморовъ и за поморовъ.

множествомъ обычныхъ крестовъ на наволо̀кахъ. Назади помнился камень-корабль, скала, имѣющая издали поразительное сходство съ этимъ великаномъ судовъ, впереди видѣлась деревушка Ка̀шкаранцы съ относительно недурными строеніями; попались въ карбасѣ кашкара̀ны, обиравшіе рыбу съ тоней, которыхъ такая пропасть по всему спопутному берегу. Тоже множество промысловыхъ избушекъ, не пустыхъ на то время (былъ конецъ іюля), стояло на берегу и на дальнѣйшемъ пути, на слѣдующихъ 15-ти верстахъ до Са̀льницы и 20-ти до Оленницы. Огромная мель, на которой торчали голые камни чуть не надъ поверхностью воды, не позволила мнѣ побывать въ первой изъ этихъ деревушекъ, недавно заселенной четырьмя семьями, выѣхавшими изъ села Ва̀рзуги *). Не былъ я также и въ слѣдующей деревушкѣ — Оленницѣ (съ 30 домами и 50 мужиками); бѣлѣлась только верстахъ въ 6 отъ насъ вновь строившаяся деревянная церковь. Благопріятное — рѣдкой гость— повѣтерье пронесло насъ мимо; даже сами гребцы не хотѣли смѣняться до Кузрѣки, которая отстоитъ отъ Оленницы, какъ думаютъ, на 35 верстъ (зимніе пути, конечно, короче верстъ на 5, на 7, на 10 и даже больше). Кузрѣка — маленькая (10 дворовъ), грязненькая, старенькая деревушка, заброшенная далеко за устьемъ рѣки Кузи, мелкой до того, что по стрежу ея разставлены вѣхи, обстоятельство, помѣшавшее англичанамъ посѣтить и эту деревушку, несмотря на то, что она, въ то время, почти совершенно обезлюдѣла: все мужское населеніе ея уходило на помощь въ Умбу, до которой отъ Кузрѣки 30 верстъ моремъ. Немногимъ пополнило мои свѣдѣнія посѣщеніе этой деревушки, помимо семожьей ловли, которая и здѣсь составляетъ насущное, главное занятіе. И изъ этой деревушки, точно также, какъ и изо всѣхъ прежнихъ до Поноя, народъ не поднимается на Мурманъ, но по зимамъ, съ Ѳедора Тирона до Благовѣщенья, ходитъ для промысла морскаго звѣря недѣли на три, на четыре на Бабій носъ, на мысы: Погорѣльской, Никодимской, въ Девятое (становище у Поноя) и на Святой Носъ.

На промыселъ этотъ идутъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди бѣжитъ на лыжахъ хозяинъ, обязанный вы-

---

*) Тоже село, какъ извѣстно, дало существованіе и Ко̀зомени.

сматривать удобное для прохода мѣсто и кричать гдѣ камень, гдѣ ропачистый (негладкій) ледъ, между которымъ вода обыкновенно садитъ (ходитъ съ необыкновенной быстротой), гдѣ она мелчитъ торосной ледъ въ шугу, по которой бѣгутъ уже на длинныхъ и широкихъ ламбахъ. Позади хозяина покрута, на этотъ разъ правящаго обязанность кормщика, бѣгутъ тоже на лыжахъ двое его работниковъ, которые тянутъ на лямкахъ лодку съ поддѣланными внизу креньями. Въ лодкѣ — провизія, теплая лопать (носильное платье), орудія ловли: пѣшни, ножи, кутило и другая снасть. У всѣхъ на спину перекинуты винтовки, у всѣхъ въ карманахъ и за пазухой кусочки свинцу для пуль и порохъ, если вѣтеръ, дующій съ горъ, не отнесетъ льду въ голомя и не заставитъ промышленниковъ въ ближайшой избушкѣ выжидать у моря погоды и возвращенія льда, на которомъ уже навѣрно образовали залежки бѣльки, отдѣлившіеся отъ матерей и отцовъ, уплывшихъ въ Мезенскій заливъ. Замѣтивши юрово, креневой карбасъ немедленно спускается на воду, звѣрь берется на тѣ же хитрости и тѣми же орудіями (мелкій на кóкотъ — деревянную колотушку, крупной на винтовку). Убитаго звѣря выносятъ на берегъ, тамъ его и пластаютъ, мясо бросая, а харавины (шкуры) съ саломъ везутъ домой, гдѣ обыкновенно строгаютъ сало и вымачиваютъ харавины для замши въ водѣ (лѣтомъ) повыше заборовъ, для того, чтобы вымокла и вылѣзла вся негустая и короткая шерсть. Точно также и здѣсь, на Терскомъ, какъ и на Зимнемъ, Мезенскомъ и Канинскомъ, сильные вѣтра раздергиваютъ ледъ, на которомъ промышленники заняты своей работой, и уносятъ его въ добрый часъ на Соловецкій островъ или къ мезенскимъ берегамъ; въ несчастный часъ, при перемѣнѣ вѣтра—въ океанъ, на вѣрную гибель!.. На Св. Носѣ тѣже промыслы производятъ исключительно одни почти лопари. Удача этого промысла на Терскомъ берегу зависитъ, какъ уже сказано, отъ вѣтровъ, которые въ тоже время могутъ вынести льды съ юровами въ океанъ или просто прибить ихъ къ Корельскому берегу, предоставивши такимъ образомъ промыселъ въ другія руки, или примкнутъ тѣже неблагопріятные вѣтра и тѣже льдины къ необитаемой пустынной части Терскаго берега (между Кандалакшей и Порьегубой), гдѣ звѣрь спокойно живетъ зиму и спокойно выплываетъ по веснѣ въ океанъ...

И вотъ — Умба, лучшее (послѣ Варзуги) селеніе Терскаго берега, съ своимъ огромнымъ заборомъ, съ своею глубокою, картинно-обставленною высокими скалами рѣкою. Съ одной изъ варакъ глядитъ высоко поднявшаяся къ небу деревянная часовня, словно орлиное гнѣздо, чуть держащаяся на обрывистой, сѣроватой, гранитной крутизнѣ. Съ параллели этой скалы и часовни, изъ-за чащи высокихъ сосновыхъ деревьевъ, уже сѣрѣетъ своими избами и сама Умба, та Умба, которою, какъ носились слухи, хотѣли замѣнить Колу, переведя сюда уѣздный городъ съ его присутствіями и уѣздомъ; та, наконецъ, Умба, которая пользуется лучшею рѣкою во всѣхъ прибрежьяхъ моря, рѣкою, порожистою только на двѣ версты выше села, гдѣ и устроенъ заборъ для семги, охотно посѣщающей эту рѣку черезъ два рукава. Рѣка эта, противъ обыкновенія, не надоѣдаетъ уже своимъ шумомъ, а тихо катится въ море по глубокому своему стрежу. Также тихо и скромно расходится народъ по домамъ (на мой пріѣздъ туда, только что отошла обѣдня), небольшая часть того добраго и привѣтливаго народа Терскаго берега, между которымъ, какъ положительно извѣстно, нѣтъ ни одного раскольника и про который, вѣроятно, еще и до сихъ поръ разсказываютъ всѣ поморы ближнихъ и дальныхъ береговъ, что стоитъ только обокраденному мужичку заявить о своей пропажѣ въ церкви послѣ обѣдни—воръ, или вынужденный обстоятельствами похититель, непремѣнно скажется или укажетъ на него другой. Дѣйствительно, на всемъ Терскомъ берегу въ рѣдкихъ случаяхъ употребляются замки, и то по большей части противъ коровы, блудливой овцы. Довѣрчиво смотрятъ всѣ терскіе, откровенно высказываютъ все свое сокровенное, хотя и высказываютъ это нѣсколько книжнымъ, нѣсколько фигурнымъ языкомъ, не отличаясь, въ тоже время, въ говорѣ отъ другихъ поморовъ. Гостепріимство и угощенія доведены здѣсь до крайной степени добродушія; хозяинъ и хозяйка суетятся все время, принося все лучшее и безпрестанно подчуя, оправдываясь при этомъ тѣмъ, что, по пословицѣ, «хозяева-де и съ перстовъ наѣдятся». Добродушіе это и по своему понимаемое ими гостепріимство доходило нѣсколько разъ до того, что кормщики (по большей части хозяева обывательскаго карбаса) не хотѣли даже получать прогонныхъ денегъ, такъ что съ трудомъ можно было убѣдить ихъ въ противномъ.

— Съ тебя деньги грѣхъ брать, *странной* (странникъ, заѣзжій), а мы за Богомъ—дома!—былъ отвѣтъ однихъ.

— Странникову-то златницу чортъ подхватываетъ, да и несетъ къ сатанѣ, а тотъ надъ ней прыгаетъ, пляшетъ, къ дьявольскому сердцу своему прижимаетъ, такъ и въ писаніи сказано!—объясняли другіе.

Тоже гостепріимство, таже готовность на услуги, словоохотливость и радушный, родственный пріемъ ожидали меня и въ слѣдующемъ селеніи—Пóрьегубѣ, за 30 верстъ отъ Умбы. Высокія Умбовскія горы долго еще тянулись по берегу, выкрытыя уже значительно·густымъ соснякомъ и ельникомъ; острова попадались рѣдко; селеніе оказалось забившимся за дальной губой, приглубокой, обставленной низменными берегами съ тѣмъ же густымъ, непрогляднымъ боромъ; въ селеніи церковь и только 15 дворовъ. Бѣдность селенія, какъ сказывали, зависитъ отъ безрыбья губы, отъ нѣкоторой удаленности отъ моря. Лѣсные и тундряные промыслы пушнаго звѣря и перекупка рыбы у лопарей даютъ возможность жителямъ Пóрьегубы вымѣнивать достаточное количество муки, для годоваго пропитанія, съ судовъ, приходящихъ сюда изъ Кемскаго поморья.

Съ Пóрьегубы путь мнѣ лежалъ назадъ, черезъ Кандалажскую губу, въ селеніе Корельскаго берега—Ковду, покинутую мною только въ прошломъ мѣсяцѣ. Плыть приводилось сначала десять верстъ между островами и лудами (Крестовой, Озерчанкой, Столбовыми, Сѣдловатымъ, Хед-островомъ, Медвѣжьимъ); затѣмъ 20 верстъ полымъ (открытымъ) моремъ и потомъ опять десять верстъ между лудами противоположнаго, Корельскаго берега, до устья рѣки Ковды. На самомъ высокомъ и крутомъ изъ островов Порьегубскихъ — Медвѣжьемъ, покрытымъ кустарникомъ, мы останавливались и съ трудомъ могли различить четыре рудокопныя ямы: Орелъ, Надежду, Куртъ и Боярскую. Эти ямы, зарываемыя временемъ и непогодами, служатъ послѣднимъ, отживающимъ, наглазнымъ признакомъ существованія на острову Медвѣдѣ, съ 1740 по 1790 годъ, разработки серебряной руды и строеній при этомъ пріискѣ. Разработка производилась частными людьми, но «бергъ-коллегія, усмотрѣвъ пріискъ сей въ дѣлопроизводствѣ неспособнымъ, оставила оный». Около ямъ этихъ промышленики до сихъ еще поръ находятъ куски свинцоваго блеска.

Начинало темнѣть. Острова то уходили назадъ и скрывались въ туманѣ, то продолжали снова выплывать впереди. Мы ѣхали греблей, хотя и перебѣгалъ какой-то вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, желавшій, по всѣмъ примѣтамъ, уходиться, улечься въ одной сторонѣ чистаго, ясно-бирюзоваго неба.

— Которой-то часъ, ваша милость? спросилъ меня кормщикъ. По нашему, надо-быть, девятой на исходѣ, коли бы не десятой въ началѣ.

Я свѣрился съ часами; кормщикъ ошибся немногимъ: мои часы показывали половину девятаго.

— Отчего-жь ты угадалъ?

— А вишь солнце-то въ побережникѣ (NW), немного подалось къ межнику на сѣверъ.

— По нашему счоту, дѣло это во-какое! — объяснялъ онъ потомъ. Солнышко пошло отъ *полуношника* (NO) на *встокъ* и пришло туда—знай: шесть часовъ ночи; вставай нашъ братъ— поморъ, Богу молись, за работу примайся, пора! Солнышко на ту пору къ обѣднику (SO) три часа цѣлыхъ пройдетъ, въ 9 часовъ въ обѣдникѣ будетъ; береговые наши терскіе обѣдать садятся: первая выть; въ 12 часовъ солнышко на лѣтѣ (S) будетъ, на вѣтрѣ томъ въ ту сторону неба уходитъ; въ 3 часа за полдень оно на *шалоникѣ* (SW): вторая выть, береговые паужинаютъ; въ шесть часовъ солнце на западъ придетъ, да не прячется, а только стоитъ въ той сторонѣ неба — и все тутъ; въ 9 оно въ побережникѣ (NW): для береговыхъ третья выть, ужинать садятся. Въ 12 часовъ солнышко на сѣверъ придетъ: мужики всѣ уже давно *повалились* и *заспали*, у мужика на брюхѣ туго и сонъ крѣпокъ, не дотычешься; спитъ онъ и еще три часа, когда солнышко правитъ свое дѣло, въ три часа ночи въ *полуношникѣ* (NO) придетъ. Опять ты его, мужика, на ту пору не дотолкаешься: все еще крѣпокъ сонъ, все еще мужикъ огрызается. Дай ты ему еще три часа доху; когда солнышко на встокъ придетъ—опять мужикъ самъ горошкомъ вскочитъ: выспался, вздынулся, умылся, Богу помолился, всѣхъ за работу усадилъ и самъ за работу принялся. Идетъ красный денекъ впередъ да впередъ, идетъ красное солнышко своимъ чередомъ по вѣтрамъ, и опять мужику четыре выти, четыре разъ ѣсть, двѣнадцать часовъ работать... На Мурманѣ вонъ, сказываютъ, всего только три выти, а то, слышь, и двѣ, а

то-де и одна, да и та въ сухомятку, особо когда работа-де горячая идетъ. Это, вѣдь, намъ, береговымъ, хорошо на четырето выти распоясываться отъ нечего дѣлать. Мы, пожалуй, въ межникахъ еще сверхъ сыта пообѣдаемъ, когда межникъ отъ лѣта ближе къ шалонику (2 часа), или когда межникъ отъ запада ближе къ шалонику (4 часа за полдень). Право такъ, не смѣхомъ!..

— А вонъ, гляди, и матушка Турья-гора, госпожа Кандалуха-губа, батюшка Оленей-Рогъ! — вдругъ прервалъ свою рѣчь кормщикъ, указывая на послѣднiй яснѣвшiй островъ, за которымъ чуть-чуть вдали синѣла безбрежная, непроглядная полоса воды въ Кандалажской губѣ.

Послѣднее присловье его, общее всѣмъ поморамъ, посѣщающимъ Кандалажскую губу, имѣетъ тотъ смыслъ, что Кандалажская губа, «куда не ѣдешь—все впереди, все она, все прямо, все въ нее угодишь» — объясняли мнѣ кормщики. Турья гора, гранитный утесъ съ уступами, въ 200 футовъ высотою надъ моремъ, у мыса Турья, на Терскомъ берегу, примѣтна издали, «гдѣ-гдѣ покажется» (по словамъ поморовъ), а Оленiй-Рогъ (на Оленевскомъ острову, у Корельскаго берега) съ мелкими мѣстами далеко оттянулъ въ голомя Кандалажской губы, отпрядышами саженъ на 50 отъ берега, между селенiями Керетью и Ковдой.

Между тѣмъ мы плыли все-таки еще между островами, хотя и послѣдними, и все-таки по прежному на греблѣ; вѣтеръ установился сначала въ южный, потомъ перебѣжалъ, перемѣнился на западъ. Но оба, легкимъ дуновенiемъ, незамѣтно располагали ко сну, на этотъ разъ и монотонно затянутая кормщикомъ пѣсня послужила для послѣдняго занятiя хорошимъ, благопрiятнымъ подспорьемъ. Я, убаюканный всѣмъ этимъ и легкимъ покачиваньемъ карбаса на легкихъ волнахъ, заснулъ.

Просыпаюсь: чувствую ознобъ и холодъ, который, вѣроятно, и разбудилъ меня; вижу обручья будки, слышу ужасный шумъ и свистъ, въ которыхъ ничего нельзя разобрать; смотрю впередъ — гребцы положили весла, подняли свои косые паруса, и вмѣсто того, чтобы спать по обыкновенiю, молча сидятъ на своихъ мѣстахъ, закутавшись въ полушубки. Дѣйствительно, холодная, проницающая сырость наполняла и мою будку; холодно было и мнѣ одѣтому, однако, совсѣмъ по осеннему. Не-

опредѣленность молчанія сосѣдей, на первыхъ минутахъ пробужденія, подѣйствовала какъ-то смутно, тяжоло. Мнѣ сдѣлалось безсознательно страшно.

— Въ чомъ, братцы, дѣло? спросилъ я.

Отвѣта не было. Я обратился къ кормщику, но и тотъ молчалъ. Неопредѣленной страхъ мой усилился. Я настаивалъ-таки на своемъ и опросилъ кормщика.

— Пылко больно! отвѣчалъ онъ мнѣ сердито и неохотно.

— Какой вѣтеръ?

— Полуношникъ (NO).

Въ словахъ этихъ представилось мнѣ столько ужаса и двусмысленности, что, помнится, сердце облилось кровью и какъбудто начало еще сильнѣе биться. Съ такою же безсознательностію я позволилъ себѣ, нѣсколько оправившись, другое движеніе—вонъ изъ будки. Страхъ мой былъ не напрасенъ: море буквально кипѣло котломъ; высокія волны бороздили его справа, вѣтеръ свистѣлъ невыносимо, можетъ быть въ снастяхъ нашего карбаса, можетъ быть, несся этотъ свистъ продолженнымъ эхомъ изъ дальныхъ скалъ Терскаго берега, который, на этотъ разъ, ушолъ далеко и весь затянулся непроглядным туманомъ. Въ этомъ же туманѣ, еще болѣе непроглядномъ, еще болѣе смутномъ, видѣлся за головою кормщика противоположной Корельской берегъ—вожделенная цѣль нашего плаванія. Дальное море въ туманномъ мракѣ слилось уже съ хмурымъ небомъ, затянутымъ, въ свою очередь, чорными тучами безъ просвѣта, какъ въ глухую осеннюю—*волчью* ночь. Мы были на половинѣ пути, въ самой серединѣ Кандалажской губы. Вѣтеръ ходилъ здѣсь свободно, безъ препятствій, безъ остановокъ; здѣсь онъ былъ полный и неограниченный властелинъ и хозяинъ; надо было крайное умѣнье, чтобы бороться своимъ умомъ и толкомъ съ его враждебными порывами. Мнѣ дѣлалось уже окончательно страшно и привелось даже пожалѣть о томъ, что холодъ разбудилъ меня прежде времени. Лучше было-бы проснуться въ то время, когда карбасъ миновалъ всѣ опасности, а не теперь, когда она на носу, когда отъ нея никуда не спрячешься, когда на десять верстъ впередъ, на десять верстъ назадъ нѣтъ ни одной хоронушки, ни одного становища, хоть бы одинъ островокъ, хоть бы одна скала даже и на пол-аршина надъ водою. Кипѣвшее море, постепенно крѣпчавшій вѣтеръ ужа-

сомъ обдавали по прежному сердце и нагоняли мрачныя и страшныя мысли. Я спрятался опять подъ будку, хотѣлъ заснуть—не могъ; масса разныхъ воспоминаній путалась въ головѣ безъ связи, безъ порядка, но такъ, въ то же время, быстро и своеобразно, что трудно было услѣдить за мыслями. Припомнился дальный уѣздный городокъ, куда бы ѣхалъ теперь съ несказанною охотою, гдѣ бы желалъ быть въ настоящую пору и пол-жизни бы отдалъ за то; гдѣ будутъ долго и искренно плакать надъ горькою участью, предложенной негостепріимною, далеко неродною и неродственною морскою губою Бѣлаго моря. И вдругъ, вслѣдъ затѣмъ, промелькнулъ большой городъ: вспомнились золотыя главы, узкія улицы, площади съ фонтанами, бульвары съ густо-поросшими аллеями, маленькой садикъ во дворѣ между четырьмя большими домами, theatrum anatomicum съ крылечкомъ, нѣсколько лицъ, хорошо знакомыхъ издавна, съ которыми бы не разстался во-вѣки. И опять новые виды: желѣзная дорога, толпа мужиковъ кругомъ; незнакомый красивый городъ, высокіе дома, чудно обставленные гранитные берега рѣки, еще что-то... длинный Архангельскъ и семожій заборъ въ Умбѣ, и опять что-то еще болѣе неясное и неопредѣленное... сѣдой старикъ въ Порьегубѣ, угощающій густымъ, какъ пиво, чаемъ и окаменѣлыми баранками; овца въ Варзугѣ, бѣгающая въ круги, безконечно-долго, безконечно-много, словно сумасшедшая, подъ окнами моей квартиры. «Крючокъ отъ сѣти въ бокъ попалъ—не ослобонится» вспоминается объясненіе хозяина, какъ-будто сейчасъ выговоренное и какъ-будто звуки словъ этихъ еще не застыли въ воздухѣ... Также безсознательно смѣшными показались на этотъ разъ и эти слова, какъ смѣшны были и другіе случаи, пришедшіе вслѣдъ затѣмъ на память, но зачѣмъ и съ какой статьи? — объяснить я себѣ этого уже окончательно не могъ; чувствовалось только, что какъ будто на душѣ съ этой минуты сдѣлалось и свѣтлѣе, и пріятнѣе. Я уже смѣлъ закурить сигару, смѣлъ опять вылѣзть вонъ и сѣсть на будку; смѣлъ опять смотрѣть на волны даже, какъ казалось, безбоязненно, хотя и не безнаказанно; бойкая волна круто разорвалась о накренившійся бокъ нашего карбаса, вырвала сигару изъ рукъ и унесла ее въ море. Обливши меня щедро брызгами, волна плеснула въ грудь

и лица гребцовъ и заставила одного изъ нихъ нарушить его упорно сдерживаемое, сосредоточенное молчаніе.

— Ишь, лѣшая, плескается! — успѣлъ онъ однозвучно выговорить и опять замолчалъ.

Молчаніе это продолжало меня томить и возмущать душевной покой по-прежному. По-прежному проходили въ головѣ новыя воспоминанія, быстро погоняя одно другое; по-прежному припоминалось многое иное, уже новое. Но одна мысль о томъ, что мы, во всякомъ случаѣ, ѣдемъ по морю, которое имѣетъ здѣсь сто саженъ глубины, опережала всѣ прочія и сдѣлала свое дѣло: опять пробовалъ и не могъ я заснуть, видя, что, передній берегъ все еще залитъ туманомъ, все еще тускло отдаетъ надеждой на скорое плаваніе между островами, гдѣ и вѣтеръ будетъ ходить тише, гдѣ самыя волны значительно мельче, гдѣ, можетъ быть, выровняется даже и такая поверхность, которую чуть-чуть только рябитъ и которую тѣмъ легче можетъ осилить своей острой грудью наша скорлупа—карбасъ. Захотѣлось чаю, теплой комнаты, захотѣлось быть на берегу такъ сильно и неодолимо, какъ не хотѣлось ничего и никогда въ жизни. Не желалъ бы выходить изъ будки въ другой разъ, чтобы не видя въ-очію опасности, спокойнѣе выждать благополучный и, пожалуй ужъ, и неблагополучный исходъ ея, если того требуетъ судьба и житейская случайность. Набѣжитъ волна, подхватитъ нашъ карбасъ, явится ей немедленно другая волна на подмогу: разобьютъ они съ-обща неплотно-шитое суденко наше, разломятъ его на двѣ, на три, на четыре части, увлечотъ насъ собственная наша тяжесть на этихъ осколкахъ судна, между тѣми же осколками, на самое дно, гдѣ и холодно, гдѣ и темно, и гдѣ, наконецъ, вѣрная смерть — всегда мрачный, хладнокровный, безнадежный, неумолимый врагъ! Плыть отъ врага этого—не уплывешь: самый ближный берегъ чуть видѣнъ и волны ходятъ такія крутыя и высокія, съ которыми и могутъ бороться одни только суда, за тѣмъ выстроенныя, на то приспособленныя цѣлыми вѣками, не однимъ десяткомъ умовъ. Нѣтъ, тяжоло умирать такой смертью, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни привѣту, ни отвѣту вдали отъ родной семьи, вдали отъ искренныхъ!.. Лучше, если бы стихалъ вѣтеръ, лучше, если бы несъ онъ скорѣе между островами, въ рѣку, къ твердому берегу, гдѣ и изба теплая и чай горячій, можно приготовить недурно,

удобо-съѣдомой обѣдъ, можно говорить спокойнѣе и словоохотливѣе, можно дѣлать все, что захочешь: писать, ходить, лежать, небоясь смерти, не думая о ней. И, кажется, не выѣхать бы изъ деревни до той поры, пока совершенно не уходился бы вѣтеръ, не улеглось бы море, и, кажется, весь остальной путь предпочолъ бы проѣхать лучше греблей, чѣмъ на парусахъ, лучше между островами и гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь по страшному взводню, на самомъ крѣпкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, которой былъ для насъ полнѣйшій фордевиндъ.

— Слушай, Васька! на берегъ пріѣдемъ, носъ и уши обрублю тебѣ непремѣнно: вѣрь ты моему слову не лестному. Что зѣваешь-то, окаянной, неумытая душа? Рочи шкотъ-отъ, лѣшой!—кричалъ кормщикъ гребцу лопарю и какъ-будто уже замѣтно болѣе спокойнымъ голосомъ. Онъ былъ такъ щедръ на слова, что, казалось, въ душѣ его затихла буря: да и была ли она?! онъ какъ-будто не сердится уже на свое ремесло, а съ любовію, крѣпко налегши на руль и внимательно устремивши взглядъ свой впередъ на дальной берегъ, что-то высматриваетъ, честно и безропотно, и, хотя молча, справляетъ свою обязанность. Съ нимъ, казалось мнѣ, уже можно было заговорить и не разсердить его.

— Что ужъ, не страшно теперь: доѣдемъ?

— Чего страшно? чего доѣдемъ? извѣстно доѣдемъ... Сидѣлъ бы, твоя милость, подъ будкой; а то на будкѣ то сидя мѣшаешь, заслоняешь, не видно! — отвѣчалъ онъ рѣзко, но опять-таки спокойнѣе и не съ сердцовъ.

Онъ опять замолчалъ, опять крѣпко налегъ на руль: и то повернетъ его вправо, то отдастъ немного назадъ, и опять двигаетъ головой по сторонамъ, что-то сосредоточенно-внимательно высматриваетъ. Вотъ опять кричитъ на помощниковъ:

— Отдай, Гришка, кливера, рулю тяжоло, скорѣй, проклятой! ишь вѣдь вы, съ Васькой-то одного гнѣзда воры. Ужó вотъ я васъ!.. шевелись! Набѣжитъ бойчѣе волна, опружитъ... рулю тяжоло; руки-то у меня не каменныя, жильныя чай, саднѣютъ ужъ!.. Ну живѣй, стрѣлья бы вамъ въ спину обоимъ!..

Кажется мнѣ, невольно ухватившемуся за его мысль, что слова эти были справедливы и брань сыпалась по заслугамъ. Какъ будто нарочно медленно, не живо брались гребцы за свое дѣло, какъ будто бы мертвымъ узломъ крѣпили они шкотъ и

другія веревки, и вотъ, того и гляди, вырвется бичева изъ рукъ, начнетъ хлестаться на водѣ. Набѣжитъ въ это время волна, неумѣющая медлить и пережидать лѣниваго; но кормщикъ молчалъ: стало-быть, все хорошо. Мысль объ опасности пропала окончательно; даже весело было смотрѣть, какъ одна волна, набѣгая слѣва страшной горой на самый карбасъ, готовая залить его, ломалась подлѣ борта, словно нагибалась тутъ и проходила подъ судномъ на правую сторону уже неопасною, уже побѣжденною, а потому и покорною. Новая, такая же высокая, такая же страшная, точно также, съ тѣмъ же шумомъ вздымалась налѣво отъ насъ, также опускалась и проходила подъ карбасъ, легонько покачнувши его и отдавая свою пѣну назадъ, на новыя волны, которыхъ постигала таже участь. Весело было смотрѣть въ это время на всю эту игру расходившагося взводня, весело было встрѣчать всѣ другія, новыя волны и слѣдить за ними на другой сторонѣ за карбасомъ, который продолжалъ тянуть за собою свѣтящійся, свободный отъ пѣны слѣдъ все больше и дальше. Вдали, въ крайной дали, едва досягаемой взглядомъ, неугомонныя волны замѣтали этотъ слѣдъ, уничтожали его на всегда, какъ лишной, безполезный, обидный признакъ побѣды утлаго суденка—щепки, но выстроеннаго для борьбы этой и побѣды человѣкомъ и для человѣка...

Между тѣмъ вѣтеръ, надувши наши паруса, продолжалъ крѣпчать; судно разсѣкало, рѣзало волны и быстро бѣжало впередъ, скоро успѣло подтянуть къ намъ острова, скоро бросило нѣкоторые изъ нихъ назади. Взводень оказался между островами этими дѣйствительно слабѣе и рыдалъ только тамъ, гдѣ оставался между островами свободный проходъ для вѣтра, свободный выходъ въ море. Наконецъ, и послѣдніе острова остались назади, мы ѣхали рѣкой Ковдой между избами; слышался давно знакомой шумъ пороговъ, который какъ будто, на этотъ разъ, разносился еще сильнѣе, еще рѣзче. Но вотъ уже карбасъ нашъ привязанъ; мы на берегу и въ теплой комнатѣ; передо мною кормщикъ держитъ руки, всѣ окровавленныя, всѣ имѣвшія поразительно-непріятный, отталкивающій видъ, и проситъ на водку гривенникъ для косушки, простосердечно давая этому гривеннику огромное значеніе десяти рублей серебромъ. Не жаль было тогда и этихъ денегъ, хотя для меня на тотъ разъ они имѣли огромное значеніе.

— А, вѣдь, страшно было ѣхать?—замѣтилъ я ему.

— Чего страшнаго; этакъ ли еще бываетъ? отвѣчалъ онъ прежнимъ своимъ равнодушнымъ голосомъ и съ прежнимъ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Ну да, однако, и съ нами хорошо было?

— Хорошо-то, хорошо!.. Страшно было! два раза чуть не опружило; а все вотъ эти черти!

И онъ указалъ на гребцовъ.

— Что же ты съ ними сдѣлаешь?

— А что съ ними сдѣлать? далъ ты намъ большія деньги— пойдемъ, выпьемъ вмѣстѣ за твое здоровье. Да надо же будетъ и намъ переждать здѣсь: вѣтеръ-отъ теперь противнякъ на Терской берегъ...

— А я могу ѣхать дальше?

— Отчего не ѣхать? можешь; а лучше бы, кабы и ты переждалъ; неровенъ, вѣдь, часъ!..

Двое сутокъ тянулъ потомъ крѣпкій сѣверо-востокъ и держалъ меня въ селѣ Кѵвдѣ, не пуская съ мѣста. Каждый разъ, какъ ни пошлешь посмотрѣть на море, приносился одинъ отвѣтъ:

— Пыль, пыль, страшонная пыль въ морѣ; вода, что бересто, словно мыломъ налита.

— Спасъ тебя Богъ на этотъ разъ, нечего въ другой разъ смерти пытать. Коршикъ-отъ у тебя былъ золотой человѣкъ, этакихъ-то по всему поморью только три и есть и всѣхъ по именамъ знаютъ: малаго робёнка спроси объ Иванѣ Архиповѣ. Съ этимъ человѣкомъ можно горе горевать; другой на такомъ взводнишѣ, да на такомъ крутомъ вѣтрѣ, пожалуй, безотмѣнно бы пустилъ тебя рыбу ловить. Пей-ко вотъ чай-то, прошу покорно!

И прежной знакомой хозяинъ квартиры съ шахматнымъ поломъ, съ мурманскимъ голубкомъ подъ потолкомъ и съ птицой дивной, говорящей человѣческими голосами, усердно кланяясь, поилъ меня чаемъ со сливками. Общолкивая, въ тоже время, маленькими кусочками крупно наколотой сахаръ и хитро поставивъ блюдечко съ чаемъ на распяленныхъ рогулькой пальцахъ правой руки, растабарывалъ:

— Нѣтъ ничего обиднѣе смерти этой выжидать среди моря, когда вотъ баба какая на ту пору прилучится. Самъ ты о се-

бѣ на ту пору думаешь мало, все попеченіе о житіи своемъ откладываешь, только молитвы набираешь, чтобы больше ихъ было. А бабы, нѣтъ: бабы сомущаютъ. Сердце у тебя окаменѣетъ; передъ собой только и видишь воду, да карбасъ: а онѣ вой поднимаютъ, подъ сердечушки свои хватаются, словно оно выпрыгнуть хочетъ! Опять же бабы эти — дери ихъ горой!— причитанья свои надрывныя, что на могилахъ сказываютъ, начнутъ разводить: въ лѣсъ бы бѣжалъ! Въ чувство приводятъ, памятью твоей руководствуютъ. Иногда, слыщь, до смѣховъ доходитъ дѣло, развеселяютъ... Одна, какъ теперь вижу и помню, до того добралась: «Батюшко-де, слышь, Никола Угодникъ, помоги, если сможешь!»

На другой день послѣ этого разговора я уже ѣхалъ въ обратной путь вдоль Корельскаго берега и на пятые сутки скучнаго прибрежнаго плаванія былъ опять въ Кеми, на поморскомъ берегу Бѣлаго моря.

X.

ПОМОРСКОЙ БЕРЕГЪ ИЛИ СОБСТВЕННО ПОМОРЬЕ *).

Городъ Кемь; его исторія.—Занятія кемлянъ и жемчужная ловля.—Бѣломорскія суда.—Внѣшной видъ города Кеми.—Туземные богачи, судохозяева.—Строители судовъ и обряды, соблюдаемые при судостроеніи.—Бѣломорскія суда: лодья, раньшина, шняка, кочмаръ, разные виды карбасовъ.—Мелкія рѣчныя суда: барки, полубарки, каюки, обласы, завозни, разные виды плотовъ. — Бѣломорская торговля: исторія ея и настоящее состояніе по сношенію поморовъ съ Норвегіей.—Путь изъ Кеми въ Онегу.—Село Шуя.—Село Сорока. Сельдяной промыселъ. Полярныя переселенія этой рыбы; подробности ловли сельдей по всѣмъ прибрежьямъ, но преимущественно въ деревнѣ Сорокѣ.—Деревни Сухая и Вирьма.—Сумской посадъ: его исторія: занятія жителей. — Соловецкіе богомольцы; путь ихъ изъ Петербурга по переволокамъ между Онежскимъ озеромъ и посадомъ Сумою.—Отъ Сумы до Онеги.—Желѣзныя ворота.—Село Колежма.—Трудный путь до села Нюхи.—Преданіе о посѣщеніи этого села Петромъ Великимъ и исторія пребыванія Петра въ сѣверномъ краю Россіи, предшествовавшаго посѣщенію Нюхчи. — Дальнѣйшій мой путь изъ Нюхчи: Унежма. — Верховая ѣзда.—Села Кушерѣка, Малошуйка, Ворзогоры. — Дорога въ Онегу.—Послѣднее свиданіе съ этимъ городомъ и конечный путь и возвращеніе мое въ Архангельскъ.

---

1. КЕМЬ.

Кемь, по всей справедливости, почитается центромъ промышленной дѣятельности всего Поморскаго края. Капиталисты этого города строятъ лучшія и въ бо̀льшемъ, противъ другихъ, количествѣ морскія суда, отправляя ихъ и на дальные промы-

---

*) Поморскимъ берегомъ, или собственно *Поморьемъ*, на языкѣ туземцовъ, называется западная часть Онежскаго залива между двумя уѣздными городами губерніи: Онегою и Кемью. Дальные поморы мезенскіе и терскіе обыкновенно зовутъ этотъ берегъ *Кемскимъ*. Мы слѣдуемъ первоначальному названію этого берега по той причинѣ, что поморцами, поморами называются исключительно обитатели Кемскаго берега.

слы за треской на Мурманской берегъ, за морскимъ звѣремъ на Новую Землю и Колгуевъ; они же первыми ѣздили и на дальный Шпицбергенъ; они-же ведутъ дѣятельную, съ годами усиливающуюся торговлю съ Норвегіей. Оставляя, до приличнаго случая, объясненіе значенія этого города въ ряду всѣхъ другихъ поморскихъ селеній и всю силу нравственнаго вліянія его на домашной и общественный бытъ всѣхъ сосѣднихъ ему обитателей, считаемъ главнымъ прослѣдить теперь за историческими судьбами города, чтобы потомъ перейти къ главнымъ проявленіямъ дѣятельности жителей его: судостроенію и заграничной торговлѣ.

Въ архивѣ кемской ратуши сохранилась рукопись, начатая по приказу олонецкаго намѣстническаго правленія, въ 1787 году, и продолжонная до 30-хъ годовъ нынѣшнаго столѣтія. Она называется такъ: «Исторія о новоучрежденномъ городѣ Кеми, состоящемъ Олонецкой губерніи, въ Петрозаводскомъ вѣдѣніи, при предѣлахъ Бѣлаго моря, Сѣвернаго окіяна, на рѣкѣ Кеми». *Исторія* эта начинается такъ: «Отъ сотворенія міра въ лѣто 7084 (1579) и 7098 (1590) оная Кемская волость отъ шведовъ дважды была воюема. Храмы Божіи и обывательскіе домы выжжены, жители побиты, иные въ полонъ взяты, а другіе разбѣжались. По населеніи, лѣта 7099, іюня, по грамотѣ царя и великаго князя Θеодора Іоанновича, Кемская волость отдана Соловецкаго монастыря игумену Іакову съ братіею. Того жъ лѣта, августа 2 дня, по таковой же царя и великаго князя грамотѣ, велѣно ему, игумену, съ братіею хрестьянъ судомъ и расправою вѣдать Соловецкаго монастыря властямъ, или кому онѣ прикажутъ». Этимъ и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о первоначальномъ заселеніи города; тоже самое подтверждаетъ и соловецкой лѣтописецъ. Въ XV вѣкѣ, по свидѣтельству его, Кемь называлась уже волостью и принадлежала именитой посадницѣ Марѳѣ Борецкой. Марѳа, въ 1450 году, подарила эту волость, вмѣстѣ съ другими, Соловецкому монастырю. Послѣ паденія новгородскаго вѣча, Кемь сдѣлалась государевою собственностію и была ею до царя Θеодора. Больше соловецкой лѣтописецъ уже не говоритъ ничего, хотя, по всему вѣроятію, можно предположить, что и Кемь, какъ и посадъ Сума, первоначально населена была кореляками, и Кемь была такая бѣдная корельская деревушка, какъ и финская Suoma—Сума. Въ Ке-

ми, до сихъ еще поръ, хранятся на языкѣ туземцовъ старинныя корельскія названія частей города, хотя корелы русскимъ новгородскимъ населеніемъ и отодвинуты вверхъ по р. Кеми на 18 верстъ (до деревни Подужемья). Слобода, расположенная на сѣверномъ берегу рѣки, до настоящаго времени зовется *мандера* (по корельски твердая, матерая земля); городской погостъ называется *гайжа*; часть города на южномъ берегу—*корга*. Гайжу можно назвать главною частію города, потому-что здѣсь находится соборная церковь, казенныя и общественныя зданія. Это большой островъ, образованный двумя рукавами рѣки. Противъ этого острова (къ востоку) находится другой меньшой величины, называемой Леп-островъ, отдѣленный небольшимъ проливцемъ Пудасъ. Здѣсь находится деревянная церковь и полуразрушенная, догнивающая свой долгій вѣкъ, деревянная башня—одинъ изъ остатковъ нѣкогда бывшаго здѣсь острога. Острогъ этотъ, какъ пишетъ соловецкой лѣтописецъ, построенъ въ 7165 г. (1657) по грамотѣ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (для караула воинскихъ людей) на счотъ монастырскихъ суммъ. Острогъ этотъ былъ двухъ-этажный, назывался городкомъ, имѣлъ по угламъ башни и два ряда бойницы, 12 желѣзныхъ пушекъ, 14 пищалей затинныхъ, 63 мушкета, 30 бердышевъ, 118 копій, 9 роговъ, 2 знамени, 3 барабана, 1 алебарду, 3 значка, 90 ядеръ, свинцу 9 пудовъ 27 фунт. и двѣ бочки пороху. Построенный исключительно для защиты отъ набѣговъ «нѣмецкихъ людей», острогъ, однако, не успѣлъ исполнить своего назначенія: нѣмцы не приходили. Городокъ спокойно догнивалъ свой вѣкъ до указа Екатерины II, когда Кемь отведена была отъ монастыря. Боевые снаряды остались, однако, за нимъ. До того времени, въ Кеми, на особомъ подворьѣ, до сихъ поръ еще сохранившемъ всю оригинальность своей архитектуры, жили соловецкіе старцы, сбирая на монастырь волостные доходы *съ рыбныхъ ловищъ и кречатьихъ садбищъ*. Дворъ этотъ, по примѣру другихъ и по царскимъ указамъ, былъ *обѣленъ*, т. е. освобожденъ отъ всѣхъ тѣхъ поборовъ, какими обложены были всѣ другіе обывательскіе дома. Когда состоялись духовные штаты, подворье продолжало оставаться въ вѣдѣніи монастыря до 1808 г.; тогда оно продано было тамошнему купцу Дружинину.

«Въ 1714 и 1715 годахъ, по указамъ его царскаго величества Петра Алексѣевича—продолжаетъ вышеупомянутая *исто-*

рія—для укомплектованія морскаго флота, набирано въ матросы поголовно людей годныхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ, господиномъ лубенахтомъ и кавалеромъ Синявинымъ, да лейбъ-гвардіи капитанъ-лейтенантомъ Румянцовымъ (отцомъ задунайскаго героя). Изъ Кемскаго города взято съ полнымъ мундиромъ 44 человѣка, которыхъ указомъ его величества велѣно въ предбудущіе наборы съ прочими губерніями уравнить зачотами; оставшихся же отъ взятыхъ въ матросы сиротъ, престарѣлыхъ родителей, жонъ и малолѣтнихъ дѣтей воспитывать того городка обществомъ». Наборъ этотъ — *Синявшына* — до сихъ еще поръ памятенъ народу, до сихъ еще поръ живетъ въ памяти ихъ, какъ дальныя муки и разбои каянскихъ нѣмцовъ и литовскихъ людей; выбраны были лучшіе люди; волости замѣтно упадали, не имѣя уже крѣпкихъ, здоровыхъ рукъ для промысла; Синявинъ до сихъ еще поръ для помора — второй Мамай, второй Биронъ. Еще далеко до него, въ 1702 г., Кемь отпускала работныхъ людей для проложенія дороги отъ села Нюхчи на Повѣнецъ, по которой Петръ велъ сухимъ путемъ свои яхты.

«Въ 1749 и 1763 г. бывшими великими вёшными наводненіями въ проходѣ Кеми рѣки вешнаго льда у городка, съ лѣтней и съ западной стороны, стѣны льдомъ и водою сломало и унесло въ море, также и обывательскихъ домовъ и анбаровъ, по низкимъ мѣстамъ состоящимъ, много сломало и унесло. Въ 1764 году, по указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексіевны, оной Кемской городъ изъ вотчины Соловецкаго монастыря подъ вѣдомство государственной коллегіи экономіи присланнымъ отъ архангелогородской губернской канцеляріи поручикомъ Матвѣемъ Какушкинымъ отведенъ и управляемъ былъ, какъ прочія духовныя вотчины, архангелогородскими экономическими казначеями. 1785 года, мая въ 16 день, по имянному государыни императрицы Екатерины II указу, данному правящему должность олонецкаго и архангельскаго генералъ-губернатора, господину генералъ-поручику Тутолмину, велѣно предѣлы Олонецкаго намѣстничества распространить до Бѣлаго моря и Кемской городокъ переименовать городомъ; а того же 1785 г., августа 22 дня, прибывшимъ нарочно его превосходительствомъ, господиномъ статскимъ совѣтникомъ, олонецкимъ губернаторомъ, Гаврилою Романовичемъ Державинымъ, съ церковною надлежащею церемоніею, открытъ».

Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя «Исторіею», состоятъ въ томъ, что въ 1787 г. въ городѣ открыты были присутственныя мѣста; въ 1796 г. освящена церковь во имя Живоначальныя Троицы (кладбищенская); 1802 г. городъ присоединенъ къ Архангельской губерніи; въ 1811 позволено жителямъ вывезти 2,000 четвертей хлѣба въ Норвегію для вымѣна на рыбу и привозить послѣднюю въ Россію безпошлинно; 1820 г. разрѣшено взимать за употребляемой на суда лѣсъ (для рыбныхъ промысловъ) попенныя деньги (а не футовыя) и дозволено снова увезти въ Норвегію 6,000 четвертей муки и вымѣнять ее на рыбу. Въ 1822 г. открыты уѣздное училище и больница; въ 1825 г. закрыты городовой магистратъ и градская дума; оставлена одна ратуша. Того же года пожаръ испепелилъ 72 обывательскихъ дома, гостиный дворъ и часовню, изъ которой крестъ вынесенъ въ соборную церковь за правый клиросъ. Въ пособіе обывателямъ правительство выдало 20,000 деревъ безъ платежа попенныхъ денегъ и 10,000 руб. асс. заимообразно безъ процентовъ на 10 лѣтъ. Въ 1826 году, отъ сильныхъ жаровъ и сухихъ погодъ, распространились на городскомъ выгонѣ пожары, такъ что пламя было близко города, особенно къ кладбищенской церкви; дождь, начавшійся съ 15 августа, потушилъ пожары; потеря оказалась только въ травѣ и сѣнѣ, хотя, въ тоже время, и значительная.

Соборная церковь города, съ главнымъ храмомъ во имя Успенія и придѣлами: Зосимы и Савватія (лѣвымъ) и Николая Чудотворца (правымъ), построена въ 1714 году. Поразительная по своей ветхости, церковь эта имѣетъ расположеніе въ формѣ креста, края котораго образуются главнымъ храмомъ, придѣлами и папертью. Въ окнахъ ея до сихъ еще поръ видится слюда. Въ самой церкви замѣчательны два креста съ вырѣзными изображеніями молитвъ, а на одномъ изъ нихъ — съ рѣзнымъ изображеніемъ Спасителя и вида св. града Іерусалима внизу. Нѣкоторые относятъ работу этихъ крестовъ ко временамъ Мареы посадницы, при которой будто бы поставлены и другіе три креста бывшаго соловецкаго подворья, невдалекѣ отъ соборнаго храма. Сходная архитектурой церковь на Лѣпостровѣ, во имя Іоанна Предтечи, построена въ 1782 году. Кладбищенская, въ мой проѣздъ, обводилась заборомъ; но всѣ три церкви находятся въ запущонномъ, полуразрушонномъ со-

стоянiи, съ ветхими ставнями у оконъ, обращонныхъ къ сѣверной сторонѣ, съ плесенью по крышамъ, съ жолтизной по всѣмъ стѣнамъ. Причина тому, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что большая часть жителей города держится раскола.

Въ Кеми существовало когда-то шкиперское училище, къ несчастiю, въ настоящее время закрытое. До сихъ еще поръ съ особеннымъ удовольствiемъ вспоминаютъ толковые и грамотные отцы семействъ объ этомъ благодѣтельномъ учрежденiи. До сихъ еще поръ лучшими мореходами считаются тѣ изъ поморовъ, которые слушали курсы; до сихъ еще поръ кемляне и сумляне не теряютъ надежды имѣть снова у себя это училище, и до сихъ еще поръ готовы обнадеживать возможность существованiя его, даже и при существованiи такихъ курсовъ въ Архангельскѣ. Кажется, только этими прямыми мѣрами можно искоренить упорное невѣжество, неразумiе и закоснѣлость поморскихъ мореплавателей; кажется, только прямо и положительно этимъ можно достичь вожделеннаго результата—уничтоженiя безобразныхъ, неудобныхъ, вредныхъ судовъ, строющихся большею частiю на собственную и чужую гибель на волнахъ не всегда гостепрiимнаго Бѣлаго моря. Но, и объ этомъ въ своемъ мѣстѣ...

«Это (шхиперское) училище—говоритъ г. Рейнеке въ одномъ мѣстѣ своего «Гидрографическаго описанiя сѣвернаго берега Россiи — учрежденiемъ своимъ (въ 1842 г.) обязано министру финансовъ, графу Канкрину. Оно доступно всѣмъ поморцамъ отъ 15 и до 20 лѣтъ, знающимъ грамоту; преимущественно же принимаются тѣ, которые обучались въ уѣздномъ или приходскомъ училищахъ и, слѣдовательно, знаютъ начала ариѳметики. Первые два года ученики содержались собственнымъ иждивенiемъ и ходили въ классъ только для слушанiя уроковъ; впослѣдствiе, для облегченiя бѣдныхъ крестьянъ сосѣдственныхъ деревень, правительство приняло на себя и полное содержанiе учениковъ, въ числѣ до 20 человѣкъ». Они жили въ особенномъ домѣ, получали отъ казны пищу и одежду. Предметами курса были: законъ Божiй, ариѳметика, геометрiя, навигацiя и астрономiя (безъ теоретическихъ подробностей), практическiя правила кораблестроенiя и кораблевожденiя, гражданскiе законы по отношенiю ихъ къ торговому мореплаванiю. Приморская географiя и съемка береговъ преподавались практически въ

формѣ бесѣдъ. Курсъ наукъ продолжался два года; ученье начиналось 1 октября, кончалось 1 мая; на него употреблялось ежедневно по четыре часа. Лѣтомъ ученики ходили въ море на собственной шкунѣ; другіе отпускались для домашнихъ работъ. Кончившіе курсъ получали аттестаты (но безъ всякихъ условныхъ преимуществъ) и возвращались въ свое первобытное сословіе, чтобы *улучшить мореходство, промыслы и торговлю своихъ семействъ*. Нѣкоторые изъ учениковъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ торговаго мореплаванія умѣли выдержать экзаменъ на званіе коммерческаго шхипера; нѣкоторые ходили на русскихъ коммерческихъ судахъ матросами; *нѣкоторые поступили на службу на иностранные корабли*...

Гербъ города изображаетъ щитъ, въ верхней части котораго находится губернскій гербъ, а въ нижной, въ голубомъ полѣ, *вѣнокъ изъ жемчуга*. Это послѣднее обстоятельство не маловажно и не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. И до сихъ еще поръ въ порожистой, быстрой и мѣстами чрезвычайно мелкой рѣкѣ Кеми попадаются жемчужныя раковины, хотя ловъ ихъ и не составляетъ исключительнаго занятія всѣхъ жителей, но даже и одного какого нибудь семейства. Жемчугъ этотъ ловятъ отъ бездѣлья досужіе люди и не всегда для продажи, потому-что здѣшной жемчугъ невысокой доброты и попадается въ рѣкѣ въ незначительномъ количествѣ. Иногда цѣлой день терпѣливые люди роются въ водѣ и достаютъ много горсть, чаще три-четыре зернышка. Ловля эта обыкновенно производится слѣдующимъ простымъ способомъ. Искатели садятся на бревенчатой плотъ небольшой, съ отверстіемъ въ серединѣ, заставленнымъ трубой. Бо́льшая часть трубы этой находится въ водѣ; одинъ, по берегу, тянетъ плотикъ; другой смотритъ черезъ трубу въ воду. Замѣтивъ подлѣ камня раковину, имѣющую сходство съ жемчужною (обыкновенно, при ясной солнечной погодѣ, когда животное открываетъ раковину), наблюдатель опускаетъ черезъ трубу длинный шестъ съ щипчиками или крючкомъ на одномъ концѣ его. Раковина смыкается и тогда ее удобно бываетъ принять на щипчики. Разломивши раковину, счастливецъ, нашедшій зернышко, обязанъ немедленно положить его за щеку для той цѣли, чтобы это зернышко—отложеніе болѣзненнаго процесса улитки (какъ объясняютъ обыкновенно зарожденіе жемчуга) — черезъ прикосновеніе со

слюною, дѣлалось изъ мягкаго постепенно твердымъ, до состоянія настоящаго жемчуга (обыкновенно черезъ 6 часовъ, какъ замѣчаютъ). Точно также (замѣчаютъ поморы) жемчугъ ведется во всѣхъ тѣхъ рѣкахъ, куда любитъ въ избыткѣ заходить семга, и что между этой породою рыбъ и слизняковъ существуетъ какая-то темная, загадочная, трудно-объяснимая симпатія. Также точно ловится жемчугъ и въ другихъ поморскихъ рѣкахъ и кромѣ Кеми, какъ, напримѣръ, въ Жемчужной губѣ, около Княжой губы, около Колы. Но и кемляне, какъ и всѣ остальные поморы, не даютъ для этой отрасли промысловъ особенной доли своего участія и вниманія, кладя всю свою жизнь, находя всю цѣль своего существованія исключительно въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, въ судостроеніи и торговлѣ.

2. БѢЛОМОРСКІЯ СУДА.

Городъ Кемь внѣшномъ видомъ своимъ столько же похожъ на всякое другое бѣломорское селеніе, обусловленное простымъ значеніемъ деревни или села, сколько, въ то же время, не похожъ ни на одинъ изъ другихъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Начиная съ того, что въ городѣ этомъ встрѣчаетъ всякаго пріѣзжаго невыносимый, докучливый шумъ рѣчныхъ пороговъ, какъ и всюду по берегамъ Бѣлаго моря. Кемь, въ свою очередь, поставлена въ такое же исключительное и незавидное положеніе, чтобы разбросаться въ поразительномъ безпорядкѣ по гранитнымъ скаламъ, которыя въ пяти-шести мѣстахъ слились въ сплошныя груды, какъ будто горы. Цѣпляясь на уступахъ этихъ гранитныхъ горъ неправильною линіею безъ симметріи и увлекающаго вида, идутъ одни за другими, одни надъ другими зеленые, жолтые, сѣрые домики и дома этого города. Незначительная часть ихъ, полукругомъ, какъ-будто въ нѣкоторомъ порядкѣ, какъ бы подобіемъ набережной красиваго приморскаго города (особенно при видѣ издали, при въѣздѣ въ городъ съ моря), обогнули широкой, круглой ковшъ рѣки, гдѣ она слилась двумя своими рукавами. Съ одного изъ этихъ рукавовъ съ шумомъ и брызгами несется по крупнымъ камнямъ огромная масса воды, трудно побѣдимая силою веселъ, силою человѣка и силою паруса, крѣпко надутаго сильнымъ и кру-

тымъ вѣтромъ. Тамъ, гдѣ масса воды этой не кипитъ уже котломъ, а зіяетъ огромной пучиной, выбитой временемъ и силою воды, какъ бы въ упоръ стремленію водопада, выплываетъ невысокая гранитная скала со старинною церковью, съ болѣе древнею башнею уже разрушоннаго или рухнувшаго отъ времени *острога*, *городка*. Продолжая замѣчательно спокойное теченіе свое дальше, рѣка обрамляется тѣми же безпривѣтными гранитными скалами, по которымъ тянется изгородь, вѣшала съ сѣтями направо и разсыпался такой же безпорядочный рядъ строеній налѣво, всторону города. Въ дальномъ концѣ своемъ, до котораго видно такое множество угловъ, трубъ и кровель, рядъ домовъ этихъ, названный корельскимъ именемъ *мандеры*, замыкается деревянной кладбищенской церковью съ крестами и тѣми же гранитными камнями и плитами кругомъ. И точно на такихъ же неправильно-очерченныхъ, неправильно - разметанныхъ кругомъ камняхъ и плитахъ выстроилась соборная церковь, встала отдѣльно отъ нея соборная колокольня, неизбѣжно каменное казначейство, еще нѣсколько домовъ, пожалуй, относительно, и красивыхъ, не похожихъ на дома деревенскіе или сельскіе, но ни огородца подлѣ, ни кусточка зелени, кромѣ зелени ивняка, да дальнаго сосноваго бора, ни лошади подлѣ или даже гдѣ-нибудь и вдали. Если въ Онегѣ есть еще хоть одна улица, по которой можно ѣздить, то по Кеми окончательно по лѣтамъ ѣздить невозможно. Два утлыхъ, наскоро плетенныхъ моста, перекинутыхъ черезъ узкіе рукава рѣки, служатъ только для прохода пѣшеходовъ, заблудившейся или, по обыкновенію, оставленной безъ призора бодливой коровы, всегда огромной, всегда жолтой собаки, которая по зимамъ возитъ воду и воеводу, дрова и его челядинцевъ. Взойдешь на гору, взберешься на колокольню — моря не увидишь, море затянули спопутные взору мысы извилистой, колѣнчатой рѣки, закрыли избы, сосновый перелѣсокъ, недавно построенныя противъ непріятеля батареи, бараки подлѣ. Видишь неровныя, прогнившія крыши домовъ съ кадушками и швабрами въ нихъ на случай пожара; видишь опять прихотливые изгибы рѣки; видишь кемскую жонку всю въ красномъ съ весломъ на плечѣ, идущую къ карбасу; видишь карбасъ, который качается на водѣ подлѣ берега; видишь парусокъ вдали; слышишь опять вой пороговъ или еще болѣе несносный вой своры собакъ, бѣга-

ющихъ по загороднымъ горамъ. Тамъ дальше тускнѣетъ что-то въ туманѣ: можетъ быть, тотъ же боръ, можетъ быть, тѣже сѣровато-красныя массы гранита; а тамъ опять-таки слышишь человѣческіе голоса, какъ-то не гармонирующіе со всею наглазною обстановкою, какъ-будто чужіе здѣсь, хотя подъ ногами и раскинулся широко и много одинъ изъ лучшихъ, самый богатый капиталами городъ Архангельской губерніи. Спустишься внизъ по уступамъ скалъ, имѣющихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видъ и форму рѣшительной лѣстницы, словно рубила ее рука человѣческая, но и тутъ все-таки ничего не встрѣчаешь новаго: слышатся тѣже пороги, видится тотъ же широкій и глубокій ковшъ среди города, среди самой рѣки. По берегу этого ковша навалены грудами, полѣницами, доски и бревна; изъ-за нихъ, по временамъ, вырываются болѣзненный взвизгъ пилы, голоса людей, звонъ топора, плашмя попавшаго на сучокъ. Здѣсь городская, доморощенная верфь и, говорятъ, хотя и маленькая, но чрезвычайно удобная. На этомъ мѣстѣ, съ этого берега, въ этотъ ковшъ рѣки Кеми ежегодно спускаютъ по одному, по два, нерѣдко по три и по четыре крупныхъ морскихъ судна, назначаемыхъ для дальныхъ морскихъ плаваній. Подрядчиками работъ этихъ бываютъ, конечно, богатые капиталисты города, которыхъ такъ въ немъ много; производителями, работниками—корелы изъ деревни Подужемья, расположонной въ 17-ти верстахъ выше города, на той же рѣкѣ Кеми. Вся нехитрая и несложная исторія этого дѣла обыкновенно обряжается и ведется простымъ путемъ. Вотъ какъ про все это разсказываютъ.

Давно уже кемскіе богачи нажили свои капиталы и пустили объ этомъ славу на всю ближную и дальную окольность. Правда, что слава эта на устахъ правдивыхъ людей не всегда добрая и кемскіе капиталы, какъ говорятъ, нажиты не весьма честнымъ путемъ, а потому и наше дѣло сказывать всю сущую правду, какъ она разсказывается. Давно, еще до временъ Петра Великаго, въ глухихъ, непроходимыхъ корельскихъ болотахъ, вблизи большихъ рыбныхъ озеръ, особенно же около самаго большаго изъ нихъ—То́позера, разселились первые раскольники своими скитами. Топозерскій скитъ былъ всѣхъ больше и люднѣе, съ громкими звонами, съ печатными книгами, съ попами, а въ послѣднее время существованія, какъ гово-

рятъ, даже и своимъ архіереемъ. Въ этотъ скитъ бѣжалъ — говорятъ—изъ Сибири и клейменный негодяй, и не одинъ десятокъ разъ прогнанный сквозь строй и сосланный на поселенье солдатъ; бѣжала изъ Сибири всякая сволочь, кто могъ понадѣяться на личную смѣлость и не побояться втораго, всегда болѣе горшаго наказанія. Пробираясь христовымъ именемъ, обнадеженные сердоболъемъ добраго русскаго народа, который давно уже пріучилъ себя видѣть во всякомъ бѣгломъ, если не мученика, то непремѣнно уже страдальца, достойнаго и куска хлѣба, и теплаго пріюта — бѣглые, большею частію, спокойно достигали до корельскихъ болотъ. Здѣсь первый спопутный скитъ приглашалъ ихъ къ себѣ и благословлялъ на вѣчную, спокойную жизнь, обезпеченную дальностью мѣста, непроходною глушью за зыбучими болотами, за высмотрѣнными и зачурованными тропинками. Сюда цѣлое столѣтіе не достигалъ полицейскій надзоръ и корельскіе и выгорецкіе скиты ежегодно населялись цѣлыми десятками бѣглецовъ, *ревнующихъ о древлецерковномъ благочестіи.* Опять-таки цѣлое столѣтіе эти бѣглецы-скитники были предметомъ бдительнаго надзора тѣхъ изъ богатыхъ раскольниковъ, которые заручались умѣньемъ и смѣлостью въ столицахъ. Богачи эти не скупились на милостыню и не десятками, а сотнями и тысячами рублей посылали ее сюда на помощь *гонимой, угнетенной о Христѣ братіи.* Хорошо зная о крайной удаленности архангельскихъ поморскихъ скитовъ, о трудно проходимыхъ путяхъ туда, наконецъ, о крайной скудости средствъ къ жизни, столичные раскольники обыкновенно адресовали свою милостыню на имя тѣхъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые жили въ Кеми, ближе къ почтѣ и ближе къ скитамъ. Коммисіонеры эти, сначала обладавшіе только однимъ секретомъ скоро и вѣрно находить скиты, впослѣдствіи научились другому: не обходить и себя въ дѣлежѣ, конечно, съ большею выгодою и съ большимъ барышомъ. Легко и въ короткое время они успѣли убѣдить скитниковъ, что скорѣе хлѣбъ, мясо и другіе съѣстные припасы, скорѣе одежда и предметы домашняго хозяйства, чѣмъ деньги—неприложимой въ глухихъ и безлюдныхъ мѣстахъ матеріалъ — нужны для ревнующихъ о древлецерковномъ благочестіи и спасеніи души; что, наконецъ, деньги эти, какъ игрушка, какъ забава, важны для нихъ въ небольшомъ числѣ, и то почти для того только, чтобы не си-

дѣть безъ нихъ, не разучиться распознавать одну монету отъ другой. Дѣло это было улажено при помощи тѣхъ же денегъ, которыми покупались хитрые изъ скитниковъ и скитницъ, имѣвшихъ право голоса и силу нравственнаго вліянія на всѣхъ остальныхъ. Кемскіе раскольники-коммисіонеры продолжали попрежному получать изъ обѣихъ столицъ, изъ богатыхъ и торговыхъ городовъ значительныя суммы, закупали все нужное для скитовъ, часть денегъ приберегали для себя, а самую меньшую, самую ничтожную, отсылали въ скиты. Скрытные и хитрые, но вѣрные въ словѣ, по патріархальнымъ, еще неиспорченнымъ понятіямъ о честности, корелы носили, за ничтожную плату, на своихъ крѣпкихъ плечахъ громоздкія тяжести и подъ рубахой на груди довѣренныя имъ скитскія деньги. Съ каждымъ мѣсяцомъ, между тѣмъ, богатѣли кемскіе коммисіонеры и разъ (рѣдко два раза) въ году сами приходили въ скиты, чтобы свести счоты, въ три-дорога поставить цѣну на доставленные предметы, приносили съ собою много водки и вина, чтобы этимъ умирволить начальниковъ и настоятельницъ-*матушекъ*. Съ недѣлю пировали они здѣсь, бражничали и, такимъ образомъ, успѣвали располагать скитянъ снова въ свою пользу на весь будущій и на всѣ другіе слѣдующіе за нимъ годы. Такъ велось дѣло до уничтоженія скитовъ. Значительные капиталы перешли, такимъ образомъ, въ пять-шесть кемскихъ домовъ и способствовали къ тому, что всѣ эти дома повели на основные, нечестные капиталы новыя дѣла, хотя уже и другаго рода. Свыше ста морскихъ судовъ большаго и меньшаго размѣра находятся теперь въ собственности кемскихъ раскольниковъ. Рѣдкой изъ нихъ не строитъ еще по одному каждогодно на мѣсто обветшавшаго, изжившаго свой недолгой вѣкъ. Дѣло это идетъ такимъ побытомъ.

Богачъ-хозяинъ, задумавшій выстроить судно, заручается лѣсомъ, нарубленнымъ по берегамъ и протокамъ рѣки Кеми. Для рангоута и досками на большія суда запасается онъ или на онежскихъ лѣсопильныхъ заводахъ, или привозитъ ихъ на своемъ же суднѣ изъ Архангельска, затѣмъ, что ближной лѣсъ, дряблой и мелкой, негоденъ для судостроенія. Освобожденный указомъ 1820 года отъ платежа *футовыхъ денегъ* и обязанный только при постройкѣ платить единовременно *попенныя деньги*, хозяинъ спѣшитъ заручиться мастеромъ. Для этого, какъ сказано

уже, ходить не далеко въ семнадцати верстахъ выше города, въ деревнѣ Подужьемѣ, живутъ корелы, которые всему архангельскому краю извѣстны какъ лучшіе мастера крупныхъ морскихъ судовъ, неимѣющихъ никакого изъяну. Мастеровъ этихъ возятъ въ самыя отдаленныя мѣста прибрежьевъ; дорожатъ ими и керечане, и варзужане, и мезенцы, и лѣтне-сторонніе, и соловецкіе, и горожане (архангельцы); работа ихъ въ чести и славѣ и у архангельскихъ англичанъ и нѣмцовъ, иногда работающихъ тамъ корабли. Кемскій судохозяинъ никогда уже не обойдетъ ближнаго сосѣда, съ которымъ ежегодно, въ день Спаса Преображенья (6 августа), въ томъ же Подужемьѣ ведетъ онъ хлѣбъ-соль и бесѣду, и разводитъ веселый, длинный праздникъ и столованье. Напротивъ, богатый кемлянинъ в ы беретъ и заговоритъ себѣ мастера лучшаго: къ празднику Спаса мастера бываютъ всѣ дома; заказчикъ, пожалуй, и переждетъ одинъ годъ, а пожалуй и два, если у этого лучшаго мастера есть уже на рукахъ заговоренная работа. Вотъ отчего кемскія суда лучше постройкой, красивѣе глядятъ своею внѣшностію, чѣмъ всѣ другія суда, принадлежащія другимъ деревнямъ и нерѣдко выстроенныя доморощенными, деревенскими мастерами, не подъ-ужемскими корелами. Кемское судно узнается въ морѣ издали, угадывается поморами безошибочно; иной сказываетъ даже при этомъ имя хозяина, а нерѣдко и имя мастера.

— Лодейку задумалъ построить, сказываетъ кемлянинъ въ избѣ мастера, являясь туда съ поклономъ, привѣтомъ и приносомъ заграничнаго крѣпкаго рому или коньяку.

— Сказывали—слышалъ.

— Возмешься ли?

— Для-ча не взяться—могимъ!—отвѣчаетъ мастеръ.

— Да свободенъ ли ты?

— Сказываемъ — слово, такъ стало — не время. Самъ знаешь!

— Какъ тебя не знать, весь свѣтъ тебя знаетъ; весь свѣтъ съ тобой радъ дѣло вести: это передъ тобой, что передъ Спасомъ! Откушай-ко!

Откупоривается бутылка, расходуется вино, идутъ разные сторонніе разговоры, которымъ какъ ни завязываться, какъ ни метаться въ бокъ, да по сторонамъ: съ Мурмана въ городъ, изъ города въ Москву и Питеръ, а сѣсть на одно, опять на той

же задуманной лодейкѣ: въ ней и заказчику барышъ, и мастеру польза и выгода; для того и другаго вожделѣнныя, вѣрныя деньги: одному раньше, другому нѣсколько позже. Начавши другую бутылку, и заказчикъ и мастеръ, подъ веселый шумокъ, говорятъ о цѣнѣ; спорятъ и шумятъ, не обинуясь, не изобижая другъ-друга; ладятъ, какъ умѣютъ и смѣютъ; стягиваютъ, какъ могутъ, накидки и скидки; опять пьютъ и шумятъ, и опять-таки добираются до искомой, исходной середины, на которой и заказчику, и мастеру становится безобидно и неубыточно. Но сойдутся они на этой средней цѣнѣ непремѣнно: не въ первый разъ вершатъ они дѣло; ни заказчикъ не отпуститъ безъ конечнаго отвѣта хорошаго мастера, ни мастеръ не броситъ богатаго, честнаго хозяина. Спорить — вольно, браниться — грѣхъ, говоритъ поговорка. Какъ ни шумѣть, какъ ни выговаривать своего *я* и своихъ барышей—заказчику не пойти изъ избы, мастеру не пустить его изъ дверей на городъ. Такъ во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ сдѣлкахъ между своими и ближными. Теменъ человѣкъ дальный; свой ближной извѣстенъ со всею придурью, со всѣми изгибами простаго, нехитраго сердца.

— Ну, такъ, что ли дѣло наше, по тому идетъ?—спроситъ еще разъ заказчикъ.

— Такъ и не инакъ, потому по самому — отвѣтитъ въ послѣднiй разъ мастеръ.

— Ну, ударимъ по рукамъ, поцѣлуемся и станемъ Богу молиться.

— Ладно, по рукамъ и за Бога—по обычаю.

Сговорившiеся хватаются за полы, обнимаются, молятся на тябло, и кемской и подужемецъ старымъ до-никоновскимъ крестомъ.

— Когда приходить-то? спроситъ послѣднiй уже у дверей избы своей.

— Да когда удосужишься, когда зима станетъ; доски пилеными привезъ, кокоры обтесали инвалидные солдаты на задѣльные дни—все готово. Скорѣе придешь, лучше будетъ.

Подужемецъ не замедлитъ. Сборы его не велики; подмастерье его свой человѣкъ, правая рука, отъ него не отходитъ и часто живетъ съ нимъ въ той же избѣ, если не рядомъ. Съ родной семьей корелу не привыкать разставаться, да и дѣло не дальное; слезныхъ прощанiй, стало-быть, не бываетъ, какъ

не бываетъ ихъ у космополита-подужемца тогда, когда бредетъ онъ съ котомкой за плечами и на дальныя судовыя работы.

Сидитъ кемскій хозяинъ рано по утру въ своей свѣтлой, поразительно-чистой избѣ, за крашенымъ столомъ, накрытымъ чистымъ рядномъ—скатерёткой. Передъ нимъ на столѣ лежитъ толстая книга, въ кожаномъ переплетѣ, временъ Михаила Ѳедоровича, раскрытою. Онъ только-что *перекрестилъ очи* и, *положивъ начала*, сѣлъ *попитаться отъ словеснаго млека и умственнаго кладезя*, чтобы потомъ напиться кантонскаго, контрабанднаго чаю изъ *немѣршоной чашки* своей, купленной имъ за моремъ, въ Норвегіи. Чѣмъ-то мудрымъ, внушающимъ уваженіе, если не страхъ, глядитъ его чистое лицо, опушонное большой сѣдой бородой и такими же волосами на лбу, подстриженными, по старому обычаю, въ скобку; смѣло и сурово глядятъ его умные, бойкіе глаза изъ-подъ мѣдныхъ очковъ — клешней, захватывающихъ его носъ до страдательнаго вида и состоянія. Онъ вслухъ, для себя, гнусливо читаетъ житіе святаго настоящаго дня и, можетъ быть, прочтетъ это житіе до конечнаго аминя; но въ двери стучатся съ молитвой: «Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Слышится въ молитвѣ этой женскій голосъ одного изъ домочадцовъ; старикъ *отдаетъ аминь*; входитъ жена, а за нею мастеръ-подужемецъ, на другой же день по совершеніи сдѣлки и подряда.

— Ну, вотъ и свѣтъ въ очи, а только-что объ тебѣ думалъ, да и попризабылся было! Ладно же — прошу покорно со мною чаю кушать. Неси, дѣвка, рому завѣтнаго, стряпай, дѣвка, обѣдъ праздничной. На этотъ день распоясаться хочу — запой сдѣлать, коли со старости лѣтъ выдержу это, да не крякну! Гости пока, почестной гость; на завтра ужъ и думу будемъ думать и объ дѣлѣ смѣкать; а сегодня въ молитвословѣ показано разрѣшеніе вина и елея. Такъ и станется!

На другой день, рано утромъ, и хозяинъ, и мастеръ уже на мѣстѣ работы и именно тамъ, гдѣ рѣка Кемь, сливаясь двумя своими рукавами, образовала широкій ковшъ. На берегу этого ковша строятъ кемляне суда свои, но преимущественно большаго размѣра лодьи, шкуны, раньшины, боты. Для мелкихъ судовъ отводятся другія мѣста, какъ для карбасовъ, такъ и для лодокъ; но постоянныхъ элинговъ нѣтъ нигдѣ по всему

Поморью. При постройкѣ крупныхъ, какъ и при постройкѣ мелкихъ, пріемы одни и тѣже.

Давно и положительно извѣстно, что лодейные мастера не знаютъ ни чертежей, ни плановъ, и руководствуются при строеніи судовъ только навыкомъ и какимъ-то архитектурнымъ чутьемъ, которое, какъ кажется, надо считать прирожденною особенностію корельскаго народа. Въ тоже время, остальные пріемы при дѣлѣ установлены дѣдовскими и прадѣдовскими обычаями, преданіемъ и нагляднымъ наставленіемъ. Точно-также положительно извѣстно и то, что архитектура бѣломорскихъ судовъ однообразна и точно такая же и теперь, какая была—говоря поморскимъ же выраженіемъ — при царѣ Капылѣ, когда грибы воевали съ опёнками, или, лучше, когда еще правила Поморьемъ Марѳа Посадница. Таковы лодьи, таковы кочмáры, таковы шняки и раньшины. Для всѣхъ этихъ судовъ чертежей и плановъ не существуетъ. Только шкуны, въ послѣднее время введенныя въ употребленіе, начали строить по чертежамъ, аляповато, безтолково, доморощеннымъ способомъ начерченнымъ *). Правда, что теперь лóдьи, имѣвшія прежде всю форму нелѣпаго ящика, поморы стали дѣлать острѣе, но все еще по-прежнему оправдываютъ плоскодонность своихъ судовъ тѣмъ, что на нихъ удобнѣе входить въ мелкія приморскія рѣки и затоплять эти суда на зиму у самой деревни, прямо подъ глазами, или становить ихъ на городки прямо передъ окнами. Но въ тоже время (и отчасти справедливо), и даже тѣ поморы, которые уже начали, вмѣсто лодей, строить шкуны, объясняютъ существованіе на водахъ моря еще довольно значительнаго числа лодей тѣмъ, что построеніе ихъ стоитъ дешевле (рублей на 100 серебромъ), хотя въ тоже время на лодью и требуется, для ея тяжолыхъ, неудобныхъ парусовъ и снастей, рабочихъ больше (по-крайной-мѣрѣ, *пять* человѣкъ), чѣмъ на шкуну (три и даже *два* рабочихъ). Только дѣятельная компанія, обезпеченная капиталами и доточнымъ изученіемъ дѣла, мо-

---

*) Одинъ мастеръ въ Сумѣ начертилъ, на всеобщій смѣхъ и удивленіе, планъ судна сучкомъ на первомъ снѣгу. По этому чертежу сбилъ онъ потомъ лекалы и десять лѣтъ ѣздилъ на своемъ суднѣ и въ Архангельскъ, и въ Норвегію, какъ разсказывали мнѣ тамошніе, нелживые старожилы.

жетъ помочь и въ этомъ важномъ дѣлѣ; немалымъ бы и не безслѣднымъ примѣромъ могъ служить и монастырь Соловецкой. Онъ все-таки продолжаетъ дѣлать лодьи, и не имѣетъ, не говоря уже парохода, но даже и ни одной шкуны, при всѣхъ своихъ богатыхъ, неисчерпаемыхъ средствахъ. Исключительно, какъ кажется, только при этихъ условіяхъ можно будетъ выждать то благодатное время, когда сотрутся съ лица Бѣлаго моря всѣ эти лодьи и шняки, которыя такъ тяжелы для лавированія, которыя иногда, при противномъ крутомъ вѣтрѣ, бѣгутъ на всѣхъ парусахъ назадъ, иногда отъ самой цѣли, до каковой по-часту приводится, что называется, рукой подать. Мы не говоримъ уже о томъ, что неспособная лавировать лодья часто разбивается о корги и подводныя мели, какими такъ богато Бѣлое море, и губитъ ежегодно людей, живущихъ, до-сихъ еще поръ, по старинѣ и по свойству природы, на авось, небось, да какъ нибудь. До-сихъ еще поръ, отъ голословнаго приказанія и личнаго каприза заказчика зависитъ величина и ширина судна, большая или меньшая его плоскодонность. Объ требованіяхъ и условіяхъ науки тутъ нѣтъ и помину.

Точно также и теперь, какъ бывало прежде, мастеръ намѣчаетъ на полу мѣломъ, на пескѣ палкой чертежъ судна и вымѣриваетъ тутъ же его размѣры. Ширину кладетъ вершками пятью или шестью шире трети длины; половина ширины будетъ высота трюма; на жерди намѣчаетъ рубежки (замѣтки) и по этимъ рубежкамъ этою же жердью все время намѣчаетъ шпангоуты, называя ихъ по своему *боранами* (носовымъ и кормовымъ). Отвѣсы или перпендикуляры и на чертежъ кладетъ по глазу, безъ циркуля, и точно также своимъ именемъ *скулъ* называетъ боковыя части перпендикуляра, его прямые углы. Кончивши чертежъ, мастеръ обыкновенно сбиваетъ лекалы, если строится лодья, и считаетъ это дѣло лишнимъ, дорогимъ и для хозяина, если строится шняка или раньшина. Сбивши лекалы, мастеръ приступаетъ прямо и не обинуясь къ работѣ, дѣлаетъ *поддонъ*—основаніе судна, его скелетъ; обшиваетъ его снаружи и внутри досками; ставитъ три мачты, если лодья назначается для дальныхъ морскихъ плаваній, и двѣ, если она назначается для богомольцовъ, идущихъ въ Соловецкой монастырь.

Въ одну зиму, при не слишкомъ усиленной и ускоренной работѣ, лодья бываетъ готова со всѣми своими мелочными по-

дробностями: съ неизбѣжной помпой, съ казёнкой—каютой, съ приказéньемъ—люкомъ, мѣстомъ спуска въ каюту, съ палубой, съ козовами, прикрѣпленными на бушпритѣ, съ двумя печами, если лодья мурманская, и съ одной, если ей суждено ходить только въ Архангельскъ. Судно это имѣетъ длины 40—80 футовъ, ширины 12—25 ф., въ грузу способно сидѣть отъ 6 до 9 футовъ и грузу этого способно поднять, смотря по величинѣ и размѣрамъ, отъ 5 до 12,000 пудовъ. Правда, что большая часть настоящихъ лодей не беретъ уже свыше 3,000 пудовъ, но все-таки строятся еще лодьи и бóльшихъ размѣровъ. Судно это все изъ сосноваго лѣса, крѣплено желѣзомъ (единственныя суда съ такимъ крѣпленіемъ); обшивныя доски его крѣплены въ малыхъ лодьяхъ въ наборѣ, въ большихъ—въ гладь деревянными гвоздями и сшиты мягкими древесными корнями—*вичью*. Перекладины или брусья (бимсъ), на которые настилается палуба, называются *перéшва*; подкладки изъ тонкихъ досокъ, какими выстилаютъ внутри низъ судна, чтобы не подмокъ грузъ, зовутся *подтовáрьемъ*. Лодейныя мачты однодеревныя, бушпритъ короткій; на фокъ и гротъ-мачтахъ по прямому парусу съ реею; на бизань-мачтѣ—косой парусъ съ гикомъ и гафелемъ; прямые паруса держатся на вѣтрѣ во всю свою ширину для одинаковыхъ размѣровъ паруса вверху и внизу распоркою, называемою обыкновенно *чеплинóй*. Сверхъ того, при лодьѣ также употребляется ботъ, называемый пáвозкомъ, и, наконецъ, повсюдная и неизмѣнная бочка для прѣсной воды, называемая *подвóзокъ*. Шпангоутъ лодьи и всѣхъ другихъ судовъ зовется общимъ именемъ—*упругъ*.

Таково въ устройствѣ и подробностяхъ своихъ самое крупное изъ всѣхъ бѣломорскихъ судовъ—*лодья*, которое непремѣнно должно быть готово въ новомъ своемъ видѣ къ спуску до половодья. Сильная разливомъ и нерѣдко заливающая городскія строенія рѣка Кемь въ половодье способна для этого спуска. Самый спускъ ея на воду требуетъ отъ строителей, по исконному прадѣдовскому обычаю, нѣкоторой торжественности, нѣкотораго рода гласности для цѣлаго селенія.

Ледъ вынесло изъ рѣки въ океанъ, рѣка въ полной заливной водѣ, на крайномъ дохѣ, на крайномъ рубежѣ, съ котораго она пойдетъ убывать. Къ тому же, полая вода эта стоитъ на приливѣ—стало-быть, обѣщаетъ благополучный моментъ для

спуска. Моментъ этотъ предусмотрѣнъ и часъ для спуска назначенъ.

Еще съ вечера, наканунѣ дня, назначеннаго для спуска лодьи, мальчишки-подростки обѣгали всѣ дома и деревни и повѣстили хозяевъ приговоромъ:

— Дядя Еремей! дядюшка Пантелей на первую выть (послѣ завтрака) звалъ тебя на лодейкѣ спущаться—пожалуй-ко!

И мальчишка, скороговоркой произнесши эти слова, убѣгалъ изъ избы, и званый охотно приходилъ на другой день раньше часа спуска и видѣлъ широкое, чреватое днище лодьи, во всемъ его неприглядномъ безобразіи, еще на городкахъ, на берегу, но безъ снастей, по обыкновенію, безъ мачтъ. Видѣлась только крыша, казенка, видѣлся только толстый, тяжолый руль и свѣжая, щедро-просмоленная конопатка. Всѣ деревенскіе или городскіе гости, знакомые и благопріятели хозяина, влѣзаютъ на палубу и ждутъ молитвы. Придетъ священникъ съ крестомъ и чтеніемъ молебна—раскольникъ ли хозяинъ или нѣтъ. Прочтется послѣдняя молитва, дрогнетъ сердце хозяина, дрогнетъ и сердце мастера, покойны только сердца привычныхъ гостей—зрителей. Мастеръ съ помощникомъ спускаются внизъ и, съ крестнымъ знаменіемъ, подрубаютъ разомъ съ уханьемъ и вздохами два бревна, поддерживающія корму лодьи. Судно качнется разъ и два и, наклонившись нѣсколько на бокъ, ползетъ по двумъ другимъ бревнамъ, положеннымъ параллельно килю, прямо въ воду. Рявкнетъ свое завѣтное ура весь народъ на палубѣ разъ, другой, третій... и лодья уже на водѣ осѣлась благополучно: не умерѣть въ тотъ годъ хозяину, не потерпѣть большаго несчастія ни ему, ни всѣмъ сосѣдямъ его, спустившимся на новомъ суднѣ на вёшную воду. Хозяина цѣлуютъ, поздравляютъ, кланяются въ поясъ и честятъ лестными приговорами мастера, и во все это время ни хозяева, ни гости не надѣваютъ шапокъ до той поры, пока судостроитель-богачъ не пригласитъ ихъ всѣхъ въ свою избу на почотный пиръ, на пьяное и весело-шумливое угощенье. Несется потомъ неладная пѣсня, безтолковый говоръ; долго затѣмъ во всю ночь бродятъ по улицамъ шатающіяся изъ стороны въ сторону тѣни, которыя или скроются въ воротахъ собственнаго дома или подъ угломъ первой спопутной клѣти, подлѣ перваго попавшагося

бревна, какъ это бываетъ вездѣ, во всѣхъ углахъ широкаго русскаго царства.

«Зимою суда обыкновенно замерзаютъ въ рѣкѣ — говоритъ г. Верещагинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Очерковъ Архангельской губерніи» — но чтобъ весною, при выходѣ льда, ихъ не унесло и не изломало, то ихъ поднимаютъ на городки или костры короткихъ бревенъ, опирающихся на дно рѣки, такъ-что лодьи стоятъ на этихъ городкахъ выше поверхности льда. Для лучшаго равновѣсія ея, протягиваютъ канатъ, котораго одинъ конецъ привязанъ къ вершинѣ гротъ-мачты, а другой закрѣпленъ къ берегу. Для спуска лодьи подкладываютъ подъ киль ея, перпендикулярно, бревна и тянутъ судно, заставляя его сдѣлать прыжокъ съ городковъ въ воду. Совершивъ такой скачокъ, лодья, какъ-будто въ ужасѣ, долго качается съ боку на бокъ и размахиваетъ своими мачтами. Разумѣется, такіе спуски не бываютъ торжественны и на лодьѣ, такимъ-образомъ спускаемой, нѣтъ никого, кромѣ ребятъ — народа въ высшей степени неустрашимаго, которые громкимъ смѣхомъ изъявляютъ свое удовольствіе, когда лодья, совершая свой прыжокъ, зачерпываетъ воду своимъ бортомъ *).

На этихъ лодьяхъ поморы или возятъ купленный въ Архангельскѣ хлѣбъ въ Норвегію, или къ промышленникамъ на Мурманской берегъ, или совершаютъ прибрежныя плаванія на Терской берегъ за семгой, на Корельской за сельдями, на Новую Землю за моржами, на Колгуевъ за птичьимъ пухомъ, въ Онегу за досками, въ тотъ же Архангельскъ съ треской и палтусиной и въ Соловецкой монастырь съ богомольцами. Соловецкія лодьи отличаются отъ другихъ поморскихъ только крестомъ на передней мачтѣ, наименованіемъ, прописаннымъ на кормѣ, и болѣе пестрымъ видомъ, размалеваннымъ разными колерами—но и только!..

Во всѣхъ этихъ плаваніяхъ, поморы ходятъ *по вѣрѣ*, по старымъ примѣтамъ, замѣченнымъ или самими, или переданнымъ отъ отцовъ или бывалыхъ сосѣдей. Большею частью лодьи держатся *бережѣе*, вблизи береговъ, и въ крайномъ случаѣ,

---

*) Годы судовъ у поморовъ выражаются *водами*. Лодья, прожившая три года, называется *лодьею на четвертой водѣ*.

при необходимости пускаться въ голомя—въ глубь моря—руководствуются компасиками — по ихъ *матками* — покупаемыми обыкновенно за четвертакъ, полтинникъ на архангельскомъ рынкѣ. У нѣкоторыхъ хозяевъ, болѣе толковыхъ и смѣтливыхъ, встрѣчаются, на случай порчи одного, два и три запасныхъ; у нѣкоторыхъ ведутся также записныя книжки о времени *перевалов*ъ (поворотахъ курса), о коргахъ и опасныхъ меляхъ, о болѣе удобныхъ и безопасныхъ становищахъ и проч. Но и въ этомъ случаѣ всѣ поморы руководствуются памятью, поразительно-замѣчательною смѣткою и толкомъ, и почти всегда вѣрными примѣтами.

Второе (по величинѣ судна) мѣсто, послѣ лодьи, должно принадлежать *ра́ньшинъ*. Первообразъ этого судна—*шняка́*, по величинѣ нѣсколько меньшая предыдущей. Шняка обыкновенно шьется тѣми же древесными корнями—вичью (по мѣстному названію) изъ широкихъ досокъ, въ наборѣ, длиною отъ 4 до 5 саженъ, шириною немного больше сажени, съ плоскимъ, какъ и лодьи, дномъ, съ острыми носомъ и кормою. Шняка оставляется открытою; на нее ставятъ одну мачту по серединѣ; на мачтѣ употребляется еще до сихъ поръ одинъ *прямой* парусъ. Обыкновенно же шняка ходитъ на веслахъ (шести). Судномъ этимъ управляютъ четыре человѣка: кормщикъ, тягле́цъ, наживочникъ и ве́сельщикъ, т. е. всѣ тѣ рабочіе, которые необходимы для осмотра мурманскаго яруса съ треской и палтусиной. Шняка способна поднять 500 пуд. грузу и, въ это время, сидитъ въ водѣ около $2^1/_2$ футовъ. Внутри ея есть особое мѣсто, полуютъ, полубакъ, называемое *шакши*. Тяжолое, плохо лавирующее судно это, самымъ названіемъ своимъ (Sneke-фелука норвежская) напоминающее времена до-историческія, можетъ быть, даже времена норманновъ, употребляется исключительно почти для мурманскихъ промысловъ. Потому-то шняки и строятся обыкновенно въ Колѣ, гдѣ онѣ и покупаются промышленниками. На зиму шняки оставляются въ становищахъ подъ надзоромъ лопарей *); но рѣдко пускаютъ ихъ въ дальныя плаванія, хотя бы напримѣръ, въ тотъ же Архангельскъ

*) Лопари, вмѣсто шнякъ, на мурманскихъ промыслахъ употребляютъ такъ называемые *тро́йники*, управляемые *тремя* лопарями на шести одно-

съ мурманскими промыслами. Для этой цѣли нерѣдко (къ крайнему сожалѣнію), и притомъ менѣе запасливые, менѣе достаточные хозяева на ту же шняку набиваютъ *нáшвы* (числомъ 3—4—5)—фалшборты, ставятъ еще другую (неопускную же) мачту, не накладываютъ палубы, но надъ серединою судна дѣлаютъ выпуклую крышу. Шняки эти, большія только бортами и, стало быть, способныя поднимать болѣе значительный грузъ, называются *рáньшинами* по той причинѣ, что они привозятъ первые—*ранніе* промыслы въ Архангельскъ (слѣдующіе привозятъ на лодьяхъ). Рáньшины эти по большей части строятся въ тѣхъ же деревняхъ и противъ тѣхъ же оконъ, а не на элингахъ, какъ лодьи, какъ шняки и какъ всѣ другія бѣломорскія суда. Нѣкоторое сходство въ оснасткѣ и въ назначеніи съ тою же раньшиною составляетъ *кочмáръ* —палубное же судно, нѣсколько, впрочемъ, большее, съ двумя же неопускными мачтами и употребляемое также для перевозки рыбы, назначенной въ продажу. Однако, судно это сдѣлалось теперь замѣчательною рѣдкостью, вытѣсненное изъ употребленія, вѣроятно, шкунами. Прежде строились они въ Кѣлежмѣ, Шуѣ, Шижнѣ, и Сорокѣ— деревняхъ поморскаго берега.

Тамъ же, откуда выходятъ въ Поморье лучшіе лодейные мастера, т. е. въ кемской деревушкѣ Подужемьѣ, строятся и самыя употребительныя, самыя важныя для ближныхъ прибрежныхъ плаваній, мелкія бѣломорскія суда — *кáрбасы*. Шьются они точно такимъ же образомъ, какъ шняки, но меньше послѣднихъ (длиною 18—25 футовъ и шириною менѣе $^1/_4$ длины); въ водѣ сидятъ на футъ. На карбасахъ этихъ обыкновенно отъ 4 до 10 одноручныхъ веселъ и два шпринтовные паруса; шпангоутъ карбасный зовется *опругой*. На веслахъ карбасы легки на ходу и, лавируя весьма не дурно, въ тоже время, замѣтно валки; пустозерскіе карбасы, съ прямою кормою, пускаются въ море съ грузомъ, котораго поднимаютъ они до 200 пудовъ. Тотъ же карбасъ, только нѣсколько пошире и покороче описанныхъ, употребляется для промысла тюленей на льду и, въ та-

---

ручныхъ веслахъ. Тройники бываютъ длиною отъ 3 до 4 саженъ и строятся хозяевами обыкновенно около ихъ лѣтнихъ вѣжъ. Шняки стоятъ въ Колѣ отъ 20 до 30 руб. серебр.

комъ случаѣ, принимаетъ новое названіе *весновальнаго* *). Этотъ родъ карбасовъ, какъ уже сказано, приспособляется къ тому, чтобы быть удобно влачимымъ по льду, а для этого вдоль киля придѣлываются два полоза, называемые *креньями*. Такъ дѣлается на Терскомъ берегу; на Мезени же пришивается одинъ крень и по обѣимъ сторонамъ его, на четверть одинъ отъ другаго, по четыре бруска. Впрочемъ, мезенцы Зимняго и Мезенскаго берега весновальные карбасы замѣняютъ особаго устройства лодками-*осинками*. Лодки эти выдалбливаются въ Березинкѣ (вверхъ по р. Мезени), но обшиваются еловыми досками (въ два набоя) уже на мѣстѣ, самими хозяевами промысла. Для того, чтобы не попортилась осина, внутрь лодки кладутъ такъ называемыя *опруги*, обстроганныя палки (пальца въ два толщиной), которыя и прошиваютъ потомъ стяжками. Къ килю придѣланъ одинъ крень и по обѣимъ сторонамъ его по одному бруску; длина осинки $3^1/_2$ саж. и чуть не одна сажень ширины. Такія осинки идутъ на Устинскіе промыслы; на Кеды пускаютъ осинки поменьше: до $2^1/_2$ саженъ длиною и около 2 аршинъ шириною. Такого рода осинки или челноки съ болѣе плоскимъ дномъ и сколоченные изъ досокъ или просто выдолбленные изъ цѣльнаго бревна безъ нашвовъ (фалшбортовъ) называются уже *стружокъ*. Суда эти годятся только на побочныхъ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ; они способны держать только двухъ человѣкъ.

Вотъ такимъ образомъ всѣ, самыя мелкія, видоизмѣненія карбаса. Самые крупные изъ карбасовъ съ каютою на кормѣ и двумя же шпринтовными парусами носятъ названіе *двинскихъ*, но чаще *холмогорскихъ*, хотя, въ то же время, строятся почти исключительно близъ села Емецкаго (вверхъ по Двинѣ, въ 114 верстахъ отъ Холмогоръ); въ селеніяхъ Хаврогорскомъ (за 8 верстъ) и Прилуцкомъ (за 5) дѣлаются по большей части, по

---

*) Соловецкой монастырь строитъ такъ называемые *торосные* карбасы— небольшія лодьи, на которыхъ возятъ почту изъ Кеми къ Соловкамъ. Суда эти названы торосными потому, что они при легкости своей приспособлены къ вытаскиванію на ледяные тороса. Теперь они становятся замѣтною рѣдкостью, по причинѣ той опасности, которая сопровождаетъ всякую перевозку почты зимою по бродячимъ льдамъ между монастыремъ и Кемью.

заказу (рѣдко на волю), и потому называются на мѣстѣ отдѣлки *городскими*. Они, какъ и всѣ крупныя бѣломорскія суда, строятся изъ сосны казенныхъ лѣсовъ, вырубленныхъ по билетамъ, и имѣютъ внутренную обшивку, называемую телгасъ, но безъ палубы. Онъ поднимаетъ отъ 600 до 1,000 пудовъ грузу, состоящаго изъ камня, извести и лѣсу, адресованныхъ въ Архангельскъ. Для отливанія воды на судахъ этихъ становится помпа; таже помпа идетъ и на лодью, и на раньшину. На шнякѣ и на карбасахъ подужемскихъ для той же цѣли употребляютъ ковшъ водоотливной, называемый плица. На шнякахъ, какъ сказано, употребляютъ прямой парусъ; тѣже прямые паруса держатся еще и при карбасахъ, но только уже исключительно на Терскомъ берегу, гдѣ существованіе ихъ объясняютъ большею легкостью обращенія, чѣмъ съ косыми парусами. Зато на всѣхъ остальныхъ берегахъ Бѣлаго моря косые паруса замѣнили безобразные, опасные и тяжолые прямые паруса. Прямой парусъ шняки всегда съ подзоромъ: двумя веревочками внизу и въ серединѣ паруса. Эти веревочки привязываются къ мачтѣ и тогда вѣтеръ держится въ парусѣ и легче и больше. Рифы карбасныхъ парусовъ на языкѣ промышленниковъ превратились въ рефы (подрони парусъ—возьми въ рефы—общее выраженіе). На шнякахъ деревянные упоры для веселъ, сдѣланные изъ большихъ березовыхъ сучьевъ, называются *ключи* (веревки для веселъ—*оключина*); на шнякахъ эти же ключи называются *кочетъе*; точно также, какъ скамейка для сидѣнья гребцовъ (на шнякѣ) зовется *бабка*, и *нáшестью*—также скамейка на карбасѣ; но въ обоихъ судахъ для того, чтобы упираться гребцамъ ногами и облегчать процессъ гребли, придѣлываютъ поперекъ карбаса шестъ, называемый *балка*. Верхній уголъ паруса называется тайка; шестъ, упирающійся въ парусъ для расширенія его, называется буглиннымъ шестомъ; буглинями (булинами) называются веревочки паруса, которыя служатъ къ тому, чтобы при помощи ихъ парусъ не рябилъ и само судно лучше бы шло при крутомъ вѣтрѣ. На карбасахъ, назначаемыхъ для почты и проѣзжающихъ, устраивается родъ кибитки, временнаго навѣса противъ дождя и непогодей и это мѣсто зовется *гуйной*. На раньшинахъ и кочмарахъ существуетъ особое мѣсто, гдѣ кладутся особыя толстыя доски, густо по-

крытыя землею или пескомъ и называемыя *алáжъ*. Тутъ разводятъ огонь и варятъ пищу.

Въ этомъ всѣ особенности самыхъ мелкихъ подробностей бѣломорскихъ судовъ. Чтобы прослѣдить всѣ измѣненія названій и однимъ разомъ кончить описаніе судовъ, встрѣчаемыхъ въ сѣверномъ краю Россіи, начнемъ съ болѣе крупныхъ, хотя они по большей части строятся внѣ губерніи. Таковы: *барки*, *полубарки*, *каюки*, *óбласы*, *завóзни* и другія. Барки и полубарки встрѣчаются лишь на Двинѣ, по которой идутъ онѣ изъ Вологодской губерніи (изъ рѣкъ Юга, Сухоны и Вычегды) съ паклей, льнянымъ сѣменемъ, овсомъ и другою сыпью къ архангельскому порту. Полубарка имѣетъ 8—12 саж. длины, $3^1/_2$—$5^1/_2$ саж. ширины и до $1^1/_2$ саж. глубины по борту. Судно это, безъ палубы, какъ всякое другое грузовое, но съ отлогою крышею на два ската, поднимаетъ до 1,000 пудовъ (печорскія полубарки, или собственно пермскія, несутъ отъ 2 до 3 тысячъ пудовъ). Тамъ же на Печорѣ можно встрѣтить и *каюки* чердынскихъ (пермскихъ) купцовъ*). На той же Двинѣ у того же Архангельска ежегодно и въ значительномъ числѣ можно встрѣчать въ высшей степени оригинальныя плоскодонныя, широкія лодки съ низкими бортами на срединѣ. Суда эти называются завóзнями и на верху обоихъ штевней имѣютъ развалистыя кокорки, которыя образуютъ выемки для завознаго каната; употребляются, стало-быть, для завозовъ при баркахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ становятся каюты и въ такомъ случаѣ эти *завóзни*, ходящія на веслахъ медленно, черепашьимъ ходомъ, привозятъ обыкновенно хозяевъ барокъ къ Архангельску и не отводятся обратно, а продаются на мѣстѣ или для малыхъ пристаней, или идутъ на пdescribed поромы для перевозки, черезъ неширокія рѣки, большихъ и громоздкихъ тяжестей (телѣгъ съ лошадьми и проч.). На той же Двинѣ изрѣдка можно видѣть и *облáсы*, поднимающіе грузу отъ 100 до 150 пудовъ (длиною 4 саж., шириною $^1/_2$ арш.); приходятъ они или изъ р. Вычегды, или изъ р. Пинеги, гдѣ они и строятся, какъ грузовыя суда. Наконецъ, на той же Двинѣ являются *пáузки* (длиною около 8 саженъ, шириною 3 саж., глубиною на саду болѣе сажени; гру-

---

*) См. т. II, «Поѣздка на Печору».

зу несутъ болѣе 1000 пудовъ), *шитики* (небольшія лодьи, поднимающія тоже до тысячи пудовъ грузу) и *поѣздники* (собственно *поѣздные карбаса*), длинныя, низкія и узкія лодки, но не грузовыя, а промысловыя суда, употребляемыя на ловлѣ рѣчной рыбы.

Кромѣ этихъ судовъ *), по Двинѣ ходятъ разнаго вида и наименованія плоты. Таковы: *ведило* или *видило* — плоты изъ тонкихъ бревенъ съ перилами по краямъ, на которыхъ привозятъ къ архангельскому порту смолу; *плитки*—плоты въ одинъ или два ряда бревенъ; на нихъ привозятъ къ Архангельску туже смолу, песокъ, нерѣдко даже хлѣбъ; *гонки*—нѣсколько плотовъ строеваго лѣса, связанныхъ между собою по два или по одному въ рядъ. Для этой цѣли два плота соединяются между собою счалками — еловыми шестами длиною около сажени, толщиною вершка въ два. *Сшйвины* — еловыя жерди (около 3 саженъ длиною, около вершка толщиною) кладутся поверхъ и поперекъ ряда бревенъ и затѣмъ прикрѣпляются вичью къ каждому бревну отдѣльно. Такимъ образомъ эти счалки и сшивины, образуя плотъ, составляютъ гонку.

На всѣхъ этихъ разнаго рода плотахъ и баркахъ употребляется большое весло въ видѣ лопаты, называемое *гребокъ*. Вмѣсто руля на подставкѣ—*дьякъ*—утверждается верхній конецъ *пондсны*, весьма большаго весла — правила, накладываемаго на каждой оконечности барки и паузка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *поносно* называется *пòтесью*: — это огромное еловое весло около 10 саж. длиною, съ весьма широкою лопастью. Также точно и пòтеси кладутся на обоихъ концахъ барокъ съ перевѣсомъ въ воду.

Изъ судовъ съ правильною оснасткою, выстроенныхъ по вѣрнымъ чертежамъ, безопасныхъ въ морѣ и употребленіе которыхъ обусловлено законами науки и примѣромъ Европы, въ Бѣломъ морѣ, кромѣ иностранныхъ кораблей, теперь довольно уже часто видятся *шкуны* и *шлюпы*. Шкуны строятся поморами Кемскаго и Корельскаго береговъ и употребляются исклю-

---

*) На Двинѣ есть еще *двойки*; но это не иное что, какъ двухвесельныя лодки; и *плотницы*, т. е. деревянныя пловучія пристани для гребныхъ судовъ.

чительно для торговли съ Норвегіей; нѣкоторыя и рѣдкія возятъ изъ Архангельска богомольцовъ въ Соловецкой монастырь. Шлюпы попадаются въ рѣдкомъ числѣ и выходятъ опять-таки изъ Кеми и опять-таки употребляются для торговыхъ плаваній въ Архангельскъ и Норвегію. Для тѣхъ же торговыхъ цѣлей на взморьѣ Двины ходятъ *лихтеры* — палубныя, плоскодонныя (по причинѣ замѣчательнаго мелководья бара) суда съ тремя мачтами. Они подвозятъ достальной грузъ изъ Архангельска на купеческіе корабли, но рѣдко пускаются въ самое море. Кромѣ того, существовали въ Двинѣ *гальясы*, но теперь объ нихъ и самый слухъ пропалъ.

Обращаясь снова къ собственно-бѣломорскимъ судамъ, которыя и строятся въ Поморьѣ, и принадлежатъ поморамъ, мы все-таки должны повторить то, что крайняя, выходящая изъ размѣровъ (обусловленныхъ наукою корабельной архитектуры) плоскодонность судовъ поморскихъ зависитъ не столько отъ мелководья поморскихъ рѣкъ, сколько отъ какой-то упорно-закоренѣлой привязанности къ старинѣ, привязанности, которая только и можетъ уничтожиться разумнымъ примѣромъ, если не частной компаніи, то даже и примѣромъ Соловецкаго монастыря. Архангельскіе поморы смѣтливы и, видя лучшее противъ того, что есть у нихъ, принимаютъ новизну легко и скоро. Доказательство тому — болѣе десятка шкунъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и, въ тоже время, закоренѣлымъ раскольникамъ, и наконецъ, общее желаніе всего Поморья завести собственные пароходы, о которыхъ они еще до сихъ поръ имѣютъ только смутныя, безтолковыя понятія, вслѣдствіе кое какихъ случайныхъ обстоятельствъ *).

---

*) Въ мое время (да и прежде) во всемъ архангельскомъ краю существовали только три парохода, изъ которыхъ два небольшихъ: одинъ — онежской лѣсной компаніи, буксируетъ суда—романовки, нагруженныя бревнами и досками, и не ходитъ въ море; другой—купца Бранта, также ограничиваетъ небогатую свою дѣятельность на водахъ рѣки Двины и пересталъ ходить въ море разъ испытавъ несчастіе, по малой величинѣ своей, на плаваніяхъ съ богомольцами въ Соловецкой монастырь. Его заливало морское волненіе; онъ съ трудомъ ладилъ съ крѣпкими морскими вѣтрами. Третій пароходъ принадлежитъ казнѣ—какъ говорятъ тяжолый, неудобный, давней постройки—съ трудомъ правитъ работы при архангельскомъ портѣ и употребляется почти исключительно для буксировки.

Между тѣмъ значеніе этихъ судовъ чрезвычайно важно для всего туземнаго края, и особенно по тому собственно, что заграничная торговля съ годами усиливается, дальныя морскія плаванія становятся насущною потребностью. Мыслію о большемъ развитіи торговыхъ операцій заняты всѣ поморы всѣхъ, безъ исключенія, береговъ въ сильной степени. Самые недостаточные не разъ тянулись изо всѣхъ силъ, чтобы выстроить шкуну и тотчасъ же пустить ее съ товаромъ и за товаромъ въ Норвегію. Торговыя предпріятія, какъ кажется, въ скорое время займутъ первое мѣсто, помимо промысловыхъ предпріятій, вездѣ въ Поморьѣ и не на одномъ только Кемскомъ берегу. Считаемъ не лишнимъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ, на сколько позволили намъ сдѣлать это разсказы туземцовъ и собственная приглядка къ дѣлу. Предпосылаемъ тому краткій очеркъ.

3. БѢЛОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

Выселившись на берегъ Бѣлаго моря исключительно для морскихъ промысловъ, поморы-новгородцы на первыхъ порахъ поставлены были во враждебное положеніе съ сосѣдними норвежцами, записанными въ лѣтописяхъ подъ именемъ *каинскихъ нѣмцевъ*. Но кромѣ взаимныхъ, враждебныхъ столкновеній, иныхъ отношеній между сосѣдями не было: новгородскія дружины плавали на норвежскія берега Сѣвернаго океана и доходили даже до крѣпости Вардэгуза, но съ вооруженною рукою, и, въ свою очередь, получали возмездіе. О мирныхъ торговыхъ отношеніяхъ не могло быть и помину: всякій отстаивалъ свой участокъ земли; всякій старался обусловить свое политическое существованіе, еще довольно шаткое, еще значительно неопредѣленное. Поморы, отданные подъ защиту, покровительство и вѣдѣніе Соловецкаго монастыря, строили остроги, содержали на общественный счотъ, въ острогахъ этихъ, присылаемыхъ изъ Москвы стрѣльцовъ съ пушками, пищалями и пороховымъ зельемъ, мирно занимались рыбными и звѣриными промыслами, сбывая ихъ, и то изрѣдка, въ одинъ Архангельскъ, извѣстный еще тогда подъ именемъ *Порта св. Николая*. Сюда, еще во времена Ивана Грознаго (въ 1553 г.) по ошибкѣ и случайности, зашолъ на корабляхъ Ричардъ Чэнслеръ, названный двин-

скимъ лѣтописцомъ Рыцертомъ, посломъ англянскаго короля Эдварта. Чэнслеръ искалъ прохода въ Индію, но нашолъ ласковый пріемъ при дворѣ Іоанна Грознаго и получилъ позволеніе на торговлю. Въ 1557 году въ Лондонѣ учредилось общество съ цѣлію основанія этой торговли, а въ 1569 году королева Елизавета заключила уже формальный торговый трактатъ. Французскіе и голландскіе корабли не замедлили явиться съ товарами, хотя англичане вскорѣ успѣли овладѣть монополіею двинской торговли и довели дѣло до того, что царь Θеодоръ Іоанновичъ, въ 1584 году, приказалъ заложить близъ устья Двины новой городъ—Архангельскъ, за удаленностью отъ моря города Холмогоръ. Торговля Архангельска усиливалась, городъ увеличивался народонаселеніемъ, число приходящихъ кораблей возрастало, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно усилилась и промышленная дѣятельность всего поморскаго края, который уже не безпокоили нѣмцы. Царь Θеодоръ Іоанновичъ и потомъ Борисъ Годуновъ ослабили монополію англичанъ, дозволивъ приходъ всѣмъ иноземцамъ (съ 1604 г. стали ходить гамбургскіе корабли), а царь Алексѣй Михайловичъ даже вовсе запретилъ англичанамъ торговлю. Монополистами сдѣлались голландцы съ одной стороны и русскіе *гости* московскіе, костромскіе, галицкіе, вологодскіе, ярославскіе и казанскіе—съ другой; поморцы пользовались ничтожными выгодами. Такимъ образомъ шло дѣло до временъ Великаго Петра *). Петръ I, послѣ пер-

---

*) «Изъ Москвы — говоритъ г. Пушкаревъ, авторъ «Описанія Архангельской губерніи»—везли въ Архангельскъ товары зимою до Вологды, откуда, по Сухонѣ и Двинѣ, сплавляли ихъ на судахъ. Въ іюлѣ приходили въ Архангельскъ иностранные корабли и торговля продолжалась до сентября. Это время называли *ярмаркою*. Въ октябрѣ иностранные корабли отходили отъ архангельскаго порта. Главными отвозными товарами были: паюсная икра (доставляемая изъ Астрахани), мѣха и звѣриныя шкуры (отпускалось до 600 сороковъ соболей, до 350,000 бѣлокъ, до 16,000 лисицъ, до 20,000 кошекъ), юфть, пенька, ленъ, холстъ, поташъ, смола, деготь, сало, мыло, щетина, рогожи (до 400,000 штукъ), слюда, рыбій клей, лѣсъ и проч. Стало быть, собственно поморскихъ не было. Иностранные привозные товары были разнообразны, состоя изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ, посуды, мебели, галантерейныхъ вещей, суконъ, бархатовъ, парчей, шолковыхъ тканей, колоніальныхъ произведеній, аптекарскихъ матеріаловъ, экипажей, сахару, лимоновъ, испанскихъ и французскихъ винъ и

вой поѣздки своей въ Архангельскъ, дарованіемъ многихъ льготъ, уменьшеніемъ пошлинъ, повелѣніемъ возить товары на казенныхъ корабляхъ, успѣлъ усилить бѣломорскую торговлю до того, что число ежегодно приходившихъ кораблей возрасло до 150, а сумма пошлинъ до 150,000 р. Но основаніе Петербурга и желаніе усилить значеніе новаго города заставили Петра сначала ограничить ($^2/_3$ товаровъ должны идти въ новую столицу и только $^1/_3$ въ Архангельскъ), а потомъ и совершенно ослабить архангельскую торговлю. Указомъ 1722 года запрещено отпускать русскіе товары за море и позволено привозить въ Архангельскъ только то количество товаровъ, какое необходимо для мѣстнаго потребленія. Уничтожая одною рукою, Петръ Великій, въ тоже время, созидалъ другой. Въ 1703 г. онъ дозволилъ Шафирову и Меншикову учредить компанію для усиленія рыбныхъ, звѣриныхъ и китовыхъ промысловъ по Мурманскому берегу океана и по всѣмъ бѣломорскимъ прибрежьямъ, и для этой цѣли выписывалъ изъ Голландіи мастеровъ. Однако, компанія не оправдала надеждъ великаго царя: дѣла велись неправильно мастерами, недобросовѣстно руководили имъ и ближніе царскіе довѣренные. Петръ, уничтоживъ въ 1721 году компаніи, дозволилъ заводить подобныя частнымъ лицамъ. Дѣло нисколько не поправилось. Первымъ основалъ компанію купецъ Евреиновъ, въ 1722 году, но не имѣлъ успѣха, какъ и иностранецъ Гарцинъ (въ 1723 г.). Царь дозволилъ свободу промысловъ безъ исключительныхъ компаній и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ дѣлѣ кораблестроенія, нашолъ исполнителя въ томъ же умномъ холмогорцѣ Баженинѣ. Баженинъ, въ годъ смерти любившаго его монарха, посылалъ для промысловъ три судна съ голландскими мастерами, но тоже безъ значительнаго успѣха. Точно также пошло дѣло и въ послѣдующія царствованія. При Елисаветѣ промысла подчинялись монополіи графа Шувалова до 1768 г. Въ

проч. Провозъ отъ Москвы до Вологды стоилъ 4 коп. съ пуда, а съ Вологды водою 15 коп. съ пуда. За всѣ привозные товары платилось съ цѣны по 6 процентовъ пошлины. Если иноземецъ везъ ихъ самъ въ Москву, взыскивались еще 10 процентовъ и въ московской таможнѣ особо 6 процентовъ. Съ вывозимыхъ товаровъ, если они мѣнялись на привозные, ничего не взыскивали, но если отпускались безъ вымѣна — брали также 6 процентовъ.

этотъ годъ всѣ монополіи уничтожились. Съ 1803 по 1813 г.— десять лѣтъ — существовала Бѣломорская компанія, которая также не принесла особенной пользы. Естественно, что при такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ и сама торговля поморовъ, помимо архангельской монополіи, не могла существовать самостоятельно, не могла идти впередъ, не могла имѣть что-либо характеристическое, самобытно-русское. И теперь, когда вся торговля архангельскаго порта находится исключительно въ рукахъ монополистовъ-нѣмцовъ и англичанъ, поморы довольствуются незначительнымъ паемъ въ заграничной торговлѣ — паемъ, добытымъ съ бою, на авось, но добытымъ путемъ честнымъ и безупречнымъ. Вся поморская заграничная торговля производится только съ *четырьмя* маленькими норвежскими крѣпостцами: Гаммерфестомъ, Вардэгузомъ, Вадзэ и Тромсеномъ; но и торговля эта большею частію мѣновая; но и та почти вся находится въ рукахъ мѣстныхъ деревенскихъ монополистовъ. Дѣла общины, дѣла артели и обоюдныхъ соглашеній здѣсь нѣтъ; торговлю эту начинаетъ тотъ, у кого есть значительный капиталъ (пожалуй, даже хоть и нажитый отъ столичныхъ раскольниковъ) и есть крупное морское судно, особенно шкуна или гальотъ. Значеніе этой торговли много усиливаетъ Мурманскій берегъ и спопутные берега, на которыхъ производятся сальные промыслы. Кемское судно, обрядившись съ весны, обираетъ на мѣстѣ улова рыбу, сало за полцѣны на томъ же Корельскомъ, на томъ же Терскомъ и Мурманскомъ берегахъ и съ этимъ грузомъ идетъ въ первую попавшуюся на встрѣчу норвежскую крѣпостцу и, конечно, преимущественно въ ту изъ нихъ, въ которой оно уже успѣло завести знакомство и начать дѣла. Здѣсь оно сбываетъ товаръ свой и вымѣниваетъ соль (безпошлинно), шкуры, треску (если попадается сходнѣе мурманской), запасается винами, преимущественно крѣпкими, коньякомъ, ромомъ и ликеромъ (по поморски *литѣрою*), накупаетъ фаянсовыхъ чашекъ и всего, что находитъ дешевле домашняго, и благополучно, умѣючи, проскользаетъ со всею этою контрабандою и неконтрабандою мимо океанскихъ и морскихъ бурь, мимо норвежскихъ и русскихъ таможенныхъ досмотрщиковъ. Такъ ведется дѣло теперь, такъ, говорятъ, велось оно и прежде, со времени основанія этой торговли.

Начало ея должно относить къ 1811 году, когда кемлянамъ,

императорскимъ указомъ, для поправленія бѣдственнаго состоянія города, дозволено вывезть 2,000 четвертей хлѣба въ Норвегію, для вымѣна на рыбу, безпошлинно. Въ 1820 году указъ этотъ повторился; кемляне промѣняли на ту же рыбу 6,000 четвертей также безпошлинно. Вѣроятно, эти сношенія, всегда мирныя и направленныя къ обоюдной пользѣ, послужили къ болѣе частому и близкому сношенію нашихъ поморцовъ съ поморами норвежскими. Окончательно скрѣпились они съ той поры, когда дозволенъ привозъ заграничной соли безпошлинно, въ видѣ поощренія рыбной промышленности. Только, кажется, пока въ этомъ отношеніи и имѣетъ еще нѣкоторое значеніе для поморскаго края Норвегія, не говоря о сильномъ, замѣтномъ при первомъ взглядѣ нравственномъ вліяніи, о которомъ мы должны говорить послѣ.

Точно также *по вѣрѣ* и старымъ примѣтамъ и при тѣхъ же плохихъ компасахъ ходятъ наши поморы и океаномъ въ Норвегію, какъ ходятъ они по своему родному Бѣлому морю. Немного получаютъ тамъ выгодъ, немного привозятъ и свѣденій. Всѣ свѣденія ихъ ограничиваются, при разсказахъ, тѣмъ, что Омарфистъ (Гаммерфестъ) какъ бы и городъ, но хуже Кеми; что въ губѣ его есть мѣдный заводъ, на которомъ работаютъ бѣглые русскіе солдаты; что губа эта до того велика, что въ ней могутъ установиться всѣ бѣломорскія суда, и большія и малыя; что когда океанъ гудётъ—вода въ гавани рябитъ только; что Варгаевъ (Вардэгузъ) — крѣпость: комендантъ живетъ, пушки стоятъ, солдаты видны, что тамъ и сямъ по нашему лавка, по ихнему крамъ; что, наконецъ, города больно плохи, дома деревянные, но на каменномъ фундаментѣ.

— Живутъ норвеги весело—прибавляютъ другіе. Только и дѣла у нихъ, что гостьбу гостить, да пуншты съ хорошимъ своимъ ромомъ пить. До страсти любятъ! Всякой ходитъ со своей трубочкой; всякой, почитай, табакъ куритъ; разговоровъ большихъ не ведутъ, а больше въ молчанку играютъ. Зато ужъ и спать люты, особо купечество: во вторую выть къ иному придешь, по-нашему бы обѣдать пора, а онъ еще въ постелькѣ своей прохлажается, да кофеекъ въ этихъ же постелькахъ, не встаючи, попиваетъ. Хозяюшка ему и кофеекъ-отъ этотъ припасаетъ, она ему и обѣдъ стряпаетъ, а онъ, знай, лежитъ чуть

не по три выти ($^3/_4$ сутокъ); для того и перины на мягкомъ, да тепломъ гагачьемъ пуху дѣлаютъ и гагачьимъ же одѣяльцомъ накрываются. Счастливой народъ! На пути съ землякомъ своимъ, али и съ нашимъ братомъ встрѣчается—шапочки не сниметъ, а привѣтъ свой сказываетъ: «тузи такъ!» (tusend tack). Опять же по праздникамъ гопку (hopska) свою охочи плясать, да не хорошо больно, не весело: словно въ ступу толкутъ, отъ одного мѣста далеко не отходятъ, ровно боятся, чтобъ не занялъ ихъ кто. Не весело, не по нашему! По мнѣ, лучше бы, кабы больше еще спали!..

— Финмана въ городахъ ихнихъ попадаются — дрянь народъ, одни по бочкѣ водки въ день выпиваютъ—зельное пьянство! На ногахъ носятъ упаки съ сѣномъ; народъ мелкой, гнилой; листовой табакъ жуютъ, за пазухой всегда водку держатъ; говорятъ по норвежски, богаты оленями, промыслами никакими не занимаются. Спятъ на березовыхъ вѣникахъ. Любятъ дарить и отдариваться—вотъ только и есть въ нихъ хорошаго!..

— А народъ эти норвеги, разсказывали третьи: — народъ обстоятельной, любятъ на акуратъ, да на честность всякое дѣло. Вотъ пришолъ ты къ нему и сказываешь ему по ихнему:

— Куфманъ! кюфтъ-молъ планка! купи доски, али-бо: кюфтъ фишка — рыбу тоись. Надо ему — онъ тебѣ сейчасъ отвѣтъ даетъ:

— О есть кюфтъ—надо-молъ. А то: кайниге кюфтъ; али-бо: ики-кюфтъ — ступай-де къ другому — не надо. Ну, да ладно, постой! Надо норвегу товаръ твой, покупать хочетъ, «о есть кюфтъ» сказалъ, то сейчасъ замолчитъ немного и опять спроситъ:

— Ватъ прейсъ?—цѣна-де какая? Тутъ хочешь деньги, на деньги сказывай; больше же, правда, на мѣну идетъ: «ватъ вара форъ-юръ» — товаръ на товаръ по нашему: фишку беремъ — треску значитъ, сальтъ—соль, торфишъ—сухую треску, рофишь — сырую, сальтфишъ — соленую, искинвари — мѣха беремъ, решнинвари—лисицъ покупаемъ. Сторгуемся — норвегъ сейчасъ русси принципалъ—хозяинъ значитъ, и рушмановъ — работниковъ по нашему, сейчасъ въ свой крамъ ведетъ — въ лавку. Въ лавкѣ онъ этой всякое угощеніе хорошее даетъ ромомъ, винами, литѣрой. Тутъ ужъ не стоитъ за добро свое; худо, коли ты стрекача дашь. Норвегъ на святое слово твое

вѣритъ, ему и задатку не надо. А коли уговорился ты съ нимъ, да сталъ около другаго куфмана ладиться взять барыша побольше — держись: сейчасъ засудятъ. Прежде головы рубили, теперь перестали, и не вѣшаютъ. Прежде ты съ нимъ на иномъ какомъ языкѣ не говори, опричь ихняго: изловчайся, какъ сможешь. Нонче и они стали простираться на нашъ языкъ; иные такъ и больно же бойко сыплютъ—выучились. Прежде, слышь, изъ дому къ нимъ ѣдешь и окликаютъ они тебя по своему: «куры фра?» — куда-де идешь? — Гамерфештъ-молъ, Тромсенъ, Васенъ да съ тѣмъ и мимо. А нонѣ и шельму пошлютъ и другое какое ни есть слово совсѣмъ наше и совсѣмъ по нашему. Вѣрно такъ!..

Къ этимъ свѣденіямъ о норвежской торговлѣ можно присоединить еще то, что самымъ выгоднымъ продуктомъ для этой торговли въ безлѣсной Норвегіи служатъ доски. За брусочки, стоющіе въ казнѣ въ Онегѣ по 1½ коп. штука, т. е. 1½ руб. сер. сотня, норвежскіе купцы даютъ рублей 20 сер. (конечно, товаромъ больше); за футъ доски даютъ 3 *шкилина*, такъ-что за доску, стоющую въ Онегѣ 10 коп. сер., получаютъ около 2 руб. асс. и всего 1 руб. 60 коп. асс. чистаго барыша, за очисткой переправочныхъ расходовъ. Также хорошо идетъ въ продажѣ щипаная пакля (пудъ ея по 3 руб. асс.), на приготовленіе которой поморы употребляютъ досужее, свободное время самихъ переѣздовъ въ Норвегію *).

---

*) Поморъ, сообщившій мнѣ всѣ эти свѣденія, зналъ больше сотни норвежскихъ словъ и, между прочимъ, счотъ, который онъ понималъ такъ: 1—инъ, 2—ту, 3—фири, 4—фире, 5—фэмъ, 6—сексе, 7—сью, 8—ота, 9—ніе, 10—тіе, 11—ельве, 12—толве, 13—фретинъ, 14—фюртинъ, 15—фэмтинъ, 16—сестинъ, 17—съюстинъ, 18—аттинъ, 19—нэтинъ, 20—тювэ, 21—тювэ-о-инъ, 30—тридеветь, 40—фюртинъ, 50—фемоти, 60—сексати, 70—съюати, 80—атати, 90—ніэти, 100—гундеръ, 1000—тюсинъ. Монеты есть де у нихъ больше бумажныя, золота не встрѣчалъ, серебра (спэсинъ) довольно, хотя-де и своего счота: урта—30 коп. сер., полурта 15 коп. сер., половина спэсина — вальковы. Бумажныя деньги моему давнему ходоку и торговцу въ Норвегіи—честному и толковому кемскому промышленнику, попадались въ глаза въ 2½ руб., въ 5, въ 25 руб., по сравнительной цѣнности съ нашими деньгами, считая эту цѣнность на серебро. Хотя, въ тоже время, и опять-таки торговля производится на мѣну — *вара форъ вара*, говоря выраженіемъ искусившихся въ познаніи норвежскаго языка нашихъ толковыхъ поморовъ.

Все закупленное или вымѣненное, такимъ образомъ, въ Норвегіи торговцы-поморы обыкновенно продаютъ по пути въ становищахъ Мурманскаго берега, преимущественно же вина и соль. Этими обстоятельствами особенно пользуются хозяева покрутовъ. Они обирая по пути первую рыбу, везутъ и продаютъ ее въ Норвегіи, здѣсь закупаютъ соль и вино; соль пускаютъ въ оборотъ на собственное дѣло осола поздней рыбы; виномъ забираютъ въ кабалу своихъ покрутчиковъ на слѣдующіе годы; фарфоровую посуду везутъ для похвальбы и чванства въ деревню.

Между злоупотребленіями, зависящими прямо отъ тѣхъ же поморовъ, торгующихъ съ Норвегіей, сами промышленники ставятъ шалости, не всегда честныя, тѣхъ изъ своей братіи, для которыхъ честность не всегда дорогая, первая и главная доблесть торговца. Разсказываютъ три нерекомендательныхъ случая. Одни поморы, продавая доски англичанину въ Гаммерфестѣ (который-де кстати умѣлъ еще не дурно говорить по русски), къ своимъ доскамъ для пущаго счота, приложили украденныя у того же хозяина его доски, да еще попросили денегъ и угощенія! Двое другихъ поморовъ у этого же англичанина украли пустой анкерокъ и продали ему за свой собственный; украли въ другой разъ и во второй разъ сбыли съ рукъ благополучно; на третій попались: хозяинъ узналъ свой анкерокъ, отдалъ имъ деньги и въ третій разъ и съ простосердечнымъ привѣтомъ: «спасибо-де; хоть мою же штуку, да мнѣ же и продаютъ!» Зато другой поморъ поплатился 400 руб. асс. за то, что пьяный велѣлъ рабочимъ своимъ валить баластъ прямо съ судна въ портъ. Въ добавокъ къ денежному штрафу, виновнаго продержали еще цѣлые сутки подъ арестомъ. Одному норвежцу захотѣлось попробовать хваленаго русскаго квасу, для этой цѣли онъ обратился къ первымъ попавшимся русскимъ промышленникамъ. Тѣ выговорили себѣ два пуда муки, потомъ припросили еще одинъ пудъ послѣ. Изъ этихъ трехъ пудовъ, истративши всего, можетъ-быть, не больше десяти фунтовъ, они сварили два анкерка квасу, который еще вдобавокъ, по всему вѣроятію, и не понравился норвежцу. Поморы, какъ извѣстно, въ домашнемъ хозяйствѣ живутъ за жонами и все-таки пьютъ отвратительный квасъ, да и тотъ весьма рѣдко.

Торговлей съ Норвегіей, помимо дальныхъ мурманскихъ и

новоземельскихъ промысловъ, занимаются кромѣ кемлянъ, и всѣ другіе поморы поморскаго берега Бѣлаго моря; каковы жители селеній Шуи, Сорбки, Сумы и нѣкоторыхъ другихъ.

На томъ же карбасѣ, тѣмъ же путемъ прибрежнаго плаванія (7 верстъ рѣкою Кемью и 30 открытымъ моремъ) достигъ я до перваго за Кемью селенія поморскаго берега — *Шуи*. Немного интереснаго, немного своеобразнаго представляетъ и это село, правда, значительно людное, съ лучшими, болѣе красивыми строеніями, чѣмъ всѣ тѣ, которыя видѣлись на берегахъ Корельскомъ и Терскомъ. Въ Шуѣ встрѣчается уже не одинъ на все селеніе, но нѣсколько богачей-монополистовъ, имѣющихъ, какъ сказывали, можетъ-быть, только на половину меньшіе капиталы противъ богачей кемскихъ. Легче ли отъ этого трудовымъ, рабочимъ и недостаточнымъ шуянамъ—рѣшить не трудно, тѣмъ болѣе, что и богачи села Шуи, по всѣмъ наглазнымъ примѣтамъ, положительно ни въ чемъ не разнятся отъ всѣхъ другихъ достаточныхъ мужиковъ Поморья. Тоже стремленіе къ роскоши, проявляющееся въ фарфоровыхъ чашкахъ, чайникахъ, несмѣтномъ множествѣ картинъ по стѣнамъ, въ нѣсколькихъ стѣнныхъ часахъ разнаго рода и вида, съ кукушками и безъ кукушекъ; таже какая-то крѣпкая самоувѣренность въ личныхъ достоинствахъ и развязность въ движеніяхъ, хотя въ тоже время и своеобразная; та развязность, которая высказывается въ протягиваньи руки первымъ, въ смѣломъ движеніи сѣсть на стулъ безъ приглашенія; однимъ словомъ, та развязность, къ которой пріучены всѣ винные повѣренные и управляющіе или богатые купцы дальной Россіи самими начальниками городовъ и губерній. Богатые поморы, какъ и шуяне, въ этомъ отношеніи, находятся въ переходномъ состояніи, отдаляющемъ ихъ отъ простаго рабочаго крестьянина и приближающемъ нѣсколько къ значенію богатѣющаго купца. Не такъ бѣдно и не такимъ угнетѣніемъ смотритъ бытъ и тѣхъ шуянъ, которые, не нажившп еще собственныхъ капиталовъ, пока всецѣло находятся въ рукахъ богатыхъ сосѣдей. Даже и у бѣдныхъ на первыхъ порахъ можно замѣтить нѣкоторое стремленіе къ роскоши и комфорту; на жонахъ и дочеряхъ ихъ — ситцевые сара-

фаны яркихъ цвѣтовъ, ежедневные; гребцы мои, дѣвки, сверхъ платья надѣвали *нарукавники* (родъ курточки или теплые рукава, сшитые между собою тесемками). Нарукавники эти предохраняли руки отъ простуды въ то время, когда дѣвки-гребцы положили весла, наладили парусъ и отъ бездѣлья принимались или за ѣду, или за сплетни. Стремленіе къ роскоши и какому-то, какъ кажется, даже тщеславію доходитъ здѣсь до того, что туеза (бураки) и лукошки по всему Поморью выкрашены масляными красками съ изображеніемъ различныхъ цвѣтковъ и предметовъ.

Шуйская церковь великомученицы Параскевы существуетъ около 300 лѣтъ и, неподновляемая лѣтъ 50, приходитъ къ конечному разрушенію. Выстроенная въ формѣ осмиконечнаго креста въ довольно значительныхъ размѣрахъ, она можетъ, до извѣстной степени, указывать на давную достаточность жителей Шуерѣцкой волости. Внутри этой церкви находится рѣзное изображеніе мученицы съ вѣнцомъ на головѣ, украшеннымъ жемчугомъ, и крестомъ въ рукѣ съ частицами мощей; изображеніе это, какъ говорятъ, относится къ первому заселенію этого мѣста деревнею. Другая церковь, во имя св. Николая Чудотворца, успѣвшая также значительно обветшать, построена при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1753 года. Во всѣхъ церквахъ этихъ бо̀льшая часть оконъ до сихъ еще поръ слюдяная; на обклейку внутреннихъ стѣнъ ихъ шуйское невѣжество истребило всѣ старинныя бумаги, между которыми, какъ говорили, попадались и свитки, и была одна *смѣшная* (какъ выразился мой разсказчикъ) росписка одного шуянина другому, въ которой заимодавецъ пишетъ должнику, что если онъ не отдастъ ему денегъ къ сроку, то ему будетъ стыдно.

На другой день, рано утромъ, бойкій западный вѣтеръ успѣлъ въ часъ времени разогнать всѣ сбиравшіяся на небѣ темени — облака и, начавши бойко, вскорѣ смолкнулъ, давая, такимъ образомъ, возможность пуститься далѣе. Къ тому же на тотъ часъ начиналась полная вода (послѣднее время прилива). Я отправился. Полная вода дала намъ возможность выбраться въ море черезъ мель, засыпавшую устье рѣки Шуи, по обыкновенію, шумливой и порожистой, и загороженной въ двухъ мѣстахъ семожьими заборами. Бойкій западъ пронесъ насъ между спопутными островами чрезвычайно скоро и еще

болѣе оттого, что вѣтеръ этотъ не распускаетъ въ Бѣломъ морѣ волненія. Только за послѣднимъ наволокомъ и уже въ открытомъ морѣ мы нашли довольно значительной силы взводень, распущонный побережникомъ (NW), смѣнившимъ западъ. Вѣтеръ этотъ былъ намъ попутнымъ; начиналась ночь, которая могла бы отдавать даже теменью въ это время года (были первыя числа августа), но по небу гулялъ мѣсяцъ. Онъ то серебрилъ воду, то, скрываясь за встрѣчнымъ облакомъ, обливалъ бродившія волны мракомъ, густымъ мракомъ, который на этотъ разъ дѣлалъ морской взводень страшнымъ на видъ, способнымъ не на шутку напугать воображеніе.

Ровно двѣнадцать часовъ плыли мы эти 35 верстъ разстоянія, отъ Шуи до слѣдующаго поморскаго селенія, то подъ мрачнымъ обаяніемъ темноты и высокихъ волнъ морскаго взводня, то подъ чарующимъ обаяніемъ луннаго свѣта, серебрившаго хребты волны, бѣлившаго хребты дальнаго береговаго гранита. Надъ нимъ растилался въ непроглядномъ мракѣ темный лѣсъ.

И вотъ, передо мною селеніе Соро́ка, густо-населенное, разбросанное на значительномъ пространствѣ, съ церковью, съ красивыми, выкрытыми тесомъ и покрашенными краской домами, которые могли бы сдѣлать честь даже городу Кеми; селеніе, извѣстное по всему сѣверу красавицами, какихъ дѣйствительно трудно сыскать въ другихъ мѣстахъ русскихъ губерній. Сороцкія дѣвушки и женщины—красавицы почти всѣ безъ исключенія. Еще громче, еще настойчивѣе, еще докучливѣе визжатъ пороги (ихъ здѣсь, вмѣсто одного, уже два); прямо передъ деревнею растилается широкая губа, изъ-за дальнаго берега которой чуть-чуть чернѣютъ дома ближняго (въ 4 или 5 вер.) селенія Шизни и серебрится на лунномъ свѣтѣ крестъ его деревянной церкви. Въ губу эту, мелкую (при отливѣ пройти нельзя)—Сороцкую—заходитъ такое несмѣтное количество сельдей, что, по словамъ туземцовъ, вода густѣетъ, какъ песокъ или каша: шапку кинь на воду — не потонетъ, палку воткни туда—не упадетъ, а только вертится...

4. СЕЛЬДЯНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Арктическіе льды и приполюсныя страны почитаются коренным мѣсторожденіемъ сельдей; здѣсь мечется ими икра, здѣсь

икра эта оплодотворяется и здѣсь же родятся несчетныя миріады существъ сельдянаго рода (Clupea harengus). Подъ вѣчными, стоячими ледяными полями, можетъ-быть также древними, какъ самая вѣчность, выростаетъ на самомъ днѣ, неизмѣримо-глубокомъ и отъ вѣковъ зачурованномъ, все поколѣніе сельдянаго рода, каждый паюсъ икры котораго, по словамъ естествоиспытателей, содержитъ до 10,000 яичекъ и, стало-быть, тоже число отдѣльныхъ существъ. Все это несчотное множество существъ этихъ, въ первые дни по рожденіи, спокойно въ тиши морской пучины, въ сторонѣ отъ лютыхъ враговъ своихъ, выростаетъ въ нѣжную, крупную, бѣлую рыбу и вслѣдъ затѣмъ, слѣдуя неизмѣнному закону природы, весною вся эта масса народившихся сельдей подымается съ океанскаго дна на поверхность и начинаетъ отдѣльными отрядами, семьями, *рунами* совершать свои полярныя переселенія. Переселенія эти совершаются одинъ разъ въ годъ, какъ одинъ разъ въ годъ производится и самое нарожденіе всей сельдяной массы океана; сельди идутъ всегда къ югу, идутъ всегда тѣсными, плотными рунами подъ руководствомъ и предводительствомъ королька. Инстинктъ этого вожатаго ведетъ все стадо въ тѣ мѣста, гдѣ уже, можетъ быть, разъ былъ этотъ королекъ и нашолъ безопасныя и тихія мѣста, которыя такъ дороги и любезны рыбамъ съ перваго момента ихъ рожденія.

«Походъ сей — говоритъ одинъ изъ первыхъ писавшихъ о сельдяхъ (А. И. Ѳоминъ)—представляетъ человѣческому взору огромное, величественное и преузорочное зрѣлище лицами тьмочисленныхъ разнородныхъ животныхъ дѣйствующаго естества. Зрители съ высочайшихъ корабельныхъ мачтъ не могутъ, вооружоннымъ оптическими пособіями окомъ, достигнуть предѣловъ пространства, сребровиднымъ сельдянымъ блескомъ покрытой поверхности моря. Они описываютъ сіе пространство не иначе, какъ пространство десятковъ миль, густотою сельдей наполненное. Сіе стадо во первыхъ окружается и со сторонъ перемѣшивается макрелями, сайдою, пикшуями, трესками, семгами, палтасами и многими другихъ родовъ плотоядными, одна другую тѣснящими и сверхъ поверхности моря обнаруживающимися рыбами. Оная окружная черта рыбъ знатной широты полосу составляетъ. Но къ умноженію пространства смѣшиваются съ нею по окружности звѣри водноземные: нерпы, сѣр-

ка, тюлени, тевяки и прочіе; а сихъ стѣсняютъ звѣри рыбовидные: дельфины, бѣлуги, акулы, финъ-рыба, косатки, кошелоты и другіе изъ родовъ китовыхъ. Оныя огромныя чудовища въ смятеніе приводятся отъ собственныхъ ихъ мучителей, толпами ихъ преслѣдующихъ пильщиковъ, палашниковъ, единороговъ и тому подобныхъ. При таковомъ смятеніи водной стихіи, увеличиваютъ представленіе сего зрѣлища, со стороны атмосферы, тучи морскихъ птицъ, весь сельдяной походъ покрывающихъ. Онъ, плавая по воздуху и на волѣ или ходя по густотѣ сихъ рыбъ, безпрестанно ихъ пожираютъ и, между тѣмъ разногласнымъ своимъ крикомъ провозглашаютъ торжественность сего похода. Сверхъ сего множества видимыхъ въ воздухѣ птицъ, сгущается оный водяными столпами, кои киты изъ отдушинъ своихъ безпрестанно выпрыскиваютъ до знатной высоты, дѣлаютъ сей воздухъ, по причинѣ раздробленія сихъ огромныхъ водометовъ и преломленія въ нихъ солнечныхъ лучей, радужно блестящимъ и дымящимся, а совокупно, отъ усильнаго шипѣнія и обратнаго сихъ водоизверженій на поверхность моря паденія, буйно шумящимъ. Стенаніе китовъ, нестерпимымъ терзаніемъ отъ ихъ мучителей имъ причиняемое, подобное подземному, томному, но весьма слышимому реву, также звуки ударенія хвостовъ о поверхность моря, сими животными отъ остервѣненія производимые, представляютъ сіи шумы странными и воздухъ въ колебаніе приводящими. Сей величественный сельдяной походъ, каковымъ его вообразить возможно, представляетъ, напротивъ того, странный театръ поглощенія, пожренія *) и мученія, на которомъ несмѣтнымъ множествомъ и болѣе всѣхъ сельди истребляются».

Но количество истребляемыхъ въ походѣ сельдей пополняется новыми рунами: сельди продолжаютъ метать икру и во время похода такъ, что все-таки еще несмѣтное количество сельдей укрывается отъ преслѣдованій морскаго звѣря въ тихихъ, мелкихъ губахъ нашего Мурманскаго берега, Канинской и Новой Земли, въ Обской губѣ, по прибрежьямъ сѣверной и запад-

---

*) По свидѣтельству одного норвежскаго писателя, въ желудкѣ выкинутой на берегъ косатки найдено болѣе 600 тресокъ, съ многими птицами и громадою неизгнившихъ еще сельдей. Такой же точно случай недавно повторился и въ нашей Колѣ.

ной части Норвегіи, острововъ Гренландіи, Исландіи, по сѣвернымъ конечностямъ сѣверной Америки, у острововъ Оркадскихъ и около береговъ Великобританіи. Отсюда, направляясь дальше, сельдяныя руны испытываютъ превращенія: проходя Атлантическимъ океаномъ и Гибралтарскимъ проливомъ, онѣ, истомляясь долгимъ и дальнымъ путемъ, изростаются, уменьшаются въ тѣлѣ, измѣняются во вкусѣ. Въ сѣверныхъ заливахъ Средиземнаго моря сельдь уже является въ видѣ *сардинки*, въ Балтійскомъ морѣ въ видѣ *пильчáры*. Такой же точно родъ измелчившейся сельди проходитъ въ Печору (подъ именемъ *зельди*, *сельги* *) и въ рѣкѣ Усѣ дѣлается рѣшительно похожимъ на итальянскую сардинку. Точно тѣмъ же превращеніемъ подвергается и та сельдь, которая проходитъ изъ океана, черезъ Горло, въ наше Бѣлое море; величина рыбы уменьшается до $^1/_3$ относительно полярной гренландской и даже мурманской: бѣлое мясо становится замѣтно красноватымъ. Одинъ родъ бѣломорской сельди крупнѣе, другой нѣсколько мелче и называется *галадья*, третій—значительно уже мельче послѣдней (Cl. sprattus). Тысяча штукъ перваго рода, пойманныхъ вблизи океана, вѣситъ сначала 7 и потомъ постепенно ближе къ зимѣ доходитъ до 5; второй сортъ — галадья (сороцкая) идетъ отъ $2^1|_2$ пудовъ до $1^1/_2$ въ послѣдніе мѣсяцы улова.

Мурманскіе промышленники начинаютъ ловить сельдь въ концѣ іюля и только черезъ мѣсяцъ (въ концѣ августа), а чаще и въ сентябрѣ появляется сельдь въ Бѣломъ морѣ на зимовкѣ и опять-таки подъ предводительствомъ тѣхъ же корольковъ. Несчастный случай погибели королька дѣлается гибелью всего руна: сельди тогда разсыпаются на мелкіе отряды; рѣдко, счастливымъ случаемъ, попадаютъ въ заливы и губы, чаще попадаются на открытые морскимъ вѣтрамъ бере-

*) Печорская зельдь—не настоящая, впрочемъ, сельдь, и хотя посоленная подобится вкусомъ сельди, но далеко уступаетъ въ достоинствѣ. Зельдь эту солятъ въ Пустозерскѣ очищенною отъ внутренностей. Вообще печорскій народъ потрохами рыбьими дорожитъ, потому-что эти внутренности, вываренныя въ кипяткѣ, сверху даютъ отстой жира, замѣняющаго здѣсь масло, которое вообще тамъ рѣдкость. Между-тѣмъ *воикса* эта у печорскихъ жителей, отъ привычки сдѣлалась лакомой и вкусной приправой ко всевозможнымъ родамъ кушаньевъ. Кашу, какъ извѣстно, печорцы по милости чердынскихъ купцовъ ѣдятъ.

га; здѣсь разбиваются они напоромъ волнъ о гранитные камни и выметываются грудамм на прибрежья. Осенью 1777 года былъ такой случай на отмеляхъ Абрамовой-Пахты, въ семи верстахъ отъ города Колы, когда стадо сельдей обсохло въ колѣно вышиною и выкинуто было потомъ на берегъ, такъ-что весною принуждены были, для предотвращенія заразы, сносить ихъ дальше, въ тундру.

Изъ лучшей породы сельдей, собственно полярной, названной нашими *зауреей*, ловится незначительное количество, и притомъ ловъ этотъ не составляетъ особенной, одной изъ главныхъ отраслей промысла. Когда въ Кольскую губу навалило несмѣтное руно, коляне черпали сельдей ведрами; на Мурманскомъ берегу рыбу эту ловятъ для тресковой наживки и частію на уху для дневнаго пропитанія, и то только для того, чтобы сёможья и тресковая съ палтасиной уха (щерба—по туземному) не набила, что называется, оскомины. Тоже самое можно сказать и про Новую Землю, и про печорское устье; а у Канинскаго полуострова ее даже и ловить некому. Сельдь легко здѣсь дѣлается добычею морскаго звѣря, который за то и приходитъ сюда въ замѣтно большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ, исключительный уловъ сельдей производится только въ Бѣломъ морѣ. Дѣломъ этимъ заняты всѣ приморскія селенія, помѣстившіяся вблизи мелкихъ, защищонныхъ отъ морскихъ вѣтровъ губъ. Ловятъ сельдей: Соловецкой монастырь, деревни Кандалакша (крупныя сельди), Ковда (средней величины), Княжая, Кереть, Гридино (самыя крупныя), село Покровское, Онежской губы Сорока и сосѣднія съ нею деревни. Жители Корельскаго берега, или вообще прибрежьевъ Кандалажской губы, для ловли сельди выбираютъ преимущественно лѣтнее время, когда рыба еще способна метать икру, и когда потому бываетъ суха и тоща. Къ осени выловленная рыба засаливается и по первому зимнему пути сбывается въ продажу. Мерзлою рыба идетъ только съ Корельскаго берега, и все по той причинѣ, что у жителей его есть большая возможность сбывать въ селеніи Шунгѣ (Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ.). До 100,000 пудовъ этой рыбы сбываютъ они въ этомъ селеніи и на архангельскомъ рынкѣ. На Терскомъ берегу, за значительнымъ уловомъ семги, къ ловлѣ сельдей не кладутъ ни малѣйшаго старанія, ни малѣйшаго вниманія. Жители онежска-

го села Покровскаго, вылавливая до 15,000 пудовъ, продаютъ ихъ мерзлыми по сосѣднимъ уѣздамъ и деревнямъ, но никогда почти не засаливаютъ ихъ; здѣшнія сельди не уступаютъ въ добротѣ сороцкимъ. Таковы же точно и сельди двинскихъ устій Зимняго и Лѣтняго береговъ; но здѣсь онѣ составляютъ самый меньшій и притомъ самый ничтожный предметъ вниманія, хотя на архангельскій рынокъ зимою нѣсколько сотъ возовъ являются съ мерзлыми сельдями почти исключительно изъ этихъ мѣстъ.

Во всякомъ случаѣ, главными мѣстами улова этой рыбы надо почитать Пòньгаму (селеніе Корельскаго берега), Соловецкой монастырь и деревню Сорóку (главнѣе всѣхъ).

Вылавливаемая въ Пóньгамѣ сельдь самая крупная изъ бѣломорскихъ родовъ этой рыбы и составляетъ одинъ изъ лучшихъ сортовъ ея. На семь пудовъ вѣсу пòньгамской сельди идетъ только тысяча штукъ; въ осень вылавливается ея до 6,000 пудовъ. Отсюда возятъ сельдей мерзлыми на Шунгскую ярмарку (6 декабря, и рѣдко на Благовѣщенскую, 25 марта, по той причинѣ, что часто оттепели захватываютъ возы на дорогѣ, а иногда и на рынкѣ). Коптить ихъ не умѣютъ, солить начали въ послѣднее время, но неудачно, и на архангельскомъ рынкѣ, какъ пòньгамскія, такъ и гридинскія сельди считаются однимъ изъ худшихъ сортовъ. Въ губахъ острововъ Соловецкаго монастыря попадается галядья и вылавливается въ такомъ огромномъ количествѣ, что по лѣтамъ даетъ монастырю возможность кормить ухою и жареными рыбами людное населеніе обители и огромное количество посѣщающихъ ее богомольцовъ. Для этой цѣли каждое утро выметываются невода. Монастырь, въ тоже время, сельдей этихъ засаливаетъ до 5,000 пудовъ, которые и сбываетъ въ Архангельскѣ; другая часть засола остается на монастырское потребленіе. И такъ какъ засолъ этотъ совершается съ большею опрятностію и вниманіемъ, то и соловецкія сельди почитаются самыми лучшими изъ всѣхъ бѣломорскихъ (особенно выловленныя въ Троицкомъ заливѣ Анзерскаго острова). Правда, что рыба эта, при изобиліи корма *) у береговъ острововъ Соловецкихъ, дѣлается жирною и

*) Кемскія сельди, напримѣръ, сухи и, вѣроятно, потому, что тамъ на днѣ моря въ изобиліи наметано такъ называемой *няши* (т. е. илу).

даже свѣтлѣетъ тѣломъ; но въ такомъ случаѣ сороцкія должны быть предпочитаемы имъ, хотя, въ тоже время, засолъ ея отвратительно-дуренъ. Каждая тысяча этихъ сельдей вѣситъ только два пуда, потому сороцкая сельдь—самая мелкая, но зато и самая вкусная; уха изъ нея легко можетъ спорить съ прославленной стерляжьей. Не отличаясь особенною бѣлизною тѣла, рыба здѣшная имѣетъ сладкое и твердое мясо, способное, по примѣтамъ знатоковъ дѣла, держать въ себѣ засолъ долгое время и, стало-быть, не скоро портиться. Но, по несчастію, и отсюда также идетъ рыба болѣе въ мороженомъ и таломъ состояніи и, сравнительно, въ ничтожномъ числѣ осоленною, коптить ее здѣсь также не умѣютъ и здѣшная сельдь (какъ и всего Бѣломорья) коптится не на мѣстахъ добычи, а въ другихъ городахъ, и нерѣдко другихъ губерній.

Преимущественный сбытъ сороцкихъ сельдей — какъ уже и сказано—производится въ мороженомъ ихъ видѣ, и притомъ не на вѣсъ или на счотъ, а возами (двухмѣсячный уловъ, какъ говорятъ, доходитъ отъ 30 до 40 тысячъ возовъ; въ каждомъ возѣ полагаютъ до 15,000 штукъ рыбы). Съ возами этими пріѣзжаютъ сюда въ осеннее время торгаши изъ губерній Олонецкой и даже Вологодской, а нерѣдко и ближайшіе корелы. Часть сбывается на Шунгской ярмаркѣ и все количество сороцкой сельди идетъ большею половиною въ Петербургъ. Сами сорочане въ торговлѣ сельдями участвуютъ рѣдко. Коптятъ сороцкихъ сельдей обыкновенно жители села Кубенскаго (Вологодской губерніи).

Вотъ въ какомъ небреженіи находится этотъ родъ промысла, и вотъ какъ разсказывался мнѣ одинъ случай самовидцемъ событія, сорочаниномъ же:—Къ нашему мужичку корелъ на возу за сельдями пріѣхалъ. Спросилъ: есть ли? Есть-де карбасъ полонъ, съ верхомъ. Стали спорить, торговаться. Поладили. Купилъ корелъ весь карбасъ за одинъ рубль мѣдью.

— Бери же, смотри, все! приговорилъ хозяинъ.

— Ладно, все возьму: тебѣ не оставлю, небось...

Сталъ корелъ складывать рыбу бережненько, хозяинъ стоитъ—пожидается; нѣтъ, нѣтъ да и припугнетъ, кореляка, чтобы поскорѣе дѣло дѣлалъ, не медлилъ: нѣкогда-де. Навалилъ кореляк рыбы полонъ возъ, такъ-что ужъ и класть стало

нѣкуда. А въ карбасѣ лежитъ еще много; стоитъ хозяинъ, сторожитъ, покрикиваетъ:

— Всю бери, мнѣ ненадо!

— Да вишь мнѣ нѣкуда: тебѣ дарю!

— Съ подареньемъ-то твоимъ тебѣ же и подавиться. Куда мнѣ твоя рыба? бери знай. Мнѣ съ ней дѣваться нѣкуда; экой дряни у насъ много; ты бы-де еще, слышь, песку вонъ морскаго подарилъ!...

Сталъ корелъ опять куда ни попало прятать, и попряталъ кое-что, да мало.

— Нѣтъ, говоритъ: — не могу: лучше-де, слышь, тебѣ оставлю!

Взялся нашъ хозяинъ за палку, да за строгость.

— Ты, говоритъ: — купилъ всю — всю и бери, хоть подавися!

Пригрозилъ эдакъ, поругался, самъ сталъ пихать, да уминаетъ боками: смѣялся, стало на смѣхъ кореляку дѣлалъ! Поладили такъ-то: всей рыбы не убралось, однако, отпустилъ кореляка и домой пришолъ, и спать на ночь легъ. На первомъ забытьи слышитъ стучитъ кто-то въ оконцо, зазывается. Высунулъ бороду въ оконцо, смотритъ—корелякъ стоитъ.

— Что братъ, корелушко?

— Лошадка не смогла, пала. Емандую (не знаю), отчего пала.

— Тяжоло стало—возъ нагрузилъ; много рыбы купилъ; не алчбилъ бы больно-то! Ну да ладно, посбросай съ воза-то побольше — бери мою лошаденку. Пошутилъ, вѣдь, я съ тобой. Будетъ время, приведешь лошадку...

Съ тѣмъ и разстались. А корелякъ не привелъ лошадки, да и въ деревню нашу съ той поры и глазу не кажетъ, мошенникъ!

Въ Сороцкую губу изъ-вѣковъ уже является одинъ родъ сельдей—галадья, и при этомъ замѣчаютъ, что ея нѣтъ уже ни въ Троицкой губѣ Соловецкаго монастыря, ни въ Гридинѣ; точно также, какъ анзерскія и гридинскія никогда не мѣшаются съ породами кандалажскими и покровскою. Всякая сельдь, по выходѣ изъ океана, отыскиваетъ и всегда находитъ свое мѣсто, если только не признавать возможности и необходимости превращенія породы отъ болѣе или менѣе дальнаго путешествія и свойства пищи. Сельдяныя руны приходятъ къ Сорокѣ въ бо-

лѣе значительномъ числѣ обыкновенно въ осенніе мѣсяцы, начиная съ сентября и оканчивая серединою ноября, или лучше, тѣмъ временемъ, когда губа покрывается льдомъ. Ловъ этотъ истинный праздникъ: старый и малый въ это время на водѣ (особенно въ первыя недѣли); кипитъ тамъ изумительная дѣятельность: простые саки и сачки пускаютъ въ дѣло, невода едва не рвутся отъ множества рыбы. Крикъ и шумъ, смѣхъ и брань дѣлаютъ изъ этого зрѣлища, какъ говорятъ, рѣшительную ярмарку, съ тѣмъ же гуломъ, съ тою же неуловимою безтолковщиной, затѣянною, повидимому, безъ особенной цѣли видимой, но какъ будто, въ тоже время, и для какого-то важнаго, великаго дѣла. Въ большей части случаевъ и въ другія времена, какъ здѣсь, въ Сорокѣ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ улова этой рыбы, употребляются въ дѣло самые простые снаряды. Ловятъ неводами, ловятъ и мережками, тѣми же самыми мережками, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить прежде при описаніи ловли семги. Въ обыкновенномъ сороцкомъ неводѣ для сельди длина обоихъ крыльевъ (боковъ) отъ 10 до 20 саженъ, ширина $2^1/_2$ сажени, глубина матицы, или нижняго мѣшка, отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ саженъ.

Съ неводомъ этимъ обыкновенно ѣздятъ слѣдующимъ образомъ, какъ въ Сорокѣ, такъ точно и въ Шижнѣ, и въ Сухомъ Наволокѣ, и на Выгъ-островѣ, и повыше деревни Сороки, по р. Выгъ, впадающей около Сороки въ море, извѣстной и богатой раскольничьими скитами. Ѣдутъ два карбаса, нерѣдко лодки съ шестью человѣками (по три на каждой); для обоихъ карбасовъ одинъ большой неводъ. Къ неводу съ обоихъ концовъ привязывается, саженъ въ 50 длиною, довольно гибкая веревка изъ вицы въ мизинецъ толщиною и называемая *ужище*; къ нему привязываются верхняя и нижняя тетивы (веревки) сѣти. Неводъ держится на днѣ нижнимъ концомъ своимъ при помощи камней, зашитыхъ въ бересту и называемыхъ кибасами, на поверхности воды неводъ держится *плутивами*—деревянными тоненькими дощечками съ дирочкой. Глубина невода — хоботъ — высотою бываетъ отъ 3 до 5 саженъ, длиною отъ 90 до 100 саженъ *). Если же глубина моря бу-

*) Неводъ плетется изъ толстыхъ нитокъ, потому что онъ часто служитъ и для семги. На Соловецкихъ островахъ для сельдей плетутся особыя

детъ значительнѣе и между сѣтью и поверхностью воды останется пространство, то обыкновенно *торбаютъ* въ этихъ мѣстахъ веслами, пугаютъ рыбу. Стоящій на носу шестомъ нащупываетъ скопившееся въ одномъ мѣстѣ руно сельдей, а иногда обходится и безъ этого, догадываясь о присутствіи руна по особенному рѣзкому шуму, производимому рыбами въ водѣ. Наплывши такимъ образомъ на стадо, распускаютъ неводъ и оба карбаса, разъѣхавшись въ разныя стороны, растягиваютъ такимъ образомъ сѣть. Одинъ карбасъ беретъ за ужище или *шоранецъ* невода. Когда неводъ распустится окончательно, остальныя свободныя руки бьютъ по водѣ палкой, чтобы загнать рыбу въ неводъ, иначе она все время будетъ *стоять*, т. е. тянуться по направленію, принятому передними рядами. Процессъ этотъ совершается возможно скорѣе, потому что рыба, заслышавши шумъ, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, взадъ и впередъ, *бѣситься.* Затѣмъ оба карбаса опять съѣзжаются вмѣстѣ, вынимаютъ неводъ и черпаютъ рыбу саками прямо въ судно. Рѣдко попадается неводъ полнымъ (особенно на Сухомъ - Наволокѣ и Выгъ - островѣ), но полный нерѣдко даетъ грузу на 12 карбасовъ, а въ каждый помѣщается до 10,000 сельдей. Выловленная такимъ образомъ обществомъ цѣлаго селенія рыба дѣлится обыкновенно на *десять* (хотя въ работѣ только *шесть* человѣкъ); владѣльцамъ карбасовъ идетъ по три пая, работникамъ только по одному.

Мережи и другія сѣти для рыбы, преимущественно по зимамъ, когда ихъ проваривають обычнымъ путемъ (смотри: «Ловъ семги»), обыкновенно опускаютъ въ салмахъ, верстъ за 30 отъ селенія, въ открытомъ морѣ. Снасти бросаютъ въ *стрежъ* (глубину). При этомъ соблюдаютъ нѣкоторыя примѣты, добытыя опытомъ долгихъ и многихъ лѣтъ; такъ сѣти запускаются въ полнолуніе (рыба особенно любитъ идти въ это время) и при морскомъ отливѣ (когда зимній ледъ, опускаясь отъ убыли воды, гонитъ рыбу изъ мелководныхъ мѣстъ въ

сѣти изъ тоненькихъ нитокъ, приносимыхъ обыкновенно въ монастырь богомолками. Неводъ изъ такихъ нитокъ ставится у берега на прикрѣпахъ, а иногда выбрасывается и наѣздомъ съ карбасовъ, какъ и вездѣ по Поморью.

болѣе глубокія). Замѣчаютъ также (и, говорятъ, весьма справедливо), что при послѣдней четверти луны рыба почти вовсе не идетъ въ сѣти, и полагаютъ при этомъ, что она на то время уходитъ въ *завѣтеръ*, т. е. въ ту сторону, откуда скоро долженъ подуть свѣжій морской вѣтеръ. Благопріятными вѣтрами для зимняго хода сельди, какъ и вообще для прихода всѣхъ другихъ породъ бѣломорскихъ рыбъ, считаютъ поморы: западъ (W), лѣтній (S) и шалоникъ (SW); враждебными, производящими бури и прогоняющими рыбу въ голомя считаютъ: встокъ (O), полуношникъ (NO) и побережникъ (NW).

Если прибавить ко всему уже сказанному то, что небрежность соленія *) въ невымытыхъ сельдянкахъ **), протухшихъ, плохо сколоченныхъ, легко выпускающихъ разсолъ вонъ, скуднымъ количествомъ соли (рѣдко ливерпульской и испанской, большею частію собственной, грязной, несоленой поморской), то придется повторять тоже самое, что говорено много разъ всѣми, слѣдившими за этимъ дѣломъ; но въ тоже время придется сказать все о сельдяномъ промыслѣ ***). Говорятъ, уже и для него настало лучшее время; говорятъ, и онъ испытаетъ преобразованія, какъ и все, что творится въ архангельскомъ краю по старымъ, уродливымъ, закоренѣлымъ и закоснѣлымъ понятіямъ и обычаямъ. Голландскія сельди все-таки остаются пока лучшими, но лучшими единственно отъ правильнаго, честнаго засолу; тогда-какъ бѣломорскія сельди въ сыромъ видѣ ничѣмъ не уступаютъ имъ, но даже, какъ говорятъ, и далеко превосходятъ; каковы, напримѣръ, соловецкія, сороцкія и гридинскія.

— Ты, батюшко, коли тебѣ наши сороцкія сельди вкусомъ своимъ хуже архимандричьихъ, соловецкихъ показались, знай: тамъ перво-на-перво съ молитвой засолъ творятъ, а у насъ

---

*) Солятъ разрѣзанными въ предварительно-приготовленномъ соленомъ разсолѣ. Рѣзать стараются живыми. Въ Ковдѣ, за недостаткомъ соли, вся сельдь протухла.

**) Каждая сельдянка заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ пудъ (1 пудъ 10—12 и 15 фунтовъ) соленыхъ сельдей.

***) Нѣсколько разъ прежде я уже имѣлъ случай говорить, что вывяленными на солнцѣ и истолченными въ иготи въ порошокъ сельдяными головками кормятъ коровъ.

со всякой непотребной бранью; опять же тамъ бочоночки-то особенные, къ нимъ и старанія больше кладутъ, потому ихъ мало, потому имъ и въ Питеръ путь лежитъ; рыбу лавровымъ листомъ обкладываютъ; а нашихъ вѣдь много, за всѣми не поспѣешь, за всѣми не углядишь: нѣкогда. Да и глядѣть-то нечего, чего глядѣть? — съѣдятъ, ей-Богу, съѣдятъ, да еще прихвалятъ. Такъ, вѣдь, дѣло-то не одну ужъ сотню лѣтъ живетъ. Ты спроси-ко, гдѣ хочешь, про Сороку нашу. А!—скажутъ—у нихъ сельдей много, у нихъ сельди самыя наилучшія. И смотри!—безпремѣнно: самыя наилучшія—слово-то это упомянутъ. Нѣтъ, видно, дѣло это не намъ съ тобой править; такъ пущай оно и будетъ, какъ было при покойничкахъ нашихъ. Съ тѣмъ и прощай, ваше благородье, счастливаго тебѣ пути!

Этими словами провожалъ меня старикъ-хозяинъ по пути въ карбасъ, который долженъ былъ везти меня до Сухаго-Наволока или Сухо-наволоцкой станціи. Передъ этой деревушкой морская губа до того мелка, что весла доставали до дна и карбасъ нашъ, садясь разъ до десяти на мель, едва-едва дотащился до селенія. Вотъ простая, видимая причина, почему селенію этому далъ народъ не хитрое прозваніе *Сухова*. Сухое оказалось маленькой деревушкой въ 50 дворовъ, со ста жителями, которые всѣ почти ушли на то время на Мурманской берегъ. Видѣлись огромныя жолтыя собаки, попались таможенные солдаты, ихъ будка и сарай, и что пріятно порадовало послѣ всего, что привелось встрѣтить на недавно-покинутыхъ прибрежьяхъ моря — это огороды съ капустой и даже картофелемъ. Кромѣ того, здѣсь можно было достать морошку, уже поспѣвшую и потому *рыхлицу*, и молоко, не отдававшее противнымъ сельдянымъ запахомъ.

Не заѣзжая въ селеніе Вирьму (съ 80-ю домами и 180-ю жителями), мы на новомъ карбасѣ кое-какъ по прибылой водѣ пробрались обратно Сухой губой и подъ бойкимъ шалоникомъ (съ пылью, какъ говорятъ здѣсь) обогнули ближной наволокъ на право, на полныхъ парусахъ пронеслись 17 верстъ открытымъ моремъ, забрались въ рѣку Суму. 3½ версты привелось потомъ плыть намъ рѣкою отъ того мѣста, гдѣ стояла тогда одинокая, еще не срытая батарея, подлѣ нея старая часовня и еще два-три какихъ-то старыхъ сарая. Рѣка гнулась на всѣхъ этихъ трехъ верстахъ прихотливыми извилинами: скрывался

(*таился* по туземному) одинъ наволокъ, выползалъ другой, третій, четвертый и т. д. Берега вытягивались по обѣимъ сторонамъ круто-непривѣтливо; кое-гдѣ по нимъ торчали разные стоги сѣна; попадался на глаза дряблый еловый и сосновый лѣсъ, какъ-будто заблудившаяся, попавшая не на свое мѣсто березка и вотъ сверкнулъ впереди крестъ сумской церкви сквозь полумракъ, застилавшій уже передъ нами дневной свѣтъ на ночь. Въ 9 часовъ вечера я былъ уже въ Сумѣ — посадѣ одномъ изъ древнихъ по всему поморскому берегу, нѣкогда игравшему болѣе значительную роль и имѣвшему большее значеніе, чѣмъ Кемской острогъ, хотя и это селеніе называлось въ старину Сумскимъ острогомъ. Сума и теперь не потеряла своего значенія, даже нравственнаго вліянія на сосѣднее Поморье, хотя значеніе это и стало слабѣе значенія города Кеми.

5. СУМСКОЙ ПОСАДЪ.

Таже неясность и недостаточность историческихъ данныхъ о времени перваго заселенія мѣста, занимаемаго теперь посадомъ, встрѣчается и здѣсь, какъ неизвѣстно тоже самое и объ первоначальномъ заселеніи города Кеми. На этотъ разъ, еще до нѣкоторой степени съ бо́льшею вѣроятностію можно положить, что здѣсь также жило сначала финское племя (Suomalaiset), давшее свое имя селенію. Народное преданіе говоритъ, что новгородцы, селившіеся по прибрежьямъ Бѣлаго моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, и именно въ такъ-называемомъ Загорьѣ, въ числѣ десятка домовъ. Здѣсь теперь стоитъ деревянный крестъ. Въ 1450 году селеніе это, на ряду со всѣми другими сосѣдними съ нимъ, принадлежало уже посадницѣ Великаго Новгорода Маѳѣ Борецкой, которая, именно въ этомъ году, подарила его Соловецкому монастырю *). Царская грамота 1555 года утвердила Суму за

---

*) Изъ лѣтописца соловецкаго видно, что въ приходъ преподобнаго Зосимы въ Новгородъ къ архіепископу Ѳеофилу съ жалобою на насельниковъ боярскихъ и слугъ вельможъ и помѣщиковъ земли Корельской, преподобному Зосимѣ посадница Марѳа Борецкая пожаловала, для созидавшейся въ то время обители св. Спаса, деревню Суму съ четырьмя обжами (каждая обжа имѣла 125 саж. длиннику и 32 саж. поперечнику).

монастыремъ навсегда. Монастырь посылалъ сюда своихъ старцовъ творить судъ и расправу и взимать повинности. На помощь старцамъ сумской міръ давалъ выборныхъ, которые отправляли собственно полицейскія обязанности.

Дальнѣйшая судьба посада во всемъ сходна съ судьбою города Кеми. Точно также шведы, литовцы и русскіе измѣнники нападали на Суму. Шведы по зимамъ дѣлали частые набѣги, значительно усилившіеся въ исходѣ XVI столѣтія. Въ предупрежденіе этого зла, Соловецкой монастырь вынужденнымъ нашолся и здѣсь, какъ и въ Кеми, построить острогъ (послѣ чего Сума стала называться *Сумскимъ острогомъ*). О строеніи этого острога, одновременнаго съ сооруженіемъ соловецкой стѣны, въ монастырскихъ дозорныхъ книгахъ 1586 года сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Въ волости Сумѣ на погостѣ поставленъ острогъ косой, чрезъ заметъ въ борозды, и въ острогѣ стоитъ 6 башенъ рубленыхъ; подъ четырьмя башнями подклѣты теплые, а подъ пятою башнею поварня. А въ острогѣ храмъ Никола Чудотворецъ, да дворъ монастырской, а на дворѣ пять житницъ, да за вороты двѣ житницы, да у башенныхъ воротъ изба съ клѣтью и съ сѣнми; а живутъ въ ней острожные сторожи. Да въ томъ же острогѣ поставлено для осаднаго времени крестьянскихъ теплыхъ подклѣтовъ, а вверху клѣтки, комнаты въ два этажа построенныя, да 13 житницъ». Тогда же, какъ былъ построенъ острогъ, монастырь обезпеченъ былъ 100 и 130 человѣками стрѣльцовъ, набранныхъ изъ монастырскихъ крестьянъ; дѣти этихъ стрѣльцовъ считались уже присяжными въ своихъ обязанностяхъ. Половинная часть этихъ стрѣльцовъ находились на береговыхъ укрѣпленіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Сумскомъ острогѣ. Въ осадное время они обязаны были «на караулѣхъ ближнихъ и отъѣзжихъ стояти, и въ осадное время рвы копати, и тарасы рубити, и туры плести, и чеснокъ (частоколъ) ставити, и всякія градскія крѣпости ладити, и запасы изъ за города всякіе въ городъ носить, и на нѣмецкой рубежъ для вѣстей ходить, и съ вѣстьми къ государю, къ Москвѣ, и по городамъ къ государевымъ воеводамъ ѣздить и ходить, и города государевымъ измѣнниками не сдати, и ни въ чемъ государю не измѣнити». Въ 1590 году въ Суму, для предотвращенія нападеній шведовъ, опустошившихъ всѣ почти селенія корельскаго берега,

прибылъ воевода Ст. Бор. Колтовской, который, разоривши, въ свою очередь, три селенія шведскія, цѣлый годъ простоялъ потомъ здѣсь и открытаго нападенія не дождался. Нападеніе это уже послѣдовало въ 1592 году. Финляндцы, подъ начальствомъ шведскихъ королевскихъ воеводъ *Мавруса Лаврина* да *Гавнуса Иверстина*, опустошили все Поморье, истребили хлѣбные магазины, соляныя варницы, весь скотъ, опустошили рыбныя тони, многихъ крестьянъ взяли въ плѣнъ, ограбили и сожгли церкви, сожгли вмѣстѣ съ церквами и самыя селенія, ближнія къ Сумѣ, наконецъ подступили и къ этому острогу. Но сумскіе стрѣльцы, при помощи крестьянъ, успѣли упорно удержаться въ засадѣ и даже сдѣлали вылазку. Произошолъ жестокій бой, по словамъ соловецкаго лѣтописца, нѣмцы были обращены въ бѣгство, воевода ихъ былъ убитъ и много было взято въ плѣнъ. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, на случай осаднаго времени, приказалъ игумену Іакову заготовить въ Сумскомъ острогѣ 500 четвертей ржаной муки. Въ 1611 году Сума еще разъ видѣла въ стѣнахъ своихъ московскія войска, явившіяся для отпора нападеній тѣхъ же шведовъ; но этотъ разъ былъ уже послѣдній. Шведы съ той поры успокоились. Въ 1613, 14 и 15 годахъ Поморье опустошали черкасы и русскіе измѣнники подъ именемъ литовскихъ людей; послѣ неудачнаго нападенія на Холмогоры, подступили они и къ Сумскому острогу. Однако, острогъ снова выдержалъ и эту осаду и притомъ съ малымъ числомъ ратныхъ людей, почти единственно при одной помощи своихъ обывателей. Въ 1619 году острогъ снова укрѣплялся противъ шведовъ, но напрасно. Мирно повела свой вѣкъ эта волость до тѣхъ дальныхъ временъ, когда (въ 1764 году) она съ прочими поморскими селеніями отдана была вѣденію коллегіи экономіи. За монастыремъ оставлено было только подворье его, деревянное, со скотнымъ дворомъ и съ четырьмя сѣнокосными лугами. Подворье это числится за монастыремъ и тамъ, до сихъ-поръ еще, живутъ два монаха. Дворъ этотъ прежде, противъ нынѣшнаго, былъ обширнѣе, по той причинѣ, что архимандриты соловецкіе имѣли обыкновеніе выѣзжать сюда на зиму. Въ 1792 г. для этой цѣли архимандритъ Іеронимъ построилъ новыя службы; но въ 1793 г. на подворьѣ жительство уничтожено и все движимое имущество архимандритовъ вывезено въ монастырь, ненужное продано. Скотный

дворъ вывезенъ на островъ Заяцкой, на которомъ онъ находится и въ настоящее время. При подворьѣ остался только огородъ, воздѣлываемый монахами, которые, кромѣ-того, обязаны наблюдать за сборомъ доброхотныхъ подаяній. Каменная церковь Успенія, принадлежавшая нѣкогда къ подворью, теперь стала теплымъ соборомъ и стоитъ недалеко отъ холоднаго Никольскаго съ двумя этажами. Въ нижномъ этажѣ послѣдней часовня, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи схимонаха Елисея, постриженника соловецкаго.

Сумской острогъ, до сихъ еще поръ, сохранился въ замѣчательно-цѣломъ видѣ; рухнули только крыши нѣкоторыхъ башенъ, обвалились крыши стѣнъ; но замѣтны еще и бойницы и окна, цѣлыя стѣны, даже нѣкоторые рвы, обходившіе крѣпость нѣкогда съ трехъ сторонъ, но теперь поросшіе травой и едва примѣтные. Съ четырехъ сторонъ этого острога или города (по туземному), на крутомъ и высокомъ косогорѣ, до сихъ еще поръ, видны изъ подъ стѣны деревянныя крѣпкія ворота, ведущія къ рѣкѣ на пристань.

Изъ другихъ преданій старины сохранились въ памяти сумлянъ только два: о томъ, что Меншиковъ приписалъ было Сумской острогъ, вмѣстѣ съ Кемью и Керетью, къ олонецкимъ Алексѣевскимъ желѣзнымъ заводамъ*); но что государь, по жалобѣ архимандрита Ѳирса, возвратилъ все это въ прежнее монастырское владѣніе. Вторымъ памятнымъ для сумлянъ событіемъ остались такъ называемые сенявинскіе наборы (въ 1714 и 1715 г.). По этому преданію, жители сзывались въ церковь указы читать и слушать, и потомъ выбирать міромъ народъ въ солдаты, что такимъ образомъ схвачено было народу много (кемскіе прознали это и успѣли разбѣжаться) Этому событію, вмѣстѣ съ несчастнымъ случаемъ въ двинскихъ устьяхъ, гдѣ потонуло 20 сумскихъ мальчиковъ, старожилы сумскіе приписываютъ уменьшеніе народонаселенія своего посада отъ 600 душъ прежнихъ до 250 душъ настоящаго времени.

---

*) Въ 1703 г., при основаніи Петрозаводска подъ именемъ Петровскаго завода, на крестьянахъ Сумскаго острога лежала повинность, обязывавшая отправлять тамъ разныя работы. Съ 1706 г. по сентябрь 1714, когда эта повинность замѣнена была взиманіемъ въ казну 2000 руб., невнесшіе отбывали работу на заводахъ.

Точно также, какъ въ Кеми, и здѣсь, въ 1826 году, отъ сильныхъ жаровъ и сухихъ погодъ, распространились на посадскихъ выгонахъ сильные пожары, испепелившіе церкви, которыя впослѣдствіи перенесены были на нынѣшное свое мѣсто—на гору правой стороны рѣки Сумы, внутрь стариннаго острога. Точно также пожары эти потушены были сильными дождями, начавшимися съ 15 августа того же года.

Въ 1806 году, согласно желанію и просьбѣ сумскихъ крестьянъ, они переписаны въ мѣщане, съ дарованіемъ имъ соотвѣтствующихъ правъ и присвоеніемъ Сумской волости названія *посада*.

Въ 1830 году посадъ Сума избавился отъ холеры, которая брала свои жертвы по одну сторону его за 70 верстъ въ деревнѣ Нюхчѣ и по другую за 30 верстъ въ деревнѣ Сухомъ*).

Въ памяти жителей, до сихъ еще поръ, сохранились старинныя названія частей селенія. Весь посадъ поэтому дѣлится на *низовье*, ту часть его, которая начинается отъ взморья; отъ низовья слѣдовалъ *жемчужной рядъ* до середины селенія, т. е. до того мѣста, гдѣ теперь выстроенъ мостъ, ведущій въ зарѣчную половину селенія — середина селенія называлась собственно *посадомъ*—и *труновой рядъ* или *верховье*, та часть посада, въ которой выстроились бѣднѣйшіе обыватели и которая идетъ дальше по восточному берегу за городъ, гдѣ начинается уже тундра, на которой растетъ мелкій сосновой и березовой лѣсъ и течотъ рѣка Сума съ прикрутыми каменистыми берегами, неширокая, мѣстами довольно глубокая, кроткая теченіемъ, съ иловатымъ дномъ и мрачнымъ, блѣднымъ видомъ. Другая половина посада Сумы по ту сторону (лѣвую) рѣки, та,

*) Во время холеры 1848 г., с.-петербургскій купецъ М. Г. Башмаковъ, уроженецъ Сумскаго посада, располагалъ на свой капиталъ устроить въ Сумскомъ посадѣ богадѣльну и кладбищенскую церковь. Но холера, къ бсчастію, была здѣсь не сильная. Башмаковъ, однако, не переставалъ благодѣтельствовать мѣсту своей родины. Онъ выдавалъ на бѣднѣйшихъ жителей ежегодно по 200 руб. сер., чрезъ сестру свою, жившую въ посадѣ. Онъ же пожертвовалъ навсегда 10,000 руб. асс. для содержанія, процентами съ капитала, приходскаго училища, съ учителемъ и законоучителемъ. Сумское общество къ этому капиталу прибавило отъ себя ежегодныхъ 42 руб. 86 к. сер. и, сверхъ того, нанимаетъ сторожа.

гдѣ существуетъ острогъ и возвышаются церкви, называется *нагорье*; набережная нагорья—*зарѣцка сторона*, дальше *кислая губа* и, наконецъ, опять дальше на выѣздѣ—*слобода*.

Въ такомъ, густо застроенномъ до тѣсноты и безобразія, видѣ является Сума и со стороны рѣки, и съ окрестныхъ лѣсистыхъ горъ; отчасти только видоизмѣняютъ это: деревянный, разрушающійся острогъ съ каменной и деревянной же церквами, мостъ черезъ рѣку, множество судовъ, наполняющихъ ее на всемъ верстовомъ теченіи внутри посада. Съ небольшимъ на полверсту идутъ строенія посадскія отъ рѣки въ гору и къ темнымъ лѣсамъ, невдалекѣ сливающимся съ лѣсами морскаго прибрежья. Обезлюдѣвшимъ на половину населеніемъ своимъ представляется село это лѣтомъ, когда оставляютъ его жители для дальныхъ мурманскихъ сношеній съ Норвегіей. Прежде сумляне занимались хлѣбопашествомъ (къ которому вновь обратили ихъ англичане, не пускавшіе въ море за промыслами *), прежде ловили рыбу въ значительномъ числѣ (теперь промысломъ этимъ занимаются только женщины, и то для себя); теперь же все это оставлено для дальныхъ, выгоднѣйшихъ промысловъ. По сказкѣ Соловецкаго монастыря іеромонаха Иліи, въ 1715 г., въ Сумскомъ острогѣ, Кемскомъ городкѣ и въ принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ было монастырскихъ и крестьянскихъ 36, да пустыхъ 19 варницъ; въ вываркѣ соли было по 100 тысячъ пудовъ. Сбытъ этой соли производился въ Повѣнецъ и Олонецъ, цѣною отъ 3 до 5 алтынъ пудъ. Отъ промысловъ десятая часть поступала въ монастырь, а пошлина отъ продажи въ таможню **). Деньги эти шли на жалованье стрѣльцамъ, на ихъ аммуницію и на пушки. Въ 1713 году, по той же сказкѣ, въ Сумскомъ острогѣ было 343 двора съ принадлежащими къ нимъ заведеніями для соляныхъ, рыбныхъ и сальныхъ промысловъ; теперь домовъ считается здѣсь

---

*) Прежде въ Сумѣ было только одно поле, а въ мою бытность насчитывалось уже за десятокъ, и тѣ были вспаханы именно только во время плаванія англо-французской эскадры по Бѣлому морю. Ячмень родится хорошо, рожь принимается не дурно; растутъ также капуста, морковь, рѣпа и картофель на многихъ огородахъ.

**) Нынѣшная таможенная застава учреждена въ 1834 году для очистки пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Суму прямо изъ Норвегіи.

только 214. Нѣкоторые изъ этого числа жителей умѣютъ плотничать, шить сапоги; есть портные и кузнецы, хотя и плохіе; нѣкоторая, и притомъ довольно значительная, часть живетъ даже исключительно мірскимъ подаяніемъ.

Сумскіе дома точно также, какъ и всѣ поморскіе, двухъэтажные; у бѣдныхъ въ одинъ этажъ и, въ такомъ случаѣ, съ неизмѣнными волоковыми окнами; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ у каждаго дома крытой дворъ, на который ведутъ ворота, и надъ каждыми воротами непремѣнно или крестъ, или икона. Внутренное расположеніе избы также одинаковое со всѣми поморскими избами и также старинное: неизбѣжная печь, рядомъ полати и *грядки* или *воронцы*. Подлѣ печи съ боку посудной шкафъ — *блюдникъ*; въ правомъ отъ входа, переднемъ углу—*божница*; противъ средняго окна столъ; подпечки красятся синею и красною краскою; двери и рамы также; простѣнки снаружи обмазываютъ обыкновенно охрой. Надъ дверями и окнами въ избѣ и горницахъ, назначенныхъ для гостей, написана мѣломъ, а иногда масляными красками или чернилами на бумажкахъ молитва: «Христосъ съ нами уставися вчера и днесь, той же и во вѣки».

Со второй половины іюня мѣсяца до послѣднихъ чиселъ августа жизнь въ Сумскомъ посадѣ идетъ скромнымъ, тихимъ, размѣреннымъ чередомъ: женщины ткутъ холстъ, бучатъ и бѣлятъ его; затѣмъ поспѣваетъ морошка, обираемая всѣмъ женскимъ населеніемъ посада; съ морошкой приходитъ и страдная пора сѣнокоса, для котораго являются сюда изъ дальныхъ деревень своихъ корелы; женщины занимаются только уборкою уже готоваго накошеннаго сѣна. При этомъ замѣчаютъ, что корелы первымъ условіемъ, при наймѣ на страду, требуютъ каши, и по возможности, пшонной, а безъ того, какъ говорятъ, придя на страду, приговариваютъ: «ѣла коса кашу—ходи коса ниже; не ѣла коса каши—выше бери». Изрѣдка, и только отчасти, видоизмѣняютъ скромную, тихую жизнь посада лѣтомъ отправленія богомольцовъ въ Соловецкой монастырь.

Богомольцы идутъ на Сумской посадъ цѣлыми сотнями съ повѣнецкой дороги. Путь этотъ (на 179 верстъ) идетъ для нихъ, послѣ Онежскаго озера и за городомъ Повѣнцомъ, вверхъ по берегу рѣки Повѣнчанки, десять верстъ по хорошей конной дорогѣ. Богомольцы обыкновенно идутъ пѣшкомъ, хотя въ

каждой деревнѣ можно достать лошадей и за умѣренную плату. За десять верстъ отъ Повѣнца богомольцы садятся на карбаса и ѣдутъ 4 версты рѣкою (по причинѣ непроходимыхъ стороннихъ болотъ); изъ рѣки въѣзжаютъ въ Волозеро (15 верстъ) и отъ сѣвернаго края послѣдняго, опять берегомъ, черезъ гору, на пять верстъ по порядочной дорогѣ до селенія Масельги. Отсюда по озеру и рѣкѣ, одноименнымъ съ селеніемъ, совершается на 10 верстъ снова карбасная переправа до деревни Телейкиной, и затѣмъ 40 верстъ внизъ по рѣкѣ Телейкиной до Выгъ-острова и 20 верстъ этимъ озеромъ до деревни Койкенцы. Отъ этой деревни до дер. Вореньжи, на 30 верстъ, идетъ къ Сумозеру волокомъ хорошая конная дорога. Сумозеромъ до Сумозерской деревни (15 верстъ) вновь ѣдутъ богомольцы на карбасахъ до входа въ рѣку Суму (текущую на 35 верстномъ пространствѣ изъ этого озера въ море). Дальше, на 10 верстъ до деревни Лапиной, идутъ вдоль рѣки ея берегомъ и въ Лапиной садятся на 10 верстъ, въ предпослѣдній разъ до Соловковъ, въ карбасы и, наконецъ, въ послѣдній разъ идутъ еще 10 верстъ до посада *) по едва проходимой,

---

*) Зимній путь для товаровъ, отправляемыхъ на шунгскія ярмарки (за 202 версты, два раза въ годъ — въ началѣ января, или концѣ декабря, и въ началѣ марта), нѣсколько сокращеннѣе (впрочемъ, не больше 10 верстъ) и идетъ нѣсколько иначе, хотя и предпочитаютъ ѣхать по льду, чѣмъ по тайболамъ и гранитнымъ, оголеннымъ вѣтрами, горамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ на порогахъ худъ, дѣлаютъ объѣзды берегомъ. Отъ Повѣнца до Шунги (на 47 верстъ) ѣдутъ сначала 17 верстъ по р. Повѣнчанкѣ и потомъ на слѣдующіе 30, до села, черезъ губу Онежскаго озера. Въ лѣтнее время и въ крайнихъ случаяхъ необходимости сумляне отправляютъ товары свои изъ деревни Сороки по р. этого имени на малыхъ карбасахъ до деревни Выгъ-острова. Отсюда по р. Выгъ (70 верстъ), на которой, по причинѣ пороговъ (два большихъ Золотецъ и Маточные), перетаскиваютъ кладь съ великимъ трудомъ чрезъ низменные мыски саженъ до 50 шириною. Тоже встрѣчается и дальше у Войцкаго падуна (гдѣ р. Войца падаетъ въ Выгъ почти отвѣсно съ высоты 3 саженъ). Здѣсь изъ мелкихъ карбасовъ сороцкихъ, поднимающихъ грузу не болѣе 15 пудовъ, перекладываютъ его на большіе, подымающіе до 150 пудовъ. Около устья р. Телейкиной этотъ путь сходится съ богомольческимъ, хотя и не слишкомъ выгодно для провожающихъ кладь. Они у этой деревни, по причинѣ мельницы, должны переносить товаръ свой въ другіе карбаса, выставляемые выше плотины. Не доѣзжая 10 верстъ до города Повѣнца кладь везут ъуже

вязкой, болотистой дорогѣ, которую могутъ преодолѣвать только крѣпко-привычныя и искусившіяся въ частой ходьбѣ ноги. Но и весь путь этотъ пролегаетъ мѣстами дикими, мало населенными, по голому, безпривѣтному граниту, выстилающему берега рѣкъ и берега озеръ, густо покрытыхъ, въ тоже время, жалкимъ сосновымъ лѣсомъ. Большая часть сухопутныхъ дорогъ пролегла болотами, а сухими мѣстами только по кряжамъ горъ, но и сухими только при продолжительныхъ солнечныхъ погодахъ. Для ѣзды на лошадяхъ, въ телѣгахъ тряскихъ и неудобныхъ, дороги эти едва сносны. Въ рѣкахъ встрѣчаются большіе, безпокойные, съ трудомъ одолѣваемые пороги. Прежде, говорятъ, этимъ путемъ возили изъ Петрозаводска въ Архангельскій портъ баластъ, пушки, ядра; но вѣроятно, зимою.

Въ Сумѣ всѣ богомольцы нуждаются непремѣнно въ банѣ, въ двухъ-суточномъ отдыхѣ, чтобы потомъ сѣсть или на соловецкую монастырскую лодью, или на суда Сумскаго посада. Но богомольцы, прежде отправленія, служатъ обыкновенно молебны у мощей св. Елисея и дѣлаютъ вклады въ церковь и въ кружку соловецкаго двора. Это послѣдніе обычаи предъ отъѣздомъ въ монастырь, который находится отъ сумскаго посада въ 100 верстахъ. Особенно много является богомольцовъ въ маѣ и іюнѣ, и незначительное количество послѣ 20 числа этого мѣсяца и во весь іюль; въ августѣ ихъ уже положительно не показывается. Прибывшіе въ посадъ повѣнецкими соймами, богомольцы обыкновенно вывозятся въ карбасахъ на взморье, по причинѣ небольшихъ, такъ-называемыхъ *верхнихъ порожковъ* рѣки Сумы. На взморьѣ этомъ имѣютъ обыкновеніе

на телѣгахъ. Путь этотъ первымъ совершилъ, въ 1822 г., кемской купецъ Дружининъ, говорятъ, въ двѣ недѣли, хотя теперь и тратятъ на него не болѣе 5 дней, и въ крайномъ случаѣ при непогодахъ — 8. При этомъ надо замѣтить, что цѣна за провозъ въ Повѣнецъ дороже, чѣмъ на обратной путь, который по большей части совершается внизъ по теченію, стало быть, скорѣе (въ 4 дня) и сподручнѣе, легче. Не лишное также упомянуть, что архангельской купецъ Пашинъ сдѣлалъ, въ 1835 году, первую попытку отправить бѣломорскіе промыслы прямо моремъ (кругомъ Норвегіи) въ Петербургъ. Судно его со всѣми рабочими погибло у Бергена. Только нѣсколькимъ кемскимъ шкунамъ и лодьямъ удалось попасть въ столицу послѣ. Теперь эти подвиги—замѣчательная рѣдкость.

останавливаться лодьи и монастырскія соловецкія, и посадскія; ѣдущіе на раньшинахъ, карбасахъ и нерѣдко шнякахъ садятся въ самомъ посадѣ, потому что рѣчная вода подпускаетъ суда эти даже къ мосту посада. Монастырь беретъ за провозъ въ одну сторону съ каждаго пассажира по 30 коп. сер., и въ оба конца на обратную — 50 коп. серебромъ. Сумляне берутъ обыкновенно нѣсколько дороже.

Большими кучками идутъ эти богомольцы къ своему судну, загорѣлые отъ жгучаго и, въ здѣшнихъ мѣстахъ, лѣтняго солнца, съ неизбѣжными котомками за плечами; подъ котомками привязаны сапоги или новые лыковые лапти, въ котомкахъ праздничное, лучшее платье: нерваные и незаплатанные армяки, можетъ быть, даже и синія сибирки, лапти на ногахъ уже непремѣнно измочаленные долгимъ путемъ, каковой для иныхъ идетъ изъ самыхъ благословенныхъ странъ благословеннаго малороссійскаго края. Правда, большая часть этихъ богомольцовъ бредетъ изъ сосѣднихъ Петербургской губерній; большею частію убитые съ виду, неразговорчивые и вообще какіе-то неладные псковичи; бойкіе съ размашистыми манерами подстоличные торговцы; нерѣдко купцы цѣлыми семьями, съ неизбѣжными самоварами и съ неизбѣжною тучностію, больше созерцательные и молчаливые, чѣмъ разговорчивые. Правда, что эти рѣдко ходятъ, чаще ѣздятъ на лошадяхъ, хотя и немного выгадываютъ на тряскихъ и уродливыхъ повѣнецкихъ дорогахъ. Большая же часть странниковъ приходитъ въ Суму пѣшкомъ и почти на ³/₄ состоитъ изъ женщинъ, всегда пугливыхъ, всегда охающихъ, почти всегда творящихъ изустную молитву, большею частію старухъ. Въ толпахъ этихъ не рѣдкость тѣ полунагіе, молчаливые, вытянувшіеся въ высокій, болѣзненный ростъ дурачки-баженники, къ которымъ питаетъ особенное сочувствіе весь православный людъ русской земли и особенное вниманіе и сердоболіе оказываютъ старухи-странницы.

Вся толпа богомольцовъ на пути по посаду Сумѣ творитъ крестные поклоны передъ всякимъ спопутнымъ крестомъ, которыхъ такъ много стоитъ на перекресткахъ и перепутьяхъ селенія (больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ поморскихъ селеніяхъ) и, наконецъ, садится на лодьи. Паруса еще валяются по па-

лубѣ; пассажиры собрались уже всѣ; судно готово къ отправленію, ждутъ только исправленія стариннаго обычая.

Одинъ изъ работниковъ обращается къ хозяину лодьи.

— Хозяинъ, благослови путь!

— Святые отцы благословляютъ, отвѣчаетъ хозяинъ.

— Праведные Бога молятъ—прибавляетъ къ этому другой работникъ, обыкновенно кормщикъ.

Всѣ вслѣдъ за этимъ молятся въ сторону, обращонную къ Соловецкому монастырю; потомъ вытаскиваются якорь и судно, сдѣлавши поворотъ по солнцу, отправляются въ путь, полусуточной даже при посредственномъ, умѣренномъ повѣтерьи.

Жители посада Сумы твердо стоятъ въ православіи, несмотря на то, что ближная Сорока и всѣ деревни по направленію къ Кеми, самая Кемь и деревни по Корельскому берегу почти всѣ и давно уже держатся раскола. Правда, что и въ Суму прокралось старообрядство, но крѣпится преимущественно между женскимъ населеніемъ посада; между мужчинами мало раскольниковъ и, по мѣрѣ приближенія къ городу Онегѣ, число старообрядцовъ постепенно уменьшается и нѣтъ уже ихъ въ послѣднемъ городѣ и по всѣмъ берегамъ Онежскому и Лѣтному, а также и по Двинѣ.

Расколъ въ Сумскомъ посадѣ получилъ начало въ 30-хъ годахъ нынѣшнаго столѣтія, отъ родственной связи одного изъ сумскихъ семействъ съ раскольничьимъ семействомъ деревни Сороки. Сильное вліяніе богатаго сумскаго семейства на бѣдный классъ жителей посада послужило первымъ основаніемъ для распространенія старообрядскихъ понятій и убѣжденій. Вскорѣ послѣ того, въ деревушку Пертозеро (за 15 верстъ отъ посада) пріѣхала на жительство вдова прапорщика Анна Карташева, съ сыномъ и дочерью, изъ С.-Петербурга. Карташева была закоренѣлая раскольница, и мало по малу, тотчасъ же по прибытіи на новое мѣсто, она, подъ строгимъ видомъ благочестія и въ духѣ подвижничества, стала собирать около себя раскольничью пустыню и вскорѣ успѣла образовать такимъ образомъ до десяти келій. Подъ именемъ *матушки-наставницы* о душевномъ спасеніи, Карташева въ зимное время выѣзжала для проповѣданія *гонимой* вѣры въ деревни Шижню, Сороку, чаще всего въ ближайшой Сумской посадъ. Успѣвши возбудить къ себѣ общее довѣріе старческимъ видомъ, степеннымъ и вну-

шающимъ уваженіе, необыкновенно правильными чертами лица, осмысленными добрыми, довѣрчивыми голубыми глазами, Карташева дѣйствовала на женщинъ и даже мужчинъ необыкновенною начитанностію. Знавшіе ее увѣряютъ, что старица въ догматахъ вѣры была до того убѣдительна, что возражать ей было трудно, а спорить невозможно. Такими убѣжденіями и личнымъ примѣромъ строгой, безукоризненной жизни, Карташева успѣла подѣйствовать на многихъ изъ сумлянокъ, каковыхъ, немедленно же по изъявленіи ими согласія, перекрещивала (она была филипповскаго толка, не признающаго другихъ расколовъ и называющаго своихъ адептовъ *христіанами* и *старовѣрами*, а всѣхъ православныхъ—*никоновцами*, *никовшиной*, *щепотниками*). Карташева умерла на шестидесятомъ году въ Пертозерѣ, завѣщавши дѣло свое родной дочери Анфисѣ. Эта съумѣла также твердо и при той же всеобщей любви народа идти по стопамъ матери. Доказательствомъ тому, насколько Анфиса возобладала народнымъ довѣріемъ, можетъ служить отвѣтъ одного изъ раскольниковъ сумскому священнику.

— Що тобѣ, бацько, со мной толковать; я целовѣкъ темной, ницего не знаю. Спрашивай матушку Анфису, она про ефто знатъ и тобѣ скажетъ. Куды хошъ со мной, хошь въ турму сади, а ужъ отъ вѣры безъ матушки Анфисы я не отопрусь.

Въ томъ же крѣпкомъ убѣжденіи, что «*котора вѣра гонима, та и права*», стоятъ до сихъ поръ и сумскіе раскольники, какъ и всѣ другіе на всемъ пространствѣ русскаго царства.

Въ 1849 году раскольничій Петрозерской скитъ былъ уничтоженъ, обитатели его выселены на мѣста прежняго ихъ жительства, скиты срыты и сравнены съ землей; но дѣло Анфисы и ея матери до сихъ еще поръ продолжается (женщины придерживаются старой вѣры, почти всѣ безъ исключенія, а мужчины почти на $^1/_3$ всего посадскаго населенія). Зимою, при проѣздѣ крестьянъ Олонецкой губерніи и другихъ мѣстъ мимо Сумскаго острога въ деревню Шижню и Сороку за сельдями и сухой треской, старообрядцы стараются внушать имъ въ вечернихъ бесѣдахъ, на ночлегѣ, истины исповѣдуемыхъ ими догматовъ. Домохозяинъ, если грамотенъ и особенно *по вѣрѣ* (т. е. старообрядецъ), старается заводить разговоръ о вѣрѣ, а во время ужина или обѣда прочесть имъ что-либо изъ старинныхъ книгъ. Книги эти они тщательно прячутъ отъ опаснаго глаза

и въ такомъ количествѣ, какъ бы и въ какомъ либо раскольничьемъ скитѣ.

Всѣ остальныя свѣденія, сообщонныя мнѣ въ посадѣ Сумѣ: что и здѣсь точно также строятъ крупныя морскія суда; что отсюда, наравнѣ съ кемскими, ходили когда-то на Шпицбергенъ; ходятъ, изрѣдка на Новую Землю; что лѣтъ 40 залегалъ туда путь и что первымъ возобновилъ его здѣшной мѣщанинъ Еремпнъ, лѣтъ тому 30 назадъ. Большею частію, и почти поголовно, сумляне ходятъ для тресковыхъ промысловъ на Мурманъ; но здѣсь блюдется обычай давать деньги впередъ за весь покрутъ только сильно-нуждающемуся работнику, а залишекъ вслѣдствіе удачныхъ промысловъ уже послѣ, зимою. Тотъ годъ (1856) былъ гибеленъ для мурманскихъ промышленниковъ по сильному развитію тамъ цынги; многіе изъ нихъ, заболѣвши, до конца промысловъ возвращались домой, и здѣсь обыкновенно поправлялись при помощи мочоной морошки и дѣятельной жизни, при постоянномъ движеніи. Разсказываютъ, что во время посѣщенія англо-французскимъ флотомъ Бѣлаго моря, промыслы были кинуты на берегу, а сами хозяева съ деньгами пробирались уже горою, т. е. берегомъ, черезъ лапландскую тундру, пѣшкомъ и на оленяхъ. Нѣкоторые хозяева пускали на рискъ свои шкуны въ Норвегію мимо Сосновца (станцію нашихъ недавнихъ враговъ), но старались пробираться ночью, держась поговорки: «путь-дорога честна не сномъ, а заботой» и «Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ». Въ старину, разсказывали старожилы, на берега моря за морскими звѣрями выходили жители дальной Новгородской губерніи; но это уже лѣтъ 100 оставлено ими; также оставленъ промыселъ морскаго звѣря и сумлянами.

На Мурманъ сумляне выходятъ лѣтъ также 100 назадъ и больше (съ Норвегіей ведутъ торгъ не дальше 50 лѣтъ). Промышляютъ сумляне, по тѣмъ же правиламъ и при тѣхъ пріемахъ и условіяхъ, какъ и всѣ другіе поморы, обыкновенно въ трехъ становищахъ: Гавриловѣ, Териберихѣ и въ Вайдогубѣ. Отправляются они туда также въ началѣ марта, прямо на Колу. Изъ Сумы до Кандалакши ѣдутъ на лошадяхъ, а отъ Кандалакши до Колы на оленяхъ. Весь путь совершаютъ въ двѣ или три недѣли (стоитъ онъ имъ отъ 4 до 5 руб. сер.). По приходѣ въ Колу, при первой возможности, отправляются на

шнякахъ въ становища, въ готовые станы (избушки); въ каждой помѣщается отъ 12 до 16 человѣкъ, а въ крайнемъ случаѣ и до 30. Въ рѣкѣ Вороньей, въ 3 верстахъ отъ Гаврилова становища, гдѣ въ огромномъ числѣ ведется тресковая наживка (рыбки песчанка и мойва), сумляне сходятся со всѣми поморами и своими земляками другихъ становищъ. Съ мурманскихъ промысловъ сумляне возвращаются домой, послѣ 20-хъ чиселъ августа; замѣтно напитанные чванствомъ, замѣтно окрѣпшіе въ силахъ и пополнѣвшіе, «быки быками: шея, что полѣно, лицо разнесетъ словно мѣсяцъ»—по выраженію самихъ же поморовъ. Днемъ производится выгрузка судовъ, а поздно вечеромъ бываетъ прогулка по посаду молодыхъ парней съ дѣвками при веселыхъ хороводныхъ и посидѣлковыхъ пѣсняхъ. Зимнія занятія сумлянъ немногосложны: они или ходятъ на губы для ловли навагъ (самыя лучшія и крупныя ловятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ посада къ Кунуручью), или возятъ на лошадяхъ дрова, ѣздятъ подводами отъ торговцовъ рыбою и возятъ проѣзжающихъ по дѣламъ службы или по дѣламъ торговли. Въ праздничные дни по зимамъ зумляне спятъ послѣ обѣда, *уднуютъ* по старому прадѣдовскому обычаю, и послѣ удннованья бродятъ толпами по улицамъ и толкуютъ обо всемъ, что взбредетъ на умъ. При этомъ случаѣ — сумляне имѣютъ привычку, не выслушавъ разсказа или словъ одного, перекричать другъ друга и кто больше кричитъ, тотъ почитается самымъ толковымъ. У женскаго пола—есть общая привычка, войдя въ избу, перекреститься и, помотавъ потомъ головою и кивнувъ хозяевамъ, тотчасъ же, не выждавъ приглашенія, съ поспѣшностію сѣсть на лавку. И этотъ обычай, какъ говорятъ, блюдется изъ давной старины.

Изъ остальныхъ моихъ бесѣдъ съ посадскими можно было узнать только то, что между сумскими бабами бывали такія, которыя кормщиками хаживали на Терской берегъ; что они желали бы имѣть маяки на зимнихъ горахъ къ Мезени, гдѣ мѣста опасныя, теченіе необыкновенно быстрое; что точно также желали бы лучшаго устройства пути на Повѣнецъ, находя въ этомъ обстоятельствѣ справедливую возможность усилія торговыхъ предпріятій и легкаго обогащенія края и видя трудность только въ устройствѣ горнаго пути, потому-что спопутныя озера всѣ глубоки и способны къ переправамъ. По этому пути,

какъ уже сказано, торгующіе сумляне и ближніе поморы справляютъ свою рыбу и отчасти сало и мѣха на шунгскія ярмарки (съ 7 по 15 января и съ 25 марта по 2 апрѣля). За товарами сумляне предварительно ходятъ на малыхъ лодьяхъ къ Терскому берегу, въ рѣки Умбу и Варзугу и даже до Поноя. На всемъ этомъ пути они скупаютъ осенній промыселъ семги, и почти только одинъ этотъ продуктъ (изъ покупныхъ) везутъ на Шунгу, если не считать сухой трески мурманскаго улова (до 12,000 пудовъ). Тѣже сумляне и тѣже промыслы отправляютъ также и въ Архангельскъ и чрезъ Онегу въ Каргополь (по р. Онегѣ на карбасахъ, поднимающихъ до 200 пудовъ), въ 6 или 8 дней; но большею частію это отправляется зимою. Сумскія лодьи, на пути въ Норвегію, иныя заходятъ въ Архангельскъ, чтобы нагрузиться мукою, досками, веревками, смолою и другими товарами, пригодными для Норвегіи. Замѣчаютъ, что сумляне въ торговыхъ оборотахъ дѣятельнѣе и опытнѣе прочихъ поморовъ.

Посадъ управляется ратушою: одинъ изъ засѣдателей земскаго суда (становой приставъ) живетъ здѣсь постоянно, равно какъ винной приставъ и надзиратель пограничной стражи.

6. ОТЪ СУМЫ ДО ОНЕГИ.

Моремъ, съуженнымъ множествомъ лудъ, между которыми самыя большія и мѣтко названныя Медвѣжьи-Головы, плыли мы отъ Сумы по направленію къ слѣдующему поморскому селенію Колежмѣ. Видѣлись намъ на протяженіи пути этого на берегу и наволокахъ двѣ избы на трехверстномъ разстояніи одна отъ другой, соленыя варницы мучительно-долго и съ крайною опасностію перетаскивали мы свой карбасъ между грудами огромныхъ камней, словно нарочно наваленныхъ поперекъ попутнаго намъ морскаго залива. Мѣсто это, прозванное *желѣзными воротами*, ежеминутно грозило опасностію изъ каждаго острія своихъ огромныхъ камней, замѣчательно обточенныхъ морскимъ волненіемъ, и намъ и нашему карбасу, который теперь показался мнѣ окончательно утлымъ, ненадежнымъ, ничтожнымъ суденкомъ. Кое-какъ, послѣ многихъ криковъ, ругательствъ и почти нечеловѣческихъ усилій, пробрались мы чрезъ узенькой проходъ, или собственно ворота, сдѣланныя болѣе уси-

ліями рукъ человѣческихъ, чѣмъ теченіемъ моря. Но, и вырвавшись на вольную воду, мы выиграли не во многомъ; вѣтеръ тянулъ какъ-то вяло, вода стояла малая въ часы отлива; недоѣзжая трехъ верстъ до селенія, мы сѣли на мель и дожидались, пока сполнялась вода, которой поверхность мало-по-малу, изъ желтоватой до того времени, становилась все чернѣе и чернѣе. Прибылая вода успѣла нѣсколько поднять карбасъ, но позволила ему идти опять-таки не дальше версты разстоянія: мы опять сѣли на мель. Три часа стояли мы на прежной мели (хорошо еще что сумскія дѣвки нашлись въ это время насказать мнѣ много пѣсенъ), немногимъ меньше привелось бы намъ стоять и на этой, дожидаясь полой воды. И вотъ, наконецъ, послѣ мучительнаго ширканья карбасомъ о корги узкой рѣчонки Кóлежмы, и особенно послѣ утомительнѣйшаго, непріятнѣйшаго *пѣшаго хожденія* (подъ сильнымъ дождемъ въ добавокъ) черезъ двѣ версты отъ карбаса, гдѣ по голымъ щельямъ, гдѣ по избитымъ, старымъ мосткамъ изъ бревешекъ и палокъ, я попалъ, наконецъ, въ вожделенное селеніе Кóлежму.

Село это разбросано въ поразительномъ безпорядкѣ и, вѣроятно оттого, что первоначальные жители предпочитали близость моря удобству мѣстоположенія, вплотную изрытаго огромными скалами, неправильно раскиданными, отдѣляющими одинъ домъ отъ другаго на замѣтно большія разстоянія. Оба ряда домовъ идутъ по обѣимъ сторонамъ рѣчонки, на противоположной сторонѣ которой видится церковь, видятся еще изъ оконъ моихъ флюгарки, вытянутыя въ прямое, колебательное положеніе, слышится ужасный свистъ вѣтра; кормщикъ приноситъ немного радостей:

— Дождь пересталъ, а въ морѣ пыль стоитъ, обождать надо!

А между тѣмъ въ Колежмѣ положительно дѣлать нечего; промыслы колежомовъ сходны съ сумскими: таже перекупка у сорочанъ сельдей, за которыми пріѣзжаютъ сюда зимой изъ Вологодской губерніи; таже осенняя ловля навагъ на уды (рублей на 50—60 на каждое семейство), и также и за этими навагами пріѣзжаютъ сюда вологжане; судовъ здѣсь не строятъ, на лѣто уходятъ на Мурманъ; все, по обыкновенію, точно также ведется и здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ селеніи поморскаго берега.

Отъ скуки смотришь въ окно и видишь немногое: пересталъ дождь, лившій много и долго, выглянуло солнце, но и это увидѣло немного хорошаго: туже порожистую рѣчонку, тѣже сѣрые дома и бабу, которая, ухвативши неловко ребенка, выскочила, словно угорѣлая, изъ избы на улицу, обѣжала кругомъ клѣтушки, стоящей, по обыкновенію, подлѣ рѣки, разъ, другой и третій. Баба задѣвала за каждой уголъ, за каждымъ угломъ что-то выпѣвала болѣзненно-слабымъ голосомъ, словно совершала какое-то таинство, словно творила какой-то тайный, невѣдомой обрядъ. Изъ лепетанья ея удается поймать только нѣсколько безсвязныхъ словъ: «ушли дѣтки въ богатыя клѣтки». Ребенокъ все время молчитъ, словно спитъ, словно перепуганъ нечаянностью и крутостью порывовъ матери такъ, что не можетъ придти въ сознаніе и заплакать. Мать продолжаетъ бѣгать съ нимъ кругомъ другой клѣти, стоящей рядомъ съ первою. Вся сцена эта производитъ какое-то безсознательно-тяжолое впечатлѣніе, она становится едва выносимою. На зрѣлище это собираются мальчишки, подходитъ колежомъ, отнимаетъ у бабы ребенка съ словами:

— Дай-ко сюда мнѣ ребенка-то?

— Ребенокъ не котенокъ! отвѣчаетъ баба, но отдаетъ его и сама бѣжитъ на другой конецъ селенья; ребятишки и нѣсколько праздныхъ бабъ слѣдуютъ за ней. Въ мою комнату входитъ кормщикъ съ поразительно-спокойнымъ видомъ и также хладнокровно отвѣчаетъ на вопросъ мой: «что это такое дѣлалось передъ окнами?»

— А, вишь, полоумная; на ребенкѣ бѣсъ-отъ зло свое вымѣщаетъ... порчена... Этакъ-то вотъ дня по два дуритъ, а затѣмъ и ничего... опять *живетъ*... Карбасъ-отъ готовъ, ваше благородіе. Вѣтру выпало много, да онъ намъ *уносъ* до Нюхчи.

Недолго собирался я въ дорогу и черезъ часъ былъ уже внѣ порожистой рѣки Колежмы, въ открытомъ морѣ, берега котораго и здѣсь бросаютъ отъ себя далеко въ море песчаные, бугристые отпрядыши. До селенія несло насъ отлично, благодаря прямому попутному западу, который, однако, успѣлъ развести огромной взводень съ пѣной, валившей прочь отъ нашего большаго карбаса. Въ 5½ часовъ мы успѣли пробѣжать все 50 верстное пространство. На двухъ наволокахъ показались лошади ровно черезъ шесть недѣль послѣ того, какъ мнѣ

привелось видѣть ихъ въ послѣдній разъ. При входѣ въ р. Нюхчу торчитъ бездна кольевъ, изъ которыхъ иные съ перекладинами; это тѣже семожьи заколы съ неводами; на нѣкоторыхъ висѣла оставшаяся отъ прилива осока, другіе шесты уродливо и безцѣльно поднимались кверху. На одномъ наволокѣ торчали избенки; въ нихъ также живутъ таможенные солдаты...

Дальнѣйшія впечатлѣнія пути до того тягостны, что и теперь отзываются чѣмъ-то болѣзненно-непріятнымъ, чѣмъ-то такимъ, что рѣдко случается въ жизни и потомъ уже никогда не забывается во всю жизнь, до гробовой доски, даже и при лучшей жизни. Карбасъ нашъ, по причинѣ множества пороговъ и крайняго мелководья рѣчонки (село Нюхча завалилось на 8 верстъ внутрь земли отъ моря), долженъ былъ остановиться за 4 версты до селенія. Вёрсты эти привелось одолѣвать пѣшкомъ и съ такими трудностями, о которыхъ даже нельзя было составить и гадательное представленіе. Всѣ воспоминанія сходятся въ одномъ, память способна удержать только немногое: кочки по всему пути; между ними калужины — глубокія ямы съ грязной водой, которыя надо было обходить стороной и съ крайнимъ умѣньемъ и опасностью. Ямы эти глубоки, грязь ѣдкая и крѣпкая, тундряная грязь; грязь эта всюду и грязь по колѣна; если бы не высокіе туземные бахилы изъ нерпичьей кожи, достигающіе далеко выше колѣнъ, одолѣть бы ее было нельзя и привелось бы просто лечь тутъ въ изнеможеніи, лишоннымъ послѣднихъ силъ, потерявши послѣднюю каплю терпѣнія. Едва-едва не случилось этого и со мной. Помнится темной лѣсъ, изгороди: чрезъ нихъ надо было перелѣзать, чтобы опять попасть въ грязь по колѣна: помнятся камни—объ нихъ я разбилъ себѣ носъ; ручей безъ мосточковъ... чорная рыхло-сырая послѣ дождей тундра... иней по полямъ, засѣяннымъ ячменемъ... темная, хотя и звѣздная ночь... узенькая тропинка во ржи... серебристый крестъ, чуть видный вдали изъ-за ржи и лѣсу, и, наконецъ, плаванье къ деревнѣ въ огромномъ карбасѣ, который занималъ собою чуть не половину рѣки, наполненной камнями и мелями, и вотъ, наконецъ, и самая деревня въ то время, когда я успѣлъ промочить себѣ ноги, почувствовать лихорадочное состояніе во всемъ организмѣ, утомиться, выбиться изъ всѣхъ силъ; ихъ хватило на то только, чтобы завалиться спать и спать долго и добросовѣстно-крѣпко до слѣдующаго утра. Но

послѣдствія вчерашнаго странствія по адской дорогѣ сказывались еще три дня потомъ...

Слѣдующее утро освѣтило передо мною толпы народа, шедшія въ церковь (былъ праздникъ Успенія), освѣтило и самую церковь поразительно оригинальной архитектуры, выстроенную на высокой скалѣ и тѣмъ же мастеромъ, который строилъ и кольской соборъ. Въ здѣшной церкви четыре придѣла: Никольской, Богоявленской, Климента папы римскаго (особенно чтимаго поморами) и св. Троицы. Построена она въ 1771 году, освящена въ 1774. Двѣ, бывшія прежде ея и на другомъ мѣстѣ, сгорѣли. Внутренность существующей церкви довольно богата; старовѣровъ здѣсь замѣтно меньше, но все-таки существуютъ. Въ рѣкѣ выстроенъ заборъ для семги съ двумя маленькими вершами, которыя называются здѣсь *рюшками*; вершина ихъ зовется *чупой*; въ нихъ попадаетъ рыбы мало и ее больше ловятъ поѣздами осенью; по веснамъ заходитъ сюда мелкая сельдь, которую также ловятъ и продаютъ въ Онегѣ и за Онегу; берутъ ее и корелы и потомъ вялятъ, сушатъ и солятъ для себя. Сельдей въ волости Владыченской мѣняютъ на хлѣбъ и рѣдко продаютъ на деньги. Вологжане скупаютъ и навагу мерзлою, называя ее *меньками*; наваги приходитъ много, а равно и *корюхи*, которая весной носитъ названіе наросной (выросшей). Ее ловятъ въ тѣже рюшки. Кромѣ этихъ промысловъ нюхотскіе бьютъ въ лѣсахъ рябковъ (рябчиковъ) и прочую дичь, хотя и въ маломъ количествѣ. Въ 1590 г. царь Ѳеодоръ Іоанновичъ подарилъ Нюхчу соловецкому монастырю; въ 1764 она, вмѣстѣ съ другими монастырскими волостями, отошла въ вѣдѣніе коллегіи экономіи.

Вотъ всѣ тѣ свѣденія, которыми можно было воспользоваться въ селѣ Нюхчѣ. Здѣсь два раза въ годъ (въ Троицынъ день и въ Покровъ) бываютъ крестные ходы изъ селенія къ часовнѣ, построенной у Св. Озера и Св. Горы, совершаемые, какъ говоритъ преданіе, въ воспоминаніе избавленія селенія отъ *Панька*. Преданія объ этомъ Панькѣ и вообще о паньщинѣ—времени набѣговъ на поморскія селенія литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ — въ памяти народа сливаются съ преданіями о главной исторической достопамятности села Нюхчи— посѣщеніи Петромъ Великимъ, который велъ отсюда двѣ яхты по нарочно устроенной для этой цѣли дорогѣ. Отъ дороги этой,

извѣстной въ народѣ подъ именемъ *царской* и *государевой*, до сихъ еще поръ сохранились остатки. Та часть ея, которая ведетъ отъ села къ Св. Горѣ и Св. Озеру, ежегодно поправляется и поддерживается по той причинѣ, что здѣсь совершаются церковные крестные ходы въ день Троицы и Покрова. Дальше, на всемъ своемъ протяженіи, дорога эта значительно погнила и потерялась въ болотинахъ и грудахъ гніющаго валежника; только, говорятъ, около Пулозера (въ 45 верстахъ отъ Нюхчи) сохранился курганъ и подлѣ него до сихъ поръ валяется огромной дубовой кряжище-столбъ, стоявшій вѣроятно на курганѣ, гдѣ сохранилась еще огромная яма. Столбъ не сгнилъ до настоящаго времени.

Вотъ что записано въ «Церковномъ памятникѣ села Нюхчи» объ этомъ путешествіи Петра Великаго: «Въ 1702 году проходилъ Петръ съ сыномъ своимъ Алексіемъ и сингклитомъ въ Нюхчу съ моря. Свиты его, кромѣ начальниковъ, ближайшихъ бояръ, духовныхъ особъ и чиновныхъ людей, было 4,000 человѣкъ. Царь присталъ изъ Архангельска чрезъ проливъ окіана на 13 корабляхъ подъ горою Рислуды, а на малыхъ судахъ присталъ къ Вардегорѣ; корабли изволилъ отпустить въ Архангельскъ. Отъ пристани царь шелъ въ Нюхчу и изволилъ посѣтить село; отсюда пошелъ въ Повѣнецъ мхами, лѣсами и болотами 160 верстъ, по которымъ были дѣланы мосты Соловецкаго монастыря крестьянами. По этой дорогѣ людьми протащены двѣ яхты до Повѣнца, отъ котораго его величество озеромъ Онегою на судахъ поплылъ въ предѣлы Великаго Новгорода и пришелъ къ городу Орѣшку, что нынѣ именуется Шлиссельбургъ».

И вотъ что разсказываетъ о тѣхъ же событіяхъ народное преданіе:

— Были на нашу сторонку многія и божескія попущенія и разныя бѣды: приходили къ намъ грабить скотъ, воровать дѣвокъ и маленькихъ ребятенковъ *паны*. Всякой панокъ, у котораго были рабы свои, крестьяне бы—по нашему, воленъ былъ творить всякой разбой и грабительство. Эдакой-то одинъ пришолъ и къ нашему селенію въ старыя времена. Тоже богатой былъ панокъ и силу большую имѣлъ: много народу водилъ за собой (а сказывалъ мнѣ все это старикъ-дѣдушко, а дѣдушкѣ-то другой сказывалъ, а этому-то другому было восемь десят-

ковъ лѣтъ: тотъ дѣло это самъ видѣлъ). Грабилъ этотъ панокъ всѣ деревушки по близости: надумалъ сотворить тоже и съ нашимъ селомъ и силу распредѣлилъ, и спать легъ. По утру проснулся, диво видитъ: бьютъ его воины всякъ своего брата; бьютъ они и рубятся и на смерть другъ друга кладутъ; потемнились люди невѣдомой силой и пометались всѣ въ озеро, которое и прозвали съ той поры святымъ, и гѣру подлѣ святой прозвали, затѣмъ, что спасеніе свое тутъ село наше получило. Увидѣлъ панокъ народу побитіе и, не вѣдаючи причины тому, взмолился Богу со слезами и крѣпкимъ покаяніемъ, и такимъ обѣщаніемъ: «Помилуешь меня, Господи — вѣру православную приму и разбойничать и убивать крещоныя души во вѣки не буду!» Господь устроилъ по его по желанію: простилъ спокаявшагося, далъ ему жизнь и силу. Пришолъ панокъ этотъ въ село наше, отъ священника православнаго благословеніе и крещеніе принялъ и сталъ простымъ крестьяниномъ: сталъ землю пахать, на промысла въ море ѣздить, скоро научился съ волной правиться и сталъ разпрехорошимъ кормщикомъ, всѣмъ — слышь на зависть. Вотъ и идетъ, слушай, царской указъ въ Архангельской городъ: будетъ-де царь скоро — приготовьтесь. Ѣдетъ-де моремъ, такъ шестнадцать человѣкъ ему *лочіевъ* (лоцмановъ) надо. Ждутъ царя день, ждутъ и другой, хотятъ его ликъ государской видѣть, отъ дворца его не отходятъ ни днемъ, ни ночью. Смотрятъ, на балконъ вошолъ кто-то; лоцмана и пали на землю, поклоненіе ему совершили и лежатъ, и слышатъ: «Встаньте-де, православные — не царь я, а енералъ Щепотевъ; Петръ Алексѣевичъ сзади ѣдетъ и скоро будетъ. Велѣлъ онъ вамъ свою милость сказывать: выбрать-де вамъ изо всѣхъ изъ шестнадцати самыхъ наилучшихъ, какъ сами присудите». Выбрали четырехъ, пришли къ Щепотеву. Выберите-де изъ этихъ самаго лучшаго! Онъ будетъ у царя коршикомъ, а всѣ другіе ему будутъ помогать и повиноваться». Выбрали всѣ въ одинъ голосъ Антипа Панова, того самаго, что подъ наше селеніе съ войной приходилъ и святую вѣру пріялъ. Царь на это время пріѣхалъ и самъ и сейчасъ на корабль пришолъ, Антипа Панова за руку взялъ и вымолвилъ: «На тебя полагаюсь—не потопи». Пановъ палъ въ ноги, побожился, прослезился; поѣхали. И пала имъ на дорогѣ зельная буря. Царь велѣлъ всѣмъ прибодриться, а Панову ладиться къ бе-

регу; а берегъ былъ подлѣ Унскихъ-Роговъ, самаго страшнаго мѣста на всемъ нашемъ морѣ. Ладился Пановъ умѣючи, да отшибала волна: не скоро и дѣло спорилось. Царю показалось это въ обиду; не вытерпѣлъ онъ, хотѣлъ самъ править, да не пустилъ Пановъ: «Садись, царь, на свое мѣсто: *не твое это дѣло:* самъ справлюсь!» Повернулъ самъ руль какъ-то ладно, да и врѣзался, въ самую губу врѣзался, ни за единъ камешекъ не задѣлъ и царя спасъ. Тутъ царь деньги на церковь оставилъ, и церковь построили послѣ (ветха она теперь стала, не служатъ). Сталъ царь спрашивать Панова, чѣмъ наградить его; палъ Пановъ въ ноги, отъ всего отказался: «ничего-де надо!» Дарилъ царь кафтанъ свой, и отъ того Пановъ отказывался. «Ну, говоритъ: теперь *не твое дѣло:* бери!» Снялъ съ себя кафтанъ и всю одежду такую, что вся золотомъ горѣла, и надѣлъ на Панова, и шляпу свою надѣлъ на него; только съ кафтана пуговицы срѣзалъ, затѣмъ, слышь, золотыя это пуговицы срѣзалъ, что херувимы, вишь, на нихъ были *). И взялъ онъ Панова съ собой и въ дорогу; въ Соловецкой монастырь и въ Нюхчу привезъ, и на Повѣнецъ повелъ за собой. А въ Нюхчѣ нашей царь остановился подъ лудой Крестовой (такая невысокая, въ верстѣ отъ Пономаревой). У Ва́рдегоры сдѣлана была царская пристань для кораблей; лѣсъ теперь разнесло, остался одинъ колодезь, да по двумъ каменнымъ грудамъ еще можно признать это мѣсто. Они-де и песочкомъ были прежде обсыпаны. Теперь вода все это замыла и унесла **). Въ Нюхчу нашу

---

*) По болѣе достовѣрнымъ письменнымъ свидѣтельствамъ видно, что царь подарилъ кормщику свое мокрое платье, даже до рубашки, выдалъ 5 руб. на одежду, 25 руб. въ награду и навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ. О послѣдующей судьбѣ Антипы Панова народное преданіе повѣствуетъ слѣдующее: царь Петръ, подаривши Антипѣ свою шляпу, даровалъ ему вмѣстѣ съ нею право безплатно пить водку вездѣ, во всѣхъ царевыхъ кабакахъ, во всѣхъ избахъ, гдѣ бы и кому бы ни показалъ онъ эту шляпу. Пановъ этимъ лакомымъ правомъ не замедлилъ воспользоваться и неустанно злоупотреблялъ имъ до такой степени, что наконецъ опился и умеръ отъ запоевъ.

**) Я былъ на этихъ мѣстахъ, и только по указаніямъ разскащика можно съ трудомъ различить уцѣлѣвшіе признаки царской пристани; груды камней дѣйствительно могли быть навалены руками человѣческими. Все разсказываемое здѣсь происходило въ 1702 г.

пришолъ царь со своимъ любимцемъ Щепотевымъ, погулялъ по ней, показалъ народу свои царскія очи. Деревню похвалилъ: «какъ-де не быть деревнѣ богатой — государево село». Жилъ онъ у насъ сутки цѣлые въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ наша церковь, а прежде стояли двѣ соловецкія кельи; для царевича былъ припасенъ другой домъ, крестьянской, на другой сторонѣ, супротивъ царскаго дома. На другіе сутки царь отправился по рѣкѣ нашей прямой къ дорогѣ, а строили эту дорогу цѣлой годъ всѣми волостями соловецкими; изъ разныхъ сторонъ народъ пригнанъ былъ, нѣсколько тысячъ. Дорога эта такъ и покатитъ вдоль по рѣкѣ, подлѣ берега, верстъ на 14; тутъ *поворотъ* называется, и курганъ былъ накладенъ съ печь ростомъ, на самомъ кряжу да на бережку (и теперь его знать, хоть и сталъ онъ поменьше). Тутъ царь опросилъ: «Нѣтъ ли-де, да не знаютъ-ли, гдѣ бы можно водою проѣхать?» Сказали что нѣту. На ту пору подъ яхтами царскими стали подгибаться, а индѣ и совсѣмъ обваливаться мосты. Доложились царю, что не ловко-де ѣхать, никакъ не мочно, нудно-де очень (а ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ, на корабляхъ привелъ ихъ изъ Архангельска). Велѣлъ царь на *берлины* поставить — лѣсины такія сдѣлали въ родѣ лыжъ бы, али нашихъ креньевъ. Такъ и потащили царскія телѣжки и яхты эти дальше къ Полузеру, гдѣ курганъ высокой знать теперь и кряжище дубовое. Пулозеро (40 верстъ отъ Нюхчи) оставилъ царь въ сторонѣ, вправѣ, и въ деревню не заходилъ, а пріѣхалъ въ деревню Колосьозеро; тутъ перешолъ мостомъ черезъ рѣчку, а затѣмъ волокомъ верстъ тридцать шолъ дикимъ такимъ и опять же по мосту. Въ лѣсу-то этомъ и доселева еще полосу, просѣку такую, сажени въ три въ ширину, запримѣтишь, хоть мосты и заросли травой шибко. Изъ Колосьозера шолъ царь въ деревню Вожмосова *), оттуда ужъ плылъ по Выгъ-озеру и по Выгу-рѣкѣ на деревню Телейкину, черезъ рѣчки Мурому да Мягкозерскую. Оттуда опять по мосту, по болотамъ, да по лѣсамъ, на сорокъ верстъ до Повѣнца города. Гати по дорогѣ и до сей поры въ

---

*) Деревушка эта — собственно *Важмо-салма* — лежитъ у проливца на юговосточномъ углу Выгъ-озера, въ 27 верстахъ отъ Пулозера. Здѣсь царь подарилъ хозяину дома, въ которомъ останавливался, кафтанъ.

примѣту. Прошолъ онъ, сказываютъ, всю эту дорогу (160 верстъ) въ десять дней. А затѣмъ, сказываютъ, Онежскимъ озеромъ шолъ, да рѣкою Свирью въ Ладожское. На озерѣ этомъ онъ городъ *) взялъ и положилъ подъ нимъ, сказываютъ, много народу. Шереметевъ попрекалъ его за это: «Зачѣмъ-де ты, царь, много народу положилъ? Лучше бы, слышь, пушку навелъ: и городъ бы взялъ скорѣе, да и народу бы-де потратилъ меньше!» У насъ тутъ, по дорогѣ-то по этой, одно мѣсто за примѣту, верстахъ въ 16 отсюда, зовется *гора Щепотина* — и вотъ почему. Щепотинъ этотъ изобидѣлъ чѣмъ-то царскаго коршика Антипа Панова: щипалъ его, слышь, все сзади; подсмѣивался; въ обиду, знать, показалось, что тотъ объ-руку съ царемъ идетъ на Щепотиномъ мѣстѣ. Пановъ изобидился; царь успокоивалъ-было его, мирилъ обоихъ. Пановъ на своемъ стоялъ: требовалъ закону и челобитную подалъ; царь принялъ и рѣшилъ Щепотина высѣчь, и высѣкли его подлѣ этой горы, что зовется *Щепотиной*. Сказываютъ еще, что когда царь былъ въ Соловкахъ — оставилъ ящикъ денегъ съ наказомъ открыть его и тратить деньги тогда только, когда монастырь обѣднѣетъ».

Передавая разсказъ этотъ, я старался возможно вѣрно и посильно добросовѣстно держаться подлинныхъ словъ разсказщика, нюхоцкаго крестьянина Ф. Г. Поташева, происходящаго по прямой линіи (женской) отъ Панова. Подробности разсказа этого казались мнѣ тѣмъ болѣе интересными, что о переправѣ яхтъ и путешествіи Петра Великаго извѣстно немного, по короткимъ, отрывочнымъ свѣденіямъ, которыя можно найти у Рейнеке столько же, сколько у Пушкарева, и у послѣдняго столько же, сколько у лучшаго и добросовѣстнѣйшаго монографа Архангельской губерніи, Молчанова. Если изъ разсказа этого откинуть всѣ тѣ мѣста, которыя подлежатъ еще нѣкоторому сомнѣнію, какъ напр. о наказаніи Щепотина за такую ничтожную, темную вину (не имѣя подъ руками какихъ-либо вѣрныхъ источниковъ, я не могъ выслѣдить это событіе въ настоящемъ его видѣ), то все остальное кажется достойнымъ вѣроятія,

---

*) Орѣшекъ, названный имъ потомъ Шлиссельбургомъ — Ключомъ-городомъ, и крѣпость Нотебургъ при устьѣ Невы.

сколько по простотѣ разсказа и несложности событій, столько же и по тому обстоятельству, что времена Петра Великаго не далеки и не могли еще быть затемнены народнымъ вымысломъ и баснословіемъ. Въ разсказѣ нюхоцкаго старика можетъ показаться баснословнымъ только преданіе о панькѣ, и то въ подробностяхъ. Голиковъ же, назвавшій кормщикомъ Петра именно этого Панова, а не соловецкаго лодейнаго перевозчика Антипа Тимофеева (уроженца Сумскаго острова) *), какъ-бы и слѣдовало, былъ отчасти справедливъ тѣмъ болѣе, что онъ могъ записывать самое свѣжое, самое живое преданіе и притомъ отъ самовидцовъ событія (сохранилось же это преданіе въ томъ видѣ и до настоящаго времени, до 1856 года!). Устряловъ, въ своей «Исторіи Петра Великаго», голословно отвергъ это преданіе и не могъ догадаться о томъ, откуда взялась у Голикова такая ошибка (см. «Исторію Петра Великаго», Спб., 1858, т. II, примѣч. 44). Архангельской народъ могъ увлечься особенною любовію къ своему собрату и земляку, одаренныму царскими милостями, и на столько, чтобы по созвучію именъ, произвести его путемъ баснословія отъ заморскаго князя. Это въ духѣ народныхъ преданій всѣхъ вѣковъ и народовъ. Потому-то всѣ эти преданія достойны внимательной, строгой критической провѣрки, а не бездоказательныхъ опровержений. Пановъ ли, другой ли кто ѣздилъ съ Петромъ въ Бѣлое море, но этотъ же кормщикъ могъ провожать царя на Повѣнецъ, и все-таки есть вѣроятіе предположить, что могъ объ немъ царь вспомнить и взыскать своею милостію еще одинъ разъ. Правда, что народъ перепуталъ и соединилъ оба событія въ одинъ годъ, тогда-какъ несчастной случай подлѣ Унскихъ-Роговъ произошолъ въ 1693 году, а яхты переправлялись уже въ 1703 году, какъ сказано. Но и перепуталъ народъ событія эти опять-таки, какъ намъ кажется, для того кормщика, въ лицѣ котораго онъ хочетъ видѣть одного изъ идеаловъ своихъ мореходцовъ, который съумѣлъ приложить добытыя дома мореходныя способности къ спасенію великаго царя отъ вѣрной гибели и въ самую критическую минуту жизни.

---

*) Крестьяниномъ Сумской веси названъ онъ въ Двинскихъ запискахъ и Антипомъ Тимофеевымъ въ грамотѣ архіепископа Аѳанасія къ соловецкому архимандриту Ѳирсу отъ 18 іюля 7202 (1694).

Спасенный Петръ цѣлыхъ три дня послѣ того жилъ въ ближайшомъ къ Унскимъ-Рогамъ Пертоминскомъ монастырѣ, пѣлъ и читалъ въ церкви, обѣдалъ съ монахами, своими руками соорудилъ огромной деревянной крестъ (хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ), собственными руками вырѣзалъ на немъ голландскими и русскими буквами слова: *Dat cruys maken kaptein Piter van A. Ch. 1694. Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, въ лѣто Христова 1694.*

Но обращаемся къ событіямъ третьяго посѣщенія Архангельскаго края Петромъ Великимъ, въ 1702 г., за которымъ слѣдовало взятіе Нотебурга (древняго Орѣшка, теперь Шлиссельбурга) и крѣпости Ніеншанца, стоявшей при впаденіи Невы въ Балтійское море.

Въ началѣ лѣта 1702 года (30 мая) Петръ I пріѣхалъ въ Холмогоры; здѣсь слушалъ литургію, пробылъ $1^1/_2$ часа у архіепископа и отплылъ, вмѣстѣ съ царевичемъ Алексіемъ, Меншиковымъ, многочисленной свитой и 4,000 войска, на дощаникахъ въ Архангельскъ. Пониже р. Уймы встрѣтилъ его воевода Ржевскій съ пушечною и ружейною пальбою. Прибывши въ Архангельскъ, Петръ приказалъ строить Новодвинскую крѣпость; 30 мая, въ праздникъ св. Троицы, слушалъ литургію, совершаемую архіепископомъ, и самъ пѣлъ съ пѣвчими. На другой день плавалъ на взятомъ (24 іюня 1697 г.) шведскомъ фрегатѣ въ Вавчугу и спустилъ тамъ съ Баженинской верфи два фрегата: «Курьеръ» и «Св. Духъ». Вернувшись въ Архангельскъ, царь присутствовалъ при освященіи церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ новопостроенной городской крѣпости, 29 іюня. Церковь украшена была знаменами и флагами и одарена отъ царя ризами, книгами, сосудами и проч. По выходѣ изъ церкви, царю салютовали изъ пушекъ. Онъ, долго стоя на балконѣ, наслаждался звуками пальбы и радовался ей. Отправившись въ собственной дворецъ, на Моисеевомъ острову, царь угощалъ здѣсь сановниковъ обѣдомъ. Для народа выставлены были бочки съ ренскимъ и простымъ винами и пивомъ. 6 августа царь выѣхалъ въ Соловки и 10 августа со всею свитою и войскомъ былъ уже тамъ. Царь прибылъ сюда на 13 судахъ. Царская флотилія, за противнымъ вѣтромъ, должна была остановиться, не доходя до монастыря, между островами Анзерскимъ и Муксалмами. Здѣсь до-сихъ-поръ еще примѣтны остатки тѣхъ трехъ

тородковъ, или лучше большихъ кучъ дикихъ камней, которыя царь приказалъ навалить, на память посѣщенія этого мѣста. 10 августа флотъ остановился у Заяцкаго острова, возвѣстивъ монастырской братіи пушечной пальбою о прибытіи государя. Вскорѣ на небольшомъ ботѣ прибылъ въ монастырь и самъ Петръ Великій, вечеромъ, и былъ встрѣченъ въ воротахъ архимандритомъ Ѳирсомъ, еще прежде отъѣзда царя извѣщоннымъ чрезъ стольника князя Ю. Ѳ. Шаховскаго. Архимандрита царь жаловалъ къ рукѣ и принялъ икону соловецкихъ чудотворцовъ, хлѣбъ и рыбу. Осмотрѣвши затѣмъ монастырскія стѣны, церкви, раку преподобныхъ, ризницу и оружейную палату и, послѣ всего, отужинавъ въ кельѣ архимандрита, отправился къ ночи на корабль. На другой день, царь снова пріѣхалъ въ монастырь съ царевичемъ Алексіемъ, слушалъ литургію, трапезовалъ съ приближонными своими вмѣстѣ съ братіею *), вторично посѣтилъ ризницу, оружейную и тюремныя мѣста, былъ также у архимандрита, но провелъ ночь опять на кораблѣ. 12 и 14 августа Петръ Великій снова пріѣзжалъ на островъ и, въ это время, верхомъ на лошади, успѣлъ съ подробностію осмотрѣть монастырскія стѣны, окрестности, кирпичной заводъ; возвратясь, разсматривалъ монастырскія грамоты и тогда же приказалъ архимандриту Ѳирсу носить мантію со скрижалями (поматами), а жезлъ имѣть съ шишками и яблоками, на что въ тотъ же день и послѣдовалъ царской указъ. 15 августа архимандритъ, въ присутствіи царя, служилъ уже со всѣми вновь дарованными преимуществами. Царь стоялъ на клиросѣ и пѣлъ съ пѣвчими. Повелѣвши на островѣ Заяцкомъ построить церковь во имя Андрея Первозваннаго, царь и здѣсь также, около того мѣста, гдѣ стоялъ его флотъ, приказалъ навалить въ два ряда булыжникъ, едва примѣтной теперь.

«16 августа — говоритъ архимандритъ Досиѳей — государь, отправивъ молебствіе, со всѣми кораблями отплылъ къ пристани нюхоцкаго соловецкаго усолья, куда, по долгу благодар-

---

*) За трапезою царь замѣтилъ, что никогда такъ пріятно и сытно не ѣлъ, какъ здѣсь. «Это оттого, отвѣчалъ архимандритъ Ѳирсъ, что наша пища и питіе приготовляются съ благословеніемъ и окропленіемъ святою водою» — какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ случаѣ авторъ описанія Соловецкаго монастыря, архимандритъ Досиѳей.

ности за оказанныя милости *), послѣдовалъ и соловецкой архимандритъ Ѳирсъ съ нѣкоторыми іеромонахами изъ братіи. Они поднесли великому путешественнику икону угодниковъ соловецкихъ, а во флотъ доставили довольно провизіи, что и принято отъ нихъ съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности. Напослѣдокъ, бывъ угощены на адмиральскомъ кораблѣ, получили милостивой отпускъ. Вскорѣ за симъ великій государь, сошедъ съ кораблей и отправивъ флотъ обратно къ Архангельскому порту, благоизволилъ путешествовать со всѣмъ войскомъ чрезъ Нюхоцкую волость по новопроложенной монастырскими крестьянами мостовой дорогѣ къ озеру Онегѣ, на Повѣнецкой погостъ, лѣсами, мхами и болотами, на разстояніе 160 верстъ. Экипажъ государевъ со свитою и двѣ яхты съ пушками провождены сею же дорогою монастырскими крестьянами за довольную плату. Въ послѣдующее время, по сему новопроложенному тракту, на содержаніе Соловецкаго монастыря крестьянъ, учреждены были почтовыя станціи отъ Нюхчи къ Повѣнцу на 120, а зимнимъ временемъ на 80 верстъ».

---

16 августа оставилъ я Нюхчу, но началъ дальнѣйшой свой путь подъ тѣми же неблагопріятными впечатлѣніями, съ какими въѣзжалъ въ это селеніе два дня тому назадъ. Карбасъ нашъ сѣлъ на мель у морскихъ пороговъ, до которыхъ мы въ первой путь не могли даже доѣхать. Нужно было дожидать прибылую воду, но пережидать привелось ее на мошкахъ и несчотномъ множествѣ комаровъ, усыпавшихъ берега. Солнце свѣтило во всей своей силѣ; въ воздухѣ было тепло. Оставалось припомнить всѣ обстоятельства, весь трудъ, съ какимъ пробирался нашъ карбасъ отъ самаго селенія между порогами и грудами наваленныхъ камней, при помощи сильныхъ рукъ гребцовъ-дѣвокъ, выходившихъ на берегъ или входившихъ по

---

*) Между этими милостями, архимандритъ Досиѳей упоминаетъ о 200 пудахъ пороха, выданныхъ монастырю изъ казеннаго заготовленія въ городѣ Архангельскѣ. Монастырь тогда же препроводилъ къ царскому двору девять живыхъ нерпъ. (См. «Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго перваклассного Соловецкаго монастыря» архимандрита Досиѳея. Москва, 1836).

колѣна въ воду. Оставалось, въ тоже время, созерцать пастуха и коровъ, пасшихся на противоположномъ берегу рѣчонки, и опять-таки сѣрую избушку, которая, на этотъ разъ, была уже не промысловая, не разволочная, а пастушья, что такъ замѣчательно-рѣдко попадается во всемъ поморьѣ. Все это могло бы унести воображеніе далеко-далеко, въ несравненно-лучшія, въ настоящія благодатныя мѣста и нарисовать болѣе родныя и свѣтлыя картины, если бы всѣ эти образы, на тотъ разъ, не разгоняло новое чувство съ иными проявленіями: этотъ путь отъ Нюхчи до Унежмы былъ послѣднимъ карбаснымъ путемъ, такъ сильно утомившимъ и опротивѣвшимъ втеченіе слишкомъ двухъ долгихъ мѣсяцовъ. Съ Унежмы начинался иной путь и новой способъ переправы, мною еще ни разу въ жизни неизвѣданный.

Помню, когда, къ неописанному моему счастію, проширкалъ нашъ карбасъ своей матицой—килемъ, для меня въ послѣдній разъ, по коргамъ и сталъ на мель, помню, что я нетерпѣливо бросился впередъ по мелководью оставшагося до берега моря въ бродъ; помню, что съ трудомъ я осилилъ гранитную, крутую вараку, выставившуюся мнѣ на встрѣчу и до того времени закрывавшую отъ насъ селеніе; помню, наконецъ, что осилилъ щелья, переползъ чрезъ всѣ другія спопутныя, перепрыгнулъ всѣ каменья, всѣ скалы и, освободившись отъ этихъ препонъ, бѣжалъ, бѣгомъ бѣжалъ въ селеніе. Я не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать, что небо задернулось тучами и сыпало крупнымъ, хотя и рѣдкимъ дождемъ: я видѣлъ только одно—вожделенное селеніе Унежму — маленькое съ небольшою церковью, которая скорѣе часовня, чѣмъ церковь; я ничего въ этотъ разъ не зналъ, что со мною будетъ дальше: такъ ли будетъ дурно, или еще хуже; я хотѣлъ знать и зналъ только одно, что меня не посадятъ въ мучительной карбасъ и не стѣснятъ меня будкой и капризами моря. Я хорошо зналъ и, признаюсь, какъ дитя, радовался тому, что привезшій меня карбасъ пойдетъ отсюда назадъ въ безпривѣтную Нюхчу, и что, если я захочу самъ, меня не повезутъ до Ворзогоръ прямымъ, ближнимъ путемъ, но путь этотъ опять таки идетъ моремъ, опять-таки въ карбасѣ. Нѣтъ, лучше возьму дальнѣйшой, болѣе поучительной путь и, въ первой разъ въ жизни, попробую ѣхать верхомъ

во-что бы то ни стало, чѣмъ сяду опять въ докучливой карбасъ.

— Давай, братъ, мнѣ лошадей!

— Готовы, отвѣчалъ староста: — вещи на тѣлежку-одноколочку положу и самъ сяду, а то тебѣ марко будетъ и неловко сидѣть, грязью закидаетъ, да и коротка таратаечка: еле чемоданъ-отъ твой уложился. А вотъ и тебѣ конекъ. Не обезсудь, коли праховой такой, да не ладной: сѣна-то вѣдь у насъ не больно же много живетъ, а овсеца-то они у насъ съ роду не видятъ.

И мы ѣхали дальше, и я мчалъ во всю прыть, на сколько позволяли дѣлать то скудныя силы моей клячи и чудная, гладкая дорога куйпогой, т. е. по песку, гладко обмытому и укатанному, до подобія паркета, недавно отбывшей водой. Видѣлись лишь калужины съ водой, еще не просохшей и застоявшейся въ ямахъ; видѣлся мнѣ песокъ, несмѣтное множество бѣлыхъ червей, выползавшихъ изъ подъ этого песку на его поверхность; кое-гдѣ кучки плавнику—щепокъ, наметанныхъ грудами моремъ; видѣлся лѣсъ, чернѣвшій по берегу, рѣчонка, выливавшаяся изъ этого лѣса, дальнія селенія впереди, изъ которыхъ одно было самое дальное — Вóрзогоры; видѣлась назади едва поспѣвавшая за мною одноколка съ моимъ чемоданомъ и ящикомъ; видѣлось, наконецъ, крайное неудобство моего сѣдла, кажется, и дѣланнаго съ тою преимущественно цѣлію, чтобы терзать все, что до него касается: стремена рваныя, высоко поднятыя и неспособныя опускаться ниже. Я мчалъ себѣ, мчалъ во всю немногую силу своей лошаденки, пугливой и, въ тоже время, къ полному моему счастію, послушной. Откуда взялись у меня силы; откуда взялось у меня умѣнье, удивившее даже привычнаго, приглядѣвшагося къ дѣлу ямщика? И неужели до такой поразительной степени справедлива поговорка, что нужда родитъ таланты? Какъ бы то ни было, но только въ четыре часа съ небольшимъ я успѣлъ сдѣлать на конѣ своемъ тридцать верстъ перегону до села *Кушерѣки*. Вспоминались мнѣ уже здѣсь таможенные солдаты, бродившіе по улицѣ Унежмы, бабы, ребятишки, мужики, разсказы моего ямщика о томъ, что здѣшной народъ весь уходитъ на Мурманъ; что дóма иногда строятъ они суда и даже лодьи, промышляютъ мелкихъ сельдей и навагъ на продольники; что попадаютъ также сиги, что хлѣ-

бомъ пользуются они отчасти изъ слѣдующаго мнѣ по пути селенія Нименги. Вспоминаются при этомъ кресты, также, по обыкновенію поморскихъ береговъ, разставленные и по улицамъ покинутой мною Унежмы; видится, какъ живой, одинъ изъ такихъ крестовъ подъ навѣсомъ, утвержденнымъ на двухъ столбахъ; вспоминаются бабы на поляхъ, подсѣкавшія траву, перевертывая коротенькую косу — *горбушу* съ одной стороны на другую; вспоминаются почему-то и зачѣмъ-то картины, развѣшенныя по стѣнамъ станціонной квартиры «Діогенъ съ бочкой и Александръ Македонской предъ нимъ въ шлемѣ»; «Крестьянинъ и Разбойникъ» (басня); «Къ атаману алжирскихъ разбойниковъ представляютъ бѣжавшую плѣнницу»; «Жена вавилонская, апокалипсисъ глава седьмая-на-десять»; «Дмитрій Донской»; «О богачѣ, дающемъ пиръ, и почему онѣ не пришли», и проч. Но ожидаютъ новыя впечатлѣнія, требуютъ вниманія новыя серьозныя данныя, передъ окнами разстилается новое селеніе — Кушерѣка, людное, изъ большихъ и красивыхъ селъ Поморскаго берега. Село это строитъ малыя суда (лодьи весьма рѣдко); за три версты до селенія по унежемской дорогѣ, въ трехъ сараяхъ варятъ соль: село имѣетъ церковь, не такъ древнюю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неоригинальной архитектуры, имѣетъ рѣку—Кушу, мелкую, но бочажистую (ямистую) и порожистую. Народъ ходитъ на Мурманъ; обрадовавшись уходу англичанъ, на этотъ разъ ушолъ туда почти весь. Ловится семга въ заборы, въ тѣже мережки, называемыя здѣсь уже нёршами; попадаютъ корюха, камбала; кумжу (форель) ловятъ сѣтями; ловятъ также по озерамъ мелкую рыбу для домашняго потребленія и по зимамъ удятъ навагъ для продажи. Сказываютъ также, что отъ того мѣста, откуда съ унежемской дороги видѣлась церковь Ворзогорскаго села, до этого послѣдняго, къ Онегѣ прямымъ путемъ, можно считать верстъ 20, между тѣмъ какъ мнѣ придется совершать теперь до него 53 версты, не считая 9 верстъ крюку, который придется сдѣлать въ сторону отъ почтовой дороги, до села Нименги. Дугой вытянулся весь этотъ берегъ до Ворзогоръ и видѣнъ почти ясно и съ лѣсомъ, и съ чернѣющими домами двухъ-трехъ спопутныхъ деревушекъ. Видятся впереди этого лѣса и этихъ деревушекъ морскіе пески, гладко укатанные и далеко уходящіе въ море; на нихъ свободно и безбоязненно сидятъ крикливыя чайки, внимательно, хотя

и безцѣльно, устремившія свои зоркіе взгляды вдаль шумливаго, вѣчно плещущагося моря. Искалъ я и здѣсь старинныхъ бумагъ, и не нашолъ, какъ не нашолъ ихъ въ Унежмѣ, какъ не нашолъ и въ слѣдующемъ за Кушерѣкой селеніи Малошуйкѣ.

Отъ Кушерѣки до Малошуйки считаютъ, почтовымъ трактомъ, 15 верстъ. Дорога идетъ сначала горой, спускается въ ложбину, какъ будто въ оврагъ какой-то; подкова лошади не звенитъ о придорожной гранитъ и не врѣзывается въ рыхлую тундру или въ летучій песокъ. Влѣвѣ видится узкая полоса моря, какъ говорятъ, на 8 верстъ отошедшаго въ сторону; еще нѣкоторое время чернѣетъ Кушерѣка своими строеніями, отливаетъ крестъ ея церкви—и все это пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ мы спускались въ ложбину. Тутъ шумитъ бойкая, по обыкновенію, говорливая рѣчка; черезъ рѣчку перекинутъ мостъ, на половину расшатавшійся, на половину погнившій. Вспоминались мнѣ на эту пору предостереженія кушерѣцкаго ямщика, подведшаго ко мнѣ лошадь съ такимъ оговоромъ:

— Конекъ маленькой, а не обидитъ тебя: нарочно такого про твою милость выбралъ.

Оставалось, конечно, поблагодарить; я и сдѣлалъ это.

— Только ты подъ устцы его не дергай — на дыбы становится, сбрасываетъ. Не щекоти опять же — задомъ брыкаетъ; не хлещи — замотаетъ головой, замотаетъ, не усидишь, хоть какой будь привышной. По веснѣ-то его гадъ (змѣя) укусилъ *).

— Такъ ты бы попользовалъ его.

— Пользовалъ: травы парили.

— Какія же?

— Голубенькіе такіе бываютъ цвѣточки...

— Словно бы колокольчики! добавилъ другой мужикъ.

— А ты бы, Никифорушко, канфарой примочилъ, вступился третій.

— А ладно, отвѣчалъ Никифорушко:—есть канфара-то; разнощики, вишь, у насъ въ деревнѣ-то живутъ: есть, чай, у нихъ. Ладно-ну!

---

*) Змѣй на всемъ западномъ берегу Бѣлаго моря очень много, но за то лягушекъ нигдѣ не видно, въ особенности сѣвернѣе Кеми.

Лошадка, вопреки предостереженіямъ, оказалась бойкою, не брыкливою и не тряскою, такъ-что я успѣлъ даже приладиться ѣхать на ней вскачь, особенно послѣ того, какъ дорога изъ ложбины потянулась въ гору. Тянулась дорога эта по косогорью, кажется, двѣ-три версты; скакалъ мой конекъ, для котораго достаточно было одного только взвизга, легкаго удара поводьемъ, и вынесъ меня на гребень горы, на которомъ только-что могла умѣститься одна дорога: такъ узокъ и обрывистъ былъ этотъ гребень. Узенькимъ, хотя и замѣчательно гладкимъ рубежкомъ шла по этому гребню почтовая тропа, достаточная, впрочемъ, для того, чтобы пропускать верховаго и потомъ одноколку также съ верховымъ. И одноколка, съ трудомъ поспѣвая за мной, плелась себѣ впередъ, не задѣвая ни за придорожные пни, ни за сучья. Мы продолжали, между тѣмъ, подниматься все выше и выше; казалось, и конца не будетъ этой горѣ и этому гребню; казалось, уведутъ они насъ высоко-высоко и покажутъ дальное море, ржавое болото, но и только. Но вотъ впереди насъ на спопутномъ холмикѣ показался крестъ подъ навѣсомъ; рядомъ съ нимъ другой; гора здѣсь какъ-будто надломилась и пошла впередъ отлого, внизъ, замѣтно не круто, какими-то тересами, приступками. Но ѣхать дальше было невозможно. Я, какъ прикованный, остановился на одномъ мѣстѣ и, какъ видно, самомъ высокомъ мѣстѣ горы и дороги на половинѣ станціи, какъ предупреждалъ ямщикъ раньше; ямщикъ говорилъ еще что-то и долго и много, но я уже не слушалъ его: я былъ всецѣло обхваченъ чарующею прелестію всего, что лежало теперь передъ моими глазами.

Высокія березы и сосны, не дряблыя, но вѣтвистыя, съ бойкою крупною зеленью, провожавшія насъ на гору, здѣсь раздвинулись, нѣсколько порѣдѣли и какъ-будто именно для того, чтобы во всей прелести и цѣльности открыть чудныя окрестныя картины. Пусть отвѣчаютъ онѣ сами за себя; пусть очаровываютъ онѣ отвыкшее отъ подобныхъ картинъ око, забывшее объ нихъ на однообразіи прежнихъ поморскихъ видовъ. Влѣво отъ дороги, по всему отклону горы, разсыпалась густая березовая роща, темнившая, уничтожавшая тяжолый, густой цвѣтъ хвойныхъ деревьевъ, примѣтныхъ только при внимательномъ осмотрѣ. Роща эта сплошною, непроглядною стѣною обступила зеркальное озеро, темное отъ густой тѣни, наброшен-

ной на него, темное оттого, что ушло оно далеко внизъ, разлилося подъ самой горой, полное рыбы, полное картинной прелести, гладкое, невозмущаемое, кажется, никогда ни одной волной. Солнце, разливавшее всюду кругомъ богатой свѣтъ, не проникало туда ни однимъ лучомъ, не посмѣло нарушить царствовавшаго тамъ мрака, картиннаго, своеобычнаго мрака. Мракъ этотъ сливался съ тѣнью берега, сливался съ мракомъ густой прибрежной рощи и тотъ же мракъ растилался по всему протяженію этой рощи, поднимавшейся на берегъ озера, также въ-гору. Видно было, какъ постепенно склонялась эта роща на дальнѣйшомъ своемъ протяженіи, рѣдѣла замѣтно, переходилавъ кустарникъ, пропадала въ этомъ кустарникѣ, пропадалъ и этотъ кустарникъ въ спопутномъ пескѣ. Песокъ тянулся немного; на него уже плескалось, набѣгало волнами своими море, у самаго почти горизонта, далеко—далеко. Узкой полосой, чорной, также зеркальной, видѣлось это море; словно озеро, тянулось дальше вправо и влѣво на неоглядную даль, которую уже не могъ пронизать самой зоркой глазъ, проникнуть самое быстрое воображеніе. Ничего не видать было на этой дали, кромѣ песку и моря, ничего не слыхать было оттуда: далеко отошла вся эта картина въ сторону, такъ чудно завершаемая у подножія горы нашей тѣнистой рощей и зеркальнымъ, темнымъ озеромъ. Направо, по горѣ, тянулся тотъ же густой, безпросвѣтной лѣсъ и уже недолго: на нашихъ же глазахъ быстро обрывался этотъ лѣсъ и не переходилъ уже въ кустарникъ, а прямо въ топкое, ржавое болото. Безпріютная, мертвенная краснота этого болота, богатаго морошкой, кочками, гадами, больно била въ глаза, какъ нѣчто безсильно противорѣчащее со всѣмъ видѣннымъ прежде. Какъ разбитыя стекла, какъ свѣтлыя пятна, отсвѣчивали и искрились на солнцѣ и играли бойкими отблесками эти ямы болота, которыя по мѣстамъ разбросались по немъ безцѣльно и безпривѣтно, и опять мертвенная ржавчина, убивающая всякую жизнь, всякое случайное поползновеніе къ этой жизни. Я оторвалъ глаза отъ этой смерти направо; я не хотѣлъ сравнивать ее съ жизнію, изобиліемъ, царствовавшимъ въ той же рощѣ, въ томъ же озерѣ, наконецъ, въ томъ же дальномъ морѣ. Я уже боялся встрѣтиться съ безжизненностью болота въ другой разъ, переносилъ взоръ свой на дорогу и здѣсь встрѣчалъ смѣлую, нетѣснимую ничѣмъ, свободную жизнь: кру-

жились миріады пестрыхъ, разноцвѣтныхъ бабочекъ, словно не боялись онѣ, что попали какъ-будто не въ свое мѣсто, что не дальше, какъ за версту, разстилалось безконечное, тысячеверстное корельское болото; словно и дѣла имъ не было до того! Здѣсь также, какъ и вездѣ по всему бѣломорскому побережью: берега обнажены и сѣверные вѣтры истребляютъ всякую растительность. Но стоитъ отойти немного верстъ—попадаются деревья. За то лишь только высокій берегъ защищаетъ почву съ сѣвера—является растительность, какой вовсе нельзя ожидать, судя по географической широтѣ. Въ началѣ весны, когда начинаетъ цвѣсти черемуха — первое дерево, привѣтствующее своими бѣлыми частями, наступленіе лѣта въ нашомъ климатѣ,—аконитъ въ полномъ развитіи цвѣтовъ. Природа истощаетъ послѣднія силы свои, рѣшительно раззоряется, чтобы нѣсколько оживить и украсить эти мертвыя страны. Въ Петербургѣ аконитъ цвѣтетъ почти къ осени, на Бѣломъ морѣ онъ къ лѣту въ ростъ человѣка. Между деревьями глядѣли голубенькіе цвѣточки, между ними какъ будто запутался заблудившійся василекъ, отдавали своимъ свѣжимъ, нѣжнымъ запахомъ анютины глазки, еще какіе-то не архангельскіе цвѣты; тутъ же видѣлась отзрѣвавшая, съ пожелтѣлыми листьями морошка; выползалъ изъ подъ гнувшейся хвои и листвы здоровый, сочный масляникъ, весь облитой словно масломъ можетъ-быть, на нашихъ же глазахъ проточившій свою головку на свѣтъ Божій; видѣлись, наконецъ, бѣлые грибы, красноголовые боровики, видѣлось много... видѣлась, однимъ словомъ, иная жизнь, царствующая только вдали, тамъ, гдѣ у народа одна забота — поле, одно попеченіе — лѣсъ и покосы, и жнива, и которой здѣсь какъ-будто лишное, не свое, не должное мѣсто. Здѣшной народъ отвыкъ, даже незнакомъ съ такими мѣстами и могъ бы обойтись безъ нихъ: только значеніе праздничнаго зрѣлища для отдыха и нѣкотораго успокоенія можетъ имѣть для нихъ вся эта мѣстность, отъ которой глазъ бы не отрывалъ, къ которой бы вернулся еще разъ, и третій, и десятой разъ. Столько въ ней было прелести, столько въ ней было чего-то, что унесло меня въ дальнія, знакомыя мѣста, обхватило самыми свѣжими воспоминаніями о давно покинутыхъ мѣстахъ для иной жизни, для иныхъ обязанностей: въ нихъ уже немного поэзіи и нѣтъ очарованій!

— Что заглядѣлся долго: али ужъ хорошо больно?

И ямщикъ, стоявшій все время, поѣхалъ впередъ; я безсознательно повиновался ему.

— Гора, вишь, здѣсь, самое высокое мѣсто, такъ и беретъ глазъ-отъ далеко — оттого это. Малошуйскія бабы за грибами сюда ходятъ; много грибовъ по горѣ-то этой живетъ; попадаются и бѣлые: сушатъ, во щахъ ѣдятъ по постамъ... Морошку-то мочатъ больше, а то и такъ ѣдятъ — говорилъ мой ямщикъ во все то время, когда исчезала отъ насъ часовня; стушовывались всѣ эти чудные виды; но я еще долго не отрывался отъ нихъ, нѣсколько разъ поднимался снова наверхъ къ часовнѣ и всякой разъ встрѣчалъ отъ ямщика наставленія:

— Пора, ваше благородье, на мѣсто: стемнѣетъ, хуже будетъ: дорога за Малошуйкой самая такая неладная, что и нѣтъ ея хуже нигдѣ. Полно, будетъ!

Ровная, какъ доска, дорога сбѣжала съ горы, повернула въ кустарникъ, бѣжала между дряблыми болотными деревьями, выбѣжала на берегъ рѣки, вела этимъ берегомъ; но впечатлѣнія, навѣянныя мнѣ чудными нагорными видами, преслѣдовали меня всецѣло, возставали какъ живыя, какъ наглазныя. И опять вспоминался приволжской край, и опять воспоминанія эти въ моемъ воображеніи не теряли своего мѣста, но приходили съ новой силой, съ новыми подробностями. Разстилавшіяся поля, ржаныя и яровыя, и теперь передъ глазами; попадались бабы съ серпами на плечахъ и съ серпами, подбиравшими на жнивѣ пучки захваченныхъ въ руку колосьевъ. Но вотъ опять болото раскинулось по дорогѣ; по болоту пошла гать, размытая дождями, съ грязными выбоинами, съ погнившими и оголившими свои сучья бревнами. И все-таки я былъ счастливъ, несказанно счастливъ, какъ ни разу во всѣхъ лѣтнихъ переѣздахъ своихъ по прибрежьямъ своеобразнаго, но утомительнаго Бѣлаго моря. Оно покажется мнѣ еще раза два-три, но издали, на послѣднее прощанье и уже около самаго Архангельска. Теперь...

Село Малошуйка большое, раскиданное по двумъ берегамъ довольно широкой рѣчонки. Встрѣчаетъ оно меня своими большими домами, деревянной, еще не старой церковью; а оставшіеся дома жители его разсказали о томъ, что село это нѣкогда, до штатовъ, приписано было къ Кожеозерскому монастырю (существующему еще до-сихъ-поръ вверхъ по р. Онегѣ); что они стрѣляютъ птицъ и деньгами отъ продажи ихъ опла-

чиваютъ государственныя повинности; бьютъ и морскихъ звѣрей, ловятъ и рыбу, но въ незначительномъ количествѣ; что большею частію они, по лѣтамъ, также выбираются на Мурманъ и строятъ суда, но немного; что, наконецъ, *отлучаются* и въ Питеръ для черновыхъ работъ, на которыя укажетъ случайность и личной произволъ хозяевъ. Прежде занимались въ селѣ Малошуйскомъ хлѣбопашествомъ, но теперь производится это въ меньшихъ размѣрахъ, оттого-де, что земля неблагодарна, а вѣроятнѣе оттого, что сманили богатые сосѣди — океанъ и море. По церковному «Памятнику» видно, что церковь Срѣтенія освящена, въ 1600 году, по благословенію новгородскаго митрополита Евѳимія, а другая церковь (холодная), Николая Чудотворца, сооружена въ 1700 году. Обѣ церкви эти существуютъ и въ настоящее время, и обѣ заново обиты тесомъ. Жители здѣшніе еще держатся православія и только незадолго до моего пріѣзда вывезены отсюда въ Онегу два раскольника, явившіеся было сюда проповѣдывать старый законъ и исповѣданіе. Разсказываютъ еще, какъ-бы въ дополненіе ко всѣмъ этимъ свѣденіямъ, что у самаго почти селенія есть небольшой, саженъ въ 50 высотою, обсыпавшійся курганъ, который сохраняетъ еще новое преданіе о набѣгахъ паньковъ (литовскихъ людей) и тяжоломъ времени *па́нъщины*. Сюда будто-бы малошуйской народъ, провѣдавъ о скоромъ набѣгѣ непріятелей, спряталъ свои богатства въ трехъ црѣнахъ (котлахъ): въ одномъ положено было золото, въ другомъ серебро, въ третьемъ мѣдь. Црѣны эти покрыты были сырыми кожами, засыпаны землей, образовавшей этотъ холмъ, или челпанъ—по-здѣшному говору, и зачурованы крѣпкимъ заговоромъ. Никто не можетъ взять этого клада (пробовали нѣсколько разъ, разрывали гору); откроется и скажется: выйдетъ наружу кладъ этотъ тогда, когда явятся сюда семь Ивановъ, всѣ семь Иванычей, всѣ одного отца дѣти. Узнаютъ объ этомъ московскіе купцы — придутъ и раскопаютъ...

Преданіе объ этихъ панькахъ не пропадаетъ и дальше, и еще разъ встрѣчается при имени слѣдующаго за Малошуйкой селенія Во́рзогоръ, которое будто бы называлось прежде *Во́рогоры* и по той причинѣ, что первое заселеніе этого мѣста начато *ворами*, тѣми же паньками, основавшими здѣсь свой главной притонъ. Поселившись на высокой горѣ, паньки эти—во-

ры—прямо изъ селенія могли видѣть всѣ идущія по р. Онегѣ и по Бѣлому морю суда, всякаго ѣдущаго по нименгской и малошуйской дорогамъ. Преданіе это присовокупляетъ далѣе еще то, что ворзогорскіе воры грабили окрестности и потомъ, когда приписаны были къ Нименгѣ, селенію, брошенному въ сторону отъ почтовой дороги, на рѣкѣ того же имени, занятому вываркой соли въ одномъ чренѣ и заселенному, какъ говоритъ тоже преданіе, еще во времена Іоанна Грознаго. Разсказываютъ также, что въ Малошуйкѣ живалъ нѣкогда богатырь Ауровъ, который-де, что сѣно косилъ, побивалъ дубиной нападавшихъ на селеніе паньковъ съ бердышами, которые были-де какъ грабли, по формѣ своей и внѣшному виду. За Нименгой въ болотахъ (разсказывали другіе), лѣтъ тому восемьдесятъ назадъ, семьи бѣглыхъ образовали было селеніе, относительно людное и большое; но одинъ случай, причиною котораго было поползновеніе къ свальному грѣху однсго изъ поселенцовъ—и именно убійство за то виновнаго пѣшней, въ потьмахъ въ сѣняхъ — уничтожило дѣло поселенцовъ въ самомъ началѣ. По случаю убійства этого, наѣхалъ судъ и разогналъ всѣхъ поселенцовъ; теперь уже нѣтъ селенія, а обитатели его спокойно перебрались въ сосѣднія, оженились тамъ и незамѣтно пропали въ массѣ защищонныхъ правами законовъ обитателей.

Въ Малошуйкѣ свадьба: крестный отецъ — по старинному новгородскому обычаю, которому слѣдовала, можетъ быть, и Марфа Посадница, выходя замужъ за Исака Борецкаго—крестный отецъ (или брюдга крестная мать) сходилъ сватомъ, вызвалъ невѣстина отца въ сѣни (непремѣнно въ сѣни), сговорился съ нимъ, уславъ вѣсть о намѣреніи въ невѣстину избу; разнесли ее бабы по деревнѣ.

— Находитъ на дѣло!—защебетала и невѣстина и женихова бабья родня. Надо ладить жениховой роднѣ подарки: будущему свекру: ситцевую рубаху, холщовые порты, будущей свекрови—штофъ на сороку, которую сладитъ она въ видѣ копыта и положитъ въ сундукъ, если заразилась отъ молодыхъ дѣвокъ городскою модой. Ей же припасаетъ невѣста красной холстины на сорочку (которую по Бѣлому морю рубахой не называютъ). Золовкамъ пойдетъ штофное очелье къ дѣвичьей повязкѣ; деверьямъ по ситцовой рубахѣ, да вмѣсто стариковыхъ портовъ по ивановскому платку съ цвѣточками, либо съ городочками. Же-

никовъ отецъ или самъ женихъ даютъ невѣстину отцу деньги «на подъемъ», т. е. на вино.

Если злые люди свадьбы не расхинятъ (не разстроютъ), если не увѣрятъ въ томъ, что невѣста «кросенъ разставить не толкуетъ» (т. е. не умѣетъ ничего дѣлать) быть представленію сложному, многотрудному.

Зажогши свѣчу и помолившись иконамъ, начинаютъ пить малое рукобитье: дѣло кончено, по рукамъ ударено и малое рукобитье выпито. Теперь за «большимъ» стоитъ дѣло. Ходитъ невѣстинъ отецъ по знакомымъ, всякаго проситъ, молитствуется: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій! Иванъ Михайлычъ загости ко мнѣ хлѣба-соли кушать, на винну чарку». Невѣста съ дѣвушками идутъ въ свою бесѣду, которая называется «заплачкой». Она прощается поочередно съ каждой подругой. Женихъ посылаетъ двухъ парней съ угощеніями. Съ ними приходитъ и невѣстина крестная мать, съ «почолкомъ» или повязкой съ двумя рогами, вышитой на серебрѣ кемскимъ жемчугомъ, которую и надѣваютъ на невѣсту. Теперь, само собою разумѣется, плакать. Невѣста плачетъ и вычитываетъ:—стиховодничаетъ, подруги подголосничаютъ, помогаютъ стихи водить такіе:

Не во саду-то я бѣдная обсидѣласе,
Не на садъ-то я, бѣдна, оглядѣласе,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазоревы.
Не вода надо мной разливается
Не огонь надо мной разгорается:
Разгорается мое зяблое сердце ретивое
Разливаются мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу—не румяному.
Что за чудо — за диво великое
Прежде этыя поры—прежде времени
Сидѣла я глупа косата голубушка
Въ собранной своей тихой бесѣды смиренныя
Не бывала крестовая ласкова матушка
Со хорошой-то моей дорогой воли вольныя.

—

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя
Не расплетайте моей русой косы красовитыя
Два востраго ножа, два булатнаго
Обрѣжьте свои бѣлыя опальныя рученьки—

поетъ невѣста такъ потому, что въ это время расплетаютъ ей

косу торопливо и скоро,—скоро по той причинѣ, что та дѣвушка, которая выплететъ изъ косъ ленту раньше, беретъ себѣ эту ленту *). Окончаніе пѣсни обязываетъ невѣсту на новой обрядъ. Она «даваетъ добровъ», т. е. при каждомъ стихѣ ударяетъ правымъ кулакомъ въ лѣвую ладонь и кланяется въ поясъ; послѣ нѣсколькихъ такихъ поклоновъ падаетъ въ ноги тому, кому даваетъ добровъ и, поднявшись съ полу, обнимаетъ. Давая добровъ крестной матери, спрашиваетъ (съ подголосницами): «по чьему входишь повелѣнью ды (sic) благословленью,—со слова ли, съ досаду ли ласкотниковъ — желанныхъ родителей, не отъ своего ль ума да отъ разума?» Отвѣтъ заключается въ самой пѣснѣ. Невѣсту накрываютъ платкомъ и уводятъ изъ избы съ пѣсней:

Послушайте, мои милыя подруженьки любовныя!
Пойдемте вонъ со тихія бесѣды смиренныя:
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

Идя по улицѣ, поютъ о надеждѣ заступы милыхъ, ласковыхъ братьецовъ: «сполна-де пекетъ красное солнышко угрѣвное, — во родительскомъ домѣ—тепломъ витомъ гнѣздышкѣ сидятъ они вкупѣ во собраніи, весь-то родъ племя ближонное. Теперь слава тебѣ Боже—Господи! не бѣдная ды (sic) не обидная».

Если у невѣсты умерли братья либо на чужой сторонѣ на петербургскихъ лѣсныхъ дворахъ, либо погибли на морѣ,—невѣста споетъ на улицѣ добавокъ:

Собралисе бы сокопилисе
Изъ славныхъ-то питембургскихъ городовъ
Со печальняго синя солона моря.

Если братья умерли дома, надо прибавить такъ:

Со окатъ со горы со Микольскія **).

---

*) Въ селѣ Шуѣ сохранился еще обрядъ разлученія съ дѣвичьей повязкой. Невѣста прикладываетъ ее къ обѣимъ щекамъ и кладетъ на окошко, когда плачея-подголосница дѣвушка (которую обыкновенно сажаютъ на стулъ) поетъ заплачку: «брошу я за свѣтло окошко косящето,—пусть повыростетъ садъ—винограды зеленые, облядится чужа дорога круглоскатна жемчужинка на садъ—виноградье зеленое. Позабудемъ младу касатку голубушку». Впрочемъ у заплачекъ этихъ конца нѣтъ; такъ напр. въ селѣ же Шуѣ плачется невѣста и о томъ, что матушка дернички сошила (вязаные шерстяные нарукавники): тепло въ нихъ было рыбу ловить.

**) На Никольской горѣ находится кладбище.

Между тѣмъ кончилась улица, пришли къ лѣстницѣ. На лѣстницу эту вызываютъ родную мать для встрѣчи, безъ матери «не несутъ ножки рѣзвыя во часту во ступенчату лисвёнку, какъ севодня до посегоднешному». Когда выйдетъ мать со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ, со умильной-то со горазной со причетью,—стихи поютъ ей спасибо.

Приходятъ въ сѣни,—опять заплачка:

Становись моя поневольная млада головушка
Середь новыхъ-то сѣней перёныхъ.

Въ сѣняхъ снимаютъ съ головы платъ съ новой заплачкой:

Теперь скину свои очи ясныя
Оведу кругомъ новы сѣни переныя.
На которой стѣны ограды бѣлокаменныя
Стоятъ чудные Спасы многомилосливые.

И молитва:

Помолиться было сизой косатой голубушкѣ
Богу Спасу, Пресвятой Богородицы, —
Придучись со пути—со дорожки широкія.

Затѣмъ невѣста здоровается съ сѣнями (конечно стихами же):

Вы здорово новы сѣни переныя
Кругомъ свѣтлыя окошка косесчатыя
Кругомъ бѣлыя брусовыя лавочки.

Потомъ зоветъ подругъ въ домъ, приговариваетъ къ дому и себѣ, садясь на лавку въ песьнёмъ (печномъ) углу; потомъ опять стиховная молитва ко Господу и Пресвятой Богородицѣ и Николѣ Угоднику.

Свѣтъ Сударь Микола многомилосливой!
Попусти тонкой молодой незвучонъ голосъ.
Случилось слыхать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ то отъ младыхъ отъ ясныхъ отъ соколовъ
Черезъ три губы синя солона моря
Есть мощи-ты среди синя солона моря.
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ божья церковь пресвященная.
Благословите же Соловецкіе преподобные чудотворцы многомилосливые
Попустить тонкой молодой незвучонъ голосъ
По родительскому теплому витому гнѣздушку.

Попускаетъ невѣста звучонъ голосъ къ родителямъ, как

бы опомнившись, что забыла спросить и благословиться у нихъ: «чей домъ, того воля довольная». Затѣмъ плачъ о своей волѣ: «прости вольная волюшка! Оставайтеся всѣ шуточки-глумочки у родителей въ дому. Прошла теперь волюшка у красныхъ солнушковъ. Пошла я повыступила во женско печально, житье подначально. Не своя теперь воля-волюшка: День пройдетъ, даваючи, другой слова дожидаючись; третій похоячись (т. е. наражаючись): вотъ и вся недѣлька семиденная прошла—прокатилася. Приношу благодареньицо, что дрочили да нѣжили, крутили (наряжали) да ладили». Вставши съ лавки изъ печнаго угла она идетъ давать отцу «здоровъ». «Здоровъ» этотъ подлиннѣе всѣхъ и поскладнѣе:

Расшанитесь-ко народъ, люди добрые,
Чужи бѣлые хороши лебедочки
Дайте несомношечко пути дорожки широкія
Со одну дубовую моставиночку:
Пройти—проплыть сизой косатой голубушкѣ
На родительской домъ тепло витое гнѣздушко
Передъ бѣлые столы передъ дубовые.
Могу ли усмотрѣть дитя бѣдное
Сквозь туманъ горьки слезы горячія
На которой бѣлой брусовой на лавочки
Пекетъ красное сонцо угрѣвное, —
Сидятъ мои желанные сердечны родители
. . . .
Пропиваютъ меня сизу косату голубушку
Во злодѣйку—неволю великую.
Послушайко, желанный родитель-батюшко
За каку вину—опалу великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку—неволюшку?
Развѣ не трудница была не работница,
Не вѣрная слуга все измѣнная,—
Измѣняла ль тебѣ, красное солнце угрѣвное
У всякаго зелья—работы тяжолыя?
Не берѣя была краснымъ наливнымъ ягодкамъ?
Не ловѣя была свѣжія рыбы трепущія?
Развѣ укорять тебя стала упрекать
При толпахъ тебя—при артеляхъ великіихъ
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ?
Лучше найми меня въ казачихи-нахлѣбницы
Возми собину счотную—золоту казну
Заплати-ко чужимъ яснымъ-то соколамъ
За проторы убытки великіе
За довольное хмѣльно зелено вино.

Старикъ въ началѣ пѣсни сидитъ задумчивой и такъ какъ стихи водятся самымъ заунывнымъ голосомъ, то и нѣтъ того отца, у котораго не растопила бы эта заплачка сердце и который бы не рыдалъ за всю избу. Плачъ становится общимъ. Невѣста, которой уже надорвали нервы до того времени, плачетъ изподтишка; кланяясь въ ноги—съ трудомъ поднимается, обойметъ отцову шею да и скатится головой на плечо. Рѣдкая изъ невѣстъ допѣваетъ стихи благодарственные сначала отцу, потомъ матери, братьямъ и всѣмъ семейнымъ по тому же порядку, въ какомъ пишутъ письма роднымъ съ чужой стороны. Благодарятъ за невѣсту подруги ея и за то, что давали много вольной воли, дозволяли ходить—гулять по гульбамъ—прохладамъ, по тихимъ полуночнымъ вечеринкамъ; надѣляли покрутой—покрасой великой, что дивовался народъ—люди добрые, завидовали милыя подружки-лебедушки».

Когда выберутся изъ избы гости, невѣста одѣваетъ дѣвушекъ одну бариномъ, другую барыней. Барина въ синій кафтанъ; барыню въ хорошую шубейку и платокъ. Эти двое идутъ къ жениху съ пѣснями и отдаютъ ему честь поклономъ отъ невѣсты. Посланныхъ сажаютъ за столъ и подчуютъ виномъ или водкой. Рѣдкая изъ нихъ не выпьетъ при этомъ двухъ-трехъ рюмокъ, стараясь вернуться къ невѣстѣ пошатываясь, какъ бы пьяными. По дорогѣ проказятъ: у холостыхъ ребятъ опрокидываютъ на дворахъ костры дровъ, загораживаютъ дорогу въ ворота дровнями, санями и проч., что попадетъ подъ руку. Выбираютъ разумѣется тѣ дворы, гдѣ понужнѣе и попріятнѣе. Чаще же всего затаскиваютъ дровни на рѣку и запихиваютъ въ прорубь.

Возвратившись къ невѣстѣ,—начинаютъ гулять; заунывныя пѣсни смѣняютъ на веселыя. Захватившись въ кругъ руками, вертятся, притоптываютъ и поютъ такую пѣсню:

Бражка ты, бражка моя
Да и — и — ихъ — и!
Дорога бражка поссучена была
На ручью-то бражка ссученая,
На полатяхъ разсоложеная
Да на эту бряжку нѣту питуховъ
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ.
Я после мужа въ честномъ пиру была
Со боярами состольничала.

Супротиву холостова сидѣла
Супротиву на скамѣечки
Ужъ я пьяна я непьяная была
Я кокошничокъ въ рукахъ несла
Подзатыльничокъ подъ поясомъ.

И пошла крутить гульба до упаду. Нѣкоторыя дѣвушки остаются ночевать у невѣсты.

Утромъ приходятъ отъ жениха дружки—два холостые парня будить невѣсту, которую подруги стараются спрятать какъ можно дальше *). Прячутся и сами подъ одѣяла, шубы, солому, кафтаны, укрывая лицо для того, чтобы дружки дольше не могли признать гдѣ спитъ невѣста. Къ этой путаницѣ дружкамъ не одинъ разъ доведется понапрасну прочесть молитву и поднять съ постели не ту, которую слѣдуетъ. Того, кто показалъ невѣсту, дружки благодарятъ калачами **). Будятъ невѣсту такой молитвой: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, княгиня первобрачна (имя рекъ) станъ убудись, отъ крѣпкаго сна прохватись: бѣлой свѣтъ спорыдаитсе, заря размыкаетсе; на улицѣ собаки лаютъ, ребята играютъ, по боярскимъ домамъ соловьи свищутъ, по крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся. Скинувъ одѣяло, невѣста начинаетъ стиховодничать; въ стихахъ выражаетъ сѣтованіе, что вотъ будила родная матушка, сегодня убужаютъ чужи младые ясны соколы. У всѣхъ были перины пуховыя, тепло одѣяло соболиное,—у ней, у невѣсты, вмѣсто перины три ряда сѣрыхъ валючихъ камешковъ, одѣяломъ была бѣлая льдина холодная. Во снѣ она видѣла, что подъ свѣтлымъ окошкомъ косесчатымъ стоитъ тихое приглубое озеро; въ немъ плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки; у нихъ подобрано легкое крылье утиное; у одной это крылушко распущено. Эти утушки—подружки любовныя; у нихъ зачесаны младые буйны головы. Только у ней одной распущены тонкіе вольные волосы.

А потому зовутъ мать чесать голову; просятъ найти ее хо-

---

*) Архангельскіе дружки замѣчательны тѣмъ, что въ числѣ своихъ атрибутовъ они снабжаются колокольчиками. Ихъ они не выпускаютъ изъ рукъ и, куда бы ни пошли, равномѣрно побрякиваютъ.

**) Бѣломорскіе калачи, глухіе кулебячьки въ родѣ московскихъ сгибней съ солеными сельдями, изъ ржанаго и пшеничнаго тѣста.

рошій частозубчатой гребешокъ, вплести семишолковыя ленточки. Когда мать вычешетъ голову, получаетъ пѣсенную благодарность съ сожалѣніемъ, что не заплела косы и не вплела въ нее ленточекъ.

Посылаетъ невѣста сестру за водою на рѣку обмыть горьки слезы горячія, намыть радости—веселья великаго, но съ наказомъ: первую струю пропустить внизъ по славной Дунай-рѣкѣ и другую туда же, а изъ третьей струи зачерпнуть водицы ключовыя. Первой струей умывается разлучница злодѣйка-неволя; другой чужи дальни несердечные, а богоданные (жениховые) родители. Съ третьей струи у частой ступенчатой лѣсенки надо поплеснуть воды студеныя: пусть выростетъ чаща-роща непроходимая, чтобы нельзя было ни пройти, ни проѣхати разлучникамъ злодѣямъ великіимъ.

Послѣ этого стиха невѣста умывается водой, а подруги пекутъ блины, которыми угощаютъ дружекъ и подшучиваютъ: всей аравой стянутъ съ ногъ сапоги, нальютъ въ нихъ воды или накладутъ снѣгу и куда нибудь запрячутъ. За сапоги берутъ выкупъ калачами. Сама невѣста пришьетъ дружкамъ на плечи по лентѣ: большому на правое, малому на лѣвое; даетъ каждому по бѣлой опояскѣ, затѣмъ молится Богу, предварительно попросивъ стиховнымъ плачемъ зажечь свѣчу у иконы:

Помолиться было Богу Спасу, Пресвятой Богородицы за Царя Восударя, Великаго за Матушку Царицу Восударыню. Имъ дай Господи здравія здоровья, долгаго вѣку протяжнаго; жить послѣ меня, а маленькими середечными дѣтушками, со всей силой—Арміей. Теперь помолиться за ласкотнова родителя батюшку, за мать, за братьевъ, сестеръ и всѣхъ домашнихъ; за всѣхъ подругъ и за себя-самоё, чтобы жить во злодѣйкѣ-неволѣ великой.

По окончаніи молитвы отцу «добровъ» тотъ самый, что отданъ былъ и на рукобитьѣ. За тѣмъ приготовляется въ баненку парную мыльную, но проситъ отца жаловать идти впереди себя; за нимъ мать, подругъ и всѣхъ сосѣдей, величая по имени. По выходѣ изъ бани невѣсту накрываютъ платкомъ: спасибо тебѣ парная мыльная баѐнка на храненьи да на береженьи. Ужъ раскатить бы тебя съ верхняго бревешка до нижняго, да пусть моются въ тебѣ ласкотники желанные родители:

глупая моя младая буйна головушка (не надо мнѣ желать этого).

Затѣмъ невѣста проситъ у отца лошадей погулять по Дунай-рѣкѣ быстрой, покрасоваться во честномъ похвальномъ дѣвочесьви, во ангельскомъ чину—во архангельскомъ; проститься со славной гладкой горочкой, со хорошой новошатровой колоколенкой.

Катаются на трехъ лошадяхъ въ саняхъ до полудня, пока невѣста не объѣдетъ всей той родни своей, гдѣ прежде гащивала. Вездѣ «дѣлаетъ добровъ» кто былъ добръ—тѣмъ стиховодничаетъ, кто не ласковъ былъ, тѣ вправѣ на этотъ разъ выкорить при всемъ честномъ народѣ. Не успѣетъ объѣздить всѣ избы, останавливается и даетъ добровъ на улицѣ. У женихова дома дружки выносятъ водку и подчуютъ ею подругъ и самую невѣсту. Къ возвратившейся домой невѣстѣ пріѣзжаютъ гости чёсные: крестная мать женихова, сестры его и тетки. Невѣста встрѣчаетъ ихъ привѣтствіемъ на улицѣ, сажаетъ за столъ и проситъ мать свою разставливать столы бѣлодубовы, развертывать скатерки бѣльчатыя, сажать гостей милыхъ — небывалыхъ.

По отъѣздѣ чесныхъ невѣста надѣваетъ на себя хорошее платье и повязки. Повязками ударяетъ по воздуху, хлопаетъ (это называется «невѣста красуется») и принаряжается во покруты покрасы великія. Затѣмъ благодаритъ за нихъ отца и братьевъ. По окончаніи красованья она садится подъ образомъ, обвѣшаннымъ полотенцомъ, шитымъ по концамъ красной бумагой. У образа горитъ восковая свѣча. Садится невѣста «за байникъ», т. е. за столъ, накрытый скатертью съ хлѣбомъ-солью. Приглашаетъ отца и мать ко бѣлу-пшеничному байничку. Подходитъ отецъ и, помолившись Богу, даритъ ситцу на сарафанъ или на рукава (на станъ), судя по состоянію. Подходятъ и дарятъ всѣ, кто пилъ вино на рукобитьѣ. Получивши подарокъ, невѣста обнимаетъ каждаго по нѣскольку разъ.

Съ невѣстой конецъ,—теперь за женихомъ дѣло.

Благословившись у родителей, онъ ѣдетъ съ большимъ дружкой звать свою родню «въ поясъ» (на свадьбу), т. е. идти съ поѣзжанами за невѣстою. По улицѣ ѣдетъ безъ шапки и за большое удовольствіе считаетъ пригласить «къ себѣ въ законный бракъ» встрѣчнаго, когда родня его, т. е. поѣзжане собе-

рутся, они пойдутъ впереди, за ними «тысяцкой» (который сваталъ невѣсту) съ иконой въ рукахъ; наконецъ женихъ и сватьи (крестная мать и тетки). Для встрѣчи ихъ въ сѣняхъ у невѣсты зажжены у св. иконъ восковыя свѣчи, почему поѣздъ и останавливается здѣсь для богомоленья. Стихи въ избѣ прекращаются и дѣвки захватываются кругомъ невѣсты такъ, чтобы ей не видно было, когда зайдутъ гости въ избу. Дружки съ великимъ трудомъ заталкиваютъ кучу дѣвушекъ въ заднiй уголъ, и выхватываютъ у нихъ невѣсту. Ее уводятъ въ горницу или въ подъизбицу снаряжать къ вѣнцу. Въ это время женихъ уже сидитъ съ поѣзжанами за столомъ противъ невѣстина образа. Изба полна народа: пришли смотрѣть жениха. Это — *смотрѣнье*, когда едва можно повернуться въ избѣ, къ тому же наносятъ еще досокъ, настановятъ скамѣекъ, чтобы всѣмъ и все было видно. Сидятъ смотрёны на воронцахъ, на печи, на полатяхъ, наваливаются на столъ, который то и дѣло поскрипываетъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ въ предупрежденiе порчи обиваютъ печи досками, чтобы не проломали. Дружки какъ ни стараются, ничего въ такихъ дѣлахъ не успѣваютъ: гости требовательны и настойчивы, требуя посмотрѣть невѣсту, которую для этой цѣли сажаютъ иногда за столъ на показъ.

Дѣвки поютъ уже свадебныя пѣсни. Особенно злобятся на свата, какъ и вездѣ на всей Руси святой и стародавной.

Да тебѣ, свату большому
Да измѣнщику дѣвочьему
(такому-то)
На ступень ступить нога сломить,
На другой ступить друга сломить.
На третьей голова свернуть.
Того мало свату большему
Да измѣнщику дѣвочьему:
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полошубками,
Подъ четырема тулупами.
Да трясло бъ тебе повытрясло
Да сквозъ печь провалитисе
Въ мясныхъ щахъ оваритисе.
Того мало свату большему
Да измѣнщику дѣвочьему:
Съ хоромъ бы тя о борону
Да съ горы бы тя о каменье

Безъ попа безъ покаснья
Безъ духовнаго батюшка, —
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не нахваливалъ
Чужи дальныя стороны
Да подгорскія слободы.
Она горемъ насѣяна
Да слезами поливана.

Каждый стихъ вдобавокъ поется по два раза. Пѣсни стихаютъ. Передъ столомъ появляется невѣста въ лучшемъ нарядѣ, закрытая платкомъ, съ двумя своими сватьями. Поклонившись три раза поѣзжанамъ, она начинаетъ обносить виномъ каждаго, за что кладутъ ей въ чарку какую нибудь монету, либо орѣхи, либо пряники. Когда дойдетъ очередь до жениха, то онъ самъ уже подноситъ невѣстѣ красной водки до трехъ разъ (она не соглашается). Послѣ этой церемоніи онъ подаетъ ей на подносѣ покрывало (большой платокъ), мыло, въ которое натыкано на ребро грошей, за мыломъ—гребень, зеркало, потомъ большой пряникъ. Встаетъ дружка *большой* и говоритъ невѣстѣ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій. Княгиня первобрачная у столовъ была, молодаго князя видѣла, подарочки приняла: мыльцо, гребешокъ, зеркальцо, пряничекъ: мыльцомъ умойся, гребешкомъ зачешись, въ зеркальцо посмотрись, пряничкомъ закуси. У нашего князя (имя рекъ) горка низенька, водка близенько, ходи хорошенько. Сяжу грезь подъ матицу весь, худые порядки оставляй дома у матки, а хорошіе съ собой забирай.

Молодой дружка выступаетъ; подаетъ дѣвушкамъ на подносѣ калачи за пѣсни. Женихъ даетъ прихожимъ мужикамъ денегъ на водку: эти подарокъ принимаютъ за совѣтъ уходить вонъ изъ избы. Въ избѣ стало просторно.

Невѣсту снова накрываютъ платкомъ и заводятъ за столъ къ жениху. Здѣсь невѣстинъ отецъ благословляетъ обоихъ три раза той самой иконой, которая была на стѣнѣ, и передаетъ ее тысяцкому. Всѣ встаютъ съ лавокъ, молятся Богу и идутъ къ вѣнцу въ церковь. Женихъ ведетъ невѣсту за платокъ, а «рожники» (братья) подъ руки. Впереди идутъ дружки, побрякивая

колокольчиками; поѣзжане поютъ пѣсни. Подруги за невѣстой въ церковь не ходятъ.

Во время вѣнчанія въ трапезѣ раздаютъ народу свадебные пироги *). Послѣ вѣнца одѣваютъ (крутятъ) невѣсту въ бабій повойникъ (вѣнчалась она въ повязкѣ дѣвичьей) и она съ молодымъ, благословившись у священника, идетъ въ домъ жениха. Въ сѣняхъ встрѣчаетъ новобрачныхъ свекоръ хлѣбомъ и солью, т. е. рѣшетомъ, въ которое насыпано жито (ячмень) и на него положены хлѣбъ и соль. Рѣшетомъ свекоръ три раза обводитъ вокругъ наклоненныхъ головъ молодыхъ и передаетъ своей женѣ для того же. Отъ матери беретъ молодой и передаетъ молодухѣ, которая несетъ хлѣбъ-соль въ домъ и кладетъ на столъ. Въ избѣ, послѣ обыкновеннаго моленія, молодые съ тысяцкимъ садятся за столы. Свекоръ раскрываетъ лицо молодой и здоровается съ нею **), за нимъ всѣ семейные и поѣзжане съ плеча на плечо, приговаривая: «здорово ли подъ вѣнцомъ стояли?» Дружки подносятъ по рюмкѣ водки поѣзжанамъ и эти уходятъ. Молодые ужинаютъ одни безъ поѣзжанъ. Имъ обѣденной столъ послѣ, когда отдохнутъ до «ружниковъ» т. е. тѣхъ, которые привезутъ отъ отца и матери приданое: сундуки и перины.

Послѣ ужина молодые идутъ спать въ клѣть, гдѣ невѣста растегиваетъ у жениха кафтанъ и снимаетъ сапоги, въ которыхъ положено нѣсколько серебряныхъ монетъ. При этомъ молодой пользуется случаемъ выманить поцѣлуй, не спуская съ ногъ сапоговъ. Въ силѣ ноги у жениха возможность сорвать такихъ поцѣлуевъ десятки. Затѣмъ молодой валится на кроват лицомъ къ стѣнѣ и не поворачивается до тѣхъ поръ, пока мо-

---

*) Передъ назначеннымъ днемъ свадьбы строго ведется въ церквахъ обычай «выклички», что такой-то беретъ себѣ въ жену такую-то. Въ самый день свадьбы невѣста ходитъ съ дѣвушками къ утрени служить молебенъ.

**) На рѣкѣ Пинегѣ, далеко отъ Бѣлаго моря, при этомъ вводится еще такой обычай: когда молодую закрытую приведутъ отъ вѣнца и отецъ жениховъ станетъ поднимать покрывало, — она не дается. Ее хлопаютъ по лбу ковригой и сулятъ денегъ, жита, нарядовъ. Она все упирается. «Вотъ — говоритъ отецъ — дамъ тебѣ сына своего». Тогда уже невѣста опускаетъ фату.

лодая не поклонится и не проговоритъ въ слухъ такой молитвы: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Такой-то (имя рекъ) пусти ночевать».

На другой день дружки зовутъ родню молодаго на обѣдъ, а родню молодой созываютъ «рожники» опять съ молитвой и просьбой «загостить пожаловать хлѣба-соли кушать, молодой смотрѣть». За обѣдомъ, когда дружки обносятъ водкой, молодая каждаго гостя чествуетъ поклономъ въ поясъ. Послѣ этой церемоніи раздаетъ дары, выряженные при сватовствѣ—и опять по рюмкѣ водки. Опорожнившій рюмку возвращаетъ ее съ деньгами по тому же порядку и закону, какъ и на смотрѣньѣ. Затѣмъ подаютъ кушанья и за каждымъ изъ нихъ чествуютъ гостей сперва дружки, потомъ женихъ и прочіе домашные, называя каждаго по имени и отчеству: «поѣшь-покушай, гостей почёствуй».

Кончаютъ всю свадебную церемонію «блинами». Они бываютъ у родителей молодой чрезъ нѣсколько дней послѣ краснаго стола (сейчасъ описаннаго нами обѣда). На эти блины зоветъ свою родню самъ молодой. На «блинахъ» порядокъ все тотъ же, лишь не бываетъ даровъ и молодая не носитъ чарокъ. Послѣ блиновъ молодой выдаютъ приданое, каковое и несутъ къ ней на домъ бывшія на свадьбѣ подруги.

За тѣмъ и всему дѣлу конецъ.

Такимъ побытомъ справляются свадьбы по всему бѣломорскому берегу отъ г. Онеги до самаго города Кеми. Въ Кеми дѣлаютъ не во многомъ по другому, да и въ посадѣ Сумахъ такъ же. Въ Сумахъ тоже никогда не бываетъ свадебъ лѣтомъ, потому что, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, всѣ мужчины уходятъ на море или на дальной мурманской берегъ океана. На богатую свадьбу собираютъ дѣвушекъ до 30-ти, иногда всѣхъ, что есть въ селеніи, исключая можетъ быть тѣхъ, которыя сами не любятъ ходить на свадьбы. Въ Сумахъ эти дѣвушки, въ то время когда молодой ходитъ съ молодухой съ визитами по гостямъ, остаются у кого-нибудь у родителей и прощаются тамъ. Тамъ же вмѣсто лентъ дружки получаютъ отъ невѣсты полотенца, которыя и повязываютъ черезъ плечо, какъ кавалерскія ленты. Тамъ же баениковъ (хлѣба-соли) бываетъ два: одинъ жениховъ, другой невѣстинъ. Ихъ зашиваютъ въ салфетку, изъ верхней корочки въ серединѣ вырѣ-

заютъ кружокъ и въ ямку кладутъ головку чеснока и щепоть жита, и потомъ все это прикрываютъ вырѣзанной круглой корочкой, какъ примѣту симпатическую и стародавную. Въ Сумахъ сохранилась сверхъ прочихъ заплачекъ еще одна передъ воротами родительскаго дома, когда невѣста возвратится изъ церкви отъ молебна. Прощается невѣста съ рѣкой, съ полями и лугами, со всѣми сосѣдями: «не поминайте окольны порядны сосѣдушки, не помните ни зломъ, да и не лихомъ меня младу голубушку». У нѣкоторыхъ суевѣрныхъ невѣстъ ведется обычай противъ лихаго духа, обтыкать подолъ сарафана булавками (въ посадахъ и городахъ) или обматываться подъ платьемъ рыболовною сѣткою (въ деревняхъ). Косу у невѣсты къ смотринамъ расплетаетъ сестра, либо, когда ея нѣтъ, люба подруга. Съ распущонной косой ходитъ невѣста до повойника, когда послѣднiй надѣнутъ послѣ вѣнца, то расчесываютъ волосы вновь и заплетаютъ ихъ на двѣ косы непремѣнно либо мать крестная, либо та женщина, у которой нѣтъ дѣтей. Въ Шуѣ сохранился еще обычай у невѣстъ до вѣнца ходить гостить по честнымъ гостьбищамъ для подарковъ: крестные отцы даютъ платки и ситецъ на сорочки; отъ богатыхъ идутъ деньги, отъ бѣдныхъ просто куделя (вычесаной ленъ), и проч. Впрочемъ тѣже голосованья слышатся, тѣже обряды водятся и въ удаленныхъ отъ Лѣтняго и Терскаго берега странахъ двинскихъ, мезенскихъ и печорскихъ: все одна стародавняя новгородчина (см. дальше во 2-й части).

Въ Малошуйкѣ я сѣлъ опять верхомъ на лошадь и на этотъ разъ рѣшительно на клячу, для которой собственное право и личный капризъ были выше всего остальнаго. Тяжоло ступала она своими уродливыми ногами въ липкую болотную грязь, размытую крѣпкимъ осеннимъ дождемъ, лившимъ цѣлые сутки. Лѣпила эта грязь всего меня съ головы до ногъ; къ тому же дорога шла безутѣшными, безпривѣтными мѣстностями. По сторонамъ тянулось какъ-будто поле, стояло много стоговъ, какъ-будто сѣна; торчали миллiоны колышковъ, къ которымъ, вѣроятно, также приставлены будутъ копенки сѣна, или лучше болотной осоки. Шумѣлъ кое-гдѣ народъ, подбиравшiй траву коротенькими своими косами — горбушами; лаяли собаки; валялись передъ теплинами ребятенки; заползали нѣкоторые изъ нихъ въ наскоро плетеные шалаши; все какъ-будто казалось также,

какъ и въ благодатныхъ мѣстахъ Приволжья, но только при внѣшномъ взглядѣ: частности измѣняли этому случайному впечатлѣнію и не оправдывали его. Вилась прихотливыми изгибами рѣчка въ сторонѣ отъ дороги, но съ совершенно голыми берегами, безъ ивняку, безъ другаго лѣса, хотя и съ тѣми же мертвенными водорослями; безпредѣльно тянулось вдаль опять ржавое, безжизненное болото. Только нѣкоторою жизнію отдаетъ передняя гора, по которой разостлался ячмень и выяснилось на вершинѣ ея село Вóрзогоры; но поле не безбрежно уходило вдаль, а также, въ свою очередь, охвачено было мертвеннымъ болотомъ, да едва ли и само, въ тоже время, не было болотомъ, хотя и со скудною, жесткою травою. Дорога все время тянулась гатью; гать пересѣклась рушившимся мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣчонку. Лошадь не слушалась, боялась моста, не умѣла ладить съ выбоинами гати; хотѣлось ей идти по болоту стороною—зачѣмъ, для чего? Она *норовилась*, брыкала задними ногами, свалила меня въ грязь разъ и другой, и третій. Я взялъ другую изъ телеги, но выгадалъ не многое: раскормленная болотнымъ сѣномъ, которое скорѣе раздуваетъ, чѣмъ питаетъ желудокъ, лошадь эта представляла рѣшительное подобіе бочки, неловкой, почти невозможной для сидѣнья; какого-нибудь сѣдла взять было негдѣ. Кое какъ добрались мы до перевоза черезъ р. Нименгу съ грязными, расплывшимися берегами, по которымъ ходить человѣку въ дождливую погоду едва ли возможно. На перевозѣ стоитъ таможенный солдатъ, не здѣшной уроженецъ.

— Поломало же ваше благородье напорядкахъ. Изволите видѣть, проклятыя мѣста здѣсь; такихъ я нигдѣ не видалъ, всю Хохляндію съ полкомъ произошолъ. Вотъ въ Сибирь посылаютъ, а зачѣмъ? пошли сюда—намается хуже ада кромѣшнаго. Здѣсь, я доложу вамъ, только и жить бы надо морскому звѣрю: смотрите, какой народъ мелкота: въ гарнизу не годится. А оттого гніетъ народъ: яшной хлѣбъ ѣстъ, приварокъ какой въ честь почитаетъ. У нихъ, вотъ изволите видѣть, и лѣто, и зиму на саняхъ ѣздятъ. Запоютъ они теперь пѣсню, такую длинную, что цѣлый день тянутъ и на другой день еще допѣвать оставятъ, ей-богу! Совсѣмъ, выходитъ по нашему, кромѣшныя мѣста здѣшнія—вотъ что; извините меня, ваше благородье, на такомъ крутомъ словѣ!

Но, какъ извѣстно, лѣтомъ на саняхъ здѣшніе жители возятъ только сѣно къ стогамъ въ поляхъ; а такой длинной пѣсни, чтобы тянулась цѣлой день и на другой день оставалась, мнѣ не могъ сообщить никто изъ здѣшныхъ. Видимо, солдатъ былъ озлобленъ и скучалъ здѣсь по дальной и всегда дорогой родинѣ, которая отошла отъ него далеко — далеко (солдатъ былъ изъ Нижняго). Случайность и житейскія обстоятельства завели его сюда въ крайную даль Россіи; случайность, можетъ быть, и возвратитъ его на родную сторону, въ родную семью...

Черезъ часъ я уже былъ въ Ворзогорахъ, жители котораго считаются лучшими судостроителями; они строятъ и романовки для лѣсной компаніи, строятъ и лодьи для своихъ промысловъ. Ловятъ также варзужане сельдей и мелкую морскую рыбу переметами и бреднями, при тѣхъ же пріемахъ, и при тѣхъ же обычаяхъ, какъ и всюду въ Поморьѣ. Село дѣлится на два; въ обоихъ свои церкви; въ одномъ даже двѣ, изъ которыхъ одна новенькая, красивая съ виду, богатая внутри.

Каменисто-песчаными и высокими горами шолъ отсюда путь въ Онегу; по сторонамъ разстилался ячмень, на половину въ то время (23 августа) уже выжатой. Спустившись съ горы, дорога пошла въ лѣсъ—настоящій лѣсъ, съ высокими, не всегда дряблыми деревьями, съ просинью по сторонамъ, съ сплошной лѣсной стѣной, прямо сквозь которую, кажется, нѣтъ и проѣзду. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ этотъ идетъ сплошнымъ боромъ и усыпанъ грибами и ягодами; но за то въ другихъ мѣстахъ, и очень часто, стоятъ рѣдко-разставленныя деревья, и изъ-за нихъ уже выглядываетъ ржавое болото. Такое же болото широко идетъ направо, но безъ всякихъ деревьевъ, словно недавно высохшее и затянутое уже зыбуномъ дно озера. Изъ лѣсу дорога вышла на берегъ моря и тянулась по той прибрежной няши, которая уже, не заливаемая морскимъ приливомъ, успѣла покрыться какой-то красной травой, безъ цвѣтовъ, безъ деревьевъ, и все-таки была грязь, на половину смѣшанная съ пескомъ и всякою гнилью. Едва держала грязь эта ноги лошади, едва замѣтно выдѣлялось на ней полотно дороги какою-то расплывшеюся чернѣтью. Чернѣть эта опять ушла въ лѣсъ и сопровождала дорогу этимъ лѣсомъ, также густымъ и

высокимъ, верстъ на пять, на шесть впередъ. Послѣ лѣсу, дорога шла дощатыми широкими мостками Пòньгамскаго завода онежской лѣсной компаніи. Но я не могъ понять ея удобствъ, не могъ оцѣнить всей ея прелести, сравнительно съ прежной дорогой, размытой дождями, изуродованной до послѣдняго нéльзя выбоинами и ухабами. Едва дотащился я до карбаса. Онъ долженъ былъ перевезти меня на другую сторону рѣки, въ городъ. Едва поднялся я на отлогой городской берегъ и съ трудомъ дотащился до отводной квартиры, той же самой, которая принадлежала мнѣ до отправленія въ Поморье. Путешествіе верхомъ возъимѣло всю силу своихъ послѣдствій.

— Изломало же тебя, моего батюшку, пуще всякой-то напасти да болѣсти — говорила мнѣ старушка хозяйка отводной квартиры. Непривышное, гляжу, дѣло-то тебѣ это, непривышное! Ишь, даже ходить не можешь; тяжоло, чай, что беремя тащишь, а ноги-то, поди, что свинцомъ налиты. Ну да вотъ, ладно, постой: въ баню сходишь, какъ рукой сниметъ, отойдешь...

— Словно тебя вѣтромъ шатало, словно я на диво на какое глядѣлъ на тебя какъ ты давѣ съ рѣки пробирался; на силу выдержалъ на старости лѣтъ! — говорилъ мнѣ опять старый-знакомый семидесятилѣтній старикъ, ежедневно навѣщавшій меня прежде и пришедшій теперь поздравить меня съ пріѣздомъ.

— Тебѣ смѣшно, старикъ, а мнѣ не до шутокъ!

— Ну да какъ не смѣшно? суди ты самъ! — Этакъ-то вѣдь рѣдко которому выпадаетъ. Пущай вонъ наши чиновники, тѣмъ это дѣло привышное: смотри-ко, иной какъ на конѣ-то отдираетъ; а ты-поди и сѣдёлушкомъ-то своимъ не запасся. Ну да ладно — дѣло теперь все это прошлое, останное, съ тѣмъ оно такое и будетъ во вѣки. А сломалъ же ты-таки путину большую, какъ еще животъ-отъ это твой выдержалъ, вѣдь, вы всѣ породы-то такой жидкой, словно мочальные. Жилъ у насъ чиновникъ—измотался совсѣмъ по нашимъ дорогамъ, въ переводъ попросился: такъ перевели, славу Богу! Тѣмъ только, слышь, и поправили. А ты, на-ко поди: путину такую отляпалъ, что и наши привышные-то поморы такой не дѣлаютъ, ей-богу! На-ко: три тысячи верстъ обработалъ! — Поди вотъ ты тутъ съ

тобой и разговаривай!... Чай, опять завтра въ обратную потянешься?

— Нѣтъ, старикъ, поживу у васъ съ недѣлю, отдохну.

— Отдохни, кормилецъ, отдохни, переведи духъ! Телеги-то почтовыя тоже не большая находка: обламываютъ же вашего брата и онѣ...

Недѣлю потомъ оправлялся я въ Онегѣ, въ старой-знакомой Онегѣ, все такой же: съ той же одной проѣзжей улицей, съ тѣмъ же недостроеннымъ соборомъ, съ тою же закиданною камнями рѣкой, съ тою же, наконецъ, говоруньей, до безконечности доброй, простодушной хозяйкой-старухой. Все старое, давно знакомое, забытое только на время, возставало передо-мною и на всемъ остальномъ пути до города Архангельска. Въ Красной-Горѣ разбитная хозяйка почтовой станціи встрѣчаетъ привѣтомъ, повидимому, добродушнымъ и искреннимъ, и поражаетъ вопросомъ:

— Не ты ли, баринушко, остатоцьку оставилъ?

— Какую, бабушка?

— А ложецку серебряную.

Ложечка эта оказалась дѣйствительно моей, но объ ней я забылъ и думать, и вспомнилъ и узналъ ее только теперь, черезъ три мѣсяца.

Въ Сюзьмѣ не было уже видно ни архангельскихъ шляпъ, ни архангельскихъ шляпокъ и зонтиковъ, принадлежавшихъ, въ первой мой проѣздъ, морскимъ купальщикамъ и купальщицамъ.

— Всѣ уѣхали, давно уѣхали, говорили мнѣ здѣсь. Послѣ другіе пріѣзжали и тѣ уѣхали; видишь, вѣдь, ты больно-долго ѣздилъ, далеко забирался.

Отъ Тѡборъ до Рикосихи была хуже дорога, вся размытая дождями, вся грязная по ступицу колесъ почтовой телеги. Въ Рикосихѣ пропали уже тѣ миріады комаровъ, которые, на первой проѣздъ мой, слѣпили глаза и буквально не давали покоя и отдыха. Съ Двины несло уже сыростью, осенней сыростью; не слыхать было пѣнья пташекъ, свободно и громко распѣвавшихъ прежде; съ деревьевъ кое-гдѣ валился листъ; въ заливъ рѣки Двины вели соловецкую лодью—на зимовку, какъ сказывали гребцы. Двина у города засыпана была разнаго вида и наименованій судами; самый Архангельскъ представлялъ болѣе

оживленную картину, чѣмъ тогда, какъ оставлялъ я этотъ городъ для Поморья. У городской пристани, на судахъ и на городскомъ базарѣ толпилась едва ли не половина всего Бѣломорья; по крайной мѣрѣ, мурманскіе промышленники были всѣ тутъ. Начинался сентябрь мѣсяцъ; были первыя числа его; приближалось 14 число—время Воздвиженской ярмарки; стало быть, я пріѣхалъ въ Архангельскъ въ самую лучшую пору его промышленной и торговой дѣятельности.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНЫМЪ РѢКАМЪ.

ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНЫМЪ РѢКАМЪ.

I.

ПОѢЗДКА НА ПЕЧОРУ.

1. ТАЙБОЛА.

Первыя впечатлѣнія пути. — Кушни и кушники. — Волки. — Медвѣди. — Комары.

Декабрь мѣсяцъ 1856 года нашолъ меня уже на рѣкѣ Мезени и притомъ въ самомъ дальномъ южномъ краю ея, тамъ, гдѣ она готова перейти въ другую губернію — Вологодскую. Семисотъ-верстная Тайбола, закиданная глубокими снѣгами, лежала еще передо мною, рисуясь подчасъ въ воображеніи, какъ темная ночь безъ просвѣта, со всею своею мрачною и непривлекательною обстановкою. Всѣ совѣтовали запастись мѣднымъ и жестянымъ чайниками, копчоной и жареной провизіей, хлѣбомъ и — терпѣніемъ. За первыми не стояло дѣло; надо было вооружиться послѣднимъ.

Зима этого года начиналась какъ-то вяло: по цѣлымъ суткамъ валили крупные хлопья снѣга, но все это не скрѣпляемое достаточно крѣпкими морозами, ложилось на плохо-промерзшую землю рыхлою, глубокою, въ ростъ человѣка, массою; дороги не устанавливались долго. Не было бы, кажется, и пути на Печору, если бы не прошли оттуда обозы съ мерзлою рыбою на ярмарку въ Пинегу. Обозы эти оставили за собою узень-

кую дорогу съ глубокими выбоинами, ухабами и широкими раскатами. Прихотливо извиваясь, прошла эта дорога по Та́йболѣ между высокими вѣковыми соснами, елями и лиственицей. Этой-то дорогой приходилось ѣхать и мнѣ въ длинной, узенькой, только одному сидѣть, кибиткѣ, предложенной мнѣ любезною предупредительностію добраго человѣка въ Архангельскѣ, испытавшаго на себѣ всѣ невзгоды дальныхъ дорогъ въ губерніи. И какъ теперь слышу роковое извѣстіе, сказанное мнѣ какъ-то вскользь и равнодушнымъ тономъ въ селеніи Во́жгорахъ, что дальше уже нѣтъ деревень вплоть до перваго села на Печорѣ— Усть-Цыльмы.

— Та́йбола пойдетъ тебѣ теперь ста на четыре верстъ, вплоть до самой *отдалёны* — добавляли ямщики.

— Пугаетъ меня эта ваша Та́йбола!

— А вотъ поѣзжай: увидишь — намъ скажешь! — отвѣчалъ бойкій староста съ насмѣшливымъ видомъ и тономъ.

— Кибиточку-то ты ладную обрядилъ! добавилъ онъ потомъ.

— А то что же?

— То-то молъ... хороша: легкая такая!—и онъ, въ доказательство своихъ словъ, откинулъ ее въ сторону, какъ самыя легонькія, маленькія ребячьи саночки.

— Ходка ужъ порато, дядя Кузьма, сама бѣжитъ! прибавилъ отъ себя привезшій меня ямщикъ.

— У насъ, вѣдь, мѣста здѣсь, надо бы тебѣ сказать, проклятыя: коли сани съ отводами, такъ и не проѣдешь—продолжалъ свое ямской староста.

— Ты гляди-ко, дядя Кузьма, въ нутро-то: ишь онъ какъ его олешками знатно уколотилъ, — тепло ему будетъ!

— И это ты, твоя милость, ладно надумалъ; а то... ишь, холода, кажись, вовсе надумали встать. Не хватили бы только тебя паря, хивуса́ на дорогѣ-то?

— Это что же еще такое: хивуса́?

— Хивуса́ эти вишь... по иному бы тебѣ молвить: падь экая, рянда, чидега — все вмѣстѣ.

— Курево — сказывай, дядя Кузьма!

— За́мятель, тоись, говорилъ третій.

— Все вмѣстѣ, все вмѣстѣ: снѣгъ тебѣ сверху идетъ—одно это; опять другое: вѣтеръ мететъ тебѣ снизу и съ боковъ, свѣтъ закидаютъ; ничего тебѣ не видно и ѣхать нельзя: лошади столб-

някомъ такъ и встанутъ, бревномъ ты ихъ не спихнешь съ мѣста, не токма плетью: самое такое поганое дѣло! — Староста урывисто махнулъ рукой.

— По трундѣ (тундрѣ) вонъ совсѣмъ засыпаетъ... эдакъ-то, слышь, ономнясь пустозеровъ двое ѣхали — порѣшило, замело на смерть! — прибавилъ старый ямщикъ.

— Что же вы меня пугаете? вѣдь ѣздятъ же другіе!

— Да это точно, что ѣздятъ: вишь, недавно вѣдь этихъ лошадей выставлять стали здѣсь, а то вѣдь смѣнныхъ у насъ допрешь не было: больно же чиновники жаловались въ ту-пору, скучали... Садись, ваше благородье, ничего: страшенъ громъ, да милостивъ Богъ, ничего — проѣдешь, чай!

Поѣхали. Тройка хохлатыхъ, измученныхъ лошаденокъ, сбитыхъ десятскимъ съ разныхъ дворовъ и потому невыѣзжанныхъ, метнулась въ разныя стороны, сбилась съ дороги въ сугробъ, опрокинула кибитку на бокъ. Кибитка была, правда, тепла, но неудобная для того, чтобы въ такомъ крайномъ случаѣ выбраться изъ нее; наконецъ и это неудобство было устранено: трое мужиковъ поставили ее на копылья, ухватившись за одинъ бокъ. Я вылѣзъ, но ушолъ въ снѣгъ по плечи; наконецъ, и оттуда вылѣзъ и опять сидѣлъ въ кибиткѣ по прежнему, созерцая впереди себя длиннаго, какъ шестъ, ямщика, взгромоздившагося на переднюю лошадь. Онъ ежеминутно дергалъ руками и прискакивалъ на крестцѣ ея. Все пошло своимъ чередомъ: лошади не метались въ сторону и не могли этого дѣлать, потому что мы въѣхали въ лѣсъ, на лѣсную тропинку. Огромныя лапчатыя ели и сосны, засыпанныя снѣгомъ, вѣтвями своими метались въ лицо: ямщикъ задѣвалъ головой за сукъ, раскачивалъ вѣтви и подвозилъ меня съ кибиткой подъ этотъ сукъ какъ-разъ въ то время, когда валилась оттуда огромная охапка густаго, пушистаго снѣга. Одинъ только, стало-быть, ямщикъ съ передней лошадью былъ въ барышахъ. Пробовали снѣгъ вытряхивать изъ саней—нашли безполезнымъ: ямщикъ валилъ на первой же верстѣ новыя охапки; совѣтовалъ ему смотрѣть впередъ и быть осторожнымъ — не помогло: онъ всегда забывалъ совѣтъ этотъ, но если и сторонился, то по какой-то случайности, не во время. Опрокинуться мы не могли: обступившія насъ со всѣхъ сторонъ дряблыя, выросшія на болотѣ деревья, подхватывая съ одного бока, бросали на противополож-

ный пень, тамъ, гдѣ лѣсная дорога изломана была рытвинами и ухабами. Не меньше радостей приносили и новые виды, когда мы выбирались изъ лѣсу на широкую снѣжную поляну; здѣсь не было деревьевъ и, стало быть, приводилось чаще опрокидываться: повалится кибитка на бокъ, зарывшись до половины въ снѣгъ, и протащится такимъ-образомъ впередъ до той поры, пока не услышитъ форейторъ - ямщикъ задыхающагося голоса изъ кибитки, вопіющаго о пощадѣ и помощи. Соскочитъ онъ съ лошади, кое-какъ поставитъ опять сани на копылья и въ сотый разъ удивится причинѣ такого злоключенія, примолвивъ:

— Со всѣми, почесть, начальниками вотъ эдакъ-то!

— Да вы по-дурацки ѣздите: вмѣсто облучка, садитесь на переднюю лошадь; нигдѣ, вѣдь, такъ-то не ѣздятъ!

— Всѣ такъ баютъ, да вотъ поди ты...

— Садись на облучокъ!

— Несвычно: лошади опять замотаются. Ну, инъ ладно!

И чтобы угодить сѣдоку, онъ и примостится, пожалуй, на облучокъ, но не надолго; лишь только успѣешь немного вздремнуть и раскроешь глаза, смотришь, онъ снова сидитъ на передней лошади и по-прежнему дергаетъ руками и прискакиваетъ.

— Ты, ямщикъ, хоть бы пѣсню запѣлъ.

Махнетъ онъ рукой, обратившись назадъ—и отвѣтъ его на запросъ весь тутъ.

Примешься отъ скуки версты считать и, по крайнымъ соображеніямъ, по количеству потребленнаго на ѣзду времени и по пространству, должно быть далеко за половину и скоро должна появиться станція, на которую обѣщали 25 верстъ. Спросишь ямщика объ этомъ.

— Да вотъ озерко проѣдемъ, въ лѣсъ втянемся, такъ тутъ дубы стоятъ; отъ нихъ считаемъ половину-то.

— Такъ какіе же вы 25 верстъ кладете на станцію?

— Это точно, что не ладно кладемъ. Да, вишь, вѣдь наши версты-то какія: мѣряла ихъ баба клюкой, да и махнула рукой: быть-де такъ...

Но и станція здѣшная не находка: эта низенькая избенка-кушня, полуразвалившаяся, чорная снаружи, съ двумя маленькими дирами вмѣсто оконъ, изъ которыхъ лѣзетъ не паръ, а горькій дымъ. Я попробовалъ пролѣзть въ одну кушню черезъ низенькую дверку и закаялся: больно рѣзали глаза вплотную

наполнявшіе ее дымъ и смрадъ и захватывали дыханіе; въ четверть часа времени съ трудомъ можно было разглядѣть все вопіющее убожество ея, всю голую, горькую бѣдность ея обитателя — кушника, оборваннаго, съ загноившимися глазами, сугорбаго старика, съ чорнымъ, неумытымъ лицомъ, какъ у кузнеца или угольщика, съ крайно-недовольнымъ и какимъ-то плаксивымъ видомъ. Кушникъ и здѣсь не преминулъ попросить подаянья въ одинаковомъ тонѣ и одними и тѣми же словами, какъ и всѣ другіе на дальномъ протяженіи Тайболы.

— Не сойдется ли что отъ твоей милости на бѣдность?

— Скучно тебѣ жить здѣсь, старикъ, одному, безъ товарищей?

— Поштó скучно, не скучно! немощной вѣдь я: въ міру не гожусь, нѣштó дѣлать-то мнѣ!..

— И давно ты ушолъ изъ міра?

— Давно; почитай, порато же очень давно. Дальныя то кушни на лѣто снимаютъ: уходятъ кушники-то по домамъ, а я круглой годъ живу здѣсь.

— И не боишься?

— Чего бояться-то? Нѣту, не боюсь.

— А лѣсовиковъ, водяныхъ?

— Кричатъ же по лѣсу-то, а ко мнѣ не ходятъ: оборонялъ Богъ. Молитвой вѣдь я ихъ!.. Медвѣди, вонъ, по лѣтамъ живутъ, тѣ балуютъ, шибко балуютъ.

— Что же они съ тобой дѣлаютъ?

— Да всяко. Объ уголъ чешутся: разшатываютъ углы-то; тоже опять дверь припираютъ...

— Какъ же это?

— А хворосту, да бревенъ натаскаетъ къ двери-то, тѣмъ и запираетъ, что и не выйдешь.

— Ты бы оборонялся.

— Чѣмъ обороняться-то стану? Ружья у меня нѣтъ; прячусь вонъ на подволоку — вся моя тутъ и оборона. Подуритъ дуракъ, знаю: пошалитъ у тебя въ избѣ-то, поломаетъ все, да съ тѣмъ и уйдетъ: милуетъ Богъ!

— Звѣрковъ, чай, ловишь тоже?

— Это бываетъ: горносталевъ ловлю: тоже псецы (песцы) приходятъ, лисицы...

— Чѣмъ же ты кормишься, старикъ, ѣшь что?

— А то и ѣмъ, что съ проѣзжихъ сойдетъ: даютъ тоже. Лѣтомъ въ нашихъ мѣстахъ больно хорошо!

— Чѣмъ же, старичокъ?

— Да ягодъ ужъ очень много всякихъ ростетъ, ну и ѣшь... Промышленники, что за лѣснымъ звѣремъ ходятъ, хлѣбушка даютъ: ѣмъ по праздникамъ.

— А не ошибаешься, въ какой день праздникъ, въ которой будень?

— Бываетъ же и эдакъ, ошибаюсь!

— Кто ямщики у васъ, старикъ?

— А земскіе выставляютъ на зиму съ Мезени; лѣтомъ-то, вишь, здѣсь лошадями нѣту ѣзды: рѣками плавятся, въ карбасахъ; есть, баютъ, пѣшіе переволоки, да небольшіе.

— Чья же у тебя кушня, своя?

— Нѣту, мірская; я, коли поломается что, отъ себя поправлять должо̂нъ; опять же уходъ за ней мой.

— Какой же уходъ и какая поправка?

— Правда, что нѣту, да и не спрашиваютъ. Пошутилъ опомнясь земской начальникъ одинъ, что стѣны-де не скоблишь; да самъ же и отшутился, не пугалъ же больно-то: «эдакъ-то-де лучше, коли стѣна коптится; изба-де меньше гніетъ, а ты-де, старикъ, не пужайся». Такой доброй!..

Готовы, между-тѣмъ, лошади и за тѣмъ новыя испытанія отъ кушни до кушни, которыя такъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: съ такими же бѣдными, убитыми одиночествомъ кушниками, между которыми только ближе къ Печорѣ стали попадаться зыряне, умѣющіе по русски только выпросить подаяніе и затѣмъ молчаливые на всѣ распросы. Говорили ямщики, что они и по-зырянски-то толковать разучились.

— Туги-же на разговоръ-отъ стали! Пріѣдешь это къ нимъ на зиму, мнутъ они тебѣ, мнутъ языкъ-отъ свой, чешутся — чешутся, а не приберутъ тебѣ ладнаго слова: самъ ужъ смѣкаешь. Шибко же дичаютъ за лѣто, что и наши русскіе, отвыкаютъ...

— А все-таки добрые, ласковые по-прежнему?

— Добрые, больно добрые, что дѣти: ни они тебя обругаютъ когда, ни на твою брань огрызнутся: пора̂то добрые—это что гнѣвить Бога!

Ночью какъ-то вой волковъ разбудилъ меня и обдалъ всего холоднымъ пóтомъ.

— Гони, ямщикъ, скорѣе: погибаемъ!

Отвѣта не было; казалось, ямщикъ дремалъ себѣ беззаботно и такъ крѣпко, что не слыхалъ зловѣщаго, леденящаго душу воя. Лошади бѣжали трускомъ.

— Гони лошадей: волки воютъ!

— А пущай ихъ!

— Съѣдятъ, чудакъ, въ клочья разорвутъ; гони скорѣй, если дорогá тебѣ жизнь! Опомнись—не спи!

— Не къ намъ бѣгутъ, къ лѣсу!..

Вой усиливался, но становился замѣтно глуше; слова ямщика оказались правдоподобными; боязнь не позволяла мнѣ высунуться изъ кибитки и посмотрѣть по направленію къ лѣсу и волчьему вою, чтобы убѣдиться въ его показаніи. Я нашолся: ударилъ кнутомъ коренную; та брыкнула задними ногами и опять пошла прежней ровной побѣжкой, какъ бы согласная съ мнѣніемъ и убѣжденіями ямщика. Этотъ равнодушно обернулся назадъ и, еще при большемъ хладнокровіи (поразительномъ и досадномъ), отнесся ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— Нѣшто у васъ они страшны, тамъ... въ Расеѣ-то?

— Въ клочья рвутъ, до смерти рвутъ: голодные вѣдь они!

— Наши сытые, наши не рвутъ!..

Онъ опять замолчалъ.

— Гони же, братецъ, не спи: мнѣ еще жизнь не надоѣла.

— Да ты не бойся! что больно испужался? Наши волки человѣка опасаются, стрѣляемъ вѣдь: они отъ тебя бѣгутъ, а не ты... Оленей вотъ они рѣжутъ? это есть у нихъ, у проклятыхъ,—и много оленя рѣжутъ!...

Онъ опять помолчалъ, но не дремалъ.

— Оленя они потому рѣжутъ, что онъ смиренъ, нѣтъ у него противу волка защиты никакой, развѣ-что въ ногахъ. Такъ, слышь, подкарауливаетъ, сѣрой чортъ, — на цыпочкахъ подкрадывается и рѣжетъ. А то бы человѣка?! Сорокъ годовъ живу, не слыхивалъ чтобы этого, никогда... Дѣвоньку вонъ съ братишкомъ на трундѣ (тундрѣ) комары заѣли—это было. Комаровъ у насъ по лѣтамъ живетъ несосвѣтимое много: дѣться некуда.

— Знаю, самъ испыталъ!

— Ну вотъ, дѣвонька-то, вишь, за ягодами, за морошкой ходила; тѣ и напали на нее, комары-то; она братишку на колѣни взяла; его то и отмахивала бы, такъ самое-то кусали: выбились изъ силъ, такъ и изошлись. Нашли дня черезъ два: парнишечко-то у ней на колѣночкахъ, сама она на кочкѣ сидитъ—оба мертвые—Господи!

Ямщикъ глубоко вздохнулъ, но въ прежнемъ показаніи своемъ былъ справедливъ: вой волковъ стихъ мало-по-малу и затихъ совсѣмъ, когда мы съѣхали съ снѣжной поляны—оказавшейся, по словамъ ямщика, замерзшимъ и закиданнымъ снѣгомъ озеромъ—въ лѣсъ, по обыкновенію, поразительной своею тишиною и мрачнымъ видомъ. Выглянувшая изъ облаковъ луна позволила разглядѣть, по указанію ямщика, дремавшую на придорожномъ сучкѣ птицу, которая оказалась глухаремъ, по здѣшному—*чухаремъ*.

— У насъ вишь и птица не пуглива, не токмя...

— Тебѣ бояться нечего—ты привыкъ; теперь и я похрабрѣе буду.

— Медвѣдей ты бойсь: эти ломаютъ, такъ и тѣ теперь въ берлогахъ спятъ. Лѣтомъ они хрустятъ же по Тайболѣ, такъ мы сюда и глазъ не кажемъ на ту пору. Бить ихъ въ нашихъ мѣстахъ—не бьютъ...

— Отчего же не бьютъ?

— А какъ ты его досягнешь! Тайбола-то ишь какая долгая, да широкая; на низъ-то она къ тундрѣ подошла, а вверхъ такъ ей, сказываютъ, и конца тамъ нѣтъ.

— Хорошій, кажется, лѣсъ по ней выросъ?

— Какой хорошій! съ виду — такъ пожалуй, а то нѣтъ — дряблой лѣсъ: на болотинахъ растетъ, гдѣ ему хорошимъ быть; пущай вонъ по суходольямъ которой поднимается—ничего, живетъ, матёрой есть. А много-ли тебѣ суходольевъ? Все, гляди, мшина да болотина, да зыбь, что человѣка въ иныхъ мѣстахъ не держитъ; озеръ опять насыпано по тундрѣ-то по этой и нивѣсть кое число: и живутъ крѣпко же большія, верстъ по тридцати бываютъ.

— И рыбы въ нихъ, чай, много?

— Гдѣ же безъ рыбы? извѣстно, много рыбы: щукъ, окуней, лещей; да не ловятъ, развѣ которое озерко къ кушнѣ по-

дошло, такъ кушники берутъ же про свое про удовольствіе, а то нѣтъ, чтобы...

— И птицы, вѣдь, много?

— Много, и—несвѣтимая сила!—много?

— И ее не бьютъ?

— Гдѣ же всю-то перебьешь? да и кому бить-то? вотъ тамъ, по Мезени, кладутъ путики *) и много же этихъ путиковъ и у Печоры живетъ, да гдѣ ее всю перебьешь? Вотъ, видѣлъ давѣ чухаря? сидитъ и глазомъ не двинетъ, словно человѣка-то онъ и не видалъ, словно человѣкъ-отъ ему и не страшенъ...

Послышался лай собаки, тотъ радостный привѣтъ, который безконечно отраденъ и дорогъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда утомляешься долгимъ и скучнымъ путемъ и ждешь не дождешься теплаго угла, хотя бы, пожалуй, курнаго и грязнаго. На лай этотъ отозвался и ямщикъ, обратясь ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Вонъ, собаки наши чуткія какія: за версту слышатъ. Съ виду ты имъ ломанаго гроша не дашь: хохлатенькая такая да маленькая: дрянь, да и все тутъ... анъ-нѣтъ!... На охотѣ за птицей ли, за звѣремъ ли—золотой человѣкъ!

— Привыкли, братецъ! Живутъ на лѣсу, около звѣрей, да съ толковыми охотниками, вотъ и выучились!

— Оно, пожалуй, что и отъ этого!

Лай собаки и на этотъ разъ не обманулъ насъ: впереди уже чернѣла, какъ большая сѣрая куча, кушня, до половины въ снѣгу, вся цѣликомъ закоптѣвшая, съ кушникомъ у дверей, который опять-таки, по обыкновенію, подошолъ попросить на бѣдность и, взявши свое, ушолъ въ избу. Изба на этотъ разъ оказалась хорошею: въ ней можно было напиться чаю и не задохнуться отъ дыма.

— Отчего, старикъ, у тебя въ кушнѣ-то не чадно?

— Чадно же живетъ, какъ топить начнешь; теперь, вишь, скуталъ (закрылъ), такъ, надо-быть, оттого.

Коротенькій декабрьскій день, съ двумя часами свѣта и ча-

---

*) *Путики* — это одно изъ тѣхъ золъ, которое когда либо должно же получить свой конецъ. Путикъ—лѣсная тропа, иногда больше 50—100 верстъ длиною, по которой разставлены силки, сѣтки, кулемки и другія смертоносныя орудія для птицы и лѣснаго звѣря (см. дальше).

сомъ блѣднаго просвѣта, на утрѣ и въ сумерки, приходилъ къ концу; вскорѣ выплыла луна... Вспоминаются еще двѣ кушни, слышались брань и крики ямщиковъ и робкой голосъ кушника, просившаго на хлѣбъ. Я просыпался и опять засыпалъ до новыхъ криковъ на сбившуюся съ дороги переднюю лошадь и требованій прогоновъ, на водку и проч. Это была послѣдняя, третья, ночь моего путешествія по Тайболѣ. Проснувшись на разсвѣтѣ, я уже видѣлъ передъ собой, верстахъ въ трехъ отъ насъ, огромное, раскиданное селеніе съ двумя церквами и передъ нимъ большую снѣжную поляну. Мы спустились подъ-гору.

— Ямщикъ, рѣкой, кажется, ѣдемъ?

— Печорой.

— А впереди Усть-Цыльма?

— Она самая и есть.

Много зародилось въ эту минуту мыслей въ головѣ моей; трудно было собрать ихъ во-едино въ то время. Правда, немного было между ними ласкающихъ и живительныхъ. Холодомъ какимъ-то захолонуло сердце и немного отраднаго видѣлось въ этомъ настоящемъ; все же будущее казалось смутнымъ и неизвѣстнымъ. Вотъ, думалось мнѣ, тотъ отдаленный, благословенный, сильно расхваленный всѣми Печорской край, богатый, по общему мнѣнію, всѣми дарами природы, но еще непочатой и неразработанной. Чѣмъ-то порадуетъ онъ меня, одного изъ тѣхъ многихъ, кому предлагается онъ, какъ предметъ изысканій, и кому знакомство съ нимъ достается такъ дорого и такъ трудно и зимою, и лѣтомъ? Будутъ ли и здѣсь также словоохотны печорцы, какъ были предупредительно-искренни ко мнѣ дальніе жители дальнаго Терскаго берега Бѣлаго моря, или также подозрительно, недружелюбно будутъ смотрѣть на всякой спросъ мой и дѣло, какъ досталось мнѣ испытать это въ другомъ поморьѣ — Кемскомъ и Онежскомъ?...

2. УСТЬ-ЦЫЛЬМА.

Исторія заселенія этого мѣста.—Мой хозяинъ и раскольники.—Разсказы о ловлѣ семги.—Суда-каюки.—Бытъ устьцылемовъ.—Свадьбы.—Раскольницы.

—

Существованіе Усть-Цыльмы, какъ селенія, не восходитъ дальше временъ Грознаго. По двумъ сохранившимся грамотамъ

его видно, что основателемъ слободки Цылемской, при впаденіи р. Цыльмы въ Печору, былъ новгородецъ Ивашко Дмитріевъ Ластка, которому и данъ «на оброкъ на Печорѣ на Устьцыльмѣ лѣсъ черной», съ правомъ «на томъ мѣстѣ людей *называти*, жити и копити на государя слободу, а оброку ему платити въ государеву казну на годъ по кречету или по соколу, а не будетъ кречета или сокола, ино за кречета или сокола оброку рубль»; на томъ основаніи, «что по тѣмъ рѣчкамъ лѣсъ-дичь и пашенъ и покосовъ и рыбныхъ ловищь изстари нѣтъ ничьихъ и отъ людей далече, верстъ за пятьсотъ и больше». «А кто у того Ивашка — говоритъ грамота дальше — въ слободѣ пріѣзжихъ людей учнетъ жить сильно, а ему не явился, и онъ съ того емлетъ про мыты на великаго князя рубль московской» и проч. Богатство края: рыбныя ловища и кречатьи и сокольи садбища (по словамъ грамоты) и лѣсъ дичь (не початой), породило Ласткѣ противниковъ: кеврольцовъ, чакольцовъ и мезенцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые знакомы уже были съ Печорою и ея богатствомъ прежде — «ловили рыбныя ловли наѣздомъ», какъ говоритъ вторая грамота въ другомъ мѣстѣ. Эти придумали хитрость, хотя и весьма неловкую: они задержали Ластку, на пути въ Москву, у себя на Пинегѣ, отправивъ впередъ своихъ приспѣшниковъ ходатайствовать у царя объ новой грамотѣ для себя исключительно. Въ мартѣ посланные явились въ Москвѣ съ челобитьемъ и сказомъ «про Ивана про Ластку, что его безъ вѣсти нѣтъ» и что они готовы дать оброкъ за два года впередъ по три рубли на годъ. Въ апрѣлѣ пріѣхалъ и Ластка, и къ прежнему оброку надбавилъ еще рубль противъ противниковъ своихъ; рѣшено было тѣмъ, что Печора осталась за Ласткою, «потому-что (какъ сказано въ грамотѣ) насъ тѣ кевролицы и чакольцы и мезенцы Вахрамѣйко Яковлевъ съ товарищи оболгали, что Ивашки Ластки безъ вѣсти нѣтъ, а давати ему оброку царю и великому князю на годъ въ нашу казну по четыре рубли московскихъ». На оборотѣ подпись Грознаго и слѣдуетъ приписка, изъ которой видно, что пинежане на новой оброкъ Ластки наложили еще свой рубль, но Ластка и тутъ не уступилъ: Печора осталась-таки за нимъ за шесть рублей оброку въ годъ. Ластка затѣмъ лѣсъ дичь расчищалъ и въ слободку людей призывалъ и церковь Николы Чудотворца въ той слободкѣ поставилъ и попа устроилъ какъ ему

у тоя церкви можно прожити!» Все это происходило въ 1555 году; черезъ девять лѣтъ, въ 1564 году, въ Усть-Цыльмѣ считалось уже 14 дворовъ и «въ нихъ людей 19 человѣкъ, по Якимову письму Романова.» Въ 1575 году «по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева въ ново прибыло (передъ прежнимъ) два двора, а людей въ нихъ прибыло 4 человѣка», а при нихъ «церковь съ трапезою Никола Чудотворецъ на погостѣ и при ней черной попъ Андреянъ.» «А се угодья Усть-Цылемскія волости жильцовъ, по рѣкѣ Печорѣ рыбныя ловли и тони и рѣчки и стороннія, которыя устьи падутъ въ рѣку Печору... и всего 14 тонь да 6 рѣчекъ, а ловятъ на всѣхъ на тѣхъ тоняхъ красную рыбу семгу, а въ рѣчкахъ ловятъ бѣлую да бобры бьютъ *) всею Усть-Цылемскою волостью жильцы, а владѣютъ они волостные люди во всякихъ угодьяхъ двѣма долями, а третьею долею во всѣхъ угодьяхъ владѣютъ тутошные слабодчики Иванко Ластка... Да въ той же Цылемской слободки хлѣбныя пашенки позади дворовъ ихъ въ капустныхъ огородишкахъ ихъ же новыя розчисти всей волости пашенки пять четей и они тѣ пашенки въ иной годъ пашутъ, а въ иной и не пашутъ, потому что морозомъ убиваетъ; да ихъ новыя розчисти, а на тѣхъ розчистяхъ косятъ они сѣно; а давали они прежъ сего царю и великому князю въ казну съ тое пашенки и сѣнныхъ покосовъ по тому, какъ было прежь сего, по рублю московскому на годъ, а разводити имъ тотъ оброкъ промежъ себя самимъ по своей пашнѣ и по сѣннымъ покосамъ, кто сколько пашетъ.» Въ началѣ нынѣшняго столѣтія домовъ считалось въ Усть-Цыльмѣ уже 120, а жителей 417 душъ; церквей 2, обѣ деревянныя, изъ которыхъ одна, построенная въ 1752 году, обветшала, другая, новая, построена въ 1853 году; нынѣ дворовъ 160, жителей 490.

Вотъ все, что можно было узнать про прошедшее и отчасти настоящее Усть-Цыльмы, по древнимъ памятникамъ, актамъ и книгамъ — а въ настоящемъ.... Такъ-называемая отводная квартира — комната, обитая, къ удивленію, шпалерами, хотя и дешовенькими и старенькими, въ родѣ тѣхъ, какими обиваются станціонныя комнаты въ дальной Россіи, на большихъ

---

*) Бобры теперь тамъ замѣчательная рѣдкость.

трактахъ; крашенный столъ съ побѣлѣвшей доской, выскобленной хлопотуньей хозяйкой по излишной чистоплотности, кровать двуспальная съ ситцевыми занавѣсками: во всемъ признаки квартиры, передо мною только опростанной хозяевами. Въ углу печь огромная и, на этотъ разъ, до того натопленная, что въ комнатѣ было невыносимо-душно. Передо мною самъ хозяинъ, успѣвшій уже распросить меня: кто я, зачѣмъ и откуда.

— Очень ужъ ты печь-то натопилъ—невыносимо!

— Для-ради твоего же пріѣзда...

— Топилъ бы столько же, сколько и для себя топишь.

— Поопасился, обидится-молъ, приругаетъ; велѣлъ бабамъ три охапки бросить.

— Чѣмъ же тутъ обижаться?

— Да ты вотъ такъ, а другой, поди, и не эдакъ... Намъ вѣдь за дрова-то деньги платятъ, взыскиваютъ, такъ и стараешься угодить.

Въ дѣйствительности всѣ дома усть-цылемскіе плохо срублены, неискустно слажены и потому большею частію холодны. Къ тому же они переполнены чорными тараканами прусаками.

— Да теперь на нихъ лекарство придумано — объясняетъ хозяинъ: растворимъ окно, остудимъ печи, двери распахнемъ, сами къ сусѣдамъ переберемся—вымораживаемъ. Въ досельные годы, при грозномъ царѣ, когда этотъ чорный тараканъ на Руси появился, не знали что съ нимъ дѣлать, боялись. Въ одномъ мѣстѣ полдеревни—сказываютъ—сожгли отъ нихъ; въ другомъ цѣлую деревню спалили, чтобы звѣря этого истребить.

Пригласилъ я хозяина чаю напиться — не отказался; но, взявши чашку и перекрестившись, оговорился:

— У насъ эдакіе вотъ есть, что съ тобой изъ одной чашки не станутъ пить и ѣсть...

— Отчего же?

— Вѣра, значитъ, такая. И въ кабакъ идетъ со своей чашкой, на тотъ конецъ ее и носитъ ужъ съ собой въ карманѣ. А выпилъ эдакъ крѣпко на крѣпко — и забудетъ: за артельную хватается. Не люблю я этого!...

— Самъ-то ты староверъ?

— Старой вѣры, что таиться, старой вѣры! Да я только старымъ крестомъ крещусь—истиннымъ, значитъ, да въ цер-

ковъ не хожу, по батюшкину по завѣту:—а то ничего. У насъ, почесть, всѣ такъ, все селеніе.

— Какого же вы толка?

— Да ты нѣшто по этому дѣлу пріѣхалъ? Такъ я къ тебѣ такого человѣка приведу: онъ тебѣ все скажетъ, а я говорить не умѣю. Пойдемъ теперь, я тѣ селеніе наше покажу, да и отъ собакъ обороню. Много же ихъ у насъ въ селеньѣ: по осенямъ-то насъ волки обижаютъ, забѣгаютъ съ Печоры, такъ противу нихъ!,..

Пошли. Передъ глазами рядъ домовъ безъ порядка и симметріи: одинъ нахально выступилъ впередъ и съузилъ улицу, другой робко спрятался за него, закрывшись какимъ-то сараемъ и обернувшись главнымъ фасомъ своимъ совсѣмъ въ сторону. Дома эти всѣ двухъ-этажные; у верхняго придѣланы балконы, у оконъ ставни расписанные, размалеванные по всей прихоти доморощенныхъ вкуса и воображенія; у каждаго на крышѣ по шесту съ флюгаркой, которую часто замѣняетъ простая крашенинная тряпка, голикъ, палка... Всѣ дома, при общемъ взглядѣ на нихъ, какъ-будто сейчасъ сползли съ сосѣдней горы и наперерывъ другъ передъ другомъ стараются быть поближе къ рѣкѣ Печорѣ. Печора привольно раскинулась передъ селеніемъ версты на полторы въ ширину. Шли мы долго и селенію, кажется, конца нѣтъ.

— Длинна-же ваша Усть-Цыльма!—обратился я къ проводнику-хозяину.

— Живетъ-таки. Семь верстъ изъ конца-то въ конецъ считаемъ. Пустырей ужъ очень много: при болотахъ вишь выстроились, проталинки такія по сю-пору видны. Вонъ, гляди, какой пустырь!

Передъ нами площадка, въ одномъ концѣ которой, на пригоркѣ, новая церковь; справа недурное (сравнительно) зданіе съ надписью «сельская расправа»; подлѣ кабакъ. У кабака куча народу, обратившагося въ нашу сторону съ изумленными и недоумѣвающими лицами; одинъ отошолъ въ нашу сторону; хозяинъ попріотсталъ. До слуха моего донеслось слѣдующее:

— Начальникъ?

— Начальникъ.

— Какой?

— Большой, изъ самаго изъ Петенбруха.

— По насъ?

— Кажись...

И еще нѣсколько словъ, которыхъ уже нельзя было разслышать.

На обратномъ пути къ дому, весь народъ, стоявшій у кабака, значительно увеличившійся въ количествѣ (сколько могъ я это замѣтить), снялъ шапки. Хозяинъ опять отсталъ, пославши въ догонку за мной парнишку, вѣроятно, съ прежнею цѣлію отгонять отъ меня собакъ, и пришолъ въ мою комнату, уже часъ спустя, съ поклономъ, умоляющимъ видомъ и вопросомъ:

— Не вытолкаешь ты меня въ шею?

— Что ты это, Богъ съ тобой? милости прошу, садись, потолкуемъ!

— Я не за тѣмъ...

— Что-жъ тебѣ угодно?

— Да угодно, твою милость, значитъ... утрудить просьбой...

— Какой же? садись и разсказывай!

Хозяинъ продолжаетъ ежиться и кланяться.

— Я не за себя, выходитъ...

— За кого же?

— Міръ тебя видѣть желаетъ: выборныхъ прислалъ — не прогонишь ты ихъ? въ избѣ ждутъ...

— Проси ихъ, что имъ надо?

Хозяинъ опрометью бросился за дверь и явился съ цѣлой толпой мужиковъ, изъ которыхъ только одна половина могла умѣститься въ комнатѣ; другіе установились въ избѣ. Изъ толпы вышелъ одинъ, видимо, самый бойкой, кланяется низко въ поясъ и, встряхнувши сѣдой головой, спрашиваетъ:

— Изъ Петенбруха ваша милость?

— Да.—Что-жъ тебѣ угодно?

— По какимъ по такимъ по дѣламъ изволишь?

— Посмотрѣть какъ вы рыбку ловите, судёнки строите...

— А не по духовнымъ?—послышался вопросъ отъ другаго.

-- Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ.

— А мы думали—по духовнымъ: у насъ, вишь, тутъ дѣло есть такое немудрое... продолжалъ опять первый.

— Церковь, вишь, благословенную построить хотѣли—поддержалъ его второй голосъ.

— Такъ, вишь, ни то, ни сё—ужъ и не знаемъ, какъ дѣло-то это понимать? Яви божескую милость, прими прошеньецо!

Весь народъ — и передніе, и задніе — повалился въ ноги. Исторія принимала крутой оборотъ, неожиданной, неприложимой ко всему тому, чего я отъ нихъ хотѣлъ и чего могъ ожидать.

— Я, братцы, не за тѣмъ посланъ. Просите тѣхъ, отъ кого это прямо зависитъ: мое тутъ дѣло сторона!

Просители опять поклонились; на лицахъ ихъ можно было прочитать какое-то недовѣріе къ моему отвѣту. Первымъ вывелъ меня изъ этого неловкаго положенія тотъ, который началъ говорить со мной и котораго они, повидимому, выбрали своимъ адвокатомъ:

— Ну, прости нашу глупость мужицкую, что безпокойство тебѣ причинили. Не гнѣвайся!...

Задніе уже полѣзли изъ дверей, но выборной оставался.

— Мы, вѣдь, темной народъ, извѣстно. Думали, что ты въ правду такой!...

Онъ, наконецъ, поклонился и вышелъ; въ избѣ уже начался базарный шумъ, который становился все громче и громче. Немного спустя, дверь опять отворилаль; явился сѣдой старикъ опять съ поклономъ.

— Говорить съ тобой послали...

— Объ чемъ же?

— О томъ говорить послали, что тебѣ самому-то надо. Сказывай! Зачѣмъ, давѣ сказывалъ, послали-то тебя? я не вслушался...

— Посмотрѣть, какъ вы суда строите, какъ вы рыбку ловите...

— Суда строимъ? да судовъ-то мы вѣдь не строимъ никакихъ, нѣтъ у насъ заводу экаго съ — искони бѣ. Карбасишки вонъ шьемъ маленькіе, про домашную потребу. Большія-то суда изъ Мезени приводимъ; нониже-то, вонъ въ Городкѣ (Пустозерскѣ), въ-рѣдкую когда строятъ же и большія да мало... Каюки *) чердынцы приводятъ: такъ и тѣ тамъ вверху дѣла-

*) *Каюкъ*—грузовое судно, крытое двускатною крышею, снаружи высмоленное, длиною отъ 8 до 12, шириною отъ 3 до 5 саженъ; въ кормѣ каюта; вершина носа загибается внутрь судна. Суда эти ходятъ и противъ теченія на парусахъ и бичевой (рѣдко впрочемъ); въ море не пускаются. Грузу поднимаютъ они отъ 6 до 9 тысячъ пудовъ.

ютъ, у нихъ же... пущаемъ ихъ съ рыбкой, кому надо. А рыбку-то мы больше сёмушку (семгу) да сижковъ (сиговъ) промышляемъ. Велишь, что-ли, сказать, какъ рыбку-то промышляемъ, али не надо?...

— Сдѣлай милость, будь такъ добръ!

— Осенью вѣдь это больше; потому сёмушка рыбка такая прихотливая, забавная — сказать бы тебѣ надо; любитъ она, матушка, вѣтры, бури, чтобъ вода-то какъ въ котлѣ кипѣла. Знаетъ-ли она, что человѣку-то эта погода не люба и сидитъ-де всякой крещоной въ ту пору дома, али бо другое что; по мнѣ, кажись, вѣрнѣе тȯ: Господь ее Богъ сотворилъ ужъ такой, что ей бы все съ волной, да съ порогами бороться, силой своей дѣйствовать... Христосъ ее вѣдаетъ въ томъ; только она все противъ воды идетъ на устрѣту, а вѣдь Печорушка-то наша больно же бойка, быстро бѣжитъ. Навага, сигъ, пе̇ледь опять — эти идутъ больше въ ясную погоду, когда солнышко свѣтитъ, а сёмушка—нѣтъ! Какъ, выходитъ, поднялись бури, такъ мы за ней и выѣзжаемъ—прости, Богъ, грѣхамъ нашимъ! *поплавню* *) — сѣть такая большая, какъ есть рѣка шириной. Этой больше ловимъ всѣмъ селеньемъ; а то и неводами:—тѣми, почитай, меньше одначе. Что выловимъ, то на міръ и разложимъ и продадимъ че̇рдынцамъ, которые на каючкахъ-то приходятъ къ намъ; этимъ вотъ и подати оплачиваемъ государевы. Ты такъ и записывай, гдѣ у тебя тамъ...

---

*) Поплавня—крестообразно сдѣланный изъ палокъ поплавокъ, къ которому привязывается длинная, во всю ширину рѣки, сѣть и который оставляется на одномъ берегу рѣки. Сѣть эта, у которой наверху поплавки изъ бересты, а внизу кибаса — каменные якорьки — постепенно выметывается изъ лодки къ другому берегу и принимаетъ видъ вогнутой линіи. Когда вся сѣть будетъ выброшена, тогда ѣдутъ съ нею съ версту по теченію и потомъ медленно заворачиваются, выбирая сѣть въ лодку. Рыба обыкновенно, проходя, вязнетъ въ ячеяхъ, величина которыхъ нѣсколько меньше середины тѣла рыбы, бьется и тѣмъ даетъ знать о мѣстѣ нахожденія. Замѣтивши ее въ водѣ, и обыкновенно для того, чтобы она не выбилась и не ушла, достаютъ ее оттуда желѣзнымъ крючкомъ, вонзая его въ бокъ. Съ неводомъ таже исторія, съ тою разницою, что неводомъ ловятъ въ меньшемъ участкѣ рѣки, а не во всю ея ширину. При неводѣ успѣхъ ловли зависитъ отъ того, чтобы возможно быстрѣе загребать, перегибая неводъ къ береговой сторонѣ. Береговой конецъ—безъ поплавни, его держитъ на берегу работникъ.

— Что же дальше съ рыбой?

— Солимъ; правда, лежитъ же она у насъ сутки двои, и пожалуй, и трои въ водѣ, мокнетъ—значитъ...

— Зачѣмъ же такъ? вѣдь этакъ вся истощаетъ: она дрябнетъ тѣломъ, дѣлается хуже, вонъ какъ и по Бѣлому морю.

— Это правда, что дрябнетъ, тоже вонъ и чéрдынцы сказываютъ:

— И солите-то, вѣроятно, скупо?

— Не больно же щедро: и на это указываютъ всѣ.

— Зачѣмъ же дѣло? отчего не дѣлаете лучше?

— Да ужъ дѣлать видно такъ, какъ заведено изстари. Вотъ поди ты, отчего бы и не дѣлать-то лучше, право! Ишь, вѣдь, мы народъ какой глупой, право? Захотѣлъ ты отъ насъ отъ дураковъ: какъ, знать рождены такъ и заморожены, право!..

— Чѣмъ же еще-то живете вы?

— Да какъ чѣмъ — вонъ скотинку доржимъ и много скотинки-то этой доржимъ; бьемъ ее — мясо продаемъ самоѣди. Любятъ, вѣдь, они мясо-то и сырое жрутъ, такъ... паръ тебѣ идетъ отъ нее, кровь течотъ съ нее, а ему-то тутъ, нехристю, и скусъ, и глазенки то его махонькіе всѣ радостью этой наливаются. Это, вѣдь, не русское племя. Вонъ посмотри ты ихъ: живутъ они по тундрѣ-то и по деревнѣ у насъ ходятъ, кто за милостыной, кто въ работникахъ живетъ; бабы... тѣ больше шьютъ и таково ловко шьютъ — поискать тебѣ на бѣломъ свѣтѣ!

— Олени-то есть у васъ?

— Самая малость. Только про свой обиходъ. Во всемъ селеніи не найдешь половины противу того, что вонъ у ижемца у другаго, и не больно у богатаго. Олени-то всѣ у нихъ, вся тундра у нихъ, всѣхъ самоѣдовъ ограбили эти ижемцы. Зыряне вѣдь они, не наши!... Бѣдное, вѣдь, наше селеніе, больно бѣдное: босоты да наготы изувѣшены шесты. Смотри: дома всѣ погнили да рушатся, а поправить нечѣмъ. Вонъ и теперь дѣло съ пустозёрами не можемъ порѣшить: загребли Печорушку всю, почесть; выселки свои понадѣлали чуть не подъ самымъ у насъ носомъ. Тако дѣло!. . Не похлопочешь ли ты, ваше сіятельство, яви милость божескую! Плательщики бы были до гробовой доски!...

Старикъ поднялся со скамьи и повалился въ ноги.

— Не нравится мнѣ, старикъ низкопоклонство ваше, зачѣмъ оно?

— И, батюшко, съ поклону голова не сломится! Будь ты-то только милостивъ, а мы за этимъ не стоимъ!...

— Вы, старикъ, все-таки меня не за того принимаете, за кого надобно, ошибаетесь...

— Ну, прости, прости, разумникъ! не буду просить, ни о чомъ не буду просить, развѣ... не кури вотъ, кормилецъ, при мнѣ... больно ужъ оченно перхота долитъ!

— Изволь, для тебя и за твою словоохотливость...

— Ну да ладно, постой: о чемъ-бишь ты давѣ спрашивалъ? Еще-то тебя зачѣмъ послали?

— Да вотъ затѣмъ еще, чтобъ посмотрѣть какъ живете?

— Живемъ-то? да больно-же нужно живемъ; сторона, вишь, самая украйная; чай, тебѣ и доѣхать до насъ много же времени хватило?

Я сказалъ.

— Больно бѣдно живемъ—это что и толковать! Прежде получше жили, а вотъ теперь какую тебѣ чердынцы цѣну за семгу дадутъ, то и ладно, ту и берешь съ крестомъ да съ молитвои. На все, вѣдь, намъ надо деньги, все вѣдь мы покупаемъ: вонъ и постели—шкуры оленьи, надо бы сказать тебѣ — и тѣ покупаемъ, чего бы хуже! У ижемцовъ экаго добра столь, что хоть волость-то всю укутывай — хватитъ. Они и одѣнутся, они и денежки въ кованной сундукъ положатъ — богаты! Бѣднѣй-то насъ ты на всей Печорѣ не сыщешь, не многимъ, чѣмъ самоѣди-то, богаче живемъ...

— Зачѣмъ же народу такъ много у кабака стоитъ?

— Пьютъ у насъ — это правда, что пьютъ, да не больно же шибко. А у кабака стоитъ кто: не всякой же и за питьемъ пришолъ; гляди на половину—такъ постоять собрались да покалякать. Гдѣ больше-то дѣлать этакъ въ другомъ мѣстѣ? А тутъ тебѣ весь міръ, весь деревенской толкъ; ма́лицы наши теплы и къ морозу мы свычны, а и озябъ кто, въ кабакъ зайдетъ погрѣться: подъ руками, благо! По праздникамъ пьютъ и шибко гуляютъ—что хитрить? Наши пьяницы, хоть и не очень отягощаютъ себя пьянствомъ, однако, не дадутъ своей долѣ испортиться въ подвальной бочкѣ, да и чужое-то, пожалуй, не квасятъ. Я

вѣдь тебѣ всю правду... Что же еще-то ты смотрѣть у насъ станешь?

— Пѣсни буду слушать да записывать, не попадется ли хорошая?

— На посѣдки, стало, пойдешь къ дѣвкамъ?—это ты дѣло! у насъ это всѣ любятъ, никто не обойдетъ селенія нашего; затѣмъ и славу такую пустили; чай, ты и на Мезени про то слышалъ? У насъ это одно не ладно: въ старину, сказываютъ, благочестнѣе было, да и на моей памяти, смирнѣе. Теперь измотался народъ, изсвободился. А, можетъ, такъ и надо. Не сказалъ ли я тебѣ, ваша милость, обиднаго чего этимъ словомъ самимъ?—прости! Я вѣдь опять... сглупа. Пошто же эти тебѣ пѣсни-то?

— Необходимы также, очень пригодятся мнѣ!

— Да пошто-жъ и ѣхать тебѣ этакую даль? По мнѣ, кажись, ѣхалъ ты напрасно: у васъ тамъ, въ Расеѣ, лучше, красивѣе баютъ нашихъ пѣсни эти. Не надо бы...

— Это не главное.

— То-то. Еще что тебѣ надо?

— Посмотрѣть, какъ свадьбы справляютъ

— Это можно. Почему же опять и не посмотрѣть тебѣ, какъ свадьбы справляютъ?—У насъ, вѣдь, это все по старинѣ, по самой стародавней.

— Вотъ это-то и хорошо; это для меня еще болѣе любопытно.

— Ну, врешь, ваше благородіе! ты это не по себѣ... ты это меня старика приголубить хочешь: видишь, что старъ я, да старымъ крестомъ помолился, да разговоры тебѣ разговариваю, ты это меня поласкать, поласкать... Я тебѣ не вѣрю! сказывай дальше!...

— Другіе у васъ обычаи, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, пріѣхалъ посмотрѣть...

— Да, вѣдь, этихъ-то нѣтъ у насъ, совсѣмъ нѣтъ, хоть и не ходи и не выпытывай! Мы живемъ, надо тебѣ сказать всю правду, такъ какъ намъ начальство велитъ, отъ себя мы ничего... ни-ни, ничего...

Старикъ при этомъ моталъ головой, топалъ ногами, руками махалъ, приподнялся со скамьи и, наклонивши голову къ плечу, съ умоляющимъ льстивымъ выраженіемъ лица, примолвилъ:

— Батюшка! ваша сіятельная особа, христовъ человѣкъ! позволь я къ тебѣ давѣшныхъ-то мужиковъ приведу, хоть не всѣхъ... Сдѣлай милость... за благодарностью тебѣ не постоимъ!...

Словамъ этимъ скорѣе можно было, пожалуй, смѣяться, чѣмъ сердиться на нихъ; во всякомъ случаѣ отъ старика не было никакой уже возможности добиться чего-нибудь болѣе толковаго, идущаго къ дѣлу. Онъ началъ отвѣчать какъ-то урывчиво, не впопадъ, отъ большей части вопросовъ отказывался крайнымъ невѣдѣніемъ, несмѣлостью, тупостью и неразуміемъ. Старикъ, видимо, хитрилъ и окончательно не довѣрялъ мнѣ, что особенно ясно высказалъ при прощаньи со мною:

— Прости, говорилъ онъ:—пошли тебѣ Господи вечеръ сей безъ грѣха сотворити!

— А ты, кормилецъ, ангельская твоя душа! — прибавилъ онъ потомъ, немного помолчавъ и подумавши: — меня не тронешь? Не тронешь за то, что тебѣ наговорилъ: можетъ, какую глупость, не вѣдаючи, вывалилъ. Памятью-то ужъ больно слабъ сталъ; иное и не хотѣлъ бы сказать—сказывается! прости ты меня старика-дурака досельняго. Въ гробъ бы мнѣ ужъ надо, вотъ что! Прости, твое благополучіе!

Суровость климата, а вслѣдствіе того скудость почвы, которая способна произращать только одинъ ячмень, всегда не дозрѣвающій, плохаго качества и въ маломъ количествѣ, наконецъ (и это главнѣе всего)—близость моря, отвлекаютъ устьцылема отъ домашнихъ работъ и пріурочиваютъ его къ стран, ствіямъ въ дальную сторону. Большую часть весны и лѣта они какъ и всѣ приморскіе жители, проводятъ на морѣ: или около устья Печоры, или даже на Новой Землѣ; осень, самое рыбное время для Печорскаго края, призываетъ усть-цылемовъ къ дому, или лучше къ родной рѣкѣ. Только зима--и это особенное счастіе, исключительное право для нихъ, сравнительно съ другими приморскими жителями Архангельской губерніи—находитъ ихъ дома. Но въ это время усть-цылему уже положительно дѣлать нечего, если не накопилось (и то только у самыхъ богатыхъ изъ нихъ) излишняго количества рыбы для продажи. Дальныя поѣздки на мѣста сбыта: на Пинежскую и Усть-Важскую ярмарки отнимаютъ, правда, у нихъ большую часть глухой зимней поры, не принося существенныхъ выгодъ. Рыбы,

сравнительно съ Пустозерскою волостью, добывается въ усть-цылемскихъ участкахъ по Печорѣ въ значительно-меньшемъ количествѣ. Ловъ и сбытъ добытаго лѣснаго звѣря (лисицъ, выдръ, песцовъ-псецовъ по мѣстному выговору, горностаевъ, бѣлокъ) также, сравнительно, ничтоженъ. Оленеводство, по словамъ старожиловъ, обогатившее наружно слободу, теперь въ рѣшительномъ упадкѣ, по причинѣ сильнаго соперничества Ижемской волости.

И вотъ почему — сильно развившаяся въ послѣднее время въ этой волости страсть выселяться на другія мѣста, даже за Уральской хребетъ, на Обь (за Сибирской камень, по ихъ выраженію)—значительное количество усть-цылемовъ въ наймахъ у богатыхъ ижемцовъ и пустозеровъ. Значительная часть промысловъ идетъ на вымѣнъ хлѣба и другихъ необходимыхъ для домашняго обихода предметовъ, привозимыхъ издавна усть-сысольскими торговцами, а въ послѣднее время сильно набившими руку въ коммерческихъ операціяхъ ижемскими крестьянами. Мелкій рогатый скотъ, по бо́льшей части комо́лой, давнишній предметъ вниманія усть-цылемовъ, даетъ, правда, сравнительно-значительное количество сала и масла, но и эти продукты находятъ болѣе выгодный сбытъ только въ рукахъ наѣзжающихъ купцовъ и торгашей. Выставляютъ, правда, усть-цылемы всякому проѣзжему и захожему гостю не туземныя лакомства: кедровые орѣхи, пшеничныя баранки, извѣстныя у нихъ подъ названіемъ калачиковъ, вяземскіе пряники (во имя исконнаго обычая гостепріимства); пьютъ даже чай не съ медомъ, а съ сахаромъ, но и за этой щепетильной роскошью можно усмотрѣть внимательнымъ взглядомъ самую неприглядную, самую вопіющую бѣдность, всю въ лохмотьяхъ и заплатахъ. Дома́, всѣ до единаго, расшатало бурными вѣтрами со стороны моря и огромной Большеземельской тундры, всѣми пургами, хивуса́ми, за́мятелями, куревомъ и размыло проливными весенними и осенними дождями. Нѣтъ (по словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей и умныхъ старожиловъ не изъ деревенскаго сословія) ни одного слобожанина, на котораго можно было бы указать какъ на достаточнаго, не говоря богатаго. Повсюдная бѣдность, вопіющая бѣдность! И, между-тѣмъ, нѣтъ ни одного селенія (исключая толковой Ижмы), въ которомъ была бы сильнѣе развита грамотность, какъ въ Усть-Цыльмѣ. Здѣсь, естественно, какъ и во

всѣхъ другихъ мѣстахъ Россіи, надо искать причину въ расколѣ, сильно развитомъ по всей волости *). Какъ непреложный фактъ, за истинность котораго можно ручаться, извѣстно, что всѣ архангельскіе раскольники грамотны. Такова и Усть-Цылемская волость. И вотъ почему извѣстное всѣмъ учонымъ изслѣдователямъ отечественной старины богатство здѣсь старинныхъ памятниковъ письменности въ актахъ, отдѣльныхъ монографіяхъ, старопечатныхъ книгахъ, грамотахъ и другихъ бумагахъ. Они свято хранятся здѣсь на тяблахъ, въ чуланахъ и крѣпкихъ сундукахъ за замкомъ не какъ вещи, имѣющія цѣнность, какъ нѣчто старое, пережившее много столѣтій, но какъ матеріалъ для поученія и чтенія назидательнаго, усладительнаго, душеполезнаго. Пишущему эти строки удалось видѣть свѣжія, недавнія копіи, цѣлыми томами большаго формата, со старопечатныхъ книгъ и цѣлые сборники-книги, которые поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности, съ какими старались записывать печорскіе грамотѣи все, что могло интересовать ихъ и на сколько позволяли то дѣлать небогатыя, относительно, средства. Достовѣрно, однако же, и то, что здѣсь заводилось училище, но усть-цылемы не приняли его по той причинѣ, что въ немъ обѣщали учить по новымъ, а не по старымъ книгамъ, и опять обратились къ своимъ доморощеннымъ грамотницамъ — бабамъ, по обыкновенію, престарѣлымъ сиротамъ, вдовамъ или засидѣвшимся до поздней поры дѣвкамъ.

Вотъ вся жизнь усть-цылема, не сложная по обыкновенію, какъ и вообще жизнь всякаго простаго русскаго человѣка, по тѣмъ свѣденіямъ, которыя посильно удалось мнѣ собрать въ недолгое пребываніе мое въ Усть-Цылемѣ:

---

*) Усть-цылемовъ, между прочимъ, проявился мѣстно чтимый святой. Зовутъ они его Иваномъ Постникомъ и на могилу его, верстахъ въ трехъ отъ селенія, ходятъ въ іюлѣ совершать панихиды. Здѣсь подъ лиственницами стоитъ деревянный гробъ отшельника, который выходилъ изъ своего уединенія въ Слободу, ходилъ по домамъ, когда вздумаетъ и всегда нечаянно, толковалъ подолгу и помногу. Ни отъ кого не принималъ за то никакого угощенія, никакихъ подарковъ и не сказывалъ, гдѣ живетъ. Однажды выслѣдили его, но въ тоже время видѣли, какъ онъ всталъ на колѣнки и остался недвижимъ. Отъ воззрѣнія грѣшниковъ скончался, и уже надъ мертвымъ соорудили гробъ, который существовалъ въ томъ же видѣ, и въ наше время.

Родится онъ въ банѣ, подъ присмотромъ и на глазахъ досужей приспѣшницы родильнаго дѣла бабки-повитушки; пять сутокъ выдерживаютъ его въ банной духотѣ и теплотѣ, часто обмывая. Роженица тоже моется и тоже, до истеченія пяти сутокъ, выдти изъ бани не смѣетъ. Въ избѣ, на шестыя сутки, новорожденному дается имя ставленой дѣвкой или старикомъ, по старопечатному требнику и при благословеніи дониконовскимъ крестомъ. Дальше стараются всѣми мѣрами уберечь дитя отъ недобраго взгляда и неладнаго оговора чужимъ человѣкомъ; въ противномъ случаѣ вспрыскиваютъ его черезъ уголь холодной водой до судорожнаго состоянія во всемъ молодомъ, нѣжномъ тѣлѣ. Потомъ цѣлыхъ полгода пеленаютъ его усердно и крѣпко, чтобы не выросло дитя уродомъ, и не кажутъ ему сильнаго печнаго свѣта, чтобы не косило оно потомъ во всю жизнь глазами. Годовалыхъ кладутъ на закорки подростковъ, сестренку или братишка и даютъ право выходить на улицу дышать свѣжимъ воздухомъ и развивать на неоглядныхъ полянахъ, обступившихъ кругомъ селеніе, молодое зрѣніе малютки, которое въ взросломъ состояніи пригодится ему при стрѣляньи дичи и лѣсныхъ звѣрковъ прямо въ мордочку, чтобы не испортить шкурки. На вольномъ просторѣ и при неудерживаемой ничѣмъ свободѣ ребенокъ развивается въ кучѣ сосѣднихъ ребятишекъ-сверстниковъ дальше, во все время, до-тѣхъ-поръ, когда онъ дѣлается полнымъ парнемъ-женихомъ. Смиренъ онъ отъ рожденія — его бьютъ и дѣлаютъ подневольнымъ мученикомъ всѣхъ дѣтскихъ капризовъ; боекъ онъ — ему первой скокъ въ чехарду, ему переднее мѣсто и во всѣхъ играхъ. Вездѣ онъ — изъ главныхъ зачинщиковъ, а потому чаще битъ и отцомъ своимъ, и чужими, и сельскимъ начальствомъ. Съ ранняго возраста, лѣтъ съ 3 или 4, онъ уже въ лодкѣ, на водѣ, съ весломъ въ рукѣ на дѣтскихъ шалостяхъ, а вскорѣ и въ серьозныхъ работахъ, гдѣ требуется отъ него отвѣта нешуточнаго; его посылаютъ по ягоды за Печору, и туда же стеречь и считать пасущуюся скотину. Онъ уже сидитъ на лошади, какъ большой, онъ уже умѣетъ при вѣтрѣ справиться съ парусомъ и не опружиться, онъ уже, за отсутствіемъ отца на промысла, помогаетъ бабамъ дрова колоть, печь затоплять и во всѣхъ домашныхъ работахъ *умѣлой* человѣкъ и большое, толковое подпорье. Вотъ онъ уже и на рыбныхъ промыслахъ побывалъ, и въ тундрѣ ходилъ за

оленями, и ими умѣетъ править, и знаетъ весь обиходъ при этомъ (хотя бы то было и не слишкомъ трудное дѣло, повидимому), онъ уже большой подростокъ и въ посѣдкахъ на святкахъ, и въ супрядкахъ въ филлиповомъ посту видитъ не простую ребячью забаву, а что-то побольше и по серьознѣе, и потому не пропуститъ приглянувшуюся ему дѣвку безъ щипковъ и щекотокъ. «Вотъ, толкуютъ бабы, еще *полной женихъ заводится;*» дѣвки и его въ *счотъ кладутъ* во всѣхъ затѣяхъ: будетъ ли то артельная прогулка за ягодами въ дальной лѣсъ или посидѣлка съ *хухольниками* (ряжеными), когда любятъ въ избахъ гасить лучину и выгонять лишній народъ вонъ, на улицу. Парень замѣченъ невѣстами и одною особенно преслѣдуется на всѣхъ встрѣчахъ и перекресткахъ; онъ и самъ не прочь на отвѣтъ и привѣтъ и суетъ выбранной сужоной горсть медовыхъ пряниковъ, кедровыхъ орѣховъ, перемигивается часто и многозначительно; разъ платокъ подарилъ: узнали бабы объ этомъ и рѣшили, что парень скоро засвататься долженъ, и не обманулись. Женихъ дождался только, когда святки прошли и когда минуло ему семнадцать лѣтъ—срокъ, установленный мѣстнымъ обычаемъ, и послалъ сваху, наканунѣ перемолвившись съ сужоной за банями. За согласіемъ не стоитъ дѣло: родители невѣсты знаютъ, что дочь не надежный товаръ, залежится: съ цѣны спадетъ, а парни по деревнѣ всѣ равны, ни одинъ не лучше другаго, всѣ на одну колодку дѣланы. Знаютъ они это, и велятъ жениху нести *запросъ* (отъ 10 до 15 р. сер. деньгами). Пьютъ запой на жениховъ же счотъ и съ женихомъ вмѣстѣ, который знакомъ съ кабакомъ еще съ юныхъ лѣтъ (13-ти и много съ 14). Таковы и усть-цылемскіе обычаи! На смотринахъ этихъ творятъ и рукобитье, и назначаютъ день свадьбы, но не откладываютъ его на долгой срокъ. Промысловый народъ, весь безъ исключенія, не любитъ разводить пиры, по обычаю приволжскихъ губерній, особенно усть-цылемы, у которыхъ всякой грошъ на счоту и рѣшительно нѣтъ ни одного лишняго. На другой же день, рано утромъ, выбираются дружки изъ тѣхъ ребятъ, у которыхъ есть синіе кафтаны: у женихова на правомъ плечѣ нашиваютъ ленты, у невѣстина дружки — на лѣвомъ: оба въ тотъ же день ходятъ сзывать по домамъ родныхъ и знакомыхъ на завтрашную свадьбу.

Въ день свадьбы, по-утру, собираются у жениха всѣ род-

ственники, садятся за столъ и ставятъ свадебный каравай и пирогъ; затѣмъ выпьютъ по два стакана пива и по два стакана вина, молятся иконамъ и ѣдутъ за невѣстой, женихъ рядомъ съ крестнымъ (онъ же и тысяцкой, обязанный платить половину свадебныхъ издержекъ), дальше сватья, а тамъ остальные жениховы поѣзжане. Женихова пара, а подчасъ тройка, гремитъ тремя-четырьмя колокольцами. По пріѣздѣ къ невѣстину дому, всѣ идутъ съ крестомъ и образомъ на крыльцо въ такомъ порядкѣ: впереди дружки, за ними женихъ и тысяцкой, дальше сватья и, наконецъ, поѣзжане. Дверь заперта; жениховъ дружка колотится съ молитвой: «Господи Іусе Христе, Сыне Божій!» до трехъ разъ; за дверью отдаютъ «аминь». Слѣдуютъ вопросы изъ избы, дѣлаемые кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ невѣсты, бо̀льшею частію братомъ, и отвѣты брата жениха, въ такомъ порядкѣ:

«Что вы за люди?»

— Мы люди божьи, да государевы.

«Зачѣмъ пришли?»

— По ваше сулено, по свое богосужено.

«Какой земли?»

— Россійской.

«Какого царя?»

— Бѣлаго.

«Какъ Его зовутъ и прозываютъ?»

— Александръ Николаевичъ Романовъ.

«Дѣточки?»

— Николай, Александръ, Владиміръ и Алексій.

«Гдѣ столица?»

— Въ Питинбруги.

«Которой вы вѣры?»

— Самой истинной, православной.

«Не по новой?»

— По старой.

«Какой вы губерніи?»

— Архангельской.

«Какого уѣзда?»

— Мезенскаго.

«Волости и селенія?»

— Усть-Цылемскаго.

Дальше слѣдуютъ вопросы: какъ зовутъ жениха, отца его, мать, братьевъ, сватьевъ, дружекъ, поѣзжанъ. Разговоры идутъ добрыхъ полчаса; наконецъ, ихъ впускаютъ въ избу, сажаютъ за столъ по порядку и обносятъ виномъ и пивомъ, а за неимѣніемъ послѣдняго—квасомъ. Затѣмъ невѣсту, окончательно*) наряженную къ вѣнцу, съ накинутымъ черезъ голову платкомъ на лицо, выводятъ къ жениху и передаютъ ему изъ полы въ полу конецъ накинутаго ей на голову платка. Женихъ сажаетъ ее рядомъ съ собой за столъ; немного посидѣвши, встаютъ; отецъ невѣстинъ спрашиваетъ жениха: «Будешь ли кормить - поить, одѣвать-обувать и женой почитать?» По отвѣтѣ «буду», начинается совершеніе обряда бракосочетанія по старымъ книгамъ и старымъ обычаямъ; затѣмъ пиръ и угощеніе. Первыми рюмками обносятъ молодые и, подслащая, по обычаю, горечь вина поцалуями, получаютъ отъ гостей деньги: 10, 15, 20, 25, 30 и иногда 50 коп. сер. Мужчины при этомъ цалуютъ молодую, а женщины молодаго. Угостивши гостей, молодыхъ уводятъ въ дальную комнату: и пиръ, въ собственномъ смыслѣ, затѣваютъ уже на другой день въ домѣ молодаго и продолжаютъ на третій въ домѣ молодой.

Живутъ ли молодые согласно и честно? Хотя это дѣло домашнее и потому, какъ говорится, темное, но отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать смыслъ бóльшей части пѣсенъ, правда, неутѣшительный по отношенію къ нравственности усть-цылемскихъ слобожанъ и слобожанокъ, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ

---

*) *Нѣсколько словъ о нарядѣ усть-цылемокъ.* Дѣвушки выпускаютъ изъ подъ платка, вышитаго золотомъ, косу съ гайтаномъ по спинѣ; по праздникамъ, вмѣсто гайтана, вплетаютъ, яркія ленты. Сарафаны праздничные отъ подбородка до подола спереди обшиты пуговицами; колодки у башмаковъ на подошвѣ проколочены гвоздями. При повойникахъ (кокошникахъ-сорокахъ остроугольныхъ) употребляютъ золоченные подзатыльники. Вмѣсто гайтану на крестѣ, богатыя дѣвушки и жонки, по праздникамъ, употребляютъ широкія серебряныя цѣпи, переходящія по наслѣдству изъ рода въ родъ и тщательно хранимыя. Лентъ въ косы наплетаютъ иногда аршинъ до десяти. Серебряные перстни и мѣховыя шубейки съ куньей, лисьей и бѣличьей опушкой еще въ модѣ. Но всегда и у всѣхъ, если не по сарафану, то по рубашкѣ, надѣтъ поясъ и потерять, подарить или забыть его, по старовѣрскому повѣрью и обычаямъ, значитъ накликать на себя всякаго рода несчастія.

мѣстахъ пишущему эти строки такихъ пѣсенъ находить не удавалось. Изъ 12 пѣсенъ съ подобнымъ содержаніемъ, выбираемъ три съ менѣе рѣзкими выходками противъ супружества.

Въ одной изъ нихъ заключительныя слова, обращонныя къ отцу, такого содержанія:

Не давай меня, батюшка, замужъ:
Со тѣмъ своимъ мужемъ гулять нейду,
Про тово свово мужа постелю постелю: —
Въ три ряда каменья накладу,
Во четвертой рядъ крапивы настелю;
Со каменьица бока его болятъ,
Со крапивы бока *спрыщевали*.

Во второй: молодецъ обращается къ женѣ своей съ такими словами:

Ты пустила сухоту
По моему по животу,
Разсѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ,
Заставила ходить по ночамъ —
Приневолила любить
Чужу-мужную жену.
Что чужа-мужна жена:
То разлапушка моя.
Чтой *своя*-мужна жена:
Осока да мурава —
Въ поли горькая трава,
Бѣла рѣпьица росла,
Безъ цвѣточиковъ цвѣла.

И вотъ, наконецъ, третья, вся цѣликомъ:

Поиграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во свою волю у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прокладѣ у братьецевъ!
Неравно замужъ выйдется,
Неровенъ чортъ навернется,
Неровенъ накачается:
Либо старое уродливое,
Либо молодо спѣсивое,
Либо въ ровню упрямчивое.
У меня младой старой мужъ
Поперекъ постели лежитъ,

Во супоръ со мной рѣчь говоритъ,
Раздѣвать, разувати велитъ,
Балахонъ съ плечъ стягивати
И оборы разматывати.
Что не та въ поли ягода цвѣла,
Не того отца дочерь была,
Не тою была у матушки,
Чтобы мнѣ старика разувать:
У меня руки бѣлыя, —
У него ноги грязныя;
На рукахъ злаченые перстни:
Что мои ручки загрязнятся,
Перстенечьки поломаются.
Я пойду млада во торгъ торговать,
По обычаю товару купить:
Я за камушекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлой алтынъ —
Навяжу стару на воротъ,
Я спущу стара на воду,
Я сама войду на гору,
Посмотрю на стара старика
Каково старой плаваетъ:
Се рука, се нога вверху,
Се буйна голова ко дну.
Да какъ взмолится старой мужъ:
Ужъ ты душка, жонушка моя!
Перейми старика изъ воды,
Ужъ я радъ на тебя работать:
По три утра сырой ржи молоть,
По три утра не завтракати,
По четыре не обѣдывати,
Ужъ я радъ годовалые житники ѣсть,
Троѣденную кашу хлебать.

Въ четвертой пѣснѣ, между прочимъ, дѣвушка, заявившая молодцу о томъ, что она его любитъ, на вопросъ его: «искренно ли?» отвѣчаетъ:

Я по совѣсти скажу—одного тебя люблю,
Я по правдѣ-то скажу — семерыхъ съ тобой люблю.

Всѣ остальныя пѣсни, собранныя въ Усть-Цыльмѣ и распѣваемыя обыкновенно дѣвушками на вечеринкахъ, свидѣтельствуютъ о крайной развращонности нравовъ: шесть изъ нихъ, болѣе типичныхъ, рѣшительно не годятся для печати.

Отъ болѣзней усть-цылемы умираютъ мало; большею частію

постигаетъ ихъ смерть на промыслахъ; въ селеніи попадается очень много стариковъ, изъ которыхъ большая часть сказывали, что имъ уже за седьмой, а многіе, что и за восьмой десятокъ лѣтъ перевалило *). Заплативши извѣстную, постановленную взаимными договорами дань кому слѣдуетъ, усть-цылемы хоронятъ своихъ покойниковъ ночью. Воютъ по ихъ душенькамъ также невыносимо-раздражительнымъ напѣвомъ и также поминаютъ его кутьей въ 3-й, въ 20-й, въ сороковой день, черезъ годъ и такъ дальше, ежегодно въ день смерти и въ родительскую—Дмитріеву—субботу, чтобы успокоилась его душенька, если только не кривилъ онъ ею, при жизни, въ торгахъ съ самоѣдами. Эти, по страсти къ вину, пьяными готовы продать за кубокъ (полштофъ) водки цѣлаго оленя, пожалуй чернобурую лисицу и даже весь свой годовой промыселъ, если у покупщика не дрожитъ рука и если кулакъ его здоровѣе кулака продавца—самоѣда.

Въ послѣднее время сильно распространилась между усть-цылемцами болѣзнь сифилитическая, перешедшая отъ самоѣдовъ, гдѣ почти всѣ поголовно отъ колыбели заражены ею. Средствъ къ леченію нѣтъ никакихъ и потому она въ тѣхъ мѣстахъ всегда почти смертельна. О такомъ грустномъ фактѣ я попечалился старику, навѣщавшему меня ежедневно и пившему со мною чай, но изъ своей чашки.

— Что жъ дѣлать? отвѣчалъ онъ: — Божье, знать, на то попущеніе за грѣхи *восьмой тысячи* *).

— А по мнѣ, ты тамъ какъ хочешь и что ни толкуй, старикъ, а тутъ виною расколъ вашъ...

— Ты что же это: можетъ думаешь, что мы *свальному грѣху* причастны?

---

*) Изъ особенно распространенныхъ болѣзней—икота у мужчинъ и у женщинъ въ одинаковой мѣрѣ, причину которой приписываютъ обыкновенно порчѣ или отравѣ злыхъ людей, дѣлающихъ это по ненависти. Противъ оспы и горячки нѣтъ никакихъ средствъ. Одинъ знахарь попробовалъ лечить больнаго напаиваньемъ до пьяна простой неочищенной водкой: одну женщину, говорили, вылечилъ; другую опоилъ до смерти.

*) По мнѣнію старообрядцовъ, въ нынѣшную — восьмую тысячу лѣтъ (отъ сотворенія міра) непремѣнно должно ожидать пришествія антихриста, который-де уже и народился.

— Да ужъ это безъ всякаго сомнѣнія: къ вамъ вонъ изъ Ижмы, что въ свой домъ, наѣзжаютъ тамошніе богачи...

— Ты мнѣ объ этомъ не сказывай, про ижемцовъ ты мнѣ не сказывай! Это наши супостаты, супротивники: мы съ ними изъ-старины во враждѣ, и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертнаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежъ себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ: ижемцы на зло это на наше, славу пускаютъ такую и соблазняютъ...

— Да, вѣдь, противъ этого, старикъ, есть пословицы хорошія, чай, самъ знаешь?

— Ты это дѣло говоришь! правда же твоя, какъ передъ Богомъ. Ты постой-ко, постой ты! Я вотъ тебѣ...

Старикъ, сдѣлавши многозначительное и важное выраженіе на лицѣ, наклонился къ самому моему уху и прошепталъ слѣдующее:

— Поѣзжай, слышь-ты, въ Пустозерской-Городокъ; тамъ лучше, по Богѣ... народъ цѣломудренной, тамъ нѣтъ этого, что вонъ и въ Ижмѣ. Одна только волостка-то наша и задалась такой праховой, будь намъ пусто!...

Пустозерскъ давно манилъ меня въ свою глушь и даль близкимъ положеніемъ своимъ къ океану и какъ городокъ, сохраняющій въ обычаяхъ своихъ много старины честной и не испорченной, населенной добрымъ народомъ, сколько могъ я судить по общимъ слухамъ, и наконецъ, какъ самое первое заселеніе новгородцовъ въ Двинской землѣ, сколько можно вѣрить въ этомъ народнымъ преданіямъ и нѣкоторымъ намекамъ, разбросаннымъ въ историческихъ документахъ.

27 декабря 1856 года я былъ уже тамъ.

3. ПУСТОЗЕРСКЪ.

Первыя впечатлѣнія пути. — Преданія объ историческихъ ссыльныхъ: Аввакумѣ, А. С. Матвѣевѣ, В. В. Голицынѣ, князѣ Щербатовѣ.—Отводная квартира.—Дома пустозеровъ.—Непогоди.—Разсказы о Новой Землѣ.—Занятіе жителей.—Самоѣды.

Къ Городку (такъ онъ до-сихъ еще поръ извѣстенъ между ближными и дальными сосѣдями) *) подъѣзжалъ я ровно въ

*) Слово «Пустозерскъ» на языкѣ печорцовъ не существуетъ; всѣ называютъ его просто «Городкомъ».

полдень. Солнце, не выходившее еще въ тотъ мѣсяцъ (декабрь) на горизонтъ, давало, впрочемъ, отъ дальной зари своей на столько свѣту, при обильномъ подспорьи необыкновенно-поразительной бѣлизны снѣговъ, что Пустозерскъ видѣнъ былъ верстъ за десять. Обстоятельству этому способствовало еще и то главное, что Городокъ лежитъ на открытомъ, ровномъ мѣстѣ, и лѣсъ, казавшійся только издали лѣсомъ, на самомъ дѣлѣ былъ приземистый кустарникъ — *сланка* (ивнякъ, почти на половину съ можжевельникомъ), не свыше полутора аршина въ вышину. Видѣлись церковь, крыши домовъ, послѣ двухъ суточнаго созерцанія снѣгу да снѣгу, да того же убогаго кустарника, между которымъ залегла узенькая, почти тропа, полоса дороги; мы то и дѣло цѣплялись санями своими за сучья, то и дѣло отряхались, помахивая мордами, хохлатыя лошаденки наши отъ валившагося на нихъ снѣга. Мы выѣхали на озеро Пустое, давшее свое имя селенію—*Пустое* потому, что нѣтъ на немъ ничего, кромѣ бугровъ да моху, да кое-гдѣ несчастнаго мелкаго кустарника; кругомъ лежитъ мертвая тундряная степь. Выѣхали мы на это озеро, закованное толстымъ льдомъ — и Городокъ открылся весь цѣликомъ: маленькой, уединенный, пустынный. И, какъ теперь, вижу его съ сѣренькими избами, изъ-за которыхъ глядѣла одинокая деревянная церковь съ колокольней. Весь онъ уютно сбился въ кучу и словно только-что вчера сломанъ острогъ — неправильный четвероугольникъ съ заостренными наверху толстыми и высокими бревнами — какъ будто для того, чтобы селеніе все осталось теперь на виду и на потѣху вѣтровъ и вьюгъ, набѣгающихъ сюда съ океана, и неоглядныхъ снѣжныхъ полей, величина которыхъ еще болѣе усиливаетъ пустынность и однообразіе видовъ. И безъисходно-тяжоло становилось на душѣ при одномъ уже воспоминаніи, что это крайной и самой дальной предѣлъ моихъ странствій, что это одно изъ послѣднихъ русскихъ селеній на сѣверѣ, и еще сильнѣе сжало сердце та мысль непрошенная, что недаромъ здѣсь такая пустынность и безпривѣтная даль, когда Городокъ этотъ, со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ фамиліямъ, подпавшимъ опалѣ царской. И, словно какъ сейчасъ выговоренное, вспоминается мнѣ зловѣщее замѣчаніе моего ямщика, указывающаго кнутовищемъ на правой берегъ озера (называемаго Городецкимъ):

— Вонъ наволокъ-отъ этотъ (мысъ) *висѣличнымъ* зовемъ!

— За что-же такъ? — выговорилось мною какъ-то невольно и безсознательно.

– Карачеевъ, сказываютъ, вѣшали въ старину; висѣлицы-де тутъ такія стояли; приведутъ, слышь, карачея-то, котораго поймаютъ, да и повѣсятъ тутъ... Нападали, вишь, они!... А перевѣшали ихъ горазно больше тысячи!...

И это народное преданіе имѣетъ смыслъ исторической истины. Карачейскіе—жившіе у Карскаго моря (Лукоморья, по Нестору) и рѣки Кары—самоѣды, въ началѣ прошлаго столѣтія, нападали на городъ большими партіями (въ 1719, 1730, 1731 и 1746 годахъ). Они недовольны были наложеннымъ на нихъ тяжолымъ ясакомъ и за то угоняли оленей, убивали противившихся и только-что не производили пожаровъ. Архангелогородской оберъ-комендантъ, генералъ-маіоръ Ганзеръ, послалъ туда роту команды съ поручикомъ Фрязинымъ, къ которой присоединены были туземные крестьяне и самоѣды. Выстроенъ былъ острогъ. Учреждена постоянная команда *). Карачеи мало-помалу успокоились и перестали производить нападенія, когда уже, впрочемъ, перевѣшано ихъ было свыше тысячи, на сколько въ этомъ можно вѣрить народному преданію.

— А вонъ туда, въ лѣвѣ-то! — перебилъ мои мысли ямщикъ: — за лѣсомъ площадочка есть такая, крестъ стоитъ, народъ ходитъ молится: Аввакумовъ-де. А самого его сожгли въ городкѣ, на площади. Сдѣлали срубъ такой изъ дровъ, протопопа поставили въ срубъ и троихъ еще съ нимъ товарищей**).

---

*) Команда такъ уже и не выводилась оттуда, и солдаты постепенно вымерли одинъ за другимъ до послѣдняго.

**) Это были, какъ извѣстно, кромѣ муромскаго протопопа Аввакума, симбирскій Никифоръ, роспопа Лазарь и старецъ Епифаній. Аввакумъ до Пустозерска сосланъ былъ—какъ извѣстно — въ Мезень съ семействомъ; ему оставили санъ протопопа, но запретили служить. Здѣсь онъ распространялъ свои мнѣнія и отсюда писалъ грамотки къ друзьямъ своимъ въ Москву, Боровскъ и другіе города; наконецъ началъ писать окружныя посланія и называть себя рабомъ и посланникомъ Іисуса Христа, протосинггаломъ россійской церкви. Въ 1665 году его вывезли на Москву и послѣ новаго суда и различныхъ мытарствъ, прислали въ Пустозерскъ. Семейство его, состоявшее изъ жены Настасьи Марковой и двухъ сыновей сосланы были въ Мезень и жили лѣтъ съ тридцать. Старшій сынъ Иванъ де-

А протопопъ-то предсказалъ это раньше, что быть-де мнѣ во огни, и распорядокъ такой сдѣлалъ: свои книги роздалъ. Передъ смертью къ нему прилеталъ голубь. Изъ Москвы гонецъ прибѣгалъ и царскую милость привозилъ; народъ пустозерской и стрѣльцы, которые приставлены были совѣтовали бѣжать,— да Аввакумъ не согласился, милости не принялъ, совѣтовъ не послушалъ: велѣлъ себя жечь. Всталъ онъ въ срубъ: народъ собрался, началъ молитвы творить, шапки снялъ... дрова подожгли—замолчали всѣ: протопопъ говорить началъ, и крестъ сложилъ старинный—истинный значитъ: «Вотъ-де будете этимъ крестомъ молиться—во вѣки не погибнете, сначала худо будетъ, а въ послѣднихъ родахъ обрящете спасеніе, а оставите крестъ—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ, а погибнетъ городокъ—настанетъ и свѣту кончина». Двое тутъ — какъ огонь хватилъ ужъ ихъ — крикнули, такъ Аввакумъ-отъ наклонился, да и сказалъ имъ что-то такое, хорошее же надо быть; старики вишь, наши не помнятъ. Такъ и сгорѣли. Когда срубъ рухнулъ, увидѣли на озерѣ лошадь скачетъ — пріѣхалъ гонецъ, прощеніе привезъ да опоздалъ. Стали пепелъ собирать, чтобъ въ рѣку бросить, такъ только и нашли отъ этихъ двухъ кости, и, надо-быть, тѣхъ которые струсили и крикнули; старухи видѣли, что какъ-де срубъ-отъ рухнулъ, два голубя, не то лебеди снѣга бѣлѣе, взвились оттуда и улетѣли въ небо... душеньки-то это, стало-быть, ихнія. И на томъ теперь мѣстѣ по лѣтамъ, песочекъ такой знать, какъ стоялъ срубъ, бѣлой-пребѣлой песочекъ знать и все годъ-отъ году больше да больше. Запрежъ

сять лѣтъ жилъ дьячкомъ у Богоявленской церкви въ Окладниковой слободѣ; тѣмъ и семью кормилъ. Когда князь Василій Вас. Голицынъ ѣхалъ въ ссылку въ Пустозерской острогъ и жилъ въ Мезени четыре года (лодья разбилась), онъ зазналъ семью Аввакума и ходатайствовалъ для нея о свободѣ въ Москвѣ у брата своего Бориса Алексѣевича Голицына. Ходатайство было уважено: аввакумово семейство было освобождено и возвратилось въ Москву около 1680 года. Въ Москвѣ они купили собственный домикъ, благодаря пособію сочувствовавшихъ заслугамъ отца ихъ и собственнымъ ихъ страданіямъ. Здѣсь сынъ аввакумова Иванъ былъ заподозрѣнъ въ расколѣ, судимъ и осужденъ. Его приговорили сослать въ заточеніе въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, но Иванъ будучи въ С.-Петербургской (Петропавловской) крѣпости за карауломъ, умеръ 7 декабря 1720 года.

на этомъ мѣстѣ крестъ стоялъ, въ мезенскихъ скитахъ дѣланъ, и рѣшоточкой, сказываютъ, былъ огороженъ; къ этому кресту у кого зубы болятъ прикладывали щоки—проходило; такъ начальство сожгло рѣшотку, а крестъ велѣли за городъ вынести, вонъ туда, влѣво-то!...

И онъ опять указалъ въ противоположную, лѣвую, сторону отъ Пустозерска *).

— А еще какихъ преданій не сохранилось ли?

— Да вонъ у старичка у одного въ Городкѣ-то крестъ деревянный — эдакъ въ четверть — хранится: самъ-де, сказываютъ, Аввакумъ его сдѣлалъ и Богу ему молился... а то другаго чего нѣтъ, да и не слышно. Содержали — то его больно же, сказываютъ, строго; на то, слышь, народъ къ нимъ такой ужъ приставленъ былъ. Изморили-де совсѣмъ.

— «А хлѣба намъ даютъ по полутору фунту на сутки (писалъ царю Алексѣю товарищъ Аввакума, по заточенію, распопа Лазарь) да квасу нужное даютъ: ей-ей! — и псомъ больши сего помѣтаютъ, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же: ходимъ срамно и наго?»

«Нынѣшняго 167 году (1659) въ великій постъ на первой недѣли — пишетъ Аввакумъ (этотъ первый и самый энергическій распространитель раскола) въ посланіи своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу изъ пустозерской темницы—въ понедѣльникъ хлѣба не ядохъ, такожде и во вторникъ и въ среду не ядохъ, еще же въ четвергъ не ядоша пребыхъ; въ пятокъ же— преже часовъ начахъ келейное правило, псалмы давыдовы, пѣти и пріиде на мя озноба зѣло люта и на печи зубы мои разбило съ дрожи, мнѣ же и лежащу на печи умомъ моимъ глаголюще псалмы, понеже отъ Бога дана псалтырь изъ устъ глаголати мнѣ. Прости, государь, за невѣжество мое: отъ дрожи твоя нападе на меня мытъ и толико изнемогъ, яко отчаявшумися и жизни сея. Уже всѣхъ дней издесятъ не ядшу ми и больши, и лежащу ми на одрѣ моемъ и зазирающе себѣ яковые и великіе дни правила не имѣю, но токмо по четкамъ мо-

---

*) Впослѣдствіи я былъ на томъ мѣстѣ, въ 5 верстахъ отъ Городка, и видѣлъ цѣлую группу крестовъ, но креста Аввакумова проводникъ мой выдѣлить и указать не могъ: «знаютъ-де его немногіе старики, да указывать имъ начальство строго воспретило».

литвы считаю... Тогда нападе на мя печаль и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ: что се бысть? Яко древле еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ: волосы и бороду остригли, и прокляли, и въ темницѣ затворили. И въ полнощи всенощное чтущу ми наизустъ св. Евангеліе утренне надъ ледникомъ, на соломкѣ стоя, въ одной рубашкѣ и безъ пояса въ день Вознесенія Господня, и проч...» «А меня, пишетъ онъ въ другомъ посланіи къ пустозерамъ, въ Даурскую землю сослали отъ Москвы, чаю, тысящей будетъ съ двадцать за Сибирь, и волоча впредь и взадъ двѣнадцать лѣтъ и паки къ Москвы вытащили, яко непотребнаго мертвеца зѣло употчивали палками по бокамъ и кнутомъ по спинѣ шестьдесятъ-два удара, а о прочихъ мукахъ по тонку нѣколи писать. Всяко на хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы. Егда же выѣхалъ на Русь: на старыя цѣпи и бѣды попалъ. Видите, яко азъ есмь нагъ, Аввакумъ протопопъ, и въ земли посаженъ. Жена же моя протопопица Анастасія съ дѣтьми въ земли же сидитъ...»

Отъ воспоминаній объ Аввакумѣ *) прямой переходъ къ другому историческому ссыльному, слѣдовавшему за нимъ въ Пустозерскъ—боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву. Здѣсь томился онъ, какъ извѣстно, около 7 лѣтъ (съ 1676 по 1682 г.) и, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Жители въ Пустозерскомъ гладомъ таютъ и умираютъ, а купятъ здѣсь четверикъ московской мѣры по 13 алтынъ по 2 деньги, а ихъ будетъ пудъ; и пустозерскихъ жителей всегдашняя пища борщъ да и того въ Пустозерскомъ нѣтъ, а привозятъ съ Ижмы; и такая нужда въ сей странѣ повсюду, на Турьѣ, Усть-Цыльмѣ и въ Пустозерскомъ острогѣ. Ей-ей! службу Божію отправляютъ на ржаныхъ просфорахъ, и та мука мало лучше невѣянной муки, и ей-ей! не постыдился бы я — свидѣтель мнѣ Господь Богъ! — именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ, и не можетъ подать, ради нужды... Избенка дана мнѣ, а другая червю моему сынишку, ей-ей! обѣ безъ печи, и во всю зи-

*) Для него, какъ и для его товарищей по заключенію, поставлены были особые 4 острога, съ избой внутри и съ тыномъ кругомъ въ 10 саженъ квадратныхъ величиною, какъ видно изъ царскаго указа, присланнаго въ Ижемскую слободку въ 166 году (1658). Приставомъ у заключенныхъ былъ стрѣлецкій сотникъ Ѳедоръ Акишевъ.

му рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало-что не замерзаемъ, а отъ угару безпрестанно умирали; а въ подклѣтникѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои *) да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ (!). А дрова намъ даютъ, пишутъ, сажень, а даютъ сажень малую сѣченыхъ дровъ, въ аршинъ отрубки, избу трижды вытопить, а не такую сажень, что въ Москвѣ плахами кладутъ и мѣряютъ саженью... Прежде, сказываютъ, рыбы здѣсь былъ достатокъ и на продажу было, а нынѣ не токмо на продажу, но съ самой весны по іюль до сытости сами никто не ѣлъ, таемъ гладомъ; а хлѣбъ привезли, мука-что отруби, и той не продаютъ, оставляютъ въ зиму, въ самой голодъ продать, взять хотятъ дороже **).

«За безмѣрнымъ удаленіемъ того Пустозерскаго острога и за безвѣстіемъ земледѣльства, — писалъ впослѣдствіи сынъ А. С. Матвѣева—коего никакого нѣтъ и объ немъ не знаютъ, и всякаго чина люди числомъ всего со сто дворовъ, питаются съ Вычегды рѣки, изъ Яренска и изъ Перми, на малыхъ каючкахъ однажды въ годъ, весною, привознымъ хлѣбомъ, и пудъ муки меньше рубля не купятъ, а питаются житами, въ мясоѣды птицами, а въ посты изъ Печоры рыбой». Положеніе заключенныхъ доходило иногда до такого плачевнаго состоянія, что у нихъ у всѣхъ было только три сухаря: приставъ Тухачевскій удѣлялъ имъ изъ своего запаса половину, не смотря на то, что и самъ онъ получалъ только шесть пудовъ ржаной му-

---

*) Съ Матвѣевымъ были въ ссылкѣ: сынъ его Андрей (впослѣдствіи графъ и двинскій воевода); при сынѣ учитель Поборскій — польскій шляхтичь, добровольно согласившійся на заточеніе съ воспитанникомъ, 30 человѣкъ слугъ, священникъ Василій Черновъ. Приставомъ былъ человѣкъ благородныхъ правилъ, назначенный Пустозерскимъ воеводою, стольникъ Гаврило Яковлевичъ Тухачевскій. Недавно существовала на краю Городка и въ сторону къ устью Печоры избенка, на которую указывали старожилы какъ на жилище Матвѣева, а потомъ Голицына.

**) Нынѣшное состояніе Пустозерска значительно лучше, конечно, вслѣдствіе сильно развившихся коммерческихъ предпріятій на Печорѣ: ижемцы и усть-цылемы везутъ сюда дрова, усть-сысольцы хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ на столько, что даже дальные нерѣдко пользуются избыткомъ его. Пустозеры ѣдятъ даже шанежки — праздничное лакомство только достаточныхъ архангельцовъ.

ки. Въ 1682 году Матвѣевъ былъ переведенъ въ Мезень и, наконецъ, возвращонъ въ Москву, а въ Пустозерскъ присланъ былъ его врагъ—любимецъ Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ семействомъ, ровно черезъ девять лѣтъ, въ 1691 году. На содержаніе Голицыныхъ отпускалось по 13 алтынъ и по 2 деньги на день. Двадцать лѣтъ пробылъ здѣсь Голицынъ, имѣя несчастіе видѣть старшаго сына своего помѣшавшимся отъ тоски и крайнаго горя; а въ 1710 г. онъ переведенъ былъ въ Пинегу, гдѣ, въ 1714 году, умеръ и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ *). Отсюда писалъ онъ: «мучаемъ животъ свой и скитаемся христовымъ именемъ; всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И померѣть будетъ намъ томною и голодною смертію».

Мы въѣхали, между тѣмъ, въ Городокъ. Передъ нами длинное, развалившееся зданіе съ выбитыми стеклами, высокой, старинной двускатной крышой — видно, очень старинное. Я опросилъ знатока-ямщика.

— Что это такое?

— Теперь ничего: никто, вишь, не живетъ, давно ужъ...

— А не слыхать про него ничего?

— Да сказываютъ старики, что тутъ, вишь, солдаты жили, что противъ Карачеевъ-то были присланы, когда острогъ-отъ здѣсь былъ построенъ. Солдатъ, вишь, этихъ вовсе не выводили отсюда, такъ всѣ и вымерли здѣсь, до послѣдняго...

— Внизу-то тутъ тюрьма, слышь, была!—продолжалъ толковать мой ямщикъ, когда мы выѣхали изъ ряда домовъ на площадку, или лучше пустырь, рѣдко и безтолково обставлен-

*) Воспоминаній о Голицынѣ въ народѣ не сохранилось никакихъ (хотя и осталась объ немъ память въ церкви св. Николая, именно домовой его образъ), равно какъ и о князѣ Симеонѣ Щербатовѣ и его женѣ Пелагіи, которые положили въ церковь Евангеліе печати 1675 года, подписанное рукою князя въ 1727 году. Голицынъ въ Красногорскомъ монастырѣ оставилъ Прологъ съ собственноручною надписью, створчатое зеркало, украшенное кругомъ фольгой и позолоченными орлами, двѣ шитыя иконы на плащаницы, сдѣланныя весьма изящно. Всѣ народныя преданія ограничиваются тѣмъ, что князь любилъ ходить изъ Пинеги для прогулокъ по направленію къ монастырю, что гулялъ въ сосѣдней рощѣ, что въ Пинегѣ держалъ своихъ лошадей и раздавалъ крестьянамъ для приплоду, и училъ дѣвушекъ пѣть московскія пѣсни. (См. ниже: «Поѣздка по р. Пинегѣ»).

ный домами. Въ тюрьмѣ этой, говорилъ ямщикъ: — старики сказываютъ, цѣпь была съ ошейникомъ желѣзнымъ, такъ разъ, на стариковой памяти, попъ съ попадьей повздорили, попъ-отъ ее и посадилъ, слышь, туда: померла съ голоду, о томъ-де и дѣло въ церкви хранится.

Весело глядѣла въ глаза отведенная мнѣ здѣсь квартира: комната чистенькая, хотя и уютная, столъ накрытъ скатертью; образа въ стеклянной рамѣ и между ними много въ серебряной оправѣ. Поданный самоваръ былъ вычищенъ, чашки съ блюдечками и безъ отшибенныхъ краевъ, хозяинъ явился въ синей, довольно чистенькой сибиркѣ; вообще, дѣйствительно и на первой взглядъ, все несравненно лучше, чѣмъ въ недавно-оставленной мною Усть-Цыльмѣ. Самые дома, видные изъ окна, глядятъ веселѣе и красивѣе, ставни нѣкоторыхъ прихотливо расписаны разноцвѣтными арабесками; балясины у неизбѣжныхъ балконовъ поражаютъ вычурностью и всѣ на мѣстѣ, а не расшатались и не повывалились, какъ въ Усть-Цыльмѣ. Но и здѣсь, какъ и вездѣ по Печорѣ, въ домахъ понадѣлано много оконъ, вѣроятно, для большаго свѣта въ тусклые и долгіе осенніе дни; и здѣсь на избахъ, также какъ и вездѣ, трубы деревянныя, также испещренныя прихотливыми вырѣзками и коньками. У богатыхъ домовъ на верхнихъ маленькихъ балконцахъ прилѣплены модели судовъ, грубо, топорно, но чрезвычайно вѣрно сдѣланныя. Деревянная церковь подновлена и поправлена; недалеко отъ нея рубится срубъ для новой.

Вотъ все, что представилось мнѣ при первомъ взглядѣ на Городокъ, привѣтливѣе глянувшій на меня въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ-бы въ контрастъ всему прочувствованному мною при воспоминаніяхъ объ его прошломъ. Набѣжавшія-было грустныя мысли при началѣ знакомства съ Пустозерскомъ подкуплены современнымъ видомъ его и еще больше радушіемъ и привѣтливостью хозяина, который принесъ мнѣ двѣ тарелки: одну съ баранками, называемыми здѣсь калачиками, и другую съ кедровыми орѣхами, называемыми меледой.

— Отвѣдай, богоданной гость, покушай нашего баловства на доброе на твое на здоровье—не погнушайся! — приговаривалъ онъ мнѣ.

Слѣдовали неизбѣжные вопросы: кто я, зачѣмъ, откуда — вопросы, отъ которыхъ не привелось мнѣ ни разу отдѣлаться

ни въ одномъ изъ нѣсколькихъ сотенъ видѣнныхъ мною селеній втеченіе долгаго годичнаго срока. Отъ хозяина привелось мнѣ узнать, что Пустозерскъ, на его памяти, былъ гораздо больше, чѣмъ онъ есть теперь; что вообще нонче стали времена тугія и потому и отъ нихъ начали также часто выселяться ближе къ океану и, стало-быть, къ промыслу, образуя тамъ деревушки дворовъ въ 5, 6 и больше; что они всѣ православные и что во всей волости нѣтъ ни одного раскольника, хотя они по большей части и держатся стараго креста, но, исповѣдавшись, всегда и ежегодно пріобщаются св. Таинъ у православнаго священника. Сказывали мнѣ, что въ Городкѣ не растетъ ничего изъ овощей, и потому они, жители его, рѣшительно ничего не садятъ и не сѣютъ; что здѣсь и по лѣтамъ иногда, особенно при сѣверныхъ вѣтрахъ, бываютъ такіе холода, что приходится по зимнему кутаться въ мѣхъ, надѣвать малицу; что живутъ больше торгомъ рыбы на Пинежской ярмаркѣ; все необходимое для жизни закупаютъ на каюкахъ у чердынцовъ; что скота они держатъ гораздо меньше, чѣмъ усть-цылёмы, но рыбы у нихъ вылавливается несравненно больше, и что у нихъ также нѣтъ ни одного мастера, ни кузнеца, ни плотника, и всѣ эти работы правятъ имъ *верховики*—захожіе люди сверху Печоры.

И здѣсь тоже любопытство — отъ бездѣлья, и тоже неудержимое желаніе просить о чемъ нибудь заѣзжаго *начальника* — по страсти, что приводилось встрѣчать много разъ и прежде вездѣ: и около Колы, и около Кеми и Онеги, и на Мезени, и въ Пинегѣ, и въ Холмогорахъ. Такъ точно и въ Пустозерскѣ: въ тотъ же день я уже былъ лично знакомъ съ большею половиною его населенія; всѣ они перебывали у меня.

Страшно-холоденъ былъ въ Пустозерскѣ первый день новаго года; термометръ священника—несомнѣнно фальшивилъ—показывалъ 34°; вѣтру, правда, не было, но весь воздухъ какъбудто распалился морозомъ и застылъ вселедянящимъ слоемъ; съ трудомъ можно было собирать дыханіе и, казалось того и гляди, брызнетъ кровь изъ носу и глазъ. По крайной мѣрѣ, всѣ части тѣла, которымъ суждено было находиться подъ вліяніемъ внѣшняго воздуха незакрытыми теплымъ мѣхомъ, мгновенно зябли до ѣдко-щиплющей боли и какъ будто всѣ внѣшніе покровы готовы были распухнуть и разорваться. На улицѣ не

видать ни одной души; видимо и привычные пустозеры предпочитали запереться въ дому послѣ того, какъ сбѣгали въ церковь, слышались со двора рѣшительные выстрѣлы изъ ружья, урывистые и громкіе, хотя, правда, и не частые: трещали углы въ моей комнатѣ и даже въ одной оконницѣ, выходящей на улицу, лопнуло стекло — обстоятельство, заставившее моихъ собесѣдниковъ—четырехъ мужичковъ-пустозеровъ—сдѣлать такого рода замѣчаніе:

— Крѣпко теперь на крѣпко расшалился морозъ, а отчего? Оттого онъ, морозъ этотъ, расшалился, что Городокъ нашъ на яру стоитъ: нѣтъ намъ противу морозу этого никакой защиты. У насъ и лѣтомъ вѣтерокъ подулъ, то и надѣвай малицу, а зимой такъ хватаетъ и рветъ, что дыхнуть не можно. Опять-отчего? — Лѣсу кругомъ насъ нѣту. Старики-то, вишь, выстроились для моря, потому оно близко, и для Печоры—потому хорошо—рыбная рѣка, а объ лѣсу у нихъ и заботы не было. Видѣлъ, вѣдь, твоя милость, проѣзжаючи-то, какой у насъ такой лѣсъ растетъ?—ёра, мелкая ёра самая такая мелкая, что выше аршина и дерева не видимъ. Издали-то, пожалуй, ёрникъ-то нашъ и большимъ лѣсомъ кажетъ, а на самомъ дѣлѣ онъ у насъ и топливо-то худое. Мы, вѣдь, батюшко, избёнки рубимъ изъ чужаго лѣсу, изъ дальнаго; лѣсъ-отъ строевой къ намъ, какъ диковинку заморскую, словно бы чай, али осетрину-рыбу, изъ чужи, сверху возятъ. Вотъ почему, по нашему по глупому разуму, и морозъ пуще бываетъ, чѣмъ въ другомъ коемъ мѣстѣ, хотя бы взять туже Усть-Цыльму. У насъ и за̀мятели, коли нашлетъ Господь, не какъ въ другомъ мѣстѣ. Ты вотъ видишь наши дома?

— Вижу: всѣ двух-этажные, красивые такіе, высокіе и теплые, видно, что богато вы живете...

— Нѣтъ, ты постой, зачѣмъ богато? не больно же мы богато живемъ—это опосля я тебѣ. Ты вотъ молвилъ: двуетажные—это, тоись,въ два жила. Отчего?—оттого въ два жила и оттого у насъ ставни, что ину пору крѣпкіе хивуса́ живутъ: нагребаютъ они тебѣ снѣгу сажени на двѣ, и больше, пожалуй, до самыхъ-то вонъ до балконцовъ, что кругомъ дома обходятъ. Ты, пожалуй, съ незнати со своей, и скажешь такое глупое: у нихъ-де балконцы эти для красы настроены, да такъ, чай, и въ книжечку свою запишешь. Анъ подожди! Послушай и меня

дурака, что я тебя молвлю: прибѣжитъ, видишь, вѣтеръ съ окіяна на снѣжныя наши палестины, начнетъ дурить, смѣтать снѣгъ охапками, да погонять его все дальше да дальше, да поддувать все крѣпше да больше, ну... и наше селеніе на пути встрѣнетъ, а въ нашемъ селеніи запрету ему нѣтъ—извѣстно: вали съ какой стороны хочешь, запоровъ не сдѣлали, да и нельзя. Онъ и валитъ до самыхъ балконцовъ, и оконницы начнетъ расшатывать, и стекла всѣ, пожалуй, поломаетъ; а мы запремся кругомъ ставнями, и засовы закрѣпимъ, и огонь разведемъ. Гуляй-де, знай, по улицѣ, а насъ-де не трогай: мы молъ, тебя баловника давно знаемъ; ты хоть три дня тутъ себѣ благуй, а мы посидимъ, побесѣдуемъ промежъ себя, переждемъ тебя—изволь, молъ, потѣшаться до-сыта! Моя, молъ, изба съ краю, ничего не знаю: вотъ, вѣдь, мы какъ!...

Разскащикъ приподнялся съ мѣста, видимо довольный своимъ повѣствованіемъ, которое на устахъ остальныхъ собесѣдниковъ-слушателей также развело улыбку.

— Ты такъ хорошо, старикъ, разсказываешь, что даже хвалиться этимъ можешь: съ тобой все бы сидѣлъ и все бы тебя слушалъ!

— Да это пущай и сосѣди толкуютъ: ты-де все со своими толкованьями къ начальникамъ ходишь, словно ты-де у насъ на должности на такой состоишь. А, вѣдь, мнѣ что? Пущай толкуютъ! Я развѣ худо сказываю-то? недоброе, молъ, что-ли я начальникамъ сказываю, хоть бы и твоей милости?

— Спасибо; я очень тебѣ благодаренъ; ты для меня золотой человѣкъ, неоцѣненный, умной и толковой такой...

— Ну, да пущай и не больно же я умной человѣкъ — это, вѣдь, ты такъ! а я самой неумной человѣкъ. Вотъ я какой дуракъ есть, и міръ это знаетъ, слушай: по пяти лѣтъ къ ряду обряжалъ я покруты на Матку (Новую-Землю) за моржами: за саломъ—значитъ; по десяти работниковъ имѣлъ, раза три по два судна пускалъ, а что добылъ, что выручилъ, съ чѣмъ сижу? Избенка у меня, почитай, хуже всѣхъ; самъ я не то, чтобы человѣкъ путной, а такъ—неладной какой-то, а все отчего?—Оттого это все, что по всѣ разы, что не ѣздилъ, промысла всѣ въ морѣ оставлялъ.

— Отчего же?

— Да такъ, стало-быть, Господу угодно: разбивало до еди-

наго всѣ разбивало: самъ-отъ насилу ноги уносилъ, ну и будетъ бы, съ первымъ же бы разомъ будетъ, а я—на пятой поѣхалъ. Опять растрепало, все до послѣдней щепы растрепало. Гордымъ, стало-быть, Богъ противится. Деньжонки-то какія отъ батюшки отъ покойничка оставались—всѣ уложилъ въ этотъ промыселъ; опосля тоже, по старой вѣрѣ, сосѣди ссужали кое-мѣсто, а тутъ и вѣрить перестали: тебѣ-де все не рука, твой-де покрутъ, что рѣшето, хоть молъ жизнь свою туда клади, все толку не будетъ никакого; ну и сѣлъ и сижу вотъ...

— Вѣдь, это, старикъ, пожалуй, и ладно; пожалуй, и такъ?

— Нѣтъ, не надо бы такъ-то, охъ, больно бы не надо такъ-то!

Онъ мотнулъ головой, глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

— Какъ же по-твоему, старикъ?

— Опять бы надо на Матку ѣхать.

— Да, вѣдь, несчастія тебя преслѣдуютъ?

— Пущай ихъ преслѣдуютъ, а на Матку больно хочется: привыкъ ужъ очень.

— Ну такъ что же? поѣзжай покрутчикомъ.

— Это мнѣ-то?

Старикъ приподнялся и продолжалъ запальчиво:

— Это, чтобы работать-то на другихъ, спать на себя. Нѣтъ, ты, ваше благородіе, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ, какъ я вижу, темной, больно несвѣдущой. Ты это оставь про себя! Знаешь-ли, что мнѣ помѣха, и крѣпкая помѣха?

— Думаю, денегъ не достаетъ.

— Есть, да мало, надо еще два года ждать, покуда накопится—вотъ оно что! Ты считай: надо ѣхать туда недѣль на двѣнадцать, коли не больше, и сколько ни бери народу, а на каждаго человѣка клади-знай: 7 пудовъ муки оржаной и яшной, пуда полтора житной крупы да толокна, да столько же трески соленой. Безъ нее нашъ братъ, пожалуй, и на оленину пойдетъ—мы не мурманскіе—ее клади; да пуда полтора солонины, да по десяти фунтовъ—опять-таки на рыло—масла коровьяго, столько же постнаго: безъ него, самъ знаешь, какая же каша живетъ; опять по праздникамъ колобокъ надо съѣсть, али бо тамъ шаньгу—вѣдь не каторжные же! Клади—опять-таки, значитъ — на человѣка: одинъ ушатъ кислаго молока, али творогу—это все едино; полтора фунта гороху на постные дни: ну!

клади ужъ фунтъ меду краснаго:—безъ киселя въ постной день не проживешь, какъ ни мудри. Опять же на всю артель клади безпремѣнно—какъ Богъ святъ—безъ того у насъ и толкъ не стоитъ и жить нельзя просто-на-просто: бочку мочоной морошки надо взять какъ крестъ на груди: безъ морошки цынга одолитъ на смерть, а смерть на Новой-Землѣ не человѣчья, вѣдь: безъ покаянья мрутъ, потому тамъ нѣтъ попа и никакого другаго человѣка не найдешь.

— Это я давно знаю.

— Такъ знай, пожалуй, и еще, что всякому покрутчику надо оленину дать на постель, да овчинное одѣяло. Божьи, вѣдь, люди, душеньки-то въ нихъ тоже Христовы, отъ ребра Адамова! Пущай одежу—лопать, по нашему—они свою приносятъ: безъ того, извѣстно, нельзя. Ну, а вотъ дальше-то тутъ тебѣ и пойдетъ: снасти, ружья, порохъ, сѣти—самое то все дорогое, неподходящее. А на одномъ-то суднѣ надо посылать, по-крайности, человѣкъ 8, али-бо 10, да еще и судно-то промысли, обряди его по морскому: путь отъ насъ дальной, хоть, пожалуй, и ближе другихъ; а и при непопутныхъ вѣтрахъ почесть, въ недѣлю только угодишь успѣть. Такъ вотъ ты размысли, да и подумай: дѣло то оно и выдетъ куда большое, самое купецкое, да и купца-то богатаго! Ѳттого у насъ большія дѣла и ведутъ все ижемскіе зыряне—богатой народъ; а у нашихъ богачей и остается кроха малая, и ходятъ все въ складчину, норовятъ какъ бы на одну артель тремъ хозяевамъ угодить. Тутъ ужъ, по мнѣ, дѣло не большое, а такъ... прогулка. Дома-то, молъ, надоѣло съ бабами-то; поѣду-ко, молъ, покатаюсь, посмотрю-де, много-ли на Маткѣ звѣря какого, да что, молъ, тамъ ижемцы подѣлываютъ. Посмотрю-де и вернусь домой пальцы сосать, въ потолокъ плевать, да разсказывать ребятишкамъ сказку про бѣлаго быка. Да еще и вернуться-то сподобитъ-ли Богъ? — а то часто головой-то своей да прямо въ омутъ на вѣка-вѣчные. Вотъ оно что? И... провались это дѣло совсѣмъ непутное!...

Старикъ расходился такъ, что на всѣ остальные распросы мои отвѣчалъ одно:

— Спрашивай вонъ этихъ, больше знаютъ; а мнѣ таково неладно: не глядѣлъ бы на свѣтъ-отъ Божій! Спрашивай вонъ самыхъ-то умныхъ...

— Да ты что это больно на насъ нападаешь? — счолъ за

нужнее спросить другой старикъ, мой собесѣдникъ. Но отвѣта не дождался.—Не ты садилъ, не тебѣ и обирать: вотъ какъ по нашему. Сказываетъ онъ тебѣ, твоя милость, что малыми дѣлами заниматься не можетъ, а спроси ты его: съ большаго-ли онъ и тогда начиналъ? У него, вишь, моржъ второе дѣло: мнѣ бы, говоритъ, денегъ да китовъ ловить, изъ кита-де я 30, а и, на худой де конецъ, 25 бочекъ сала-то выгоню; а моржъ и большой-отъ даетъ-де много пудъ десять, а то гляди, и всего восемь. Вотъ, вѣдь, онъ у насъ блажной какой! Стану говоритъ, китовъ ловить: вѣдь, ловили-де старики и богатство послѣ себя оставляли; онъ и мастеровъ указываетъ. Спроси ты его: какихъ, молъ, ты такихъ — что китовъ-то, ловили — сказываешь?

— Мало-ли было! ловили же Балдинъ Харитонъ, Шухобовъ Иванъ, онежская лодья была *)...

— Да ладно-ли, полно, ловили-то? Самъ, вѣдь, сказывалъ, что за моржами же послѣ пускались. Нѣтъ, ты и охотниковъ-то на это дѣло не заманишь, никто съ тобой и не пойдетъ на экаго звѣря. Ошутилъ ты, крещоной человѣкъ, китомъ этимъ, когда, слышь, никакая снасть его не удержитъ: все де, слышь, какъ ниточку, рветъ! Ты его только, почтенный, послушай! (воззваніе относилось ко мнѣ). Разскажи-ко лучше гостеньку-то

---

*) Китоловные промыслы, какъ уже давно извѣстно, производились преимущественно въ западной части Сѣвернаго океана, въ 1786 и слѣдующихъ годахъ, около Шпицбергена. Петръ Великій, указомъ 1723 г., повелѣлъ устроить кольское китоловство на счотъ казны; при Екатеринѣ I указъ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе: въ 1727—1751 три китоловныхъ корабля, подъ управленіемъ голландцовъ, ежегодно выходили въ море, но поймали только 4-хъ; обвиняли иностранцовъ въ подкупѣ и, кажется, справедливо. Графъ А. Р. Воронцовъ пробовалъ деньгами своими оживить этотъ промыселъ, но неудачно: 11 китовъ легко ранено, но ни одного не убито. Въ 1805 гр. Румянцовъ, министръ коммерціи, отправилъ корабль для той же цѣли; но корабль этотъ былъ сожжонъ, и взятъ какимъ-то крейсеромъ подъ французскимъ флагомъ, при первомъ выходѣ своемъ въ океанъ изъ Кольской бухты. Киты эти изъ породы кошалотовъ. На Новой-Землѣ также производилось китоловство голландцами (доказательства — салотопенныя ямы, видныя до сихъ поръ). Неудачи въ подобномъ предпріятіи обыкновенно приписываютъ неловкости промышленниковъ, не получившихъ никакого навыка, и дурно выкованнымъ гарпунамъ, которые или ломались, или скользили и выскакивали изъ добычи.

нашему, какъ ты тинки — клыки это моржовые, по-нашему — скупать хотѣлъ, да въ Норвегу возить; какъ ты пухомъ-то гагачьимъ хотѣлъ торговать: ты вотъ что разскажи!

Но старикъ отъ всѣхъ вопросовъ продолжалъ отдѣлываться молчанiемъ, давая волю сопернику.

— Онъ, вѣдь, у насъ, до поры, до времени, и хорошъ былъ, разсудительной такой, а теперь все въ книжкѣ читаетъ: такъ оттого-ли, али отъ другаго—блажить началъ; мы-было и на глумъ его приняли, что полоумнаго, такъ инъ скажетъ и такое умное слово, въ иную пору, что всѣмъ на диво. Дуритъ, вѣдь, осерчалъ ужъ очень съ промысловъ-то неладныхъ: по мнѣ, это вотъ отчего! Такъ-ли я говорю?

Но тотъ продолжалъ молчать по-прежнему; соперникъ его не отставалъ:

— У насъ, почтенный, вотъ какъ уже изстари заведено: коли ты пошолъ на *лѣсную*—такъ и лови песцовъ, горностаевъ, лисицъ, зайцовъ, выдру, бобра — этотъ тоже заходитъ изъ-за Камня (Уральскаго хребта), хоть и нечастой гость. Сомутился на *рѣчную*, такъ наша Печора и на этотъ конецъ рѣка толковая: семги много—говорить про то нечего; сиговъ не оберешься; опять же омули *), пеледи по озерамъ—много же

---

*) *Омули* (Salmo autumnalis) очень похожи на сига: голова острая, нижняя челюсть длиннѣе, спина жолобоватая; впрочемъ, вкуснѣе сига и разнится отъ послѣдняго только по наружному виду: клескъ—чешуя—омулей мельче сиговой, на бокахъ чорныя точки; продаются солеными, но большею частiю извѣстны всѣмъ мерзлыми. Сейчасъ-выловленные даютъ превосходную икру. Омули не рѣчная рыба: они приходятъ въ Печору также изъ моря, большею частiю въ первыхъ числахъ августа. Ловятъ ихъ сѣтями и поплавнями, какiя употребляются въ Усть-Цыльмѣ для семги, съ тою только разницою, что семожьи поплавни плетутся изъ конопляныхъ нитокъ, а омулевыя изъ льняныхъ и потому эти нитки потоньше. Въ омулевой поплавнѣ ячеи шириною въ 3 и 4 пальца, сложенныхъ вмѣстѣ. Для лова сиговъ употребляютъ такъ называемыя *пущальницы* въ 30 саженъ *провязи* (длины) и 15 на *саду* (глубины); внизу хобота (мѣшка) придѣлываютъ каменницы (камни) на разстоянiи, одинъ отъ другаго, сажени на 1½; наверху къ тетивѣ (веревкѣ) привязываютъ поплавки—берестяныя трубки. Пущальницы употребляютъ чаще по зимамъ, опуская ихъ въ проруби, и только около Пустозерска. Въ другихъ мѣстахъ пущальницъ я не встрѣтилъ, да, говорятъ, и нѣтъ ихъ.

озеръ-то этихъ по тундрѣ живетъ — чиры *) ростятся, отмѣнная рыба такая, что вкуснѣе, слаще ее и на свѣтѣ нѣту такой. Сказываю на то тебѣ, что ужъ принялся ты за одинъ промыселъ—другимъ не займуйся: такъ старики вели, такъ и мы ведемъ, что вотъ не пришли сюда на Печору въ лѣта незапамятныя, по стариковымъ толкамъ, изъ Новагорода. Опять же если и на Матку тебѣ пошла полоса, то и тамъ смекай на двое, или на трое. Матка богата, недаромъ ее Маткой зовутъ, за всѣмъ тамъ не угонишься. Сала хочешь, на то тебѣ тамъ моржи залежки раскидываютъ, óшкуй (бѣлой медвѣдь) выстаетъ, заяцъ морской попадается — это тебѣ побережной промыселъ. За горнымъ пойдешь—дикаго оленя много прыгаетъ, гуси да гагары, да утки линять прилетаютъ, что и счесть нельзя — палками колотимъ. Пухъ собирай, пожалуй, побитую птицу соли, изъ *разбойнаго звѣря* сало топи; работы тамъ всякой довольно: пущай вотъ чванливой сосѣдъ-отъ нашъ, бахвалъ-отъ, рыло воротитъ-ему, вѣдь, боярской работы надо. Мы, вѣдь, твоя милость, дураки, скоты—надо бы тебѣ молвить. Вотъ что! У насъ угодилъ кто разъ-пятокъ на Матку сбѣгать въ покручникахъ, на шестой ты такъ-то къ нему не ходи, а поприслушивайся, да съ голыми-то руками и не подступай къ нему: смотри — безпремѣнно въ хозяева надумалъ. Ты около него съ поклономъ да приговоромъ, а онъ тебѣ спину кажетъ, и ногами, и руками машетъ, что бодливой быкъ, али-бо пьющая баба; ты ему колъ на головѣ теши, а онъ тебѣ два ставитъ. Да этакъ-то онъ всю весну и ломается, что курица рóстится—смѣхъ-нали возметъ, на его дурость глядя. — Съ тѣмъ и уходишь. И Николинъ день подойдетъ на ту пору — бѣжать пора на Матку: и, полно, молъ, дуралей ты экой, дура, молъ, съ печи, какой, молъ, то есть человѣкъ безъ денегъ да безъ вѣры: тряпица, молъ, ты равная! послушай-де ты... умной, милой ты человѣкъ, дай-ко, молъ, я обойму тебя да поцалую, не сатана, молъ, я, не бѣсъ какой! И — обоймешь его пожалую—

---

*) *Чиръ* (Salmo nasus) съ чешуею мельче сиговой, съ сизой спиной и бѣлымъ, какъ серебро, брюхомъ; носъ горбомъ простирается до глазъ; вкусомъ лучше всѣхъ печорскихъ рыбъ и, въ этомъ отношенiи, соперничаетъ только съ *пеледью* (Salmo coregonus), отличающеюся толстою и горбатою спиною, тупымъ рыломъ и коническою головой.

домой уйдешь опять, да ужъ съ толкомъ: либо въ кормщики пошолъ, либо въ полууженщики *). Такъ-то толковые дѣлаютъ, а и этому давали денегъ (за этимъ мы не стоимъ про своихъ: помогаемъ тоже) и покрученикамъ за него сказывали, что человѣкъ, молъ, надежной, поручиться можемъ; да нѣтъ—знать, несчастіе съ роду ему. А ужъ тутъ, по старой по вѣрѣ нашей, дома сидѣть надо: либо море потопитъ, либо ошкуй сломаетъ: седьмой годъ — нехорошой годъ — обходи его и на печи пролежать не грѣхъ. Это вѣрно!

— А, вѣдь, Городокъ-отъ нашъ больно древній! — заговорилъ вдругъ ни съ того, ни съ сего прежній старикъ — говорунъ, хранившій до того времени глубокое, какъ бы обѣтное молчаніе.

— Знаю, старикъ; построенъ онъ былъ новгородцами для того, чтобы дань сбирать съ самоѣдовъ, и обнесенъ былъ острогомъ. А самоѣды эти назывались ясашными...

— Это такъ, твоя милость, и по книгамъ значится. Читалъ тоже и я грѣшной!

— Былъ здѣсь въ-старину воевода, и ему дана была канцелярія.

— Такъ и въ народѣ молва идетъ, такъ! Бумаги изъ этой канцеляріи хранились у насъ въ управѣ, да, вишь, сгорѣла управа-то и бумаги эти всѣ погорѣли. А знаешь ли, твое благородіе, какая-такая святая вещь у насъ есть?

---

*) Каждое судно, отправляющсеся за промыслами на Новую-Землю, имѣетъ свою артель, называемую *котляною*. Котляна имѣетъ названіе *плотной*, когда паевщики идутъ отъ себя, а не по найму отъ хозяевъ. Въ каждой котлянѣ, снаряжонной хозяиномъ, бываетъ отъ 8 до 20 человѣкъ; главный изъ нихъ называется *кормщикъ*, второй за нимъ *полукормщикъ*, третій *полууженщикъ*, всѣ остальные простые работники — *покрутчики*, *покрученики*. Каждый изъ нихъ имѣетъ, при раздѣлѣ промысла, свою часть, пай, называемой ужною. На хозяина по ужнамъ идетъ обыкновенно двѣ трети всего промысла; кормщикъ изъ остальной трети добытаго получаетъ, противъ простаго покрутчика, въ 4, 5, 6 и даже 7 разъ больше; полукормщикъ противъ всего этого половину; полууженщикъ половину противъ послѣдняго; покрученикъ, по взаимному договору съ хозяиномъ, получаетъ, противъ прежнихъ, меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Взаимныя и полюбовныя условія на честное слово здѣсь занимаютъ первое и главное мѣсто, такъ-что высказанныя нами условія не всегда должно принимать за постоянное, безъисключительное правило и законъ.

— Можетъ-быть, крестъ Аввакума?—знаю.

— Это-что! А то есть у насъ тутъ... у одного у мужичка по сосѣдству, образъ чудотворной, небольшой, вершка въ два, на доскѣ, и писаніе хорошо сохранилось. Сказываютъ, образъ тотъ принесенъ изъ Новагорода, при Грозномъ-царѣ, когда вотъ селенію-то нашему начало, сказываютъ. Это первой-де Христовъ ликъ въ нашемъ краю! Мы ему молебны служимъ *).

Разсказчикъ, при послѣднихъ словахъ, перекрестился.

На улицѣ слышались въ это время громкія, но какія-то нескладно-безтолковыя пѣсни; по улицѣ пронеслось много оленей съ саночками, на которыхъ валялось по-два, по-три самоѣда. Разсказчикъ разрѣшилъ недоумѣніе:

— Самоѣдъ гуляетъ. Имъ, вѣдь, нехристямъ, все равно, не разбираютъ: постъ ли, праздникъ ли, вонъ и теперь подъ-воскресенье пришло, налопались.

— А любятъ они и у васъ также пить, какъ въ Усть-Цыльмѣ?

— Да нѣшто имъ дѣлать-то? извѣстно, пьющій народъ съ роду: у нихъ и ребятенки вмѣсто молока вино пьютъ, и яньки (жонки) пьютъ, всѣ пьютъ...

— Зачѣмъ же они въ Городокъ вашъ попали?

— Ясакъ привезли, такъ ужъ, кстати, въ кабакъ-отъ... У насъ ихній старшина живетъ. Теперь они въ чумы свои поѣхали; чумами-то, вишь, они не далеко разложились, сказываютъ: верстъ и десятка не будетъ.

Подъ нашими окнами остановились двое саней, послышался вскорѣ громкій, ожесточонный споръ на томъ непріятномъ гортанно-шипящемъ языкѣ, который только и можно услышать отъ самоѣдовъ. Смотрю, одинъ самоѣдикъ наскочилъ на другаго, ударилъ его въ лицо и окровавилъ, третій разнималъ ихъ и тоже получилъ на свой пай отъ забіяки плюху. Это обстоятельство вызвало замѣчаніе одного изъ гостей моихъ:

---

*) Впослѣдствіи лично удалось мнѣ повѣрить сообщонныя старикомъ свѣденія: образъ значительно потускнѣлъ отъ времени и хотя хорошо видны были лики, но надписи разобрать не было никакой возможности. Первое показаніе его о томъ, что старинныя бумаги всѣ сгорѣли, также, къ несчастію, оказалось справедливымъ. Впрочемъ, Озерцковскій, еще въ 1773 году, не нашолъ уже ихъ.

— Подѣломъ, не суйся. Гляди, ваше благородье, цаловаться теперь станутъ и опять олешковъ повернутъ къ кабаку. Гляди!

Дѣйствительно, самоѣды обнялись всѣ трое вмѣстѣ и поочередно цаловались, крѣпко стукаясь, въ тоже время, лбами.

— А, вѣдь, смирный же они народъ, какъ видно.

— Смирной, доброй такой!... смирной: только вотъ во хмѣлю-то бурливы, привязываются, задираютъ. А и крикнешь на нихъ, пригрозишь кулакомъ, не испужаются, еще пуще лѣзутъ. А трезвые, что и олешки же, смирны.

Шумъ на улицѣ затихъ; самоѣдъ съ подбитымъ глазомъ лежалъ уже на чункѣ (санкахъ); двое другихъ куда то пропали; но несовсѣмъ: отворилась дверь въ мою комнату и оба они явились на порогѣ и повалились въ ноги разъ, другой и третій. Одинъ такъ и не вставалъ, какъ легъ; другой выступилъ—настоящій самоѣдъ: приземистый, коренастый, съ рѣденькой, крайно-рѣденькой бородкой, съ необыкновенно-смуглыми, хохлатыми волосами. Узенькіе глаза его непріятно выглядывали изъ подъ жиденькихъ рѣсницъ; широкій, неправильный носъ какъ-то удивительно не шолъ къ его скуластому, смуглому лицу; къ тому же, пьяный самоѣдъ глядѣлъ настоящимъ разбойникомъ.

— Что тебѣ, братъ, надо?

— Прости!—могъ я понять.

— Въ чомъ дѣло?

— Дѣло.

— Какое же?

— Ясакъ тяжоло!

— Проси не меня объ этомъ!

— Старшину проси!—добавилъ кто-то изъ гостей моихъ:—ступай-ко, ступай!

— Ну-ну, ладно, ладно! Прости!

— Прощай!

— Ступай-ко, ступай, не студи! — продолжалъ мой хозяинъ.—Ко всѣмъ вотъ этакъ лѣзутъ, отогнать не можно: къ начальнику-де надо. Просьбы подаютъ и завсегда пьяными. Сердятся же начальники-то. А тоже, вѣдь, вотъ война-то была, спрашивали мы ихъ: пойдете-молъ? А пошто-де насъ не обрядятъ: стрѣльнули бы дородно!...

— Говорятъ же они и по-русски?

— Стали же нонче и на это простираться; мало которой не говоритъ, развѣ ужъ самые дальные... У насъ, вѣдь, тоже ихній переводчикъ живетъ, дьячокъ. Въ Городѣ *) обучали его, такъ мать-де слышь пріѣхала, выкрала; опять отвезли — она опять выкрала, да померла теперь. Этого ты отъ насъ и не разпознаешь: говоритъ спорко и изъ-себя бѣлъ, скуловатъ развѣ, да глаза узенькіе; только пьетъ, больно же пьетъ... а въ службѣ церковной сокровище: все знаетъ и голосистой такой; пьетъ тоже зря, ничего не разбирая, что и другіе! Самой пустой человѣкъ!...

— На ясакъ-то они жалуются: стало-быть, тяжолъ?

Всѣ мои гости насмѣшливо улыбнулись; одинъ, наконецъ, вывелъ меня изъ недоумѣнія:

— Всего рубликъ-отъ серебромъ наберется ли, гляди; да и то смекай: въ годъ, изъ того числа $2^1/_2$ коп. на оспу идетъ, на священника сколько-то копѣекъ, на дьячка на этого опять— съ души. Вотъ ихъ и весь ясакъ! Въ-старину они его песцами платили, теперь отмѣнено это: на деньги выкладено. Тяжолъ бы ясакъ-отъ былъ, не стали бы такъ-то пить.

— Что же они крещоные?

— Есть тоже церковь походная, шатровая; вонъ въ Тельвисочной деревнѣ деревянную для нихъ, всегдашную—значитъ, строятъ теперь.

— А любятъ они Богу молиться?

— Мало же. Да и придутъ когда, всю службу не выстаиваютъ, не могутъ: либо вонъ выходятъ, либо возьмутъ да и лягутъ на полъ. Въ чумахъ-то что ли они привыкли все лежать-да лежать, али бо что... кто ихъ знаетъ! А то не горазды они стоять, не свычны: въ избу къ намъ заходятъ, такъ и сажай скорѣй, а то ляжетъ, безпремѣнно ляжетъ. Тепла опять они не любятъ, нашихъ избъ не любятъ: такъ и наровятъ скорѣй бы выдти. Вонъ старшина ихній живетъ у насъ на селѣ, такъ и въ избѣ не спитъ, а все въ сѣняхъ, и все больше по улицѣ ходитъ и избу дня по-три не топитъ. Такъ ужъ привыкли! Совсѣмъ, вѣдь, они глупой народъ!

---

*) Нѣкоторые города Архангельской губерніи имѣютъ туземныя старинныя названія: самъ Архангельскъ повсюду называется просто *Городъ*, Пинега—*Волокъ*; Мезень—*Большая Слобода*, Усть-Цыльма—*Малая Слобода*.

— Чѣмъ же особенно?

— Спроси ты, сколько ему лѣтъ, любаго спроси: не знаетъ...

— Вонъ, гляди, твое благородье, олешковъ никакъ привели тебѣ, съ Богомъ!—перебилъ рѣчь разсказщика хозяинъ мой.

Въ этотъ день я рѣшился ѣхать въ одно изъ самыхъ дальныхъ печорскихъ селеній—село Кую. Тамъ предстояла мнѣ интересная бесѣда съ однимъ изъ старыхъ и опытныхъ ходоковъ на Новую-Землю.

— Онъ тебѣ все по порядку разскажетъ—говорили собесѣдники мои, провожая меня къ чункѣ, — бывалой, вѣдь! Разведетъ онъ тебѣ рѣчь, только слушай! Съ тобой-то ему не съ первымъ толковать ужъ!

— Попотчуй его водочкой — распояшется. Говорунъ, вѣдь, онъ у насъ, краснобай, что въ цѣлой волости нашей другаго такого не сыщешь.

— Съ Богомъ, счастливой тебѣ путь-дорога!

4. НОВОЗЕМЕЛЬСКІЕ МОРЖОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

(Разсказы стариковъ).

Негостепріимство Новой-Земли. — Промышленники, зазимовавшіе тамъ. — Сѣверное сіяніе. — Историческій очеркъ посѣщеній Новой-Земли. — Подробности промысла моржей (разбойнаго).

—

— Въ неладное ты время-то пожаловалъ, честной господинъ, въ наши украйныя палестины — говорилъ мнѣ куйской мой собесѣдникъ на другой день по пріѣздѣ моемъ въ это изъ самыхъ ближныхъ къ печорскому устью—селеніе Кую. Пріѣхать бы тебѣ по веснѣ!...

— Отчего же, Антипа Прокофьичъ?

— Удрали бы мы съ тобой знатную штуку. Взяли бы мы, ужъ куда бы ни шло, лодку большую, людей бы подговорили, снасти бы опять взяли... Да съ Божьимъ бы со святымъ благословеніемъ, худаго слова не молвя, протолкались бы туда, на Новую-Землю, сами посмотрѣть, какая она такая есть: та ли несхожая дрянь, какъ тебѣ про нее натолковали.

— Зачѣмъ же теперь стоитъ дѣло, Антипа Прокофьичъ?

— Да теперь ты меня хоть золотомъ озолоти, не поѣду.

Первая голова у меня на плечахъ и шкура неворочeная, надо тебѣ такъ говорить.

— Льдовъ-то ужъ что-ли около нее бродячихъ много?...

— А такъ тебѣ много, что въ пыль изотрутъ суденко твое, будь оно хоть самое крупное: лодья бы тебѣ, али шкуна. И никоими ты человѣческими силами отъ льдинъ отъ этихъ не оборонишься. Ходятъ онѣ такія большія, что и глазомъ не окинешь: иная кажетъ верстъ на десять длиннику, а бываютъ-де и больше того. Трéску да визгу, да всякаго шуму отъ нихъ! словно свѣтъ-то Божій представляется и антихристъ грядетъ ужъ во облацѣхъ со звукомъ трубнымъ.

— Этакъ-то вотъ мнѣ надумалось лѣтъ тому тридцать назадъ! продолжалъ мой старикъ, подвигаясь со стуломъ. Упромышляли мы звѣря на Маткѣ всю весну, все лѣто и осени прихватили; а звѣря въ тотъ годъ выстало несосвѣтимая сила, такъ и лежалъ по берегу-то плашмя, что полѣнья. Отстать, кинуть бы — моченьки не хватаетъ, что ни утро, то и подмываетъ тебя: «и сегодня ступай, коли-де его, руби его!» Пороху было вдосталь, въ залишкѣ. Сосѣди домой побѣжали, наказали мы имъ, чтобъ прислали другое судно побольше, подождемъ-молъ, здѣсь. Авось, молъ, зима-то позамедлитъ, недаромъ-де звѣря идетъ къ намъ все пуще да пуще. Не надо бы зимѣ ранней быть, меркаемъ себѣ, да такъ вотъ и ждемъ недѣлю, другую и третью. Надо бы судну придти, потому вѣтра все съ берегу, горные падаютъ, а по вѣтру съ Печоры до Матки на парусахъ всего три дня ходу: такъ завсегда! А тутъ, глядимъ, ужъ и на четвертую недѣлю четвертый день пошолъ: потосковали опять, попечалились другъ-дружкѣ; защемили наши сердечушки-то туже да туже. Въ сумнѣніе впали: не бывать, молъ, намъ эту зиму дома, не нашли, знать, судна. Дѣло худое! Помолился я Богу и на пятые сутки, и пошолъ, по своему по обычаю, на море глядѣть: покажется парусокъ—наше судно бѣжитъ. Иду это я къ морю и думаю, многое разное думаю, о чомъ бы и не слѣдъ на ту пору вспоминать: домой, молъ, пріѣду, жена встрѣнетъ, ребятёнки заластятся, сосѣди съ разговорами придутъ, вина выставлю, пить станемъ, пѣсни запоемъ... Думаю все это, идучи къ морю, а самому и не въ-домёкъ, что вѣтеръ не вечерошной тянетъ. Подставилъ я ему щоку, встокомъ сказался, вѣтромъ тѣмъ непутнымъ, что изъ

самой-то голомяни (изъ полярной дали моря) отъ вѣковъ тянетъ. Такъ у меня на ту пору ноженки и подкосились, словно подъ жилки кто меня полѣномъ урѣзалъ. Присѣлъ-нали; одначе, оправился, дальше пошолъ и море увидалъ, да бѣлое такое, вонъ-что оленья постель бѣлая, кругомъ бѣлое море, а воды на немъ ни слезинки, ни капельки: все ледъ, кругомъ торосья. И визжатъ это они, и стонутъ, не слыхивалъ такъ! Антихристъ, молъ, идетъ съ сонмищемъ со своимъ, а кой, молъ, тутъ тебѣ чортъ—лодья деревенская на выручку!... Пришолъ къ своимъ въ избу да и взвылъ, разсказалъ имъ все; только по бедрамъ ударили да головушки понурили. Теперь-де жди до весны горнихъ-то вѣтровъ, а какъ ни-какъ—зимовать видно, надо. Помолились мы Богу крѣпко-на-крѣпко—да и зазимовали!...

Старикъ, опустивъ голову, смолкнулъ.

— Наступило, стало-быть, для васъ самое трудное время!—подсказалъ я, чтобы подзадорить старика на продолженіе разсказа его, и не ошибся: старикъ продолжалъ прежнимъ тономъ:

— Самая трудная была та пора! Такая, сказать тебѣ надо, пора наступала, что еле до весны дожили; одначе, троихъ горемычныхъ товарищей похоронили тамъ.

— Ты, старикъ, разскажи, пожалуйста, по порядку.

— Порядки тебѣ эти вотъ какіе будутъ... не соскучился бы ты?

— Сдѣлай милость, разсказывай! весьма обяжешь.

Но разскащикъ началъ не прямо: предварительно оглядѣлся кругомъ избы, наполненной въ то время слушателями и столько же зрителями, являвшимися, по обыкновенію, на всякой пріѣздъ мой въ любое изъ печорскихъ селеній, и примолвилъ:

— Изъ лишнихъ-то кто есть, ушли бы. Вы бабы!... ступайте-ко вонъ, не мѣшайте мнѣ! Вели, ваше высокородіе!

— По-мнѣ, зачѣмъ же ихъ гнать? Пускай слушаютъ: не помѣшаютъ.

— Воютъ, вѣдь, онѣ; что вотъ не разсказываю, голосятъ все...

Сталось по желанію старика, заинтересовавшаго насъ еще болѣе такою торжественностью вступленія.

— Затерло вотъ этакъ насъ льдами, затянуло кругомъ, что ни входу, ни выходу. Справа и слѣва — Божіе произволеніе; сверху и снизу — Его святая милость. Хочешь ты — въ снѣгъ

зарывайся, хочешь—въ избѣ сиди да надѣйся. А, вѣдь, избы наши извѣстно: сверху мочитъ, съ боковъ дуетъ, снизу всего тебя насквозь до послѣдняго суставчика сыростью пробираетъ, потому избы эти строены и нивѣсть въ кою пору и нивѣсть изъ чего: всю вонъ эту дрянь-то, что и море не держитъ въ себѣ и что *плави комъ* зовемъ по-нашему, мы въ строенье пускали: всѣ эти бревна, кряжи, щепу разную, что ухватитъ волна на одномъ берегу, а выкинетъ на другой, да промочитъ ее всю до сердцевины, да прогноитъ до слезъ. Теперь, вѣдь, только изъ привознаго-то лѣсу строить начали, а въ тѣ времена, что выброситъ море, то и наше. Въ такой-то вотъ избѣ и мы сказки сказывали, въ кулаки дули, съ ноги-на-ногу переступаючи, да думали: вотъ кабы Господи снѣгу накидалъ къ намъ побольше, хорошо бы было. И за этимъ не стояло дѣло: на Кузьминки (къ 1 ноября) наметало его такую пропасть за-ночь, что потомъ цѣлый день отгребались. Въ избѣ теплѣе стало и полъ промерзъ: не въ туманѣ сидѣли, по крайности и ношникъ не трещалъ, не брызгалъ. Такъ, гляди, иная бѣда навязалась, а запрежъ того, поглядишь-бывало какъ это оно тебѣ постоитъ на небѣ-то краснымъ такимъ, да большимъ-пребольшимъ, такъ, къ примѣру, на полчаса по времени, да и спрячется. А тутъ тебѣ и выглядывать перестало — скука взяла? Чайки улетѣли, утки потомъ, моржи пропали, ни реву, ни свисту—еще того хуже пришло, хоть самъ себѣ въ ногти свищи! Одинъ ошкуй пугать приходилъ да воровать, что упромыслили мы: стали стрѣлять по немъ, убили троихъ; мясо собакамъ пригодилось. Четвертаго поранили—думаемъ, скажетъ другимъ, что деремся-де — не ходили-бы; такъ инъ, еще пришли: одинъ совсѣмъ въ избу лѣзъ и собаку одну изломалъ — угодили подъ сердце, намъ же достался. На Веденьевъ день и дня знать не стало, все едино, что ночь, не темнѣй ее; ошкуй пересталъ ходить, въ снѣгъ зарылся *голодомъ жить* до весны. «Ладно, молъ, своякъ, надумалъ ты этакъ-то: теперь горемъ меньше стало!» А до того начнутъ эти ошкуи въ ногти свистать одинъ за другимъ: таково надрывно и боязко. Перестали свистать—легче стало и въ ушахъ и на сердце не тягостно. Такъ ужъ опять больно темень-то одолѣла: ничего не распознаешь. Рѣшили на то, что колиде въ одной плошкѣ ношникъ сгоритъ—день прошолъ, въ другомъ ношникѣ порѣшилось сало — ночь прошла; и досчитались

мы, вотъ эдакъ-то, по нашему счоту, и до Рождества Христова. Да не на радость, знать, досчитались; не было у насъ изъ ѣды ни синя—пороха: рыбы какой по осени-то наловили—всю поѣли; птицы было до Филиповокъ-то прозапасли, такъ и той нѣту, да опять же и грѣхъ мясо въ постъ ѣсть: на томъ свѣтѣ и водицы не дадутъ напиться. Наступило Рождество, а намъ и разговѣться нечѣмъ; день-то сидѣли—горевали; пѣсни-было, на утѣху свою, къ вечеру-то запѣли, такъ на голодное-то брюхо голосъ не потёкъ. Бросили! Былъ съ нами молодецъ одинъ — Тимохой звали (померъ ужъ)—ушолъ, не сказавши слова, день пропадалъ, вернулся радостной такой, шутитъ: «Хотите, говоритъ, помирать, такъ сказывайте: могилы-де вырылъ». Да какъ же, молъ, Тимофеюшко, ты могилы-то вырылъ, когда землю теперь и огнемъ не проберешь? «А я, говоритъ, въ снѣгу вырылъ, могилы-то». Да мы, молъ, не медвѣди: смѣемся ему. Ты, молъ, дѣло-то сказывай. «А какое-де вамъ дѣло сказывать: ѣсть, молъ, хотите?» Ну да какъ молъ, Тимофеюшко, не хотѣть; посмотри ты на насъ: осунулись; опять же цѣлой день тошнитъ, знобитъ, не согрѣемся; во рту горечь такая, словно смолу ѣли; опять же десны припухать стали, а морошку самъ-де знаешь, еще къ николину дню всю поѣли. И, какъ теперь, вижу все это, хоть и тридцать годовъ прошло: ухмыляется намъ шутникъ, опять зашутилъ, изъ избы вышелъ да принесъ намъ… Принесъ то онъ намъ оленя дикаго, теплый еще. Стали мы кровь пить, мясо такъ и не жарили — сырымъ ѣли. И ничего сладко таково! и наѣлись скоро. Пить захотѣлось — натаяли снѣгу, напились. Къ вечеру голова разболѣлась, тошнота долить начинала, не выдержали… А Тимоша нашъ все шутитъ, ему все смѣшки да забавы; допрежъ этого съ нимъ не бывало, что ни знали его: думчивой былъ такой, непривѣтной. Согрѣшилъ я на ту-пору, подумалъ: передъ горемъ, молъ, ты Тимофеюшко, раскудахтался. Ему-то я о томъ не сказалъ, а ребятамъ-таки попечаловался. «Такъ! говорили, со большой со тоски дуритъ, да опять же и вѣра наша, что коли-де цынги ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелись: не пристанетъ она. Вотъ и Тимофеюшко нашъ дурилъ еще день, да и смолкнулъ. День молчитъ, другой молчитъ, на третій къ вечеру слегъ. Слегъ, что бревно слегъ, святая душа, богоданной товарищъ… милой человѣкъ! У насъ и сердечушки защемило:

такъ-то вотъ, молъ, всѣ мы подъ Господомъ! Упаси, молъ, ты его, Святая Богородица! И стало намъ таково тошно!...

Старикъ, смолкнувъ, прослезился и теперь такъ же точно, какъ, можетъ быть, плакалъ онъ и при прежнихъ своихъ разсказахъ объ этомъ событіи, вызывая на тоже сердобольныхъ бабъ-слушательницъ. Съ трудомъ онъ оправился потомъ и продолжалъ разсказъ свой:

— Лежитъ нашъ Тимофеюшко на нарахъ, лежитъ—охаетъ. Кто изъ насъ ни подойдетъ, опросимъ: что, молъ, ты, друже? «Ослабъ!» сказываетъ. Ослабъ да ослабъ, охать сталъ пуще, по ночамъ вопитъ блажнымъ-матомъ. Мы опять къ нему: не надо ли, молъ, тебѣ чего? «Ничего, говоритъ, не надо!» Да и дать было нечего. А вотъ говоритъ, во рту горечь, и плюнулъ, чернетью такой плюнулъ, словно изъ трубы изъ печной, и десны показалъ—пальца въ два раздуло, дотронулись мы до нихъ пальцемъ—кровь пошла. Стали оглядывать, блѣдной такой лежитъ, синія щоки и осунулись, подъ глазами синяки въ пятакъ мѣдной; ноги загноились, и смердитъ, больно смердитъ; головы даже болѣть у насъ почали. Глядимъ, этакъ послѣ Крещенья у него руда пошла изъ носу и изо-рту, стало его такъ сшибать, что вотъ закроетъ глаза и лежитъ безъ памяти, словно мертвой. Опомнится, опять окликнемъ: не надо ли, молъ, чего? (Все себя-то да и его надували). Такъ вотъ, говоритъ, что́ надо: коли живы будете, безъ меня... да домой сбѣжите, родительское свое благословеніе на вѣки нерушимое посылаю всѣмъ и ругать, молъ, себя не велѣлъ... И сталъ онъ тутъ наказывать про родныхъ такъ слезно, голосомъ дрожитъ, самого такъ и ведетъ... судорга!... головушкой-то своей побѣдной покачиваетъ. Мы тоже за нимъ: не въ терпежъ ужъ стало! ревемъ! И не было тутъ ни единаго человѣка, чтобы у котораго слезъ не текло! Больно ужъ печально было смотрѣть, какъ душа-то человѣчья тяготится. Глядимъ опять: закатилъ нашъ Тимоша глаза свои, да съ тѣмъ мы его и видѣли! Померъ несчастнымъ дѣломъ. Григорій молитву читалъ, я обмылъ его; собча могилу выкопали въ снѣгу на другой ужъ день. Весна, смѣкаемъ, придетъ, да отойдетъ мать-сыра-земля — туда спрячемъ. Такъ и сдѣлали. И все нашъ Тимофеюшко опосля кончины своей намъ мерещился, душенки наши томилъ, словно камень тяжолой на все накладывалъ. И теперь вотъ... ужъ очень-обидно вспоми-

нать про его про кончину! Отъ слезъ не удержишься, хоть и стыдно бы старику!...

— Ты позволь, ваше высокородіе, отдохну я маленько: духъ переведу! перебилъ свою рѣчь разскащикъ этимъ запросомъ.

Старикъ послѣ того молчалъ долго, до того долго, что заставилъ даже вмѣшаться въ нашу бесѣду стороннему слушателю. Тотъ говорилъ:

— Ты бы разсказалъ, дядя Антипа, его милости, что дальше съ вами было, хорошо тоже было! Послушай-ко честной господинъ.

Запрощикъ привздохнулъ; старикъ не упрямился:

— Хорошаго, надо бы говорить тебѣ, мало же было! говорилъ онъ. Хорошаго тутъ все, что еще троихъ товарищовъ потеряли: двое отъ той же отъ цынги истаяли, хоть и олешковъ ловили, теплую кровь пили; опять же и въ пѣсняхъ, и въ пляскахъ недостачи не было—бѣгали, сугробы раскапывали; зря, ради дѣла, гору обледѣнили водой — катались съ нее, и саночки такія сколотоли. Всего было! Третій товарищъ, по очереди, за пищей ходилъ: съ ружьемъ, тоись, за оленями, да и не возвратился. Надо бы медвѣдю съѣсть, такъ на ту пору хивусъ палъ такой, что всю нашу избушку завалилъ сажени на три глуби. Заблудился, стало, да и замерзъ; нашли послѣ, далеко, верстъ за десять, что кисель: совсѣмъ загнилъ. Тоже слезы были, могилку копали большую, да всѣхъ въ одну и положили, и крестомъ осѣнили деревяннымъ. И теперь крестъ-отъ этотъ знать. Вотъ-что ни бываю на Маткѣ, у креста у этого завсегда по праздникамъ молитвы пою, какія знаю. Очень, вѣдь, ужъ печальна, твоя милость, жисть-то наша промысловая: бабамъ, кажись бы, въ этомъ дѣлѣ и толку не было: съ однихъ бы, съ гореваньевъ повымерли!

— Позволь, ваше сіятельство, водочки выпить, съ твоего позволенія. Грѣшу съ юныхъ лѣтъ, да и разсказывать вольнѣе станетъ! — опять также неожиданно перебилъ свою рѣчь разскащикъ.

Желаніе его было немедленно исполнено. Но старикъ все еще молчалъ, какъ-будто припоминая что-то, и опять на столько же долго, что заставилъ прежняго запрощика подзадорить себя новымъ спросомъ:

— Ты разскажи, дядя Антипа, что вы на Благовѣщеньевъ-то день дѣлали: любопытно!

Послѣднее слово относилось ко мнѣ.

— Я тебѣ по порядку лучше, какъ было! началъ старикъ. На Афонасья (8 января) такъ, надо-быть, по нашему счоту, первой мы свѣтъ увидѣли: заря занялась, мы и ношники погасили, такъ эдакъ на часокъ мѣста; а на Оксинью-Полузимницу (24 января), глядимъ, и солнышко на горахъ заиграло; хоть и не видать еще было его, а поиграло таки съ часъ мѣста; смотримъ, на Стрѣтьевъ день (2 февраля), оно батюшко-красное-солнышко во всей-то во своей красотѣ изъ-за горъ-то и выглянуло. Й такъ мы ему всѣ обрадовались, заплясали, цаловаться начали, ей-Богу!... Отецъ, молъ, ты нашъ родной, при тебѣ теперь не скучно будетъ, радость ты, молъ, наша! Такъ это все ему, что человѣку, мы и сказывали въ очи, ей-Богу!... Словно одурѣли всѣ, зиму-то что медвѣди вылежавши. Прошли на ту пору Евдокеи (1 марта), прошли, по нашему счоту, и Сорокъ Мучениковъ (9 марта); показались по снѣгу проталинки, мягкія мѣста по тундрѣ-то отходить стали. Около Благовѣщенья запримѣтили, что мохъ закудрявился, отошолъ—значитъ. Ну, думаемъ, Божья благодать осѣняетъ. Ошкуй проснулся, прошолъ вдалекѣ мимо насъ въ море, гдѣ ужъ на то время полыньи стали запримѣтны. Наступилъ, значитъ, и великъ-день—Благовѣщенье, большой у Господа праздникъ; сказано: на этотъ день и птица гнѣзда не вьетъ, а по нашему на тотъ день и работать нельзя. Вышли мы потому изъ избы, стали къ востоку, да и запѣли церковные стихиры, какіе знали; и пѣли мы, пока солнышко на виду было: часа, надо-быть, три пѣли, всю всенощну и изъ обѣдни, что знали-все перепѣли, и таково согласно, что мнѣ, поди, и не сдѣлать теперь такъ-то. Какъ теперь, помню: голосами закручиваемъ, выводимъ... ну, одно-слово: дьячки—да и все тутъ!

Нѣкоторые изъ слушателей засмѣялись; разскащикъ мой объяснилъ это:

— Вотъ какъ про Благовѣщеньевъ-день ни припомню, всегда имъ любо, какъ-де я дьячкомъ пѣлъ—смѣшно, вишь!

— Смѣшно и есть!... безголосному-то!—послышался голосъ изъ толпы посѣтителей. И другой:

— Досказывай, знай, дальше!

— Разсказывать-то теперь легко, говорилъ старикъ: — а тогда больно же *мáетно* было. День-за-день, все въ одиночествѣ: очень-тяжоло было, не до смѣшковъ приходилось!...

— Надо тебѣ разсказывать теперь вотъ что!—продолжалъ старикъ мой, немного подумавъ. — Съ Марьи (первыхъ чиселъ апрѣля мѣсяца) во весь тотъ мѣсяцъ земли оттаяло много; морозъ, почитай, гулялъ въ кою-пору, да, вѣдь, ужъ въ нашихъ мѣстахъ безъ того не моги думать, нельзя... Такъ ужъ отъ вѣковъ! Къ Егорьеву дню (23 апрѣля) озерки отошли и ручьи съ горъ побѣжали; на Вѣшняго Николу много ужъ было ихъ. А снѣгъ тамъ во все вѣдь лѣто видѣнъ; какъ онъ тамъ отъ сотворенья міра легъ, тамъ и лежитъ, надо-быть. Объ этомъ и разговаривать больше не будемъ. На Ѳедосью (29 мая) два гуся прилетѣли и гагара. Покричали они, погоготали часъ, другой, третій, и улетѣли. Дня два потомъ не видать ихъ было: никого не видать. Передовые, молъ, знать, были эти, повѣстить насъ прилетали да осмотрѣться: хитра, вѣдь, птица-то! На третій день слышимъ: крикъ да крикъ, стадо за стадомъ: и гуси, и гагары эти, утки опять, лебеди, чайки разныя: и клуши, и моевна, и сизые тулупаны, и пятушки — всѣ прилетѣли. Ну... со той поры въ пищѣ намъ недостачи не было. На этотъ счотъ было ужъ очень хорошо. Опять же крѣпкіе вѣтры ледъ понесли въ голóмя; губы прибережныя прочищаться начали около Петра Аѳонскаго (въ первыхъ числахъ іюня), щавель показался, на горахъ цвѣты какіе есть: звѣробой (чернобыльникъ), травка мелконькая такая зазеленѣла. Лѣто пришло и сердце отошло. Слава-молъ, Богу! Хоть другаго чего и мало растетъ на Маткѣ, ничего больше не будетъ — на иной ёркѣ, эдакъ въ ½ аршина вышиной, пожалуй, почки распустятся, да въ листъ не перейдутъ до скончанія вѣка—а все же, молъ, лѣто пришло: тундры, каменной берегъ, озера, рѣченки всѣ оголились. Стало море, замѣсто льду, плавикъ выкидывать: гдѣ щепочку, гдѣ бревешко... моржи, зайцы морскіе, нерпа, бѣлуги выставать стали... Петровъ-день на дворѣ... скоро быть нашимъ промышленникамъ. А какъ сталъ день за мѣсто ночи, да крѣпче пришлось тосковать намъ, со дня на день дожидаючись... смотримъ: парусокъ-отъ осенній по лѣту ужъ по этому и забѣлѣлся, да и не одинъ, а пять... шесть... семь... да и больше. Ну, радостей тутъ—извѣстное ужъ дѣло!—много было

всякихъ; тутъ опять слезы, да ужъ не такія, не прежнія: эти, вѣдь, лучше, слаще!...

— Вотъ тебѣ и все!—завершилъ свою рѣчь старикъ, приподнявшись съ мѣста съ сіяющимъ, веселымъ лицомъ, на которомъ легко можно было читать всю исторію дальнѣйшой встрѣчи съ родными, дорогими людьми.

— Мы, вѣдь, ужъ нонче не зимуемъ, а какъ вотъ Успеньевъ-день на дворѣ, такъ и норовимъ съ лѣтней-то бѣжать къ домамъ. Дома лучше!—добавилъ разскащикъ.

— Гдѣ же вы наступившее лѣто взяли? — спросилъ я его, чтобы вывести на новую откровенность.

— Да соблазнились харчами-то: на Маткѣ лѣтовали, отвѣчалъ онъ какъ-то неохотно.

— Что же дѣлали?

— Упромышляли.

— А какъ?—это ты не разсказывалъ.

— Ты, ваше благородье, вотъ-что: дай мнѣ отдохнуть и рюмку водочки! завтра я забѣгу къ тебѣ на-утрѣ и всю правду истинную, какъ умѣю, разскажу; а теперь ты поѣзжай на устье, посмотри: скоро полáя пойдетъ (отливъ начнется) — заживетъ вода. Любопытно!

Въ этотъ день я дѣйствительно рѣшился ѣхать посмотрѣть на широкую Печору въ зимнее время. Олени были готовы. Мы вышли на улицу.

Стоятъ олени, по обыкновенію, понуривъ головки и положивъ вѣтвистые рога свои на спину, и, по обыкновенію, стоятъ подлѣ нихъ легонькія санки на высокихъ копыльяхъ, по туземному—*чунки*. И здѣсь также, какъ и на Мезени, упряжъ оленья веревочная, привязанная къ чуркамъ и потомъ къ самымъ санямъ; и здѣсь также кожаная лямка, обходящая вокругъ шеи животнаго и замѣняющая въ этомъ случаѣ хомутъ, называется *подеръ*; и также между ногами, отъ шеи къ чуркамъ, пропущена кожаная же лямка, называемая *сса*. У лѣваго крайняго оленя сса эта подлиннѣе другихъ, и потому олень этотъ *передовой* и *главной*, по той причинѣ, что къ головѣ его привязана *метыне*—единственная, длинная возжа для всей четверни. И знаю: дернетъ, соберетъ возжу эту до половины въ руку проводникъ мой на всемъ бѣгу оленей, всѣ они повернутъ въ сторону и остановятся. Знаю: будетъ проводникъ мой, во

время ѣзды, подергивать и похлопывать этой метынѣ по боку передоваго съ одной стороны и съ другой, будетъ пинать оленей въ задъ длиннымъ березовымъ шестомъ своимъ, *хареемъ*, кончающимся на одномъ концѣ костяной, изъ мамонтоваго рога, шишечкой. Разница передъ мезенскими обычаями здѣсь состояла только въ томъ, что досчатая настилка сверху чунки покрыта была не оленьей шкурой (по туземному *постелей*), а шкурою бѣлаго медвѣдя, и вмѣсто мезенскаго гогоканья и олелельканья, здѣсь понудительные крики на оленей слышались: «кыса-кыса!» Во всемъ же остальномъ поразительное сходство: тѣже пугающія, опрокидывающіяся назадъ чунки и несовсѣмъ сваливающія внизъ потому только, что спереди сдерживаетъ санки въ колебательномъ (дрожательномъ) состояніи оленья упряжъ, а сзади острые концы дугообразныхъ нижнихъ полозьевъ чунки, легкой на ходу и удивительно приспособленной къ несильнымъ, хотя и бойкимъ на бѣгу маленькимъ оленямъ. Наконецъ, и здѣсь тѣже предостереженія провожавшаго меня добраго, гостепріимнаго и словоохотливаго люда въ родѣ слѣдующихъ:

— Тутъ въ чункѣ-то, подъ мѣхомъ, ременныя петелки такія есть, такъ держаться надо: тогда и на кочкахъ не опружитъ тебя.

— А кочекъ-то этихъ по пути тебѣ теперь много будетъ: держись только! Дорóгъ-то, вѣдь, у насъ изъ-вѣковъ не проложено: челкомъ (цѣликомъ) ѣздимъ, какъ олешки надумаютъ.

— Ногъ-то ты не клади на чунку: сшибетъ пожалуй; да опять же и мáлица-то сверху колѣнъ полѣзетъ—озябнешь. Спусти ихъ лучше, да поглядывай, а то, вишь, ноги то у тебя длинныя—задѣвать за кочки станутъ, да и опять же не сшибло бы.

— Озябать станешь, рукава-то у малицы спусти, да и рожу-то всю подъ мѣхъ спрячь, коли дыханье захватывать станетъ. Ишь, вѣдь, какой холодище завязался, а тамъ у окіяна еще лютѣй!..

Но едва ли противъ какого холоду не устоитъ тяжолая, неловкая, безобразная, но страшно-теплая самоѣдская одежда, получившая право гражданства и у русскихъ туземцовъ. Ѣезъ этой одежды нѣтъ возможности ѣздить по нашему холодному Сѣверу и волей-неволей всякій долженъ надѣвать на ноги сна-

чала мѣховые чулки (шерстью къ тѣлу и длиною выше колѣнъ) изъ оленьей шкуры, называемые *липты*, потомъ *пимы* — родъ сапоговъ, красиво сшитыхъ изъ разношерстныхъ (шерстью наружу) лентъ мѣховыхъ (ка̀мусовъ), снятыхъ съ оленьихъ ногъ и разукрашенныхъ по мѣстамъ разноцвѣтными лоскутками суконъ, и, наконецъ, при крѣпкихъ морозахъ, сверхъ всего этого, калоши—*тѝборы*, *тѝпаки*, по туземному названію. Разпашныя шинели, шубы здѣсь также не имѣютъ никакого смысла и необходимо замѣняются *ма̀лицой*,—мѣховымъ, шерстью къ тѣлу (изъ оленя же) мѣшкомъ, у котораго снизу широкое отверстіе—полы, оторочённыя мѣховой разношерстной же лентой-*пяндой*, а сверху узенькое отверстіе, въ которое съ трудомъ пролѣзаетъ голова и которое имѣетъ мѣховой воротникъ. Теплая, похожая на стихарь, малица, во время сильныхъ вьюгъ и морозовъ, неудовлетворительна и потому покрывается *совико̀мъ* — такой же малицой, но съ тѣмъ главнымъ отличіемъ, что у совика къ воротнику пришитъ мѣховой же колпакъ (куколь, по туземному) и притомъ совикъ надѣвается шерстью наружу. Куколь его не исключаетъ, впрочемъ, употребленія теплой шапки, которая шьется колпакомъ съ длинными ушами (также пестро-изукрашенными) изъ шкуры молодыхъ оленей--пыжиковъ. Въ такомъ безконечно-тепломъ нарядѣ можно было ѣхать не только къ океану, но, пожалуй, даже и на Новую-Землю, и притомъ въ какой угодно холодъ.

До того мѣста, которое мы назначили цѣлью поѣздки, на этотъ разъ было верстъ сорокъ, т. е. ровно на три доха для бойко, въ прискочку бѣжавшихъ оленей. Дохъ, или духъ этотъ состоялъ въ томъ, что проводникъ мой, сидѣвшій на облучкѣ слѣва, собиралъ въ руку возжу—метыне—до половины длины ея: передовой олень дергалъ вправо и увлекалъ за собой всѣхъ остальныхъ четырехъ, которые мгновенно̀ и останавливались, какъ вкопанные. Они тяжело и порывисто дышали, пуская паръ клубомъ, жадно схватывали мягкій пухъ съ лежавшаго подъ ногами ихъ снѣга, опять усиленно собирали духъ втеченіи какихъ нибудь десяти минутъ. Провожатой мой выводилъ ихъ впередъ, выравнивалъ шестомъ своимъ, бѣжалъ нѣсколько впередъ въ припрыжку, мгновенно вскакивалъ затѣмъ на облучокъ, и олени, положивъ свои вѣтвистые рога картинно на спину, снова пускались своей легонькой, рысистой побѣжкой дальше, до но-

ваго доха, черезъ 15—20 верстъ. Эти 20 верстъ ѣхали мы меньше часу времени, тѣмъ-болѣе, что (какъ говорилъ проводникъ) запряжены были ва́женки (самки), болѣе легкія на ходу и рѣже пускаемыя въ ѣзду, чѣмъ работящіе быки (взрослые самцы-олени).

Но вотъ уже мы близки къ цѣли: дали послѣдній дохъ оленямъ и ѣдемъ послѣ него довольно долго. Вонъ вдали шевелится весь тотъ снѣгъ, который казался до того неподвижно-растянутымъ полотномъ, и шевелится онъ на всемъ неоглядномъ пространствѣ, раскинутомъ впереди до безконечности. До ушей долетаетъ сначала глухой гулъ и потомъ, по мѣрѣ приближенія къ *зажившему* морю, выдѣляются изъ этого шума отдѣльные звуки: то какъ-будто неистово щолкаетъ что-то, то раздается невыносимый визгъ и трескъ, то какъ-будто раскатистый всплескъ какого-то громаднаго морскаго чудовища. Далеко разносистые, поперемѣнно смѣняющіе одинъ другой, рѣзкіе звуки продолжаютъ увлекать вниманіе. Бѣлая, сплошная даль засѣрѣла; видятся отдѣльныя льдины, неподвижная окраина берега, темныя полосы воды и кругомъ безлюдье и дичь, которая какъ-будто тоже приготовилась смотрѣть и слушать. Страшна казалась эта мрачная даль, хотя и была она полна жизни дикой, своеобычной. Мы остановились; проводникъ мой оговаривается при этомъ:

— Ну, ужъ дальше ѣхать нельзя: дальше небо досками заколочено и колокольчики не звонятъ...

Но дальше, какъ извѣстно, цѣлые ледяные острова, увѣнчанные до облаковъ поднимающимися ледяными же скалами въ 400 и больше футовъ высотою и въ 100 и болѣе миль въ окружности. Цѣлую вѣчность бродятъ они съ одного конца Ледовитаго моря до другаго — американскаго, перенося на своихъ хребтахъ моржей, тюленей и ужившагося съ полярнымъ холодомъ и тепло-одѣтаго ошкуя. Съ ужаснымъ громомъ разламываются эти ледяные исполины, разсыпаясь мелкой пылью, которая пѣнитъ и бурлитъ воду иногда на пяти-верстномъ разстояніи. Чудныя картины являютъ они въ иную пору — картины, напоминающія изумрудные дворцы волшебныхъ сказокъ, когда зажгутся и заиграютъ отъ лучей солнца всѣ эти ледяныя арки, столбы, конусы и въ каждой капелькѣ которыхъ играетъ оно всѣми семью роскошными цвѣтами радуги. Но те-

перь... теперь страшно непривычному уху, глазу и воображенію, не пріурочившимъ себя къ подобнымъ картинамъ и неосвоившимся съ ними съ-издѣтства. Шумъ и безтолковой гулъ, несущійся со стороны моря, начинаютъ замѣтно стихать; но по прежному, обгоняя одинъ другой, носятся въ моемъ воображеніи дальніе родные виды и картины, Богъ-вѣсть, чѣмъ и зачѣмъ вызванные на эту пору, какъ-будто въ контрастъ настоящему зрѣлищу: и любящая родная семья, и искренной, дружеской, дорогой кружокъ семьи пріятельской, отдѣленные теперь отъ меня двухъ-тысячнымъ безпривѣтнымъ пространствомъ. И еще дороже и цѣннѣе кажется все дорогое наболѣвшему сердцу, и еще благотворнѣе, и еще живѣе и нагляднѣе рисуется мирная, сосредоточонная въ кружкѣ и обусловленная обычной колеей жизнь, знакомая и родная съ-издѣтства. А тутъ, ὸ-бокъ, живетъ расходившееся море, но живетъ какою-то безцѣльною, повидимому, непонятною жизнію, заключонное въ тѣсныхъ рамкахъ земерзшей и уже окончательно безслѣдно-вымершей природы. Живутъ еще олени и живетъ проводникъ—подневольные мученики капризовъ чужаго произвола; но олени, выпряженные, пробиваютъ копытцами намерзшій снѣгъ, инстинктивно отыскивая подъ нимъ лакомую и единственную пищу свою—сочный и сытный бѣлый мохъ; но проводникъ, сосредоточонно-молчаливой, обрубаетъ топоромъ вѣтвистый рогъ у одного оленя и невольно вызываетъ этимъ меня на вопросъ:

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Да, вишь, мѣшаютъ, заплетаетъ!—отвѣчаетъ онъ рѣзко и сердито.

— А лучше бы, по-моему, такъ оставилъ: красивѣй.

— И что красивѣй!—знамо, красивѣй, да вишь мѣшаютъ: съ другими сплетаются, опять же ёрку задѣваютъ по дорогѣ. Сами, вѣдь, они на зиму-то сбиваютъ ихъ!—продолжалъ разсуждать проводникъ, какъ-будто награждая себя за долгое, часовое молчаніе во все то время, когда кормились привезшіе насъ на это безлюдье олени.

И отрубленные рога брошены подлѣ дороги. Окружающая насъ, безпривѣтная среда продолжаетъ тяготить своимъ безлюдьемъ попрежному. Печора замѣтно успокоивается: отливъ кончился, разломанный ледъ далеко отнесло вдаль, прибрежье мрачно чернѣетъ отъ наступающихъ сумерокъ, которыя казались бы глу-

бокою, чорною, волчьею ночью, если бы поразительная бѣлизна снѣга не бросала отъ себя просвѣта на все пространство. Чуть-чуть мерещился вдали огонекъ ближняго къ намъ выселка въ двѣ избы; олени наши отдохнули, проводникъ удовлетворилъ своему желанію оставить одного изъ нихъ безъ праваго рога. Мы поѣхали назадъ.

Морозъ крѣпчалъ и становился едва выносимымъ: то щипнетъ онъ лицо и заставитъ спрятать его подъ куколь совика, то пропуститъ холодную струю подъ теплый мѣхъ малицы и пробѣжитъ мелкими струйками по всему тѣлу. Но ни малѣйшаго вѣтра; къ тому же и самый воздухъ какъ-будто застылъ сплошной ледяной массой, и страшно и холодно, и по-прежному сосредоточонно-молчаливо, поталкивая другъ-друга въ бокъ, бѣгутъ олени въ неоглядную даль, растилающуюся передъ ними, и по прежному безпрестанно толкаетъ проводникъ хареемъ то того въ бокъ, задъ, или ногу, то другаго, третьяго и четвертаго. На подорожной кочкѣ тряхнетъ насъ сильно и свалитъ въ рыхлый, мягкій снѣгъ; проводникъ при этомъ посовѣтуетъ спустить ноги внизъ и крѣпче держаться за ременную петельку, и ничего не скажетъ, когда вывалитъ насъ обоихъ, когда ляжетъ чунка наша на бокъ и спутается веревочная упряжъ его.

Справа и слѣва, спереди и сзади, опять залегаетъ неоглядная снѣжная степь, на этотъ разъ оттѣненная довольно сильнымъ мракомъ, который въ одно мгновеніе покрылъ все пространство, доступное зрѣнію, и, словно густой, темный флеръ, опустился на окольность. Но вдругъ мракъ этотъ исчезъ, началось какое-то новое, сначала смутно-понимаемое впечатлѣніе, потомъ какъ-будто когда-то извѣданное: весь снѣгъ со сторонъ мгновенно покрылся сильно багровымъ, кровянымъ свѣтомъ; но не прошло какихъ нибудь пяти мгновеній — все это слетѣло, снѣгъ продолжалъ свѣтиться своимъ матово-бѣлымъ свѣтомъ. Недолго, думалось мнѣ, будетъ онъ бѣлѣться: вотъ обольетъ всю окольность лазуревымъ, зеленымъ, фіолетовымъ, всѣми цвѣтами красивой радуги, вотъ заиграютъ топазы, яхонты, изумруды... И рисуются уже дворцы въ настроенномъ подъ общій ладъ воображеніи, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, пожалуй даже, какъ театральныхъ Армидахъ, Фаустахъ...

— Сполохъ играетъ! — давно уже и нѣсколько разъ повторялъ между тѣмъ проводникъ мой. Я инстинктивно обернулся

назадъ, къ сѣверной сторонѣ неба; но тамъ уже прежній мракъ, кромѣшный мракъ, словно мрачное дождевое, ненастливое облако залегло и ширилось на всю четверть круга видимаго горизонта, какъ-бы нарочно заслоняя отъ насъ такъ сильно нахваленное и такъ давно выжидаемое мною сѣверное сіяніе. Какъбы нарочно, для него цѣлыхъ двѣ недѣли не было ни пургъ, ни хивусовъ, ни за́мятелей и стоялъ леденящій холодъ по всѣмъ окрестностямъ Пустозерска—обстоятельство, какъ извѣстно, необходимое для того, чтобы игралъ сполохъ т. е. былъ бы видѣнъ во всѣхъ полярныхъ прибрежьяхъ. И гдѣ же лучше (думалось мнѣ) видѣть его, какъ не здѣсь, у океана, въ безбрежной степи, въ какихъ нибудь 400—450 верстахъ отъ страшной Новой-Земли? И вотъ, какъ-будто на зло, темное облако заслонило его теперь. Становилось, не шутя, и обидно и досадно. Я покручинился ямщику, но тотъ отвѣчалъ успокоительно:

— Теперь непремѣнно взыграетъ, благо началъ; вотъ олешкамъ стану дохъ давать—гляди, сколько хочешь! Вонъ тебѣ—любуйся! прибавилъ онъ потомъ, и еще что-то, и много чего-то... Но я уже всего этого ничего не слышалъ: я былъ прикованъ глазами къ чудному, невиданному зрѣлищу, открывшемуся теперь изъ темнаго облака: оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засіяло ослѣпительными цвѣтами, цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, которые переливались изъ одного въ другой и, какъбудто искры, сыпались безконечно сверху, искры снизу, искры съ боковъ... Ничего не разберешь, ничего не сообразишь для одного, цѣльнаго впечатлѣнія, все мѣшается и путается... въ глазахъ рябитъ и становится больно. Дашь глазамъ отдыхать на сторонѣ, но тамъ встрѣчаютъ они прежній мракъ, обрамляющій чудное, невиданное зрѣлище; обращаешься опять къ нему, но уже тамъ явились новые виды. Какъ-будто огромная, всемірная кузница пущена теперь въ ходъ; и только не видишь рабочихъ, не слышишь молотовъ за дальностью, близорукостью, видишь одинъ громадный горнъ, бѣгающія въ немъ искры—и все это горитъ такимъ яркимъ свѣтомъ, какой едва-ли придется видѣть въ другомъ изъ чудныхъ зрѣлищъ чудной природы, кромѣ сѣвернаго сіянія, проживи хоть и болѣе тридцати, пятидесяти лѣтъ. Такъ думалось мнѣ на ту пору и невольно шли на память безсознательно выученные въ дѣтствѣ, теперь, при наглядномъ сравненіи, поразительно-вѣрные стихи

Ломоносова, который знакомъ былъ съ красотою явленій полярнаго неба въ ранней юности:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря:
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ!
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Скажите, что васъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный нощью лучь?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучь,
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлой паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Изъ тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ
И гладки волны бьютъ въ эфиръ *).

— На Маткѣ, сказываютъ старики наши, больно-страшно сполохи играютъ; да и по деревнямъ порато же сильнѣе. Въ иную зиму все небо горитъ, столбы ходятъ да сталкиваются промежъ себя, словно солдаты дерутся, а упадутъ—таково красиво станетъ! Эдакъ чаще! А что видишь теперь—такъ рѣдко же, все больше зарей дальной кажутъ. Самые страшные въ большой холодъ живутъ, и тогда словно свѣта представленье, и привычнымъ мы нашимъ дѣломъ, а крѣпко пугаемся. На Маткѣ-то, слышь, старики сказываютъ, трещитъ даже сполохъ-отъ, словно изъ ружей щолкаетъ. Страшно, очень ужъ страш-

*) 11-я Ода Ломоносова: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». Изд. Смирдина, томъ I, стр. 30.

но! — разсуждалъ мой проводникъ на пути нашемъ въ село Кую

— Не такъ долятъ насъ сполохи по зимамъ — это любопытно, съ этимъ весело — какъ вотъ по лѣтамъ на Маткѣ, когда эти проклятые *горѣлые чады* *) завяжутся. Просто, сказать тебѣ, въ сырую землю ложись и гробовой доской накрывайся! — ,говорилъ мнѣ тоже въ куйской избѣ, на другой день по возвращеніи туда, мой вчерашній словоохотливой собесѣдникъ, старикъ Антипа Прокофьичъ.

Явился онъ, по обыкновенію, веселымъ такимъ, по обыкновенію, подалъ мнѣ руку, охотно сѣлъ, похвалилъ меня за поѣздку, находя впрочемъ, въ ней больше храбрости и рѣшительности съ моей стороны, чѣмъ чего либо другаго. Выпилъ чашку-другую чаю, закурилъ сигару (бывалый, начитанный, но не раскольникъ поморъ, для забавы, не прочь потѣшить себя этимъ зельемъ, выросшимъ, по ихъ мнѣнію изъ головы евангельской блудницы) и продолжалъ обѣщанные разсказы о моржовомъ промыслѣ на Новой-Землѣ, въ такомъ порядкѣ**):

---

*) *Горѣлые чады* (по туземному названію) одно изъ физическихъ явленій, случающихся на Новой-Землѣ при ужасныхъ раскатахъ грома, сопровождаемыхъ при этомъ горькимъ, удушливымъ, густымъ дымомъ, *чадами*, покрывающимъ всѣ прибрежья. Бываютъ они обыкновенно при продолжительно-покойной лѣтней погодѣ.

**) Считаемъ нелишнимъ предварительно и коротко прослѣдить историческія судьбы искони негостепріимной Новой-Земли. Послѣ трехъ неудачныхъ экспедицій Виллоуби (въ 1553 г.). Барроу (въ 1554) и Пета съ Джакманомъ (въ 1580 г.), видѣвшихъ Новую Землю только издали, первымъ вступилъ на ея берега, въ 1609 г., англичанинъ же Гудзонъ, за годъ до того нашедшій островъ Шпицбергенъ. Гудзонъ видѣлъ только западный берегъ ея, но Вудъ, отправившійся въ 1676 году и едва не погибшій тамъ, успѣлъ изслѣдовать горы и далъ объ этомъ полярномъ Эльдорадо кое-какія болѣе положительныя и достовѣрныя свѣденія, чѣмъ всѣ прежніе предшественники его. Голландцы были немногимъ счастливѣе англичанъ, лучше воспользовались только матеріальными средствами, предложенными имъ богатствомъ морскаго звѣря на Новой-Землѣ (одинъ только Баренцъ въ 1594 г. сдѣлалъ нѣчто для географіи, осмотрѣвши тотъ же западный берегъ и пробравшись до сѣверной оконечности острова); таковы экспедиціи Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ въ 1595, 1596 (того же Баренца), въ 1609 и др. годахъ: всѣ ловили звѣря, птицу, собирали пухъ — и только. Съ тою же цѣлію ѣздили туда русскіе поморы, но, естественно, гораздо прежде голландцовъ и англичанъ, особенно если принять въ соображеніе то,

— Побѣжишь по веснѣ на Матку, извѣстно, сейчасъ думаешь: пронесетъ-де тебя туда и обратно благополучно — безъ большаго барыша не вернешься. Такое ужъ сокровище земля эта! Прибѣжишь, ну, ужъ извѣстно, сейчасъ Богу помолишься и сейчасъ озираться, все-ли тутъ ладно: становище на полуденную-ли сторону смотритъ, изба есть ли, а есть изба — извѣстно, всю ее оглядишь: гдѣ промыло ее, разшатало за зиму-то—планочку придѣлаешь, бревно вкатишь, окно мохомъ заткнешь— и пойдетъ она тебѣ въ услугу на все лѣто. Тамъ уже, извѣстно, купеческихъ обрядовъ своихъ не соблюдаешь: все благо! И не умоешься въ которой день, Богу забудешь помолиться, выспишься, гдѣ приткнетъ тебя усталость—все съ рукъ сходитъ, все во душевное удовольствіе. Надо-быть, человѣкъ ужъ такимъ сотворенъ, что, куды ты его не сунь—вездѣ найдется свое дѣло править. Такъ, по мнѣ! Не знаю, что твоя милость на это скажетъ?

что въ XVI вѣкѣ Россія отправляла за-границу *рыбьи зубы* (моржовые клыки) и бѣлыхъ медвѣдей. Въ 1768 и слѣдующемъ году явился на Новой-Землѣ съ учоною цѣлію первый изъ русскихъ штурмановъ — Розмысловъ, описавшій часть восточнаго берега и Маточкинъ Шаръ. Въ 1807 штурманъ Поспѣловъ, а въ 1819 лейтенантъ Лазаревъ описали югозападную часть острова; капитанъ Литке (съ 1821—1824 г.) подробно описалъ весь западный берегъ, а подпоручикъ Пахтусовъ (съ августа 1832 по ноябрь 1833 т.) описалъ и восточный берегъ, до того времени считавшійся почти недоступнымъ. Въ 1834 г. онъ продолжалъ опись сѣверной части восточнаго берега вмѣстѣ съ прапорщикомъ Циволькою. Въ 1837 г. Циволька опять былъ на Новой-Землѣ, командуя судномъ экспедиціи, отправленной академіею наукъ подъ начальствомъ академика Бэра; но безвременно погибъ въ слѣдующемъ году, провожая новую экспедицію, снаряжонную правительствомъ для описи сѣверовосточнаго и особенно западнаго береговъ. Это была послѣдняя учоная экспедиція, хотя ежегодно, съ той поры, предпринимаются богатыми поморами новыя экспедиціи, но съ прямою коммерческою цѣлію, безъ всякой другой. Большая часть судовъ, являющихся на Новой-Землѣ, принадлежитъ предпріимчивымъ кемлянамъ—прибрежнымъ жителямъ дальнаго Бѣлаго моря. Затѣмъ охотнѣе являлись здѣсь мезенцы, въ послѣднее время уступившіе свое мѣсто болѣе предпріимчивымъ и ближайшимъ къ Новой-Землѣ жителямъ — ижемцамъ и пустозерамъ. Жители Усть-Цылемской волости являются тамъ только въ качествѣ наемныхъ работниковъ—покрученниковъ; хозяева, кромѣ ижемцовъ, бываютъ изъ Пустозерской волости, и изъ селеній: Оксина, Тельвиски, Никитцъ, самаго Городка и Куи.

— Ну, такъ вотъ и ладно!—продолжалъ онъ потомъ, послѣ моего отвѣта, все тѣмъ же полушутливымъ, полувеселымъ тономъ. Вотъ какъ тамъ это мы все около себя-то обставимъ, какъ быть надо богатому хозяину—сейчасъ сѣти смотришь: которая для нерьпы, для рыбы—гольцовъ, опять же носки точить начинаемъ: это для моржей. Я тебѣ такъ и сказывать стану про нихъ, какъ велѣлъ *). Видалъ ты моржа живаго?

— Гдѣ же мнѣ его видѣть, старикъ?

— И то, парень, негдѣ. На картинкѣ-то вонъ онъ у тебя похожъ же. Большой же вѣдь онъ у насъ живетъ; косатки только поменьше-то, а то всѣ эти бѣлуги, нерьпы тамъ, зайцы, лысуны—всѣ помельче его. Одно тебѣ сказать:жиру изъ него пудовъ по 15, по 20 вытапливаемъ, изъ большаго-то. Въ продажѣ его, со всѣмъ и съ тинками (клыками) и съ харавиной (шкурой), рублей въ 50 на серебро считай. Вотъ онъ какой! Даромъ, что некрасивой да неуклюжой: рыжій весь **) и сверху перепонка такая, сѣткой, съ волосами же — алаперой зовемъ (съ битаго снимаемъ ее, и легко таково!), головища большая, на мордѣ щетины насажены, что усы у кота; шея толстая, словно бревно проглотилъ, въ плечахъ широкой да грудастой такой—богатырь, что вонъ въ сказкахъ разсказываютъ—да и все тутъ. Вотъ эдакое-то чортово чудище еще страшнѣе кажетъ, какъ ты ему въ морду взглянешь: глаза (маленькіе пущай), такъ всѣ и налились кровью, словно бы вонъ отъ пьянства у котораго лихаго человѣка; а не видитъ, ничего-таки не видитъ глазами этими: слѣпой, значитъ! Носъ-то у него не большой, и къ верху вздернутъ, и воду въ ноздряхъ держитъ, и высоко выбрасываетъ, а погляди-ко, какой онъ на носъ-то лютой, коли по вѣтру пойдешь! Такъ ужъ и норовимъ подходить, когда вѣтеръ отъ него тянетъ. Да, пущай объ этомъ послѣ! на груди у него *кáтары* ***), словно двѣ ноги, коротенькія

---

*) Ловля гольцовъ и лённой птицы: гусей, утокъ, гагаръ въ большомъ количествѣ производится на островѣ Колгуевѣ (см. ниже: «Островъ Колгуевъ»).

**) Въ чорномъ моржѣ, водящемся въ Карской губѣ, сала — не болѣе 10 пудъ; въ сивомъ, живущемъ въ Студеномъ морѣ, нѣсколько больше чорнаго. Но обѣ эти породы моржей на Новой-Землѣ—рѣдкіе гости.

***) *Катары* — ласты, коротенькія и толстыя ноги съ перепончатыми лапами, вооруженными острыми когтями; сзади они образуютъ горизонтальный рыбій хвостъ.

да толстыя, а изо-рта-то къ нимъ идутъ тинки — ими онъ и страшенъ намъ. Вотъ онъ какой! недаромъ морскимъ чудищемъ прозываютъ.

— Ходятъ они отъ-вѣковъ стадами — *юровами* такими, *кожами* зовемъ, и все чаще тамъ, гдѣ духу человѣчьяго меньше. На Колгуевъ, къ примѣру, самоѣдскія семьи на житье въ недавнюю пору выѣхали — и звѣря туда нынче меньше ходитъ; у насъ на устьѣ, на Тиманскомъ берегу, гдѣ жилья наставилось много, не слыхать моржа, развѣ ужъ который блудящій, когда все его юрово перебито, — да и то рѣдко. Ходятъ они больше на Матку, и ходятъ по веснѣ, на полой водѣ (тогда и добывать его трудно); по лѣтамъ бьютъ его въ водѣ; проѣдаютъ на ту пору кожу ему ковшаки — червяки такіе въ конецъ перста: столь толсты! Тогда лѣзетъ онъ на берегъ *костливой* — чесаться. Лежатъ до грозы: грянулъ громъ — не любятъ, сейчасъ побрасаются въ воду. По осенямъ моржъ на льдины идетъ и ложится *казакъ* съ *казачихой кучиться*, *париться* — дѣтенышей выводить, значитъ **). Душину онъ въ ту пору пускаетъ такую, что носъ зажимай да и бѣги на край свѣта; больно смердятъ, потому и лежатъ они другъ на дружкѣ — сказываютъ всѣ въ одно слово — больше четырехъ недѣль: видали же наши! На ту пору, мы вотъ по духу-то и узнаемъ гдѣ они тамъ по берегу-то залёжку свою сдѣлали — это къ осени. А лѣтомъ извѣстно: высталъ онъ изъ воды, ухватился за берегъ, али-бо за край льдины тинками, приподнялся, выползъ на берегъ — и ляжетъ тутъ, у самой воды, и спитъ. Другой выстанетъ рядомъ, — тоже ляжетъ, третій опять, четвертый... а высталъ которой, да видимъ, что другой залегъ ужъ тутъ: онъ не поглядитъ, въ другое мѣсто не пойдетъ, а возьметъ тинками, да и отодвинетъ, и самъ ляжетъ на его мѣсто. Эдакъ-то накладутъ они такую залёжку, что которой первой-отъ высталъ — версты за двѣ ужъ отъ берега очутится. Это въ хорошіе годы! Спитъ моржъ крѣпко, шибко крѣпко, потому знаетъ, что сторожъ (у нихъ тоже, что у гусей, всегда сторожъ) сво-

---

*) Каменистый, усѣянный мелкими камнями.

**) Маленькаго моржа зовутъ абрамко; годоваго — кырчига; хвалятъ въ нихъ ласковость и также сближеніе въ семьи — юрова.

ихъ не выдастъ: услышитъ духъ человѣчей—сейчасъ своимъ голосомъ скажетъ: «близко-де, ребята, спасайся!» Тутъ только булькань считай; почнутъ опрокидываться ко дну: затѣмъ ближе къ краюи спать ложатся. А не спятъ когда, отъ бездѣлья потѣхи затѣваютъ: возятся колютъ другъ-дружку тинками и нѣтъ того тинка, на которомъ бы зарубокъ не было понадѣлано: всегда этого много. И спитъ-ли, не спитъ-ли моржъ—реветъ бычачьимъ голосомъ—у него это первое дѣло, безъ того не бываетъ. Все воетъ, реветъ вотъ, и потому опять узнаемъ, по реву-то по этому, гдѣ они налёдицу сдѣлали, гдѣ ихъ много—значитъ. А заслышали духъ ихній, али-бо ревъ, да особливо когда вѣтеръ отъ нихъ, тутъ ужъ мы—извѣстно не даемъ маху: тутъ-то намъ и праздникъ великой, и веселье. Успѣешь лопатинку на себя — какая подъ-руку попадется — надѣть, да и на обнарядъ, не думая, не гадая долго. Спихнемъ лодочку *стрѣльную* *) на воду, прихватимъ съ собой *кутило* **), моржовку безотмѣнно ***), и поплывемъ ко льдинѣ ли, къ берегу, гдѣ только учуемъ звѣря: все то равно. Ѣздимъ больше двое: одинъ гребетъ взадъ отъ себя, чтобы меньше шумѣла вода, не будила бы звѣря. Я завсегда стою съ кутиломъ наготовѣ, потому,

---

*) *Стрѣльная* — легонькая лодка, которую удобно могутъ нести на плечахъ два человѣка; это едва не челнокъ по величинѣ своей. Иногда при этомъ промыслѣ употребляютъ и карбасы съ нашвами или набойки (фальшъбортами).

**) Носокъ, кутило, спица, родъ копья, рогатины съ довольно-значительной зазубриной. При этомъ оружіи необходимы также окованныя желѣзомъ березовыя дубины. Къ носку привязывается обыкновенно хвостикъ или тросъ—длинный ремень саженъ въ 50 изъ моржовой же кожи. На другомъ концѣ этого троса привязывается бочонокъ, ведеръ въ десять, называемый *баклажкой*, набитый вплоть обручами, для того, чтобы звѣрь не могъ разбить его своими клыками.

***) Большаго калибра винтовки, необыкновенно тяжолыя, сдѣланныя аляповато доморощенными способами въ деревенскихъ кузницахъ и потомъ уже вывѣренныя самими владѣльцами. Это безобразное оружіе въ рукахъ опытныхъ поморскихъ стрѣлковъ имѣетъ поразительно-дѣльное примѣненіе. Рѣдкій зарядъ, какъ извѣстно — промышленникъ пускаетъ мимо. Въ моржовку идутъ большія пули, которыхъ приготовляютъ изъ одного фунта только десять. Моржовки сильно отдаютъ, но «съ горяча-де не слышимъ этого—говорятъ поморы — пока не засаднитъ щоку. Да на это на все мы не смотримъ!...»

люблю забаву эту. Тутъ наглядка первое: весельщикъ умѣй тебя такъ къ звѣрю подвести, чтобы весь онъ лежалъ передъ тобой, какъ на блюдѣ, всего бы его тебѣ было видно. Подъѣхали, напримѣръ: обманули сторожа (этотъ извѣстно, все караулитъ: опустилъ эдакъ голову — думаешь, дремлетъ; смотришь — опять поднялъ и опять слушаетъ); къ самому звѣрю подъѣхали, вижу я его: спитъ, скорчившись, по своему обычаю; знаю: кутиломъ такъ-то его не возмешь: проскользнетъ какой хошь острой носокъ между морщинами: кожа его извѣстная кожа: толще ея и на свѣтѣ-то есть ли? Промахнуться— стыдъ, по-моему: пусть промахивается малой ребенокъ, а не нашъ братъ; я вонъ на вѣку-то своемъ на руку за вторую сотню *разбойныхъ-то моржей* считаю. Вотъ по тому, какъ ты подъѣхалъ, буди моржа, крикни шибче, сколько мочи хватитъ, какъ на лошадь: тпру! молъ, тпру! Крику этого онъ не любитъ, сейчасъ испужается, вздрогнетъ, проснется, спрямитъ, значитъ, складки на тѣлѣ—тутъ ты только, что глазомъ мигай, принимай моржа: бросай ему въ зашеекъ *) спицу! Звѣрь сейчасъ трусу праздновать: на утёкъ! Тутъ метальщикъ успѣвай тросъ выкидывать съ баклажкой весь въ ту сторону, куда моржъ упалъ; а весельщикъ умѣй во время отскочить, отгрести лодку, а то упадетъ звѣрь въ суденко—добра мало; моржъ и смиренъ на берегу-то, пожалуй, и спать охочій, и человѣческаго духу боится, а встрѣтится съ тобой глазъ на глазъ, уваженія не даетъ большаго: сейчасъ въ драку. Онъ тебя подъ лапу сгребетъ да въ воду утащитъ, либо тинками пришибетъ лодку — всѣхъ въ море пуститъ. Съ нимъ умѣючи надо, потому раненой онъ гнѣвенъ, раненой онъ, что бѣшеной, буянъ; сунется въ воду и опять кверху лѣзетъ, затѣмъ, что разсолъ ему разъѣдаетъ рану, а баклажка свое творитъ: далеко въ глубь не пускаетъ. Онъ смекнетъ это, и сейчасъ начнетъ баклажку тинками бить, да какъ обручей-то вплотную насаживаемъ на ней, такъ ничего онъ тутъ и не дѣлаетъ, только до-сыта тѣ-

---

*) Въ зашейкѣ у моржа отверстіе, величиною, говорятъ промышленники, въ трехъ-копѣечную мѣдную монету. Сюда преимущественно и стараются угодить для того, чтобы успѣхъ былъ вѣрнѣе. Никогда не случалось, чтобы убивали моржа при этомъ до смерти; прямая цѣль здѣсь — сильнѣе поранить его, а главная - имѣть на кутилѣ, т. е. почти въ рукахъ.

шится. Вотъ—и все! А выстанетъ онъ изъ воды, *дастъ духу*, тутъ ты опять не зѣвай, бери его на *затинъ*. А на затинъ взять, надо тебѣ говорить, дѣло большое, это дѣло не всякой сможетъ, сноровка великая требуется: первое тебѣ — умѣй во время изъ лодки на берегъ, али на льдину выскочить; второе опять — умѣй пѣшню крѣпко упирать, и угоди поскорѣй обмотать на нее тросъ; третье — отъ тебя большой силы въ этомъ обрядѣ требуется; ну ужъ и о другомъ ни о чомъ не думай и на тотъ часъ не робѣй! Съумѣешь пѣшню уперетъ во время— звѣрь не уйдетъ отъ тебя; кинуться — не кинется, рѣдко же это бываетъ *), а выставать станетъ чаще, чего и надо! По-

*) Моржъ рѣдко дѣлаетъ нападенія, по словамъ поморовъ, и если бывали подобные случаи, то они исключительно производились молодыми, неопытными звѣрями. «Съ нами—толковали поморы—тоже не находка моржу вести дѣло — моржовка не промахивается», и все-таки разсказываютъ при этомъ одинъ особенно поразительной случай. Моржъ (изъ молодыхъ), раненый, но, по несчастію, непринятой на затинъ, бросился на промышленника и, ухвативши его подъ правую ласту, увлекъ съ собой въ воду. Долго они не показывались, и именно до тѣхъ поръ, пока звѣрь не заблагоразсудилъ, выставши въ другой разъ, бросить промышленника изъ подъ ласты; по счастію, тотъ попалъ на берегъ, хотя съ вывихнутыми рукой и ногой. На другой годъ онъ опять явился на Новую-Землю за моржами, но, говорятъ, состоялъ уже въ весельщикахъ. Другой случай съ канинскимъ самоѣдомъ поразителенъ болѣе плачевнымъ исходомъ: ранивши моржа, самоѣдъ бралъ его въ затинъ не на пѣшню, а обмоталъ тросъ, по личному капризу, около себя и не имѣя силы упереться ногами въ прибрежные камни, былъ увлеченъ звѣремъ въ глубину. Вытащили его уже, естественно, мертвымъ. Когда звѣрь тащилъ его въ воду, случившійся тутъ же другой самоѣдъ хотѣлъ ухватиться за товарища, помочь ему; но несчастный, увлекшись работой и видимо расчитывавшій на безраздѣльную будущую прибыль, закричалъ на другаго, чтобы тотъ «не трогалъ его, не мѣшалъ ему»—прибавляли ко всему этому печорскіе разсказчики. Третій характеристическій случай нападеній моржа на промышленника, разсказанный мнѣ самимъ участникомъ, кончился, по счастію, удачно. Онъ состоялъ въ томъ, что раненый моржъ вскочилъ въ карбасъ и, не сообразивши дѣла и, повидимому, самъ испугавшись рѣдкому порыву личной храбрости, сидѣлъ, поводя своими кровавыми глазами то на одного промышленника, то на другаго; сидѣлъ долго, давши такимъ образомъ, возможность одному изъ своихъ противниковъ осторожно вытащить изъ подъ боку ружье—моржовку, которою и убилъ смѣльчака-звѣря наповалъ тутъ же въ лодкѣ, безъ всякихъ затиновъ и прочаго. Четвертый моржъ, мгновенно вскочивши въ карбасъ, до того перепугалъ промышленниковъ, что всѣ они повыскакали въ воду и

ходитъ-походитъ въ водѣ колесомъ, да все въ круги; и выстанетъ, потому тросъ задержитъ его на глубинѣ, а ужъ тамъ, извѣстно, упереться ему не во что, а силой тутъ ничего не сдѣлаешь. Высталъ звѣрь, ты опять держи ухо востро: наматывай-знай тросъ на пѣшню больше, лучше, ближе къ концу и къ звѣрю. Онъ въ воду ушолъ, а ты на пѣшню налегъ да и придержалъ ее крѣпче; онъ опять высталъ, а ты еще круче навернулъ троса. А доберешься до баклажки; звѣрю идти некуда—въ воду не пускаетъ его затинъ, да опять же онъ и натомился, крѣпко изусталъ; тутъ ему стрѣляй въ зашеекъ, тамъ у него кость тоньше (на вискахъ ее не пробьешь: разплющится пуля, а толку не будетъ). Не угодишь пулей—звѣря лютѣе не бываетъ: онъ и реветъ на ту пору зычно, что уши ломитъ, на льдину лѣзетъ, пугаетъ тебя всякимъ дѣломъ, пока ты его не уложишь вовсе. Тогда его бери на катокъ (воротъ) и кати на льдину, что сальную бочку: тутъ твоя сила нужна и ничего уже больше! Свѣжуемъ (пластаемъ) мы ихъ всегда на льдинахъ тутъ же...

— Не страшенъ тотъ моржъ, у котораго тинки вмѣстѣ идутъ, —страшнѣе тотъ, у котораго тинки врозь пошли (продолжалъ потомъ мой разсказчикъ, какъ бы отвѣчая на мою мысль). Этого и зовемъ мы разбойникомъ. Страшно съ нимъ глазъ на-глазъ сходиться, когда онъ лежитъ передъ тобой и пѣшню свою держишь ты еще въ рукахъ наготовѣ, а всадилъ ее, на берегъ выскочилъ, тогда съ сердца что гора свалится, словно изъ бани вышолъ. Такъ—на затинѣ. А то беремъ мы ихъ еще на *заколкахъ* *). Это ужъ очень любопытно бываетъ:

ухватились руками за борта; погибли бы они, еслибъ хозяинъ судна не нашолся прежде всѣхъ другихъ. Онъ ударилъ звѣря пѣшней и этимъ заставилъ его выскочять обратно изъ карбаса въ воду.

*) Заколки эти дѣлаются всѣми артелями съѣхавшихся на Новую-Землю промышленниковъ, и большею частію лѣтомъ и осенью, когда звѣри *на мѣстахъ*, т. е. когда они для совокупленія выползаютъ на берегъ. Удача заколки и успѣшные результаты ея зависятъ непремѣнно отъ того, чтобы звѣри возможно дальше заползали на берегъ. Иначе успѣхъ довольно сомнителенъ и заколка не можетъ имѣть мѣста. Точно также не могутъ быть удачны нападенія на звѣря позднею осенью, когда промышленники рискуютъ встрѣтить на возвратномъ пути къ берегу съ промысла намерзшій тонкій ледъ, по здѣшному *ныласъ*, между которымъ протолкаться съ карба-

тутъ, словно подъ пьяную руку, въ плясѣ ходишь. Помнишь только одно, что тебѣ весело, сердце твое отъ радости надрывается — ничего другаго не видишь и знать не хочешь: одного звѣря дубиной пришибешь, другаго... третьему звѣрю въ зашеекъ спицой угодишь... четвертаго уходишь! Одинъ потомъ съ перепугу заторопился, черезъ голову перекувырнулся; другой то же поползъ на катарахъ своихъ, да не смогъ, толкаетъ неуклюжой тушой своей боковыхъ и переднихъ... и ты ревешь блажнымъ матомъ — сколько силы хватитъ — пугаешь ихъ, и они со страху воютъ и оборониться отъ тебя не смогутъ, не сдогадаются. И смѣшно, и пріятно! Эдакъ-то вотъ, въ доброй часъ, ползаколки и наколешь цѣлой-то своей артелью; станешь послѣ счотъ имъ подводить — оно и благовидно. Водки-то ужъ послѣ того на радостяхъ то великихъ и не жалѣешь: пьешь ее въ великомъ числѣ. Съ эдакой работой хоть бы вѣкъ вѣковать! Это вѣдь совсѣмъ не то, что вонъ когда не успѣешь выскочить на затинъ, да потащитъ тебя звѣрь-отъ и съ карбасомъ, да почнетъ вертѣть, да мотать изъ угла въ уголъ, изъ стороны въ сторону. Ладно, коли коршикъ съумѣетъ подладиться къ звѣрю, или ты успѣешь догадаться, да буекъ къ оборѣ-то привязать (буекъ этотъ послѣ покажетъ, гдѣ звѣрь возится), да въ добрый часъ скинуть его въ воду. А то бывало и такъ (да и за частую!), что и заматывалъ звѣрь, таскивалъ карбасъ-отъ ко дну. Такъ и складывали промышленники наши свои буйныя головушки, безчастныя сердечушки. Бабы послѣ, сколько ни реви на погостахъ, тутъ ни въ чомъ не помогутъ. Такъ-то!... *)

— Вотъ тебѣ все, почéсь, и про Матку! Не сказалъ, однако, что живетъ тамъ еще ошкуй, да тому всѣхъ лучше. Полежитъ на солнышкѣ, въ воду сходитъ за рыбкой, моржовыя залежки запримѣтитъ — сейчасъ на обманъ сзади ползетъ къ

сомъ — нелегкое дѣло. Когда же моржи не спятъ налёдицей, или на мѣстахъ, тогда принимаютъ ихъ на хитрость: выбираютъ льдину ропачистую, т. е. высокую и негладкую, и за ея ропаками прячутся въ лодкѣ. Лодку эту подводятъ къ моржовой залёжкѣ такъ близко, чтобы можно было черезъ эту льдину стрѣлять изъ моржовокъ, нерѣдко въ упоръ.

*) Къ сожалѣнію, положительные факты доказываютъ, что рѣдкой годъ на Новой-Землѣ обходится безъ подобныхъ злоключеній!...

нимъ и норовитъ всадить свои когти въ загривокъ. Бѣсится моржъ, а везетъ, да стонетъ: везетъ и въ воду, везетъ и опять на берегъ, коли не усноровитъ ошкуй переломить его до воды поперекъ. Силенъ ошкуй, крѣпко силенъ, на то и ноги коротки, и вся сила его въ ногахъ этихъ; а нападать на человѣка не охотникъ. Развѣ ужъ глазъ на-глазъ по-нечаянности сойдемся; бьемъ мы ихъ мало, хоть и хорошее сало они даютъ... Послѣ Успеньева дня къ Рождеству Богородицы домой бѣжимъ, а тамъ ужъ — извѣстно: и сказывать не стану!...

Такъ заключилъ свои разсказы куйскій мой собесѣдникъ про *разбойные* промыслы—разбойные потому, что и самъ промышленникъ, отправляющійся на Новую-Землю, изъ глубокой старины зовется *разбойнымъ человѣкомъ*. Разбойну свою, состоящую, кромѣ главнаго продукта—сала, изъ клыковъ и шкуры, продаютъ поморы по обыкновенію въ то время года, которое издавна русскій народъ богато обставилъ еженедѣльными торгами, ярмарками, базарами. Зимою свозятъ они промысла свои на близкіе торги: кемскіе промышленники въ Шунгу (Олонец. губ. Повѣнец. уѣзда), мезенцы и печорцы въ Пинегу на Никольскую ярмарку, на Вагу, въ селеніе Кривое (Яренск. уѣзда Вологодской губ.); но бо́льшая часть идетъ въ руки че́рдынцевъ, пріѣзжающихъ сюда обыкновенно по лѣтамъ.

Жители пермскаго городка Че́рдыни и его уѣзда являются на Печору въ каюкахъ и полубаркахъ *), и привозятъ въ нихъ хлѣбъ въ видѣ муки ржаной, крупчатки, крупъ, гороху, солоду, и товары: простые бѣлые холсты, крашенину, синія пестряди, довольно значительную часть чаю (печорцы до него страстные охотники, какъ самоѣды до вина), русскій сахаръ, ситцы, сук-

*) *Полубарка* — грузовое судно съ отлогою крышою на два ската, длиною 8—12 саженъ, шириною $3^1/_2$—$5^1/_2$; глубиною по борту до $1^1/_2$ саженъ. Грузу поднимаютъ они отъ 2 до 3 тысячъ пудовъ. *Каюки* длины одинаковой съ полубарками, шириною отъ 3—$4^1/_2$ саж., съ каютой въ кормѣ; вершина носа загибается внутрь судна. Грузу подымаютъ отъ 7 до 9 тысячъ пудовъ. Чердынцы, на возвратномъ пути своемъ домой, по Малой Печорѣ встрѣчаютъ пороги (числомъ до 3-хъ), а при соединеніи ея съ Большою — *заструги* (песчаныя отмели), и потому разгружаютъ суда свои до половины на *повозки*, находящіяся наготовѣ у пристаней Подчерья (въ 700 верст. отъ Пустозерска) и близъ Усть-Шугоры (въ 850 верст. оттуда же). Пристаютъ у Якшинской пристани уже въ Чердынскомъ уѣздѣ.

на, бумажные и шолковые платки, косы, ножи, желѣзные гвозди и часть свинцу. Являясь около 15 іюня въ селѣ Ижмѣ, они въ срединѣ лѣта выплываютъ въ устье Печоры и заходятъ отъ него моремъ верстъ за 15—20 въ губу, гдѣ пустозеры ловятъ семгу. Рыба эта, какъ и звѣриное сало, покупаются такимъ-образомъ на мѣстѣ на наличныя деньги; но чердынцы предпочитаютъ свои товары отдавать въ долгъ, за которымъ и являются въ другой разъ уже зимою.

Черезъ руки кемскихъ и мезенскихъ промышленниковъ моржовые продукты идутъ на иностранныхъ корабляхъ за границу: ворванное сало въ бо́льшемъ числѣ, кожа въ меньшемъ, но какъ отличный матеріалъ для подкаретныхъ ремней, на гужи къ хомутамъ (туземцы употребляютъ ремни эти въ оленьей упряжи, для тросовъ при ловлѣ того же моржа). Мелкое зубьё идетъ на костяныя подѣлки въ родѣ запонокъ, пуговицъ и тому подобнаго; клыки, или тинки, не многимъ уступая слоновой или мамонтовой кости, расходятся по окрестнымъ холмогорскимъ деревнямъ, издавна извѣстнымъ въ Россіи своими костяными издѣліями. Тинки эти, отличаясь отъ мамонтовыхъ сужелтью въ сердцевинѣ, вѣсятъ обыкновенно (въ парѣ) до 20 фунтовъ, и только уже отъ самыхъ огромныхъ моржей получаются тинки вѣсомъ на одинъ пудъ въ парѣ клыковъ.

Въ-заключеніе, нелишнимъ считаемъ прибавить, что Новая-Земля представляя богатые матеріалы для пользованія ея сокровищами, до-сихъ-поръ еще находится во враждебномъ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ. Причиною тому одни полагаютъ негостепріимство ея береговъ, на которыхъ гніющія морскія травы (особенно тура, морской горошекъ) производятъ вредныя испаренія, развивающія цынгу. Въ тотъ самый годъ (1857), когда я собиралъ эти свѣденія и выслушивалъ разсказы туземцовъ,—лѣтомъ послѣ моего отъѣзда на Новую-Землю ижемцы отрядили промысловую партію въ 28 человѣкъ на трехъ лодкахъ. Ушли весной,—осенью вернулись только шестеро: всѣ остальные въ срединѣ лѣта, одинъ за другимъ пухли и помирали чорною смертію (отъ цынги). Уцѣлѣли шесте́ро оттого, что умудрились поймать дикихъ оленей и пили теплую кровь. Спасшіеся отъ смерти привезли домой всякаго звѣря и птицы на 1,500 руб. по 250 руб. на брата да страшный процентъ двадцати двухъ неповинныхъ смертей, — когда и безъ того на

Печорѣ не тѣсно. Вотъ почему Новую-Землю стараются избѣгать. Другіе видятъ въ значительно ослабѣвшемъ желаніи поморовъ извлекать выгоды изъ Новой-Земли ту причину, что предпріимчивые хозяева упали духомъ при частыхъ неудачахъ сосѣдей (особенно въ послѣднее время). Третьи, наконецъ, оправдываютъ этотъ грустный фактъ тѣмъ, что между всегда-смѣлыми и толковыми поморскими кормщиками нѣтъ людей, хорошо, безъусловно-хорошо знакомыхъ съ наукою кораблевожденія. Какъ бы ни были правдоподобны эти частности, все-таки, въ общемъ, должно согласиться съ тѣмъ, что промысловыя артели обряжаются изъ-рукъ вонъ безтолково: хозяинъ, какъ монополистъ, видитъ въ своихъ покрученикахъ простое орудіе для своей личной прибыли, не принимая (и, къ-несчастію, не столько не умѣя, сколько не желая понимать) ни его высоко-человѣческаго достоинства, ни его требованій, какъ разумнаго существа. Сырой избой, утлымъ судномъ, на половину порченной провизіей, рваной одеждой, скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ обставляется безжалостнымъ монополистомъ всякой покрутъ, снаряжонный имъ на Новую-Землю за моржами. Вотъ, кажется, почему обратилась теперь бо́льшая часть печорцовъ и мезенцовъ къ роднымъ рѣкамъ, богатымъ семгой и другой цѣнной рыбой, и почему почти только одни самоѣды *крутятся* на новоземельскіе промысла—самоѣды, несознающіе еще своего нравственнаго человѣческаго достоинства и злоумышленно хитрыми своими сосѣдями поддерживаемые въ животномъ, невѣжественномъ коснѣніи. Изъ дальнаго кемскаго поморья идетъ сюда крайная, рваная, беззащитная бѣдность, у которой нѣтъ иной вѣры, какъ вѣры въ случай, и надежды, *всегда кроткой посланницы небесъ*, хотя, въ этомъ случаѣ, не всегда оправдывающейся. Вотъ что разсказываетъ объ этой землѣ очевидецъ (академикъ Беръ): «неизъяснимая грусть овладѣваетъ душою всякаго человѣка, даже грубаго матроса, при взглядѣ на эти обнажонныя, безмолвныя, безжизненныя области, гдѣ нѣтъ ни дерева, ни кустарника, ни даже высокой травы. Сердце сжимается, но въ этомъ грустномъ чувствѣ есть что-то великое, торжественное. Ступайте въ средину Новой-Земли: передъ вами съ одной стороны разливается вдалекѣ безграничное море, а съ другой стелется на необъятное пространство, пустыня, которая ожидаетъ еще жизни и жителей. Мнѣ

казалось, что настало первое утро сотворенія міра, и юная земля, только-что отдѣлившаяся отъ водъ, не успѣла еще одѣться въ свои пестрыя и зеленыя ткани и ожидала прибытія жизни. Но всмотритесь ближе Здѣсь уже есть что-то похожее на жизнь, на движеніе. Вотъ вдали шевелится одинокій звѣрекъ, по воздуху изрѣдка пронесется чайка, или пробѣжитъ по землѣ пеструшка. Да этого мало, чтобы оживить картину. Нѣтъ шуму, нѣтъ настоящаго движенія жизни,—въ особенности если посѣтите Новую-Землю въ то время, когда стада гусей, уронивъ у озеръ свои перья, улетятъ отсюда. Повсюду глубокое безмолвіе. Птицъ въ этой землѣ очень мало, и онѣ безгласны; даже насѣкомое жужжаніемъ своимъ не напомнитъ вамъ о себѣ. Только по ночамъ слышенъ иногда крикъ полярной лисицы. Даже въ долгіе ясные дни напрасно вы станете прислушиваться: ни одного звука,—повсюду могильная тишина. Вся природа какъ бы въ онѣмѣніи. Смотря на кустарники, мы привыкли видѣть ихъ колеблющіеся листья и слышать ихъ шелестъ. Въ Новой-Землѣ растеніе прильнуло къ почвѣ такъ, что и дуновеніе вѣтра не досягаетъ его. Оно совершенно неподвижно, какъ театральныя декораціи. Вы не отыщите на немъ даже насѣкомаго. Намъ попался только одинъ жукъ chrysomela, кажется новаго вида. Но кто бы подумалъ, въ лѣтніе дни, въ мѣстахъ, согрѣтыхъ солнцемъ, вы иногда увидите трудолюбивую пчелу! Она едва жужжитъ, какъ у насъ въ сырое время. Мухъ и комаровъ здѣсь поболѣе, но и ихъ съ трудомъ должно отыскивать. Они едва летаютъ, едва живутъ. Не опасайтесь ихъ докучливости: здѣшній комаръ потерялъ даже инстинктъ, увлекающій его къ человѣческой крови, которой нѣтъ и въ заводѣ на его полярной родинѣ».

Западный берегъ Новой-Земли, который одинъ только и извѣстенъ, къ которому исключительно пристаютъ живые люди, посѣщающіе ее именно съ запада, западный берегъ окруженъ множествомъ утесовъ или торчащихъ надъ поверхностію моря или скрытыхъ подъ водой. Южный берегъ низменный: на берегахъ Нехватовой рѣки, текущей въ Костиномъ шарѣ — длинная ровнина, но и она обставлена грядами скалъ, въ двѣ тысячи футовъ вышины. Далѣе къ сѣверу горы становятся и еще выше, тянутся семейно рядами и рѣдко имѣютъ острыя вершины; къ сѣверу они постепенно понижаются; въ долинахъ

примыкающихъ къ берегу, уже вѣчные ледники. Вдоль покатостей тянутся щелья, наполненныя также вѣчными снѣгами, которые таютъ и бѣгутъ ручьями во время короткаго лѣта. Почти утвердительно можно сказать, что новоземельскія горы — продолженіе горъ уральскихъ; есть и каменной уголь, и слоится такъ-же сѣрый безъ примѣси камня известнякъ. Но разница состоитъ лишь въ томъ, что на громадахъ скалъ не видно ни тундръ,—ни сухихъ, ни влажныхъ. Горы эти на столько же голы, какъ и тѣ, которыя идутъ подъ водою между Вайгачемъ и Новою-Землею и какъ стѣна задерживаютъ ледъ, плывущій къ западу отъ Карскаго моря. Это мѣсто промышленники называютъ непроходимымъ.

Новоземельскія низменности представляютъ такія мѣста, гдѣ вязнетъ нога: сюда отъ недавняго разложенія скалъ налилась вязкая чорноватая глина, да къ тому же снѣжная и дождевая вода, безпрестанно стекая съ покатостей, издавна образовала наплывы, покрытые рѣдкимъ мохомъ. Самовидцы, ходившіе по этой землѣ говорятъ, что хотя ноги путника на этой грязи и могутъ промокнуть, но идти можно смѣло: твердый грунтъ лежитъ тотчасъ. За то глазъ не встрѣчаетъ мѣстъ, покрытыхъ сплошною зеленью или даже густымъ мохомъ. Какъ исключеніе выдалось одно мѣсто, покрытое травою погуще другихъ и прозванное промышленниками Гусиной землей (тутъ линяютъ полевые гуси), но и здѣсь обманомъ зрѣнія обширное поле : за зеленѣющія поля глазъ сплошъ и рядомъ спѣшитъ принять бѣдную осоку, иногда просто каменья, даже и не зеленаго цвѣта. Шкерцъ и известь, скоро разслоиваясь, даже и не умѣютъ удержать на себѣ никакихъ наростовъ, да и порфиръ, менѣе уступчивый вывѣтриванью, обложенъ лишаями, похожими на струпья и потому кажется какъ бы обрызганнымъ разноцвѣтными пятнами. Отсутствіе всякой растительности составляетъ главную черту Новой-Земли. Хотя и встрѣчаются изрѣдка нѣжные цвѣты облитые живою краскою, но они очень низки и едва показываются изъ земли. Имъ отъ вѣковъ не удалось еще утучнить родимую почву такъ, чтобы дать мѣсто новымъ и свѣжимъ потомкамъ. Незабудки растилаются кое-гдѣ пестрымъ ковромъ, но за то на большинствѣ другихъ растеній—сухіе листья, прозябшіе за нѣсколько лѣтъ. Новоземельскія растенія — прозябенія съ весьма короткой и быстрой жизнью, которая уско-

ряется чрезвычайно длинными днями и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль не скрывающимся солнцемъ; и все-таки не смотря на это, здѣшнія растенія и позже всходятъ и медленнѣе развиваются. Во всякомъ же случаѣ растительное царство Новой-Земли поддерживается приносными дарами сосѣдней земли. Гостепріимство имъ не завидное: счастливъ тотъ гость, который укрѣпился корнемъ въ щеляхъ почвы, высохшей лѣтомъ и натреснувшей на тысячи многоугольниковъ. Эти части успѣваютъ выразиться пестрою смѣсью: подлѣ одного цвѣтка садится другой, совершенно разнородный. Даже мохъ не обильно разсыпаетъ здѣсь сѣмена свои. Вѣчный снѣгъ и отъ него чрезвычайный холодъ по окрестностямъ одинаково повсемѣстенъ, будетъ ли онъ въ извилинахъ, обращонныхъ къ сѣверу или къ югу. Только возвышенности отдѣльныя освобождаются отъ снѣгу, когда обогрѣваются солнцемъ со всѣхъ сторонъ. На три фута въ землю слоится уже чистый ледъ, который по всему вѣроятію помнитъ время міроздания, лежитъ многія тысячи лѣтъ. Вся растительная жизнь на Новой-Землѣ сдавлена между верхнимъ слоемъ почвы и низменнымъ слоемъ воздуха: оттоге растенія мало поднимаются надъ земною поверхностію и не глубоко уходятъ внутрь.

Самымъ убійственнымъ впечатлѣніемъ полагается здѣсь то, что, идя, сколько ни удваивайте шаговъ, предметы остаются на томъ же разстояніи. Нѣтъ ни жилища, ни деревца, почему можно бы судить объ отдаленіи. Здѣсь все кажется близкимъ, но въ то же время все въ одномъ и томъ же отдаленіи; въ ясные дни воздухъ почти безцвѣтенъ: на ослѣпительно-бѣлыхъ горныхъ вершинахъ мѣстами прорѣзаются чорныя скалы, но въ воздухѣ ни малѣйшаго цвѣтнаго отлива. Экспедиція, отправленная королемъ датскимъ Фридрихомъ II въ Гренландію въ виду ея береговъ воротилась назадъ, не исполнивъ назначенія, увлечонная оптическимъ обманомъ этимъ: вѣтеръ надулъ паруса, судно летѣло какъ птица, но берегъ стоялъ все въ томъ же отдаленіи.

Изъ звѣрей на Новой-Землѣ на берегу только бѣлый медвѣдь, олени, много пеструшки (полевой мыши), мало волковъ и лисицъ. Все животное богатство въ морскихъ волнахъ. Изъ птицъ на берегу: сѣверная сова (которая здѣсь и зимуетъ), подорожникъ, водяная курочка, соколъ, лѣтніе гости — полевые

гуси, ледяная утка, музыкальный лебедь, но и тѣхъ неизмѣримо больше на островѣ Колгуевѣ: на Новой-Землѣ имъ нечѣмъ питаться. Ужасная страна!—страшная уже тѣмъ, что здѣсь предѣлъ всепобѣждающей человѣческой силѣ: здѣсь побѣдителю природы уже не укрѣпить ноги.

5. СЕЛО ИЖМА.

Общій видъ селенія и характеръ зырянъ, по личнымъ наблюденіямъ. — Разные способы ловли мелкой рыбы. — Бытъ зырянъ, домашній и общественный.

—

— Поѣдешь ты въ Ижму—увидишь тамъ храмы Божіи каменными и во всемъ благолѣпіи; угощать тебя будутъ по-купецки; станутъ тебѣ сказывать, что въ Бога вѣруютъ, не слушай: врутъ! Тундра у нихъ грѣхомъ на совѣсти давно лежитъ. Смотри, не поддавайся же этимъ зырянамъ! плутъ-народъ!...

Подобное предостереженіе и, пожалуй, наставленіе, сказанное мнѣ за недѣлю назадъ добрымъ разскащикомъ моимъ въ Пустозерскѣ, пришло мнѣ на память именно въ то время, когда передо мною открылась вся Ижемская волость *), крайная (по Печорѣ) въ Архангельской губерніи, во всей своей наготѣ, со всѣми своими наглазными мелочными подробностями. Не хотѣлось вѣрить предостереженіямъ этимъ на первыхъ шагахъ, при первомъ взглядѣ, тѣмъ еще болѣе, что дѣйствительность увѣряла въ противномъ. Правда, впрочемъ, то, что поразительны казались огромныя каменныя церкви съ громкимъ звономъ, съ громкимъ, согласнымъ пѣніемъ на два клироса, съ звонкими голосами дьяконовъ, съ иконостасами, изукрашенными сверху до низу образами въ серебряныхъ, позолоченныхъ ризахъ, щедро облитыхъ богатымъ свѣтомъ, и съ духовенствомъ въ глазетовыхъ облаченіяхъ. Такъ вездѣ, во всѣхъ селахъ Ижемской

---

*) На рѣкѣ Ижмѣ въ 100 верстахъ къ югу отъ Усть-Цыльмы, въ 40 отъ Печоры и въ 62 отъ устья р. Ижмы.

волости: въ Сизябѣ, въ Мохчѣ, въ самой Ижмѣ, и какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Архангельской губерніи, исключая только самаго губернскаго города, древнихъ Холмогоръ и трехъ-четырехъ еще неупраздненныхъ монастырей (не считая здѣсь необыкновенно богатаго Соловецкаго). Ижемскія церкви, всѣ до одной, вплотную были набиты народомъ, молившимся нестарымъ крестомъ. Слышались въ толпахъ этихъ и удушливой старческой кашель, и неугомонной плачъ и визгъ грудныхъ малютокъ, и подчасъ звонкіе, нескромные вскрики подростковъ; видѣлись и тѣ, и другія и третьи: мужчины на правой сторонѣ, женщины на лѣвой, безъ исключеній, по старому русскому обычаю. Между-тѣмъ, въ большей половинѣ архангельскихъ селъ и даже городовъ духовенство исправляетъ службы въ пустыхъ, холодныхъ, со сквознымъ вѣтромъ церквахъ, едва не на ржаныхъ просфорахъ, въ полуистлѣвшихъ ризахъ, при свѣтѣ четырехъ-пяти жолтыхъ восковыхъ свѣчъ на всю церковь, при разбитомъ голосѣ дьячка, звучащемъ еще печальнѣе при этой печальной обстановкѣ. Не такъ, далеко не такъ въ богатыхъ церквахъ Ижемской волости, гдѣ домá духовенства — лучшіе домá въ цѣломъ селеніи, гдѣ церкви рѣшительно-таки несравненно-богаче, чѣмъ въ самомъ Архангельскѣ. Гдѣ же справедливость въ словахъ честно изжившаго вѣкъ, воспитаннаго въ безъискустной, патріархальной простотѣ и уважаемаго всѣми сосѣдями моего дальнаго пріятеля:

— Станутъ они тебѣ сказывать, что въ Бога вѣруютъ, не слушай: врутъ!

Первые моменты знакомства съ Ижмой рѣшительно не говорятъ этого; напротивъ, наглазною обстановкою доказываютъ совершенно противное.... А между-тѣмъ второе показаніе старика оказывается справедливымъ. Радушно встрѣчаетъ меня хозяинъ отводной квартиры, не позволяетъ пить моего чаю и, не шутя, ворчитъ на это предложеніе мое, и чуть не ругается. Тащитъ, суетясь, какъ угорѣлой, снизу нѣсколько тарелокъ: съ баранками, съ изюмомъ, съ пряниками, съ кедровыми орѣхами-меледой, откуда ни беретъ бутылку хересу, графинъ водки, и все это проситъ потреблять вмѣстѣ, валить въ кучу. Наливаетъ густаго, какъ пиво, дешоваго чаю, проситъ сахаръ класть въ стаканъ и какъ только возможно больше—не жалѣть; обѣщаетъ принести сливокъ, и приноситъ такія густыя, о кото-

рыхъ рѣдко гдѣ имѣютъ понятіе въ другомъ мѣстѣ губерніи, кромѣ Холмогоръ; божится, что обшаритъ завтра всю волость, чтобы достать лимону; обѣщаетъ того, другаго, всего... Неужели и послѣ этого должно давать вѣру словамъ моего пустозерскаго пріятеля? Нѣтъ, что нибудь далеко не такъ!

Слѣдующій день исключительно покушается разбить всѣ оставшіяся сомнѣнія, если не разбиваетъ ихъ окончательно: съ утра являются одинъ за другимъ сѣдые, почтенные старики просить отвѣдать ихъ хлѣба-соли и потомъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, и опять суетятся привѣтливо и, видимо, чистосердечно. Не зная, чѣмъ занять гостя, подчуютъ меледой, горсть которой, безъ сноровки и привычки, въ полчаса не общолкаешь; не зная, чѣмъ угостить, ставятъ на столъ осетрину—диковинку своего края, вывозимую изъ дальной Сибири, съ Оби, вареные оленьи языки, оленьи губы, удивительно вкусныя, рѣдкія свои блюда, и квасъ, какъ лакомство, замѣняющее здѣсь невѣдомое пиво.

— Нарочно по твоего высокоблагородья на вечоръ олень колотлы, отвѣдуй: очень нам отлично буде! — приговариваютъ зыряне при этомъ бойкимъ русскимъ говоркомъ, хотя и съ невѣрнымъ выговоромъ словъ и съ невѣрными удареніями на нихъ, дѣлающими рѣчь ижемцовъ похожею на цыганской говоръ дальной Россіи. Пусть и самой языкъ зырянскій, болѣе, впрочемъ, пріятный въ устахъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, бьетъ ухо богатствомъ непріятно-гортанныхъ и шипящихъ звуковъ; пусть не видать за столомъ съ нами женщинъ, которыя приносятъ только съ низкими поклонами блюда и сейчасъ удаляются, не примолвивъ ни единаго слова; пусть собесѣдники мои не пускаютъ роднаго моего языка въ исключительное употребленіе, при задаваемыхъ мною вопросахъ, обращаясь къ сотрапезникамъ на зырянскомъ языкѣ. Пусть они, наконецъ, какъ-то подозрительно переглядываются и выпрашиваютъ другъ у друга отвѣтовъ на эти запросы мои, обращонные исключительно къ ихъ житью-бытью, къ оленеводству. Я готовъ, на этотъ разъ, объяснить все это довольно просто: и гортанность ихъ языка тѣмъ, что онъ отрасль чудскаго; и отсутствіе женщинъ—старымъ вѣковымъ обычаемъ (доселѣ блюдомымъ ими) видѣть въ женщинѣ исключительно рабыню, а не человѣка; и страсть къ родному языку — прирожденною страстью всѣхъ народовъ.

Можно бы объяснить и переглядки, и косые взгляды, и ихъ недовѣрчивость къ моимъ вопросамъ, и ихъ нежеланіе прямо и словоохотливѣе отвѣчать на нихъ тѣмъ—что зыряне бо̀льшую часть года проводятъ въ средѣ соплеменныхъ семей и не привыкли къ новымъ, свѣжимъ людямъ; и, пожалуй даже, наконецъ, объясню это себѣ просто привычкою, родовою, народною особенностію. Но.... не смотря на все это, отвѣты оказались многознаменательнѣе и важнѣе, чѣмъ казались они на первыхъ порахъ. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ, помогъ мнѣ случай; оставалось потомъ выслѣдить его по горячимъ слѣдамъ.

Дѣло происходило вотъ-какъ:

Бесѣдовали мы о разныхъ мелочахъ въ-шестеромъ и результатомъ бесѣды нашей было: для нихъ—то, что выпили два самовара большихъ-пребольшихъ и общолкали большую, глубокую тарелку, насыпанную верхомъ кедровыми орѣхами: для меня—нѣсколько скудныхъ, впрочемъ, свѣденій, которыя почти всѣ заключались въ слѣдующемъ: рѣка Ижма обложилась высокими берегами, обрамленными людными зырянскими селеніями, рощами лиственичныхъ деревьевъ, и богатыми сочною травою пастбищами и сѣнокосами, что все это, взятое вмѣстѣ поражаетъ картинностью видовъ не только заѣзжихъ, но и привычныхъ туземцовъ, въ лѣтнюю и весеннюю пору. Немногое теряли эти приглядные виды и зимой, на мой взглядъ, давно уже отвыкшій ото всѣхъ поразительныхъ картинъ на архангельскихъ равнинахъ. Рыба, попадающаяся въ Ижмѣ, довольно-мелкая, и насчитываютъ ее до 12 сортовъ; семга заходитъ рѣдко, и самая вода рѣчная отличается тяжолымъ вкусомъ, по причинѣ значительнаго раствора нефти—обстоятельство, заставляющее предпочитать рѣчной водѣ колодезную. При ловлѣ рыбы (исключительно въ печорскихъ участкахъ и на озерахъ по тундрѣ), до сихъ поръ соблюдается старинный обычай на всѣхъ тоняхъ: для всякаго человѣка-путника варить щербу изъ свѣжой, сейчасъ-пойманной рыбы, и не скупиться отпустить и съ нимъ рыбы, въ надеждѣ на будущій обильной уловъ. Рыбу ловятъ обыкновеннымъ установившимся способомъ, общимъ всѣмъ приморскимъ мѣстностямъ *). Судовъ здѣсь строятъ мало,

*) Рѣчные способы мелкой рыбной ловли извѣстны въ трехъ видахъ: 1-й *поѣздомъ поѣздовать*; два рыбака плывутъ въ особыхъ лодкахъ не въ даль-

довольствуясь рубкою мелкихъ, въ родѣ карбасовъ, лодокъ и челноковъ, закупая крупныя или въ Мезени, или заказывая ихъ въ дальной Кеми. Наконецъ, если ко всему этому прибавить то, что здѣсь на домахъ (кстати сказать, хотя и двухъэтажныхъ, но содержимыхъ довольно грязно, сравнительно съ Пустозерскомъ) по потолкамъ и подъ полами не насыпаютъ земли на томъ основаніи, что будто бы строенія скорѣе гніютъ, и что здѣсь балконы и ставни не составляютъ особенной необходимости противъ вьюгъ и метелей, какъ по Печорѣ — то опять-таки, наконецъ, во всемъ этомъ едва ли былъ не весь результатъ начатой нами бесѣды...

Ижемцы мои замѣтно скрытничаютъ, какъ-будто чего-то опасаются, чего-то побаиваются, частенько переглядываются, вдругъ круто оборачиваютъ разговоръ въ другую сторону совсѣмъ неожиданно, и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ принимаетъ для меня болѣе оживленный характеръ.

— Нѣтъ, что нибудь да не такъ!—думалось при этомъ мнѣ, избалованному, можетъ-быть, словоохотливостію и откровенностію недавно покинутыхъ мною добрыхъ пустозеровъ. Слова одного изъ тамошнихъ: «Хитрой зыряне народъ, ты смотри: не поддавайся имъ»—возставали какъ живыя, по прежному.

Попробовалъ я обратиться съ вопросомъ о томъ, существуютъ ли между ними какія нибудь преданія объ ихъ далекомъ прошломъ; но получилъ въ отвѣтъ немногое: что въ чудскихъ

номъ другъ отъ друга разстояніи, на сколько позволитъ то сдѣлать длина сѣти. Сѣть эту безъ матицы (мѣшка) держатъ за тетиву, погружая подводную часть ея, при пособіи шестовъ, которые и держатъ въ рукахъ (иногда употребляютъ грузева—каменные якоря (кибаса). Плывутъ обыкновенно внизъ по теченію: первая попавшаяся рыба толкаетъ въ сѣть и потрясаетъ палки. Осторожно рыбаки съѣзжаются вмѣстѣ, и вынимаютъ сѣть. 2-й способъ: *лучомъ лучить*. Лучатъ темною осеннею ночью и для этого на носу лодки укрѣпляютъ колъ (накозье) аршина въ полтора, на немъ козу—рѣшотку желѣзную съ торчащими къ верху зубцами, между которыми кладутъ куски просушонныхъ и просмоленныхъ комлей и пней, и зажигаютъ ихъ. На носу же, у огня, становится рыбакъ съ острогой (въ 2½ саж. длиною). Онъ высматриваетъ спящую рыбу и даетъ знакъ осторожно гребущему товарищу остановиться, самъ въ тоже время пронзаетъ щукъ, налимовъ и другую рѣчную рыбу. 3-й *неводомъ*, какъ и въ Усть-Цыльмѣ, какъ и въ Кемскомъ поморьѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ огромной Россіи, гдѣ только водится какая-либо рыба одинъ и тотъ же.

могилахъ, при устьѣ Ижмы съ Печорою, въ горѣ находили, лѣтъ тому 20 назадъ, монеты; что попадаются тамъ же мамонтовые рога (кости), хоть и рѣдко; что есть-де крестъ по пути въ Сизябу, на могилѣ Кипріяна, одного изъ друзей Аввакума, сосланнаго сюда за расколъ и которому отрубили здѣсь голову за то же самое; что селенія Усть-Ижмы есть *поганой курганъ*, на мѣстѣ котораго въ *доселѣшную* страну былъ чудской городъ; что раскапывая курганъ, нашли тамъ копье — но и только!

Спросилъ я объ исторіи и причинахъ выселенія ихъ, по преданіямъ, въ дальную страну, изъ странъ пермскихъ — центра заселеній зырянъ, по крайной мѣрѣ, въ то время, когда застали ихъ на этомъ мѣстѣ исторія и Евангеліе; но собесѣдники мои какъ-то ужъ особенно дико переглянулись и замолчали, всѣ до единаго, еще сосредоточеннѣе и упорнѣе. Пришлось остаться на этотъ разъ при тѣхъ же немногихъ свѣденіяхъ: что грабежи и обиды казаковъ, ходившихъ черезъ мѣста ихъ прежнихъ заселеній у истоковъ Ижмы, въ Яренскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, съ верхотурскою казною въ Москву, заставили ихъ всѣмъ населеніемъ выбраться на благодарную, хотя и дальную мѣстность устья той же рѣки; что населеніе Ижмы увеличилось впослѣдствіи выходцами изъ ближной Усть-Цыльмы, значительно населенной и сильной уже въ то время своими матеріальными средствами; что селились здѣсь и самоѣды, теперь утратившіе свою народность и свой родовой типъ подъ вліяніемъ зырянскаго, который только нѣкоторою смуглостью лица (и ничѣмъ другимъ, внѣшнимъ) отличается отъ славянскаго; и что, наконецъ, здѣсь пролегала сибирская дорога при царяхъ и Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцахъ... *)

*) Старинныя бумаги, уцѣлѣвшія въ церквахъ и правленіи отъ пожаровъ и крайнаго невѣжества хранителей и попавшія въ мои руки, говорятъ тоже немногое: одна повелѣвала давать только сотнику стрѣлецкому гребца и не давать того же простымъ стрѣльцамъ города Архангельскаго, идущимъ въ Пустозерской островъ, на томъ простомъ основаніи, что «они сами подъ собою грести могутъ». Второю - указомъ (7196 г.) царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича повелѣвалось уничтоженіе тарханныхъ грамотъ на сальные промыслы въ пользу Троицкаго Сергіева монастыря, доходы съ которыхъ отъ этого года должны были обращаться уже въ государеву казну. Третьею - указомъ (7205 г.) царя Петра Алексѣевича дѣлалась память

Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, наконецъ, обратился я къ своимъ собесѣдникамъ съ вопросомъ о тундрѣ и, не допытываясь правъ ихъ на владѣніе ею, произвелъ, однакоже, замѣтное волненіе. Они заговорили скоро, поминутно искоса взглядывая на меня тѣми недовѣрчивыми, подозрительными глазами, какими встрѣчаютъ всякаго нежданнаго и незнакомаго человѣка, явившагося въ расплохъ посреди закулисныхъ, семейныхъ занятій, принявшихъ форму давнишной законности и обыкновенно скрываемыхъ отъ чужаго глаза. Смущается и попавшій не во-время. Такъ было и съ нами. Ижемцы долго еще толковали на своемъ нарѣчіи, которое для меня уже не могло быть непонятнымъ. Смыслъ его казался уже достаточно подозрительнымъ для того, чтобы, сообразивъ дѣло, припомнить преслѣдовавшее меня до тѣхъ поръ предостереженіе пустозерскаго старика, что «тундра у ижемцовъ давно тяжолымъ грѣхомъ лежитъ на совѣсти».

Крайно-сомнительными показались, на ту пору, и заискивающія ласки, и угощенія, и уклончивость въ отвѣтахъ: ижем-

---

головѣ и цаловальникамъ таможеннаго и кружечнаго двора, чтобы они, при недостаткѣ въ холмогорскомъ винѣ, прикупили бы «гдѣ пристойно самою малою цѣною безъ передачи». Въ четвертомъ свиткѣ (длиною 4½ сажени) подробно означаются правила таможеннаго сбора съ проѣзжающихъ въ Сибирь и обратно изъ Сибири русскихъ и тамошнихъ купцовъ (въ Ижмѣ была таможенная застава), указывается на нѣкоторыя злоупотребленія, бывшія при этомъ дѣлѣ, и приказывается вести книги. Въ пятомъ свиткѣ, самомъ древнемъ изъ имѣющихся у меня, по времени, содержится указъ царя Алексѣя Михайловича (7186), которымъ велѣно было ижемцамъ везти лѣсъ и строить четыре острога для ссыльныхъ въ Пустозерскъ историческихъ раскольниковъ: протопопа муромскаго Аввакума, симбирскаго Никифора, распопы Лазаря и старца Епифанія. Изъ старинныхъ же бумагъ, сохранившихся въ церковномъ архивѣ, болѣе замѣчательною, сравнительно съ другими, можно считать указъ (1760 г.) архіепископа холмогорскаго и важескаго Варсонофія, которымъ приказывалось розыскать попа, провинившагося въ томъ, что онъ, за пудъ трески, покрылъ одного раскольника, допустивши его до исповѣди и св. Причастія. Архіерей приказалъ обрить ему за то полголовы и послать въ архангельской монастырь на вѣчную работу, и съ тѣмъ, опять-таки, чтобы, по прибытіи его на мѣсто, обрить ему тамъ остальныя полголовы и полбороды. Какъ видно по розыску, священникъ, испугавшись подобнаго рѣшенія, бѣжалъ и, какъ думаютъ, въ сибирскіе раскольничьи скиты. Вотъ всѣ сохранившіяся въ Ижмѣ старинныя бумаги!...

цы объявились мнѣ не столько хитрыми, по понятіямъ и предостереженіямъ хорошо знавшихъ ихъ, сколько простодушными и неумѣлыми до конца устоять въ этомъ, все-таки замѣчательномъ проявленіи развитаго человѣка, а не полудикаря, полуосѣдлаго зырянина, каковы проявленія хитрости. Собесѣдники мои говорили немного и вдругъ смолкли всѣ, какъ бы громомъ пришибенные, какъ бы выжидая рѣшительнаго удара съ моей стороны, разъ уже на вѣку своемъ испытавши злоключеніе подобнаго рода и, съ той поры, привыкши видѣть во всякомъ новомъ лицѣ своего врага непримиримаго и заклятаго. Нѣкоторые оправдываютъ этимъ ихъ скрытность, сильное поползновеніе къ обману (не говорю уже хитрости); что же до меня, то сцена эта имѣла наталкивающіе, побудительные значеніе и смыслъ. Всѣмъ, что мнѣ довелось узнать объ этомъ дѣлѣ впослѣдствіи, поспѣшу подѣлиться съ читателями въ слѣдующей статьѣ.

Теперь же считаю обязанностію своею досказать объ ижемцахъ все, что привелось мнѣ узнать въ весьма-недолговременное пребываніе мое между ними.

Волость Ижемская, значительно разбогатѣвшая въ недавное время, имѣвшая еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія деревянную церковь (и только въ одномъ селѣ Ижмѣ), теперь имѣетъ тамъ три богатыхъ, каменныхъ и еще четыре села. Во всякомъ случаѣ, эти обстоятельства, свидѣтельствуя о достаткѣ крестьянъ, несомнѣнно указываютъ такимъ богатствомъ на присутствіе въ характерѣ жителей волости предпріимчивости, толковости, находчивости, изворотливости—однимъ словомъ, всего, что характеризуетъ коммерческаго человѣка, будь онъ даже и дальной печорецъ, удаленный отъ главныхъ центровъ русской торговой дѣятельности. Въ послѣднія десятилѣтія видали малицу ижемца и въ Москвѣ, и на нижегородской ярмаркѣ, и въ костромскомъ Галичѣ: является онъ здѣсь, какъ представитель оптовой продажи скупленныхъ на родинѣ мѣховъ и тамъ же выдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ и лосинъ. Не гнушается ижемецъ и мелочной торговлей въ меньшихъ размѣрахъ по сосѣднимъ печорскимъ селеніямъ, доставляя туда все необходимое въ деревенскомъ быту и сбывая все это съ поразительною честностью и добросовѣстностью, нанесшими въ послѣдніе годы значительный ущербъ давнишной торговлѣ пермскихъ чердынцовъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ и по всѣмъ наглазнымъ пріемамъ, с какими повели дѣло ижемскіе зыряне, можно навѣрное предсказать, что въ недолгомъ времени Печора болѣе не увидитъ чердынскихъ каюковъ. Они уже и въ послѣдніе два года значительно уменьшились въ числѣ своемъ и въ количествѣ привозимыхъ ими товаровъ. Вотъ что говорятъ голые факты.

Слѣдивши далѣе за присущими особенностями въ характерѣ ижемца, помимо его скрытности и подозрительности, причины которыхъ, особенно послѣдней, рано еще объяснять печатно, невольно приходишь къ неменѣе замѣчательной особенности его. Это — безусловная вѣра старымъ преданіямъ въ быту домашномъ и общественномъ, и въ слѣпомъ повиновеніи ихъ подробностямъ безъ оглядки, безъ дальнихъ размышленій и строгаго анализа по требованіямъ вѣка и по неизбѣжной встрѣчѣ и знакомству съ жизнію столичной и большихъ торговыхъ городовъ. До сихъ еще поръ ижемцы, свято соблюдая, въ большей или меньшей степени, затворничество женскаго пола, не пуская жонъ и дочерей своихъ на глаза всякаго гостя (кромѣ крайне-почотныхъ), сохранили всю цѣломудренную чистоту нравовъ. Сравнительно съ сосѣднею Усть-Цыльмою (которая въ этомъ случаѣ значительное подспорье), Ижма, въ этомъ отношеніи, поразительна во всемъ Архангельскомъ краю, составляя удивительное, замѣчательное исключеніе. Сохраняя отъ старины нѣкоторыя игры и забавы: лѣтомъ на лугахъ бѣганья въ запуски, зимою катанья съ горъ, ижемцы установили и свято хранятъ обычай, позволяющій эти удовольствія дѣвушкамъ отдѣльно отъ молодцовъ. Только оглашонные женихи имѣютъ еще нѣкоторое право (и то весьма рѣдко) играть публично съ невѣстами. И здѣсь, сговорившись съ дѣвушкой, женихъ не видитъ ея до самаго дня свадьбы; та оплакиваетъ свою волю и въ роковой день является, закрытая фатой или платомъ. Въ этотъ платъ завертывается ломоть, отрѣзанный отъ свадебнаго благословеннаго каравая. Ломоть этотъ съѣдается потомъ молодыми до брачнаго стола, въ которомъ они не имѣютъ права участвовать, ограничиваясь только подчиваньемъ гостей, между которыми всегда дорогой и счастливой тотъ, который явился въ Ижму съ чужбины. Потому всегда стараются высматривать въ толпѣ свадебныхъ зрителей кого нибудь изъ усть-цылёмовъ и пустозёровъ. Зырянка, сдѣлавшись женой, становится съ той

поры и рабыней: если помощницой ея въ трудныхъ черновыхъ работахъ бываютъ по большей части самоѣдки и бѣдныя устьцылёмки, то все-таки уходъ за ребятами поглощаетъ у ней большую часть жизни. Зыряне, какъ извѣстно, плодятся изумительно, отъ достаточной ли жизни, или отъ постояннаго почти пребыванія отцовъ въ средѣ семействъ — рѣшить это положительнымъ образомъ не трудно. Но, чтобы нагляднѣе убѣдиться въ томъ, стоитъ только обратить вниманіе на деревенскія улицы въ солнечной день и на церкви въ большіе праздники: всѣ они до половины наполнены ребятишками.

Между другими остатками старины слѣдуетъ обратить вниманіе на обычай зырянъ въ день Богоявленія, послѣ освященія воды, кататься съ крикомъ и возможно быстрѣе на лошадяхъ и оленяхъ кругомъ селенія Ижмы и по улицамъ его. Этимъ, какъ говорятъ, прогоняютъ они злаго духа, побѣжденнаго святымъ церковнымъ обрядомъ. Обычай этотъ многознаменательнѣе въ селеніи Усть-Цыльмѣ, гдѣ онъ, впрочемъ, совершается въ крещенской сочельникъ, во время самаго освященія воды. Тамъ обрядъ отправляется холостыми ребятами. Они съ гикомъ, свистомъ и метлами въ рукахъ носятся изъ переулка въ переулокъ, изъ двора во дворъ съ тѣмъ, чтобы окончательно прогнать бѣса, обезсилѣвшаго отъ появившейся въ церквахъ святой воды.

Замѣчательно также то обстоятельство, что въ языкѣ зырянъ недавно явилось слово «грабить» всецѣло съ русскаго языка, до-тѣхъ поръ не вызывавшее необходимости. Какъ извѣстно, ижемцы десять лѣтъ тому назадъ не употребляли замковъ, замѣняя ихъ удобно деревянными задвижками, и то исключительно для блудливой рогатой скотины. Теперь и между ними стали появляться воры, по своему хитрые; такъ разъ являются къ богатому мужику двое изъ сосѣдей просить чего-то въ продажу: разговорились. Какъ-будто на зло имъ является другой (не участникъ дѣла) просить пимо̀въ. Хозяинъ посылаетъ жену свою поискать на чердакѣ залишнихъ, и та, вмѣсто пимовъ ухватилась за ноги въ пимахъ. Мошенникъ зарылся тамъ въ малицы, надѣясь обобрать все въ то время, когда его соучастникъ будетъ растабарывать съ хозяиномъ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторыя попытки злыхъ людей неоднократно вѣнчались успѣхами. Вообще старожилы жалуются уже на

порчу нравовъ и начавшееся пренебреженіе къ кореннымъ обычаямъ: на повсемѣстно распространившееся, особенно между молодымъ поколѣніемъ, куренье табаку; на излишное употребленіе вина и водки до буйнаго, опьянѣлаго состоянія; на частое посѣщеніе ими усть-цылёмскихъ раскольницъ; указываютъ даже на нѣкоторыхъ изъ своего женскаго населенія съ крайнимъ недовольствомъ и презрѣніемъ. И все-таки, попрежному, въ большіе праздники ходятъ по роднымъ угощаться чаемъ и обѣдомъ; и все-таки, тещи подчуютъ зятьевъ своихъ сметаной, намѣчая въ чашкѣ предварительно по три раза крестъ ложкой; и все-таки, по старинному, богачи, снабжая деньгами въ займы своихъ бѣдныхъ единоплеменниковъ, заговариваютъ у нихъ честное слово не сказывать о томъ никому, на томъ основаніи, что бѣднякъ знаетъ богатаго и, безъ повѣстки, съ нуждой своей придетъ къ нему. Обвѣсившись зеркалами и картинами, выкрасивши полы свои краской и обивши стѣны московскими обоями, зыряне все-таки бросаютъ куды ни попало скорлупу орѣховъ и сигарные окурки, и все-таки предпочитаютъ снять съ блюда приглянувшійся жирной кусокъ прямо пальцами, хотя и давно уже высмотрѣно ими и приложено къ дѣлу употребленіе ножей и вилокъ. Попрежному же, они около Николина дня (6-го декабря) сгоняютъ къ селенію своему оленей; и попрежному же бьютъ ихъ изъ ружей, полагая въ томъ потѣху и истинное свое наслажденіе; и попрежному они привязываютъ къ церковной оградѣ тѣхъ оленей, которыхъ жертвуютъ на увеличеніе церковнаго благолѣпія. Пожертвованные олени, лошади, бараны и телята, при окончаніи службы, продаются церковнымъ старостою желающимъ, а выручонныя деньги поступаютъ въ церковную кружку, или на украшеніе храма, или на пособіе церковникамъ. Богомольной зырянинъ всегда готовъ приставить свѣчу къ домашной иконѣ, хотя бы и не было особеннаго побудительнаго къ тому случая, приговаривая: «авось, Богъ мнѣ и проститъ какой грѣхъ!» и всегда готовъ *нарѣзаться* виномъ до омертвѣнія силъ во всякой праздникъ, и даже далеко до обѣдни. Если нѣкоторые въ украшеніи храмовъ зырянами видятъ простое тщеславіе, оправдываемое только слишкомъ дальною, заискивающею цѣлью, все же въ ижемцахъ, разъ навсегда, должно признать положительную честность, патріархально блюдомую во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ. Дав-

ши слово, зырянинъ вѣренъ ему до гробовой доски. Этотъ общій слухъ основанъ на множествѣ повсемѣстныхъ фактовъ.

Слѣпая приверженность къ старинѣ, съ другой стороны, породила (какъ и естественно) между зырянами ту простодушную простоту, которая, по народному присловью, хуже воровства и, по общимъ законамъ природы, служитъ на горе и подчасъ на несчастіе самаго простодушнаго простака. Такъ зыряне, любя принять и угостить гостя, сами, въ свою очередь, сильно любятъ угощенія, полагая въ томъ свое благополучіе, и видятъ уваженіе къ своей личности во всякомъ поклонѣ сторонняго человѣка, хотя бы человѣкъ этотъ и дѣлалъ то преднамѣренно, съ заискивающею цѣлію. Тутъ зырянинъ забываетъ все стороннее, всѣ свои выгоды и сдѣлки, и чтитъ гостепріимство какъ гостепріимство, и забываетъ (если только не прощаетъ) долгъ въ 6,000 р. асс., какъ и сдѣлалъ одинъ изъ ижемцовъ, за то только, что, при первомъ пробужденіи его въ домѣ должника, были ему готовы лошади, чтобы ѣхать на завтракъ, потомъ на обѣдъ и на вечерное угощеніе, всегда обильное, сытное и жирное, и готовъ даже, въ простотѣ сердца, прихвастнуть (вернувшись домой безъ денегъ, но съ подарками) тѣмъ почотомъ, который получилъ онъ отъ толковыхъ и истинно уже хитрыхъ должниковъ своихъ. За-то скупъ онъ до крайности и кремнемъ смотритъ на все то, что зарыто и заперто въ его большихъ, кованныхъ сундукахъ. Таковы, по-крайной мѣрѣ, ижемскіе зыряне стараго закалу! Они умѣютъ бражничать, умѣютъ и копѣйку зашибать. Однихъ замшевыхъ заводовъ у нихъ насчитывается до 30-ти. Никакою статьею произведеній печорскаго края они не брезгаютъ. Птица, рыба, оленьи шкуры, рога, языки, сало оленье и говяжье, масло коровье, песцы, лисицы, куницы, выдры, моржовая и мамонтовая кость (рога), пухъ и перья, гагарьи шейки и проч.,—все въ рукахъ ижемскихъ зырянъ, этой смѣси коренныхъ зырянъ съ людьми русской крови новгородскаго происхожденія. Съ товаромъ своимъ они вездѣ поспѣваютъ и на Никольскую ярмарку въ Пинегѣ, и на Евдокіевскую въ Архангельскъ, въ Кострому и Галичъ, въ Москву и Нижній. Неизвѣстно, что выработаетъ себѣ и чѣмъ заявится новое поколѣніе; но пусть оно будетъ также стойко въ данномъ на честь словѣ; пусть будетъ также изворотливо въ коммерческихъ предпріятіяхъ и не гнушается мелочными изъ нихъ

сначала, пусть будетъ также патріархально, единодушно и взаимно помогать другъ другу; пусть также меньше пьетъ вина, которое положительно гибельно для всякаго неразвитаго человѣка, тѣмъ болѣе полудикаго инородца (самоѣды спились и спились окончательно!); и пусть, наконецъ, меньше обижаютъ они этихъ самоѣдовъ, т.-е. совсѣмъ перестанутъ выѣзжать съ бочками хлѣбнаго вина въ тундру. Въ этомъ, кажется, все благо, все богатое будущее толковой Ижмы!..

6. ТУНДРА.

Физическій видъ ея и нравственное значеніе по отношенію къ промысламъ.—Горностаи.—Куницы.—Песцы.—Зайцы.—Орудія ловли лѣснаго звѣря.—Дикіе олени и олени домашніе.

—

Начинаясь у прибрежныхъ песковъ рѣки Мезени и въ дряблыхъ, но еще высокихъ и густыхъ кустарникахъ, обрамляющихъ лѣсистые берега этой рѣки, повыше города Мезени, тундра *), названная по имени этихъ рѣки и города, безпривѣтной пустыней тянется до береговъ дальной Печоры. Слишкомъ тысяча верстъ легла на этомъ безлюдьи и пять-сотъ верстъ прошли отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается безграничная равнина Ледовитаго моря, закованнаго въ гранитные берега до тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которыми обросли южныя половины уѣздовъ Мезенскаго и Пинежскаго, и которые извѣстны подъ именемъ *тайболъ*—нижной и верхней. Начинаясь на сѣверѣ голымъ морскимъ гранитомъ, тундра потянулась къ югу огромнымъ болотомъ со всѣми его характеристическими особенностями: почти сплошнымъ зыбуномъ, мѣстами ржавымъ изъ избытка желѣзныхъ рудъ, мѣстами бѣлымъ отъ огромнаго количества расту-

*) Мезенская тундра называется *Канинскою* на Каниномъ полуостровѣ, *Тиманскою* между Чешской губой и Печорой и *Большеземельскою* между Печорою и Уральскимъ камнемъ. Тамъ гдѣ болотъ нѣтъ и являются моховыя пастбища, тундра называется уже *лаптою* или *гладью*. Таковы въ Тиманской тундрѣ: Малая-Земля и Морская Лапта, въ Большеземельской: Воронова Гладь и Колвинская Лапта.

щаго на немъ ягиля (бѣлаго оленьяго моху). Кое-гдѣ мелькаютъ по зыбуну этому тѣ *чернѣины* — по туземному тѣ водные источники — попросту, которые всегда любятъ обставлять себя (по общимъ законамъ природы) цѣлыми рощами деревьевъ, хотя бы даже и скудными и приземистыми, какъ на этотъ разъ. Рѣки эти, рѣчонки, ручьи, огромныя озера и простыя *ка́лтусы* (болота, покрытыя сверху водою) образовались преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тундра — эта чорная грязь, на половину съ пескомъ и сгнившими корнями водорослей, насквозь прохваченная обильною влагою—не могла держать въ себѣ воду, а тѣмъ болѣе произращать на поверхности своей что-нибудь живое и прозябающее. Тамъ, гдѣ влажная тундра какъ бы истощается въ своихъ силахъ и перестаетъ обильно выдѣлять изъ себя воду, являются кочки, какъ бы остатки старыхъ древесныхъ пней на значительномъ пространствѣ, по лѣтамъ вплотную почти усыпанномъ кустами сочной и крупной морошки, водянистой вороницы и только въ южныхъ частяхъ тундры—малиной. Кочки эти—*веретѣи*—единственныя почти сухія мѣста по всей тундрѣ, еще способныя держать ногу человѣка и волка, хотя тоже не имѣютъ въ себѣ на столько питательныхъ соковъ, чтобы произращать что-нибудь красивѣе и выше *сланки* — этого уродливаго, колѣнчатаго, вьющагося плющомъ можжевельника, въ 1/4 аршина вышиною. И на всемъ этомъ пустынномъ пространствѣ право исключительнаго господства принадлежитъ только волку, да оленю, да мелкимъ лѣснымъ звѣрямъ; человѣкъ здѣсь временной гость, и то по зимамъ. Лѣтомъ, когда отъ жаркихъ солнечныхъ лучей отойдетъ тундра, разстаявъ на 3/4 аршина въ глубину, и покроется даже кое-гдѣ зеленью, являются цѣлыя облака комаровъ и оводовъ, преимущественно тамъ, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ зелень эта и гдѣ нѣтъ вблизи прохлады, выдѣляемой глубокими озерами и прозрачными рѣками тундры. Съ приближеніемъ мрачной, богатой густыми туманами осени, все это исчезаетъ безъ слѣда; верхній слой тундряныхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтніе мѣсяцы, начинаетъ застывать и въ концѣ января становится сплошною ледяною массою, способною держать на поверхности своей глубокіе, ослѣпительной бѣлизны снѣга. Одни только самыя жидкія и самыя зыбкія болота не замерзаютъ во всю зиму, продолжая выдѣлять изъ себя обильные пары сѣроводород-

наго газа. И такихъ много по тундрѣ, и вся она съ января уже скована въ одну плотную ледяную массу, представляя такую же огромную равнину, какъ лѣтомъ, но на этотъ разъ снѣжную и, стало быть, еще болѣе безпривѣтную, еще болѣе мертвенную, хотя и значительно чаще-посѣщаемую человѣкомъ. Правда, что (почти черезъ всю зиму) въ рѣдкую недѣлю не безпокоятъ снѣга тундры сильныя погоды разнаго рода: *падь*— пушной, крупной, хлопьями снѣгъ, застилающій свѣтъ Божій; *поносуха* — когда одинъ только вѣтеръ распоряжается уже наметанной падью, готовымъ снѣгомъ, перенося его огромными охапками съ одного мѣста на другое и съ этого на третье, четвертое и т. д.; *хи́вусъ*—исключительная особенность полярныхъ и приморскихъ странъ — та же обильная падь, но при сильныхъ вѣтрахъ и *за́метеляхъ*, когда валитъ снѣгъ сверху и несетъ его съ боковъ и снизу; *рянда*—тотъ же густой снѣгъ, но падающій при теплой погодѣ въ мокромъ состояніи; *чи́деги*— весьма мелкіе, но частые дожди при густомъ туманѣ и преимущественно при горныхъ вѣтрахъ, и т. д. Но за-то въ другое время, когда не поднимается этихъ погодъ и страшные, полярные холода затягиваются надолго, стоятъ недѣлю, другую и больше, невозмущаемые вѣтрами—въ сѣверной сторонѣ неба играютъ красивые, свѣтлые *споло́хи* (сѣверныя сіянія). При свѣтѣ ихъ и луны, почти полмѣсяца гуляющей по звѣздному небу, творится иная жизнь, своеобразная, но полная интереса и практическаго значенія для временныхъ посѣтителей тундры. Это время особенно дорого и для самоѣда, изъ вѣковъ хозяина тундры, и для русскихъ, недавнихъ выселенцовъ на тѣ мѣста ея, гдѣ прошла рыбная рѣка своимъ устьемъ и гдѣ встрѣчается гранитъ, къ которому прицѣпляетъ мезенецъ свою утлую избенку.

Въ это время, и особенно въ началѣ зимы, начинается періодическое переселеніе лѣснаго звѣря, какъ говорятъ, изъ странъ зауральскихъ, и значительное передвиженіе тѣхъ лѣсныхъ звѣрей (горныхъ, по туземному названію), которые выбрали себѣ тундру мѣстомъ постояннаго пребыванія. Огромными вереницами въ тѣсныхъ рядахъ, бѣгутъ, подъ предводительствомъ своего королька, горностаи — эти крысы, выродившіяся въ поразительно бѣлаго, въ уродливо-длиннаго звѣрка съ чорнымъ мягко-пушистымъ хвостикомъ. Въ различныхъ,

безконечно прихотливыхъ изгибахъ и полосахъ по снѣжной тундрѣ намѣчаютъ они слѣды своими круглыми лапками, заостренными крошечными пятью ноготками. Бѣгутъ они, серебрясь на солнышкѣ шкурками, въ прямомъ направленіи на сѣверъ, гдѣ предполагаютъ найти себѣ любимую свою мясную и рыбную пищу въ остаткахъ отъ трапезы блудливаго волка, жадной лисицы и зловѣщаго ворона. Обезнадеженные скудостью пищи въ придорожныхъ мѣстахъ Большеземельской тундры, горностаи разбиваютъ огромную массу свою: по Мезенской тундрѣ они уже разсыпаются отдѣльными, небольшими отрядами и все-таки бѣгутъ подъ предводительствомъ одного вожака, опытнаго и надѣленнаго отъ природы бо́льшимъ инстинктомъ. Посчастливитъ имъ судьба—они, съ первыми признаками весны, поспѣшатъ возвратиться опять на старыя мѣста; измѣнятъ вожаку его инстинктъ и опытность—они дѣлаются добычею *пастей*. Всегда голодные, всегда бѣгающіе по тундрѣ для прійсканія пищи, горностаи охотно хватаютъ всякой кусочекъ рыбы и мяса, хоть бы кусочки эти и были приманкой, положонной на *насторожку* (дощечку) *кулемки* (особаго снаряда съ такимъ механизмомъ, что насторожка соединяется съ другой дощечкой—гнетомъ). Наступитъ вожакъ на насторожку, чтобы достать кусочекъ, верхній гнетъ опускается и тяжестью своей придавливаетъ головку звѣрка. Всѣ другіе изъ ватаги горностаевъ, оставаясь безъ предводителя, нѣкоторое время бѣгутъ кучей и потомъ разсыпаются въ одиночку, когда уже легче гибнутъ они или отъ тѣхъ же кулёмокъ, которыхъ такое несмѣтное количество привязано къ лѣсинкамъ по всѣмъ тундрамъ (и собственно Мезенской и Тиманской, и Канинской) или дѣлаются добычею кровожадной лисицы. Одновременно съ горностаями является въ тундрѣ и рѣдкая гостья—куница. Вырывая себѣ нору, звѣрекъ лежитъ тамъ, *уркаетъ* (говоря мѣстнымъ выраженіемъ) и какъ-будто выжидаетъ чуткой собаки, которая указала бы хозяину это мѣсто. Приходитъ звѣропромышленникъ, сгребаетъ снѣгъ съ указаннаго собакой мѣста, прислушивается къ урканью и затѣмъ начинаетъ стучать, выпугивать звѣря изъ норы. Куница выскакиваетъ, но немедленно же попадаетъ въ сѣти, заранѣе разставленныя кругомъ роковой норы ея. Не то съ песцами — этими аборигенами тундры, въ огромномъ коли-

чествѣ населяющими ее и составляющими главный предметъ звѣриныхъ промыслокъ.

Песецъ (*псецъ*, по-туземному выговору), какъ бы выродившаяся собака, съ сиповатымъ, густымъ голосомъ, похожъ на лисицу: съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и съ меньшими и кругловатыми ушами, чѣмъ у послѣдней. Вырывая себѣ норы со множествомъ выходовъ, песцы, называемые вешняками, въ апрѣлѣ уходятъ туда щениться и теряютъ въ это время всю свою бѣлую шерсть. Щенки ихъ, называемые въ это время норниками, въ іюнѣ подростаютъ, хотя еще отецъ и мать ихъ остаются попрежному безобразно голыми; въ августѣ являются и отецъ, и мать, и сами щенки-норники уже крестоватиками, съ сѣрой спиной, пересѣчонной крестообразно сѣрыми же полосами, идущими надъ лопатками. Въ октябрѣ, на короткое время, крестоватики превращаются въ *голубцовъ—чалковъ* одноцвѣтно-сѣрыхъ съ незапушившеюся еще шерстью (и потому не́допесцовъ) и только около Николина дня (въ декабрѣ мѣсяцѣ) являются они настоящими песцами (*ро́слопесцами*) съ совершенно уже бѣлою шерстью *). Сверкая ею на солнышкѣ и рѣзко отливая ее отъ окрестнаго снѣга, бойко бѣжитъ песецъ за добычей одинъ, рѣдко вдвоемъ; пушистой хвостъ его заметаетъ слѣдъ; на всемъ пути не попалось ему ни одной кулемки, ни одной западни: видно, добѣжать ему до озера и вытащить оттуда рыбу на лапкѣ; видно, и опять ему придется бѣжать тѣмъ же путемъ не одинъ разъ впередъ и обратно. Поднявши голову, песецъ продолжаетъ бѣжать все впередъ; повертывая по-временамъ головой и обнюхивая окрестной воздухъ, звѣрокъ настораживаетъ круглыя свои уши, дрожитъ весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесла струя воздуха до чуткаго носа его незнакомый, враждебный

*) Голубые песцы вообще рѣдкость въ природѣ и потому особенно дороги; въ Мезенской тундрѣ они не попадаются, а живутъ почти исключительно на Новой-Землѣ, равно какъ и на Колгуевѣ; относятся и бѣлые песцы на льдахъ, на которые они набѣгаютъ. Голубые песцы подвержены тѣмъ же измѣненіямъ въ шерсти, съ тою только разницою, что они голубѣютъ по всѣмъ частямъ тѣла, когда спина еще остается сѣрою. Академикъ Лепехинъ, разбирая сходство песца съ лисицой, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «я держалъ песца съ лисицами въ одномъ амбарѣ; лисицы между собою вязалися; напротивъ того, съ песцомъ никакого союза примѣтить не могъ».

запахъ человѣка; наконецъ, и зоркіе глаза его уже не обманываютъ: изъ лѣсу показался мезенецъ верхомъ на лошади и съ ружьемъ. Звѣрокъ не вѣритъ близости несчастія, не возвращается назадъ, а, приподнявшись, продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все впередъ да впередъ, попрежному сверкая на солнышкѣ своей серебристой, соблазнительной шкуркой. Человѣкъ, между-тѣмъ, зная обычаи звѣрка, старается его *облукавить:* всякой разъ, когда бѣгущій звѣрокъ оглянется, онъ повертываетъ лошадь въ сторону и какъ-будто ѣдетъ мимо. Звѣрокъ простодушно вѣритъ человѣку, начинаетъ бѣжать замѣтно тише, какъ бы старается отдохнуть и, наконецъ, совсѣмъ припадаетъ на снѣгъ и не встаетъ во все время, пока врагъ его дѣлаетъ на лошади круги все больше и больше, все ближе и ближе, на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Песецъ продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, зорко прослѣживая за кругами лошади, не сводя своихъ чорненькихъ глазъ съ рокового мѣста, и, наконецъ, окончательно прикурнетъ головкой въ снѣгъ, закроетъ мордочку своими лапками, когда заприметитъ ружейное дуло: какъ будто потерявшись окончательно въ надеждахъ, онъ не находитъ инаго спасенія и другаго исходу. Пуля, пускаемая всегда вѣрною и опытною рукою, попадаетъ прямо въ голову и подкидываетъ звѣрка въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ и потомъ разъ перебрасываетъ съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обагренному теплой, красной кровью. Здѣсь песецъ въ явной и почти ровной борьбѣ съ человѣкомъ, который, въ тоже время, живится на его счотъ и другими путями, по большей части въ тѣхъ случаяхъ, когда звѣрь еще не вытравленъ изъ норы. Обыкновенно, услышавши то же урканье, приставляютъ къ норкѣ капканы—желѣзныя западни, въ которыхъ звѣрь ломаетъ лапу, но уже не вытаскиваетъ ее назадъ; также ставятся *черканы* *), въ которыхъ песцамъ сжи-

---

*) *Черканъ* — доска съ дырой, въ которую могъ бы пролѣзть песецъ; по бокамъ дыры — *захабы* (планки), сдѣланныя для того, чтобы въ нихъ входила лопатка. Къ лопаткѣ этой придѣлывается тетива отъ *крѣневаго* (деревяннаго) лука, помѣщаемаго обыкновенно внизу доски или собственно черкана. Звѣрь, выходя изъ норы, обыкновенно долженъ просунуть голову въ отверстіе черкана и въ тоже время наступаетъ на лукъ, который спус-

мается голова; или схватывается середина туловища; и, наконецъ, тѣже *кулемки*, но съ тою только разницою, что песцовыя дѣлаются ящикомъ, чтобы сохранить попавшагося звѣря отъ его же собрата—песца, который можетъ придти сюда и съѣсть несчастнаго безъ дальныхъ размышленій.

Зайцовъ, которыхъ такъ много по тундрѣ, ловятъ обыкновенно на петлю, сдѣланную изъ бѣлыхъ, тонкихъ, но крѣпкихъ нитокъ. Петлю эту вѣшаютъ на приподнятой бчапъ и наставляютъ его на тропѣ, которую прокладываютъ зайцы. Днемъ звѣрь убѣгаетъ назадъ, при видѣ петли; за-то ночью всегда попадаетъ въ нее; при этомъ очапъ поднимается вмѣстѣ съ зайцомъ и такимъ образомъ давитъ его до смерти. Случается, впрочемъ, нерѣдко, что иные зайцы срываются и убѣгаютъ вмѣстѣ съ петлей.

Тѣми же снарядами, какъ песцовъ, ловятъ и лисицъ, которыя тоже выкапываютъ себѣ норы и съ тою же цѣлію, чтобы кидать тамъ щенятъ. Лисица мечетъ ихъ обыкновенно слѣпыми и уходитъ изъ норы за пищей, оставляя щенятъ своихъ на произволъ судьбы. Большею частію удѣлъ ихъ таковъ: позднею весною отыскиваютъ эти норы промышленники, по чутью собакъ или по личнымъ примѣтамъ; нору разламываютъ шестами, или, затыкая палками всѣ отверстія ея, выкуриваютъ потомъ дымомъ сначала самокъ-матерей, и крючьями уже вытаскиваютъ потомъ самыхъ щенятъ, лисьихъ или песцовыхъ *). Вытащеннымъ щенятамъ (иногда штукъ по 12 изъ одной норы) надламываютъ одну ногу и воспитываютъ ихъ потомъ въ избахъ, сначала на молокѣ, потомъ на кускахъ оленьяго мяса или рыбы. Нерѣдко они околѣваютъ отъ чаду и духоты; не-

---

каетъ тетиву, а съ нимъ и прикрѣпленную къ нему лопатку на отверстіе: такимъ образомъ лопатка эта придавливаетъ шею, середину туловища, задъ звѣря. Черканы теперь оставляютъ, замѣняя ихъ по большей части капканами, на томъ основаніи, какъ говорятъ поморы, «что иные-де черканы по недѣлѣ живутъ, а звѣрь лукавитъ, не лѣзетъ; хитеръ сталъ, хоть и смѣлъ отъ природы». Разъ облукавленный и уцѣлѣвшій, звѣрь охочь подаваться ловушкамъ.

*) Способъ выкуриванья особенно вреденъ потому, какъ извѣстно, что ни песецъ, ни лисица въ окуренную нору раньше десяти лѣтъ не вернутся — обстоятельство, заставляющее ихъ уходить дальше изъ Мезенской тундры.

рѣдко перегрызаютъ другъ другу горло, чтобы освободиться изъ плѣна: нерѣдко убѣгаютъ, и съ переломленной ногой, въ лѣсъ, улучивъ первый благопріятствующій случай; но большею частію доживаютъ и они до той поры, когда хозяину придетъ пора пустить ихъ въ дѣло (обыкновенно въ октябрѣ). Тогда, строго наблюдавшій за ними до той поры хозяинъ, обыкновенно наступаетъ ногой на сердце каждой лисицы поочередно и имѣетъ затѣмъ непопорченную, мягкую *пушнину*, которую легко можетъ сбыть за хорошую цѣну *), на пинежской ярмаркѣ, галицкимъ купцамъ. Любя въ полдень лежать въ норѣ, лисица охотница бѣгать по снѣгу въ лунную ночь и тогда обыкновенно выслѣживается охотниками, на лыжахъ. Мягокъ еще оставленный звѣремъ слѣдъ — онъ недалеко: пробираясь отъ лѣсинки къ лѣсинкѣ, осторожно ступая, лисица не любитъ бѣгать скоро, особенно если и охотникъ *у ней подъ вѣтромъ*, т. е. не доносится до ея чутья его вражій запахъ. Лисица тогда подпускаетъ охотника къ себѣ на ружейный выстрѣлъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ охотники прибѣгаютъ къ хитрости: они пищатъ по мышиному, легко ворочаютъ звѣря назадъ, и такимъ образомъ заманиваютъ его на вѣрную погибель.

Неизбѣгающая отъ ружейнаго выстрѣла, изрѣдка попадающаяся въ капканъ, лисица трудно дается и на отраву и на *ставки* **), такъ что всѣ эти способы исключительно при-

---

*) Вотъ послѣднія цѣны этой *пушнинѣ*: крестоватикъ — песецъ 25 - 50 коп. сер.; бѣлый песецъ 1 руб. 10 коп.—1 руб. 40 коп.; горностай 25—40 коп. пара; бѣлка 10—15 коп.; куница 2—4 руб. штука; чорной медвѣдь 8—20 руб. сер. шкура. Чорнобурая лисица по тундрамъ — замѣчательная рѣдкость.

**) *Ставка* — огромное полѣно, въ которое врѣзываются два ствола ружейныхъ (дулами врозь) такимъ образомъ, что имѣютъ одинъ кремневый курокъ. Курокъ этотъ при насторожкѣ приподнимается и слегка удерживается на пружинкѣ, къ которой привязана веревочка. Малѣйшее подергиванье веревочки спускаетъ курокъ. Къ веревочкѣ этой, проведенной на сторону, противъ дулъ, иногда сажень на 5 длиною, привязываютъ наживку: кусочекъ сала, мяса, и проч. обыкновенно на оленьей косточкѣ. Ставка эта зарывается въ снѣгъ; дула отъ сырости накрываются тряпкой. Звѣрь хватаетъ наживку, дергаетъ веревочку и, спустивши курокъ, такимъ образомъ самъ вонзаетъ въ себя пулю изъ котораго нибудь дула (въ медвѣдя и волка попадаютъ обѣ). Не всякій звѣрь пропадаетъ отъ ставки, какъ увѣряли меня многіе, особенно хитритъ въ этомъ плутоватая лисица: она

годны для однихъ волковъ (медвѣдь гнушается и не признаетъ ни одной изъ ловушекъ; съ легкостью щепы ломая всѣ кулемки, капканы, ставки, черканы, онъ идетъ только на ружье—на очную, благородную ставку и на невсегда вѣрную погибель). Волкъ—изъ вѣковъ хищный, вѣчно голодный, вѣчно бродящій попарно и въ стаяхъ, всегда хитрый и предусмотрительный, съ неизбѣжнымъ своимъ раздирающимъ душу воемъ, всегдашной непріятель смирныхъ и беззащитныхъ—и здѣсь, въ тундрѣ, является врагомъ и ненавистнымъ страшилищемъ для оленей. Стада волковъ этихъ вырѣзаютъ иногда довольно значительные косяки въ оленьихъ стадахъ, иногда истребляя за одну ночь все достояніе какого-нибудь бѣдняка-самоѣда. Носясь по тундрѣ широкими прыжками (бóльшею частію въ небольшихъ стаяхъ), волки нападаютъ на оленя сзади, прогрызаютъ ему горло и потомъ съѣдаютъ его всего, оставляя одни только кости. Не находя оленей по пути, или напуганный выстрѣлами бдительнаго сторожа ихъ самоѣда, волкъ охотно хватаетъ отраву. Отрава эта или по туземному — *привáда*, состоитъ обыкновенно изъ сулемы или цилибухи, растертой на терпугѣ. Цилибуха смѣшивается съ тѣмъ же оленьимъ мясомъ, нарубленнымъ кусками, или съ кусками ворваннаго сала, съ цѣлію

часто оберетъ всѣ разбросанные кусочки, которыми замаскировываютъ главной кусокъ наживки, и ни въ какомъ случаѣ до нее не дотронется. Часто находятъ курокъ спущеннымъ, оба дула безъ зарядовъ, но не видятъ убитаго звѣря. И тутъ плутни лисицы: она выгребетъ осторожно глубокую яму подлѣ наживки, ложится въ яму возможно уютнѣе, срываетъ лапкой роковой кусокъ и стрѣляетъ изъ ставки поверхъ себя, на вѣтеръ. Но охотникъ и это предусмотрѣлъ, и въ этомъ случаѣ является побѣдителемъ: онъ кругомъ наживки разматываетъ и привязываетъ къ ней подъ снѣгомъ сѣтки, какія плетутъ для птицъ-куроптелей. Лисица путается въ нихъ и дѣлается уже добычей съ цѣльной шкурой. Извѣстна также хитрость лисицы въ этомъ случаѣ, когда она прячетъ замаскировываетъ свои слѣды слѣдами, заранѣе проложенными зайцемъ, какъ уже окончательно безопасными; но и здѣсь звѣроловъ не дается въ обманъ: онъ осторожно и терпѣливо поднимаетъ снѣгъ, подкладываетъ туда капканъ и немилосердно сердится и бранится потомъ, если въ капканъ этотъ попадается не лисица, а другой заяцъ. На ставку также охотно идетъ и безтолковая россомаха, но ее, какъ и бѣлокъ, стрѣляютъ больше изъ пищалей и дробовокъ.

отшибить характеристическій запахъ растенія *). Все это въ формѣ колобковъ (счотомъ штукъ до сорока) складывается въ оленью брюшину и, завязанное оленьими же жилами и замороженное, зарывается въ снѣгъ, гдѣ нибудь у кустарника, къ которому отраву эту и привязываютъ веревкой. При этомъ замѣчаютъ, что за отраву хватаются бо̀льшею частію молодые волки и околѣваютъ потомъ не дальше ста саженъ отъ роковаго мѣста; но что старые волки не только не ѣдятъ ее, но даже предостерегаютъ и молодыхъ, почасту ложась на то мѣсто (хитрая лисица объѣдаетъ отраву эту только съ верху и тотчасъ же отбѣгаетъ, помахивая головой и фыркая). За то старые волки дѣлаются добычей другой приманки (сулемы, обвернутой обыкновенно въ воскъ, которому даютъ, по старому обыкновенію, форму бочоночка и которой намазываютъ по поверхности кровью, ворваннымъ саломъ, опять-таки для того же, чтобы удалить недавное присутствіе человѣческой руки на этомъ мѣстѣ). Иногда—и то самые смѣлые изъ охотниковъ—прибѣгаютъ къ болѣе простому средству истребленія волковъ. Выбравши то время, когда вѣтеръ несетъ къ лѣсу, промышленники бросаютъ эти прива̀ды (обыкновенно въ этомъ случаѣ па̀даль) около своихъ избенокъ-караулокъ и съ заряжонными ружьями ждутъ появленія звѣрей. Сначала являются лисицы: эти ѣдятъ и дерутся, перехватывая другъ у друга куски изъ лапъ и даже прямо изъ зубовъ; немедленно приходятъ волки: эти ѣдятъ жадно, но ѣдятъ дружелюбнѣе лисицъ. Иногда на подобнаго рода приманку приходитъ столько звѣрей, что количество убитыхъ въ одинъ вечеръ награждаетъ охотниковъ за половину зимняго промысла, требующаго, во всякомъ случаѣ, огромнаго терпѣнія, не безъ крайнаго, конечно, умѣнья и ловкой предусмотрительности. Любой изъ тундряныхъ звѣрей не легко дается въ руки: тотъ же волкъ, который любитъ *жировать* (жить) въ норѣ, какъ песцы, лисицы и куницы,

---

*) При намазываніи приманки соблюдаютъ непремѣннымъ условіемъ то, чтобы она была покрыта именно тѣмъ веществомъ, которое любятъ звѣри въ тотъ годъ. По понятію и примѣтамъ звѣролововъ, тундряные звѣри въ одинъ годъ предпочитаютъ ворвань, въ другой любятъ рыбу, въ третій мясо, падаль и т. д. Замѣчаютъ также, что отрава изъ цилибухи исключительно дѣйствуетъ только на тѣхъ животныхъ, которыя родятся слѣпыми.

строго блюдетъ за своей норой и ни за что не заявитъ этого мѣста врагу-человѣку. Если оленье стадо случайно подойдетъ къ его берлогѣ, волкъ не спрячется въ нее, а спокойно отойдетъ въ сторону и уйдетъ, пожалуй далеко оттуда къ другому стаду и тамъ начнетъ промышлять все-таки для того же, чтобы не узнали норы его.

Въ нѣкоторые годы всѣ эти звѣри: горностаи, песцы, лисицы и даже волки *текутъ за пестрою и бѣлою мышью-пеструшкой*, и тундра на время пустѣетъ. Переселенія эти, случающіяся обыкновенно разъ въ четыре года и всегда всѣмъ почти количествомъ наличнаго звѣря опустошаютъ, однако, тундру на время. Черезъ два-три мѣсяца она снова наполняется вновь прибѣгающими звѣрями, а не рѣдко и старыми, вернувшимися, и снова манитъ звѣролововъ на промыселъ и на вѣрной и богатой барышъ.

Когда-то по тундрѣ водились огромныя стада дикихъ оленей, надѣленныхъ отъ природы способностью никогда не дѣлаться ручными и домашними, и отличающихся отъ послѣднихъ только болѣе быстрымъ бѣгомъ и прирожденною ненавистью къ нимъ. Теперь бо́льшая часть стадъ этихъ оленей ушла въ самыя глухія, въ самыя безлюдныя мѣста, каковы окрестности сѣверной оконечности Уральскаго Камня, даль Канинскаго полуострова, наконецъ острова Вайгачъ, Колгуевъ и Новая-Земля. Тамъ они уже безопасно могутъ прыгать по дѣвственнымъ гранитнымъ скаламъ, не боясь, что самоѣдъ пришлетъ къ ихъ дикому стаду домашняго оленя, съ напутанными на рога петлями и веревками, съ которымъ бы имъ привелось драться, запутаться рогами въ веревкахъ и, стало быть, поддавшись хитрости, погибнуть. Теперь, такимъ образомъ, тундра сдѣлалась почти исключительнымъ, необходимымъ и единственнымъ въ тоже время мѣстомъ жительства для домашнихъ оленей, бо́льшая часть стадъ которыхъ принадлежитъ ижемскимъ зырянамъ, потомъ жителямъ Пустозерской волости, мезенцамъ, меньшая усть-цылёмамъ, и самая малая, сравнительно ничтожная, самимъ самоѣдамъ (имѣющимъ, впрочемъ, всѣ права на исключительное обладаніе тундрой).

Безполезная по виду и ничтожная сама по себѣ, растительность тундряныхъ болотъ—ягель, или проще—бѣлый оленій мохъ одинъ и исключительно обусловливаетъ всю важность

значенія тундры для этихъ небольшихъ животныхъ, съ тонкими, короткими ногами, съ хвостомъ, находящимся въ зачаточномъ состояніи, съ вѣтвистыми рогами—именно этихъ красивыхъ оленей, которыхъ причисляютъ обыкновенно къ породѣ лапландскихъ. Ни одно животное, какъ давно и положительно извѣстно, не приноситъ столько существенной пользы и не служитъ бóльшимъ подспорьемъ въ жизни сѣверныхъ людей, какъ это, и ни одно, въ тоже время, не нуждается на столько мало въ личныхъ услугахъ и уходѣ за нимъ человѣка, какъ тотъ же олень мезенской тундры. Чоловѣку онъ не обязанъ положительно ничѣмъ: такъ же свободно и на вольномъ просторѣ родится онъ, черезъ 40 недѣль по зачатіи, теленкомъ, гдѣ нибудь на лѣсной окраинѣ и когда весенній снѣгъ начнетъ таять, и также съ первыхъ же недѣль по рожденіи (обыкновенно на четвертой), вмѣстѣ съ молокомъ матери, становится необходимымъ для него лакомый мохъ-ягель. Три, впрочемъ, первыхъ дня новорожденный не поворотливъ; но черезъ недѣлю уже такъ быстръ на бѣгу, что поймать его невозможно. Мать всегда при немъ и крикомъ, топаньемъ передними ногами предупреждаетъ его о близости врага; пыжикъ тотчасъ припадаетъ къ травѣ или заваливается за высокія тундряныя кочки. Родись теленокъ раньше весны, ему не прошибить молодымъ и еще не сильнымъ копытомъ того толстаго слоя льда, который хранитъ подъ собой этотъ мохъ; но природа идетъ за него: тающій снѣгъ оголяетъ мхи, и олень-*теленокъ* легко, черезъ лѣто, дѣлается *пыжикомъ*; потомъ, черезъ годъ — *хóрой*, если онъ самецъ, и *сырицой*, если самка. Отелившаяся, въ свою очередь, сырица начинаетъ быть *вàженкой*, а самецъ—хора—*лоншакóмъ*. Такъ же точно: какъ кладеной, лоншакъ зовется послѣ того *быкомъ* и употребляется для ѣзды, вàженка, лишонная отъ природы способности телиться, зовется *хàпторка* и *яловая*, если она и рожала, да годъ послѣ того *не обходится* *). Лѣтомъ (въ іюнѣ и іюлѣ) взрослые олени обыкновенно линяютъ и дѣлаются къ осени или сѣрыми, или бѣлыми, или коричневыми; въ августѣ они скоблятъ свои рога, въ октябрѣ ихъ сшибаютъ и олени

*) Уродливость рожденія теленка отъ теленка называется *неудый*. Теленокъ, или лучше пыжикъ, прожившій долѣе мѣсяца, называется *неблюй*.

остаются комолыми во всю зиму до весны, когда опять наростаютъ рога, въ видѣ сосудистаго нароста, покрытаго множествомъ бородавокъ, который потомъ припухаетъ и вздувается, вслѣдствіе отложенія внутри костянаго начала, выходящаго въ видѣ роговъ, покрытыхъ кожицей, нѣжной, очень раздражительной и наполненной кровью *). Олень скучаетъ во все это время: укрывается въ тѣни и влагѣ, поникаетъ головою, боязь ежеминутно разбередить свои новые рога. Черезъ девять недѣль по рожденіи, рога молодаго оленя окончательно готовы, кожица остается еще на нихъ, но обтирается потомъ животными о деревья. Рога эти у молодыхъ бываютъ бѣлые, у оленей средняго возраста—бурые, а у стариковъ—совершенно чорные; на третій годъ у оленя на рогахъ шесть концовъ, на четвертый — восемь (по четыре на каждомъ), на пятый — десять и т. д.

Робкіе по виду, терпѣливые до послѣдней степени, олени, сильно свыкшіеся съ холодами полярной страны, въ короткое лѣто, на три только мѣсяца посѣщающіе тундру, терпятъ муки, равняющіяся тремъ годамъ возможныхъ для нихъ страданій: будь эта поѣздка аргишомъ съ кладью, съ сѣдоками, долгія ожиданія хозяевъ гдѣ нибудь у дверей сельскаго кабака, безъ пищи иногда по цѣлымъ суткамъ; будь это, наконецъ, даже зимнія пурги, силою своею сшибающія оленей съ ногъ и слѣпящія имъ глаза—все это ничего передъ тѣми страданіями, которыя испытываютъ олени по лѣтамъ. Миріады комаровъ, покрывающихъ въ то время тундру, оводы, проѣдающіе кожу животнаго и оставляющіе подъ нею свои яички, которыя превращаются потомъ и тамъ же въ насѣкомое, заставляютъ оленей съ храпомъ бѣгать кругами, до истощенія силъ, или спасаться въ ближнихъ рѣкахъ или озерахъ. Олень заходитъ туда по самую шею и стоитъ тутъ иногда по цѣлымъ суткамъ и—это единственное спасеніе ихъ. Человѣку-хозяину опять-таки рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того: пусть ноютъ и гноятся у оленей копыта послѣ гололедицы: пусть бьетъ въ голову, когда, послѣ вымочившихъ ее дождей, замерзаетъ она

---

*) Сосудистый наростъ этотъ нѣкоторые считаютъ тонкимъ гастрономическимъ кушаньемъ.

отъ мгновенно закрутившихся холодовъ; пусть прибѣгаютъ и рѣжутъ оленьи стада волки—человѣкъ-сторожъ покрутитъ головой, опять пересчитаетъ стадо, опять не досчитается, но помочь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ, по закоренѣлому неумѣнью и по природной лѣни. Это обстоятельство оправдываетъ ту повсемѣстную распространенность повальныхъ болѣзней всякаго рода и особенно сибирской язвы, которая, проходя изъ конца въ конецъ тундры, словно вихремъ, валитъ съ ногъ всѣ стада оленьи, и уже не поднимаетъ ихъ во-вѣки! Цѣлыми десятками лѣтъ приготовляется потомъ новое населеніе для тундры, чрезъ пятнадцать лѣтъ достигающее только половиннаго количества противъ прежняго, несмотря на то, что олени замѣчательно плодовиты. Когда то, богачомъ между хозяевами оленьихъ стадъ считался тотъ, у котораго было 6-5-4 тысячи оленей; теперь, послѣ послѣдняго сильнаго падежа, самый богатый ижемецъ имѣетъ ихъ только 2.000 и самый бѣдный самоѣдъ-оленеводъ только 10 штукъ, имѣвъ прежде до 80 штукъ *).

Съ судьбами этихъ животныхъ, какъ извѣстно, издавна уже тѣсными и неразрывными связями соединена судьба цѣлаго племени, теперь значительно уменьшившагося въ числительности своей, но все еще младенчествующаго въ патріархальной грубости нравовъ—это

7. САМОѢДЫ.

—

При этомъ имени, какъ живая, передъ глазами возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ, обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бороденкой, плохо выросшей, сверху

---

*) Каждый битый олень, со шкурою и мясомъ, въ продажѣ круглымъ счотомъ стоитъ до 6 руб. сер. Промышленные ижемцы продаютъ отдѣльно: вкусные жирные языки (по 20 коп. сер. пара), рога (по 30 коп. пудъ), сало въ нетопленномъ видѣ (по 2 руб. 50 коп. пудъ), постели — шкуры животнаго, замшею, въ выдѣланномъ видѣ (отъ 1 р. 50 коп. до 2 р. 20 коп. за штуку) и въ сыромъ видѣ (по 25—40 коп. за шкуру), *камусину*—шкуру

чорными волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты онъ, обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку—пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжоло приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ ѣхать, ну!...

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной — истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшій образчикъ самоѣдскаго облика.

— Водки хочешь? спросилъ я его.

— Ладно!

И самоѣдъ, при этомъ словѣ, покрутивши плечами и засучивъ рукава, сдѣлалъ три шага впередъ.

Онъ выпилъ. Я предложилъ ему закусить тарелку съ семгой, но самоѣдинъ презрительно махнулъ рукой, отвернулся и обтерся потомъ подоломъ своей малицы. Чтобы не заставить его дожидаться меня на морозѣ, крѣпко закрутившемъ въ то утро, я предложилъ ему первую попавшуюся подъ руку сигару. Самоѣдинъ, откусивши порядочный кусокъ, спряталъ его за щоку, а остальную половину сигары утащилъ въ рукавъ. Я остановилъ его совѣтомъ:

— Курить это надо. Не ѣшь—скверно!

— Сожру, хорошъ... порато.

— Ѣдятъ вѣдь, ѣдятъ, ваше благородье! Ты его не замай!— объяснялъ откуда ни взявшійся хозяинъ, который покровительственно погладилъ самоѣда, при этихъ словахъ, по головѣ и потомъ продолжалъ:

— Имъ этотъ табакъ пуще водки. Привозимъ же мы имъ въ чумы-то дергачу этого; за ручную горсть песца отдаютъ.

съ ногъ, идущую на рукавицы, продаютъ также особо, равно какъ шерсть оленью, выстриженную въ пушномъ состояніи и мясо въ мерзломъ видѣ (отъ 75—80 коп. за пудъ). Мягкія шкурки пыжиковъ идутъ на шапки, шестимѣсячныхъ неблюевъ на малицы (и это самыя прочныя и потому дорогія—до 15 руб. сер. штука). Малицы же изъ постелей взрослыхъ оленей отъ 3 руб. сер. не восходятъ свыше 10 руб. за штуку (таже цѣна и совикамъ).

— Ты смотри, Васька, надѣвай шапку-то: сегодня шибко холодно: за языкъ хватаетъ!...

Замѣчаніе это относилось къ самоѣду, и ко мнѣ другое:

— Завсегда безъ шапки: какой ни жги ихъ морозъ; развѣ ужъ когда вѣтромъ крѣпко шибать станетъ, надѣваютъ ее.

— Крестивой ты? спросилъ я самоѣда.

Вмѣсто отвѣта, самоѣдъ запустилъ руку подъ малицу и съ большимъ трудомъ просунулъ изъ подъ бороденки своей и воротника малицы мѣдный надломленный крестъ. Словесный отвѣтъ за него держалъ опять-таки хозяинъ, все съ тѣмъ же покровительственнымъ тономъ:

— Крестивые они, всѣ крестивые: любаго спроси — крестъ покажетъ, а чтобы эта вѣра...

Хозяинъ, не кончивъ рѣчи и покрутивъ головой, обратился къ самоѣдину:

— Ты, Васька, ступай-ко къ оленямъ: не запутались бы; баринъ сейчасъ выйдетъ!

— Вѣры этой нѣтъ у нихъ, продолжалъ онъ вполголоса, послѣ того, какъ самоѣдъ захлопнулъ за собою дверь: — вонъ ихній бачко, пожалуй, сказываетъ, что на Кóлгуевѣ-де двадцать семей окрестилъ, а что проку? Окрестить самоѣда легко, извѣстно. Въ церкву они не заглядываютъ, а и пригонятъ котораго: на полъ ляжетъ; дѣтей крестятъ молочниковъ: а гляди, лѣтъ въ десять, а то и позднѣе; жену берутъ зря что полюбовницу, и никакихъ такихъ обрядовъ при этомъ не дѣлаютъ. Заплатитъ женихъ за нее, что спроситъ отецъ, оленями ли, песцами ли, али-бо деньгами да и живетъ, Бога не вѣдая. И возьметъ онъ одну жену, тѣмъ не довольствуется: гляди другую присмотрѣлъ и ту къ себѣ тянетъ. Иньки-то, извѣстно, дерутся же промежду собой: одна, значитъ надъ другой старшóй хочетъ быть, а ему ничего!... не его дѣло. Вѣра ихъ—извѣстная вѣра: обшарь-ко его хорошенько, запусти ему руки за пазуху, такъ-вотъ—не стоять мнѣ на этомъ мѣстѣ!—божка, чурочку такую деревяненькую, безотмѣнно вытащишь. Онъ и сѣчотъ его, коли что не по желанію его сдѣлается: онъ ему и кусочекъ оленьяго мяса въ рыло тычетъ, коли что благополучно сойдетъ; а нѣтъ, такъ и броситъ, другаго сдѣлаетъ; съ другимъ ужъ водится. Спросишь: крестивой-молъ ты? — «Крестивой!» скажетъ, а бо-

жокъ въ карманѣ. Какую ты вѣру отъ нихъ захотѣлъ, когда вонъ они песцовъ ѣдятъ? Поѣзжай—самъ увидишь!

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ нашихъ олешки, понуривъ головки; опять олёлькалъ на нихъ проводникъ, и опять приходилось мнѣ прятать свое лицо подъ совикъ, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, къ тому же при полномъ безвѣтріи. Опять совикъ скользилъ по малицѣ и малица по пимамъ, оставляя колѣни неизбѣжному вліянію мороза; опять дали мы одинъ дохъ оленямъ и въ концѣ втораго выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она, на этотъ разъ, уже была подернута густыми сумерками, въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ, словно теплина, которыя раскладываютъ волжскіе пастухи на *ночнинѣ*, два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Увлекли меня эти привѣтливые огоньки въ дальное прошлое; на этотъ разъ хотѣлось видѣть стреноженныхъ лошадей, глухо побрякивающихъ въ ночной тишинѣ колокольцами; хотѣлось слышать хлопанье плети, свистъ живаго человѣка, крикъ коростеля, засѣвшаго глубоко въ травѣ; уже едва не чудился свѣжій, живительный, здоровый запахъ только-что скошенной травы. Въ свѣтлыхъ образахъ возставало все это въ воображеніи, какъ родное, никогда и никѣмъ незабываемое, какъ контрастъ, наконецъ, всему тому, что развернулось теперь передъ глазами въ дѣйствительныхъ образахъ, далеко не такихъ. Кругомъ — олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную, чорную: одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто, и опять начинаетъ стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучитъ долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ-будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ чорную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги; двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ молчаніе. Какъ копны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы — цѣль поѣздки. Входимъ въ ближайшой, или лучше, пролѣзаемъ въ него черезъ узенькое и низенькое отверстіе и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, по срединѣ чума, разло-

жены горящія дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода, дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе на верху и все-таки много этого дыму остается въ чуму; дымъ ѣстъ глаза, не позволяя подняться на ноги. Садишься на корточки и, при свѣтѣ довольно-сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленныя, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежитъ *инькѣ*, можетъ быть, женѣ хозяина чума, другое—ему самому, потому-что всѣ остальныя моложавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять-шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца или, все равно, на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ по тому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты вороты и видны голыя, смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и сшиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою: видимо, приготовляетъ совикъ или малицу; ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое: одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ, сосредоточонномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя *нюки*, тѣже оленьи постели, лежатъ на шестахъ (по-самоѣдски *умахъ*), сближающихся къ верхнему отверстію. Оттуда, повременамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ затѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпитъ глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ чума. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять всѣ старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стругаетъ рыбу; надъ котломъ въ дому и на деревянной рѣшоткѣ коптится или вялится мясо, можетъ-быть, *песцевина* (мясо песца), можетъ-быть *лисицовина*, или наконецъ, даже оленина. Повременамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный, одуряющій запахъ, и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростнику ерки, подлѣ этихъ *латъ* — деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чомъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потупилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу, вышолъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собачонокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ. мать самоѣдка и ребятенки стали спѣшно подбирать подручное, укладывая потомъ все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадается самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ:

— Олешка мохъ въѣлъ. . . . велитъ дальше! . . .

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловитъ другаго, третьяго . . . . Между-тѣмъ три хохлатыхъ собачонки продолжаютъ обѣгать, съ удушливымъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настроженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ много уже оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собачонками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутые отъ чумовъ санки стоятъ уже наготовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальные изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, поднючья (тѣ же оленьи шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижную настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертые садятся ребятенки, по одному и по два, на шестые мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмые бросаютъ хохлатыхъ собачонокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на восьмые, переднiе, садится самъ хозяинъ чума и—а́ргишъ готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленнаго, и гдѣ также оставитъ онъ послѣ себя тундру взбитою и такою же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразiи. Скрипитъ

вдалекѣ аргишъ и чернѣетъ онъ еще нѣкоторое время передъ глазами моими; но наступившій мракъ, усиленный длинною тѣнью придорожнаго лѣса, закрываетъ все это, а быстрота бѣгущихъ оленей уноситъ отъ слуха и скрипъ санокъ, и урывистые вскрики путниковъ. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы *) самоѣды и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста.

Вотъ почему самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей. Поставлены они въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи, и вся немногосложность въ обычаяхъ и внѣшныхъ обрядныхъ проявленіяхъ домашней жизни. Самоѣдъ, какъ извѣстно, плохой семьянинъ. Взявши себѣ жену непремѣнно изъ чужаго рода**), хоти бы и сестру жены своего брата, самоѣдъ живетъ съ ней какъ бы только для того, чтобы не остаться холостымъ, и невыносимо бьетъ ее, если замѣтитъ невѣрность, и преспокойно отвязываетъ и уводитъ оленя отъ саней своего соперника. Жену покупаетъ онъ за нѣсколько песцовъ, лилицъ или оленей, при посредствѣ эву (свата), который является въ чумъ отца

---

*) Въ чумахъ богатыхъ самоѣдовъ есть еще одно отдѣленіе, называемое *синикуй*, противоположное входу; здѣсь некрещоные помѣщаютъ своихъ божковъ, крещоные вѣшаютъ св. иконы. Синикуй завѣшивается оленьей шкурой, которая и поднимается въ то время, когда въ чумѣ сдѣлается уже невыносимо чадно. Входъ въ чумъ оставляется, при постановкѣ всегда подъ вѣтромъ. Разбиваютъ чумы, естественно, тамъ, гдѣ по близости нѣтъ другихъ чумовъ, и для того, чтобы олени съ оленями не сходились и не путались между собою.

**) Родовъ самоѣдскихъ, какъ извѣстно, шесть: 1) *тиссыи* (около Пустозерска, самый многочисленный); за нимъ 2) *логей* (къ с. в. отъ Печоры); 3) *выучей* (къ в. отъ логей, ближе къ Уральскому хребту); 4) *хатанзей*; 5) *валей*; 6) *уанойта*. Эти три послѣднихъ рода живутъ по большей части въ работникахъ у ижемцевъ.

невѣсты съ деревяннымъ крюкомъ отъ котла и не выпускаетъ орудіе это изъ рукъ до-тѣхъ-поръ, пока будущій тесть не изъявитъ своего согласія. Оба соблюдаютъ при этомъ возможно-глубокое молчаніе, стараясь объясняться одними знаками. Отецъ невѣсты киваетъ головой на предложеніе свата; этотъ тотчасъ же передаетъ ему бирку для того, чтобы тотъ нарѣзалъ на ней то число зарубокъ, сколько хочетъ онъ взять за дочь свою животныхъ. Сватъ срѣзываетъ изъ нихъ сколько покажется ему лишныхъ. Условливаются о днѣ размѣна выкупа и являются въ невѣстинъ чумъ артелью; тамъ угощаются сырымъ оленьимъ мясомъ и уходятъ, оставляя въ чумѣ только жениха и невѣсту. Въ полночь женихъ уѣзжаетъ домой и является опять къ чуму невѣсты уже въ день свадьбы. Но чумъ запертъ, свадебный поѣздъ даромъ не пускаютъ: — требуютъ подарковъ, а потому и обмѣниваются ими для того, чтобы потомъ обвести невѣсту съ ея приданымъ и жениха съ его выкупнымъ три раза кругомъ невѣстина чума и потомъ, три же раза, кругомъ женихова. Въ этомъ весь свадебный церемоніалъ у некрещоныхъ самоѣдовъ! Не оборвется ничего въ оленьей упряжи во время этихъ объѣздовъ — супружеская жизнь молодыхъ должна идти во взаимномъ согласіи и вѣрности.

Сдѣлавшись женой и приготовляясь быть матерью, самоѣдка считается всѣмъ соплеменнымъ ей населеніемъ тундры нечистою и скверн итъ своимъ прикосновеніемъ все, до чего ни дотронется. Переступитъ она черезъ веревку, черезъ оленью упряжъ — мужъ поколотитъ ее, приругаетъ и тотчасъ же поспѣшитъ окурить верескомъ ту вещь, чтобы сдѣлать ее опять годною для употребленія. Въ послѣднія недѣли передъ родами, самый чумъ сквернитъ роженица своимъ присутствіемъ: бѣдный самоѣдинъ старается не быть въ немъ, особенно въ послѣдніе дни передъ разрѣшеніемъ иньки; богатый спѣшитъ выстроить для нея особый чумъ и называетъ его *сямай-мядыко* (поганый чумъ). Здѣсь, при помощи другой опытной иньки — повитушки, самоѣдка дѣлается матерью, при соблюденіи нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Если роды трудны, бабка заключаетъ, что причиною тому измѣна супружеской вѣрности кого-либо изъ супруговъ и потому настойчиво требуетъ признанія съ обѣихъ сторонъ. Новорожденный обмывается теплой водой и кладется, закутанный оленьимъ мѣхомъ въ лубковую

колыбель, на дно которой засыпаются мелкоистертыя древесныя гнилушки и опилки. Послѣ того бабка очищаетъ чумъ и людей, отъ предполагаемой скверны, водой, въ которой сварена березовая губка. Черезъ восемь недѣль роженица, окуренная оленьимъ саломъ, имѣетъ уже право раздѣлять съ мужемъ скудную трапезу и почитается чистою до начала новой беременности. Ребенокъ родится *), почти всегда и безъ исключенія, съ наслѣдственными болѣзнями и черезъ нѣсколько недѣль послѣ появленія на свѣтъ уже покрывается злокачественными сыпями и язвами, между которыми опытный глазъ можетъ различить и сифилитическія, чесоточныя и, наконецъ, оспенныя, бо́льшею частію всѣ вмѣстѣ, потому-то собственно и называются всѣ эти болѣзни *ныркомъ*, *мірскими*, какъ-будто безъ нихъ уже и нельзя появляться самоѣду на свѣтъ Божій!

Не особенно крѣпкимъ здоровьемъ пользуется самоѣдское племя и во всю остальную жизнь, посреди мелкихъ тундряныхъ промысловъ: горныхъ за лѣснымъ звѣремъ, рыбою и птицами, и морскихъ — въ покрутахъ, по найму отъ богатыхъ сосѣдей: зырянъ и русскихъ. Страдая, почти поголовно, глазными болѣзнями, отъ сильныхъ вѣтровъ, разгуливающихъ по тундрѣ, отъ ѣдкаго дыма чумовъ и отъ грязной жизни, самоѣды, въ тоже время, не избѣгаютъ и цынги (для нихъ всегда смертельной), и болотныхъ злокачественныхъ лихора-

---

*) Невсегда при рожденіи, большею частію черезъ годъ, и больше, даютъ новорожденному имя, по первому попавшемуся на глаза предмету.Назовутъ его *Пайга*, если въ этотъ день выловится много рыбы пеледи; *Мюсъ*, если онъ родится во время ѣзды аргишемъ; назовутъ *Теneко*, если много попадается въ капканы, по тундрѣ, лисицъ; *Сармикомъ*, если попадутся волки; *Тагана*, если ребенокъ окажется слишкомъ хворымъ. Недавно умеръ *Немза*, названный такъ потому, что онъ родился какъ разъ въ то время, когда явился въ томъ чуму академикъ Кастренъ — *нѣмецъ*, изучавшій, по порученію гельсингфорскаго университета, нарѣчія чудскаго племени. Замѣчательно, что и у крещоныхъ по два имени: одно старое, а другое новое. Такъ точно случалось мнѣ спрашивать многихъ: одинъ сказывался Николаемъ Ханалисовымъ, а у самоѣдъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Ягро;* другой былъ записанъ Васильемъ Судковымъ, а обзывался соплеменниками Майдна, и т. д. Самоѣдскій старшина, снабжавшій меня въ Пустозерскѣ оленями, былъ некрещоный и потому носилъ одно только имя самоѣдское, не имѣя русскаго. Онъ былъ записанъ при клеймѣ своемъ такъ: Хыла Маленбаевъ Явулевичъ.

докъ. Лишонные всякой помощи, исключительно полагающіеся во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ на кудесниковъ своихъ, *тадибеевъ*, прибѣгая въ суевѣрномъ страхѣ и при болѣзняхъ къ ихъ шарлатанству, самоѣды мрутъ, не достигая 50 лѣтъ жизни. Ревизскія сказки, составленныя посильно вѣрно, указываютъ на грустные результаты: въ послѣдніе 83 года вымерла половина почти всего самоѣдскаго населенія тундры. Обстоятельство это почти прямо указываетъ на то, что осѣдлыя племена, слѣдуя еще неизвѣданнымъ историческимъ законамъ, въ недальные десятки лѣтъ уничтожатъ это кочующее племя, поработивъ его своему вліянію. Уже въ настоящее время можно указать на нѣсколько селеній, въ которыхъ въ-очію совершаются эти поучительныя преобразованія. На р. Колвѣ, при впаденіи ея въ Усу (притокъ Печоры), выстроилось уже порядочное селеніе (избъ въ 20) при тамошной церкви, и самоѣды, живя въ нихъ осѣдло, охотно женятся на зырянкахъ: и въ обликѣ, и въ характерѣ значительно теряютъ свой врожденный, самоѣдскій оттѣнокъ. На р. Пёшѣ, въ пустозерской деревнѣ Тельвисочной, совершается почти тоже, хотя нѣсколько и въ меньшихъ размѣрахъ. Въ ижемской волости, гдѣ самоѣды крещены всѣ поголовно, они сдѣлались рѣшительными зырянами: забыли родной языкъ свой, брѣютъ усы и стригутся въ кружокъ. Бóльшая часть пустозерскихъ самоѣдовъ бойко говорятъ по-русски и нерѣдко заходятъ въ церкви.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя (особенно принимая при этомъ въ разсчотъ и значительную смертность), обѣщаютъ, во всякомъ случаѣ, уже недолгое историческое будущее самоѣдскому племени. Также, можетъ-быть, переломаютъ шесты, прорвутъ въ цѣломъ мѣстѣ чума нюки и вынесутъ въ это отверстіе и послѣдняго некрещонаго мертвеца-самоѣда, и также положатъ съ нимъ въ гробъ ложки, чашки, харей, санки надломленными, и также, можетъ-быть, убьютъ на его могилѣ оленя и съѣдятъ его тутъ же, въ сырыхъ, еще дымящихся теплою кровью кускахъ,—и въ тотъ разъ, когда останется только маленькая горсть самоѣдовъ-язычниковъ (какъ дѣлаетъ это въ настоящее время еще большая половина мезенскихъ самоѣдовъ). Окончательному обращенію ихъ въ христіанство много препятствуютъ, по общимъ слухамъ, зыряне, кбторые увѣряютъ ихъ, что коль-скоро они окрестятся, то не-

избѣжно подвергнутся рекрутской повинности. Тогда-де не посмотрятъ ни на ихъ дряблое тѣлосложеніе, ни на привычку и неумѣнье жить въ неволѣ: въ теплой избѣ, пожалуй, даже въ казармѣ, а не на оглядныхъ тундряныхъ степяхъ. Вообще, зыряне имѣютъ сильное вліяніе на самоѣдовъ и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, много способствуютъ къ тому, чтобы поддерживать въ своихъ вѣчныхъ и неоплатныхъ работникахъ по тундрѣ ихъ старыя вѣрованія и суевѣрные обычаи.

Не зная пѣсни, не пріучившись находить въ ней какое-либо иное значеніе, кромѣ безсвязнаго, безсмысленнаго мурлыканья себѣ подъ носъ отъ скуки и съ примѣра сосѣднихъ русскихъ, самоѣды не хранятъ (почти вовсе) и преданій о прошедшихъ временахъ. Ведутся между ними еще кое-гдѣ два преданія о недавной борьбѣ ихъ съ своими соплеменниками Карачеями. По одному изъ этихъ преданій, большеземельскіе самоѣды стрѣляли во враговъ своихъ *черезъ камвнное окно* (или лучше, проходъ въ Уральскихъ горахъ до того узкій, что, при проѣздѣ черезъ него, посылается передовой повѣстить впереди, чтобы ѣдущіе съ той стороны пережидали: двумъ рядомъ проѣхать уже нельзя). Другое преданіе говоритъ, что самоѣды, въ сообществѣ сибирскихъ Остяковъ, отправились на войну съ Карачеями, оставивъ жонъ своихъ у какого-то озера, которое зовется теперь *Неводъ-озеро* (въ переводѣ съ самоѣдскаго). Долго не возвращались самоѣды назадъ; жоны съѣли всѣ запасы хлѣба, ѣли птицъ, стали ѣсть мышей. Мужья все не являются: приходится умирать съ голоду и тѣмъ болѣе постыдною смертію, что есть горшокъ, да нѣтъ ложки: есть неводъ, да нѣтъ лодки. Одна самоѣдка ухитрилась, привязавъ къ одному концу невода ковшъ, который и былъ отнесенъ вѣтромъ къ дальному берегу. Стали вытаскивать — неводъ оказался полонъ рыбы.

Во всемъ другомъ самоѣдъ — рабъ старины, какъ и всякое другое неразвитое племя. До-сихъ еще поръ боится онъ злыхъ навѣтовъ тадебціевъ — духовъ, которые ничего не способны дѣлать, кромѣ зла; до-сихъ еще поръ, безусловно вѣрятъ тадибеямъ, тѣмъ избраннымъ, святымъ людямъ, которые одни только способны умилостивлять всю злую воздушную силу. Во всѣхъ неожиданныхъ и тяжолыхъ житейскихъ испытаніяхъ и невзгодахъ самоѣды, до-сихъ еще поръ, прибѣгаютъ

къ помощи тадибея, всегда самаго плутоватаго и самаго толковаго изо всего племени, бо́льшею частію старика и даже, во многихъ случаяхъ, старухи. Захочется тадибею выпить водки и напиться пьянымъ, онъ придумываетъ для самоѣда какую-нибудь смертельную болѣзнь. Самоѣдъ простодушно вѣритъ, позволяетъ дѣлать надъ собою всевозможныя истязанія и не стоитъ за послѣднимъ песцомъ, чтобъ добыть кудеснику вина. Также точно и самъ отъ себя самоѣдъ зоветъ тадибея и на роды иньки, и заклинать вѣтры, и лечить отъ дѣйствительно гнетущихъ его болѣзней. Во всѣхъ случаяхъ является тадибей обманщикомъ, ловко пользующимся простодушіемъ земляковъ и во всякомъ случаѣ готовъ *бить кудесъ* свой и не передъ своими, лишь бы только напоили его за то пьянымъ, или дали ему столько же денегъ на выпивку.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ его продѣлокъ и потому спѣшу передать обрядъ *битья кудесъ* (самбадавы—по-самоѣдски) такъ, какъ онъ представился моему вниманію.

Тадибей нашъ явился приглашоннымъ именно съ тою цѣлію, чтобы показать внѣшной обрядъ битья кудесъ, и потому, смекнувши, вѣроятно, о томъ, что будетъ имѣть дѣло съ невѣрующими, пришолъ немного на веселѣ, заручившись, естественно, не одной чаркой водки для вящаго вдохновенія. Какъ теперь, вижу его въ хохлатой шапкѣ изъ мѣха россомахи, съ наличникомъ, изъ подъ котораго выглядывало его красное, лоснящееся, скуластое лицо, съ плутовато-бѣгающими, кровавыми глазами. Встрѣтивъ его, нечаянно и въ сумерки гдѣ-нибудь въ лѣсу, не на шутку можно бы было перепугаться и спрятать лицо свое подальше отъ его непривѣтливаго, дѣйствительно-страшнаго взгляда. Неудивительно, что онъ заставляетъ дрожать самоѣдовъ, прибѣгающихъ къ его помощи и, сверхъ-того, увѣренныхъ въ томъ, что тадибей живетъ за панибрата съ злыми духами и къ служенію имъ приготовляется долгимъ навыкомъ, живя лѣтъ по десяти за Уральскимъ камнемъ въ наукѣ у остяцкихъ шамановъ.

Тадибей и въ нашъ чумъ пришолъ также увѣшанный бубенчиками по швамъ малицы, съ оловянными бляхами по спинѣ и по плечамъ. Бляхи эти ширкали и шумѣли при каждомъ движеніи кудесника. Кромѣ бубенчиковъ, одежда его опутана была суконными лентами разнообразныхъ цвѣтовъ, какъ рѣд-

ко, пожалуй, украшаетъ свою пеструю паницю иная щеголиха-самоѣдка. И здѣсь тадибей не измѣнилъ заучонной важности своихъ пріемовъ, сухо и величаво раскланявшись на всѣ четыре угла чума, по которому размѣстилась вся наша невѣрующая компанія. Истиннымъ, опытнымъ артистомъ и знатокомъ своего дѣла, словно не разъ уже дававшій концерты при огромномъ собраніи столичнаго люда, казался мнѣ и на ту пору этотъ полудикарь, полуизувѣръ, полуплутъ, стоявшій нѣкоторое время неподвижно. Не шелохнулась ни одна изъ его бляхъ, не ширкнулъ нескромно ни одинъ изъ бубенчиковъ; но въ лицѣ его можно было прочитать плутоватую улыбку, предательское подергиванье лѣваго глаза. Еще мгновеніе — и кудесникъ дергалъ уже надъ головою своимъ пензеромъ *) разъ, два и три... и присѣлъ, закрывши свое лицо. Поднявшись въ другой разъ, онъ выхватилъ изъ-за пазухи деревянную колотушку, обвитую оленьей шкурой, и началъ колотить ею въ бубенъ сначала тихо, потомъ все учащоннѣе, такъ что рука его уже ловко прыгала по инструменту, какъ рука опытнаго барабанщика по барабану. Онъ то присядетъ, дико взвизгнувъ; то опять начнетъ сильно колитить, при чомъ пензеръ его издаетъ глухіе, непріятно-тупые звуки. Вдругъ онъ закричалъ лихорадочнымъ голосомъ, пуская цѣлый потокъ разныхъ непонятныхъ словъ на томъ гортанномъ и подчасъ носовомъ языкѣ, который одинаково непріятенъ и въ устахъ мужчины, и въ устахъ женщины изъ самоѣдовъ. Двое изъ проводниковъ нашихъ, самоѣдовъ, при первыхъ звукахъ его крика, выползли изъ чума; намъ самимъ становились непріят-

---

*) *Пензеръ*, родъ рѣшета, одна сторона котораго, вмѣстѣ съ боками, обтянута шкурою убитаго самимъ тадибеемъ оленьяго теленка. Другая сторона пензера открытая, и внутри имѣетъ по срединѣ перекладину, отъ которой идетъ къ боку другая, служащая вмѣсто рукоятки. На обѣихъ перекладинахъ вырѣзывается по семи идольскихъ лицъ. Шкуру для пензера тадибей собственноручно очищаетъ отъ жилъ и потомъ сушитъ ее на медленномъ, несильномъ огнѣ. При этомъ дѣлѣ не должна находиться инька, какъ существо нечистое. Палка, которою колотитъ кудесникъ въ пензеръ, называется *ладурáнецъ*. Шапка, сшитая бѣлью (нитками), а не оленьими жилами, по обыкновенію, и украшенная по мѣстамъ пуговицами, медвѣжьими костями, иногда тѣми же оловянными бляхами, называется *севбопцъ*. Колотушку-ладуранецъ тадибеи замѣняютъ иногда заячьей лапкой.

ны и эти звуки, и эти кривлянья, которыми сопровождалъ кудесникъ обильный потокъ своихъ словъ. Вѣрныхъ четверть часа кричалъ онъ и бѣсновался такимъ-образомъ, вертясь на одной ногѣ съ пензеромъ надъ головою и уже рѣже постукивая въ него колотушкой. Наконецъ, упалъ въ изнеможенiи на полъ. Судороги подергивали его нѣсколько мгновенiй, онъ какъ-будто усиленно всхлипывалъ, и не успѣли мы броситься къ нему, чтобы поднять его, тадибей былъ уже на ногахъ и шарилъ что-то за пазухой. Не успѣлъ я выслѣдить и за этими движенiями его, какъ одинъ изъ нашихъ вырвалъ изъ рукъ кудесника ножъ, примолвивъ:

— Ногами ты дрягай, сколько хочешь, а ужъ рукамъ баловать не дамъ воли! Это ты опять-таки затѣялъ не дѣло. Ну, тебя. . . . Знаемъ мы вашего брата, видали ужъ не единой разъ. Теперь, братъ, ты насъ не надуешь — шалишь! продолжалъ ворчать проводникъ во все время, пока отдыхалъ кудесникъ, видимо пораженный неожиданностью перерыва въ обдуманныхъ и заученныхъ имъ издавна обрядахъ. Лежа на полу, онъ подниметъ то одну ногу, то другую, повернется на лѣвой бокъ и потомъ медленно передвинется и ляжетъ на спину. По лицу его струится обильный потъ; узенькiе глаза подернулись какой-то влагой; онъ тяжоло дышалъ. Немного погодя, кудесникъ сѣлъ, мутно обводя кругомъ всего чума глазами, и какъ-будто ждалъ чего-то таинственнаго. Но разсыльный, выхватившiй изъ рукъ тадибея ножъ, и здѣсь его не оставилъ:

— Вставай-ко, братъ, ей-богу, вставай! Не пужай ты меня. Боюсь я ихъ, ваше благородье! — обратился онъ ко мнѣ, какъ бы съ оправданiемъ. Знаете: пугаютъ; ножомъ-то своимъ, вотъ такъ и тычутъ около сердца; въ одинъ бокъ его въ брюхо всунетъ, изъ другаго вытащитъ. Вставай, братъ — самоѣдушко, вставай!

Кудесникъ послушался-таки его, но не былъ твердъ на ногахъ и стоялъ передъ нами, понуривъ голову.

— Умаялся, объяснялъ разсыльный. Не легкое, вишь, дѣло-то, не легкое! Воды не хочешь ли?—обратился онъ къ нему и, получивъ согласiе, напоилъ его водой.

Тадибей, оправившись, обратился къ намъ съ вопросомъ, высказаннымъ слабымъ, удушливымъ голосомъ, но довольно

понятною русскою рѣчью, изъ которой видно было, что онъ хотѣлъ намъ показать еще одинъ кудесъ, употребляемый имъ при заклинаніи вѣтровъ. Но и здѣсь суетливый разсыльный предупредилъ насъ:

— Не надо, Тадибеюшко, не надо, Христосъ съ тобой, знаемъ: сядешь, вѣдь къ жаровнѣ, начнешь по уголькамъ стучать палочкой, мычать да хухукать, да раскачиваться во всѣ стороны, да носомъ-то въ уголья наровить—на̀ надо! Не глядите, ваше высокородіе! Отдохни, Тадибеюшко!... на—вотъ: прими кубокъ вина, да денегъ три цалковыхъ... это тебѣ за потѣ...

Мы уже не слыхали послѣднихъ словъ, поспѣшивши выдти на свѣжій воздухъ. Разсыльный догналъ уже насъ на дорогѣ и встрѣтилъ замѣчаніемъ:

— Смерть боюсь кудесъ этихъ, а глядѣть люблю! Жилы всѣ тебѣ тянетъ, кровь носомъ просится, а не ушолъ бы изъ чума-то до утра, все бы глядѣлъ да пугался...

— Зачѣмъ ты ножъ-то у него вырвалъ?

— А зарѣжется, гляди. Этакъ-то ужъ было на Индегѣ въ тундрѣ; одинъ экой-то пырнулъ тебѣ въ брюхо, да и не всталъ. Знаемъ ужъ мы это! въ свидѣтели потомъ придется идти: ты же въ отвѣтѣ пуще другихъ будешь. Скажутъ, зачѣмъ не остановилъ. Такъ вотъ поглядѣть, безъ всего, безъ этого, любопытно!...

— Съ нечистой вѣдь они силой знаются, пуще колдуновъ нашихъ: оттого вѣдь у нихъ это. Самоѣды вонъ и нечистую-то силу эту видятъ: бѣлые-де такіе, что снѣгъ бѣлые, и всѣ-то, слышь, въ палецъ, а пугаютъ: языками дразнятся. Да вотъ какъ бы дѣло-то теперешное не ночью было, разсказалъ бы я тебѣ больше противу этого...

Тѣмъ и заключилъ свои толки разсыльный; но и на другой день, вопреки обѣщанію, разсказалъ немногое: что самоѣды-де божковъ своихъ называютъ *хегами* и ставятъ ихъ у неводовъ и звѣриныхъ норокъ; что есть-де еще *сядеи*, которыхъ они на горахъ оставляютъ; что этихъ они сѣкутъ, когда провинятся въ чомъ, но что хегъ боятся, потому-де, что хеговъ тадибей освящаетъ; что съ самоѣдомъ можно пить водку, сколько хочешь, но что только надо спѣшить самому напиваться скорѣй да и уходить изъ чума, а то опьянѣетъ самоѣдъ прежде — драться полѣзетъ, лицо печонкой сдѣлаетъ; что самоѣдъ въ

дракахъ этихъ силенъ на рукахъ, а на ногахъ некрѣпокъ. Вотъ и всѣ тѣ свѣденія, какими могъ я поживиться отъ бойкаго разсыльнаго, который все-таки любитъ больше глазѣть, чѣмъ замѣчать и понимать высмотрѣнное, по обычаю всѣхъ неграмотныхъ мужичковъ русскихъ. Отъ другихъ уже (и многихъ) привелось мнѣ узнать впослѣдствіи о томъ главномъ значеніи, какое имѣютъ зыряне по отношенію къ тундрѣ и къ самоѣдамъ. Вотъ какъ сложилось все это немногосложное дѣло:

Толковые, смѣтливые зыряне, давно имѣя множество случаевъ вглядываться въ характеръ своихъ туповатыхъ сосѣдей, пришли къ весьма положительнымъ и вѣрнымъ заключеніямъ, что самоѣды, изъ-вѣковъ обречонные на борьбу съ природой и множествомъ препятствій, поставляемыхъ ею для достиженія ими прямой цѣли, трудолюбивы. Особенно видятъ они это по тому, что рѣдкій изъ нихъ когда-либо сидитъ безъ работы; знаютъ зыряне, что трудолюбивые и терпѣливые самоѣды въ тоже время вѣрны, по простотѣ сердца, данному слову: умиралъ обѣщавшій, за него являлся братъ, другой какой-либо родственникъ, взявшійся при смертномъ одрѣ, исполнить его обѣщаніе (это факты и даже недавніе); что самоѣдъ, если и захочетъ схитрить въ чомъ, то легко ловится и въ этомъ; такъ онъ ни за что не возьмется поклясться на головѣ ошкуя, въ простотѣ сердца увѣренный, что медвѣдь этотъ съѣстъ его, за обманъ, на первомъ же дальномъ морскомъ промыслѣ. Но, главное, и что особенно зыряне приняли къ свѣденію, и на чомъ преимущественно основали они дальнѣйшіе свои планы къ исключительному обладанію тундрою — это непомѣрная страсть всего самоѣдскаго племени къ спиртнымъ напиткамъ.

Зыряне много не задумывались и, сговорившись разъ между собою, привели дѣло въ исполненіе. Сколотивши кое-какъ достаточную сумму денегъ (помогать другъ другу, изъ числа своихъ единоплеменниковъ, у нихъ до сихъ поръ—святое, коренное правило), они покупали обыкновенно бочку спирта и везли ее въ тундру, преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ разбивалось больше чумовъ и, стало-быть, гдѣ больше предполагалось добытаго промысла.

Со льстивой рѣчью, почотнымъ поклономъ, съ добрыми пожеланіями всякаго благополучія, *на всѣ четыре вѣтра*, входилъ зырянинъ въ чумъ самоѣда, преимущественно богатаго. Само-

ѣдъ располагался въ его пользу, сажалъ его поближе къ огоньку, спрашивалъ согласія заколоть оленя, чтобъ угостить потомъ дорогаго гостя парной печонкой, еще дымящимся сердцемъ животнаго; зырянинъ благодаритъ и предупреждаетъ его своимъ угощеніемъ: безъ дальныхъ разговоровъ тащитъ изъ рукава кубокъ (полуштофъ) спирта, щедро разбавленнаго водой. Самоѣдъ давно уже знакомъ съ этимъ напиткомъ, любитъ его, считаетъ необходимостью и ежедневно бы пилъ его по многу, если бы только взять было гдѣ: кабаки всѣ по селеніямъ, которыя далеко ушли отъ чумовъ; ѣхать туда далеко, да и нѣкогда: лѣсной звѣрь ежедневно лѣзетъ въ пасти, кулёмки, сѣти, капканы и черканы. Самоѣдъ готовъ уже самъ купить; но зырянинъ желаетъ сначала поподчивать даромъ, а потомъ уже потолковать и о цѣнѣ. Пьютъ. У самоѣда глаза искрятся, сердце обливаетъ масломъ: любо ему, что зырянинъ и иньку подчуетъ, и подростку сыну подноситъ вина — и тѣ пьютъ охотно, по давней привычкѣ. Самоѣдъ, пожалуй, радъ и тому, что зырянинъ пьетъ всѣхъ меньше: имъ же больше достанется, и глазъ не спускаетъ съ рукава гостя: не вылѣзетъ ли оттуда еще кубокъ водки на пущую его радость и веселье. Но кубка не видать; зырянинъ улыбается и выжидаетъ своей поры; самоѣдъ не замедлитъ сказаться.

— Изволь!—принесу и еще кубокъ, да только этотъ будетъ денегъ стоитъ!—отвѣчаетъ зырянинъ на запросъ собесѣдника по самоѣдски конечно, иначе у нихъ бы не состоялось бесѣды (тогда самоѣды не умѣли еще говорить по зырянски, да и зыряне, знающіе только одинъ свой языкъ, не ѣздили еще въ тундру). Приносилось вино; у самоѣда нѣтъ денегъ, а есть лисица, только вчера задавленная. Зырянинъ и этимъ не гнушается; осматриваетъ лисицу: нога была переломлена, кормилась дома и вся въ ость ушла, пушистая такая десяти штофовъ стоитъ; за полуштофъ взять, пожалуй, можно. Самоѣдъ не стоитъ за этимъ: звѣрь не сегодня — завтра другой набѣжитъ, много его таскается по тундрѣ, а вино можетъ уѣхать въ другіе чумы и тогда его не догонишь, пожалуй. Распивается и этотъ кубокъ, самоѣдъ уже потчуетъ зырянина, свою иньку и сына. На третьемъ полуштофѣ самоѣдъ раскутился: напоилъ даже маленькихъ, разбранилъ зырянина за то, что тотъ мало пьетъ; требуетъ еще водки; зырянинъ объявляетъ, чте вся:

самоѣдъ не вѣритъ, говоритъ, что не стоитъ за пушниной, была бы водка. Зырянинъ выговариваетъ чорнобурую лисицу, трехъ песцовъ, пару оленей живыхъ и—если не дрогнетъ рука, не треснетъ языкъ! — шкуру медвѣдя, да ужъ (кстати) и сани, на которыхъ бы можно было свести вымѣненное. Онъ получаетъ все это охотно, тѣмъ-болѣе, что не упираются ни отецъ, ни мать, ни дѣти: они же артелью помогаютъ все это положить на новыя сани и привязать по плотнѣе, чтобы что нибудь не свалилось. Зырянинъ далеко уѣзжаетъ къ другимъ чумамъ; самоѣдинъ просыпается по утру, вспоминаетъ вчерашное и жалѣетъ только объ одномъ, что не купилъ еще кубокъ вина про запасъ, на похмѣлье. Въ другихъ чумахъ съ зырянином ни хуже, ни туже: самоѣдское племя—что одинъ человѣкъ, съ однимъ обыкомъ (давно уже это всѣ знаютъ и не спорятъ); и въ дальныхъ чумахъ также готовы всѣ до единаго мѣнять шкуры добытаго звѣря и живыхъ оленей на кубки сомнительнаго достоинстяа вина, хотя, впрочемъ, и не потерявшаго способность туманить глаза и совсѣмъ отнимать скудные остатки соображенія. Черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, ижемецъ такимъ образомъ возвращается въ свою волость съ пустой бочкой, но не съ одними санками и не порожними; вмѣсто восьми оленей, привезшихъ бочку, приводитъ онъ домой десять, двадцать, тридцать и болѣе.

Успѣхъ одного соблазняетъ и многихъ другихъ; изъ рѣдкой деревни по волости не поѣхали такимъ образомъ три—четыре дома, даже съ ребятишками на подмогу, и рѣдкому зырянину случится быть битымъ отъ догадливаго самоѣда. Многіе стали возить туда и другіе товары, кромѣ вина; но всѣ пріѣзжали обыкновенно домой съ большими барышами; всѣ незамѣтно богатѣли *): въ какіе нибудь два десятка лѣтъ тѣже зыряне, которые нанимались въ работу къ богатымъ пустозерамъ, сами

*) Г. В. Иславинъ, авторъ весьма замѣчательнаго сочиненія о самоѣдахъ, между-прочимъ, вычисляетъ барыши ижемцовъ при мѣнѣ съ самоѣдами слѣдующимъ образомъ: за пол-пуда соли самоѣды даютъ или бѣлаго песца, или оленью постель, т. е. за 35 коп. сер. платятъ 1 руб.; или за пудъ муки—3 песца, т. е. за 85 коп. сер.—3 руб. сер.; или за три пуда масла по 7 коп. сер. фунтъ, берется 14 песцовъ, т. е. за 8 руб. 40 коп. сер.—14 руб. сер. Эти цѣны какъ бы уже установлены по таксѣ.

теперь сдѣлались хозяевами. Случился, наконецъ, и болѣе крутой поворотъ: богатые самоѣды, державшіе стада штукъ до тысячи, пошли въ пастухи къ этимъ же стадамъ по найму отъ новыхъ хозяевъ — ижемцовъ и благодарили еще, хвалили хозяевъ своихъ за то, что они не погнушались ихъ скудостью и не пустили ихъ *на ѣдому* *), а взяли въ кабалу.

Мало-по-малу богатѣли такимъ образомъ ижемцы въ ущербъ сомоѣдамъ, увлекая въ такой же промыселъ и дальныхъ пустозёровъ. Нѣкоторые изъ соблазнившихся легкостью барыша и простодушіемъ самоѣдовъ, прибѣгли къ постыдному, болѣе крутому средству: они просто стали воровски, въ темныя ночи, уводить оленей изъ стадъ и, выучившись ловко вытравлять старыя клейма, накладывали новыя, свои. Правда, что въ настоящее время строго запрещено зырянамъ и русскимъ возить въ тундру вино, ловить въ озерахъ рыбы, строго слѣдятъ за кабалою и на базарахъ за фальшивою монетою, которой самоѣды привыкли бояться, не выучившись распознавать. Правда, что молодое поколѣніе зырянъ негодуетъ искренно на прежніе нечестивые порядки отцовъ и дѣдовъ, но все-таки самоѣды ловятся и на фальшивыя деньги, и на фальшивое вино, хотя и значительно рѣже противъ прежняго.

Нечистыя дѣла сосѣдей до нѣкоторой степени пробудили въ самоѣдахъ чувство самосознанія и даже мщенія, какъ это доказано недавними примѣрами. Одинъ самоѣдъ уже запродалъ крестоватиковъ и лисицъ за условное количество хлѣба одному изъ пустозеровъ и пилъ заручную; но пустозеръ, напившись раньше, заснулъ. Самоѣдъ не потерялъ ни сознанія, ни при-

---

*) Установившійся между печорами терминъ «жить или сидѣть на ѣдомѣ», относительно самоѣдовъ, означаетъ тоже, что въ остальной Россіи *побираться Христовымъ именемъ*, т. е. жить мірскимъ подаяніемъ, милостынею. Самоѣды, или на чункахъ, забравши всѣхъ ребятишекъ, идутъ на зиму къ городамъ, преимущественно къ Архангельску, къ Мезени, къ Пинегѣ и даже къ Холмогорамъ или нанимаются къ пустозерамъ въ дома. Самоѣдки, давнишнія испытанныя мастерицы шить, работаютъ, изъ-за одного прокормленія, всякую одежду по готовымъ выкройкамъ; ребятишки тоже помогаютъ въ этомъ матери, или бродятъ по избамъ и собираютъ остатки отъ стола достаточныхъ крестьянъ Усть-Цыльмы, Пустозерска и деревень той же богатой Ижемской волости. Говорятъ, такимъ образомъ сидятъ на ѣдомѣ до ста семействъ пришедшихъ въ крайность самоѣдовъ.

сутствія духа на столько, что съ деньгами и запроданными крестоватиками ушолъ и сбылъ добытыхъ имъ песцовъ другому хозяину на другой же день, а на третій «*провалился* въ тундру, гдѣ его и съ собаками теперь уже не сыщешъ», какъ выразился мнѣ самъ обманутый. Другой случай удивившій весь туземной край, совершился за нѣсколько мѣсяцовъ до моего пріѣзда. Одинъ ижемецъ *жилъ въ оленяхъ* на тундрѣ и преспокойно ковырялъ ложки или чашки въ то время, когда двое самоѣдовъ поочередно отгоняли отъ него стада оленей. Когда уже такимъ образомъ отогнали они половину, зырянинъ замѣтилъ это, замѣтилъ и обоихъ грабителей-самоѣдовъ. Воры, не думая долго, бросились на пастуха и, чтобы онъ не кричалъ, набили ему въ ротъ нѣсколько горстей моху. По счастію, все это замѣтилъ, находившійся вблизи, другой пастухъ-ижемецъ: онъ побѣжалъ на помощь; одинъ самоѣдъ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ. При мнѣ же (въ Мезени) самоѣдъ отвязалъ оленей отъ санокъ пустозера, ѣхавшаго, подъ хмѣлькомъ, съ мерзлой рыбой на пинежскую ярмарку.

Если теперь не поддаются самоѣды обману русскихъ полицейскихъ чиновниковъ (какъ бывало прежде), которые, вмѣсто того, чтобы сбирать ясакъ съ головы оленя, брали ту же, назначенную правительствомъ сумму, съ копыта,—за-то они, до сихъ еще поръ, не знаютъ настоящей суммы подати, особенно дальные. Русскіе и здѣсь придумали средство поживиться: они, за извѣстную плату самоѣдскому старшинѣ, берутся сбирать ясакъ съ самыхъ дальнихъ и, пріѣзжая въ отдаленные чумы, получаютъ не рубль узаконенный, а два, два съ полтиной, смотря по тому, сколько захочется взять съ этой суммы процентовъ за проѣздъ туда и хлопоты при этомъ.

И все-таки во всѣхъ самоѣдскихъ племенахъ, еще до сихъ поръ, при полномъ безвѣріи, пропасть суевѣрій и притомъ самыхъ фанатическихъ; правда, что они уже не вѣрятъ святости тадибеевъ, въ томъ случаѣ, чтобы отъ нихъ, по прежнимъ преданіямъ, могла отскакивать пуля, особенно послѣ того, какъ попыталъ это одинъ мезенецъ и положилъ кудесника на смерть, одной пулей; но за-то все-таки считаютъ злымъ знакомъ, если во время жертвоприношеній попадетъ на платье капля крови. Не вѣритъ самоѣдъ также счастію на седьмой недѣлѣ и считаетъ седьмую зорю, при болѣзняхъ, роковою;

онъ непремѣнно сожжотъ тѣ санки, на которыхъ когда-либо случайно родила инка, и заколетъ тѣхъ оленей, отдавши мясо ихъ собакамъ; у тѣхъ санокъ, на которыхъ возитъ идоловъ своихъ и которые пускаетъ впередъ а́ргиша, самоѣдъ непремѣнно сдѣлаетъ семь копыльевъ и нарубитъ семь рубежковъ на полозьяхъ; островъ Вайгачъ *) и на немъ гору Уэсако считаетъ жилищемъ самого невидимаго Нумы, ни за что не ляжетъ спать въ одномъ чуму съ крещонымъ, и проч., и проч. Можно еще многое сказать о суевѣріяхъ самоѣдовъ, если бы, въ тоже время, сосѣдніе русскіе, при всей своей набожности, были бы менѣе ихъ суевѣрны **).

До сихъ еще поръ самоѣды, въ простотѣ сердца, щоголяютъ ременными поясами (ни), пестрыми ситцевыми маличными рубашками, разноцвѣтными суконными лоскутками, песцовою опушкою на женскихъ паницахъ, не подозрѣвая, что давно уже виситъ надъ ними громовое облако, и тундра, укрѣпленная за ними, можетъ быть, цѣлымъ тысячелѣтіемъ, перейдетъ въ руки

---

*) Дикій островъ этотъ, до сихъ поръ посѣщаемый промышленниками, имѣетъ на мысу Болванскомъ глубокую, скалистую пещеру съ двумя отверстіями: широкимъ къ морю, узкимъ къ вершинѣ утеса. Здѣсь стоялъ идолъ Весакъ съ семью лицами, которому приписывали гулъ вѣтра въ пещерѣ и котораго обставляли самоѣды множествомъ другихъ болвановъ. Всѣ эти идолы были сожжены миссіей, снаряжонной для крещенія самоѣдовъ, подъ предсѣдательствомъ архимандрита Сійскаго монастыря Веніамина, въ 1827 году. Отецъ Веніаминъ, между прочимъ, сообщаетъ любопытныя свѣденія о томъ, что крещоные имъ самоѣды Большеземельской тундры «наперерывъ обѣгали другъ друга, чтобы прежде другихъ позвонить въ колокола, что имъ доставляло величайшее удовольствіе». Веніаминъ обратилъ къ православію 3303 человѣка, переведя на самоѣдскій языкъ Новый Завѣтъ и составивъ грамматику и лексиконъ.

**) Замѣчательно, впрочемъ, то обстоятельство, что жители Городка (Пустозерска) дали обѣтъ не дѣлать вечеринокъ по зимамъ и посидѣлокъ на святкахъ въ одну изъ самыхъ морозныхъ зимъ, какія когда-либо стояли въ томъ краю. Съ той поры нѣтъ у нихъ ни хороводовъ по лѣтамъ, ни ряженыхъ на тѣхъ же святкахъ. Съ той зимы и самые праздники, называвшіеся *сборными*, приняли иной характеръ. Въ условленный день сходятся всѣ молиться Богу (какъ, напримѣръ, въ Пустозерскѣ въ день Параскевы Пятницы, такъ въ Вискѣ и Оксинѣ въ Николинъ день). Тѣ, у кого есть знакомые, входятъ въ домъ: пощолкаютъ тамъ орѣшковъ, напьются чаю, выпьютъ водочки, пообѣдаютъ и, къ вечеру, гости уже во своясяхъ.

самыхъ злыхъ враговъ, которыхъ они, по простотѣ своей, считаютъ теперь лучшими друзьями.

—

3-го февраля (1857 года) я былъ уже въ Хо̂лмогорахъ. Передо мною мелькали старенькіе домишки этого самаго древняго города въ Архангельской губерніи: подъ окнами моими бродили рослыя коровы; *заугольники* прятались по домамъ; не видать было на улицѣ ни одного человѣка. Все глядѣло какъ-то смутно и непривѣтливо, невыносимо отягощая душу. Раза два являлись ко мнѣ до того костяники, приносившіе свои бездѣлушки, сдѣланныя изъ моржовой и мамонтовой кости, но и это развлеченіе не помогло нисколько. Хмурилось небо, заволакиваемое снѣжными темными облаками; хмурился, казалось, и самый городъ, бѣдный, старый, какъ-будто обезлюдѣвшій. И еще больнѣе становилось на душѣ, и еще тоскливѣе глядѣлось на все окружающее, какъ-то безсознательно и безотчотно: на этотъ разъ, можетъ-быть, потому собственно, что въ тотъ день я намѣревался оставить Хо̂лмогоры, а съ ними и весь архангельскій край, съ которымъ успѣлъ свыкнуться втеченіе года, сдѣлавши по немъ болѣе четырехъ тысячъ верстъ. Передо мною лежала дальная дорога въ неменѣе интересныя страны прибрежьевъ озеръ: Ладожскаго и Онежскаго: но, не вдаваясь и не загадывая о будущемъ, я, противъ воли, увлекся воспоминаніями о недавно покинутыхъ краяхъ. Припоминалась богатая жизнь поморовъ, обставившихся зеркалами, картинами и, рядомъ съ ними, дырявая бѣдность кореловъ и лопарей, почасту безъ куска хлѣба, съ однимъ сухояденіемъ. Возставала, какъ живая, и жизнь ижемскихъ зырянъ, тоже съ зеркалами, чаемъ и картинами; и опять-таки, о-бокъ съ нею, кочеванье полудикихъ самоѣдовъ, въ лохмотьяхъ, по чужой прихоти, по чужому произволу, на безпривѣтныхъ полянахъ тундры. Къ какой, думалось мнѣ, прямой, положительной цѣли ведетъ ихъ судьба въ этихъ кочевьяхъ? Чѣмъ кончится эта, затѣянная не на шутку борьба, это интересное столкновеніе болѣе развитаго народа съ полудикимъ, патріархально-недальновиднымъ, безпечнымъ племенемъ? Кончится-ли это горячей стычкой, ожесточонной съ обѣихъ сторонъ, или

кротко и мирно (какъ и надо ожидать) войдутъ самоѣдскія племена, для слиянія, въ другія сосѣднія имъ и исчезнутъ посреди ихъ навсегда и безъ слѣда, какъ и сдѣлалось уже съ пермскими вогулами? Или...

— Дай денегъ куска для хлѣба куска!—шепелявилъ въ дверяхъ моей холмогорской квартиры маленькой самоѣденокъ и бойко глядѣлъ мнѣ въ глаза; двое другихъ прятались за мать. Мать выступала впередъ, низко кланялась и говорила тоже. Вся семья въ лохмотьяхъ, между которыми даже трудно высмотрѣть характеристическія особенности костюма; у одного мальчика плечо голое, у другаго прорывается малица на груди. Крайняя, вопіющая бѣдность!

— Гдѣ-жъ вашъ отецъ?

— На кабакъ пошла.

— Откуда же онъ денегъ взялъ на вино?

— Мы давалъ.

— А сама-то ты, пьешь?

— Пью.

— И эти деньги пропьешь?

— На мужъ отдамъ, хлѣба купимъ, олень кормимъ... эти деньги не пьемъ.

— А мужъ-то ихъ въ кабакъ унесетъ?

— Унесетъ!

И всѣ эти отвѣты самоѣдка даетъ такимъ спокойнымъ тономъ голоса, какъ будто отвѣчаетъ на вопросы ѣстъ ли она, спитъ ли, проситъ ли милостыню.

Также въ четверомъ, съ тѣми же оборванными ребятишками, изъ которыхъ одного, закутаннаго въ мѣхъ, везли на маленькихъ саночкахъ другіе два мальчика, промелькнула передо мною самоѣдка подъ окнами крайной избы, на другомъ концѣ города, когда я выѣзжалъ изъ него на петербургскую дорогу. Мелькнули еще потомъ три-четыре такихъ же пестрыхъ группы, съ такими же ребятенками, при тѣхъ же саночкахъ и вымаливающими подъ окнами милостыню, шепелявыми, звонкими голосами, и вдругъ все это смѣнилось бѣлымъ, снѣжнымъ, безлюднымъ полемъ, лѣсомъ вдали, ямщикомъ прямо передъ глазами, почтовыми лошадьми съ разбитыми ногами, съ неизбѣжнымъ колокольчикомъ подъ дугою... Но долго еще потомъ преслѣдовали меня подробности послѣдняго моего свиданія съ предста-

вителями самоѣдскаго племени: инька, вымаливающая куски хлѣба и молоко для ребятишекъ и оленей, и отдающая деньги мужу; мужъ, пропивающій эти деньги въ кабакѣ, изъ котораго выталкиваютъ его потомъ на морозъ... Крѣпко выспится — привычнымъ дѣломъ — самоѣдъ на снѣгу, придетъ въ чумъ, больно прибьетъ иньку, прибьетъ ребятишекъ, оберетъ деньги (если онѣ есть) и опять полѣзетъ пропивать ихъ на пользу откупу, ни на малѣйшую для себя: и опять инька начнетъ стучаться по подоконьямъ... И такъ во всю зиму, до той поры, когда начнетъ таять снѣгъ и придетъ самоѣдамъ пора убираться въ дальную тундру и опять не показываться въ городѣ до перваго снѣгу и морозовъ.

8. ОСТРОВЪ КОЛГУЕВЪ.

Слухи объ немъ.— Настоящее его значеніе и физическій видъ.— Промыслы птицъ: гусей, гагаръ, утокъ.— Исторія заселенія острова. — Самоѣдскія семьи на Колгуевѣ.— Шпицбергенъ.— Грумаландская пѣсня.

—

— По три дня молебная совершалъ, наканунѣ отъѣзда св. тайнъ Господнихъ пріобщился, а когда съ семействомъ прощался и благословлялъ его своимъ грѣховнымъ благословеніемъ, въ душѣ такое стѣсненіе и сомнѣніе возродилось, что даже готовъ былъ отказаться на вѣки отъ исполненія долга. Но, сочтя все сіе попущеніемъ духа тьмы грѣховныя и помолясь въ сиротѣющей семьѣ своей молитвою на путь—шествующимъ и съ колѣнопреклоненіемъ въ послѣдній разъ, заплакалъ я, горько заплакалъ, какъ юнецъ младый, и отправился. Пять дней боролись мы съ морскою стихіею, преодолѣвая ея напоръ и волненія, и на шестые сутки—Богу поспѣшествующу! — узрѣли, наконецъ, вожделѣнный берегъ острова Колгуева. За всѣ страданія, о коихъ считаю за благо промолчать, вознаградилъ себя тѣмъ святымъ дѣломъ, на которое уготованъ и освященъ: съѣзжая съ пустыннаго Колгуева, не оставилъ я на немъ ни единаго изъ живущихъ тамъ самоѣдскихъ семействъ неокрещеннымъ, во Христа Спасителя невѣрующимъ.

Вотъ что слышалъ я про Кóлгуевъ съ одной стороны, и съ другой отъ промышленниковъ:

Что островъ этотъ не страшнѣй Матки (Новой-Земли); что страшно только для непривычнаго человѣка проѣхать полтораста верстъ *полымъ* (открытымъ) моремъ; но что, если промышленнику брезговать Кóлгуевымъ, такъ нéзачѣмъ было ему и на свѣтъ Божій родиться.

— На печи лежа, кромѣ прóлежней, мало чего другаго нажить можно, а съ моремъ игру затѣешь — умѣючи да опасливо — въ накладѣ не будешь. Намъ, поморамъ, въ морскихъ плаваньяхъ не учиться стать; мало того, что малый ребенокъ умѣетъ весломъ владать: баба, самая баба—ужъ чего-бы, кажись, человѣка хуже?!—а и та, что бѣлуга, что нерьпа,—лихая въ морѣ. Смѣло давай ей руль въ лапу и спать ложись, не выдастъ: не опружитъ и слезинки тебѣ единыя не покажетъ...

Вотъ что разсказывали потомъ другіе и третьи:

— Объ одномъ тебѣ, твоя милость, тосковать надо, что ходятъ теперь тамъ льды да торóсья — не проступишься; а пріѣхалъ бы по лѣту, мы бы съ тобой и разговоровъ долгихъ не имѣли: взяли бы тебя въ охапку, по рукамъ, по ногамъ вязкой (веревкой) связали, положили бы въ карбасъ, и крупнаго бы суденка не брали. Кóлгуевъ этотъ что? Кóлгуевъ этотъ все равно, что домъ нашъ родной; полтораста этихъ верстъ мы бы на попутничкѣ и въ сутки обработали. Ты бы лежалъ да во снѣ хваленую свою родину видѣлъ; мы бы паруса ладили да пѣсенки бы свои задвенныя попѣвали. Никому бы это въ обиду! Вѣрь ты Богу, слушай-ко!

— Видалъ ты, какъ журавли да гуси летятъ по поднебесью? Ноги вытянутъ взадъ, крылья распустятъ, носы вытянутъ, загогочутъ; артель свою на многія пары разобьютъ, впередъ толковаго вожака пустятъ и — помни! — безотмѣнно одного вожака впередъ пустятъ, и полетятъ. И знай ты это: весной эти гуси летятъ къ сѣверу, они летятъ на наше море, на острова наши, а пуще на Кóлгуевъ, по осени гогочутъ въ небѣ—стало, отъ нашей ловитвы остаточные; въ теплыя страны уходить хотятъ. А тамъ къ веснѣ опять прилетятъ къ намъ съ новой силой своей, съ первачками—выводками. Нашему брату тó и на руку. Вотъ почему мы очень-больно любимъ

Колгуевъ: намъ онъ пуще Моржовца, Вайгача, да и Матки самой, потому ближе, да и повадливѣе.

Къ показаніямъ мезенцовъ можно прибавить еще то въ особенности существенное и едва-ли не главное, что островъ Колгуевъ можно считать болѣе гостепріимнымъ и удобнымъ къ заселенію; чѣмъ два другихъ, принадлежащихъ Россіи океанскихъ острова: Новая-Земля и Вайгачъ. Тоже самое говорятъ и факты: Новая Земля, доступная только лѣтомъ, весною и осенью пагубна для промышленниковъ своимъ скорбутомъ, отъ котораго таетъ не одна жертва, и при томъ ежегодно; ни теплая оленья кровь, ни мочоная морошка, ни постоянная дѣятельность и движеніе не спасаютъ *лѣтняковъ* *) отъ смерти. Таковъ и (Вайгачъ, отдѣленной отъ матерой земли пятиверстнымъ проливомъ (Югорскимъ Шаромъ), островъ болѣе длинный, чѣмъ широкій, утесистый, низменный, окружонный безчисленнымъ множествомъ рифовъ коргъ), но богатый пушнымъ звѣремъ и перелетной птицой — древнее святое мѣсто язычниковъ самоѣдовъ. Правда, что и Колгуевъ долгое время носилъ незаслужонное имя негостепріимнаго и также пагубнаго для заселенія острова; но позднѣйшіе факты рѣшительно говорятъ противное. Правда, что 85 лѣтъ тому назадъ Барминъ, архангельскій купецъ — раскольникъ, выселилъ на собственное иждивеніе на островъ Колгуевъ сорокъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ, желавшихъ основать тамъ скитъ; но всѣ переселенцы эти вымерли въ одинъ годъ (спаслось только четверо); но правда также и то, что раскольники эти большею частію были люди престарѣлые и принадлежали къ строгой аскетической сектѣ, допускавшей, изъ набожности, въ нѣкоторые установленные ими мѣсяцы пріемъ пищи только одинъ разъ въ недѣлю. Академикъ Озерецковскій, сопутникъ Лепехина въ его учономъ путешествіи по сѣвернымъ берегамъ Россіи, въ 1772 году встрѣтилъ на рѣкѣ Снопѣ (впадающей въ океанъ на

---

*) Всѣ отъѣзжающіе изъ домовъ въ дальніе промыслы носятъ названіе *лѣтняковъ*, потому что они дальше лѣта не промышляютъ, и *разбойными людьми* иногда), потому-что промыселъ крупнаго морскаго звѣря издавна слыветъ *разбойнымъ*. Подъ этимъ именемъ попадается онъ и въ старинныхъ актахъ, даже временъ Мароы Посадницы Великаго Новгорода.

Канинскомъ берегу) двухъ изъ барминскихъ прозелитовъ, до-того заражонныхъ уже (до переселенія еще на Кóлгуевъ) скорбутомъ, что «вонь изъ ихъ ртовъ оттолкнула меня къ дверямъ избы (какъ пишетъ авторъ); лица ихъ были преблѣдныя, крѣпости въ тѣлѣ никакой не находилось, и я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что бѣдные люди пылаютъ суевѣріемъ и на Ледовитомъ морѣ». И потомъ далѣе: «Я представлялъ голоднымъ раскольникамъ нюхальный табакъ, увѣряя ихъ, что онъ очищаетъ грудь отъ мокротъ, производя частое откашливаніе, но убѣжденія мои были тщетны и отвергнуты тѣмъ, что табакъ родился отъ блудной женщины, что доказывали книгою, писанною въ листъ полу-уставомъ, гдѣ прегрубо была изображена женщина и представленъ табакъ, изъ нее выходящій».

Между-тѣмъ, въ настоящее время на Кóлгуевѣ живутъ болѣе ста самоѣдовъ, лѣтъ двадцать назадъ тому выселившихся сюда, или на правахъ оленныхъ пастуховъ по найму отъ мезенскихъ богачей, или, наконецъ, по доброй волѣ (хотя это, впрочемъ, и меньшая часть). Переселенцы эти прекратили всякое сношеніе съ материкомъ и уже успѣли значительно обсѣмениться. Посѣщавшіе островъ береговые жители видали тамъ и грудныхъ дѣтей и подростковъ, не замѣчая въ нихъ никакихъ проявленій особенныхъ болѣзней (кромѣ свойственныхъ всему самоѣдскому племени оспы и сифилиса); на себѣ самихъ они не испытывали ни малѣйшаго признака всегда ненавистной и всегда погибельной цынги, но даже, вернувшись домой къ осени, неизбѣжно встрѣчали такого рода привѣтствіе:

— Разнесло тебя, сватъ, раздробило; ужъ и впрямь сказать тебѣ одно надобно: либо съ Мурмана тебя принесло, либо съ Кóлгуева. Хорошъ островокъ — дай ему, Господи, многіе годы!...

Высокое, скалистое положеніе острова, пять значительныхъ по величинѣ рѣкъ съ прѣсной водой (Великая, Пушная, Кривая, Васькина и Гусиная), также нѣсколько прѣсныхъ озеръ близъ середины острова и самая середина эта, значительно поднятая надъ окрайными берегами, стало-быть, обусловливающая постоянно передвиженіе воздуха морскими вѣтрами, отсутствіе значительныхъ по высотѣ скалъ, громоздящихся на

другихъ островахъ плотными стѣнами, допускающими частый застой воздуха, который заражается тамъ лѣтнею порою зловредными испареніями гніющей морской туры (морскаго гороха); наконецъ, сильное теченіе океана, прямо направляющееся мимо этого острова на Новую-Землю — вотъ тѣ видимыя причины, которыя обусловливаютъ возможность существованія на островѣ Ко́лгуевѣ жителей. Правда, впрочемъ, и то, что не удивятъ, не обезсилятъ привычнаго самоѣда никакія физическія невзгоды и лишенія, если же онъ изъ вѣковъ съумѣлъ принаровиться къ своему дымному чуму. Въ немъ, лежа передъ разложеннымъ въ серединѣ костромъ, нагрѣваетъ онъ одинъ бокъ и въ тоже время студитъ другой.

Мезенскіе промышленники, одинаково привычные и къ чистой, теплой деревенской избѣ, и къ тому же самоѣдскому чуму, живутъ на Ко́лгуевѣ только по лѣтамъ. Правда, что и для нихъ, какъ и для самоѣдовъ, по ко́лгуевской тундрѣ, ростетъ несмѣтное множество морошки и настаитъ тяжолый трудъ, требующій напряженія физическихъ силъ и усидчивой работы. Но, во всякомъ случаѣ, Ко́лгуевъ — весьма гостепріимный, далеко непогибельный изъ всѣхъ острововъ нашего Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Если самоѣдскія семьи удерживаютъ на Колгуевѣ богатство оленьяго моха, выстилающаго всѣ покатости острова, и, стало быть, легкую возможность прокармливать оленьи стада, вывезенныя сюда изъ мезенской тундры, то мезенскихъ про мышленниковъ влечотъ Ко́лгуевъ богатствомъ перелетной птицы, въ несмѣтномъ количествѣ наполняющей этотъ островъ.

— Если-бы вся-то округа наша пріѣхала сюда и всѣ бы суда свои, и крупныя и мелкія, привела съ собой, то и того бы на всѣхъ хватило. Таково обиліе птицы всякой на острову этомъ!—говорили мнѣ всѣ мезенскіе поморы въ одинъ голосъ, какъ-будто предварительно сговорившись.

— Ѣздимъ на Ко́лгуевъ артелью, ѣздимъ и въ одиночку, какъ кого Богъ надоумитъ. На то у всякаго свой царь въ головѣ: это извѣстно—разсказывали мнѣ мезенцы.

— Лодку обряжаемъ мы на ту пору не съ большимъ запасомъ, меньше новоземельскаго, потому на Ко́лгуевѣ самоѣдь живетъ, и плохой у нихъ тотъ человѣкъ, который оленя поскупится для гостя зарѣзать — заѣдятъ всѣ другіе. Къ тому

же у насъ съ ними таковъ уговоръ и обычай, чтобы каждая артель по бочкѣ соленыхъ гусей на харчи самоѣда, при отъѣздѣ домой, безпремѣнно отдавала. Такъ ужъ и ведемъ съ коихъ поръ. Ну, вотъ ѣдемъ мы, значитъ на Ко́лгуевъ греблей, либо бѣжимъ парускомъ — какъ кого Господь взыщетъ. Слушай: море тебѣ либо тишью да гладью отдаетъ, либо вольненькой, легонькой морянкой въ бока поталкиваетъ, а не то и всѣмъ взоднишшомъ мотаетъ, словно со зла да на смѣхъ. Слушай опять: нашему брату это горе: лихая потѣха, безъ нея нельзя, мы уже съ ней свычны отъ той поры, какъ на дыбкахъ стояли, а безъ матери и пищи насущной промышлять могли. Ѣдемъ мы на Колгуевъ, день, ѣдемъ другой, — а чего Боже сохрани!—и третій, особо если въ греблѣ идешь отъ самаго матераго берега: небо тебѣ сверху, небо съ боковъ, да море—наше поле; ничего не видать кругомъ, словно и свѣтъ-то тутъ весь къ исходу подошолъ, словно и конецъ его тамъ и нѣтъ тебѣ дальше никакого спасенья. Отъ скуки хлѣбца потреплешь, сёмушки поѣшь, коли есть она у тебя, да не забылъ ты ее прихватить съ собой. Ладно! поѣшь, значитъ, насытишь свою утробушку богоданную, перекрестишься разъ-другой-третій, ребятъ чередныхъ въ веслахъ оставишь, самъ на боковушку ляжешь соснешь, сколько силъ твоихъ хватитъ—хорошо же вѣдь это, благодатно на ту пору бываетъ. Вѣрь ты въ этомъ слову моему нелживому! Скуки мы тутъ никакой не замѣчаемъ и вспомнить-то объ ней и въ умъ не приходитъ. Право, такъ. Ладно, ну! слушай-же дальше: ѣдемъ опять, позёвываемъ, разговоръ—какой наклюется—ведемъ, въ лихой часъ и пѣсню рявкнемъ всей-то артелью, ведемъ и ее сколько опять-таки нашей силы хватаетъ. Бываетъ же и эдакъ: что предъ тобой грѣхъ-отъ этотъ таить! Ѣдемъ, ѣдемъ; Колгуевъ запримѣчаемъ, словно камень какой вдалекѣ — радуемся. А камень этотъ въ недѣлю только и обѣгаемъ вокругъ на лыжахъ; верстъ же ста три съ половиной легло тутъ; большой островъ, изъ самыхъ большихъ — въ этомъ и спору быть не можно. Ѣдемъ мы опять-таки, ста́ло быть, все ближе да ближе; рѣчонки его, что въ море выбѣжали, камни по одиночкѣ, чумъ какой—все видимъ, все богатство его великое видимъ, все до пустяка послѣдняго: тальничокъ его — лѣсъ дремучій, что отъ земли поднялся на поларшина, да и зачахъ на вѣка-вѣчные,

не пошолъ выше; морошку видимъ, что во все лѣто созрѣть инымъ годомъ не успѣваетъ; самоѣдскую рожу видимъ. Стой, значитъ, братцы, пріѣхали: молись Богу, да и ступай къ знакомому самоѣду оленя свѣжить, водкой поить крестиваго. И тутъ опять-таки хорошо, вальяжно бываетъ! Не наскучилъ-ли?

Круто-оборванная рѣчь требовала поощренія:

— Весело началъ, скуки не жду; продолжай, пожалуйста!

— Не опять-ли съ начала, какъ въ сказкѣ про бѣлаго быка, что наши старухи на печи разсказываютъ. Ну инъ быть по твоему: поведу съ конца. Слушай и не мѣшай ты мнѣ, коли я распоясался. Таковъ ужъ человѣкъ отъ бытія своего, съ самаго съ рожденія. Намъ вѣдь у моря горевать нечего. «Не унывай!» и въ писаніи сказано.

— Вотъ и пріѣхали, и выпили крѣпко-на-крѣпко, и поплясали, пожалуй: вѣдь безъ того и дѣла не начнешь. Выпей опять-таки, сказано выпей морской человѣкъ, только не пьянствуй: въ пьянствѣ зло, а не въ выпивкѣ. Такъ и мы: выпить выпьемъ, а дѣло смекаемъ:

— На ту пору... (стану я говорить, ужъ откашлявшись) на Кѳлгуевъ птица прилетѣла вся и ведетъ безустанной крикъ, что и въ Соловецкомъ отъ чаекъ такова не бываетъ! Разговору да крику даетъ она на ту пору много, только привычному человѣку и выносить: тутъ и гусь гогочетъ крѣпче всѣхъ; тутъ и гагка своимъ горлышкомъ звонитъ, словно въ стеклушки; тутъ и утка сычитъ, словно пьяный мужикъ съ перепою, и чайку слышишь, и всѣхъ слышишь и безотмѣнно всему этому крику порато-шибко радуешься. Такъ вѣдь и надо. Дай же я опять откашляюсь...

— Слушай опять, коли нравится: извѣстно ужъ, на всемъ намъ на этомъ весельи одно остается: кому ружье продувать, кому въ продутое зарядъ всыпать, а кому и правое око къ прицѣлу да и въ лютаго врага—супостата. Май мѣсяцъ, іюнь опять. беремъ мы эту птицу такимъ побытомъ на стрѣльну. на гнѣздахъ. Кто гораздъ стрѣлять—много беретъ, кто послабѣе—ликуй Исаія... а впрочемъ, всѣмъ благополучно, въ накладѣ никто не остается. Убитую мы птицу въ кучи складываемъ, лежитъ она матушка, тухнетъ, коли дожди льютъ, а не то и сама подпрѣваетъ. Намъ это ничего, потому на больно-то хорошее не поважены; ѣдимъ и такихъ въ сласть да

прихваливаемъ! Намъ къ душинѣ-то этой, послѣ мурманской трески, да гридинскихъ сельдей, не привыкать же стать. Ну вотъ: полежатъ у насъ набитые гуси, подождутъ своего череду, когда мы стрѣлять поустанемъ, или порохъ подъ исходъ пойдетъ—мы ихъ посолимъ, въ бочки сложимъ; новинку станемъ отвѣдывать—за уши тоже деремъ другъ друга, съ приговоромъ; все какъ быть по христіанскому по обычаю....

— Вѣдай же дальше вотъ что: передъ Прокофьевымъ днемъ (въ началѣ іюля) гуси—*яловики* (бездѣтные) линять ничинаютъ, на самый Прокофьевъ день (8 іюля) у нихъ глухая лёнь бываетъ. Лённый гусь летать уже не можетъ: пера на немъ мало, пухъ словно выщипалъ кто. Сидитъ тотъ гусь словно обиженный: и молвы лишается, и сидитъ прикурнувши, прячется и отъ человѣка таится, словно стыдно ему наготы-то своей, какъ бы и нашъ братъ православный человѣкъ безъ малицы: рѣшительное подобіе! Вотъ какъ сѣлъ этотъ лённый гусь на малыхъ озерахъ, да пустилъ большое въ запасъ, чтобы ходить туда за пищей денной — мы порохъ прячемъ далеко, о ружьяхъ и не вспоминаемъ, а беремся, вмѣсто ихъ, за сѣти. Тутъ ужъ не работа, а масляница, и дѣло вотъ какого толку и принаровки: на всѣхъ тѣхъ переходахъ изъ малыхъ озеръ въ большое, гдѣ гусь ходить любитъ, мы распутываемъ сѣти свои, крыльями далеко по сторонамъ, въ серединѣ—у малыхъ озеръ—воротца оставляемъ для входу птицы. У воротецъ изъ тундры дѣлаемъ въѣздецъ такой: къ озеру покатой, въ серединѣ круга крутой, прекрутой, чтобы не могъ гусь драла дать назадъ, коли попалъ онъ, по нашему велѣнью, въ матищу сѣти. Сдѣлаемъ мы все это (а дѣло и часа времени не займетъ)—спускаемъ собакъ, сами шумимъ да лаемъ, чтобы зналъ гусь, что ему изъ малаго озера въ большое выходить надо. Тутъ нашъ братъ снаровку знай: не потянулъ бы передовикъ-гусь въ гору, помимо сѣти твоей. Потянулъ одинъ—за нимъ и всѣ побѣгутъ (таковъ ужъ у нихъ досельный обычай!). А побѣжали гуси въ гору, ты за ними и на оленяхъ не угонишься: круто (шибко) бѣгаютъ. Отъ собакъ бѣгутъ они въ воду, отъ человѣка въ воду—это тоже примѣта: такъ и знаемъ, а потому и творимъ дѣло съ опасомъ, не борзяся и малымъ ребятамъ пе подобясь. А попалъ одинъ гусь въ воротца, за нимъ и другой и сотой побѣжитъ; тутъ только прыгай за нимъ да лови въ охапку да

да отвертывай головки. А это ужъ малаго ребенка рукодѣліе — легкая забава, безобидная!...

— А не побѣгутъ въ воротца?

— Да на это человѣку и хитрость дана, для этого человѣкъ и бородой опушается — по мнѣ, это такъ, да и эдакъ, пожалуй, что вотъ есть и такіе хитрые сѣрые гуси — гуменниками мы ихъ зовемъ — что хитрѣй звѣря трудно найти, не токмя какую глупую, слабую птицу. Любитъ гусь этотъ таиться — не скоро ты его отыщешь, да и отыщешь: дѣло вести съ нимъ не мутовку лизать.

— Мы хитрую эту птицу, на лодкахъ выѣзжаючи, на середину озера съ опасомъ съ великимъ сгоняемъ, да и тутъ онъ тебѣ козлы ставитъ: человѣка онъ видитъ, человѣка онъ за врага знаетъ и творитъ съ нимъ всякую кознь. Въ середину озера онъ нейдетъ, на этотъ разъ кучевой артели до смерти боится. Мы и собакъ держимъ на этотъ часъ на привязи, чтобы не лаяли, не пугали, и веслами легонько гребемъ, а не токма̀ разговоръ, и духъ-отъ, пожалуй, въ себя вбираемъ. А гусь все свою жизнь бережотъ, все опасается, все оглядывается, все не тянетъ въ кругъ. Одинъ и на берегъ выйдетъ, пожалуй: и все оглядывается, все человѣчью-то нашу хитрость ни въ грошъ не ставитъ, надсмѣхается. А побѣги онъ, побѣги, Христа ради! — всѣ за нимъ, всѣ за нимъ!... ей-Богу!

Разскащикъ привскочилъ съ мѣста, махалъ руками, учащонно крестился и, не говоря уже ничего дальше, крутилъ только пальцами и кистью правой руки, показывая, вѣроятно, движеніемъ этимъ тотъ счастливый моментъ гусиной ловли, когда они, стянувъ сѣти, чтобы не пускать своихъ живыхъ плѣнниковъ обратно въ воду, начнутъ вертѣть имъ злополучныя головки. Долго разскащикъ мой не могъ собраться съ силами, продолжая крутить уже подъ-конецъ обѣими руками, головой и плечами, возбуждая этими движеніями неудержимый общій смѣхъ.

— Гусь—*клокотъ* дуракъ, у того и голова-то, коли не коровья съ другости съ его, такъ я ужъ и не знаю чья! выговорилъ наконецъ разскащикъ забавно-прерваннаго имъ разсказа.

— Гусь—клокотъ, говорилъ онъ потомъ:—башковатостью-

то своей развѣ только съ одной казарой спорить можетъ. Эта сударыня такая несосвѣтимая неумытная дура, что сама въ наши промысловыя избы заходитъ; да на смѣхъ мы и сами ее туда загоняемъ когда, отъ большаго бездѣлья. Отъ слѣпоты ли это она дуритъ, съ большаго ли перепуга, человѣка-то ли она больно любитъ, или ужъ отъ рожденья у ней на это такая слабость—сказать не могу!...

Разскащикъ мой опять перевелъ духъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія слова свои говорилъ онъ такъ бойко и скоро, что съ трудомъ можно было услѣдить за нимъ и съ стенографомъ даже.

— И вотъ! продолжалъ онъ, охорашиваясь и нѣсколько съ торжественнымъ видомъ, высоко поднявши голову. И вотъ, ваше высокое благородіе, не торговый ты человѣкъ, мой гостенекъ дорогой!—вывозимъ мы съ Ко́лгуева — острова гусей этихъ самыхъ, по общей смѣткѣ, сказываютъ, сто-тысячъ штукъ. А могли бы и больше—ну, да это ладно! объ этомъ я тебѣ и вспоминать больше не стану, а поведу тебѣ рѣчь свою къ концу и на пущую докуку о томъ, что на нашъ Ко́лгуевъ еще грумансkія гаги прилетаютъ и зовемъ мы ихъ *турпа́нами*. Это—не то тебѣ утка морская, не то настоящая гагка, а прилетаетъ ее на Ко́лгуевъ несмѣтное тоже число. Садятся онѣ больше на лѣтней (южной) сторонѣ, на меляхъ Крива́чьихъ или Тонкихъ Кошкахъ (корги-то эти и море, почесть, никогда не топитъ, не заливаетъ водой). Сидятъ онѣ тутъ, не кричатъ, въ кругахъ, а выгонишь ихъ въ гору къ сѣтямъ, бѣгутъ не долго, сейчасъ отдохнуть сядутъ, потому больно жирны и пахнутъ. Тутъ ихъ не стрѣляй, а то всѣ въ растёку ударятся, а гони опять — безотмѣнно въ сѣти попадутъ, ингодь тысячъ пять, а не то и всѣ пятнадцать за одинъ разъ. Щипать ихъ только трудно бываетъ послѣ: твердо, туго, докучливо, опять-таки оттого, что крѣпко жирны *). Чѣмъ больше лодокъ пущаемъ въ ходъ, тѣмъ и удачи больше имѣемъ. Тутъ вся хитрость—подогнать ихъ къ берегу, не пускать въ голомя. А затѣмъ

---

*) Извѣстно также, что знаменитый гагачій пухъ сбирается нашими поморами въ гнѣздахъ, которыя и выстилаетъ птица этой пушниной. Гагачій пухъ имѣетъ впрочемъ то неудобство, что, худо вычищенный, въ излишкѣ пропитанный жиромъ, скоро скатывается въ плотной войлокъ.

угодишь собрать ихъ въ табунъ и—погонишь. Бѣгутъ онѣ, съ боку на бокъ переваливаясь, боковыя покружатся около середнихъ да и устанутъ, и этѣ сядутъ, а тамъ только отдѣляй въ кучи шестами по участкамъ, да и гони потомъ въ какую сѣть пожелаешь. Идутъ охотно безъ разговоровъ, словно человѣкъ изъ бани вышолъ, да крѣпко запарился, да на печь полѣзъ спать послѣ того и разговору держать никакого не можетъ. Вѣрь ты и въ этомъ моей совѣсти, какъ своей: врать мнѣ не изъ чего! Беремъ мы съ гагаръ и гагки опять этой подать и яицами; а яица эти кладутъ онѣ на воду, на мелкое мѣсто, на холмушки, на травничокъ. Тутъ и собираемъ и ѣдимъ въ отмѣнное свое удовольствіе. Гагаръ мы пущай и не бьемъ, потому гагара крѣпко рыбой пахнетъ.

— Съ гагарами ужъ самоѣдъ расправляется*). Это ужъ ихное дѣло; съ тѣмъ и будетъ! — кончилъ рѣчь свою разсказщикъ, закругливъ ее, по обыкновенію всѣхъ своихъ земляковъ, долгимъ и низкимъ поклономъ.

— Что же затѣмъ еще есть у тебя?

— А затѣмъ и ихъ щиплемъ и ихъ солимъ, что и гусей же. Штукъ по сту, по полутораста въ одну бочку прячемъ. Съ тѣмъ и въ торговлю пускаемъ, а дальше тебѣ и сказывать нечего!...

Но дальше сказать можно еще то, что дурной, скудный посолъ, хотя и хорошой заграничной солью, а главное при этомъ— неопрятность и крайная небрежность и неумѣнье, дѣлаетъ изъ этихъ жирныхъ и вкусныхъ гусей такой скверный продуктъ, который и разитъ непріятнымъ запахомъ псины, и на вкусъ отвратителенъ для всякаго непривычнаго человѣка. Не въ особенномъ почотѣ колгуевскіе гуси и у туземцовъ, хотя и считаются праздничнымъ блюдомъ. Богатые ижемцы, напримѣръ, даже не ѣдятъ ихъ; а въ Архангельскѣ тѣ же гуси, свезенные

---

*) Крикливая гагара замѣчательна еще тѣмъ, что даетъ со спины и съ брюха легкія, мягкія, теплыя бѣлыя шкурки, изъ которыхъ туземцы дѣлаютъ мѣха для шубокъ, душегрѣекъ и салоповъ. Изъ шеекъ гагаръ (сизыхъ съ бѣлыми крапинками, расположонныхъ четыреугольникомъ въ серединѣ) дѣлаютъ также родъ птичьяго мѣха, употребляемаго на шапки, муфты и т. п. Мѣхъ этотъ красивъ и оригиналенъ, и, сверхъ того, на дождѣ и снѣгу непромокаемый, дѣлается еще красивѣе, еще чище и сизѣе.

на мезенскихъ лодьяхъ для продажи, раскупаются только бѣднымъ, неприхотливымъ саломбальскимъ и кузнечевскимъ населеніемъ города, по самой дешовой, почти баснословной цѣнѣ (по 6 и по 7 коп. сер. за шт.). Правда, что причину всего этого надо искать въ томъ давно-установившемся и, по несчастію, еще справедливомъ до сихъ поръ мнѣніи, что и поморъ архангельской также, какъ и всякой другой русской человѣкъ, на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось, да какъ нибудь; хотя тотъ и другіе давно и хорошо знаютъ, что знайка бѣжитъ, незнайка лежитъ, что во всякомъ дѣлѣ починъ дорогъ; хотя въ то же время извѣстно имъ, что съ заклятымъ, закоснѣлымъ и упорнымъ немного сдѣлаешь, что это — горбатый, котораго правитъ не дубинка, а могилка. Остается, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и во всякомъ другомъ на святой Руси, пожелать всей душой и помыслами, чтобы и здѣсь также былъ поскорѣе и толковый и скорый починъ, а за толкомъ и смѣткой русскому человѣку не далеко ходить: русскій человѣкъ не скоро пошевеливается, принимаясь за новый толкъ, но, разъ взявшись за дѣло, дружно держится своего ремесла. Архангельцы стали же въ послѣднее время высылать въ столицы и хорошую семгу, и хорошо-просоленыхъ сельдей; дадутъ, можетъ быть, при новомъ толкѣ, много и другаго хорошаго.

А, между тѣмъ, Ко́лгуевъ, и кромѣ птицы, богатъ многимъ, и даже очень многимъ. Мезенцы, ограничиваясь почти исключительною добычею гусей, морскихъ утокъ и гаги, пухъ которой по осенямъ убѣляетъ всѣ южные отклоны островскихъ холмовъ. Печорцы промышляютъ тутъ песцовъ и волковъ, имѣютъ здѣсь часть оленей, остальные промысла отдаютъ на умѣнье и толкъ самоѣдовъ. Эти стрѣляютъ по берегамъ и нерьпу, которая любитъ понѣжиться одинаково и на льдинѣ, какъ и на шероховатомъ, оголяемомъ въ морской отливъ камнѣ, и морскихъ зайцовъ и моржей, которые, хотя и рѣдко, но выстаютъ и здѣсь также, какъ и на Новой-Землѣ. Неводятъ самоѣды и жирныхъ, всегда прибыльныхъ бѣлугъ, хотя большая часть этого корыстнаго, сальнаго звѣря ускользаетъ отъ рукъ и угребаетъ потомъ и къ полюсу на свободу, и въ Бѣлое море, въ болѣе опытныя и навыкнувшія въ дѣлѣ руки. Рыба, изобильно населяющая островскія рѣки и озера, какъ, напримѣръ, гольцы, сиги, омули и кумжа (форели), вылавливается исключи-

тельно для мѣстнаго употребленія и, во всякомъ случаѣ, во всякое время способна обусловливать въ извѣстной степени и существованіе переселенцовъ, и возможность дальнѣйшаго посѣщенія этого острова береговыми сосѣдями его. Дикій лукъ и щавель, клюква и морошка, топливо, въ избыткѣ выбрасываемое моремъ на островскіе берега, служатъ немалымъ и не ничтожнымъ подспорьемъ ко всему вышесказанному, чтобы окончательно увѣриться въ возможности дальнѣйшаго заселенія Колгуева. Ошкуй (бѣлый медвѣдь) часто, правда, бродитъ по острову и творитъ свои неладныя медвѣжьи штуки; но противъ него найдется и горячая пуля, и мѣткій выстрѣлъ, и вѣрный взглядъ; дикіе олени, въ свѣжемъ ихъ видѣ, даютъ вкусную и здоровую пищу; множество песцовъ и лисицъ, издавна сдѣлавшихся уже аборигенами здѣшныхъ, хотя и пустынныхъ, но здоровыхъ климатомъ, мѣстъ, могутъ служить цѣлью небезвыгодной и нетрудной ловли. Впрочемъ все-таки на Колгуевъ пріѣзжаетъ немного: не болѣе 50—60 промышленниковъ, но и тѣмъ однихъ гусей удается вывозить штукъ до 100 тысячъ, да отъ 70 до 100 пудовъ гусинаго и утинаго пуху, пудовъ 50 мелкаго перья, штукъ до 400 лебяжьихъ шкурокъ.

Кривая рѣка и Гусиная давно уже извѣстны мезенцамъ, какъ довольно удобныя становища для судовъ; а губа Промóй, далеко врѣзавшаяся узкимъ рукавомъ своимъ въ островъ, так же давно уже служитъ безопаснымъ рейдомъ для самыхъ крупныхъ бѣломорскихъ судовъ, каковы лодьи и шкуны.

Ждетъ ли островъ Кóлгуевъ (для того, чтобы приносить собою большія выгоды туземному краю) честно задуманной, умно поведенной компаніи, или его также постигнетъ такая же плачевная участь, какую несетъ отъ русскихъ промышленниковъ богатый, хотя и дальній Шпицбергенъ — рѣшить не беремся. Но, во всякомъ случаѣ, по всѣмъ слухамъ, по общему мнѣнію и по личнымъ соображеніямъ, Кóлгуевъ далеко не того стоитъ, во что съумѣли оцѣнить его до настоящаго времени всѣ знающіе и посѣщавшіе его. Но жаль, если какая-нибудь предпріимчивая и понимающая дѣло компанія не удержитъ мезенцовъ отъ береговыхъ промысловъ, которые успѣли уже пріучить ихъ къ лѣни и къ какой-то апатіи, особенно если принять въ соображеніе слобожанъ (жителей города Мезени) и сосѣдей ихъ къ югу по рѣкѣ Мезени. Примѣръ на глазахъ: богатый Шпицбер-

генъ (Грумантъ, по архангельскому нарѣчію) брошенъ русскими въ добычу голландцовъ, которые выбиваютъ тамъ и китовъ, и огромныя юрова (стада) моржей, и бѣлугъ, и другихъ крупныхъ и мелкихъ звѣрей. Крайная ли отдаленность этого острова (болѣе 600 верстъ отъ берега), нездоровой ли климатъ его, несчастныя ли попытки туземцовъ, изъ которыхъ самая послѣдняя огласилась на всю Россію неслыханнымъ въ тѣхъ мѣстахъ кровавымъ преступленіемъ *) — причиною этому, но во всякомъ случаѣ, Шпицбергенъ уже не посѣщается русскими промышленниками, словно путь къ нему зачурованъ и заказанъ впередъ на неисчотные годы.

И только пѣсня одна, нехитро сложенная, хотя все-таки оригинальная сама по себѣ, можетъ быть, будетъ ходить въ народѣ, а, можетъ быть, и забудется также скоро, какъ забыли поморы путь на давно-знакомой имъ Грумантъ. Случайно попалась пѣсня эта въ мои руки отъ одного изъ мезенскихъ стариковъ; спѣшу привести ее здѣсь всецѣло, со всѣмъ ея нехитрымъ, доморощеннымъ складомъ и смысломъ.

Вотъ она:

Ужъ ты хмѣль, ты хмѣль кабацкой,
Простота наша бурлацка;
Я съ тобою хмѣль спознался,
Отъ родителей отсталъ,
Отъ родителей отсталъ —
Чужу сторону спозналъ.
Мы другъ съ другомъ сговорились
И на Грумантъ покрутились **).
Контракты заключили
И задатки получили.
Прощай, лѣтнія гулянки:
Подъ горою стоятъ барки!
Мы гуляли день и два,
Прогулялись до-нага.

*) Происшествіе это, со всѣми своими ужасающими подробностями, своевременно объявлено было черезъ «Морской Сборникъ» (1853 г., т. IX, № 6) и потому повторять его теперь было бы совершенно излишнымъ. — Трое промышленниковъ прожили въ Шпицбергенѣ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца (см. «Арх. Губ. Вѣд. 1846 г.» и «Матросскіе досуги» Даля, изд. морскимъ учонымъ комитетомъ въ 1853 г., стр. 416).

**) Нанялись въ работники, въ покрутъ, въ покрутчики.

Деньги всѣ мы прогуляли,
Наши головы болятъ,
Поправиться хотятъ.
Мы оправиться хотѣли,
Но у коршика *) спросились;
Коршикъ воли не даетъ,
Насъ всѣхъ на лодью ведетъ.
Якоря на бортъ сдымали,
Паруса мы подымали,
Во походъ мы направлялись,
Со Архангельскимъ прощались:
Прощай, городъ Архангельскъ!
Прощай, матушка-Двина!
Прощай, бражницы—квасницы
И пирожны мастерицы!
Прощай, рынокъ и базаръ!
Никого намъ здѣсь не жаль.
Ужъ мы крѣпость **) проходили,
До брамвахты доходили,
На брамвахтѣ прописались,
Въ Бѣло-море выступали.
Бѣло море проходили,
Въ океанъ—море вступили;
Океанъ-море прошли
До Варгаева ***) дошли;
Мы на гору выѣзжали,
Крѣпка рому закупали;
Мы до пьяна напились,
Другъ со дружкой подрались.
Ужъ мы на лодью пришли,
Со Варгаева пошли.
Прощай, городъ Варгаусъ,
Намъ попало рому въ усъ!
Прощай, бирка съ крутиками,
Село красно со песками!
До Нортъ-Капа мы дошли
Оттуда въ голомя †) пошли;
До Медвѣдя ††) доходили,

---

*) Кормщикъ, лоцманъ.

**) Новодвинскую, расположонную въ 17 верстахъ отъ города Архангельска, на восточной сторонѣ, близъ березовскаго устья р. Двины.

***) Вардегузъ—небольшая норвежская крѣпостца.

†) Въ глубь, въ морскую или океанскую даль. Голомя употребляется въ противоположеніе—*горѣ*, т. е. берегу.

††) Медвѣдь-островъ.

И Медвѣдь мы проходили:
Больши льды вдали бѣлѣютъ
И моржи на льдахъ краснѣютъ.
Заецы *) па льдахъ лежатъ,
Нерьпы **) на лодью глядятъ.
Во льды мы заходили
И между льдами мы пошли.
Еще Груманта не видно,
А временятся Соколы ***).
Мы ко Груманту пришли
Становища не нашли —
Призадумались немного
Тутъ сказалъ намъ коршикъ строго:
«Ну, ребята, не робѣй,
Вылѣзай на марса-рей:
И смотрите хорошенько!
Что мнѣ помнится маленько:
Э-тамъ будто становье,
Старопрежно зимовье!»
«Ты правду намъ сказалъ!»
Марсовой тутъ закричалъ,
И рукою указалъ:
«Мандолина противъ насъ,
И въ заворотъ зайдемъ сейчасъ †)
Въ заворотъ мы заходили,
Въ становье лодью вводили,
Чтобъ зимой тутъ ей стоять,
Намъ объ ней не горевать.
Тутъ на гору ††) собирались,
Мы съ приваломъ поздравлялись;
Въ становой избѣ сходились,
Крестомъ Богу помолились;
Другъ на друга мы взглянули

---

*) Конечно, морскіе (phoca leporina).

**) Обыкновенный тюлень (phoca vitulina).

***) Грумантскія (шпицбергенскія) горы. Временятся—по времснамъ показываются еще тускло, какъ-бы въ туманѣ.

†) Эти послѣднія строки, несмотря на всю наивность формы, имѣютъ тотъ многознаменательный смыслъ, что поморы, имѣющіе плохія карты и матки (компасы), ѣздятъ большею частію *по своей вѣрѣ* (говоря ихъ выраженіемъ), т. е. по примѣтамъ, на память, а, стало-быть, и всегда на угадъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ они съ перваго дня своего политическаго существованія. Но долго ли еще будетъ такъ?

††) На берегъ.

Тяжелеќько воздохнули:
«Ну, ребята, не тужить!
Надо здѣсь зиму прожить;
Поживемъ, попромышляемъ,
Звѣрей разныхъ постреляемъ!
Скоро темная зима
Проминуется сама;
Тамъ наступитъ весна красна.
Намъ тужить теперь напрасно».
И, бросивши заботу,
Принялись мы за работу:
Станову избу исправить,
Полки, печку приналадить,
Отъ погодъ обороняться
И теплѣе согрѣваться.
А разволочныя *) избушки
Строить, будто какъ игрушки,
Научились мы тотчасъ.
Поздравляю теперь васъ!
По избушкамъ потянулись,
Другъ со другомъ распростились,
И давай здѣсь зимовать,
Промышлять, звѣрей смекать **).
По избушкамъ жить опасно,
Не пришла бы смерть напрасно.
Мы кулемки ***) становили:
Псечей чорныхъ наловили;
А оленей дикихъ славно
Мы стрѣляли преисправно.
Бѣлой ошкуй господинъ —
Онъ къ намъ часто подходилъ,
Дикарино мясо кушать
И у насъ въ избахъ послушать,
Что мы говоримъ.
А мы пулю въ бокъ дадимъ,
Да и спицами †) въ конецъ
Заколаемъ наконецъ.

---

*) Промысловыя.

**) Искать и ловить.

***) Ловушки для мелкаго звѣря, какъ-то: лисицъ, песцовъ, куницъ, горностаевъ, выдръ и проч.

†) Рогатина—копье, даже въ иныхъ случаяхъ—родъ багра съ остріемъ и зазубриной, или крюкомъ ниже острія. Впрочемъ, багоръ этотъ чаще носитъ названіе *носка*.

Медвѣдь бѣлой тамъ сердитъ,
Своей лапой намъ грозитъ
И шататься не велитъ.
Тамъ безъ спицы мы не ходимъ:
Часто ошкуя находимъ.
Темну пору проживали,
Николи не горевали;
Какъ свѣтлѣе стали дни,
Съ разволочныхъ потянулись,
Въ станову избу пришли —
Всѣхъ товарищей нашли.
Какъ великой постъ пришолъ —
Слухъ до всѣхъ до насъ дошолъ,
Какъ моржи кричатъ, гремятъ,
Собираться намъ велятъ.
Карбаса мы направляли
И моржовъ мы промышляли
По расплавамъ и по льдамъ,
По заливамъ, по губамъ
И по крутымъ берегамъ.
А моржовъ мы не боимся
И стрѣлять ихъ не стыдимся.
Мы ихъ ружьями стрѣляли.
И *носками* принимали,
И ихъ спицами кололи.
И вязали за *тинки* *).
Промышляли мы довольно,
И поѣхали на лодью;
Лодью мы нагрузили
И отправились мы въ ходъ;
Съ Грумантомъ прощались:
Прощай, батюшка ты Грумантъ!
Кабы больше не бывать
Ты Грумантъ—батюшко страшонъ:
Весь горами овышонъ,
Кругомъ льдами окружонъ.
На тебѣ намъ жить опасно —
Не пришла бы смерть напрасно.

Приводя эту длинную, наивную, по своей формѣ, пѣсню, намъ все-таки кажется, что и сквозь простыя, нехитрыя слова ея и подражательный размѣръ (веселаго и скораго напѣва)

*) Клыки, употребляемые для разныхъ костяныхъ подѣлокъ, на которыя давнишніе мастера холмогорцы.

можно видѣть горькія слезы скучнаго одиночества—Богъ-вѣсть, въ какомъ мѣстѣ, рѣшительно на краю свѣта, тѣ горькія слезы, которыя доводится испытывать только на морѣ, когда на волоску висишь отъ смерти, когда, забывая все остальное, видишь только себя, бережешь только одного же себя. И грезятся по временамъ лучшія минуты жизни, выплывающія въ воспоминаніяхъ, какъ бы въ утѣшеніе, и то только на минуту, чтобы опять уступить мѣсто безъисходной тоскѣ. И успѣваешь полюбить себя болѣе разумною любовью, и даешь своему существованію лучшую цѣну. А такія минуты рѣдки въ иномъ мѣстѣ, кромѣ моря: только здѣсь они и имѣютъ свою обаятельную прелесть, безъ чего бы, кажется, и самая жизнь была бы не въ радость и не въ утѣху. Нѣтъ, видно, для береговаго человѣка лучшихъ поговорокъ, какъ: «хвали море, а сиди на берегу—съ моря жди горя, а отъ воды бѣды», и все-таки, кажется, оттого же, что «дальше моря, меньше горя...»

8. БЕРЕСТЯНАЯ КНИГА.

—

Береста, собственно покровъ, наружная оболочка березовой коры, имѣетъ, какъ извѣстно, огромное приложеніе въ практической жизни простаго русскаго человѣка. Столько же легкой, подручный и удивительно-пригодный матеріалъ для растопокъ печей, теплинъ на пастбищахъ, овиновъ по осенямъ, и проч.—береста, съ другой стороны, служитъ дешовымъ и удобнымъ матеріаломъ для разныхъ другихъ подѣлокъ, необходимыхъ въ домашномъ быту. Если слѣдовать строго-систематическому порядку постепенности въ описаніи всѣхъ практическихъ примѣненій этого продукта, имя котораго стоитъ въ заголовкѣ этой статьи, то, какъ на первообразъ этого примѣненія, можно указать на тѣ самодѣлки-ковшички, которыхъ такъ много плаваетъ во всѣхъ придорожныхъ ключахъ для услуги утомленнаго лѣтнимъ зноемъ путника, не всегда запасливаго, хотя подчасъ и сметливаго. Второй видъ примѣненія бересты, естественно, тотъ сосудъ, который такъ пригоденъ и въ дальныхъ странствіяхъ на богомолья, и въ ближныхъ на

страды и годовые праздники, и въ которомъ пригодно держится въ деревняхъ и сотовой медъ, и густая, вкусная брага, въ которомъ, наконецъ, привозятся въ столицу національныя лакомства, будетъ-ли это уральская икра, или лучшій вятскій (сарапульскій) медъ, или даже каргопольскіе соленые рыжики и ярославскіе грузди; сосудъ этотъ зовется буракомъ въ средней и южной части Россіи, и туезомъ—по всему сѣверу и по всему сибирскому краю. Ступанцы—тѣ же лапти, только не липовые (не лыковые) и не веревочные шептуны, служащіе простому народу вмѣсто туфель—всегда цѣлыми рядами видны въ любой крестьянской избѣ подъ печными приступками подлѣ голбца, плетены всегда изъ лентъ бересты. Ступанцы эти какъ туфли надѣваетъ и баба, идущая изъ избы загонять въ зáгороды коровушекъ и овечекъ, и мужикъ, которому надо провѣдать коней, наколоть дровъ, накачать воды изъ визгливаго колодца. Берестяныя же плетушки—саватѣйки, содержащія внутри себя всю необходимую подручную лопать (одежду и бѣлье), торчатъ сзади, на спинахъ всѣхъ тѣхъ странниковъ-калекъ перехожихъ, которыхъ можно видѣть значительными толпами и по Троицкой дорогѣ за Москвой, и въ уродливыхъ лодьяхъ на Бѣломъ морѣ между Архангельскомъ и Соловками. Онѣ же торчатъ и за плечами бродягъ, толпами идущихъ изъ Сибири въ Россію, съ каторжной неволи на лѣсное и степное приволье. Изъ той же бересты сшиваютъ тунгузы конскими волосами свои лѣтнія юрты—*урусы*. По Ветлугѣ (въ Костромской губерніи) береста породила новую и довольно-значительную отрасль промышленности: тамъ изъ бересты гнутъ круглыя табакерки-тавлинки, которыя, съ фольгою по бокамъ и ремешкомъ на крышкѣ, обошли всю Россію, удовлетворяя неприхотливому вкусу небогатыхъ нюхальщиковъ. Одинъ изъ умершихъ уже въ настоящее время мастеровъ своего дѣла, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ одномъ изъ дальныхъ и глухихъ мѣстъ нашей Россіи, дѣлалъ для себя и по просьбѣ короткихъ знакомыхъ цѣлыя картины и портреты, вырѣзая и оттискивая ихъ рельефомъ на той же берестѣ *). На этомъ, повидимому, и должна

*) Авторъ этой статьи видѣлъ два портрета его работы, замѣчательные по чистотѣ, оригинальности отдѣлки и по разительному сходству: портреты фельдмаршаловъ Кутузова-Голенищева-Смоленскаго и Барклая-де-Толли, вырѣзанные художникомъ въ 1820 году.

остановиться всякая иная попытка къ усовершенствованію и дальнѣйшому приложенію такого грубаго и неособенно-прочнаго матеріала, какова береста. Но мнѣ удалось въ мезенскихъ тундрахъ найти новую рѣдкость, указывающую на то, что береста можетъ служить матеріаломъ для составленія цѣлыхъ *книгъ*, и если не вовсе можетъ замѣнить бумагу, то, во всякомъ случаѣ, и легко, и удобно служитъ замѣною ея въ крайныхъ случаяхъ при ощутительномъ недостаткѣ. Живущіе въ тундрѣ (*въ оленяхъ*—говоря мѣстнымъ выраженіемъ) по цѣлымъ годамъ удалены бываютъ отъ людей и всякаго съ ними сообщенія за непроходимыми болотами лѣтомъ, глубокими и непроѣзжими снѣгами—зимою. Скитаясь, по волѣ и капризамъ оленей, съ одного мѣста на другое, живущіе въ тундрахъ (даже и русскіе) привыкаютъ къ однообразной жизни и разнообразятъ ее только охотой съ ружьемъ, съ неводами, съ капканами и проч. Но бываетъ и такъ, что судьба и обстоятельства загоняютъ въ тундру и тѣхъ изъ русскихъ, которые привозятъ съ собою грамотность, такъ значительно развившуюся въ тамошномъ краю, забывая часто бумагу. Изрѣдка (въ годъ — въ два разъ) наѣзжающіе изъ *Городка* (Пустозерска), по пути на пинежскую никольскую ярмарку, привозятъ съ собой только чай, кофе и сахаръ; предметамъ письменности тутъ не даютъ мѣста. А, между-тѣмъ, темныя осеннія и зимнія ночи съ коротенькимъ просвѣтомъ способны нагонять и на привычнаго человѣка тоску и скуку, которыя были бы безвыходны, если бы и здѣсь не явились на помощь грамотность и умѣнье писать. Изъ пережженной березовой корки дѣлается клейкая сажа, которая, будучи разведена на водѣ, даетъ довольно-сносныя чернила, по крайной мѣрѣ, такія, которыя способны оставить довольно-примѣтный слѣдъ по себѣ, если и обтираются по верхнему слою. Орлы и дикіе гуси, которыхъ такъ много по тундрѣ и которымъ такъ трудно улетѣть отъ мѣткаго, всегда вѣрнаго выстрѣла привычныхъ охотниковъ, даютъ хорошія перья; а вотъ и подручная, всегда удобно-обдирающаяся по слоямъ береста, которую можно и перегнуть въ страницы, и на которой можно писать и скоро, и, пожалуй, четко *).

---

*) Считаю нелишнимъ коротко прослѣдить исторически и постепенно за совершенствованіемъ матеріаловъ для письма. Камень—первый изъ нихъ;

Беру отрывокъ изъ моихъ путевыхъ замѣтокъ, и именно то мѣсто, гдѣ вписались подробности пріобрѣтенія этой рѣдкости:

...Едва только аргишъ *) нашъ успѣлъ остановиться, олени повернулись въ лѣвую сторону и стали, какъ вкопанные. На крыльцѣ высокаго, по обыкновенію, двух-этажнаго дома показался человѣкъ, окладистая сѣдая борода котораго, рѣзко отличаясь отъ сѣраго воротника оленьей малицы, бросилась въ глаза прежде всего и необлыжно свидѣтельствовала о томъ,

---

таковы скрижали закона Моисея (за 2995 лѣтъ до Р. Х.), памятники египетскіе, индійскіе, мексиканскіе, тмутараканскіе, оршинскіе и двинскіе; затѣмъ дерево — таковы русскіе образа и кресты, законы Солона, римскіе tabulae (впослѣдствіи вощоныя ceratae, cerae); исторія Гезіода писана на свинцѣ. Сивиллы писали свои пророчества о судьбахъ народа на *пальмовыхъ листахъ* (у индійскихъ браминовъ французскій туристъ Лавелле видѣлъ цѣлую книгу изъ пальмовыхъ листьевъ). Сиракузскіе судьи имена изгнанниковъ писали на *оливковыхъ листахъ*. При Александрѣ Македонскомъ дѣлается извѣстенъ *папирусъ* — нильское растеніе biblos. Птоломей-Филадельфъ, основывая александрійскую библіотеку, приказывалъ уже всѣ книги писать на папирусѣ и запретилъ вывозъ его изъ Египта, когда Евменъ, царь пергамскій, началъ основывать въ своей столицѣ новую библіотеку—соперницу александрійской. Эвменъ придумалъ новый матеріалъ изъ звѣриныхъ кожъ, выдѣланныхъ по особому способу и получившихъ названіе, по столицѣ царства—*пергамента*. Этотъ матеріалъ сдѣлался болѣе употребительнымъ и распространеннымъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась извѣстна бумага, образцы которой впервые были привезены въ 1470 г. двумя испанцами съ Востока (вѣроятно, изъ Китая). Мексиканцы, извѣщая Монтезуму о прибытіи испанцовъ, послали ему *полотно*, на которомъ въ лицахъ, рисунками, было изображено это происшествіе. У грековъ существовалъ, хотя и незначительно распространенный, родъ бумаги изъ листовъ внутренной древесной коры и значительно сходенъ съ charta bombicina—родъ бумаги, приготовленной изъ хлопчатой бумаги. Шолковыя и бумажныя ткани, слоновая и другая кость, разсматриваемыя какъ матеріалы для письма, относятся уже къ позднѣйшимъ временамъ, когда значительно развилась письменность, когда уже человѣкъ не могъ затрудняться въ выборѣ матеріаловъ для этой цѣли, и когда въ подобныхъ попыткахъ стали видѣть только простыя изобрѣтенія, которыя, дѣлая честь сметливости и находчивости ихъ изобрѣтателей, въ дѣлѣ письменности не произвели значительныхъ улучшеній и переворотовъ. Сюда же мы относимъ и значеніе *бересты*. Бумага получила полное и неотъемлемое, вполнѣ заслуженное ею право гражданства и повсемѣстнаго употребленія.

*) *Аргишъ*—поѣздъ въ 5—10 санокъ оленьихъ. *Чунка*—санки съ высокими копыльями и оленьей веревочной упряжью.

что борода эта принадлежала самому хозяину. По обыкновенію, высокой и широкоплечій, старикъ этотъ не представлялъ, повидимому, ничего особеннаго: та же привѣтливая, полунасмѣшливая улыбка, свидѣтельствующая о томъ, что старикъ радъ нежданному гостю, та же суетливость и предупредительность въ услугахъ, съ какими поспѣшилъ онъ отряхнуть прежде всего снѣгъ съ совика и съ какою онъ, наконецъ, отворилъ дверь въ свою чистую гостиную комнату, приговаривая:

— Просимъ покорно, просимъ покорно! не ждалъ, не чаялъ — не обидься на нашей скудости; милости просимъ, богоданной гость! милости просимъ!

Все, однимъ словомъ, по обыкновенію, предвѣщало и впереди тотъ же неподкупно-радушный пріемъ, съ какимъ встрѣчаетъ русскій человѣкъ всякое новое лицо—нежданнаго, потому, стало-быть, еще болѣе дорогаго гостя.

Старикъ и въ комнатѣ продолжалъ суетиться: помогалъ стаскивать совикъ, совѣтовалъ поскорѣе сбросить съ ногъ пимы и липты *), тащилъ за рукава малицу, вытребовалъ снизу старшаго сына, такого же рослаго и плечистаго богатыря, и велѣлъ ему весь этотъ тяжолый, неудобный, но за-то страшно-теплый самоѣдскій нарядъ снести на печь и высушить.

— Чай не свычно же твоей милости экую лопать-то на себѣ носить, тяжоло—поди!

— Ничего, старичокъ, попривыкъ!

— Тепла вѣдь, больно тепла, что баня! Озябли эдакъ руки-то — спустилъ рукава, да и прячь ихъ куда хочешь: подъ мѣхомъ-то имъ и не зябко. Затѣмъ и рукава подъ мышками мѣшкомъ, пошире дѣлаютъ. Мы вонъ малицу эту и по лѣтамъ, почесть, не скидаемъ—все въ ней.

— Надѣвать-то ужъ очень трудно, видишь, съ полы надо, какъ стихарь; распашныя лучше по-мнѣ, а то чуть не задыхаешься!

— Да ужъ надѣвать, знамо, привычку надо: мы такъ, вонъ, просунемъ голову — и былъ таковъ! У васъ вѣдь тамъ, въ Расеѣ-то, все, слышишь, распашныя.

---

*) Пимы—сапоги, а липты—чулки изъ оленьяго мѣха, преимущественно изъ камусины или шкуры, снятой съ оленьихъ ногъ.

— Все распашные: тулупы, полушубки, шубы, шинели!

— Въ нашихъ мѣстахъ они не годятся: не устоятъ! У насъ тянутъ ину-пору такіе холода, что нали-руду носомъ гонитъ, а дышимъ, такъ все подъ туже малицу, весь въ нее прячешься, и съ носомъ, и съ глазами: такіе страшные холода стоятъ! А, вотъ вѣдь, безъ оленьяго-то мѣху, что ты подѣлаешь?

— Теплый мѣхъ, старичокъ, очень теплый и мягкій такой; а, пожалуй, и неслишкомъ тяжолый.

— Одно, вишь, въ немъ нехорошо: мокра не терпитъ: промочилъ ты его въ коемъ мѣстѣ, такъ и нарови скорѣе высушить, а то подопрѣетъ мездра, и всю шерсть выпуститъ: не клеитъ, стало, не держитъ! ну, и духъ даетъ тоже...

— Шевелись-же, ребятки, шевелись — давай самоваръ поскорѣе! прикрикнулъ онъ на своихъ сыновей, изъ которыхъ трое были налицо и тоже пришли посмотрѣть и поклониться новому, незнакомому человѣку.

Явился самоваръ, противъ обыкновенія, довольно чистый и, по обыкновенію, большой — ведра въ полтора. Старикъ, предоставивъ старшему сыну распоряжаться чаемъ, самъ скрылся и пришолъ уже въ синей суконной сибиркѣ, по праздничному, и съ бутылкою вина въ рукахъ.

— Съ холодку-то, ваше благородье, ромцу не хочешь-ли?— способитъ. Изъ Норвеги возятъ наши поморы; хорошее вино, не хваставшись молвить: изъ Слободы въ рѣдкую чиновники наѣзжаютъ—хвалятъ.

Два сына явились, между тѣмъ, съ тарелками, на которыхъ насыпаны были общія поморскому краю угощенія: на одной медовые пряники, на другой кедровые орѣхи-меледа, называемые здѣсь гнидами, на третьей баранки, называемые калачиками. Начались подчиванья, раза по два, по три, почти черезъ каждыя пять минутъ.

— Спасибо, будетъ!—взялъ ужъ: будетъ съ меня!

— Бери, ваше благородье, не скупись: добра экаго у насъ много; у чердынцовъ, почесть, возами покупаемъ на цѣлой годъ. Орѣшки-то, вонъ, эти на бездѣльи очень забавны. Дѣла-то ину пору нѣтъ, скламши-то руки сидѣть несвычно: возьмешь, вонъ, этихъ орѣшковъ — щолкаешь ихъ по-маленьку, анъ словно и дѣло дѣлаешь, а время и идетъ тебѣ не въ примѣту. Прекрасная забава!

Началось угощеніе чаемъ, густымъ какъ пиво; но старикъ не съ того началъ:

— Садись, ваше благородье, вонъ, подъ образа-то; сдѣлай милость!

— Спасибо, старикъ, все, вѣдь, равно: мнѣ ловко и здѣсь!

— Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, садись въ передній уголъ, не обидь!

— Не хлопочи, старикъ, и здѣсь также хорошо: стаканъ есть куда поставить...

— Нѣтъ, да ужъ ты не обезсудь нашу глупость: садись въ большое мѣсто — гость вѣдь... У насъ, твоя милость, таковъ ужъ извѣковъ обычай, коли и попъ туда засѣлъ, да нежданной гость пришолъ на ту пору—мы и попа выдвинемъ. Нежданной гость—почестенъ гость! Да что это я твою милость не спрошу, какъ тебя величать-то? благородной ты, или высокоблагородной?

— Все равно, старикъ, какъ хочешь.

— Нѣтъ ужъ, коли есть разнота эта, пошто не по нашему?

— Имя, вѣдь, есть у меня, а то зачѣмъ намъ съ тобой чиниться: въ гостяхъ, вѣдь, я у тебя, не слѣдственные допросы отбираю?

— Да, вѣдь, какъ кому? иной вонъ, и обижается, коли не чиномъ его взвеличаешь — оговариваютъ. Такъ ужъ и зовемъ всѣхъ высокоблагородными—и не обижаются. Какъ же имячко-то твое святое?

— Сергѣй, старичокъ!

— Слышь, Мишутка, поищи-ко тамъ у меня, въ акафистахъ, акафистъ Сергію Радонежскому, да положь тамъ къ божницѣ... обратился онъ къ одному изъ сыновей, и потомъ ко мнѣ: ужо на молитву къ ночи встану: прочитаю. Его, стало, святыми молитвами мнѣ Богъ нонѣ гостя послалъ; онъ вымолилъ...

— Когда имянинникъ-то бываешь: по лѣту, али по осени? родился-то на этотъ день, али пораньше? Тропарь... постой тропарь-то ему какъ? Да: «Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христа-Бога»—знаю. Да, великой былъ постникъ, великій подвижникъ и воинъ по Бозѣ; еще былъ въ чревѣ матернѣ три раза проглаголалъ въ церкви, по рожденіи въ пятки и среды не вкушалъ матерняго молока въ знакъ вели-

каго своего постничества, отъ міра бѣгалъ и въ пустынѣ водворихся, чаяхъ Бога спасающаго отъ малодушія и бури житейскія — продолжалъ, какъ-бы про себя, разсуждать старикъ, подтверждая то мнѣніе, которое составилось объ немъ и въ ближныхъ и дальныхъ мѣстахъ печорскаго края. Говорили, что старикъ читаетъ много и знаетъ много, что такого книжника не найти нигдѣ во всемъ архангельскомъ краю, что онъ самый свѣдущій изъ той семьи стариковъ, почти вымершей въ настоящее время, которая, состоя при Соловецкомъ монастырѣ, въ обязанности штатныхъ служителей, знала церковный уставъ лучше монаховъ, образовывала клиросный хоръ, и что къ опытности этого старика обращался первый архимандритъ, составившій пѣвческій хоръ изъ монашествующей братіи, до того не участвовавшей на клиросѣ. Но главное, что особенно могло влечь къ бесѣдѣ со старикомъ, это именно то, что онъ зналъ много о старинѣ архангельскаго края, тщательно собиралъ и берегъ, какъ зѣницу ока, старину эту и въ памятникахъ письменности: въ старинныхъ грамотахъ, сказаніяхъ, книгахъ, и былъ обладателемъ единственной библіографической диковинки, о которой ходили какіе-то смутные и неположительные слухи. Старикъ показывалъ ее только короткимъ и близкимъ землякамъ, но пряталъ отъ всякаго незнакомаго, чужаго глаза. Всѣ предвозвѣстія были, вообще, неблагопріятны; личной опытъ былъ то же не на сторонѣ успѣха въ настоящемъ дѣлѣ: архангельской людъ уже обсмотрѣнной западной части губерніи доказалъ на дѣлѣ какую-то замкнутость и поразительную скрытность въ сообщеніи пустѣйшихъ даже свѣденій о своемъ житьѣ-бытьѣ. На всѣ вопросы у всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: «страна наша самая украйная, у край-моря сидимъ; люди мы темные, дураки, грамотѣ и маракуетъ кто, такъ и то черезъ пень въ колоду; рыбку вонъ сѣтями разными промышляемъ; то же опять суденушки строимъ, а то мы люди темные, какіе ужъ мы люди — самые заброшенные; никакого начальства большаго не видимъ, рыбку вотъ ловимъ, суденышки строимъ... «И опять одно и то же по нѣскольку разъ и—ничего больше и дальше. Со стариками-кремнями еще труднѣе водить дѣло: спросить о старинѣ и прямо начать говорить о дѣлѣ—испортить дѣло навсегда и окончательно — запрется и станетъ на одномъ, что онъ «человѣкъ темный и вести дѣло съ большимъ начальст-

вомъ несвычной; старины придерживается по привычкѣ только, а не со злаго какого умысла». Повсемѣстной-ли расколъ, частыя-ли розысканія бѣглыхъ изъ Сибири въ мѣстахъ бѣломорскихъ со всѣми неблагопріятными, запугивающими острасками со стороны неопытныхъ слѣдователей, причиною всей этой скрытности—рѣшить трудно. Можно положительно и навѣрное сказать одно только, что и будущему собирателю всяческихъ свѣденій предстоитъ такая же неутѣшительная и обидная трудность, съ какою боролся и пишущій эти строки. Одна надежда, единственная возможность услышать кое-что, найти что-нибудь — случайность и крайное умѣнье, принаровка къ дѣлу. Легче объѣхать всю почти непроходимую Архангельскую губернію въ полгода и въ лѣтнюю пору, чѣмъ собирать всѣ народныя рѣдкости, которыми давно и справедливо славится этотъ дальной, сплошь почти и безъ исключенія грамотной и толковой край.

Съ этими же неблагопріятными, неутѣшительными мыслями и предположеніями сидѣлъ и я въ избѣ мезенскаго старика, удивленный и его начитанностью и рѣдкимъ патріархальнымъ порядкомъ, который ввелъ онъ въ семьѣ своей, и который могъ напоминать всецѣло добрую, но уже отжившую свои вѣка старинную допетровскую жизнь нашего обновляющагося отечества. Особенно поражало непривычной глазъ отсутствіе женскаго пола, чего нигдѣ нельзя встрѣтить, хоть бы привелось объѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ, заглядывая даже въ дальные, глухіе закоулки ея.

— Развѣ вы, старикъ, живете безъ женщинъ?

Старикъ спохватился, какъ-будто испугался чего-то:

— Нѣтъ, мы не такіе, какъ намъ можно безъ женщинъ? Живемъ мы по христіанскому закону. Ты такъ и пиши: а то пошто безъ женщинъ? какъ можно безъ женщинъ?

— Да куда-же я буду писать-то, старикъ?

— Ну, да кто тебя знаетъ, куда? Извѣстно, ужъ туда, куда тебѣ надо. Затѣмъ вѣдь ты, чай, и ко мнѣ?...

— Ты меня, кажется, старикъ, не за того принялъ?

— Нѣшто ты не изъ земскихъ? Можетъ, изъ молодыхъ. А каковъ-таковъ ты есть — мы и не видывали, да и не чутко, чтобы тамъ на Слободѣ-то новые были какіе, дали-бы знать, коли-бы были: есть такіе благодѣтели... Ты не обезсудь нашъ

глупой мужичей разумъ: сказываемъ то, что на умъ идетъ, по простотѣ вѣдь... Каковъ же таковъ ты-то, ваше сіятельство, не въ обиду тебѣ вопросъ этотъ?

Я сказалъ; старикъ придакнулъ, ребята, сыновья его, насторожили уши.

— Такъ пошто-же это тебя послали-то сюда, сказываешь?

— Смотрѣть вотъ какъ вы живете здѣсь, чѣмъ промышляете...

— Какъ живемъ? да вотъ по Богѣ живемъ-то; христіанскихъ душъ не губимъ: ты въ нашихъ мѣстахъ и не услышишь этого, хоть всѣ объѣзжай; каковъ вотъ свѣтъ-отъ Божій стоитъ, не токма убивства, воровства-то, ваше сіятельство, не слыхать, да и не услышишь. Въ Бога вѣруемъ, Троицу святую почитаемъ и въ Сынѣ и въ Духѣ, въ тріехъ ѵпостасяхъ—все по христіанскому закону, какъ глаголали св. отцы и пророки. А промышляемъ-то? Да все рыбку промышляемъ-то, потому — море близко. Хлѣбушка у насъ не даетъ Богъ; ячмень—вотъ туда пониже сѣютъ, да и тотъ больно плохъ — одно, выходитъ, званіе. Лѣсъ тоже у насъ опять жидокъ, ни на какую подѣлку не способенъ; карбасишки шьемъ, пожалуй...

— Вотъ за тѣмъ-то я и пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть, какъ вы и рыбу ловите, и карбаса шьете.

— Такъ! Рыбу-то, вишь, мы ловимъ сѣтями такими, неводами зовутся... Семгу, навагу, сельдь въ рѣдкую попадаетъ тоже. Въ озерахъ — по тундрѣ-то нашей много-же озеръ этихъ живетъ—щукъ ловимъ, окуней, лещей опять... А карбаса *вичью* шьемъ... это такое коренье бываетъ... вичье...

Старикъ видимо уклонялся отъ разговоровъ и дальше во весь день твердилъ только одно, что сторона ихъ украйная, мѣста бѣдныя, еле концы съ концами сводятъ, что все зависитъ отъ моря, дастъ Богъ рыбу, дастъ Богъ и хлѣбъ—истины, давно уже мнѣ извѣстныя въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ. Ими, и почти слово въ слово, начинались всѣ мои прежнія бесѣды съ поморами: со старикомъ не ушли мы и на пядень дальше. Даже извѣстіе, что снаряжаютъ также артели за морскимъ звѣремъ на Новую-Землю, было для меня далеко не новость. Отъ главнаго, необходимаго предмета разговора мы ушли далеко; старикъ какъ-будто смекнулъ уже о цѣли настоящаго моего посѣщенія и какъ-будто старался забить разговоръ,

вводя подчасъ совсѣмъ постороннее и неидущее къ дѣлу. Разъ я попробовалъ:

— Слыхалъ я, старикъ, что ты человѣкъ толковой, грамотной, разныя старинныя бумаги собираешь?

Но старикъ отвѣчалъ на это рѣшительно:

— Пошто-же это ты взвеличалъ-то меня, не вѣдаючи?

— Многіе сказывали и всѣ въ одно слово.

— Ну, пущай ихъ сказываютъ: зла я отродясь никому не дѣлывалъ, все по Божьему закону, не изобижалъ никого. Я не лучше-же другихъ, коли не всѣхъ еще хуже. Что я? Перстъ есмь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и униженіе людей...

— Вотъ вѣдь ты и самолюбивъ-же еще, старикъ, хвастаешься.

— Пошто хвастаюсь? не хвастаюсь. Ты вотъ прихвалилъ на первыхъ порахъ, а теперь и обзывать. А что этихъ бумагъ старинныхъ—такъ ихъ у меня и въ заводѣ не было. Нѣту такихъ, совсѣмъ нѣту!...

— А про акафисты-то сказывалъ.

— Ну, да вотъ еще псалтырь новопечатная есть; принесите-тко, ребятки, показать его сіятельству. Начальникъ наѣзжалъ по запрошлой годъ—видѣлъ и ничего не молвилъ. Держи, говоритъ!—эту, можно. А то какія-такія старинныя бумаги... нѣту такихъ...

— Ты, старикъ, не думай худа какого!

— Пошто думать? Христіанская, чай, въ тебѣ душа-то; да вонъ и сказываешь еще, что не земской; а какихъ-такихъ тебѣ старинныхъ, досельныхъ бумагъ надо—не знаю; да и нѣту ихъ у меня. Нѣту, вѣдь, ребятки, чего его милость спрашиваетъ?

Сыновья подтвердили, молча кивнувъ головами.

— Вѣдь я, старикъ, не отнимать пріѣхалъ: есть да покажешь—спасибо, а нѣтъ—такъ вѣдь не драться-же стану.

— Да это точно, что не драться же станешь; да вѣдь чего нѣтъ такъ не покажешь. Такъ-ли?

— Худа, вѣдь, по мнѣ въ томъ нѣтъ, старикъ, что ты держишь, старинныя грамоты въ свиткахъ, сказанія, лечебники... По мнѣ это тебѣ еще дѣлаетъ честь, какъ человѣку толковому и любознательному.

— Вотъ, ты опять началъ! Знамо, худа тутъ нѣту, да и добра большаго не вижу.

— Добро уже въ томъ, что ты знаешь больше другаго.

— Да́, это точно, что я, молъ, какъ будто бы де и книжникъ какой! Это точно; а все же ума-поди не прибудетъ, коли не далъ Богъ при рожденіи...

— Вѣдь, правишь же ты семьей, сыновей выростилъ...

— Дѣтей-то народить не хитрая штука: и набитые дураки слышь, умѣютъ!

— А въ почтеніи ихъ къ себѣ держишь?

— Да это, вѣдь, батюшки еще покойничка наука: не самъ же вѣдь я придумывалъ—по готовому, вѣдь! И какъ же сыну теперича кровному почтеніе отцу не оказывать? На то я ихъ поилъ, кормилъ. Жисти своей, можетъ, половину въ нихъ положилъ, заботился объ нихъ. Да отецъ родной сына убить за непослушаніе можетъ; и судъ не тронетъ...

— Они, вѣдь тебя и слушаютъ, повинуются, чай!

— Этимъ что гнѣвить Бога: всѣ—въ послушаніи и любви: мирно живемъ, во всей, выходитъ, правдѣ Божіей.

Старикъ видимо попалъ на живую струну свою, говорилъ долго и много; разсказалъ всю біографію и отцовскую, и свою собственную, и каждаго сына порознь.

— Ну, да ладно, постой-ко ужо! Слышь-ко, ребятки, тащи-ко сундукъ-отъ, что съ книгами, правой-отъ.

Такое выгодное для меня, хотя и далеко непредвидѣнное заключеніе произошло, по всему вѣроятію, отъ внутренняго довольства старика, успокоившагося въ своей семьѣ, ступающей каждый шагъ по его приказу и указанію.

Въ сундукѣ оказалось много старыхъ печатныхъ книгъ: брюсовъ календарь, нѣсколько другихъ позднѣйшихъ, до десятка печатныхъ монографій — житій святыхъ московскаго изданія, письмовникъ Курганова и т. п., занесенныя и сюда, вѣроятно, владимірскими ходебщиками—офенями. Но все это было не то, чего мнѣ хотѣлось. Благодарность и осторожность требовали съ моей стороны еще большей и едва-ли не самой нужной въ настоящую минуту скромности. Сундукъ былъ отнесенъ не тронутымъ—обстоятельство, видимо расположившее старика окончательно въ мою пользу; онъ велѣлъ принести другой сундукъ съ старопечатными; но и отсюда выбрать было положительно нечего: то были старопечатные требники, псалтыри, минеи—вообще книги, болѣе или менѣе, извѣстныя. И этотъ сундукъ

унесенъ такимъ, какъ былъ. Старикъ окончательно повеселѣлъ и ожилъ.

— Ну, постой-же, говорилъ онъ:—коли ты такой до старины падкой, покажу я тебѣ книжку, какой ты, чай, и не видывалъ. Принесите-ко, ребятки, берестяночку-то голубушку. Пусть полюбуется: эдакія, вѣдь, всѣ сказываютъ, на рѣдкость и въ нашихъ мѣстахъ.

Ее-то мнѣ и было надо—книгу, писанную полууставомъ на берестѣ, такъ тонко и удачно содранной и собранной, сшитой по четверкамъ, что принесенная рѣдкость смотрѣла рѣшительной книгой. Разница только та, что листы берестяные склеивались между собою, но отдирались одинъ отъ другаго и легко, и безъ всякаго ущерба; писанное разбиралось также удобно, какъ и писанное на бумагѣ; буквы не растеклись, а стояли ровно одна подлѣ другой: иная бумага хуже выдѣляетъ буквы, и только одинъ недостатокъ — береста разодралась, отъ частаго употребленія въ мозолистыхъ рукахъ поморскихъ чтецовъ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились въ берестѣ прожилки. Книжка была кое-какъ, доморощенымъ способомъ, переплетена въ простыя, берестяныя-же доски и даже болталась подлѣ веревочная петелька, вмѣсто закрѣпки, а на одной доскѣ торчалъ деревянный гвоздичекъ для той-же цѣли. Старикъ весело улыбнулся на мой восторгъ и впился въ меня взоромъ.

— Батюшко еще покойничекъ выдумалъ, говорилъ онъ: — житія разныя вписывалъ и другое-прочее, что полюбится да придетъ ему по нраву, и я отъ себя писалъ; таково-то легко почесть, что не хуже бумаги. Перо только помягче надо...

— Сколько-же, по твоему счоту, времени этой книгѣ?

— Да вотъ мнѣ восьмой десятокъ на выходѣ, а я, что ни живу, помню ее, да все такую-же. Батюшко-то, надо-быть, до рожденья моего писать ее началъ. Ужъ такой былъ старикъ книжной да любопытной!... Царство ему небесное! Такой грамотѣй, что тебѣ архіерей иной! Псалтырь всю да евангелія, такъ глаза зажмуривъ, на память валялъ! А тамъ эти великопостныя службы — ни почомъ. Смѣялись даже бывало: тебѣ, говорятъ, что царю Василью, хоть самъ Шемяка глаза то выколи — любаго попа загоняешь, и глазъ-де не надо. Во какой былъ!

— Хороша твоя книжка, старикъ, очень-хороша.

— Любопытна?

— Да такъ любопытна, что я у тебя и купилъ бы ее охотно, денегъ-бы не пожалѣлъ.

— Книжка-то, вишь, не продажная: отцово наслѣдіе. А деньги пошто не жалѣть? деньги нужное дѣло, безъ нихъ нельзя. Тебѣ, вѣдь поди, много еще ѣздить надо...

— Да ужъ не пожалѣлъ-бы!

— По-нашему: береги денежки съ молоду — на старости слюбятся, какъ во вкусъ войдешь. А, вѣдь, тратить ихъ, тоже не учиться намъ стать... съ крылышками, вѣдь, онѣ. Я вонъ и ребятамъ своимъ тоже кажиной день твержу.

— Уступи, старикъ, по гробъ обяжешь.

— Нѣтъ ужъ я тебѣ лучше рыбинки какой ни на есть на дорогу дамъ, поважнѣе будетъ; вишь у насъ мѣста какія; кромѣ снѣгу, ста на три верстъ ничего не найдешь — снѣжныя палестины!

— Я тебѣ за рыбу-то деньги заплачу и за книжку тоже...

— Опять-таки, зачѣмъ мнѣ твои деньги? Береги ихъ, а у меня свои есть, своихъ много денегъ; чай, и на Слободѣ объ этомъ говоруны-то тамошніе сказывали: что у старика денегъ много, да скупъ молъ, старикъ: задатковъ не даетъ, да и промысла-де старикъ пересталъ обряжать, все по одной скупости— на чужой вѣдь ротокъ не накинешь платокъ. По мнѣ, мели Емеля—твоя недѣля, а меня не убудетъ, мое при мнѣ и останется. А твоихъ мнѣ денегъ и даромъ не надо: твои деньги не даровыя, чай, тоже...

— Я не стою объ нихъ, не пожалѣю.

— Мнѣ съ тебя, съ заѣзжаго человѣка, брать деньги — грѣхъ: на томъ свѣтѣ покоя за это не дадутъ, скажутъ: стяжатель, мытарь и фарисей, кощей семижильной—вотъ что скажутъ. Рыбку Богъ даетъ даромъ, бери сколько сможешь — даромъ я и дѣлиться ей долженъ съ тѣмъ, у кого нѣтъ; а пошто я съ гостя-то стану брать. Гость — посланецъ Божій, милость его за какое твое доброе дѣло....

— Да, вѣдь, рыбу-то ловишь же, хлопочешь, трудишься!

— Чего трудишься-то? рыбка сама идетъ.... Рыбка для гостей непродажная; ты вѣдь съѣшь ее—продавать въ чужія руки не станешь; на здоровье она тебѣ пойдетъ, и меня добрымъ сло-

вомъ помянешь. Нѣтъ, рыба моя тебѣ непродажная и книжка тоже непродажная—наслѣдіе!... И на-что̀ она тебѣ?

— Покажу такимъ, которые въ этомъ толкъ знаютъ, пользу найдутъ; у тебя та̀къ же заглохнетъ и никто ничего не увидитъ и не узнаетъ. Тебѣ-то тутъ пользы ужъ положительно нѣтъ никакой.

— Мнѣ какая польза?—это точно. Да что въ ней и смотрѣть-то будутъ. Ничего такого въ ней запретнаго нѣтъ.

— Да и не надо.

— Такъ пошто просишь ты ее?

— Показать, какъ доказательство, что захочетъ русскій человѣкъ писать—и безъ бумаги найдетъ средство, если уже крѣпко шевелится въ немъ это желаніе.

— Такъ вотъ вишь, книга-то непродажная. Еще, чего добраго, ты за мной же пришлешь послѣ, да въ тюрьму, либо въ кое другое недоброе мѣсто и посадишь....

— За твое-то одолженіе, за твое доброе дѣло?

— Оно, правда твоя, что нѐ за что; да, вишь, вѣдь вы, чиновники, народъ такой—не въ обиду тебѣ молвить; это—начнешь-то сперва, какъ-бы и ладно и мягко расписываешь, а какъ выжилишь все, такъ и начнешь гнуть, и жостко покажется.... Ты меня извини на глупомъ моемъ словѣ. Люди мы простые, пряники ѣдимъ неписаные, да и свѣту-то, почитай, только въ свое окошко и видимъ. Книжка опять-таки стало-быть, выходитъ, непродажная. Ты и не проси попустому, не замай меня—лучше мы съ тобой по знати, такъ... миромъ да согласіемъ... возьми сколько желаешь отступнаго, а меня ты не засуди, ребята тоже, жена, дѣтки.... есть кому старика пожалѣть... взвоютъ вѣдь, больно взвоютъ.... ухъ, какъ взвоютъ!...

Старикъ крутилъ головой, сыновья вышли изъ горницы; мнѣ становилось тяжоло и безъисходно, слезы подступали къ сердцу и.... прекращаю, впрочемъ, описаніе дальнѣйшаго и скажу въ короткихъ словахъ, что старикъ согласился, наконецъ, уступить мнѣ книгу уже на третій день по моемъ пріѣздѣ. Старикъ уносилъ книгу съ собой, никакъ не рѣшаясь оставить при мнѣ; видимо бывалъ недоволенъ когда я принимался ее разсматривать, бралъ ее изъ рукъ и самъ ее оглядывалъ. Всякой разъ надо было усиленно просить его, чтобы онъ опять ее принесъ съ низу. Согласился же онъ ее отдать послѣ долгихъ и многихъ

хлопотъ, и то уже достаточно подстрекнутый сыновьями, изъ которыхъ одному почему-то особенно хотѣлось угодить мнѣ.

— Отдай, батюшко, вишь, вѣдь, ему больно хочется, что мучишь-то?

— Отдай.... отдай! разсуждалъ старикъ. Ну, отдай ты самъ, что меня учить? Не знаю, что-ли?

— Да я бы, братъ, давно отдалъ, кабы моя была! Вишь, онъ затѣмъ и пріѣхалъ!...

— Пошто затѣмъ пріѣхалъ? въ гости ко мнѣ пріѣхалъ—не надо говорить такъ, обижать не надо.... отдай?... ну, отдай самъ, такъ инъ вишь, у тебя-то нѣтъ, нѣтъ у тебя-то, а я отдай!... отдай! Что мнѣ отдавать-то?...

-- Деньги возьми, старикъ!--не даромъ же, вѣдь; я даромъ ни за что не возьму!

— Деньги возьми! ворчалъ старикъ. Сколько же ты дашь?

— Я не оцѣнщикъ; спроси, сколько тебѣ самому лучшимъ покажется; я торговаться не стану, если только не превыситъ моихъ наличныхъ.

— Сколько же у тебя наличныхъ?

— А это мое дѣло!

— Знаю что твое дѣло. Книжкѣ-то, вишь цѣны нѣтъ, дорога книжка!,... Что съ тебя взять?....

Старикъ долго еще продолжалъ толковать все въ томъ же родѣ и высказывался почти тѣми же словами; часто накидывался и ворчалъ на сына, какъ-будто досадуя на его вмѣшательство и, наконецъ, мы съ нимъ порѣшили.

Четверня оленей, запряжонныхъ въ тѣ же высокія чунки, давно уже ожидала меня у крыльца. Скуластый, истый монголъ, самоѣдъ-работникъ стоялъ уже наготовѣ съ длиннымъ шестомъ-хореемъ; еще нѣсколько другихъ чунокъ съ шестами и оленьими шкурами, для походной палатки—чума на безлюдной и неоглядной снѣжной степи, также были готовы. Оставалось садиться и ѣхать съ прежнимъ гикомъ, похожимъ, впрочемъ, болѣе на откашливанья и замѣняющимъ бойкіе ямщицкіе выкрики дальной Россіи. Ѣхали прямо, безъ дороги, черезъ пни и кочки, по звѣздамъ и подчасъ по вѣтру, заметающему свой слѣдъ на снѣжныхъ сугробахъ. Съ моей стороны требовалось того только, чтобъ крѣпче держаться за ременныя петельки, прикрѣпленныя къ чункѣ, смотрѣть, чтобы опять не потянуло совикъ и малицу

къ колѣнямъ и выше: тогда до чума пришлось-бы не согрѣться и безъ причины сердиться и на самоѣдскій нарядъ, безъ котораго нельзя обойтись въ тѣхъ мѣстахъ, и на неудобную чунку, на которую нельзя положить ногъ и расположиться такъ, какъ ъ благодатной кибиткѣ, и, наконецъ, на полярный холодъ, и даже, пожалуй, на себя самого.

II.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ МЕЗЕНИ.

Подробности пути. — Кликуша.—Икота.—Преданія о разбойникахъ.—Преданія о Чуди.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 года я былъ на рѣкѣ Мезени. 12 числа этого мѣсяца я оставилъ бѣдный, съ великою нуждою влачащій свое обыденное существованіе городъ Мезень, чтобы направиться вверхъ по рѣкѣ, удѣлившей свое негромкое имя этому городу. Путь мнѣ лежалъ въ дальныя печорскія страны; дорога тянулась по берегу рѣки мимо множества деревушекъ, которыя разсадились такъ часто, какъ бы и на матушкѣ-Волгѣ, людной, счастливой рѣкѣ-кормилицѣ. Близость моря, богатаго барышнымъ, сальнымъ морскимъ звѣремъ, подъ рукою широкая, многоводная, обильная семгой-рѣка, вся обросщая по берегамъ густыми, первозданными лѣсами, гдѣ такъ много и дичи и краснаго звѣря, а дальше безпредѣльная тундра съ роскошной пастьбой для оленей, неисчислимыми стадами горностаевъ, песцовъ и зайцовъ—обусловили по берегамъ рѣки Мезени это многолюдство населенія, сгруппировавшагося по преимуществу въ низовыхъ частяхъ рѣки. Здѣсь деревни и сёла такъ часты, что не успѣешь проѣхать пяти-шести верстъ, какъ, глядишь, уже и разсыпалась передъ тобою чорная группа избъ, всегда приглядныхъ по внѣшности, всегда двухъ-этажныхъ—по неизмѣнному обычаю цѣлой губерніи. Въ любую изъ нихъ взойти любо: чисто прибрана большая изба съ полатями и огромною печью, хотя эта изба и про-себя держится, хотя тутъ и ребятишки водятся, хотя тутъ возится и хозяинъ со своими рыболовными и другими снастями, и хозяйка со своими домашними приборами. Правда, что и здѣсь полати устроены такъ низко, что объ нихъ неосторожный и недогадливый гость можетъ стук-

нуться лбомъ; правда, что и здѣсь духота и спершійся воздухъ бываютъ едва выносимы; правда, что и здѣсь двери, ведущія въ сѣни, не отопрешь, если не имѣешь долгой привычки къ тому; правда, что и здѣсь визгъ грудныхъ ребятъ и крики телятъ, запертыхъ въ подъизбицѣ, въ соединеніи съ крикомъ куръ, которымъ легко разшумѣться, да трудно унятъся, легко могутъ выгнать проѣзжаго вонъ изъ избы. Но для этого у мезенцовъ есть особый покой—гостиная горница, всегда старательно вытопленная, съ кроватью за ситцевымъ пологомъ, со столомъ, лавками и стѣнами, тщательно вымытыми и выскобленными. У рѣдкаго нѣтъ самовара, фаянсовой посуды, ножей, вилокъ, и у каждаго—полный уголъ божьяго милосердія.

Хорошо везутъ проѣзжаго человѣка сытыя, легкія на бѣгу мезенки (хотя нѣкогда извѣстная порода лошадей этихъ теперь уже измельчала и замѣтно пропадаетъ); разговорчивъ и словохотливъ и самъ мезенецъ — хозяинъ этихъ лошадокъ, подрядившійся за казенную цѣну свезти сѣдока верстъ за тридцать къ своему побратиму и благопріятелю, у котораго ведутся тѣ же, сытыя, бойкія лошадки.

Особенно помнится мнѣ одинъ изъ этихъ ямщиковъ, подрядившійся со мною на вторую станцію отъ города. Быстрѣе другихъ снарядилъ онъ свою тройку и съ бойкими приговорами (противъ общаго обыкновенія) усѣлся на козлы, я—въ теплую, обитую оленьимъ мѣхомъ кибитку.

Въ кибиткѣ тепло и покойно; по сторонамъ необыкновенно тихо; занимались сумерки: снѣжныя поляны по сторонамъ отливали менѣе рѣзкимъ свѣтомъ, выплывавшій мѣсяцъ собиралъ свои силы, чтобы освѣтить намъ дальную дорогу, хотя и мертвеннымъ, но уже привычнымъ и теперь легко выносимымъ блескомъ. При такой обстановкѣ легко какъ-то сосредоточиваются мысли на одномъ предметѣ, хорошо, много и долго думается и рѣдко хочется спать. Богъ-вѣсть объ чомъ думалось мнѣ на ту пору; но, повидимому, думалось долго потому, что съ козелъ послышался запросъ:

— Чудакъ ты, прямой чудакъ, ваше благородіе! Ѣдешь ты съ ямщикомъ пятую версту, а его и ни объ чомъ не опросишь....

— Отучился; всѣ вы какіе-то неразговорчивые. Пробовалъ я не одинъ разъ—и закаялся, отвѣту не получалъ.

— Отъ инаго ты точно не получишь, особо отъ казенныхъ ямщиковъ, которые вонъ съ почтой ѣздятъ. Это точно по тому по самому, что казенный ямщикъ всю свою жизнь въ тоскѣ проводитъ. Ему всякой спросъ отъ проѣзжающаго коломъ въ горлѣ становится; всякій проѣзжій казенному ямщику надоѣлъ. А иной до разговоровъ охотливъ, рѣчистъ!

— А ты изъ какихъ?

— Да за кого почтешь, потому какъ мы всякому отвѣтъ умѣемъ отыскать. Отыщемъ, можетъ, и тебѣ. Спроси-ко меня, о чемъ хочешь!

— Ну, да вотъ теперь ночь-то свѣтлая....

— Свѣтлая оттого, что мѣсяцъ свѣтитъ и небесьевъ (облаковъ) нѣту. А вонъ, видишь, къ мѣсяцу-то маленькое облачко придвигается.

— Вижу: сиротливое оно такое, словно оторванное, и негустое....

— Вѣдаешь ли ты то̀, какую облачко это силу въ себѣ имѣетъ?

— Кто его знаетъ....

— А я знаю; сила въ немъ велія; облачко это пургу несетъ, мятель зачнется. Потому какъ оно клочьями, оттого въ немъ и вѣтеръ засѣлъ. Вона гляди-ко, сколько ихъ прицѣпилось!

Дѣйствительно, цѣпляясь одно за другое, тянулась уже цѣлая длинная вереница жидкихъ, млечнаго вида облаковъ изъ дальной мглы горизонта по направленію къ намъ—чего мы до той поры не замѣчали. Откуда взялись мгновенно облака эти— понять было невозможно: небо до того времени отливало поразительно-чистой бирюзой.

— Берутся они Богъ вѣсть откуда, и собираются и нивѣсть какъ скоро—объяснялъ ямщикъ. Вотъ теперича мы съ тобой и столько верстъ впередъ не заберемъ, что отъѣхали, гляди, какая страшенная за̀мятель поднимется. А потому эта за̀мятель поднимется, что облаковъ-то ужъ этихъ очненно-много притянулось! Знай это!

— Оправдались слова ямщика. За послѣдней деревушкой, глянувшей на насъ множествомъ огней по сторонамъ, направо, налѣво и прямо, и обдавшей насъ дымомъ и той замѣтной теплотой, въ которой слышится присутствіе домовитаго русскаго люда, теплотой, растворенной и запахомъ ржанаго хлѣба, и за-

пахомъ горѣлаго масла, сала, дымомъ лучины и прочаго—за этой деревушкой, въ лиственичномъ, глухомъ лѣсу, при самомъ въѣздѣ въ него, намъ слышались первые признаки приближавшейся бури. Небо попрежному отливало своей свѣтлой, веселой бирюзой и только кое-гдѣ прорѣзывались на немъ вытянутыя кучки млечныхъ вѣтряныхъ облаковъ; но лѣсъ вдали начиналъ гудѣть; надъ нами уже визжали раскачавшіяся верхушки высокихъ столѣтнихъ сосенъ и лиственицъ; по мѣстамъ изъ лѣсу вырывалась бойкая и сильная струя вѣтра, бросавшая въ насъ клочья рыхлаго снѣгу. И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ сильнѣе визжали верхушки впереди и точно также позади нашей кибитки и лошадей. Немного погодя, по лѣсу разносился уже сплошной гулъ, въ которомъ по временамъ можно было различать уже скрипъ и трескъ. Вѣтеръ поразительно-быстро крѣпчалъ въ своихъ порывахъ и силѣ, какъ нигдѣ и никогда. Но лишь только мы выѣхали и спустились съ довольно крутаго, высокаго берега въ рѣку, тамъ на всемъ ея пространствѣ зги не видать было и лошади начинали уходить въ снѣгъ по-колѣна; съ трудомъ нащупывали онѣ наѣзженную дорогу, по-счастію, обставленную догадливыми мезенцами вёшками. Съ горы несся гулъ, который на вольномъ просторѣ рѣки превращался въ пронзительный, назойливый свистъ. Лошади съ трудомъ ступали впередъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на берегу выгибалась лощина, рѣка ли то, или простой оврагъ. Тамъ вѣтеръ метался по рыхлому снѣгу съ какимъ-то шипѣньемъ, словно въ водопадѣ. Огни сосѣдней деревни сиротливо прятались отъ насъ: то мелькнутъ всѣ разомъ, то всѣ разомъ исчезнутъ въ безпредѣльной, незримой неизвѣстности. Изъ лѣсу, который потянулся берегомъ, за деревней слышался уже оглушительный трескъ: валились старыя, одряхлѣвшія деревья, случайно пощаженныя прежнею бурей. Въ часъ времени пурга расходилась такъ, какъбудто бы она уже крѣпчаетъ не первые сутки.

— Сказывалъ, вѣдь, я, сказывалъ, ей-Богу, сказывалъ, тебѣ, что наши бури круты живутъ. Это замятель, пурга, а то хивуса, тѣ еще озорнѣе живутъ, ей-Богу, озорнѣе живутъ, тѣ подолгу.... тѣ не скоро укладаются; а это ничего: эта замятель пошалитъ вотъ ночь одну, да и отстанетъ, ей-Богу отстанетъ Потому она въ одну ночь отстанетъ, что много силы въ началѣ кладетъ. А кладетъ она, не жалѣетъ свою силу — ее и не

хватаетъ. Ладно ли тутъ тебѣ, подъ болокомъ-то (подъ кибиткой)?

— Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ, ладно, хорошо.

— Ну, ислава Богу! и мнѣ ладно, привышны. У насъ нѣтъ вѣдь той недѣли, чтобы не эдакъ-то, ей-Богу, нѣту. А мнѣ ничего, я и уши подвязывать на стану.

— Не надуло бы, а то стрѣлять начнетъ--въ недѣлю не уймешь.

— Ничего, намъ это привышно, ей-Богу привышно. А я ушей завязывать не стану, ей-Богу не стану!

Однако, какъ ни божился, какъ ни увѣрялъ меня ямщикъ, по торопливости рѣчи его, по рукамъ, которыя ни минуты не оставались покойными и подергивали возжами, видно было, что онъ и погодой тяготился, и зябнуть начиналъ. Послѣднее провѣрялось простымъ наблюденiемъ надъ его плечами, которыми время-отъ времени онъ передергивалъ. Видимо, онъ хотѣлъ казаться терпѣливымъ и привычнымъ. Вѣтеръ, дѣйствительно, сдавалъ крѣпкимъ холодомъ. Онъ распоряжался, повидимому, готовымъ матерiаломъ, не нуждаясь въ новомъ, свѣжемъ.

— Вѣтеръ-отъ снизу мететъ?

— Снизу, проклятой, снизу!

— Я люблю въ эдакую погоду ѣздить: мнѣ это потѣха.

— Что̀ хорошаго-то, что́?

— Много хорошаго въ голову лѣзетъ; все такое отрадное припоминается; легко и сладко думается.

— Не́чего думать, ничего не думается; ей-Богу ничего не думается. Очи слѣпитъ.

— Памятью много видишь.

— И память знобитъ, ей-Богу знобитъ, всего тебя знобитъ.

— Да, вѣдь, это на козлахъ только у тебя....

— Все едино. Богъ всѣмъ равенъ, и силу такую даетъ ровную. Ты меня этимъ не обманывай!

— Садись сюда ко мнѣ, здѣсь теплѣе будетъ.

— А ты-то куда же?

— А я на козлы сяду.

— Ну, врешь, ей-Богу врешь, не сядешь. Потому твое дѣло боярское, гдѣ тебѣ—не усидишь. А нѣтъ, вотъ лучше—знаешь ли что?

— Въ первую деревушку къ знакомому тебѣ человѣку заѣхать.

— Вотъ изъ твоихъ бы устъ да Богу въ уши: отгадалъ.

— И заѣдемъ, зачѣмъ стоитъ дѣло?

— И ей-Богу заѣдемъ, къ тётушкѣ Маремьянѣ заѣдемъ; она баба ладная: у ней и яица есть, и говядиной тебѣ ублаготворитъ.

— Такъ съ тѣмъ и ладно: сворачивай!

— А вотъ постой: деревушка-то ихная помеледится.

Скоро помеледилась и деревушка своими огнями, словно искорками, ближе, ближе, ближе. . . . Лошади лѣниво тянулись впередъ, но, приближаясь къ деревнѣ и взобравшись на гору, инстинктивно почуявъ ночлегъ, ускорили бѣгъ, поматывая гривами, густо запушонными снѣгомъ.

— Тпру!

И изба тётушки Маремьяны черпѣла передъ нами, бросая красный, яркій свѣтъ изъ окна, рисуя его четыреугольнымъ пятномъ на снѣгу подлѣ нашей кибитки. Ямщикъ пошолъ стучаться. Слышу голоса, цѣлый разговоръ между ямщикомъ и бабой. До меня долетаютъ только немногія слова:

— Чегò нельзя? говорилъ мой ямщикъ.

— Приступило: мутитъ! слышался голосъ старухи.

— Али опять съ ней....

— Нанесло, родименькой мой, къ непогодѣ, знать, нанесло-то. .,

— А ты бы ее къ отцу-то Андрею: отчитываетъ.. .

— Возила... не помогъ....

— Ну, прости! ладно, коли нельзя.

— Не взыщи, родименькой, прости!... Постучись къ Матвѣю-то—пуститъ!...

— Къ Матвѣю и поѣдемъ!

Между-тѣмъ, изъ избы вырывались время-отъ-времени какіе-то дикіе крики, подхватываемые вѣтромъ, и потому отрывочные. Въ нихъ слышались то лай собаки, то плачь груднаго ребенка, то густой, хриплый басъ, то глубокіе—глубокіе вздохи, сопровождаемые судорожной, сильной икотой. Непріятное положеніе слушающаго усиливала еще болѣе и сдержанная тишина кругомъ, и темнота ночи, и нечаянность этого явленія. Рисовались невѣдомыя и невидимыя страданія и многое изъ того,

что такъ тяжоло и безысходно ложится на душу и тяготитъ наболѣвшее сердце.

Ямщикъ повернулъ лошадей, сѣлъ на козлы, оттуда снова послышался его голосъ, довольно покойный уже и сдержанный:

— Дѣвка у ней въ избѣ-то, дѣвка икотница.

— Отчего же?

— А сто бѣсовъ у ней животы гложутъ, оттого-сказываютъ-и выкрикиваетъ.

— Да не отъ другаго ли отчего?

— А и не меня спроси—тоже скажутъ. Весь народъ на томъ рѣшилъ... и батюшко утверждаетъ: такъ это, «такъ это и по писанью слышь».

Но вотъ и изба дяди Матвѣя; суетится онъ прибрать съ полу сѣти, радостно, весело приговариваетъ: «милости просимъ, милости просимъ»; зажигаетъ сальную свѣчку и ставитъ на столъ, передвигаетъ столъ этотъ съ одного мѣста на другое; цыкаетъ на крикливыхъ ребятишекъ; одного, самаго маленькаго, ползавшаго по полу медвѣдкой, посадилъ на полати и пригрозилъ ему пальцомъ. Бабу услалъ за водой и наладилъ самоваръ; застучалъ чашками, вытирая ихъ рукавомъ своей рубахи. Вошолъ въ избу и ямщикъ мой на ту пору, помолился Богу, разболокся и сѣлъ въ заднiй уголъ, почосывая затылокъ, плечи и спину и позѣвывая съ выкрикомъ и краткой молитвой.

Но вотъ уже самоваръ шипитъ на столѣ, чай готовъ; хозяева усѣлись въ сторонѣ въ сосредоточонномъ молчанiи; ребятенки съ полатей внимательно слѣдятъ за движенiями на столѣ и подлѣ. Воспоминанiя объ икотницѣ выплываютъ снова всецѣло и возбуждаютъ во мнѣ самый живой, безотлагательный интересъ. Я хотѣлъ уже завести объ ней разговоръ, но ямщикъ предупредилъ меня:

— А что, дядя Матвѣй, Анютка-то Маремьянина опять вопитъ?

— Вопитъ, слышь, отвѣчалъ дядя Матвѣй.

— А что, какъ у нихъ дѣло-то?

— Да ничего...

— Чего она-то?

— Видѣлъ: все по старому, все по стародавнему, вопитъ.

— А онъ-то?

— Да ни чуть ни чѣмъ ничего.

— Въ солдаты, слышь, отдавать хотѣли.

— Не чуть ничего. Увезли, слышь, на городъ, а что сталось? не довѣдомо.

— Становаго, сказываютъ, мирить просили. Чего становой-отъ?

— Просить-то просили, да ничего и онъ не сдѣлалъ. Призывалъ слышь, уговаривалъ, батюшку-попа вывозили и тотъ пыталъ—ничѣмъ ничего не вышло. При нихъ, слышь, въ комнатѣ-то завопила, ругательски ругалась. Только тó и было!

— Ну, а Борька-то?

— А Борька-то, что собака, все при ней, что варъ присталъ—не отстаетъ.

— Безъ него-то почитай, сказываютъ, ей хуже бы было.

— Дурню бы безпремѣнно какую ни на есть сдѣлала надъ собой, вступилась хозяйка. Ужъ ножа бы не минуло дѣло.

Ну, ножа-не ножа, тетушка: взяла-то ужъ ты больно круто. До ножа-то, толкуютъ, не доходило же николи.

— Доходило, родимой, доходило, и не еднова.

— Да отчего же это у ней, хозяева, что причиной-то послужило?

— Да порчена, почтенный, порчена.

— Давно ли?

— Съ годъ ужъ, ваше благородье, будетъ.

— Кѣмъ же?

— А Христосъ вѣдаетъ: надо-быть, какой такой злой человѣкъ портилъ.

— Когда же она больше выкрикаетъ?

— Да вотъ, когда въ церквѣ со святыми дарами выходятъ— тогда кричитъ, шибко тогда кричитъ, и хоть не видитъ она этого, не слышитъ, а ужъ взвопитъ, начнетъ ее ломать да мутить. Молитву-то, слышь, когда читаютъ надъ ней—она, слышь, и не ругается, не коритъ никого. А безъ того ину-пору такъ расходится, что изъ избы вонъ бѣги; прибираетъ такія слова, что и въ кабакахъ не услышишь и другой хмѣльной да блажной человѣкъ съ одури-то съ пьяной своей не вывалитъ. На ту пору ломаетъ ее и коробитъ—тремъ мужикамъ удержать въ-пору.

— А часто ли случается съ ней этакъ-то?

— Да вотъ по воскресеньямъ за обѣдней на-всегда; опять

же и въ будни, когда завопитъ, такъ и знай: гдѣ-нибудь въ селахъ по сосѣдству обѣдни поютъ, али бо какую требу правятъ. Духу она табашнаго не любитъ опять. Ходятъ вонъ наши ребята на городъ (въ Архангельскъ), берутъ эту проклятую повадку въ трубки-то курить. Дымятъ тоже окаянные, что трубы наши непрочищенныя. Реветъ она тутъ шибко, да недолго....

— А еще когда?

— Да вотъ не сказывай при ней горя-то —тогда по цѣлымъ суткамъ реветъ безъ уйму.

— Какого же горя?

— А вонъ спрашивай объ этомъ большака самого, Матвѣя-то: онъ у насъ лютой на разговоръ-отъ. Молчаливъ—дока, а распояшется—наслушаешься....

Дядя Матвѣй, при послѣднихъ словахъ, самодовольно разсмѣялся—ясный признакъ, что онъ въ духѣ и разсказать не прочь. Вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ:

— Въ нашихъ мѣстахъ икота эта не въ диво: у насъ, почитай, чуть ли не каждая баба икотница; такъ ужъ это извѣковъ. Анюткино дѣло особо; это дѣло не спуста. Тутъ я, какъ своимъ разумомъ ни раскладывалъ, ничего не вышло, ни чѣмъ ничего не придумалъ....

— Надо тебѣ разсказывать напередъ вотъ чтò: какъ въ нашемъ крестьянствѣ нѣтъ этого, чтобы женихи невѣстъ выкрадывали, а сходятся и живутъ по родительскому указанію, то ты и не воленъ брать того, чего тебѣ брать не указано и нельзя. Такъ и сказываютъ всѣ до единаго на всякъ часъ и время...

— Да ты что-то не то началъ, не такъ сказываешь, перебилъ я его. Не служилъ ли ты въ выборныхъ?

— Было это дѣло, было: шесть лѣтъ головой сидѣлъ, а сказываю я тебѣ все это къ тому, что и Петрушка, и Анютка, и Борька—враги себѣ были и супостаты, а міра не слушались. Стариковымъ указамъ тоже не повиновались, а сказывали наказъ свой — вотъ это отчего. А дѣло шло вотъ какъ: Петрунька съ Анной-то сошлись, приглянулись другъ дружкѣ на святкахъ тамъ что-ли, слюбились. Петрунька ей гостинцы сталъ носить; она безъ него и въ хороводъ не выступаетъ. Такъ у нихъ шло все хорошохонько, и не одинъ день, не недѣлю. На

бѣду-было тутъ Борька въ ихнее дѣло ввязался: къ Анюшкѣ же любовь свою возымѣлъ. И это опять-таки ничего: дѣвкѣ же лучше, коли два парня любятъ; одинъ другому не мѣшаютъ: я, говоритъ, беру свое, ты—твое, и коли-де не въ прибыли, такъ и не въ убыли. Идетъ у нихъ дѣло такъ миромъ: не бьются, дракъ большихъ не бываетъ, другъ на друга съ жалобой не ходятъ, хоть и крѣпко поругаются когда промежъ себя. Да ужъ знать это дѣло такое: коли два одну тягу тянутъ—безъ ссоры, безъ брани нельзя тутъ. Это ужъ такъ извѣковъ! Дѣвка клонитъ къ одному, клонитъ и къ другому—какъ и быть надо по бабьему. Извѣстно, въ бабьемъ дѣлѣ первое—слабость, и опять-таки мнѣніе такое, что вы-де тамъ какъ хотите, такъ промежъ себя и вѣдайтесь, а мое-де дѣло дѣвье, за кѣмъ-нибудь за однимъ замужемъ быть, на двухъ-де мужьяхъ и попъ-батько не повѣнчаетъ. А коли-де замужемъ не быть мнѣ, такъ и на свѣтъ, молъ, Божій незачѣмъ было нарождаться. Такъ это! Беретъ Анютка подарокъ отъ одного, да и отъ другаго рыла не воротитъ. Милъ-де милъ и ты, моя пташечка, пригожъ-де, молъ и ты, моя душечка. Вотъ-де одному мой поцалуй, а вотъ-де и другому. Плутъ же была дѣвка — что говорить! Любились они такъ-то долго, любились да и спохватились, что-де на народъ идетъ все дѣло это: не больно же красиво выходитъ. Послушать толковъ сосѣдскихъ—хорошаго мало сказываютъ; въ лица посмотрятъ — смѣются всѣ. Стало все это имъ въ примѣту, стали они и объ вѣнцахъ задумываться.

— Родители, извѣстно, на все на это дѣло сквозь ладонь смотрѣли, стало ничего не видали, потому какъ нынче не тѣмъ ужъ свѣтъ живетъ. Въ старину, слышь, бери ты ту дѣвку, которую родитель укажетъ, самъ выбирать и думать не смѣй. Родители на тотъ случай и обычай такой имѣли, что коли много дѣтей, такъ по мѣрѣ силы-возможности съ каждымъ во всей своей деревнѣ породниться. Оттого-то вотъ у насъ вездѣ поди плохой тотъ сосѣдъ, коли свякомъ, либо сватомъ не доводится. Такъ въ старину. А нонѣ: бери ты ту дѣвку, которая тебѣ по скусу придетъ, полюбится; была бы только работная да здоровая. А которая наша оржануха неработная, которая нездоровая, когда въ волѣ родительской выростаютъ всѣ. Потому-то вотъ у насъ теперь и свадьбы глаже и дѣла всѣ эти идутъ инако: поженятся — меньше печалуются, меньше промежъ себя

досады держатъ. Право такъ! Слушай же теперь, какое у нихъ дѣло потомъ вышло, самое такое нехорошее дѣло вышло, что и сказать не можно. Слушай же все про нашу про икотницу. Съ начала начну!

— Перво-на-перво пришолъ къ Анюткѣ Петруха и сказываетъ:

— Я, говоритъ: — не какой злой человѣкъ; честь твою и свою и Бога знаю — пойдемъ подъ родительское благословеніе.

— Ладно, сказываетъ она ему. Ты мнѣ не противенъ, а люблю-де я тебя, какъ подобаетъ невѣстѣ.

Съ тѣмъ и розошлись. Про все про это провѣдалъ Борька, тоже къ Анюткѣ пришолъ и тоже ей сказывать сталъ. Анютка и ему сказъ такой же сдѣлала, что и Петрухѣ:

— Проси-де и ты благословенія родительскаго.

Борька скажи объ этомъ ребятамъ, скажи и супротивнику своему. Полаялись они, посчитались на ту пору крупно, однако до драки не дошло дѣло.

Петрунька опять къ Анюткѣ:

— Ты, говоритъ, что это такое надумала, неладная такая, неумытая!

— А ничего, говоритъ прорва-дѣвка: — я такого худаго не надумывала. Что-де ты на меня накинулся-то, изъ какихъ корыстей?

— Да не я ли, говоритъ Петруха-то, первый твоего согласья просилъ; не я ли-де первый за твое дѣвичество заступиться хотѣлъ?

— Ты, говоритъ Анютка-то: — ты, противу этого и слова сказать не смѣю.

— А не я любить тебя сталъ прежде всѣхъ? Борька-то на тебя еще и не взглядывалъ. На то время, что ты ему, что попова пѣгая кобыла — все было едино.

— И противу этого (сказываетъ Анютка) ничего супротивнаго такого молвить не смѣю.

— Да съ чего же, говоритъ, ты взбеленилась, что обоимъ намъ одно сказывала, а?

И присталъ: къ одному слову десятокъ привязывалъ, воспылалъ духомъ, потому обиженъ былъ.

Анютка собралась съ силой, оправилась да и отвѣтствуетъ:

— Мнѣ-де, Петръ Иванычъ, что ваша любовь, что Борькина все въ одинъ скусъ, потому какъ мы—дѣвушки и намъ не замужемъ жить не приводится.

— Да вѣдь обоихъ-то и попъ не повѣнчаетъ, да и мы не сживемъ: безъ кроваваго пролитія тутъ дѣлу не быть — сама разсуди!

— Разсудить, говоритъ она:—я этого не могу, потому какъ невѣста должна больше плакать и потомъ мужа слушаться и быть ему вѣрной до гробовой до доски. А вы, говоритъ, если желаете меня получить оба, такъ и разсудите своимъ совѣтомъ.

— Да дура! говоритъ, не опять же ругаться!

— Отчего-де и не поругаться, коли у васъ, сказываютъ, ужъ было дѣло такое.

— Не драться же на смѣхъ всѣмъ, на свое горе.

- А ужъ это какъ, говоритъ, вы сами разсудите. Я опять-таки одно говорить навсегда должна, что какъ люблю тебя, такъ и Борьку въ одну силу.

— Да чортъ! говоритъ:—нельзя вѣдь этакъ-то. Не бываетъ ни съ кѣмъ!

— Это, говоритъ ему Анютка:—я разсуждать не могу, потому какъ сердцемъ своимъ чувствую.

— Да дьяволъ, говоритъ:—въ сердцѣ-то у тебя жорновъ скипѣлся, квашня вскисла, лѣшая! ладно-де нишни ужо!

Пригрозилъ ей, значитъ, да съ тѣмъ и ушолъ, и Борька пришолъ.

— Помири ты насъ, сказываетъ.

— Да мнѣ, говоритъ Борька-то, съ Петрухой и встрѣтиться опасно, потому когда онъ объ этомъ дѣлѣ заговоритъ, не съумѣю. Онъ рѣчистъ, противу него нѣту у насъ такого ни единаго.

— А чортъ, говоритъ она-то: — велѣлъ вамъ раньше то промежъ себя не столковаться; а то на-ко къ какому концу привели.

— А я, говоритъ Борька:—говорить не больно лютъ—сама знаешь; прибрать эдакое, подходящее не могу, сейчасъ къ сердцу кровь подольетъ. И не то-де мнѣ на ту пору на Петруху сердце рвется, не то-де по тебѣ обливается. И сердитъ-то я на ту пору на Петруху, крѣпко сердитъ, хуже онъ мнѣ врага лю-

таго, и къ тебѣ-то бы поластился, и нѣтъ мнѣ радости пуще тебя. Ты такъ вся въ очію и лѣзешь, словно ластишься.

Топнула, слышь, на него, дѣвка-то на парня-то, топнула потому, какъ онъ очень смиреной былъ—и...

— Вѣдайтесь вы, слышь, сами про себя. А я-де обиды такой долго выносить не стану. За третьяго-де пойду, и за самаго-де за уродливаго.

И тянется у нихъ опять дѣло это долго, и стали ходить по деревнѣ нехорошіе слухи. Петруха-то, слышь къ колдуну ходилъ, а Борьку-де отъ Анютки водой не отольешь, все у ней сидитъ, либо за ней, что тѣнь мотается. И гармонію для ея прохлажденія на Слободѣ купилъ.

Стали наши земляки призадумываться да на свое мерекать; и надумывались на то, что дѣло крѣпко на худое пошло; міру это дѣло самое судить надо. И сговорились, какъ бы эдакъ у кабака хоть бы сказки разсказывать; старшину и писаря на ту сходку залучили. Ребятъ не было: позвали. Пришли.

— Такъ-молъ и такъ, братцы!

— Знаемъ-де.

— Дѣвки наши въ сумлѣніе приходятъ, стыдятся.

— И это-де знаемъ.

— Мётнули бы вы жеребей что-ли: кому вынется-тотъ оженится.

Петруха таково на насъ косо поглядѣлъ и таково-то усмѣхнулся криво, что обидно намъ всѣмъ стало: такъ вотъ всѣ мы и переглянулись. А Борька—ничего.

— Ладно, говоритъ:—давай, Петруха, мётнемъ жеребей?

— А ты, говоритъ ему Петруха: — въ городъ-отъ ѣздилъ, другой головы не купилъ про запасъ.

— Нѣту, сказываетъ Борька-то.

И смѣшно намъ всѣмъ на слова эти стало.

— Такъ купи, говоритъ:—купи.

Смолчалъ Борька. И мы молчимъ: что̀ дальше будетъ; а дѣло молъ хорошее, надо быть будетъ. Такъ всѣ и молчимъ, да ладно; въ пору писарь догадался, омолвилъ:

— А что-де ты, Петруха скажешь, когда мы-де тебя засудимъ?

— А засуди, говоритъ:—ты вѣдь-чу! затѣмъ и приставленъ.

Да зубастъ же и писарь отъ:

— Я, говоритъ:—могу сдѣлать такое, что тебя на *кобылѣ* поженятъ.

— И это, слышь, ты можешь, потому ты такой ужъ у насъ.

— Такъ помни-де, слышь!

— И безпремѣнно попомню, когда-де на кобылѣ-то этой и помирать стану, попомню. Благодарю, слышь, покорно на ласковомъ на твоемъ словѣ.

И поклонился, низко поклонился, ей-Богу! въ поясъ писарю-то Петруха поклонился. Молчимъ мы всѣ, потому какъ ужъ всѣмъ очень-жутко стало: и Петруху-то какъ ровно бы жаль. А Борька, что малый ребенокъ, стоитъ да ухмыляется. И что писарь ни слово, то его и начнетъ подергивать, словно онъ гоготать хочетъ.

Ладно ну: толковали долго они промежъ себя, и мы думали долго—что гуси на Кóлгуевѣ!—куда-де вѣтеръ потянетъ, туда и мы пойдемъ. Не сдавался же Петруха, какъ его не стращалъ писарь и все-то закономъ своимъ. Да тутъ у насъ старичокъ былъ, ветхой такой (на прошлой недѣлѣ померъ): кому какой совѣтъ надо — всѣ къ нему; у всѣхъ, стало-быть, на почотѣ. Онъ вступился.

— Полно, говоритъ; — вамъ бѣду по пальцамъ мотать, говорили бы дѣло, коли около него охаживаете. Вотъ что, братцы!

—Чего, молъ, дѣдушка Калистратъ! (міромъ-то ему всѣ такъ разомъ) сказывай-ка—молъ, сказывай! Человѣкъ-отъ молъ, ты божій, роженой ужъ такой—послушаемъ: эдакъ кажись лучше будетъ!

И сталъ говорить:

— Дѣвку постегать надо, покрѣпче....

Да Петруха перебилъ:

— А кто, говоритъ:—первой кинется, я-де его ножомъ, и кто-де совѣтъ-отъ такой подастъ, я и его....

Смолчалъ дѣдушка, слова не вымолвилъ, только закашлялся. Долго ждали, а онъ и опять началъ:

— Вся бѣда отъ дѣвки идетъ, вся бѣда отъ нея. Сама дѣвка злу корень. Въ ней либо бѣсъ засѣлъ, либо такъ дуритъ. Вотъ ты коли оленя въ поле выпустишь, да дашь ему тамъ

подольше пожить—онъ одичаетъ, въ руки не дается, и ты его не поймаешь. Не поймаешь его потому, что онъ отъ твоей руки отсталъ, духъ-отъ твой позабылъ и есть ему на дикомъ оленѣ поблажка. Дпкой олень затѣмъ, вишь, и дикой, что одинъ онъ тамъ въ тундрѣ-то, никто его не поучитъ. А хоть бы и дѣвку взялъ: дѣвка что? Въ дѣвкѣ ужъ баба отъ рожденья отъ ея сидитъ; норовъ-отъ этотъ, что ни на кривой оглоблѣ, ни на свиньѣ не объѣдешь, сидитъ ужъ въ дѣвкѣ...

Мы было посмѣяться, да нѣтъ, глядимъ, словно бы и ладно. А Борька захохоталъ: Борькѣ это спуста показалось. Петруха, стоитъ не шелохнется, глаза въ землю, что былъ, и уши, словно бы отъ стариковыхъ-то словъ, прядать начали: очень, стало-быть, слушаетъ.

А Калистратъ свое:

— У дѣвки только одно разное съ бабой: ей бы только почоту и пуще почоту отъ всякаго, хоть самъ чортъ тутъ будь, ей все равно: онѣ вонъ и до хороводовъ люты, и на посѣдкахъ онѣ развеселыя такія, а все отъ того, что и тутъ, и тамъ подарковъ ждутъ: орѣховъ да пряниковъ. А на ихъ пустоту это и ладно, имъ тутъ и душевное ликованье. А, гляди, пройдутъ веселья: онѣ словно въ воду опущены, и хвостъ поджали. Вотъ и любуются онѣ всѣ заурядъ, потому это для малыхъ ребятъ занятно, мурашки по сердцу сыплютъ. А привяжется супротивникъ—еще того пуще, еще любѣй. Вонъ хоть-бы Петрухино дѣло....

— Да вѣдь она мнѣ, дѣдушко Калистратъ, пуще всѣхъ (Петруха-то!). Я, вѣдь, ужъ ее давно знаю, прэ жде всѣхъ.

— У меня (дѣдушко-то ему), у меня, слышь, жеребеночекъ былъ: самъ выпаивалъ, самъ выхаживалъ да выглаживалъ, разъ по десятку на день ходилъ къ нему. Сталъ онъ и жеребцомъ, сѣлъ я на него: объѣду, думаю. Сшибъ, вѣдь, окоянной, сбрыкнулъ меня.

Борька на слова на эти расхохотался вслухъ, чуть намъ и А всѣмъ отъ того не весело стало; хоть и не пора бы, не время. Петруха стоитъ, упершись, словно его въ землю вкопалъ кто.

А старикъ подводилъ все, подводилъ и подвелъ къ тому, что какъ ни какъ, а Анютку постегать надо было, такъ ужъ вышло.

Какъ услыхалъ слова-то эти Петруха, такъ зарыдалъ даже,

заревѣлъ быкомъ, да и со сходки опрометью: думали, за ножомъ побѣжалъ. Такъ

— Нѣтъ, слышь (старикъ-отъ) душу свою заложу, а онъ такого дѣла не сдѣлаетъ.

Да и сказалъ-то онъ такъ, словно самъ Петруха это самое вымолвилъ.

Дѣвку-то мы постегали. Я ужъ про это и сказывать не стану, не хорошо....

— Больно дѣвку-то постегали, больно же они ее постегали, вступилась въ это время хозяйка, до той поры молчавшая.

— А ты бы не разговаривала, потому какъ мы это отъ тебя слыхивали не одинъ разъ. Намъ рѣчи твои не на нѳвяхъ.

— Да не смолчишь, вѣдь, воля твоя! не смолчишь. На-тко что выдумали, не надо бы этакъ-то....

— А ты вотъ ужо молчи: палатской управляющій наѣхать къ намъ хочетъ, я тебя въ губернаторы къ нему попрошу. Ладно-ли такъ-то?

Хозяйка замолчала.

Мужъ продолжалъ:

— Ты, ваше благородіе, нашихъ бабъ объ этомъ дѣлѣ не спрашивай. У нихъ вѣдь свое. Пошто, слышь, на ихной судъ дѣла этого не клали. Пытали же онѣ судачить. А все, опять-таки, отъ самой отъ дѣвки. Первое вопила она крѣпко въ правленіи; а жалобъ изъ ея словъ никакихъ на ту пору признать нельзя было: словно она одеревенѣла. Собрались къ ней опосля того наши бабы въ избу (какъ, вѣдь, имъ сорокамъ-щебетухамъ не собраться!); кои улещать стали, кои взвыли, (потому женская слеза море, а потомъ баба и разобрать вѣдь не можетъ, которая бѣда своя у ней, которая чужая). Распустили наши бабы нюни свои, а того не знаютъ, что Анюткѣ-то все это и крѣпко на руку. Пришла, слышь, въ избу: молчитъ; трепаная такая, волосьевъ не прибираетъ и сидитъ подъ образами, и въ большомъ, выходитъ, мѣстѣ. Бабы ей свое ведутъ:

— Что-де, молъ, родненькая наша больно?

Молчитъ.

— Которые, молъ, стегали-то?

Молчитъ.

— Ну да, слышь, ладно; пущай-бы де ужъ за-мѣсто тебя Петруху-то, али-бъ-де Борьку положили.

— Такъ она, родной нашъ, головонькой на эти слова покрутила, а молвить чего — не молвила! опять вступилась хозяйка. Лукерья (баба у насъ такая есть) на эти на слова такое здумала, что молъ, писаря-бы... Такъ ухмыльнулась и веселѣе словно-бы стала.

— А вонъ говоритъ: — ребятамъ отъ этого не легче будетъ; обоимъ имъ это самое въ обиду. Потому ты, молъ, Аннушка, за нихъ вѣдь, за обоихъ. А ихъ дѣло мужское — надрываньямъ-то твоимъ они не дадутъ вѣры, не дадутъ, молъ, надрываньямъ-то твоимъ они вѣры...

Такъ, вѣдь, и на это на все никакого сказу не дѣлала.

— Христосъ, молъ, надъ тобой, а ты, молъ, ратуй, ратуй во имя Господне. Кто вѣдь, молъ, правѣе, надъ тѣмъ эдакое чаще бываетъ.

Такъ на слова на эти въ горлышкѣ у ней у сердобольной ино крякнуло, что и грудь ходуномъ почала ходить; а сама молчитъ.

— Извѣстно ужъ, молъ, обидно все это (мы-то). Обидно это самое потому, какъ на стеганую дѣвку худая слава ложится, всякой попрекнуть ее потомъ можетъ, а ребята озорные. Да и опять же наши мужики одумаются опосля — сами жалѣть станутъ тебя. Помяни ты наше слово!

Опять она головушкой помотала и такъ-то круто и долго. А все неладная эдакая, молчитъ, все молчитъ, будто слушаетъ Мы опять:

— Больно, молъ, это нехорошо. Неладно въ деревнѣ жить послѣ сѣчева, послѣ этого распроклятаго. На самихъ-бы, молъ, на большакахъ стряслось все это.

Она опять ухмыльнулась.

— Ты, молъ, Аннушка, наплюй, коли сможешь. На-ко-молъ, мѣсто какое дѣвку сѣчь задумали! Это, молъ, и бабъ-то такъ нейдетъ, какъ-то, да и не бываетъ. Дѣвонька-то у насъ разумная была, сама-бы могла разсудить, которое такъ, которое нѣту; свой бы судъ себѣ смогла дать. Вѣрно это слово?

Такъ насилу-то на эти на слова она заревѣла (ну, молъ, слава Богу!). Заревѣла она, что дождемъ прыснуло, долго ревѣла (мы ужъ и не подговаривали ничего). Головонькой-то своей безчастной то въ уголъ ударитъ, то ее на столъ-отъ положитъ, а на насъ не глядитъ; руки свои ломать почала, а словъ ника-

кихъ не даетъ (зло-нали насъ всѣхъ взяло: чего, молъ, она рѣчамъ-то нашимъ вѣры не даетъ, чтобъ ей пусто было! Насъ вѣдь, молъ, не старшинакъ ней по дослалъ, али-бо не волостной писарь; мы, молъ, отъ своего, вѣдь, сердоболья все это, по своей охотѣ). Поревѣла это она, поревѣла — да и молвила:

— Ладно, молъ, ладно!

— Да ладно и есть! — вступился хозяинъ. Молчи же теперь, слѣзай съ колокольни. Я самъ сказывать буду.

— Вотъ очень-хорошо. Къ ночи-то приходилъ къ ней, слышь, Петруха, а затѣмъ и пропалъ, ушолъ отъ насъ, а далеко-ли — невѣдомо. Да я твоему благородью лучше покороче сказывать стану. Петруха вернулся, а пришолъ пачпортъ выправить: въ Питеръ наладился, на лѣсные дворы, и съ Борькой, одначе, не простился. И вотъ съ той ли (не упомню) поры, какъ Петруха-то простился съ ней, али съ сѣчева-то съ нашего...

— Да на первую ноченьку, вѣдь, она взвыла-то послѣ сѣчэва, что это ты, словно забылъ? Петруха-то къ ней съ порчей-то и приходилъ, затѣмъ и приходилъ — это ужъ свято.

— Вотъ съ тое съ самое поры, продолжалъ хозяинъ, не обращая вниманія на замѣчаніе бабы: — Анютка выкрикать стала, и выкрикаетъ она, сказываютъ бабы, и на міръ, и на писаря, а больше все, слышь, на свою дѣвью красоту, да на Петруху. Борька у ней такъ живмя и живетъ, очень его выкрики-то ее занимаютъ. Помянетъ, слышь, когда икотой его-то имя, хохочетъ: любо. Не знаемъ, что будетъ. А посватается Борька, да коли Петруха письмо отпишетъ: быть дѣлу, быть свадьбѣ и намъ пировать придется. Вѣдь Борька-то мнѣ роднымъ приходится: племянникъ внучатный по родной по теткѣ по своей.

— А икоты этой, ваше благородіе, въ нашихъ мѣстахъ довольно! заключилъ свою рѣчь мой хозяинъ.

Дѣйствительно, болѣзнь эта, мѣстно-называемая икотою, частая и повсемѣстная во всемъ томъ краю. Икотою страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кемскомъ поморьѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (*стрѣлье*, *щипота*). Икота обыкновенно начинается подъ тѣмъ же видомъ, подъ какимъ является и простое спазматическое

сокращеніе грудобрюшной преграды (діафрагмы) начинаются громкіе крики, затѣмъ истерическій плачь или смѣхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее параличное состояніе и обморокъ, сопровождаемый всеобщею слабостью, острою болью въ груди и головѣ. У нѣкоторыхъ припадки эти продолжаются часа полтора — два; у другихъ, преимущественно у старухъ, часто по нѣскольку часовъ (5, 6 и 7). Икота иногда (и даже въ нерѣдкихъ случаяхъ) переходитъ и на мужчинъ, и тогда тому человѣку усвоивается имя *міряка.* Туземный людъ приписываетъ причину этой болѣзни, естественно, злому духу, и нѣкоторые порчѣ лихаго человѣка.

— Въ нашихъ мѣстахъ есть такіе злые люди и знающіе, что могутъ нагонять на тебя, по злости, всякую скорбь, и начнешь ты: охъ да ой-ой, а тамъ все больше да пуще и подкатится тебѣ эта скорбь подъ сердечушко и начнетъ тебя мучить нечистой. Отъ него, вѣдь это. А за душу-то тебя не трогаетъ, не смѣетъ, только сердечушко-то надрываетъ. И у меня это есть, и у старшаго сына: и мужчинъ сомущаетъ нечистой экой скорбью.

Такъ разсказывали мнѣ сами страждущія, которыя особенно часты по Пинежскому уѣзду, по преимуществу около города Пинеги. И недаромъ туземный народъ, между другими остроумными прозвищами и остротами надъ сосѣдями, далъ пинежанамъ прозваніе икотниковъ. Между-тѣмъ, во всякомъ случаѣ причина болѣзни этой требуетъ строгаго научнаго обслѣдованія, требуетъ очистки медицинской критики отъ всей той массы народныхъ суевѣрій, наплывшихъ на болѣзнь втеченіе долгихъ вѣковъ. Извѣстно, что оба уѣзда (Мезенскій и Пинежскій) наполнены гнилыми болотами. Пишущему эти строки довелось на рѣкѣ Кулоѣ, верстахъ въ 20-ти отъ города Пинеги, на разстояніи четырехъ верстъ, слышать и едва выносить крѣпкій сѣроводородный газъ при 20 градусахъ мороза въ воздухѣ, и видѣть нѣкоторыя мѣста болота непромерзшими и отдававшими свѣжимъ бѣлесоватымъ паромъ. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ икота повсемѣстна, носитъ хроническую форму, въ другихъ, и часто ближайшихъ, она пропадаетъ вовсе; по преимуществу болѣзнь эта присуща женскому полу. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ сохранился судебный актъ, содержаніемъ котораго спѣшу подѣлиться съ читателями.

Крестьянинъ пильегорской волости, Михайло Петровъ Чухаревъ (19 лѣтъ отъ роду) портилъ икотою свою двоюродную сестру Офимью Александрову Лобанову. И ту сестру, сказано въ прошеніи, теперь злой духъ мучитъ. Чухаревъ на допросѣ показалъ, что «училъ его тому той же волости крестьянинъ Ѳедоръ Григорьевъ Крапивинъ, который — сказано въ показаніи Чухарева — въ пьяномъ видѣ вызвалъ меня изъ того питейнаго дому на улицу, совѣтовалъ: «не хочетъ ли научиться на народъ пускать боли, подъ названіемъ икота?» — Я, по молодости своихъ лѣтъ и глупости, изъявилъ согласіе. Послѣ чего училъ меня значущимся въ особомъ листѣ обстоятельствамъ таковое зло производить и впослѣдствіи времени до нынѣшняго, хотя совѣсть меня мучила и самъ терзался, но сдѣлать такого вреднаго для народу случая боялся». И вотъ какъ училъ колдовству Михайла Чухарева Ѳедоръ Крапивинъ: «При самомъ началѣ дѣйствія, снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подъ пятку, подержать полсутки, говорить слова: «отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ». Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать, не иначе, во первыхъ, какъ родственницы; упоминать слова: «пристаньте сему человѣку скорби подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (назвать имя человѣка) до скончанія жизни. Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на стѣну. Въ то время будутъ дьяволи у тебя. — Помѣшкавъ сутки, перемѣнить по обыкновенному напередъ (т.-е. надѣть крестъ), тогда дьяволи отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же столовую бросить на дорогу, или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ. Съ даннымъ мнѣ отъ Крапивина неизвѣстнымъ кусочкомъ, менѣе горошины, похожимъ на липучую. чорную сѣру, съ приговоромъ: «какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ, кому такое зло учинишь; отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему». И невдолгѣ сходить, ту соль разрыть и сказать: «поди дьявольщина отъ меня прочь!» И такимъ образомъ наканунѣ прошедшаго Богоявленія Господня двоюродной сестрѣ своей крестьянской жонкѣ Офимьѣ Александровой Лобановой таковое зло учинилъ, которую злой духъ мучитъ. Послѣ же сего дѣйствія, черезъ одинъ день, при началѣ сну, пришли ко мнѣ въ огненномъ платьѣ три нечистые духа, изъ коихъ одинъ сказалъ: «Я пойду, куда ты послалъ». А двое

требовали тоже должностей. Чего испугавшись, призывая имя Божіе, и онымъ отогналъ отъ себя и болѣе не видалъ. И послѣ оныхъ, когда будучи въ глубокомъ снѣ, видалъ прихожаго неизвѣстнаго мнѣ старика въ чорномъ платьѣ, сѣдая борода, отговаривалъ меня отъ такого зла уклониться, обратясь къ Богу, просить прощенія: отчего пробудясь, призывалъ Бога къ избавленію отъ враговъ и теперь отъ Его милосердія не отрекаюсь.».

На допросахъ Крапивинъ показалъ, что у исповѣди былъ въ прошломъ году, а у причастія когда былъ—не упомнилъ (обыкновеніе, нерѣдкое между мезенцами, вообще склонными расколу). Сотской Кузьма Любимовъ показалъ, что Крапивинъ «человѣкъ сумнительной». Староста отъ женщинъ слыхалъ, что Крапивинъ накладываетъ болѣсть подъ именемъ икоты; какой-то Иванъ Поповъ, что болѣзнь, на женскій полъ напускаетъ; Семенъ Макаровъ наслышался отъ многихъ людей, «между разговорами, что онъ на женскій полъ налагаетъ, подъ названіемъ икоты, болѣзни, каковою болѣзнію и жена моя страждетъ». Сама Лобанова показываетъ, что «болѣзнь икота у ней сначала въ горлѣ стояла, а потомъ опустилась пониже, открылось кричаніе и иканіе, и жатье у сердца, а въ разсужденіи оную получила дѣйствительно отъ брата двоюроднаго Чухарева», и за-то будто-бы, что она не дала ему поносить для праздника кушака *каламинковаго*. Другія бабы (всего 16, всѣ икотницы) сознаются въ томъ, что у причастія не бываютъ оттого, что болѣзнь не терпитъ; одна показываетъ, что получила двѣ болѣзни и одна особенно мучитъ и «при всемъ мученіи употребляетъ при болѣзни сей скверноматерныя слова». Но кто напустилъ болѣзнь — обѣ эти бабы не знаютъ. Чухаревъ въ кабакѣ говорилъ сидѣльцу слѣдующее: «дядюшка! сегоднишняго числа Иванова Попова дочь Анна бранитъ, будто я напускаю икоты на людей, и похвалялась, что и сама меня попомнитъ».

Далѣе слѣдуетъ рѣшеніе суда: «Чухарева наказать кнутомъ, давъ, по крѣпкому въ корпусѣ сложенію, тридцать пять ударовъ, и по наказаніи отдать церковному публичному покаянію, что и предоставить духовному начальству. Касательно до Крапивина, то какъ Чухаревъ уличить его не могъ ничѣмъ, а вѣрить ему, Чухареву, одному не можно, и за справедливое признать нельзя, и упоминаемый Крапивинъ, ни съ допросовъ, ему учиненныхъ, ниже на очной ставкѣ, данной ему съ Чухаревымъ

при священическомъ увѣщаніи, признанія не учинилъ, то въ разсужденіи сего, яко невиннаго, учинить отъ суда свободнымъ и по настоящему теперь нужному для посѣву хлѣба времени и домашнихъ крестьянскихъ работъ, препроводить его въ свое селеніе, а Чухарева содержать подъ карауломъ». Дѣло рѣшено мая 17-го 1815 года.

Считаю излишнимъ присоединять что-либо къ этому, много говорящему за себя, факту.

Начиналось утро самой ранней порой своей, когда я оставилъ новыхъ пріятелей своихъ и интересную кликушу. Въ воздухѣ разлита была та теплынь, которая неизбѣжно слѣдуетъ за всякой крутой вьюгой. Здѣсь на Мезени-рѣкѣ въ теплотѣ этой чуялись еще въ-добавокъ та живительная свѣжесть и легкость, которыя послѣдуютъ въ благодатное лѣто послѣ благодатнаго дождичка въ благодатныхъ странахъ дальнаго Приволжья. И что за прелесть, что за картинность прибрежныхъ видовъ, разбросанныхъ щедрою рукою по крутымъ берегамъ Мезени! Широкою бѣлою поляною отдѣляетъ рѣка цѣпь однихъ видовъ отъ другихъ, имъ противоположныхъ. И что за разнообразіе въ мельчайшихъ подробностяхъ картинъ этихъ! Не утомляетъ глазъ и не пестритъ на этотъ разъ ни неизбѣжное однообразіе лѣсовъ, ни вѣчно-юныя пихты, а какъ хороша должна быть эта масса лиственицъ безконечно и неисчислимо засыпавшихъ берегъ, когда онѣ всей громадой своей свѣжо и весело зазеленѣютъ весной, когда и мезенецъ не посмѣетъ попирать своими безобразными, валкими санями родной широкой и богатой рѣки своей. Глядишь по сторонамъ—и не наглядишься: и на сердцѣ весело, и находишь отраду и зимой, и въ глухомъ, дальномъ краю архангельскомъ.

— А что, ямщикъ, весело ѣхать-то, хорошо!...

— Не больно же....

— Да полно, такъ ли?

— Дорогу-то ужъ очень перемело, лошадямъ тягостно.

— Такъ, чудакъ, не-уже-ли морозъ-отъ лучше?

— Безотмѣнно лучше, подобрало бы, выгладило бы; а то, гляди, какая пушнина лежитъ, что пухъ; хуже песку.

— Да за-то тихо....

— Тихо — не лихо, да ѣзда лиха — сказываетъ пословица, такъ-то....

— Веселѣй сидится, веселѣй думается....

— Весело сидѣть на всякомъ мѣстѣ, которое не жметъ да не колетъ.

— Ну, а думается?

— А думается, потому и думается, каково на сердцѣ. Ладно тамъ, не скребетъ — и хорошо, а не....

— Ну, будетъ; дальше не надо....

И этотъ ямщикъ оказался резонеромъ, какъ и всѣ прежніе, недавніе; видно, всѣ ужъ они таковы. Отступился. А вотъ, къ-счастію, и смѣна, новый ямщикъ, новое мѣсто: людная деревня, разсыпавшаяся по крутому и высокому берегу; изъ-за домовъ видится деревянная церковь. Стало-быть, село.

— Какъ зовется?

— Юрома.

Поднимаемся на крутую гору съ великимъ трудомъ, чуть не скатываясь внизъ и навзничь. Передъ нами, на самомъ юру, чистенькій, чуть ли не новенькій домикъ священника. Но вотъ онъ и самъ передъ нами съ гостепріимнымъ привѣтомъ и ласковымъ, отогрѣвающимъ словомъ и дѣломъ.

— Вамъ надо посмотрѣть нашу диковину — говоритъ мнѣ отецъ Михаилъ и ведетъ въ церковь.

Церковь старинной постройки (по церковному памятнику 1867 года) довольно большая, изъ поразительно-толстыхъ бревенъ и оригинальной архитектуры.

— По народному преданію (разсказываетъ отецъ Михаилъ), церковь строилъ богатырь (по здѣшному батырь), именемъ Пашкó. Будто-бы своими руками, на собственныхъ плечахъ, валилъ онъ эти громады одна на другую, одинъ, безъ посторонней помощи. Силы онъ былъ необъятной, а чтобы судить объ ней наглядно — онъ оставилъ народу на память деревянную модель руки своей.

— Вотъ она! говорилъ онъ мнѣ въ церковномъ притворѣ.

Громадный кусокъ дерева, длиною въ высокой ростъ человѣка, обточонный съ одной стороны въ подобіе руки человѣческой; рука сжата въ кулакъ и кулакъ этотъ шириной своею равняется четыремъ, если не пяти головамъ взрослаго человѣка. По запястьямъ и вдоль всего локтя и сгиба нарѣзаны орнаменты

на манеръ балясинъ и, вѣроятно, рука эта предназначалась для колоннъ, подпирающихъ потолокъ. Вѣроятно поскучалъ изобрѣтательный, хитрый на выдумки, строитель надѣлать такихъ рукъ до десятка и замѣнилъ ихъ простыми, едва отесанными, но за-то болѣе благонадежными столбами, которыми подпирается потолокъ въ настоящее время. А рука такъ и осталась безъ употребленія въ углу церковномъ и благодарная память народа къ строителю не позволила загнить рукѣ этой внѣ церкви. Богатырь ли это былъ, или скромный и несильный мужичокъ-строитель, можетъ-быть, съ Пинеги (ломпоженская церковь, въ 3 верстахъ отъ города, во всемъ подобна юромской) — рѣшить невозможно. А, между-тѣмъ, преданіе о богатырѣ Пашкѣ все-таки живетъ въ народѣ и вотъ что объ немъ разсказываютъ:

Пашкѣ, уроженецъ сосѣдней съ юромской деревни (до-сихъ-поръ называющейся именемъ богатыря — Пашкиной) разъ пахалъ землю на берегу рѣки, въ то время, когда по рѣкѣ плыли сверху семь человѣкъ разбойниковъ. У разбойниковъ было крѣпкое, темное слово. Сказывали они это слово на вѣтеръ, несъ это темное слово вѣтеръ на заказанное мѣсто и стала у богатыря лошадь, какъ вкопанная, и не шла по полосѣ дальше впередъ. Не стерпѣлъ силачъ Пашкѣ обиды такой, а замка̀ отъ заговору -- темный человѣкъ — не знаетъ. Надо донять злыхъ людей хитростью и мощью своей. Посылаетъ онъ своего работника по берегу наслѣдить за разбойниками, куда они придутъ, гдѣ остановятся, и только бы на одно мѣсто сѣли: на водѣ они сильны, не одолишь. Разбойники свернули въ рѣку Пёзу — такъ работникъ и сказываетъ. Разсказываютъ также и другое, что Пашкѣ не сробѣлъ, когда встала его лошадь, онъ послалъ и свое запретное слово, и лодка разбойничья стала и съ мѣста не тронулась. Да атаманъ былъ толковъ, зналъ замокъ и сказывалъ: «братцы! есть кто-то сильнѣе меня, побѣжимъ!» И побѣжали. Зашолъ Пашкѣ по пути за товарищемъ Тропѣю, такимъ же, какъ и онъ, силачомъ, и отъ его деревни *), и съ

---

*) До сихъ поръ существуетъ, при проходѣ на пезской волокъ деревня Тропины. Этому Тропѣ также, въ свою очередь, народнымъ преданіемъ приписывается построеніе церкви въ селѣ Койносѣ (въ 1657 году по церковному памятнику). Койносъ — на р. Мезени въ 140 вер. отъ Юрома и около 250 верстъ отъ Мезени.

нимъ вмѣстѣ, повернулъ на лѣсъ. Нагналъ Пашко̀ разбойниковъ на рѣкѣ Пёзѣ (притокъ Печоры). Разбойники наладились кашу варить, да видитъ атаманъ кровь въ кашѣ, пугается крѣпко и товарищамъ сказываетъ: «бѣда-де на вороту, скоро тотъ, кто сильнѣе насъ, сюда будетъ!» И не успѣлъ словъ этихъ всѣхъ вымолвить, явился и самъ Пашко̀: одного разбойника убилъ, и другаго, и всѣхъ до седьмаго. Остался одинъ атаманъ: бѣгаетъ онъ кругомъ дерева и истрѣливаетъ. Пашко̀ все дерево въ щепы, и не можетъ попасть въ атамана. Накладываетъ на лукъ послѣднюю стрѣлу и креститъ ее крестомъ святымъ. Валится отъ этой честной стрѣлы врагъ его и супостатъ на вѣки—вѣчные.

И до сихъ еще поръ старожилы показываютъ на пёзскомъ волоку (предполагаемомъ соединенiи рѣки Мезени съ Печерою) то дерево, которое изщепалъ своими стрѣлами богатырь Пашко, и до сихъ еще поръ всякій проѣзжій человѣкъ считаетъ неизмѣннымъ и безотлагательнымъ долгомъ бросить охапку хворосту на проклятое, окаянное мѣсто могилы убитаго атамана. Тамъ уже образовался огромный курганъ. А за Пашко осталось на вѣка-вѣчные отъ этого дѣла прозванье *Туголукаго* *).

Преданьемъ о разбойникахъ, и при томъ неслишкомъ дальнымъ по времени, встрѣчаетъ и слѣдующая деревушка-станція. Разбойники тѣхъ мѣстъ напали на богача и, вынуждая у него денегъ, его самого палили снизу на каленой заслонкѣ и обсыпали сверху горящими листьями вѣниковъ. Не добившись толку, они плотно заперли, заколотили и зажгли домъ богача, полагая ему смерть отъ задушенія. На счастіе, мимо бѣжала старуха Она слышала крики, сама, въ свою очередь, перепугавшись, закричала, и такимъ образомъ собрала сосѣдей, которые и успѣли переловить изверговъ. Всѣ они противъ села Юромы, на другомъ берегу рѣки Мезени, въ деревушкѣ, были биты кнутомъ, прочимъ въ страхъ и поученіе.

И опять-таки то же преданіе о разбойникахъ слышится и въ повѣсти о житіи Іова Праведнаго, мощи котораго подъ спудомъ хранятся въ селѣ Ущелье (въ 3 вер. отъ деревни Березника).

---

*) Полагаютъ, что имя *Пашко̀* происходитъ отъ уменьшительнаго имени Павелъ, а *Тропа* — отъ Евтропій.

Здѣсь на крутомъ, картинномъ мысу, или щельѣ *), Іовъ основалъ въ 1614 году, по грамотѣ новгородскаго митрополита Исидора отъ 1609 года, монастырь (потомъ пустыня, и съ 1838 г. приходъ). Въ 1628 г., когда вся братія была на сѣнокосѣ, въ монастырѣ оставался одинъ Іовъ. Разбойники требовали у него денегъ и, получивши отказъ, «огнемъ жгоша его и въ неистовомъ изступленіи своемъ вервіею влачаху его по земли, яко изсохшему отъ поста тѣлу его, всему изъязвлену быти и членамъ тѣлеси его оторгатися отъ таковаго лютаго мученія. Послѣди же разбойницы немилосердно отсѣкши честную его главу, отъидоша»—сказано въ рукописномъ житіи праведнаго. Въ ущельской церкви сохранилась кокора, на которой онъ былъ убитъ и которая облита была кровью (кокора эта теперь вся обгрызана, потому-что щепы отъ нея, по народной вѣрѣ — взятыя въ ротъ, успокоиваютъ зубную боль). Указываютъ также и мѣсто убіенія Іова за селомъ, подъ горой, на мосту, котораго теперь уже нѣтъ, потому что ручей, отдѣлявшій церковь отъ села, уже пересохъ. Оврагъ, ведущій изъ селенія на отдѣльную, высокую и крутую церковную (нѣкогда монастырскую) гору, глубиною въ 12 саженъ. Гора обросла густымъ лиственичнымъ лѣсомъ, изъ-за котораго въ просѣкахъ открываются рѣдкіе по красотѣ своей виды на дальной берегъ съ людною деревнею Березникомъ и опять-таки съ густыми лиственичными рощами.

Съ селеніемъ Кѣйносомъ пропадаютъ уже преданія о разбойникахъ, которые, по всему вѣроятію, были бѣглые литовскіе люди и русскіе измѣнники, пользовавшіеся смутнымъ временемъ и разсыпавшіеся мелкими шайками по всему лицу русской земли. Позднѣйшія же преданія о разбойникахъ должно приписать отрядамъ изъ шайки Стеньки Разина, пробиравшейся къ богатымъ Соловкамъ и торговому Архангельску.

Взамѣнъ преданій о разбойникахъ выступаютъ впередъ болѣе древнѣйшія преданія о Чуди — аборигенахъ всего сѣвернаго края Россіи, о той *чуди бѣлоглазой*, имя которой слышится и по рѣкѣ Онегѣ, и по рѣкѣ Пинегѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пугаютъ словомъ «чудь» капризныхъ и плакси-

*) Щелье — мысъ рѣчной, съ оврагомъ и крутизнами. Особенно богата ими рѣка Мезень и оттого на ней деревни и села: Долгощелье, Бѣлощелье. Конещелье, Защелье, Палощелье, Устьщелье, и проч.

выхъ ребятишекъ. По рѣкѣ Мезени показываютъ во множествѣ вещи, съ общимъ названіемъ чудскихъ: кольца, выкопанныя изъ земли монеты. Я видѣлъ въ деревнѣ Березникѣ серебряныя серьги, затѣйливой, хотя и аляповатой работы, носившія тоже названіе чудскихъ. Можетъ быть (и по большому вѣроятію), онѣ несравненно позднѣйшей работы и идутъ по наслѣдству изъ рода въ родъ *), можетъ быть, онѣ просто-на-просто новгородскаго дѣла и, можетъ даже быть, временъ самыхъ первыхъ заселеній мезенскаго и вообще всего двинскаго края — все-же таки преданія о Чуди здѣсь еще живы и повсемѣстны. Болѣе типическое преданіе удалось мнѣ встрѣтить въ деревнѣ Чучепалѣ, самое имя которой, по этому преданію, происходитъ отъ чуди. И вотъ по какому поводу.

Повыше деревни (хотя и самая деревня стоитъ на довольно-возвышенномъ мѣстѣ), по берегу рѣки Мезени, на высокой горѣ въ лиственичныхъ рощахъ, стоялъ нѣкогда городъ, населенный чудью. Новгородцы, разселяясь по рѣкѣ, выбрали и сосѣдье предгорье, какъ мѣсто удобное и картинное. Первые годы сосѣди жили въ миру, да строптива была чудь и не угадала *новгородской чести*, не подладилась подъ *новгородскую душу*. Задумали люди свободные, люди торговые и корыстные избыть лихихъ бѣлоглазыхъ сосѣдей и для этого дождались зимы морозной и крѣпкой. Прямо противъ городка Чудскаго, на рѣкѣ Мезени прорубили они ледъ поперекъ всей рѣки и сдѣлали такимъ путемъ широкую полынью. И погнали они чудь изъ города въ ту сторону, гдѣ лежала эта полынья; провалилась вся чуть отъ мала до велика, потонула. Стало то мѣсто рѣки называться *кровянымъ плесомъ* (называется оно этимъ именемъ и до этого дня) и прослыла деревушка новгородская Чудьпалой за тѣмъ, что тутъ послѣдняя *чудь пала* **).

На высокой горѣ, гдѣ предполагался Чудской городъ, указываютъ на высокій курганъ, какъ на послѣдній остатокъ,

---

*) Баба, приносившая ихъ, не хотѣла уступить мнѣ ни за какія деньги.

**) По иному преданію, распространенному въ другихъ мѣстахъ Архангельской и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерніяхъ, чудь въ землю ушла, подъ землей пропала, живьемъ закопалась. Сдѣлала она это: по однимъ оттого, что испугалась Ермака, по другимъ оттого, что увидала бѣлую березу, внезапно появившуюся и означавшую владычество Бѣлаго царя.

на послѣднюю памятку о погибшемъ народѣ, коренное имя котораго стерлось теперь съ лица земли, оставшись только въ отросткахъ: корелахъ, лопаряхъ, зырянахъ, вотякахъ, чухонцахъ, въ мордвѣ и проч. Досужіе люди раскапывали въ томъ мѣстѣ курганъ, но ничего, однако, не нашли тамъ. Деревня Чучепала лежитъ отъ села Койноса въ 14 верстахъ.

А вотъ и Ко́йносъ—людное село, но бѣдная церковь, деревянная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплатанная, но холодная и въ службахъ по зимамъ едва выносимая. Бѣдны всѣ примезенскія церкви, но бѣднѣе койновской нѣтъ другой. Священническія ризы — тлѣнъ, иконы съ почернѣлыми, едва примѣтными ликами; все глядитъ поразительною ветхостью и скорымъ, неизбѣжнымъ разрушеніемъ.

— Отчего же это, отецъ Евграфъ? спрашивалъ я у священника.

— По всей Мезени народъ склоненъ къ расколу и еле держится, и только около коренныхъ обрядовъ. Въ церковь почти совсѣмъ не ходитъ и если является, то только, ради угожденія палатскому начальству, разъ въ году на исповѣдь. У причастія никто не бываетъ. Ждутъ только рѣшительнаго человѣка чтобы впасть въ неизлечимый и неисправимый расколъ, какъ усть-цылемы на Печорѣ, кемляне и сумляне въ Поморьѣ.

— Кто же ими руководитъ?

— Есть у нихъ толковники, начитанные и зубастые, въ спорахъ неуступчивые. Въ тундрѣ скиты настроены, гдѣ цѣлыми артелями блюдутъ о древлецерковномъ благочестіи, по ихъ словамъ, но въ самомъ-дѣлѣ купаются въ прелюбодѣяніи и угожденіяхъ плотской и мірской жизни.

— А ваши-то прихожане нравственны?

— На посѣдкахъ по зимамъ, не боясь ни чьего глазу, мужики обнимаютъ бабъ и огни гасятъ.... На масляницѣ, когда съ горъ катаются, дѣвки среди бѣла-дня сажаютъ къ себѣ ребятъ на колѣна и катаютъ ихъ внизъ на салазкахъ.... Въ хороводахъ дѣвки всегда крѣпко нарумянены; да и вообще этотъ обычай румяниться и бѣлиться повсемѣстенъ, особенно съ Азополя.... Попъ къ нимъ со своей нуждой не ходи: либо ничего не дадутъ, либо сдерутъ такую цѣну, что послѣ въ два мѣсяца не сберешься духомъ: разбойники!...

— А любятъ они старинку, держатся ли ея?

— Да въ этомъ одномъ все и спасенье-то свое видятъ. Хуже свадебъ ихъ я ничего не видывалъ. Передъ обрядомъ свадебнымъ ведется обычай кормить молодую горячими, масляными блинами. Блинами этими она одѣляетъ подругъ, бросая въ нихъ какъ-ни-попало и не обращая вниманія на то: пачкаетъ ли она ихъ новыя, нарядныя платья, или нѣтъ. Для нихъ это все равно: было бы только приложено усердіе да соблюденъ обычай. Послѣ самаго обряда бракосочетанія, женихъ держитъ свою голову высоко и вообще гордо за тѣмъ, чтобы не первымъ поцаловать молодую. Та кое-какъ, съ великимъ трудомъ и то на цыпочкахъ, достаетъ мужнино лицо и чмокаетъ, но тотчасъ же и начнетъ голосить, притворствуя: «насрамилъ ты меня, набезчестилъ-погубилъ ты мою дѣвью красоту!» На паперти *крутятъ ей повойникъ*: она при этомъ обрядѣ упирается, лягается, кричитъ, не дается, но обычай и сила берутъ свое, настоящее. Въ сани мужнины она въ повойникѣ садится уже охотно и радостно.

— Когда приведутъ молодую отъ вѣнца къ мужу въ избу— она закрыта. Отецъ молодаго поднимаетъ платокъ — молодая не дается. Ее хлопаютъ затѣмъ ковригой хлѣба по лбу и сулятъ денегъ, жита, нарядовъ. Она ни на что не соглашается. «Ну вотъ же» говоритъ отецъ «даю тебѣ сына своего». Тогда она и фату открываетъ. До-сихъ еще временъ существуетъ обычай красть невѣстъ безъ вѣдома родителей, по любви. И бываетъ тутъ иногда не спроста, не по одному виду, а хуже: одному жениху отморозили руки, заставивъ его простоять битыхъ семь часовъ на тридцати-градусномъ морозѣ у дверей его богосуженой, но не суленой. Только это несчастіе и случай и умилостивили отца и мать невѣсты; а парню-то она *порато*— *горазно* полюбилась.

— А чѣмъ же живетъ народъ по-преимуществу?

— Деревянную посуду приготовляетъ: чашки, ковши, прялки, ложки, блюдечки, и очень-красиво, и очень-много, такъ много, что вывозятъ даже на Пинегу. Нѣкоторая часть изъ народа уходитъ на морскіе промыслы и большая половина занята ловлею лѣснаго звѣря и птицы. Для птицы они прокладываютъ тропы и зовутъ эти тропы—путиками, и идутъ эти путики одного хозяина вдоль нашей безграничной тайболы на великіе десятки верстъ.

— Простоты въ нихъ, доброты предполагать надо много: живутъ въ старинѣ, любятъ домъ и семью — тамъ всегда хорошо. Столицы, фабрики и людные города уничтожаютъ добродушіе народа, портятъ ихъ нравственно.

— Въ нашемъ народѣ и доброта, и простота — все это есть; но портитъ ихъ расколъ и старыя заповѣди. А есть и между ними уроды.

— Какого же рода?

— А вотъ вы поѣдете на Печору, встрѣтите отца Николая. Его объ этомъ спросите!...

— Я вамъ непространно повѣствовать буду, говорилъ мнѣ отецъ Николай: — кратко изложу вамъ предметъ предлагаемой вами бесѣды. Ѣхалъ я къ приходу лѣтнимъ путемъ, по рѣкамъ — въ лодкѣ, по переволокамъ — образомъ апостольскаго хожденія: въ сторонѣ доводилось неоднократно и ревъ лѣсныхъ обитателей изъ звѣринаго рода слышать на страхъ, и пѣніе пернатыхъ на услажденіе.... Да, нѣтъ-таки, я вамъ лучше коротенько. Похвалю вамъ обычай оставлять для путешествующихъ, но заблудшихъ странниковъ бражно (хлѣбъ, соль и рыбу), которое обрѣтали мы въ каждой лѣсной избѣ, и почасту въ избыткѣ. Но заблудились, потребили все запасное свое и начали уже изнывать тяжкимъ гладомъ. На видимое счастіе наше, напали на охотника съ рѣки Мезени, избыточествовавшаго запасомъ своимъ. Просили подѣлиться, отказалъ, для себя — сказывалъ — припасалъ, а на странниковъ наткнуться не полагалъ-дескать никакія надежды. И самъ ѣлъ при насъ. Думалъ я, раскольникъ то былъ, а сталъ молиться — истинный крестъ Христовъ на перстахъ своихъ изобразилъ. Сказалъ же намъ, однако, что по близости старообрядскій скитъ есть. Содрогнулась въ немъ душа, повидимому, и временно отсталъ отъ него духъ тьмы. Пришли къ скитникамъ; скитники жили въ достаткѣ и моимъ нарядомъ не побрезговали: приняли, насытили и молитвословія не воспретили. Отдохнулъ я съ семьею, сномъ подкрѣпился. Приступили съ прошеніемъ ко мнѣ: «прочитай намъ, батько, правило! мы помолимся!» Да вѣдь я по своему требнику стану: по вашему дерзать не могу! отвѣтствовалъ. «Намъ, говорятъ, все равно, была бы молитва твоя угодна и не съ сердца срывалась». И молитвословилъ я своимъ грѣховнымъ моленіемъ и возносилъ умиленныя мольбы ко Все-

вышнему, да пріобщитъ сихъ заблудшихъ овецъ къ стаду Христову избранныхъ и отъ вѣковъ возлюбленныхъ.

— И не столь они злы, какъ говорятъ, и не обрядами они тяготятся и по немъ раздѣленіе свое отъ насъ чинятъ — прибавилъ потомъ отецъ Николай. Тутъ полагаю причину болѣе важную и болѣе знаменательную....

— Да, вѣдь, это, батюшко, давно уже извѣстно. Мы объ этомъ потолкуемъ съ вами когда-нибудь послѣ, на досугѣ.

III.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ ПИНЕГѢ.

Городъ Пинега. — Красногорскій монастырь. — Преданіе о князѣ В. В. Голицынѣ.— Веркольскій монастырь.—Путники для лѣсной птицы.

Почтовой колокольчикъ отболталъ свои послѣднія трели; казенная кибитка обхлопала послѣдніе ухабы и выбоины—передъ нами рядъ домовъ съ городской обстановкой и принадлежностями, передъ нами весь на лицо маленькій уѣздный городокъ— Волокъ по народному прозванію, Пинега — по казенному. На этотъ разъ въ немъ ярмарка, называемая и въ офиціальныхъ бумагахъ, и на простомъ ходячемъ языкѣ никольскою. Это было 6 декабря.

Пинежская ярмарка, какъ и всѣ собственно-народныя ярмарки (называйте ее даже базаромъ), ни въ чомъ не разнится, ни въ чомъ не отступаетъ отъ множества подобныхъ народныхъ сходокъ, разбросанныхъ десятками тысячъ по всему лицу русскаго царства. Не имѣя офиціальнаго характера, необставленная казаками и жандармами, она носитъ на себѣ всѣ признаки старинныхъ русскихъ мірскихъ сходокъ. Въ ней все непринужденно и искренно, все живетъ на распашку, безъ дальнаго спроса о томъ, такъ ли это надо, или иначе. Затронутая самымъ живымъ интересомъ — интересомъ барыша (хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и копѣечнаго), она шумитъ, какъ вообще шумитъ русскій человѣкъ, когда онъ очутится на полномъ просторѣ, на широкой, собственной, нестѣсненной волѣ; она кричитъ потому, что кричитъ пѣтухомъ и всякая барышная копѣйка, по смыслу народнаго присловья. Далеко разносится ярмарочный гулъ затѣмъ, что гулу этому есть гдѣ разгуляться

по широкимъ тундрянымъ полянамъ, обступившимъ городъ. Прислушаешься къ гулу и Богъ-вѣсть что почудится въ этомъ гулѣ: и звонъ золотыхъ въ засаленныхъ, но крѣпкошитыхъ мошнахъ ижемскихъ зырянъ, счастливо сбывшихъ свои мѣха и пушину въ надежныя и искусныя руки галицкихъ купцовъ, и звонъ серебряныхъ денегъ въ рукахъ архангельскихъ и вологодскихъ краснорядцевъ, продавшихъ линючіе и залежавшіеся московскіе ситцы въ руки холмогоровъ и печорскихъ зырянъ (гуртомъ), и на надежныя, но неопытныя руки сосѣднихъ бабъ и дѣвокъ. Слышится въ народномъ ярмарочномъ пинежскомъ гулѣ и глухое побрякиванье мѣдюковъ — тяжолыхъ денегъ, доставшихся оборышомъ, незавиднымъ излишкомъ на горькую долю самоѣдовъ, явившихся сюда изъ-за тысячи верстъ, изъ дальныхъ тундръ своихъ, цѣлыми аргишами—вереницами оленьихъ санокъ, нагружонныхъ мерзлой и соленой рыбой-чирами, пелядами и семгой. Чуется въ пинежскомъ ярмарочномъ гулѣ и безнадежный визгъ послѣдней копѣйки, поставленной ребромъ мужичкомъ съ той-же Пинеги, или съ ближной Двины изъ-подъ Холмогоръ, продавшихъ какой-нибудь десятокъ паръ рябчиковъ или чухарей (глухарей).

Во всемъ остальномъ пинежская ярмарка опять таки, какъ капля воды на другую, похожа на всѣ ярмарки и базары. Тѣ же питейные дома, соблазнительно застроившіе всѣ входы и выходы города, тѣ же питейныя выставки подъ полотнянымъ колоколомъ на бойкихъ мѣстахъ, по случаю такого горячаго и суетливаго времени (только три или четыре дни дышетъ своимъ разгаромъ ярмарка въ Пинегѣ). И на ней услышишь въ народномъ гулѣ печальный крикъ мужичка, который воспользовался люднымъ сборомъ и, повѣсивъ свою лохматую шапку на длинную палку, проситъ сказать православныхъ: не видалъ ли кто выкраденной лошадки съ такой-то примѣтой, или такой-то сбѣжавшей коровы. И здѣсь легко выслушать, изъ общей свалки криковъ и возгласовъ, рѣдкій плачевный звонъ вновь вылитаго колокола, сбирающаго подаяніе на подъемъ и благополучный подвѣсъ на колокольню. И здѣсь повелительныя предостереженія ѣдущихъ: «поберегись», и здѣсь между сѣрымъ народомъ неизбѣжно толкаются попъ съ попадьей, приторговывающіеся къ кобылкѣ и ситцамъ. Породистыя дѣвки, всѣ въ красномъ, стоятъ, скрестивъ на плотныхъ и высокихъ грудяхъ

руки, тупо поглядывая на проходящихъ. И здѣсь опять-таки наслѣдишь и мелкіе обманы торгаша, крупные обманы крупнаго торговца. Не увидишь только ярмарочныхъ представленій въ видѣ райковъ, балагановъ съ Петрушками и «шире-бери», потому-что здѣсь къ этому непривычны. И все-таки замѣтишь сосредоточонную на мѣстныхъ пунктахъ хлопотливость, охаживаніе и облаживаніе извѣстныхъ цѣлей въ крупномъ, гуртовомъ, широкомъ размѣрѣ. Это—оптовая покупка мѣховъ и дичи. Мѣха пойдутъ на Москву; дичь, въ видѣ куропатокъ и рябчиковъ, уйдетъ въ Петербургъ, и только мерзлая и соленая рыба по ближному сосѣдству. Незначительное (по сравненію съ прочими оборотами ярмарки) число костей и роговъ моржовыхъ и мамонтовыхъ, добытыхъ на Новой-Землѣ и на Печорѣ, перейдетъ въ руки архангельскихъ и холмогорскихъ костяниковъ.

Ярмарка, вымирающая ночью до единаго воза и человѣка, уже съ 6 декабря, положоннаго законнымъ началомъ для нея, начинаетъ терять все болѣе и болѣе свой характеристическій видъ. Завтра опять наѣдутъ съ раннихъ утреннихъ потемокъ возы изъ ближнихъ деревень, но уже гораздо меньше и собственно ярмарка, по общимъ слухамъ, кончилась еще наканунѣ, въ сочельникъ. Перекупаютъ и скупаютъ все привезенное еще до разсвѣта и по дворамъ. Рыночной продажи и по мелочамъ положительно нѣтъ: пару рябчиковъ, рыбу достать весьма трудно и почти невозможно: все закуплено оптомъ и передано извощикамъ. Съ меня просили 50 коп. сер. за пару рябчиковъ, тѣхъ самыхъ рябчиковъ, которые, провезенные въ Петербургъ, на Сѣнной площади будутъ стоить 25, 30 и 40 копѣекъ. Стало-быть, ярмарки, въ ея общепринятомъ значеніи, въ Пинегѣ нѣтъ: это просто-на-просто обусловленный обычаемъ срокъ для съѣзда продавцовъ къ своимъ довѣрителямъ. Такъ идутъ кожи, дичь, рыба печорская, мясо, звѣриныя шкуры и по разницѣ остаются гнилые лоскутья, выдаваемые за ситцы, да пыжиковыя издѣлія (шапки и рукавицы), да крестьянскія лошади, да мелкій хламъ деревянный и желѣзный. На тотъ годъ (1856) все стояло дорого и значительно выше противъ прошлогодняго; на лѣснаго звѣря, говорятъ, ловъ былъ плохъ, рыба также ловилась незначительно, а недавная война вліяла на возвышеніе цѣнъ и на мясо, и на пищу, и на другіе крестьянскіе продукты и издѣлія. Народъ пьетъ горькую, но некрѣпкую водку и оретъ

къ вечеру пѣсни; разсчотливые оптовые продавцы, ижемскіе зыряне, начинаютъ въ теплыхъ квартирахъ галицкихъ купцовъ свои торговые разговоры съ чаю, до котораго страшные охотники, и оканчиваютъ сдѣлки бутылками хорошаго хересу, привезеннаго архангельскими купцами прямо съ биржи и нефабрикованнаго. Ничѣмъ особеннымъ не сказался первый день ярмарки; въ единственной городской церкви, каменномъ соборѣ, освящали воду, звонили въ колокола — да и только! Да.... народу пьянаго было очень-много.

7 числа меньше возовъ; расплата оптовыхъ торговцовъ по домамъ; изрѣдка опоздалые, задержанные пургой возы, плетущіеся на оленяхъ по улицамъ. Гуще набито народу около продавцовъ красныхъ товаровъ. Въ толпахъ этихъ пестрѣютъ оленьи совики и малицы мезенцовъ и рѣже овчинные тулупы и полушубки верховиковъ (съ Сѣв. Двины, изъ Шенкурска).

8 числа ярмарки почти уже нѣтъ; многія квартиры опустѣли и весь городъ, значительно обезлюдѣвшій, готовъ погрузиться въ долгую спячку до 25 марта, когда начнется снова базарный крикъ, но уже значительно не въ той мѣрѣ и силѣ. Этотъ крикъ послѣдній въ году; эта ярмарка, называемая Благовѣщенскою, послѣдняя для Пинеги.

9 числа я покинулъ этотъ городъ для Печоры и снова еще разъ встрѣтился съ нимъ на обратномъ пути оттуда черезъ полтора мѣсяца. Но встрѣча эта была не радостна и не могла уже задержать меня надолго въ городѣ, который глядѣлъ уже на тотъ разъ тоскливо, безлюдно, какъ глядитъ и всякой другой архангельской городокъ, бѣдный средствами, бѣдный исторіей. Такова же точно исторія и города Пинеги. До 1780 г. онъ былъ деревнею *Волокомъ* и Большимъ Погостомъ (волокомъ называлась она за тѣмъ, что стоитъ на четырехъ-верстномъ пространствѣ, отдѣляющемъ рѣку Пинегу отъ Кулоя, черезъ которое переволакивали нѣкогда на себѣ суда изъ одной рѣки въ другую). Указомъ отъ 20 августа 1780 года, волость названа городомъ Пинегомъ по рѣкѣ, протекающей подлѣ. Въ него переведено было и воеводское правленіе, переѣхалъ и самъ воевода изъ города Кевроля (за 130 верстъ на рѣкѣ же Пинегѣ). И Кевроль сталъ, въ свою очередь, бѣднымъ селомъ, подъ именемъ Воскресенскаго погоста, замѣнивъ прежнее значеніе Пинеги, и не выигралъ многимъ и старый Большой По-

гостъ съ новымъ названіемъ Пинегою, хотя уже здѣсь и давно существовалъ широкій и бойкій торгъ, одинъ разъ въ годъ на Николу. Въ 1781 году императрица Екатерина II приказала отпустить изъ казны 8 тысячъ рублей на построеніе въ новомъ городѣ каменной соборной церкви. Въ мой проѣздъ соборъ этотъ, перестроенный вновь, священъ былъ архангельскимъ и холмогорскимъ архіереемъ.

И вотъ все, что можно сказать о Пинегѣ, не забывая того, что вблизи этого города находится мѣсто болѣе замѣчательное и интересное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Это— Красногорскій монастырь.

Монастырь этотъ лежитъ въ 10 верстахъ отъ города на высокой горѣ, носившей нѣкогда названіе Черной. Путь къ монастырю лежитъ мимо множества маленькихъ деревушекъ, разсыпавшихся по р. Пинегѣ, неширокой, но картинно-обставленной крутыми горами и засыпанной высокими лѣсами и рощами. Крутая, съ трудомъ одолимая гора ведетъ въ монастырь; на самой возвышенной точкѣ ея расположены каменныя строенія этой небольшой и бѣдной обители, обнесенныя деревянною стѣною. Видъ съ колокольни поразителенъ, восхитителенъ; лучше его не найти во всей Архангельской губерніи. Провожавшій меня монахъ, сказывавшій, что отсюда видно верстъ за пятьдесятъ, прибавилъ: «самъ владыко залюбовался!...» *)

---

*) Вотъ краткая исторія монастыря Красногорскаго, какъ разсказалъ ее авторъ описанія Архангельской губерніи, священникъ Козьма Молчановъ (Спб. 1813 года) «Въ лѣто 7111 (1603), въ царство Бориса Ѳеодоровича Годунова, нѣкто Воскресенскія кевроьскія церкви игуменъ Варлаамъ, по нѣкоторому явленію, ему бывшему, возъимѣлъ обѣщаніе находившійся у него образъ Пресв. Богородицы Владимірскія изъ Кевроа перенесть на эту Черную гору и поставить на оной; къ исполненію котораго предпріятія получилъ и случай удобный, а именно, бывшаго на ту пору въ Кевролѣ за своими дѣлами юрольскаго священника Мирона; почему оную икону для отнесенія на ту Черную гору и поручилъ помянутому священнику. Ибо Юрольская волость, гдѣ священникъ сей жительствовалъ, лежитъ близъ той Черной горы за одною рѣкою. Священникъ Миронъ оную икону принесъ и поставилъ на Черной горѣ, какъ приказано было отъ игумена Варлаама, и потомъ близь той иконы водрузилъ крестъ и около онаго креста огородилъ досками; а потомъ и тамъ, по совѣту нѣкоего монаха Іоны, близь оныхъ мѣстъ, во время Гришки Самозванца, отъ гоненій польскихъ и литовскихъ странствовавшаго, и по увѣщанію прежде упомянутаго игумена Варлаама,

Недаромъ же полюбился **Красногорскій** монастырь и сосланному въ Пинегу князю Василію Васильевичу Голицыну — лю-

---

принялъ монашество, а нареченъ будучи Макаріемъ, началъ жительствовать на этой горѣ. Напослѣдокъ самъ отлучился въ Москву бити челомъ царю и великому князю Василію Іоанновичу всея Россіи о дачѣ на той Черной горѣ подъ монастырь мѣста; а Іона, тамъ оставшись, началъ рубить лѣсъ, и готовить на церковное строеніе, и поставилъ себѣ келью на упокоеніе близь показаннаго креста. Спустя нѣсколько времени послѣ того, возвратился изъ Москвы Макарій и привезъ отъ царя и великаго князя Василія Іоанновича всея Россіи данную 7114 (1606) августа въ 28 день грамоту, которою повелѣно Черную гору написать за нимъ чернымъ попомъ Макаріемъ. По поводу чего въ слѣдующую зиму отправился оный Макарій въ Новгородъ къ преосвященному Исидору, митрополиту новгородскому и велико-луцкому, церковныхъ ради потребъ и антиминса на освященіе церкви. Преосвященный Исидоръ слышавъ, что не было на Пинегѣ въ близости инаго монастыря, поставилъ его игумномъ и далъ ему посохъ и настольную грамоту, дабы на Черной горѣ устроить общее о Христѣ братство. Такимъ образомъ игуменъ Макарій изъ Великоновгорода возвратился въ осеннее время; а монахъ Іона съ прочими трудниками, между-тѣмъ, состроили церковь, которую всѣ съ окрестными священниками и освятили соборнѣ во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Въ семъ монастырѣ имѣется и другая чудотворная же икона, называемая *Грузинскою*, послѣ плѣненія Грузіи въ 7130 (1621) году персидскимъ Аббасъ-Шахомъ, купленная у персіянъ бывшимъ для торгу въ Персіи ярославскаго купца Григорія Лыткина приставникомъ Стефаномъ, сыномъ Лазаревымъ, и потомъ имъ Лыткинымъ лѣта 7138 (1629) августа въ 22 день при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ и по благословенію святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго, при Кипріанѣ, митрополитѣ новгородскомъ, и при игуменѣ Черногорскаго монастыря Макаріи, въ оный Черногорскій монастырь принесенная, въ честь которой послѣ того онъ Лыткинъ и церковь прекрасную воздвигнулъ; сверхъ того обѣ чудотворныя иконы жемчугомъ и дорогими каменьями украсивъ, дали въ сей монастырь много церковныхъ утварей и поучительныхъ 147 книгъ, съ котораго времени и монастырь уже сталъ именоваться Красногорскимъ. Вышеупомянутая церковь въ Красногорскомъ монастырѣ 7119 (1611) года сгорѣла, по сгорѣніи которой за скудостію сперва пристроенъ былъ для священнослуженія алтарь къ кельи, потомъ при державѣ блаженныя памяти императора Петра I, по грамотѣ Варнавы, архіепископа холмогорскаго, 1722 года іюня въ 3 день данной, заложена новая каменная церковь съ теплою трапезою; а въ оной престолъ Пресв. Богородицы Владимірскія, который и освященъ, по грамотѣ архіепископа Варнавы, 1726 года февраля въ 28 день данной; а въ большой холодной во имя Пресв. Богородицы Грузинскія престолъ освященъ въ 1735 году, марта въ 22 день при державѣ блаженныя памяти императрицы Анны Іоанновны Германомъ архіепископомъ. Тогда же мо-

бимцу царевны Софіи Алексѣевны, нѣкогда сильному своимъ политическимъ вліяніемъ, и нѣкогда славному на всю Русь своими несмѣтными богатствами. Удаленный отъ дѣлъ сентября 9 въ 1689 году, онъ сперва сосланъ былъ съ женою и дѣтьми въ Каргополь, потомъ 5 марта 1691 года переведенъ на вѣчное житье въ Пустозерской острогъ. Двадцать лѣтъ томился онъ въ этой ссылкѣ, получая 13 алтынъ и 2 деньги (40 копѣекъ) на содержаніе въ день съ семействомъ своимъ. Имѣлъ несчастіе потерять здѣсь старшаго сына, который помѣшался отъ тоски. Осчастливленный нѣкоторыми льготами, онъ переведенъ въ 1711 году въ Пинегу, гдѣ, по народному преданію, получилъ изъ Москвы свой конскій заводъ; безплатно выдавалъ крестьянамъ на Мезени и Пинегу кровныхъ кобылъ для улучшенія породы туземныхъ лошадей. Говорятъ, что это обстоятельство было главною причиною тому, что мезенки сдѣлались извѣстной породой; говорятъ, что у двухъ-трехъ богачей по Мезени до-сихъ еще поръ сохраняются образцы чистой, безпримѣстной породы лошадей княжескаго завода. Говорятъ также, что князь Голицынъ любилъ ходить изъ Пинеги въ Красногорскій монастырь, подолгу сидѣлъ въ деревняхъ, смотрѣлъ на хороводы и училъ крестьянскихъ дѣвушекъ пѣть московскія пѣсни (которыя, дѣйствительно, выдаются изъ ряду туземныхъ и слышатся только пока въ однѣхъ этихъ восьми деревняхъ, отдѣляющихъ городъ отъ монастыря). Указываютъ на рощу, расположонную подъ монастырскою горою, въ которой, по народному преданію, особенно любилъ гулять и любовался князь Голицынъ и на красивый монастырь, и на живую ленту рѣки Пинеги, бѣгущей въ прихотливыхъ, свѣтлыхъ колѣнахъ, змѣйкой, далеко въ безпредѣльность, туда, гдѣ, за вологодскими лѣсами, лежитъ каменна Москва, дворцы царей, терема кремлевскіе, монастырь Новодѣвичій.... Роща эта, расположонная на длинномъ мыску (наволокѣ), образованномъ изгибомъ рѣки Пинеги, теперь сдѣлалась такъ рѣдка, что служитъ только од-

---

настырь получилъ на достройку церкви жалованья 1000 рублей. «Икону ежегодно приносятъ изъ монастыря въ Архангельскъ. Празднованіе ей установлено 22 августа. Въ алтарѣ Богоматери та створчатая деревянная кіота, въ которой будто бы принесенъ былъ на Красную гору образъ Владимірскія Богоматери изъ Кевроля.

нимъ едва примѣтнымъ признакомъ нѣкогда густой и, можетъ-быть, разчищонной рощи. Тутъ, по монастырскимъ книгамъ, по близости стояли встарину монастырскія строенія, положонныя по уставу внѣ монастыря. Въ 1713 году В. В. Голицынъ скончался въ Великопинегѣ. Тѣло его было перевезено и погребено въ монастырѣ Красногорскомъ, по духовному завѣщанію князя. Дѣти его возвратились въ Москву. Могилу кназя, накрытую простымъ дикимъ камнемъ, показываютъ аршинахъ въ двухъ отъ церкви противъ алтаря. На мой проѣздъ камень этотъ высоко засыпанъ былъ снѣжнымъ сугробомъ, тѣ же сугробы окружали всю церковь; никто не прочистилъ ни тропинки, никто не обмелъ самой гробницы. Монахи говорятъ, что надпись на камнѣ нельзя разобрать: лѣтъ уже 10 ее смыли дожди и снѣга. И вся память объ нѣкогда знаменитомъ князѣ осталась въ нѣкоторыхъ вещахъ, завѣщанныхъ имъ, а можетъ-быть, и подаренныхъ его дѣтьми монастырю. Прологъ, прописанный по листамъ рукою самаго князя, на доскѣ имѣетъ надпись: «Сію книгу положилъ въ домъ Пресвятой Богородицы на Красную гору князь Василій Васильевичъ Голицынъ». Другія руки свидѣтельствуютъ, что «сія книга его милости и свѣтлости.» Тутъ же видны слѣды дѣтскихъ рукъ, пробовавшихъ почеркъ. Книга пожалована въ 1714 году. Въ келіи у настоятеля хранится шитый шелками образъ Богоматери съ тропаремъ кругомъ. Точно такой же шитый (изящно) шелками образъ Распятія, по вѣнцамъ пронизанный жемчугомъ; такая же плащаница, съ изображеніемъ снятія со креста, и воздухи хранятся въ соборномъ алтарѣ на стѣнѣ. Всѣ они, говорятъ, шиты руками Софьи Алексѣевны. Въ алтарѣ же на стѣнѣ виситъ старинное зеркало, довольно большое, створчатое, украшенное по рамкамъ фольгою и позолочеными орлами, чистой и изящной (по времени) отдѣлки. Зеркало это, по всему вѣроятію, принадлежало князю и подарено ему, можетъ-быть, также царевною. Въ настоятельскихъ кельяхъ и притомъ въ страшномъ небреженіи, безъ рамки, въ углу, сохранился почернѣлый отъ времени портретъ царя Алексѣя Михайловича, писанный масляными красками, хорошей работы, по всему вѣроятію, также собственность князя В. В. Голицына и, очень можетъ-быть, подаренный ему самимъ царемъ. Въ монастырскомъ сѵнодикѣ на вѣчное поминованіе князей Голицыныхъ записаны 20 именъ,

внизу которыхъ рукою самаго князя вписано его имя (род. 1643 г.), имя Евдокіи (жены или дочери?), князей Михаила (младшаго сына), и Алексѣя (старшаго сына, помѣшавшагося отъ тоски).

И вотъ всѣ свѣденія, которыя удалось мнѣ собрать объ знаменитомъ ссыльномъ въ самомъ монастырѣ Красногорскомъ и его окрестностяхъ. Нѣкоторые изъ простонародья прибавляли, что-де князь крѣпко держался старинки и былъ раскольникъ....

Между-тѣмъ наступалъ послѣдній мѣсяцъ года, назначеннаго мнѣ срокомъ отъ морскаго министерства для обслѣдованія и изученія прибрежьевъ Бѣлаго моря. Вдали предстояло еще много дѣла: часть Двины отъ города Холмогоръ до монастыря Сійскаго, съ котораго дорога поворачиваетъ на петербургскій трактъ. Вся южная часть уѣзда Пинежскаго должна была ускользнуть отъ моего вниманія и изученія—часть, которая представляла, повидимому и по общимъ слухамъ и увѣреніямъ, такъ много интереснаго. Такъ и село Кевроль, или иначе Воскресенскій погостъ, бывшій воеводскій городъ и село Чакола-древняя, самыя первыя новгородскія заселенія въ томъ краю, тамъ множество преданій о Чуди въ большемъ числѣ и интересѣ, чѣмъ пойманныя мною на рѣкѣ Мезени, какъ увѣряли; тамъ, по увѣренію Молчанова (автора описанія Архангельской губерніи), «крестьяне понятливы, нѣсколько корыстолюбивы, грубы и необходительны», тамъ, наконецъ, монастырь Веркольскій съ своей стариной и богатствами старинной письменности *). Возвра-

---

*) «Сей монастырь — говоритъ священникъ К. Молчановъ въ своемъ описаніи—состоитъ на своемъ содержаніи на Пинегѣ рѣкѣ, вверхъ по той рѣкѣ, отъ Пинеги города въ 151 верстѣ, въ волости Веркольской. Начало свое воспріялъ со времени явленія мощей и нынѣ въ ономъ монастырѣ опочивающаго святаго и праведнаго *Артемія веркольскаго* чудотворца, который родился въ лѣто 7040 (1532), скончался 7052 (1544) года іюля въ 23 день, на двадцатомъ году отъ рожденія своего; обрѣтенныя его мощи 7085 (1577) года, въ 33 годъ послѣ преставленія его, положены были сперва въ паперти у приходской веркольской церкви святаго Николая чудотворца; изъ паперти въ предѣлъ перенесены 7091 (1583) года; потомъ, по свидѣтельствованіи, по указу Макарія, митрополита новгородскаго, и обрѣтеніи оныхъ подлинно нетлѣнными, также по сочиненіи ему житія и службы, изъ пре-

щаться назадъ уже было поздно и нѣкогда, и я съ стѣсненнымъ

дѣла поставлены внутри той же церкви, 7118 (1609) году декабря въ 6 день; послѣ чего мезенскій и кеврольскій воевода Аѳанасій Пашковъ, получа скорое отъ Бога, при помощи праведнаго Артемія, сыну своему въ учинившейся тяжкой болѣзни облегченіе, въ знакъ своего за то благодаренія, близь той Никольской церкви въ 7152 (1446) году построилъ своимъ иждивеніемъ прекрасный, во имя великомученика Артемія храмъ, и окрестъ онаго ограду, и кельи для жительства монашествующихъ. Первый строитель въ новопостроенный монастырь опредѣленъ Рафаимъ, а въ бѣльцахъ Родіонъ Макарьинъ, при немъ черный священникъ Іона, которые такимъ образомъ не успѣли лишь составить въ ономъ монастырѣ общежительства, какъ въ лѣто 7147 (1639) іюня въ 24 день оные храмы сгорѣли; почему они надъ мощами св. и прав. Артемія сотворили часовню. Наконецъ вскорѣ послѣ того, отъ царя Алексѣя Михайловича, по челобитью кевральскаго земскаго старосты Филиппа Козьмина Драчева съ мірскими людьми, прислана въ Кевроль къ воеводѣ грамота о построеніи новой церкви гдѣ обрѣтены мощи чудотворца Артемія, что они и исполнили. Лѣта 7157 (1648) ноября въ 14 день, воевода Григорій Аничковъ и кевральской десятины закащикъ священникъ Іоакимъ Васильевичъ, діаконъ Дометіанъ и прочіе духовнаго и мірскаго чина люди, пріѣхавъ въ веркольскую волость и пришедъ въ монастырь пѣли молебенъ, воду освятили и потомъ честныя мощи того святаго, положа въ новую раку, перенесли изъ часовни въ новопостроенную церковь св. великомученика Артемія, и поставили честно на южной сторонѣ».

«Государскаго жалованья въ сей монастырь было:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи въ Кевральской уѣздъ, въ монастырь св. Артемія, веркольскаго чудотворца, строителю Родіону Макарьину, да черному попу Іонѣ съ братіею, по нашему указу и по обѣщанію сестры нашей благовѣрныя царевны и великія княжны Ирины Михайловны, послано къ вамъ въ монастырь чудотворца Артемія веркольскаго церковнаго строенія: Евангеліе напрестольное, крестъ благословящій, ризы и стихари, и иное церковное строеніе съ крестовымъ нашимъ дьякомъ Игнатьемъ Яковлевымъ; что церковнаго строенія прислано, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею нашею грамотою за дьячьею приписью, и какъ сія наша грамота придетъ, а крестовый нашъ дьякъ Игнатій Яковлевъ къ вамъ пріѣдетъ въ монастырь, и вы бъ у него церковное строеніе, по росписи, каково подъ сею нашею грамотою, приняли все на лицо, и велѣть записать въ книгѣ именно, чтобъ то наше церковное строеніе во вѣки были неподвижно: а какъ то церковное строеніе у крестоваго нашего дьяка Игнатія Яковлева примите, и вы бъ о томъ къ намъ отписали; съ нимъ же Игнатьемъ и его отпустили, а на Москвѣ отписку подать, и ему Игнатью велѣли явиться и въ приказѣ большаго дворца боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову, Дьякамъ нашимъ Ивану Ѳедорову, да давиду Дерягину, да Смирнову Богдану. Писалъ на Москвѣ 7158 (1650) года генваря въ 26 день».

По счастію, монастырь этотъ (единственный во всей Архангельской гу-

сердцемъ долженъ былъ сѣсть въ Пинегѣ для того, чтобы ѣхать на Двину, въ давно знакомые уже мнѣ Холмогоры.

Глухой, дѣвственный лѣсъ смѣнялся деревушкой, деревушка прорѣзала лѣсъ и облагалась полянами; стояла зимняя пора: стало-быть, все это надоѣдало своимъ однообразіемъ, наводило тоску. Къ тому же возятъ какъ-то вяло; на многимъ станціяхъ приходится сидѣть по долгу и насиживать опять-таки тоску и скуку. Самыя деревушки глядятъ какимъ-то бездольемъ и сиротливымъ видомъ, хотя широкая рѣка и не пропадаетъ у насъ изъ виду, преслѣдуетъ насъ своими изгибами на всемъ долгомъ пути нашемъ, хотя въ то же время и близимся мы къ богатому, сильно богатому подвинскому краю.

— Чѣмъ вы промышляете? спрашиваешь въ каждомъ селеніи и въ каждомъ селеніи получаешь одинъ отвѣтъ:

— Да путики кладемъ, птицу ловимъ, звѣря бьемъ по этимъ путикамъ.

Путики — это лѣсные тропы, которыми испрорѣзаны всѣ тайболы, и верхняя и нижняя, всѣ лѣса, которыми заросла правая (отъ рѣки Сѣверной Двины) и огромная половина огромной Архангельской губерніи.

Путикъ прокладываетъ себѣ всякой мужикъ, которому припадетъ только охота къ лѣсному промыслу; не въ большомъ количествѣ прокладываютъ ихъ мезенцы, а особенно пинежане. У старательнаго и домовитаго промышленника такихъ путиковъ проложено до десятка и рѣдкій изъ нихъ не тянется на 40, на 50 верстъ; нѣкоторыя заводятъ свои тропы и гораздо на большее пространство. Путикъ этотъ прокладывается просто: идетъ мужичокъ съ топоромъ, обрубаетъ болѣе бойкія и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу; въ намѣченныхъ (по примѣтамъ и исконному правилу) мѣстахъ вѣшаетъ онъ по вѣтвямъ силки для птицъ, прилаживаетъ у кореньевъ западни для звѣря. И такъ наметался, и такъ пріобыкъ въ долгомъ

берніи) случайно обошелся безъ ссыльныхъ и не видалъ мученій жертвъ своихъ. Даже и въ то время, когда сильно разгорался и судимъ былъ повсемѣстный сильный расколъ, здѣсь не было ни одного страдальца которыми наполнены были всѣ русскіе монастыри, а по преимуществу архангельскіе. Фактъ замѣчательный!

опытѣ и приглядкѣ къ дѣлу каждый изъ охотниковъ, что уже твердо помнитъ и подробно знаетъ свою тропу и ни за что не перемѣшаетъ свои путики съ чужими. Вѣрный исконному обычаю и прирожденному чувству пониманія чести и уваженія къ чужой собственности, онъ и подумать не смѣетъ осматривать, а тѣмъ паче обирать чужіе путики, хотя бы они тысячу разъ пересѣкли его путикъ. Въ мѣстахъ близкихъ къ селенію каждому, естественно, мало заботы о томъ, гдѣ бы отдохнуть и приклонить свою голову. У русскаго человѣка кумовства его до Москвы не перевѣшаешь. Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ селеній, охотники часто по общому сговору ладятъ промысловую избу (кушню), а то обходятся и съ простымъ шалашомъ, особенно въ раннее осеннее время; охотникъ уже не думаетъ объ комфортѣ, мысль о которомъ архангельскому промышленнику навѣрное никогда не придетъ и въ голову.

Въ одной изъ деревень (кажется Кузомени), по пути отъ Пинеги къ Холмогорамъ, я напалъ на охотника, сѣдиной запушившагося на исконномъ лѣсномъ промыслѣ. Не пошолъ онъ на ту зиму за тѣмъ, что крѣпко ужъ болѣзнь его стала ломать, силу отняла. Разговорились мы съ нимъ, и не стороной, а прямо-таки подошли съ нимъ къ дѣлу.

— Кто же повадливѣе, кто легче идетъ на добычу: звѣрь или птица? спрашивалъ я его.

— Да прямо сказать хитро, а, пожалуй, и не сможешь вдругъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Ну, а какъ же, однако? подумай-ко, пожалуйста!

— Извѣстно ужъ одно: всякому своя жизнь дорога, всякій ея блюдетъ и хоронитъ отъ недобраго конца: человѣкъ ли то, али птица. Однако, птица меньше объ этомъ смѣкаетъ: птица только легче, скорѣй на утекъ, а то птица проще, глупѣе (надо бы твоей милости такъ сказывать). Звѣрь, тотъ хитрѣй, у того обыку пуще, тотъ завсегда умнѣе птицы.

— Отчего же это, какъ ты полагаешь?

— Да ужъ это Богу вѣсть, какъ полагать-то...

— Однако, какъ ты самъ-то думаешь объ этомъ?

— Такъ, стало-быть, самъ Господь ихъ сотворилъ. Его святая воля на то, надо-быть, была. Можетъ, оттого птица глупѣе, что перьями да пухомъ обросла, а звѣрь шерстью. Можетъ оттого, что у звѣря четыре ноги, а у этихъ двѣ только.

Я ужъ не знаю, отчего это—не думывалъ. Примѣчать то раньше не догадался, а охотникъ бы я и до этого. Да теперь ужъ старъ сталъ, не смогу, и память-то хлябать почала. А вотъ, постой-ко! Я лучше тебѣ особнякомъ объ нихъ, по порядку. Можетъ, и самъ смекнешь, али что надумаешь — тогда легче.

— Сдѣлай же милость!

— Вотъ возьмемъ на первую пору хотя бы бѣлку (я вѣдь съ ружьемъ люблю; силки то и ставилъ когда, такъ отъ нужды отъ великія — ей-богу!). Бѣлка еловой лѣсъ любитъ, а пуще лиственицу. Мало тамъ станетъ пищи: она за нуждой своей за великой и въ сосняги потянется — дѣлать-то нечего! Это бываетъ послѣ осенней Казанской, тогда на бѣлку и охота, потому она на ту пору выспѣла, пушистѣй стала, сѣрой стала. Тогда она отмѣнно хороша, на зиму теплой шубой запаслась: охотнику въ лѣсъ надо. А для этого собака да лыжи пригодны; безъ лыжъ по нашимъ по лѣсамъ, гдѣ наворочено-тѣ снѣгу, что пушнины, нельзя; безъ лыжъ ты дальше дому своего не уйдешь. А собака въ этомъ дѣлѣ, что жена хорошая. И собака та хороша на бѣлку, которая не выпуститъ звѣря съ глазъ со своихъ: дня бѣлка не боится, а, гляди, еще и не любитъ ли его...

— Какъ-такъ?

— Да замѣчалъ я вотъ что: собака лаетъ — бѣлка играть начинаетъ; собака пуще—звѣрь еще пуще рѣзвится, съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ, а держится все на одномъ деревѣ. Другіе дураки-охотники себя оказываютъ. Этого бѣлка не любитъ, она сейчасъ на утекъ и съ глазъ твоихъ сгинетъ. Особенно не любитъ она человѣка, когда по ели идетъ...

— Это что же такое?

— А когда, значитъ, она изъ лиственныхъ лѣсовъ въ еловые перейдетъ и въ нихъ ходитъ. А это бываетъ въ Кузминки (въ началѣ ноября). — Тогда больше и охоту мы начинаемъ, сказывалъ вѣдь я. У насъ, вѣдь, на все — надо тебѣ молвить — на все своя примѣта есть, безъ того плохой ты охотникъ. Сказывать ли тебѣ про примѣты-то наши?

— Да хоть самъ-то я и не охотникъ, а по мнѣ это-то и есть самое интересное, объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы отъ тебя слышать...

— Ну, такъ и слушай! Есть бѣлка разная: есть бѣлка *ходокъ*, есть *сидячая*. Одна не любитъ шататься, другую ничѣмъ

не удержишь: она раньше другихъ и лѣса мѣняетъ. И всякая погода на нее свою силу имѣетъ: холода стоятъ — она такая рѣзвая и бойкая, что и хорошая собака ее не доймется глазомъ, не наслѣдитъ. Дожди ей пуще неволи; въ дождь бѣлка, что курица, мокнетъ. Тогда она покой любитъ, спитъ больше. Когда шибко вѣтрено—бѣлка съ дерева сходитъ, по землѣ прыгаетъ; почуетъ собачій лай—прислушивается; а отъ прыжковъ отъ ея смѣху не оберешься: очень забавно! А тутъ-то охотнику и хитрость нужна.

— Чѣмъ же бьете вы ихъ?

— Да пулей, изъ винтовокъ четверти въ три, либо въ четыре длиной *)...

— Ну, а про рябчиковъ-то?

— Да ладно! У птицы нѣтъ завѣтнаго мѣста, не какъ у звѣря. Затѣмъ ей, надо думать, Господь Богъ и крылья далъ, и перомъ одѣялъ. Съ Евдокей къ Благовѣщенью рябы эти къ намъ прилетаютъ и выбираютъ такое мѣсто въ лѣсу, чтобы полянка, али лужокъ были близко.

— Всегда ужъ такъ?

— Нѣту: самки яица кладутъ; такъ уходятъ въ чащи по этой по самой причинѣ.

— Что же ты про нихъ знаешь?

— Выведутъ самки дѣтенышей — сейчасъ летятъ на лиственицу къ рѣкамъ, потому въ лѣсахъ и мѣстахъ такихъ берега есть, кустарники. Кислица есть, трава есть такая въ три листика, горькая (вѣроятно, трефоль). Это онѣ ѣдятъ. Въ глухое лѣто самки самцовъ покидаютъ: не надо, стало; а вотъ поспѣетъ брусника, такъ онѣ опять вкупѣ, токовать начинаютъ, на свистокъ **) прислушливы, любятъ. Ребина обсыпаться начнетъ — рябовъ не удержишь, не сидится имъ, перелетаютъ съ

*) Стволъ винтовки до $3\frac{1}{2}$ линій длины; кремневые замки объ одномъ взводѣ съ боевой пружиной открытой наружу. Спускъ курка укрѣпляется на шпилькѣ палочкой. На палочкѣ этой (изъ дерева или изъ оленьяго рога) сдѣлана зарубка. Отскочитъ зарубка — немедленный выстрѣлъ. Винтовки такого устройства покупаются охотниками на пинежскихъ ярмаркахъ рублей за 6, за 8 серебромъ.

**) Свистки эти дѣлаются изъ гусинаго пера, налитаго водой. Орудіе это употребляется промышленниками только въ мартѣ.

мѣста на мѣсто. Въ этихъ самыхъ въ лѣсахъ ребиновыхъ (а то и въ березникахъ и въ ольховникахъ), али-бо близъ воды какой (у ключей, у рѣкъ) они цѣлыми артелями остаются на зиму: въ снѣгъ зарываются. Тамъ имъ тепло! Да не будетъ ли разсказывать?

— А про охоту-то?

— Охоту съ Успеньева дня начинаемъ, чтобы угодить къ Никольской (ярмаркѣ) побольше, себѣ на барышъ. Тогда, я сказывалъ, рябы кучатся, голоса подаютъ. Сила ихъ иногда несосвѣтимая: плодовиты шибко. Стрѣляемъ мы ихъ до Евдокей, потому на Благовѣщенску (ярмарку) поспѣвать надо. Стрѣляемъ по утру рано и передъ солнечнымъ закатомъ: тогда лучше. И такую примѣту имѣемъ, что подымется стадо, прошумитъ таково сильно, далеко не отлетаютъ: тутъ же сядутъ по близости. Это ужъ обычай у нихъ такой — вѣрно слово! Выстрѣлами мѣтимъ въ крайныхъ: въ середку стада попадешь — разлетятся и нивѣсть куда, и тогда ужъ на дерево не садятся, а въ траву, на землю. Здѣсь сто глазъ и на затылкѣ имѣй — не сыщешь. Въ одиночку стрѣлять не охота, набалованы, да и никакъ ты сѣренькую шкурку отъ земли не распознаешь. Опять же изъ винтовки ты не убьешь ни ту птицу, что летаетъ, ни ту что бѣгаетъ. Винтовка любитъ сидячую птицу. Да вотъ, къ примѣру, поднялось ихъ надъ твоей надъ головой паръ пять, либо шесть, а убьешь одного ряба — благодари Бога, это милость! Онъ тебѣ послалъ! Охотнику съ рябами трудно, это и не я скажу тебѣ.

— Отчего же, когда они стадами летаютъ. Вѣдь, это, что за воробьями...

— А ты не серди меня: слушай, да потому и сказывай! съ перваго Спаса они по землѣ ходятъ, пищей запасаются....

— Такъ что же изъ этого?

— А то и изъ этого, что на дерево рябовъ посадить—штука распрехитрая. Тутъ ты подкрадись такъ, что перво-на-перво съумѣй, чтобы онъ не слыхалъ тебя на хворостѣ, а второе умѣй сдѣлать такъ, что у тебя на рукахъ на твоихъ шумъ вышелъ, подобіе, какъ они сами шумятъ крыльями. Да я тебѣ еще штуку подведу, запросъ задамъ.

— Сдѣлай милость!

— Ты мнѣ ряба зимой застрѣли. Застрѣлишь-ли?

— Я не охотникъ. Стрѣлять не умѣю, да и боюсь.

— Ну, такъ и Христосъ надъ тобой! Стало-быть, слушай послѣдки мои, да и не мѣшай ужъ мнѣ! По зимамъ-то, вѣдь. вьюги, живутъ. Ты вотъ на Печору-то ѣздилъ, знаешь, что это за пакость такая! Ты мнѣ летъ отъ нихъ услышь-ка на ту пору — такъ, стало-быть, и не задорься, не ходи! За-то благодать намъ на этихъ рябовъ, когда небушко пасмурно, да дождемъ сдаетъ, а по лѣтамъ, когда ягодъ много. Вотъ когда занятно! А и опять же, коли весна стояла холодная, да подогнало дождливое лѣто — рябовъ нн будетъ....

— Отчего же?

— Селѣтки всѣ повымерли.

— Это что же такое?

— А молоденькіе, выводки. Тѣ, вѣдь, гдѣ ихъ насидятъ, тамъ на все лѣто и остаются, развѣ къ рѣкѣ ближной подвинутся. А тутъ тебѣ и все: больше и не спрашивай, да и сказывать нечего... Прощай. Въ Усть-Пинегѣ вспомнишь про меня, мнѣ икнется, а я тебя и помяну молитвой своей Прощай же!

А вотъ и Усть-Пинега, большая деревня, счастливая своимъ мѣстоположеніемъ на устьѣ двухъ большихъ рѣкъ, Пинеги и сѣверной Двины, а потому и богатая, хорошо обстроенная. Остается одна станція до Холмогоръ.

— А водятся ли у васъ икотницы?

— Не чуть. Подъ Волокомъ (Пинегой) такъ, слышь, ихъ много живетъ. А заводился у насъ мірякъ...

— Такъ что же?

— Пересталъ.

— Отчего же пересталъ?

— А исправникъ съ окружнымъ сговорились да и отстегали.

— За что же?

— Стало, такъ надо было начальству...

— Отчего же онъ выкрикать-то сталъ, мірякомъ-то сдѣлался?

— А некрутчины, сказываютъ, перепужался, надуть захотѣлъ.

— Да вѣдь есть съ чего и перепугаться?

— Извѣстно есть съ чего. Страшно. У насъ, слышь, пѣсня про это сложена. Такъ безъ слезъ не единый человѣкъ не сможетъ.

— Спой-ка, ради Христа!

— Да такъ, спуста-то нельзя; на голосъ не поднимешь!

Надо было прибѣгнуть къ хитрости. Самъ я запѣлъ свою пѣсню. Ямщикъ ее, молча, выслушалъ; на второй подтянулъ, къ третьей присталъ и въ концѣ ея уже заливался смѣло и весело.

— Распѣлись мы съ тобой... на добро ли только? Не перестать ли лучше? Вотъ и Хо́лмогоры!...

IV.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ ДВИНѢ.

1. ДВИНСКІЯ УСТЬЯ И ОКРЕСТНЫЯ СЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СЕЛЕНІЯ.

Никольской Корельской монастырь. — Новодвинская крѣпость. — Соломбала.

Рѣка Сѣверная Двина, при простомъ (даже поверхностномъ) взглядѣ на карту Европейской Россіи, принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ рѣкъ и должна по всему занимать лучшее, важное мѣсто между всѣми другими рѣками. Такъ говоритъ географическое положеніе ея, такъ говорятъ факты, къ тому же приводятъ и историческія данныя. Иначе и быть не могло: Двина должна быть главною между всѣми рѣками сѣвера Европейской Россіи. Соперницы ея въ нравственномъ значеніи для края, какъ, напримѣръ, Печора, слишкомъ удалена отъ всевозможныхъ пунктовъ дѣятельности и, проходя малонаселенными, скудноодаренными природою мѣстами, еще ждетъ своего будущаго, можетъ-быть, и блистательнаго; рѣка Мезень, обставленная тѣми же неблагопріятными, какъ и Печора, условіями, идетъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ какъ будто бы вымираетъ въ огромныхъ вологодскихъ лѣсахъ и зыбучихъ болотахъ всякая торговля и промышленная дѣятельность; Онега, поставленная, сравнительно, въ лучшее положеніе, засыпана множествомъ пороговъ, по мѣстамъ неодолимымъ, въ большей части случаевъ враждебнымъ для всяческихъ сношеній. Правда, что нѣкоторымъ числомъ пороговъ (въ меньшей мѣрѣ и въ слабѣйшемъ качествѣ) снабжена и Двина, но за то за ней уже вѣковыя права на то, чтобы быть пока единственнымъ и главнымъ подспорьемъ для всей бѣломорской торговли.

Образуясь (близъ самаго города Устюга) изъ двухъ значи-

тельныхъ, по величинѣ, рѣкъ: Сухоны и Юга, Двина уже въ самомъ началѣ теченія своего является со всѣми задатками на право быть судоходною. Пробираясь лѣсами и болотными низменностями вначалѣ, Двина беретъ изъ нихъ весь водяной запасъ изъ ключей, маленькихъ речонокъ, озеръ и рѣчекъ, такъ что уже у Красноборска она является рѣкою значительной ширины и глубины. Далѣе на пути своемъ по покатостямъ къ сѣверу, забираясь водною массою изъ значительныхъ притоковъ своихъ, каковы: Вага, Емца, Сія, Пинега и другія, Двина поразительно ширится, размывая рыхлые, тундристые берега свои. Но, въ то же время, встрѣчая на пути своемъ плотные глинистые хрящи, рѣка часто разбивается на множество рукавовъ, *на виски*, оставляя всегда одинъ изъ нихъ широкимъ, глубокимъ, главнымъ. Особенно чаще начинаютъ завязываться рукава эти по соединеніи Двины съ Пинегою, когда Двина, подъ городомъ Холмогорами, имѣетъ уже до восьми рукавовъ. Далѣе, за Архангельскомъ, она уже разбивается на новые рукава и четырьмя (не считая побочныхъ) главными устьями вливается въ заливъ Бѣлаго моря, названный ея именемъ.

Триста верстъ кротко, тихо, величаво течотъ Сѣверная Двина по Архангельской губерніи. Обставленная съ самаго начала своего высокими и крутыми, глинистаго свойства берегами, которые подчасъ засыпаны вѣковымъ краснымъ лѣсомъ, она за рѣкою Сіею (верстахъ въ 150 отъ устья) ведетъ съ собою уже, по обыкновенію всѣхъ русскихъ рѣкъ, два различныхъ берега: лѣвый луговой и потому низменный, правый продолжаетъ быть гористымъ во все время до послѣдняго конца теченія рѣки. Скупая на картинные виды вначалѣ, она окончательно тяготитъ однообразіемъ своихъ береговъ на половинѣ протяженія своего къ сѣверу. Глинистые берега ея прорѣзаны оврагами и щельями, которые страшны своею мрачною безцѣльностью и неизвѣстностью; рябитъ въ глазахъ однообразіе цвѣтовъ и томитъ безлюдье береговыхъ окраинъ. Чаще попадаются селенія въ верховьяхъ и постепенно начинаютъ пропадать они по мѣрѣ того, какъ рѣка близится къ устью. Здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, какъ будто судорожно спѣшитъ сосредоточиться вся жизнь и все живое, чтобы потомъ набросить на всю окрестность мракъ и тяжесть безлюдья. И это мѣсто — Архангельскъ.

До Архангельска съ Двиною еще можно отчасти примирить-

ся, зная, что участь безлюдья — участь общая всему сѣверному краю; но за то трудно приладиться и предугадать всѣ капризы, всѣ нечаянности, какими богаты въ весеннюю пору берега двинскіе. Отъ нихъ подъ часъ (и нерѣдко), безъ всякаго предупреждающаго шуму, отрывается огромная земляная глыба, подмытая водою, просочившеюся изъ окрестныхъ болотъ. Съ шумомъ и брызгами валится она въ воду, засоряя прибрежья, обездоливая стрежъ рѣчной, и долго потомъ ходитъ на томъ мѣстѣ вода въ круги, отшибая длинными и крутыми волнами, и неизбѣжно гибнетъ въ этомъ водоворотѣ неосторожный и недогадливый карбасъ. И вотъ отчего Двина неосмыслилась ни въ одной изъ народныхъ пѣсенъ, не получила ни какого ласкательнаго, хвалебнаго эпитета, какіе любилъ придавать русскій народъ своимъ любимымъ рѣкамъ, каковы: Дунай, Донъ, Днѣпръ, Бугъ и Волга. Между тѣмъ Двинѣ принадлежала почтенная и завидная роль въ исторіи нашего сѣвера.

Обращаюсь прямо къ устьямъ рѣки, предоставляя себѣ право слѣдить за нравственнымъ значеніемъ Сѣверной Двины и историческими судьбами ея въ своихъ, должныхъ мѣстахъ, ниже.

Самое сѣверное устье Двины — *Березовскій* рукавъ — *Березовское*—шире другихъ, глубже и потому возможенъ для плаванія большихъ кораблей. Онъ имѣетъ между спопутными островами (свыше десяти) ширину отъ 3 верстъ до 250 саженъ и два жолоба, или стрежа, которые ведутъ къ двумъ мелководнымъ грядамъ. Гряды эти на туземномъ языкѣ называются *барами*, хотя бы песчаныя изъ нихъ и можно было бы назвать *застругами*, примѣняясь къ туземному говору, а каменныя изъ нихъ—*переборами*. *Старый баръ* (100 — 400 саженъ шириною) съ 1776 года служитъ корабельнымъ фарватеромъ и на $^1/_4$ фута мельче *Новаго*, собственно *Березовскаго* бара, или проще—*Ляги*. Отъ березовскаго устья идетъ къ сѣверу широкій, мелководный плёсъ — Сухое море, образованное наносными песками рѣкъ Ката и Мудьюги и впадающее въ море узкимъ проливомъ, подъ именемъ *Желѣзныхъ воротъ*. Съ сѣверной стороны ихъ лежитъ узкая песчаная коса Никольская; на ней башня; а на острову Мудьюгскомъ одиноко стоитъ съ 1842 года маякъ, при которомъ живутъ сторожевые лоцмана; на берегу его створныя мачты показываютъ направленіе фарватера; въ водѣ плаваютъ бакены для означенія предѣловъ его черезъ мелководье и вколо-

чены шесты съ голиками, на разстояніи меньше версты, на крайне-опасныхъ меляхъ.

Влѣво отъ Березовскаго (подъ городомъ Архангельскомъ) отдѣляется Мурманскій рукавъ Двины (отъ 170 — 500 саженъ шириною), пропускающій только мелкія суда и промысловыя лодки за крайнымъ своимъ мелководьемъ (отъ 6 до 40 футъ). Сопровождаемый множествомъ отмелей, Мурманскій рукавъ выпускаетъ изъ себя, въ свою очередь, обширный мелководный плесъ, метко прозванный *Поганымъ устьемъ*, глубина котораго доходитъ по мѣстамъ только до 5 футъ.

Третій рукавъ, или устье Двины — *Пудожемскій* — идетъ отъ города на протяженіи 45 верстъ, въ ширинѣ отъ 300 до 600 саженъ, а на самомъ сѣверномъ концѣ разливается до $4^1/_2$ верстъ. Рукавъ этотъ пригоденъ только для самыхъ мелкихъ судовъ (глубина 17 футъ) и опасенъ ложнымъ фарватеромъ — *заманихой* *)—и дальнимъ мелководіемъ, доходящимъ только до 2 футъ.

Послѣднее, четвертое, самое южное устье — *Никольское* — отдѣляется отъ Пудожемскаго рукава и идетъ на западъ между шестью островами, и течотъ *висками* (мелкими рукавами), которыя соединяютъ его и рѣку Малокурью съ устьемъ Пудожемскимъ. Никольскимъ устьемъ проходятъ крупныя морскія суда (глубина Никольскаго рукава доходитъ до 30 футъ, и на барѣ, у острова Ягры, до 8 футъ въ малую воду).

Вотъ весь географическій видъ устьевъ Сѣверной Двины. Предоставляя дальнѣйшія скудныя подробности ихъ описанія спеціалистамъ, спѣшу обратиться къ берегамъ этихъ устьевъ и поискать на нихъ жизни, которою вообще не похвалится ни одно изъ устій большихъ русскихъ рѣкъ, всегда засыпанныхъ песками, обездоленныхъ растительностью и всѣми признаками и задатками для живой, сосредоточенной и упорной дѣятельности. Не похвалятся и двинскія устья жизненною дѣятельностью прибрежнаго человѣка и многолюдствомъ заселенія, и едва ли не

---

*) Всѣ двинскія устья опасны, сверхъ всего, правильными приливами во время разлива рѣки, называемаго *манихой*. Маниха случается за $3\frac{1}{2}$ часа до полной воды и продолжается не долѣе $\frac{1}{4}$ часа. При отливѣ она непримѣтна; періодъ возвышенія воды продолжается нѣсколькими минутами долѣе, чѣмъ пониженіе. У Соломбальскаго адмиралтейства возвышеніе прилива до $2\frac{3}{4}$ фута, безъ пособія вѣтра.

меньше всѣхъ они имѣютъ на то право. Песчаными отмелями, косами, какъ-бы временно выплывшими изъ моря, чтобы вскорѣ затопиться снова водой, глядятъ всѣ острова двинскихъ устьевъ, въ частяхъ ихъ, ближныхъ къ морю. На нѣкоторыхъ нѣтъ вовсе никакой растительности, на иныхъ она вся выяснилась бѣдно и тускло въ тщедушномъ ивнякѣ и какъ-бы за тѣмъ, чтобы далѣе вовсе перейти въ мертвенную безплодность неоглянднаго моря, Бѣлаго моря. На сколько развита здѣсь населенность — для этого обращаюсь къ послѣднему изъ устьевъ, къ Никольскому.

Въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Никольскаго бара и въ 34 верстахъ отъ Архангельска, у Никольскаго устья рѣки Двины одиноко бѣлѣются стѣны бѣднаго, полуопустѣлаго третьеклассная монастыря Никольско-Корельскаго, достопамятнаго тѣмъ, что сюда въ 1553 году присталъ англичанинъ Чэнслеръ, отыскивавшій путь въ Индію и нашедшій у царя Ивана-Грознаго гостепріимство и ласки и получившій потомъ право на торговлю съ Россіею. Это былъ первый шагъ къ основанію заграничной торговли Россіи морскимъ путемъ, чрезъ Бѣлое море; и здѣсь же подлѣ монастырскихъ стѣнъ существовала корабельная пристань иностранныхъ судовъ. И вотъ почему англичане долгое время и новый портъ свой, городъ Архангельскъ, называли *портомъ* св. Николая. Съ 1584 года обезлюдѣло мѣсто подъ монастыремъ, со времени заведенія новаго, хотя и дальнаго порта; безлюдьемъ глядитъ оно и теперь и тоскливо смотрится на дальное, безпредѣльное море, на пустынный берегъ монастырской и на туманность противоположнаго, и, наконецъ, на бревенчатыя, старыя стѣны монастыря Никольскаго. Вѣетъ отъ нихъ дальною древностью *) и носятся въ воспоминаніяхъ грустныя картины при одномъ представленіи о причинахъ основанія стѣнъ этихъ и самаго монастыря.

Возстаетъ изъ дальныхъ вѣковъ увлекательный, но еще неразгаданный образъ Мароы Борецкой, посадницы Великаго-Новгорода, которой повиновалась строптивая республика, которой побаивался небоязливый царь московскій Иванъ-Третій.

---

*) Каменное строеніе монастырскихъ церквей относится ко временамъ царя Алексѣя Михайловича (между 1664 — 1673 г.).

Сильная нравственнымъ значеніемъ своимъ среди свободнаго народа, богатая дарами природы и деньгами, владѣтельница многихъ вотчинъ, за смертію мужа, независимо отъ сыновей, счастливая, наконецъ, семейною любовью и сыновьями, Марфа — какъ говоритъ народное преданіе — отправила двухъ изъ нихъ, Антона и Феликса, осмотрѣть свои поморскія вотчины. Вотчины эти, разсыпанныя по всему западному берегу моря, не были еще на тотъ разъ подарены игумену Зосимѣ — основателю Соловецкой обители. Благополучно осмотрѣли сыновья Марѳы всѣ дальныя отъ Двины вотчины, осматривали уже ближнія къ Двинѣ на Лѣтнемъ берегу моря и, счастливые окончаніемъ порученія, плыли уже на Хѳлмогоры къ Никольскому устью. Случилась ли крѣпкая буря, везъ ли ихъ несвѣдующій кормщикъ, обманулъ ли плавателей фальшивый приливъ маниха — преданіе молчитъ, но утверждаетъ, что сыновья Марѳы потонули и потомъ уже на двѣнадцатые сутки выброшены были морскими волнами на берегъ. На томъ именно мѣстѣ и погребены были тѣла ихъ и тутъ же вскорѣ Марѳа поручила построить монастырь съ церковью во имя святителя Николая, подлѣ которыхъ и находятся (на сѣверной сторонѣ) гробницы потонувшихъ. Марѳа, тоскуя о сыновьяхъ, награждала, между тѣмъ, монастырь вотчинами, подарила сѣнокосные луга, тони и соловарницы и прислала отъ себя на то грамоту такого содержанія: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ раба Божія Марѳа списа сіе рукописаніе при своемъ животѣ, поставила есми церковь храмъ святаго Николы, въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ Антона да Феликса, а дала есми въ домъ святаго Николы куплю мужа своего Филиппа на Лавлѣ островѣ село, да въ конечныхъ два села, по Малокурьѣ пожня и рыбныя ловища, и по церковной сторонѣ и до Кудмы, и вверхъ по Кудму и до озера, а въ Нѣноксы вмѣсто засѣки и полянка, приказываю домъ святаго Николы господину своему дѣверу Ѳедору Григорьевичу и его дѣтямъ и Леонтѣю Аввакумовичу и зятю своему Афромѣю Васильевичу, а на то Богъ послухъ и отецъ мой духовной игуменъ Василей святаго Спаса; а кто се рукописаніе приступитъ или нарушитъ, а наши памяти залягутъ, сужуся съ нимъ передъ Богомъ въ день страшнаго суда....»

И вотъ, переходя отъ воспоминаній о судьбѣ несчастныхъ сыновей Марѳы, получаемъ, при видѣ церкви Успенія, новыя

тягостныя впечатлѣнія. Здѣсь подъ храмомъ долгое время существовала тюрьма и въ ней заключались государственные преступники. Здѣсь страдалъ, лишонный сана, новгородскій архіепископъ Θеодосій, при Екатеринѣ I-й.

На соборной колокольнѣ (каменной, съ часами) виситъ колоколъ съ двумя надписями, изъ которыхъ первая гласитъ, что «лѣта 7182 (1674), іюля въ 25-й день, вылитъ сей набатный колоколъ въ Кремлѣ городѣ у Спасскихъ воротъ, вѣсу 150 пудовъ. Во второй подписи видно, что «7189 (1681) года, марта въ первый день, по имянному великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, указу, данъ сей колоколъ къ морю въ Николаевскій-Корельскій монастырь за государское многолѣтнее здравіе и по его государскимъ родителямъ въ вѣчное поминовеніе неотъемлемо при игуменѣ Арсеніи». Основываясь на первой подписи (невырѣзной) народное преданіе говоритъ, что этотъ колоколъ—знаменитый *вѣчевой новгородскій*, который былъ привезенъ Іоанномъ вмѣстѣ съ Марθою и другими знатными новгородцами въ Москву. Марθа была посажена въ тюрьму, а вѣчевой колоколъ, который она умѣла своевременно употреблять въ дѣло и не употребляла его предательски, былъ повѣшенъ у Спасскихъ воротъ и назывался уже *набатнымъ*. Вскорѣ будто-бы колоколъ разбился, или былъ разбитъ нарочно, а въ 1674 году перелитъ въ новой, со второю, приведенною выше надписью (вырѣзною). Преданіе это можетъ подлежать еще нѣкоторому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что новгородская лѣтопись не упомянула (а можетъ-быть, и забыла упомянуть) о томъ, что вѣчевой колоколъ перевезенъ былъ въ Москву. Народъ же архангельскій, получившій бытіе и жившій новгородскимъ именемъ, подъ новгородскимъ вліяніемъ и съ новгородскимъ духомъ, могъ приписать никольскому колоколу это преданіе. Тѣмъ болѣе можно это предположить, что и преданіе объ основаніи монастыря тѣсно связано съ именемъ Марθы. Нѣкоторые скептики отвергаютъ даже подлинность грамоты Марθы, выданной монастырю, и почитаютъ ее подложною, но неловкою поддѣлкою корыстолюбивыхъ монаховъ. А, между тѣмъ, въ монастырѣ хранится до сихъ поръ портретъ Марθы Посадницы, работы того времени, грубой, но имѣющей нѣкоторое вѣроятіе сходства.

Въ двинскомъ лѣтописцѣ подъ 6927 (1419) годомъ упоминается, что этотъ монастырь «мурмане (норвежцы и датчане) пожгли и чернцовъ посѣкли». Церковь Срѣтенія съ придѣломъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, построенная въ 1719 году на гробахъ усопшихъ дѣтей Мареы, сгорѣла и вновь отстроена въ 1735 году.

И вотъ всѣ историческія данныя о монастырѣ Никольскомъ-Корельскомъ, скудномъ въ настоящее время числомъ своей братіи и постепенно приходящемъ въ упадокъ. Бѣдно глядитъ и сосѣдняя съ монастыремъ (къ юго-востоку) небольшая деревушка.

Не меньшимъ безлюдьемъ встрѣчаетъ всякаго и другое селеніе двинскихъ устій, расположенное близъ истока Березовскаго устья въ 27-ми верстахъ отъ Архангельска—Ланоминка. Ни за то селеніе это выстроилось при гавани, которая почитается лучшимъ и даже единственнымъ мѣстомъ для зимовки большихъ военныхъ судовъ. По этой причинѣ здѣсь построены въ 1821 году новый домъ и казармы для караульнаго офицера и матросовъ, назначаемыхъ къ зимующимъ военнымъ судамъ. Гавань эта устроена въ 1734 году. «Въ 1805 года—какъ говоритъ г. Рейнеке въ своемъ гидрографическомъ описаніи Бѣлаго моря—въ остереженіе отъ желтой горячки, свирѣпствовавшей въ Испаніи, устроенъ на островѣ Чижовѣ карантинъ для приходящихъ судовъ. Въ 1812 году дѣйствіе карантина прекращено. Въ 1815 строеніе это перенесено съ болотистаго острова Чижова на материкъ къ устью рѣки Лапы». «Въ свободное отъ службы время—говоритъ онъ ниже—смотритель и нижніе чины занимаются охотою въ лѣсахъ и рыболовною ловлею». По берегу гавани расположены строенія, а у сѣвернаго конца его устроены деревянныя пристани.

По пути отъ Лапоминской гавани къ Архангельску, на песчаныхъ скудно покрытыхъ чахлыми кустарниками прибрежьяхъ Березовскаго устья Двины, находится, въ 20 верстахъ отъ города, Новодвинская крѣпость, основанная Петромъ Великимъ въ 1701 году. Самъ государь присутствовалъ при заложеніи этой крѣпости на Линскомъ острову и жилъ въ домикѣ, выстроенномъ на островѣ Марковѣ *). Крѣпость имѣетъ видъ

*) Островъ Марковъ лежитъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крѣпостнаго берега. Проходъ между нимъ и крѣпостью вначалѣ прошлаго столѣтія

квадрата, съ четырьмя бастіонами и однимъ равелиномъ. Вокругъ вала фассебрея окружена водянымъ рвомъ, а наружная сторона главнаго бруствера, также эскарпъ и контръ-эскарпъ одѣты тесанымъ плитнымъ бѣлымъ камнемъ. Внутри крѣпости находятся нѣсколько казармъ для гарнизона, домъ для коменданта и церковь во имя апостоловъ Петра и Павла. Строенія — всѣ деревянныя. Къ югу, на пушечной выстрѣлъ, построено нѣсколько домиковъ для отставныхъ женатыхъ солдатъ и для офицеровъ. Внѣ крѣпости, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, подъ деревяннымъ навѣсомъ хранится какъ святыня, тотъ домикъ, въ которомъ жилъ великій преобразователь Россіи на островѣ Марковѣ. Оттуда перенесенъ былъ домикъ этотъ съ той горы, когда ледъ двинскій начало спирать на мелководномъ проходѣ и островъ Марковъ сильно заливать водой. Дворецъ началъ уже загнивать, но былъ при перенесеніи поправленъ, нѣсколько подновленъ и въ настоящее время представляетъ уже нѣкоторый видъ замѣтнаго разрушенія. Вскорѣ по построеніи, Новодвинская крѣпость выдержала испытаніе отъ набѣга на двинское Березовское устье шведовъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ событіи современникъ его, архіепископъ Аѳанасій, въ своихъ запискахъ:

1701 года, 24-го іюня, на двинское Березовское устье пришли свейскіе ратные люди на четырехъ военныхъ корабляхъ, на двухъ фрегатахъ и одной яхтѣ подъ англійскимъ и голландскимъ флагами, и стали въ вечеру близь острова Мудьюгскаго на якоряхъ. По утру на другой день капитанъ мудьюгской заставы, полагая, что суда эти торговыя, пріѣхалъ ихъ осматривать съ однимъ прапорщикомъ, писаремъ, съ 16-ю рядовыми, барабанщикомъ и двумя толмачами изъ архангельскихъ горожанъ. Солдаты были спрятаны. Но когда вошли досмотрщики на суда, то принуждены были сдаться военноплѣнными. Непріятели до-

заграждался цѣпью, и въ письменныхъ видахъ, выдаваемыхъ на пропускъ кораблей, писали коменданту, что дозволяется пропустить судно *по за Маркову острову*. Впослѣдствіи проходъ этотъ обмелѣлъ, особенно съ 1747 года, и съ того времени отмѣнено было это препятствіе и замедленіе судамъ, и значеніе Новодвинской крѣпости, какъ мѣста охраны, ослабѣло. Правда, однакожъ, что она въ прошлую войну вооружалась нѣкоторымъ числомъ батарей.

просили ихъ о состояніи крѣпости, о проходѣ по Двинѣ до города и разсадили ихъ всѣхъ порознь. Потомъ, за четыре часа до ночи, непріятели отрядили фрегаты и яхту подъ тѣми же флагами въ Двину съ провожатыми: монастырской служкою Иваномъ Рябовымъ, взятымъ у Сосновца, и переводчикомъ Дмитріемъ Борисовымъ, захваченнымъ въ Мудьюгѣ. Не доходя крѣпости, они были встрѣчены другимъ осмотромъ, явившимся изъ крѣпости въ числѣ 35 человѣкъ. Этихъ встрѣтили они тоже ласково и дружелюбно приняли ихъ къ фрегату, и съ ними послѣдовало бы тоже самое, что и съ прежними, если бы одинъ изъ стрѣльцовъ не далъ знать своему головѣ объ опасности, замѣтивъ въ пушечное окно вооруженныхъ людей. Отпихнувшись отъ фрегата, новодвинскіе стрѣльцы поплыли обратно, направивъ судно такъ, чтобы поднявшимся бортомъ защищаться отъ выстрѣловъ. Однако, пятеро изъ нихъ были убиты, шесть человѣкъ ранены. Прочіе, доплывъ на суднѣ къ мели, вышли на берегъ и лѣсомъ пробрались въ крѣпость. На непріятельскомъ суднѣ въ свою очередь убитъ былъ командиръ. Тамъ плѣнные сговорились между собою такъ чтобы завести непріятелей въ прилукъ крѣпости на мель, что и исполнили, хотя и несовсѣмъ удачно. Фрегатъ и яхта сѣли на мель, другой фрегатъ, шедшій сзади, остался на вольной водѣ. Виновники непріятельскаго злоключенія были умерщвлены; спасся одинъ Рябовъ, притворившійся мертвымъ за трупомъ своего товарища Борисова. Съ крѣпости, между тѣмъ, началась пушечная стрѣльба; убито было нѣсколько непріятельскихъ и одинъ стрѣлецъ изъ нашихъ. У фрегата, стоявшаго на вольной водѣ, отбитъ былъ руль, люди съ обмелѣвшихъ судовъ бросились туда на мелкихъ лодкахъ. Изъ крѣпости посланы были стрѣльцы, которые и взошли на разбитой фрегатъ и яхту, а другіе добрались до нихъ въ бродъ. Здѣсь нашли они бочку патроновъ и, заряжая ружья, много пороху въ торопяхъ разсыпали по палубѣ. Фрегатъ пустился въ бѣгство, но одинъ пушкарь успѣлъ направить на убѣгающій фрегатъ пушку, которая была прежде заряжена непріятелями, и зарядилъ ее чиненымъ ядромъ. Отъ этого двойнаго заряда и отъ начиненнаго ядра по выстрѣлѣ много посыпалось искръ, отъ которыхъ взорвало порохъ, оторвало корму у фрегата, семь человѣкъ убило до смерти и десятерыхъ ранило. Непріятели на остальномъ фрегатѣ старались поспѣшно удалиться.

Придѣлавъ къ нему руль отъ спопутнаго затопленаго и заброшеннаго промысловаго судна, они вскорѣ достигли своей цѣли и, такимъ образомъ, вышли на взморье къ прочимъ своимъ кораблямъ. «Симъ кончилось неудачное ихъ на городъ покушеніе; однако, великое они послѣ въ Поморьѣ сдѣлали разореніе....»

Въ 1702 году, 29-го іюня, въ день тезоименитства своего, Петра I присутствовалъ уже при освященіи крѣпостной церкви. Освященіе совершалъ архіепископъ Афанасій. Храмъ былъ украшенъ большими и маленькими знаменами. Изъ оконъ и кровли были свѣшены разныя знамена и флаги. По окончаніи обряда и по выходѣ царя изъ церкви, войска выпалили изъ ружей. Тогда загрохотали и крѣпостныя пушки. «Стоящій на церковномъ крыльцѣ государь слушалъ съ несказанною радостью—говоритъ лѣтописецъ, и потомъ прибавляетъ: «По семъ великій государь отправился на другую сторону черезъ Двину въ шлюпкахъ во свой дворецъ. Въ сей день, еще два дня торжественные за собою ведущій, былъ столъ у его величества всѣмъ знатнымъ чиновникамъ и стрѣльба продолжалась до самаго вечера. Сего стола великолѣпіе довольно показываютъ сороковыя бочки, пополамъ распиленныя и наливаемыя ренскимъ виномъ и простымъ, и пиво каждому открытое».

На дальнѣйшемъ пути къ Архангельску, по скучной пустынной и однообразной дорогѣ, находится при двинскомъ рукавѣ Маймаксѣ (въ 7 верстахъ отъ города) верфь, заведенная сначала архангельскимъ купцомъ Прокофьемъ Пругавинымъ (въ 1766 г.) и пріобрѣтенная потомъ Брантомъ*). Тутъ же, по близости, паровой лѣсопильной заводъ того же Бранта, заведенный имъ вмѣстѣ съ Классеномъ въ 1822 году. Тутъ же на правомъ берегу Маймаксы, былъ прядильной заводъ купца Митрополова и складочные сараи для хлѣба. Все это, съ 1822 года, запустѣло (**.

---

*) Изъ другихъ корабельныхъ верфей (теперь упраздненныхъ) находились въ сосѣдствѣ съ Архангельскомъ еще двѣ: 1-я, Гомовская или Фразерская въ 8 верстахъ отъ города, и 2-я, верфь Быковская (въ 5 верстахъ) принадлежавшая первому ея заводчику, архангельскому купцу Никитѣ Крылову, и учрежденная въ 1732 году.

**) Другой лѣсопильной заводъ существуетъ въ настоящее время на лѣвомъ берегу Двины, при рѣчкѣ Мечкѣ, въ 25 верстахъ отъ Архангельска.

Довольно-густымъ березникомъ идетъ дорога на дальнѣйшемъ протяженіи своемъ отъ Новодвинской крѣпости и отъ рѣчки Маймаксы по тому острову, который носитъ общее названіе Соломбальскаго. На то время, когда я совершалъ эту поѣздку, стоялъ сентябрь мѣсяцъ; листъ на деревьяхъ началъ уже желтѣть отъ крѣпкихъ утренниковъ, посреди дня и къ вечеру надолго устаивалась еще жара — лѣтняя жара. Миріады комаровъ, преслѣдовавшія насъ на всемъ прежнемъ пути, не отставали и едва ли не увеличились въ своемъ докучливомъ, невыносимомъ числѣ, когда мы проѣхали березникъ и обнаружились первые домики, какъ-бы предмѣстье слѣдующаго за тѣмъ адмиралтейскаго казеннаго селенія Соломбалы. Глубокіе пески, тянувшіеся всю дорогу отъ крѣпости, на этотъ разъ были съ трудомъ одолѣваемы парою измученныхъ зноемъ лошадокъ. Песками этими засыпаемы были и всѣ улицы селенія, расположенныя въ симметрическомъ порядкѣ и въ замѣчательной прямизнѣ. Въ такой же точно прямизнѣ и въ такихъ же порядкахъ тянутся эти улицы и за предмѣстьемъ селенія, такъ-называемымъ Березникомъ. Рядъ двухъ-этажныхъ домовъ, крытыхъ и обшитыхъ тесомъ, идетъ по обѣимъ сторонамъ; дома кажутся на видъ, пожалуй и приглядными, если только можетъ это дѣлать крайная бѣдность и если только можетъ это позволять скромный достатокъ, пріютившійся тутъ. Дома эти принадлежатъ тѣмъ матросикамъ, которые обязаны работами въ адмиралтействѣ и успѣли завестись хозяйствомъ или вслѣдствіе умѣнья зашибать и беречь копѣйку, или вслѣдствіе брака и по наслѣдству. Присутствіе хозяевъ не трудно наслѣдить тотчасъ же, обративъ лишь вниманіе на нижній этажъ дома, заставленный

Вблизи его при рѣкѣ Ширшѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ ея впаденія въ Двину находится Ширшенскій, казенный заводъ, нѣкогда якорный, теперь приготовляющій только желѣзныя книсы и другія громоздкія вещи. Заводъ дѣйствуетъ водою. Онъ устроенъ въ 1734 году изъ мукомольной мельницы, принадлежавшей Сійскому монастырю. Вторая плотина завода пускаетъ воду на механизмъ лѣсопильни и токарни, улучшонные значительно съ 1829 года. Близъ нихъ, въ особомъ зданіи, литейная для мѣдныхъ и чугунныхъ принадлежностей къ военнымъ судамъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ якорный заводъ, устроены каменныя зданія для молотобойны и литейной. Селеніе Ширшинское, или Щиршеминское, имѣетъ не болѣе 500 человѣкъ жителей.

горшками герани, изъ-за которой выглянетъ и запачканное личико ребенка, и лоснящееся отъ безмятежной жизни и красное отъ избной духоты лицо или хозяйки дома, или ея дочери-невѣсты. Нерѣдко пробѣжитъ туда и отецъ или мужъ, въ парусинной курткѣ и матросскихъ чикчирахъ, съ казенныхъ работъ въ адмиралтействѣ на новые труды домашніе для поддержанія семейства. И вотъ почему большая часть домовъ, или даже едва-ли не всѣ, обвѣшаны вывѣсками, которыя гласятъ, что въ нижномъ этажѣ дома живетъ сапожникъ, башмачникъ, портной, столяръ, слесарь, литографъ, рѣзчикъ печатей и костяныхъ бездѣлокъ, и проч. И вотъ почему Сóломбалу справедливо и безошибочно можно назвать мастерскою Архангельска, который находитъ здѣсь всевозможные роды ремеслъ, хотя представители ихъ и не изъ лучшихъ мастеровъ, хотя работа ихъ всегда грубовата и не удовлетворитъ даже и неслишкомъ взыскательному вкусу, и все это, конечно, по той простой причинѣ, что соломбальскіе мастера, какъ и всѣ казенные по всему лицу русскаго царства, берутся за дѣло не по призванію, а по волѣ начальства. Нѣкоторою сносною отчетливостью отдѣлки отличаются только тѣ предметы ремеслъ, которые часты и обыденны въ домашномъ и общественномъ быту, которые потребовали, стало-быть, навыку и частыхъ занятій, какъ, напримѣръ, сапожное, столярное, башмачное и проч. Есть, пожалуй, и брилліантщики, и часовые мастера, и мастера золотыхъ и серебряныхъ издѣлій; но эти мастера — *мастера-горе*, по словамъ народнаго пословья. Но—продолжаемъ наглазный обзоръ селенія.

Вторыя жилья, или этажи, соломбальскихъ домовъ глядятъ значительно наряднѣе и какъ бы говорятъ сами за себя, что тамъ поселился народъ далеко не тѣхъ убѣжденій и не того сорта, какъ тѣ, которые заселили нижніе этажи домовъ этихъ. Изъ верхнихъ этажей услышишь и унылые, словно надорванные звуки разбитыхъ, дешовенькихъ клавикордъ; подчасъ вырвется оттуда и дребезжанье гитары, и визгъ скрипки, которыми разбиваютъ свою тоску и скуку или жены офицеровъ, успѣвшихъ на долгой службѣ обзавестись и большой семьей, и маленькимъ хозяйствомъ, или флотскіе, штурманскіе офицеры, загнанные обязательствами службы на дальный Соломбальскій островъ къ бѣломорскому флоту.

И вотъ почему Сóломбала носитъ всѣ признаки военнаго го-

родка. Гдѣ ни ступишь, куда ни пойдешь — непремѣнно встрѣтишь или морскаго офицера, или матросика рабочаго экипажа. Выйдешь на рынокъ обставленный на-скоро сколоченными лавчонками, ларями и столиками, и тутъ Соломбала не утрачиваетъ своего характера. Тотъ же отставной небритый матросикъ, та же бойкая щебетунья, матросская жонка — торговка; тотъ же холостой матросикъ, или рабочій съ иностраннаго судна, весь въ синемъ, съ перепачканнымъ и Богъ-вѣсть сколько времени немытымъ лицомъ, рабочій съ иностраннаго купеческаго судна — покупатели. Разные предметы носильнаго платья и прочія «необходимыя прихоти» (табакъ, мыло, черствый пирогъ съ палтусиной, окаменѣлые пряники и баранки) — предметы продажи и купли, грошовый оборотъ торговли и копѣечный процентъ прибыли въ награду за дневное страданіе на жарѣ и пыли, посреди безтолковаго, безхарактернаго базарнаго говора. Видишь подошвы, подгорѣлый «товаръ» на голенища — предметъ предпочтительнаго интереса и заботы матросиковъ; видишь готовыя полотняныя рубахи и прочія принадлежности несложнаго гардероба — вещи, до которыхъ такъ падки заѣзжіе корабельщики....

Но... опять-таки Соломбала не теряетъ своего военнаго характера на дальнѣйшемъ протяженіи своемъ и за рѣчкою Соломбалкою, разсѣкающею селеніе на двѣ половины. Черезъ рѣчку перекинуто нѣсколько мостовъ и для пѣшеходовъ, и для конной ѣзды; тянется всторонѣ бѣдный, какъ-будто выщипанный садикъ, видится большая каменная церковь. Но церковьноситъ названіе морскаго Преображенскаго собора; противъ него тянутся двѣ огромныхъ казармы для нижнихъ чиновъ рабочаго экипажа, идутъ строенія адмиралтейства и выставляетъ свою мачту домъ главнаго командира порта — домъ, выстроенный по всѣмъ прихотямъ современнаго вкуса, изящно, удобно и помѣстительно.

Соломбальское адмиралтейство отдѣляется отъ селенія деревяннымъ заборомъ, и также, какъ и селеніе, разрѣзано на двѣ части рѣчками Соломбалкою и Курьею: малое или лѣсное, адмиралтейство по берегу Двины укрѣплено сваями, но сваи эти почти уже сгнили и представляютъ видъ нѣкотораго разрушенія. Большое, или старое, адмиралтейство имѣетъ берега поднятыми деревянною набережною. Оно вмѣщаетъ пять эллинговъ,

на которыхъ до 1807 года строились военные корабли и фрегаты. (Теперь здѣсь только магазины съ кораблестроительными, артиллерійскими и коммисаріатскими припасами). Сѣверное или новое адмиралтейство съ 4-мя элингами, на которыхъ, до сихъ поръ, производится строеніе военныхъ кораблей и фрегатовъ.

Какъ почва земли внутри адмиралтейства, такъ и внутри всего Соломбальскаго селенія образована изъ того балласта, которымъ грузятся иностранные корабли, въ бо́льшей части случаевъ приходящіе сюда за товарами, но не съ товарами. Насыпь эта успѣла уже заполнить многія низменности, овраги и болотистыя мѣста въ селеніи; она же значительно подняла и двинскіе берега. Вотъ почему весьма важно то обстоятельство, что почва Соломбалы образована изъ разнообразнѣйшихъ пластовъ береговъ Нѣмецкаго моря. Обстоятельство это получаетъ еще бо́льшую важность по той причинѣ, что Соломбала подвергается ежегодно, во время весенняго разлива водъ, значительной опасности. При вскрытіи рѣки, ледъ обыкновенно спирается на мелководьяхъ двинскихъ устьевъ и тамъ стоитъ долгое время. Вода на ту пору выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ все Соломбальское селеніе (понимаетъ водопольемъ— по мѣстному выговору). На мой пріѣздъ ледъ вынесло скоро въ море и вода въ Соломбалѣ стояла не высоко. Но вотъ что разсказываютъ объ этомъ явленіи тѣ, которымъ ежегодно приводится испытывать разливы весеннихъ водъ. Взморье все уже потонуло въ водѣ, рѣка вздулась и хлынула изъ береговъ съ ужаснымъ ревомъ въ началѣ и съ сосредоточеннымъ молчаніемъ расплывается по улицамъ, постепенно топитъ все и, размывши мостки, несетъ ихъ по улицамъ, которыя на этотъ разъ имѣютъ видъ каналовъ. Меньше, чѣмъ въ три-четыре часа, вода, скопляясь, понимаетъ собою нижнія жилья соломбальскихъ домовъ, доходитъ до верхнихъ. Хватаетъ все забытое, все попавшееся ей на пути: кадку, зыбку ребенка, стулъ, столъ, все это несетъ, бьетъ въ щепу о спопутные углы. Все населеніе выбирается на верхніе этажи, на крыши, или размѣщается на карбасахъ и лодкахъ, и съ веселыми пѣснями, съ громкимъ смѣхомъ ѣздитъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Ѣдетъ въ тѣхъ карбасахъ и чиновникъ, и офицеръ на службу, ѣдетъ и праздная молодёжъ отъ крайнаго бездѣлья на пущее свое веселье и удовольствіе. Всѣмъ весело, всѣмъ отрадно; не весело,

можетъ быть, тѣмъ только, у кого большая заблудившаяся льдина выломила крышу, снесла утлую хату, разбила уголъ, стекла, вышибла двери и проч., и проч. Говорятъ, что картина соломбальскаго потопа полна интереса, забавныхъ эпизодовъ, двусмысленныхъ остротъ и каламбуровъ; говорятъ, что на этотъ разъ въ Соломбалѣ происходитъ родъ разгульнаго, карнавальнаго веселья на манеръ Венеціи, Парижа, Рима. И вотъ почему каждый соломбальскій домъ обязанъ имѣть на готовѣ лодку. Говорятъ, что, на случай подобныхъ нечаянностей, строились и дома съ особенной архитектурой: узкіе съ фасада на улицу, длинные во дворъ, они тѣсно пристраивались одинъ къ другому и имѣли крытые дворы, такъ что, съ птичьяго полета, крыши селеній представляли сплошную массу, неправильную, но оригинальную. На этихъ крышахъ укрывали скотъ и другія принадлежности хозяйства—обыкновеніе, теперь оставленное по той простой причинѣ, что такой сплошной рядъ крышъ усугублялъ свирѣпость пожаровъ, по счастію, однако, рѣдкихъ въ Соломбалѣ. Теперь рѣдко увидишь сплошныя крыши и часто-составленные дома. Соломбала имѣетъ уже поразительное сходство со всѣми пригородами большихъ городовъ, хотя взять петербургскіе Пески, Выборгскую Сторону, московскіе Бутырки и проч.

Скучное и однообразное зимою, Соломбальское селеніе сильно оживляется лѣтомъ со времени открытія навигаціи. Архангельскъ какъ-будто вымираетъ на все это время, уступая все свое Соломбалѣ. Шумная дѣятельность здѣсь сосредоточивается, помимо рынка и рыночной площади, естественно, въ *гавани*, которая тянется за адмиралтействомъ и морскими казармами по направленію къ Маймаксѣ. Двина тутъ такъ глубока, что позволяетъ иностраннымъ купеческимъ кораблямъ становиться о-берегъ, крутой и значительно-приглубой. По берегу Двины тянется рядъ домовъ пригляднаго вида. Это или купеческія конторы съ надписями «office», или пакгаузы, или гостиницы, съ названіемъ taverne и съ прибавленіемъ въ бо́льшей части случаевъ имени города, откуда являются въ Соломбальскую гавань пришельцы: London, Madride, Brüssel, Paris и проч. Здѣсь въ любую пору лѣтняго дня, если только не побояться миріадъ комаровъ и песчаной пыли, встрѣтишь новыя, своеобразныя картины, хотя въ бо́льшихъ случаяхъ одно и то же: важныхъ

каптэновъ съ жонами, или разгуливающихъ подъ-ручку по палубѣ, или по берегу, или шкиперовъ, задравшихъ ноги на крылья городской пролетки. Увидишь страшныхъ бульдоговъ, привязанныхъ на кораблѣ, юнговъ-мальчишекъ съ котлами и чашками у нарочно-устроенныхъ на берегу закопчонныхъ кухонъ, асеевъ *)—рабочихъ матросовъ болтающихся по палубѣ; услышишь откашливанья и монотонную пѣсню-припѣвокъ, которую припѣваютъ для подспорья работѣ дрягилей шкивидоры русскіе и которой не мѣсто въ печати. Здѣсь, въ этой же гавани, полной на ту пору и своеобычной жизни, однообразной только въ цѣломъ, съ трудомъ уловимой въ подробностяхъ, увидишь подчасъ и кровопролитныя сцены, безъ которыхъ почему-то рѣдко обходится столкновеніе русской національности съ другими, чужеземными. На моихъ глазахъ одного извощика травили бульдогомъ, другаго матросика избили до полусмерти за какую-то рѣзкую, крѣпкую насмѣшку надъ однимъ изъ вспыльчивыхъ и гордыхъ асеевъ. Можно, пожалуй, замѣтить и другое, что способно отвратить и глаза, и напугать воображеніе при самомъ терпѣливомъ вниманіи. И все-таки не надивишься довольно шумной и разумно-сосредоточонной дѣятельности въ гавани. И невольно возстаетъ образъ Петра, опять таки перваго основателя заграничной торговли въ такомъ обширномъ и шумномъ размѣрѣ, и снова останавливаешься на воспоминаніяхъ объ немъ.

Разъ—говоритъ преданіе—онъ гулялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь селеніе, и увидѣлъ крестьянъ и крестьянокъ окрестныхъ деревень, жавшихъ рожь въ окрестныхъ поляхъ. Долго смотрѣлъ государь на работы и на разноцвѣтныя, разнообразныя группы жнецовъ и надумалъ дать имъ пиръ тотчасъ и тутъ, на открытомъ воздухѣ. Тогда же онъ отдалъ приказаніе объ

---

*) Слово *асей*, какъ извѣстно, происходитъ отъ англійскаго «I say»—«послушай» слова, часто попадающагося въ разговорѣ иностранцовъ, которые, въ свою очередь, русскихъ, имѣющихъ съ ними сношенія, прозвали словомъ *слишты*, отъ «слышь-ты», также нерѣдкаго въ языкѣ нашихъ православныхъ. Этимъ именемъ *слишты* обзываютъ они всѣхъ работниковъ русскихъ при нагрузкѣ судовъ и другаго названія не знаютъ. Говорятъ: «найми мнѣ два слишты (т.-е. двухъ работниковъ)»; «приведи десять *слишты*», и проч.

этомъ Менщикову, но этотъ отказался неимѣнiемъ столовъ и скамѣекъ. Петръ приказалъ снести съ поля снопы. Изъ высокихъ велѣлъ сдѣлать столы и накрыть ихъ скатертью, коротенькiе и маленькiе снопы употребить вмѣсто стульевъ. Импровизированный балъ состоялся; было шумно и весело. Государь былъ доволенъ своей выдумкой и пиромъ и въ заключенiе пиршества сказалъ, обратившись къ приближоннымъ:

— Вотъ настоящiй соломенный балъ!

Съ этихъ словъ государя будто бы и начинавшемуся впослѣдствiи строиться на томъ мѣстѣ селенiю дано было имя, напоминавшее слова Петра—имя *Соломбалы*.

Исторически достовѣрно то, что начало заселенiя Соломбалы современно началу архангелогородской казенной верфи, около 1700 года. На островахъ этихъ, близъ верфи, отводились мѣста чиновникамъ и рабочимъ людямъ, и такимъ образомъ, годъ отъ году, селенiе распространялось, какъ свидѣтельствуетъ о томъ г. Литке. Но также исторически достовѣрно и то, что имя Соломбалы упоминается двинскимъ лѣтописцемъ еще въ XVI вѣкѣ, а имя рѣки и, стало-быть, самаго селенiя, по корнесловiю—чудское. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ право сомнѣваться въ справедливости вышеприведеннаго народнаго преданiя. Но... обращаюсь снова къ селенiю.

Соломбальское селенiе, примыкая съ одной стороны къ Двинѣ, съ другой къ Маймаксѣ, съ двухъ остальныхъ сторонъ омывается рѣкою Кузнечихою—рукавомъ той же Двины. Прямо противъ адмиралтейства за рѣкою Двиною и за устьемъ Кузнечихи всплываетъ островъ Моисеевъ. На немъ разведенъ садъ, носящiй характеръ нѣкоторой дикости, построена бесѣдка; но гулянья тамъ не состоялись за домовитостью ли архангельскихъ жителей, или по другой какой-либо причинѣ—неизвѣстно.

Отъ Моисеева острова, противъ самаго адмиралтейства, растянулась параллельно мель, оставившая глубокiй, быстрый, но тѣсный протокъ. Мель эта часто мѣшаетъ благопрiятному спуску новаго корабля изъ адмиралтейства.

Смотря изъ адмиралтейства, невольно увлечешься живописными разнообразными видами, которые располагаются по ту сторону рѣки Двины. Вотъ, вырываясь изъ тѣснины Моисеева острова, Двина ширится на трехверстномъ пространствѣ

и чуть виднѣются селенія *) противоположнаго берега. Вотъ, вдали, тѣснитъ ширину рѣки новый островъ, длинный и песчаный, изъ-за скудной, обманчивой зелени его выясняется и серебрится надъ нею крестъ Кегъ-островской церкви. Вотъ налѣво потянулись зданія длиннаго города Архангельска, который въ цѣломъ не лишонъ картинныхъ, увлекательныхъ подробностей: вонъ развалины нѣмецкаго гостинаго двора, огромный заводъ Бранта, прихотливые дома архангельскихъ негоціантовъ. Ближе къ нимъ бѣлѣется каменное зданіе полубатальйона военныхъ кантонистовъ, съ которымъ соединяются теперь для меня и пріятныя, и грустныя воспоминанія о томъ добромъ и честномъ человѣкѣ, которые такъ рѣдки на землѣ и съ трудомъ достаются на долю странниковъ, заброшенныхъ на чужбину. И шлешь ему благодарный привѣтъ, и несешь горячую и искренную слезу на его раннюю, скорбную могилу, и желаешь ему вѣчной памяти, заслужонной имъ честною жизнію и незлобными сердечными отношеніями къ людямъ и ко всему въ жизни...

И вотъ влѣвѣ кузнецовская церковь и дальше въ сторонѣ отъ нея желтѣютъ зданія военно-сухопутнаго госпиталя... И

---

*) Жители пригородныхъ селеній занимаются по большей части работами на судахъ, или по найму въ конторахъ архангельскихъ негоціантовъ. Нѣкоторые строятъ суда и занимаются всякою другою плотничьею работою. Не малая часть уходитъ въ Петербургъ на лѣсные дворы; остающаяся дома ловитъ рыбу по преимуществу семгу въ Двинѣ, звѣря и бѣлугу въ двинскихъ устьяхъ, на отмелыхъ мѣстахъ. Женское населеніе пригородныхъ селеній почти исключительно занято тканьемъ полотенъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность и справедливую оцѣнку даже по дальнымъ мѣстамъ Россіи. Женщины эти толпами ходятъ по Архангельску и по гавани съ кусками своей *клетчины*. Ленъ для этихъ полотенъ они покупаютъ (въ Архангельскѣ, какъ извѣстно, ленъ не родится), очищаютъ сами, вычесывая начисто надъ водою до-тѣхъ-поръ, пока ни съ одной мочки не падаетъ въ воду ни кострики, ни пыли. Полотна эти, тонкостью, бѣлизною и шириною, не уступаютъ привознымъ и не имѣютъ, однако, ни той плотности, ни той крѣпости. Здѣсь нелишнимъ считаю упомянуть о той страсти къ коммерческимъ предпріятіямъ, которая такъ сильно развита во всемъ архангельскомъ женскомъ населеніи. Доказательство тому подгородныя ткачихи, соломбальскія матроски и кузнечевскія солдатки. Рыба треска, самодѣльные компасы, бураки, ковши, старое трепье, поношенная рухлядь— все идетъ въ оборотъ и ничто долго не залеживается дома.

опять чернѣетъ масса водъ въ широкомъ рукавѣ Двины—рѣкѣ Кузнечихѣ. Почти прямо передъ ногами виднѣется мостъ, перекинутый изъ Соломбалы на противоположной берегъ и сооружаемой ежегодно на сваяхъ при громкой и завѣтной, общей всей Россіи, пѣснѣ:

Чтой-то свая наша встала?
Закопорщика не стало.
Ой, ребята, собирайся:
За веревочку хватайся!
Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ—
Ухнемъ!

Перейдемъ по этому кузнечовскому мосту въ Архангельскъ.

2. АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Его исторія и настоящій характеръ города, по личнымъ наблюденіямъ.

—

Позднимъ зимнимъ вечеромъ подъѣзжалъ я въ первой разъ къ Архангельску. Непріятности дальнаго, слишкомъ-тысячеверстнаго пути возъимѣли всю свою силу: чувствовалась физическая истома, нравственная пустота, болѣлъ весь составъ тѣла, нылъ, кажется, каждый мускулъ; воображеніе наполняли какіе-то мрачные, невеселые образы. Тягостныя впечатлѣнія принесли за собою прошлые сутки, ничего хорошаго не сулили будущіе. Такъ, по-крайной-мѣрѣ, казалось на то время, когда привелось осиливать послѣднія версты. Какъ будто вдвое-втрое лѣнивые плелись почтовыя лошади, какъ-будто сильнѣе и чаще обстукивала послѣдніе ухаба и выбоины неладно-кроеная, но крѣпко-шитая почтовая кибитка. Какъ-будто на зло, въ этотъ разъ, и самое небо глядѣло сумрачнѣе, затянутое сплошною грядою облаковъ: ни звѣздочки на немъ, ни искорки. Сверкнетъ своими невеселыми огнями спопутная деревушка, обдастъ она тепломъ своимъ и опять непроглядная лѣсная чаща впереди и по бокамъ, и опять поле ровное, отдающее своимъ матовымъ, мертвенно-синимъ снѣжнымъ свѣтомъ. Волкъ бы взвылъ, собака бы взлаяла, хоть-бы сторожъ, наконецъ, гдѣ-нибудь

стукнулъ въ доску съ просоньевъ—повеселилъ-бы изнывшую отъ сосредоточонной тоски душу, испугалъ-бы истомленное до крайныхъ предѣловъ воображеніе. Почти пластомъ, почти бездыханнымъ трупомъ лежишь-себѣ въ кибиткѣ и думаешь думу: отсовѣтую я другу и недругу однимъ разомъ, безъ ночовокъ, одолѣвать въ дорогѣ большія пространства; скверно: аппетиту лишаешься, сонъ не беретъ. Скажу я имъ: «хорошо ѣздить на петербургскихъ тройкахъ верстъ за 30, пожалуй, и за сорокъ; не дурно проѣхать и сто верстъ; но версты за сто уже утомляютъ; еще и еще дальше едва-выносимы, а за пятьсотъ уже каждая верста себя сказываетъ, каждая верста ложится на плечи тяжолымъ гнетомъ, давитъ сердце, тяготитъ душу, мертвитъ тѣло. Да и зачѣмъ такой рискъ, зачѣмъ такое самопроизвольное мученичество? Неужели только за тѣмъ, чтобы разомъ бросить себя въ дальной омутъ и умѣть потомъ выбираться оттуда? Неужели за тѣмъ, чтобы разомъ испить горькую чашу, а не пить ее по каплямъ? Неужели и опять-таки за тѣмъ, чтобы слышать, какъ ямщикъ слѣзетъ въ послѣдній разъ съ козелъ и подвяжетъ въ первой разъ на всемъ пути отъ Петербурга колокольчикъ?»

Колокольчикъ подвязывается за тѣмъ, что начинается губернскій городъ (уѣздные города, какъ извѣстно, не удостоены этой чести), а въ немъ конецъ странствіямъ и мученіямъ: въ губернскомъ городѣ есть гостиница съ теплымъ чаемъ, съ кушаньями, есть и другія благодати....

— Куда тебя везть? спрашиваетъ, между тѣмъ, ямщикъ мой подъ Архангельскомъ.

— Въ гостиницу.

— А здѣсь нѣту гостиницы, нѣту ни единой.

— Вези на почтовую станцію.

— Да тамъ не становятся: комнатъ нѣту.

— Что же мнѣ дѣлать?

— А вотъ толкнемся въ трактиръ: можетъ, пустятъ.

— Сдѣлай милость!

Толкнулись въ трактиръ: пустили. Отгородили въ бильярдной одинъ уголъ ширмами—сталась комната: и то слава Богу. А, между тѣмъ, я въ новомъ городѣ, на новомъ мѣстѣ о-бокъ съ новыми впечатлѣніями.

Начну дѣло съ аза, по обычаю всѣхъ туристовъ, по обык-

новеніямъ всѣхъ проѣзжихъ; начну съ вопросовъ у трактирщика: вотъ онъ и самъ передо мною: толстый такой, мрачный съ виду и какъ-будто готовъ править свою должность, отвѣчать на вопросы. Похвалю я ему родной городъ—онъ еще пуще разговорится.

— Хорошенькій вашъ городъ, большой такой.

— А вотъ завтра посмотрите; а я вамъ его не похвалю.

«Прикидывается, думаю; подзадорю его инымъ путемъ».

— Городу вашему нельзя быть некрасивымъ, нельзя быть небогатымъ: стоитъ близко моря, большую торговлю ведетъ, и торговлю заморскую, стало-быть, и народъ—умный, оборотливый, смышленый....

— Гордый! добавляетъ хозяинъ и затѣмъ молчитъ. Думаю: «не разговорчивъ»—и опять начинаю:

— Такихъ городовъ у насъ не много: Одесса, Астрахань, Рига, Ревель....

— Петербургъ, добавляетъ хозяинъ и опять молчитъ. Думаю: «надоѣло ему со всякимъ проѣзжающимъ толковать одно и то же»—и говорю:

— Ложились-бы вы, хозяинъ, спать: пора ужъ, что безпокоитесь?

— Намъ это въ привычку; а мы заѣзжему человѣку рады. Съ новымъ человѣкомъ какъ-то и говорить пріятно.

«Льститъ, думаю, какъ и всякій, кому до кого какая нужда належитъ». Я попросилъ сѣсть—сѣлъ: поподчивалъ чаемъ—не отказался! И уставивши блюдечко на ручныхъ рогулькахъ, смотритъ мнѣ въ глаза и какъ-будто говоритъ своими: «спрашивай, спрашивай, небойсь: теперь отвѣчать тебѣ стану съ большой охотой».

— Вы здѣшній?

— Родителями произведенъ въ здѣшныхъ мѣстахъ, хозяйство отъ нихъ получилъ и самъ тридцатый годъ оное въ производствѣ произвожу, вотъ уже тридцатый годъ....

— Стало-быть, всѣхъ знаете?

— Послѣдняго ребенка у самой задней соломбальской жонки знаю, а въ городѣ-то такъ и....

Хозяину поперхнулось чаемъ: онъ закашлялся.

— Весело живутъ здѣсь?

— Не могутъ. Больше у насъ нѣмецъ преизбыточествуетъ....

— А, вѣдь, нѣмцы повеселиться любятъ, этимъ ихъ попрекнуть нельзя.

— Наши нѣмцы особенные.

— Чѣмъ-же хозяинушко?

— Да, во первыхъ, народъ все коммерческой; а во вторыхъ, нѣмецъ.... надо-быть такъ говорить....

Хозяинъ опять замялся.

— Нашъ нѣмецъ, теперь это-бы къ примѣру самое взять— особенной.

— Все-таки я, хозяинъ, васъ понять не могу.

— Нѣмецъ такъ ужъ Господомъ Богомъ создается, чтобы ему нѣмцомъ быть и никакимъ другимъ человѣкомъ.

— Да, вѣдь, это и русскіе такъ, и французы, и всѣ . . Аккуратны они, что-ли?

— Насчотъ окурату они первые—это точно. Русскаго они духу не любятъ—это второе.

— «Ну, слава Богу! (думалось мнѣ) разразился: кажется, сказалъ, наконецъ, что хотѣлъ».

— Какъ-же это они русскаго духу не любятъ?

— А первое: всю коммерцію отбили. Встарину нашихъ кораблей отъ русскихъ шло много за-границу, а теперь ни одного, все отъ нѣмецкихъ конторъ. Второе: за русскаго они свою дочь не отдадутъ ни за что: образъ сыму въ поручительство. Третье: у нихъ клубъ свой, нашимъ дворянскимъ брезгаютъ, а и бываютъ тамъ такъ только изъ приличія — это третье. А зачѣмъ они—опять-таки скажу вамъ—русскаго духу не любятъ: изъ благодарности къ тому, что мы имъ и мѣсто отвели и все сдѣлали.

— Да вы, хозяинъ, патріотъ большой.

— То-ись какъ?

— Родину свою очень любите.

— Не скажу этого, и хвастаться не стану тѣмъ, а что нѣмцовъ не люблю и вѣры въ ихъ хитрость не имѣю, такъ это скажу и вамъ и флотскому офицеру вчерашному сказывалъ, и приказнымъ нашимъ сколько годовъ то же говорю. А вы меня извините! Нѣмецъ нашъ—народъ хитрякъ. Вотъ по гильдіи положено столько товаровъ за-границу пущать, свыше нельзя, опять нѣмцу нельзя товаръ на мѣстахъ по городамъ скупать. Не положено, что тутъ дѣлать? Нѣмецъ тутъ и придумалъ шту-

ку свою, особенную, нѣмецкую штуку придумалъ. Онъ набралъ изъ нашихъ русскихъ, тутошныхъ, ближныхъ столько, сколько ему надо, записалъ ихъ въ гильдію и ступай торговать, товары скупать на его нѣмцово имя, а самому русскому прибыли, окромя того, что купецъ-де сталъ, брюхо отращивать всякое право имѣетъ — другой вальготы нѣтъ; загребай чужой жаръ своими руками...

— Да правда-ли это, хозяинъ?

— Вотъ поспрошайте — то-ли увидите. Увидите здѣсь-то, къ примѣру, что всѣ здѣсь нѣмцы, что одинъ человѣкъ: и говорить они умѣютъ по нашему бойко, и къ нашимъ, которые капиталомъ посильнѣе, или которые на полномъ отъ всякаго почотѣ, они ласки свои приладятъ и въ маклеры его, на безотвѣтное, глупое мѣсто, посадятъ, какъ пить дадутъ. А то въ браковщики, въ старосты, въ другую какую должность выберутъ: ты-де только своей-то торговли не заводи, а мы-де тебя своими крохами не обидимъ, съ голоду не уморимъ.

— Вы, хозяинъ, просто сердиты на нѣмцовъ, они не такіе!

— Еще хуже, сказать не во гнѣвъ вашей милости это. Народъ на лесть, на хитрость такой ловкій, что хоть рукавицы на руки-то надѣвай — не ухватишь. Опять же гордости въ нихъ — велія сила. Компанію только межъ себя и водятъ и завсегда впереди нашего города идутъ. Русскій, я вамъ говорю, человѣкъ, что самоѣдъ, силы никакой не имѣетъ,

— Да отчего же? я все-таки понять не могу.

— А вотъ посмотрите, какъ они это ведутъ. А, по моему понятію, надо быть такъ, что нѣмецъ-народъ одинъ духъ въ каждомъ человѣкѣ держать можетъ, а по моему артели ихъ плотнѣе, благонадежнѣе бываютъ нашихъ. Они это безотмѣнно лучше нашихъ дѣлаютъ. Ты къ нѣмцу хоть сто русскихъ приставь: онъ все нѣмецъ будетъ.

— Вотъ это, хозяинъ, вѣрно. Теперь я нѣсколько понимаю и даю себѣ слово повѣрить ваши слова своими наблюденіями на дѣлѣ. А теперь еще одинъ вопросъ: кто составляетъ вторую половину жителей?

— Половина эта самая малая, половина эта — не половина. А это чиновники, народъ заѣзжій, все больше изъ Петербурга; долго жить здѣсь не думаетъ — на многое и вниманія своего обращать не хочетъ: «мнѣ — говоритъ — что? вы хоть всѣ пе-

регрызитесь, а меня не трогайте, потому-что уже маленько и въ престарѣлыхъ лѣтахъ; да, признаться, служить у васъ и не думаю долго. А меня-де лучше оставьте въ покоѣ, сдѣлайте милость....»

— Да, вѣдь, есть же, я думаю, и свои, здѣшніе чиновники, которые здѣсь родились, здѣсь и служатъ.

— Какъ же! прибѣгали тоже приказные сказывать, хвастаются, что свою-де родословную, слышь, книгу завели и двоихъ-де ужъ записали. Теперь, молъ, въ чужихъ губерніяхъ нуждаться не станемъ. Да, вѣдь, эти, которые здѣсь родятся, больше мелкота-народъ. Въ нихъ, вѣдь, силы никакой, какъ и въ пузырѣ мыльномъ. Опять же они *эдакъ* любятъ...

Хозяинъ, при этихъ словахъ, сжалъ кулакъ, давая тѣмъ знать, что они взять взятку любятъ.

— И это ужасно любятъ...

Хозяинъ пощолкалъ себя по шеѣ: «пьютъ-де».

— Да, вѣдь, и ссыльные чиновники не всѣ уѣзжаютъ; другіе, чай, остаются здѣсь на вѣчное житье.

— Бываетъ, да рѣдко. Ну, а тѣ, извѣстно, волей-неволей въ нѣмецкую же шайку поступить должны; потому имъ и теченіе-то такое, что прямо въ омутъ, а тамъ стоитъ мельница ладная такая, что другую сотню лѣтъ стоитъ — молоть умѣетъ первѣйшимъ сортомъ — русской-отъ духъ однимъ соромъ закидаетъ и не принюхаешься. Да что вамъ говорить много: городъ нашъ на нѣмцахъ стоитъ, нѣмцами руководствуется. Не знаю вотъ только, на нѣмцахъ ли ему помирать-то придется.... А не желаете-ли вы поѣсть чего?

Круто оборванная рѣчь хозяина пришлась кстати. Я согласился. Но что ѣсть.

— У насъ одна только рыба. Мяснаго потребляемъ мало, да и теперь же постъ великій. Вотъ треска!

Попробовалъ—и не могъ ѣсть, какъ ни былъ голоденъ.

— Палтаса, стало, и не подавать! рѣшилъ хозяинъ. Палтасъ еще хуже. А вотъ селянка изъ свѣжей рыбы двинской.

Селянка оказалась сноснѣе; но пріятнѣе и отраднѣе всего показался слѣдующій за тѣмъ сонъ, крѣпкій, живительный, какимъ только и умѣютъ пользоваться дорожные и крѣпко-истомленные трудной, ломовой работой люди.

На другой день солнце освѣтило передо мною сначала огром-

ную торговую площадь съ рыбными рядами, съ довольно-большой толпой мужиковъ съ возами дровъ, которые потянулись подъ-гору къ широкой Двинѣ, засыпанной на ту пору снѣгами и обставленной по мѣстамъ дорогъ вѣшками; а потомъ освѣтило солнце и самый городъ, по которому я ѣхалъ съ одного конца на другой.

Видѣлъ я одну безконечно-длинную улицу съ каменными и деревянными домами въ началѣ; по нѣкоторымъ казенныя надписи, по другимъ частныя, гласящія, что тутъ магазинъ, тутъ лавка съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, и что принадлежитъ она купцу, носящему въ бо́льшей части случаевъ нѣмецкую фамилію. Видѣлъ я безконечно-длинную улицу, почти единственную улицу города, тянувшуюся версты четыре, а, можетъ-быть, и пять верстъ, вблизи отъ набережной, отъ берега Сѣверной Двины по направленію къ Кузнечихѣ и Соломбальскому портовому селенію. Видѣлъ я налѣво, за каменной оградой и рядомъ деревьевъ (на то время оголенныхъ и обсыпанныхъ инеемъ), Троицкій каѳедральный соборъ, основанный 11-го октября 1709 года и оконченный въ 1765 году, двухъ-этажный, высокій, величественный *). Видѣлъ я за соборомъ городскую площадь, окруженную

*) Соборная церковь прежде была деревянная, основанная въ 1584 году, съ пристройкой, сдѣланной въ 1664 году. Церковь два раза сгорѣла. Петръ Великій назначилъ для собора новое нынѣшное мѣсто, а соборъ до сихъ поръ хранитъ объ немъ память, драгоцѣнную по многимъ отношеніямъ. На правой соборной стѣнѣ, подъ великолѣпнымъ полукруглымъ балдахиномъ, опирающимся на двѣ колонны, хранится деревянный крестъ, сдѣланный руками Петра на память спасенія въ Унскихъ Рогахъ. Этотъ крестъ сосновый, имѣетъ 5 аршинъ въ вышину и 3 арш. въ ширину; концы его сдѣланы въ видѣ полукружій съ шариками на оконечностяхъ. Крестъ, отъ времени и долгаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, потрескался и покрылся сизымъ цвѣтомъ, но еще можно видѣть рѣзную надпись, сдѣланную руками самого Петра:

Dat
Kruys ma
ken kap
tein Piter
van a ch.
S. t.
1694.

Императоръ Александръ I-й повелѣлъ перенести этотъ крестъ въ Ар-

соборами, церковью Архангела Михаила, построенную въ 1769 году, на мѣстѣ бывшаго Архангельскаго монастыря, и церковью Воскресенскою, столько же древнею, какъ старо самое заселеніе города. На площади, около которой нѣкогда сосредоточивались и первоначальное заселеніе города и первыя торговыя операціи его, стоитъ памятникъ, не нужно было говорить — кому, но я все-таки спросилъ извощика:

— Кому этотъ памятникъ?

— Тучи у Господа Бога отводилъ на небесахъ.

— А кто онъ таковъ былъ, гдѣ родился?

— Не знаю; колдунъ, надо-быть, какой.

И вотъ новый урокъ соорудителямъ, съумѣвшимъ въ лицѣ Ломоносова изобразить римскаго гражданина въ тогѣ, съ геніемъ у ногъ, а не простаго мужика, съ приличными, болѣе понятными и ясными аттрибутами, или что-нибудь въ родѣ этого. Къ тому же памятникъ малъ, пропадаетъ въ массѣ зданій и не пользуется ни хорошимъ видомъ, ни хорошимъ мѣстомъ.

Но вотъ, опять-таки налѣво, полуразрушонное каменное зданіе, которое извощикъ называетъ монетнымъ дворомъ (на самомъ дѣлѣ это развалины *нѣмецкаго* гостинаго двора) и говоритъ:

— Пытали ломать и подрядчикъ на кирпичи нашолся; не осилили и подрядчикъ отказался. Известка такъ спеклась, что камни и лому не давались. Да и кирпичи тяжелина такая, что нонѣ такихъ и не дѣлаютъ. Пытали каменщики печи изъ нихъ складывать, такъ тоже, слышь, отказались: всѣ плечи-де обломали, одной рукой не сдержишь и не перевернешь какъ-бы надо, по ихному....

Нѣкогда на этомъ зданіи было шесть башенъ (теперь уцѣлѣло только двѣ). Говорятъ, что подробности плана этого гостинаго двора, назначеннаго для складки товаровъ, составлены были рукою самого царя Алексѣя Михайловича и приведены въ исполненіе нарочно-присланными сюда изъ Москвы иноземными

хангельскъ изъ Пертоминскаго монастыря въ 1805 году, какъ гласитъ надпись на доскѣ, поддерживаемой ангеломъ. Другая доска (также поддерживаемая ангеломъ) повѣствуетъ о причинѣ, побудившей Петра Великаго соорудить этотъ крестъ, перенести его потомъ на собственныхъ плечахъ до того мѣста, на которое вступилъ онъ послѣ бури.

инженерами Петромъ Марилисомъ и Вилимомъ Шарфомъ. Рядомъ съ этимъ зданіемъ по набережной Двины тянутся иныя развалины, которыя собственно и были монетнымъ дворомъ, составлявшимъ часть таможеннаго зáмка. Кирпичи для обоихъ работаны были въ Голландіи и привезены сюда на корабляхъ. Грудами лежатъ они теперь подлѣ неприбранными, но общность развалинъ, въ средѣ другихъ и съ Двины, представляетъ увлекательный видъ. Вблизи онѣ вѣютъ стародавностью: сѣдое время буквально изгрызло окна, крышу, четверо воротъ: кое-гдѣ завязались уже по стѣнамъ, на крышахъ башенъ и въ окнахъ растенія.

Но вотъ площадь заключается гауптвахтой со стороны проспекта и стариннымъ зданіемъ думы къ сторонѣ Двины: отъ гауптвахты пошла опять улица со сплошнымъ рядомъ домовъ по большей части деревянныхъ, чистенькихъ, опрятныхъ, въ большей части случаевъ обшитыхъ тесомъ и окрашенныхъ невозможныхъ цвѣтовъ красками. Это — нѣмецкая слобода, гдѣ ютится все коммерческое населеніе города. Влѣво, къ Двинѣ, красуется большая лютеранская церковь св. Екатерины, построенная въ 1768 году; далѣе, реформатская, выстроенная въ 1803 году. Направо и налѣво начинаютъ свертыватъ съ главной улицы переулки, но тѣ и другіе идутъ не далеко; съ одной стороны обрываетъ ихъ Двина, съ другой пересѣкаетъ второй (но и послѣдній) городской проспектъ, идущій параллельно съ первымъ. За этимъ вторымъ проспектомъ пойдетъ уже вязкое, тундряное болото, которому и конца нѣтъ на дальной Кореліи. Но возвращаюсь къ Нѣмецкой слободѣ.

Обрамленная съ двухъ сторонъ мостками, она на одномъ мѣстѣ пересѣкается городскимъ садомъ, небольшимъ, чахлымъ, рѣдко-посѣщаемымъ; со многихъ другихъ сторонъ тянутся значительной величины пустыри за длинными, безобразными заборами и безъ этихъ заборовъ. Пустыри эти—давніе слѣды давняго пожара, испепелившаго большую половину Архангельска. Одинъ пустырь, какъ говорятъ, залегъ на мѣстѣ театра. У каменнаго зданія полубатальйона военныхъ кантонистовъ оканчивается Нѣмецкая слобода, за тѣмъ, что слѣва уже тянется рѣка Кузнечиха, а по берегу ея и вглушь подгорнаго болота—бѣдная слободка того же имени, населенная потомками двухъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь, гайдуцкихъ полковъ, переформирован-

ныхъ потомъ въ два гарнизонныхъ батальйона. Утлые домишки, утлые мостки, узенькія, запущенныя улицы; пустынные огороды кругомъ — вотъ главные и единственные характеристическіе признаки этой бѣдной подгородной слободки.

Тою же бѣдностью глядитъ и другая подгородная слобода, на совершенно-противоположномъ краю длиннаго и скучнаго Архангельска, при въѣздѣ изъ Хо́лмогоръ. Слободка эта носитъ названіе Архіерейской, затѣмъ, что тутъ существуетъ архіерейскій домъ со времени перенесенія епископіи изъ Хо́лмогоръ, подлѣ Архангельскаго монастыря.

Архангельскимъ монастыремъ, собственно, и начинается городъ Архангельскъ, получившій отъ монастыря и свое имя въ народныхъ устахъ, хотя правительство и назвало его вначалѣ (въ 1584 г.) *Новыми-Холмогорами*.

Городъ этотъ начинался собственно на срединѣ настоящаго Архангельска, тамъ, гдѣ лежитъ теперь городская площадь, на мѣстѣ называемомъ *Буръ-Наволокъ*. Здѣсь построена была деревянная крѣпость — острогъ, въ видѣ продолговатаго четыреугольника, о двухъ этажахъ, съ шестью башнями и старинными бойницами, или амбразурами. Съ рѣчной стороны онъ окруженъ былъ землянымъ валомъ и палисадомъ; внутри раздѣленъ былъ стѣнами на три части: верхняя называлась русскимъ гостинымъ дворомъ, въ верхнихъ палатахъ котораго хранилось казенное вино; нижняя часть острога, по Двинѣ, носила имя нѣмецкаго гостинаго двора съ портовой таможней. Средняя часть, собственно крѣпость съ бойницею и башнями, занимаемая была монастыремъ, который впослѣдствіи переведенъ былъ, послѣ пожара въ 1637 году, на нынѣшное свое мѣсто за городомъ, по указу царя Михаила Ѳеодоровича. Мѣсто это носило названіе урочища *Нячеры*.

Первыми обитателями Новыхъ-Холмогоръ были ратные люди — стрѣльцы; черезъ три года, въ 1587 г., учрежденъ былъ здѣсь посадъ. Въ немъ жили деревенскіе пахатные люди и небольшое число посадскихъ, переведенныхъ сюда изъ разныхъ двинскихъ деревень и посадовъ. Имъ дарована была льгота на пять лѣтъ освобожденіемъ отъ платежа всѣхъ государственныхъ податей, а послѣ истеченія срока всякія раскладки позволено было дѣлать имъ самимъ. Тогда же много семей оставили Ста-

рые-Холмогоры и поселились въ Новыхъ. Въ 1702 году сюда переведено было воеводское правленіе.

Монастырь Архангельскій—одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, судя по сохранившейся грамотѣ *), выданной отъ одного изъ новгородскихъ архіепископовъ Іоанна (тамъ было три — два въ XII-мъ вѣкѣ и одинъ въ XIV).

Въ Крестовой церкви нынѣшняго архіерейскаго дома хранятся драгоцѣнности, напоминающія собою снова Петра Великаго. Это — карета, подаренная имъ архіепископу Аѳанасію, два флага, которые поднимались на яхтѣ царя во время поѣздки его въ 1693 году къ Поною и Тремъ-островамъ, и небольшія пушки, взятыя со шведскихъ кораблей въ 1701 году, во время нападенія ихъ на Новодвинскую крѣпость.

Тутъ же—неподалеку отъ монастыря—новыя воспоминанія о Петрѣ. На мѣстѣ называемомъ *Быкъ*, онъ велѣлъ построить хлѣбные магазины, въ 1700 году, и сюда же вскорѣ приказалъ перевести изъ Соломбальскаго адмиралтейства, выстроенную одновременно корабельную верфь. Вскорѣ здѣсь заложены были два 54-хъ пушечные корабля. Встрѣтились новыя неудобства: быковская верфь оставлена и переведена на старое мѣсто; но на

---

*) Въ грамотѣ года не означено. Вотъ ея содержаніе: «Благослови архіепископъ новгородскій Іоаннъ владыко у св. Михаила вседневную службу и благослови игуменомъ Луку къ св. Михаилу, и буди милость Божія и святыя Софіи и св. Михаила на посадникахъ двинскихъ и на двинскихъ боярахъ, и на боярахъ новгородскихъ, на владычнѣ намѣстникѣ, на купецкомъ старостѣ и на всѣхъ купцахъ новгородскихъ и заволоцкихъ, и на игуменахъ и на попѣхъ и на всемъ причтѣ церковномъ, и на соцкомъ, и на всѣхъ крестьянахъ, отъ Емцы и до моря, что есть потребовали милости Божіей св. Михаилу вседневную службу и вы, дѣти мои, потщитеся о милостынѣ къ св. Михаилу и къ игумену, и ко всему стаду. А ты игуменъ, съ соборомъ и со стадомъ св. Михаила, Бога моли за всѣхъ крестьянъ, и буди милость Божія, св. Софіи и св. Михаила на всѣхъ крестьянахъ и владычне благословеніе Іоанново». Мѣсто первоначальнаго Архангельскаго монастыря, картинное и удобное для стоянки торговыхъ кораблей, укрѣплялось въ началѣ на сваяхъ и стойкахъ, по причинѣ топкости тундристыхъ мѣстъ. Тогда же проводились и каналы для спуска воды. Въ монастырѣ церковь каменная, выстроенная въ 1683 году. Въ немъ же семинарія, имѣвшая въ началѣ содержаніе отъ монастырей и церквей отсыпнымъ хлѣбомъ, а съ 1784 года получившая штаты.

Бык̀ѣ стали строить потомъ купеческія суда и опять-таки не долго: доки и элинги сгнили теперь, не оставивъ слѣда.

А, между тѣмъ, заботы Петра объ усиленіи заграничной торговли способствовали въ то же время къ разростанію и усиленію города. Архангельскъ становился людным̀ъ и сильнымъ по мѣрѣ того, какъ далеко еще было заселеніе Петербурга. И ходятъ еще до сихъ поръ народныя преданія о великомъ строителѣ русскаго государства, свидѣтельствующія о крайной его заботливости и вниманіи. Обо многихъ изъ нихъ я имѣлъ случай говорить прежде. Приведу теперь остальное.

Разсказываютъ, что государь цѣлые дни проводилъ на городской биржѣ, ходилъ по городу въ платьѣ голландскаго корабельщика, часто гулялъ по рѣкѣ Двинѣ, входилъ во всѣ подробности жизни приходившихъ къ городу торговцовъ, распрашивалъ ихъ о будущихъ видахъ, о планахъ, все замѣчалъ и на все обращалъ вниманіе даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Разъ, говоритъ преданіе, онъ осматривалъ всѣ русскія купеческія суда; по лодкамъ и баркамъ взошолъ на холмогорскій карбасъ, на которомъ тамошній крестьянинъ привезъ для продажи горшки. Долго осматривалъ царь товаръ и толковалъ съ крестьяниномъ; нечаянно подломилась доска: Петръ упалъ съ кладки и разбилъ много горшковъ. Хозяинъ ихъ всплеснулъ руками, почесался и вымолвилъ:

— Вотъ-те и выручка!

Царь усмѣхнулся.

— А много-ли было выручки?

— Да теперь немного, а было-бы алтынъ на сорокъ.

Царь пожаловалъ ему червонецъ, примолвилъ:

— Торгуй и разживайся, а меня лихомъ не поминай!

Какъ велика была забота Петра объ архангельскихъ торгахъ, видно изъ того, что онъ завелъ, по указаніямъ Ивана Феркелена, свои собственные, такъ-называемые царскіе торги. Начались они съ того, что Петръ поручилъ иностраннымъ купцамъ купить въ Голландіи на его счотъ торговый корабль и привезти къ будущему году сукно для войска. Сукно это въ слѣдующемъ году было привезено и, подъ присмотромъ присяжнаго проводника, отправлено въ Москву. Въ 1695 году государь писалъ къ воеводѣ Апраксину: «О кораблѣ будетъ писать Францъ Тиммерманъ. Я ему прикажу по прежнему для кораблей

вывесть». Вывезены были мелкія ружья. Въ 1696 году было у Архангельска 20 иностранныхъ кораблей, а въ слѣдующемъ году привезены были поташъ, смольчуга и табакъ для войска; Въ 1700 году число иностранныхъ кораблей возрасло до 64, въ 1702 до 149. Въ слѣдующемъ году, на счотъ государя, привезены были: сѣра горючая, свинецъ, сукно, которые тогда же, подъ присмотромъ цѣловальниковъ, и отвезены были въ Москву. въ 1705 привезены для конницы сѣдла и совершена огромная закупка хлѣба, назначеннаго въ Швецію, но пріостановленная по случаю военныхъ дѣйствій. Въ 1707 году привезено было опять сукно, а въ слѣдующемъ отправлены поташъ и смольчуга для продажи. Въ 1709 году привезена на государевъ счотъ, мѣдь, а въ 1714 – снова сукно. Но въ этомъ же году государь усмотрѣлъ злоупотребленія по казенной торговлѣ хлѣбомъ. Виновными оказались и сами купцы русскіе и иностранные, и архангельскій губернаторъ Курбатовъ съ коммисіонеромъ царскимъ Соловьевымъ. Главнымъ предводителемъ запрещонной торговли хлѣбомъ оказался иноземецъ Шмидтъ. Государь простилъ виновныхъ, но отозвалъ Соловьева изъ Голландіи, а дѣла свои поручилъ иноземцу Любсу. Волковскій, слѣдователь нечистаго дѣла, не ѣхалъ по требованію царя въ Москву, продолжая кончать слѣдствіе, и за то подвергнутъ былъ царскому гнѣву и казни: онъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ по указу государя. Любсъ впослѣдствіи оказался также невѣрнымъ интересамъ Петра: онъ прибавлялъ расходы, убавлялъ приходы. Объ этомъ узналъ царь въ Голландіи; узналъ о гнѣвѣ царя и виновный, поспѣшившій тотчасъ же оставить Россію. Къ тому же приготовилась и жена, но Петръ приказалъ задержать ее въ Архангельскѣ и въ 1720 году приказалъ привести ее въ Москву. У Любса оставалась единственная дочь: во имя ея Любсъ поспѣшилъ просить государя о прощеніи вины своей. Государь великодушно простилъ, но съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ дочь въ замужство за сына придворнаго врача, Гофи, родомъ тоже голландца. Любсъ согласился и вина ему была окончательно прощена и забыта.

Между тѣмъ, число приходившихъ кораблей то уменьшалось въ числѣ своемъ, то увеличивалось: въ 1717 году было ихъ 146, въ 1718—116. Отпускъ смольчуги и поташа былъ прекращонъ отъ казны и сдѣланъ свободнымъ для всего купече-

ства русскихъ городовъ. Значительному ослабленію привоза и отпуска способствовала, естественно возраставшая торговля Петербурга.

О прежнихъ до-петровскихъ торгахъ бѣломорскихъ осталось мало преданій; но въ рукахъ нашихъ сохранилась грамота, достаточно свидѣтельствующая о состояніи торговли въ то время. Нелишняя она и въ настоящее время по своему характеру, близкому къ современному положенію. Смыслъ ея можетъ наглядно указать и на то, по скольку торговля бѣломорская находится въ рукахъ русскихъ и по скольку въ рукахъ нѣмцовъ теперь, когда со времени этой бумаги проходитъ уже вторая сотня лѣтъ. Уважая въ грамотѣ этой ея историческую важность и примѣнимость ея къ современности, мы приводимъ ее цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась. Вотъ эта *челобитная царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу отъ соцкаго Прокофья Оноимова Городчикова и всѣхъ посадскихъ людей Архангельскаго города*: «Жалоба, государь, намъ на торговыхъ иноземцевъ голанскіе и амбурскіе и бременскіе земель: живутъ они иноземцы у Архангельскаго города съ нами, сироты твоими посадскими людишками, въ рядъ, и поставились они иноземцы своими выставочными дворами на наши на тяглыя мѣста, а на твои великаго государя гостиные торговые дворы, которые у Архангельскова города они иноземцы дворами своими не ставились и тѣмъ своими выставочными дворами они иноземцы тѣхъ земель нашу искони вѣчную мірскую дорогу заперли, и скотишку нашему на мірскую искони вѣчную дорогу отъ ихъ дворовъ учинился запоръ, и проходу скотишку нашему нѣтъ, и намъ сиротамъ твоимъ для дороги проходу нѣтъ, и прохожей мостъ они разломали и разбросали, а числомъ у нихъ иноземцовъ выставочныхъ дворовъ на нашихъ тяглыхъ мѣстахъ у Архангельсково города восьмнадцать. А дворы, государь, они иноземцы поставили съ амбарами и съ погребами и съ выносными поварнями, мѣрою подъ дворомъ по сороку саженъ и больше. Да съ нами жъ, государь, сироты твоими поставились въ рядъ иноземецъ Яковъ Романовъ Снипъ, возлѣ наши мясныя лавки двумя амбары, да иноземецъ Вохрамей Ивановъ поставилъ за мясными нашими лавками поварню въ рѣчную сторону для ради топленья говяжья сала и кожнаго су-

шенья, и тѣмъ они иноземцы Яковъ да Вохрамей наши мясныя лавки заперли, а отъ Вохромеевы поварни намъ, сиротамъ, со скотишкомъ къ мяснымъ лавкамъ проѣзду и проходу не стало, и тѣмъ запоръ учинили. И тѣхъ, государь, земель иноземцы выставочные свои дворы и анбары и погребы и поварни отдаютъ въ кортомъ своей братьи торговымъ иноземцамъ и тѣмъ они иноземцы корыстуютца. А мы, государь, сироты твои бѣдные людишки отъ тѣхъ выставочныхъ дворовъ и анбаровъ и погребовъ и поваренъ въ конецъ погибли, обнищали и одолжали великими долги, что они иноземцы завладѣли нашими тяглыми мѣсты. А твоихъ, великаго государя, податей съ нами сироты твоими съ тѣхъ нашихъ тяглыхъ мѣстъ врядъ не платятъ, *да они же иноземцы разъѣзжаютъ по волостямъ и покупаютъ у волостныхъ крестьянъ скотъ и рыбу и всякой харчь, и тѣмъ они иноземцы покупкою своею насъ, сиротъ твоихъ, изгоняютъ, а твою, великаго государя, тѣми отъѣзжими торги съ волостными крестьяны они иноземцы пошлину обводятъ и пошлины не платятъ, а у насъ, сиротъ твоихъ, не покупаютъ. А у насъ, государь, сиротъ твоихъ, никакихъ большихъ торговъ нѣтъ, опричь мяса и рыбы и всякаго харчю, и отъ того мы, сироты твои, отъ нихъ иноземцовъ въ конецъ погибли»* и проч.

—

А, между тѣмъ, шли для меня дни за днями; дни накоплялись въ недѣли; мелькнуло этихъ недѣль шесть—прошолъ постъ. Наступила Пасха; замелькалъ мимо моихъ оконъ архангельскій людъ съ праздничными визитами; звонили цѣлую недѣлю колокола двѣнадцати архангельскихъ церквей; проснулось городское общество послѣ долгаго великопостнаго застоя и задало себѣ два бала въ обоихъ клубахъ: благородномъ и нѣмецкомъ. Балы эти, изъ которыхъ одинъ почему-то назывался семейнымъ вечеромъ, не имѣли ничего типическаго, кромѣ этой вѣчной и безхарактерной толкотни подъ звуки довольно-сноснаго оркестра. Я все еще продолжалъ возиться со своими книгами, съ губернскими вѣдомостями, все еще продолжалъ приготовительное книжное знакомство съ губерніей, путешествіе по которой ограничено было годичнымъ срокомъ. Но вотъ мало-помалу, хотя и медленно, изподтишка начало подбираться и весеннее время, подмывая огромные сугробы снѣга, закидавшаго

улицы на значительную высоту. Въ городѣ ждали актеровъ, ждали севастопольцовъ, которые должны были явиться предвозвѣстниками весны, и здѣсь столько же живительной, какъ и повсюду на всемъ земномъ шарѣ. Я успѣлъ уже свыкнуться съ треской, привыкъ къ пирогамъ съ палтусиной, попробовалъ шанежекъ *). Со многими изъ туземцовъ познакомился, много ихъ успѣлъ полюбить и искренно, и сильно. Цѣлые вечера рѣшались въ живыхъ, пріятельскихъ бесѣдахъ. Было весело подчасъ, но не покойно отъ той тяготы, которую налагала неизбѣжная и неотразимая обязанность дальнаго странствія по прибрежьямъ Бѣлаго моря.

Но вотъ пришла и весна—мать красна; унесла Двина свой ледъ въ море, очистились улицы и отъ воды вначалѣ, и отъ грязи потомъ; быстро зеленѣла трава; въ сутки съ небольшимъ раскинулась она веселымъ зеленымъ ковромъ; скоро завязались и лопнули на деревахъ почки. Пріѣхали на судахъ севастопольцы. Я былъ увлечонъ въ общественную жизнь, (которая забила сильнымъ веселымъ ключомъ,) и на время схваченъ былъ ея водоворотомъ. Тянулись праздники за праздниками. Севастопольцамъ всѣ были рады.

Но вотъ, наконецъ, и это все миновало, и жизнь общественная опять заключилась въ свою обычную среду, потянулась своей обыденной колеей. Многіе изъ достаточныхъ жите-

---

*) *Шанежка*—архангельское лакомство, родъ булки, съ рыхлой внутренностью, съ исподкой, поджареной на маслѣ и облитая сверху сметаной. Вкусная шанежка составляетъ исключительную привиллегію архангельскихъ жителей, получившихъ за то отъ всѣхъ сосѣдей прозваніе *шанежниковъ*. Разсказывается, по-поводу шанежекъ, историческій анекдотъ о Петрѣ. Въ то время, когда уже основанъ былъ Петербургъ и къ тамошнему порту начали ходить иностранные корабли, великій государь, встрѣтивъ разъ одного голландскаго матроса, спросилъ его:

— Не правда-ли: сюда лучше приходить вамъ, чѣмъ въ Архангельскъ?

— Нѣтъ, ваше величество! отвѣчалъ матросъ.

— Какъ-такъ?

— Да въ Архангельскѣ про насъ всегда были готовы оладьи.

— Если такъ, отвѣчалъ Петръ:—приходите завтра во дворецъ: попотчую!

И онъ исполнилъ слово, угостивши и одаривши голландскихъ матросовъ.

лей выбрались на дачи за городъ въ сосѣднія деревни: на Кегъ-Островъ, въ Красное-Село, въ Сюзьму. Севастопольцы принялись за работы въ портѣ. Становилось душно. Закипѣла дѣятельность коммерческая въ соломбальской гавани. Архангельскъ, какъ-бы сосредоточившись весь тамъ, начиналъ стихать и смолкнулъ совсѣмъ, когда я отправился въ дальный путь по бѣломорскимъ прибрежьямъ. Многое я имѣлъ случай видѣть тамъ, слышать тамъ. Обо всемъ этомъ я постепенно говорилъ прежде въ надлежащихъ мѣстахъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я вернулся обратно въ Архангельскъ и не узналъ его. По городу рѣже разъѣзжали каптэны, значительно опустѣла гавань и какъ будто въ замѣну ея начиналась не менѣе шумная дѣятельность въ самомъ городѣ, для котораго наступило время Воздвиженской ярмарки. Вся она сосредоточилась около городской пристани, которой, между городскими рядами, предшествуетъ довольно большая площадь. Площадь эта на то время служила рынкомъ. Вся Двина предъ нею вплотную почти установлена была бѣломорскими судами разныхъ величинъ и наименованій: виднѣлись огромныя и безобразныя лодьи, неменѣе безобразныя, хотя и меньшаго калибра, раньшины; толпились каюки, барки, полубарки, шняки, паузки, шитики; видѣлись плоты разныхъ видовъ и наименованій; шныряли между ними легкіе карбаса и мелкія лодки. Шумъ и дѣятельность имѣли характеръ огромнаго, люднаго базара. Всѣ эти суда привезли поморскую рыбу съ дальныхъ бѣломорскихъ береговъ и Мурманскаго берега океана: треску, палтасину, семгу, сиговъ, и другую. Всѣ они нагрузятся потомъ хлѣбомъ, солью, лѣсомъ. Архангельскій людъ, на половину своего количества, нашолъ здѣсь себѣ работу; даже бабы—по здѣшному жонки—заняты выгодной поденной работой. Часть ихъ занялась промывкою на плотахъ крѣпко-просоленной трески; часть разсѣлась у наскоро-сплоченныхъ столиковъ и прилавковъ съ подходящимъ и идущимъ товаромъ: шерстяными чулками, перчатками, съ сапогами, ситцемъ, носильнымъ платьемъ въ видѣ готовыхъ красныхъ рубахъ, овчинныхъ полушубковъ. Между товарами этими рѣже другихъ бросается въ глаза значительное количество самодѣльныхъ, грубой работы компасовъ, имѣющихъ на языкѣ поморовъ названіе матокъ. Попадаются книги, картины московскаго издѣлія героическаго и

юмористическаго смысла; но бьетъ въ глаза пропасть деревянной посуды.

Народности спутались, разшумѣлись, занятыя сосредоточонно на собственныхъ интересахъ; но нѣсколько привычному взгляду можно отличить тутъ и рослаго богатыря помора-кемлянина, сумлянина, раздобрѣвшаго на мурманской трескѣ и расчистой, неистомляющей работѣ, и робкаго съ виду, менѣе разбитнаго и говорливаго жителя Терскаго берега. Подчасъ толкается тутъ, на рынкѣ, и узкоглазый, коротенькій, коренастый лопарь, и бойкій, юркій матросикъ, и острякъ гарнизонный солдатикъ, и идетъ съ развальцомъ шенкурскій мужичокъ *)—*ваганъ кособрюхой*, *водохлебъ*, съ кривой подпояской, съ огромной ковригой хлѣба за спиной и за однимъ плечомъ, съ вязкою луку за другимъ, съ деревянной ложкой на манеръ кокарды за ленточкой поярковой шляпы грешневикомъ. Между другими поморами можно отличить и мезенцовъ, прозванныхъ *сажоъдами* и *чернотропами* (за то, что у нихъ и избы обвѣсились, какъ бахрамою, сажей, и дороги и тропинки ихъ отъ этой сажи чорныя, черна и обувь ихъ, всегда замаранная)—и собственно поморовъ изъ-подъ Кеми и Сумы, прозванныхъ, въ свою очередь, *красными голенищами* за ту обувь, бахилы, которую они имѣютъ обыкновеніе шить изъ невыдѣланной тюленьей кожи. Прислушавшись къ говору, трудно отличить поселенцовъ одной мѣстности отъ другой, тѣмъ-болѣе, что говоръ имѣетъ по всему сѣверному краю поразительное сродство и сходство, какъ коренной, безпримѣсной новгородской говоръ.

Веденская ярмарка пустила по городу тотъ непріятный, одуряющій запахъ, который отдаетъ треска, но у бѣднаго обитателя Кузнецовской и Архіерейской слободокъ за обѣдомъ—любимое, вкусное и лакомое блюдо. Блюдо это, при иной об-

---

*) Жители Шенкурскаго уѣзда, называемые ваганами по рѣкѣ Вагѣ, протекающей по уѣзду, и верховиками, исключительно занимаются, какъ извѣстно, полевыми работами (хлѣбъ у нихъ родится хорошо) и работами лѣсными: сколачиваніемъ плотовъ, сидкою дегтя и пр. Промыслы ихъ не входили въ программу моихъ занятій и потому я тамъ быть не успѣлъ и по сроку, назначенному для путешествія. Въ Архангельскѣ являются шенкурцы на судахъ, въ качествѣ рабочихъ и лоцмановъ, провожающихъ къ порту вятскій хлѣбъ и другіе товары.

становкѣ, приправляемое цѣльнымъ, нефабрикованнымъ виномъ (которое, по словамъ знатоковъ, въ рѣдкость и для Петербурга)—блюдо тресковое не пропадаетъ и на столѣ богачей архангельскихъ.

И снова обращаешься, по поводу ярмарки, къ распросамъ у старожиловъ и слышишь отъ нихъ, что:

— Веденская ярмарка—кроха и большая, а соломбальская гавань, противъ ея, каравай большой. Беретъ тутъ деньгу богатой поморъ; кроха малая перепадетъ и на долю его работника. Вся сила въ большомъ капиталѣ: къ нему скоро простаетъ другой; а малый капиталъ такъ весь и разсыпается въ брызгахъ. Помору-работнику надо подарокъ женѣ, ребятенкамъ купить, да и себя не обидѣть. А богачу покупать нечего: у него и такъ всего вдоволь; а чаю, сахару и посуды онъ и въ Норвегѣ купитъ, да и цѣной подешевле горазно.

— Приноситъ ли пользу Веденская ярмарка городскимъ торговцамъ? спрашиваю я.

— Да развѣ это торговля? отвѣчаютъ мнѣ. Торговля эта съ крохи на кроху мелкотой пробирается: бабѣ отъ продажи на дырявое платьишко хватаетъ, да и съ голоду не мрутъ. А и дѣтямъ, особенно дѣвкамъ, много не надо—тѣмъ и корабельщики надаютъ. Объ этихъ родители не кладутъ своей заботы.

— За чѣмъ-же онѣ трудятся, зачѣмъ торгуютъ, когда нѣтъ въ томъ прибыли? спрашиваю я.

— А ужъ это стихъ такой въ городскихъ нашихъ, струя такая ходитъ, ровно-бы болѣзнь падучая. Какъ усидишь дома, какъ не разложишь лавочки, когда и сосѣдъ то же дѣлаетъ, и безъ гроша не гуляетъ, а и кофей пьетъ, и треску ѣстъ со сметаной и картофелемъ. У насъ въ городѣ-то всѣ торговцы и нѣтъ того человѣка, у котораго бы поднялась противъ этого дѣла совѣсть. Торговлей не брезгаютъ. Опять-же на рынкѣ разговоръ всякой идетъ, драки бываютъ, а это то, на дырявой бабій языкъ и ладно!

— А каковъ мужской полъ изъ простаго люда? спрашиваю я.

— Да мѣщане всѣ хорошіе работники и всѣ при дѣлѣ. Пьянствомъ и другимъ безчинствомъ попрекнуть нельзя. Да и здѣшняго горожанина рѣдко увидишь на улицѣ...

— На улицѣ все я вижу военный народъ: солдатъ и матросовъ...

— Вотъ этихъ похвалить хорошимъ нельзя. Да вотъ лучше разскажу я вамъ недавній и смѣшной случай. Пошла одна жонка въ торговую баню помыться; принесла съ собой и ребенка, да забыла мыла; ребенка положила въ корзинку съ бѣльемъ и пошла въ ближную лавочку за мыломъ. Купила мыла, вернулась назадъ. Хвать корзинки: нѣтъ корзинки. Взломила руки свои бѣдная, взвыла недаровымъ матомъ, а бѣдѣ пособить надо. Не спитъ цѣлую ночь, думаетъ въ полицію подать объявленіе. Въ тотъ же вечеръ въ соломбальскихъ казармахь перекличка была. Вызываютъ солдатъ по именамъ. Въ казармѣ тихо: только и слышно, съ разныхъ сторонъ; «я» да «я»; да вдругъ и раздался сторонній голосъ: закричалъ подъ одной койкой ребенокъ, и вора выдала рѣчь, и сталась баба съ ребенкомъ, матросъ съ леньками. Ребенокъ-отъ, стало-быть, спалъ крѣпко во всю дорогу, а ночь была темная на ту пору, осенняя.

— Ну, да ужъ этого объяснять не надо: и безъ того понятно.

— Когда же къ намъ, на Мезень? А отъ насъ и на Печору пробраться вамъ будетъ любопытно! говорили мнѣ тамошные поморы.

— А вотъ поправлюсь отъ дороги, да путь встанетъ, замерзнутъ тайболы! отвѣчалъ я и, наконецъ, дождался-таки своего времени.

Грустно бываетъ разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, тяжоло покидать многихъ людей, съ которыми успѣлъ и сойтись, и смолвиться! Предчувствуя тягости дальнаго пути, не охотно садишься въ кибитку, съ трудомъ борешься съ наплывомъ грустныхъ впечатлѣній и волей-неволей подчиняешься неизбѣжному закону обстоятельствъ и гнету житейскихъ случайностей.

То же сталось и со мной въ концѣ октября 1856 года, когда я оставлялъ Архангельскъ во второй разъ. Въ февралѣ слѣдующаго года я былъ не подалеку отъ него, въ Холмогорахъ, въ какихъ нибудь семидесяти верстахъ, въ девяти-часовомъ перегонѣ.

— Съѣздите въ Городъ? спрашивали меня тамъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ я вначалѣ.

— А не мѣшало-бы съѣздить! напоминали мнѣ потомъ.

— Едва ли поѣду! отвѣчалъ я на это потомъ, по долгомъ размышленіи. Не доставало для меня на тотъ разъ того дорогаго человѣка, котораго рано похитила могила, и боялся уже я Архангельска, и говорилъ уже, наконецъ, всѣмъ одно:

— Нѣтъ, не поѣду, ни за что не поѣду...

Въ концѣ февраля я уже оставлялъ Архангельской край для Петербурга и, признаюсь, не жалѣлъ объ немъ.

3. ХОЛМОГОРЫ СЪ ОКРЕСТНОСТЯМИ.

Исторія города.—Посѣщеніе Петромъ Великимъ.—Исторія заточенія браувшвейгскаго семейства.—Преданія о Ломоносовѣ и мѣсто его родины.—Село Вавгуча.—Баженинъ и преданія о Петрѣ I.—Путь на Холмогоры.—Развалины крѣпости Орлеца.—Упраздненные монастыри.

—

Три раза приводилось мнѣ быть въ этомъ городѣ. Безразлично и смутно мелькнулъ онъ въ первой проѣздъ мой, сумерками, изъ Петербурга въ Архангельскъ, когда я былъ истомленъ и слишкомъ тысячеверстнымъ путемъ, и пятидневною сосредоточонною скукой.

Во второй проѣздъ мой, когда уже порядочно примелькались въ глазахъ сотни поморскихъ селеній и три другихъ города, когда привычка успѣла уже заковать воображеніе и всѣ помыслы въ одну тоскливую и безразличную среду, когда уже можно было положительно сказать себѣ, что хуже видѣннаго и до-сихъ-поръ извѣданнаго не будетъ—Холмогоры показались мнѣ и тогда бѣднѣйшимъ изъ самыхъ бѣдныхъ городковъ нашего обширнаго и разнообразнаго русскаго царства.

Обязавши себя пристальнѣе вглядѣться и короче познакомиться съ городомъ, я, и послѣ того, пришолъ къ тому же заключенію, что надъ Холмогорами лежитъ роковая судьба безлюдья и бѣдности. Но, видно такова и его участь, какова участь многихъ другихъ древнихъ городовъ Россіи; видно, и здѣсь придется сказать себѣ: «бѣда тому городку, подлѣ котораго выстроится и разселится богатый и торговый сосѣдъ, со свѣжими силами, новыми взглядами на вещи, съ современнымъ пониманіемъ дѣла. Обезлюдѣетъ и загніетъ древній городокъ и останется за

нимъ старая честь, честное, неопозоренное, почтенное имя—и только».

Такова точно и судьба Холмогоръ, по отношенію къ нимъ Архангельска!

Считаю первымъ долгомъ припомнить исторію Холмогоръ и выяснить настоящую плачевную судьбу города—судьбу незаслуженную, но неизбѣжную, по смыслу всѣхъ судебъ историческихъ.

Строенъ ли онъ аборигенами сѣвернаго края—бѣлоглазою чудью, или торговыми, предпріимчивыми новгородцами—за этимъ ходить далеко и безуспѣшно *). Положительно извѣстно то, что мѣста, на которыхъ разбросался городъ, издавна служили мѣстомъ торжищъ, сходокъ, базаровъ для двинскихъ купцовъ. Три деревни: Курцево, Качковка и Падрокурья (именами этими называются и теперь части города Холмогоръ) служили именно этими мѣстами для торжищъ и не имѣли правительственнаго значенія: воеводы жили на Матигорахъ и Ухт-островѣ. Имени Холмогоръ еще не встрѣчается и, вѣроятно, его не было, по-крайной-мѣрѣ, въ XI вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ поселились въ трехъ деревняхъ заволоцкіе купцы, прибывшіе сюда изъ великаго и торговаго Новгорода. Удобство мѣста при широкой и глубокой рѣкѣ, пршедшей здѣсь многими рукавами, могло соблазнить купцовъ съ перваго взгляда и незачѣмъ было, повидимому, искать изъ за хорошаго лучшаго. И тутъ же такъ близка была рѣка Пинега со своимъ устьемъ—Пинега, прошедшая черезъ мѣста, богатыя лѣсною птицею и пушнымъ звѣремъ. Мезень посылала сюда свое сало, добытое изъ морскаго звѣря; Печора мѣха и кость. На все это заявлялъ сильное требованіе Новгородъ, все это шло изъ Новгорода въ руки Ганзы, въ заморскія страны. Шла туда же унская и нёнокская морская соль, скупаемая на Двинѣ вологжанами и устюжанами **).

---

*) По свидѣтельству Крестинина—автора «Начертанія исторіи города Холмогоръ» (Спб. 1790 г.), изд. Озерецковскаго—«въ 1738 г. ноября 26, въ большомъ архангелогородскомъ пожарѣ городская ратуша сгорѣла съ письменными древнихъ лѣтъ холмогорскими дѣлами».

**) По грамотѣ 1550 года, одни холмогорцы имѣли право скупать соль на мѣстѣ.

Росла двинская торговля (преимущественно солью) *), разростались вмѣстѣ съ нею и торговыя деревни. Къ нимъ пристроились даже три новыхъ селенія: слобода Глинки и приходы Никольскій и Ивановскій. Ширясь строенія, всѣ шесть слободъ пришли, наконецъ, въ ближайшее сосѣдство, удержали до нѣкотораго времени самостоятельность съ именами посадовъ, но потомъ получили одно имя *Холмогоръ*. Къ этому имени присоединилось названіе города, и лѣтописи начали уже чаще вспоминать объ новомъ городѣ и приводить въ сказаніяхъ его настоящее имя **). Въ первый разъ новгородская первая лѣтопись упомянула объ немъ подъ 6909 (1401) годомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Того же лѣта, на міру, на крестномъ цѣлованіи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ да Герасимъ Рострига съ князя великаго ратію наѣхвъ войною за Волокъ и взялъ всю двинскую землю на щитъ, безъ вѣсти, въ самый петровъ день, христіанъ посѣкли и повѣшали, а животы ихъ и товаръ поималъ; а Ондрея Ивановича и посадниковъ двиньскихъ Есипа Филиповича и Наума Ивановича изымаша. И Степанъ Ивановичъ, братъ его Михайло и Микита Головня, скопивъ около себѣ Важанъ и сугнавъ Анфала и Герасима, и бишася съ ними *на Колмогорахъ*, и отъяша у нихъ бояръ новгородскихъ Андрея, Есипа, Наума.»

---

*) Крестининъ говоритъ: «Не только холмогорцы, но и всѣ заволоцкіе монастыри солянымъ торгомъ обогащались и для того на Холмогорахъ содержали монастырскіе домы, кладовыя, амбары и прикащиковъ-монаховъ». Вольная соляная торговля продолжалась до начала XVIII вѣка.

**) Много было толковъ о происхожденіи этого названія. Производили его отъ финскаго слова kolm—три (деревни), но Крестининъ понималъ это проще. Онъ говоритъ: «Городъ лежитъ на острову. Къ западу отъ р. Оногры, въ разстояніи около двухъ верстъ, находится высокая гора и на ней старинная и главная деревня Матигоры. Къ югу за Курополкою, въ разстояніи около пяти верстъ, по западному рукаву Двины, стоитъ на высокой горѣ деревня Быстрокурья, противъ луговаго Паль-острова; высокая Ровдина (Родіонова) гора и того же имени деревня, обтекаемая восточнымъ рукавомъ Двины, составляетъ также сосѣдственное мѣсто къ Холмогорамъ. Самый восточный берегъ Двины, гдѣ противъ Ровдиной горы находится знатная деревня Вавчуга, представляетъ не низкую гору. Толь прекрасные виды естества, безъ сумнѣнія, подали причину назвать описуемое здѣсь селеніе *Холмогорами*, реченіемъ, сложнымъ изъ *горъ* и *холмовъ*.»

А, между-тѣмъ, городъ, усиливаясь многолюдствомъ, обстраивался домами и церквами, но не богатѣлъ, не богатѣлъ капиталами даже и въ то время, когда поморы начали свозить сюда морскіе промыслы, состоящіе въ рыбахъ, трескѣ и палтасинѣ, и въ кожахъ морскаго звѣря. Поморы вымѣнивали это на хлѣбъ, привозимый изъ плодородныхъ странъ, съ рѣки Ваги и и дальной Вятки. Но Холмогоры не богатѣли. «Сіе происходило—справедливо думаетъ Крестининъ—отъ того, что главные капиталы торгующихъ купцовъ изъ Новгорода проистекали и туда же возвращались; частію же потому, что монахи большими соляными торгами монастырямъ знатную прибыль отъ сего товара раздѣляли неощутительнымъ образомъ съ холмогорскими купцами и своимъ перевѣсомъ приводили ихъ въ ослабленіе нечувствительно. Монахи отъ избытковъ мірскаго богатства украшали свои монастыри каменными зданіями и великолѣпіемъ, а холмогорцы не могли воздвигнуть ни единыя каменныя церкви прежде 18 вѣка».

Къ тому же, вскорѣ быстро и сильно развилась торговля при портѣ святаго Николая, гдѣ образовался у монастыря Архангельскаго цѣлый городъ, открытый въ 1585 г. воеводами Нащокинымъ и Волоховымъ. Стали туда приходить иностранные корабли. Холмогоры потеряли съ той поры всю свою матеріальную силу и нравственное значеніе и вели свою исторію въ бѣдныхъ, незнаменательныхъ и скудныхъ чертахъ. Вотъ всѣ историческія преданія Холмогоръ въ хронологическомъ порядкѣ и повременной постепенности.

Въ 1587 году прибылъ сюда первый двинскій воевода, князь В. А. Звенигородскій. Имъ расчислены и вновь положены *сохи*, съ которыхъ казна должна была собирать свои доходы. До того времени правили Двинскою землею намѣстники и тіуны, но какъ тѣ, такъ и другіе вели долгую систему несправедливостей, обидъ и притѣсненій всякаго рода, такъ-что при управленіи послѣдняго изъ намѣстниковъ, Семена Микулинскаго-Апулкова, обнаружилось, по свидѣтельству двинскаго лѣтописца, «что намѣстникъ *оброкъ* сбиралъ на себя, а дань государю. *Оброкъ* этотъ (та же взятка) превосходилъ государственную подать; по писцовой книгѣ 1623 года видно, что всего денежнаго сбора было «тридцать девять рублевъ, двадцать пять

алтынъ, полторы деньги *). Намѣстниковъ, въ порядкѣ правительственныхъ распоряженій, замѣняли земскіе головы и двинскіе судьи, товарищи земскихъ головъ, избираемые изъ двинянъ голосами народа». Они—говоритъ двинскій лѣтописецъ—судили на Холмогорахъ въ верхней и въ нижней половинѣ до воеводскаго пріѣзду. При немъ начали на Холмогорахъ селиться англичане, строить собственные домы, какихъ не видывалъ городъ; строили амбары и учредили свою торговую контору. Тогда же и Холмогоры изъ посада переименованы были въ городъ, имѣвшій уже три (деревянныхъ) церкви: Спасопреображенскую, Крестовоздвиженскую и святаго апостола Іакова—брата Господня.

При воеводахъ историческія событія записаны двинскимъ лѣтописцомъ въ такомъ порядкѣ:

Въ 7116 (1608) году, при воеводѣ И. В. Милюковѣ Гусѣ, двинскій *народъ* судилъ и осудилъ на смертную казнь, какъ врага отечества, дьяка Илью Иванева сына Елчанина. Дьякъ этотъ, при участіи самаго воеводы, былъ неумолимымъ и крайне неумѣреннымъ въ своемъ лихоимствѣ. Особенно обнаружилось это лихоимство въ то время, когда онъ рѣшился всѣми мѣрами препятствовать двинянамъ отправлять на морскую службу *даточныхъ* (вольнонаемныхъ ратниковъ), которые должны были противостоять полякамъ и русскимъ измѣнникамъ. Воевода, во время народнаго суда, лишонъ былъ на три дни власти и содержался подъ крѣпкою стражею. Дьякъ же лихоимецъ, 10-го генваря, послѣ трехдневнаго заключенія въ тюрьму, былъ осужденъ и опущенъ, съ камнемъ на шеѣ, въ рѣку Двину.

Въ 7121 (1613) построенъ былъ деревянный острогъ за Глинками, въ нижной половинѣ, на самомъ берегу Двины. Острогъ тогда же населенъ былъ стрѣльцами и въ концѣ года имѣлъ уже случай счастливо противостоять нападенію поляковъ и рус-

---

*) На Рождество Христово волостные старосты съ предписаннаго числа сохъ приносили намѣстнику полоть мяса, десять хлѣбовъ, коробью овса, возъ сѣна. На Великъ-денъ (Св. Пасхи)—полоть мяса, десять хлѣбовъ. На петровъ день—одного барана и десять хлѣбовъ. Тіунъ получалъ противъ намѣстника половиною меньше. Но какъ тѣ, такъ и другіе имѣли право брать вмѣсто припасовъ и деньги.

скихъ измѣнниковъ, пришедшихъ сюда съ Ваги (см. ниже «Сійскій монастырь»). Въ 1621 году острогъ этотъ, во время весенняго ледохода, сломало и потому вмѣсто него выстроенъ былъ, между Курцевскимъ и Глинскимъ посадами, новый острогъ. Оба посада эти въ 1636 году потерпѣли опустошеніе отъ большаго пожара, при чомъ сгорѣла Владимірская церковь...

Въ 7163 (1655) переведены изъ города двинскіе стрѣльцы, раздѣленные на два приказа, въ Москву, а на мѣста ихъ присланы смоленскіе и дубровскіе гайдуки (460 человѣкъ). Въ слѣдующемъ году, на иждивеніе и трудами двинскихъ жителей, выстроенъ былъ на острожномъ мѣстѣ деревянный городъ вмѣсто палисадника съ двойною рубленою стѣною, пустота въ которой заполнена была землею. Въ 1674 году въ этомъ замкѣ построена была *первая* каменная палата для воеводскаго засѣданія съ дьякомъ во время суда и расправы.

Въ лѣто 7187 (1678), по указу государя царя Ѳеодора Алексѣевича и по благословенію верховныхъ пастырей, на Холмогорахъ, декабря 11-го дня былъ постъ всенародный отъ утра даже до вечера, соединенный съ церковною молитвою по великопостному уставу; тотъ же постъ былъ и на другой день, но только отъ утра до отпуска литургіи. А постилися всѣ люди, не исключая младенцевъ «за озлобленіе и скорбь отъ нашествія турскаго султана». Въ маѣ слѣдующаго года привезены были сюда и виновники двухдневнаго поста плѣнные татары и турки въ количествѣ 240 человѣкъ. Черезъ два года они были увезены обратно, кромѣ тѣхъ, которые успѣли уже въ эти два года окреститься.

«Въ лѣто 7191 (1682), октября въ 18 день, прибылъ на Холмогоры и принятъ съ великою честью отъ всего народа первый архіерей новоучрежденныя епархіи холмогорскія и важескія, архіепископъ Аѳанасій. Онъ расположилъ епископію свою на городищѣ, которое отъ сего времени городкомъ прозвано». Аѳанасій началъ свое правленіе тѣмъ, что выстроилъ каменныя и новыя деревянныя церкви, и въ томъ числѣ застроилъ соборную, каѳедральную во имя Спаса-Преображенья; огромностью и великолѣпіемъ—первая церковь по всей Двинѣ. Она была окончена въ 6 лѣтъ слишкомъ и освящена уже въ 1691 году. Въ 1688 г. августа 14 дня, архіерей освятилъ Успенскую церковь новаго женскаго монастыря, въ которомъ

первою игуменьей поставлена мать Аѳанасія «благословеніемъ своего сына»—добавляетъ лѣтописецъ.

Въ 7197 (1688) произведенъ въ мірской избѣ уравнительный окладъ для платежа казенной подати съ тяглыхъ домовъ девятью присяжными. Обложены были нѣкоторые въ 2 алтынахъ, и затѣмъ отъ 6½ до 3 денегъ съ *пирогомъ*; сверхъ-того, нашлось 922 человѣка бездворниковъ.

«Въ лѣто 7201 (1693), іюля въ 28 день, около полудня великій государь Петръ Алексѣевичъ прибылъ къ Холмогорамъ по ровдогорскому протоку на судахъ, вышелъ на берегъ изъ дощаника передъ стѣнами деревяннаго города, шествовалъ черезъ сію крѣпость къ соборной церкви въ каретѣ; передъ церковію встрѣтилъ его величество холмогорскій архіерей съ духовенствомъ. Государь, по совершеніи въ церквѣ краткія молитвы, изволилъ обѣдать съ боярами, по прошенію архіерея въ домѣ его епископскомъ. Царь обнощевалъ на судахъ, а на другой день, послѣ обѣда у воеводы, шествовалъ по Двинѣ къ городу Архангельскому. Какъ прибытіе, такъ и отбытіе его величества препровождаемо было на Холмогорахъ колокольнымъ звономъ и стрѣльбою изъ 13 городовыхъ пушекъ (привезенныхъ сюда еще въ 1613 году изъ города Архангельскаго).

«Холмогорское гражданство въ почесть царю государю, сверхъ хлѣба и соли, подвело двухъ великорослыхъ быковъ. Почесть сія принята милостиво и быки отправлены въ Москву по царскому повелѣнію».

«Въ лѣто 7202 (1694), въ 17 день іюля, великій государь царь Петръ Алексѣевичь миновалъ Холмогоры, шествуя къ городу Архангельскому на судахъ по восточному рукаву Двины рѣки (изъ села Вавчуги отъ Бажениныхъ). Въ 1702 году Петръ Великій черезъ Холмогоры съ сыномъ своимъ, великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, плылъ на мелкихъ судахъ».

Вотъ всѣ извѣстія о пребываніи Петра Великаго въ городѣ Холмогорахъ. Народное преданіе сохранило еще прозваніе *заугольниковъ*, которое будто-бы далъ великій государь холмогорцамъ, видя, что они, на первый пріѣздъ его, прятались по домамъ, а потомъ, постепенно привыкая къ царскимъ очамъ, начали выходить, но при приближеніи царя снова прятались за углы, въ калитки и оттуда уже глядѣли на Петра.

— Боялись они того, чтобы царь не взыскалъ съ нихъ, не

потребовалъ къ отвѣту, потому-что всѣ вѣдь наши предки были бѣглые новгородцы!—такъ мнѣ объяснялъ это событіе старикъ-холмогорецъ, подтвердившій это преданіе, но крѣпко обидѣвшійся, однако, когда я его въ шутку назвалъ заугольникомъ. Но продолжаю до конца дальнѣйшую исторію города.

Въ 1698 году, на 10-е число октября, весь Глинскій посадъ города Холмогоръ опустошился большимъ пожаромъ начавшимся отъ двора Соловецкаго монастыря. «Сей пожаръ (прибавляетъ Крестининъ въ своемъ «Начертаніи» исторіи города) достоинъ памяти не столько по великой гибели имѣнія жителей Глинскаго посада, сколько по тому, что сіе несчастное приключеніе было поводомъ къ уменьшенію гражданъ и къ упадку всего Холмогорскаго посада. До сего времени холмогорскіе купцы и ремесленики, во время ярмарки, проживали въ сосѣдственномъ городѣ Архангельскомъ лѣтнее время, а осенью возвращались въ домы съ желаемыми прибытками отъ торговли; но послѣ сего пожара многіе изъ холмогорскихъ гражданъ не захотѣли на мѣстѣ погорѣлыхъ своихъ домовъ строить новые домы, и начали поселяться въ городѣ Архангельскомъ»...

Промежутокъ времени между началомъ и половиною прошлаго XVIII столѣтія для Холмогоръ не замѣчателенъ ни однимъ изъ особенно важныхъ событій. Но въ 1744 году случилось событіе загадочное для туземцовъ, печальное по своимъ послѣдствіямъ и въ самой сущности.

Вотъ что разсказываютъ объ немъ:

Въ 1744 году, 26-го октября вечеромъ, когда архіерей Варсонофій въ своей крестовой церкви служилъ вечерню, является въ алтарѣ дворцовый офицеръ съ приказаніемъ, чтобы епископъ немедленно очистилъ свой домъ и выѣхалъ бы въ другой. Варсонофій противился, указывалъ на краткость срока, на невозможность найти удобное помѣщеніе въ бѣдномъ городкѣ; но приставъ, именемъ царскимъ приказалъ архіерею молчать и немедленно же приступить къ исполненію его требованія. Варсонофій перешелъ жить въ деревянный домъ за озеромъ, построенный имъ для лѣта. Старый, огромный домъ архіерейскій строенъ былъ архіепископомъ Аѳанасіемъ (на 6,500 рублей, шесть лѣтъ); служилъ съ 1691 года, втеченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ, жилищемъ холмогорскихъ архіереевъ. Въ 1744 году взятъ онъ былъ въ казенное вѣдомство. Его огоро-

дили со всѣхъ сторонъ длиннымъ и высокимъ тыномъ съ заостренными наверху бревнами и плотно скрѣпленными между собою. Внутри обширнаго двора построена была вскорѣ казарма, подлѣ воротъ тогда же поставлена другая казарма. Таинственность приготовленій и построекъ, совершонныхъ въ изумительно короткій срокъ, наводила ужасъ на всѣхъ холмогорцевъ; но ничего нельзя было узнать, ничего вывѣдать. На распросы у приставниковъ получались грубые совѣты молчать, впредь не спрашивать; часто сильныя угрозы и въ рѣдкихъ случаяхъ—одно гробовое, упорное молчаніе. День и ночь кругомъ зачурованнаго острова ходила стража, не подпускавшая къ мрачному зданію, на ружейной выстрѣлъ, ни одного человѣка. Никогда не отпирались ворота, ведущія изъ острога къ сторонѣ Преображенскаго собора; по временамъ только скрипѣли они, когда пріѣзжалъ въ Холмогоры архангельскій намѣстникъ, и опять замыкались эти ворота на неизвѣстный срокъ и время, когда черезъ полсутки уѣзжалъ намѣстникъ назадъ. Строго запрещено было холмогорцамъ толковать между собою объ этомъ зданіи на домахъ; зорко слѣдила стража за всякимъ. Только украдкою успѣвали передавать другъ-другу холмогорцы, что за высокимъ тыномъ заключонъ какой-то *секретный арестантъ*. Но и это слово брошено было на общее любопытство какъ-то случайно, какимъ-то солдатомъ и то подъ пьяную руку, въ крайнюю минуту сердечной откровенности.

Усилившаяся въ городѣ дороговизна на съѣстные припасы возбудила общее недовольство, которое сдерживалось всѣми про себя. Не сдержалъ это одинъ только холмогорецъ, который разъ рѣшился высказаться главному приставу, генералу.

Генералъ велѣлъ смѣльчаку замолчать и пригрозилъ даже тѣмъ, «что можетъ-де быть и хуже и онъ можетъ сдѣлать такъ, что завтра же ему совсѣмъ не дадутъ ѣсть»...

Холмогорцы продолжали оставаться въ невѣдѣніи; но только безнаказанно могли видѣть одно, что у старшаго генерала, и у всѣхъ его помощниковъ, у всѣхъ офицеровъ мундиръ былъ съ однимъ эполетомъ. Разъ какому-то счастливцу удалось обмануть бдительность сторожей и сквозь щель въ частоколѣ острога увидѣть высокаго, худощаваго старика, съ сѣдыми волосами, въ бархатномъ кафтанѣ съ свѣтлыми пуговицами, подлѣ него женщину, всю въ чорномъ, и четырехъ малютокъ. Стар-

шіе гуляли по рощѣ, примыкавшей къ дому, младшіе катались въ шлюпкѣ по пруду, которымъ заканчивалось огороженное тыномъ мѣсто. Между тѣмъ могъ онъ различать двухъ мальчиковъ-маленькихъ и двухъ дѣвочекъ-подростковъ. Гораздо позднѣе какой-то солдатъ, и тоже подъ пьяную руку, проболтался, что маленькихъ не учатъ грамотѣ и никакому рукодѣлью, и что-де это такъ и велѣно. Разъ, и тоже случайно, узнали холмогорцы, что двухъ барышенъ привозили въ Матигоры на сняткахъ, на крестьянскія посидѣлки. Одни полагали причиною такой льготы большой подкупъ, другіе положительно не вѣрили, и всѣ до единаго, втеченіе цѣлыхъ *тридцати-семи лѣтъ*, не знали, кто были заключенные, за что они привезены сюда и подвергнуты такому строгому аресту?

Въ 1781 году вдругъ неожиданно отворены были ворота, сломанъ острогъ, уже замѣтно одряхлѣвшій отъ времени, и въ старомъ, опустѣломъ архіерейскомъ домѣ велѣно было помѣстить вновь учрежденную мореходную школу.

Тогда только холмогорцы узнали, что здѣсь была заключена бывшая правительница государства, принцесса Анна Леопольдовна, съ супругомъ своимъ принцомъ Антономъ-Ульрихомъ и дѣтьми; но всетаки боялись еще разсказывать и толковать между собою вслухъ.

Несчастные плѣнники привезены были сюда, какъ извѣстно, изъ Раненбурга. Вмѣстѣ съ Анною Леопольдовною, кромѣ мужа, привезены были двѣ малолѣтнихъ дочери, принцессы. Здѣсь у заключенныхъ родились еще двое: въ 1745 году принцъ Петръ и въ 1746 принцъ Алексѣй. Здѣсь же въ 1746 году, отъ родовъ и тоски, умерла принцесса Анна и здѣсь же, наконецъ, скончался въ 1776 году и принцъ Антонъ-Ульрихъ.

Разсказываютъ, что, когда мореходная школа передена была въ Архангельскъ и мѣсто это назначено было въ 1798 году для Успенскаго женскаго монастыря, находившагося до того времени въ трехъ верстахъ отъ города, и когда рыли фундаментъ для соборнаго храма, землекопы нашли гробъ, въ которомъ лежали чьи-то кости, заключенныя въ бархатный кафтанъ. Нѣкоторые приняли это за кости Антона-Ульриха, другіе предполагали въ нихъ кости его камердинера, или кого-либо изъ ближнихъ приставниковъ, потому-что и эти не выпускались за

стѣны таинственнаго зданія и, вѣроятно, погребались также внутри ихъ.

Въ 1781 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, брауншвейгское семейство — сироты Анны Леопольдовны были освобождены. Тайно, ночью, ихъ перевезли на приготовленную на Двинѣ яхту. Яхта привезла ихъ къ Новодвинской крѣпости (по другимъ, къ Архангельску, въ домъ Крылова — единственный существовавшій тогда каменный домъ). Въ новомъ мѣстѣ заточенія принцессы содержались также подъ строгимъ секретомъ и крѣпкимъ карауломъ, пока готовился фрегатъ «Полярная Звѣзда». На этотъ фрегатъ ихъ и посадили, также ночью, 30 іюня 1781 года, и свидѣтели этого событія разсказывали, что одна изъ принцессъ, словно помѣшанная, дико блуждала кругомъ глазами, а другая вырвалась изъ рукъ, билась грудью о землю и не хотѣла идти на фрегатъ. Но когда всѣ усилія ея оказались тщетными, она схватила въ руки горсть земли и, горько и безутѣшно рыдая, безропотно уже подчинилась судьбѣ. Фрегатъ «Полярная Звѣзда» отвезъ принцессъ въ Данію, въ Бергенъ, гдѣ, какъ говорятъ, старшая умерла отъ тоски; другая, младшая, пережила всѣхъ своихъ родныхъ и умерла отъ глубокой старости въ концѣ сороковыхъ годовъ.

— За что же вы думаете сосланы они были сюда? спрашивалъ я разсказывавшаго мнѣ объ этомъ событіи холмогорца.

— А они противъ царицы Анны Ивановны пошли. Разъ государыня-то пригласили его, Антона, войска осматривать. Антонъ и задумалъ умертвить государыню и для этого приготовилъ убійцъ, разставилъ ихъ подлѣ моста, черезъ который имъ надо было проѣзжать къ войскамъ? Мостъ былъ на тотъ случай надломленъ. Одинъ изъ заговорщиковъ извѣстилъ обо всемъ этомъ государыню. Та повелѣла разставить стражу по лѣсу, саженяхъ въ пятидесяти отъ моста, и «какъ-де бѣлымъ махну, тогда вы и хватайте заговорщиковъ». Такъ и сдѣлано. Заговорщики всѣ переиманы; они же тутъ и на предводителя своего указали. Когда ихъ прислали къ намъ на Холмогоры — жили они у насъ бѣдно; всѣ свои дорогія вещи, всѣ свои брилліанты на свои нужды продали), Антонъ послалъ два письма въ Питеръ. Одно-де, слышь, не дошло, а въ другомъ онъ писалъ такое, что пущай-де я за свои грѣхи мучаюсь, по дѣламъ; за что дѣти-то, молъ, мои, неповинные младенцы, Богу негрѣшные,

страдаютъ? повели ихъ помиловать. Царица Елизавета взяла старшаго сына (Іоанна Антоновича!?) и указала ему быть при дворѣ и жить во дворцѣ, какъ словно бы царевичу. Онъ и жилъ, да разъ зашалилъ что-то, ему Разумовскій князь и пригрозилъ пальцомъ. Вспыхнулъ. Сталъ сердиться, да и вымолвилъ, что я-де царемъ буду, а ты-де мнѣ грозить не смѣешь. Тотъ молвилъ государынѣ, что вотъ-де змѣю подлѣ себя отогрѣваете. Его и сослали въ Шлюшинъ городъ, а тамъ и убили ...

— У насъ тутъ (говорили мнѣ другіе) старушка жила, Анна Ивановна (умерла въ прошломъ 1855 году); она была жена одного изъ приставниковъ. У ней было много вещей этихъ принцовъ (послѣ смерти за безцѣнокъ распродавали ея наслѣдники). Скатерти были, салфетки, ножи, вилки, ложки съ вензелями, булавка была съ орлами (въ соборъ завѣщала на образъ), оловянныя тарелки были съ орлами же по краямъ.

— А вотъ тебѣ на память двѣ пуговицы, съ его, слышь, кафтана спороты! говорилъ мнѣ въ заключеніе мой разсказчикъ-старикъ.

Пуговицы эти, сохранившіяся въ моихъ рукахъ, не представляютъ ничего особеннаго: онѣ мѣдныя, съ чеканенными рѣзными кружечками; на нѣкоторыхъ изъ этихъ фигуръ сохранились какъ-будто краски зеленая и синяя. Чеканъ очень красивъ и фигуры затѣйливы....

Но оканчиваю исторію заключенія брауншвейгскаго семейства.

Фрегатъ «Полярная Звѣзда», отвозившій холмогорскихъ плѣнниковъ, возвратился въ Архангельскъ. Всѣ участники въ этой экспедиціи, раздѣлявшіе плѣнъ брауншвейгскаго семейства, были щедро награждены царскими милостями. Матросы получили за городомъ земли для обработки подъ хлѣбъ, были освобождены отъ податей и составили, такимъ образомъ, небольшое, но особое сословіе *вольныхъ мореходцевъ*. Потомки ихъ въ небольшомъ уже числѣ населяютъ и теперь такъ-называемую *Секретную* (а иногда и *Морскую*) слободку, расположенную въ полуверстѣ за городомъ и въ верстѣ отъ Дѣвичьяго монастыря. Но слобода эта приходитъ годъ отъ году въ запустѣніе и разрушеніе; а Дѣвичій монастырь, стоящій на мѣстѣ заточенія, усиливается числомъ инокинь и средствами къ дальнѣйшему, безбѣдному существованію. Въ немъ каменная церковь во имя Успенія, каменныя кельи для игуменьи и монахинь; ограда вокругъ мона-

стыря тоже каменная. Церкви Зачатія св. Анны, вошедшей въ ограду, удалившую отъ свѣта семейство Анны Леопольдовны, теперь уже не существуетъ.

Бантышъ-Каменскій, во II томѣ своего «Словаря достопамятныхъ людей русской земли», въ біографіи Іосифа Ильицкаго, архимандрита полтавскаго монастыря, сообщаетъ слѣдующее: «онъ отправленъ былъ императрицею Екатериною II, въ 1794 году, въ Ютландію къ содержавшимся въ городѣ Горсензѣ, подъ датскимъ присмотромъ, несчастнымъ дѣтямъ правительницы Анны и Антона Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. Онъ засталъ въ живыхъ только принца Петра и принцессу Екатерину, родившуюся 15 іюля 1741 года (принцъ Іоаннъ и принцесса Елизавета, умная, переписывавшаяся неоднократно съ императрицею, скончалась въ Горсензѣ до прибытія Іосифа (1765 и 1782 годахъ). «Принцъ Петръ, по словамъ архимандрита Іосифа, былъ крѣпкаго и здороваго сложенія, небольшаго роста, имѣлъ важный видъ, который соединялъ, однакожъ, съ чрезвычайною робостію и до такой степени простиралъ оную, что прятался каждый разъ, когда узнавалъ о пріѣздѣ къ нимъ датскаго наслѣднаго принца; великаго труда стоило уговаривать его являться къ Фридриху *); принцесса Екатерина лишилась слуха въ тотъ самый день, какъ братъ ея Іоаннъ лишился престола; ее тогда уронили. Главное, единственное увеселеніе ихъ состояло въ картахъ, и Іосифъ принужденъ былъ принимать участіе въ его невинной забавѣ. Серебряный рубль, съ изображеніемъ младенца-императора — рубль, которымъ чрезвычайно дорожила принцесса Екатерина, напоминалъ имъ о прошедшемъ величіи. Они говорили только по-русски, почему не могли сами объясняться съ принцемъ. Смотря на нихъ, Фридрихъ и супруга его изъявляли сожалѣніе; датскій придворный штатъ находился въ Герсензѣ безотлучно. Принцъ Петръ скончался на рукахъ Іосифа (1798 г.), какъ истинный христіанинъ, съ твердымъ упованіемъ на Всемогущаго, на 52 году отъ рожденія; принцесса Екатерина переселилась въ вѣчность въ 1807 году, по отъѣздѣ въ Россію архимандрита Іосифа. Че-

*) Датская королева, какъ извѣстно, была ихъ родственница, и по ея-то ходатайству Екатерина II освободила ихъ изъ Холмогоръ.

тыре гробницы отраслей Іоанна, заключающіе бренные останки ихъ, стоятъ на виду въ горсензской лютеранской церкви». Свѣденія сіи, сообщенныя мнѣ Іосифомъ, чрезвычайно любопытны для отечественной исторіи. Тайна прошедшихъ лѣтъ не можетъ быть тайною въ наше время. Потерявъ всю свою важность, сливается она съ обыкновенными событіями и составляетъ, такъ сказать звено оныхъ. Архимандритъ Іосифъ *) подарилъ мнѣ рисунокъ, изображающій первоначальное мѣсто заключенія дѣтей правительницы Анны, въ Холмогорахъ — подарокъ драгоцѣнный, какъ произведеніе руки принцессы Екатерины, неучившейся рисовать, но за всѣмъ тѣмъ искусно представившей свое уединенное убѣжище. Домъ, занимаемый ими, былъ довольно обширенъ, о двухъ этажахъ; кромѣ высокой ограды, церкви, пруда и нѣсколькихъ разсаженныхъ въ разныхъ мѣстахъ, деревьевъ, ни что не увеселяло взора ихъ»!

Подлѣ самаго монастыря, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, стоитъ съ отдѣльною церковью 12-ти апостоловъ старинное и величавое своею древностію, напоминающее архитектуру московскаго Успенскаго собора, зданіе (холоднаго) Преображенскаго собора, въ настоящее время лишонное уже своей каѳедры, которая перенесена въ 1762 году въ Архангельскъ. Храмъ этотъ нѣкогда почитался лучшимъ во всей губерніи; но теперь онъ уже измѣнился во всей внутренности къ худшему: позолота мѣстами сошла, мѣстами почернѣла; живопись значительно стушевалась. Соборъ обдаетъ и поражаетъ съ перваго взгляда особенною мрачностью, въ смѣси съ величіемъ, особенно если сосредоточить свой взглядъ на стѣнахъ южной и сѣверной стороны. Вдоль этихъ стѣнъ стоятъ гробницы, накрытыя чорными бархатными пеленами, подъ которыми погребены въ склепахъ тѣла бывшихъ важескихъ и холмогорскихъ владыкъ. Тутъ, надъ каждой гробницей, висѣли портреты усопшихъ съ ихъ біографіями (за сыростью портреты эти сняты). Тутъ можно было видѣть и умный ликъ перваго архіепископа Афанасія — любимца Петра, ревностнаго противника раскола при самомъ

---

*) Умеръ 20 сентября 1824 г. Онъ, по словамъ того же Бантышъ-Каменскаго, свободно объяснялся на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

его началѣ. Аѳанасій былъ безъ бороды, которую онъ имѣлъ право, по преданію, брить послѣ того случая, когда на московскомъ соборѣ наскочилъ на него Никита Пустосвятъ и въ ярости вырвалъ ему одну половину бороды такъ, что послѣдняя уже не могла рости на прежнемъ мѣстѣ, образовавши шрамъ. Тутъ же рядомъ съ Аѳанасіемъ погребенъ и преемникъ его каѳедры — Рафаилъ, затѣмъ Варнава и Германъ, Ааронъ, строгій по дѣламъ управленія, взыскательный Варсонофій, тотъ Варсонофій, который велѣлъ одному священнику, взявшему съ раскольника взятку пудъ трески, обрить пол-головы и полбороды и привести его на мѣсто вѣчнаго заключенія въ архангельскій монастырь, и съ тѣмъ, однакожъ, чтобы здѣсь обрить ему, въ свою очередь, остальныя пол-головы и пол-бороды. Затѣмъ, здѣсь же, въ Преображенскомъ соборѣ, похоронены Іоасафъ, который первымъ изъ архіереевъ переѣхалъ жить въ Архангельскъ, и Аполлосъ.

Изъ другихъ церквей холмогорскихъ нѣтъ ни одной замѣчательной древностію: теплая соборная во имя святыхъ двунадесяти апостоловъ построена въ 1761 году; тогда же выстроена и каменная глинская церковь о двухъ апартаментахъ. Другія церкви: Введенія во храмъ, нижнепосадская Рождества Христова и кладбищенская западнокурская во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Изъ другихъ остатковъ древности памятны были жителямъ остатки крѣпостнаго вала со впадинами (вѣроятно амбразурами); но теперь ихъ замыли дожди и весенніе разливы Курополки. Нѣкогда валъ этотъ одѣтъ былъ деревяннымъ срубомъ, который послѣ сгорѣлъ, говорятъ, отъ молніи. Съ трудомъ, но еще можно (по лѣтамъ) наслѣдить остатки рва, окружавшаго крѣпость.... И только!...

Г. Верещагинъ, авторъ «Очерковъ Архангельской губерніи», находитъ, что дома Курцова и Глинокъ самые старинные, потому что въ одинъ эдажъ. Но это слабое доказательство, и тѣмъ болѣе, что подъ домами у нихъ кладовыя. Онъ же самъ ниже удивляется огромному количеству чулановъ, анбаровъ, кладовыхъ, говоря: «комнатъ всего двѣ, много—три; остальное пространство огромнаго дома занято пустыми чуланами», *пустыми* оттого — прибавляю я отъ себя — что торговля Холмогоръ пала, а множество чулановъ и кладовыхъ надобилось тог-

да, когда процвѣтали въ томъ краю заволоцкіе торги. Правда, что до сихъ еще поръ дома, по старому завѣту и обычаю, строятся странно и неудобно: «крылецъ нѣтъ и надобно много умѣнья, чтобы изъ входа, сдѣланнаго прямо въ стѣнѣ, добраться до лѣстницы и не попасть либо въ чуланъ, либо въ хлѣвъ *»). Хлѣвовъ и скотныхъ дворовъ въ Холмогорахъ оттого много, что, какъ извѣстно, главнымъ промысломъ здѣшнихъ жителей служитъ скотоводство и именно разведеніе коровъ голландской породы.

Эта голландская порода рогатаго скота прислана была сюда еще Петромъ Первымъ, который въ слѣдующемъ же по присылкѣ году (1693) получилъ въ подарокъ отъ города двухъ великорослыхъ быковъ. Въ 1819 году доставлено было сюда, по высочайшему повелѣнію, изъ Англіи, еще 16 коровъ и 6 быковъ; но они не привились къ туземнымъ породамъ: скотъ этотъ вскорѣ же изчезъ, какъ бы не выдержавши соперничества съ голландскимъ скотомъ, успѣвшимъ акклиматизироваться въ особую породу, извѣстную подъ общимъ именемъ *холмогорской*. Порода эта отличается крупнымъ ростомъ и особенно славится своею молочностью; нѣкоторыя коровы даютъ отъ 2 до 3 ведеръ въ сутки. Холмогорскій скотъ обыкновенно отправляется въ продажу (въ Петербургъ до 500 головъ) живымъ; много мяса отправляется въ Англію; бо́льшая часть съѣдается корабельщиками въ архангельскомъ портѣ, такъ что въ самыхъ Холмогорахъ мясо и дорого сравнительно, и иногда его труднѣе достать, чѣмъ, напримѣръ, дичи или рыбы. Разведенію скота въ Холмогорахъ много способствуютъ сочные луга, окаймляющіе Холмогоры и сосѣднія деревни. Особенно скотъ рѣзко ме-

---

*) Въ другомъ мѣстѣ г. Верещагинъ чрезвычайно справедливо замѣчаетъ, «что холмогорцы сущіе нелюдимы», и потомъ прибавляетъ: «Всякій домъ всегда запертъ и надобно долго стучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ, придѣланнымъ къ воротамъ, чтобъ войти въ него. Незнакомаго не тотчасъ впустятъ: сперва разспросятъ его чрезъ маленькое окно кто онъ, откуда и зачѣмъ, и потомъ уже, если нужно, отворятъ ему дверь». Показаніе это бросается наблюдателю съ перваго взгляда и справедливость его продолжаетъ преслѣдовать во все время пребыванія въ этомъ городѣ. Холмогорцы, въ этомъ отношеніи, истые *заугольники* — скажу я словами Петра Великаго.

чется въ глаза, сопоставленный съ другими поморскими породами; приземистый, дряблый скотъ странъ поморскихъ, воспитанный на приморской травѣ и соломѣ, подчасъ облитой особымъ пойломъ изъ сельдяныхъ головокъ, въ сравненіи съ массивымъ холмогорскимъ, не больше, какъ телята. Говорятъ, однако, что остальной поморскій скотъ выгоднѣй и благодарнѣй холмогорскаго (особенно скотъ мезенской) для откармливанья. Говорятъ также, что порода холмогорскаго скота съ десятками лѣтъ замѣтно измельчала, но что, наконецъ, и въ настоящее время отхаживаются въ иной годъ такія крупныя животныя, которыя дивятъ даже привычныхъ знатоковъ.

Вторая причина извѣстности во всей Россіи, доставшейся на долю Холмогоръ, имѣетъ своимъ основаніемъ промыселъ костяными подѣлками, которыя вытачиваются по всѣмъ сосѣднимъ съ городомъ селамъ и деревнямъ. Преимущественно же развитъ этотъ промыселъ на Ма́тигорахъ (по всей волости), въ Ухтъ-островской болости, но въ самыхъ Холмогорахъ онъ уже оставленъ, да и держался, какъ говорятъ, недолго. Основателемъ этого промысла, по преданію, почитается зять Ломоносова Головинъ, научившійся этому мастерству въ Петербургѣ. Вернувшись на родину, онъ завѣщалъ это мастерство своимъ землякамъ, изъ которыхъ Лопатинъ остался въ преданіи, какъ лучшій знатокъ своего дѣла. Онъ имѣлъ случай поднести свои издѣлія въ 1818 г. императору Александру I. Въ настоящее время промыселъ костяными издѣліями значительно распространился. Нѣкоторые костяники переселились даже въ Архангельскъ. Требованія на костяныя подѣлки идутъ часто съ заграничныхъ кораблей, куда приготовляются по бо́льшей части изъ говяжьихъ костей шкатулки съ арабесками на крышкѣ, и по стѣнкамъ, подобранными разноцвѣтной фольгой. Много подѣлокъ изъ тѣхъ же костей въ видѣ ножей, чайныхъ ложекъ, вилокъ идутъ по крайне-дешовымъ цѣнамъ во внутръ Россіи. Предметы настольной, кабинетной роскоши: ножи для разрѣзанья печатныхъ листовъ, шахматы, фермуары, иконы, вырѣзаемыя по кіевскимъ и московскимъ святцамъ, дѣлаются большею частію по заказамъ и по значительно дорогой цѣнѣ. Цѣна эта замѣтно спадаетъ на предметы уже готовые (по бо́льшей части наперстки, игольники, игрушки, изображающія всегда одну и ту же пару оленей, запряжонныхъ въ самоѣдскія санки). Всѣ эти вещи

(большія доходятъ до 25 руб. сер.) на заказъ стоятъ въ высокой цѣнѣ; но принесенныя на домъ, особенно передъ большими праздниками и передъ ярмарками (когда костяникамъ преимущественно надобятся деньги), отдаются ими почти за безцѣнокъ. Причиною того надо полагать во первыхъ и трудность сбыта въ коммерческія руки, и отчасти топорную аляповатость самой работы. Некому доставить костяникамъ хорошіе, правильно начерченные рисунки (работаютъ они бóльшею частію на память, на махъ, или по рисункамъ, ими же безобразно начерченнымъ); некому показать костяныя бездѣлки поразительно изящной заграничной нюренбергской работы, въ сравненіе съ которыми наши холмогорскія не выдерживаютъ никакой критики. А между тѣмъ нѣкоторые мастера, по лучшимъ заграничнымъ рисункамъ, умѣютъ дѣлать безукоризненныя вещи (какъ, напримѣръ, Бобрецовъ на Матигорахъ), и, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ неграмотный, не умѣющій рисовать, и всѣ до единаго прибѣгаютъ еще къ секретамъ (по одному, напримѣръ, приготовляютъ цѣпочки изъ безконечно-мелкихъ колечекъ, продѣтыхъ одно въ другое). Кость въ сыромъ, невыдѣланномъ видѣ холмогорскіе костяники покупаютъ обыкновенно на двухъ пинежскихъ ярмаркахъ (Никольской и Благовѣщенской), куда эти моржевые клыки и мамонтовые рога привозятъ съ дальной Печоры ижемскіе зыряне и самоѣды Большеземельской и Канинской тндуръ.

Три раза въ годъ отправляются большіе гурты рогатаго скота въ Петербургъ; костяная работа занимаетъ не одну сотню рукъ; въ городѣ есть два кожевенныхъ завода; на улицахъ то и дѣло слышишь звонъ почтоваго колокольчика; мимо Холмогоръ прошли два большихъ главныхъ русскихъ тракта, а между-тѣмъ, городъ такъ бѣденъ: дома расшатались и погнили, узкія и кривыя улицы, вытянутыя какими-то углами на пространствѣ двухъ-трехъ верстъ, глядятъ печально и непривѣтливо; внутренность церквей потускнѣла отъ запустѣнія какъ-будто и отъ крайной скудости; мосты во многихъ мѣстахъ рухнули; съ нѣкоторыхъ домовъ сорвало крыши, сорвало, наконецъ, и стропильный остовъ. А между-тѣмъ окрестныя деревни обстроены втрое лучше; сосѣднія сельскія церкви не только не уступаютъ, но даже въ нерѣдкихъ случаяхъ и превосходятъ убранство городскихъ церквей.

— Отчего это? спрашивалъ я у холмогорцовъ.

— Оттого, отвѣчали мнѣ:—что наши купцы всѣ въ Архангельскъ выѣхали и сколько ихъ нѣтъ тамъ изъ русскихъ богатыхъ—всѣ были наши холмогоры. Двое изъ здѣшныхъ ладятъ и въ будущемъ году отписаться туда же. Лови ихъ! А въ деревняхъ сосѣднихъ богачи попадаются отъ того, что либо дочка нашего богатѣля туда отцовскія деньги увела, либо холмогоръ нашъ богатой съ хорошей женой своей пріютился. Бываетъ и эдакъ! Жить-то, вѣдь, по здѣшному понятію, все едино въ деревнѣ ли, въ городѣ...

— А отчего у васъ такъ много кабаковъ? Такого поразительно-большаго количества я не встрѣчалъ нигдѣ, не только въ вашей губерніи, но даже и въ очень-многихъ другихъ. Кабаки эти чуть ли не на каждомъ перекресткѣ.

— Думаешь пьемъ много?

— Непремѣнно.

— Нѣту, ей-богу, нѣту! Намъ пить не на што. А кабаковъ этихъ много отъ того, что у насъ каждую недѣлю торги живутъ: вся окольность съѣзжается.

Базаръ этотъ я видѣлъ. Онъ такой же людный, такой же шумливый и разнообразный, какъ и вездѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ живетъ промысловый и толковый народъ. Холмогорскіе торговцы, подперши шестомъ крышки своихъ лавокъ, разложили красные товары: всякую мелочь въ родѣ платковъ, тесемокъ и лентъ; въ нихъ сильно нуждаются сосѣднія дѣвки и бабы. Сюда же навезено было много желѣза изъ матигорскихъ деревень, которыя всѣ почти и по преимуществу заняты кузнечнымъ мастерствомъ. Охотно разбиралась деревенскими и поморская рыба; между сортами ея особенно рѣзко давала знать о себѣ любимая треска, отшибающая, по обыкновенію, крѣпкимъ амміакальнымъ своимъ запахомъ. Много видно было посуды деревянной и желѣзной, много веревочной и кожаной сбруи и очень-много сортовъ кожи всякаго рода, которая преимущественно разбирается по мелочамъ въ родѣ подошвъ, голенищъ, кнутовъ и проч.

Костяники въ этотъ день ходили по домамъ въ числѣ четырехъ—пяти человѣкъ. Между издѣліями ихъ попадались по большей части распятія и разнаго вида образа, выточенные изъ моржовой кости, менѣе бѣлой и плотной, и изъ мамонто-

вой, отличающейся отъ всѣхъ прочихъ поразительною бѣлизною и млечностью цвѣта.

Въ полдень этого дня (четверга) по домамъ слышались многіе и долгіе разговоры о сосѣднихъ новостяхъ. Деревенскіе родные навѣстили холмогорскихъ хозяевъ и угощаются сдобными тетёрками на хорошомъ маслѣ, булками, какъ архангельскіе шанежки (родъ оладей), какъ приволжскіе жаворонки, составляющими здѣсь мѣстную характеристическую особенность. Къ вечеру на улицѣ раздавались долгія и громкія пѣсни, слышался гульливый крикъ и шумъ, неизбѣжный во всякой народной сходкѣ. Ночью, по временамъ, раздавались усиленные крики, затѣвалась какъ-будто драка, можетъ-быть, съ пролитіемъ крови, съ синяками по лицу и подъ микитками... Все, однимъ словомъ, и здѣсь тоже самое, какъ и вездѣ. Холмогорскій базаръ разнообразили только пестрыя самоѣдки съ саночками, гдѣ въ мѣховыхъ тряпицахъ завернуты были ихъ безобразные ребятишки. Кучи другихъ ребятъ въ рваныхъ малицахъ сопровождали матерей, вышедшихъ сюда на ѣдбму, т.-е. за сборомъ христовой милостыни и доброхотнаго подаянія.

— Весело же вы завершили вчерашній базаръ! замѣтилъ я своему хозяину.

— А чѣмъ, батюшка, весело?

— Да у кабаковъ и шуму много было, и безъ дракъ не обошлось дѣло. Это хоть бы и въ Рыбинскѣ...

— Вѣдь, это не наши, ей-Богу, не наши: это, вѣдь, чай самоѣдь, а то, можетъ, и кузнецы съ Матигоръ. Тѣ, вѣдь, у насъ люты на выпивку-то, злы...

— Видѣлъ, что и вы по домамъ угощались сытно, много и весело.

— А не будь гостю запасливъ, будь ему радъ—по пословицѣ. Чайкомъ мы вечоръ побаловались, а вина мало же пили...

— Съѣстнаго, харчей много было наставлено.

— Да, вѣдь, у насъ родится хлѣбъ-отъ, и хорошо родится, лучше архангельскаго. Мимо насъ и пшено не обходитъ: и имъ запасаемся. Намъ, вѣдь, этотъ базарный четвергъ, что праздничный день, что воскресенье. А, вѣдь, по нашей по холмогорской пословицѣ: «деревенская родня, что зубная болѣсть», ее унять надо, уважить ее надо. У архангельскихъ вонъ и

рубль плачетъ, а у насъ и копѣйка скачетъ, съ того самаго времени, какъ и городъ-отъ нашъ задвѣнной сталъ здѣсь...

— А скучно у васъ, тоскливо, бѣденъ вашъ городъ!

— У насъ и на это пословица слажена: «прожили вѣкъ за холщовой мѣхъ». Что станешь дѣлать? Коли не милъ тѣломъ— не приробишься дѣломъ...

— А хорошо вы вчера торговали?

— Да, вѣдь, у насъ, какъ у всѣхъ: запросишь по московски, такъ съ большимъ барышомъ будешь; потому наши деревенскіе въ ситцахъ толку не знаютъ. На чаѣ такъ вонъ ты ихъ не надуешь. Спитаго-то да высушонаго не подложишь имъ, сейчасъ вызнаютъ: «вонъ-де твой-отъ чай плесень подернула— такова не надо, а давай-де настоящаго московскаго».

— Стало-быть, вы нечестно торговлю ведете, оттого и не богатѣете.

— Да, вѣдь, намъ съ тобой свѣта Божьяго не перестроить. Очень-трудно! А лучше такъ: чьей рѣчкой плыть—той и славой слыть... Какъ коровушка не дуйся—не быть бычкомъ.

— Поѣду-ко я отъ васъ на Вавчугу. Тамъ, сказываютъ, лучше торговое-то дѣло стоитъ, честнѣе ведется.

— Поѣзжай съ Богомъ: посмотри! Старикъ тамъ больно добрый живетъ—угоститъ.

Мимо оконъ нашей избы пронеслись сани съ двумя молодцами, перевязанными черезъ плечо полотенцами; на росписной дугѣ три колокольчика; на молодцахъ новыя, синія суконныя сибирки.

— Свадьба! замѣтилъ мой хозяинъ.

— А часто онѣ у васъ налаживаются?

— Да дома больше народъ живетъ, на сторону мало ходятъ: часто свадьбы бываютъ.

— Какъ же у васъ этотъ обычай ведется?

— А опять-таки по пословицѣ: «выбирай корову по рогамъ—дѣвку по родамъ». Берутъ больше ровню, потому всякій знаетъ, что наказанымъ умомъ да приданымъ животомъ немного наживешь. А женятся: богатому какъ хочется, а бѣдному какъ можется. Чай, вѣдь такъ и вездѣ. А деньги да животъ — такъ и баба живетъ. Затѣмъ живутъ какъ смогутъ, потому опять, что всякъ, вѣдь, домъ потолкомъ крытъ...

— Нѣтъ ли у васъ при этомъ какихъ обыкновеній?

— А объ этомъ надо тебѣ у бабъ спрашивать. Это ужъ ихное дѣло.

Но бабы не сообщаютъ ничего особеннаго противъ того, какъ ведется свадебное дѣло и въ Поморьѣ, и на Мезени, и на дальной Печорѣ, по старому, исконному, новгородскому обычаю.

— Нѣтъ ли другихъ какихъ-либо обыкновеній, примѣтъ? спрашивалъ я у женщинъ.

— Да на счотъ коровушекъ...

— Сказывайте, сдѣлайте милость!

— А вотъ, если подниметсн ледъ на рѣкѣ въ скоромной день—коровы въ этотъ годъ много молока давать станутъ; скроется рѣка въ постной день—много будетъ рыбы, а молока мало. Такъ это навсегда! Когда новую коровушку купимъ да въ хлѣвъ приведемъ, завсегда приговоръ такой держимъ: «хозяинушко! вотъ тебѣ скотинка—люби ее да жалуй, пой-корми, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся!» *). Вотъ давѣ про свадьбы-то спрашивалъ—слушай: коли попадеть на встрѣчу поѣзду возъ съ дровами—молодымъ счастья не будетъ. У кого въ церквѣ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и помретъ скорѣе; опять же кто всей ногой на коврикъ встанетъ—одолятъ чирьи. Останутся послѣ вѣнца молодые вдвоемъ: и кто первый говорить

---

*) Мнѣ разъ привелось слышать разговоръ двухъ хозяекъ. Вотъ онъ почти слово въ слово:

— У моей-то коровушки *межеумолокъ*. *Запускъ*-отъ я ей дѣлала двѣ недѣли назадъ; стало *новотелъ*-то погодить надо: пущай *молочничекъ*-то пососетъ подольше. У ней небольшой межеумолокъ—хорошая коровушка. Запускъ-отъ всего двѣ недѣли бываетъ до *тѣлева*. Придетъ *новотѣлъ*: кашки сварю, сѣнца ей на блюдцо положу, овсеца дамъ, хлѣбца: стану *молитъ* коровушку.

О смыслѣ словъ этихъ, подумавши, догадаться не трудно.

Въ другой разъ, проходя по задворью и видя доившую бабу и ея сосѣдку, пришедшую къ ней покалякать, я слышалъ привѣтъ послѣдней:

— Море тебѣ подъ буренушку!

Вотъ, кстати, нѣсколько словъ изъ словаря холмогорскихъ коровницъ: недодойка—молодая телка, вступающая въ права и значеніе коровы; одрань—старая, изнуренная, негодная скотина; нѣтель—ялова; черпа—скотская чума; переходница—та телка, которая четыре года не телилась; отъемышъ—отнятый отъ матки теленокъ; его пускаютъ на отпой и впослѣдствіи замѣчаютъ, что мясо яловой коровы лучше, чѣмъ коровы стельной, и проч. и проч.

начнетъ, тотъ и на всю жизнь большакомъ останется. Беременная баба не ругайся: дитя будетъ и злое и совсѣмъ нехорошее. Коли хочешь, чтобы дѣти велись, не умирали, въ кумовья зови перваго встрѣчнаго... Ну, а дальше-то, тамъ, чай, какъ и вездѣ...

— А что, напримѣръ?

— На мизинцѣ пятнышко бѣленькое завелось—счастіе, на среднемъ—радость, на безъимянномъ—несчастіе, на указательномъ—печаль, на большомъ--обновка.

— Ну, а дальше?

— Иголкой и булавкой, или острымъ чѣмъ не дарись: поссоришься. Ножъ купи хоть за копѣйку. Въ серединѣ носъ чешется — о покойникѣ слышать, кончикъ чешется — водку пить.

— А развѣ вы пьете?

— Бываетъ, добавилъ за разскащицу хозяинъ: — бываетъ да только не при людяхъ, а въ уголкѣ гдѣ. Таковъ ужъ обычай. А вотъ тебѣ и моя примѣта: чешется лобъ у меня—съ кѣмъ-нибудь поздороваюсь; затылокъ зачешется, такъ либо прибьютъ, либо облаютъ крѣпко. Это вѣрно! А вотъ тебѣ и еще случай со мной: слушай-ко! Потерялъ я лошадь, искалъ всяко—не нашелъ. Да сдумалъ, продамъ-ко я ее въ шутку—найдется. Бывало, слыхивалъ, эдакъ-то съ другими не одинъ разъ, а десятокъ. И молвилъ сыну: «купи, молъ, Климко, сѣрка!»—А что, слышь, возьмешь?—«Да съ тебя, молъ, не дорого: всего пятакъ». И деньги ему велѣлъ найти и взялъ ихъ. На утро слышу, сказываютъ сосѣди: «конь-де твой, Селифонтьичъ, ходитъ за оленникомъ въ Оногрѣ» (мѣсто у насъ есть такое). Такъ вотъ ты объ этомъ объ дѣлѣ какъ тутъ хошь, такъ и думай!

— А вотъ я хочу, хозяинъ, на родину Ломоносова проѣхать. Слыхалъ ли ты про него?

— Какъ не слыхать, знаемъ. Да вѣдь давно ужъ это, очень давно было. Не памятно! Ты вотъ на Вавчугу-то поѣдешь—мимо будетъ, остановись—спровѣдай!

Послѣднія слова эти, неимѣющія смысла, пришли мнѣ на память и не выходили изъ головы во все время, пока мы осиливали переѣздомъ узкую, вытянутую въ цѣлую версту и кривую улицу города Холмогоръ. Звучали они, какъ бы сейчасъ вымолвленныя, и тогда, какъ мы спустились съ крутаго берега

въ ухабы рукава Двины—рѣки Куроползки, и раскинулись опзади насъ въ картинномъ безпорядкѣ по крутымъ горамъ и по предгоріямъ старинные Холмогоры. Переѣхали мы и Куроползку и втянулись въ ивнякъ противоположнаго городу отлогаго берега рѣки этой. Сердце сильнѣе начало биться; вдругъ отчего-то стало какъ-то неловко и неспокойно, бездна новыхъ чувствъ разомъ заявили себя, наполнивши воображеніе картинами неясными, смутно-понимаемыми, едва уловимыми. Трудно было дать себѣ отчотъ въ цѣльности и оконченности представленій и помысловъ. Отрадно было на сердцѣ, весело и пріятно на душѣ.

— Вотъ и Куръ-островъ! слышалось, между-тѣмъ, замѣчаніе ямщика.

Замѣчаніе было излишне: я и безъ него уже давно зналъ, что это Куръ-островъ, что на острову, образованномъ тремя рукавами Двины (Куроползкой, Ровдогоркой и Ухтъ-островкой) лежатъ двѣ казенныя волости: Куръ-островская и Ровдогорская.

— Вотъ и Куръ-островская волость, смотри!

Вижу впереди множество деревушекъ, разсыпанныхъ въ безпорядкѣ и не въ дальномъ разстояніи одна отъ другой; вижу между ними церкви; но это уже другое село—Ровдогоры. Слышу снова запросъ ямщика:

— Въ которую же тебя деревушку везть велишь?

— Да въ Денисовку, въ Денисовку, и ни въ какую другую...

— Не знаю такой, да и нѣту такой—вѣдь и давѣ такъ докладывалъ.

— Да быть, братецъ ты мой, этого не можетъ.

— А оттого и можетъ, что мы здѣсь родились и не токмя тебѣ деревни эти, и хозяевъ-то почитай въ кажиной избѣ знаемъ въ лицо и по имени. А деревни, какую сказываешь, не слыхали...

— Можетъ быть, иначе зовется...

— Поспрошаемъ; можетъ и правда твоя. Эй!.. ты!.. святой человѣкъ! какая-такая есть у васъ тутъ деревня Денисовка?

— А, можетъ, Болото: вонъ оно! слышится отвѣтъ отъ прохожаго и снова разговоры моего ямщика:

— Болото, такъ Болото: въ Болото мы тебя и повеземъ, такъ бы ты и самъ сказывалъ. А то тутъ гдѣ ихъ разберешь? Вонъ, гляди, три двора, а либо и два только: гляди и деревня это, и деревнѣ этой свое званіе. А сколько этихъ деревень-то тутъ насыпано? Несосвѣтимая сила! всѣхъ не вызнаешь...

Но вотъ и Болото—деревушка въ пять дворовъ.

— Да это ли, старичокъ, Денисовка-то?

— А была допрежъ, была Денисовка, звали такъ-то, звали; нонѣ вишь, Болото стало.

— А въ которой избѣ, на которомъ мѣстѣ Ломоносовъ родился?

— Не знаю, родименькой, и не спрашивай: не знаю, про какого ты про такого Ломоносова спрашиваешь. Не чуть у насъ экихъ, не чуть. Можетъ, тебѣ костяника надо, такъ вонъ на Матигорахъ Бобрецовъ живетъ, Калашниковъ ..

— Нѣтъ, этотъ учоной былъ, и давно умеръ, въ Питерѣ жилъ...

— Не слыхалъ. Убей ты меня—не слыхалъ!

— Звѣзды онъ все, дѣдушко, считалъ; на небѣ, какъ по книгѣ читалъ, все разумѣлъ, самый умный былъ человѣкъ, самый учоный; здѣсь родился, отсюда въ Москву ушолъ...

— А ты спроси-ко на селѣ у дьячка: тотъ что-то, паря, сказывалъ экое-то. Вотъ я теперя припомнилъ, сказывалъ онъ что-то да я не помню въ плотную-то. И у насъ ты тутъ въ деревнѣ ни у кого не узнаешь. И разговору такого не было. Поѣзжайте-тко! Вонъ село-то!

Поѣхали, пріѣхали и—слава Богу!—добились кое-какого толку. Домъ, въ которомъ родился геній математики, давно, давно рухнулъ и снесенъ; на его мѣстѣ выстроенъ былъ другой, но и тотъ также рухнулъ и также, въ свою очередь, былъ снесенъ. Теперь, можетъ быть, и стоитъ какой-нибудь домъ, а можетъ быть, залегъ какой-нибудь пустырекъ, безъ слѣда, безъ памяти, и никому до этого нѣтъ дѣла. Нѣтъ, можетъ быть, дѣла оттого, что далеко ѣздить сюда тѣмъ, для которыхъ дорого и перо, которымъ писалъ Ньютонъ, и чернилица, изъ которой бралъ чернила Лейбницъ, и пологъ кровати, за которымъ спалъ Волтеръ, и проч., и проч.—И одинъ только дьячокъ, да какой-то досужій сельскій старичокъ помнили объ Ломоносовѣ, интересовались его именемъ и дѣлами. Вотъ, что могли сооб-

щить они мнѣ оба, общими силами, и вотъ, что можно было слышать объ нашемъ геніальномъ учономъ, въ 1856 году, неподалеку отъ его родины, въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ родился Василью Дорофееву его геніальный сынъ Михайло.

Василій Дорофеевъ былъ раскольникъ и, можетъ быть, по обычаю своихъ единовѣрцовъ, считающихъ первою обязанностью имѣть сына, разумѣющаго церковную печать, отдалъ Михайла въ науку. Училъ его дьячокъ, жившій на селѣ, въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ деревни *). Василій Дорофеевъ былъ мужикъ зажиточный, и въ то время, когда еще велся обычай въ Куръостровской волости обряжать дальные покруты за треской и морскимъ звѣремъ на Мурманской берегъ океана, онъ былъ однимъ изъ трехъ хозяевъ, рисковавшихъ этимъ дѣломъ. Теперь промыселъ этотъ оставленъ всѣми подвинскими жителями, и оставленъ давно во имя новаго дѣла—хлѣбопашества, которымъ занимаются и жители Куръ-острова. Нестарый годами, крѣпкій силами и духомъ, Василій Дорофеевъ выѣзжалъ и самъ туда ежегодно, бралъ съ собою и старшаго, единственнаго сына, обязывая его пріучаться къ дѣлу съ азбуки промысла, съ трудной и безотрадной должности зуйка. Зуекъ артельный (обыкновенно мальчикъ-подростокъ) обязанъ оставаться на берегу: чистить посуду, носить воду, готовить кушанье, обивать сѣти, обирать рыбу и чистить ее: обязанъ, однимъ словомъ, почти цѣлые сутки быть на ногахъ. Нерѣдко случается тамъ, что посланный за чѣмъ-нибудь зуекъ долго не возвращается; его ищутъ и находятъ гдѣ-нибудь на половинѣ пути растянувшимся по землѣ: онъ крѣпко спитъ, сонъ схватилъ его вдругъ,

---

*) По свидѣтельству Степана Кочнева, доставившаго академику Озерецковскому краткую записку (9 іюля 1788 г.) о жизни Ломоносова, учителемъ грамоты былъ той же волости крестьянинъ Иванъ Шубной (отецъ Федота Ивановича Шубина, извѣстнаго впослѣдствіи академика). «И обучился— говоритъ далѣе Кочневъ—въ короткое время совершенно, охочь былъ читать въ церкви псалмы и каноны и по здѣшному обычаю житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а притомъ имѣлъ у себя природную глубокую память. Когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сидящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе, на словахъ обстоятельно».

подкосилъ ноги и положилъ плашмя на землю на томъ мѣстѣ, гдѣ что называется, часъ приспѣлъ, и гдѣ уже нѣтъ никакой возможности разбудить его, до той поры, пока онъ не проснется самъ-по-себѣ и не придетъ въ себя и въ новыя силы, истощонныя нерѣдко двухъ и трехсуточнымъ бодрствованьемъ.

— Михайло Васильевичъ Дорофеевъ (разсказывали мнѣ) — на Мурманѣ собиралъ изъ мальчишекъ артели и ходилъ вмѣстѣ съ ними за морошкой: нагребетъ онъ этихъ ягодъ въ обѣ руки, да и опроситъ ребятишекъ: «сколько-де ягодъ въ каждой горсти?» И никто ему отвѣта не сможетъ, а онъ дастъ и изъ ягодки въ ягодку, вѣрнымъ счотомъ. Всѣ дивились тому и другъ-дружкѣ разсказывали: а онъ въ этомъ и хитрости для себя никакой не полагалъ, да еще и на другихъ на ребятъ сердился, что-де они такъ не могутъ. Сталъ онъ проситься у отца въ Москву въ науку: знать, Мурманъ-отъ ему поперекъ стоялъ въ горлѣ. Не пустили. Онъ и сбѣжалъ, одинъ сбѣжалъ, такъ и въ ревизскихъ сказкахъ показанъ *). На дорогѣ онъ и фамилію себѣ новую придумалъ, назвался Ломоносовымъ. Родныхъ онъ своихъ не зналъ и не вспоминалъ объ нихъ; а когда отецъ его утонулъ на рыбныхъ промыслахъ въ устьяхъ Двины и самъ онъ былъ уже въ Питерѣ въ большой чести и славѣ, выписалъ къ себѣ сестру съ мужемъ. Сестра отдана была на Матигоры за крестьянина. Сестру онъ свою въ Питерѣ сажалъ съ собой рядомъ, куда ни поѣдетъ; въ саняхъ ли, въ коляскѣ ли, а зятя становилъ на запятки. Сестра его этимъ поскучала, да разъ и выговорила: «не прилика-де мнѣ съ тобой рядомъ сидѣть, когда мужъ мой на запяткахъ стоитъ». Послушался;

---

*) Далѣе Кочневъ продолжаетъ: «Какъ мать его умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была, можетъ-быть, причиною побудившею оставить отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ. Взялъ себѣ онъ пашпортъ не явнымъ образомъ посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милюкова, съ которымъ, выпросивъ у сосѣда своего Ѳомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнымъ, ушолъ въ путь и дошолъ до Антоніевасійскаго монастыря, былъ въ ономъ нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность, заложилъ тутъ взятое у Ѳомы Шубнаго полукафтанье мужику емчанину, котораго послѣ выкупить не удалось, ушолъ потомъ въ Москву...»

сталъ и зятя сажать съ собой рядомъ... Вотъ и все, что знаемъ.

— И только?

— Да зашибалъ, слышь крѣпко: тѣмъ-де и померъ. Чай, самъ знаешь, самъ слыхалъ. Ну, да опять же до янарала дослужился, янараломъ былъ...

— Да, вѣдь, онъ не такимъ генераломъ былъ, какъ вы думаете. Онъ, вѣдь, звѣзды-то на груди не носилъ. Былъ онъ генералъ, да только съ другой стороны, и звѣзду носилъ, да не такую и не тамъ, гдѣ обыкновенные, простые генералы носятъ...

— Ну, да твоей милости это лучше знать. А мы что знали, то тебѣ и сказывали. Не погнѣвайся!

Академикъ Озерецковскій, совершавшій путешествіе въ сѣверныя страны съ Лепехинымъ, товарищемъ по службѣ и занятіямъ съ М. В. Ломоносовымъ, въ то время, когда еще живъ былъ послѣдній, успѣлъ, кромѣ краткой записки о жизни ученаго сотоварища, составленной Кочневымъ, найти первые стихи Ломоносова и указъ императора Павла. По извѣстію, сообщонному Озерецковскому старикомъ Гурьевымъ, земскимъ Куростровской волости, видно, что «за просрочку даннаго ему, Михаилу Васильеву, 1730 года пашпорта и неявившагося на срокъ, приказомъ тогдашняго ревизора Лермонтова показанъ онъ въ бѣгахъ, того ради изъ подушнаго оклада и выключенъ. А платежъ подушныхъ денегъ за душу Михайла Ломоносова производилъ по смерти отца его со второй 741, до второй же 747 года половины изъ мірской общей той Куро-островской волости отъ крестьянъ суммы».

Далѣе въ описаніи путешествія Лепехина слѣдуютъ стихи Ломоносова въ московской академіи за учиненный имъ школьный проступокъ. Calculus dictus.

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Когда стали ясти,
Попали въ напасти:
Увязали бо ноги.
Ахъ! — плачутъ убоги —
Меду полизали,
А сами пропали

Надпись учителя: Pulchre. «Стихи на туясокъ».

Въ заключеніе своихъ свѣденій о родѣ Ломоносова, Озерецковскій приводитъ копію съ указа императора Павла I. Вотъ она:

«Указъ нашему сенату».

Въ уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго санктпетербургской академіи н укъ профессора, статскаго совѣтника Ломоносова, всемилостивѣйше повелѣваемъ рожденнаго отъ *сестры* его *Головиной* сына, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, крестьянина Петра, съ дѣтьми Васильемъ, Иваномъ и съ потомствомъ ихъ, исключа изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора. Августа 22, 1798. Въ Гатчинѣ».

Земской Гурьевъ, въ своемъ извѣстіи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Побѣгъ Ломоносова означенъ въ ревизіонной сказкѣ по прошествіи срока, даннаго ему въ 1730 году пашпорта. А перепиской писца Аѳанасья Файвозина 1686 года книги нашей Куростровской волости по тогдашнемъ Ломоносовомъ родѣ никакого знанія отыскать не могутъ

Не могъ отыскать «никакого знанія» о Ломоносовѣ въ деревнѣ Болотѣ и позднѣйшій (1847 года) посѣтитель мѣста его родины, г. Верещагинъ, авторъ «Очерковъ Архангельской губерніи». Онъ говоритъ, что еще недавно существовалъ родной домъ Ломоносова; но давно въ немъ никто не жилъ: время разрушило этотъ домъ и какой-то землякъ Ломоносова намѣревался выстроить себѣ на этомъ мѣстѣ домъ. Г. Верещагинъ прибавляетъ далѣе: «Родъ Ломоносова давно уже здѣсь прекратился, и никто изъ здѣшнихъ жителей не носитъ этой фамиліи, какъ потомокъ знаменитаго предка. Есть, правда, въ этой же деревнѣ крестьянинъ Лопатинъ *), считающій себя въ родствѣ съ фамиліею Ломоносова, но сосѣди Лопатина, Богъ-знаетъ почему, лукаво посмѣиваются, когда заговоришь съ ними о степени этого родства. «Вишь, прибавляютъ они, Лопатинъ продалъ какія-то бумаги ломоносовскія одному чиновнику (П. П. Свиньину), такъ, можетъ, потому и родня».

---

*) Лопатинъ этотъ извѣстенъ былъ, какъ лучшій изъ туземныхъ костяниковъ, основатель этого рода промысла въ томъ краю. Онъ имѣлъ случай поднести свои издѣлія императору Александру I, посѣтившему Холмогоры въ 1819 году.

Скуденъ видъ окрестностей деревни Денисовки: низменный островъ, едва не понимаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія болотистыя кочки, разсыпанныя между деревнями, которыхъ такъ много на Куръ-островѣ; сѣрыя бревенчатыя избы деревень этихъ; кое-гдѣ незначительной высоты холмы, затянутые мохомъ; болотины между этими холмами съ просочившейся грязной водой; прибрежья, со всѣхъ сторонъ затянутыя чахлымъ ивнякомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры со своими старинными церквами, давными преданіями; повсюду жизнь, закованная въ размѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжкой трудовой жизни на промыслахъ; и нѣтъ ничего въ этой жизни рѣзко-поэтическаго, нѣтъ ничего, могущаго питать душу и сердце. И вотъ изъ за того же ивняка, съ противоположной стороны, на горѣ открывается новый видъ: видъ села Ва́вчуги. Тамъ еще живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ Великомъ, тамъ еще недавно былъ онъ, гостилъ не одни сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги Баженина, котораго любилъ ласкать и жаловать великій императоръ. Вотъ все, что было передъ глазами Ломоносова во время его безотраднаго, бѣднаго впечатлѣніями и воспитаніемъ дѣтства! Вотъ чѣмъ питался онъ въ самую свѣжую, въ самую впечатлительную пору своей честной жизни!...

Но вотъ и сама Вавчуга на крутой горѣ, по тремъ уступамъ, или террасамъ которой Баженинъ выстроилъ свои владѣнія. На нижной террасѣ, ближной къ рѣкѣ, существовали его корабельные доки, теперь лѣсопильный заводъ. Далѣе, на середней террасѣ выстроенъ его двухъ-этажный домъ, шитый тесомъ, большой и по образцу всѣхъ архангельскихъ избъ, но только замѣтно въ большихъ размѣрахъ и большей чистотѣ. На самой верхней террасѣ, на вершинѣ Вавчужской горы, красуется сельская церковь старинной постройки, съ колокольны которой открываются чудные и разнообразные виды, какъ говорятъ, больше, чѣмъ на семдесятъ верстъ. На эту колокольну входилъ съ Баженинымъ Петръ Великій, три раза навѣщавшій Вавчугу. На этой колокольнѣ, по народному преданію, великій монархъ звонилъ въ колокола, тѣшилъ свою государеву милость. И съ этой-то колокольны разъ, указывая Баженину на дальные виды, на все огромное пространство, растилающееся

по сосѣдству и теряющееся въ безконечной дали, Великій Петръ говорилъ:

— Вотъ все, что, Осипъ Баженинъ, видишь ты (а глазъ досягалъ чуть не до самаго Архангельска) здѣсь: всѣ эти деревни, всѣ эти села, всѣ земли и воды — все это твое; все это я жалую тебѣ моею царскою милостью!

— Много мнѣ этого, отвѣчалъ старикъ Баженинъ. Много мнѣ твоего, государь, подарку. Я этого не стою. Я ужъ и тѣмъ всѣмъ, что ты жаловалъ мнѣ — много доволенъ.

И поклонился царю въ ноги.

— Не много, отвѣчалъ ему Петръ: — не много за твою вѣрную службу, за великой твой умъ, за твою честную душу.

Но опять поклонился Баженинъ царю въ ноги и опять благодарилъ его за милость, примолвилъ:

— Подаришь мнѣ все это — всѣхъ сосѣднихъ мужичковъ обидишь. Я самъ мужикъ и не слѣдъ мнѣ быть господиномъ себѣ подобныхъ, такихъ же, какъ и я, мужичковъ. А я твоими щедрыми милостями, великій государь, и такъ до скончанія вѣка много взысканъ и доволенъ.

Милости государя состояли въ томъ, что Баженинъ получилъ сначала званіе корабельнаго мастера, а потомъ вмѣстѣ съ братомъ (Ѳедоромъ) названъ именитымъ человѣкомъ гостиной сотни, могъ отправлять свои корабли за море съ разными товарами, имѣлъ право держать пушки и порохъ, могъ, безъ всякой пошлины, вывозить изъ-за моря всѣ матеріалы, нужные для кораблестроенія, нанимать шкиперовъ и рабочихъ всякаго званія, не спрашивая согласія мѣстныхъ властей. Все это Баженинъ получилъ за то, что былъ однимъ изъ первыхъ и лучшихъ цѣнителей начинаній Петра и былъ первымъ основателемъ и строителемъ *перваго* русскаго коммерческаго флота. Все это совершилось такимъ образомъ. Давно когда-то, еще въ XVI-столѣтіи, въ селеніи Вавчугѣ построена была лѣсопильная мельница, принадлежавшая нѣкоему Ивану Попову. Одинъ изъ наслѣдниковъ этого Попова, въ 1671 г., передалъ мельницу и всю землю подлѣ (занимавшую пространство въ 5 сохъ) холмогорскому посадскому человѣку Баженину. Баженинъ заводъ перестроилъ «безъ заморскихъ мастеровъ по нѣмецкому образцу», успѣлъ выиграть дѣло, заведенное съ нимъ какимъ-то иноземцомъ Андреемъ Крафтомъ. Грамотою царей Іоанна и

Петра Алексѣевичей Вавчуга *) передана братьямъ Баженинымъ въ ихъ полное и потомственное владѣніе. Въ первое посѣщеніе свое Архангельска (1693 г.), 21 сентября, Петръ I съ Холмогоръ изволилъ, по словамъ продолжателя двинскаго лѣтописца (Іова, холмогорскаго протопопа) съ немногими шествовать въ маломъ кораблѣ въ Вавчугу для осмотрѣнія пильныя мельницы, и оттуда выѣхать на Крылово, а оттолѣ шествовать сухимъ путемъ». Мѣсто Вавчуги полюбилось царю и онъ внушилъ Баженинымъ мысль основать здѣсь корабельную верфь. Въ томъ же году Баженинъ началъ строить корабль за изготовленіемъ котораго со средоточоннымъ вниманіемъ слѣдилъ Петръ все время, пока жилъ въ Москвѣ. Весною слѣдующаго года (1694) готовъ былъ и спущенъ въ вавчужской верфи *русскій первый корабль* съ первымъ русскимъ коммерческимъ флагомъ—«Св. Петръ», отправленный въ Голландію съ грузомъ русскаго желѣза. Баженинъ, между тѣмъ, дѣятельно продолжалъ постройку военныхъ и коммерческихъ кораблей, гукоровъ и гальотовъ, такъ что въ 1702 году Петръ, въ третій и послѣдній разъ посѣтившій Двину, самъ спустилъ въ Вавчугѣ два новыхъ фрегата. Народное преданіе разсказываетъ при этомъ слѣдующее: Баженинъ ждалъ царя съ великимъ нетерпѣніемъ, которое въ конецъ возрасло до такой степени, что старикъ пересталъ ждать въ Вавчугѣ,—выѣхалъ къ царю на встрѣчу. Ѣхалъ скоро; на сколько сильно было въ немъ желаніе поскорѣе лицезрѣть Петра и на сколько быстро могли везти ямщики, хорошо знавшіе, что Баженинъ—другъ царя.

На одной изъ станцій—именно въ Ваймугѣ—Баженину показалось, что ямщикъ не скоро впрѣгаетъ лошадей и такимъ образомъ какъ бы намѣренно задерживаетъ моментъ свиданія

---

*) Въ двухъ верстахъ отъ Вавчуги лежитъ село *Чухченема*, никольская церковь котораго была нѣкогда монастыремъ. Монастырь этотъ приписанъ былъ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ (какъ видно изъ грамоты Іоны митрополита сарскаго и подонскаго, 1619 г.). Тоже должно сказать о Кривецкомъ погостѣ (на лѣвомъ берегу р. Двины, при впаденіи рѣки Обокши) и о Моржегорскомъ селѣ стоящемъ при впаденіи въ Двину рѣки Моржовки. Въ послѣднемъ изъ нихъ находилась пустынь Николая Великорѣцкаго, основанная царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; а въ Кривецкомъ погостѣ существовалъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ около 1619 г., монастырь Успенскій.

его съ Петромъ. Баженинъ вспылилъ и ударилъ ямщика въ ухо, но такъ не ловко, что попалъ въ високъ, и такъ сильно, что ямщикъ тутъ же на мѣстѣ упалъ и умеръ.

Между тѣмъ пріѣхалъ Петръ, съ Бажениными отправился онъ въ Холмогоры и въ Вавчугу. Въ Вавчугѣ пировалъ; съѣздилъ въ Архангельскъ; поѣхалъ назадъ въ Петербургъ; Баженинъ его провожаетъ. Въ той же Ваймугѣ, гдѣ Баженинъ убилъ ямщика, собрались мужики царю пожаловаться, что зазнался-де Осипъ Баженинъ и ни какого суда на него не найдешь. Прямо сказать мужички не смѣли, а придумали сдѣлать это дѣло такъ, что когда вышолъ царь изъ избы къ повозкѣ: мужики стали перешептываться промежъ себя, потомъ громче и громче переговариваться:

— Баженинъ мужика убилъ. Мужика убилъ Баженинъ!

Услыхалъ Петръ—улыбнулся. Остановился на одномъ мѣстѣ, да и опросилъ весь народъ громкимъ голосомъ:

— Ну такъ чтожъ изъ того, что Баженинъ мужика убилъ?

У мужиковъ и ноги къ землѣ и языкъ къ гортани прилипли, стоятъ и слушаютъ:

— Это ничего, что Баженинъ мужика убилъ. Больно бы худо было, кабы мужикъ убилъ Баженина.

У мужиковъ и ушки на макушкѣ. Царь продолжалъ:

— Васъ, мужиковъ, у меня много. Вотъ тамъ подъ Москвой; за Москвой еще больше; да на Казань народъ потянулся, къ Петербургу подошолъ; много у меня мужиковъ. Вотъ васъ однихъ сколько собралось изъ одной деревни. Много у меня васъ, мужиковъ, а Баженинъ—одинъ. Такъ вы и знайте.

Съ тѣмъ царь и уѣхалъ.

Въ это же посѣщеніе Вавчуги, какъ говорятъ, царь подарилъ Баженину медальйонъ изъ кизиля съ своимъ портретомъ, вырѣзаннымъ собственными руками. Медальйонъ этотъ съ двумя царскими грамотами хранится, до-сихъ-поръ, у нынѣшняго владѣтеля Вавчуги, гостепріимство и любезность котораго дѣлаетъ ихъ доступными вниманію всякаго проѣзжаго. По третьей грамотѣ Петра Алексѣевича разрѣшалось Бажениным строеніе кораблей и безпошлинная вырубка 4,000 деревъ (2,000 въ Архангельскѣ и 2,000 въ Каргополь).

Впослѣдствіи, когда бѣломорская торговля упала, когда уничтожены были всѣ привилегіи, какими пользовался Баженинъ,

дѣла ихъ пришли въ упадокъ. Преданіе указываетъ на какого-то Кочнева, бывшаго у Бажениныхъ прикащикомъ; этотъ Кочневъ будто-бы злонамѣренно велъ дѣла своихъ довѣрителей, обворовывалъ ихъ и впослѣдствіи самъ строилъ корабли и крупныя суда на собственныя, на ворованныя деньги. Вавчужская верфь потеряла свою нравственную силу и значеніе (теперь осталась одна только лѣсопильная мельница). Но старшій Баженинъ до конца своей жизни не переставалъ пользоваться въ окольности всеобщимъ почотомъ и уваженіемъ. И до-сихъ еще поръ живетъ въ Холмогорахъ присловье: «словно у тебя Баженинъ въ гостяхъ!»—когда замѣчено будетъ, что въ комнатѣ собралось много свѣчей, хотя бы то произошло и случайно.

Еще одни сутки видѣлись мнѣ Холмогоры, во всемъ своемъ безотрадномъ разрушеніи и ветхости; и видѣлись уже въ послѣдній разъ. Я поѣхалъ въ обратной путь на петербургскій трактъ. Дорога шла берегомъ Двины; попадались людныя и относительно-богатыя селенія; мелькали одна за другою почтовыя станціи, и онѣ даже начинали напоминать о лучшихъ мѣстахъ, чѣмъ тѣ, которыя доставались на мою долю втеченіе цѣлаго года. И отъ нихъ какъ-то отвыкъ глазъ и забылась ихъ всегда однообразная, казенная обстановка со смотрителемъ въ почтальйонскомъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, съ неизбѣжнымъ записываньемъ подорожной въ толстую книгу, съ неизбѣжной жалобной книгой, припечатанной на снуркѣ огромной печатью къ столу. Пошли по обыкновенію, мелькать по сторонамъ березки и на каждой верстѣ пестрые казенные столбы съ цифрой направо, съ цифрой налѣво. И опять неизбѣжный станціонный домъ съ печатными приказами въ чорныхъ рамкахъ за стекломъ. Одинъ приказъ не велитъ брать лишное число лошадей противъ того числа, какое прописано въ подорожной; изъ другаго видно, что на такой-то верстѣ мостъ, на такой-то сухія ямы и овраги, на такой-то гать, которая въ ненастное осеннее и весеннее время неудобна для проѣзду. Все, однимъ словомъ, такъ же, какъ и по всей длинѣ почтовыхъ дорогъ, искрестившихъ матушку-Россію вдоль и поперекъ на безконечныя верстовыя цифры. Разница та, что дорога идетъ вдоль Двины; но рѣка эта засыпана снѣгомъ; здѣсь идутъ два тракта, и петербургскій и московскій вмѣстѣ, до

Сійскаго монастыря, гдѣ они раздѣляются: московскій идетъ на село Емецкое, петербургскій на монастырь и слѣдующую за нимъ станцію Сійскую.

Не доѣзжая до монастыря 60 съ небольшимъ верстъ и въ 30 верстахъ отъ Холмогоръ (между станціями Ракулою и Копачевскою), на самомъ берегу рѣки Двины, въ двухъ верстахъ отъ деревни Паниловской, видны до-сихъ-поръ развалины Орлецкой крѣпости, какъ говорятъ (на мой проѣздъ онѣ были засыпаны глубокимъ снѣгомъ). Видны будто-бы остатки каменной стѣны и вала, подлѣ котораго тянется глубокій оврагъ, служившій нѣкогда рвомъ.

Крѣпость эта имѣетъ свою исторію. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ новгородскій (первый) лѣтописецъ подъ 1342 годомъ:

«Того же лѣта Лука Варфломеевъ (сынъ новгородскаго посадника) не послушавъ Новагорода и митрополича благословенія и владычня скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ (удальцовъ бездомовныхъ, большею частію боярскихъ слугъ) и пойде за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлецъ и скопивъ емьчанъ (прибрежныхъ жителей рѣки Емцы—притока Двины), и всю землю Заволотскую по Двинѣ вси погости на щитъ. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу (дальный притокъ Сѣверной Двины); Лука же двѣ сту (слишкомъ съ 200 удальцовъ) выѣха воевать и убиша его заволочане и пріиде вѣсть въ Новъ-городъ: Лука убіенъ бысть. И возсташа черныи люди на Ондрюшка, на Ѳедора, на посадника на Данилова, а тако ркуши: яко тѣ заслаша на Луку убити—и пограбиша ихъ домы и села, а Ѳеодоръ и Ондрюшка побѣгоша къ Копорью городокъ, и тамо сидѣша зиму всю и до великаго говѣнія. И въ то время пріиде Онцифоръ и би челомъ Новугороду на Ѳедора и на Ондрюшка: тѣ заслаша моего отца убити. И владыка и Новгородъ послаша архимандрита Есипа, съ бояры, въ Копорью, по Ѳедора и по Ондрюшка. И они пріѣхаша и ркоша: не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни засылали на него—и Онцифоръ съ Матѳеемъ взвони вѣче у святѣй Софіи, а Ѳедоръ и Ондрюшко другое съзвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ. И посла Онцифоръ съ Матѳеемъ владыку на вѣче, и не дождавши владыки съ того вѣча и удариша на Ярославль дворъ. И яша ту Матѳеа Коску и сына его

Игната всадиша къ церковь, и Онцифоръ убѣже съ своими пособницы; то же бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона себѣ, и она себѣ. И владыка Василій съ намѣстникомъ Борисомъ докончаша миръ межи ими. И возвеличенъ бысть крестъ, а дьяволъ посрамленъ бысть.»

Во второй и послѣдній разъ мелькаетъ въ исторіи имя крѣпости Орлеца въ 1398 году, когда Двинская земля покорилась царю московскому Василію III Димитріевичу. И вотъ какими подробностями обставляетъ это событіе новгородскій лѣтописецъ:

Послѣ Пасхи на веснѣ новгородцы говорили своему владыкѣ Іоанну:

— Не можемъ, господине отче, сего насилія терпѣти отъ своего князя великаго Василія Димитріевича, что у насъ отнялъ у святѣй Софіи и у великаго Новагорода пригороды и волости, нашу отчизну и дѣдину; но хотимъ поискати святѣй Софіи пригородовъ и волостей своей отчины и дѣдины.

И цаловали на томъ крестъ святой дѣйствовать заедино, какъ братья.

Били челомъ владыкѣ о томъ же посадники: Тимофей Юрьевичъ, Юрій Дмитріевичъ и Василій Борисовичъ съ боярами, дѣтьми боярскими, жилыми людьми, дѣтьми купеческими и со всѣмъ войскомъ:

— Благослови, господине отче, владыко! Или паки изнайдемъ свою отчину, паки ли свои головы положимъ за святую Софію и за своего господина за великій Новгородъ.

Владыка благословилъ воеводъ и войско; новгородцы простились съ ними. На пути ихъ за Волокъ на Двину къ крѣпости Орлецу встрѣтили ихъ недобрыя вѣсти, принесенныя правителемъ архіерейскихъ волостей Исаіею, который говорилъ, что московскій бояринъ Андрей съ Иваномъ Никитинымъ и двинянами покорили Вель, на самую св. Пасху, и взяли съ каждаго человѣка окупъ; что на Двину пріѣхалъ уже отъ великаго князя въ засаду князь Ѳедоръ Ростовской; что велѣно ему городокъ блюсти, судить и брать пошлины со всѣхъ волостей новгородскихъ, и что двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ, съ друзьями своими, раздѣлили уже новгородскія волости и имѣнія бояръ на части.

— Братіе! говорили воеводы: — аще тако сдумалъ господинъ

нашъ князь великій съ крестопреступники съ двинскими воеводами, лучши есть намъ умрети за святую Софію, нежели въ обидѣ быти отъ великаго князя.

И затѣмъ отправили отряды на Бѣлоозеро и покорили всѣ бѣлозерскія волости и пожгли ихъ; сожгли старой городокъ бѣлозерской и не сожгли всего затѣмъ только, что взяли «60 рублевъ окупа, много полона и животовъ». Потомъ покорили волости кубенскія, городъ Вологду, сожгли городъ Устюгъ и только одни сутки не дошли до костромскаго Галича. Добычи много взяли съ собою, много побросали на мѣстѣ, затѣмъ, что множества ея не могли помѣстить на судахъ.

Изъ подъ Устюга (черезъ 4 недѣли) шли они по Двинѣ къ городку Орлецу, гдѣ на то время заперся съ своимъ войскомъ намѣстникъ московскій, князь Ростовской. Четыре недѣли стояли новгородцы (въ числѣ трехъ-тысячъ) подъ городкомъ этимъ, сдѣлали засады, стрѣляли изъ нихъ и, наконецъ, заставили осажденныхъ выдти изъ городка и съ плачемъ бить челомъ о помилованіи.

«И воеводы новгородскіе и всѣ вои, по словамъ лѣтописца, по своего господина *по новогородскому слову* челобитье пріяша двинянъ, а нелюбья имъ отдаша». Воеводъ Ивана и Конона съ друзьями ихъ взяли въ плѣнъ; однихъ казнили, а главныхъ виновниковъ (4 человѣкъ) заковали въ цѣпи. Съ князя Ѳедора Ростовскаго взяли *присудъ* и пошлины, которыя успѣлъ онъ собрать, но самаго простили. Съ московскихъ купцовъ взяли 300 рублей; 2,000 рублей и 3,000 лошадей съ самихъ двинянъ «за ихъ преступленіе и за ихъ вину».

«Сице бысть Божіе милосердіе—заканчиваетъ свое сказаніе лѣтописецъ—столько прошедъ русской земли и у столь твердаго городка не бысть пакости въ людяхъ, токмо у городка единаго человѣка убиша дѣтьскаго Левушку Ѳедорова посадника, *а городъ разгребоша*.»

Тою же древностью преданій встрѣчаетъ и село Емецкое, богатое и въ настоящее время, и имѣвшее нѣкогда большое историческое значеніе, имѣвшее нѣкогда два монастыря: Ивановскій (женскій) и Покровскій (мужской).

Въ 1603 году, во время набѣговъ на двинскія страны литовскихъ людей, холмогорскіе воеводы разломали церкви и кельи женскаго Ивановскаго монастыря (старицъ перевели въ

мужской Покровскій, оттуда въ свою очередь, вывезли старцовъ въ монастырь Спасской). Вмѣсто монастыря выстроенъ былъ острогъ, выкопанъ ровъ, поставленъ частоколъ (въ 1760 году, когда выгорѣло все село Емецкое, сгорѣлъ и острогъ, такъ-что теперь нѣтъ и слѣда его). Вотъ что повѣствуется объ этомъ событіи въ памятникѣ монастыря Сійскаго. «Въ Важской уѣздъ набѣжали многіе воры польскіе и литовскіе люди, русскіе измѣнники изъ-подъ Москвы и изъ иныхъ многихъ русскихъ городовъ и на Вагѣ и въ Важскомъ уѣздѣ многихъ людей мучили и побивали, животы ихъ грабили и никому проходу и проѣзду изъ города въ городъ не давали, и въ Двинской уѣздъ, въ Емецкой станъ, выѣзжали и многихъ крестьянъ побивали и грабили, и хотѣли идти къ Холмогорамъ безвѣстно и двинянъ побити. Воеводы, стольникъ князь Петръ Ивановичъ Пронской и Моисей Ѳедоровичъ Глѣбовъ, послали на Емецкое, «ради осаднаго времени», сотника стрѣлецкаго Смирнаго Чертовскаго да съ нимъ Архангельскаго города стрѣльцовъ сто человѣкъ. Они же, отправившись, на Емецкомъ воровъ много побили изъ осады изъ дворовъ и три знамени у нихъ отбили, и два человѣка языковъ поймали и на Холмогоры привезли, и на распросѣ языки воеводѣ сказали, что на Вагѣ воровъ тысячъ до семи, и приходу ихъ чаютъ на Холмогоры вскорѣ, потому-что они не чаютъ на Холмогорахъ острогу. И того-жь года, декабря къ 8 числу, въ вечеру, воры подъ острогъ пришли. И изъ острога воевода и дьякъ выслали высылку: сотника стрѣлецкаго Смирнова же Чертовскаго и съ нимъ холмогорскихъ стрѣльцовъ и холмогорскихъ охотниковъ, и воровъ встрѣтили въ Ѣрзовкѣ; и воры хотѣли ихъ отъ острогу отлучить, начали на лошадяхъ объѣзжать, и сотникъ видя то, съ ратными людьми назадъ возвратился и въ острогъ пришли здраво. И идучи въ острогъ, посадъ за перелогомъ противъ острогу сожгли и церковь Зосимы и Савватія зажгли для того, чтобы ворамъ близь острогу не засѣсть и воры, стоявъ подъ острогомъ три дня, побѣжали назадъ на Вагу, а иніи въ низовскія волости и въ Поморье, множество русскихъ людей тамъ жгли и мучили, грабили и побивали; у Архангельскаго же города не были, а пробѣжали мимо».

Емцы (названные такъ по рѣкѣ Емцѣ, впадающей въ Двину по близости) были однимъ изъ первыхъ новгородскихъ заселе-

ній въ этомъ краю, и теперь оно красуется хорошей каменной церковью съ поразительно-высокой колокольней въ четыре яруса, и рядомъ красивыхъ домовъ своихъ: общимъ видомъ село неизмѣримо лучше города Холмогоръ.

15 верстъ считаютъ прямикомъ на перерѣзъ разстоянія, лежащаго между двумя недавно раздѣлившимися дорогами (московскою и петербургскою) отъ села Емецкаго до монастыря Сійскаго. Прямикомъ этимъ, для сокращенія пути и времени, привелось ѣхать и мнѣ. Черезъ полтора часа времени, по выѣздѣ изъ села, передо мною бѣлѣлись уже каменныя стѣны и церкви и весь былъ на виду.

4. СІЙСКОЙ МОНАСТЫРЬ.

Исторія основанія. — Преподобный Антоній. — Преданія и исторія заключенія Филарета Никитича. — Обратный путь изъ Архангельской губерніи въ С.-Петербургъ.

—

Вотъ краткая исторія этого монастыря.

У крестьянина деревни Кіехты (въ предѣлахъ двинскихъ и близъ Студенаго моря-океана) именемъ Никифора, родился сынъ Андрей. Родились у него и другія дѣти, но благообразнѣе и даровитѣе Андрея не было, и потому онъ, по словамъ пролога, «по времени вданъ бываетъ въ наученіе книгамъ, яко же обычай имать дѣтемъ.... Потомъ же наученъ бысть иконному художеству: и тако пребывая, повинуяся во всемъ родителемъ своимъ; земледѣльству же не внимаше, но паче прилежаше рукодѣлію». 25-ти лѣтъ остался онъ послѣ родителей сиротою, ушолъ въ Новгородъ и тамъ пять лѣтъ работалъ на одного боярина. Здѣсь онъ женился; но черезъ годъ жена его умерла и вслѣдъ за нею умеръ и господинъ, которому служилъ Андрей.

Съ этого времени Андрей ищетъ уединенія и идетъ въ самыя дальныя и пустынныя мѣста на рѣку Кену, впадающую въ Онегу. Здѣсь въ пустынѣ Пахоміевой, онъ находитъ временное успокоеніе. Напрасно предваряетъ его Пахомій объ многотрудности поприща, имъ избираемаго. «Скорбно мѣсто сіе» говорилъ онъ ему: «братія здѣсь непрестанно труждается: одни

копаютъ землю, другіе сѣкутъ лѣсъ, иные воздѣлываютъ нивы, никто не остается празднымъ». Андрей остается въ монастырѣ, получаетъ имя Антонія, вскорѣ санъ священника, но вскорѣ же оставляетъ и этотъ монастырь, ища большаго безмолвія и уединенія. Беретъ онъ съ собою двухъ иноковъ, Александра и Іоакима, и съ ними приходитъ непроходимыми дотолѣ дебрями и лѣсами до темнаго потока рѣки Емцы. Здѣсь строятъ они церковь во имя святаго Николая и кельи вокругъ; къ нимъ присоединяются еще четыре инока. Семь лѣтъ подвизаются они въ этомъ уединеніи; но мѣстные жители, опасаясь, чтобы пустынники не отняли у нихъ земли, заявляютъ свое недовольство и преподобный Антоній принужденъ искать новое мѣсто для пустынножительства. На пути онъ встрѣчаетъ жителя Яминскаго стана, именемъ Самуила, вышедшаго на промыселъ на Лѣшьи озера. Антоній спрашиваетъ его: «не знаетъ ли какого-либо мѣста, удобнаго для поселенія иноковъ?» Самуилъ привелъ его на дальное озеро, называемое Михайлово, въ которое впадала рѣка Сія. Рѣка эта, проходя черезъ многія озера, открывала живописные виды во всей ихъ первозданной, нетронутой дикости. Тутъ Антоній водрузилъ крестъ, поставилъ потомъ часовню и хижину для себя и братіи. Дикіе звѣри обитали въ сосѣдней тундрѣ и лѣсахъ, и никогда, отъ начала міра, не обиталъ тутъ человѣкъ. Изрѣдка приходили сюда окрестные жители для ловитвы, и потому преподобному привелось переносить скорби отъ чрезмѣрной скудости: часто не было откуда взять хлѣба; братія не ослабѣвала, своими руками очищая лѣсъ, копая землю и сооружая обитель. Объ этомъ свѣдалъ нѣкто Василій Бебрь, сборщикъ пошлинъ архіепископскихъ Великаго Новгорода, послалъ на монастырь разбойниковъ; но злое дѣло кончилось тѣмъ, что самъ же Василій пришолъ просить прощенія у святаго.

Между тѣмъ, разнеслась молва объ Антоніѣ по окрестнымъ предѣламъ; многіе стали приходить къ нему съ пищею, деньгами и обѣтомъ монашескимъ. Видя умноженіе братій, Антоній послалъ къ князю Василью Іоанновичу двухъ иноковъ, Александра и Исаію, просить великаго князя повелѣть имъ строить новое свое богомолье на пустомъ мѣстѣ въ дикомъ лѣсу, собирать братію и кругомъ пахать пашни. Съ разрѣшенія Василія

Іоанновича, св. Антоній началъ строить обширную деревянную церковь во имя св. Троицы; самъ написалъ для нея образъ.

Однажды, послѣ утренняго пѣнія, когда уже всѣ вышли изъ церкви, загорѣлась она отъ свѣчи, забытой пономаремъ передъ иконою. Въ монастырѣ тогда никого нэ было: всѣ разошлись по работамъ, оставались только немощные и больные, да служители, работавшіе въ поварнѣ. Уже пламя высоко пылало въ церкви, когда послали извѣстить о томъ преподобнаго. Старецъ былъ далеко и когда возвратился съ братіею, вся церковь была уже объята пламенемъ: ничего нельзя было вынести и спасти. Церковь сгорѣла, остались кельи, но братія, видя новую неудачу на новомъ мѣстѣ, хотѣла разойтись. Большаго труда стоило преподобному остановить ихъ; затѣмъ Антоній началъ строить болѣе просторный храмъ во имя св. Троицы. Св. Антоній вскорѣ принялъ санъ игуменскій и все-таки, будучи такъ крѣпокъ и здоровъ тѣломъ, что могъ трудиться за двухъ и за трехъ, не переставалъ работать на ряду съ братіею. Незнавшій преподобнаго и видя его распахивающимъ пашню, или очищающимъ лѣсъ въ убогой власяницѣ, не могъ бы признать въ немъ игумена.

И опять-таки, избѣгая молвы и почестей и ища большаго уединенія, блаженный Антоній выбралъ на свое мѣсто инока Ѳеогноста, а самъ, тайно отъ всѣхъ, пошолъ вверхъ по красивой рѣкѣ Сіѣ до озера Дудницы. Здѣсь былъ прекрасный островъ, въ трехъ верстахъ отъ обители. Кругомъ было множество озеръ, чрезъ которыя протекала рѣка, идущая въ Двину. Здѣсь построилъ онъ хижину и часовню съ образомъ Николы. Но и этою пустынею не удовлетворился св. Антоній: онъ избралъ новую, за пять верстъ отъ первой, на озерѣ Паду. Здѣсь, въ мѣстѣ, огражденномъ горами, покрытыми темнымъ, непроходимъ лѣсомъ, онъ поставилъ себѣ уединенную хижину, около которой бѣлѣлись двѣнадцать березъ; устроилъ себѣ небольшой плотъ, съ котораго удилъ рыбу, и при этомъ обнажалъ себѣ голову и плечи, отдавая ихъ на съѣденіе насѣкомымъ.

Два года провелъ въ этихъ пустыняхъ Антоній, и когда Ѳеогностъ оставилъ игуменство, преподобный вернулся снова въ обитель; когда онъ достигъ глубокой старости, когда стали его удручать многія болѣзни, частію отъ преклонныхъ лѣтъ, частію отъ напряжонныхъ подвиговъ, братія приступила къ

нему, прося дать настоятеля. Антоній назначилъ имъ строителемъ инока Кирилла, а на свое игуменское мѣсто Геласія, бывшаго на то время, ради потребъ монастырскихъ, у моря, на рѣкѣ Золотицѣ, и, по случаю бурныхъ зимнихъ непогодей, немогшаго возвратиться къ преставленію святаго старца. Старецъ написалъ завѣщаніе, но уже близокъ былъ къ кончинѣ. Отъ долгаго поста плоть его прилипла къ костямъ, такъ что почти не было видно на немъ тѣла и онъ заживо казался мертвецомъ; отъ многихъ колѣнопреклоненій ноги его оцѣпенѣли, такъ что самъ онъ не могъ уже ходить и его подъ-руки водили въ церковь; сгорбился онъ отъ глубокой старости и, наконецъ, приблизился къ концу своего житія. Со слезами приступила къ нему братія, требуя поученія. Старецъ говорилъ имъ много, обѣщалъ имъ, что если будутъ имѣть любовь другъ къ другу, не оскудѣетъ обитель и самъ онъ будетъ духомъ всегда съ ними.

— Гдѣ погребсти тебя! спрашивала его братія.

— Свяжите мнѣ ноги, влеките въ дебрь и тамъ затопчите въ болотѣ мое грѣшное тѣло на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или бросьте въ озеро.

Въ день воскресной, наканунѣ своего исхода, пріобщился старецъ еще однажды божественныхъ таинъ и, когда ударяли къ утренному пѣнію на понедѣльникъ, велѣлъ обступившей его братіи идти на славословіе къ утрени; двухъ только учениковъ (Андроника и Пахомія) оставилъ при себѣ и велѣлъ воскурить ѳиміамъ. Но когда наступили послѣднія минуты, онъ и имъ велѣлъ удалиться, а самъ, сотворя исходную молитву, сложилъ крестообразно руки и отошолъ. Братія, возвратясь изъ церкви, нашли его уже мертвымъ и съ плачемъ припали къ тѣлу его. Это было 7 декабря 1557 года. Преподобный Антоній пришолъ на Сію сорока-двухъ лѣтъ, а тридцать семь провелъ здѣсь въ подвижническомъ житіи и пощеніяхъ.

Житіе этого святаго сочинено постриженникомъ обители, инокомъ Іоною, а хранящееся въ монастырѣ переписано собственною рукою царевича и великаго князя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго. Тамъ же хранится до сихъ поръ евангеліе, писанное рукою самого Антонія, съ мѣдными украшеніями по угламъ и серединѣ, грубой самодѣльной работы, и тутъ же такъ называемое евангеніе *априкосъ*. Евангеліе это, писанное чоткимъ красивымъ полууставомъ, съ рисунками на

каждой страницѣ, изображающими то, о чомъ на той страницѣ повѣствуется: притчи, событія изъ жизни Христа и проч., изумляетъ многотрудностью и чистотою работы. Если писалъ априкосъ одинъ человѣкъ, то это дѣло должно было занять цѣлую, долгую его жизнь. Въ алтарѣ соборнаго храма хранится власяная риза преподобнаго.

Но вотъ продолженіе исторіи бѣдной Сійской обители:

Въ 1601 году привезенъ былъ сюда, по приказанію царя и великаго князя московскаго Бориса Ѳедоровича Годунова, ближайшій родственникъ недавно умершаго царя Ѳеодора Іоанновича, бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ. Привезенъ былъ бояринъ, по народному преданію, вечеромъ; благовѣстили къ вечернѣ. Кибитка остановилась у соборнаго храма; приставъ боярина, Романъ Дуровъ, пришолъ въ алтарь, оставивъ боярина Ѳеодора у дверей. Кончилась вечерня. Игуменъ Іона со всѣми соборными старцами вышолъ изъ алтаря и началъ обрядъ постриженія.

Бояринъ уведенъ былъ на паперть. Тамъ сняли съ него обычныя одежды, оставивъ въ одной сорочкѣ. Затѣмъ привели его снова въ церковь, безъ пояса, босаго, съ непокрытой головой. Пѣлись антифоны, по окончаніи которыхъ боярина поставили передъ святыми дверями, велѣли ему творить три «метанія» Спасову образу и затѣмъ игумену. Іона спрашивалъ по уставу:

— Что пріиде, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святой дружинѣ сей?

Бояринъ безмолвствовалъ. За него отвѣчалъ приставъ Романъ Дуровъ:

— Желаю житія постническаго, святый отче!

— Воистину добро дѣло и блаженно избра, но аще совершиши е; добрая убо дѣла трудомъ снискаются и болѣзнію исправляются. Волею ли своего разума приходиши Господеви?

Бояринъ продолжалъ молчать.

— Ей, честный отче! отвѣчалъ за него приставъ.

— Еда отъ нѣкія бѣды или нужды?

— Ни, честный отче! отвѣчалъ приставъ.

— Отрицаеши ли міра, и яже въ мірѣ, по заповѣди Господни? Имаши ли пребывати въ монастырѣ и пощеніи даже до послѣдняго своего издыханія?

Бояринъ горько зарыдалъ на вопросы эти. Отвѣты, при руководствѣ игумена, досказывалъ за постригаемаго тотъ же приставъ Романъ Дуровъ:

— Ей Богу поспѣшествующу, честный отче!

— Имаши ли хранитися въ дѣвствѣ и цѣломудріи, и благоговѣніи? Сохраниши ли послушаніе ко игумену и ко всей, яже о Христѣ братіи? Имаши ли терпѣти всяку скорбь и тѣсноту иноческаго житія царства ради небеснаго?

— Ей Богу поспѣшествующу, честный отче! завершилъ отвѣтами за боярина приставъ его Романъ Дуровъ.

Затѣмъ слѣдовало оглашеніе малаго образа (мантіи), говорилось краткое поученіе, читались двѣ молитвы; новопостригаемый бояринъ продолжалъ рыдать неутѣшно. Но когда игуменъ, по уставу, сказалъ ему: «пріими ножницы и даждь ми я», бояринъ не повиновался. Многаго труда стоило его потомъ успокоить. На него, послѣ крестообразнаго постриженія, надѣли нижную одежду, положили парамандъ, надѣли поясъ. Затѣмъ обули въ сандаліи и, наконецъ, облекли въ волосяную мантію, со словами:

— Братъ нашъ, *Филаретъ*, пріемлетъ мантію, обрученіе великаго ангельскаго образа, одежду нетлѣнія и чистоты, во имя Отца и Сына и святаго Духа.

— Аминь! отвѣчалъ за Филарета приставъ.

Съ именемъ Филарета, новопоставленный старецъ отведенъ былъ въ трапезу, не получалъ пищи во весь тотъ день и, послѣ многихъ молитвъ, за литургіею слѣдующаго дня пріобщонъ былъ святыхъ таинъ, какъ новый членъ Сійской обители.

О дальнѣйшемъ пребываніи въ монастырѣ и о строгости заключенія можно судить потому, что царь остался не доволенъ первымъ приставомъ, Романомъ Дуровымъ, и прислалъ на мѣсто его другаго пристава, Богдана Воейкова. Этотъ обязанъ былъ доносить обо всемъ, что говоритъ вновь-постриженный бояринъ, не позволялъ никому глядѣть на оглашеннаго *измѣнника,* ни ходить близъ того мѣста, гдѣ онъ былъ заключонъ. Въ Сійскомъ монастырѣ до сихъ еще поръ указываютъ на келью подъ соборнымъ храмомъ съ однимъ окномъ въ стѣнѣ и оконцомъ надъ дверями келью (въ 6 саженъ длины, въ 3 ширины и въ 1 саженъ высоты), въ которой содержался Филаретъ на первыхъ порахъ заточенія. И вотъ что доносилъ объ

немъ черезъ годъ (отъ 25 ноября 1602) приставъ Богданъ Воейковъ царю московскому: «Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: «бояре-де мнѣ великіе недруги, искали-де головъ нашихъ, а иные-де научали на насъ говорити людей нашихъ; а я-де самъ видалъ то не единожды. Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: не станетъ-де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разумново; одинъ-де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльской; къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ... Коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ говоритъ: «милые мои дѣтки-маленьки бѣдныя осталися: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива-ли? Чаю, она гдѣ близко таково же замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ вспомянешь, ино што рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи то слышать, штобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ; и азъ бы тому обрадовался: а чаю, и жена моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною своею душою».

Монастырь былъ строго запертъ отъ всѣхъ богомольцовъ и никто не могъ принести Филарету вѣсти объ его родныхъ, хотя вѣсти эти, въ то время, и могли быть не радостны. Жену его Ксенію Ивановну, также постриженную (съ именемъ Марѳы) сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ; мать ея, тещу Филарета, Шатову, въ Чебоксарскій (Никольскій) дѣвичій монастырь; братьевъ: Александра—въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю, Михаила—въ Ныробскую волость, въ Великую Пермь, Ивана,—въ Пелымъ, Василья—въ Яренскъ, зятя его князя Черкасскаго Бориса съ шестилѣтнимъ сыномъ Филарета, Михаиломъ (будущимъ царемъ)—на Бѣлоозеро, к проч. и проч. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; дома и недвижимое имѣніе отобрали въ казну. Одинъ изъ братьевъ Филарета, Василій (сосланный въ Яренскъ), послѣ многихъ мученій отъ пристава Некрасова, и соединенный въ Пелымѣ съ братомъ Иваномъ, скончался отъ долговременной болѣзни (15 февраля 1602). Михаила Никитича, отличавшагося дородствомъ, ростомъ и необыкновенною силою, сторожа, по преданію, уморили голодомъ. Александръ Никитичъ умеръ отъ горести и отъ скудости содержанія. Иванъ, лишившійся владѣнія рукою и

едва передвигавшій отъ недуговъ ноги, первый получилъ смягченіе приговора: ему царь, 1602 г., милостиво указалъ ѣхать въ Уфу на службу, оттуда въ Нижній-Новгородъ и, наконецъ, въ Москву. За нимъ оставленъ былъ надзоръ, но уже безъ имени злодѣя. Смягчонъ былъ приговоръ и надъ Филаретомъ.

Вотъ какая грамота прислана была въ монастырь изъ Москвы отъ 22 марта 7113 (1605) года: «Отъ царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всея Россіи въ Сійской монастырь игумену Іонѣ. Въ нынѣшномъ 7113 году марта въ 16 день писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что февраля-де въ 7 день сказывалъ ему, старецъ Илинархъ, да старецъ Леванидъ, февраля-де въ 3 день въ ночи старецъ Филаретъ его старца Илинарха лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи его выслалъ вонъ и въ келью ему старцу Илинарху къ себѣ и за собою ходити никуды не велѣлъ. А живетъ-де старецъ Филаретъ безчинствомъ не по монашескому чину: всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, а къ старцамъ жестокъ, и старцы приходятъ къ нему, Богдану, на того старца Филарета всегда съ жалобою, что лаетъ ихъ и бить хочетъ. А говоритъ-де старцамъ Филаретъ старецъ: увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ. А нынѣ-де и въ великой постъ у отца духовнаго тотъ старецъ Филаретъ не былъ и къ церкви и къ тебѣ на прощенье не приходитъ и на клиросѣ не стоитъ. А около-де монастыря ограды у васъ нѣтъ, а межь келій-де отъ всякой кельи изъ монастыря къ озеру изъ дровениковъ двери и крѣпости-де ни которыя около монастыря нѣтъ, а ограду-де монастырскую велѣли вы свезть на гумно и онъ-де Богданъ тебѣ и келарю говорилъ, чтобы вы около монастыря ограду велѣли поставить и межь келій отъ дровениковъ двери задѣлать и вы-де около монастыря ограды поставити и дверей задѣлати не велите, и сторожу-де ты, который стоитъ у воротъ, ходити къ нему и про прохожихъ про всякихъ людей сказывати ему и дѣтемъ боярскимъ не велишь. А прежде-де сего старецъ, приходя къ нему, про всякихъ прохожихъ людей сказывалъ, кто какой человѣкъ и откуда пришолъ и онъ потому къ старцу Филарету и береженье держалъ. И о которыхъ-де онъ о нашихъ дѣлѣхъ тебѣ и келарю говорилъ и вы-де нашего наказу не слушаете и ставите ни во что, а сказываешь-де у

себя наказъ свой и въ монастырь пріимаете всякихъ прохожихъ людей иныхъ городовъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ старцу Филарету велѣлъ жити съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жити старцу Леваниду и къ церквѣ старцу Филарету велѣлъ ходить вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, и береженье къ нему держалъ во всемъ, чтобы онъ былъ у тебя въ послушаньѣ и жилъ бы по монастырскому чину и не безчинствовалъ и о томъ бы еси ему говорилъ. Только буде онъ не причащался святыни въ нынѣшной постъ и то дѣло чуже крестьянства и во всемъ бы ему разсматривалъ, чтобъ онъ жилъ во всемъ по иноческому обѣщанію, а отъ дурни его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему ни котораго не дѣлалъ. А на котораго старца бьетъ челомъ и ты бъ тому старцу жити у него не велѣлъ. Съ которыхъ нашихъ дѣлехъ учнетъ тебѣ Богданъ говорить по нашему наказу и ты бы и келарь о нашихъ дѣлахъ съ нимъ совѣтовали и розни бъ у васъ безлепачныя ни въ чемъ не было и въ оплошку бы нашего дѣла не ставили. А буде ограда около монастыря худа и ты бы ограду велѣлъ подѣлати: безъ ограды монастырю быти непригоже, и межь келій двери задѣлати. А которые люди учнутъ къ тебѣ приходити, и ты бы имъ велѣлъ приходити въ переднюю келью, а старецъ бы въ ту пору былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ. А незнаемыхъ бы еси людей къ себѣ не пущалъ, и ни гдѣ бы старецъ Филаретъ съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился, а о всемъ бы еси береженье старца Филарета разсматривая его совѣтовалъ съ Богданомъ Воейковымъ, чтобъ старецъ Филаретъ въ смуту не пришолъ и изъ монастыря бы не убѣжалъ, и жилъ бы во всемъ смирно по монастырскому чину, а Богдану бы еси Воейкову велѣлъ очистити келью подлѣ себя, а отъ насъ о томъ Богдану писано-жь. Велѣно ему о всемъ говорити и совѣтовати съ тобою, а однолично бъ у васъ во всемъ было бережно. А о чемъ къ тебѣ въ сей нашей грамотѣ писано, и то бъ у тебе было тайно. И учинится какая смута въ старцѣ и не учнетъ жити по монастырскому чину, или изъ монастыря уйдетъ, или какое лихо надъ собою учинитъ, и то сдѣлается твоимъ небреженіемъ и оплошкою. Да что старецъ Филаретъ будучи у тебя, учнетъ о чемъ разговаривати, какіе прилучные разговоры—и ты бъ о томъ

отписывалъ къ намъ, а отписки велѣлъ отдавать въ посольскомъ приказѣ діаку нашему Аѳанасью Власьеву».

По ходатайству ли зятя Романовыхъ, Ивана Ивановича Годунова, или движимый общею любовью и сочувствіемъ народа къ опальнымъ, Борисъ началъ снимать съ Романовыхъ опалу. Княгинѣ Черкасской Марѳѣ Никитишнѣ съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича велѣлъ жить въ отчинѣ Романовыхъ, въ селѣ Клинѣ (Юрьевскаго уѣзда). Здѣсь, лишонный отца и матери, выросталъ и будущій царь Россіи Михаилъ Ѳедоровичъ. Въ 1605 г. Борисъ велѣлъ, наконецъ, посвятить Филарета въ іеромонахи и сдѣлать архимандритомъ. Въ томъ же году, но уже новый царь, Лжедмитрій, вызвалъ Филарета (послѣ шестилѣтняго заточенія) и далъ ему санъ митрополита Ростовскаго, «его же тогда едва священнымъ соборомъ умолиша», прибавляютъ хронографы.

Филаретъ соединился съ женою и сыномъ: они поселились въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Сдѣлавшись впослѣдствіи патріархомъ всероссійскимъ, Филаретъ Никитичъ не забылъ бѣдной Сійской обители. Онъ прислалъ сюда слѣдующіе подарки: 1) паникадило большое о 24 рамахъ, 2) яицо строфокамилово въ 104 руб. 60 коп. (подъ паникадило), 3) ризу атласу золотаго по червчатой землѣ, 4) потиръ серебряной, 5) дискосъ, 6) три блюда чеканныхъ, 7) звѣзду рѣзную и копье, 8) складни на двухъ доскахъ съ окладомъ серебрянымъ, 9) кисть для паникадила разныхъ шелковъ съ золотомъ, и 10) сто рублей деньгами. Къ монастырю, по его же ходатайству, въ разное время приписано царемъ 3,333 души крестьянъ *).

И вотъ послѣдующія событія въ исторіи Сійскаго монастыря въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они означены въ монастырской книгѣ «Памятникъ».

$\frac{7160}{1652}$ г., мая 2-го, митрополитъ Никонъ, проѣзжая въ Соловки за мощами св. Филиппа, служилъ литургію.

---

*) Между многими приношеніями, въ монастырѣ находится евангеліе, присланное въ даръ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, на память посѣщенія монастыря въ іюнѣ 1844 г. Евангеліе это въ серебряной оправѣ съ финифтяными образами, украшенными стразами.

1658 г. монастырь сгорѣлъ и братія едва не разбрелась по другимъ монастырямъ.

1692 г. патріаршій казначей, старецъ Паисій, завѣщалъ монастырю крестъ Господень, въ коемъ кровь и власы и риза Христова, честное и святое древо и много мощей, и четыре сундука, которые вскрылъ въ 1696 году архіепископъ Аѳанасій и нашолъ въ нихъ: евангеліе априкосъ (см. выше) и десять рукописныхъ хронографовъ.

Далѣе въ «Памятникѣ» слѣдуетъ рядъ грамотъ. По одной (отъ Владислава Жигимонтовича) дарована льгота не платить пошлины съ дощаниковъ, которые ходятъ съ Холмогоръ съ солью къ Вологдѣ для монастырскія хлѣбныя нужды. Ту же льготу повторилъ въ 1613 году и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. По грамотѣ 1621 г. «монастырскихъ прежнихъ грамотъ важескимъ головамъ рудить» не велѣно. Въ 1644 г. прислана грамота о невзиманіи пошлинъ съ продаваемой въ Москвѣ монастырской рыбы. Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ дозволилъ безпошлинно продавать монастырское сало и рыбу и на тѣ деньги покупать хлѣбные и другіе запасы. Въ 1657 г. со старцовъ не велѣно брать проѣзжихъ пошлинъ. Въ 1660 г. прислана въ монастырь послушная о дозволеніи написать въ монастырѣ св. иконы иконописцу Ѳедору Усольцу. Въ 1662 году дозволено монастырю купить въ Неноксѣ соляную варницу. Въ 1672 году патріархъ Іосифъ указалъ игумену Ѳеодосію избрать попа и дьячка съ Двины и послать ихъ на Новую-Землю для богослуженія.

---

27 января 1857 года я оставилъ монастырь Сійской. 28-го числа мелькнула мимо и осталась назади граница Архангельской губерніи, которую привелось изъѣздить вдоль и поперекъ и истратить на все это долгое время цѣлаго года. Разстался

я теперь съ недавнею знакомою, разстался, можетъ быть, навсегда, и грустно бы, тосковать..., но на душѣ такъ весело, на сердцѣ такъ легко и пріятно.

Разболтался я съ ямщикомъ съ послѣдней архангельской (Дениславской) станціи и повѣдалъ ему тутъ же о своей радости, безъ обиняковъ, прямо и откровенно...

— Вотъ — слава Богу! — изъ Архангельской губерніи выбрался; цѣлый годъ она меня мучила, цѣлый годъ ни днемъ, ни ночью не давала покою.

— А зачѣмъ твоя милость туда ѣздила?

Я разсказалъ ему во всей подробности.

— Ну, стоило же, паря, для экаго дѣла свои кости ломать! Нечего же, гляжу, вамъ тамъ въ Питерѣ-то, дѣлать. На-ко мѣсто какое обвалялъ! Добро бы ужъ снаряды, лодки и суда ты тамъ смотрѣлъ — это стало, можетъ, такъ надо. Ну, а пѣсни-то тебѣ на кой чортъ?

— Да мнѣ, братъ, иная пѣсня пуще всякихъ судовъ, пуще всѣхъ рыболовныхъ снарядовъ.

— Ну, это ты врешь — смѣешься!

— Ей-Богу!

— Да чего тебѣ въ пѣснѣ? Пѣсню, извѣстно, дѣвка поетъ, потому ей пѣть надо — работа спорится. Опять же нашъ братъ ямщикъ пѣсню поетъ оттого, что пять-шесть на голосъ подниметъ да вытянетъ—гляди, въ мысляхъ-то его перегонъ на станціи и порѣшился. Тпру пріѣхали значитъ. Въ кабакахъ пѣсню поютъ потому, что тамъ вино, а въ немъ духъ, сила... Опять же пѣсню эту убогій человѣкъ, калика-перехожая поетъ, такъ тотъ на пѣсни на эти деньги собираетъ. Ему это и надо, а тебѣ-то пошто?

— Мнѣ вотъ эти стариковскія-то пѣсни и краше всѣхъ, любопытнѣе.

— Ну, да это пущай такія поются, что все-либо про духовное, либо про старину. Въ этой и сказку услышишь и простоишь тутъ долго—это занятно. Ну, а пошто ихъ писать-то, пошто? Это мнѣ невдомекъ. Ну, да ладно, знать, ты господинъ, такъ у тебя и толкъ отъ господской, особенной. А что радошно тебѣ теперь назадъ ворочаться такъ это опять же ужъ у всѣхъ одно. И я вонъ ужо назадъ поѣду — въ кабакъ безотмѣнно заверну, коли твоя милость побольше на водочку пожалуетъ.

Проситъ на водочку и этотъ ямщикъ, и всѣ другіе. Суетливо, скоро и ловко впрягаютъ они лошадей, и видно поразвернулатаки ихъ большая почтовая дорога съ чистой работой, и не слежались ихъ кости, и горошкомъ вскакиваютъ они на свое дѣло. Они и смотрятъ какъ-то весело, и въ рѣчахъ бойчѣе, и на отвѣты находчивѣе и на жизнь, судя по словамъ ихъ, смотрятъ какъ-то равнодушнѣе и простосердечнѣе, чѣмъ всѣ тѣ, съ которыми привелось мнѣ водиться во весь прошлый годъ.

Съ Диниславской станціи началъ народъ покрѣпче прицоковать и меньше бросаетъ въ разговоръ словъ непонятныхъ и новыхъ. Подъ Каргополемъ тотъ же ямщикъ, возсѣдающій на козлахъ, та же баба, раздувающая угли въ самоварѣ на станціи, нѣтъ нѣтъ, да и придзекнутъ по новгородски, по волховски.

Въ послѣдній разъ и какъ бы послѣднимъ привѣтомъ и напоминаньемъ сверкнула вдалекѣ справа своимъ порожистымъ колѣномъ давно знакомая Онега, незамерзающая въ этихъ мѣстахъ во всю зиму. Но тутъ уже не далеко озеро Лаче, изъ котораго она беретъ свое начало, и далеко ея устье со скучнымъ городкомъ Онегою, съ пустыннымъ и гранитнымъ Кійостровомъ и съ выгорѣвшимъ Крестнымъ монастыремъ на немъ...

Выясняются новые виды, новыя мѣста; погуще и подлиннѣе тянутся при дорогѣ лѣсные переволоки; меньше попадается рѣкъ, хотя больше озеръ; чаще и обширнѣе деревушки. Какъбудто самый воздухъ не такъ уже тяжолъ для дыханія и холодъ словно умѣряетъ свою ярость и силу; меньше снѣгу, меньше пустырей; рѣже кресты на перекресткахъ; но больше раскольниковъ и много новаго, много своего, олонецкаго, и какъ будто, на первый взглядъ, лучшаго; можетъ быть, оттого и лучшаго, что все это ново, невиданное и неслыханное.

Лучше самаго губернскаго города архангельскаго края глядитъ первый по пути олонецкій городъ Каргополь. Обстроился онъ множествомъ большихъ, красивыхъ и богатыхъ церквей, какъ бы Галичъ, какъ бы Ростовъ или Угличъ (17 церквей, 2 монастыря), и ведетъ сильную и бойкую торговлю мѣхами (преимущественно бѣлкою) и рыжиками. Но и здѣсь, въ этомъ городѣ, воспоминанія о политическихъ ссыльныхъ продолжаютъ преслѣдовать: вспоминается А. И. Шуйскій, котораго сослалъ

сюда Годуновъ и велѣлъ удавить, Болотниковъ, атаманъ Ѳедоръ Нагиба и другіе мятежники временъ междуцарствія, которыхъ здѣсь велѣно было тайно утопить.

Ѣдешь изъ Каргополя и въ летучихъ наскоро-сложонныхъ бесѣдахъ слышишь про многое интересное впереди. Одни совѣтуютъ посѣтить водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державинымъ, именно теперь въ зимнее время, когда онъ особенно картинно-страшенъ и живописенъ. Другіе говорятъ про Чортовъ Носъ на озерѣ Онегѣ, гдѣ будто бы по прибрежному граниту вырѣзаны изображенія чертей когда-то, въ вѣка незапамятные. Третьи обѣщаютъ множество преданій о Петрѣ, построившемъ въ здѣшномъ краю заводъ, названный его именемъ и возведенный потомъ на степень и значеніе губернскаго города. По деревнямъ начинаешь уже слышать преданія о лѣсовикахъ, домовыхъ и водяныхъ, обусловленныхъ общимъ и меткимъ прозваніемъ *нéжить*. Многое новое, и интересное новое, манило впереди: манила Корела, пугающая самую дальную Русь своими колдовствами и крѣпкими чарами, которыми занимаются они съ незапамятныхъ временъ; манила дальная рѣка Выгъ, корень раскола, сильный и толковый корень, пустившій надежные и крѣпкіе отпрыски по дальнымъ и безконечно-многимъ мѣстамъ нашего огромнаго отечества; соблазнила собою и скорая (въ мартѣ) шунгская ярмарка, гдѣ бы еще разъ привелось встрѣтиться съ поморами, мерзлою рыбою и огромными артелями слѣпыхъ старцовъ, по цѣлымъ недѣлямъ распѣвающихъ свои старины, свои досельныя историческія преданія о князьяхъ новгородскихъ, богатыряхъ кіевскихъ, грозномъ царѣ московскомъ и о Петрѣ Великомъ....

Но опять-таки истекалъ казенный годъ, назначенный для путешествія; Петербургъ волей неволей требовалъ въ свою суетливую, многотрудную жизнь, требовалъ на отвѣтъ и отчотъ...

И вотъ мелькаетъ мимо богатая и красивая Вытегра со шлюзами и каналомъ, съ памятникомъ Петру Великому на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обдумывалъ планъ Маріинской системы каналовъ; мелькаетъ бѣдное, но людное Поле-Лодейное—*Лодейное* за тѣмъ, что здѣсь была когда-то знаменитая во времена Петра Великаго олонецкая верфь *лодейная* и корабельная, верфь, изъ которой вышли первые русскіе корабли подъ импе-

раторскимъ флагомъ. И здѣсь опять памятникъ Петру Великому, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ его.

И опять-таки *мелькаетъ* большая и приглядная Новая-Ладога со шлюзами же, съ каналами, маленькій Шлиссельбургъ съ такими же шлюзами... И вотъ за Шлиссельбургомъ длинная цѣпь дачъ, заводовъ, фабрикъ, вотъ петербургская Нева, Невскій монастырь, Невскій проспектъ и — вожделѣнный

КОНЕЦЪ ПУТЕШЕСТВІЮ.